Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Туманы Авалона

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Туманы Авалона

Сканировал и создал книгу

mefysto

Мэрион
Зиммер
БРЭДЛИ

Книга первая

Владычица магии

•

Книга вторая

Верховная королева

•

Книга третья

Король-олень

•

Книга четвертая

Пленник дуба

Москва
«ЭКСМО»
2002

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Туманы Авалона

Москва
«ЭКСМО»
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Б 87

Marion Zimmer BRADLEY
THE MISTS OF AVALON

Copyright © 1982 by Marion Zimmer Bradley

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Брэдли М. З.
Б 87 Туманы Авалона: Фантастический роман / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 1024 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-01653-8

Эта полная мужества, любви и печали повесть рассказывает о тех годах, когда мир бога христиан еще не вытеснил с полотна времен мир фэйри, и магия была делом обыденным. Когда король Артур, возведенный на трон Владычицей Авалона, нарушил клятву и тем самым раз и навсегда изменил судьбу Британии, когда Фату Моргану еще называли просто Моргейной, герцогиней Корнуолла, и не считали злой колдуньей и когда тайное течение рек жизни еще подчинялось воле посвященных. Теперь все думают, что это легенды, сложенные сладкоречивыми бардами в надежде на кров и благоволение королей. Но это все было. И вот как было оно.

Роман «Туманы Авалона» американские и европейские любители фантастики ставят в один ряд с «Властелином Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Теперь и у российских читателей есть возможность убедиться, справедливо ли это.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© ООО «Издательство «Эксмо».
Издание на русском языке, оформление. 2002
© С. Лихачева, О. Степашкина. Перевод. 2002

ISBN 5-699-01653-8

...Фея Моргана замуж не вышла, и жила в обители, и там обучилась она столь многому, что стала великой владычицей магии.

Т. Мэлори. «Смерть Артура»

Благодарности

Любая книга подобной сложности вынуждает автора обратиться к источникам столь многочисленным, что перечислить их все просто невозможно. В первых строках я, пожалуй, сошлюсь на моего покойного деда, Джона Роско Конклина: он первым вручил мне старый истрепанный томик «Сказаний о короле Артуре» Сидни Ланьера; я столько раз перечитывала эту книгу, что к десяти годам практически заучила ее наизусть. Воображение мое питали также разнообразные источники вроде иллюстрированного еженедельного издания «Сказаний о принце Отважном», а на пятнадцатом году жизни я удирала с уроков куда чаще, чем подозревали мои близкие, чтобы, спрятавшись в библиотеке Министерства образования города Олбани, штат Нью-Йорк, продираться сквозь десятитомное издание «Золотой ветви» Джеймса Фрэзера и сквозь пятнадцатитомную подборку по сравнительному религиоведению, куда, между прочим, входил и внушительный труд, посвященный друидам и кельтским верованиям.

В том, что касается непосредственной подготовки первого тома, мне следует поблагодарить Джеффри Эша, чьи книги подсказали мне несколько возможных направлений исследования, а также Джейми Джорджа, владельца книжного магазина «Готик Имидж» в Гластонбери, который помог мне разобраться в географии Сомерсета, объяснил, где находились Камелот и королевство Гвиневеры (в рамках данной книги я исхожу из популярной теории о том, что Камелот — это замок Кадбери в Сомерсете), и устроил мне экскурсию по Гластонбери.

Что касается христианства до Августина, я с разрешения автора использовала неопубликованную рукопись отца Рандалла Гаррета под названием «Литургия доконстантиновой эпохи: предположения»; обращалась я также и к текстам сиро-халдейского богослужения, включая сочинение святого Серапиона, равно как и к литургическим текстам местных обществ христиан святого Фомы и доникейских католических групп. Отрывки из Священного Писания, в частности, те, где речь идет о Пятидесятнице, и величание Богородицы мне перевел с греческого Уолтер Брин; хотелось бы также сослаться на книгу «Западная традиция таинств» Кристины Хартли и «Авалон сердца» Дионы Фортьюн.

Любые попытки восстановить религию дохристианской Британии основаны лишь на предположениях и догадках; те, кто пришел

следом, не пожалели усилий, стараясь уничтожить все следы. Ученые настолько расходятся во мнениях, что я даже не извиняюсь за то, что среди различных источников выбирала наиболее подходящие для моего художественного замысла. Я прочла работы Маргарет Мюррей (при том, что рабски им не следовала) и несколько книг о гарднеровской «Викке». За возможность ощутить дух обрядов я хотела бы с признательностью поблагодарить местные неоязыческие общества: Алисон Гарлоу и «Завет Богини», Выдру и Вьюнок Зелл, Айзека Боунвитса и «Новореформированных друидов», Робина Гудфеллоу и Гайю Уайлдвуд, Филипа Уэйна и книгу «Кристальный источник» и Стархью, чья книга «Спиральный танец» оказала мне неоценимую помощь в моих попытках вычислить, в чем именно состояло обучение жриц; а за персональную и эмоциональную поддержку (включая утешения и массаж спины) в процессе написания книги — Диану Пакссон, Трейси Блэкстоун, Элизабет Уотерс и Анодею Джудит из «Круга Темной Луны».

И наконец, мне хотелось бы выразить глубочайшую признательность моему мужу, Уолтеру Брину, который однажды, в переломный момент моей карьеры, сказал: «Хватит писать беспроигрышную халтуру!» — и обеспечил мне необходимую для того финансовую поддержку; а также Дону Воллхейму, за неизменную веру в мои силы, и его жене Элси. С любовью и благодарностью говорю я спасибо Лестеру и Джуди-Линн дель Рей — они помогли мне преодолеть зависимость от привычных форм, а к этому обычно приходишь с трудом. И последним — в порядке очередности, но отнюдь не по значимости — я благодарю моего старшего сына Дэвида за тщательную подготовку окончательного варианта рукописи.

Пролог

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Какими только именами меня не называли за долгую мою жизнь: сестра, возлюбленная, жрица, ведунья, королева... Вот теперь я воистину стала ведуньей; может статься, придет время, когда обо всем этом людям должно будет узнать. Однако ж, по правде говоря, думается мне, что последними повесть эту перескажут христиане. Ибо мир фэйри неуклонно отступает все дальше от мира, где правит Христос. На Христа я не в обиде; но лишь на его священников: они называют Великую Богиню демоном и отрицают, что свет когда-либо пребывал под ее властью. Или в лучшем случае говорят, что власть ее — от сатаны. Или облекают ее в синие одежды госпожи из Назарета — которая и впрямь обладает некоторым могуществом, спорить не буду, — и утверждают, будто она всегда была девой. Но что может девственница знать о скорбях и тяготах рода людского?

А теперь, когда мир изменился безвозвратно и Артур — брат мой, мой возлюбленный, король былого и грядущего — покоится мертвым (простецы говорят, спит) на Священном острове Авалон, историю сию должно рассказать так, как все было на самом деле, прежде чем служители Христа Непорочного пришли и наполнили ее собственными святыми и всяческим вымыслом.

Ибо, как говорю я, мир изменился безвозвратно. Были времена, когда путешественник, при желании и зная лишь малую толику тайн, мог вывести ладью в Летнее море и приплыть не в Гластонбери, не в обитель монахов, но на Священный остров Авалон; ведь в ту пору врата между мирами парили в туманах и были открыты и пропускали странника из одного мира в другой, покорные его мыслям и воле. Ибо сию великую тайну в наши дни знали все ученые люди: помыслами своими мы создаем окружающий нас мир, всякий день и час — заново.

А теперь священники, недовольные сим посягательством на власть их Господа, создавшего мир раз и навсегда неизменным, затворили двери (что никогда дверями и не были, разве что в людских представлениях), и тропа ведет ныне разве что на остров Монахов, защищенный звоном церковных колоколов — звон этот отгоняет все помышления об ином мире, который таится во тьме. Воистину, утверждают святые отцы, если иной мир и в самом деле существует, так то — вотчина сатаны и врата ада, если не сам ад.

Невзирая на все слухи и сплетни, никогда я не имела дела с христианскими священниками и в жизни своей не одевалась в черные платья их невольниц-монахинь. Если при Артуровом дворе в Камелоте меня порою таковой и считали (ибо всегда носила я темные одежды Великой Матери), так я не пыталась никого разуверить. Ближе к концу Артурова царствования сказать правду — означало бы навлечь на себя немалую

опасность, так что я поневоле стала подстраиваться под обстоятельства; а вот госпожа моя и наставница никогда бы до такого не унизилась — Вивиана, Владычица Озера, некогда — лучший друг Артура, не считая меня; а позже — злейший враг, опять-таки не считая меня же.

Но борьба окончена; и смогла я наконец признать в Артуре, лежащем на смертном одре, не заклятого своего врага и врага Богини, но лишь брата и умирающего, что так нуждается в помощи Матери; все люди рано или поздно приходят к тому же. Даже священники это знают, ибо их вечно девственная Мария в синих одеяниях тоже в час смерти становится Матерью Мира.

И вот Артур наконец-то склонил голову мне на колени, видя во мне не сестру, и не возлюбленную, и не врага, но лишь жрицу, Владычицу Озера, и упокоился на груди Великой Матери, которая произвела его в мир и к которой наконец должен он возвратиться, как заповедано смертным. И, может статься, пока направляла я ладью, уносящую его прочь, — на сей раз не на остров Монахов, но на истинный Священный остров, что таится во мраке мира за пределами нашего, на тот остров Авалон, куда ныне мало кому открыт путь, кроме меня, — Артур раскаялся в том, что враждовал со мною.

Рассказывая сию повесть, я поведаю заодно и о тех событиях, что произошли, когда я была слишком мала, чтобы понять, в чем дело, и о том, что случилось, когда меня рядом не было; и слушатели, верно, отвлекутся, говоря: «Да это все ее магия». Но я всегда обладала даром Зрения, умела читать в мыслях мужчин и женщин, — тем паче тех, с кем была близка. Порою все, о чем они думали, так или иначе становилось известным и мне. Вот я и поделюсь тем, что знаю.

Ибо в один прекрасный день священники тоже перескажут сию историю так, как она известна им. И, может статься, где-то между тем и этим забрезжит слабый свет истины.

Но вот о чем священники не ведают, со своим Единым Богом и единой истиной: правдивых историй не бывает. Правда имеет много обличий; правда — что древняя дорога на Авалон, куда заведет тебя — зависит от твоего желания и твоих собственных помыслов, от тебя зависит — окажешься ли ты в итоге на Священном острове Вечности или среди священников с их колоколами, смертью, сатаной, адом и вечным проклятием... но, может статься, я и к ним несправедлива. Даже Владычица Озера, ненавидевшая священников, как ядовитых змей, — и ведь не без причины! — однажды отчитала меня за то, что я дурно отозвалась о христианском Боге.

«Ибо все Боги суть единый Бог», — сказала она мне тогда, как внушала много раз до того, и как сама я вразумляла своих послушниц не раз и не два, и как всякая жрица, что придет мне на смену, повторит снова и снова: «Все Богини — суть единая Богиня, и есть лишь одно Первоначало. Каждому — своя истина, в каждом — свой Бог».

Так что, наверное, правда живет где-то между дорогой в Гластонбери, на остров Монахов, и тропою на Авалон, навеки затерянной в туманах Летней страны.

Но вот вам моя правда: я, Моргейна, расскажу вам все, как знаю, — Моргейна, которую впоследствии прозвали Феей Морганой».

Книга I

ВЛАДЫЧИЦА МАГИИ

Глава 1

Игрейна, супруга герцога Горлойса, выходила на мыс, глядя на море. Всматриваясь в клубящийся туман, она размышляла про себя: ну и как тут угадаешь, когда день сравняется с ночью, чтобы отпраздновать приход Нового года? В этом году весенние шторма разбушевались не на шутку, дни и ночи напролет замок сотрясался от грохота моря, так что ни мужчины, ни женщины глаз сомкнуть не могли и даже гончие псы жалобно поскуливали.

Тинтагель... кое-кто до сих пор верил, что замок воздвигли на скалах с помощью магии. Герцог Горлойс немало потешался над этим: дескать, будь у него хоть малая толика этой самой магии, он бы сделал так, чтобы море не наступало на побережье из месяца в месяц. Вот уже четыре года — с тех самых пор, как Игрейна приехала сюда молодой женою Горлойса — на ее глазах корнуольское море пожирало землю, — добрую, плодородную землю. Длинные гряды черного камня, изрезанные и острые, протянулись, точно жадные руки, от берега в океан. Под лучами солнца он блистал и искрился, небеса и водная гладь сияли так же ярко, как драгоценности, которыми осыпал ее Горлойс в тот день, когда Игрейна призналась мужу, что носит их первого ребенка. Вот только Игрейне они не нравились. Сейчас на ней была лишь подвеска, подаренная ей на Авалоне: лунный камень, что порою отражал сверкающую синеву неба и моря. Но в тумане, как вот сегодня, даже драгоценный кристалл словно померк.

В тумане звук разносился далеко. Игрейне, что смотрела с мыса в сторону большой земли, казалось, будто она слышит цокот копыт лошадей и мулов и перекличку голосов — человеческих голосов — здесь, в отрезанном от всего мира Тинтагеле, где жили лишь козы да овцы, да пастухи с собаками, да еще дамы замка, а при них — несколько прислужниц и стариков для охраны и защиты.

Игрейна развернулась и медленно побрела назад, к замку. Как всегда, молодая женщина чувствовала себя совсем крошечной и ничтожной в тени этих огромных и грозных древних камней в самом конце длинного, уходящего в море мыса. Пастухи твердили, будто замок некогда возвели Древние, обитатели по-

гибших земель Лионесса и Ис; в ясный, погожий день, рассказывали рыбаки, под водой можно разглядеть вдалеке их старинные чертоги. Но Игрейне казалось, что это — лишь каменные утесы, былые холмы и горы, поглощенные наступающим морем, что и ныне глодало скалы в основании замка. Здесь, на краю света, где волны без устали бьют в берег, так просто было поверить в затонувшие земли. Рассказывали об огромной огненной горе где-то далеко на юге, что однажды изрыгнула пламя и уничтожила целый край. Игрейна не знала, правда эти рассказы или нет.

Да, в тумане и впрямь слышались голоса. Вряд ли это свирепые разбойники из-за моря или с дикого побережья Эрин. Давно минули те времена, когда приходилось вздрагивать при каждом подозрительном звуке и шарахаться от любой тени. И это не герцог, ее супруг; он далеко на севере, сражается с саксами бок о бок с Амброзием Аврелианом, Верховным королем Британии; соберись он вернуться, он бы прислал гонца.

Страшиться нечего. Будь всадники настроены враждебно, их бы уже остановили солдаты и стража форта, что выстроен на мысе ближе к большой земле; герцог Горлойс поставил там своих людей охранять его жену и ребенка. Чтобы пробиться мимо них, потребовалась бы целая армия. А кто станет посылать армию против Тинтагеля?

Были времена, без тени горечи вспоминала Игрейна, неспешно вступая в замковый двор, когда она узнала бы загодя, кто едет к замку. Впрочем, теперь мысль эта ее почти не удручала. С тех пор как родилась Моргейна, молодая женщина уже не плакала о доме. А Горлойс неизменно был к ней добр. Терпением и лаской смирил он ее первоначальные страхи и ненависть, осыпал ее драгоценностями и дорогими, добытыми в бою подарками, окружил ее прислужницами и неизменно обращался с ней как с равной — кроме как на военных советах. Могла ли она требовать большего? Впрочем, выбора у нее не было. Дочь Священного острова поступает так, как нужно для блага ее народа: означает ли это смерть на жертвенном алтаре, или потерю девственности в ритуале Великого брака, или замужество, скрепляющее политический союз. Именно такой удел и выпал Игрейне: она стала женой герцога Корнуольского, считающего себя гражданином Рима и живущего по римским обычаям — пусть даже римляне давно покинули Британию.

Игрейна приспустила с плеч плащ; во внутреннем дворе было теплее, пронизывающий ветер туда не задувал. Туман всколыхнулся и растаял, и на мгновение пред нею возникла сотканная из белесого марева фигура: ее сводная сестра Вивиана, Владычица Озера, Владычица Священного острова Авалон.

— Сестра! — Голос ее дрогнул. Игрейна прижала руки к

груди, осознав, что вовсе не прокричала эти слова вслух, а лишь прошептала чуть слышно. — Это в самом деле ты?

Вивиана укоризненно глянула на нее. Слова тонули в реве ветра за стенами.

— *Ты отказалась от Зрения, Игрейна? По доброй воле?*

— Кто, как не ты, назначила мне выйти замуж за Горлойса... — отпарировала Игрейна, больно задетая несправедливым упреком. Образ сестры задрожал, заколыхался, слился с тенями и растаял, словно его и не было. Молодая женщина заморгала: мимолетное видение исчезло. Она поплотнее закуталась в плащ: холод, ледяной холод пронизывал ее насквозь, ведь видение набирало силу, черпая тепло и жизнь ее собственного тела. «*А я и не знала, что до сих пор могу видеть вот так... Я была уверена, что этот дар я утратила...*» — подумала про себя Игрейна. И неуютно поежилась: отец Колумба сочтет это кознями дьявола, а ей, хочешь не хочешь, придется исповедаться. Здесь, на краю света, священники снисходительны, что правда, то правда; однако видение, да еще такое, в котором отказываешься покаяться, непременно объявят бесовским наваждением.

Игрейна нахмурилась: да, ее навестила сестра — при чем тут, скажите на милость, дьявольские козни? Отец Колумба волен говорить что угодно, хотелось бы верить, что его Бог мудрее, чем он сам. Что, в общем-то, нетрудно, хихикнула про себя Игрейна. Неудивительно, что отец Колумба стал служителем Христа: ни одна школа друидов не приняла бы к себе такого тупицу. А Богу Христу, похоже, дела нет до того, бестолков священник или смышлен, лишь бы умел пролопотать службу, да мало-мальски читать-писать. Сама Игрейна по части книжной учености далеко превосходила отца Колумбу и по-латыни при необходимости изъяснялась не в пример лучше. Однако светочем знания она себя отнюдь не считала: у нее недостало духу постичь сокровенную мудрость Древней религии и углубиться в таинства дальше того предела, что предписан дочери Священного острова. И тем не менее, хотя в любом храме Таинств ее сочли бы невеждой, среди романизированных варваров она вполне могла сойти за образованную даму.

В небольшой комнатушке с окнами, выходящими на внутренний двор, где в ясные дни светило солнце, сидела за прялкой ее младшая сестра, Моргауза. В этой тринадцатилетней девочке, одетой в бесформенное домашнее платье из некрашеной шерсти и старый пропыленный плащ, уже угадывалась будущая женщина. Она неохотно вращала веретено и сматывала неровную нить на вихляющееся мотовило. На полу у огня Моргейна катала старое веретенце вместо мячика, следя, как шероховатый цилиндр выписывает сложные узоры, и подталкивала его пухлым пальчиком то туда, то сюда.

— Ну сколько можно прясть? — пожаловалась Моргауза. — У меня уж все пальцы разболелись! Пряду, пряду, пряду с утра до вечера, прямо как служанка какая-нибудь!

— Любая дама должна уметь прясть, — упрекнула девочку Игрейна, памятуя о долге старшей сестры, — а у тебя не нить, а сплошной позор: то утончается, то утолщается... Руки перестанут уставать, как только приноровятся к работе. А вот если пальцы ноют, это верный знак того, что кто-то ленится: значит, к труду привычки нет. — Она забрала у Моргаузы веретено с мотовилом и легко, словно играючи, его крутнула: неприглядная пряжа под ловкими пальцами Игрейны свилась в ровную, безупречного качества нить. — Вот, гляди: не так все и сложно, и за прясло цеплять вовсе незачем... — И вдруг молодой женщине отчаянно надоело вести себя так, как предписывает долг. — Впрочем, так и быть, отложи прялку. Еще до вечера здесь будут гости.

— Я ничего не слышала, — удивленно захлопала глазами Моргауза. — Ни о каких гонцах с известием!

— Не удивляюсь, — отозвалась Игрейна, — потому что никаких гонцов и не приезжало. Мне было Послание. Сюда едет Вивиана, и с ней — мерлин. — О последнем она и не догадывалась, пока не произнесла этих слов вслух. — Так что отнеси Моргейну к кормилице, а сама ступай и надень праздничное платье, то, что крашено шафраном.

Моргауза с явным удовольствием отложила прялку, но помедлила, изумленно глядя на Игрейну:

— Шафранное платье? Ради *сестры*?

— Не ради нашей сестры, Моргауза, но дабы почтить Владычицу Священного острова и Посланца богов, — резко одернула ее Игрейна.

Моргауза уставилась в узорчатый пол. Высокая, крепко сбитая, девочка только-только вступила в пору взросления и созревания; ее густые волосы отливали рыжиной, как у Игрейны, а кожу щедро сбрызнули веснушки, сколько она ни выводила их пахтой и ни выпрашивала у травницы снадобий и притираний. В свои тринадцать лет ростом она уже сравнялась с Игрейной, а со временем обещала вытянуться еще выше. Моргауза неохотно подхватила Моргейну и понесла ее прочь.

— Скажи кормилице, чтобы та переодела ее в нарядное платье, и возвращайся вместе с девочкой. Вивиана ее еще не видела.

Моргауза пробурчала что-то нелестное — дескать, на кой Верховной жрице сдалась эта сопливка, — но поскольку сказано это было под нос, Игрейна предпочла сделать вид, что не расслышала.

Игрейна поднялась по узкой лестнице наверх. В ее покоях царил холод; огня там не разводили, разве что глухой зимней порой. В отсутствие Горлойса она спала на одной кровати со своей

прислужницей Гвеннис, а затянувшаяся отлучка мужа служила оправданием для того, чтобы брать на ночь в постель и Моргейну. Иногда к ним пристраивалась и Моргауза, спасаясь под меховыми одеялами от пронизывающей стужи. На огромном супружеском ложе — с балдахином, с тяжелыми, не пропускающими сквозняков занавесями — свободно размещались три женщины и ребенок.

Старуха Гвен дремала в уголке. Игрейна не стала ее будить. Скинув будничное платье из некрашеной шерсти, она поспешно облеклась в роскошный наряд с завязками из зеленой ленты у ворота, что Горлойс некогда привез ей из Лондиниума. Надела несколько серебряных колечек, из тех, которые носила еще девочкой... увы, теперь они налезали лишь на мизинцы... застегнула на шее янтарное ожерелье — тоже подарок Горлойса. Платье, выкрашенное в красновато-коричневый цвет, дополнялось зеленой верхней туникой. Игрейна отыскала роговой гребень, уселась на скамеечку и принялась расчесывать волосы, терпеливо распутывая прядь за прядью. Из соседней комнаты донеслись пронзительные вопли: видимо, Моргейну причесывала кормилица, и девочке это не нравилось. Плач резко оборвался; надо думать, Моргейну утихомирили шлепком или, может статься, Моргауза сама взялась за гребень — порою, будучи в хорошем настроении, она не возражала заняться девочкой, а пальцы у нее были ловкие и чуткие. Игрейна отлично знала, что ее младшая сестра и с прялкой отлично ладит, когда хочет; ее умелые руки играючи управлялись с чем угодно — с расческой, с чесальными гребнями, со святочными пирожками...

Игрейна заплела косу, закрепила ее на затылке золотой шпилькой, застегнула плащ дорогой брошью. Придирчиво оглядела себя в старом бронзовом зеркале — подарила ей на свадьбу Вивиана, а привезли его, говорят, из самого Рима. Зашнуровывая платье, молодая женщина отметила, что груди ее снова обрели прежнюю форму, разве что стали чуть мягче и тяжелее: при том, что Моргейну вот уж год как от груди отняли. Возвратилась к Игрейне и былая стройность: в этом платье она выходила замуж, а шнуровка по-прежнему ничуть не давит.

По возвращении Горлойс наверняка вновь потребует ее к себе на ложе. Когда они виделись в последний раз, Игрейна еще кормила дочку грудью, а муж, снизойдя к ее мольбе, дозволил ей не отлучать дитя на протяжении всего лета, ведь именно в эту пору младенцев умирает без числа. Да, он не слишком-то обрадовался девочке: герцог всей душой мечтал о сыне — эти римляне отсчитывают родословную по отцовской линии вместо того, чтобы, как подсказывает здравый смысл, считать по матери. Глупость несусветная: откуда мужчине знать наверняка, от кого у женщины ребенок? Неудивительно, что римляне страх как дро-

жат за целомудрие своих женщин: запирают их на замок, приставляют соглядатаев... Не то чтобы Игрейна нуждалась в надзоре: один мужчина — и то не подарок; кому нужны другие, чего доброго, еще похуже?

Но даже при том, что ему не терпелось обзавестись сыном, Горлойс проявил снисходительность: позволил ей брать Моргейну в постель и кормить ее грудью, а сам воздерживался от жены и утешался ночами с ее горничной Эттар, чтобы Игрейна снова не забеременела и у нее не пропало бы молоко. Герцог и сам отлично знал, как много младенцев умирает до срока только потому, что их отлучают от груди раньше, чем они смогут жевать мясо и хлеб. Дети, вскормленные на каше-размазне, растут хворыми и хилыми; а если их и удается приучить к козьему молоку, так ведь летом его не всегда хватает. От коровьего и конского молока у младенцев часто приключается рвота или понос, а исход один — смерть. Так что Горлойс разрешил жене кормить Моргейну грудью, пусть даже рождение долгожданного сына отодвигалось при этом еще по меньшей мере на полтора года. За это по крайней мере Игрейна будет ему благодарна до самой смерти и роптать не станет, как бы быстро ни забеременела.

После того, как Горлойс погостил в замке, обзавелась животом и Эттар и возомнила о себе невесть что: неужто у *нее* да родится сын от герцога Корнуольского? Игрейна не обращала на девчонку внимания: у Горлойса были и другие бастарды; один, кстати говоря, сейчас находился при нем, в лагере военного вождя Утера. Но Эттар занедужила, у нее приключился выкидыш, а у Игрейны хватило прозорливости не расспрашивать Гвен, с какой стати она так радуется по этому поводу. Молодая женщина и без того ощущала себя несколько неуютно: уж больно хорошо старуха Гвен разбиралась в травах. «*Когда-нибудь*, — решила про себя Игрейна, — *я заставлю ее рассказать мне, что именно она подмешала Эттар в пиво*».

Молодая женщина спустилась в кухню: длинные юбки волочились по каменным ступеням. Моргауза уже была там в лучших своих одеждах; Моргейну она нарядила в праздничное платьице, выкрашенное шафраном; в нем девочка казалась смуглой, точно пикт. Игрейна взяла дочку на руки, радуясь уже тому, что она здесь, рядом. Миниатюрная, смуглая, изящно сложенная, а кость такая хрупкая и тонкая — все равно что держать в ладонях крохотную мягонькую пташку. И в кого только дитя уродилось? И она сама, и Моргауза высокие, рыжеволосые, яркие, словно унаследовавшие у земли ее цвета — все женщины Племен таковы. А Горлойс, хоть и смугл, обличием вылитый римлянин: высокий, худощавый, с орлиным носом; огрубевший в многолетних битвах с саксами, слишком уж исполненный чувства собственного достоинства, как это у них, у римлян, водится, чтобы

нежничать с молодой женой; а уж к дочери, родившейся вместо столь потребного ему сына, он и вовсе равнодушен.

Однако ж, напомнила себе Игрейна, эти римляне считают своим божественным правом распоряжаться жизнью и смертью собственных детей. Многие — неважно, христиане или нет, — постановили бы, что дочь растить незачем; женам такая обуза ни к чему — о сыне надо позаботиться! А вот Горлойс был к ней добр, позволил оставить девочку при себе. Возможно, при том, что воображения у него немного, он понимает, насколько ей, женщине Племен, дорога дочь.

Игрейна как раз отдавала распоряжения слугам касательно приема гостей — чтобы принесли из погребов вино и зажарили мяса, да не какого-нибудь там кролика, а хорошей баранины с последнего убоя, — когда во дворе закудахтали и заметались вспугнутые куры. Значит, всадники уже скачут по мысу. Слуги явно оробели; впрочем, большинство их давно примирилось с мыслью о том, что их госпожа обладает даром Зрения. До сих пор Игрейна лишь притворялась — ее выручали счастливые догадки и пара-тройка фокусов; то, что слуги ее побаиваются, ее вполне устраивало. Но теперь... «*Возможно, Вивиана права; возможно, дар по-прежнему со мной. Возможно, мне только померещилось, что я его утратила: лишь потому, что, вынашивая Моргейну, я чувствовала себя такой слабой и беспомощной... А теперь я снова стала самой собой. Моя мать оставалась Верховной жрицей вплоть до смерти, хотя и произвела на свет нескольких детей*».

Однако, напомнил внутренний голос, мать родила этих детей, будучи свободной, как оно и подобает женщине Племен, и сама избрала им отцов. А отнюдь не прозябала в рабстве у какого-то там римлянина, чьи обычаи наделяли его властью над женщинами и детьми. Игрейна с досадой отогнала эту мысль: какая разница, есть у нее Зрение или она только прикидывается, лишь бы слуги ходили по струнке!

Она неспешно сошла во внутренний двор. Горлойс по-прежнему любил называть его «атриум», хотя нынешний его дом не шел ни в какое сравнение с виллой, где он жил вплоть до того дня, когда Амброзий даровал ему титул герцога Корнуольского. Всадники уже спешивались. Игрейна тут же высмотрела среди них единственную женщину — женщину ниже ее ростом, уже немолодую, одетую в мужскую тунику и шерстяные штаны и закутанную в плащи и покрывала. Взгляды их встретились; сестры безмолвно поздоровались через весь двор, однако Игрейна почтительно направилась не к ней, а к высокому, сухопарому старику — он как раз слезал со своего костлявого мула — и преклонила перед ним колени. На старике были синие одежды барда; на плече — арфа.

— Добро пожаловать в Тинтагель, лорд Посланец, благослови наш кров и почти дом своим присутствием.

— Благодарю тебя, Игрейна, — раздался звучный голос. Талиесин, мерлин Британии, друид и бард, на мгновение закрыл лицо руками и в благословляющем жесте простер их к Игрейне.

До поры покончив с церемониями, Игрейна бросилась к сводной сестре и уже готова была преклонить колена и перед ней, но Вивиана, наклонившись, удержала молодую женщину.

— Нет-нет, девочка, мы к тебе запросто, по-семейному; успеешь еще воздать мне почести, если понадобится... — Она привлекла Игрейну к себе и поцеловала в губы. — А, вот оно, твое дитя? Сразу видно, что в ней течет кровь Древнего народа, она как две капли воды похожа на нашу мать, Игрейна.

Вивиане, Владычице Озера и Священного острова, было уже за тридцать; старшая дочь престарелой жрицы Озера, она унаследовала от матери священный титул. Вивиана подхватила с земли Моргейну и принялась качать ее на руках: видно было, что в обращении с младенцами этой женщине опыта не занимать.

— Она похожа на тебя, — проговорила Игрейна с удивлением, вдруг осознав, что ей следовало понять это прежде. Но Вивиану она не видела вот уже четыре года, со времен своей свадьбы. За этот срок столько всего произошло, и сама она заметно переменилась с тех пор, как ее, перепуганную пятнадцатилетнюю девчонку, вручили мужчине старше невесты более чем в два раза.

— Но войдите же в дом, лорд мерлин, сестра. Пойдемте в тепло.

Избавившись наконец от своих плащей и покрывал, Вивиана, Владычица Авалона, оказалась на удивление миниатюрной: не выше десятилетней девочки. В своей просторной тунике, стянутой поясом, с кинжалом в ножнах у бедра, в нескладных шерстяных штанах и плотных обмотках она казалась совсем крохотной: ни дать ни взять ребенок, вырядившийся в одежды взрослого. Маленькое, смуглое, сужающееся книзу личико, низкий лоб, волосы темные, точно тени у подножия утесов... и глаза тоже темные и такие огромные... Игрейна впервые осознала, как Вивиана мала.

Служанка принесла гостевой кубок: горячее вино с остатками пряностей, присланных Горлойсом из далекого Лондиниума. Вивиана взяла кубок в ладони, и Игрейна потрясенно заморгала: благодаря этому жесту ее сводная сестра вдруг преобразилась, стала высокой и статной, как если бы в руках ее покоилась мистическая чаша из числа Священных реликвий. По-прежнему удерживая кубок в ладонях, Вивиана медленно поднесла его к губам, шепча благословение. Пригубила, обернулась, передала сосуд мерлину. Церемонно поклонившись, старик принял кубок и в свою очередь поднес его к губам. Игрейна, едва посвященная

в таинства, каким-то непостижимым образом почувствовала, что и она тоже причастна к красоте торжественного ритуала, когда в свой черед приняла кубок из рук гостей, пригубила вина и произнесла надлежащие слова приветствия.

Но вот Игрейна отставила кубок — и ощущение значимости момента развеялось. Вивиана вновь превратилась в хрупкую, усталую женщину, а мерлин — в согбенного старика. Игрейна поспешно подвела их к огню.

— Ныне от берегов Летнего моря путь неблизкий, — проговорила она, вспоминая, как некогда сама проделала его молодой женой, перепуганная, исполненная молчаливой ненависти, в кортеже чужака, ставшего ей мужем, который до поры был для нее лишь голосом да ужасом в ночи. — Что привело тебя сюда в пору весенних штормов, сестра и госпожа?

«И почему ты не приехала раньше, зачем бросила меня совсем одну — учиться супружеству и рожать дитя в одиночестве, в страхе и тоске по дому? А ежели ты не могла приехать раньше, зачем вообще приезжать — теперь, когда уже поздно и я наконец-то смирилась со своей участью?»

— Расстояние и впрямь велико, — мягко отозвалась Вивиана, и Игрейна поняла, что жрица, как всегда, услышала не только слова, произнесенные вслух, но и невысказанную жалобу. — А времена ныне опасные, дитя. Но эти годы, годы одиночества, сделали тебя женщиной — пусть горьки они, как годы уединения для будущего барда, — добавила она, улыбаясь давнему воспоминанию, — или для будущей жрицы. Если бы ты выбрала этот путь, ты терзалась бы одиночеством ничуть не меньше, моя Игрейна. Ну, конечно, — проговорила Вивиана, наклоняясь, лицо ее смягчилось. — Иди ко мне на колени, маленькая. — Она подхватила Моргейну, и мать проводила дочку изумленным взглядом: обычно Моргейна дичилась чужих, точно полевой кролик. Отчасти досадуя, отчасти уже снова подпадая под знакомые чары, Игрейна наблюдала за тем, как ребенок устроился на коленях у Вивианы. Вивиана казалась такой махонькой: чего доброго, не удержит! И впрямь — женщина из народа фэйри, женщина Древнего народа. А Моргейна, по всему судя, и впрямь пойдет в нее.

— А как там Моргауза, как поживает она с тех пор, как я прислала ее к тебе год назад? — спросила Вивиана, поднимая взгляд на девочку в шафранном платье, что обиженно забилась в уголок у огня. — Иди-ка, поцелуй меня, сестренка. О, да ты вырастешь высокой и статной, как Игрейна, — проговорила жрица, протягивая руки навстречу Моргаузе, что с недовольным видом вышла на свет — ни дать ни взять строптивый щенок. — Конечно, садись у моих ног, если хочешь, дитя. — Моргауза тут же уст-

роилась на полу и склонила голову на колени Вивиане; еще миг назад она дулась, а сейчас вдруг глаза ее наполнились слезами.

«*Она всеми нами вертит, как хочет. И как она только забрала над нами такую власть? Может, дело в том, что другой матери Моргауза отродясь не знала? Когда девочка появилась на свет, Вивиана была уже взрослой женщиной; нам обеим она всегда заменяла и мать и сестру*». Мать их — рожать ей, по чести говоря, было слишком поздно — умерла, разрешившись Моргаузой. В тот же год, несколькими месяцами раньше, Вивиана тоже родила дитя; младенец умер, и Вивиана выкормила сводную сестру.

Моргейна свернулась калачиком на коленях у жрицы, здесь же покоилась рыжеволосая головка Моргаузы. Одной рукой Вивиана придерживала ребенка, другой — поглаживала длинные, шелковистые пряди девочки-подростка.

— Мне следовало приехать к тебе, когда родилась Моргейна, — проговорила Вивиана, — но я тоже была беременна. В тот год я разрешилась сыном. Отдала его на попечение кормилицы, думаю, приемная мать со временем отошлет его к монахам. Она, видишь ли, христианка.

— И тебе нет дела до того, что из него воспитают христианина? — удивилась Моргауза. — Он хоть хорошенький? Как его звать?

Вивиана рассмеялась.

— Я назвала его Баланом, — отозвалась она, — а его приемная мать нарекла своего собственного сына Балином. Между ними — всего каких-то десять дней разницы, так что их наверняка станут растить как близнецов. А что до того, что из него сделают христианина, — да пусть себе; христианином был его отец, а Присцилла — достойная женщина. Ты говоришь, путь сюда неблизкий, поверь мне, дитя, сейчас он кажется куда длиннее, нежели во времена твоей свадьбы. От острова Монахов возможно, и не дальше — но от Авалона далеко, очень далеко...

— Поэтому мы и приехали, — неожиданно возгласил мерлин, голосом гулким, напоминающим звук огромного колокола. Моргейна встрепенулась и испуганно захныкала.

— Я не понимаю, — проговорила Игрейна, вдруг встревожившись. — Они же совсем рядом...

— Они — *одно*, — поправил мерлин, выпрямляясь, — но приверженцы Христа вздумали говорить не то, что сами они не приемлют иных Богов пред своим Богом, но что иного Бога, кроме их Бога, нет и не было; что он и только он сотворил мир, что он правит в нем единовластно, что он один создал звезды и все живое.

При словах столь кощунственных Игрейна поспешно сделала охранительный жест.

— Но это же невозможно, — запротестовала она. — Ни одному Богу не под силу править миром в одиночестве... а как же Богиня? Как же Мать?

— Христиане считают, — ровным, тихим голосом пояснила Вивиана, — что никакой Богини не существует; что женское начало, как говорят они сами, корень всех зол; что через женщину, якобы, в мир вошло Зло; у иудеев есть одна такая немыслимая байка про яблоко и змея.

— Богиня покарает их, — потрясенно выдохнула Игрейна. — И ты — ты выдала меня замуж за одного из таких?

— Мы не знали, что кощунство их настолько всеохватно, — отозвался мерлин. — И в наше время были приверженцы иных Богов. Но чужих Богов они чтили.

— Но при чем тут путь от Авалона? — не отступалась Игрейна.

— Ну вот мы и подошли к цели нашего приезда, — ответствовал мерлин. — Ибо друидам ведомо: вера людская, и ничто иное, придает форму миру и всему сущему. Давным-давно, когда приверженцы Христа впервые пришли на наш остров, я понял: это — один из ключевых поворотов во времени, мгновение, способное изменить мир.

Моргауза подняла взгляд на старика, глаза ее благоговейно расширились.

— Ты так стар, о, почтенный?

Мерлин улыбнулся девочке:

— Не в этом теле, нет. Но я многое прочел в большом зале, что за пределами мира, — там, где ведется Летопись всего Сущего. Кроме того, я и впрямь жил в те времена. Владыки этого мира дозволили мне вернуться, но облекшись в иную плоть.

— Маленькой таких сложностей не понять, — мягко упрекнула его Вивиана. — Она же не жрица. Мерлин хочет сказать, сестренка, что он жил в те времена, когда христиане пришли сюда впервые, и что ему было дозволено воплотиться вновь и сразу же, дабы завершить свои труды. Вникать в эти таинства тебе незачем. Продолжай, отец.

— Я понял, что настало одно из тех мгновений, в которые меняется история рода людского, — проговорил мерлин. — Христиане тщатся уничтожить все знание, кроме собственного, и в этой борьбе изгоняют из мира любые таинства, кроме разве тех, что вписываются в их собственную религию. То, что люди проживают не одну жизнь, а несколько, христиане объявили ересью — а ведь каждый невежественный поселянин знает, что это так...

— Но если не верить в перерождение, — потрясенно запротестовала Игрейна, — как избежать отчаяния? Разве справедливый Бог станет создавать одних людей — несчастными и жалкими, других — богатыми и счастливыми, если им отпущена лишь одна жизнь и не больше?

— Не знаю, — отвечал мерлин. — Возможно, они хотят, чтобы люди, обреченные на участь столь тяжкую, отчаялись и на коленях приползли к Христу, который заберет их на небо. Мне

неведомо, во что верят приверженцы Христа и на что уповают. — Старик на мгновение прикрыл глаза, на лице четче обозначились горькие морщины. — Но во что бы уж там они ни верили, их убеждения меняют наш мир, причем не только в духовном плане, но и в физическом. Поскольку они отрицают мир духа и Авалон, эти сферы для них просто не существуют. Конечно, они по-прежнему есть, но в мире ином, нежели мир приверженцев Христа. Авалон, Священный остров, — уже не тот же самый остров, что и Гластонбери, где мы, люди Древней религии, некогда дозволили монахам возвести свою часовню и монастырь. Ибо наша мудрость и их мудрость... много ли ты смыслишь в природе вещей, Игрейна?

— Очень мало, — убито призналась молодая женщина, не сводя глаз со жрицы и с верховного друида. — Меня никогда этому не учили.

— Жаль, — отозвался мерлин, — ибо тебе должно понять, Игрейна. Я попытаюсь объяснить как можно проще. Вот смотри, — проговорил он, снимая с шеи золотой торквес и извлекая кинжал. — Могу ли я поместить вот это золото и эту бронзу в одно и то же место, причем сразу?

Игрейна недоуменно заморгала.

— Нет, конечно же, нет. Их можно поставить рядом, но не на одно и то же место, разве что один из этих предметов ты сперва сдвинешь.

— Вот и со Священным островом то же самое, — проговорил мерлин. — Четыреста лет назад, еще до того, как сюда явились римляне в надежде завоевать эти земли, священники поклялись нам в том, что никогда против нас не поднимутся и не попытаются изгнать нас силой оружия, ибо мы жили здесь до них, они же пришли к нам как просители, и сила была за нами. Клятву они соблюли — здесь я вынужден отдать им должное. Но в духовном плане, в своих молитвах, они не переставали сражаться с нами за то, чтобы их Бог изгнал наших Богов, чтобы их мудрость одержала верх над нашей. В нашем мире, Игрейна, довольно места для многих Богов и Богинь. Но во вселенной христиан — как бы это сказать? — нет места ни для нашего Зрения, ни для нашего знания. В их мире есть один Бог, и только один; и ему угодно не только одержать победу над прочими Богами, но еще и представить дело так, что никаких других Богов нет и не было; есть лишь лживые идолы, порождение дьявола. Вот так, веруя в единого Бога, всякий и каждый обретает надежду спастись в этой одной-единственной жизни. Вот на что они уповают. А мир устроен по вере людской. Так что миры, что некогда были едины, постепенно отдаляются друг от друга.

— Ныне есть две Британии, Игрейна: их мир, что подчинен Единому Богу и Христу, и рядом и позади — мир, в котором до

сих пор правит Великая Мать, мир, в котором живет и молится Древний народ. Так уже случалось. Было время, когда фэйри, Сияющие, ушли из этого мира, отступая все дальше и дальше в сумерки и туманы, так что теперь в эльфийские холмы разве что заплутавший путник забредет ненароком, и тогда он словно выпадает из хода времени, и случается так, что выйдет он из холма, проведя там одну-единственную ночь, и обнаружит, что вся его родня мертва и минуло двенадцать лет. А сейчас, говорю тебе, Игрейна, происходит то же самое. Наш мир, где правит Богиня, мир, который ты знаешь, мир многих истин, неуклонно вытесняется из главного временного русла. Даже сейчас, Игрейна, если путник отправляется на остров Авалон без провожатого, то, не зная дороги, он туда не попадет, но отыщет лишь остров Монахов. Для большинства людей наш мир ныне затерялся в туманах Летнего моря. Это началось еще до ухода римлян; теперь, по мере того как в Британии множатся церкви, наш мир отступает все дальше и дальше. Вот почему добирались мы сюда так долго: исчезают города и дороги Древнего народа, что служили нам вехами. Миры пока еще соприкасаются, пока еще льнут друг к другу, точно возлюбленные; но они расходятся, и если их не остановить, в один прекрасный день вместо одного мира будет два, и никто не сможет странствовать между ними...

— Так и пусть расходятся! — яростно перебила его Вивиана. — Я по-прежнему считаю, что это к лучшему. Я не желаю жить в мире христиан, отрекшихся от Матери...

— Но как же все прочие, как же те, кому суждено впасть в отчаяние? — Голос мерлина вновь зазвучал, точно огромный колокол. — Нет, тропа должна остаться, пусть и тайная. Части мира по-прежнему едины. Саксы разбойничают в обоих мирах, но все больше и больше наших воинов становятся приверженцами Христа. Саксы...

— Саксы — жестокие варвары, — возразила Вивиана. — Одним Племенам не под силу выдворить их с наших берегов, а мы с мерлином видели, что дни Амброзия в этом мире сочтены и что его военный вождь, Пендрагон, — кажется, его зовут Утер? — займет его место. Но многие из жителей этой страны под знамена Пендрагона не встанут. Что бы ни происходило с нашим миром в духовном плане, ни одному из двух миров долго не выстоять перед огнем и мечом саксов. Прежде чем мы сразимся в битве духа, дабы не дать нашим мирам разойтись, мы должны спасти самое сердце Британии от саксонских пожаров. А ведь нам угрожают не только саксы, но и юты и скотты — все эти дикари, идущие с севера. Они повергают в прах все, даже сам Рим; их слишком много. Твой муж провел в сражениях всю свою жизнь. Амброзий, король Британии, — достойный человек, но верны ему лишь те, кто когда-то служил Риму; его отец носил

пурпур, да и сам Амброзий был достаточно честолюбив, чтобы мечтать об императорской власти. Однако нам требуется вождь, за которым пошли бы все обитатели Британии.

— Но... но ведь остается еще Рим, — запротестовала Игрейна. — Горлойс рассказывал мне, что, как только Рим справится с беспорядками в Великом городе, легионы вернутся! Отчего нам не положиться на помощь Рима в борьбе с северными дикарями? Римляне — лучшие в мире воины, они выстроили огромную стену на севере, чтобы сдержать натиск разбойников...

В голосе мерлина снова зазвучал гулкий отзвук, точно зазвонили в большой колокол.

— Я глядел в Священный источник, — проговорил он. — Орел улетел прочь и никогда уже не вернется в Британию.

— Рим ничем нам не поможет, — проговорила Вивиана. — Нам нужен собственный вождь. Иначе, когда враги объединятся против нас, Британия падет и на сотни и сотни лет превратится в руины под властью саксонских варваров. Миры неотвратимо разойдутся в разные стороны, и памяти об Авалоне не останется даже в легендах, чтобы дать надежду людям. Нет, нам необходим вождь, которому присягнут на верность все жители обеих Британий — и Британии священников, и мира туманов, что под властью Авалона. Исцеленные Великим королем, — в голосе жрицы зазвенели мистические, пророческие интонации, — миры вновь сойдутся воедино, и в новом мире найдется место для Богини и для Христа, для котла и креста. Такой вождь объединит нас.

— Но где же мы отыщем этого короля? — спросила Игрейна. — Откуда взяться такому вождю?

А в следующий миг она вдруг похолодела от страха: по спине ее пробежали ледяные мурашки. Мерлин и жрица обернулись к ней; их взгляды словно приковали молодую женщину к месту — так замирает пташка в тени огромного сокола, — и Игрейна вдруг поняла, почему посланца и пророка друидов называют мерлин, кречет.

Вивиана заговорила, голос ее звучал непривычно мягко:

— Игрейна, тебе предназначено родить Великого короля.

Глава 2

В комнате воцарилась тишина, лишь тихо потрескивало пламя. Наконец Игрейна глубоко вздохнула, точно пробуждаясь от сна.

— Что вы такое говорите? Неужто Горлойс станет отцом Великого короля? — Эти слова эхом звенели в сознании Игрейны снова и снова: вот странно, она никогда бы не заподозрила, что Горлойсу уготована судьба столь высокая. Сестра ее и мерлин

переглянулись, неприметным жестом жрица заставила старика умолкнуть.

— Нет, лорд мерлин, сказать об этом женщине должна только женщина... Игрейна, Горлойс — римлянин. Племена ни за что не пойдут за вождем, рожденным сыном Рима. Король, за которым они последуют, должен быть сыном Священного острова, истинным потомком Богини. Твоим сыном, Игрейна, это так. Но ведь одним Племенам никогда не отбросить саксов и прочих дикарей с севера. Нам понадобится поддержка римлян, и кельтов, и валлийцев, и все они пойдут лишь за собственным военным вождем, за их Пендрагоном, сыном человека, которому они доверяют, в котором готовы видеть полководца и правителя. А Древнему народу, в свою очередь, нужен сын венценосной матери. Это будет твой сын, Игрейна, — но отцом его станет Утер Пендрагон.

Игрейна неотрывно глядела на собеседников, осмысливая сказанное, — пока наконец ярость не растопила оцепенение.

— Нет! У меня есть муж, я родила ему ребенка! — обрушилась на них молодая женщина. — И я не позволю вам снова играть с моей жизнью, вроде как дети камушки по воде пускают: подпрыгнет — не подпрыгнет! Я вышла замуж по вашему указу — и вам никогда не понять... — Слова застряли у Игрейны в горле. Она никогда не найдет в себе сил рассказать им про тот, первый, год, даже Вивиана о нем вовеки не узнает. Можно, конечно, пожаловаться: «*Мне было страшно*»; или «*Я была одна, и себя не помнила от ужаса*»; или «*Даже насилие пережить было бы легче: тогда бы я убежала и умерла где-нибудь*»; но все это — лишь слова, не передающие и малой доли того, что ей довелось тогда испытать.

И даже если бы Вивиана поняла все, проникнув в ее мысли и узнав все то, что Игрейна не могла заставить себя произнести вслух, жрица посмотрела бы на нее с состраданием, даже с толикой жалости; но передумать бы не передумала и меньшего бы от Игрейны не потребовала. На ее памяти, сестра частенько повторяла: «*Пытаясь избежать назначенной судьбы или отсрочить страдания, тем самым ты обрекаешь себя на удвоенные муки в следующей жизни*». Тогда Вивиана еще надеялась, что Игрейна станет жрицей.

Так что молодая женщина не произнесла ни слова, но лишь обожгла Вивиану взглядом, смиряя обиду последних четырех лет, в течение которых исполняла свой долг — храбро, одна, смирясь с судьбой и протестуя не больше, чем дозволено женщине. Но — опять? «*Никогда*, — молча повторила про себя Игрейна, — *никогда*». И упрямо покачала головой.

— Послушай меня, Игрейна, — проговорил мерлин. — Я — твой отец, хотя это и не дает мне никаких прав, царственностью

наделяет кровь Владычицы, а в твоих жилах течет древнейшая королевская кровь, передаваемая от дочери к дочери Священного острова. Среди звезд начертано, дитя, что лишь король, принадлежащий к двум королевским родам: к королевскому роду Племен, поклоняющихся Богине, и к королевскому роду тех, кто глядит в сторону Рима, исцелит нашу землю от войн и распри. Мир настанет, когда эти две земли смогут жить бок о бок, — мир достаточно долгий, чтобы крест и котел тоже успели примириться. Во время такого правления, Игрейна, даже те, кто следует за крестом, обретут знание таинств, чтобы утешаться в беспросветной жизни страданий и греха и веры в то, что за одну краткую жизнь приходится выбирать между адом и небесами — на целую вечность. А в противном случае наш мир сокроется в туманах, и пройдут сотни лет, возможно, даже тысячи, на протяжении которых Богиня и Таинства будут забыты в роду людском — если не считать немногих избранных, способных странствовать между мирами. Допустишь ли ты, чтобы Богиня и ее труды исчезли из мира, Игрейна, — ты, рожденная от Владычицы Священного острова и мерлина Британии?

Игрейна потупилась, усилием воли отгораживаясь от нежности, звучащей в голосе старика. Молодая женщина всегда знала — сама по себе, а вовсе не с чьих-то слов, — что Талиесин, мерлин Британии, разделил с ее матерью крохотную искорку жизни, что дала бытие ей, Игрейне, но дочери Священного острова о таких вещах говорить не полагается. Дочь Владычицы принадлежит одной лишь Богине и тому мужчине, которому Владычица доверит дитя, — как правило, это ее брат и очень редко — зачавший ребенка мужчина. Тому есть причина: никто из искренне верующих не дерзнет назвать себя отцом ребенка Богини, а таковыми считаются все дети, рожденные Владычицей. То, что Талиесин сейчас прибег к такому доводу, потрясло Игрейну до глубины души, но одновременно и растрогало.

— В Пендрагоны можно избрать и Горлойса, — тем не менее упрямо проговорила Игрейна, отводя глаза. — Не верю, будто этот ваш Утер так далеко превосходит всех прочих сынов человеческих, что только он один на эту роль и годится! Если вам нужен Пендрагон, почему бы вам не пустить в ход заклятия и не сделать так, чтобы Горлойса избрали военным вождем Британии и Великим драконом? А когда у нас родится сын, вы получите своего короля...

Мерлин покачал головой, но заговорила опять Вивиана, и этот тайный сговор еще больше рассердил Игрейну. С какой стати они сообща интригуют против нее?

— Ты не родишь Горлойсу сына, Игрейна, — мягко проговорила Вивиана.

— А ты разве Богиня, чтобы от ее имени распределять между

женщинами дар материнства? — грубо отпарировала Игрейна, сама зная, что слова ее звучат по-детски. — У Горлойса полно сыновей от других женщин, почему бы и мне не подарить ему сына в законном браке, как ему хочется?

Вивиана не ответила. Она встретилась взглядом с Игрейной и очень тихо произнесла:

— Ты любишь Горлойса, Игрейна?

Игрейна уставилась в пол.

— Любовь здесь ни при чем. Здесь затронута честь. Он был ко мне добр... — Молодая женщина умолкла на полуслове, но мысли удержу не знали. «*...Был добр ко мне, когда я не знала, куда податься, — одна, всеми покинутая, — и даже вы бросили меня, предоставили моей собственной судьбе. При чем тут любовь?*» — Здесь затронута честь, — повторила она. — Я перед ним в долгу. Горлойс позволил мне оставить Моргейну — единственное мое утешение в беспросветном одиночестве. Он был добр и терпелив, а для мужчины его лет это непросто. Он мечтает о сыне, для него сын — смысл жизни и вопрос чести, и я ему не откажу. И если я рожу сына, он будет сыном герцога Горлойса и никого иного. И в этом я клянусь — огнем и...

— *Молчи*! — Голос Вивианы, точно оглушительный лязг большого колокола, заставил Игрейну испуганно умолкнуть. — Велю тебе, Игрейна: не клянись или навеки запятнаешь себя клятвопреступлением!

— А с какой стати ты так уверена, что я не сдержу клятву? — вознегодовала Игрейна. — Я лгать не обучена! Я тоже дочь Священного острова, Вивиана! Пусть ты мне старшая сестра, пусть ты жрица и Владычица Авалона, но я не позволю обращаться с собою, точно с лепечущим младенцем вроде вот Моргейны, которая ни слова не понимает из того, что ей говорят, и в клятвах ничего не смыслит...

Моргейна, заслышав свое имя, резко выпрямилась на коленях у Вивианы. Владычица Озера улыбнулась и пригладила темные волосенки.

— Ты зря считаешь, будто маленькая ничего не понимает. Младенцы знают больше, чем нам кажется: что у них на уме, они высказать не могут, вот мы и полагаем, что думать они якобы вообще не умеют. А что до твоей малютки... ну, это все в будущем, и при ней я говорить не стану; но кто знает, пожалуй, в один прекрасный день и она тоже станет Верховной жрицей...

— Ни за что! Даже если мне придется принять христианство, чтобы этому помешать! — бушевала Игрейна. — Ты думаешь, я позволю тебе злоумышлять против жизни моего ребенка, как ты злоумышляла против меня?

— Спокойно, Игрейна, — вступился мерлин. — Ты свободна, как свободно любое дитя Богов. Мы пришли просить, а не

требовать. Нет, Вивиана... — возразил старик, предостерегающе поднимая руку, когда Владычица попыталась было его прервать. — Игрейна — не беспомощная игрушка судьбы. И тем не менее, сдается мне, когда она узнает все, в выборе она не ошибется.

Моргейна капризно завозилась на коленях, Вивиана принялась напевать ей что-то вполголоса, поглаживая волосы. Малютка затихла, но Игрейна, метнувшись вперед, выхватила ребенка, злясь и ревнуя: стараниями Вивианы девочка успокоилась, словно по волшебству! Дочь вдруг показалась молодой женщине чужой, незнакомой — как если бы за то время, что малышка провела на руках у Вивианы, она безвозвратно изменилась, запятнала себя чем-то и уже не принадлежит матери всецело и полностью. У Игрейны защипало в глазах. Моргейна — это все, что у нее есть, а теперь и девочку у нее отбирают: Моргейна, подобно всем и каждому, уже подпала под обаяние Вивианы, а обаяние это любого превращало в беспомощное орудие ее воли.

В сердцах Игрейна резко прикрикнула на Моргаузу, что по-прежнему сидела у ног Вивианы, склонив голову ей на колени.

— Моргауза, а ну, вставай и ступай к себе; ты уже почти взрослая, нечего вести себя под стать балованному ребенку!

Моргауза подняла голову, отбросила с прелестного, недовольного личика завесу рыжих волос.

— А зачем ты выбрала для своих замыслов Игрейну, Вивиана? — проговорила она. — Она не желает иметь с ними ничего общего. Но я — женщина, и я тоже — дочь Священного острова. Почему ты не избрала для Утера Пендрагона меня? Почему бы мне не стать матерью короля?

— Ты готова безрассудно бросить вызов судьбе, Моргауза? — улыбнулся мерлин.

— А с какой стати выбрали Игрейну, а не меня? У меня-то нет мужа...

— В будущем у тебя — могущественный муж и много сыновей, но этим, Моргауза, изволь удовольствоваться. Ни мужчине, ни женщине не дано прожить чужую жизнь. Твоя судьба и судьба твоих сыновей зависят от Игрейны. Более ничего сказать не могу, — ответствовал мерлин. — И довольно, Моргауза.

Стоя с Моргейной на руках, Игрейна почувствовала себя увереннее.

— Я пренебрегла долгом гостеприимства, сестра моя и лорд мерлин, — глухо проговорила молодая женщина. — Мои слуги проводят вас в гостевые покои, принесут вина, воды для омовения, а с заходом солнца подадут ужин.

Вивиана встала. Голос ее звучал сухо и церемонно, и на какой-то миг Игрейна испытала несказанное облегчение, вновь почувствовав себя хозяйкой в своем доме: не беспомощным ребенком, но супругой Горлойса, герцога Корнуольского.

— Так на вечерней заре, сестра.

Вивиана и мерлин многозначительно переглянулись, и от внимания Игрейны это не укрылось. Взгляд жрицы говорил яснее слов: «*Оставь пока, я с ней управлюсь, мне не впервой*».

Игрейна почувствовала, как лицо ее застывает железной маской. «*Да уж, ей и впрямь не впервой. Но на сей раз она просчитается. Однажды я исполнила ее волю: я была ребенком и сама не знала, что делаю. Но сейчас я выросла, я — женщина, и вертеть мною уже не так просто, как несмышленой девчонкой, которую она отдала в жены Горлойсу. Теперь я буду поступать по-своему, а не по слову Владычицы Озера*».

Слуги увели гостей, Игрейна, возвратившись в собственные покои, уложила Моргейну в постель и захлопотала, засуетилась над девочкой, снова и снова прокручивая в голове услышанное.

Утер Пендрагон. Она никогда его не видела, но Горлойс без умолку разглагольствовал о его доблести. Утер приходился близким родичем Амброзию Аврелиану, королю Британии, как сын его сестры; но в отличие от того же Амброзия Утер был бриттом до мозга костей, без малейшей примеси римской крови, так что и валлийцы, и Племена шли за ним, не колеблясь. Надо думать, в один прекрасный день Утер станет королем. А ведь Амброзий уже не молод, стало быть, этот день недалек...

«*А я стану королевой... О чем я только думаю? Неужто я предам Горлойса и свою собственную честь?*»

Игрейна вновь взялась за бронзовое зеркало. Позади нее в дверях стояла сестра. Вивиана сняла штаны для верховой езды и надела свободное платье из некрашеной шерсти; распущенные волосы падали на плечи, мягкие и темные, точно черная овечья шерсть. Она казалась совсем маленькой, хрупкой и такой старой, а глаза... так глядели глаза жрицы в пещере посвящения много лет назад, в ином мире... Игрейна поспешила отогнать докучную мысль.

Вивиана подошла вплотную, привстала на цыпочки, коснулась ее волос.

— Маленькая моя Игрейна. Впрочем, уже не такая и маленькая, — ласково проговорила она. — А знаешь, маленькая, это ведь я выбрала для тебя имя: Грайнне, в честь Богини костров Белтайна... Когда ты в последний раз прислуживала Богине на Белтайн, Игрейна?

Уголки губ Игрейны самую малость приподнялись в подобии улыбки, чуть приоткрыв зубы.

— Горлойс — римлянин и христианин в придачу. Ты всерьез полагаешь, что в его доме соблюдают обряды Белтайна?

— Нет, наверное, — отвечала Вивиана, забавляясь. — Хотя на твоем месте я бы не поручилась за то, что твои слуги не ускользают из дома в день середины лета, чтобы разжечь костры и

возлечь друг с другом под полной луной. Но лорду и леди, стоящим во главе христианского дома, такое заказано; только не на глазах у священников и их жестокого, чуждого любви Бога!

— Не смей говорить так о Боге моего мужа, Бог есть любовь, — резко оборвала ее Игрейна.

— Это ты так говоришь. Но не он ли объявил войну всем прочим Богам, не он ли убивает всех тех, кто отказывается ему поклониться, — возразила Вивиана. — Сохрани нас судьба от такой любви со стороны Бога! Я могла бы воззвать к тебе во имя принесенных тобою обетов и заставить тебя исполнить то, что я прошу, от имени Богини и Священного острова...

— Ну надо же! — саркастически бросила Игрейна. — Вот теперь моя Богиня велит мне стать шлюхой, а мерлин Британии и Владычица Озера готовы поработать сводниками!

Глаза Вивианы вспыхнули, она шагнула вперед, и на мгновение Игрейна решила, что жрица отвесит ей пощечину.

— Да как ты смеешь! — проговорила Вивиана, и, хотя голос ее звучал не громче шепота, по комнате прокатилось эхо, так что Моргейна, уже задремавшая было под шерстяным пледом, села в постели и, внезапно испугавшись, заплакала.

— Ну вот, ребенка моего разбудила... — посетовала Игрейна и, присев на край кровати, принялась убаюкивать девочку. Постепенно с лица Вивианы схлынул гневный румянец. Она опустилась на кровать рядом с Игрейной.

— Ты меня не поняла, Грайнне. Ты что, думаешь, Горлойс бессмертен? Говорю тебе, дитя: я пыталась прочесть по звездам судьбы тех, от кого зависит благоденствие Британии последующих лет, и повторю еще раз: имя Горлойса там не начертано.

Колени Игрейны подогнулись, тело вдруг перестало слушаться.

— Утер убьет его?

— Клянусь тебе: Утер не будет причастен к смерти Горлойса и в час его гибели окажется далеко. Но подумай вот о чем, дитя. Тинтагель — великолепный замок; ты полагаешь, когда Горлойса не станет, Утер Пендрагон не скажет одному из своих вождей: «Возьми замок, а вместе с ним и женщину, что им владеет»? Лучше уж Утер, чем один из его людей.

«Моргейна. Что станется с моей дочерью и с моей сестренкой Моргаузой? Воистину, женщине, которая безраздельно принадлежит мужчине, остается лишь молиться за жизнь своего заступника».

— Разве мне не позволено возвратиться на Священный остров и остаток жизни провести на Авалоне в числе жриц?

— Тебе начертана иная участь, — возразила Вивиана. Голос ее вновь помягчел. — И от судьбы своей ты не спрячешься. Тебе предназначено сыграть роль в спасении этой земли, но дорога на

Авалон для тебя закрыта навеки. Так пойдешь ли ты по тропе навстречу судьбе по доброй воле или Богам придется тащить тебя насильно?

Ответа жрица дожидаться не стала.

— Ждать уже недолго. Амброзий Аврелиан умирает, много лет стоял он во главе бриттов, и теперь его вожди съедутся на совет, дабы избрать нового короля. И все они могут доверять одному только Утеру. Так что Утер станет и военным вождем, и Верховным королем в одном лице. И ему понадобится сын.

Игрейна чувствовала, что ловушка вот-вот захлопнется.

— Если тебе это так важно, почему бы тебе не взять дело в свои руки? Если супруга военного вождя и Верховного короля Британии обретет такую власть, отчего бы тебе не попробовать соблазнить Утера своими чарами и самой не родить сужденного короля?

К ее удивлению, Вивиана долго молчала, прежде чем ответить:

— Ты полагаешь, я об этом не думала? Но ты забываешь, Игрейна, сколько мне лет. Я старше Утера, а он, по меркам воинов, тоже не мальчик. Когда родилась Моргауза, мне было двадцать шесть. А сейчас мне тридцать девять, Игрейна, и из детородного возраста я уже вышла.

В бронзовом зеркале, что Игрейна по-прежнему держала в руках, мерцало отражение ее сестры — искаженное, бесформенное, текучее, как вода; вот образ прояснился, вот затуманился — и исчез совсем.

— Ты так думаешь? — проговорила Игрейна. — А я тебе скажу, что еще одного ребенка ты родишь.

— Надеюсь, что нет, — возразила Вивиана. — Я старше, чем была наша мать, когда она умерла родами, произведя на свет Моргаузу, и избежать ее судьбы у меня никакой надежды нет. В этом году я в последний раз приму участие в обрядах Белтайна, а после того передам свой титул какой-нибудь женщине помоложе, чем я, и стану ведуньей, Мудрой, — уподобившись Древним. Я надеялась, что однажды уступлю место Моргаузе...

— Тогда почему ты не оставила ее на Авалоне и не подготовила себе в преемницы?

В лице Вивианы отражалась глубокая печаль.

— Она не годится. За плащом Владычицы она различает только власть, но не череду бесконечных страданий и жертв. Так что эта дорога не для нее.

— Сдается мне, ты не слишком-то страдала, — возразила Игрейна.

— Тебе про то неведомо. Ты ведь тоже отказалась от этой дороги. Я отдала ей всю жизнь и все-таки готова повторить: куда легче удел простой поселянки — вьючной скотины и племенной

кобылы в течке. Ты видишь меня, облаченную в одежды Богини, увенчанную ее короной, в час триумфа подле ее котла; ты не видишь тьмы пещеры и глубин великого моря... Ты к этому не призвана, милая моя девочка, и благодари Богиню, что твоя участь — иная.

«*По-твоему, я ничего не знаю о страданиях и немом терпении, спустя четыре-то года?*» — подумала про себя Игрейна, но вслух не сказала ничего. Вивиана, склонившись над Моргейной, ласково поглаживала шелковистые темные волосы девочки.

— Ах, Игрейна, ты даже представить не в силах, как я тебе завидую: всю жизнь я мечтала о дочери. Богиня знает, Моргауза была мне как родная, но при этом оставалась чужой, точно родилась от незнакомой женщины, а не от моей же матери... Я мечтала о дочери, которой однажды смогу передать титул. — Жрица вздохнула. — Но я родила лишь одну девочку, да и та умерла, а сыновья мои меня оставили. — Она вздрогнула всем телом. — Ну что ж, такова моя участь, и я попытаюсь смириться с нею, как и ты — со своей. Я ничего у тебя не прошу, Игрейна, кроме разве одного, а остальное предоставлю той, что госпожа над всеми нами. Когда Горлойс вернется домой, отсюда он отправится в Лондиниум на церемонию избрания короля. Ты должна каким-то образом исхитриться и заставить мужа взять тебя с собою.

— Эта твоя единственная просьба будет потруднее всего прочего, вместе взятого! — рассмеялась Игрейна. — Ты в самом деле считаешь, будто Горлойс обременит своих воинов тяжкой обязанностью сопровождать молодую жену до Лондиниума? Мне, конечно, хотелось бы туда съездить, да только Горлойс возьмет меня с собою не раньше, чем в тинтагельском саду зацветут южные апельсины и фиги!

— И тем не менее ты должна добиться своего и взглянуть на Утера Пендрагона.

— А ты, надо думать, дашь мне талисман, чтобы он влюбился в меня по уши? — вновь расхохоталась Игрейна.

Вивиана погладила вьющиеся рыжие пряди.

— Ты молода, Игрейна, и, кажется, даже не представляешь себе, насколько красива. Не думаю, что Утеру понадобятся талисманы.

Игрейна содрогнулась всем телом в нежданном приступе страха.

— Пожалуй, талисман пригодится мне — чтобы я от Утера не шарахалась!

Вивиана вздохнула. И дотронулась до лунного камня, подвески на груди у Игрейны.

— Это не Горлойсов подарок, — заметила она.

— Нет, ты же сама мне его вручила в день свадьбы, разве не помнишь? Ты сказала, камень принадлежал моей матери.

— Дай его мне. — Просунув руку под вьющиеся пряди, Вивиана расстегнула застежку на цепочке. — Когда камень вернется к тебе, Игрейна, вспомни мои слова и поступи так, как подскажет тебе Богиня.

Игрейна молча глядела на самоцвет в руках у жрицы. Молодая женщина вздохнула, но протестовать не стала. «*Я ничего ей не обещала*, — яростно твердила она про себя. — *Ничего!*»

— А ты поедешь в Лондиниум на избрание этого вашего короля?

Вивиана покачала головой.

— Я еду во владения другого короля, который еще не знает, что ему придется сражаться на стороне Утера. Бан Арморикан-ский избран Верховным королем в Малой Британии, и его друиды объявили Бану, что в знак этого ему должно пройти Великий обряд. Я послана совершить Великий Брак.

— А мне казалось, Малая Британия — христианские земли.

— Да, так и есть, — равнодушно подтвердила Вивиана. — Его священники отзвонят в колокола, помажут его святым миром и объяснят, что его Бог ради него пожертвовал собою. Но народ ни за что не примет короля, который сам не обещан в Великую жертву.

Игрейна глубоко вздохнула.

— Я так мало знаю...

— В древние времена, Игрейна, — объяснила Вивиана, — король связывал свою жизнь с благоденствием земли и, подобно всем мерлинам Британии, клялся: если на землю его обрушатся бедствия или настанут тяжкие времена, он умрет ради того, чтобы земля жила. А если он отречется от этой жертвы, земля погибнет. Я... мне не следует говорить об этом, это таинство, но ведь и ты, Игрейна, ты тоже на свой лад отдаешь жизнь за исцеление земли. Никто из рожениц не знает, не потребует ли Богиня ее жизнь. Некогда и я лежала связанной и беспомощной, и к горлу моему был приставлен нож, но я знала: если смерть заберет меня, моя искупительная кровь возродит землю... — Голос ее, дрогнув, умолк, благоговейно молчала и Игрейна.

— Часть Малой Британии тоже сокрылась в туманах, и Великое Каменное Святилище ныне уже не отыскать. Дорога, ведущая к храму, — мертвый камень, если только не знать Пути к Карнаку, — проговорила Вивиана. — Но король Бан поклялся не дать мирам разойтись и сохранить врата открытыми для таинств. Так что он намерен заключить Священный Брак с землей в знак того, что в час нужды его собственная кровь напоит посевы. Так тому и должно быть, что я, прежде чем занять место среди старух-ведуний, последний раз сослужу службу Матери, связав его королевство с Авалоном; в этом таинстве я буду для него Богиней.

Вивиана умолкла, но для Игрейны в комнате еще дрожало эхо ее голоса. Жрица склонилась над кроватью и взяла на руки спящую Моргейну — очень ласково и осторожно.

— Она еще не дева, а я еще не карга, — проговорила жрица, — но нас — Трое, Игрейна. Вместе мы составляем Богиню, она здесь, среди нас.

Игрейна удивилась про себя, отчего жрица умолчала о сестре Моргаузе, и они были настолько открыты друг для друга, что Вивиана услышала вопрос, как если бы молодая женщина произнесла его вслух.

— У Богини есть и четвертое, тайное обличие, — прошептала она, дрожа всем телом. — Молись ей, как и я — как и я, Игрейна! — чтобы Моргауза никогда его не приняла.

Глава 3

Игрейне казалось, будто она едет под дождем вот уже целую вечность. До чего же до Лондиниума далеко — все равно что до края света!

До сих пор Игрейна путешествовала мало, если не считать того давнего переезда от Авалона до Тинтагеля. Молодая женщина мысленно сравнивала перепуганного, отчаявшегося ребенка тех времен с собою теперешней. Ныне она скакала рядом с Горлойсом, и тот взял на себя труд рассказать ей кое-что о землях, через которые они проезжали; она смеялась, поддразнивала мужа, а ночью в шатре охотно разделяла с ним ложе. Она немного скучала по Моргейне, гадая, как там дочка: плачет ли ночами, требуя мать, удается ли Моргаузе накормить ее? Но до чего отрадно было вновь обрести свободу и мчаться верхом в окружении стольких мужчин, ощущая на себе восхищенные взгляды и всеобщее почтительное внимание — никто из воинов не осмелился бы подступиться к супруге Горлойса, ею любовались — и только. Игрейна вновь перевоплотилась в беспечную девочку — но не ту испуганную дикарку, шарахающуюся от незнакомца, который стал ей мужем и которому нужно любой ценой угодить. Она словно вернулась в пору девичества, но только без тогдашней полудетской нескладности, и от души наслаждалась происходящим. Ее даже не раздражала вечная пелена дождя, за которой терялись далекие холмы, так что отряд ехал точно в белесом ореоле тумана.

«А ведь в таком тумане мы, чего доброго, собьемся с пути, ненароком окажемся во владениях фэйри и уже никогда не вернемся в этот мир, где умирающий Амброзий и честолюбец Утер строят планы спасения Британии от свирепых дикарей. Британия падет

под натиском варваров, подобно Риму, а мы никогда о том не узнаем, нам будет все равно...»

— Ты устала, Игрейна? — В мягком голосе Горлойса звучала неподдельная забота. Право же, никакой он не великан-людоед, каким казался в те первые, кошмарные дни четыре года назад! Теперь он всего-навсего стареющий мужчина; в волосах и бороде полным-полно седины (хоть он и бреется тщательно по римскому обычаю); весь в шрамах после многих лет бесчисленных сражений и так трогательно старается угодить ей! Возможно, не испугайся она его так поначалу, не будь она непокорной бунтаркой, она бы поняла, что муж уже тогда пытался ей понравиться. Горлойс не был с ней жесток, а если и был, так только потому, что, по-видимому, почти ничего не знал о свойствах женского тела и о подобающем с ним обращении. Теперь Игрейне казалось, что всему виною неуклюжесть, а вовсе не жестокость, скажи она мужу, что он причиняет ей боль, и он бы ласкал ее осторожнее. Четыре года назад Игрейна думала, что это все неизбежно: и боль и ужас. Теперь она стала мудрее.

Молодая женщина лучезарно улыбнулась мужу.

— Нет-нет, ничуть, кажется, я могла бы так ехать до бесконечности! Но ты не боишься, что в столь густом тумане мы того и гляди собьемся с пути и до Лондиниума вовеки не доберемся?

— Тебе не о чем тревожиться, — серьезно отозвался он. — У меня опытные проводники, они знают путь как свои пять пальцев. А еще до вечера мы выедем на старую римскую дорогу, что ведет в самое сердце города. Так что нынче ночью мы будем спать под крышей и на приличной кровати.

— Сколь порадуюсь я приличной кровати, — кротко проворковала Игрейна, и, как она и ожидала, Горлойс так и вспыхнул. Он тут же отвернулся — так, словно жена внушала ему едва ли не страх, — и Игрейна, лишь недавно открывшая для себя эту власть, втайне возликовала.

Молодая женщина скакала рядом с Горлойсом, размышляя про себя о том, что нежданно-негаданно прониклась к мужу своего рода нежностью, причем к нежности этой примешивалось сожаление, как если бы Горлойс стал ей дорог только теперь, в преддверии утраты. Так ли или иначе, но только Игрейна знала: дни Горлойса сочтены. Никогда она не забудет, как ей впервые открылось, что муж умрет.

К Игрейне прибыл посланец с известием о том, что ей следует готовиться к приезду мужа. Горлойс прислал одного из своих людей, гонец подозрительно зыркал глазами и повсюду совал свой нос, без слов давая понять Игрейне, что, будь у него самого молодая жена, уж он-то бы примчался домой без предупреждения, в надежде уличить ее в каком-нибудь проступке или расточительстве. Игрейна, не зная за собою никакой вины — эконом

рачителен, кухня в порядке, — оказала посланцу достойный прием, не обращая внимания на его назойливое любопытство. Пусть допрашивает слуг, если хочет, небось узнает, что, кроме сестры и лорда мерлина, никаких гостей в Тинтагеле она не принимала.

Гонец уехал, Игрейна повернулась идти к дому и вдруг резко остановилась. В ярком солнечном свете на нее пала тень, и накатил беспричинный страх. И в этот самый миг она увидела Горлойса: но где же его конь и свита? Он исхудал, постарел, так, что в первое мгновение Игрейна не узнала герцога; лицо его осунулось, глаза ввалились. Щеку пересекал шрам от удара мечом, этой раны Игрейна не помнила.

— Муж мой! — воскликнула она. — Горлойс... — В лице герцога отражалось такое невыразимое горе, что молодая женщина напрочь позабыла свой страх перед мужем и годы обид и, не помня себя, бросилась к нему и заговорила так, словно обращалась к своему ребенку: — Ох, родной мой, что с тобой случилось? Что привело тебя сюда вот так — одного, безоружного, — ты не захворал ли? Ты не... — И тут Игрейна умолкла, и голос ее утих, затерялся среди отзвуков. Ибо на дворе никого не было, лишь тени струили неверный свет да звенело эхо ее голоса.

До самой ночи Игрейна упорно убеждала себя в том, что это — лишь Послание, не более, разве не так же Вивиана предупредила ее о своем приезде? Но обмануть себя не удавалось: Горлойс не обладает даром Зрения, а даже если бы и обладал, так ни за что в него бы не поверил и пользоваться бы им не стал. То, что она видела, — Игрейна знала, что это, хотя ни с чем подобным прежде не сталкивалась, — это призрак ее мужа, его двойник, тень и предвестник его смерти.

А когда Горлойс наконец вернулся, живой и здоровый, молодая женщина попыталась отогнать воспоминание, внушая себе, что всему виной лишь игра света — вот почему она различает за спиной мужа уже знакомую тень с рассеченной щекой и неизбывным горем в глазах. Ибо сам Горлойс ни от какой раны не страдал, а унывать и не думал, напротив, был в превосходном настроении, осыпал жену подарками и даже привез нить крохотных коралловых бусинок для Моргейны. Он загодя порылся в тюках, набитых захваченным у саксов добром, и вручил Моргаузе алый плащ.

— Небось принадлежал какой-нибудь саксонской блуднице, из тех, что таскаются за обозами, а не то одной из тех визгливых воительниц, что сражаются у них бок о бок с мужчинами в чем мать родила, — рассмеялся Горлойс и ущипнул девочку за подбородок. — Так что пусть уж лучше его носит порядочная британская девушка. Цвет тебе к лицу, сестренка. Вот подрастешь еще малость и станешь такой же хорошенькой, как моя жена.

Моргауза жеманничала, хихикала, запрокидывала голову,

вертясь в новом плаще то так, то этак. Позже, когда Горлойс и Игрейна уже собирались ложиться спать (орущую Моргейну выпроводили в комнату Моргаузы), герцог резко заметил:

— Надо бы выпихнуть девчонку замуж как можно скорее, Игрейна. Эта малявка — сучка та еще, глаза похотливые, по сторонам так и зыркают: ни одного мужчины не пропустит! Ладно, на меня засматривается — так ведь еще и на дружинников, тех, что помоложе, ты не заметила? Я в доме такую не потерплю: нечего позорить семью и подавать дурной пример моей дочери!

Игрейна ответила мужу мягко и сдержанно. Не она ли видела гибель Горлойса, а как спорить с обреченным на смерть? Кроме того, поведение Моргаузы ее и саму изрядно раздосадовало.

«Итак, Горлойс умрет. Ну что ж, и без всяких там пророчеств нетрудно предположить, что сорокапятилетний мужчина, всю свою жизнь сражавшийся с саксами, вряд ли успеет увидеть, как повзрослеют его дети. Из этого отнюдь не следует, что я поверю во всю остальную Вивианину чепуху, а не то, чего доброго, и впрямь стану ждать, что Горлойс возьмет меня с собою в Лондиниум!»

Но на следующий день, когда супруги засиделись за завтраком, а молодая женщина зашивала здоровенную дыру в лучшей мужниной тунике, Горлойс объявил напрямик:

— Ты, Игрейна, часом, не задаешься вопросом, с какой стати я приехал так внезапно?

Минувшая ночь прибавила Игрейне уверенности. Она улыбнулась, не опуская глаз:

— Должно ли мне искушать судьбу, задаваясь вопросом, что привело моего супруга домой после годичного отсутствия? От души надеюсь, это значит, что Саксонский берег очищен и снова в руках бриттов.

Горлойс рассеянно кивнул и улыбнулся. Но улыбка тут же угасла.

— Амброзий Аврелиан умирает. Старому орлу жить уже недолго, а птенца он себе на смену не вывел. Ощущение такое, словно легионы опять уходят, Амброзий был Верховным королем, сколько я себя помню, — и хорошим королем для тех из нас, что упорно надеялись, как я, на возвращение Рима. Теперь я вижу: день этот никогда не наступит. Владетели земель Британии съедутся в Лондиниум со всех концов страны, дабы избрать нового короля и военного вождя; должно ехать и мне. Путь я проделал длинный, а задержаться могу недолго, через три дня мне снова пора в дорогу. Но мог ли я, оказавшись так близко, не повидать тебя и ребенка? Народу там соберется видимо-невидимо, Игрейна, многие вожди и короли прибудут с супругами, не хочешь ли ты поехать со мной?

— В Лондиниум?

— Да, если ты согласна отправиться в такую даль и найдешь

в себе силы оставить ребенка. Не вижу, почему бы и нет. Моргейна здоровенькая и крепкая, а женщин тут довольно, чтобы присмотреть и за дюжиной таких, как она. А если моими стараниями ты вновь забеременела... — Встретив ее взгляд, Горлойс улыбнулся; подобной улыбки на его лице Игрейна никак не ждала увидеть. — ...Пока что езде верхом это не помешает. — В голосе герцога звучала непривычная нежность. — Мне бы не хотелось с тобой расставаться — по крайней мере так вот сразу. Поедешь ли ты, жена моя?

«*Ты должна как-то исхитриться и заставить мужа взять тебя с собою в Лондиниум*». Так велела Вивиана. А теперь вот благодаря самому Горлойсу дело обернулось так, что ей даже просить ни о чем не надо. На Игрейну внезапно накатила паника: словно лошадь под ней вдруг понесла. Молодая женщина взялась за чашу с пивом и пригубила напиток, скрывая смятение.

— Конечно, я поеду, раз на то твоя воля.

Два дня спустя они уже мчались на восток к Лондиниуму, к лагерю Утера Пендрагона и к умирающему Амброзию, на церемонию избрания Верховного короля...

Ближе к вечеру отряд выехал на римскую дорогу и поскакал быстрее; на закате впереди уже показались предместья Лондиниума, а в воздухе запахло морем. Игрейна и думать не думала, что в одном месте возможно собрать столько домов, на мгновение ей, привыкшей к стылым пустошам юга, почудилось, будто она задыхается, будто дома подступают к ней, грозя раздавить. Она ехала, точно в трансе, чувствуя, что каменные улицы и стены отрезают ее от воздуха, света, самой жизни... И как только люди умудряются жить за городскими стенами?

— Сегодня мы заночуем у одного из моих дружинников, у него в городе свой дом, — проговорил Горлойс. — А завтра явимся ко двору Амброзия.

В тот вечер, устроившись у огня (что за роскошь, думала она, огонь в очаге, когда до дня середины лета рукой подать!), Игрейна спросила мужа:

— Кто, по-твоему, станет следующим Верховным королем?

— Женщине-то какая разница, кто правит страной?

Игрейна уклончиво улыбнулась мужу, на ночь она распустила волосы, и, разумеется, Горлойс не остался равнодушен к улыбке.

— Хоть я и женщина, Горлойс, судьба и мне назначила жить в этой стране, и весьма хотелось бы мне знать, за каким таким человеком следует супруг мой в дни мира и войны.

— Мир! Мира нам не видать, по крайней мере, я до него не доживу, — отвечал Горлойс. — Нам не знать покоя, пока все эти дикари стекаются к нашим изобильным берегам; чтобы защититься, нам должно собрать все силы, что есть. Многие, очень

многие не прочь облечься в Амброзиеву мантию и встать во главе войска. Вот, например, Лот Оркнейский. Жесток, зато надежен, сильный вождь, хороший военный стратег. Хотя до сих пор не женат, значит, о династии речь не идет. Для Верховного короля он слишком молод, но властолюбив; в жизни не видел такого честолюбца, и в его-то годы! Есть еще Уриенс, владыка Северного Уэльса. Здесь с династией все в порядке; сыновья у него уже имеются. Зато воображением его природа обделила; он хочет, чтобы все делалось точно так же, как встарь; дескать, один раз удалось, значит, удастся и снова. Кроме того, подозреваю, что христианин из него никудышный.

— А ты бы кого выбрал? — полюбопытствовала Игрейна.

Горлойс вздохнул.

— Ни того, ни другого, — признался он. — Я всю жизнь служил Амброзию, и я пойду за тем, кого изберет Амброзий, это вопрос чести, а ставленник Амброзия — Утер. Вот и все, и говорить тут не о чем. Не то чтобы Утер мне по душе. Распутник тот еще, ублюдков наплодил не меньше дюжины, рядом с ним ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности. Он ходит к обедне, потому что так поступает все войско и потому что так полагается. По мне, лучше бы уж был честным язычником, чем христианином из соображений выгоды.

— И все-таки ты его поддерживаешь...

— О да. Такой воин в цезари сгодился бы, он только скажи — солдаты за ним хоть в ад. Утер из кожи вон лезет, пытаясь снискать популярность в войске: ну, ты знаешь все эти штуки: обходит лагерь, ест из солдатских котлов вместо того, чтобы отдохнуть, целый день может убить на то, чтобы сходить к префекту лагеря и добиться увольнения для какого-нибудь беззубого дряхлого ветерана, накануне битвы дрыхнет у костра бок о бок с солдатами. Люди умереть за него готовы — и умирают же! У него и мозгов достаточно, и с воображением все в порядке. Прошлой осенью он умудрился заключить мир с союзными саксами, так что они сражались на нашей стороне... по мне, так он мыслит слишком уж на саксонский манер, зато знает, как у них голова устроена. Да, я его поддержу. Но это вовсе не значит, что Утер мне по сердцу.

Слушая мужа, Игрейна думала про себя, что узнает куда больше о самом Горлойсе, нежели о прочих претендентах на титул Верховного короля. Наконец она вымолвила:

— А ты никогда не задумывался... Ты — герцог Корнуольский, и Амброзий тебя ценит; что, если Верховным королем изберут тебя?

— Поверь мне, Игрейна, о короне я не мечтаю. А тебе хотелось бы стать королевой?

— Я бы не отказалась, — обронила она, вспоминая пророчество мерлина.

— Ты говоришь так лишь потому, что слишком молода и не понимаешь, что это значит, — улыбнулся Горлойс. — Ты в самом деле желаешь править королевством так же, как распоряжаешься прислугой в Тинтагеле, на самом деле будучи на побегушках у всех и каждого? В давние времена, когда я был помоложе... но я не хочу остаток жизни провести на войне, нет. Игрейна, вот уже много лет как Амброзий вручил мне Тинтагель, да только я там почитай что и не появлялся: лишь четыре года назад мне удалось-таки пробыть там достаточно долго, чтобы обзавестись женой! Я буду защищать эти берега, пока в силах поднять меч, но я хочу сына — чтобы играл с моей дочкой; хочу отдохнуть в мире, порыбачить со скал, поохотиться, погреться на солнышке, наблюдая, как поселяне убирают хлеб; и еще, пожалуй, мне нужно время, чтобы примириться с Господом: пусть Он простит меня за все то, что мне приходилось совершать, будучи солдатом. Но даже когда на земле царит мир, Верховный король не знает покоя, ибо едва враги покидают наш берег — что бы ты думала? — сражаться начинают друзья, ну, скажем, за королевские милости. Нет уж, корону я не приму, а когда тебе исполнится столько же, сколько и мне, ты этому только порадуешься.

У Игрейны защипало в глазах. Итак, этот суровый воин, этот угрюмый мужчина, некогда внушавший ей такой страх, ныне чувствует себя с ней настолько легко и свободно, что готов поделиться самым сокровенным. Молодая женщина всем сердцем желала, чтобы судьба даровала-таки Горлойсу его последние несколько лет под солнцем, как ему мечталось, но даже сейчас, в отблесках огня, она различала за его спиной неотступную, зловещую тень рока.

«*Это все пустые фантазии, я наслушалась мерлина и навоображала себе всяких глупостей*», — убеждала себя Игрейна. Горлойс зевнул, потянулся — дескать, ну и устал же он после целого дня в седле! — и она не мешкая помогла мужу раздеться.

На незнакомой кровати Игрейна так и не сомкнула глаз. Она ворочалась и металась на постели, прислушиваясь к тихому дыханию герцога; Горлойс то и дело тянулся к ней во сне, и молодая женщина баюкала его на груди, точно ребенка. «*Возможно, мерлин и Владычица испугались собственной тени*, — размышляла она, — *возможно, Горлойс и впрямь успеет состариться на солнышке*». Возможно, перед тем как уснуть, он и впрямь заронил в нее семя того самого сына, которого, по словам мерлина с Вивианой, якобы никогда не зачнет. Но под утро Игрейна забылась беспокойным сном, и приснился ей затерянный в тумане мир и очертания Священного острова, постепенно тающие в мареве; Игрейне грезилось, будто она гребет на ладье, измученная, обес-

силенная, пытаясь отыскать остров Авалон, где Богиня с лицом Вивианы ждет ее, чтобы спросить, хорошо ли она исполнила то, чего от нее требовалось. Но хотя береговая линия казалась такой знакомой и к самой воде подступали яблоневые рощи, когда Игрейна дошла до святилища, в нем стоял крест, и хор облаченных в черное христианских монахинь тянул унылый гимн. Игрейна бросилась бежать, ища сестру, и крики ее тонули в звоне церковных колоколов. Она проснулась с тихим всхлипом — отголоском плача во сне — и села на постели. Повсюду разносился колокольный звон.

Горлойс тоже приподнялся.

— Это — та самая церковь, куда ходит к обедне Амброзий. Скорей одевайся, Игрейна, мы пойдем вместе.

Молодая женщина уже затягивала поверх льняного платья тканый шелковый пояс, когда в дверь постучался незнакомый слуга и попросил дозволения переговорить с госпожой Игрейной, супругой герцога Корнуольского. Игрейна вышла к порогу; посланец показался ей знакомым. Тот поклонился, и молодая женщина тут же вспомнила, где его видела: много лет назад, на веслах ладьи Вивианы. В памяти тут же воскрес сон, и внутри у Игрейны все похолодело.

— Твоя сестра шлет тебе вот это, — проговорил слуга, — и велит носить эту вещь на себе и помнить о своем обещании, не более. — И гонец вручил молодой женщине крохотный шелковый сверточек.

— Это еще что такое, Игрейна? — хмуро осведомился Горлойс, подходя сзади. — Кто шлет тебе подарки? Этот посланец тебе знаком?

— Он из свиты моей сестры, с острова Авалон, — отозвалась Игрейна, разворачивая сверток.

— Моя жена не принимает подарков от гонцов, мне неизвестных, — сурово отрезал герцог, грубо отбирая у нее вещицу. Игрейна негодующе вскинулась. Все ее недавняя нежность к Горлойсу растаяла в единый миг: да как он смеет!

— Да это же тот самый голубой камень, что был на тебе в день нашей свадьбы, — насупясь, промолвил Горлойс. — А обещания тут при чем? И каким образом камень попал к твоей сестре — если послание и впрямь от нее?

Быстро собравшись с мыслями, Игрейна впервые в жизни умышленно солгала мужу:

— Когда сестра навещала меня, я отдала ей камень вместе с цепочкой — починить застежку: она знает на Авалоне одного златокузнеца, до которого корнуольским мастерам далеко. Я же пообещала ей впредь обращаться со своими украшениями аккуратнее, ведь я — взрослая женщина, а не беспечный ребенок, не знающий цены дорогим вещам, вот об этом она мне и напоми-

нает. А теперь могу ли я получить назад свою подвеску, о, супруг мой?

По-прежнему хмурясь, Горлойс протянул ей лунный камень:

— У меня в услужении довольно златокузнецов, так что застежку можно было бы починить, обойдясь без нравоучений, что читать тебе сестра давно уже не вправе. Вивиана слишком много на себя берет, может, в детстве она и заменяла тебе мать, да только теперь ты не на ее попечении. Надо бы тебе почаще вспоминать о том, что ты — взрослая женщина, и меньше оглядываться на дом родной.

— Ну вот, теперь меня отчитали дважды, — раздраженно отпарировала Игрейна, застегивая цепочку на шее. — Один раз — сестра, а второй раз — муж, точно я и впрямь дитя неразумное.

Над его головой по-прежнему маячила тень смерти, жуткий призрак, неотступно преследующий обреченного. И внезапно Игрейна пожелала про себя, пожелала исступленно, чтобы никакого ребенка и не было, чтобы ей не пришлось рожать сына мужу, который одной ногою в могиле... Внутри ее все обратилось в лед.

— Ну, будет тебе, Игрейна, — примирительно проговорил Горлойс, приглаживая ей волосы, — не злись на меня. На будущее постараюсь запомнить, что ты и впрямь — взрослая женщина на девятнадцатом году жизни, а не пятнадцатилетняя девчонка! Пойдем же, надо собраться к обедне, а то священники не одобряют хождений туда-сюда после того, как служба начнется.

Церковь оказалась маленькой, сплетенной из прутьев мазанкой; в сыром, промозглом воздухе тускло мерцали светильники. Игрейна порадовалась про себя, что надела плотный шерстяной плащ. Горлойс шепотом пояснил жене, что седовласый священник, престарелый и благообразный, что твой друид, — личный исповедник Амброзия, состоящий при войске, и что сегодня служат благодарственную службу в честь возвращения короля.

— А сам король здесь?

— Вон он входит, его место у самого алтаря, — прошептал Горлойс, наклоняя голову.

Игрейна тут же узнала Амброзия по темно-красной мантии, надетой поверх темной, богато вышитой туники, у бедра его висел инкрустированный самоцветами меч. Молодая женщина прикинула про себя, что Амброзию Аврелиану где-то около шестидесяти: высокий, худощавый, чисто выбритый на римский манер, он брел, ссутулившись, осторожно переставляя ноги, словно изнутри его терзала боль. Некогда он, возможно, был весьма хорош собой, сейчас лицо его пожелтело, покрылось морщинами, темные усы обвисли, побелели, волосы посеребрила седина. Рядом с ним шли двое-трое советников, а может быть, и герцогов; Игрейна уже собиралась спросить мужа, кто они, но священник, видя, что король прибыл, принялся читать по своей

внушительной книге. Молодая женщина прикусила язычок и промолчала, внимая службе, которую даже теперь, после четырех лет наставлений отца Колумбы, не вполне понимала, да и не стремилась понять. Игрейна знала: глазеть в церкви по сторонам под стать неотесанной деревенщине считается дурным тоном, однако ж она украдкой приглядывалась из-под капюшона к окружению короля: к человеку, которого она сочла Уриенсом из Северного Уэльса, и к богато разодетому, стройному красавцу, чьи темные волосы были коротко подстрижены на уровне подбородка по римской моде. Не это ли — Утер, соратник Амброзия и его вероятный преемник? На протяжении всей долгой службы он предупредительно держался рядом с Амброзием, стоило стареющему королю пошатнуться, и темноволосый изящный сопровождающий тут же предложил ему руку. Он не сводил глаз со священника, однако Игрейна, обученная читать мысли людей по лицам, понимала: этот человек не прислушивается ни к святому отцу, ни к службе как таковой, а сосредоточенно размышляет о своем. Один раз он поднял голову, поглядел прямо на Горлойса и на мгновение встретился взглядом с Игрейной. Глаза его казались двумя темными точками под кустистыми бровями, и молодая женщина передернулась от отвращения. Если это Утер, она не желает иметь с ним ничего общего, рядом с ним корона встанет ей слишком дорого. Надо думать, этот человек старше, чем выглядит, на вид ему было лет двадцать пять, не больше.

Служба шла своим чередом, когда в дверях возникла небольшая суматоха. В церковь вошел высокий, воинского вида незнакомец, широкоплечий, но худощавый, закутанный в плотный тканый плед вроде тех, что носят северяне. За ним следовали четыре-пять ратников. Священник, точно не заметив, невозмутимо продолжал читать, но стоявший тут же диакон оторвался от Евангелия и сердито нахмурился. Вновь вошедший обнажил голову, явив взгляду шапку светлых волос, уже редеющих, особенно на макушке. Он пробрался сквозь толпу прихожан, священник произнес: «Помолимся»; и, уже опускаясь на колени, Игрейна увидела, что высокий светловолосый незнакомец и его спутники совсем рядом, ратники смешались со свитой Горлойса, а сам предводитель оказался подле нее. Опускаясь на колени, он быстро оглянулся по сторонам, проверяя, всем ли его людям нашлось место, и, благочестиво склонив голову, приготовился внимать молитве.

На протяжении всей долгой службы он так и не поднял головы. Даже когда прихожане вереницей потянулись к алтарю за освященным хлебом и вином, незнакомец не двинулся с места. Горлойс коснулся плеча Игрейны, и она послушно подошла к нему: христиане считают, что жене должно принять мужнюю веру, так что, если она и идет к причастию, не подготовившись

должным образом, пусть этот их Господь винит Горлойса. Отец Колумба долго урезонивал ее насчет подобающих молитв и прочего, так что Игрейна в конце концов решила, что толком соблюсти все тонкости ей все равно не удастся. Но Горлойс на нее рассердится, и, в конце концов, разве можно нарушать тишину, вступая с мужем в спор, пусть даже и шепотом?

Стиснув зубы, она вернулась на место: хлеб грубого помола и кислое вино на пустой желудок пришлись куда как некстати. Высокий незнакомец поднял голову. Горлойс коротко кивнул ему — и прошел дальше. Незнакомец взглянул на Игрейну; на мгновение показалось, что он смеется и над нею, и над Горлойсом. Молодая женщина не сдержала улыбки. Горлойс неодобрительно нахмурился, Игрейна поспешила за мужем и покорно преклонила колени рядом с ним. Она видела: светловолосый незнакомец не сводит с нее глаз. Игрейна предположила, что это наверняка — Лот Оркнейский, тот самый, кого Горлойс назвал честолюбивым юнцом. Среди северян на каждом шагу встречаются светлокудрые, точно саксы.

Зазвучал заключительный псалом, Игрейна слушала, в слова особенно не вдумываясь.

Избавление послал Он народу Своему; заповедал навеки завет Свой. Свято и страшно имя Его! Начало мудрости — страх Господень... [1]

Горлойс склонил голову, дожидаясь благословения. Сколько всего поняла она о своем супруге за эти несколько дней! Игрейна знала, что он христианин, еще когда только выходила за него замуж; по правде говоря, в нынешние времена почти все — христиане, куда ни глянь, а те, что нет, тщательно это скрывают, кроме, разве, тех, кто живет поблизости от Священного острова, оплота Древней веры, да еще северных варваров и саксов. Но Игрейна и не подозревала, что муж ее искренне набожен.

Отзвучало благословение, священник и его диаконы удалились, унося с собою крест для благословения и Священную книгу. Игрейна оглянулась на короля. Выглядел он бледным и измученным, по пути к выходу он тяжело опирался на руку темноволосого юнца, что стоял рядом и поддерживал старика на протяжении всей службы.

— Владыка Оркнейский времени не теряет, не так ли, мой лорд Корнуольский, — проговорил высокий светловолосый незнакомец, закутанный в плед. — Последние дни он ни на шаг от Амброзия не отходит, так вокруг него и вьется!

«Выходит, — подумала про себя Игрейна, *— это вовсе не герцог Оркнейский».*

Горлойс хмыкнул в знак согласия.

---

[1] Пс 110:9-10.

— Это, надо думать, твоя госпожа и супруга, Горлойс?

— Игрейна, дорогая моя, это наш военный вождь, Утер, Племена прозвали его Пендрагоном, по гербу на знамени, — неохотно буркнул Горлойс.

Молодая женщина, изумленно моргая, присела до полу. Этот нескладный увалень, светловолосый, точно сакс, — Утер Пендрагон? Этому придворному, этому невеже, что ввалился в церковь посреди службы, суждено стать преемником Амброзия? А Утер между тем глядел во все глаза — нет, не на лицо ее, осознала Игрейна, но куда-то чуть ниже. Молодая женщина, встревожившись, уж не пролила ли она часом на платье вино святого причастия, тоже опустила взгляд и обнаружила, что Утер неотрывно смотрит на лунный камень у нее на груди. «*Неужто раньше таких не видел*?», — раздраженно подумала она.

Горлойс тоже проследил направление его взгляда.

— Мне хотелось бы представить мою супругу королю, доброго вам дня, лорд мой герцог, — бросил он и, не дожидаясь прощальных слов Утера, зашагал к выходу. — Мне не нравится, как он на тебя смотрит, Игрейна, — объявил он, оказавшись за пределами слышимости. — Для порядочной женщины он — неподходящее знакомство. Избегай его.

— Он смотрел вовсе не на меня, о супруг мой, но на мою подвеску, — возразила Игрейна. — Он что, так жаден до драгоценностей?

— Он до всего жаден, — коротко отрезал Горлойс. И увлек жену за собою, да так стремительно, что Игрейна в своих башмачках на тонкой подошве то и дело спотыкалась на каменной мостовой. Вскоре супруги поравнялись с королем и его свитой.

Амброзий в окружении священников и советников выглядел самым обычным дряхлым, больным стариком, который отправился к обедне натощак и теперь не прочь присесть и подкрепиться. Он шел, прижимая одну руку к боку, точно внутри у него все болело и ныло. Но Горлойсу он улыбнулся с искренней приязнью, и Игрейна тотчас же поняла, почему все жители Британии разом позабыли о своих распрях ради того, чтобы встать под знамена этого человека и отшвырнуть саксов от родных берегов.

— Как, Горлойс, ты уже вернулся из Корнуолла — так быстро? Я уж почти и не надеялся увидеть тебя до совета, а то и вообще, — промолвил Амброзий. Голос его звучал чуть слышно, с придыханием, король протянул к Горлойсу руки, а тот осторожно обнял старика и без околичностей выпалил:

— Вы больны, мой лорд, вам не следовало вставать с постели!

Амброзий улыбнулся краем губ.

— Очень скоро я в нее лягу и боюсь, что надолго. Вот так и епископ говорит, он предлагал принести святые дары мне в постель, буде я того пожелаю, да только мне захотелось еще разок

показаться среди вас. Пойдем, Горлойс, позавтракаешь со мной, да заодно и расскажешь, как там жизнь в вашем мирном захолустье.

Мужчины зашагали дальше, Игрейна спешила вслед за мужем. По другую руку от короля шел стройный, темноволосый, одетый в алое юнец: Лот Оркнейский, вспомнила она. В королевских покоях Амброзия усадили в удобное кресло — и король поманил к себе Игрейну.

— Добро пожаловать к моему двору, леди Игрейна. Твой супруг рассказывал мне, что ты — дочь Священного острова.

— Это так, сир, — смущенно подтвердила Игрейна.

— В числе моих придворных советников есть и твои соплеменники, священникам не по душе, что друидов ставят на одну доску с ними, но я им говорю: все вы служите Великим, тем, что над нами, только под разными именами. А мудрость есть мудрость, откуда бы она ни пришла. Иногда мне кажется, что ваши Боги окружают себя слугами более разумными, нежели избирает наш Господь, — проговорил Амброзий, улыбаясь гостье. — Ну же, Горлойс, садись к столу, сюда, рядом со мной.

Игрейна присела на подушку, подумав про себя, что Лот Оркнейский изрядно смахивает на неприкаянного пса: его прогнали пинком, а он все норовит приползти обратно к хозяину. Если Амброзия окружают те, кто его искренне любит, это превосходно. Но в самом ли деле Лот привязан к своему королю или просто стремится оказаться ближе к трону, чтобы и на него упал отблеск отраженного могущества? Молодая женщина заметила, что Амброзий, учтиво предлагающий гостям свежий пшеничный хлеб, мед, свежую рыбу со своего стола, сам ест лишь кусочки хлеба, размоченные в молоке. Не укрылась от нее и легкая желтизна, окрасившая белки его глаз. «*Амброзий умирает*», — говорил Горлойс. За свою жизнь Игрейна повидала достаточно смертельно больных, чтобы понять: муж сказал чистую правду. И сам Амброзий, судя по его словам, отлично это сознает.

— До меня дошли известия о том, будто саксы заключили что-то вроде договора с северянами: вроде как коня зарезали и принесли клятву на его крови, как это у них, у дикарей, водится, — проговорил Амброзий. — Так что возможно, на сей раз полем битвы станет Корнуолл. Уриенс, тебе, вероятно, придется вести наши войска в Западные земли, тебе и Утеру, он-то знает валлийские холмы, как рукоять своего меча. Чего доброго, война и в ваши мирные края придет, Горлойс.

— Но ведь вас, как и нас на севере, защищает морской берег и утесы, — вкрадчиво проговорил Лот Оркнейский. — Не думаю, что орды дикарей доберутся до Тинтагеля, для этого нужно хорошо знать скалы и бухты. А ведь даже с суши Тинтагель нетрудно защитить, благодаря протяженной дамбе.

— Это верно, — согласился Горлойс, — но в бухтах на берег

легко высадиться с корабля; и даже если враги не сумеют добраться до замка, нельзя забывать о разбросанных тут и там деревнях, о плодородных землях и посевах. Я могу защитить крепость, но что будет с округой? Я — герцог, ибо защищаю своих подданных.

— Сдается мне, что герцог или король должны бы делать и больше, — отозвался Амброзий, — но доподлинно сказать не могу. Я никогда не знал мира, так что проверить не удалось. Возможно, наши сыновья сумеют то, чего не удалось нам. Ты, Лот, пожалуй, до этого доживешь, ты из нас самый молодой.

Во внешней комнате послышался шум, и в следующий миг в дверях воздвигся высокий светловолосый Утер. Он держал на привязи двух псов, псы рычали, тявкали, рвались с поводков. Задержавшись на пороге, он терпеливо распутал кожаные ремни, вручил поводки слугам и вошел в покой.

— Ты нам все утро покоя не даешь, Утер, — съязвил Лот. — Сперва священнику помешал обедню служить, а теперь вот короля за завтраком потревожил.

— Я помешал? Умоляю простить меня, лорд мой, — улыбнувшись, проговорил Утер, и король протянул ему руку, просияв, точно при виде любимого ребенка.

— Прощаю, Утер, только, будь так добр, отошли собак. Ну же, иди сюда, садись рядом, мальчик мой, — проговорил Амброзий, неловко поднимаясь на ноги. Утер обнял старика, очень осторожно и почтительно, отметила Игрейна. «*А ведь Утер и впрямь любит короля, тут не просто честолюбие придворного, домогающегося королевских милостей!*»

Горлойс приподнялся было, уступая вновь вошедшему место рядом с Амброзием, но король жестом велел ему остаться. Утер перебросил через лавку сперва одну длинную ногу, затем другую, пробираясь к сиденью рядом с Игрейной. Споткнувшись, он чуть не упал на соседку, молодая женщина смущенно отдернула юбки. «*Ну, это же надо быть таким неуклюжим! Точно огромный дружелюбный щенок!*» Утер схватился рукой за край стола — и удержался-таки на ногах.

— Прости мне мою неловкость, госпожа, — улыбнулся он Игрейне, глядя на нее сверху вниз. — На твоих коленях я, сдается мне, не помещусь!

Молодая женщина, не сдержавшись, залилась смехом.

— Даже твои псы не поместились бы, лорд мой Утер!

Он положил себе хлеба и рыбы и предложил соседке меда, зачерпнув из горшочка полную ложку. Игрейна учтиво отказалась.

— Я не люблю сладости, — проговорила она.

— Ты в них и не нуждаешься, госпожа, — отвечал Утер. И молодая женщина заметила, что он вновь неотрывно глядит на ее

грудь. Он что, впервые видит лунный камень? Или любуется округлыми изгибами? Внезапно Игрейна с болью осознала, что грудь ее уже не так высока и крепка, как до рождения Моргейны. К щекам ее прихлынул жаркий румянец, и она поспешно отхлебнула холодного свежего молока.

Утер был хорош собой, на гладкой, упругой коже — ни морщинки. Молодая женщина вдыхала запах его пота, чистый и свежий, как у ребенка. И все же не так уж он и молод, светлые, выгоревшие под солнцем волосы на затылке уже начинают редеть. Игрейна ощутила странное, неведомое прежде беспокойство; они сидели так близко, что бедра их соприкасались, и Игрейна ни на миг не могла о том забыть. Молодая женщина опустила взгляд и откусила кусочек хлеба с маслом, прислушиваясь к тому, как Горлойс с Лотом обсуждают, что будет, если в Западную страну придет война.

— Саксы — воители, да, — промолвил Утер, присоединяясь к разговору, — но они сражаются более-менее цивилизованным способом. Северяне, скотты, дикари из запредельных земель — они просто одержимые, бросаются в битву нагишом и с воплями, так что очень важно обучить войско стойко держаться против них и не бежать в страхе.

— Вот здесь у легионов преимущество перед нашими, — подхватил Горлойс. — То были солдаты, сознательно избравшие для себя это ремесло, дисциплинированные, обученные военному искусству, а не поселяне с земледельцами, которые идут сражаться, ничего в этом деле не смысля, и возвращаются на свои подворья, когда опасность позади. Что нам нужно, так это британские легионы. Возможно, если еще раз воззвать к императору...

— У императора, — Амброзий улыбнулся краем губ, — довольно забот и без нас. Нам нужны всадники, нам нужна конница, но если нам необходимы британские легионы, Утер, нам придется создавать их своими силами.

— Невозможно, — решительно отрезал Лот. — Наши люди станут сражаться за свои дома или из преданности своим клановым вождям, но не ради какого-то там короля или императора. А за что, по-вашему, они бьются, как не за то, чтобы вернуться домой и жить потом в покое и благоденствии? Люди, которые идут за мной, идут за *мной* — а не воюют за какую-то там воображаемую свободу. Мне не так-то просто отвести их так далеко на юг, они говорят — и ведь они правы! — что никаких саксов в наших краях и в помине нет, так зачем бы им сражаться так далеко от дома? Дескать, вот придут саксы к их порогам, тогда и успеется с ними сразиться и защитить землю, а жители южных окраин пусть сами обороняют свою страну.

— Неужто они не понимают: если они придут и остановят саксов здесь, саксы, пожалуй, никогда не нагрянут в их края... —

негодующе начал Утер, и Лот со смехом взмахнул изящной рукой.

— Спокойно, Утер! Я-то об этом знаю — в отличие от моих подданных. Из тех, кто живет к северу от великой стены, ты не создашь британских легионов, да и постоянной армии тоже!

— Может статься, Цезарь был прав, — сипло отозвался Горлойс. — Может, нам и впрямь следует восстановить оборону стены. Не для того, чтобы не подпускать к городам диких северян, как в его случае, но чтобы оградить от саксов твою землю, Лот.

— На это мы войска выделить не можем, — нетерпеливо бросил Утер. — Не можем выделить обученные войска — и точка! Может, придется позволить союзным саксам защищать Саксонский берег и держать оборону в Западной стране против скоттов и северян. Думаю, укрепиться нам следует в Летней стране; тогда зимой они не смогут добраться до нас и разорить наш лагерь, как это случилось три года назад, мимо островов они не пройдут, не зная дороги.

Игрейна внимательно прислушивалась. Она родилась в Летней стране и знала, что зимой море выходит из берегов и затапливает землю. Заболоченная область, вполне проходимая летом, зимой превращается в озера и протяженные внутренние моря. Армии захватчиков непросто будет пройти через эти края.

— Вот и мерлин мне так же сказал, — отозвался Амброзий, — и предложил показать места, где в Летней стране наши воинства могли бы встать лагерем.

— Не хочу я оставлять Саксонский берег на союзные войска. Сакс — он и есть сакс и клятву будет держать лишь до тех пор, пока это ему выгодно, — скрипучим голосом отозвался Уриенс. — Думаю, величайшей ошибкой всех наших жизней стал тот день, когда Константин заключил договор с Вортигерном...

— Нет, — возразил Амброзий. — Пес с примесью волчьей крови будет драться с волками свирепее любого пса. Константин вручил Вортигерновым саксам их собственную землю, и они сражались за нее. Саксам нужно лишь одно: земля. Они — земледельцы, и они будут биться не на жизнь, а на смерть, чтобы охранить свою землю. Союзные войска доблестно сражались против саксов, пришедших захватить наши берега...

— Но теперь, когда их так много, — возразил Уриенс, — они требуют расширить выданные им по договору наделы и грозятся, что, если мы не дадим им еще земли, они придут и возьмут ее сами. Так что теперь, словно нам мало саксов из-за моря, приходится сражаться еще и с теми, что привел в наши края Константин...

— Довольно, — проговорил Амброзий, поднимая худую руку, и Игрейна осознала, насколько серьезно он болен. — Не в моих силах исправить ошибки — если это и впрямь ошибки, —

совершенные теми, кто умер до моего рождения. Мне дай Боже хотя бы свои промахи исправить, а за тот срок, что мне остался, я и этого не успею. Но пока жив, что смогу, сделаю.

— Думаю, самое разумное — это первым делом изгнать саксов из наших собственных земель, — предложил Лот, — а потом укрепиться, чтобы не допустить их возвращения.

— Не думаю, что такое возможно, — возразил Амброзий. — Они жили здесь со времен дедов, прадедов и прапрапрадедов, если не все, то некоторые, и, если только мы не собираемся их перебить, они не уйдут с земли, которую по праву называют собственной; да и мы договора не нарушим. Если мы станем друг с другом сражаться здесь, на берегах Британии, то откуда нам взять оружие и силы, чтобы выдержать вторжение извне? Кроме того, многие саксы с Саксонского берега — христиане и станут сражаться на нашей стороне против дикарей и их языческих богов.

— Думаю, — сдержанно улыбнулся Лот, — епископы Британии были правы, отказываясь посылать миссионеров спасать души саксов на наших берегах, говоря, что если кого из саксов и пустят в Небеса, так, чур, без их содействия! Довольно нам от этих саксов и на земле неприятностей, неужто и на Небесах не обойтись без их грубых свар!

— Сдается мне, насчет природы Небес ты заблуждаешься, — раздался знакомый голос, и Игрейна ощутила в груди странную, сосущую пустоту узнавания. Она поглядела через стол на говорящего: на нем была простая серая одежда монашеского покроя. В этом одеянии она мерлина ни за что бы не узнала, но вот голос его не перепутала бы ни с каким иным. — Лот, ты вправду думаешь, что людские ссоры и несовершенства сохранятся и в Небесах?

— Ну, что до этого, ни с кем из побывавших в Небесах мне разговаривать не доводилось, — отозвался Лот, — да и тебе, думаю, так же, лорд мерлин. Но ты изъясняешься мудро, что твой священник, — уж не принял ли ты сан на старости лет, господин?

— У меня с вашими священниками общее лишь одно, — со смехом ответствовал мерлин. — Я много времени потратил, пытаясь отделить человеческое от Божественного, а когда преуспел, вижу, что разница не так уж и велика. Здесь, на земле, мы этого не видим, но, избавившись от тела, мы познаем больше и постигнем, что распри наши в глазах Господа ничего не стоят.

— Тогда зачем мы сражаемся? — осведомился Утер, усмехаясь, точно решил потрафить старику. — Если все наши споры благополучно разрешатся на Небесах, так чего бы нам не сложить оружие и не обнять саксов, точно братьев?

— Когда мы все обретем совершенство, так оно и будет, лорд

Утер, но они о том до поры не ведают, так же, как и мы, — снова улыбнувшись, любезно заверил мерлин. — И пока судьба человеческая толкает людей к битвам, ну что ж, приходится исполнять предназначенное, играя в игры смертной жизни. Но в этой земле нам необходим мир для того, чтобы люди задумались о Небесах, а не о войне и битве.

— Не по душе мне рассиживаться, размышляя о Небесах, старик, — рассмеялся Утер. — Это дело я предоставлю тебе и прочим служителям Божьим. Я — воин, им был, им остаюсь и молюсь о том, чтобы всю свою жизнь провести в битвах, как подобает мужу, а не монаху.

— Ты осторожнее выбирай, о чем молишься, — предостерег мерлин, вскидывая глаза на Утера. — А то, глядишь, Боги и дарują просимое.

— Я не хочу состариться в размышлениях о Небесах и мире, — фыркнул Утер, — уж больно это все скучно. Мне подавай войну, добычу, женщин — о да, женщин, — а служители Божьи этого всего не одобряют.

— Выходит, недалеко ты ушел от саксов, так, Утер? — обронил Горлойс.

— Не ваши ли священники твердят: возлюбите врагов своих, а, Горлойс? — расхохотался Утер и, потянувшись через Игрейну, добродушно хлопнул ее супруга по спине. — Так вот я и люблю сакса: сакс дает мне все то, чего я хочу от жизни! Чего и тебе желаю: ведь когда случается мирная передышка, вот, как сейчас, можно радоваться пирам и женщинам, а потом — снова в битву, как подобает настоящему мужу! Думаешь, женщинам милы те мужчины, что хотят греться у огня и поле возделывать? Думаешь, твоя прекрасная госпожа была бы столь же счастлива с пахарем, как с герцогом и полководцем?

— Ты еще молод, Утер, потому так и рассуждаешь, — серьезно промолвил Горлойс. — Вот доживешь до моих лет, так и тебе война опротивеет.

Утер фыркнул:

— Что скажешь, лорд Амброзий? Опротивела ли тебе война?

Амброзий улыбнулся усталой, измученной улыбкой.

— Какая разница, опротивела мне война или нет, Утер, Господь в мудрости своей порешил, чтобы дни мои прошли в битвах, так оно и вышло, по воле Его. Я защищал мой народ, так поступит и тот, кто придет мне на смену. Возможно, при твоей жизни или при жизни твоих сыновей у нас достанет мирного времени, чтобы спросить себя: чего ради мы воюем.

— Эге, да тут, никак, одни философы собрались, мой лорд мерлин, король мой, — прозвучал вкрадчивый, многозначительный голос Лота Оркнейского. — Даже ты, Утер, в рассуждения ударился. Вот только вся эта заумь не подскажет нам, что же все-

таки делать с дикарями, наступающими на нас с востока и с запада, и с саксами на наших собственных берегах. Думаю, все мы хорошо понимаем: от Рима нам помощи не дождаться. Если нам нужны легионы, надо самим их создавать, и, сдается мне, придется нам обзавестись заодно и собственным цезарем, ибо точно так же, как солдатам нужны свои полководцы, так и владетелям этого острова нужен кто-то, кто стоял бы над ними всеми.

— А зачем нам звать своего короля титулом цезаря? Или считать его таковым? — осведомился воин, которого, как слышала Игрейна, называли Экторием. — В наши дни цезари правили Британией очень даже неплохо, но мы сами видим: слабое место империи вот в чем: как только в родном городе начинаются беспорядки, римляне уводят легионы и оставляют нас на растерзание варварам! Даже Магнус Максимус...

— Он не был императором, — улыбаясь, напомнил Амброзий. — Магнус Максимус хотел быть императором, когда командовал здешними легионами, — для военного вождя устремление вполне понятное. — Игрейна заметила, как король коротко улыбнулся Утеру поверх голов. — Так что он прихватил свои легионы и двинулся маршем на Рим, рассчитывая, что его провозгласят императором — при поддержке армии, и здесь он был не первым и не последним. Но до Рима он так и не дошел, и все его честолюбивые замыслы пошли прахом, вот только предания и остались... в твоих валлийских холмах, Утер, до сих пор, сдается мне, говорят о Магнусе Великом, что однажды вернется с могучим мечом, во главе легионов и защитит свой народ от любых захватчиков...

— Говорят, еще как говорят, — смеясь, заверил Утер. — На него навесили древнюю легенду из незапамятных времен о короле, что жил некогда и вернется снова спасти свой народ в час нужды. Да кабы я отыскал такой меч, я бы сам отправился в родные холмы и набрал бы себе столько легионов, сколько понадобится.

— Возможно, — удрученно произнес Экторий, — именно это нам и нужно: король из легенды. Если король вернется, меч тоже долго искать не придется.

— Ваши священники сказали бы, — ровным голосом проговорил мерлин, — что единственный царь, что был, есть и будет, — это их Христос в Небесах, и что тем, кто бьется за его святое дело, иного и не надо.

Экторий коротко, хрипло рассмеялся.

— Христос не способен повести нас в битву. А солдаты — прости мне невольное кощунство, лорд мой король, — не встанут под знамена Иисуса Миротворца.

— Возможно, нам надо отыскать короля, который заставил бы их вспомнить древние легенды, — предположил Утер, и в

зале воцарилось молчание. Игрейна, никогда раньше не присутствовавшая на советах мужей, не настолько разучилась читать мысли, чтобы не понять, о чем думают они в наступившей тишине: о том, что сидящий перед ними король не доживет до будущего лета. Кому суждено восседать на его высоком троне в следующем году в это же время?

Амброзий откинул голову к спинке кресла, по этому сигналу Лот ревниво воскликнул:

— Ты устал, сир, мы тебя утомили. Дозволь, я позову дворецкого.

Амброзий мягко улыбнулся:

— Я уж скоро отдохну, родич, — и долгим будет тот отдых... — Но даже попытка заговорить оказалась ему не по силам. Он вздохнул — протяжно, прерывисто, и Лот помог ему выйти из-за стола. Позади него мужчины разбились на группы и заговорили, заспорили, понижая голос.

Воин по имени Экторий присоединился к Горлойсу.

— Мой лорд Оркнейский времени зря не теряет, тщась выдвинуться под видом заботы о короле, вот теперь мы — злодеи, утомили Амброзия, видать, смерти его ищем.

— Лоту дела нет до того, кого провозгласят Верховным королем, — отозвался Горлойс, — пока Амброзий лишен возможности объявить о своем предпочтении, которым многие из нас — и я, и, надо думать, ты тоже, Экторий, — были бы связаны.

— Почему нет? — удивился Экторий. — У Амброзия нет сына и наследника, но его пожелания для нас закон, и он об этом знает. На мой вкус, Утер слишком уж вожделеет пурпура цезарей, но в общем и целом он получше Лота будет, так что если выбирать между кислыми яблоками...

Горлойс медленно кивнул.

— Наши люди пойдут за Утером. Но Племена, Бендигейд Вран и вся эта братия за вождем настолько «римским» не последует, а Племена нам нужны. А вот под знамена Оркнеев они встанут...

— Лот в Верховные короли не годится — не из того материала сделан, — возразил Экторий. — Лучше утратить поддержку Племен, нежели поддержку всей страны. Лот разобьет всех на воюющие фракции так, чтобы доверять каждой мог только он. Пф! — Он презрительно сплюнул. — Этот человек — змея, и все этим сказано.

— Однако убеждать умеет, — проговорил Горлойс. — У него есть и мозги, и храбрость, и воображение...

— Все это есть и у Утера. И представится Амброзию возможность объявить об этом публично или нет, но он стоит за Утера.

Горлойс мрачно стиснул зубы.

— Верно. Верно. И долг чести обязывает меня исполнить во-

лю Амброзия. Вот только хотелось бы мне, чтобы его выбор пал на человека, чьи моральные качества соответствуют его доблести и талантам вождя. Я не доверяю Утеру, и все же... — Он покачал головой и оглянулся на Игрейну: — Тебе, дитя, все это нимало не интересно. Я пошлю дружинников проводить тебя в дом, где мы ночевали.

Отосланная прочь, точно маленькая девочка, Игрейна, не протестуя, в полдень отправилась домой. Ей было о чем подумать. Итак, мужчин тоже, и даже Горлойса, честь обязывает выносить то, что они делать не хотят. Прежде Игрейне такое даже в голову не приходило.

Ее преследовали воспоминания о неотрывном взгляде Утера. Как он смотрел на нее... нет, не на нее — на лунный камень. Может, мерлин зачаровал самоцвет так, чтобы Утер был сражен страстью к женщине, что его носит?

«*Неужто я стану игрушкой в руках мерлина и Вивианы, неужто позволю, не сопротивляясь, вручить себя Утеру, как когда-то меня вручили Горлойсу?*» Эта мысль вызывала у нее глубочайшее отвращение. И все же... она вновь и вновь упрямо ощущала прикосновение Утера к своей руке и напряженный, пристальный взгляд серых глаз...

«*Чего доброго, мерлин зачаровал камень так, чтобы помыслы мои обратились к Утеру!*» Вот и дом, Игрейна вошла внутрь, сняла с себя подвеску и засунула ее в кошель у пояса. «*Что за чепуха, — думала она, — я не верю в старые байки о любовных талисманах и любовной ворожбе!*» Она — взрослая женщина, ей девятнадцать лет, она не дитя безропотное! У нее — муж, и, возможно, уже сейчас она носит в себе семя столь желанного ему сына. А если ее прихоть и обратится на иного мужчину, если она и впрямь надумает пораспутничать, так вокруг полным-полно юнцов куда более привлекательных, чем этот мужлан неотесанный, растрепанный, точно сакс, с манерами северянина: нарушает ход обедни, беспокоит короля за завтраком. Да она лучше возьмет к себе на ложе какого-нибудь Горлойсова дружинника, молодого красавца с чистою кожей. Не то чтобы ей, добродетельной жене, хоть сколько-то хотелось разделять ложе с кем-то помимо законного мужа...

И опять-таки, если она кого-то и выберет, так не Утера. Да этот похуже Горлойса будет... здоровенный неуклюжий олух, даже если глаза у него серые, как море, а руки сильные, без морщин... Игрейна выругалась про себя, извлекла из тюка со своими вещами прялку и уселась прясть. И с какой это стати она размечталась об Утере, словно всерьез подумывает о просьбе Вивианы? Но неужто следующим Верховным королем и впрямь станет Утер?

Как Утер на нее смотрит, от Игрейны не укрылось. Но Гор-

лойс уверяет, что Утер — распутник, может, он на любую женщину так пялится? Если уж ей так приспичило помечтать, почему бы не задуматься о чем-нибудь разумном, например, как там поживает без матери Моргейна и бдительно ли эконом приглядывает за Моргаузой, чтобы та не строила глазки замковой страже. Ох уж эта Моргауза; того и гляди возьмет, да и отдаст девственность какому-нибудь красавцу, не задумываясь ни о чести, ни о пристойности; молодая женщина от души надеялась, что отец Колумба хорошенько отчитает девчонку.

«*Моя собственная мать избирала в возлюбленные и в отцы своих детей тех, кого хотела, но она была Верховной жрицей Священного острова. И Вивиана поступала так же*». Игрейна выронила прялку в подол и слегка нахмурилась, размышляя над пророчеством Вивианы: дескать, ее сыну от Утера суждено стать великим королем, исцелить землю и принести мир воюющим племенам. То, чего молодая женщина наслушалась сегодня утром за королевским столом, убедило ее: такого короля найти непросто.

Игрейна раздраженно схватилась за прялку. Король нужен уже сейчас, а не тогда, когда ребенок, еще и не зачатый, вырастет и возмужает. Мерлин одержим древними легендами о королях — как же там звали одного из них, про него еще Экторий упомянул, Магнус Великий, прославленный военный вождь, что покинул Британию в погоне за императорским венцом? Глупо думать, что сын Утера окажется возрожденным Магнусом.

Ближе к вечеру зазвонил колокол, и вскорости после того в дом вернулся Горлойс, опечаленный и удрученный.

— Амброзий умер несколько минут назад, — сообщил он. — Колокол звонит по нему.

В лице мужа Игрейна прочла скорбь — и не смогла на нее не отозваться.

— Он был стар, — промолвила она, — и всеми любим. Я с ним познакомилась лишь сегодня, но вижу: он был из тех мужей, кого любят и за кем идут все, кто его окружает.

Горлойс тяжко вздохнул.

— Правда твоя. А на смену ему второго такого нет, он ушел и оставил нас без вождя. Я любил этого человека, Игрейна, и видеть не мог, как он страдает. Будь у него преемник, достойный этого названия, я бы ликовал и радовался, что Амброзий обрел наконец покой. Но что ныне станется с нами?

Несколько позже Горлойс попросил жену достать его лучшее платье.

— На закате по нему отслужат заупокойную мессу, мне должно

там быть. Да и тебе тоже, Игрейна. Ты можешь одеться без помощи женщин или мне попросить хозяина прислать тебе служанку?

— Я оденусь сама. — Игрейна сменила наряд, облекшись в платье из тонкой шерсти с вышивкой по подолу и рукавам, и заплела в волосы шелковую ленту. Молодая женщина подкрепилась хлебом и сыром, Горлойс от еды отказался, говоря, что король его ныне стоит перед троном Господа, ожидая суда, и сам он будет поститься и молиться до тех пор, пока тело не предадут земле.

Игрейна не могла этого понять: на Священном острове ее учили, что смерть — лишь врата к новому рождению, отчего христианин испытывает такой страх и трепет, отправляясь в обитель вечного отдохновения? Молодая женщина вспомнила кое-какие скорбные псалмы из тех, которые читал нараспев отец Колумба. Да, их Господь считается также Богом страха и наказания. Игрейна отлично понимала: король ради блага своего народа поневоле совершает то, что тяжким бременем ложится ему на совесть. А если даже она в силах понять это и простить, отчего же милосердный Господь более нетерпим и мстителен, нежели ничтожнейшие из его смертных? Наверное, это — одно из христианских таинств.

Молодая женщина продолжала размышлять обо всем этом, идя к мессе вместе с Горлойсом и слушая, как священник скорбно поет о гневе Божьем и дне Страшного суда, когда душе уготованы будут вечные муки. На середине песнопения Игрейна заметила, что Утер Пендрагон, преклонивший колена в дальнем углу церкви, — лицо его над светлой туникой казалось совсем белым, — закрыл его руками, сдерживая рыдания, несколько минут спустя он поднялся и вышел наружу. Осознав, что Горлойс не сводит с нее настороженного взгляда, Игрейна вновь потупилась, набожно внимая бесконечным гимнам.

По окончании мессы мужчины столпились снаружи, и Горлойс представил Игрейну жене Уриенса, герцога Северного Уэльса, дебелой матроне, и супруге Эктория, именем Флавилла, — улыбчивой женщине немногим старше Игрейны. Она немного поболтала с дамами, но те были поглощены лишь одним: как смерть Амброзия отразится на солдатах и их собственных мужьях; и Игрейна отвлеклась. Ее мало занимала женская болтовня и изрядно утомляло непомерное благочестие. Флавилла была на шестом месяце беременности — из-под туники в римском стиле заметно выпирал живот, — и очень скоро разговор перешел на дела семейные. Флавилла уже произвела на свет двух дочерей — в прошлом году обе умерли от летнего поноса — и в этом году надеялась родить сына. У супруги Уриенса, Гвинет, был сын примерно одних лет с Моргейной. Дамы расспросили

Игрейну о ребенке и принялись рассуждать о том, как хороши бронзовые амулеты против зимних лихорадок, а вот литургическая книга, ежели положить ее в колыбельку, спасает от рахита.

— Рахит приключается от скверной еды, — проговорила Игрейна. — Моя сестра, жрица-целительница, рассказывала мне, что у ребенка, если здоровая мать кормит его грудью два полных года, рахита никогда не случается, болеют только те, что отданы на попечение недоедающей кормилицы, или те, которых слишком рано отняли от груди и выкормили на жидкой каше-размазне.

— Вздорное суеверие, вот что я вам скажу, — отозвалась Гвинет. — Молитвенник исполнен святости и помогает против всех недугов на свете, особенно же пользителен маленьким детям, что крещением очищены от отцовских грехов, сами же еще не согрешили.

Игрейна досадливо пожала плечами, не желая оспаривать подобную ерунду. Матроны продолжали толковать об амулетах против детских недугов, молодая женщина стояла рядом, поглядывая по сторонам и дожидаясь возможности сбежать. Вскорости к ним присоединилась еще одна дама, имени которой Игрейна так и не узнала, судя по выпирающему животу, она тоже доживала последние месяцы беременности. Матроны немедленно вовлекли вновь пришедшую в разговор, не обращая внимания на Игрейну. Спустя какое-то время та тихонько ускользнула прочь, проговорив, что пойдет поищет Горлойса (на слова ее никто не обратил внимания), и побрела за церковь.

Там обнаружилось небольшое кладбище, а за ним — яблоневый садик, усыпанные цветами ветви смутно белели в сумерках. Свежее благоухание яблонь Игрейну обрадовало, запахи города изрядно ей докучали: собаки, да и люди, облегчались прямо на мощенных камнем улицах. Перед каждой дверью высилась зловонная куча мусора, куда сбрасывалось все — от грязного, смердящего мочой тростника и гниющего мяса до содержимого ночных горшков. В Тинтагеле тоже не обходилось без кухонных отходов и нечистот, но Игрейна распорядилась раз в несколько недель их закапывать, а чистый запах моря уносил вонь прочь.

Молодая женщина медленно шла через сад. Встречались там деревья совсем старые и сучковатые, со склоненными до земли ветвями. Послышался легкий шорох, на одной из нижних ветвей сидел человек. Он понурил голову и закрыл лицо руками. По светлым волосам Игрейна узнала Утера Пендрагона. Она уже собиралась повернуть назад и потихоньку уйти — Утер наверняка не захочет, чтобы она видела его горе, — но тот уже заслышал ее легкие шаги и поднял голову.

— Это ты, леди Корнуолла? — Лицо его исказилось, он криво улыбнулся. — Что ж, беги, расскажи отважному Горлойсу, что

военный вождь Британии спрятался от всех и рыдает, точно женщина!

В лице его читались ярость и вызов, встревоженная Игрейна стремительно подошла к нему.

— А ты думаешь, Горлойс не горюет, мой лорд? Сколь холодным и бессердечным должен быть тот, кто не рыдает о короле, которого любил всю жизнь! Будь я мужчиной, я бы не хотела воевать под знаменами вождя, который не стал бы оплакивать любимых им павших, погибших сотоварищей или даже отважных врагов!

Утер глубоко вздохнул, вытер лицо вышитым рукавом туники.

— Воистину, это правда. Еще юнцом я зарубил вождя саксов Хорсу на поле битвы, сколько раз до этого он бросал мне вызов — и ускользал! Я оплакивал его смерть, ибо почитал его доблестным противником. Я горевал, что нам суждено быть врагами, а не друзьями и братьями, — хотя он и сакс. Но время шло, и я научился думать, что в мои почтенные лета не должно рыдать о том, чего не исправить. И все же — когда я услышал, как святой отец талдычит о каре и вечных муках пред троном Господа, я вспомнил, каким достойным, благочестивым человеком был Амброзий, как он любил и боялся Господа и никогда не чуждался дел добрых и благородных... Иногда я нахожу, что с их Господом смириться куда как трудно, и почти жалею, что не могу, не обрекая себя на вечные муки, прислушаться к мудрым друидам — они-то толкуют не о каре небесной, но о том, что человек сам навлекает кару на свою голову своими поступками. Если святой епископ говорит правду, Амброзий ныне горит в адском пламени и не спасется вплоть до конца света. Я мало знаю про Небеса, но хотелось бы мне думать, что мой король — там.

— Не думаю, что священникам Христа известно о посмертии больше прочих смертных, — проговорила Игрейна, протягивая ему руку. — О том ведают только Боги. На Священном острове, где я воспитывалась, нас учат, что смерть — это всегда врата к новой жизни и обогащению мудростью, и хотя я плохо знала Амброзия, мне хотелось бы думать, что он ныне постигает у ног Господа мудрость истинную. Разве справедливый Господь послал бы человека в ад, обрекая его на невежество, вместо того, чтобы за гранью бытия научить его лучшему?

Игрейна почувствовала, как рука Утера соприкоснулась с ее рукой, и он проговорил в темноту:

— Воистину, это так. Как это говорил их апостол: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу»[1]. Возможно, ни мы, ни даже священники и впрямь не знаем, что ждет нас после смерти. Если Господь бесконечно

[1] 1 Кор 13.

мудр, с чего нам воображать, что он окажется менее милосерден, чем люди? Христос, говорят, был послан к нам как знак Господней любви, а не кары.

Какое-то время оба молчали. Затем Утер произнес:

— Где ты обрела такую мудрость, Игрейна? В нашей церкви есть святые праведницы, но замуж они не выходят и с нами, грешниками, не общаются.

— Я родилась на острове Авалон, моя мать была Верховной жрицей.

— Авалон, — задумчиво проговорил Утер. — Это где-то в Летнем море, не так ли? Ты была сегодня утром на совете, ты знаешь, что туда лежит наш путь. Мерлин обещал мне, что отведет меня к королю Леодегрансу и представит меня к его двору, хотя, если бы Лот Оркнейский настоял на своем, мы с Уриенсом вернулись бы в Уэльс, точно побитые псы — скуля и поджимая хвосты, или сражались бы под его знаменами и чтили в нем сюзерена, а раньше солнце взойдет над западным побережьем Ирландии, чем я на такое пойду.

— Горлойс говорит, ты наверняка станешь следующим королем, — произнесла Игрейна, и внезапно сама изумилась происходящему: она сидит тут на ветке яблони с будущим королем Британии, разглагольствуя о религии и делах государственной важности. Утер это тоже почувствовал, судя по интонациям голоса:

— Вот уж не думал, что стану обсуждать подобные темы с супругой герцога Корнуольского.

— Ты в самом деле считаешь, что женщины ничего не смыслят в делах государственных? — в свой черед переспросила Игрейна. — Моя сестра Вивиана — Владычица Авалона, а до нее Владычицей была моя мать. Леодегранс и прочие короли зачастую приезжают к ней посоветоваться о судьбах Британии...

Утер улыбнулся.

— Пожалуй, мне стоит посовещаться с ней, как бы привлечь на свою сторону Леодегранса и Бана, короля Малой Британии. Ибо, если они поступают по ее воле, так все, что мне нужно, — это войти к ней в доверие. Расскажи мне, замужем ли Владычица и хороша ли она?

Игрейна хихикнула.

— Она — жрица, а жрицы Великой Матери не выходят замуж и не заключают союзов со смертными. Они принадлежат Богам, и только им. — И тут молодая женщина вспомнила о том, что рассказывала Вивиана, — дескать, этот мужчина, устроившийся на ветке яблони рядом с нею, тоже часть пророчества. Игрейна похолодела, испугавшись содеянного: уж не сама ли она идет прямиком в ловушку, расставленную для нее Вивианой и Мерлином?

— Что такое, Игрейна? Ты озябла? Тебя страшит война? — встревожился Утер.

Молодая женщина выпалила первое, что пришло в голову:

— Я беседовала с женами Уриенса и сэра Эктория — вот их, похоже, государственные дела не слишком-то занимают. Наверное, поэтому Горлойс и не верит, что я в них способна хоть сколько-то разбираться.

Утер рассмеялся.

— Я знаю госпожу Флавиллу и госпожу Гвинет: эти и впрямь все предоставляют мужьям; их удел — прясть, ткать, рожать детей и прочие женские заботы. А тебя это все не интересует, или же ты и впрямь так молода, как кажется на первый взгляд, — слишком молода даже для замужества, не говоря уже о том, чтобы печься о детях?

— Я замужем вот уже четыре года, — возразила Игрейна, — и у меня трехлетняя дочь.

— Я готов позавидовать Горлойсу, каждый мужчина мечтает о детях и наследниках. Будь у Амброзия сын, нынешних неурядиц удалось бы избежать. А так... — Утер вздохнул. — Не хочу и думать, что ждет Британию, если королем станет эта оркнейская гадина, или тот же Уриенс, который считает, будто любые трудности можно решить, отправив гонца в Рим. — И снова голос его сорвался на рыдание. — Люди говорят, я сплю и вижу себя на троне, но я готов отказаться от всех своих честолюбивых притязаний, лишь бы здесь, рядом с нами, сидел Амброзий или хотя бы его сын, коего короновали бы в церкви нынче же вечером! Амброзий со страхом размышлял о том, что начнется после его смерти. Он вполне мог умереть еще прошлой зимой, да только надеялся заставить нас договориться насчет того, кто станет ему преемником...

— А как так вышло, что сыновей он так и не родил?

— О, сыновья у него были, даже два. Один пал от руки сакса — его Константином звали, в честь короля, обратившего этот край в христианство. Второй умер от изнурительной лихорадки, когда ему только двенадцать исполнилось. Амброзий то и дело повторял, что я стал для него желанным сыном. — Утер снова закрыл лицо руками и зарыдал. — Он бы и наследником меня объявил, но герцоги об этом даже слышать не хотели. Они шли за мной как за военным вождем, но завидовали моему влиянию, а пуще всех — Лот, будь он проклят! Тут не в честолюбии дело, Игрейна, клянусь тебе, — я хотел завершить то, чего не докончил Амброзий!

— Сдается мне, все это знают, — проговорила молодая женщина, поглаживая его руку.

— Не думаю, что Амброзий будет счастлив, даже на Небесах, если посмотрит вниз и увидит здесь скорбь и смятение, и коро-

лей, что уже интригуют друг против друга, тщась возвыситься над прочими! Я все гадаю, пожелал бы он, чтобы я убил Лота и захватил власть в свои руки? Некогда Амброзий заставил нас принести клятву кровного братства, и я ее не нарушу, — проговорил Утер. Лицо его было влажным от слез. Игрейна откинула с лица легкое покрывало и вытерла ему глаза, точно ребенку.

— Я знаю, ты поступишь так, как велит честь, Утер. Человек, которому Амброзий настолько доверял, на иное не способен.

В глаза им внезапно ударил свет факела. Игрейна застыла на ветке, так и не вернув покрывала на прежнее место.

— Это ты, мой лорд Пендрагон? — резко осведомился Горлойс. — Ты не видел... а, госпожа, и ты здесь?

Игрейна, смешавшись и внезапно устыдившись — так жестко прозвучал голос Горлойса, — соскользнула с ветки. Юбка ее зацепилась за торчащий сучок и задралась выше колена, до самого белья. Молодая женщина поспешно дернула ее вниз. Затрещала рвущаяся ткань.

— Я уж думал, ты потерялась... дома тебя не оказалось, — хрипло проговорил Горлойс. — Что ты тут делаешь, ради всего святого?

Утер спрыгнул с ветки. Мужчина, который только что на ее глазах оплакивал своего покойного короля и приемного отца и в смятении сетовал на доставшееся ему бремя, в мгновение ока исчез, теперь голос его звучал громко и сердечно.

— А, Горлойс! Да я притомился от бормотания священника и вышел подышать свежим воздухом, подальше от набожной тарабарщины. Тут-то на меня и натолкнулась твоя супруга, вздорная болтовня достойных матрон ей, видно, тоже по вкусу не пришлась. Госпожа, благодарю тебя, — проговорил он, сдержанно поклонился и зашагал прочь. Молодая женщина заметила, что Утер старательно прячет лицо от света факелов.

Оставшись наедине с женой, Горлойс окинул ее гневным, подозрительным взглядом. И жестом велел идти впереди.

— Госпожа моя, тебе бы постараться избегать сплетен, я, кажется, велел тебе держаться от Утера подальше. Репутация его такова, что целомудренную женщину не должны заставать с ним в беседе с глазу на глаз.

— Вот, значит, что ты обо мне думаешь, — негодующе бросила Игрейна, оборачиваясь. — По-твоему, я из тех женщин, что тайком убегут из дому, чтобы совокупляться в полях с незнакомым мужчиной, точно дикие звери? По-твоему, я возлежала с ним на ветке дерева, точно птица лесная? Не хочешь ли осмотреть мое платье, уж не помялось ли оно от возни вдвоем на земле?

Горлойс поднял руку и ударил жену по губам — впрочем, не то чтобы сильно.

— Не смей со мной препираться! Я приказал тебе держаться от него подальше: так повинуйся! Я почитаю тебя и честной и целомудренной, но с этим мужчиной тебя наедине не оставлю, равно как и не хочу, чтобы женщины на твой счет языки чесали!

— Вот уж и впрямь нет воображения порочнее, чем у добродетельной матроны, вот разве что у священника, — яростно отозвалась Игрейна. Она вытерла рот: при ударе Горлойса она больно прикусила губу. — Да как ты смеешь поднимать на меня руку? Когда я изменю тебе, можешь избить меня хоть до смерти, а за разговоры не тронь! Во имя всех Богов, ты что, думаешь, мы тут о любви ворковали?

— Так о чем же ты беседовала с этим распутником в такой час, во имя Господа?

— О многом, — отозвалась Игрейна, — главным образом об Амброзии в Небесах, и... да, о Небесах и надежде, что ждет человека в загробной жизни.

Горлойс смерил ее недовольно-скептическим взглядом.

— Вот уж сомневаюсь, при том что он даже до конца мессы досидеть не смог, хотя бы из почтения к покойному!

— Да его затошнило — как и меня, кстати, — от этих скорбных псалмов, точно священники оплакивали последнего из мужей, а не лучшего из королей!

— Перед лицом Господа все люди — жалкие грешники, Игрейна, и в глазах Христа король ничем не лучше прочих смертных.

— Да, конечно, — досадливо бросила она. — Слышала я, как твердят об этом ваши священники, а еще они ни времени, ни трудов не жалеют, убеждая нас всех, что Господь есть любовь и наш добрый отец в Небесах. Однако замечаю я, что они очень стараются не попасть к нему в руки и оплакивают ушедших в обитель вечного отдохновения в точности как тех, кого приносят в жертву на кровавом алтаре самой Великой госпожи Ворон! Говорю тебе, Утер и я беседовали о том, что священникам известно о Небесах, и, сдается мне, не слишком-то они сведущи!

— Если вы с Утером и впрямь толковали о религии, так готов поручиться, что с этим человеком такое приключилось впервой, — проворчал Горлойс.

— Он плакал, Горлойс, плакал о короле, который был ему все равно как отец, — отвечала Игрейна, вот теперь она рассердилась всерьез. — А если сидеть и слушать душераздирающее мяуканье святых отцов означает выказывать почтение к покойному, так избавьте меня от такого почтения! Я позавидовала Утеру, ибо он — мужчина и может приходить и уходить по своему желанию; воистину, родись я мужчиной, уж я бы не стала сидеть и покорно внимать всей этой чепухе! Да только мне уйти не дозволялось, раз уж меня пригнали в церковь по слову мужчины, ко-

торый больше думает о псалмах и священниках, нежели о мертвом!

Они уже дошли до дверей дома. Горлойс, с лицом, потемневшим от ярости, свирепо толкнул жену внутрь.

— Не смей со мной так разговаривать, леди, или я изобью тебя всерьез.

Игрейна оскалила зубы, точно преследующая добычу кошка, и прошипела:

— Только дотронься до меня себе на беду, Горлойс, и я научу тебя, что дочь Священного острова — не раба мужчины и не прислужница!

Горлойс открыл было рот, вознамерившись свирепо возразить, и на мгновение Игрейне показалось, что муж, чего доброго, и впрямь вновь ее ударит. Но тот с усилием сдержал гнев и отвернулся.

— Не должно мне стоять в дверях и препираться, в то время как тело короля моего и повелителя еще не погребено. Нынче можешь заночевать здесь, если одной тебе не страшно; если боишься, я прикажу проводить тебя в дом Эктория, к Флавилле. Мои люди и я станем поститься и молиться до завтрашнего утра, а тогда, на рассвете, Амброзия предадут земле.

Игрейна оглянулась на мужа — удивленно и с непривычным, нарастающим презрением. Итак, из страха перед призраком умершего — пусть даже Горлойс употреблял иное слово и считал это проявлением почтения — он не станет ни есть, ни пить, ни возлежать с женщиной, пока короля не похоронят. Христиане уверяли, что вполне свободны от предрассудков друидов, зато пребывали во власти своих собственных, на взгляд Игрейны, куда более удручающих, ибо шли вразрез с природой. Внезапно она несказанно обрадовалась тому, что нынче ночью ей не придется разделять ложе с Горлойсом.

— Нет, — заверила она, — одиночества я не боюсь.

Глава 4

Тело Амброзия предали земле на рассвете. Игрейна в сопровождении Горлойса — тот по-прежнему злился и молчал — наблюдала за обрядом до странности отчужденно. Четыре года старалась она идти на компромисс с религией Горлойса. А теперь вдруг поняла, что, хотя в ее силах выказывать учтивое почтение к его вере, дабы не раздражать мужа, — и воистину, в детстве ее наставляли, что все Боги — едины и не должно никому насмехаться над тем именем, что носит Бог для другого, — отныне она не станет и пытаться сравняться с ним в благочестии. Жене

должно идти за Богами мужа, и она сделает вид, что так и есть, как оно подобает и следует, но никогда больше не поддастся страху, что всевидящий, мстительный Бог обладает властью и над нею, Игрейной.

На церемонии она увидела Утера: вид у него был изможденный и измученный, а глаза красные, точно и он провел ночь постясь; и отчего-то зрелище это несказанно ее растрогало. Бедняга, никому-то и дела нет, что он крошки в рот не берет, некому объяснить ему, что это все чепуха, — можно подумать, мертвецы толкутся вокруг живых, подсматривают, как у них дела, и завидуют каждому куску и глотку! Молодая женщина готова была поклясться, что Уриенс на такие глупости не поддается: он выглядел сытым и хорошо отдохнувшим. И внезапно Игрейне захотелось стать такой же старой и мудрой, как супруга Уриенса: она-то способна образумить мужа и втолковать ему, как надо поступать в таком случае.

После похорон Горлойс отвел Игрейну обратно в дом и там позавтракал вместе с нею. Однако он по-прежнему был молчалив и мрачен и вскорости поспешил распрощаться.

— Мне пора на совет, — объявил он. — Лот и Утер того и гляди друг другу в глотку вцепятся, а мне надо как-то помочь им вспомнить пожелания Амброзия. Прости, что оставляю тебя одну, но, ежели пожелаешь, я пошлю с тобой человека показать тебе город. — С этими словами Горлойс вручил ей монету, велел купить себе на ярмарке гостинец, буде что приглянется, и сказал, что провожатый понесет за нею кошель, на случай ежели она захочет выбрать специй и чего уж там еще нужно для Корнуольского замка.

— Ибо раз уж ты проделала такой путь, не вижу, отчего бы тебе не закупиться заодно всем необходимым. Я — человек не бедный, так что можешь брать все, что потребно для хозяйства, меня не спрашиваясь, помни, Игрейна, — я тебе доверяю, — проговорил он, обнял ладонями ее лицо — и поцеловал. И хотя вслух герцог этого не сказал, молодая женщина поняла: по-своему, грубовато, он просит прощения и за свои подозрения, и за нанесенный в гневе удар. На душе у нее потеплело — и Игрейна ответила на поцелуй мужа с искренней нежностью.

Прогулка по огромным рынкам Лондиниума оказалась необыкновенно увлекательной, несмотря на городскую грязь и вонь: казалось, что здесь соединились вместе четыре или пять осенних ярмарок, никак не меньше. Дружинник нес знамя Горлойса, так что Игрейну не слишком-то толкали и пихали. И все же страшновато было идти через необозримую рыночную площадь, где сотни торговцев на все лады расхваливали свой товар. Все, на что падал ее взгляд, казалось молодой женщине новехоньким и прекрасным, кое-чего ей немедленно захотелось при-

обрести, но она твердо решилась, прежде чем делать закупки, обойти всю ярмарку. Наконец она сторговала пряностей и еще отрез отменной шерстяной ткани с островов — такую с шерстью корнуольских овец даже сравнивать нечего; в этом году Горлойсу неплохо бы сшить новый плащ, едва вернувшись в Тинтагель, она примется прясть для него кайму. А еще она купила себе несколько моточков цветных шелков: до чего славно будет ткать такие яркие, тонкие нитки, да и руки отдохнут после грубой шерсти и льна. Она и Моргаузу на ум наставит. А на следующий год пора бы уже и Моргейне дать в руки прялку; если она и впрямь родит Горлойсу еще одного ребенка, в это же самое время на будущий год она сделается тяжелой и неуклюжей: самое время сидеть да учить дочку прясть. В четыре года уже надо бы понемногу привыкать управляться с веретеном и скручивать нитку, хотя такая нить сгодится лишь на то, чтобы перевязывать предназначенную к покраске пряжу.

А еще Игрейна сторговала цветных ленточек: то-то чудесно они будут смотреться на праздничном платьице Моргейны! А когда ребенок вырастет из очередного платья, их нетрудно спороть и обшить ими ворот и рукава следующего. Теперь, когда девочка достаточно повзрослела, чтобы не пачкать одежду, более чем уместно одевать ее так, как подобает дочери герцога Корнуольского.

Дела на ярмарке шли ходко; на некотором расстоянии Игрейна углядела супругу короля Уриенса и прочих хорошо одетых дам и задумалась про себя: неужто нынче утром каждый обремененный супругой участник совета отослал ее за покупками на рынки Лондиниума, пока бушуют споры? Игрейна купила серебряные пряжки себе на башмачки, даже зная, что в Корнуолле можно приобрести ничуть не хуже; но ведь это так изысканно — щеголять пряжками, привезенными из самого Лондиниума! Торговец пытался продать ей еще и янтарную брошь с серебряной филигранью, но молодая женщина решительно отказалась: как можно так вот сразу взять и потратить столько денег! Игрейне ужасно хотелось пить, сидр и горячие пирожки выглядели на диво соблазнительно, но мысль о том, чтобы сидеть и есть прямо на рынке, под открытым небом, точно собаке, показалась ей отвратительной. Игрейна велела своему провожатому поворачивать домой, решив, что там она подкрепится хлебом, сыром и пивом. Дружинник явно не обрадовался, так что она вручила ему одну из мелких монеток, оставшихся от покупок, и велела купить себе сидру или эля, если захочет.

Домой Игрейна вернулась усталая и, без сил рухнув на скамью, оглядела покупки. Ей не терпелось поскорее приступить к работе над каймой, да только придется подождать, пока она не вернется к своему маленькому ткацкому станку. Вот прялка у

нее с собой, но для этого занятия голова требовалась ясная, так что Игрейна просто сидела и рассматривала свои приобретения, пока не вернулся измученный Горлойс.

Герцог попытался проявить интерес к ее покупкам, похвалил жену за бережливость, но Игрейна видела: мыслями он далеко, хотя и одобрил ленточки для Моргейниных платьев.

— Ты хорошо сделала, что купила серебряные пряжки, — улыбнулся он. — Надо бы тебе еще серебряный гребень и, пожалуй, новое зеркало, а то бронзовое все поцарапано. А старое пусть достанется Моргаузе, она уж взрослая. Завтра можешь сходить приглядеть себе что-нибудь, если захочешь.

— Значит, завтра совет соберется снова?

— Боюсь, что так, и, верно, не в последний раз, но еще и еще, пока нам не удастся убедить Лота и прочих исполнить волю Амброзия и признать Утера королем, — проворчал Горлойс. — Упрямые ослы, все до единого! Ох, кабы Амброзий оставил сына! Мы бы все присягнули ему на верность как Верховному королю и избрали военного вождя за доблесть на поле боя! Здесь споров бы не возникло, им стал бы Утер, даже Лот это знает. Но Лот чертовски честолюбив; он спит и видит себя королем, думая лишь о том, как это здорово — надеть корону и принять от всех нас клятву верности, — а дальше и не заглядывает! А кое-кто из северян предпочли бы видеть в королях одного из своих и поддерживают Лота; по чести говоря, сдается мне, что, если в конце концов изберут Утера, все северные владыки, за исключением разве что Уриенса, уедут к себе, так никому и не присягнув. Но даже ради того, чтобы удержать северян, Лоту я клятвы не принесу. Я доверяю ему ровно настолько, чтобы пнуть в задницу слякотным днем! — Горлойс пожал плечами. — Эти занудные разглагольствования не для женских ушей, Игрейна. Лучше принеси мне хлеба и холодного мяса, будь добра. Прошлой ночью я глаз не сомкнул, а умаялся так, точно целый день провел в походе, споры — дело утомительное.

Игрейна собиралась уже возразить — дескать, ей это все интересно, — затем пожала плечами и протестовать не стала. Еще не хватало унижаться, выпытывая у мужа новости, точно ребенок, выпрашивающий сказку на ночь! Если придется узнавать о происходящем из уст рыночных сплетников, что ж, так тому и быть. Нынче вечером Горлойс от усталости с ног валится, мечтает он только выспаться и ни о чем больше.

Уже в глубокой ночи Игрейна лежала рядом с мужем, не смыкая глаз, и думала об Утере. Каково это — знать, что Амброзий выбрал в Верховные короли именно его, и понимать, что выбор этот придется отстаивать, и, возможно, мечом? Молодая женщина беспокойно заворочалась: не иначе, как мерлин и впрямь наложил на нее чары, иначе отчего ей никак не удается выбро-

сить Утера из головы? Наконец она задремала, и в стране снов она опять стояла в том самом яблоневом саду, где говорила с Утером наяву и где утирала ему слезы своим покрывалом. Но во сне Утер схватился за край ее вуали, притянул молодую женщину ближе и припал к ее губам, и в поцелуе этом заключалась неизъяснимая сладость — ничего подобного Игрейна не испытывала за всю свою жизнь с Горлойсом, и она почувствовала, как уступает поцелую, как все ее тело словно тает... Во сне она заглянула в серые глаза Утера и подумала: «*До сих пор я была ребенком, вплоть до сего мгновения я понятия не имела, что значит быть женщиной*».

— До сих пор я не знала, что такое любить, — проговорила она. Утер привлек ее к себе, и Игрейна, чувствуя, как под его тяжестью по телу ее разливаются тепло и сладость, вновь потянулась к его губам и, потрясенно вздрогнув, пробудилась и обнаружила, что Горлойс во сне заключил ее в объятия. Все ее существо еще изнывало от сладостного томления сна, так что она с дремотной покорностью обвила руками его шею... но очень скоро занервничала, с нетерпением ожидая, когда он закончит и вновь погрузится в тяжкий, перемежающийся стонами сон. А она лежала, не засыпая, дрожа всем телом и гадая, что такое с нею произошло.

Совет длился всю неделю, и каждый вечер Горлойс возвращался домой бледный и злой, измученный пререканиями.

— Мы тут сидим и языками треплем, — однажды выкрикнул он, — а на побережье, чего доброго, саксы готовятся идти на нас войной! Или эти дурни не знают, что наша безопасность целиком зависит от союзных войск, удерживающих Саксонский берег, а они пойдут только за Утером либо за одним из своих! Неужто Лот настолько настроен против Утера, что предпочел бы встать под знамена размалеванного вождя, который поклоняется лошади!

Даже прелести ярмарки померкли; неделя выдалась дождливая, побывав на рынке второй раз, Игрейна закупила иголок и теперь сидела дома, приводя в порядок Горлойсову одежду и свою собственную и жалея, что у нее под рукою нет ткацкого станка. Часть приобретенной ткани она пустила на полотенца и принялась подрубать их и обшивать по краю цветной ниткой. На второй неделе у нее начались месячные, и молодая женщина пришла в смятение, точно ее предали; выходит, Горлойс все-таки не заронил в нее семя столь желанного ему сына! Ведь ей еще и двадцати нет; не может того быть, что она уже бесплодна! Игрейна вспомнила слышанную где-то старую байку о женщине, что вышла замуж за старика и никак не могла родить ему сына, — до тех пор, пока не убежала как-то ночью из дому и не возлегла с пастухом на пастбище; то-то порадовался дряхлый

муж здоровенькому, отменному мальчонке! А если она и бесплодна, негодующе думала Игрейна, так это скорее вина Горлойса, а никак не ее! Это он стар, это его кровь разжижена годами войн и походов! И тут Игрейна вспомнила о своем сне, разрываясь между чувством вины и страхом. Так рекли мерлин и Вивиана: она родит сына королю, сына, который исцелит землю от раздоров. Горлойс сам говорил: если бы Амброзий оставил сына, никакого разлада и не возникло бы. Если Утера объявят Верховным королем, ему и впрямь понадобится безотлагательно обзавестись сыном.

«*А я — молода и здорова, будь я его королевой, я бы подарила ему сына.* — ...И вновь возвращаясь к этой мысли, женщина с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать от внезапно накатившего безысходного отчаяния. — *Я — замужем за стариком, в девятнадцать лет моя жизнь уже кончена. С тем же успехом я могла бы быть древней, дряхлой старухой, которой уже все равно, жива она или мертва, такой остается лишь сидеть у огня и размышлять о Небесах!*» Игрейна легла в постель и сказала Горлойсу, что больна.

Как-то раз на неделе, пока Горлойс был на совете, в гости к ней заглянул мерлин. Игрейне отчаянно захотелось выплеснуть на друида всю свою ярость и все свое горе: кто, как не он, это все затеял, она была всем довольна, смирилась со своей участью, пока мерлина не прислали пробудить ее от забытья! Но о том, чтобы нагрубить мерлину Британии, даже помыслить невозможно, отец он тебе или не отец!

— Горлойс говорит, ты больна, Игрейна. Может ли мое искусство целителя хоть чем-то помочь тебе?

— Разве что ты вновь сделаешь меня молодой, — в отчаянии подняла глаза Игрейна. — Я чувствую себя совсем старой, отец, — о, какой старой!

Мерлин ласково погладил блестящие, отливающие медью локоны.

— Я не вижу ни седины в твоих волосах, дитя, ни морщин у тебя на лице.

— Но жизнь моя кончена, я — старуха, замужем за стариком...

— Ну, тише, тише, — успокаивающе проговорил он. — Ты очень устала, ты больна, вот сменится луна, и ты почувствуешь себя куда лучше. Так оно лучше, Игрейна, — добавил он, внимательно поглядев на нее, и молодая женщина внезапно поняла, что друид читает ее мысли. Ощущение было такое, точно он напрямую обращается к ее сознанию, повторяя то, что сказал в Тинтагеле: «*Ты не родишь Горлойсу сына*».

— Я чувствую себя... точно в ловушке, — проговорила она, опустив голову, зарыдала и более не произнесла ни слова.

Мерлин погладил ее растрепанные волосы.

— Для твоего теперешнего недуга отдых — лучшее лекарство, Игрейна. А сны — вот верное лекарство от твоих невзгод. Я, повелитель снов, пошлю тебе видение, и оно исцелит тебя. — Друид простер над ней руку в благословляющем жесте и ушел.

Молодая женщина гадала про себя: что, если мерлин и впрямь что-то с нею сделал, или, может быть, всему виной чары Вивианы... что, если она все-таки зачала ребенка от Горлойса и выкинула плод, такое порою случается. Игрейна даже вообразить себе не могла, чтобы мерлин подослал к ней людей подмешать ей в пиво каких-нибудь трав или зелий, но что, если он в силах достичь того же при помощи магии и заклинаний? И тут же подумала: пожалуй, все к лучшему. Горлойс стар, она сама видела призрак его смерти; или она хочет в одиночестве растить его сына? Когда в тот вечер Горлойс вернулся домой, ей вновь померещилось, что за его спиной маячит зловещая тень, предвестник смерти: над глазом — рана от меча, лицо осунулось, искажено отчаянием и горем. Игрейна отвернулась от мужа — ощущение было такое, будто ее обнимает мертвец.

— Ну, право же, радость моя, не горюй ты так, — успокаивающе проговорил Горлойс, присаживаясь на кровать рядом с нею. — Я понимаю: ты расхворалась, чувствуешь себя совсем несчастной, наверное, по дому и по дочке соскучилась, но осталось уж недолго. У меня есть для тебя новости: ты только послушай — и все узнаешь.

— Неужто совет близок к тому, чтобы избрать наконец короля?

— Возможно, что и так, — отвечал Горлойс. — Ты слышала, какая нынче на улицах суматоха царит? Так вот: Лот Оркнейский и северяне отбыли восвояси, они наконец-то вполне уразумели, что Лоту Верховным королем не бывать — раньше солнце и луна одновременно взойдут на западе! — и уехали прочь, а остальные остались исполнять то, чего, как мы знаем, пожелал бы Амброзий. На месте Утера — а я ему так прямо и сказал! — я бы не стал разгуливать в одиночестве после заката; Лот уехал злой и обиженный — ни дать ни взять дворняга, которой хвост отрубили, а насколько я его знаю, он вполне способен подослать к Утеру человека с кинжалом.

— Ты в самом деле считаешь, что Лот попытается убить Утера? — прошептала она.

— Ну, в бою ему против Утера не выстоять. Кинжал в спину — вот это скорее по-лотовски. Я отчасти доволен, что Лот — не один из нас, хотя, принеси он обет мира, я вздохнул бы с облегчением. Клятвой на святых мощах не пренебрег бы даже он, впрочем, я бы и тогда за ним приглядывал, — отозвался Горлойс.

Когда супруги легли в постель, Горлойс потянулся к жене, но та, покачав головой, оттолкнула его.

— Еще день, — проговорила она. Тот вздохнул, отвернулся и почти тотчас же заснул. Дольше отказывать ему не удастся, подумала про себя Игрейна, и, однако ж, теперь, когда она опять увидела за спиной мужа зловещий призрак, на нее накатил ужас. Игрейна внушала себе: что бы ни случилось, ей следует оставаться покорной женой для этого достойного человека, что был к ней так добр. Но в памяти вновь возникала комната, где Вивиана и мерлин камня на камне не оставили от ее уверенности, мира, спокойствия. В глазах молодой женщины вскипали слезы, но она сдерживала рыдания, опасаясь разбудить Горлойса.

Мерлин обещал послать ей сон, дабы исцелить ее от горя, однако же все ее горести как раз со сна и начались. Игрейна боялась заснуть, страшась, что следующий сон развеет то жалкое подобие мира, что у нее еще оставалось. Ибо Игрейна знала: это видение разобьет ей жизнь, если сама она такое допустит, обратит в пыль все ее обеты. Даже не будучи христианкой, она выслушала достаточно проповедей, чтобы понять: это, в представлениях священников, смертный грех.

«*Вот если бы Горлойс умер...*» У Игрейны перехватило дыхание, горло сдавило спазмом ужаса: впервые позволила она себе проговорить про себя подобную мысль. Как может она желать ему смерти — своему мужу, отцу ее дочери? Откуда ей знать, что, даже если Горлойс не будет стоять между ними, Утер ее захочет? Как можно разделять ложе с одним мужчиной и тосковать при этом о другом?

«*Вивиана говорила так, словно подобное на каждом шагу случается... или я просто-напросто наивна и незрела, раз не знаю таких вещей?*

Я ни за что не засну, я не хочу видеть сны...»

Если она будет и дальше так ворочаться, она того и гляди разбудит Горлойса. А если она заплачет, Горлойс пожелает узнать, в чем дело. И что она ему ответит? Игрейна неслышно выскользнула из-под одеяла, как была, нагишом, завернулась в длинный плащ и уселась у догорающего очага. С какой стати, гадала она, глядя в огонь, мерлин Британии, жрец и друид, советник королей, Посланец богов, вздумал вмешиваться в жизнь какой-то там молодой женщины? А ежели на то пошло, что делает друид-жрец в качестве королевского советника при дворе заведомо христианском?

«*А если я почитаю мерлина таким мудрым, почему не желаю исполнять его волю?*»

Игрейна долго сидела так, неотрывно глядя на угасающие угли, пока глаза у нее не начали слипаться. Не вернуться ли в постель к Горлойсу, задумалась она, или лучше встать и заняться хозяйством, чтобы ненароком не заснуть и не увидеть обещанный мерлином сон?

Молодая женщина встала и беззвучно пересекла комнату, направляясь к выходу. В нынешнем своем состоянии она ничуть бы не удивилась, если бы, обернувшись, увидела, что тело ее по-прежнему сидит у очага, завернувшись в плащ. Отпирать задвижку Игрейна не стала — ни на двери спальни, ни на массивной двери парадного входа, — но прошла сквозь них, точно призрак.

Но, едва оказавшись снаружи, она увидела, что дворик дома Горлойсова дружинника исчез, будто его и не было. Игрейна стояла на бескрайней равнине, перед кольцом огромных стоячих камней, чуть тронутых светом зари... нет, это не встающее солнце, это на западе бушует пламя, и все небо объято огнем.

Там, на западе, некогда находились утраченные земли Ис и Лионесс и великий остров Атлас-Аламесиос, или Атлантида, позабытое морское королевство. Там и впрямь некогда полыхал великий пожар: гора раскололась надвое, и за одну ночь погибли сотни тысяч мужей, жен и малых детей.

— Но жрецы знают, — раздался голос рядом с нею. — Последние сто лет они возводят здесь, на равнине, звездный храм, дабы не потерять счет временам года и следить за затмениями луны и солнца. Здешнему люду о таких вещах ничего не ведомо, но они знают, что мы мудры — мы, жрецы и жрицы из-за моря, — и будут строить для нас, как и доселе...

Нимало не удивившись, Игрейна подняла взгляд. Рядом с нею высилась фигура в синем плаще, и, хотя лицо мужчины казалось совсем иным, а голову венчала странная высокая прическа и корона в виде сплетенных змей, и золотые змеи обвивали его руки до самых плеч — браслеты или торквесы, — глаза его были глазами Утера Пендрагона.

Над высоким открытым плато — там, где кольцо камней, воздвигнутое на каменном основании, дожидалось солнца — дул холодный ветер. Во плоти Игрейне еще не доводилось видеть храм Солнца на равнине Солсбери, ибо друиды его избегали. Кто, вопрошали они, станет поклоняться Богам в храме, выстроенном руками человека? Так что они совершали свои обряды в рощах, посаженных руками Богов. Но еще девочкой Игрейна слышала от Вивианы о храме и о том, как точно произведены расчеты и вычисления с помощью искусств, забытых ныне, так что даже те, кто не посвящен в тайны жрецов, может определить наступление затмений и проследить движение звезд и смену времен года.

Игрейна знала, что стоящий рядом с нею Утер — да полно, Утер ли этот высокий муж в одеждах жреческого ордена, погребенного под волною много веков назад вместе с землею, что ныне стала легендой? — глядит на запад, на пламенеющее небо.

— Итак, наконец все сбылось, как и было предсказано, —

проговорил он, обнимая молодую женщину за плечи. — А мне все не верилось, Моргана.

На мгновение Игрейна, супруга Горлойса, удивилась: с какой стати этот мужчина называет ее именем дочери; однако, едва успев мысленно задаться этим вопросом, она уже знала, что «Моргана» — это не имя, но титул жрицы и означает всего лишь «женщина из-за моря» в религии, которую даже мерлин Британии счел бы легендой и отголоском легенды.

Игрейна услышала собственный голос, прозвучавший словно помимо ее воли:

— Вот и мне казалось невозможным, что Лионесс, и Ахтаррат, и Рута падут и сгинут бесследно, точно их и не было. Как думаешь, правда ли, что Боги карают Атлантиду за их грехи?

— Не думаю, что таков обычай Богов, — проговорил мужчина, стоящий рядом с нею. — Сотрясается земля великого океана за пределами морей, нам ведомых, и хотя в народе Атлантиды говорилось об утраченных землях Му и Ги-Бразиля, мне все же известно, что в величайшем из океанов за гранью заката содрогается земля, и острова поднимаются и исчезают, даже если обитатели их не ведают ни греха, ни зла, но живут точно невинные дети до того, как Боги наделили нас знанием и дали выбирать между добром и злом. А ежели земные Боги равно карают и грешников и праведников, тогда эти новые разрушения никак не могут быть карой за грехи, ибо таковы законы природы. Не знаю, заключен ли в крушении глубокий смысл или земля просто не обрела еще конечную форму, точно так же, как мы, мужи и жены, не достигли еще гармонии. Возможно, и земля тоже тщится облагородить свою душу и приблизиться к совершенству. Не знаю, Моргана. Это все — удел высших Посвященных. Я памятую об одном лишь: мы унесли секреты храмов — при том, что клялись вовеки того не делать, — и преступили обеты.

— Но нам приказали жрецы, — возразила Игрейна, дрожа всем телом.

— Никто из жрецов не сможет простить нам клятвопреступление, ибо слова обета, принесенного перед Богами, эхом разносятся во времени. Так что мы за это поплатимся. Не подобает, чтобы все знания и мудрость наших храмов погибли на дне моря, и нас отослали прочь, нести знание в мир, с ясным пониманием того, что нам предстоит страдать из жизни в жизнь за нарушение данного обета. Так суждено, сестра моя.

— Отчего нам должно терпеть наказание за пределами этой жизни за то, что нам повелели? — негодующе воскликнула она. — Или жрецы считают, что справедливо и правильно обречь нас на страдания только за то, что мы повиновались их воле?

— Нет, — отвечал мужчина, — но вспомни принесенную клятву... — Голос его внезапно прервался. — Мы поклялись в

храме, ныне сгинувшем на дне моря, где уже не править великому Ориону отныне и вовеки. Мы поклялись разделить судьбу того, кто похитил с небес огонь, дабы человек не прозябал во тьме. Великое благо заключал в себе дар огня, но и великое зло, ибо человек научился злоупотреблению и пороку... вот почему тот, кто похитил огонь, хотя во всех храмах чтят его имя, ибо принес он людям свет, обречен на вечные муки, и скован цепями, и стервятник гложет его печень... Все это — таинства: человек может или слепо повиноваться жрецам и созданным ими законам и жить в невежестве, или дерзко ослушаться, и последовать за дарителем Света, и принять страдания Колеса Возрождения. Вот, гляди... — Он указал вверх, туда, где сияла фигура Затмевающего Богов, и на поясе его горели три звезды: чистоты, справедливости и выбора. — Он стоит там и ныне, хотя храм его сгинул; и, смотри, Колесо вращается, вбирая в себя его круговой путь, пусть земля внизу корчится в муках, а храмы, города и род людской гибнут в пламени. А здесь мы возвели новый храм, дабы мудрость жила в веках.

Мужчина, здесь известный ей как Утер, обнял ее рукою, и Игрейна поняла, что он плачет. Он рывком развернул ее лицом к себе и поцеловал, и на своих губах она ощутила соль его слез.

— Я ни о чем не жалею, — проговорил он. — В храме нам внушают, что истинная радость обретается лишь в свободе от Колеса, несущего смерть и возрождение, что должно научиться презирать земные радости и горести и желать лишь покоя и мира перед лицом вечности. Однако ж люблю я земную жизнь, Моргана, и тебя люблю великой любовью, что сильнее смерти, и если грех — цена за то, что мы с тобою связаны на многие жизни через века, я стану грешить радостно и ни о чем не сожалея, лишь бы грех вернул меня к тебе, о возлюбленная!

За всю свою жизнь Игрейне не доводилось еще ощущать подобного — поцелуй дышал страстью, и при этом казалось, будто некая стихия помимо простого вожделения, неразрывно связывает двух людей друг с другом. И в этот миг молодую женщину потоком захлестнули воспоминания: теперь она знала, где впервые повстречала этого мужчину... В памяти воскресли огромные мраморные колонны и золоченые лестницы великого храма Ориона, и град Змея внизу, и ряды сфинксов — существ с телами львов и лицами женщин, — что выстроились вдоль широкой дороги, ведущей к храму... Здесь стояли они на бесплодной равнине, рядом с кругом необтесанных камней, и на западе пылало пламя — угасающий отблеск света той земли, где Моргана и Утер родились, где вместе играли в храме маленькими детьми, где их некогда соединил священный огонь, дабы не разлучались они, пока живы. А теперь они совершили деяние, что соединит их и за пределами смерти...

— Я люблю эту землю, — исступленно повторил он. — Здешние храмы сложены из грубого камня и не лучатся серебром, золотом и желтой медью, но я уже полюбил эту землю так, что охотно отдам свою жизнь за то, чтобы уберечь ее от гибели — этот холодный край, где солнце — редкий гость... — И он поежился, кутаясь в плащ, но Игрейна развернула его кругом, спиной к догорающим огням Атлантиды.

— Посмотри на восток, — приказала она. — Ибо так повелось от века: когда свет угасает на западе, надежда на возрождение брезжит на востоке. — Они стояли, обнявшись, а из-за зрачка огромного камня поднималось ослепительно яркое солнце.

— Воистину, это — великий цикл жизни и смерти, — прошептал он, привлекая Игрейну к себе. — Придет день, когда люди обо всем позабудут и храм станет для них кольцом камней, не более. Но я вспомню и вернусь к тебе, любимая, клянусь.

И тут в сознании у нее раздался мрачный голос мерлина: *«Остерегись, о чем молишься, ибо просьба твоя непременно исполнится»*.

И — тишина. Игрейна огляделась: она съежилась у остывших углей очага, по-прежнему обнаженная, закутанная лишь в плащ, в спальне их с мужем временного жилища. В постели тихо похрапывал Горлойс.

Дрожа всем телом, Игрейна поплотнее завернулась в накидку и, промерзшая до костей, тихонько забралась под одеяло, забилась поглубже, пытаясь согреться. Моргана. Моргейна. Неужто она дала дочери это имя потому, что и в самом деле некогда его носила? Или это — лишь причудливый сон, посланный мерлином, дабы убедить ее в том, что некогда, в прошлой жизни, она уже знала Утера Пендрагона?

Но нет, никакой это не сон — сны сбивчивы, невнятны, сны — это мир, где все — нелепость и иллюзия. Она знала, что каким-то непостижимым образом забрела в Край Истины, куда отправляется душа, отделившись от тела, и каким-то образом принесла назад не грезу, но воспоминание.

Одно по крайней мере ясно. Если они с Утером знали и любили друг друга в далеком прошлом, это объясняет, откуда у нее чувство, будто они близко, хорошо знакомы, и почему Утер не воспринимается как чужой... воистину, даже его мужицкие — или мальчишеские — замашки ее не оскорбляют; они всего-то навсего — часть его личности, таков уж он есть и таким был всегда. Игрейна вспомнила, с какой нежностью осушила его слезы своим покрывалом, верно, тогда она подумала: *«Да, в этом весь он»*. По-мальчишески порывист, очертя голову бросается навстречу своим желаниям, никогда не взвешивает последствий.

Неужто много веков назад, когда утраченные земли лишь недавно сгинули в бездне западного океана, они принесли в этот

край тайны потерянной мудрости и вместе навлекли на себя кару за клятвопреступление? *Кару?* И тут, не зная, почему, молодая женщина вспомнила, что само возрождение — сама жизнь человеческая — считается карой: жизнь в человеческом теле вместо бесконечного покоя. Губы Игрейны изогнулись в улыбке: *«Так наказание или награда — жить в этом теле?»* Ибо, подумав о том, как внезапно пробудилось ее тело в объятиях мужчины, который есть, или будет, или некогда был Утером Пендрагоном, Игрейна поняла то, чего не знала прежде: что бы ни утверждали жрецы, жизнь в этом теле — награда из наград, идет ли речь о рождении или возрождении.

Игрейна поглубже забралась под одеяло. Спать ей уже не хотелось, она лежала, глядя в темноту и улыбаясь про себя. Итак, Вивиана и мерлин знали, заранее знали, что уготовила ей судьба: знали, что она связана с Утером такими узами, рядом с которыми ее союз с Горлойсом лишь поверхностен и преходящ. Да, она исполнит их волю, это — часть ее предначертания. Она и мужчина, ныне именующийся Утером, связали себя множество жизней назад с судьбою этой земли, куда пришли после гибели Древнего Храма. А теперь, когда таинства вновь в опасности — на сей раз угроза исходит от варварских орд и дикарей с севера, — они возвратились вместе. И ей дано родить одного из великих героев, которые, как повествуют легенды, возрождаются к жизни в час нужды, — родить короля, который был, есть и вновь придет спасти свой народ... Даже у христиан есть своя разновидность легенды: согласно ей, когда родился Иисус, матери его были предупреждения и предсказания о том, что она произведет на свет царя. Игрейна улыбнулась в темноте, думая про себя о судьбе, что вот-вот соединит ее с мужчиной, которого она любила столько веков назад. Горлойс? Какое отношение имеет Горлойс к ее предназначению? Вот разве что ему поручено ее подготовить — иначе она по молодости не поняла бы, что с нею происходит.

«В этой жизни я не жрица. И однако же знаю, что все равно я — послушное орудие своей судьбы, таков удел всех мужчин и женщин.

А для жрецов и жриц уз брака не существует. Они вручают себя по велению Богов, дабы произвести на свет тех, от кого зависят судьбы человечества».

Игрейна задумалась об огромном северном созвездии под названием Колесо. Поселяне называют его Телегой или Большой Медведицей, что, неуклюже переваливаясь, все обходит и обходит кругом звезды северной оконечности небес, однако Игрейна знала: это круговое движение символизирует бесконечное Колесо Рождения, Смерти и Возрождения. А шагающий по небу Великан с мечом у пояса... на мгновение Игрейне померещился

герой, которому суждено явиться в мир, герой с могучим мечом победителя в руках. Жрецы Священного острова позаботятся о том, чтобы меч он получил: меч, пришедший из легенд.

Горлойс заворочался, потянулся к жене, и она покорно приняла его в объятия. Жалость и нежность вполне возобладали над отвращением; кроме того, теперь молодая женщина уже не боялась забеременеть нежеланным ребенком. Не такова ее судьба. Обреченный бедняга не причастен к этой тайне. Он — из числа тех, что рождаются лишь однажды, а если и нет, прошлого он не помнит, и Игрейна радовалась, что в утешение ему дана его незамысловатая вера.

Позже, вставая, Игрейна вдруг осознала, что поет. Горлойс озадаченно глядел на жену.

— Похоже, ты поправилась, — заметил он, и Игрейна улыбнулась.

— О да, — заверила она. — В жизни своей так хорошо себя не чувствовала.

— Стало быть, снадобье мерлина пошло тебе на пользу, — произнес Горлойс. Игрейна, улыбнувшись, промолчала.

Глава 5

Последние несколько дней в городе судачили лишь об отъезде Лота Оркнейского на север и ни о чем больше. Опасались, что это отдалит окончательный выбор, но уже три дня спустя Горлойс вернулся домой, где Игрейна дошивала новое платье из купленной на рынке ткани, и сообщил, что Амброзиевы советники наконец-то поступили так, как, насколько они знали с самого начала, пожелал бы Амброзий, и избрали Утера Пендрагона королем всей Британии.

— Но как же север? — спросила молодая женщина.

— Утер уж как-нибудь да заставит Лота принять наши условия или сразится с ним в бою, — отозвался Горлойс. — Я не люблю Утера, но лучшего бойца среди нас не сыщешь. Я Лота не опасаюсь и держу пари, что Утеру он тоже не страшен.

Игрейна почувствовала, как в ней всколыхнулся прежний дар Зрения: в ближайшие годы у Лота будет чем заняться... но промолчала. Горлойс со всей отчетливостью дал ей понять, что ему не по душе, когда жена рассуждает о мужских делах, а молодая женщина предпочла бы не ссориться с обреченным на смерть за то короткое время, что у него осталось.

— Вижу, твое новое платье готово. Надень его, если хочешь, в церковь на коронацию Утера: его провозгласят королем, увенчают короной, после чего он устроит празднество для всех своих сподвижников и их жен, прежде чем уехать в западные края, на

тамошнюю коронацию, — проговорил Горлойс. — Он прозывается Пендрагон, «Величайший из Драконов», по изображению на его знамени, а на западе бытует какой-то там языческий ритуал на предмет драконов и королевской власти...

— Дракон — это то же самое, что змей, — рискнула подсказать Игрейна. — Друидический символ мудрости.

Горлойс недовольно нахмурился и объявил, что, на его взгляд, в христианской стране таким символам не место. Довольно, дескать, и епископского помазания.

— Но не все люди способны воспринять высшие таинства, — возразила Игрейна. Это она постигла еще ребенком на Священном острове, и со времен сна про Атлантиду ей казалось, что усвоенное в детстве учение о таинствах, ею якобы позабытое, обрело в ее сознании новый смысл и глубину. — Мудрецам ведомо, что символы излишни, но простолюдинам с окраин нужны летающие драконы как знак королевской власти, точно так же, как им необходимы костры Белтайна и Великий Брак, когда король вступает в союз с землей...

— Все это для христианина запретно, — сурово отрезал Горлойс. — Ибо рек апостол: нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись[1], а знамения и чудеса ложные — это все зло. Вот уж не удивлюсь, если этот распутник Утер участвует в бесстыдных языческих оргиях, потворствуя неразумию невежественных простецов. Надеюсь я, что в один прекрасный день увижу королем Британии того, кто держится лишь христианских обрядов!

— Не думаю, что ты или я доживем до того дня, о супруг мой, — улыбнувшись, ответствовала Игрейна. — Даже апостол в твоих священных книгах писал, что младенцам потребно молоко, а сильным мужам — мясо[2], а простецам, рожденным лишь однажды, потребны священные источники, весенние венки и обрядовые пляски. Печальный день настанет для Британии, ежели погаснут костры Йоля, а в священные источники перестанут бросать цветы.

— Даже бесы способны искажать слова Священного Писания, — отпарировал Горлойс, но вполне беззлобно. — Надо думать, это и разумел апостол, говоря, что женам в церквах подобает молчать[3], ибо склонны они впадать в подобные заблуждения. Когда ты станешь старше и мудрее, Игрейна, ты научишься лучше разбираться в подобных вещах. А пока прихорашивайся себе на здоровье к церковной службе и к последующим увеселениям.

Игрейна надела новое платье и расчесала волосы так, что

---

[1] Деян 4.

[2] 1 Кор 3, Ев 5.

[3] Кор 14:34.

они заблестели, точно отполированная медь, но, поглядев на себя в серебряное зеркало — Горлойс таки послал за ним на ярмарку, приказав доставить подарок жене, — внезапно приуныла и задумалась: а заметит ли ее Утер? Да, она хороша собой, но ведь есть и другие женщины, ничуть не уступающие ей красотой, но моложе, незамужние и детей не рожавшие, — зачем ему она, постаревшая, утратившая былую свежесть?

На протяжении всей бесконечно-долгой церемонии в церкви она напряженно следила за тем, как Утер принес клятву и был помазан епископом. Зазвучали псалмы — в кои-то веки не скорбные гимны о гневе Господнем и Господней каре, но ликующие песнопения, хвалебные, благодарственные, — и в звоне колоколов слышалась радость, а не ярость. А после в доме, где прежде обретался Амброзий, подали угощение и вино, и с церемонной торжественностью военные вожди Амброзия один за другим клялись в верности Утеру.

Задолго до конца ритуала Игрейна почувствовала себя усталой. Но наконец все закончилось, и, пока вожди с супругами воздавали должное вину и снеди, она отошла в сторону, наблюдая за бурным весельем. И здесь наконец-то, как она отчасти предвидела, ее отыскал Утер.

— Госпожа герцогиня Корнуольская.

Игрейна присела до полу.

— Лорд мой Пендрагон, король мой.

— Между нами церемониям не место, госпожа, — грубо бросил он и схватил молодую женщину за плечи, — совсем как во сне, так что Игрейна уставилась на него во все глаза, словно ожидая увидеть на его руках золоченые торквесы в виде змей.

Но Утер всего-навсего промолвил:

— Сегодня ты не надела лунного камня. Необычный самоцвет, что и говорить. Когда я впервые увидел его на тебе, это было как в одном моем сне... прошлой весной у меня случилась лихорадка, и мерлин ухаживал за мною... и мне приснился странный сон. И теперь я знаю, что в том сне впервые тебя увидел — задолго до того, как ты предстала передо мной наяву. Должно быть, я пялился на тебя, точно деревенский олух, леди Игрейна: я снова и снова пытался припомнить мой сон, и что за роль ты в нем играла, и лунный камень у тебя на груди.

— Мне рассказывали, что помимо прочих свойств лунный камень обладает даром пробуждать истинные воспоминания души, — отозвалась Игрейна. — И мне тоже снятся сны...

Утер легонько коснулся рукою ее плеча.

— Я не могу вспомнить. Отчего мне словно мерещится, будто у тебя на запястьях блестит что-то золотое, Игрейна? Нет ли у тебя золотого браслета в форме... может статься, дракона?

Молодая женщина покачала головой.

— Здесь — нет, — отозвалась она, холодея от сознания того, что и Утер каким-то непостижимым образом, неведомо для нее, разделяет это странное воспоминание и сон.

— Ты, наверное, сочтешь меня грубым мужланом, об учтивости не ведающим, госпожа Корнуолла... Могу ли я предложить тебе вина?

Игрейна молча покачала головой, зная: руки ее так дрожат, что, если она попытается взять чашу, непременно опрокинет на себя все ее содержимое.

— Сам не знаю, что со мною происходит, — исступленно проговорил Утер. — Столько всего случилось за эти дни... умер король, мой отец, все эти лорды чуть не передрались между собой, а потом взяли да избрали меня Верховным королем... все это кажется нереальным, а в тебя, Игрейна, поверить и того труднее! Ты не бывала на западе, там, где на равнине высится огромное кольцо камней? Говорят, в древние времена это был друидический храм, но мерлин уверяет, что нет, камни поставили задолго до того, как в эти земли пришли друиды. Ты там не бывала?

— В этой жизни — нет, мой лорд.

— Мне бы так хотелось показать тебе это место, однажды мне приснилось, что мы были там с тобою вдвоем... ох, только не думай, что я спятил, Игрейна, и несу всякую чушь про сны и пророчества, — проговорил он и улыбнулся — нежданно, совсем по-мальчишески. — Давай степенно потолкуем о вещах самых что ни на есть обыденных. Я — бедный вождь с севера, внезапно проснулся и обнаружил, что избран Верховным королем... может, я и впрямь слегка не в себе от такого потрясения!

— Я буду сама степенность и обыденность, — с улыбкой согласилась Игрейна. — Будь ты женат, я бы спросила, как поживает твоя почтенная супруга и беспокоят ли твоего старшего сына... — ох, про что бы такое обыденное спросить? — прорезались ли у него зубки до того, как настала жара, или страдает ли он сыпью от свивальников?

Утер так и покатился со смеху.

— Ты, верно, думаешь, что в мои годы пора уже обзавестись супругой, — проговорил он. — Господь свидетель, женщин у меня перебывало немало. Возможно, мне не следует сообщать об этом жене наихристианнейшего из моих вождей, отец Иероним сказал бы, что столько женщин душевному здравию не способствует! Но я не встретил ни одной, что западала бы мне в сердце после того, как мы вставали с постели; и я всегда боялся, что, если женюсь на какой-нибудь, не переспав с нею, она вот точно так же мне прискучит. Мне всегда казалось, что мужчину и женщину должны связывать узы более крепкие, хотя христиане вроде бы считают, что постели вполне достаточно, — как там у них

говорится: лучше вступить в брак, нежели разжигаться?[1] Ну что ж, гореть я не горел, ибо унимал огонь, а когда запас расходовался, пламя угасало, и все-таки чудилось мне, есть жар, что так быстро не иссякнет; вот на такой женщине я и женюсь. — И отрывисто спросил: — Ты любишь Горлойса?

Тот же вопрос задавала ей и Вивиана, тогда молодая женщина ответила, что это неважно. В ту пору она сама не знала, что говорила. А теперь Игрейна тихо ответила:

— Нет. Когда меня ему вручили, я была слишком молода, чтобы задумываться, за кого вышла замуж.

Утер отвернулся и принялся гневно расхаживать взад и вперед.

— И я отлично вижу, что ты — не девка непотребная, так почему же во имя всех Богов меня околдовала женщина, обвенчанная с одним из самых преданных моих сподвижников...

«*Итак, мерлин и на Утера воздействовал своей треклятой магией*». Но Игрейна ничего против не имела. Такова их участь, чему быть, того не миновать. Хотя она поверить не могла в то, что судьба велит ей предать Горлойса вот так бессовестно, прямо здесь. Сон про великую равнину словно воплотился наяву, когда Утер положил руку ей на плечо, на Игрейну точно пала тень от огромного круга камней. В мыслях царила путаница: «*Нет же, это совсем другой мир, совсем другая жизнь*». Ей казалось, и душа ее, и тело властно требуют, чтобы поцелуй из сна стал реальностью. Игрейна закрыла лицо руками и разрыдалась. Отступив на шаг, Утер испуганно и беспомощно глядел на нее.

— Игрейна, — прошептал он. — Что нам делать?

— Не знаю, — выговорила она, всхлипывая. — Не знаю. — Уверенность ее сменилась полной растерянностью. Неужто сон послан ей лишь для того, чтобы околдовать ее, при помощи магии заставить предать Горлойса, собственную честь и данное слово?

На плечо ей легла рука — тяжело и осуждающе. Горлойс глядел гневно и подозрительно.

— Что за недостойное зрелище, госпожа моя? Что ты такое наговорил моей жене, о король мой, что так ее огорчил? Я знаю тебя за человека распутного нрава, избытком благочестия не страдающего, но даже так, сир, хотя бы из уважения к приличиям ты мог бы сделать над собою усилие и не приставать к жене своего вассала на собственной коронации!

Игрейна в гневе обернулась к нему:

— Горлойс, уж этого-то я от тебя не заслужила! Что я такого сделала, что ты бросаешь мне подобное обвинение, да еще на

---

[1] Коринф 7:9.

людях! — Ибо, заслышав перебранку, гости и впрямь принялись оглядываться в их сторону.

— Тогда почему ты плачешь, госпожа, если ничего недостойного он тебе не сказал? — Пальцы Горлойса до боли сжали ее запястье, словно грозя переломить его пополам.

— Что до этого, — ответствовал Утер, — изволь спросить жену, отчего она плачет, ибо мне о том неведомо. Но отпусти ее руку, или я заставлю тебя силой. Никто не посмеет грубо обращаться с женщиной в моем доме, муж он ей или не муж.

Горлойс нехотя выпустил Игрейну. На ее руке отпечатки его пальцев покраснели, превращаясь в темные синяки. Молодая женщина потерла запястья, по лицу ее струились слезы. Перед лицом стольких собравшихся она совсем смешалась, словно ее осрамили прилюдно: Игрейна закрылась покрывалом и зарыдала горше, чем прежде. Горлойс подтолкнул ее вперед. Что уж он там сказал Утеру, молодая женщина уже не слышала, лишь оказавшись на улице, она потрясенно подняла глаза на мужа.

— Я не стану обвинять тебя перед всеми гостями, Игрейна, но, Господь мне свидетель, у меня на это полное право, — яростно проговорил он. — Утер глядел на тебя так, как смотрит мужчина на женщину, знакомую ему куда ближе, нежели дозволено христианину знать чужую жену!

Сердце Игрейны гулко колотилось в груди. Она признавала правоту мужа и изнывала от смятения и отчаяния. Несмотря на то, что она видела Утера лишь четыре раза наяву и еще дважды — во сне, молодая женщина понимала: они глядели друг на друга и говорили друг с другом так, словно вот уже много лет были возлюбленными и знали друг о друге все и даже больше — о теле, уме и сердце. Игрейне вспомнился ее сон: в нем казалось, что на протяжении многих лет их связывали неразрывные узы: если это и не брак, то нечто в том же роде. Возлюбленные, чета, жрец при жрице — уж как бы оно ни называлось. Как ей объяснить Горлойсу, что Утера она знала только во сне, но уже приучилась думать о нем как о мужчине, которого любила так давно, что сама Игрейна тогда еще не родилась и была лишь тенью, что внутренняя суть ее едина с той женщиной, любившей незнакомца с золотыми змеями на руках... Как ей поведать об этом Горлойсу, который ровным счетом ничего не знал о Таинствах, да и знать не желал?

Горлойс втолкнул жену в дом. Игрейна видела: стоит ей открыть рот, и он ее того и гляди ударит, но молчание молодой женщины бесило его еще больше.

— Тебе нечего сказать мне, жена? — взревел он, стиснув ее уже покрытую синяками руку так крепко, что Игрейна снова вскрикнула от боли. — Думаешь, я не видел, как ты пялилась на своего полюбовника?

Молодая женщина с трудом высвободила руку — Горлойс едва не выдернул ее из суставов.

— А если ты это видел, так видел и то, как я отвернулась от него, когда он уповал всего-то навсего на поцелуй! И разве ты не слышал, как он сказал мне, что ты — его верный сподвижник и он ни за что не посягнет на жену друга...

— Если я и был ему другом, так это дело прошлое! — отрезал Горлойс. Лицо его потемнело от ярости. — Ты в самом деле думаешь, я стану поддерживать человека, который готов отобрать у меня жену на глазах у всего двора, осрамив меня перед вождями?

— Ничего подобного! — вскричала Игрейна, заливаясь слезами. — Я даже губ его не коснулась! — Как это зло и гадко: тем паче, что она и впрямь мечтала об Утере и все-таки щепетильно держалась от него на расстоянии. «*Право же, если уж мне выносят приговор, в то время как я ни в чем дурном не повинна, даже по его меркам, так лучше бы я уступила желаниям Утера!*»

— Я видел, как ты на него пялилась! И ты ложа со мной не разделяла с тех самых пор, как тебе на глаза впервые попался Утер, распутная шлюха!

— Да как ты *смеешь*? — негодующе задохнулась Игрейна и, схватив серебряное зеркало, Горлойсов подарок, швырнула им в голову мужа. — Возьми назад свои слова, или, клянусь, я брошусь в реку, прежде чем ты еще раз ко мне притронешься! Ты лжешь и сам знаешь, что лжешь!

Горлойс пригнулся, зеркало ударилось в стену. Игрейна сорвала с себя янтарное ожерелье — тоже подаренное мужем не далее как на днях — и бросила его вслед за зеркалом. Торопливо стянула с себя дорогое новое платье и, скомкав, кинула мужу в голову.

— Да как ты смеешь называть меня так, ты, осыпавший меня подарками, точно я — из числа этих ваших армейских девок и содержанок? Если ты считаешь меня шлюхой, где же подарки от моих любовников? Все, что у меня есть, подарил мне мой муж, этот шлюхин сын, сквернослов и похабник, пытаясь купить мое благоволение для утоления собственной похоти, потому что священники превратили его в полуевнуха! Отныне и впредь я стану носить лишь то, что соткут мои пальцы, лишь бы не твои дрянные подарки, ты, подлец, чьи губы и мысли столь же мерзостны, как и твои гнусные поцелуи!

— А ну, замолчи, злонравная ведьма! — заорал Горлойс и ударил ее так сильно, что молодая женщина рухнула на пол. — А теперь вставай и прикройся пристойно, как подобает доброй христианке, а не срывай с себя одежды, так что я с ума схожу, на тебя глядя! Уж не так ли ты соблазнила моего короля и залучила его в свои объятия?

Игрейна с трудом поднялась на ноги, отшвырнула изорван-

ное платье подальше и накинулась на мужа, колотя его по лицу. Горлойс схватил ее, пытаясь обездвижить, смял в объятиях. Природа не обделила Игрейну силой, но Горлойс был мужчина крупный и притом воин, и спустя мгновение-другое она перестала бороться, понимая, что все бесполезно.

— Я отучу тебя заглядываться на чужих мужчин при законном-то муже! — шепнул Горлойс, толкая ее к кровати.

Игрейна презрительно запрокинула голову.

— Ты думаешь, я когда-либо взгляну на тебя иначе, чем с омерзением, точно на гада ползучего? О да, ты можешь затащить меня в постель и навязать мне свою волю, ваше христианское благочестие позволяет вам насиловать собственных жен! Мне дела нет до твоих слов, Горлойс, ибо в сердце своем я знаю, что ни в чем не повинна. Вплоть до сего мгновения я мучилась угрызениями совести, думая, что, возможно, чары или заклятия заставили меня полюбить Утера. А теперь я жалею о том, что не сделала того, о чем он меня молил, хотя бы потому, что ты столь же готов поверить в ложь о моей вине, как и в правду о моей невиновности, и в то время, как я ревностно блюла свое достоинство и твое тоже, ты нимало не сомневался, что я брошу свою честь на ветер!

В голосе ее звучало такое презрение, что Горлойс уронил руки и воззрился на жену.

— Ты правду говоришь, Игрейна? — глухо произнес он. — Ты в самом деле ни в чем дурном не повинна?

— По-твоему, я унижусь до лжи? Стану лгать — *тебе*?

— Игрейна, Игрейна, — смиренно произнес он. — Я хорошо знаю, что слишком стар для тебя, что тебя отдали мне против твоей воли и любви ты ко мне не питала, но мне казалось, что, может статься, за эти дни ты стала обо мне думать чуть лучше, а когда я увидел тебя плачущей рядом с Утером... — Голос его прервался. — Я вынести не мог, что ты смотришь так на этого похотливого мерзавца, а на меня — лишь с покорством и смирением, прости меня, прости, умоляю — если я и впрямь был к тебе несправедлив...

— Ты был ко мне несправедлив, — ледяным тоном подтвердила Игрейна, — и ты хорошо делаешь, что просишь у меня прощения, каковое ты, впрочем, получишь не раньше, чем преисподняя вознесется к Небесам, а землю поглотит западный океан! Лучше ступай и помирись с Утером — или ты и вправду надеешься выстоять против гнева короля Британии? Или в итоге итогов ты станешь покупать его милость, как пытался купить мою?

— Замолчи! — яростно выкрикнул Горлойс. Лицо его пылало. Он унизился перед женой, и Игрейна знала: за это он ее тоже никогда не простит. — Прикройся!

Молодая женщина осознала, что все еще нага до пояса. Она

подошла к кровати, где лежало ее старое платье, неспешно натянула его через голову и принялась завязывать шнуровку. Горлойс подобрал с пола янтарное ожерелье и серебряное зеркало и протянул их жене, но та отвернулась, словно не видя. Спустя какое-то время он положил подарки на кровать. Игрейна на них и не взглянула.

Мгновение он смотрел на жену, затем толкнул дверь и вышел.

Оставшись одна, Игрейна принялась укладывать вещи в седельные вьюки. Она сама не знала, что собирается делать: может, стоило бы пойти отыскать мерлина и обо всем ему рассказать. Кто, как не он, положил начало всей этой цепочке событий, что в итоге привела к бурной ссоре между нею и Горлойсом. По крайней мере Игрейна поняла, что не сможет больше жить под крышей Горлойса в спокойствии и довольстве. Сердце ее сжалось от боли: они обвенчаны по римскому закону, согласно которому Горлойс обладает абсолютной властью над их дочерью, Моргейной. Придется Игрейне какое-то время притворяться, пока она не сможет переправить Моргейну в безопасное место! Например, удастся отослать ее на воспитание к Вивиане, на Священный остров.

Драгоценности, подаренные Горлойсом, Игрейна оставила лежать на кровати, уложив лишь платья, сотканные ее собственными руками в Тинтагеле, а из украшений — только лунный камень Вивианы. Позже Игрейна осознала, что именно это мгновение-другое промедления стоили ей бегства: пока она выкладывала на постель мужнины подарки, отбирая собственные вещи, Горлойс возвратился в комнату. Он быстро скользнул взглядом по ее запакованным тюкам и коротко кивнул.

— Хорошо, — промолвил он, — ты уже собралась. Мы выезжаем до заката.

— О чем ты, Горлойс?

— О том, что я швырнул мою клятву Утеру в лицо и сказал ему все то, что следовало сказать сразу. Отныне мы враги. Я еду заняться обороной запада против саксов и ирландцев, ежели они туда сунутся, а Утера предупредил, что, если он попытается ввести войска в мою землю, я повешу его на первом же дереве, как негодяя и вора, каким он в сущности и является.

Игрейна глядела на мужа во все глаза.

— Ты, никак, рассудком помутился, о супруг мой, — наконец проговорила она. — Жителям Корнуолла самим ни за что не удержать западный край, если саксы придут большим числом. Амброзий это знал, знает об этом и мерлин, даже я это знаю, Господь мне в помощь, при том, что мой удел — хозяйство да дом! Или в одно-единственное мгновение безумия ты разрушишь все, ради чего Амброзий жил, ради чего боролся последние годы, —

и все из-за вздорной ссоры с Утером на почве собственной одержимой ревности?

— Скора ты защищать Утера!

— Да я бы и саксонского вождя пожалела, потеряй он своих самых мужественных сторонников в распре, для которой и причины-то нет! Во имя Господа, Горлойс, — ради наших с тобою жизней и жизни твоих людей, что ждут от тебя помощи перед лицом саксонской угрозы, — умоляю тебя уладить ссору с Утером и не разрушать союза! Лот уже уехал, если уедешь и ты, под знамена на защиту Британии встанут лишь союзные войска да несколько владетелей победнее! — Молодая женщина в отчаянии покачала головой. — Лучше бы я бросилась с утеса в Тинтагеле, вместо того чтобы отправиться в Лондиниум! Я принесу любую клятву, какую потребуешь, в том что я даже губ Утера Пендрагона не касалась! Или из-за женщины ты погубишь союз, ради которого умер Амброзий?

Горлойс сердито нахмурился.

— Даже если бы Утер и не поглядел в твою сторону, госпожа моя, по чести говоря, мне не следовало бы присягать бесстыдному распутнику и столь дурному христианину, Лоту я не доверяю, но теперь вижу, что Утеру верить и вовсе нельзя. Надо было мне с самого начала прислушаться к голосу совести, надо было сразу отказаться его поддерживать. Увяжи мою одежду во второй тюк. За лошадьми и дружиной я уже послал.

В лице его читалась неумолимая решимость. Игрейна знала: запротестуй она — и Горлойс вновь пустит в ход кулаки. Молча, кипя от гнева, она повиновалась. Вот теперь она в ловушке и убежать не может — даже на Священный остров, под защиту сестры, — не может, пока Горлойс держит в Тинтагеле ее дочь.

Она еще укладывала в тюки свернутые юбки и туники, когда ударил набатный колокол.

— Оставайся здесь! — коротко бросил Горлойс и выбежал из дома.

Вне себя от гнева, Игрейна бросилась за ним. Путь ей преградил дюжий здоровяк из числа Горлойсовых людей — прежде она его не видела. Дружинник загородил пикой дверь, не выпуская молодую женщину за порог. Изъяснялся он на таком жутком корнуольском диалекте, что Игрейна с трудом разбирала слова: она поняла лишь, что по приказу герцога его госпожу должно уберечь от опасности и из дома не выпускать, вот затем он, стражник, здесь и поставлен.

Вступать в драку со стражником было ниже ее достоинства; кроме того, что-то подсказывало Игрейне, что дружинник просто-напросто скрутит ее, точно мешок с мукой. В конце концов она вздохнула и вернулась в дом, заканчивать сборы. С улицы доносились крики, гомон, топот бегущих ног, в церкви непода-

леку вовсю звонили колокола, хотя для службы час был неурочный. Один раз послышался звон мечей, и женщина подумала, уж не саксы ли заняли город и рыщут по улицам: воистину, отличное время для нападения, когда Амброзиевы вожди того и гляди между собою передерутся! Ну что ж, это решило бы одну из ее проблем, но что будет с Моргейной, которая останется в Тинтагеле одна-одинешенька?

День понемногу клонился к вечеру, ближе к ночи Игрейну охватил страх. Может, саксы и впрямь у ворот города; может, Утер и Горлойс снова сцепились и теперь один из них мертв? Когда наконец Горлойс распахнул дверь в комнату, при виде него Игрейна почти обрадовалась. Искаженное лицо его дышало отчуждением, челюсти стиснуты, он коротко обратился к Игрейне — и слова эти не оставляли места надежде:

— Мы выступаем с наступлением темноты. Ты удержишься в седле или поручить кому-нибудь из моих людей усадить тебя на седельную подушку? У нас нет времени, шагом из-за тебя никто не поедет.

Игрейна с трудом удерживалась, чтобы не забросать его тысячей вопросов, но молодой женщине страх как не хотелось доставлять мужу удовольствие от сознания того, что ей не все равно.

— Пока у тебя есть силы скакать верхом, муж мой, я в седле усижу.

— Так смотри, потом не жалуйся; мы поскачем почти без остановок, так что передумать ты не сможешь. Надень самый теплый плащ, ночью ехать холодно, а с моря ползет туман.

Игрейна собрала волосы в пучок на макушке и набросила плотный плащ поверх туники и штанов, что всегда надевала для поездок верхом. Горлойс подсадил ее на лошадь. Улицы запрудили темные фигуры воинов с длинными копьями. Горлойс тихо сказал что-то одному из предводителей, затем вернулся назад и вскочил в седло, с дюжину конников и солдат ехали за Горлойсом и Игрейной в головной части отряда. Горлойс сам взял поводья ее коня и, сердито дернув головой, приказал:

— Вперед.

Игрейна плохо представляла себе, где находится, она молча ехала в сгущающихся сумерках туда, куда вел Горлойс. Где-то вдали на фоне неба полыхал алый отсвет, но молодая женщина понятия не имела, бивачный ли это костер, или пылает охваченный пламенем дом, или просто-напросто костры бродячих торговцев, разбивших лагерь посреди ярмарки. Она так и не запомнила дороги через лабиринт улиц и жмущихся друг к другу домов, но, когда на пути у них струйками растекся густой туман, Игрейна предположила, что они спускаются к берегу реки; а

вскорости послышался и скрип ворота, посредством которого управлялись тяжелые дощатые паромы переправы.

Один из Горлойсовых людей, спешившись, завел на паром ее коня, Горлойс въехал рядом с нею. Кое-кто пустил коней вплавь. Игрейна осознала, что, должно быть, час очень поздний: в это время года темнеет не скоро, а ездить по ночам — дело неслыханное. И тут с берега раздался крик:

— Они уходят! Уходят! Сперва Лот, а теперь лорд Корнуольский, и мы остались без защиты!

— Все солдаты покидают город! Что же нам делать, когда на южном побережье высадятся саксы?

— Трусы! — заорал кто-то с берега, едва паром с громким скрипом отчалил от пристани. — Трусы, удираете, а страна-то горит!

Из темноты со свистом вылетел камень — и ударил одному из воинов в кожаный нагрудник. Дружинник выругался, но Горлойс резким шепотом одернул ослушника, и тот, заворчав, умолк. С берега долетело еще несколько оскорбительных выкриков и пара-тройка камней, но очень скоро паром оказался за пределами досягаемости. Со временем глаза Игрейны привыкли к темноте, теперь она вполне различала лицо Горлойса, бледное и неподвижное, точно у мраморной статуи. За всю ночь он ни разу не заговорил с женой, хотя скакали они до самого рассвета и, даже когда позади них заалела промозглая заря, одевая мир кармазинно-красным туманом, остановились лишь ненадолго, дать отдых лошадям и людям. Горлойс расстелил для Игрейны плащ, чтобы прилегла хоть на самую малость, принес ей сухарей, сыра и чашу с вином — солдатский паек, — но так и не сказал ни слова. После долгой скачки молодая женщина была совершенно измучена, в голове у нее все перемешалось, она знала, что Горлойс поссорился с Утером и увел своих людей — но не больше. Отпустил ли их Утер, нимало не протестуя? В конце концов, ведь Лоту уехать позволили.

Немного передохнув, Горлойс вновь привел лошадей и собирался уже подсадить жену в седло, но тут Игрейна взбунтовалась:

— Я дальше не поеду, пока ты не объяснишь мне, куда мы скачем и почему! — Молодая женщина бесстрашно глядела на мужа, голос, впрочем, она понизила, не желая опозорить Горлойса перед его дружиной. — Отчего мы тайно бежим из Лондиниума, точно воры в ночи? Изволь рассказать мне, что происходит, или тебе придется привязать меня к коню и так тащить до самого Корнуолла, с визгом и криками!

— А ты думаешь, при необходимости меня что-то остановит? — осведомился Горлойс. — Не пытайся мне противоречить, ты, из-за кого я отрекся от прошлого — а ведь всю жизнь я по-

ступал по чести и свято соблюдал клятвы — и предал память моего короля!

— Да как ты только смеешь винить за это меня?! — обрушилась на мужа Игрейна. — Не из-за меня ты так поступил, но из-за своей безумной ревности! Я не повинна ни в одном из грехов, что приписывает мне твое порочное воображение...

— Замолчи! Вот и Утер тоже клялся, что ни в чем дурном ты не повинна. Но ты — женщина, и ты, как мне думается, наложила на него чары... я пошел к Утеру, надеясь уладить нашу ссору, и знаешь, что предложил мне распутный мерзавец? Потребовал, чтобы я развелся с тобой и отдал тебя ему!

Глаза Игрейны расширились.

— Если ты так дурно обо мне думаешь, если считаешь меня прелюбодейкой и ведьмой и приписываешь мне то и это, так почему ты не обрадовался возможности избавиться от меня так просто?

В груди у нее вновь вскипела ярость: даже Утер видит в ней женщину, которую можно передавать из рук в руки, не спросивши ее согласия; он отправился к Горлойсу и потребовал уступить ему немилую супругу точно так же, как сам Горлойс некогда выпросил ее у Владычицы Авалона! Она им что, лошадь, выставленная на продажу на весенней ярмарке? Некая часть сознания Игрейны трепетала от тайной радости: она нужна Утеру, нужна настолько, что он готов поссориться с Горлойсом и настроить против себя союзников, затеяв распрю из-за женщины! А другая часть ее существа кипела от ярости. Почему Утер не попросил ее — ее саму! — отказаться от Горлойса и прийти к нему по доброй воле?

А Горлойс между тем воспринял ее вопрос со всей серьезностью.

— Ты поклялась мне, что не нарушала супружеской верности. А христианину не дозволяется отсылать от себя жену, кроме как по причине прелюбодейства.

Во власти досады и внезапно накатившего раскаяния Игрейна промолчала. Благодарности к мужу она не испытывала, но по крайней мере он к ней прислушался. Однако ж ей тут же пришло в голову, что причина тому — главным образом его гордыня; даже если Горлойс считает, что она ему изменила, он постарается скрыть от дружинников, что молодая жена предпочла ему другого. Пожалуй, он даже скорее посмотрит на прелюбодеяние сквозь пальцы, нежели позволит своим людям думать, что он не в состоянии заручиться верностью жены.

— Горлойс, — проговорила она, но тот жестом заставил ее умолкнуть.

— Довольно. Еще не хватало с тобой препираться. Вот вернемся в Тинтагель — и со временем ты выбросишь из головы эту

прихоть. Что до Пендрагона, ему будет чем заняться, воюя на Саксонском берегу. Если он и ослепил тебя, так что ж: ты молода, и ты — женщина и мира мужчин почти не знаешь. Я больше ни словом не упрекну тебя, а спустя год-другой ты родишь сына, а об этом распутнике, задевшем твое воображение, уже и не вспомнишь.

Не говоря ни слова, Игрейна позволила мужу подсадить себя в седло. Он упрямо верит в то, во что верит; и никакими доводами не пробить ей эту железную преграду. Однако же мысли ее упрямо возвращались к тому, что говорили Вивиана и мерлин: ее судьба связана с судьбою Утера. После своего сна Игрейна и сама в это поверила: она *знала*, почему они с Утером вместе вернулись в мир. И уже почти смирилась с тем, что такова воля Богов. И, однако ж, вот она уезжает из Лондиниума с Горлойсом, союз распался, а Горлойс, по всей видимости, твердо вознамерился не допустить, чтобы Утер еще хоть раз с нею увиделся. Безусловно, при том, что на Саксонском берегу начнется война, Утеру некогда будет ездить на край света в Тинтагель, и даже если бы он и выкроил время, так в замок ему ни за что не попасть: несколько воинов могут оборонять крепость до бесконечности, покуда небо на землю не упадет. Горлойс поселит ее там, и там она благополучно состарится, запертая между унылых стен, бездонных расселин и скалистых утесов. Игрейна закрылась плащом — и разрыдалась.

Ей не суждено вновь увидеть Утера. Все замыслы мерлина пошли прахом, она накрепко привязана к ненавистному ей старику — теперь Игрейна знала, что ненавидит мужа, прежде она не позволяла себе подобные мысли, — а тот, кого она любит, не придумал ничего лучше, как попытаться угрозами принудить гордеца Горлойса уступить жену по доброй воле! Позже, вспоминая это бесконечное путешествие, Игрейна полагала, что проплакала всю дорогу, не унимая слез ни днем ни ночью, пока отряд ехал через болота и холмы Корнуолла.

На вторую ночь разбили лагерь и поставили шатры, чтобы отдохнуть толком. Игрейна порадовалась горячей пище и возможности поспать не на открытом воздухе, хотя и знала, что тяжкой повинности разделять ложе с Горлойсом ей не избежать. Даже кричать и бороться она не сможет, ночевать им предстоит в шатре, окруженном кольцом солдат. Она замужем вот уже четыре года, ни одна живая душа не поверит в историю об изнасиловании. Да и сил для сопротивления у нее недостанет, кроме того, вульгарная драка — это ниже ее достоинства. Игрейна стиснула зубы и решилась смириться с неизбежным: ох, если бы у нее был амулет из тех, что якобы защищают прислужниц Богини! Когда те ложатся с мужчинами у костров Белтайна, ребенка они зачинают, только если сами желают того. До чего обидно, если Гор-

лойс заронит в нее семя столь желанного ему сына, когда она так унижена, втоптана в грязь!

«*Горлойсу ты сына не родишь*», — говорил некогда мерлин. Но Игрейна разуверилась в мерлиновых пророчествах — теперь, когда убедилась, что все замыслы его пошли прахом. Безжалостный, расчетливый старик! Он воспользовался ею так, как мужчины всегда использовали своих дочерей с тех самых пор, как пришли римляне: девушек считали пешками, выдавая их замуж за того или другого по желанию отцов, вещами вроде лошади или молочной козы! С Горлойсом она обрела некое подобие мира, а теперь этот мир жестоко нарушен, и чего ради? Молча глотая слезы, Игрейна принялась раздеваться — обреченно, в отчаянии, не веря в собственную силу дать Горлойсу отпор при помощи гневных слов: по ухваткам мужа она видела, что Горлойс вознамерился подтвердить свое право владеть ею, прогнать воспоминания о сопернике, заставив жену обратить на себя внимание тем единственным способом, каким мог ей себя навязать.

Знакомые ладони на ее теле, лицо, белеющее во тьме над ее собственным — все это вдруг показалось чужим и непривычным. И однако же, когда Горлойс привлек жену к себе, он оказался бессилен: вялый и расслабленный, тщетно обнимал он ее и ласкал, отчаянно пытаясь привести себя в возбуждение, все это ни к чему не привело, и в конце концов он выпустил Игрейну, свирепо выругавшись сквозь зубы.

— Или ты наложила заклятие на мое мужество, проклятая сука?

— И не думала, — тихо и презрительно отозвалась она. — Хотя, воистину, знай я такие заклинания, я бы с радостью пустила их в ход, о мой могучий, мой доблестный супруг! Или ты ждешь, что я разрыдаюсь потому, что ты не можешь взять меня силой? Попробуй только, и я рассмеюсь тебе в лицо!

Горлойс приподнялся, стискивая кулак.

— Да, — насмехалась Игрейна, — ударь меня. Тебе вроде бы не впервой. Может, хоть тогда почувствуешь себя в достаточной степени мужчиной, чтобы пустить в ход свое копье!

Свирепо выругавшись, Горлойс повернулся к ней спиной и снова вытянулся на постели. Игрейна лежала, не смыкая глаз, дрожа всем телом и зная: она отомщена. И в самом деле, за всю дорогу до Корнуолла, сколько бы он ни пытался, Горлойс так и не сумел овладеть женой, так что под конец Игрейна задумалась: что, если без ее на то ведома ее праведный гнев и впрямь обернулся проклятием для его мужской силы. И молодая женщина поняла — безошибочным чутьем той, что прошла обучение у жриц Авалона, — что вновь овладеть ею Горлойсу никогда уже не удастся.

Глава 6

Корнуолл больше, чем когда-либо, казался клочком земли на краю света. В первые дни после того, как Горлойс запер Игрейну в замке под стражей — теперь он замкнулся в ледяном молчании, не находя для жены ни единого слова, ни дурного, ни хорошего, — она гадала, в самом ли деле Тинтагель — часть реального мира или, подобно Авалону, он существует лишь в королевстве туманов, во владениях фэйри, и никак не соотносится с теми землями, что она посетила за время краткого своего путешествия в запредельные угодья.

За недолгое их отсутствие Моргейна словно превратилась из младенца в маленькую девочку — серьезного, тихого ребенка, с неиссякаемым запасом вопросов обо всем, что видит. Подросла и Моргауза: фигура ее округлилась, детское личико оформилось, обрело четкие очертания — высокие скулы, глаза, осененные длинными ресницами под темными бровями... да она красавица, подумала про себя Игрейна, не сознавая, что Моргауза — двойник ее самой в возрасте четырнадцати лет. Моргауза бурно восторгалась подарками и гостинцами, привезенными Игрейной, точно шаловливый щенок, она носилась и прыгала вокруг сестры — а заодно и вокруг Горлойса. Она возбужденно тараторила что-то, обращаясь к герцогу, упражнялась в томных взглядах искоса и даже попыталась взгромоздиться ему на колени, словно ребенок не старше Моргейны. Игрейна отметила, что Горлойс не рассмеялся и не спихнул ее с колен, точно щенка, но, улыбаясь, погладил ее длинные рыжие волосы и ущипнул за щеку.

— Ты уже слишком взрослая для подобных глупостей, Моргауза, — резко прикрикнула на нее сестра. — Поблагодари милорда Корнуольского и неси подарки к себе в комнату. А шелка смотри, убери; ничего подобного ты носить не будешь, пока не войдешь в возраст. Рано тебе еще разыгрывать тут знатную даму!

Моргауза собрала прелестные вещицы и, плача, удалилась в свою комнату. Горлойс проводил ее глазами, и от взгляда Игрейны это не укрылось. «*Но ведь Моргаузе только четырнадцать*», — ужаснулась она и тут же потрясенно осознала, что сама была лишь на год старше, когда ее отдали в жены Горлойсу.

Позже она натолкнулась на них в коридоре: Моргауза доверчиво склонила головку на плечо Горлойса, и в глазах мужа Игрейна прочла все. Молодая женщина света не взвидела от ярости: негодовала она не столько на девчонку, сколько на Горлойса. Стоило ей появиться, и эти двое смущенно отстранились друг от друга. Горлойс поспешил уйти, а Игрейна неумолимо воззрилась на сестру — и не отводила взгляда до тех пор, пока Моргауза смущенно не захихикала и не уставилась в пол.

— И что это ты на меня так смотришь, Игрейна? Или боишься, что я нравлюсь Горлойсу больше, чем ты?

— Горлойс и для меня был слишком стар, что же говорить о тебе? С тобой ему кажется, будто он заполучил меня назад такой, какой узнал впервые: в ту пору я была слишком молода, чтобы сказать ему «нет» или заглядываться на других мужчин. Ныне я — не покорная девчонка, но женщина, что научилась жить своим умом, и, вероятно, он полагает, что с тобой сладить окажется легче.

— Тогда, может статься, — нахально отпарировала Моргауза, — тебе стоило бы лучше ублажать собственного мужа, а не жаловаться, что другая женщина способна дать ему то, в чем ты отказываешь?

Игрейна занесла было руку, чтобы отвесить девчонке звонкую пощечину, но невероятным усилием воли сумела-таки сдержаться.

— Ты думаешь, мне не все равно, кого Горлойс укладывает к себе в постель? — осведомилась она, призывая на помощь все свое самообладание. — Я более чем уверена, шлюх у него перебывало немало, вот только не хотелось бы мне видеть в их числе и собственную сестру. Мне его объятия немилы, и, если бы я питала к тебе ненависть, я бы охотно вручила тебя Горлойсу. Но ты слишком молода. Слишком молода некогда была и я. А Горлойс — христианин, если ты допустишь его к себе на ложе и зачнешь от него ребенка, у него не останется иного выбора, кроме как в спешке сплавить тебя замуж за первого же дружинника, который не отвернется от подержанного товара: эти римляне не таковы, как наши соплеменники, Моргауза. Возможно, Горлойс тобою и очарован, но он ни за что не отошлет меня прочь и не возьмет в жены тебя, поверь мне. В нашем народе девственность ценится невысоко: женщина, заведомо плодовитая, беременная здоровым ребенком, — да лучшей жены и желать нельзя! Но, скажу я тебе, у христиан все иначе: они станут обращаться с тобой, точно с падшей женщиной, и мужчина, за которого тебя выдадут замуж, станет всю жизнь вымещать на тебе зло за то, что ребенка твоего зачал не сам. Ты этого хочешь, Моргауза, — ты, что могла бы взять в мужья короля, пожелай ты только? Неужто ты погубишь себя, сестра, только для того, чтобы досадить мне?

Моргауза побледнела как полотно.

— Я понятия не имела... — прошептала она. — Ох, нет, я не хочу позора... Игрейна, прости меня!

Игрейна поцеловала сестру и вручила ей серебряное зеркальце и янтарное ожерелье. Моргауза недоуменно захлопала глазами.

— Но ведь это подарки Горлойса...

— Я поклялась никогда больше не носить его и не принимать от него даров, — отозвалась Игрейна. — Так что они твои; для того

мужчины, которого мерлин увидел в твоем будущем, сестра. Но тебе должно соблюдать целомудрие до тех пор, пока он не придет за тобой.

— Не тревожься, — заверила Моргауза с улыбкой. Игрейна порадовалась про себя, что это напоминание подстегнуло честолюбие сестры: Моргауза холодна и расчетлива, она никогда не пойдет на поводу у чувства или внезапного порыва. Глядя на сестру, Игрейна сокрушалась про себя: что бы и ей родиться не способной любить!

«*Ох, если бы я удовольствовалась Горлойсом... или холодно попыталась бы избавиться от мужа и сделаться королевой — вот Моргауза так бы и поступила!*»

Горлойс задержался в Тинтагеле только на четыре дня, и молодая женщина порадовалась его отъезду. Он оставил в замке с дюжину дружинников, а перед тем, как отбыть прочь, призвал жену к себе.

— Ты и ребенок будете здесь в безопасности, под надежной охраной, — коротко сообщил он. — Я еду собирать корнуольское ополчение против ирландских захватчиков или против северян — или против Утера, попытайся он прийти и захватить то, что ему не принадлежит, буде то женщина или замок.

— Думаю, у Утера и в своей стране дел довольно, — поджала губы Игрейна, борясь с отчаянием.

— Дай-то Боже, — кивнул Горлойс, — ибо у нас и без него врагов достаточно. Однако я почти мечтаю о том, чтобы Утер все-таки пришел — уж я бы доказал негодяю, что Корнуолл принадлежит не ему, а то он считает, все на свете в его власти — лишь протяни руку!

На это Игрейна не ответила ни словом. Горлойс со своими людьми ускакал прочь, а она осталась приводить в порядок дом, восстанавливать былую близость с дочерью и пытаться наладить разорванную дружбу с сестрой Моргаузой.

Однако, сколько бы ни занимала себя Игрейна домашними хлопотами, в мыслях ее постоянно царил Утер. И даже не реальный Утер: мужчина, с которым она сталкивалась в саду, и при дворе, и в церкви — порывистый, с мальчишескими замашками, неловкий, неуклюжий увалень. Этот Утер — Пендрагон, Верховный король — отчасти внушал ей страх; чего доброго, она и впрямь его слегка испугается, как некогда испугалась Горлойса. Думая о мужчине по имени Утер, о его поцелуях и объятиях, и о том большем, чего он, возможно, от нее пожелает, Игрейна порою ощущала ту же сладостную истому, что и во сне, а порою — панический ужас, точно изнасилованная девочка, что некогда проснулась наутро после свадьбы, холодея от страха и горя. Мысль о браке казалась ей пугающей и даже гротескной, точно так же, как четыре года назад.

Однако снова и снова — в тишине ночи, когда она лежала в постели с сонной Моргейной под боком или когда сидела на террасе, выходящей на море, и направляла ручонки дочери в ее первых, неловких попытках управиться с прялкой — мысли ее обращались к иному Утеру, Утеру, которого она знала в кольце камней за пределами времени и привычных мест, к жрецу Атлантиды, с которым она некогда разделяла таинства. Этого Утера — Игрейна готова была поручиться — она станет любить больше жизни, ни страха, ни ужаса он ей не внушит, и все, что произойдет между ними, будет исполнено сладости и радости большей, нежели она изведала за все прожитые годы. Просто-напросто, оказавшись с ним рядом, молодая женщина поняла, что обрела некую утраченную часть себя самой. Что бы ни случилось между ними, как между обычными мужчиной и женщиной, за пределами обыденного есть нечто большее, и это нечто никуда не исчезнет и силы своей не утратит. У них — общая судьба, и им вдвоем предстоит исполнить предначертанное... но зачастую, зайдя в мыслях настолько далеко, Игрейна останавливалась и оглядывалась на себя, словно не веря. Или она безумна: навоображала себе невесть чего про общее предназначение и вторую половинку души? Разумеется, на самом деле все куда проще и куда неприглядnее. Она, замужняя женщина, почтенная матрона и мать, просто-напросто позволила себе увлечься мужчиной более молодым и красивым, нежели ее законный супруг, принялась мечтать о нем и в результате поссорилась с мужем, человеком достойным и добрым, с которым связана брачными обетами. Игрейна сидела и пряла, стискивая зубы, во власти неодолимого чувства вины, и размышляла о том, что теперь, чего доброго, ей до конца жизни суждено искупать грех, совершенный разве что в мыслях, и то вряд ли.

Весна сменилась летом, давно отполыхали костры Белтайна. Над землей дрожала знойная дымка, ясно синело море — такое прозрачное, что порою Игрейне казалось, что она различает вдалеке среди облаков позабытые города Лионесса и Атлантиды. Потом дни сделались короче, ночами стало подмораживать, и до Игрейны докатились первые глухие отголоски войны: дружинники привозили с ярмарки рассказы о том, что на побережье побывали ирландские мародеры, сожгли деревню и увезли одну-двух женщин, а на запад, в Летнюю страну, и на север, в Уэльс, двигаются армии — да только не Горлойсовы.

— Что за армии? — полюбопытствовала Игрейна, и солдат ответил:

— Не знаю, госпожа; сам я их не видел, а те, что видели, рассказывают, будто знаки их — орлы, точно у римских легионов в былые дни, чего быть не может. А еще говорили, будто на знамени их — красный дракон.

«*Утер!* — подумала Игрейна. Сердце ее сжалось от боли. — *Утер совсем рядом и даже не узнает, где я!*» Только тогда спросила она о муже, и дружинник сообщил, что Горлойс тоже в Летней стране.

В ту ночь Игрейна долго глядела в старое бронзовое зеркало, жалея, что не имеет магического стекла жрицы, способного показывать, что происходит далеко от дома.

Игрейне отчаянно хотелось посоветоваться с мерлином или с Вивианой. В конце концов, кто, как не они, затеяли всю эту историю — и что же? Почему бы им не приехать и не полюбоваться на то, как все замыслы их пошли прахом? Или они подыскали какую-нибудь другую женщину с подходящей родословной и поставили ее на пути Утера — чтобы она родила короля, способного в один прекрасный день исцелить землю и примирить враждующие народы?

Но с Авалона она так и не дождалась ни письма, ни вести, а саму Игрейну не выпускали даже в город на ярмарку, Горлойс, почтительно объясняли стражники, запретил ей покидать замок, ибо времена нынче неспокойные. Как-то раз, глядя из высокого окна, молодая женщина заметила подъехавшего всадника: у въезда на мыс он остановился и вступил в переговоры с начальником гарнизона. Игрейне показалось, что всадник изрядно рассержен: он с досадой окинул взглядом стены и наконец развернулся и ускакал прочь. Уж не гонец ли это, посланный к ней, к Игрейне, раз стража его не впустила?

Итак, она — узница в замке собственного мужа. Горлойс может сколько угодно утверждать, что запер жену в замке ради ее же безопасности, ибо в стране беспорядки, — пожалуй, он и сам в это верит; но настоящая причина — его ревность, и ничто иное. Несколько дней спустя Игрейна решила проверить свое предположение и призвала к себе начальника стражи.

— Я хочу послать гонца к сестре, пригласить ее приехать и погостить, — сообщила она. — Не отправишь ли ты кого-нибудь с письмом на Авалон?

Воин отвел глаза.

— Увы, госпожа, не могу. Милорд Корнуольский со всей определенностью приказал нам всем оставаться в замке, дабы защитить Тинтагель в случае осады.

— Тогда, может быть, ты найдешь гонца в деревне за сходную плату?

— Милорду это не понравится, госпожа. Прошу меня простить.

— Понимаю, — отозвалась Игрейна и отпустила стражника. Молодая женщина еще не настолько отчаялась, чтобы решиться на попытку подкупа. Однако чем больше она размышляла о происходящем, тем больше негодовала и злилась. Да как только

Горлойс смеет держать ее в плену, ее — сестру Владычицы Авалона! Она ему жена, а не рабыня и не служанка! И наконец молодая женщина решилась на отчаянное средство.

Зрению Игрейна толком не училась; в детстве она им пользовалась понемногу, от случая к случаю, но, если не считать мимолетного появления Вивианы, в замужестве Игрейна к Зрению не прибегала; а с тех пор, как ей явился предвестник смерти Горлойса, от новых видений Игрейна решительно отгородилась. А то, что было, Боги свидетели, ни к чему не привело: в конце концов, Горлойс до сих пор живехонек! Однако же теперь, размышляла Игрейна, ей просто необходимо каким-то образом заглянуть в будущее. Решение это таило в себе немалую опасность — в свое время Игрейна наслушалась немало историй о страшной судьбе тех, кто балуется с искусствами, которым не обучен; и для начала Игрейна пошла на компромисс. Когда первые листья окрасились золотом, она снова позвала к себе начальника стражи.

— Не могу же я сидеть здесь вечно, точно крыса в крысоловке, — объявила она. — Мне необходимо съездить на ярмарку. Надо купить красителей, нам нужна еще одна дойная коза, и иголки с булавками, да и много чего на зиму, которая уже не за горами.

— Госпожа, я не волен выпускать вас из замка, — проговорил воин, пряча глаза. — Мне приказывает милорд, а никаких известий от него я не получал.

— Тогда я останусь, а вместо себя пошлю кого-нибудь из служанок, — предложила Игрейна. — Скажем, Эттар или Изотту, и леди Моргаузу — довольно ли тебе этого?

Воин облегченно вздохнул: Игрейна изыскала-таки выход, избавивший его от необходимости нарушить приказ господина; кому-нибудь из домочадцев и впрямь необходимо было побывать на ярмарке до наступления зимы, и стражник знал об этом не хуже Игрейны. Возмутительно, одно слово: как можно удерживать госпожу замка от того, что, в конце концов, входит в круг ее прямых обязанностей!

Услышав о предстоящей поездке, Моргауза просто возликовала. «*Вот уж неудивительно*, — думала про себя Игрейна. — *За все лето никто из нас и носу за порог не выставил. Даже пастухи свободнее нас: они-то по крайней мере гоняют стада на большую землю!*» Не скрывая зависти, молодая женщина наблюдала за тем, как Моргауза надела алый плащ, подарок Горлойса, и в сопровождении двух воинов, Эттар с Изоттой и еще двух кухарок — чтобы было кому тащить покупки и свертки — тронулась в путь верхом на пони. Стоя на мысу и держа за руку Моргейну, герцогиня Корнуольская провожала отъезжающих взглядом,

пока отряд не скрылся из виду. Мысль о возвращении в замок вдруг показалась ей невыносимой: Тинтагель стал ей тюрьмой.

— Мама, — спросила Моргейна, — а почему нам нельзя поехать на ярмарку вместе с тетей?

— Потому что твой папа нас не пускает, радость моя.

— А почему он нас не пускает? Он думает, мы будем непослушными?

— Да уж, скорее всего именно так он и считает, доченька, — рассмеялась Игрейна.

Моргейна примолкла — такое крохотное, тихое, сдержанное маленькое создание. Ее темные волосенки отросли уже настолько, чтобы можно было заплести коротенькую, не доходящую до лопаток косичку, — прямые, шелковистые, они рассыпались по плечам спутанными прядками. Глаза — темные, серьезные, а бровки — прямые и ровные и уже такие густые, что резко выделяются на лице, как самая примечательная черта. «*Маленькая дева-фэйри*, — подумала про себя Игрейна, — *а вовсе не дитя человеческое; лесной дух*». А ростом — не крупнее дочурки пастуха, которой еще и двух нет, при том, что Моргейне уже почти исполнилось четыре, а говорила она внятно и осмысленно, точно восьми-девятилетняя девочка. Игрейна подхватила дочку на руки и крепко обняла.

— Мой маленький подменыш!

Моргейна не стала противиться ласкам и даже поцеловала мать в ответ, что немало удивило Игрейну: склонностью к бурному проявлению чувств девочка не отличалась. Но вскорости она недовольно завозилась — долго сидеть на руках Моргейна не любила, характер у нее был независимый и самостоятельный. Она уже научилась сама одеваться и застегивать пряжки на башмачках. Игрейна спустила дочку на землю, и та степенно зашагала рядом с матерью обратно в замок.

Вернувшись в покой, молодая женщина уселась за ткацкий станок, велев дочери взять прялку и устраиваться тут же. Девочка повиновалась, Игрейна, приведя в движение челнок, мгновение помедлила, наблюдая за дочерью. Руки у нее искусные, каждое движение выверено, нитка, конечно, получается не ахти какая, но веретено маленькие пальчики вращают ловко, точно играючи; будь эти ладошки побольше, Моргейна уже пряла бы не хуже Моргаузы.

— Мама, я папу совсем не помню. А где он? — осведомилась девочка спустя какое-то время.

— Он в Летней стране вместе со своими солдатами, дочка.

— А когда он вернется домой?

— Не знаю, Моргейна. А тебе хочется, чтобы он приехал?

Девочка мгновение поразмыслила.

— Нет, — объявила она, — потому что, когда он здесь жил, —

я чуть-чуть помню, — мне приходилось спать в комнате тети, а там было темно, и поначалу я пугалась. Конечно, я тогда была совсем маленькая, — чинно добавила она, и Игрейна с трудом сдержала улыбку. — А еще я не хочу, чтобы он приезжал, потому что ты из-за него плачешь.

Да уж, права была Вивиана, говоря, что младенцы понимают суть происходящего вокруг куда лучше, нежели кажется взрослым.

— Мама, а почему ты никак не родишь еще одного ребеночка? У других женщин ребеночек появляется сразу, как только старшего отнимут от груди, а мне уже четыре. Я слышала, как Изотта говорила, что тебе надо бы подарить мне братика. Думаю, мне бы и впрямь хотелось братика, чтобы было с кем играть, или хотя бы сестричку.

Игрейна уже собиралась было сказать: «Потому что твой папа Горлойс...» — но вовремя прикусила язык. Несмотря на то что Моргейна рассуждает вполне по-взрослому, ей же еще и четырех нет, разве можно ли делиться с ней такими подробностями?

— Потому что Богиня-Мать не сочла нужным послать мне сына, дитя.

На террасу вышел отец Колумба.

— Не след тебе морочить ребенку голову разговорами о Богинях и языческих суевериях, — сурово упрекнул он. — Горлойс желает, чтобы из его дочери воспитали добрую христианку. Моргейна, твоя мать не родила сына, потому что твой отец разгневался на нее, и Господь не дал ей дитя, наказывая за греховное своеволие.

В который раз Игрейне захотелось швырнуть челнок в эту черную ворону, вестника несчастья. Чего доброго, Горлойс исповедовался этому человеку; чего доброго, священник знает, что произошло между мужем и женой? За прошедшие месяцы молодая женщина часто гадала, так ли это, но предлога спросить не было; кроме того, она знала, что отец Колумба все равно ей не ответит. И тут, неожиданно для обоих, Моргейна вскочила на ноги и состроила священнику рожицу.

— Уходи прочь, старик, — звонко произнесла она. — Ты мне не нравишься. Из-за тебя моя мама плачет. Моя мама знает больше, чем ты, и если она говорит, что это Богиня не посылает ей ребеночка, я поверю ей, а не тебе, потому что моя мама никогда не лжет!

— Вот видишь, к чему приводит твое своенравие, госпожа! — негодующе воззвал к Игрейне отец Колумба. — Девчонку должно высечь. Отдай ее мне, и я накажу ее за непочтительность!

При этих словах гнев и мятежный дух Игрейны вырвались наружу.

— Если ты тронешь мою дочь хоть пальцем, священник, —

пригрозила она, — я убью тебя на этом самом месте. Мой муж привез тебя сюда, и выгнать тебя я не могу, но попадись еще хоть раз мне на глаза — и дождешься от меня плевка! А теперь пошел вон!

Но отец Колумба не тронулся с места.

— Мой лорд Горлойс доверил мне духовное здравие всех своих домочадцев, госпожа, а гордыне я не подвержен, так что я прощаю тебе твои слова.

— До прощения твоего мне дела не больше, чем если бы речь шла о козле! Убирайся с глаз моих, или я позову прислужниц и прикажу выставить тебя за дверь. И если не хочешь, чтобы тебя выволокли силой, старик, уходи сам и не смей больше являться ко мне незваным — а позову я тебя не раньше, чем солнце встанет над западным побережьем Ирландии! Прочь!

Глаза ее сверкали. Священник глянул на воздетую в гневном жесте руку — и поспешно выбежал за дверь.

Игрейна же, осмелившись на открытый мятеж, оцепенела, испугавшись собственной безрассудной дерзости. Ну что ж, по крайней мере она избавилась от священника — а заодно избавила от него и Моргейну. Она ни за что не допустит, чтобы дочь ее приучили стыдиться собственной женской природы!

Поздно вечером с ярмарки вернулась Моргауза, все покупки она выбрала с рассудительным рачением — Игрейна знала, что и сама не справилась бы лучше. На свои собственные деньги девушка купила Моргейне кус сахара — а в придачу привезла с рынка целый ворох россказней. Сестры засиделись в покоях Игрейны за разговорами далеко за полночь, к тому времени Моргейна давным-давно заснула — вся перемазанная, с леденцом во рту, цепко сжимая гостинец в ручонке. Игрейна забрала у девочки сахар, завернула и отложила в сторону и, вернувшись, вновь принялась расспрашивать Моргаузу о новостях.

«*Что за стыд: я должна выслушивать ярмарочные сплетни, чтобы узнать о делах собственного мужа!*»

— В Летней стране идет великий сбор, — рассказывала Моргауза. — Говорят, будто мерлин помирил Лота с Утером. А еще говорят, что Бан, король Малой Британии, заключил с ними союз и шлет им коней из Испании... — Моргауза слегка запнулась на незнакомом названии. — А где это, Игрейна? Не в Риме ли?

— Нет, это далеко на юге и все же на много, много миль ближе, чем от нас до Рима, — пояснила Игрейна.

— А еще была битва с саксами, и Утер сражался там под драконьим знаменем, — сообщила Моргауза. — А еще я своими ушами слышала, как бард пел балладу о том, как герцог Корнуольский заточил свою жену в Тинтагеле... — В темноте глаза девушки расширились, губы чуть приоткрылись. — Игрейна, скажи мне правду: Утер и впрямь был твоим любовником?

— Не был, — отозвалась молодая женщина, — но Горлойс вбил себе в голову, что был, вот поэтому он с Утером и рассорился. А когда я сказала мужу правду, он мне не поверил. — Горло у нее сдавило, к глазам подступили слезы. — Теперь я жалею, что ничего не было.

— Говорят, Лот красивее Утера, — продолжала между тем Моргауза, — и он вроде бы подыскивает себе жену; люди перешептываются, что он якобы оспорил бы право Утера на титул Верховного короля, кабы знал доподлинно, что это сойдет ему с рук. А Лот и впрямь красивее, да? А Утер так богоподобен, как рассказывают, Игрейна?

— Не знаю, Моргауза, — покачала головой молодая женщина.

— Но ведь люди говорят, он был твоим любовником...

— Мне дела нет до того, что болтают люди, — оборвала сестру Игрейна, — но что до внешности, сдается мне, по общепринятым меркам, оба довольно хороши собой: Лот — темноволос, а Утер — светловолос, точно северянин. Но я сочла Утера лучшим из двух отнюдь не из-за пригожего лица.

— Тогда из-за чего же? — не отступалась Моргауза, сгорая от любопытства. Игрейна вздохнула: нет, сестре вовеки этого не понять. Но жажда поделиться хоть малой толикой того, что она чувствовала и никому не могла высказать, заставила ее признаться:

— Ну... я сама толком не знаю. Просто... ощущение такое, словно я знакома с ним от сотворения мира, словно он никогда не будет мне чужим, что бы ни сделал, что бы промеж нас ни произошло.

— Но он же тебя даже не целовал...

— Это неважно, — устало отозвалась Игрейна и, наконец, разрыдавшись, облекла в слова то, что знала уже давно, только не желала признавать: — Даже если в этой жизни я никогда больше не увижу его лица, я с ним связана — и связь эта не порвется вплоть до самой моей смерти. И не верю я, что Богиня стала бы устраивать такой переворот в моей жизни, если мне не суждено вновь с ним увидеться.

В полумраке Игрейна видела: сестра смотрит на нее благоговейно и даже с долей зависти, словно в глазах девушки Игрейна внезапно преобразилась в героиню какой-нибудь древней романтической легенды. Ей хотелось крикнуть: нет же, все совсем иначе, ничего романтического тут нет, просто-напросто так случилось; но Игрейна видела, что ничего сестре объяснить не сможет: Моргауза не привыкла отличать романтический вымысел от такой вот изначальной реальности, что несокрушимым камнем лежит в основании воображения или фантазии. «*Ну что ж, пусть считает это все романтикой, если ей так приятнее*», — подумала Игрейна и с запозданием поняла: такого рода реальность

Моргауза никогда не осознает, ведь девушка живет совсем в ином мире.

А теперь она, Игрейна, сделала первый шаг, настроив против себя священника, человека Горлойса, а затем и второй, признавшись Моргаузе, что любит Утера. Вивиана что-то такое говорила о расходящихся мирах, ныне Игрейне казалось, будто она живет в некоем мире, обособленном от привычного и повседневного, где у Горлойса, возможно, есть право видеть в ней послушное орудие, служанку, рабыню — словом, жену. К этому миру сейчас ее привязывала только Моргейна. Молодая женщина глянула на спящую дочку: ручонки липкие, темные прядки в беспорядке разметались во все стороны; перевела взгляд на младшую сестру — та не сводила с нее расширенных от изумления глаз — и подумала: а сумеет ли она по зову того, что с ней приключилось, оставить и этих последних заложниц, что удерживают ее в реальном мире.

Эта мысль причинила Игрейне острую боль; и все-таки молодая женщина прошептала про себя:

«Да. Даже их».

Так что следующий шаг, которого Игрейна так страшилась, дался ей неожиданно легко.

В ту ночь она лежала, не смыкая глаз, между Моргаузой и дочкой, пытаясь решить, что делать. Не скрыться ли ей из замка, положившись на то, что двойник Утера из того видения ее отыщет? От этой мысли молодая женщина отказалась почти сразу. Тогда, возможно, стоит отослать Моргаузу с тайным наказом бежать на Авалон и отнести послание о том, что ее, Игрейну, держат взаперти? Нет, если об этом судачат все, кому не лень, — даже баллады распевают на ярмарке! — стало быть, сестра непременно приехала бы к ней, если бы сочла нужным. А сердце молодой женщины между тем терзалось сомнением и отчаянием. Видение ее оказалось ложным... или, чего доброго, когда она отказалась так вот, сразу, все бросить ради Утера, мерлин с Вивианой отреклись от своего замысла и подыскали для Утера другую женщину, спасительницу Британии... Ведь стоит Верховной жрице занедужить на великое Празднество, и на роль ее назначают другую.

Ближе к утру, когда небо уже посветлело, Игрейна забылась дурманным сном. И в нем, уже отказавшись от надежды, она обрела наставление. На грани между дремой и бодрствованием в сознании ее прозвучал голос: «*Избавься на этот день от ребенка и девушки, и ты узнаешь, что делать*».

День выдался ясный и солнечный. На завтрак подали козий сыр и свежевыпеченный хлеб.

— До чего же я устала сидеть в четырех стенах — до вчерашнего дня я и не подозревала, насколько мне опротивел замок, — пока я на ярмарку не съездила! — глядя на блестящую гладь моря, промолвила Моргауза.

— Так возьми Моргейну, и отправляйтесь на денек в луга с пастушками, — предложила Игрейна. — Думаю, девочка тоже не прочь прогуляться.

Молодая женщина завернула им в дорогу ломти мяса и хлеб, для Моргейны это был настоящий праздник. Игрейна проводила их, в надежде что теперь измыслит какой-нибудь способ укрыться от зорких глаз отца Колумбы. Хотя священник, покорный воле хозяйки, более с ней не заговаривал, она постоянно ощущала на себе его бдительный взгляд. Но ближе к полудню, когда Игрейна сидела за ткацким станком, отец Колумба нежданно-негаданно предстал перед нею:

— Госпожа...

Молодая женщина не подняла головы.

— Не я ли велела тебе держаться от меня подальше, священник? Жалуйся Горлойсу сколько душе угодно, когда он вернется, а ко мне не обращайся.

— Один из Горлойсовых людей упал с утеса и расшибся. Его спутники думают, он умирает, и прислали за мной. Но не бойся, ты остаешься под надежной охраной.

Ничего нового Игрейна не услышала, ей и в голову не приходило, что, если избавиться от священника, ей каким-то образом удастся бежать. В любом случае, куда ей идти? Здесь — владения Горлойса, и никто из его подданных не укроет сбежавшую жену от его праведного гнева. Бегство ради бегства в ее планы никогда не входило.

— Ступай, и дьявол тебя забери, чтобы глаза мои тебя больше не видели, — в сердцах пожелала Игрейна, поворачиваясь спиной.

— Ты смеешь проклинать меня, женщина...

— Еще не хватало дыхание на проклятия тратить! С тем же успехом я бы пожелала тебе доброго пути прямиком на эти твои Небеса, и пусть твоему Богу общество твое покажется приятнее, нежели мне.

Едва священник ушел и затрусил на ослике через мыс, Игрейна поняла, почему ощущала такую настоятельную потребность от него избавиться. На свой лад и он тоже был посвящен в таинства, хотя таинства эти к ней отношения не имели; он тут же догадался бы, что Игрейна затеяла, — и сурово осудил бы ее. Она поднялась в покои Моргаузы и отыскала серебряное зеркало. Затем отправилась в кухню и велела служанкам затопить у нее в спальне очаг. Те недоуменно захлопали глазами, ибо день выдался теплый, но Игрейна как ни в чем не бывало повторила свой

приказ, заодно прихватив с кухни кое-какие мелочи: соли, растительного масла, немножко хлеба и маленькую флягу с вином; женщины наверняка сочли, что все это пойдет ей на полдник. Подкрепляя создавшееся впечатление, она взяла еще и сыру, а после скормила его чайкам.

В саду она отыскала цветущую лаванду и даже несколько ягод шиповника. Своим собственным маленьким ножом она срезала веточки можжевельника — лишь несколько, символически — и еще ветку лещины. Возвратившись к себе в спальню, она задвинула задвижку, разделась догола и, дрожа, встала перед огнем. Молодая женщина никогда прежде этого не делала и понимала, что Вивиана такого не одобрила бы: ибо те, кто искусству колдовства не обучены, того и гляди, навлекут беду, неумело к нему подступившись. Однако Игрейна знала, что таким образом можно призвать Зрение, даже не обладая этим даром.

Она бросила можжевельник в огонь и, едва заклубился дымок, закрепила на голове ветку лещины на манер обруча. Затем рассыпала перед огнем цветы и плоды, мазнула грудь маслом, присыпала солью, откусила хлеба и пригубила вина и, наконец, трепеща, положила серебряное зеркало так, чтобы на него падал отсвет огня, а из бочки, в которой женщины моют волосы, плеснула прозрачной дождевой воды на металлическую поверхность.

— Обыденным и необычным, водой и огнем, солью, маслом и вином, цветами и плодами заклинаю тебя, Богиня, позволь мне увидеть сестру Вивиану, — прошептала Игрейна.

Вода медленно всколыхнулась. Внезапно повеяло ледяным холодом, Игрейна задрожала, на мгновение усомнившись: что, если заклинание ни к чему не приведет, что, если ее колдовство — еще и кощунство в придачу? В зеркале возникли размытые очертания лица — сперва ее собственного, но вот отражение всколыхнулось, начало неспешно меняться, превратилось в грозный облик Богини в венке из рябиновых ягод. Затем вода прояснилась, успокоилась, и Игрейна увидела — но не живое, говорящее лицо, на что уповала и надеялась. Молодая женщина заглядывала в знакомую ей комнату. Некогда здесь были покои ее матери на Авалоне, там толпились женщины в темных одеждах жриц, и поначалу Игрейна напрасно высматривала сестру, ибо в комнате царил переполох и все метались туда-сюда, входили и выходили. Но вот и сестра, Вивиана: вид у нее измученный, осунувшийся, совсем больной, она все расхаживает и расхаживает без остановки взад и вперед, опираясь на руку одной из прислужниц... И Игрейна в ужасе поняла, что такое видит. Ибо Вивиана в светлом платье из некрашеной шерсти была беременна: из-под ткани выпирал огромный живот, лицо исказилось от муки, она все ходила и ходила, — вот и ее, Игрейну, так же водили повитухи, когда у нее начались схватки...

«Нет, нет! О, Матерь Керидвен, благословенная Богиня, нет... так умерла наша мать, но Вивиана была уверена, что уже вышла из детородного возраста... а теперь умрет и она... в ее годы невозможно родить ребенка и при этом выжить... почему, ну, почему она, узнав, что зачала, не избавилась от плода при помощи какого-нибудь снадобья? Теперь все их замыслы пошли прахом, это конец...

И я тоже погубила свою жизнь благодаря сну...»

Но Игрейна тут же устыдилась своих мыслей: как можно думать о собственных горестях, когда Вивиане вот-вот предстоит слечь и мучиться родами, от которых она, пожалуй, уже вряд ли встанет. В ужасе, рыдая от страха, Игрейна не находила в себе сил оторваться от зеркала, и тут Вивиана подняла голову, поглядела куда-то мимо головы жрицы, на руку которой опиралась, и в ее помутневших от боли глазах отразились узнавание и нежность. Голоса Игрейна не слышала, однако ощущение было такое, точно Вивиана обратилась напрямую к ее сознанию: *«Девочка моя... сестренка... Грайнне...»*

Игрейне захотелось окликнуть ее, вложив в этот зов все свои муки, и горе, и страх, но как можно обременять сейчас Вивиану грузом собственных страданий? Всю свою душу молодая женщина излила в едином оклике: *«Я слышу тебя, мать моя, сестра моя, моя жрица и моя Богиня...»*

«Игрейна, говорю тебе: даже в этот час не теряй надежды, не отчаивайся! Все наши страдания складываются в единый узор... я это видела... не отчаивайся...» — и в следующее мгновение по коже у Игрейны пробежали мурашки, молодая женщина ощутила щекой легкое касание, точно мимолетнейший из поцелуев, и Вивиана прошептала: *«Сестренка...»* И тут на глазах у Игрейны лицо сестры исказилось от боли, она рухнула на руки жрицы, точно потеряв сознание, порыв ветра всколыхнул водную гладь на зеркале, и теперь сквозь прозрачную влагу на молодую женщину смотрело ее собственное лицо, припухшее от слез. Игрейна поежилась, схватила первое, что подвернулось под руку из одежды, — что угодно, лишь бы согреться, — швырнула колдовское зеркало в огонь; а затем рухнула на кровать и бурно разрыдалась.

«Вивиана велела мне не впадать в отчаяние. Но как же мне не отчаиваться, если она умирает?»

Она долго лежала так, пока не выплакалась до полного бесчувствия. Наконец, когда слезы иссякли, она устало поднялась и умылась холодной водой. Вивиана умирает, может статься, уже мертва. Однако последние ее слова велели Игрейне не терять надежды. Молодая женщина оделась и повесила на грудь цепочку с лунным камнем, подарок Вивианы. И тут воздух всколыхнулся — и перед нею предстал Утер.

На сей раз Игрейна сразу поняла, что видит Послание, а не человека из плоти и крови. Ни одна живая душа — и уж, конечно же, не Утер Пендрагон! — не проникла бы в ее бдительно охраняемые покои, любого чужака тут же заметили бы и остановили. Утер кутался в тяжелый плед, а руки его до самых плеч оплели змеи, точно так же, как в ее видении про Атлантиду, — по ним-то молодая женщина и догадалась, что это не сон. Только на сей раз то были не золотые торквесы, а живые змеи: они приподняли головки и зашипели, но Игрейна ничуть не испугалась.

— Возлюбленная моя, — проговорил Утер таким знакомым голосом, и, однако же, в комнате царило безмолвие, лишь отблески пламени плясали на стенах, а сквозь шопот отчетливо слышалось потрескивание можжевеловых веток. — Я приду к тебе на зимнее солнцестояние. Клянусь тебе, я приду, что бы ни преградило мне путь. Жди меня на зимнее солнцестояние...

И вновь Игрейна осталась одна, комнату заливало солнце, и блестела морская гладь, а внизу, во дворе, звенели голоса и смех Моргаузы и ее маленькой дочки.

Игрейна глубоко вдохнула и спокойно допила вино. На пустой желудок, после долгого воздержания от еды, напиток ударил ей в голову, одурманивая пьянящей радостью. Молодая женщина тихонько спустилась вниз ждать вестей, что непременно воспоследуют.

Глава 7

Все началось с того, что домой вернулся Горлойс.

Все еще опьяненная радостью видения — и во власти страха, ибо до сих пор ей даже в голову не приходило, что Вивиана может умереть, — Игрейна ожидала чего угодно, только не этого: магической вести об Утере или сообщения о том, что Горлойс погиб и она свободна. Появление самого Горлойса, покрытого слоем пыли, изголодавшегося, хмурого, вновь заставило Игрейну усомниться: а не самообман ли ее видение или, может статься, обольщение нечистого?

«*Ну что ж, если и так, в этом тоже есть благо, это значит, что сестра моя жива, и то, что мне о ней привиделось, это лишь иллюзия, порождение моих собственных страхов*». Так что молодая женщина спокойно поздоровалась с Горлойсом, заготовив для мужа угощение, и баню, и чистую сухую одежду, и одни лишь приветные слова. Пусть, если хочет, считает, что она раскаялась в своей резкости и пытается вновь снискать его милость. Игрейну больше не занимало, что Горлойс думает и как поступает. В ней не осталось ни ненависти, ни обиды на первые годы горя и отчаяния. Страдания подготовили ее к тому, что неминуемо слу-

чится. Она подала мужу снедь и питье, позаботилась о том, чтобы должным образом разместить его людей, а от расспросов воздержалась. Ненадолго она привела Моргейну — умытую, причесанную, на диво хорошенькую, девочка поприветствовала отца, присев до полу, и Изотта унесла ее в постель.

Горлойс вздохнул, отодвинул тарелку.

— Мила, ничего не скажешь, да только уж больно похожа она на дитя фэйри, тех, что живут в полых холмах. Откуда в ней эта кровь? В моем роду ее нет.

— Но в жилах моей матери текла древняя кровь, — объяснила Игрейна, — равно как и в Вивиане. Думаю, ее отец был из народа фэйри.

Горлойс неуютно поежился.

— И ты даже не знаешь, кто был ее отец: правы были римляне, покончив с этим народом! Вооруженного воина я не боюсь — его можно зарубить; зато боюсь подземного народца с их заколдованными кругами и с их угощением, что налагает чары на сто лет, и с их эльфийскими кремневыми стрелами, что летят из тьмы и бьют без промаха, так что даже исповедаться не успеешь, и душа твоя идет прямиком в ад... Дьявол создал их на погибель христианам, и, думается мне, убивать их — труд, угодный в глазах Господа!

Игрейна подумала о целительных травах и снадобьях, которыми женщины народа фэйри оделяли даже своих завоевателей, о ядовитых стрелах, с помощью которых добывают дичь, которую иначе никак не возьмешь; о собственной своей матери из рода фэйри и о неведомом отце Вивианы. А Горлойс, подобно прочим римлянам, хочет покончить с этим простодушным народом во имя своего Бога?

— Ну что ж, — произнесла она. — На все Божья воля, сдается мне.

— Пожалуй, Моргейне следовало бы воспитываться в монастыре среди монахинь, чтобы великое зло, унаследованное через эту твою древнюю кровь, не осквернило ее душу, — размышлял между тем Горлойс. — Когда девочка подрастет, мы об этом позаботимся. Один святой человек однажды рассказывал мне, будто в жилах женщин течет кровь их матерей; так уж оно повелось со времен Евы: что у женщин внутри, ребенку женского пола не преодолеть, ведь женщина — сосуд греха. А вот сын наследует отцовскую кровь, точно так же, как Христос создан по образу и подобию Господа, Отца его. Так что, Игрейна, если у нас родится сын, можно не опасаться, что и в нем проявится кровь древних бесов из подземных пещер.

Молодая женщина вспыхнула от гнева, но тут же вспомнила о своем зароке не сердить мужа.

— И на это тоже Божья воля, — Игрейна помнила — даже

если сам Горлойс об этом позабыл, — что муж никогда больше не коснется ее так, как мужчина касается женщины. Так что какая ей разница, что он говорит и как поступает. — Расскажи, что привело тебя домой так неожиданно, о супруг мой.

— Утер, а кто ж еще! — фыркнул Горлойс. — На Драконьем острове, что близ монашеской обители в Гластонбери, устроили пышную коронацию — в толк не возьму, как это священники терпят такое у себя под боком, ибо языческое это место, там поклоняются Увенчанному Рогами, владыке лесов, и разводят змей, и прочие глупости вытворяют, каким в христианской земле не место. Король Леодегранс, владыка Летней страны, на моей стороне и отказывается заключать союз с Утером. Леодегрансу Утер по душе ничуть не больше, чем мне, но объявлять войну Пендрагону он сейчас не станет; не должно нам грызться промеж себя, в то время как на восточном побережье собираются саксы. Если этим летом еще и скотты нагрянут, мы окажемся все равно что между молотом и наковальней. А теперь вот Утер прислал ультиматум: я должен поставить своих корнуольцев под его знамена, или он придет с войском и принудит меня силой. Вот я и вернулся: буде возникнет нужда, мы можем удерживать Тинтагель до скончания века. Однако ж я предупредил Утера, что, ежели он только ступит на землю Корнуолла, я дам ему бой. Леодегранс заключил с Утером перемирие до тех пор, пока из страны не вышвырнут саксов, а я вот не стану.

— Во имя Господа, что за безрассудство! — воскликнула Игрейна. — Леодегранс прав: если все воины Британии объединятся, саксам ни за что не выстоять! А пока вы ссоритесь промеж себя, саксы смогут атаковать по одному герцогству за раз, и очень скоро вся Британия станет поклоняться Богам в обличии коней!

Горлойс отодвинул прибор.

— Не думаю, чтобы женщины разбирались в вопросах чести, Игрейна. Ступай в постель.

Молодой женщине казалось, будто ей и дела нет до того, как обойдется с нею Горлойс, будто ей уже все равно. Но к отчаянной борьбе Горлойсовой гордости она готова не была. В конце концов он снова избил жену, ругаясь на чем свет стоит:

— Ты наложила заклятие на мою мужскую силу, проклятая ведьма!

Утомившись, Горлойс уснул. Игрейна лежала рядом, не смыкая глаз, и тихонько плакала: синяки на лице пульсировали болью. Итак, вот ей награда за кротость — такая же самая, как за недобрые слова! Вот теперь она имеет все основания ненавидеть мужа, в какой-то мере она даже испытала облегчение: питая отвращение к Горлойсу, она не терзалась более угрызениями со-

вести. Внезапно она исступленно взмолилась про себя: пусть Утер его убьет!

На следующее утро с первым светом Горлойс ускакал прочь, взяв с собою всех своих людей, за исключением разве что жалкой полудюжины воинов, оставленных защищать замок. Из разговоров, услышанных в зале, Игрейна поняла, что муж ее намерен устроить засаду воинству Утера там, где армия спустится с холмов в долину. И все это — ради его так называемой чести, Горлойс готов лишить Британию ее короля и оставить землю нагой, точно женщину, на растерзание саксонским насильникам: а все потому, что он как мужчина не в силах удовлетворить жену и опасается, что Утер с этим делом справится лучше.

Горлойс уехал, и вновь потянулись дождливые, безмолвные дни. Ударили первые морозы, снег запорошил болота, туманная дымка затянула окрестности: разглядеть хоть что-нибудь удавалось лишь в самые ясные дни. Игрейна с нетерпением ждала новостей: она чувствовала себя, точно барсук, замурованный в норе.

Зимнее солнцестояние. Утер говорил, он придет к ней на зимнее солнцестояние... и теперь молодая женщина размышляла про себя, не приснилось ли ей все это. Осенние дни тянулись бесконечно, темные, холодные; Игрейна начинала мало-помалу сомневаться в видении и, однако же, знала, что любая попытка повторить этот опыт, чтобы увериться доподлинно, ничем ей не поможет. В детстве ее учили, что не следует попадать в зависимость к магическому искусству. Колдовство позволяет отыскать в темноте искорку света, так она и поступила, однако нельзя допускать, чтобы магия стала чем-то вроде детских поводков — иначе человек совсем ходить разучится и шагу ступить не сможет без указания свыше.

«Я никогда не умела рассчитывать на свои силы», — горько думала Игрейна. В детстве она во всем полагалась на Вивиану, не успела она повзрослеть, как ее уже выдали за Горлойса, и молодая женщина решила, что во всем следует поступать по указке мужа, а в его отсутствие то и дело обращаться за советом к отцу Колумбе.

И теперь, зная, что ей в кои-то веки дана возможность научиться думать самостоятельно, Игрейна ушла в себя. Она наставляла дочь в искусстве прядения, начала учить Моргаузу ткать разноцветное полотно, пополняла запасы кладовых, ибо все шло к тому, что зима выдастся более холодная и долгая, чем обычно, и жадно прислушивалась к обрывкам новостей, что приносили с ярмарки пастухи или странники, однако с наступлением зимы в Тинтагель почитай что никто и не заглядывал.

Уже минул Самайн, когда в замок забрела бродячая торговка — закутанная в лохмотья и изодранные накидки, усталая, со стертыми ногами. Ступни ее были обмотаны грязными тряпка-

ми, да и сама она казалась не чище, если на то пошло, но Игрейна впустила ее, усадила у огня, зачерпнула половником жирной тушеной козлятины, присовокупив кус черствого хлеба, — в других домах ничего, кроме него, странница не получила бы. Заметив, что женщина хромает, поранившись о камень, Игрейна велела поварихе согреть воды и нашла чистую тряпицу перевязать рану. В коробе торговки молодая женщина выбрала и купила две грубо сработанные иголки, в запасах Игрейны были и получше, но и эти пригодятся — обучать Моргейну первым стежкам. И наконец, чувствуя, что заслужила награду, Игрейна полюбопытствовала, нет ли вестей с севера.

— Солдаты, леди, — вздохнула старуха, — северные дороги кишмя кишат солдатами, и саксами тоже, и битва была... Утер с драконьим знаменем, саксы от него к северу, и, поговаривают, герцог Корнуольский на юге тоже против него ополчился. Повсюду воюют, даже на Священном острове...

— Ты пришла со Священного острова? — резко осведомилась Игрейна.

— Да, леди, там, среди озер, меня застигла ночь, и я заплутала в туманах... Священники дали мне черствого хлеба и велели прийти к обедне и исповедаться, да только что за грехи у старухи вроде меня? Все, чего уж я там нагрешила, — все давно прошло и быльем поросло, все прощено и позабыто, я уж и не жалею ни о чем, — проговорила она с тоненьким, дребезжащим смехом. Игрейна решила про себя, что гостья не вполне тверда рассудком, а ту немногую толику разума, что отпустила ей судьба, давно отняли тяготы, одиночество и вечная нужда. — Вот уж воистину мало в чем дано согрешить старым и бедным, разве что усомниться в благости Господа, а ежели Господь не в силах понять, отчего мы усомнились, так, стало быть, Он вовсе не так уж мудр, как думают его священники... хе-хе-хе... Да только от обедни меня с души воротит, а в церкви их холоднее, чем снаружи, так что пошла я в туман и марево, куда глаза глядят, и вижу — ладья; и сама не знаю уж, как добралась я до Священного острова, а там служительницы Владычицы дали мне поесть, и усадили у огня, вот как ты... хе-хе-хе...

— Ты видела Владычицу? — воскликнула Игрейна, наклоняясь вперед и жадно вглядываясь в лицо гостьи. — О, расскажи мне о ней, она мне сестра...

— Да, да, вот и она так же мне говорила: дескать, сестра ее — супруга герцога Корнуольского, если, конечно, герцог еще жив... доподлинно она не ведала... хе-хе-хе... Ох, ну да, она же просила передать тебе послание, вот поэтому я и пришла сюда через болота и скалы, сбив бедные мои ноги о камни, хе-хе-хе... и что же это она сказала мне, горемычной? Не помню; видать, все слова порастеряла в туманах вокруг Священного острова; а знаешь,

священники уверяли меня, будто никакого Священного острова нет и не будет никогда, дескать, Господь затопил его в море, а если я вбила себе в голову, будто нашла там добрый прием, так это все колдовство и козни нечистого... — Старуха, согнувшись, зашлась смехом, Игрейна терпеливо ждала.

— Расскажи мне про Владычицу Авалона, — попросила наконец молодая женщина. — Ты ее видела?

— Ох, да, видела, на тебя она ничуть не похожа, скорей на женщину из народа фэйри смахивает: маленькая, темненькая... — Глаза старухи вспыхнули и прояснились. — Надо ж, а послание-то вспомнилось! Вот как она сказала: передай моей сестре Игрейне, чтобы помнила сны и не теряла надежды; а на это я расхохоталась, хе-хе-хе, дескать, что толку в снах, это вам, знатным дамам, живущим в роскошных дворцах, они хороши, а для тех из нас, кто бродит по дорогам в тумане, сны и вовсе ни к чему... Ах, да, вот еще что: ранней осенью, в пору сбора урожая, она родила здоровенького сынишку сверх надежд и чаяний; и велела передать тебе, что назвала мальчонку Галахадом.

Игрейна облегченно перевела дух. Итак, Вивиана вопреки всему и впрямь родила ребенка — и осталась жива!

А разносчица тем временем продолжала:

— А еще она сказала, хе-хе-хе, что мальчонка — королевский сынок, и, дескать, так тому и должно быть, чтобы сын одного короля служил сыну другого... Ты хоть что-нибудь в этом понимаешь, госпожа моя? Сдается мне, все это только сны да лунные тени, хе-хе-хе... — И старуха вновь зашлась дребезжащим смехом и, опустившись на корточки, протянула исхудавшие руки к огню.

Но Игрейна отлично поняла смысл послания. «*Сын одного короля будет служить сыну другого*». Итак, Вивиана и в самом деле родила сына от Бана, короля Малой Британии, после обряда Великого Брака. А если ее с мерлином пророчество исполнится и Игрейна родит сына Утеру, королю всей Британии, один станет служить другому. Молодая женщина едва не расхохоталась истерическим смехом, под стать безумной старухе-разносчице: «*Невеста еще на брачное ложе не взошла, а мы уже судим да рядим, где сыновей воспитывать!*»

Все чувства ее обострились до такого предела, что на краткое мгновение Игрейна увидела двоих детей, рожденного и нерожденного, точно наяву: они льнули к ней, точно тени; не несет ли темноволосый мальчуган, сын Вивианы Галахад, гибель не рожденному еще сыну Утера? Игрейна отчетливо различала их в мерцающих отблесках пламени: смуглый, хрупкий мальчик с глазами Вивианы, златокудрый подросток — точь-в-точь северянин... а затем в огне перед нею ослепительно засияли Священные реликвии друидов, что ныне, с тех пор как римляне выруби-

ли священные рощи, хранятся на Авалоне: блюдо и чаша, меч и копье искрились и мерцали отражением четырех стихий: блюдо земли, чаша воды, меч огня и копье или жезл воздуха... вот пламя дрогнуло, заплясало, и Игрейна сонно подумала: «*А ведь каждому достанется своя доля реликвий. Как это удачно*».

Игрейна резко заморгала и выпрямилась. Огонь прогорел до углей, старуха разносчица уснула у самого очага, поджав ноги под лохмотья. Зала почти опустела. Прислужница Игрейны дремала на скамейке, плотно закутавшись в плащ и накидку, остальные слуги давно отправились по постелям. Не проспала ли она полночи здесь, у огня, не приснилось ли ей все это? Молодая женщина растолкала сонную прислужницу, и та, ворча, ушла к себе. Оставив старуху разносчицу похрапывать у очага, Игрейна, дрожа, поднялась в спальню, забралась под одеяло к Моргейне и крепко-накрепко прижала к себе дочку, словно пытаясь отгородиться от фантазий и страхов.

Зима окончательно утвердилась в своих правах. Дерева в Тинтагеле почти не было, только что-то вроде горючего камня, но он немилосердно дымил, так что двери и потолки почернели от копоти. Иногда приходилось жечь сухие водоросли, и весь замок провонял дохлой рыбой, точно море в час отлива. И наконец поползли слухи о том, что Утеровы воинства приближаются к Тинтагелю и вот-вот двинутся через болота.

При обычных обстоятельствах армия Утера с легкостью разбила бы дружину Горлойса. «*Но что, если они попадут в засаду? Утер не знает здешних мест!*» Скалистый, незнакомый ландшафт сам по себе представляет для него достаточную опасность, при том что Утер понимает: воинство Горлойса соберется рядом с Тинтагелем. Засады ближе Утер не предвидит!

Игрейне оставалось только ждать. Уж такова женская судьба: сидеть дома, будь то замок или жалкая хижина; так оно повелось с тех самых пор, как в Британию пришли римляне. До того кельтские племена поступали по совету женщин, а далеко на севере был остров воительниц: тамошние женщины ковали оружие и обучали военных вождей обращению с ним...

Вот уже много ночей напролет Игрейна не смыкала глаз, думая о муже и о возлюбленном. «*Если, конечно, можно назвать возлюбленным того, с кем ты ни одним поцелуем не обменялась*». Утер поклялся, что придет к ней на зимнее солнцестояние, но удастся ли ему пересечь болота и прорваться сквозь засаду Горлойса?

Ах, будь она обученной колдуньей или жрицей, как Вивиана! В детстве она наслушалась немало историй о том, сколько зла приключается от того, если пытаешься колдовством навязывать

свою волю Богам. Но неужели это благо — допустить, чтобы Утер угодил в засаду и все его люди погибли? Игрейна твердила себе, что у Утера наверняка есть соглядатаи и разведчики и в помощи женщины он не нуждается. И все-таки она пребывала в глубоком унынии, думая, что наверняка могла бы принести больше пользы, нежели просто сидеть и ждать, сложа руки.

Незадолго до ночи середины зимы поднялась буря и бушевала целых два дня, да так яростно, что Игрейна знала: к северу, на болотах, не уцелеет ни одно живое существо, кроме тех, что забьются в норы, как кролики. Даже в замке люди жались к огню — а топили отнюдь не во всех комнатах — и, дрожа, прислушивались к вою ветра. Днем в замке царил полумрак из-за снегопада и слякоти, так что Игрейна даже прясть не могла. На жалкий запас свечей с фитилем из сердцевины ситника молодая женщина посягать не смела, ведь до конца зимы было еще очень и очень долго; и по большей части женщины сидели во тьме, а Игрейна усиленно вспоминала древние предания с Авалона, чтобы развлечь и утихомирить Моргейну и не дать Моргаузе раскапризничаться от усталости и скуки.

Но когда наконец девочка и Моргауза заснули, Игрейна, завернувшись в плащ, уселась у догорающих углей, слишком возбужденная, чтобы прилечь. Она знала: нет смысла заставлять себя отправиться спать, она все равно не заснет, а будет лежать, глядя в темноту, пока не заболят глаза, и пытаясь мысленно преодолеть лиги и лиги расстояний, отделяющие ее от... от чего же? Устремится ли она помыслами к Горлойсу, чтобы понять, куда завело его предательство? Ибо иначе как предательством это не назовешь: он поклялся в верности Утеру как Верховному королю, а потом нарушил данное слово — из-за вздорной ревности и подозрений.

Или к Утеру, что, сбившись с пути, пытается встать лагерем на незнакомых болотах, потрепанный бурей, ослепленный снегом?

Как ей дотянуться до Утера? Игрейна припомнила все то немногое, что усвоила из магии еще девочкой на Авалоне. Тело и душа не связаны неразрывно, наставляли ее, во сне душа отделяется от тела и отлетает в страну грез, где все — иллюзия и обман, а иногда — для тех, кто прошел обучение у друидов, — в страну истины; один-единственный раз, под водительством мерлина, побывала там и Игрейна.

...Однажды, когда она рожала Моргейну, и муки грозили затянуться до бесконечности, Игрейна ненадолго оставила тело и увидела себя словно со стороны: она лежала внизу, истерзанная болью, над ней суетились повитухи, прислужницы подбадривали роженицу, а сама она парила в вышине, освободившись от страданий, опьяненная радостью, но вот кто-то склонился над нею,

настоятельно уговаривая: вот теперь надо тужиться как следует, уже макушка младенчика показалась; и она вернулась к удвоенной боли и яростным потугам, а после все позабыла. Но если ей такое удалось тогда, значит, удастся и сейчас. Дрожа всем телом, невзирая на плащ, Игрейна пристально уставилась в огонь и резко пожелала оказаться в другом месте.

И все получилось. Игрейна словно стояла рядом с собою же, все ее чувства обострились, внимание сосредоточилось в одной точке. А главная перемена заключалась в том, что она перестала слышать, как завывает буря за стенами замка. Ингрейна не оглянулась — ей объясняли, что, выйдя из тела, ни в коем случае нельзя оборачиваться назад, ибо тело притянет назад душу; но даже без помощи глаз она каким-то образом ясно видела все вокруг и знала, что тело ее по-прежнему сидит неподвижно перед угасающим огнем. Вот теперь, совершив задуманное, Игрейна преисполнилась страха. «*Сперва я разведу огонь*», — подумала она, но тут же поняла, что если возвратится в тело, то больше никогда на такое не осмелится.

Игрейна подумала о Моргейне, живому связующему звену между нею и Горлойсом, — хотя сам он отрекся от этих уз и отозвался о ребенке уничижительно, тем не менее связь существует, и она отыщет Горлойса, если захочет. И едва мысль эта оформилась в ее сознании, Игрейна оказалась... в ином месте.

...Но где же она? Ярко горел светильник, и в его неверном свете Игрейна разглядела мужа в окружении дружинников: люди его жались друг к другу в одной из маленьких каменных хижин на болотах.

— Я много лет сражался бок о бок с Утером под началом Амброзия, и если я хоть сколько-то его знаю, он сделает ставку на доблесть и внезапность, — говорил Горлойс. — Его люди ничего не смыслят в нашей корнуольской погоде, им и в голову не придет, что, если солнце садится в снежную бурю, вскорости после полуночи прояснится; так что воинство Утера не стронется с места до восхода, но едва солнце поднимется над горизонтом, Утер даст сигнал выступать, надеясь напасть на нас с первым светом. Если мы окружим его лагерь за эти часы между тем, как небо прояснится и взойдет солнце, мы захватим врагов врасплох, как раз когда они станут сниматься с лагеря. Они-то приготовятся к переходу, а не к битве! При малой толике удачи мы захватим их раньше, чем они успеют извлечь мечи из ножен! А как только воинство Утера будет разгромлено, сам он если и не погибнет, то по крайней мере убежит из Корнуолла, поджав хвост, и никогда уже не вернется. — В тусклом свете светильника Игрейна видела: Горлойс оскалился, точно дикий зверь. — А если Утер падет на поле боя, его воинство разбежится во все стороны, точно Ройнгей, если убить королеву!

Игрейна непроизвольно отпрянула, вдруг испугавшись, что Горлойс наверняка ее заметит, даже при том, что она — бесплотный призрак. А тот и в самом деле поднял голову, нахмурился, провел рукою по щеке.

— Сквозняк, не иначе — уж больно здесь холодно, — пробормотал он.

— А чего и ждать-то? Студено, как в могиле, ишь буран как разыгрался, — проворчал кто-то из его дружинников, но не успел он договорить, как Игрейна уже унеслась прочь, паря на грани бесплотного небытия, трепеща и сопротивляясь неодолимой тяге возвратиться в Тинтагель. Ей отчаянно хотелось вернуться к ощущению плоти и огня, а не странствовать между мирами, точно неприкаянный призрак...

Как ей попасть к Утеру, как предупредить его? Их ничто не соединяет, она даже ни разу не обменялась с ним поцелуем страсти, что связал бы их тела из плоти и крови и приманил бы бестелесный дух, каким она стала теперь. Горлойс обвинил ее в супружеской измене, о, как отчаянно жалела теперь Игрейна, что это неправда! Она блуждала во тьме, словно слепая, — в неосязаемой пустоте; она знала, что стоит лишь пожелать — и она вновь окажется в своих тинтагельских покоях, где тело ее, оцепеневшее, замерзшее до костей, скорчилось у погасшего очага. Игрейна отчаянно боролась, стараясь удержаться в мертвой и слепой тьме, беззвучно молясь: «*Пусть я попаду к Утеру*», и отлично зная при этом, что по прихотливым законам этого мира такое невозможно, в нынешнем теле она с Утером ничем не связана.

«*Но узы, соединившие меня с Утером, крепче оков плоти, ибо выдержали не одну жизнь*». Игрейна вдруг осознала, что спорит с чем-то незримым, точно взывая к судье высшему, нежели тот, что установил законы этой жизни. Темнота словно давила со всех сторон, молодая женщина чувствовала, что задыхается, что где-то внизу покинутое ею тело совсем заледенело, превратилось в сосульку, так что дыхание отказывает. В сознании ее властно зазвучало: «*Возвращайся, возвращайся, Утер — взрослый мужчина, и в твоих заботах он не нуждается*», и, по-прежнему сопротивляясь, изо всех сил стараясь удержаться на месте, Игрейна отвечала: «*Он — только человек, от предательства не защищен и он!*»

Но вот в давящей тьме образовался бездонный провал, и Игрейна поняла, что глядит не на собственное незримое «я», но на нечто Иное. Продрогшая, дрожащая, измученная, не слухом, но каждым нервом своего существа она внимала повелению:

— Назад. Ступай назад. Ты не имеешь права здесь находиться. Законы определены и установлены раз и навсегда, ты не можешь оставаться здесь безнаказанно.

Словно со стороны, Игрейна услышала, как отвечает враждебной тьме:

— Если надо, я приму заслуженную кару.

— Зачем ты стремишься туда, куда путь для тебя закрыт?

— Я должна предупредить его, — исступленно выкрикнула она, а затем вдруг, подобно выбирающемуся из кокона мотыльку, что-то всколыхнулось в Игрейне — что-то большее, нежели она сама, — открылось, развернуло крылья; и вот окутывающая ее тьма исчезла, а жуткий образ, предостерегающий ее, превратился в фигуру под покрывалом: да это только женщина, такая же, как она, жрица, но со всей определенностью не Богиня и не Старуха Смерть.

— Мы связаны и скованы клятвой, жизнь к жизни, и за пределами жизни, у тебя нет права на запрет, — твердо произнесла Игрейна. И внезапно увидела, что руки ее до самых плеч обвили золотые змеи — те самые, из загадочного сна про кольцо камней. Молодая женщина воздела руки и прокричала одно-единственное слово на незнакомом языке. Впоследствии ей так и не удалось вспомнить ни единого слога, вот разве только то, что слово начиналось с раскатистого «Ааахххх...» и заключало в себе великую силу; не знала она и того, как оно пришло к ней в час крайней нужды — к ней, что в этой жизни даже не была жрицей. Грозная фигура растаяла, и перед Игрейной замаячил свет — точно отблеск встающего солнца.

Нет, это — слабый, тусклый огонек светильника: свеча с фитилем из сердцевины ситника в деревянном ящичке, кое-как прикрытая тонкой роговой заслонкой, едва различимая искорка в ледяном полумраке тесной, сложенной из камней хижины, полуразрушенной и кое-как залатанной пучками тростника. Но благодаря некоему загадочному, несуществующему свету — или, может быть, в бесплотном своем обличии она все видела в темноте даже без помощи обычного зрения? — она различила среди теней знакомые лица, лица тех, кого видела рядом с Утером в Лондиниуме: владетелей, вождей, простых ратников. Измученные, промерзшие до костей, они сгрудились вокруг крохотного светильника, точно этот мерцающий огонек мог каким-то образом согреть их. Был среди них и Утер: исхудавший, изможденный, обмороженные руки кровоточат, шерстяной плед натянут на самый лоб и закрывает подбородок. Нет, это не гордый и царственный жрец и возлюбленный из ее первого видения и даже не неуклюжий, грубоватый юнец, что ворвался в церковь посреди службы; этот бесконечно усталый, изнуренный мужчина — влажные пряди падают на покрасневший от холода нос, — он вдруг показался ей более реальным и более пригожим, нежели когда-либо прежде. Игрейне, изнывающей от жалости и от жела-

ния заключить его в объятия, согреть, померещилось, будто она и впрямь воскликнула вслух:

— *Утер!*

И он услышал. Утер поднял голову, оглядел холодную хижину, поежился, точно под жалким кровом повеяло еще более стылым сквозняком, а в следующий миг она различила сквозь слои плащей и пледов змей, обвившихся вокруг его рук. То не были настоящие змеи: они извивались, точно живые, да только ни одна известная человеку змея не выползет из норы в такую погоду. Но Игрейна их видела, а Утер каким-то непостижимым образом увидел ее и открыл было рот, собираясь заговорить. Властным жестом молодая женщина заставила его умолкнуть.

— *Снимайся с лагеря и выступай, иначе ты обречен!* — Предостережение не облеклось в слова в ее сознании, но передалось от нее к нему напрямую, в виде мысли. — *Вскорости после полуночи снегопад стихнет. Горлойс и его люди полагают, что ты намертво застрял на этом самом месте, они нападут на вас и изрубят на куски! Будь готов отразить нападение!*

Последние крохи силы ушли у Игрейны на то, чтобы донести эти слова до сознания собеседника. И едва они сложились в связную речь, как Игрейна уже поняла, что сила воли, перенесшая ее сюда через бездну вопреки всем законам этого мира, неуклонно иссякает. Молодая женщина не обладала привычкой к такого рода колдовству и теперь отчаянно сопротивлялась, не желая уходить, пока не выскажет предостережения до конца. Поверят ли ей, будут ли люди Утера готовы встретить Горлойса? Или останутся здесь и с места не стронутся в темноте даже после того, как буря утихнет; и Горлойс застанет их врасплох, как лис — устроившихся на насесте кур? Но она, Игрейна, на большее уже не способна. На нее вдруг накатил смертельный холод, в полном изнеможении она почувствовала, что теряет сознание, проваливается в ледяную стужу и тьму, словно все ее существо сотрясала снежная буря...

...Она лежала на каменном полу у остывшего очага. Над нею гулял пронизывающий сквозняк, как если бы буран, преследующий ее в видении от начала и до конца, разбушевался и здесь, внутри ее тела... Нет, не в этом дело. Последний порыв уже затихающей бури распахнул деревянные ставни, и теперь они громко хлопали о стену, и в комнату задувал ветер.

Игрейна совсем продрогла. Продрогла так, что, кажется, уже и двинуться не сможет, так и останется лежать здесь, у очага, постепенно замерзая, пока леденящий холод не сменится для нее смертным сном. В тот миг ей было все равно.

«*Нарушение запрета влечет за собою кару, таков закон. Я совершила недозволенное, и с рук мне это не сойдет. Если Утер спасен, я приму любое наказание, даже смерть...*» И в самом деле, ку-

таясь в плащ и напрасно пытаясь хоть самую малость согреться, Игрейна думала, что смерть окажется к ней милосердной. По крайней мере она перестанет мерзнуть...

Но Моргейна, Моргейна... она же спит под самым окном, если не закрыть ставни, она, чего доброго, простудится и, чего доброго, подхватит легочную лихорадку... Ради себя Игрейна ни за что не стронулась бы с места. Но ради своего ребенка и ради ни в чем не повинной сестры она заставила себя пошевелиться, хотя каждое движение онемевших рук и ног причиняло невыносимую боль. Неуклюже, пошатываясь, будто пьяная, молодая женщина доковыляла до окна и заледеневшими пальцами попыталась закрыть его. Ветер дважды вырывал ставень у нее из рук; всхлипывая, Игрейна сражалась с непокорным окном. Она сорвала ноготь на пальце, хотя боли не почувствовала; ставень упорно сопротивлялся, точно живое существо. Наконец, зажав скобу между ладонями, Игрейна захлопнула окно при помощи одной лишь грубой силы, прищемив ненароком застывший, посиневший палец между ставнем и рамой, и кое-как задвинула деревянный засов.

В комнате по-прежнему царил холод — леденящий, пронизывающий, и молодая женщина знала: если не развести огня, Моргейна непременно расхворается, да и Моргауза тоже... Больше всего на свете Игрейне хотелось забраться в постель, не снимая плаща, лечь между ними, согреться теплом молодых тел, но до утра еще много часов, а ведь это она оставила огонь без присмотра. Стуча зубами, плотно запахнувшись в плащ, она сняла с очага жаровню и тихонько спустилась вниз, спотыкаясь на каменных ступенях и раня и без того заледеневшие ноги. В кухне трое прислужниц свернулись клубочком, точно собаки, перед надежно прикрытым огнем; там было тепло, над огнем на длинном крючке висел котел, над ним курился пар — каша варится на завтрак, не иначе. Ну что ж, в конце концов, это ее собственная кухня и ее собственная овсянка. Игрейна зачерпнула чашкой из котла и выпила горячее, несоленое овсяное варево, но даже это ее не согрело. Затем она наполнила жаровню раскаленными докрасна углями, прикрыла огонь, затем жаровню и, схоронив ее в складках юбки, снова поднялась наверх. Молодая женщина пошатывалась от изнеможения и, невзирая на горячее питье, тряслась так, что всерьез опасалась упасть. «*Падать нельзя, если я упаду, я больше не встану, а от просыпавшихся углей что-нибудь да загорится...*»

Игрейна опустилась на колени перед остывшим очагом в своих покоях, чувствуя, как все тело ее сотрясает крупная дрожь, а в груди нарастает мучительная боль. Теперь она уже не мерзла, она пылала жаром. Молодая женщина терпеливо подбрасывала в угли трут из корзинки, затем — мелкие веточки; наконец бревно

занялось, и к потолку взметнулось ревущее пламя. К тому времени Игрейне сделалось так жарко, что по пути к кровати она сбросила плащ. Она подвинула Моргейну и улеглась, обняв девочку, сама не зная, засыпает или умирает.

Нет, она не умерла. Смерть не приносит с собою такой мучительный, в дрожь бросающий жар и холод... Игрейна знала, что долго пролежала, обернутая во влажные дымящиеся простыни; по мере того как ткань остывала, их снимали и заменяли новыми; знала, что в нее насильно вливают горячее питье, какие-то тошнотворные травяные настои против лихорадки, а иногда — что-то крепкое, смешанное с горячей водой. Так шли дни, недели, годы, века, а она все лежала в постели, пылала, дрожала, позволяла пичкать себя омерзительными отварами, будучи слишком слаба, чтобы извергнуть их обратно. Однажды к ней заглянула Моргауза и обиженно спросила:

— Раз уж тебя угораздило расхвораться, Игрейна, могла бы разбудить меня: я бы сама огонь развела.

В углу комнаты маячила темная фигура, преграждавшая ей путь, и теперь Игрейна отчетливо различала ее лицо: это — Старуха Смерть, что охраняет двери в запретные пределы, и теперь она покарает ослушницу... Пришла Моргейна и встала, глядя на мать: на ее маленьком, смуглом личике проступил страх; Игрейне захотелось успокоить дочку, но у нее не осталось сил даже на то, чтобы заговорить вслух. Был там и Утер, но молодая женщина знала: никто, кроме нее, Утера не видит, и не подобает ей призывать к себе мужчину, ежели это — не законный ее супруг... вот если она примется звать Горлойса, никто ее не осудит. Но, даже умирая, она не желала произносить имя Горлойса, не желала больше иметь с ним ничего общего, ни в жизни, ни в смерти.

Предала ли она Горлойса своим запретным колдовством? Или все это был лишь сон, не более, как и ее попытка предостеречь Утера? Спасла ли она его? Игрейне казалось, что она вновь слепо блуждает в бескрайних ледяных пределах, отчаянно пытаясь пробиться сквозь бурю и предупредить любимого об опасности. Как-то раз пришел отец Колумба и забормотал над нею что-то по-латыни, и Игрейна словно обезумела. По какому праву он пришел изводить ее последними обрядами, когда она даже защититься не в силах? Она занималась чародейством, в его глазах она — порочная женщина, так что он, конечно же, пришел вынести ей приговор за измену Горлойсу, он пришел отомстить за своего господина. И снова разбушевавшаяся буря трепала и сокрушала все ее существо, она пробиралась сквозь метель, ища Моргейну, потерявшуюся в снегах, но там была лишь Моргауза, Моргауза, увенчанная короной Верховных королей Британии.

А Моргейна стояла на носу ладьи, плывущей по Летнему морю к берегам Авалона, Моргейна, облаченная в одежды жрицы, те самые, что носит Вивиана... а затем все накрыли тьма и безмолвие.

Комнату заливал солнечный свет. Игрейна пошевелилась — и осознала, что даже сесть не в силах.

— Лежи спокойно, госпожа моя, — проговорила Изотта, — а я вот тебе сейчас лекарства принесу.

— Если я не скончалась от твоих травяных настоев, так, надо думать, выдержу и это, — отозвалась Игрейна, с изумлением осознав, что голос ее звучит не громче шепота. — Какой сегодня день?

— До середины зимы десять дней осталось, госпожа, а что до случившегося, мы знаем лишь то, что ночью огонь в вашей спальне, верно, погас, а окно распахнулось под ветром. Леди Моргауза говорит, она проснулась и видит: ты затворила окно, а потом вышла и вернулась с жаровней. Но ты ни слова не произнесла, просто растопила очаг, и все; так что она и не поняла, что вам недужится, а под утро ты уже пылала в жару и не узнавала ни ее, ни дитя.

Объяснение прозвучало вполне убедительно. Одна лишь Игрейна знала, что недуг ее заключает в себе нечто большее: это — расплата за попытку прибегнуть к колдовству, что ей не по силам, так что и тело, и дух ее оказались истощены едва ли не до предела.

— А как... — Игрейна поспешно умолкла. Нельзя, никак нельзя справляться об Утере, что она только себе думает? — Есть ли вести от лорда моего герцога?

— Никаких, госпожа. Мы знаем только, что была битва, но вестей ждать бесполезно, пока дороги не станут проходимы после великой бури, — отозвалась прислужница. — Но довольно разговоров, вот, поешь горячей кашицы да засыпай себе.

Игрейна терпеливо выпила горячее варево и заснула. В свой срок придут и вести.

Глава 8

В канун зимнего солнцестояния погода вновь переменилась, в воздухе потеплело. Весь день звенела капель, снег таял, дороги развезло, мягкая пелена тумана накрыла море и двор, так что голоса и перешептывания пробуждали к жизни неумолчное эхо. Ближе к вечеру ненадолго проглянуло солнце, и Игрейна впервые после болезни спустилась во двор. Она уже вполне поправилась, но, как и все прочие, изводилась в ожидании новостей.

Утер клялся, что придет в ночь середины зимы. Но как — если между ним и замком воинство Горлойса? Весь день Игрей-

на была молчаливой и рассеянной и даже резко отчитала Моргейну, что носилась по двору, точно дикий зверек, радуясь новообретенной свободе после долгого заключения в четырех стенах и зимней стужи.

«Не след мне бранить дитя только потому, что мысли мои обращены к возлюбленному!» — подумала Игрейна, и, злясь сама на себя, подозвала Моргейну и поцеловала девочку. Губы ее коснулись мягкой щечки, и по телу Игрейны пробежал холодок: прибегнув к запретному колдовству и предупредив любимого о засаде Горлойса, она, чего доброго, обрекла отца ребенка на верную смерть...

...Но нет. Горлойс предал Верховного короля, что бы уж там она, Игрейна, ни совершила и ни оставила как есть, Горлойс отмечен печатью смерти; и по заслугам предателю! Иначе, воистину, Горлойс усугубил бы свою измену, убив того самого человека, кого его законный король, Амброзий, поставил защищать Британию.

Подошел отец Колумба, требуя, чтобы Игрейна запретила своим женщинам и слугам разводить костры в честь середины зимы.

— И должно бы тебе подать им всем добрый пример, придя нынче вечером к службе, — настаивал он. — Давно не причащалась ты святых тайн, госпожа.

— Мне недужилось, — равнодушно отозвалась Игрейна, — что же до причастия, припоминается мне, что ты давал мне вкусить святых даров, когда я лежала больная. Хотя, может статься, мне это приснилось... мне много чего снилось.

— В том числе и того, чего доброй христианке видеть во сне никак не пристало, — сурово отрезал священник. — Только ради моего господина я дал тебе святое причастие, когда ты не могла исповедаться и причаститься как подобает.

— Да уж, отлично знаю, что ради меня ты бы стараться не стал, — отозвалась Игрейна, чуть скривив губы.

— Я не дерзну устанавливать пределы милосердию Господню, — ответствовал священник. Игрейна отлично знала, о чем он думает: если надо, он поступится долгом милосердия, раз уж Горлойсу, в силу неведомой причины, эта женщина чем-то дорога, и предоставит Господу обойтись с ней со всей строгостью, что Господь, разумеется, не преминет совершить...

Но в конце концов Игрейна согласилась пойти к службе. Хотя новая вера очень не пришлась ей по душе, Амброзий был христианином, христианство стало религией цивилизованных жителей Британии и неизбежно распространится все шире; и Утер подчинится всенародному обычаю, уж каких бы там взглядов ни придерживался про себя. Игрейна не ведала — да и откуда бы? — как там у Утера обстоит дело с вероисповеданием. Узнает

ли она об этом когда-нибудь? «*Он поклялся, что придет ко мне на зимнее солнцестояние*». Игрейна потупила взгляд и попыталась сосредоточиться на словах проповеди.

Сгустились сумерки. Игрейна втолковывала что-то на кухне своим прислужницам, когда от дальнего конца мыса послышался какой-то шум, затем — цокот копыт и громкий оклик со двора. Молодая женщина приспустила на плечи капюшон и выбежала за дверь, Моргауза — за нею. У ворот толпились воины в римских плащах вроде того, что носил Горлойс, но стража преграждала им путь длинными копьями.

— Лорд мой Горлойс распорядился: в его отсутствие никто не имеет права войти в замок, кроме самого герцога.

Из толпы вновь прибывших выступил один, на голову выше прочих.

— Я — мерлин Британии, — возгласил он. Звучный его голос раскатился эхом в тумане и сумерках. — Отойди, смертный, или ты посмеешь закрыть двери передо *мной*?

Стражник, во власти инстинктивного благоговения, отступил назад. Но тут, решительно взмахнув рукой в запрещающем жесте, вперед шагнул отец Колумба.

— Я закрою перед тобой двери. Лорд мой герцог Корнуольский особенно оговорил, что тебя, старый колдун, не должно впускать в замок ни при каких обстоятельствах. — Солдаты открыли рты, а Игрейна, невзирая на гнев — глупый назойливый святоша! — поневоле восхитилась его мужеством. Бросить вызов мерлину всей Британии — это не шутка!

Отец Колумба воздел подвешенный к поясу тяжелый деревянный крест:

— Во имя Христа, заклинаю: сгинь, пропади! Во имя Господа, возвращайся в царство тьмы, откуда пришел!

Мерлин звонко расхохотался, и от смутно темнеющих в тумане стен отозвалось эхо.

— Достойный брат во Христе, твой Бог и мой — одно и то же. Ты и впрямь надеешься, что я развеюсь в дым от твоих заклинаний? Или ты принимаешь меня за какого-нибудь гнусного демона, порождение мрака? Это не так, разве что наступление Господней ночи ты назовешь торжеством тьмы! Я пришел из земли не темнее, чем Летняя страна, и, глянь-ка, у этих людей — кольцо самого лорда герцога Корнуольского. Вот, смотри. — Ярко полыхнул факел, один из закутанных в плащ воинов протянул руку. На указательном пальце блестело Горлойсово кольцо.

— А теперь впусти нас, отец, ибо никакие мы не демоны, а смертные люди, мы продрогли, устали и путь проделали немалый. Или прикажешь нам перекреститься и прочитать молитву для вящей убедительности?

Игрейна вышла вперед, нервно облизнула губы. Что здесь

происходит? Откуда у них Горлойсово кольцо, если эти люди — не посланцы герцога? Но тогда кто-нибудь из них непременно обратился бы к ней, к Игрейне. Никого из ратников она не узнавала, не говоря уж о том, что Горлойс никогда бы не выбрал в посланцы мерлина. Что, если Горлойс мертв и ей таким образом доставили весть о его гибели?

— Дайте мне взглянуть на кольцо, — резко потребовала она. Голос ее внезапно словно охрип. — Это в самом деле его знак или подделка?

— Кольцо подлинное, леди Игрейна, — прозвучал хорошо известный ей голос, и Игрейна, наклонившись, чтобы рассмотреть перстень в свете факела, увидела знакомые ладони — крупные, широкие, мозолистые, а над ними — то, что до сих пор прозревала только в видении. Руки Утера, поросшие мелкими волосками, обвивали змеи, вытатуированные синей вайдой, — по одной на каждом запястье. Колени у молодой женщины подогнулись, Игрейна испугалась, что того и гляди рухнет на камни посреди двора.

Он поклялся: «*Я приду к тебе на зимнее солнцестояние*». И пришел, с кольцом Горлойса!

— Мой лорд герцог! — порывисто воскликнул отец Колумба, выступая вперед, но мерлин, воздев руку, решительно оборвал его излияния.

— Молчи! Приезд гонца должно сохранить в тайне, — объявил он. — Ни слова. — Священник, изрядно озадаченный, тем не менее, покорно отступил, принимая закутанного в плащ воина за Горлойса.

Игрейна присела до земли, все еще во власти сомнений и тревоги.

— Лорд мой, войди же в дом, — пригласила она, Утер, закрывая лицо плащом, протянул руку, — ту, что с кольцом, — и сжал ее пальцы. На ощупь они были холодны как лед, но его ладонь, теплая, крепкая, поддерживала молодую женщину, не давая упасть, на всем пути к зале.

Герцогиня в смятении заговорила о пустяках.

— Принести ли вина, лорд мой, или послать за снедью?

— Ради Господа, Игрейна, сделай что-нибудь, чтобы нам остаться наедине, — прошептал Утер, наклонившись к самому ее уху. — У святого отца глаза зоркие даже во тьме, а мне нужно, чтобы в замке считали, будто и впрямь приехал Горлойс.

Молодая женщина обернулась к Изотте.

— Накорми воинов здесь, в зале, и лорда мерлина тоже: принеси им еды, пива, подай воды для умывания и всего, чего они пожелают. Я побеседую с лордом герцогом в наших покоях. Пришли туда вина и снеди, да не мешкая.

Слуги так и бросились во все стороны, спеша исполнить

волю госпожи. Мерлин отдал одному из воинов свой плащ и осторожно установил арфу на скамью. Моргауза встала в дверях и беззастенчиво оглядела солдат. Высмотрела высокую фигуру Утера, присела до полу.

— Лорд мой Горлойс! Добро пожаловать, милый братец! — воскликнула она, шагнув к нему. Утер чуть заметно покачал головой, и Игрейна поспешно метнулась между ними. «*Что за нелепость, даже в плаще Утер похож на Горлойса не больше меня!*» — нахмурившись, думала она.

— Лорд герцог устал, Моргауза, и не в настроении слушать детскую болтовню, — резко прикрикнула она. — Забери Моргейну в свою комнату, сегодня ночью она поспит у тебя.

Моргауза, недовольно насупившись, подхватила Моргейну и потащила ее вверх по лестнице. Намеренно отстав, Игрейна нашла руку Утера, так, сплетя пальцы, они поднялись по ступеням. Что это еще за притворство и зачем? Сердце ее колотилось так, что молодой женщине казалось, она вот-вот потеряет сознание. Она ввела гостя в свой с Горлойсом брачный покой и заперла дверь.

Едва оказавшись внутри, Утер потянулся к ней, спеша обнять. Он стоял, откинув капюшон, с пропитанными влагой волосами и бородой, раскинув руки, но Игрейна не сделала и шагу ему навстречу.

— Лорд мой король! Что происходит, отчего все принимают тебя за Горлойса?

— Толика мерлиновой магии, — усмехнулся Утер. — Главным образом плащ и кольцо, ну и чар немножко, хоть они и нестойкие, если бы меня увидели в ярком свете и без плаща, колдовство тут же бы и развеялось. А ты, я гляжу, не обманулась, я так и думал. Это все видимость, а никакое не Послание. Я поклялся, что приду к тебе на зимнее солнцестояние, Игрейна, и обет свой я сдержал. Неужто за все свои великие труды я не заслужил и поцелуя?

Молодая женщина подошла к гостю, сняла с него плащ, но от прикосновения уклонилась.

— Лорд мой король, откуда у тебя кольцо Горлойса?

Лицо его посуровело.

— А, это? Я срубил кольцо у него с руки в открытом бою, но клятвопреступник бежал, поджав хвост. Не пойми меня превратно, Игрейна, я пришел сюда по праву, а не как тать в нощи; чары — это лишь для того, чтобы спасти твою репутацию в глазах мира, не более. Я не допущу, чтобы мою будущую жену заклеймили прелюбодейкой. Но, повторю, я пришел сюда по праву: жизнью Горлойса ныне распоряжаюсь я. Он владел Тинтагелем как вассал Амброзия Аврелиана, вассальную клятву он в свой черед принес и мне, и ныне замок для него потерян. Ты ведь понимаешь это, леди Игрейна? Никакой король не допустит, что-

бы присягнувшие ему люди безнаказанно нарушали обеты и поднимали оружие против законного правителя!

Игрейна наклонила голову, подтверждая правоту его слов.

— Горлойс уже погубил мне труды целого года в том, что касается борьбы с саксами. Когда он уехал из Лондона со своими людьми, один я не мог выстоять против врага, так что мне пришлось отступить, бежать, отдать город на разграбление захватчикам. А ведь это мой народ, и я клялся его защищать. — Утер горько поморщился. — Вот Лота я могу извинить, Лот вообще отказался приносить клятву. С ним мне еще предстоит свести счеты: Лот либо заключит со мною мир, либо я сброшу его с трона и вздерну на виселицу, — однако он не изменник и не предатель. Горлойсу я доверял, он принес клятву — и нарушил ее; и вот, труды Амброзия, на которые тот всю жизнь положил, пошли прахом, и мне придется все начинать сначала. Дорого же обошелся мне Горлойс, так что я пришел отобрать у него Тинтагель. И жизнь его я тоже возьму, и он об этом знает.

Лицо его окаменело. Игрейна нервно сглотнула.

— И жену его тоже отберешь — силой и по праву, как отобрал Тинтагель?

— Ах, Игрейна, — проговорил Утер, привлекая ее к себе. — Мне ли не знать, какой выбор ты сделала; ведь я видел тебя в ночь великой бури. Если бы ты не предостерегла меня, я бы потерял лучших своих бойцов, да и жизнь тоже, надо думать. Благодаря тебе, когда Горлойс обрушился на нас, я был готов его встретить. Вот тогда-то я и срубил кольцо с его пальца, и всю руку бы отсек, вместе с головою, да только он успел удрать.

— Я понимаю: здесь выбора у тебя не было, лорд мой король, — промолвила Игрейна. Но тут раздался стук в дверь. Одна из прислужниц внесла поднос со снедью и кувшин с вином и, пролепетав: «Лорд мой», присела до полу. Игрейна машинально высвободилась из рук Утера, забрала еду и вино, закрыла за женщиной дверь. Взяла Утеров плащ — в конце концов, не так уж он и отличается от горлойсовского — и повесила на столбик кровати сушиться, нагнулась и помогла гостю снять сапоги, забрала перевязь вместе с мечом. «*Как подобает покорной жене и супруге*», — зазвучал внутренний голос, но Игрейна знала — она и впрямь свой выбор сделала. Утер прав: Тинтагель принадлежит Верховному королю Британии, и госпожа замка — тоже, причем по собственной своей воле. Она сама вручила себя королю — и никому иному.

Прислужницы прислали варево из сушеного мяса с чечевицей, свежеиспеченный хлеб, немного мягкого сыра и вино. Утер набросился на еду так, словно умирал с голоду:

— Я вот уже два месяца как живу под открытым небом, спасибо треклятому предателю, которого ты зовешь мужем, сегодня

я поем под крышей впервые со времен Самайна; этот твой святой отец, надо думать, не преминул бы напомнить, что правильно говорить «день всех святых».

— Эта жалкая снедь готовилась на ужин слугам и мне, лорд мой король, она никоим образом не годится для...

— На мой взгляд, это угощение в самый раз для рождественского пира после всего того, чем я питался на холоде, — буркнул Утер, громко жуя, разрывая хлеб сильными пальцами и подцепляя ножом кусок сыра. — И неужто я не дождусь от тебя иных слов, кроме «лорд мой король»? Я так мечтал об этом мгновении, Игрейна, — проговорил он, откладывая сыр и завороженно глядя на молодую женщину. Утер обнял ее за талию и притянул ближе. — Так-таки и ни словечка любви у тебя для меня не найдется? Возможно ли, что ты до сих пор верна Горлойсу?

Игрейна не вырывалась.

— Я свой выбор сделала, — вслух объявила она.

— Я так долго ждал... — прошептал Утер, привлекая ее к себе, так, что коленями она уперлась в его бедро, и проследил рукою контуры ее лица. — Я уж начал бояться, что этого не произойдет никогда; и вот мы вместе — а у тебя для меня ни слова любви, ни ласкового взгляда... Игрейна, Игрейна, неужто мне лишь приснилось, что ты любишь меня и хочешь? Может, мне следовало оставить тебя в покое?

Все тело Игрейны, словно на холоде, сотрясала крупная дрожь.

— Нет, нет... — прошептала она. — Или, если это был сон, так, значит, сны видела и я. — Молодая женщина подняла глаза, не зная, что еще сказать и что сделать. Утер не внушал ей такого страха, как Горлойс, но теперь, в преддверии решающего мгновения, она вдруг подумала, во власти накатившей паники, с какой стати она зашла так далеко. Гость по-прежнему удерживал ее, обнимая одной рукою. Но вот Утер усадил ее к себе на колени, и она, не сопротивляясь, прижалась головой к его груди.

Утер накрыл широкой ладонью ее тонкое запястье.

— Я и не представлял, какая ты хрупкая. Ты высокая, я привык считать тебя статной, царственной женщиной... а на самом деле ты совсем махонькая: я тебя голыми руками с легкостью сломаю, ишь, косточки как у пташки... — Пальцы его сомкнулись вокруг ее запястья. — И такая юная..

— Не такая уж и юная, — нежданно для себя самой рассмеялась Игрейна. — Я вот уж пять лет как замужем, и у меня ребенок.

— И однако ж ты слишком молода для всего этого, — возразил Утер. — Это твоя малышка была там, внизу?

— Да, моя дочка Моргейна, — кивнула Игрейна. И внезапно поняла: Утер тоже чувствует себя неловко, не ведая, как к ней

подступиться. Молодая женщина инстинктивно осознала: несмотря на его тридцать с чем-то лет, до сих пор Утер имел дело только с женщинами, добродетелью не обремененными, а целомудренная дама, равная ему по рождению, для него внове. У Игрейны внезапно заныло в груди: ах, если бы она знала, что нужно делать и что говорить!

Оттягивая неизбежное, она провела свободной рукой по татуировке в виде змей на его запястьях.

— Прежде я их не видела.

— Верно, — кивнул Утер. — Это я получил в день коронации на Драконьем острове. Хотел бы я, чтобы ты была там со мною, моя королева, — прошептал он, обнял ее лицо ладонями и, запрокинув ей голову, поцеловал в губы. — Не хочу испугать тебя, — шепнул он, — но мне так долго снилась эта минута, так долго...

Дрожа, Игрейна позволила целовать себя, удивляясь необычности ощущений, чувствуя, как в глубине ее существа всколыхнулось нечто нежданное. С Горлойсом она ничего подобного не испытывала... и внезапно снова накатил страх. С Горлойсом Игрейна всегда ощущала себя так, словно с ней что-то делают, а сама она к происходящему не причастна, она всегда вольна отойти в сторону и отстраненно наблюдать за событиями. Она всегда оставалась самой собою, Игрейной. Но, почувствовав прикосновение Утеровых губ, она поняла, что более не сможет держаться обособленно, никогда больше не вернется к себе — прежней. Мысль эта повергала ее в ужас. И все-таки сознание того, сколь сильно Утера влечет к ней, заставляло кровь быстрее струиться по жилам. Рука ее крепче сомкнулась вокруг синих змей на запястьях.

— Я видела их во сне... но я думала, это только сон.

Утер серьезно кивнул:

— Вот и мне они снились задолго до того, как я ими обзавелся. И думалось мне, что и у тебя есть что-то подобное, на руках до самых плеч... — Он снова взялся за хрупкое запястье и провел по нему пальцем. — Только твои — золотые.

По спине у Игрейны пробежали мурашки. Да, то был не сон, но видение из страны Истины.

— Вот целиком я этот сон вспомнить не могу, — продолжал между тем Утер, глядя куда-то поверх ее плеча. — Мы вместе стояли на бескрайней равнине, и еще там было что-то вроде кольца камней... Что это значит, Игрейна, отчего мы видим одни и те же сны?

Голос ее дрогнул, как если бы к горлу подступили слезы.

— Возможно, всего-навсего то, что мы предназначены друг другу, король мой... мой лорд... любовь моя.

— Моя королева, возлюбленная моя... — Утер внезапно

вскинул глаза: долгий взгляд, затянувшийся вопрос... — Воистину, время снов прошло, моя Игрейна. — Он запустил пальцы в ее волосы, распустил, и пышная волна в беспорядке рассыпалась по ее вышитому воротнику, по его лицу, дрожащими руками Утер пригладил длинные пряди. Он поднялся на ноги, не выпуская любимую из объятий. До сих пор Игрейна и не догадывалась, как сильны его руки. Двумя гигантскими шагами он пересек комнату и уложил молодую женщину на постель. Опустился на колени рядом с нею, наклонился, вновь поцеловал ее.

— Королева моя, — прошептал он. — Хотелось бы мне, чтобы и тебя увенчали короной вместе со мною в день моей коронации... Там в ходу обряды, о каких христианину и знать не подобает, но Древний народ, что жил здесь задолго до того, как на острова пришли римляне, отказался признать меня королем без надлежащих церемоний. Долгий путь я проделал, чтобы попасть туда, и готов поручиться, что часть его пролегает отнюдь не в этом, известном мне мире.

Эти слова воскресили в памяти Игрейны рассказ Вивианы о том, что миры постепенно отдаляются друг от друга, погружаясь в туманы. А подумав о Вивиане, молодая женщина тут же вспомнила, о чем просила ее сестра и как она, Игрейна, упрямо отказывалась.

«Я же не знала. Тогда я была так молода, так неискушенна, я ровным счетом ничего не знала, не знала, как все мое существо может таять, изнывать и терзаться, кружиться в неодолимом вихре...»

— А пришлось ли тебе заключить Великий Брак с землей, как это делалось в старину? Я знаю, что от короля Бана из Малой Британии этого потребовали... — И внезапно Игрейна почувствовала болезненный укол ревности: чего доброго, какая-нибудь жрица или просто женщина стала для него воплощением земли, которую Утер поклялся защищать!

— Нет, — отозвался Утер. — И я не уверен, что пошел бы на такое, но от меня ничего и не потребовали. Кроме того, мерлин сказал, что это он, как водится у мерлинов Британии, поклялся умереть, буде возникнет нужда, жертвуя собою во имя своего народа... — Утер умолк на полуслове. — Но тебе это мало о чем говорит...

— Ты позабыл, — напомнила Игрейна. — Я воспитывалась на Авалоне, моя мать была жрицей, а моя старшая сестра ныне — Владычица Озера.

— Ты тоже жрица, моя Игрейна?

Она покачала головой, собираясь просто ответить «нет», но вместо этого произнесла:

— Не в этой жизни.

— Не знаю... — Утер снова проследил контур воображаемых

змей, свободной рукою касаясь своих собственных. — Думаю, я всегда чувствовал, что живу не в первый раз... кажется мне, жизнь слишком значима, чтобы прожить ее лишь однажды, а затем угаснуть, точно светильник под порывом ветра. И отчего, впервые увидев твое лицо, я почувствовал, будто помню тебя со времен до сотворения мира? Это все великие таинства, и, сдается мне, тебе о них ведомо побольше меня. Ты говоришь, что ты не жрица, однако ты достаточно искушена в колдовстве, чтобы прийти ко мне в ночь великой бури и предостеречь меня... Пожалуй, лучше мне от расспросов воздержаться, а то, чего доброго, услышу от тебя такое, что христианину знать не полагается. Что до вот этих, — он вновь коснулся змей пальцем, — если я и впрямь носил их в прошлой жизни, наверное, вот почему старик, накалывая их мне на запястьях в день коронации, сказал, что они мои по праву. Я слыхал, христианские священники прогнали с островов всех змей... но я драконов не боюсь и ношу их в знак того, что земля эта отныне под моей защитой, точно под драконьим крылом.

— Тогда ты непременно станешь величайшим из королей, лорд мой, — прошептала она.

— Не называй меня так! — перебил Утер, склоняясь над ней и припадая к ее губам.

— Утер, — выдохнула молодая женщина словно во сне.

Его руки скользнули по ее шее, и Утер поцеловал ее в обнаженное плечо. Но едва он начал стягивать платье, Игрейна вздрогнула и отпрянула. Глаза ее наполнились слезами, слова с языка не шли, но Утер накрыл ладонями ее плечи и встретился с ней взглядом.

— С тобой так дурно обращались, возлюбленная моя? — мягко проговорил он. — Господь меня порази, если тебе есть чего от меня страшиться, теперь ли или в будущем. О, как бы мне хотелось, чтобы ты никогда не была женою Горлойса. Если бы я отыскал тебя первым... увы, что сделано, то сделано. Но я клянусь тебе, моя королева: меня тебе бояться нечего. — В мерцающем свете светильника серые глаза его казались совсем темными. — Игрейна, я... я воспринял все как само собою разумеющееся, ибо отчего-то решил, ты понимаешь, что я чувствую. Я ведь почти ничего не знаю о таких женщинах, как ты. Ты — любовь моя, моя жена и королева. Ибо я клянусь тебе моей короной и моим мужеством, что ты станешь моей королевой, и я вовеки не предпочту тебе другую женщину и не отошлю тебя прочь. Или ты думала, я обращаюсь с тобой, точно с распутницей? — Голос его дрожал, Игрейна видела, что Утер панически боится — боится потерять ее. И едва молодая женщина поняла, что он тоже напуган, тоже уязвим и беззащитен, собственные ее страхи развеялись. Она обвила руками его шею и звонко произнесла:

— Ты — моя любовь, мой лорд и мой король, и я буду любить тебя, пока жива, а после смерти — столько, сколько пожелает Господь.

И на сей раз Игрейна позволила стянуть с себя платье и по доброй воле шагнула в его объятия. Никогда, никогда прежде не подозревала она, как это бывает. До сего момента, невзирая на пять лет брака и рождение дочери, она оставалась невинной девственницей, неискушенной девчонкой. А теперь тела, умы и сердца слились воедино, и она стала единая плоть с Утером так, как никогда не бывало с Горлойсом. В голове ее промелькнула мимолетная мысль: даже дитя в утробе матери не знает подобной близости...

Утер устало склонил голову ей на плечо, его жесткие светлые волосы щекотали ей грудь.

— Я люблю тебя, Игрейна, — прошептал он. — Что бы из этого ни вышло, я люблю тебя. И если Горлойс посмеет сюда явиться, я убью его прежде, чем он к тебе прикоснется еще хоть раз.

Игрейне не хотелось вспоминать о Горлойсе. Она пригладила золотистую прядь, упавшую ему на лоб, и прошептала:

— Спи, любовь моя. Спи.

Но самой ей не спалось. Даже когда дыхание Утера сделалось глубоким и ровным, Игрейна лежала, не смыкая глаз, осторожно лаская его — так, чтобы не разбудить. Грудь у него была гладкая, почти как у нее самой, лишь самую малость припорошенная мягкими, светлыми волосками, а прежде ей почему-то казалось, что все мужчины грузны и волосаты. Запах его тела заключал в себе неизъяснимую отраду, невзирая на привкус пота и соков любви. Игрейне казалось, что она вовек не насытится прикосновениями к этому телу. Ей отчаянно хотелось, чтобы Утер проснулся и вновь заключил ее в объятия, — и все-таки она ревниво оберегала его глубокий, навеянный утомлением сон. Теперь она не испытывала ни стыда, ни страха; то, что с Горлойсом было лишь долгом и принятием неизбежного, с Утером стало наслаждением почти нестерпимым, как если бы она воссоединилась наконец с некой сокрытой частью своего тела и души.

Наконец Игрейна задремала — ненадолго и чутко, свернувшись клубочком и прижавшись к любимому. Проспала она не больше часа, разбудил ее нежданный шум во дворе. Она резко села, отбросила назад длинные волосы. Утер сонно потянул ее к себе.

— Лежи спокойно, родная, до рассвета еще далеко.

— Нет, — возразила она, повинуясь безошибочному инстинкту, — нам не след медлить. — Молодая женщина натянула нижнее платье, верхнюю тунику, дрожащими руками скрутила волосы в узел. Светильник догорел, отыскать шпильки во тьме никак не удавалось. Наконец она набросила поверх покрывало,

засунула ноги в туфли и сбежала вниз по лестнице. Все тонуло в полумраке. В главном зале из надежно прикрытого очага пробивался слабый отсвет. И тут в воздухе повело холодом — и она резко остановилась.

Там стоял Горлойс с глубокой раной на лице и глядел на нее с невыразимой скорбью, и упреком, и ужасом. Это Послание она уже видела прежде: привидение-двойник, предвестник смерти. Горлойс поднял руку: трех пальцев недоставало, равно как и кольца. По лицу его разливалась смертельная бледность, и в глазах читались любовь и горе, а губы неслышно двигались, произнося ее имя, хотя в ледяном безмолвии не раздавалось ни звука. И в этот миг Игрейна поняла, что муж любил ее по-своему, сурово и грубо, и все обиды, что он ей причинил, — лишь следствие этой любви. Воистину, ради ее любви он рассорился с Утером, отрекся и от чести, и от герцогства. А она отвечала на его любовь лишь ненавистью и раздражением, только теперь Игрейна осознала: то, что она чувствует к Утеру, Горлойс чувствовал к ней. Горло ее сдавило горем, она едва не прокричала вслух его имя, но недвижный воздух всколыхнулся — и призрак исчез, словно его и не было. А в следующий миг ледяное безмолвие развеялось, и во дворе послышались крики:

— Дорогу! Дорогу! Факелов сюда, факелов!

В зал спустился отец Колумба, ткнул факелом в очаг, вверх взметнулось пламя. Он поспешно распахнул дверь.

— Что еще за шум?..

— Ваш герцог убит, люди Корнуолла, — закричал кто-то. — Мы принесли тело герцога! Дорогу! Горлойс Корнуольский мертв и ждет погребения!

Если бы рука Утера не поддержала Игрейну сзади, она бы рухнула на пол.

— Нет! Быть того не может! — громко запротестовал отец Колумба. — Да герцог же вернулся домой не далее как вчера вечером с несколькими своими людьми, он ныне почиет мирным сном в покоях своей супруги...

— Нет. — Голос мерлина прозвучал совсем тихо, однако звонкое эхо прокатилось до самых дальних уголков двора. Он взял факел, зажег его о факел отца Колумбы и вручил одному из солдат. — Герцог-клятвопреступник вовеки не приезжал в Тинтагель как человек из плоти и крови. Ваша госпожа стоит здесь с вашим владыкой и королем, с Утером Пендрагоном. Сегодня вы их обвенчаете, святой отец.

Отовсюду раздались крики и ропот, сбежавшиеся слуги оторопело глядели, как в залу вносят грубо сработанные похоронные дроги: что-то вроде носилок, сшитых из шкур. Игрейна отпрянула от накрытого тела. Отец Колумба нагнулся, на мгнове-

ние приоткрыл лицо покойного, осенил себя крестным знамением и отвернулся. В лице его отражались горе и ярость.

— Это колдовство, черная магия, не иначе. — Он сплюнул, потрясая крестом между Игрейной и мерлином. — Этот гнусный морок — твоих рук дело, старый чародей!

— Не смей так разговаривать с моим отцом, священник! — вспыхнула Игрейна.

Мерлин воздел руку.

— Я не нуждаюсь в защите женщины — и в защите мужчины тоже, лорд мой Утер, если на то пошло, — промолвил он. — И о колдовстве речь не идет. Вы видели то, что хотели увидеть: ваш господин вернулся домой. Вот только господин ваш — не клятвопреступник Горлойс, что права на Тинтагель утратил, но законный Верховный король, владыка, пришедший вступить во владение тем, что и без того принадлежит ему. А ты займись делами священническими, отец: надо предать тело земле, а после того совершить обряд бракосочетания и обвенчать короля с моей госпожой, кою он избрал в королевы.

Утер по-прежнему поддерживал рукою Игрейну. Отец Колумба одарил ее негодующим, презрительным взглядом, он бы обрушился на нее, называя распутницей и ведьмой, да только из страха перед Утером поневоле придержал язык. Священник отвернулся от герцогини и преклонил колена рядом с телом Горлойса: он молился. Спустя мгновение опустился на колени и Утер, его светлые волосы переливались и мерцали в свете факелов. Игрейна шагнула к нему, намереваясь поступить так же. «*Бедный Горлойс*». Он мертв, погиб смертью предателя, воистину, он заслужил свою участь, но он любил ее — и умер.

На плечо Игрейны легла рука, удержав ее на месте. Мерлин заглянул ей в глаза — и мягко произнес:

— Итак, все сбылось, Грайнне. Твоя судьба исполнилась, как было предсказано. Так встречай же ее храбро, насколько это в твоих силах.

Опустившись на колени рядом с Горлойсом, Игрейна принялась молиться — за покойного, а затем, разрыдавшись, за себя, и за ту неведомую судьбу, что ждала их в будущем. Неужто это все и впрямь предрешено от начала мира или причина всему — колдовство мерлина, и магия Авалона, и ее собственное чародейство? А теперь Горлойс мертв, и, глядя на лицо Утера, уже ставшее для нее родным и любимым, она знала: скоро придут другие, и Утер примет на свои плечи бремя управления королевством, и никогда больше не будет принадлежать ей целиком и полностью, как в эту одну-единственную ночь. Стоя на коленях между мертвым мужем и тем мужчиной, которого ей суждено любить до конца жизни, она гнала искушение сыграть на его любви к ней, отвратить его от мыслей о королевстве и государстве, заставить думать только о ней — молодая женщина знала, что

вполне на такое способна. Но мерлин свел их вместе не ради ее счастья. Игрейна знала: попытайся она удержать Утера, и она бросит вызов той самой судьбе, что соединила их, и тем самым все погубит. Отец Колумба поднялся на ноги и дал знак солдатам нести тело в часовню. Молодая женщина дотронулась до его руки. Тот раздраженно обернулся:

— Госпожа?

— Мне нужно во многом исповедаться тебе, отец, прежде чем лорда моего герцога предадут земле — и прежде чем я сочетаюсь браком. Ты примешь мою исповедь?

Отец Колумба недоуменно нахмурился.

— На рассвете, леди, — бросил он наконец — и ушел. Игрейна возвратилась к мерлину, что не спускал с нее глаз. Глянула ему в лицо — и объявила:

— Отныне и впредь, отец мой, с этого самого часа, будь мне свидетелем в том, что я навеки отрекаюсь от колдовства. Да исполнится воля Господа.

Мерлин ласково поглядел в ее искаженное мукой лицо. Голос его звучал непривычно мягко:

— Ты думаешь, что все наше колдовство способно достичь чего-либо, помимо исполнения Господней воли, дитя мое?

Цепляясь за последние остатки самообладания — Игрейна знала, что иначе разрыдается, словно дитя, перед всеми этими мужами, — она промолвила:

— Я пойду и оденусь, отец, дабы выглядеть подобающе.

— Тебе должно встретить наступающий день как приличествует королеве, дочь моя.

«*Королева*». От этого слова по телу ее побежали мурашки. Но не ради этого ли она сделала все то, что сделала, не ради этого ли она на свет родилась? Игрейна медленно двинулась вверх по лестнице. Надо разбудить Моргейну и сказать ей, что ее отец умер, по счастью, девочка слишком мала, чтобы запомнить Горлойса или горевать о нем.

Игрейна позвала прислужниц, велела принести лучшие свои наряды и украшения и убрать ей волосы — и, дивясь про себя, положила ладонь на живот. Каким-то непостижимым образом — последним мимолетным проблеском магии, от которой она отреклась отныне и навеки, — молодая женщина поняла: в эту самую ночь, пока они были лишь возлюбленные, но еще не король с королевой, она понесла сына Утера. Интересно, знает ли об этом мерлин?

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«*Кажется, самое первое мое осмысленное воспоминание — это свадьба моей матери с Утером Пендрагоном. Отца своего я почти не запомнила. Когда, совсем малюткой девочкой, я чувствовала*

себя несчастной, образ его отчасти воскресал в моей памяти: крупный, плотный мужчина, темнобородый и темноволосый; помню, как я играла с цепью, что он носил на шее. Помню, в детстве, во власти обиды и горя, — если, скажем, меня выбранила мать или учителя или когда Утер в кои-то веки замечал меня и ронял что-нибудь неодобрительное, — я утешалась, думая, что, будь жив мой родной отец, он бы меня любил, сажал бы к себе на колени, дарил бы мне красивые подарки. Теперь я старше и знаю, что он был за человек, так что, думаю я, он скорее всего отдал бы меня в монастырь, как только обзавелся бы сыном, и более обо мне не вспомнил бы.

Не то чтобы Утер был ко мне жесток, просто дитя женского пола его нисколько не занимало. В сердце его безраздельно царила моя мать, а он — в ее, я же злилась про себя: этот дюжий светловолосый увалень украл у меня маму! Когда Утер уезжал на войну — а в пору моего детства войны, почитай что, не прекращались, — Игрейна, моя мать, миловала меня и баловала, сама учила меня прясть и ткать разноцветное полотно. Но стоило показаться вдали воинству Утера, меня отсылали в мои покои и забывали про меня до тех пор, пока он не уезжал опять. Приходится ли удивляться, что я его терпеть не могла и всем сердцем ненавидела драконье знамя, что реяло над отрядом конников, скачущих к Тинтагелю?

А когда родился мой брат, все стало куда хуже. Это орущее бело-розовое существо намертво присосалось к груди матери, а что еще ужаснее, она ожидала, что я стану обожать его точно так же, как она. «Это твой маленький братик, — говаривала Игрейна, — заботься о нем как можно лучше, Моргейна, и люби его». Любить — его? Да я его всем сердцем ненавидела: ведь стоило мне подойти к матери, и она отстранялась и говорила, что я, дескать, уже взрослая: слишком взрослая, чтобы сидеть у нее на коленях, слишком взрослая, чтобы просить завязать мне ленточки; слишком взрослая, чтобы класть голову ей на колени утешения ради. Так бы и ущипнула противного младенца, вот только мама меня бы за такое возненавидела. Иногда мне казалось, что она и без того меня ненавидит. А Утер с моим братом так и носился. Но, думается мне, он всегда надеялся обзавестись еще одним сыном. Мне об этом не рассказывали, но я все равно откуда-то знала — может, женские пересуды случайно услышала, а может, уже тогда я обладала даром Зрения в большей степени, нежели сама сознавала, — что Утер в первый раз возлег с моей матерью, когда она еще была обвенчана с Горлойсом; и кое-кто считал, что этот мальчик сын вовсе не Утера, но герцога Корнуольского.

Как в такое можно поверить, ума не приложу, ведь Горлойс, по слухам, был темноволосым, смуглым, с орлиным профилем, а брат мой, светлокудрый и сероглазый, как две капли воды походил на Утера.

При жизни брата — а коронован он был под именем Артура, — я наслушалась всевозможных россказней о том, откуда взялось это имя. В одной из баек говорилось, будто означает оно Арт-Утер, Утеров медведь, да только это неправда. В младенчестве его звали Гвидион, сияющий, — из-за золотых кудрей, то же имя носил впоследствии его сын — только это уже совсем другая история. А на самом деле все куда проще: когда Гвидиону исполнилось шесть, его отослали на воспитание к Экторию, одному из Утеровых вассалов, живущему в северном краю близ Эборака, и Утер потребовал, чтобы моего брата окрестили в христианскую веру. Так он получил имя Артур.

С рождения и до шести лет Гвидион только и делал, что путался у меня под ногами, как только его отлучили от груди, моя мать, Игрейна, вручила его мне со словами: «Вот твой маленький братик, ты должна любить его и заботиться о нем». А я бы охотно придушила орущее отродье и швырнула бы его вниз с утеса и побежала бы к матери, умоляя, чтобы она опять стала совсем-совсем моя; вот только ей почему-то судьба мальчишки была небезразлична.

Однажды приехал Утер, и мать, как всегда, облеклась в лучший свой наряд, и украсилась ожерельями из лунных камней и янтаря, и, нагнувшись, небрежно поцеловала меня и маленького брата, уже готовая поспешить к Утеру. Я смотрела на ее разрумянившееся лицо — щеки пылают, дыхание участилось от радости, что муж ее вернулся домой, — и всей душой ненавидела и Утера, и моего брата. Я стояла на верхней ступеньке лестнице и плакала, дожидаясь, когда за нами придет нянька, а малыш заковылял за матерью вниз, выкликая: «Мама, мама!» — в ту пору он еще и не говорил толком, — и, конечно же, упал и ударился подбородком о ступеньку. Я пронзительно закричала, зовя мать, но она уже спешила к королю и лишь гневно бросила через плечо: «Моргейна, я же сказала тебе: пригляди за малышом», и скрылась.

Я взяла вопящего ребенка на руки и вытерла ему подбородок своим покрывалом. Падая, он рассек губу о зуб — к тому времени у него их прорезалось не то восемь, не то десять — и теперь плакал, не умолкая, и звал маму; но мать так и не пришла, так что я присела на ступеньку и усадила его на колени, а он обвил ручонками мою шею, и зарылся лицом в мою тунику, и со временем в слезах заснул. Он казался довольно тяжелым, а волосенки у него были мягкие и влажные, промок он и еще кое-где, но, к вящему своему удивлению, я вроде бы и не слишком возражала. Малыш прижался ко мне: видимо, во сне позабыл, что не на руках у матери. «Игрейне нет дела до нас обоих, — подумала я. — Она бросила его точно так же, как некогда меня. Теперь мне, наверное, придется быть ему мамой».

Я легонько встряхнула малыша, и, проснувшись, он вновь обнял меня за шею, чтобы его унесли прочь, а я принялась подбрасывать его на коленях, как это на моих глазах делала нянька.

«Не плачь, — промолвила я. — Я отведу тебя к няньке».

«Мама», — всхлипнул он.

«Мама ушла, она с королем, — отозвалась я, — но я позабочусь о тебе, братик». И, сжав в ладони его пухлую ручонку, я поняла, что имела в виду Игрейна: я уже слишком взрослая, чтобы плакать или всхлипывать, требуя мать, потому что отныне мне нужно заботиться о малыше.

Думаю, мне в ту пору едва исполнилось семь.

Когда сестра моей матери Моргауза выходила замуж за короля Лота Оркнейского, я впервые надела «взрослое» платье и янтарное, с серебром, ожерелье — только это я и помню. Я искренне любила Моргаузу, потому что у нее часто находилось для меня время, а вот у мамы — нет; и еще она рассказывала мне про отца — сдается мне, после смерти Горлойса Игрейна ни разу не произнесла его имени. Но при всей моей любви к Моргаузе я ее побаивалась: порою она щипала меня, дергала за волосы, обзывала несносной сопливкой; это она придумала для меня дразнилку, от которой я плакала, хотя теперь я этим прозвищем горжусь: «Ты из волшебного народа, ты — дитя фэйри. Так отчего бы тебе не размалевать лицо синей краской и не напялить на себя оленьи шкуры, Моргейна Волшебница!»

Причины этого брака я представляла себе очень смутно, равно как и то, зачем выдавать Моргаузу замуж такой молодой. Я знала, что мать рада сбыть ее с рук: ей казалось, будто Моргауза поглядывает на Утера с вожделением, возможно, она не сознавала, что Моргауза вожделеет всех встреченных мужчин, сколько есть. Она была что сука в течке, хотя, по правде сказать, сдается мне, это все оттого, что никому-то до нее не было дела. На свадьбе, щеголяя в новом праздничном платье, я слышала, как судят и рядят о том, что, дескать, очень мудро со стороны Утера по-быстрому уладить свою ссору с Лотом Оркнейским и отдать ему в жены свою свояченицу. Лот мне показался до крайности обаятельным, вот только на Утера это обаяние ну ни капельки не действовало. Моргауза вроде бы влюбилась в него по уши — или, может статься, сочла уместным сделать вид, что влюблена.

Именно там, сдается мне, я впервые на своей памяти увидела Владычицу Авалона. Маме она приходилось сестрой, а мне — теткой, как и Моргауза; и она тоже происходила от древнего народа — миниатюрная, смуглая, яркая, с алыми лентами в темных волосах. Уже тогда она была немолода, но мне она всегда казалась красавицей — как в тот, первый, раз. Голос ее, хотя и негромкий, поражал глубиной и выразительностью. Больше всего мне в ней понравилось то, что она неизменно обращалась ко мне точно к ровеснице, а не тем фальшиво воркующим тоном, каким большинство взрослых говорят с детьми.

Я вошла в залу с запозданием, потому что нянька моя так и не смогла заплести ленты мне в косы, и в конце концов я все сделала сама; руки у меня всегда были проворные, я быстро справлялась с любой работой, что у взрослых получалась страх как медленно. Пряла я уже ничуть не хуже матери, а уж Моргауза со мною и тягаться не могла. То-то я гордилась собою, в новехоньком шафранном платье с ленточками, отделанными золотой каймой, и с янтарным ожерельем вместо детской нитки кораллов! Однако за столом на возвышении не нашлось свободного места, я разочарованно ходила кругами, зная, что мама того и гляди отошлет меня за стол для менее почетных гостей, или прикажет няньке увести меня, или привлечет ко мне всеобщее внимание, веля служанке принести для меня стул. А при том, что в Корнуолле я считалась принцессой, при дворе Утера в Каэрлеоне я была всего лишь дочерью королевы от первого мужа, изменившего Верховному королю.

И тут я увидела невысокую, смуглую женщину — такую махонькую, что я поначалу приняла ее за девочку чуть старше меня, — восседающую на табурете, обитом вышитой тканью. Она протянула ко мне руки и сказала:

— Иди-ка сюда, Моргейна. Ты меня не помнишь?

Я не помнила, но, вглядевшись в смуглое, живое лицо, почувствовала, будто знаю ее от начала времен.

Но я слегка надулась, испугавшись, что она предложит мне усесться к ней на колени, точно младенцу. А незнакомка улыбнулась и подвинулась на краешек табурета. Вот теперь я разглядела, что вижу перед собою не девочку, а даму.

— Мы с тобой не то чтобы велики, — промолвила она. — Думаю, на одном табурете мы отлично поместимся, он ведь для людей покрупнее сработан.

С этой самой минуты я полюбила ее всем сердцем да так сильно, что порою чувствовала себя виноватой, ведь отец Колумба, духовник моей матери, внушал мне, что превыше прочих полагается чтить отца и мать.

Так что на протяжении всего свадебного пира я просидела рядом с Вивианой и узнала, что она — приемная мать Моргаузы: их собственная мать умерла при рождении Моргаузы, и Вивиана выкормила ее, точно родную дочь. Это меня заинтриговало: я так злилась, когда Игрейна отказалась отдать моего новорожденного брата кормилице и сама кормила его грудью. Утер говорил, дескать, королеве это не пристало, и я с ним соглашалась: меня с души воротило при виде Гвидиона, сосущего материнскую грудь. Думаю, я просто-напросто ревновала, хотя стыдилась в том признаться.

— Значит, твоя с Игрейной матушка была королевой? — Наряд Вивианы ослеплял роскошью под стать платью Игрейны и сделал бы честь любой из королев Севера.

— Нет, Моргейна, она была не королевой, а Верховный жрицей, Владычицей Озера, я унаследовала от нее титул. Возможно, однажды станешь жрицей и ты. В твоих жилах течет древняя кровь, очень вероятно, что ты обладаешь и Зрением.

— Что такое Зрение?

Вивиана нахмурилась:

— Как, Игрейна тебе не рассказала? Ответь мне, Моргейна, не случается ли тебе видеть то, что другие не видят?

— Да то и дело, — отозвалась я, осознав, что эта леди понимает меня, как никто другой. — Вот только отец Колумба уверяет, что это все дьявольские наваждения. А мама велела мне молчать и ни с кем о таких вещах не заговаривать, даже с нею, потому что при христианском дворе такого не потерпят и, дознайся об этом Утер, он отошлет меня в монастырь. А мне в монастырь что-то не хочется: там надо носить черные платья, а смеяться и вовсе нельзя.

Вивиана произнесла то самое слово, за которое нянька вымыла мне рот едким щелочным мылом — кухарки использовали его для мытья полов.

— Послушай меня, Моргейна. Твоя мама права, говоря, что не следует рассказывать о таких вещах отцу Колумбе...

— Но если я стану лгать священнику, Господь на меня рассердится.

Вивиана вновь повторила нехорошее слово.

— Послушай, дорогое дитя мое: если ты солжешь священнику, священник и впрямь рассердится и скажет, что на самом деле гневается его Бог. Но у Великого Творца есть дела более важные, нежели злиться на юных и неопытных, так что это — на твоей совести. Доверься мне, Моргейна: никогда не рассказывай отцу Колумбе больше, чем необходимо, но не сомневайся в том, что говорит тебе Зрение, ибо видения приходят прямиком от самой Богини.

— А Богиня — это Дева Мария, Матерь Божья?

Вивиана нахмурилась.

— Все Боги — это единый Бог, и все Богини — это единая Богиня. Великая Богиня не рассердится, если ты станешь звать ее именем Марии, Мария была добра и любила людей. Послушай, милая: этот разговор не для свадебного пира. Но клянусь тебе: пока я живу и дышу, в монастырь ты не отправишься, что бы ни говорил на этот счет Утер. А теперь, когда я знаю, что ты обладаешь Зрением, я горы сдвину, но увезу тебя на Авалон. Пусть это будет наш секрет, хорошо, Моргейна? Ты обещаешь?

— Обещаю, — промолвила я, и Вивиана наклонилась и поцеловала меня в щеку. — Послушай, музыканты заиграли, сейчас танцы начнутся. И до чего же Моргаузе к лицу синее платье, верно?

Глава 9

Весной на седьмой год правления Утера Пендрагона в Каэрлеоне Вивиана, жрица Авалона и Владычица Озера, вышла в сумерках заглянуть в магическое зеркало.

Хотя традиция, согласно которой Владычица являлась и жрицей, была куда древнее учения друидов, Вивиана разделяла одно из главных убеждений друидической веры: великим стихиям, создавшим вселенную, невозможно должным образом поклоняться в доме, построенном руками человека, равно как и вместить Бесконечность в создание рук человеческих. Так что зеркало Владычицы было не из бронзы и даже не из серебра.

Позади нее высились серые каменные стены древнего храма Солнца, выстроенного Сияющими, пришельцами с Атлантиды, много веков назад. Перед нею раскинулось огромное озеро в окружении высоких, колышущихся тростников, одетое туманом, что ныне окутывал остров Авалон даже в ясные дни. Но за Озером были еще озера и острова, все это вкупе называлось Летней страной. Вся она по большей части лежала под водой, эта земля болот и солончаков, но в разгар лета заводи и солоноватые озера пересыхали под солнцем и обнажалась земля; она быстро зарастала пышными травами, превращаясь в изобильные пастбища.

По чести говоря, здесь внутреннее море постепенно, год за годом, отступало, оставляя за собою сухую землю, в один прекрасный день весь этот край превратится в плодородные пахотные угодья... но только не Авалон. Авалон ныне был неизменно сокрыт от всех, кроме верных; для паломников, что стекались в монастырь, христианами называемый Гластонбери, Стеклянный град, храм Солнца оставался невидим, ибо принадлежал чужому, потустороннему миру; направляя Зрение в ту сторону, Вивиана различала тамошнюю церковь.

Владычица никогда не бывала в тех местах, хотя знала: церковь там стоит с незапамятных времен. Много веков назад — так рассказывал мерлин, и Вивиана ему верила, — с юга сюда пришла небольшая группа священников, жаждущих знания, и с ними — их пророк-назареянин; по легенде, здесь, в обители друидов, где некогда воздвигся храм Солнца, обучался сам Иисус — здесь он обрел всю свою мудрость. А несколько лет спустя — так гласит предание — их Иисус был принесен в жертву: так жизнь его повторила древнее таинство об умирающем и воскресающем Боге — таинство, что старше самой Британии; и один из его родичей возвратился сюда и воткнул посох в землю Священного холма, и посох превратился в терновый куст, и зацветает он не только вместе с обычным терновником в день середины лета, но и зимою, под снегом. А друиды, в память о кротком пророке, коего они знали и любили, дозволили Иосифу Аримафейскому

построить на Священном острове часовню и монастырь, посвященные их Богу, ибо все Боги суть единый Бог.

Но это все случилось в незапамятные времена. Какое-то время христиане и друиды жили бок о бок, поклоняясь Единому, но затем на Остров пришли римляне, и, хотя они славились терпимостью по отношению к местным божествам, на друидов они обрушились безжалостно, вырубили и сожгли их священные рощи и повсюду раструбили о том, что друиды якобы совершают человеческие жертвоприношения. Разумеется, на самом деле провинились они главным образом в том, что убеждали народ не признавать римских законов и римского мира. И тогда, призвав на помощь всю свою магию, дабы защитить и уберечь последнее прибежище своей школы, друиды произвели в мире последнюю из великих перемен и изъяли остров Авалон из мира людей. С тех пор он сокрыт в туманах и досягаем только для посвященных — тех, что прошли обучение на острове, или тех, кому показали тайные пути через Озеро. Племена знали про Авалон; там совершали они в новую веру свои обряды. Римляне, христиане со времен Константина, что разом обратил свои легионы под влиянием явленного ему в бою видения, считали, что друиды полностью истреблены Христом, и ведать не ведали, что несколько оставшихся друидов живут и учат древней мудрости на сокрытом острове.

При желании Вивиана, Верховная жрица Авалона, могла усиливать свой дар вдвое, распространяя его на многие мили. Захотев того, она различала башню, возведенную монахами на вершине Холма, горы Посвящения, башню эту построили в честь Михаила, одного из ангелов у иудеев, роль которого в древности сводилась к тому, чтобы держать в подчинении подземный мир демонов. Даже теперь это казалось Вивиане небывалым кощунством, но она утешалась мыслью о том, что все это происходит не в *ее* мире, если узколобые христиане предпочитают видеть в древних могущественных Богах демонов, что ж, им же хуже. Богиня жива и поныне, что бы уж ни думали о ней христиане. Вивиана сосредоточилась на своей миссии: ей предстояло заглянуть в магическое зеркало, пока в небе еще светит только что народившаяся луна.

Хотя было еще довольно светло, Владычица принесла с собою крохотный светильник, внутри которого подрагивал язычок пламени. Она развернулась спиной к тростникам и соленым болотам и зашагала в сторону большой земли по тропе, медленно пробираясь вдоль заросшего камышом берега, мимо древних прогнивших свай, — здесь, у кромки воды, в незапамятные времена местные жители возводили дома.

Мерцал огонек светильника, разгораясь все ярче и ярче по мере того, как сгущалась тьма, а над деревнями, еле различи-

мый, сиял чистый, тоненький серп девственной луны — точно серебряный торквес на шее Владычицы. Она шла древним путем процессий и шествий медленно и неспешно — ибо, хотя силы и бодрость ее еще не иссякли, она была уже немолода, — и наконец впереди блеснула зеркальная заводь в окружении бесконечно древних стоячих камней.

Прозрачная вода отражала лунный свет, Владычица наклонилась — и гладь озерца вспыхнула пламенем, поймав отблеск светильника. Вивиана зачерпнула воды рукою и напилась; погружать в заводь что-либо, сработанное руками человека, строжайше запрещалось, хотя выше, там, где бурлил источник, паломники набирали воду в бутыли и кувшины, дабы унести с собой. Она отведала чистой, с металлическим привкусом воды и, как всегда, преисполнилась благоговения: этот ключ бил от сотворения мира и вовеки не иссякнет, щедрый, волшебный, открытый всем и каждому. Воистину, такой источник — не иначе как дар Великой Богини. Вивиана опустилась на колени и подняла лицо к хрупкому серпу в небесах.

Чувство, что охватывало ее каждый раз с тех самых пор, как она пришла сюда впервые, послушницей Дома дев, накатило и схлынуло, и Вивиана вернулась к своей миссии. Поставила светильник на плоский камень у кромки зеркальной заводи, так, чтобы свет, как и серп луны, отражался в воде. Здесь — все четыре стихии: огонь светильника, вода, от которой она отпила, земля, на которой она стоит; Вивиана призвала силы воздуха, и, как всегда во время заклинания, по поверхности под порывом ветерка пробежала легкая рябь.

Она посидела немного, погрузившись в мысли. И наконец составила для себя вопрос, с которым ей предстояло обратиться к магическому зеркалу:

«Как складывается судьба Британии? Благополучны ли сестра моя, и ее дочь, рожденная жрицей, и сын моей сестры, в ком воплощена надежда Британии?»

В первое мгновение, когда ветер всколыхнул поверхность зеркальной заводи, Вивиана видела лишь спутанные, текучие образы — это отражения ее мыслей или дрожит водная гладь? Вода колыхалась, взгляд различал обрывочные видения битв; в воздухе реет Утерово драконье знамя, воины Племен сражаются на стороне Верховного короля. Вот Игрейна в королевских одеждах, увенчанная короной, такой Вивиана видела ее наяву. А в следующий миг сердце ее неистово забилось в груди: полыхнул свет, и глазам ее предстала плачущая Моргейна; и тут же вторая ужасающая вспышка Зрения явила ей образ светловолосого мальчугана, что недвижно лежал без сознания — он мертв или жив?

И тут луна скрылась в тумане, видения растаяли, и сколько

бы Вивиана ни пыталась, ей не удалось вернуть ничего, кроме дразнящих, насмешливых отблесков: Моргауза качает на руках второго сына, Лот и Утер расхаживают взад-вперед по огромному залу, перебрасываясь гневными словами, а вот и сбивчивые обрывки воспоминаний об умирающем ребенке. Но случилось ли это все наяву или это — лишь предостережения касательно событий будущего?

Закусив губу, Вивиана наклонилась и подобрала зеркальце. Вылила оставшиеся капли чистого масла на воду — масло, зажженное во имя Зрения, не след использовать после в мирских целях — и едва ли не бегом устремилась в сгущающейся тьме по пути процессий назад в обитель жриц.

Едва оказавшись там, Вивиана призвала к себе прислужницу.

— Приготовь все к отъезду, я отправляюсь в путь на рассвете, — приказала она. — И пусть моя послушница знает: ей проводить обряд в полнолуние, ибо раньше, чем луна прибудет еще на день, мне должно быть в Каэрлеоне. Пошли известить мерлина.

Глава 10

Ехали они главным образом на рассвете, днем укрывались где-нибудь и продолжали путь в сумерках. На тот момент в тамошних краях царил мир: война бушевала дальше, на востоке. Однако случайные мародерствующие шайки северян и саксов то и дело нападали на деревни или отдельно стоящие небольшие замки. Вот и путешественники, при отсутствии вооруженного эскорта, передвигались с опаской и никому не доверяли.

Вивиана отчасти ожидала, что застанет Утеров двор обезлюдевшим, обнаружит там лишь женщин, детей и тех, кто не способен сражаться, однако она издалека заприметила развевающееся драконье знамя: значит, король не в отлучке. Владычица поджала губы: друидов Священного острова Утер не особо жаловал и доверять им не доверял. Однако ж не кто иной, как она возвела на трон этого человека, внушавшего ей лишь неприязнь, поскольку лучшего вождя на острове не сыскалось бы, — и теперь ей придется как-то находить с ним общий язык. По крайней мере Утер — не настолько ревностный христианин, чтобы задаться целью искоренить все прочие религии. *«Лучше пусть в королях числится нечестивец, нежели религиозный фанатик»*, — думала про себя она.

С тех пор как она гостила при Утеровом дворе в последний раз, укрепленная стена значительно выросла, теперь на ней расставили часовых, и отряд ее тут же окликнули. Вивиана загодя предупредила сопровождающих, чтобы те не называли ее титулов, но лишь сообщили, что приехала сестра королевы. На по-

чести, причитающиеся Владычице Авалона, времени не было, ее нынешняя миссия не допускала промедления.

Их провели через поросший травой двор, вокруг царила свойственная для обнесенной стеною крепости суматоха. Откуда-то доносился звон молота о наковальню, не то из оружейни, не то из кузницы. Пастушки в грубых кожаных туниках загоняли скот на ночь. Вивиана, распознав приготовления к осаде, чуть приподняла брови.

Лишь несколько лет назад Игрейна сама выбежала ей навстречу во двор Тинтагеля. Теперь же к ней вышел представительный, пышно разодетый, однорукий дворецкий — вне всякого сомнения, ветеран Утерова войска; он приветствовал гостью торжественным поклоном и повел в верхние покои.

— Прошу прощения, госпожа, — проговорил он. — У нас тут жилых помещений — раз-два, и обчелся. Тебе придется разделять эту комнату с двумя дамами королевы.

— Сочту за честь, — церемонно отозвалась она.

— Я пришлю к тебе прислужницу, она позаботится обо всем, что тебе нужно, скажи лишь слово.

— Все, что мне нужно, — заверила Вивиана, — это немного воды для умывания, и еще я желала бы знать, когда смогу увидеться с сестрой.

— Госпожа, я уверен, королева примет тебя в должный срок...

— Стало быть, Утер вздумал разводить церемонии на манер цезарей? Послушай, друг, я — Владычица Авалона, и ждать я не привыкла. Но ежели Игрейна ныне возвысилась до недосягаемых высот, тогда я прошу прислать ко мне леди Моргейну, да побыстрее!

Однорукий ветеран отпрянул, однако ж, когда он заговорил вновь, голос его звучал менее чопорно и более человечно:

— Госпожа, я уверен, королева охотно примет и безотлагательно, но ты прибыла в недобрый час, ибо все мы в тревоге и горе. Не далее как нынче утром молодой принц Гвидион упал с коня, на которого ему и садиться-то не полагалось, и королева ни на миг не отходит от его постели.

«Клянусь Богиней! Значит, я опоздала!» — прошептала про себя Вивиана. А вслух промолвила:

— Так немедленно отведи меня к ним. Я искусна в науке целительства, Игрейна непременно послала бы за мною, знай она, что я здесь.

Дворецкий поклонился:

— Сюда, госпожа.

Поспешая вслед за ним, Вивиана осознала, что не успела даже снять плащ и мужские штаны для верховой езды, а она-то рассчитывала явиться в ореоле величия Авалона! Ну да ладно, сейчас не до церемоний.

У дверей дворецкий замешкался.

— Потревожить королеву — для меня все равно что сразу с головой распрощаться. Она даже дамам своим не дозволяет принести ей еды и питья...

Вивиана толкнула тяжелую дверь и вошла. Внутри царила мертвая, жутковатая тишина, все равно что в комнате покойного. Игрейна, бледная, осунувшаяся, под смятым покрывалом, стояла на коленях у кровати недвижно, точно каменное изваяние. Облаченный в черное священник застыл в изголовье, бормоча под нос молитвы. Гостья ступала почти бесшумно, но Игрейна все-таки услышала.

— Да как ты смеешь... — яростно прошептала она и тут же умолкла на полуслове. — Вивиана! Тебя, никак, прислал ко мне сам Господь!

— Мне было предостережение, что я тебе понадоблюсь, — промолвила Вивиана, понимая, что рассуждать о магических видениях не время. — Нет, Игрейна, рыданиями горю не поможешь, — добавила она. — Дай-ка, я осмотрю его и скажу, насколько все серьезно.

— Королевский лекарь...

— ...Надо думать, старый дурень смыслит разве что в снадобьях из козьего навоза, — невозмутимо отозвалась Вивиана. — А я исцеляла такого рода увечья, когда ты еще из свивальников не вышла, Игрейна. Пусти меня к ребенку.

Прежде Вивиана видела Утерова сына только раз и то мельком, в ту пору ему было около трех лет от роду, и он ровным счетом ничем не отличался от любого другого светлокудрого, синеглазого малыша. Теперь он изрядно вытянулся — необыкновенно высок для своего возраста, худые, однако мускулистые руки и ноги все исцарапаны шиповником и ежевикой, как это водится у подвижных, непоседливых мальчишек. Вивиана откинула покрывала — на маленьком тельце красовались огромные багровые синяки.

— Он кашлял кровью?

— Совсем нет. Кровь выступила на губах, там, где зуб был выбит, ну да он все равно шатался.

Вивиана и сама различала поврежденную губу и дырку между зубами там, где ей быть не полагалось. Вот синяк на виске выглядел куда более зловеще, и на мгновение Вивиану охватил настоящий страх. Неужто все их замыслы пошли прахом?

Миниатюрными пальцами она ощупала голову. Дотронулась до синяка — и мальчуган непроизвольно дернулся, лучшего признака не стоило и желать. Если бы внутри черепа образовалось кровотечение, к этому времени мальчик впал бы в бессознательное состояние и боли уже не чувствовал бы. Вивиана с силой ущипнула его за бедро, и тот захныкал во сне.

— Ты делаешь ему больно! — запротестовала Игрейна.

— Вовсе нет, — возразила Вивиана. — Я просто пытаюсь выяснить, выживет он или умрет. И, поверь мне, он выживет. — Она осторожно похлопала мальчика по щеке, и тот на мгновение приоткрыл глаза.

— Принесите мне свечу, — потребовала Владычица и медленно поводила ею взад-вперед. Мальчик проследил за огоньком глазами, но тут же вновь зажмурился и всхлипнул от боли.

Вивиана встала.

— Обеспечьте ему тишину и покой, и пусть день-два не ест твердой пищи, ему можно только воду или суп. И не размачивайте хлеб в вине, только в молоке или в бульоне. Не пройдет и трех дней, как он опять будет носиться по всему замку.

— Откуда ты знаешь? — осведомился священник.

— Как это откуда? Я обучена целительству.

— Ты, часом, не колдунья с острова Ведьм?

Вивиана негромко рассмеялась:

— Никоим образом, отец. Я — просто женщина, что, подобно тебе, посвятила жизнь постижению святынь, и Господь в милости своей наделил меня искусством врачевания. — При желании она вполне могла обратить язык и слог церковников против них же самих, ведь в отличие от них она-то знала: Бог, которому оба они поклоняются, более велик и благ, нежели все священство, вместе взятое.

— Игрейна, мне надо поговорить с тобой. Пойдем...

— Когда он очнется, я должна быть рядом, он меня хватится...

— Чепуха, пошли к нему няньку. Дело очень важное.

Игрейна одарила ее негодующим взглядом.

— Позови Изотту, пусть покараулит у постели, — приказала она прислужнице и, гневно насупившись, вышла в залу вслед за гостьей.

— Игрейна, как это случилось?

— В точности не скажу... говорят, вздумал прокатиться на отцовском жеребце... я просто в растерянности. Знаю лишь, что его принесли без сознания, точно мертвого...

— И не мертв он лишь по счастливой случайности, — неумолимо отрезала Вивиана. — Вот как, значит, Утер оберегает своего единственного сына?

— Вивиана, не упрекай меня... Я все пытаюсь подарить ему детей... — Голос Игрейны дрогнул. — Думается мне, это моя кара за прелюбодеяние... что я не могу родить Утеру еще одного сына...

— Ты что, Игрейна, ума лишилась? — вспыхнула Вивиана и тут же одернула себя. Несправедливо попрекать сестру, когда та совсем извелась, глаз не смыкая у постели раненого ребенка. — Я пришла, потому что предвидела: тебе или мальчику угрожает

опасность. Но об этом мы потолкуем позже. Позови своих женщин, переоденься... когда ты в последний раз ела? — проницательно осведомилась гостья.

— Не помню... кажется, немного хлеба и вина вчера вечером...

— Так кликни служанок и подкрепись, — нетерпеливо бросила Вивиана. — Я вся в пыли, даже в порядок себя привести еще не успела. Пойду, смою с себя дорожную грязь, оденусь так, как подобает знатной даме в пределах замковых стен, а уж тогда и побеседуем.

— Вивиана, ты на меня сердишься?

Вивиана потрепала сестру по плечу.

— Я сержусь — если это и впрямь называется «сердиться» — лишь на произвол судьбы, а это с моей стороны страх как неумно. Ступай переоденься, Игрейна, и поешь малость. На сей раз с ребенком все обошлось.

В ее собственных покоях уже горел огонь, а на табуреточке перед очагом сидела низкорослая женщина в платье таком темном и непритязательном, что в первое мгновение Вивиана приняла ее за служанку. Но тут же разглядела, что простого покроя платье сшито из дорогой ткани, а покрывало из тонкого льняного полотна украшено прихотливой вышивкой, и узнала дочь Игрейны.

— Моргейна! — воскликнула Владычица, целуя девочку. Та заметно подросла и уже почти сравнялась ростом с Вивианой. — Ну надо же, я представляла тебя ребенком, а ты уже совсем взрослая...

— Я прослышала о твоем приезде, тетя, и пришла поприветствовать тебя, но мне сказали, ты прямо с дороги отправилась к брату. Как он, госпожа?

— Он весь в синяках, и досталось ему преизрядно, но мальчик быстро поправится, и лекарство ему требуется одно: покой, — заверила Вивиана. — Когда он очнется, мне придется как-нибудь убедить Игрейну с Утером, чтобы лекарей с их глупыми снадобьями от него держали подальше, если больного затошнит, ему станет хуже. От твоей матери я ничего не добилась, кроме слез и стенаний. Может, ты мне расскажешь, как все случилось? Неужто здесь, в замке, и присмотреть толком за ребенком не могут?

Моргейна сцепила тонкие пальчики.

— Не знаю в точности, как все вышло. Братец — храбрый мальчуган и вечно требует себе лошадей, которые для него слишком резвы и сильны, но Утер распорядился, чтобы мальчик выезжал не иначе, как в сопровождении конюха. А сегодня его пони охромел, и братец попросил другого коня, но как он оказался на Утеровом жеребце, никому не ведомо; все конюхи от-

лично знают, что к Грому его и близко подпускать нельзя; и все хором уверяют, что ничего не видели. Утер поклялся, что вздернет конюха, допустившего такое, но парень, надо думать, уж позаботился, чтобы между ним и Утером оказалась по меньшей мере река. И однако ж, говорят, будто Гвидион утвердился на спине Грома намертво, точно овца в терновом кусту, но тут кто-то выпустил на пути жеребца кобылу в течке, кто это сделал, мы, конечно же, тоже не знаем. И разумеется, жеребец со всех ног бросился к кобыле, а братец скатился на землю, не успев и глазом моргнуть! — Лицо ее, миниатюрное, смуглое, простенькое, исказилось от горя. — Он правда выживет?

— Правда.

— А Утера уже известили? Мама и священники сказали, у постели больного ему делать нечего.

— Наверняка Игрейна обо всем позаботилась.

— Наверняка, — подтвердила Моргейна, и на губах ее промелькнула циничная улыбка. От взгляда Вивианы это не укрылось. По всей видимости, Моргейна не питает к Утеру особой любви и не слишком-то высокого мнения о матери за то, что та обожает мужа. Однако Моргейна достаточно сознательна, чтобы вспомнить: Утера необходимо известить о состоянии сына. Незаурядная девочка, что и говорить.

— А сколько тебе исполнилось, Моргейна? Годы летят так быстро, я уже на старости лет и не упомню.

— К середине лета мне будет одиннадцать.

«*Достаточно взрослая, чтобы начать обучение среди жриц*», — подумала про себя Вивиана. Она опустила взгляд и осознала, что на ней до сих пор пропыленные дорожные одежды.

— Моргейна, ты не попросишь, чтобы мне принесли воды для умывания, и не пришлешь ли кого-нибудь из прислужниц помочь мне облачиться в подобающий наряд, чтобы предстать перед королем и королевой?

— За водой я уже послала, вот она, в котле у огня, — сообщила Моргейна и, помявшись, застенчиво добавила: — Я сочту за честь сама прислуживать тебе, госпожа.

— Как хочешь. — С позволения Вивианы девочка помогла ей снять с себя верхнюю одежду и смыть дорожную пыль. Седельные вьюки уже принесли, Владычица облеклась в зеленое платье, и Моргейна восхищенно потрогала пальчиком ткань.

— Отменный зеленый цвет. Наши женщины такую замечательную краску не готовят. Скажи, а из чего ее делают?

— Да просто из вайды.

— А я думала, вайда дает только синие тона.

— Нет. Эту краску делают иначе: варят до загустения... я потом расскажу тебе про красители, если тебе интересны травы и

их свойства, — пообещала Вивиана. — А сейчас есть дела поважнее. Расскажи мне, твой брат склонен к такого рода выходкам?

— Вообще-то нет. Он силен и храбр, но обычно вполне послушен, — отозвалась Моргейна. — Однажды кто-то вздумал насмехаться над ним, дескать, вместо коня у него — крошка-пони; и он сказал, что со временем станет воином, а первый долг солдата — повиноваться приказам, отец же запретил ему садиться на коня, который ему, Гвидиону, не по силам. Так что в толк взять не могу, как это он оказался верхом на Громе. И все-таки мальчик не пострадал бы, если...

Вивиана кивнула.

— Хотелось бы мне знать, кто выпустил ту кобылу и зачем.

Глаза Моргейны расширились: она поняла, куда клонит собеседница. Не сводя с девочки глаз, Вивиана промолвила:

— Подумай хорошенько. Случалось ли ему до того чудом избежать смерти, Моргейна?

Девочка замялась.

— Братец переболел летней лихорадкой... но в прошлом году всем детям пришлось несладко. Утер сказал, не надо было отпускать его играть с детьми пастуха. Думаю, Гвидион от них заразился — четверо из них умерли. А потом еще был случай, когда он отравился...

— Отравился?

— Изотта — а я доверю ей собственную жизнь, госпожа, — клянется и божится, что клала в его еду только полезные травы. Однако тошнило его так, точно в кашу подбросили бледную поганку. Но как такое может быть? Изотта умеет отличить съедобные растения от ядовитых, а ведь она еще не стара, и зрение ее не подводит. — И вновь глаза Моргейны расширились. — Леди Вивиана, ты думаешь, кто-то покушается на жизнь моего брата?

Вивиана привлекла к себе девочку и заставила присесть рядом.

— Мне было предостережение, потому я и приехала. Я еще не вопрошала, откуда исходит опасность, времени недостало. А ты еще владеешь Зрением, Моргейна? Когда мы беседовали с тобою в последний раз, ты сказала...

Девочка покраснела и уставилась на носки башмачков.

— Ты запретила мне упоминать об этом. А Игрейна говорит, мне следует сосредоточиться на настоящем и осязаемом, а не на пустых грезах, так что я пыталась...

— Здесь Игрейна права: не следует всуе рассказывать о подобных вещах тем, что рождены лишь однажды, — подтвердила Вивиана. — Но со мной можешь всегда говорить свободно и откровенно, обещаю тебе. Мое Зрение показывает мне только то, что имеет отношение к безопасности Священного острова и бытию Авалона, но сын Утера — твой сводный брат, и благодаря

этим узам твое Зрение отыщет его и сумеет подсказать, кто злоумышляет против мальчика. Господь свидетель, у Утера врагов довольно.

— Но я не умею пользоваться Зрением.

— Я научу тебя, если хочешь, — промолвила Вивиана.

Девочка подняла взгляд: в напряженном лице ее читался страх.

— Утер запретил при своем дворе всякое колдовство и чародейство.

— Утер не господин мне, — медленно выговорила Вивиана, — а решать за другого, что правильно, а что — нет, никто не вправе. Однако ж... ты считаешь, в глазах Господа грешно попытаться узнать, не покушается ли кто-либо на жизнь твоего брата или это просто цепь несчастливых случайностей?

— Нет, думаю, зла в том нет, — неуверенно протянула Моргейна. Она умолкла, сглотнула и наконец закончила: — И еще я думаю, ты никогда не станешь учить меня тому, что дурно, тетя.

Сердце Вивианы сжалось от внезапной боли. Что она такое сделала, чтобы заслужить подобное доверие? Как ей отчаянно хотелось, чтобы эта хрупкая серьезная девочка приходилась ей родной дочерью, той дочерью, что она должна была подарить Священному острову, да так и не родила! Даже отважившись на позднюю беременность, которая едва не привела к ее смерти, она производила на свет только сыновей. Но вот и преемница, посланная ей Богиней: девочка приходится ей кровной родней, обладает Зрением и смотрит на нее с безграничным доверием. На мгновение Вивиана словно утратила дар речи.

«Готова ли я обойтись жестоко и с этой девочкой? Смогу ли я наставлять ее со всей беспощадностью или любовь умерит во мне суровость, без которой невозможно выучить Верховную жрицу?

Могу ли я воспользоваться ее любовью ко мне, которую никоим образом не заслужила, чтобы привести девочку к ногам Богини?»

Но благодаря многолетней выучке Вивиана выждала, пока голос ее не зазвучал отчетливо и вполне ровно.

— Да будет так. Принеси мне серебряную или бронзовую чашу, отмытую дочиста, с песком, и налей в нее свежей дождевой воды, но только не колодезной. И смотри, после того, как наполнишь чашу, не заговаривай ни с мужчиной, ни с женщиной.

Устроившись у огня, Вивиана невозмутимо ждала. Наконец Моргейна возвратилась.

— Мне пришлось самой ее начищать, — объяснила девочка. Чаша в ее руках сияла блеском, до краев полная прозрачной воды.

— А теперь, Моргейна, распусти волосы.

Девочка недоуменно подняла глаза.

— Никаких вопросов, — проговорила Вивиана негромко и строго.

Моргейна вытащила костяную шпильку, и длинные ее локоны рассыпались по плечам — темные, жесткие, безупречно прямые.

— Теперь, если на тебе есть украшения, сними их и сложи вон туда, подальше от чаши.

Моргейна стянула с пальца два тоненьких золоченых колечка и отстегнула брошь, скрепляющую платье. Ткань соскользнула с плеч; не говоря ни слова, Вивиана помогла девочке снять верхнюю одежду, так что та осталась лишь в нательной рубашке. Затем жрица развязала мешочек, что носила на шее, и извлекла щепотку измельченных трав. По комнате поплыл сладковато-затхлый аромат. Вивиана бросила в воду лишь несколько крупинок и тихо и бесстрастно произнесла:

— Посмотри на воду, Моргейна. Отрешись мыслями от всего и скажи мне, что ты видишь.

Моргейна преклонила колени перед чашей и внимательно вгляделась в зеркально-прозрачную гладь. В комнате царила тишина — тишина столь глубокая, что Вивиана слышала, как снаружи стрекочет кузнечик. И тут Моргейна заговорила — бессвязно, точно в бреду:

— Я вижу ладью. Она убрана черной тканью, в ней четыре женщины... четыре королевы, потому что они в коронах... а одна из них — ты... или я?

— Это ладья Авалона, — тихо подсказала Вивиана. — Я знаю, что ты видишь. — Она легонько провела рукою над поверхностью воды, всколыхнув легкую рябь. — Смотри еще, Моргейна. И говори мне все.

На сей раз молчание затянулось. Наконец девочка вновь заговорила — с теми же самыми, незнакомыми, интонациями:

— Вижу оленей — огромное стадо оленей, и среди них — человек, тело его разрисовано краской... его венчают рогами... ох, он упал, они убьют его... — Голос ее дрогнул, и Вивиана вновь провела рукою над водой, и вновь по поверхности побежала рябь.

— Довольно, — приказала жрица. — Теперь смотри на брата.

И опять — тишина: невыносимо-долгая, затянувшаяся до бесконечности. Вивиана чувствовала, как все тело ее сводит судорогой от неподвижного сидения, но даже не шелохнулась: сказывались долгие годы обучения. Наконец Моргейна забормотала:

— Он лежит и не шевельнется... но он дышит, он скоро придет в себя. Я вижу маму... нет, это не мать, это моя тетя Моргауза, и с ней — все ее дети... все четверо... как странно, все они — в коронах... а вот еще один, у него в руках кинжал... отчего он так юн? Неужто это *ее* сын? Ох, он убьет его, он убьет его... нет,

нет! — Голос девочки сорвался на крик. Вивиана потрясла ее за плечо.

— Довольно, — проговорила жрица. — Просыпайся, Моргейна.

Девочка встряхнула головой: так потягивается проснувшийся щенок.

— Я что-нибудь видела? — полюбопытствовала она.

Вивиана кивнула.

— Когда-нибудь ты научишься видеть — и запоминать, — проговорила она. — А на сегодня довольно.

Вот теперь она вооружена и сумеет противостоять Утеру с Игрейной. Лот Оркнейский, насколько ей известно, человек чести и принес клятву поддерживать Утера. Но если Утер умрет, не оставив наследника... Моргауза уже родила двух сыновей, и, по всему судя, будут и другие... Моргейна увидела четверых, а маленького королевства Оркнейского на всех не хватит. Возмужав, братья того и гляди передерутся. А Моргауза... Вивиана вздохнула, вспоминая безудержное честолюбие Моргаузы. Если Утер умрет, не оставив наследника, тогда разумно предположить, что на трон взойдет Лот, женатый на родной сестре королевы. Лот станет Верховным королем, и сыновья Лота унаследуют королевсткий титул...

«Неужто Моргауза покусится на жизнь ребенка?»

Вивиане не хотелось думать так о девочке, которую она вскормила собственной грудью. Но Моргауза и Лот, эти два необузданных честолюбца, сведенные вместе!

Куда как просто подкупить конюха или подослать ко двору Утера своего человека, приказав ему по возможности чаще подстраивать так, чтобы жизнь ребенка оказалась в опасности. Обмануть бдительность преданной няньки, что верой и правдой служила еще матери мальчика, будет, конечно же, потруднее, однако няньку можно опоить зельем или просто угостить вином покрепче, чтобы та утратила зоркость и проморгала угрозу. И как бы ловко мальчик ни управлялся с лошадьми, у шестилетнего ребенка просто силенок не хватит удержать жеребца, почуявшего кобылу в течке.

«За одно-единственное мгновение все наши замыслы едва не пошли прахом...»

Выйдя к ужину, Вивиана обнаружила Утера восседающим на возвышении в одиночестве. Вассалы и слуги ели хлеб и окорок за нижним столом, в зале. Завидев ее, король поднялся на ноги и учтиво приветствовал гостью.

— Игрейна все еще с сыном, свояченица, я умолял ее пойти поспать, но она сказала, что отдохнет лишь тогда, когда мальчик очнется и ее узнает.

— С Игрейной я уже поговорила, Утер.

— Ах, да, она сказала мне, будто ты поручилось ей, что мальчик выживет. Разумно ли это? Если после этого он умрет...

Лицо Утера осунулось от тревоги. Он словно ни на день не постарел с тех пор, как женился на Игрейне; ну, конечно же, подумала про себя Вивиана, волосы у него такие светлые, что седину и не разглядишь. Он был роскошно разодет на римский манер и чисто выбрит, опять-таки по римскому обычаю. Короны он не носил, но руки его от локтя до плеча украшали два крученых браслета из чистого золота, а на груди переливалась богатая золотая гривна.

— На сей раз не умрет. Я в ранах головы кое-что смыслю. А что до телесных повреждений, так легкие не затронуты. Через день-другой он уже бегать будет.

Морщины на лице Утера отчасти разгладились.

— Если я только дознаюсь, кто выпустил кобылу... А мальчишку за то, что на Громе вздумал кататься, по-хорошему надо бы отлупить до потери сознания!

— Смысла нет. Мальчик уже поплатился за свое безрассудство и наверняка усвоил урок, если в таковом есть необходимость, — возразила Вивиана. — Однако надо бы тебе присматривать за сыном получше.

— Не могу же я сторожить его денно и нощно. — Вид у Утера был изможденный, глаза запали. — Я то и дело уезжаю на войну, а такого большого мальчишку к нянькиной юбке не привяжешь! А ведь это не первый случай — были и другие...

— Моргейна мне рассказала.

— Несчастье за несчастьем, право слово. Отец единственного сына обречен вечно уповать на милость судьбы: того и гляди беда нагрянет, — вздохнул Утер. — Но я позабыл об учтивости, родственница. Садись со мною рядом, кушай из моего блюда, если хочешь. Я знаю, Игрейна очень хотела послать за тобой, и я дозволил ей отправить гонца, но ты приехала куда быстрее, чем мы с ней предполагали... стало быть, это правда, что ведьмы Священных островов умеют летать?

Вивиана прыснула:

— Ах, если бы! Небось тогда б я не извела двух хороших пар башмаков в трясинах да топях! Увы, обитателям Авалона и даже самому мерлину приходится путешествовать пешком или верхом, в точности как простецам. — Жрица отломила себе пшеничного хлеба и зачерпнула масла из деревянной масленки. — Тебе ли, со змеями на запястьях, верить в старые сказки! Нас с Игрейной связывают узы крови. Игрейна — дочь моей матери, так что я знаю, когда у нее во мне нужда.

Утер поджал губы.

— Хватит с меня снов и чародейства! В жизни больше не стану иметь с ними дела.

Вивиана умолкла, именно на это и рассчитывал ее собеседник. Один из слуг положил ей соленой баранины, гостья с одобрением отозвалась о вареве из свежих трав, первых в этом году. Отведав немного того и другого, Владычица отложила нож и заговорила снова:

— Уж каким бы образом я здесь ни оказалась, Утер, привела меня сама судьба, это для меня знак, что твой сын оберегаем Богами, ибо он нужен миру.

— Этой судьбою я сыт по горло, — отозвался Утер. Голос его звучал напряженно. — Если ты и впрямь колдунья, свояченица, я молю тебя: дай Игрейне какой-нибудь талисман от бесплодия. Когда мы поженились, я думал, она подарит мне много детей, раз уж родила дочь старику Горлойсу, но у нас — только один сын, а ведь ему уже шесть.

«*Среди звезд начертано, что других сыновей у тебя не будет*». Но Вивиана не произнесла этого вслух. А вместо того сказала:

— Я поговорю с Игрейной, нужно убедиться, не скрытая ли болезнь не дает ей зачать дитя.

— О, зачинает она с легкостью, но вот носит не больше луны или двух, а тот единственный, которого она доносила до родов, истек кровью, когда ему перерезали пуповину, — мрачно сообщил Утер. — Впрочем, родился он уродом, так что, может, оно и к лучшему; но если бы ты дала ей какой-нибудь талисман, чтобы она произвела на свет здоровое дитя... сам не знаю, верю я в такие вещи или нет, но я готов ухватиться за соломинку!

— У меня нет таких талисманов, — ответила Вивиана, искренне жалея короля. — Я ведь не Великая Богиня, мне не дано даровать или отнимать детей; да я и не стала бы, кабы и могла. Не мне вмешиваться в то, что предрешено судьбой. А разве твой священник не втолковывает тебе то же самое?

— Ну да, отец Колумба разглагольствует о том, что надо, дескать, смиряться с Господней волей, но ведь священнику не вверено королевство, в котором воцарится хаос, если я умру, не оставив наследника, — возразил Утер. — Поверить не могу, что таково желание Господа!

— Чего желает Господь, никому из нас не ведомо, — промолвила Вивиана, — ни тебе, ни мне, ни даже отцу Колумбе. Но вот что я знаю доподлинно — и для того, чтобы это понять, не нужно ни магии, ни колдовства, — должно тебе беречь маленького сына, ибо он-то и взойдет на трон.

Утер поджал губы.

— Господь да не допустит такой судьбы, — проговорил он. — Я бы горевал вместе с Игрейной, умри ее сын, и за нее, и за себя, — он славный, многообещающий мальчуган, но наследником Верховного короля Британии он стать не может. Во всем королевстве, обойди его хоть вдоль и поперек, не найдется ни

одного человека, кто не знал бы, что мальчик был зачат, пока Игрейна еще оставалась женою Горлойса, и появился на свет месяцем раньше, чем должно, чтобы называться моим сыном. Да, родился он маленьким и тщедушным, это верно, правда и то, что младенцы порою выталкиваются из утробы до срока, но не могу же я разъезжать по королевству туда-сюда и рассказывать об этом всем и каждому, кто считает на пальцах, верно? Возмужав, он получит титул герцога Корнуольского, но что до Верховного короля — здесь я ни малейших надежд не питаю. Даже если он успеет вырасти, во что мне слабо верится, с его-то невезучестью.

— Он похож на тебя как две капли воды, — возразила Вивиана. — Ты думаешь, люди при дворе слепы?

— А как насчет тех, что при дворе отродясь не бывали? Нет, мне непременно нужно обзавестись наследником, рождение которого ничем не запятнано. Игрейна должна родить мне сына.

— Ну что ж, дай-то Господи, — отозвалась Вивиана. — Но не можешь же ты навязать свою волю Богу, равно как и допустить, чтобы Гвидион погиб ни за что, ни про что. Отчего бы тебе не отослать его в Тинтагель? Эта крепость стоит почитай что на краю света, а если ты поручишь воспитание мальчика кому-нибудь из числа самых твоих преданных вассалов, переезд Гвидиона туда убедит всех и каждого, что он — воистину сын Корнуолла и ты отнюдь не намерен передавать ему королевский титул. Возможно, тогда на жизнь его больше покушаться не станут.

Утер нахмурился.

— Жизнь его не будет в безопасности до тех самых пор, пока Игрейна не родит мне другого сына, — проговорил он, — даже если я отошлю его в Рим или в страну готов!

— А учитывая опасности дороги, это неразумно, — согласилась Вивиана. — Тогда я могу предложить вот что. Отправь его ко мне, пусть воспитывается на Авалоне. Путь туда закрыт всем, кроме верных, тех, кто служит Священному острову. Моему младшему сыну уже семь, но вскорости его отошлют к королю Бану в Малую Британию, дабы он воспитывался там, как подобает отпрыску знатного рода. У Бана есть и другие сыновья, так что Галахад ему не наследник, однако Бан признаёт его, наделил землями и замками и хочет видеть его при своем дворе сперва пажом, а потом, когда мальчик возмужает, то и воином. На Авалоне твой сын постигнет все то, что ему необходимо знать об истории этой страны и о своем предназначении... и о судьбе Британии. Утер, никто из твоих врагов ведать не ведает, где находится Авалон, так что мальчику там ничего не угрожает.

— Да, он там будет в безопасности. Но в силу практических соображений это невозможно. Моему сыну должно воспитываться как христианину, церковь обладает немалой властью. Священники никогда не признают короля, который...

— А мне казалось, ты только что говорил, будто мальчик никак не может унаследовать твой титул, — сухо отозвалась Вивиана.

— Ну, вероятность все-таки есть, — в отчаянии выговорил Утер, — если у Игрейны других сыновей так и не родится. Если мальчик будет воспитываться у друидов, среди всей этой магии... священники сочтут это злом.

— Ты и меня считаешь средоточием зла, Утер? И мерлина? — Вивиана поглядела прямо в глаза собеседнику, и Утер смущенно отвернулся.

— Нет. Конечно же, нет.

— Так почему бы не поручить сына Игрейны мудрому мерлину и мне, Утер?

— Потому что и я тоже не доверяю магии Авалона, — наконец признался Утер. Он нервно провел пальцем по вытатуированным на руках змеям. — Я на этом вашем острове такого насмотрелся, от чего доброму христианину впору побледнеть как полотно... А к тому времени, как сын мой вырастет, весь остров окажется в руках христиан. Так что королю и не понадобится иметь дела со всем этим чародейством.

Вивиана с трудом сдержала закипающий гнев.

«*Глупец, это мы с мерлином возвели тебя на трон, а вовсе не твои христианские священники и епископы*». Но что толку спорить с Утером?

— Поступай так, как подсказывает тебе собственная совесть, Утер. Но заклинаю тебя: отправь мальчика куда-нибудь, так, чтобы местопребывание его осталось в тайне. Объяви по стране, что ты отсылаешь от себя сына, дабы он взрастал в неизвестности, вдали от льстивых придворных — это дело обычное, — и пусть люди думают, будто мальчик едет в Малую Британию, ведь при дворе Бана живут его двоюродные братья. А сам отдай его на воспитание какому-нибудь из вассалов победнее — скажем, кому-нибудь из прежнего окружения Амброзия, Уриенсу там или Экторию, тому, что понезаметнее и понадежнее.

Утер медленно кивнул.

— Игрейне тяжко будет расставаться с ребенком, — проговорил он, — но принцу должно получить воспитание, подобающее его высокой участи, и преуспеть в военных искусствах. Я даже тебе не открою, свояченица, куда его отошлю.

Вивиана улыбнулась про себя: «*Ты и в самом деле думаешь, что сохранишь это от меня в тайне, Утер, ежели я пожелаю узнать, где мальчик?*» Но вслух она этого благоразумно не произнесла.

— Есть у меня к тебе еще одна просьба, зять, — промолвила она. — Отдай мне Моргейну, пусть девочка воспитывается на Авалоне.

Мгновение Утер изумленно глядел на собеседницу, а затем покачал головой:

— Невозможно.

— Для Верховного короля нет ничего невозможного, разве не так, Пендрагон?

— Для Моргейны есть только два пути, — отозвался Утер. — Она выйдет замуж за человека, безоговорочно мне преданного; за того, кому я могу доверять. Или, если я не подыщу ей в мужья союзника настолько сильного, ее ждет монастырь и постриг. Не нужно мне в королевстве никакого корнуольского лагеря!

— Девочка недостаточно благочестива, сдается мне, хорошей монахини из нее не выйдет.

Утер пожал плечами:

— Я дам ей такое приданое, что в любом монастыре ее с распростертыми объятиями примут.

Вивиана вспыхнула от гнева.

— Как думаешь, долго ли ты удержишь свое королевство без благоволения Племен, а, Утер? — осведомилась она, неотрывно глядя на собеседника. — Племенам дела нет до твоего Христа и до твоей религии. Они покорны Авалону, когда вот их... — Жрица коснулась пальцем вытатуированных змей, вздрогнув, Утер отпрянул, но Владычица неумолимо продолжала: — Когда вот их нанесли на твои руки, Племена поклялись повиноваться Пендрагону. Если Авалон лишит тебя поддержки... мы высоко вознесли тебя, Утер, — тем ниже тебе падать.

— Громкие слова, леди. Но исполнишь ли ты угрозу? — отпарировал Утер. — Пойдешь ли ты на такое ради девчонки и в придачу дочери Корнуолла?

— Хочешь проверить? — Вивиана, не дрогнув, глядела в лицо короля, и на сей раз Утер не отвел глаз: он достаточно разозлился, чтобы выдержать ее взор. «*Великая Богиня!* — подумала про себя жрица. — *Будь я десятью годами моложе, о, как бы мы с ним правили — я и он!*» За всю свою жизнь она знала лишь одного-двух мужчин, равных ей по силе, но Утер — о, этот противник достоин ее стального закала! А как же иначе; ведь его долг — не дать распасться королевству до тех пор, пока не возмужает суженный король! И она не поставит под угрозу единство Британии — даже ради Моргейны. Но, может быть, Утера удастся урезонить?

— Утер, послушай меня. Девочка обладает Зрением, это у нее врожденное. От Незримого ей не укрыться; Незримое настигнет ее, куда бы она ни пошла, а играя с такими вещами, она навлечет на себя всеобщую нелюбовь; ее станут боятся и призирать точно ведьму. Хочешь ли ты такой участи для принцессы при твоем дворе?

— Ты сомневаешься, что Игрейна способна воспитать свою

дочь, как подобает христианке? В самом худшем случае, запертая в стенах монастыря, она вреда не причинит.

— Нет! — воскликнула Вивиана, да так громко, что сидящие за нижним столом подняли головы и удивленно воззрились на нее. — Утер, девочка рождена жрицей. Запри ее в монастыре, и она зачахнет, точно поморник в клетке! Ты обречешь дитя Игрейны на смерть или на жизнь, исполненную страдания и безысходности? А я уверена — я говорила с девочкой, — что там она наложит на себя руки.

Вивиана видела, что этот последний довод не оставил Утера равнодушным, и заговорила еще убежденнее, еще горячее:

— Это у нее в крови. Так пусть обучается должным образом, пусть разовьет свои таланты. Утер, она что, настолько здесь счастлива или так уж украшает твой двор, что тебе жаль с ней расстаться?

Король медленно покачал головой.

— Я пытался полюбить ее ради Игрейны. Но она... странная, — промолвил он. — Моргауза, бывало, дразнила ее — она, дескать, из народа фэйри; и, не знай я ее родителей, я бы и сам в это поверил.

Вивиана принужденно улыбнулась:

— Верно. Она такая же, как я и как наша мать. Моргейна не предназначена для монастыря и церковного звона.

— Но как же я отберу у Игрейны обоих детей сразу? — в отчаянии вопросил Утер. Сердце Вивианы сжалось от боли и смутного чувства вины, но она покачала головой.

— Игрейна тоже рождена жрицей. Она смирится со своей судьбой, как ты, Утер, смиряешься со своей. А ежели ты опасаешься гнева своего исповедника, — проницательно предположила она и в глазах собеседника прочла, что не ошиблась, — так не рассказывай никому, куда ты ее отправляешь. Пусти слух, если хочешь, что отослал ее обучаться в женскую обитель. Она слишком мудра и серьезна для придворной жизни с ее вздорными любовными интрижками и женскими сплетнями. А Игрейна, зная, что дети ее в безопасности, счастливы и растут, готовясь к тому, что им суждено, будет довольна, пока у нее есть ты.

Утер наклонил голову.

— Да будет так, — отозвался он. — Мальчику отныне воспитываться у моего самого верного и самого неприметного из вассалов. Но как мне отослать его туда так, чтобы никто о том не дознался? Разве опасность не устремится за ним по пятам?

— Отошли его тайными путями, под покровом чар, как ты сам некогда приехал в Тинтагель, — посоветовала Вивиана. — Мне ты не доверяешь, но доверишься ли мерлину?

— Мерлину я доверил бы собственную жизнь, — отозвался Утер. — Хорошо, пусть мерлин возьмет мальчика. А Моргейна,

значит, поедет на Авалон. — Король спрятал лицо в ладонях, точно изнывая под непосильным бременем. — Ты мудра, — проговорил он и поднял голову, во взгляде его читалась неприкрытая ненависть. — Проклятие, была б ты глупая, вздорная женщина, которую я мог бы презирать!

— Если твои священники не лгут, — невозмутимо отозвалась Вивиана, — я уже и без того проклята на веки веков, так что не трать слов даром.

Глава 11

Солнце уже садилось, когда впереди показалось Озеро. Вивиана развернулась на своем пони и глянула на Моргейну, ехавшую чуть позади. Лицо девочки осунулось от усталости и голода, но она ни разу не пожаловалась, и Вивиана, намеренно задавшая тяжкий темп, чтобы испытать ее стойкость, удовлетворенно вздохнула. Жизнь жрицы Авалона нелегка. Владычице необходимо было выяснить, сможет ли Моргейна вынести непосильные тяготы и лишения. Теперь Вивиана натянула поводья, и девочка поравнялась с ней.

— Вот и Озеро, — объявила Владычица. — Очень скоро мы окажемся под крышей, где нас ждет огонь, снедь и питье.

— Всем трем я порадуюсь, — отозвалась Моргейна.

— Ты устала, Моргейна?

— Немножко, — застенчиво призналась она. — Но мне жаль, что путешествие вот-вот закончится. Я люблю смотреть на все новое, а прежде я нигде не бывала.

У кромки воды кони встали. Вивиана попыталась представить себе знакомый берег так, как его видит чужой: пасмурные серые воды, высокие тростники у края, безмолвные, низкие тучи, в воде — пучки водорослей. Вокруг царила тишина, и Вивиана отчетливо слышала мысли девочки: «*Здесь так одиноко, темно и уныло*».

— А как мы попадем на Авалон? Моста-то здесь нет... нам ведь не придется переправляться вплавь вместе с лошадьми? — спросила Моргейна. Вивиана, вспомнив, как именно это они и проделали у брода, где река вздулась из-за весенних дождей, поспешила успокоить девочку:

— Нет, я позову ладью.

Вивиана закрыла ладонями лицо, отгораживаясь от ненужных картин и звуков, и над Озером полетел беззвучный зов. Спустя несколько мгновений на тускло-серой глади появилась ладья с низкими бортами. В одной части задрапированная черно-серебряной тканью, она скользила по воде так неслышно, словно летела, едва касаясь поверхности, как озерная птица. Ти-

шину не нарушал плеск весел, но, когда ладья подошла ближе, Вивиана с Моргейной разглядели немых гребцов: их весла входили в воду совершенно беззвучно, не поднимая брызг. Смуглые, низкорослые, они были полуобнажены, тела их покрывала татуировка — магические узоры, наколотые синей вайдой. Глаза Моргейны изумленно расширились, но девочка не произнесла ни слова. От внимания Вивианы это не укрылось.

«*Она принимает все чересчур спокойно*, — подумала Вивиана. — *Девочка слишком юна и не видит таинства в том, что мы делаем, каким-то образом мне придется заставить ее осознать чудо происходящего*».

Безмолвные гребцы пристали к берегу и зачалили ладью при помощи причудливо сплетенной из тростника веревки. Вивиана знаком велела девочке спешиться, и лошадей завели на борт. Один из покрытых татуировкой гребцов протянул Моргейне руку, помогая подняться в ладью, и девочка почти ожидала, что ладонь окажется неосязаемой, этаким бесплотным видением вроде ладьи; но нет, рука была мозолистой и твердой, точно ороговевшей. Вивиана поднялась последней и встала на носу, и ладья медленно и неслышно отошла от берега.

Впереди вырисовывался Остров, и Холм, увенчанный высокой башней святого Михаила; над безмолвными водами разносился негромкий перезвон церковных колоколов, призывающий к молитве Богородице. Моргейна по привычке перекрестилась, но один из низкорослых гребцов нахмурился так свирепо, что девочка вздрогнула и уронила руку. Ладья скользила по воде сквозь заросли тростников; Моргейна уже различала вдали стены церкви и сам монастырь. Вивиана почувствовала, что спутница ее похолодела от внезапного страха: неужто они все-таки плывут на остров Монахов, где за нею навеки затворятся двери обители?

— Мы едем в церковь, что на острове, тетя?

— В церковь мы не попадем, — невозмутимо отозвалась Вивиана, — хотя правда и то, что обыкновенный путник — или, скажем, ты сама, отправься ты на Озеро одна, — никогда не доплывет до Авалона. Смотри и жди и не задавай вопросов, таков твой удел на все время обучения.

Моргейна пристыженно умолкла. В расширенных глазах ее все еще плескался страх.

— Это как в сказке про волшебную ладью, что отплывает от островов к Земле Вечной Юности... — тихо проговорила она.

Вивиана словно не услышала. Она стояла на носу, дыша размеренно и глубоко, набираясь сил для предстоящего ей магического действа, на мгновение она усомнилась, достанет ли у нее мочи. «*Я уже стара*, — думала она, борясь с накатившей паникой, — *однако ж мне должно дожить до тех пор, пока не повзрос-*

леют Моргейна и ее брат. Мир всей этой земли зависит от того, удастся ли мне охранить и уберечь их!»

Жрица прогнала докучную мысль, сомнение пагубно. Она проделывала это едва ли не каждый день своей взрослой жизни, напомнила себе Вивиана, ныне заклинание приходит к ней так естественно, что она справилась бы с ним во сне или на смертном одре. Она застыла недвижно, словно зажатая в несокрушимых тисках магии, затем простерла вперед руки и воздела их над головою, ладонями к небу. Резко выдохнув, опустила руки, — и вместе с ними пали туманы, исчезла виднеющаяся вдали церковь, исчезли берега острова Монахов, и даже гора, точно их и не было. Ладья вошла в густое, непроницаемое марево, темное, как ночь, в непроглядной мгле слышалось лишь частое дыхание Моргейны — ни дать ни взять перепуганный зверек. Вивиана заговорила было, намереваясь успокоить спутницу, объяснить ей, что бояться нечего, но намеренно придержала язык. Моргейна ныне — проходящая обучение жрица и должна привыкнуть обуздывать страх, так же, как она справлялась с усталостью, тяготами и голодом.

Ладья заскользила сквозь туманы. Уверенно и стремительно — ибо иных лодок на этом Озере не встречалось — она прокладывала путь через густую, липкую хмарь; волосы и брови Вивианы пропитались сыростью, влага просачивалась даже сквозь шерстяную накидку. Резко повеяло стужей, Моргейна дрожала от холода.

И тут, словно отдернули завесу, туманы исчезли. Перед ними искрилась озаренная солнцем водная гладь, вдали виднелся зеленый берег. Там высился Холм, девочка взгляделась — и потрясенно охнула. На вершине Холма взгляд различал круг стоячих камней, что блестели и переливались под солнцем. К ним, спиралью поднимаясь все выше и выше, вела широкая дорога процессий и шествий. У подножия Холма приютились обители жрецов, в зелени притаился Священный источник, а чуть ниже серебром отсвечивала зеркальная заводь. Вдоль берега росли яблоневые рощи, а еще дальше — вековые дубы, золотые побеги омелы обвивали их ветви, повисая в воздухе.

— Как красиво... — благоговейно прошептала Моргейна. — Леди, это все... настоящее?

— Куда более настоящее, чем любое другое из виденных тобою мест, — отозвалась Вивиана. — Скоро ты все это узнаешь ближе.

Ладья подошла к берегу, днище тяжело заскребло по песку; безмолвные гребцы зачалили ее при помощи веревки и помогли Владычице сойти на твердую землю. Затем они свели на берег лошадей; Моргейне предоставили выбираться самостоятельно.

Так в первый раз глазам ее предстал Авалон в зареве заката, и

зрелище это Моргейне не суждено было забыть до самой смерти. Зеленые лужайки полого сбегали к зарослям тростника у кромки воды, по Озеру беззвучно, точно ладья, величественно скользили лебеди. Под сенью дубов и яблонь укрылось приземистое строение, сложенное из серого камня; Моргейна издалека различила облаченные в белое фигуры, что медленно расхаживали по тропам между двойными рядами деревьев. Издалека донесся тихий перезвон арфы. Свет, падающий откуда-то сбоку, струился совсем низко — неужто это знакомое ей солнце? — заливал землю золотом и безмолвием. Моргейна чувствовала, как к горлу ее подступают слезы. «*Я — дома*», — подумала она, сама не зная, почему, ведь все годы ее жизни прошли в Тинтагеле и в Каэрлеоне, а в этом чудесном краю она отродясь не бывала.

Вивиана распорядилась насчет лошадей и вновь обернулась к Моргейне. В лице девочки отражалось благоговейное изумление, так что она воздержалась от замечаний до тех пор, пока Моргейна со всхлипом не перевела дыхание, точно пробуждаясь ото сна. Вниз по тропе к ним спускались женщины, одетые в темные платья и верхние туники из оленьей кожи, у некоторых между бровей красовался вытатуированный синий полумесяц. Одни были миниатюрны и смуглы, как Моргейна с Вивианой, явно из народа пиктов; несколько — высоки и стройны, со светлыми или рыжевато-русыми волосами; а в двух или трех отчетливо ощущалась римская кровь. В благоговейном молчании все они преклонили колени перед Вивианой, и та воздела руку в благословляющем жесте.

— Это — моя родственница, — промолвила Вивиана. — Ее зовут Моргейна. Она станет одной из вас. Отведите ее... — Владычица оглянулась на девочку, что стояла там, дрожа от холода, — солнце садилось, и сгущались серые сумерки, — и завороженно упивалась фантастическими красками ландшафта. Дитя устало и напугано. Впереди ее ждет немало испытаний и тягот, незачем начинать прямо сейчас.

— Завтра, — обратилась она к Моргейне, — ты отправишься в Дом дев. То, что ты мне родственница и принцесса, там не имеет ни малейшего значения, там у тебя не будет никакого имени и никаких отличий, кроме тех, что ты сама сумеешь заслужить. Но на эту ночь, не больше, ступай со мной, в пути у нас почти не нашлось времени поговорить.

Моргейна почувствовала, как колени ее подгибаются от внезапно накатившего облегчения. Эти женщины, такие чужие и странные, в чудных платьях и с синими отметинами на лбу, внушали ей больше страха, нежели весь двор Утера, вместе взятый. Еле заметным жестом Вивиана отпустила женщин, и жрицы — а кем им и быть, как не жрицам? — развернулись и ушли. Владычица протянула девочке руку, и Моргейна ухватилась за нее, ус-

покаиваясь от одного лишь прикосновения к прохладным крепким пальцам.

И вновь Вивиана превратилась в знакомую ей родственницу, но при этом осталась грозной колдуньей, призвавшей туманы. И опять Моргейне отчаянно захотелось перекреститься, интересно, сгинет ли весь этот край, ведь отец Колумба уверял, что крестное знамение способно развеять все дьявольские наваждения и колдовские чары?

Но Моргейна не перекрестилась. Она вдруг поняла, что никогда больше не прибегнет к крестному знамению. *Тот* мир навсегда остался позади.

На опушке яблоневой рощи, между двумя зацветающими деревьями, притулился маленький домик, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной. Внутри пылал огонь, и молодая женщина — в темном платье и тунике из оленьей кожи, как и все прочие, — приветствовала вошедших безмолвным поклоном.

— Не заговаривай с ней, — предупредила Вивиана. — Ныне она связана обетом молчания. Она — жрица на четвертом году обучения, звать ее Врана.

Врана молча сняла с Вивианы верхнюю одежду и заляпанные грязью, поношенные башмаки, по знаку Владычицы она сделала то же самое и для Моргейны. Затем она принесла воды для умывания, а потом — еду: ячменный хлеб и сушеное мясо. Из питья там была лишь студеная вода — свежая и восхитительно вкусная, ничего похожего Моргейне пробовать не доводилось.

— Это — вода из Священного источника, — объяснила Вивиана. — Другую мы здесь не пьем; она проясняет ум и наделяет прозорливостью. А мед — с нашей собственной пасеки. Ешь мясо и наслаждайся им, пока можно; еще много лет тебе не доведется его вкушать, жрицы не берут в рот мяса, пока не закончится срок обучения.

— Но почему, леди? — Моргейна не могла заставить себя произнести «тетя» или «родственница». Между нею и привычными обращениями стояло воспоминание о грозной колдунье, что, подобно Богине, призывает туманы. — Разве мясо есть дурно?

— Конечно, нет, настанет день, когда ты сможешь вкушать любую снедь. Но стол, в который не входит плоть животных, способствует обострению понимания, а без этого не обойтись, пока ты учишься пользоваться Зрением и управлять своими магическими способностями, не давая им подчинить тебя. Подобно друидам на первых годах обучения жрицы вкушают только хлеб и плоды и иногда — немного озерной рыбы, а пьют лишь воду из Источника.

— Но в Каэрлеоне ты пила вино, леди, — застенчиво промолвила Моргейна.

— Разумеется, что и тебе позволят, как только ты научишься понимать, когда должно есть и пить, а когда — воздерживаться от еды и питья, — отрезала Вивиана. Моргейна пристыженно умолкла и принялась за хлеб с медом. Но хотя девочка изрядно проголодалась, кусок не шел ей в горло.

— Ты наелась? — спросила Вивиана. — Вот и хорошо, тогда пусть Врана заберет посуду, а тебе, дитя, неплохо бы выспаться. Но сперва посиди со мной у огня, мы потолкуем немного, ибо завтра Врана отведет тебя в Дом дев, и меня ты более не увидишь, разве что на обрядах, пока для тебя не завершится срок обучения и ты не займешь место среди старших жриц, что по очереди спят в моем доме и ухаживают за мною, точно прислужницы. А к тому времени очень вероятно, что и ты свяжешь себя обетом молчания и не сможешь ни говорить, ни отвечать. Но на сегодня ты всего лишь моя родственница и еще не посвятила себя служению Богине, так что спрашивай, о чем хочешь.

Вивиана протянула руку, и Моргейна присела рядом с нею на скамеечке у огня. Жрица повернулась к девочке.

— Не вытащишь ли у меня из волос шпильку, Моргейна? Врана ушла спать, и мне не хочется снова ее тревожить.

Моргейна послушно вытащила резную костяную шпильку, и длинные, темные волосы немолодой уже женщины волной рассыпались по спине. На висках ее уже серебрилась седина. Вивиана вздохнула и вытянула босые ноги к огню.

— До чего славно вновь вернуться домой... За последние годы мне пришлось немало попутешествовать, — вздохнула она, — а силы у меня уже не те, чтобы находить в этом удовольствие.

— Ты сказала, я могу задавать тебе вопросы, — робко напомнила Моргейна. — Отчего у одних женщин на лбу есть синий знак, а у других — нет?

— Синий полумесяц означает, что они посвятили себя служению Богине, и отныне их жизнь и смерть — в ее власти, — объяснила Вивиана. — А те, что просто обучаются здесь Зрению, таких обетов не приносят.

— А мне надо приносить обеты?

— Это ты решишь сама, — отозвалась Вивиана. — Богиня скажет тебе, желает ли она простереть над тобой свою руку. Только христиане используют монастыри как мусорную кучу, отсылая туда нежеланных дочерей и вдов.

— Но как я узнаю, требует ли меня Богиня?

Вивиана улыбнулась в темноте.

— Она позовет тебя, и ты не сможешь не распознать ее голос. Если ты услышишь ее зов, то нигде в мире от него уже не спрячешься.

Моргейна полюбопытствовала про себя, связана ли обетом Вивиана, но спросить побоялась. *«Ну, конечно же! Ведь она — Верховная жрица, Владычица Авалона...»*

— Я связана обетом, — тихо ответствовала Вивиана, в который раз прибегая к излюбленному трюку: отвечать на незаданный вопрос. — Но знак со временем стерся... если ты приглядишься повнимательнее, думается мне, ты разглядишь то, что от него осталось, вот здесь, под самыми волосами.

— Да, чуть-чуть видно... а что это значит — посвятить себя служению Богине, леди? Кто она, эта Богиня? Однажды я спросила отца Колумбу, есть ли у Господа другие имена, и он сказал, нет, есть лишь одно Имя, которым все мы можем спастись, и это — Иисус Христос, но... — Девочка смущенно умолкла. — В таких вещах я ужас как невежественна.

— Сознавать собственное невежество — это начало мудрости, — отвечала Вивиана. — Тогда, когда ты начнешь учиться, тебе не придется забывать все то, что, как тебе казалось, ты знаешь. Бога называют многими именами, однако везде Бог — Един, так что, когда ты обращаешься с молитвой к Марии, матери Иисуса, сама того не ведая, ты молишься Матери Мира в одном из ее бесчисленных обличий. Господь священников и Великий Бог друидов — одно; вот почему мерлин порою занимает место среди христианских советников Верховного короля, он-то знает, даже если советникам о том неведомо, что Бог — Един.

— Мама рассказывала, будто твоя мать была здесь жрицей прежде тебя...

— Это так, но дело не только в кровном родстве. Скорее, я унаследовала от нее дар Зрения и по доброй воле посвятила себя Богине. Но ни твою мать, ни Моргаузу Богиня не призывала. Так что я отослала Игрейну с острова, чтобы она стала женою твоего отца, а потом и Утера, а Моргаузу — чтобы она вышла замуж, как назначит король. Брак Игрейны сослужил службу Богине, над Моргаузой Богиня не властна и нужды в ней не испытывает.

— Получается, что жрицы, призванные Богиней, так и не выходят замуж?

— Обычно нет. Они не дают обетов мужчине, кроме как в Великом Браке, когда жрец и жрица соединяются как воплощения Бога и Богини; дети, рожденные от такого Брака, считаются детьми не смертного мужа, но Богини. Это — таинство, в должный срок ты о нем узнаешь. Так родилась я, и на земле отца у меня нет...

Глаза Моргейны изумленно расширились.

— Ты хочешь сказать, что... что твоя мать возлежала с Богом? — прошептала она.

— Нет, конечно же, нет. Только со жрецом, на которого пала тень Бога, возможно, имени этого жреца она никогда и не узнала, ибо в тот миг и в то время Бог вошел в него и овладел им, так что смертный мужчина был позабыт и до поры исчез. — Лицо ее сделалось отчужденным: Вивиана вспоминала непостижимое и неведомое; Моргейна видела, как по челу ее скользят тени мыслей. Ей вдруг померещилось, будто в огне рождаются картины... вот появилась гигантская фигура Увенчанного Рогами... Девочка задрожала, точно от холода, и плотнее запахнулась в плащ.

— Ты устала, дитя? Тебе нужно выспаться...

Но Моргейну по-прежнему снедало любопытство.

— Ты родилась на Авалоне?

— Да, хотя воспитывалась я на острове Друидов, далеко на севере. А когда я созрела и возмужала, Богиня простерла надо мною свою руку: кровь той, что рождена жрицей, была во мне крепка и, думается мне, в тебе тоже, дитя. — Голос ее звучал словно издалека. Вивиана встала и замерла, глядя в огонь.

— Я все пытаюсь вспомнить, сколько лет назад я пришла сюда со старухой... луна тогда светила южнее, ибо была пора урожая, и близились темные дни Самайна, и старый год клонился к закату. Суровая выдалась тогда зима, даже на Авалоне, ночами мы слышали волчий вой, все завалило снегом, мы голодали, ибо никто не смог бы добраться до острова сквозь снежные бураны; несколько грудных младенцев умерло, ибо им не хватало молока... А потом Озеро замерзло, и нам привезли еду на санях. В ту пору я была совсем юной девой, и грудь у меня еще не округлилась, а теперь я стара, совсем старуха, карга... столько лет минуло, дитя мое!

Моргейна, почувствовав, как дрожит рука Вивианы, крепче стиснула ее в своей. Спустя мгновение Вивиана привлекла девочку к себе и выпрямилась, обнимая ее за талию.

— Столько минуло лун, столько летних солнцестояний... а теперь мне чудится, будто Самайн сменяет праздник Белтайн куда быстрее, нежели в пору моей юности народившаяся луна становилась полной. Вот и тебе суждено со временем стоять здесь, у очага, вот и ты состаришься, как состарилась я, разве что у Матери есть для тебя иные повеления... ах, Моргейна, Моргейна, маленькая ты моя, лучше бы я оставила тебя в материнском доме...

Моргейна исступленно обняла жрицу.

— Я бы там ни за что не осталась! Я бы лучше умерла...

— Я это знала, — вздохнула Вивиана. — Думаю, Матерь простерла свою руку и над тобою, дитя. Но, уйдя от жизни праздной и легкой, ты вступила в жизнь тяжкую, исполненную горечи,

моя Моргейна, и, возможно, я изыщу для тебя испытания не менее жестокие, нежели те, что Великая Мать назначила мне. Сейчас ты думаешь лишь о том, что выучишься пользоваться Зрением и заживешь на прекрасном острове Авалон, но исполнять волю Керидвен непросто, дочь моя; ибо она — не только Великая Мать Любви и Рождения, но еще и Владычица Тьмы и Смерти. — Вивиана со вздохом пригладила мягкие волосы девочки. — А еще она — Морриган, посланница войны, и госпожа Ворон... ох, Моргейна, Моргейна, хотелось бы мне, чтобы ты приходилась мне родной дочерью, но даже тогда я бы не смогла пощадить тебя, я должна использовать тебя в ее целях, как некогда использовали меня. — Вивиана на мгновение склонила голову на плечо девочки. — Поверь, Моргейна, что я люблю тебя, ибо придет время, когда ты возненавидишь меня так же сильно, как любишь теперь...

Моргейна порывисто бросилась на колени.

— Никогда, — зашептала она. — Я — в руках Богини... и в твоих руках...

— Да позволит Богиня, чтобы ты вовеки не раскаялась в этих словах, — отозвалась Вивиана, протягивая руки к огню: миниатюрные, сильные, со вздувшимися от старости венами. — Этими руками я помогала детям появиться на свет, с этих рук однажды стекала кровь мужчины. Некогда я предательством заманила мужчину навстречу смерти, мужчину, что лежал в моих объятиях и я клялась ему в любви. Я нарушила мир и покой твоей матери, а теперь вот еще и отобрала у нее детей. Разве ты не ненавидишь и не боишься меня, Моргейна?

— Я боюсь тебя, — проговорила девочка, не вставая с колен, ее смуглое, напряженное личико озарял отблеск пламени. — Но возненавидеть тебя я никогда бы не смогла.

Вивиана глубоко вздохнула, гоня прочь предвидение и ужас.

— Это не меня, но ее ты страшишься, — промолвила она. — Мы обе — в ее руках, дитя. Твоя девственность посвящена Богине. Смотри, сохрани ее до тех пор, пока Мать не объявит свою волю.

Маленькие ладони Моргейны легли на руки жрицы.

— Да будет так, — прошептала она. — Клянусь.

На следующий день Моргейна отправилась в Дом дев, там суждено ей было провести много лет.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Как написать про обучение жрицы? То, что не самоочевидно, хранится в глубокой тайне. Те, что прошли по этому пути, все знают и так; те, что не прошли, никогда не поймут, хотя бы я и записала все то, что запретно. Семь раз наступал Белтайн и семь раз оставался позади, семь раз зимы терзали нас всех жестоким холодом. Зрение приходило ко мне легко, ведь Вивиана говорила, что

я рождена жрицей. Куда труднее оказалось сделать так, чтобы Зрение проявлялось по моей воле и не иначе и закрывать врата Зрения, когда видеть мне не подобало.

Труднее всего давались мелкие волшебства, ведь так непросто в первый раз направить мысли по непривычному пути. Вызывать огонь и управлять им по своему желанию; призывать туманы и дожди — все это несложно, но понять, когда следует вызвать дождь или туман, а когда предоставить это воле Богов, гораздо сложнее. Были и другие уроки, где владение Зрением ничем не могло мне помочь: свойства трав, и целительство, и бесконечно долгие песни, ни единого слова из которых нельзя записать, ибо можно ли знание о Великих доверить пергаменту, созданному руками человека? Одни уроки дарили чистую, незамутненную радость — мне позволили выучиться играть на арфе и даже сделать свою собственную из священного дерева и внутренностей принесенного в жертву животного; а другие уроки заключали в себе неизбывный ужас.

Кажется, труднее всего было заглядывать в себя под воздействием снадобий, что освобождали разум от телесной оболочки; тело оставалось во власти дурноты и рвоты, а освобожденный дух устремлялся за пределы времени и пространства и читал страницы прошлого и будущего. Но об этом я не скажу ни слова. И наконец, настал день, когда меня изгнали с Авалона, одетую лишь в нижнюю рубашку, оставив мне из оружия лишь маленький жреческий нож, — чтобы я возвратилась, если смогу. Я знала, что, если сил у меня недостанет, меня оплачут, точно мертвую, но никогда более не отворятся передо мною врата, разве что я сама открою их своей волей и пожеланием. И вот туманы сомкнулись вокруг меня, и долго блуждала я по берегам чужого Озера, слыша лишь колокольный звон и скорбное пение монахов. Но наконец я сумела разорвать пелену туманов и воззвала к Богине — ноги мои упирались в землю, а голова касалась звезд, — и, заполнив собою весь мир, от горизонта до горизонта, я прокричала великое слово Силы...

И туманы расступились, и я увидела перед собою знакомый, залитый солнцем берег, куда привезла меня Владычица семь лет назад, и я ступила на твердую землю своего родного дома, и зарыдала, как в тот день, когда впервые оказалась здесь перепуганным ребенком. И тогда мне между бровями рука самой Богини начертала знак полумесяца... но это — таинство, о коем писать запрещено. Те, что ощутили на своем челе обжигающий поцелуй Керидвен, поймут, о чем я говорю.

На вторую весну после этого, когда меня освободили от обета молчания, Галахад, уже отличившийся в битвах с саксами под началом своего отца Бана, короля Малой Британии, возвратился на Авалон».

Глава 12

Поднявшись до определенной ступени, жрицы по очереди прислуживали Владычице Озера, а этой весной, когда Вивиана была постоянно занята, готовясь к празднеству летнего солнцестояния, одна из жриц даже спала в маленьком сплетенном из прутьев домике, чтобы при Владычице кто-то находился неотлучно и днем и ночью. Ни свет ни заря, когда солнце еще пряталось в тумане у края горизонта, Вивиана вошла в комнату, смежную с ее собственной, где спала ее прислужница, и безмолвным жестом разбудила ее.

Прислужница села на постели и поспешно натянула тунику из оленьей кожи поверх нижнего платья.

— Вели гребцам приготовиться. И пойди позови ко мне мою родственницу Моргейну.

Несколько минут спустя Моргейна уже почтительно застыла у входа. Вивиана, стоя на коленях, разводила огонь. Появилась девушка совершенно беззвучно: после девяти лет обучения искусствам жрицы передвигалась она так бесшумно, что о приближении ее не возвещали ни звук шагов, ни даже дуновение ветерка. Однако ж после стольких лет обучения Моргейна так привыкла к обычаям жриц, что ничуть не удивилась, когда, едва она встала на пороге, Вивиана обернулась и молвила:

— Входи, Моргейна.

Вопреки обыкновению Вивиана не пригласила родственницу присесть, но окинула изучающим взглядом.

Моргейна была невысока и в росте вряд ли прибавит, за годы, проведенные на Авалоне, она уже выросла до отведенного ей предела — на какой-нибудь дюйм выше Владычицы. Темные волосы, заплетенные в косу, перехватывал ремешок из оленьей кожи. На ней было темно-синее платье и кожаная верхняя туника, как носят жрицы, а между бровями загадочно поблескивал синий полумесяц. И тем не менее, при том, что спокойная, уверенная в себе девушка ничем не выделялась среди прочих жриц, в глазах ее виделся стальной блеск под стать тому, что отличал взгляд Вивианы, и Вивиана знала по опыту: даже будучи миниатюрной и хрупкой, при желании девушка может облечься в чары и явиться не только высокой и статной, но и исполненной величия и могущества. Уже сейчас она казалась вне возраста и времени, Вивиана знала, что внешне она почти не изменится даже тогда, когда в темных волосах ее пробьется седина.

«*Нет, она некрасива*», — подумала Вивиана не без облегчения и тут же задумалась, а почему для нее это так важно. Не приходилось сомневаться, что Моргейна, подобно всем прочим девушкам — и даже будучи жрицей, посвятившей себя служению Богине, — мечтает быть красавицей и остро переживает, что это

не так. «*Вот доживешь до моих лет, девочка*, — подумала Вивиана, презрительно скривив губы, — *и тебе будет все равно, красива ты или нет, ибо все вокруг сочтут тебя ослепительно прекрасной, ежели ты того пожелаешь, а ежели нет, ты сможешь устроиться в уголке, притворяясь никчемной старухой, что давным-давно уже ни о чем таком и не помышляет*». Более двадцати лет назад Вивиане самой пришлось выдержать мучительную внутреннюю борьбу, когда на ее глазах подрастала и расцветала Игрейна, обретая яркую, рыже-каштановую красоту, за которую Вивиана, тогда еще совсем молодая, охотно продала бы и душу, и все свое могущество. Порою, в минуты сомнения и неуверенности, Вивиана гадала, а не выдала ли она Игрейну за Горлойса лишь для того, чтобы прелесть молодой женщины не стояла вечно у нее перед глазами, словно в насмешку над ее собственной суровой смуглостью. «*Но ведь я привела Игрейну к любви того самого мужчины, что был предназначен ей еще до того, как воздвигли круг камней Солсбери...*»

С запозданием осознав, что Моргейна все еще стоит неподвижно, дожидаясь приказаний, Владычица улыбнулась.

— Воистину, я старею, — промолвила она. — На мгновение я ушла в воспоминания. Ты уже не дитя, что привезли сюда много лет назад, но порою я об этом забываю, моя Моргейна.

Моргейна улыбнулась, и улыбка эта чудесным образом преобразила ее лицо, обычно несколько мрачное. «*Как у Моргаузы*, — подумала про себя Вивиана, — *хотя ни в чем другом они не схожи. Это — кровь Талиесина*».

— Сдается мне, ты ничего не забываешь, госпожа.

— Пожалуй, что и нет. Ты уже завтракала, дитя?

— Нет. Но я не голодна.

— Хорошо. Я хочу послать тебя с ладьей.

Моргейна, привычная к молчанию, лишь почтительно кивнула.

Ничего необычного в этой просьбе, разумеется, не было — ладью от Авалона всегда направляла жрица, знающая тайный путь через туманы.

— Это семейное поручение, — продолжала между тем Вивиана. — Ибо к острову направляется мой сын, и я подумала, должно бы родственнице встретить его и приветить, как подобает.

— Как, Балан? — не сдержала улыбки Моргейна. — А разве приемный брат Балин не устрашится за его душу, ежели тот ненароком удалится за пределы слышимости церковных колоколов?

В глазах Вивианы заплясали смешинки.

— Оба они — гордые мужи и закаленные в боях воины и ведут безупречную жизнь, даже по меркам друидов: не причиняют вреда ближнему, не притесняют слабого и неизменно стре-

мятся исправить зло везде, где оказываются. Не сомневаюсь, что, сражаясь бок о бок, в глазах саксов они становятся в четыре раза ужаснее... По чести говоря, эти двое не страшатся ничего, кроме разве вредоносной магии злобной колдуньи, что родила одного из них... — Вивиана хихикнула, точно девчонка, и вслед за нею прыснула и Моргейна.

— Право слово, я ничуть не жалею, что отправила Балана на воспитание во внешний мир, — отсмеявшись, проговорила Владычица. — Призванию друида он чужд, и друид из него получился бы не ахти какой; и ежели для Богини он потерян, так не сомневаюсь, что она приглядит за ним сама и по-своему, даже если он молится ей, перебирая четки, и зовет ее именем Девы Марии. Нет, Балан на побережье, сражается с саксами под знаменами Утера, и я этому рада. А говорю я про своего младшенького.

— Мне казалось, Галахад сейчас в Малой Британии.

— И мне тоже так казалось, но прошлой ночью я увидела его при помощи Зрения... он здесь. Когда мы встречались в последний раз, ему было не больше двенадцати. Он заметно подрос, скажу я тебе; сейчас ему, надо думать, уже семнадцатый год пошел; впору оружие в руки брать, вот только не знаю доподлинно, суждено ли ему стать воином.

Моргейна улыбнулась, и Вивиана припомнила, как Моргейна впервые появилась на острове одинокой, неприкаянной девочкой, в свободное время ей иногда позволяли играть с Галахадом, с единственным ребенком, что воспитывался на острове помимо нее.

— Бан Бенвикский, верно, уже стар, — заметила Моргейна.

— Стар, это верно, и сыновей у него много, так что мой сын среди них — всего лишь один из многих бастардов короля. Но сводные братья его опасаются: они предпочли бы, чтобы Галахад уехал куда-нибудь с глаз долой, ведь с ребенком от Великого Брака нельзя обращаться, точно с самым обычным бастардом, — ответила Вивиана на невысказанный вопрос. — Отец готов подарить ему землю и замки в Бретани, но я уж позаботилась — ему в ту пору еще шести не исполнилось, — чтобы сердце Галахада всегда оставалось здесь, на Озере. — В глазах Моргейны что-то вспыхнуло, и Вивиана вновь отозвалась на то, что произнесено вслух не было.

— Жестоко — навсегда лишить его покоя? Это не я жестока, но Богиня. Его судьба — здесь, на Авалоне, и при помощи Зрения я видела, как он преклоняет колени перед Священной Чашей...

И вновь, не без иронии, еле заметным движением Моргейна изъявила согласие, — к этому жесту прибегают жрицы, связанные обетом молчания, в знак того, что выслушали повеление и готовы повиноваться.

Внезапно Вивиана рассердилась сама на себя. «*Я сижу здесь, оправдываясь в том, что сделала со своей жизнью и жизнями моих сыновей, перед девчонкой несмышленой! Я не должна ей давать объяснений!*» Владычица заговорила, и на сей раз голос ее зазвучал холодно и отчужденно.

— Отправляйся с ладьей, Моргейна, и привези его ко мне.

И в третий раз безмолвным жестом Моргейна подтвердила согласие — и повернулась уходить.

— Погоди, — остановила ее Вивиана. — Вот привезешь ко мне сына — и позавтракаешь здесь, с нами, он тебе кузен и родич, в конце концов.

Моргейна вновь улыбнулась, а Вивиана вдруг осознала, что намеренно пыталась вызвать улыбку на ее устах, — и удивилась себе самой.

Моргейна спустилась вниз по тропе к краю Озера. Сердце ее все еще билось быстрее, чем обычно; в последнее время очень часто случалось так, что в беседах с Владычицей душу ее переполняли любовь и гнев, и ни то, ни другое выказывать не полагалось, так что в мыслях у юной жрицы творилось что-то странное. Девушка сама на себя изумлялась: не ее ли учили контролировать свои чувства так же, как слова и даже мысли?

Галахада она помнила по первым своим годам пребывания на Авалоне — этакий тощенький, смуглый, впечатлительный мальчуган. Особо теплых чувств он у Моргейны не вызывал, но, истосковавшись сердцем по своему родному маленькому братишке, девочка позволяла одинокому, неприкаянному малышу бегать за ней по пятам. А потом его отослали на воспитание, и с тех пор Моргейна видела его только раз (тому тогда исполнилось двенадцать) — сплошные глаза, зубы и кости, торчащие из-под одежды, которую мальчишка перерос. К тому времени Галахад преисполнился яростного презрения ко всему женскому, а сама она перешла на самую трудную ступень обучения и внимания на него почти не обращала.

Низкорослые, смуглые гребцы склонились перед нею в безмолвном поклоне из почтения к Богине, обличие которой, как считалось, принимали старшие жрицы. Моргейна молча подала им знак и заняла свое место на носу.

Стремительно и безмолвно задрапированная тканью ладья заскользила в туман. Моргейна чувствовала, как на лбу у нее оседают капли влаги, как волосы ее пропитываются сыростью, ее мучил голод, она продрогла до костей, однако ее обучили не обращать внимания и на это тоже. Когда ладья выплыла из тумана, над дальним берегом уже взошло солнце, и жрица отчетливо различала у воды коня и всадника. Весла неспешно опускались и

поднимались, увлекая ладью все дальше, но Моргейна, в кои-то веки забывшись на минуту, застыла на месте, любуясь на конника.

Он был худощав, лицо смуглое, красивое, с орлиным носом, на голове алая шапочка с орлиным пером, воткнутым за ленту, на плечах алый же плащ. Всадник спешился, и от непринужденной грации его движений, грации танцора, у Моргейны перехватило дыхание. И с какой стати она всегда мечтала быть светловолосой и пышной, если смуглая хрупкость заключает в себе подобную красоту? В глазах его, тоже темных, поблескивали озорные искорки — только благодаря им Моргейна осознала, кого видит перед собою, в остальном ничто больше не напоминало ей о тощеньком, долговязом мальчишке, длинноногом, с непомерно большими ступнями.

— Галахад, — промолвила Моргейна, понижая голос, чтобы он не дрожал: еще одна уловка из арсенала жрицы. — А я бы тебя и не узнала.

Тот непринужденно поклонился, взметнулся и опал широкий плащ. Неужто она когда-то презирала этот трюк ярмарочного акробата? У Галахада это движение казалось исполненным врожденного изящества.

— Леди, — промолвил он.

«Он меня тоже не узнал. Оно и к лучшему».

Отчего в этот самый миг Моргейне вспомнились слова Вивианы? *«Твоя девственность посвящена Богине. Смотри, сбереги ее до тех пор, пока Мать не объявит свою волю»*. Моргейна потрясенно осознала, что впервые в жизни посмотрела на мужчину с желанием. Зная, что подобные вещи не для нее, что ей предстоит распорядиться своей жизнью так, как решит Богиня, она взирала на мужчин с презрением, как на законную добычу Богини в обличии ее жриц, — их принимают или отвергают, исходя из того, что требуется в данный момент. Вивиана распорядилась, что в этом году ей не следует участвовать в обрядах костров Белтайна, из которых такие же жрицы, как она, выходили, волею Богини обзаведшись ребенком — эти дети либо рождались на свет, либо изгонялись из чрева при помощи изученных ею трав и настоев: крайне неприятный процесс, но, если к нему не прибегнуть, неизбежным уделом становились еще более неприятные роды и надоедливые младенцы; их либо растили на острове, либо отсылали на воспитание по слову Владычицы. Моргейна немало порадовалась, что на сей раз избежала участия в обрядах, зная, что у Вивианы иные замыслы на ее счет.

Жестом она пригласила гостя на борт. *«Никогда не прикасайся к чужаку из внешнего мира*, — так поучала ее старая наставница, *— жрица Авалона — это всегда пришелица из мира потустороннего»*. Интересно, почему ей пришлось останавливать свою руку, уже потянувшуюся к его запястью? Моргейна знала — и от

уверенности этой кровь чаще застучала в висках, — что под гладкой кожей скрываются твердые, пульсирующие жизнью мускулы, она изнывала от желания вновь встретиться с юношей взглядом. Моргейна отвела глаза, пытаясь справиться с волнением.

— О, вот теперь я узнал тебя — по движениям рук, — глубоким, мелодичным голосом проговорил гость. — Жрица, не ты ли некогда приходилась мне родственницей именем Моргейна? — Темные глаза блеснули. — Все изменилось, канули в прошлое те времена, когда я дразнил тебя Моргейной Волшебницей...

— Так было, так есть. Но минуло много лет, — промолвила она, отворачиваясь и давая знак безмолвным слугам ладьи отчаливать от берега.

— Но магия Авалона вовеки неизменна, — прошептал он, и девушка поняла: Галахад говорит не с ней. — Туманы, тростники, крик озерных птиц... и ладья, что беззвучно отходит от немого берега, точно по волшебству... Я знаю, что не обрету здесь ничего, и все-таки зачем-то возвращаюсь...

Ладья безмолвно скользила по Озеру. Даже теперь, спустя годы, отлично зная, что это никакая не магия, но долгим трудом усвоенное искусство грести неслышно, Моргейну завораживала царящая вокруг мистическая тишина. Она отвернулась, дабы призвать туманы, остро ощущая присутствие юноши. Галахад стоял рядом с лошадью, положив одну руку на чепрак, и легко балансировал на ногах, без видимого усилия смещая вес то туда, то сюда, так что он не потерял равновесия и даже не пошатнулся, когда ладья стронулась с места и развернулась. Самой Моргейне это стоило долгого обучения.

Она подошла к носу и воздела руки, длинные рукава развевались по ветру. Ей казалось, что под взглядом темных глаз по спине ее разливается осязаемое тепло. Она глубоко вздохнула, готовясь к магическому действу, зная, что ей потребуется вся ее сила, и яростно негодуя на себя за то, что ощущает на себе взор спутника.

«*Так пусть смотрит! Пусть убоится меня, пусть узнает во мне саму Богиню!* — Но некая мятежная часть ее существа, давно подавленная, взывала: — *Нет же, я хочу, чтобы он видел во мне женщину, а не Богиню и даже не жрицу*». Однако девушка вдохнула поглубже, и от мечты этой не осталось даже воспоминания.

Руки ее взметнулись к небесному своду — и пали вниз, и вслед за взмахом длинных рукавов хлынула пелена туманов. Над ладьей сомкнулась безмолвная мгла. Моргейна стояла недвижно, чувствуя исходящее от юноши тепло. Если она чуть подастся в сторону, то коснется его руки, и рука эта обожжет ей пальцы. Она слегка отстранилась, взметнулись и опали складки платья, отчужденность окутала ее точно покрывалом. И все это время девушка не переставала дивиться сама на себя и мысленно твер-

дила: это же только мой кузен, это же сын Вивианы, он — тот самый неприкаянный малыш, что взбирался ко мне на колени! Усилием воли Моргейна воскресила в памяти образ неуклюжего мальчишки, исцарапанного ежевикой, но едва ладья выплыла из тумана, темные глаза приветливо глянули на нее, и голова у девушки закружилась.

«*Ну, конечно, я чувствую дурноту, я же еще не завтракала*», — сказала она себе. А Галахад глядел на Авалон, и в глазах его читалась странная тоска. Он порывисто перекрестился. То-то рассердилась бы Вивиана, если бы это видела!

— Воистину, здесь — земля волшебного народа, — тихо промолвил он, — а ты — Моргейна Волшебница, как и прежде... но теперь ты — женщина, прекрасная женщина, родственница.

«*Я вовсе не прекрасна; то, что он видит, — это чары Авалона*», — с досадой подумала девушка. И некая мятежная часть ее сознания воскликнула: «*Хочу, чтобы он считал прекрасной меня — меня саму, а вовсе не чары!*» Она поджала губы с видом строгим и отчужденным, вновь — жрица до мозга костей.

— Сюда, — коротко бросила она. Дно ладьи заскребло по песку, и Моргейна дала знак гребцам заняться конем.

— С твоего позволения, леди, — возразил Галахад, — я сам о нем позабочусь. Это необычное седло.

— Как скажешь, — отозвалась Моргейна, глядя, как Галахад расседлывает коня. Однако все, что касалось гостя, будило в ней неуемное любопытство, так что она поневоле нарушила молчание.

— А седло и впрямь странное... что это за длинные кожаные ремни?

— Ими пользуются скифы: они называются стремена. Мой приемный отец как-то повез меня в паломничество, вот в их стране я на такое и насмотрелся. Даже у римских легионов такой конницы нет, с помощью этих штук скифы могут управлять лошадьми и останавливать их на полном скаку, так они сражаются в седле, — пояснил Галахад. — А ведь даже в легком доспехе верховой рыцарь непобедим против пешего. — Галахад улыбнулся, смуглое, выразительное лицо словно озарилось внутренним светом. — Саксы прозвали меня Альфгар — Эльфийская Стрела, что приходит из тьмы и, незримая, бьет в цель. При дворе Бана это имя переняли: там меня зовут Ланселет — ничего ближе придумать не удалось. Настанет день, когда я снаряжу таким образом конный легион, — и тогда горе саксам!

— Твоя мать сказала мне, что ты уже воин, — отозвалась Моргейна, позабыв о необходимости понижать голос, и юноша вновь улыбнулся.

— А вот теперь я и голос твой узнаю, Моргейна Волшебница... да как ты смеешь являться ко мне жрицей, родственница?

Впрочем, надо думать, так распорядилась Владычица. Но такой ты мне нравишься больше, чем когда ты исполнена величественной серьезности, под стать Богине, — проговорил он не без озорства, точно расстались они лишь накануне.

— Да, Владычица ждет нас, нам не след мешкать, — цепляясь за остатки собственного достоинства, проговорила Моргейна.

— Ну, разумеется, — поддразнил он, — нужно мчаться во весь дух, помани она лишь пальцем... Я так полагаю, ты — из тех, кто спешат принести-подать и, трепеща, замирают, внимая каждому ее слову...

На это Моргейна не нашла ответа иного, нежели:

— Нам сюда.

— Я помню дорогу, — отозвался Галахад и невозмутимо зашагал рядом с нею, вместо того чтобы почтительно следовать по пятам. — Я тоже, бывало, бежал к ней со всех ног, беспрекословно исполнял ее волю и трепетал, стоило ей нахмурить брови, пока не понял: она — не просто моя мать, но ставит себя выше любой королевы...

— Воистину она выше их всех, — резко отпарировала Моргейна.

— Не сомневаюсь, что так, но я живу в мире, где мужи не служат на побегушках у женщин. — Галахад стиснул зубы, озорные искорки в глазах погасли, точно их и не было. — Я бы предпочел любящую матушку, а не суровую Богиню, одно дыхание которой принуждает мужей жить и умирать по ее воле.

И здесь Моргейна не нашлась с ответом. Вместо того она убыстрила шаг, так что спутнику ее, чтобы не отстать, пришлось поспешать за ней во весь дух.

Врана, по-прежнему безмолвная — она связала себя обетом вечного молчания и теперь говорила лишь в пророческом трансе, — легким наклоном головы пригласила их в дом. Постепенно глаза Моргейны привыкли к полумраку, и она разглядела, что Вивиана, восседающая у огня, сочла нужным встретить сына не в повседневном темном платье и тунике из оленьей кожи, но облеклась в алое, а в высокой прическе поблескивали драгоценные камни. Даже Моргейна, сама умеющая наводить чары, задохнулась от изумления: таким величием дышал облик Владычицы. Она казалась Богиней, приветствующей просителя в своем подземном святилище.

Моргейна видела, как Галахад воинственно выставил вперед подбородок, как побелели костяшки стиснутых в кулаки пальцев. Девушка слышала его дыхание и догадывалась, ценою каких усилий он заставляет свой голос звучать ровно. Гость поклонился и выпрямился.

— Госпожа моя и матушка, приветствую тебя.

— Галахад, — отозвалась она. — Иди сюда и присядь рядом.

Словно не расслышав, гость уселся напротив. Моргейна помешкала у двери, и Вивиана жестом пригласила ее заходить и садиться.

— Я ждала вас, чтобы разделить трапезу с вами обоими. Вот, угощайтесь.

К столу подали свежеприготовленную рыбу Озера, приправленную травами, сочащуюся маслом, и горячий, свежий ячменный хлеб, и свежие плоды — такое угощение в простом и строгом жилище жриц на долю Моргейны выпадало нечасто. Она сама и Вивиана ели умеренно, а Галахад воздавал должное тому и другому со здоровым аппетитом все еще растущего юноши.

— Право же, матушка, да это пир, достойный короля!

— Как твой отец, как Малая Британия?

— Вполне благополучно, хотя в последний год я в Бретани почти не жил. Король отослал меня в далекое путешествие, чтобы я разузнал для него о новой коннице скифов. Не думаю, что даже у Рима, при всей его мощи, найдутся сейчас такие всадники. У нас есть табуны иберийских коней — впрочем, племенное коневодство тебя вряд ли заинтересует. А теперь я приехал сообщить Пендрагону о том, что армии саксов собираются вновь, готов поручиться, они обрушатся на нас всей мощью еще до летнего солнцестояния. Ах, будь у меня время и достаточно золота, чтобы обучить легион таких конников!

— Ты любишь лошадей, — изумленно отозвалась Вивиана.

— Это удивляет тебя, леди? С животными всегда знаешь, что они думают, ведь лгать они не умеют, равно как и притворяться не теми, каковы есть, — промолвил Галахад.

— Мир природы откроет тебе все свои тайны, — проговорила Вивиана, — когда ты возвратишься на Авалон к жизни друида.

— Ты, никак, вновь за старые песни, Владычица? — откликнулся гость. — Мне казалось, я уже дал тебе ответ при нашей последней встрече.

— Галахад, — промолвила она, — тебе было только двенадцать. В годы столь юные о жизни по сути и не знают.

— Теперь никто не зовет меня Галахадом, кроме тебя и друида, что дал мне это имя, — нетерпеливо отмахнулся он. — В Малой Британии и на войне я — Ланселет.

— Ты думаешь, мне есть дело до того, что говорят промеж себя солдаты? — улыбнулась Владычица.

— Итак, ты хочешь принудить меня сидеть, сложа руки, на Авалоне и бренчать на арфе, пока снаружи, в реальном мире, идет битва не на жизнь, а на смерть, госпожа моя?

— Ты хочешь сказать, что этот мир нереален, сын мой? — сурово свела брови Вивиана.

— Реален, — возразил Ланселет, нетерпеливо отмахнувшись, — но реален по-иному, отрезан от внешних распрей. Вол-

шебный край, вечный покой — о да, для меня это дом, уж об этом ты позаботилась, Владычица. Но, сдается мне, даже солнце светит здесь по-иному. И не здесь идут настоящие сражения во имя жизни. Даже у мерлина хватает ума это понять.

— Мерлин стал таким, каков он ныне, спустя многие годы, в течение которых он учился отличать реальное от нереального, — промолвила Вивиана. — Вот и тебе должно поступить так же. В мире и без тебя полно воинов, сын мой. Твое призвание — видеть дальше, чем любой из них, и, может статься, распоряжаться воинами по своей воле.

Галахад покачал головой:

— Нет! Леди, ни слова более, эта дорога не для меня.

— Ты еще слишком юн, чтобы понять, чего ты хочешь, — решительно отрезала Вивиана. — Разве ты не отдашь нам семь лет, — столько же, сколько отдал отцу, — чтобы понять, не это ли твой жизненный путь?

— Спустя семь лет, — возразил Ланселет с улыбкой, — я надеюсь, саксов выдворят-таки с наших берегов, и хотел бы я тоже приложить к тому руку. У меня нет времени на магические фокусы и таинства друидов, Владычица, да и не лежит у меня к ним душа. Нет, матушка, молю тебя: благослови меня и отпусти с Авалона, ибо, сказать правду, Владычица, я все равно уеду — с твоим ли благословением или без него. Я живу в мире, где мужи не позволяют женщинам вертеть ими по своей воле.

Моргейна отпрянула, лицо Вивианы побелело от гнева. Жрица поднялась с места: этой хрупкой, маленькой женщине ярость придала и стать и величие.

— Ты бросаешь вызов Владычице Авалона, Галахад Озерный?

Юноша не дрогнул. Моргейна видела, как побледнел он под темным загаром, и осознала, что под мягкостью и грацией таится стальная воля под стать самой Владычице.

— Прикажи ты мне это в ту пору, когда я еще всей душою жаждал твоей любви и одобрения, леди, вне сомнения, я бы поступил по твоему слову, — тихо произнес он. — Но я уже не дитя, госпожа моя и мать, и чем скорее мы это признаем, тем скорее перестанем вздорить и придем к согласию. Жизнь друида — не для меня.

— Так ты стал христианином? — яростно прошипела Вивиана.

Ланселет со вздохом покачал головой:

— Не то чтобы. Даже в этом утешении мне отказано, хотя при дворе Бана я за христианина схожу с легкостью. Думаю, я ни в какого Бога не верю, кроме вот этого. — И юноша положил руку на меч.

Вздохнув, Владычица устало опустилась на скамью. Вдохнула поглубже — и улыбнулась.

— Ну что ж, — промолвила она, — ты — мужчина, и принуждать тебя бесполезно. Хотя хотелось бы мне, чтобы ты все-таки побеседовал с мерлином.

Моргейна, всеми позабытая, видела, как пальцы юноши расслабились и напряжение схлынуло. «*Он думает, она уступила, он слишком плохо знает ее, чтобы понять: Вивиана злится пуще прежнего*», — думала про себя девушка. А Ланселет, по молодости, даже не пытался скрыть облегчения.

— Благодарю за понимание, леди. Я охотно обращусь за советом к мерлину, ежели тебе это в радость. Но даже христианские священники знают, что призвание служить Господу — это Господень дар, а не то, что приходит и уходит по желанию. Бог, — или Боги, если тебе угодно, — не призвал меня и даже не счел нужным дать мне доказательства того, что Он — или Они — существует.

Моргейне вспомнились слова Вивианы, обращенные к ней много лет назад: «*Слишком тяжкое это бремя, чтобы нести его подневольно*». И впервые в жизни девушка задумалась: «*А как бы, глядя правде в глаза, поступила Вивиана, если бы как-то раз в течение этих лет я пришла к ней и объявила, что хочу уехать? Уж слишком Владычица уверена в том, что ей ясна воля Богини*». Мысли столь еретические ее встревожили, и Моргейна поспешно прогнала их, вновь залюбовавшись Ланселетом. Поначалу девушку ослепили его смуглая красота и грация движений. Теперь она разглядела подробности: первый пушок на подбородке — Галахад не успел, а может, просто не счел нужным побриться на римский лад; тонкие, изящные, безупречной формы руки, предназначенные перебирать струны арфы или играючи управляться с оружием, чуть загрубелые на ладонях и на внутренней части пальцев и больше на правой руке, нежели на левой. На одном предплечье виднелся небольшой шрам, беловатый рубец многолетней давности, судя по виду, и еще один, в форме полумесяца, на левой щеке. Ресницы были длинные, словно у девушки. Однако ничего девичьего в его внешности не было в отличие от многих безбородых юнцов, глядя на которых и не поймешь толком, мальчик это или девочка; Галахад скорее походил на молодого оленя. Моргейне казалось, что ей никогда еще не доводилось видеть столь явного воплощения мужественности. Приученная к подобным рассуждениям, она подумала: «*Мягкости женского воспитания в нем совсем не чувствуется, так что с женщиной он уступчивости не выкажет. Он отвергает черты Богини в себе самом, и однажды ему с ней придется непросто...*» И вновь мысли ее смешались: настанет день, когда она сыграет роль Богини на одном из великих празднеств. «*Ах, хоть бы его избрали Богом...*» — пожелала про себя она, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло. С головой уйдя в грезы, она не слышала,

о чем говорят Ланселет и Владычица, но вот Вивиана произнесла ее имя, и девушка пришла в себя — точно до того плутала где-то за пределами мира.

— Моргейна? — повторила Владычица. — Мой сын провел много лет вдали от Авалона. Возьми его с собой, проведите день на берегу, если хотите, на сегодня ты от своих обязанностей освобождаешься. Помню, когда вы были детьми, вам нравилось бродить вдоль кромки воды. Сегодня вечером, Галахад, ты отужинаешь с мерлином и переночуешь среди молодых жрецов, что не связаны обетом молчания. А завтра, если не передумаешь, уедешь прочь с моим благословением.

Гость низко поклонился, и они вышли.

Солнце стояло высоко, и Моргейна осознала, что не успела на церемонию встречи рассвета, ну что ж, Владычица разрешила ей отлучиться, и в любом случае она уже не принадлежит к числу младших жриц, для которых пропустить этот обряд считалось заслуживающим наказания проступком. Сегодня она собиралась понаблюдать за тем, как юные послушницы готовят красители для ритуальных одежд, — а это дело можно беспрепятственно отложить и на день, и на два.

— Я схожу на кухню, возьму нам с собою в дорогу хлеба, — промолвила она. — Можно поохотиться на озерную птицу, если хочешь... ты ведь любишь охоту?

Улыбнувшись, Ланселет кивнул.

— Принесу-ка я матери в подарок нескольких птиц, может, она и сменит гнев на милость. Мне бы очень хотелось с ней помириться, — добавил он, рассмеявшись. — Когда она злится, она по-прежнему наводит на меня страх: совсем маленьким я верил, что, пока я не с ней, она слагает с себя смертную суть и превращается в Богиню. Но мне, наверное, не следует так о ней говорить: я вижу, ты ей очень предана.

— Она заботилась обо мне, точно приемная мать, — медленно проговорила Моргейна.

— А почему бы, собственно, и нет? Вы же с нею родня, верно? Твоя мать — если я не ошибаюсь — была женой герцога Корнуольского, а теперь — супруга Пендрагона... так?

Моргейна кивнула. Все это было столь давно, что Игрейну она помнила лишь смутно. Она приучилась жить, не нуждаясь ни в какой матери, кроме одной лишь Богини, многие жрицы стали ей сестрами, на что ей, в самом деле, земная мать?

— Я вот уже много лет ее не видела.

— Утерову королеву я видел только раз издалека — она необыкновенно красива, но кажется холодной и надменной. — Ланселет натянуто рассмеялся. — При дворе моего отца я привык к женщинам, которых занимают только красивые платья, побрякушки и младенцы... и порою, если они еще не замужем,

они озабочены тем, как бы найти себе мужа... Я так мало знаю о женщинах. А ты — совсем другая. Ни на одну из тех, с кем я знаком, не похожа.

Моргейна почувствовала, что краснеет.

— Я — жрица, подобно твоей матери, — напомнила она, не забыв понизить голос.

— О, — возразил Ланселет, — вы такие же разные, как ночь и день. Она — величественна, грозна и прекрасна, ее можно лишь обожать и бояться, но ты, я чувствую, ты — женщина из плоти и крови, по-прежнему живая и настоящая, несмотря на все эти ваши таинства! Ты одета как жрица, ты выглядишь как одна из них, но, когда я гляжу в твои глаза, я вижу живую женщину, к которой можно прикоснуться. — Ланселет звонко расхохотался, и она вложила свои ладони в его и рассмеялась заодно с ним.

— О да, я — живая и настоящая, такая же настоящая, как земля у тебя под ногами или птицы на этом дереве...

Они вместе прошлись вдоль кромки воды. Моргейна провела гостя по узкой тропке, тщательно огибая дорогу шествий.

— Это священное место? — полюбопытствовал Ланселет. — На Холм дозволено подниматься только жрицам и друидам?

— Запрет действует только во время великих Празднеств, — отвечала она, — и, конечно же, ты можешь пойти со мною. Я имею право ходить, где вздумается. Сейчас на Холме нет ни души, только овцы пасутся. Хочешь подняться на вершину?

— Да, — признался Ланселет. — Помню, еще ребенком я как-то раз вскарабкался наверх. Я думал, это запретное место, и не сомневался: если кто-нибудь дознается, что я там побывал, меня сурово накажут. До сих пор помню, какой вид открывается с высоты. Интересно, так ли он на самом деле величествен, как мне казалось в детстве.

— Мы можем подняться по дороге шествий, если хочешь. Она не такая крутая, потому что вьется вокруг Холма, но зато длиннее.

— Нет, — покачал головой Ланселет, — я бы предпочел взобраться прямо по склону, но... — Он замялся. — По силам ли такой подъем для девушки? На охоте мне доводилось карабкаться по камням, но ты в длинных юбках...

Рассмеявшись, Моргейна заверила его, что поднималась на Холм не раз и не два.

— Что до юбок, я к ним привыкла, — сказала она, — но ежели они станут мешаться, я подберу их выше колен.

Улыбка Ланселета заключала в себе неизъяснимое очарование.

— Большинство знакомых мне женщин сочли бы, что скромность не позволяет обнажать ноги.

Моргейна вспыхнула.

— Вот уж никогда не думала, что скромность имеет отношение к лазанию по скалам, подобрав юбки: ручаюсь, мужчинам известно, что у женщин тоже есть ноги. И вряд ли это такое уж преступление против скромности: увидеть своими глазами то, что можешь вообразить в мыслях. Я знаю, некоторые христианские священники именно так и рассуждают, да только они верят, будто человеческая плоть — творение дьявола, а вовсе не Бога, и при взгляде на женское тело невозможно не впасть в неистовство, желая овладеть им.

Ланселет отвернулся, и девушка осознала, что, невзирая на всю свою уверенность, он по-прежнему застенчив, и это пришлось ей по душе. Вместе принялись они карабкаться наверх. Моргейна, сильная и закаленная — ведь ей приходилось немало ходить и бегать, — задала поразивший ее спутника темп, а спустя несколько мгновений юноша убедился, что угнаться за ней не так-то просто. На середине подъема Моргейна помедлила и с немалым удовольствием отметила, что Ланселет тяжело дышит, в то время как ее собственное дыхание даже не участилось. Она подобрала широкие ниспадающие юбки, заткнув их за пояс, так что колени прикрывал один-единственный лоскут, и двинулась дальше по более каменистому и крутому участку склона. Прежде она при необходимости обнажала ноги, нимало о том не задумываясь, но теперь, зная, что Ланселет на них смотрит, не могла избавиться от мысли о том, как они стройны и крепки, и гадала, уж не сочтет ли ее юноша и в самом деле нескромной. Вскарабкавшись до самого верха, она перебралась через край и уселась в тени круга камней. Минуту или две спустя подоспел и Ланселет и, тяжело дыша, рухнул на землю.

— Наверное, я слишком много времени проводил в седле и слишком мало ходил пешком и лазал по камням! — посетовал юноша, едва к нему вернулся дар речи. — А ты, ты даже не запыхалась!

— Но я-то привыкла сюда подниматься, а я не всегда пользуюсь дорогой шествий, — возразила девушка.

— А на острове Монахов — ни следа круга камней, — проговорил он, махнув рукой.

— Верно, — кивнула Моргейна. — В тамошнем мире есть только церковь и башня. Если мы прислушаемся слухом духа, мы услышим церковный звон... там лежит тень, и в их мире мы тоже будем тенями. Иногда я думаю: уж не поэтому ли в священные для нас дни они избегают церкви, постятся и бдят, — жутко, наверное, различать повсюду вокруг себя тени стоячих камней, а те, кто наделен хотя бы крупицей Зрения, чего доброго, ощущают и чувствуют, как тут и там расхаживают друиды, и слышат отголоски их гимнов.

Ланселет поежился, на солнце словно наползло облачко.

— А ты... ты тоже обладаешь Зрением? Ты можешь видеть сквозь завесу, разделяющую миры?

— Зрением наделены все, — отозвалась Моргейна, — но я обучена ему превыше большинства женщин. Хочешь взглянуть, Галахад?

Юноша снова вздрогнул.

— Прошу тебя, кузина, не зови меня этим именем.

Она рассмеялась:

— Значит, хоть ты и живешь среди христиан, ты веришь в древние предания о народе фэйри: дескать, кто узнает твое истинное имя, может повелевать твоим духом по своему желанию? Ну, мое-то имя тебе известно, кузен. А как мне тебя звать? Может, Лансом?

— Да как хочешь, только не тем именем, что дала мне мать. Я до сих пор замираю от страха, когда она произносит это имя с этакими особыми интонациями. Кажется, я впитал этот страх вместе с ее молоком...

Моргейна потянулась к юноше и коснулась пальцем той точки между бровями, что восприимчива к Зрению. Легонько подула на это место — и юноша задохнулся от изумления, ибо круг камней, нависающий над ними, словно растаял, превратился в тень. Теперь перед ними расстилалась вся вершина Холма как есть, с крохотной, плетенной из прутьев церквушкой под приземистой каменной башней, украшенной грубым изображением ангела.

Ланселет поспешно перекрестился: к ним приближалась процессия облаченных в серое фигур.

— Моргейна, они нас видят? — хрипло прошептал юноша.

— Для кого-то мы, возможно, тени и призраки. Некоторые, пожалуй, принимают нас за своих же монахов или думают, будто глаза их ослепило солнце, так что они видят то, чего на самом деле нет, — произнесла она срывающимся голосом, ибо то, что она поведала, считалось таинством, о котором с непосвященными не говорят. Но никогда в жизни Моргейна не ощущала такой близости с кем бы то ни было, девушка чувствовала, что просто не может иметь от Ланселета секретов, и сделала ему этот подарок, твердя себе, что Владычица все равно хочет оставить юношу на Авалоне. Что за мерлин из него получится!

«О, Агнец Божий, что отвел от нас зло мира, Христос, яви нам свое милосердие...» — слышалось тихое пение.

Ланселет тихо напевал себе под нос знакомые строчки, когда церковь исчезла: над ними вновь нависали стоячие камни.

— Пожалуйста, не надо, — тихо попросила Моргейна. — Петь этот гимн здесь — значит оскорблять Великую Богиню; со-

зданный ею мир — вовсе не зло, и ни одна ее жрица никому не позволит говорить такое.

— Как скажешь. — Ланселет замолчал, и вновь по лицу его пробежало облачко. Голос его звучал так музыкально и мелодично, что, когда пение оборвалось, Моргейне немедленно захотелось вновь услышать его голос.

— Ланс, а на арфе ты играешь? Голос у тебя на диво красив, лучше, чем у иного барда.

— В детстве меня учили. А после я совершенствовался лишь в том, что подобает отпрыску знатного рода, — отвечал Ланселет. — Так что все, что я приобрел, — это любовь к музыке настолько великую, чтобы преисполниться отвращения к своим собственным потугам.

— В самом деле? Друид, проходя обучение, сперва становится бардом, а потом уж жрецом, ибо музыка — один из ключей к законам вселенной.

Ланселет вздохнул:

— Да, вот это для меня и впрямь искушение, одна из немногих причин, что сподвигла бы меня к призванию друида. Но мать хочет, чтобы я сидел на Авалоне, сложа руки, и бренчал на арфе, пока мир вокруг нас рушится, а саксы и дикие северяне жгут, грабят и разбойничают в моей стране. Моргейна, ты когда-нибудь видела деревню, разоренную саксами? — И тут же сам ответил на свой вопрос: — Нет, конечно же, нет, ты живешь здесь, под защитой Авалона, за пределами мира, где идут войны и льется кровь, но мне нельзя об этом не думать. Я — воин, и сдается мне, что в наши тревожные времена защищать этот чудесный край от пожаров и разбоя — единственный труд, достойный мужчины. — Лицо его сделалось замкнутым, каких только ужасов ни проносилось перед его мысленным взором!

— Если война так ужасна, — промолвила Моргейна, — отчего бы не укрыться от нее здесь? Столько старых друидов умерло в последнем великом свершении магии, благодаря которому это священное место удалили из мира скверны, а сыновей, способных прийти им на смену, у нас недостаточно.

— Авалон прекрасен, и, если бы мне удалось сделать так, чтобы во всех королевствах воцарился мир, как на Авалоне, я бы с радостью остался здесь навечно и проводил свои дни, играя на арфе, слагая напевы и беседуя с духами великих деревьев... но, сдается мне, недостойно мужчины прятаться здесь, на Острове, в то время, как за его пределами страдают и мучаются люди. Моргейна, давай не будем говорить об этом сейчас. На сегодня, молю тебя, дай мне забыться. Внешний мир раздирают распри, а я приехал сюда насладиться днем-другим покоя, неужто ты мне откажешь? — Голос Галахада, напевный и выразительный, чуть дрогнул, и прозвучавшая в нем боль ранила ее так глубоко, что

на мгновение Моргейне почудилось, она вот-вот разрыдается. Девушка потянулась к его руке и порывисто ее сжала.

— Пойдем, — позвала она. — Ты хотел полюбоваться на здешний вид... таков ли он, как тебе запомнилось?

Она повела гостя прочь от кольца камней, и они оглядели Озеро. Повсюду вокруг Острова переливалась и мерцала в солнечном свете подернутая легкой рябью водная гладь. Далеко внизу поверхность прочертила крохотная лодочка — с такой высоты она казалась не больше выпрыгнувшей из воды рыбки. Другие острова, одетые туманом, смутно темнели вдалеке: очертания их казались размытыми благодаря расстоянию и магической завесе, что отделяла Авалон от всего мира.

— Неподалеку отсюда, — промолвил Ланселет, — на возвышенности есть древняя крепость фэйри, и со стен ее открывается такой вид, что можно различить и Холм, и Озеро, и еще остров, похожий на свернувшегося кольцом дракона... — Он изящно взмахнул рукой.

— Я знаю это место, — отозвалась Моргейна. — Крепость стоит на одной из древних магических линий силы, что расчертили всю землю, однажды меня туда приводили, чтобы я сполна ощутила власть земли. Народ фэйри в таких вещах разбирался: я тоже чуть-чуть улавливаю, чувствую, как вибрируют земля и воздух. А ты что-нибудь ощущаешь? Ведь и в тебе течет кровь фэйри, ты — сын Вивианы.

— Здесь, на магическом острове, нетрудно ощутить, как земля и воздух полнятся силой, — тихо проговорил он.

Ланселет отвернулся от Озера, зевнул, потянулся.

— Подъем утомил меня больше, чем я думал, кроме того, почти всю ночь я провел в седле. Я готов посидеть на солнышке и подкрепиться хлебом, что ты для нас запасла!

Моргейна привела его к самому центру каменного круга. Если Ланселет способен хоть что-то почувствовать, уж здесь-то он непременно ощутит присутствие великих сил, думала про себя девушка.

— Ложись на спину, и земля напоит тебя своей мощью, — проговорила Моргейна, вручая ему ломоть; прежде чем завернуть хлеб в обрывок кожи, девушка щедро намазала его маслом и сотовым медом. Они ели медленно, не спеша, слизывая с пальцев золотистый сироп. Ланселет потянулся к руке своей спутницы и шутливо слизнул медовый потек с ее мизинца.

— Какая ты сладкая, кузина моя, — рассмеялся он, и Моргейна почувствовала, как под его прикосновением ожило все ее существо. Она завладела рукой юноши, намереваясь отплатить ему той же монетой, и тут же разжала пальцы, точно обжегшись: для него это скорее всего только игра, но для нее — все совсем

иначе. Девушка отвернулась и спрятала пылающее лицо в траве. Сила земли перетекала в нее, наделяя могуществом самой Богини.

— Ты — дитя Богини, — проговорила Моргейна наконец. — Неужто ты ничего не знаешь о ее таинствах?

— Очень мало, хотя отец однажды поведал мне о том, как я был зачат — как дитя Великого Брака между королем и его землей. Так что, наверное, он считает, что мне должно хранить верность самой земле Британии, которая для меня и отец, и мать... Я побывал в великом средоточии древних таинств, в гигантском каменном коридоре Карнака, где некогда стоял Храм; там — источник силы, как здесь. Да, здесь я чувствую то же самое. — Ланселет развернулся и заглянул в лицо своей спутницы. — Ты — словно Богиня этого места, — промолвил он, дивясь. — В древних культах, я знаю, мужчины и женщины вместе отдаются ее власти, хотя священники очень хотели бы запретить такие обряды, точно так же, как стремятся сокрушить все древние камни, вроде тех, что нависают над нами сейчас, и великие мегалиты Карнака тоже... Часть они уже ниспровергли, да только задача эта не из простых.

— Богиня им помешает, — просто ответила Моргейна.

— Может, и так, — согласился Ланселет и осторожно прикоснулся к синему полумесяцу у нее на лбу. — Ты ведь в этом месте дотронулась до меня, когда помогла мне заглянуть в иной мир. Это касается Зрения, Моргейна, или это — еще одно из таинств, о которых тебе запрещено рассказывать? Ну ладно, я и спрашивать не буду. Просто я чувствую себя так, словно меня похитили и унесли в одну из древних крепостей фэйри, где, по слухам, за одну ночь проходит сто лет.

— Ну, не то чтобы все сто, — рассмеялась Моргейна, — хотя отчасти это правда: ход времени там и впрямь иной. Но я слышала, будто некоторые барды и по сей день вольны ходить в эльфийскую страну и обратно... просто мир фэйри отступил в туманы еще дальше Авалона, вот и все. — И девушка неуютно поежилась.

— Может статься, когда я вернусь в реальный мир, саксов уже разобьют наголову и от них одно воспоминание останется, — предположил Ланселет.

— И ты горестно зарыдаешь, ибо жизнь твоя утратит смысл?

Рассмеявшись, юноша покачал головой, не выпуская руки своей спутницы. А спустя минуту негромко спросил:

— А ты, значит, уже служила Богине в день костров Белтайна?

— Нет, — тихо ответила Моргейна. — Я храню девственность, пока это угодно Богине, скорее всего, меня сохраняют для Великого Брака... Вивиана не объявляла мне свою волю, равно как и волю Богини. — Девушка опустила голову, рассыпавшиеся волосы волной упали ей на лицо. Моргейна вдруг отчаянно оро-

бела, словно гость мог прочесть ее мысли и распознать желание, вдруг вспыхнувшее в ней, подобно пламени. Отречется ли она от своей ревностно сберегаемой девственности, если Ланселет ее об этом попросит? Никогда прежде запрет не казался ей в тягость, а теперь ощущение было такое, словно между ними лег огненный меч. Наступило долгое молчание, по солнцу скользили тени, тишину нарушало лишь стрекотание кузнечиков в траве. Наконец Ланселет потянулся к девушке, уложил ее на траву и ласково поцеловал полумесяц на челе: поцелуй этот обжег ее как пламя. Голос его звучал мягко и серьезно:

— Да охранят меня все Боги, что есть, от посягательств на то, что Богиня наметила для себя, милая моя кузина. В моих глазах ты священна, как сама Богиня. — Ланселот привлек ее ближе, его била дрожь, и девушка испытала счастье острое, словно боль.

Моргейна в жизни своей не знала, что такое быть счастливой — почитай что со времен бездумного детства, счастье смутно запомнилось ей по тем временам, когда мать еще не обременила ее маленьким братом. А здесь, на Острове, жизнь воспарила к свободным сферам духа; Моргейна изведала радости и восторги могущества, страдания и напряжение боли и тяжких испытаний; но чистое, незамутненное счастье она познала только сейчас. Солнце словно запылало ярче, облака заскользили по небу, точно огромные крылья, рассекающие мерцающий, пронизанный лучами воздух; каждый бутон клевера в траве засиял собственным внутренним светом, светом, что разливался и от нее самой. Моргейна смотрела на свое отражение в глазах Ланселета и знала, что она прекрасна, что Ланселет желает ее — и, однако же, его любовь и благоговение так велики, что он готов сдержать собственные страсти в границах дозволенного. Моргейне казалось, что подобной радости она просто не выдержит.

Время остановилось. Она парила в блаженном забытьи. Ланселет всего лишь поглаживал ее щеку легчайшим, точно перышко, прикосновением, и ни один из них не хотел большего. Моргейна перебирала его пальцы, чувствуя мозоли на ладони.

Спустя бесконечно долгое время Ланселет притянул ее к себе и укутал полами плаща. Они лежали рядом, едва соприкасаясь; сквозь них струилась исполненная гармонии сила солнца, земли и воздуха; Моргейна погрузилась в лишенную сновидений дрему, даже сквозь сон сознавая, что руки их по-прежнему сплетены. Казалось, будто некогда — очень, очень давно — они уже лежали так, ублаготворенные, не подвластные времени, наслаждаясь бесконечным, радостным покоем, как если бы стали частью стоячих камней, что высились здесь испокон веков, как если бы она вновь переживала и помнила их пребывание здесь. Позже девушка проснулась и обнаружила, что Ланселет, в свою очередь, задремал, и, усевшись, залюбовалась спящим, пытаясь за-

помнить каждую черточку его лица во власти неизбывной нежности.

Полдень уже миновал, когда юноша пробудился, улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, потянулся всем телом, как кот. Все еще заключенная в прозрачном пузырьке радости, Моргейна услышала его голос:

— Мы же собирались спуститься вниз, поохотиться на озерную птицу! Мне бы хотелось помириться с матушкой — я так счастлив, что и подумать не могу о том, чтобы враждовать с кем бы и чем бы то ни было, но, возможно, духи природы пошлют нам птаху-другую, чье предназначение — стать для нас отменной трапезой...

Рассмеявшись, Моргейна сжала его руку.

— Я отведу тебя к тому месту, где кормятся водяные птицы, и, ежели такова воля Богини, мы ничего не поймаем, так что незачем угрызаться совестью из-за вмешательства в судьбу пернатых. Но там *очень* топко, так что тебе придется снять сапоги для верховой езды, а мне — снова подоткнуть платье. Ты пользуешься дротиком на манер пиктов, или пиктскими крохотными отравленными стрелами, или ты просто ловишь птицу в силок и сворачиваешь ей шею?

— Сдается мне, если по-быстрому набросить на птицу сеть и тут же свернуть ей шею, она почти не мучается, — задумчиво проговорил Ланселет, и девушка кивнула.

— Я принесу силок и сеть...

Спускаясь с Холма, они никого не встретили, за несколько минут молодые люди скатились вниз, при том что подъем вверх занял больше часа. Моргейна заглянула в строение, где хранились сети и силки, и прихватила с собою два; стараясь не шуметь, они прошли вдоль берега и в дальнем конце острова набрели на заросли камышей. Сняв обувь, они вошли в воду, спрятались в тростниках и расставили сети. Они оказались в тени Холма, и в воздухе веяло прохладой; озерные птицы уже слетались на воду стаями, чтобы покормиться на мелководье. Минута — и в силках Моргейны забилась, хлопая крыльями, первая птаха, девушка проворно бросилась к добыче, схватила ее и свернула ей шею. Следующую птицу поймал Ланселет, а потом и еще одну. Сплетя веревку из тростника, он связал тушки за шеи.

— Ну и довольно, — проговорил он. — Это славная забава, но в такой день, как сегодня, мне не хотелось бы убивать без нужды ничего живого. Одна птица для матери, две — для мерлина. Хочешь, и тебе одну поймаем?

— Я не ем мяса, — покачала головой Моргейна.

— Ты такая крохотная, — произнес Ланселет. — Наверное, и еды тебе требуется самая малость. А я вот рослый, оттого-то я вечно голодный.

— Так ты и сейчас голоден? Для ягод еще рано, но можно поискать боярышника, что остался с зимы...

— Нет, — возразил Ланселет, — не сейчас, право, нужды нет, ежели я и проголодался, тем вкуснее мне покажется ужин.

Промокшие насквозь, они выбрались на берег. Моргейна стянула с себя верхнюю тунику из оленьей кожи и повесила просушить на куст, чтобы та не сделалась жесткой. Сняла она и юбку и выжала из нее воду, как ни в чем не бывало оставшись лишь в нижней рубахе из некрашеного льна. Они вернулись к тому месту, где оставили обувь, но надевать ее не стали, а просто уселись в траву и, молча держась за руки, принялись наблюдать за птицами, что, переворачиваясь хвостом вверх, ныряли за мелкой рыбешкой.

— До чего здесь спокойно и тихо, — промолвил Ланселет. — Словно мы — одни в целом мире, за пределами времени и пространства, не знающие ни забот, ни бед, ни мыслей о войне и битвах, королевствах и распрях...

— Хотелось бы мне, чтобы этот день длился вечно! — срывающимся голосом проговорила Моргейна, вдруг осознав, что это золотое блаженство рано или поздно закончится.

— Моргейна, ты плачешь? — встрепенувшись, заботливо спросил юноша.

— Нет, — яростно возразила она, стряхивая с ресниц одну-единственную непокорную каплю и видя, как мир дробится на цвета спектра. Моргейна не умела плакать, ни единой слезинки боли или страха не пролила она за все годы испытаний, назначенные будущей жрице.

— Кузина... Моргейна, — проговорил Ланселет, прижимая девушку к себе и поглаживая ее по щеке. Моргейна обернулась, прильнула к нему, спрятала лицо в его тунике. Грудь его пылала жаром, в ушах девушки звучал мерный стук его сердца. Спустя мгновение Ланселет наклонился, одной рукою взял Моргейну за подбородок, приподнял ей голову — и губы их встретились.

— Хотелось бы мне, чтобы ты не была обещана Богине, — прошептал он.

— И мне тоже, — тихо проговорила она.

— Ну же, иди сюда... позволь мне обнять тебя, вот так... я же поклялся, что не стану... посягать на чужое.

Моргейна закрыла глаза, ей было все равно. Клятва казалась такой далекой, не ближе тысячи лиг, не ближе тысячи лет, и даже мысль о гневе Вивианы ее уже не останавливала. Спустя много лет она гадала, а что бы произошло, если бы они простояли так еще хотя бы несколько минут; вне всякого сомнения, Богиня, в чьих руках они пребывали, поступила бы с ними по воле своей. Но едва губы их соприкоснулись вновь, Ланселет чуть на-

прягся, словно услышав некий звук на самом пределе человеческого слуха.

Моргейна отстранилась и села.

— Моргейна, что это?

— Я ничего не слышу, — проговорила девушка, пытаясь уловить хоть что-нибудь за тихим говором озерной воды, за шелестом ветра в тростниках и за редкими всплесками выпрыгнувшей из воды рыбины. И звук повторился, точно легкий вздох... точно чей-то всхлип.

— Кто-то плачет, — проговорил Ланселет, распрямляя длинные ноги и проворно вскакивая. — Вон там... кто-то ранен или заблудился... маленькая девочка, судя по голосу...

Как была, босиком, Моргейна поспешно бросилась за ним, оставив юбку и тунику сушиться на кусте. Чего доброго, какая-нибудь из младших жриц и впрямь заплутала в болотах, хотя им и не позволено выходить за пределы ограды Дома дев. И все-таки девочки есть девочки, напрасно ждать, что они не станут нарушать правил. Одна из старых жриц однажды сказала, что Дом дев — это такое место для малых девчушек, смысл бытия которых — проливать, ломать и забывать все на свете, в том числе и правила на каждый день; там живут они до тех пор, пока не разольют, не сломают и не забудут все, что в их силах, освободив в жизни немножко места для мудрости. И теперь, когда Моргейна в свой черед стала посвященной жрицей в полном смысле этого слова и начала обучать послушниц, ей иногда казалось, что ведунья сказала чистую правду: уж, разумеется, сама она никогда не была такой глупой, пустоголовой девчонкой, как нынешние обитательницы Дома дев!

Они пошли на звук. Смутный и неясный, он то обрывался на несколько минут, то вновь раздавался вполне отчетливо. С Озера толстыми щупальцами потянулся туман, Моргейна не знала доподлинно, обычное ли это марево, рожденное сыростью и приближением заката, или края завесы, окружающей магическое королевство.

— Здесь, — объявил Ланселет, внезапно ныряя в туман. Моргейна поспешила следом. Там, смутно различимая в белесой дымке, то растворяясь среди теней и перетекая в реальный мир, а то появляясь снова, стояла и плакала девочка. Вода доходила ей до лодыжек.

«*Да*, — подумала про себя Моргейна, — *и в самом деле девочка*». И: «*Нет, это не жрица*». Незнакомка была совсем юна и ослепительно хороша собой: вся — белизна и золото; кожа — прозрачно-бледная, точно слоновая кость, чуть тронутая кораллом; глаза чистейшей небесной голубизны, длинные светлые волосы мерцали в тумане текучим золотом. На ней было белое платье, незнакомка безуспешно пыталась приподнять подол над водой

так, чтобы не замочить. Каким-то непостижимым образом, проливая слезы, она умудрялась нисколько не кривить лицо, так что, даже плача, она казалась лишь прелестнее, чем прежде.

— Что случилось, дитя? — спросила Моргейна. — Ты потерялась?

Девочка уставилась на вновь пришедших во все глаза.

— Кто вы? — прошептала она. — Я и не надеялась, что меня здесь услышат, — я звала сестер, но ни одна не откликнулась, а потом земля задрожала, и там, где только что была твердая почва, я оказалась в воде, и повсюду — тростники, и я так испугалась... Что это за место? В жизни своей его не видела, а я ведь в монастыре уже почти год... — И незнакомка перекрестилась.

И внезапно Моргейна поняла, что произошло. Завеса истончилась, как это порою происходило в таких вот местах мощного средоточия силы, а незнакомка отчего-то оказалась достаточно чутка, чтобы это почувствовать. Порою такое случалось, как мимолетное видение, так, что невольному зрителю иной мир являлся призрачной тенью, мгновенным мороком, но *попасть* в иной мир во плоти — такое приключалось крайне редко.

Девочка шагнула к ним, но топь под ногами ее заколыхалась, и она в панике застыла на месте.

— Стой спокойно, — мягко посоветовала Моргейна. — Здесь дно ненадежное. Я знаю тропу, сейчас я тебя выведу, милая.

Моргейна шагнула вперед, протягивая руку, но Ланселет, опередив ее, подхватил девочку на руки, перенес на твердую почву и поставил на землю.

— У тебя башмаки промокли, — промолвил он. В обуви незнакомки и впрямь хлюпала вода. — Ты сними их, они быстро высохнут.

Девочка потрясенно глядела на него, от изумления она даже плакать перестала.

— Ты ужасно сильный. Даже мой отец не такой могучий, как ты. И, кажется мне, я тебя где-то видела. Или нет?

— Не знаю, — отозвался Ланселет. — А кто ты? И кто твой отец?

— Мой отец — король Леодегранс, — отвечала девочка, — а здесь я в монастырской школе... — Голос ее снова задрожал. — Где это? Я не вижу ни стен, ни церкви...

— Не плачь, — промолвила Моргейна, выступая вперед, и девочка испуганно отпрянула.

— Ты — из народа фэйри? У тебя на лбу синий знак... — Незнакомка вновь перекрестилась. — Нет, — проговорила она с сомнением, — демонессой ты быть никак не можешь, ты не развеиваешься, когда я осеняю себя крестным знамением, а сестры говорят, против креста ни один демон не устоит... но ты маленькая и безобразная, как фэйри...

— Конечно же, никто из нас не демон, — решительно объявил Ланселет, — и, думается мне, мы сумеем отыскать для тебя дорогу обратно в монастырь. — Сердце у Моргейны упало: она видела, что юноша смотрит на незнакомку так, как еще несколько минут назад смотрел на нее: с любовью, желанием, едва ли не благоговейно. — Мы ведь сможем помочь ей, правда? — с надеждой спросил он, обернувшись к своей спутнице. И Моргейна увидела себя словно со стороны — такой, как она, надо думать, выглядит в глазах Ланселета и золотоволосой незнакомки: низкорослая, смуглая, с варварским синим знаком на лбу, рубашка забрызгана до колен, руки бесстыдно оголены, ноги грязные, волосы растрепаны. «*Маленькая и безобразная, как фэйри. Моргейна Волшебница...*» Так дразнили ее с детства. На Моргейну накатил приступ ненависти к себе самой: собственное хрупкое, смуглое тело, полуобнаженные руки и ноги, забрызганная грязью оленья кожа в этот миг внушали ей неизбывное отвращение. Девушка сорвала с куста влажную юбку, поспешно надела ее, вдруг устыдившись своей наготы, и кое-как натянула поверх тунику. На мгновение, ощутив на себе взгляд Ланселета, Моргейна почувствовала, что и он тоже находит ее безобразной, чужеродной дикаркой; а вот это утонченное златовласое создание принадлежит его миру!

Ланселет выступил вперед, ласково взял незнакомку за руку, почтительно ей поклонился:

— Пойдем, мы покажем тебе дорогу назад.

— Да, — отрешенно повторила Моргейна. — Я покажу дорогу. Следуйте за мной да не отставайте, ибо почва тут ненадежная; завязнете в трясине — так потом вовеки не выберетесь. — Мгновение, ослепленная бешенством, она испытывала искушение завести обоих в непроходимые топи — ей это нетрудно, все здешние тропы она знает — и там бросить, пусть себе тонут или до скончания жизни блуждают в туманах.

— Как тебя зовут? — полюбопытствовал Ланселет.

— Гвенвифар, — отозвалась светлокудрая девочка, и Ланселет пробормотал про себя:

— Что за прелестное имя, прямо под стать владелице.

Моргейна испытала приступ ненависти такой жгучей, что еще бы секунда, и она потеряла бы сознание. И одновременно в этот опаляющий миг ей вдруг отчаянно захотелось умереть. Все краски дня внезапно погасли, растворились в туманах и топях и среди унылых тростников. А вместе с ними — и все ее счастье.

— Идем, — повторила она бесстрастно. — Я покажу дорогу.

Развернувшись, Моргейна услышала, как они двое смеются за ее спиной, и сквозь свинцовую волну ненависти пробилась

мысль: не над ней ли они потешаются? В ушах ее звенел детский голосок Гвенвифар:

— Но *ты*-то не из этого кошмарного места, правда? *Ты* на фэйри не похож, ты не маленький и не безобразный.

Нет, думала про себя Моргейна, конечно же, нет, Ланселет так хорош собой, а она... *маленькая и страхолюдная*. Эти слова выжигали ей сердце, девушка забыла, что как две капли воды похожа на Вивиану, а в ее глазах Вивиана прекрасна. А, опять Ланселет: «Нет-нет, мне ужасно хотелось бы пойти с тобой... честное слово, хотелось бы... но я обещал нынче вечером отужинать с одним родственником, а моя мать и без того мною недовольна, не хватает еще, чтобы и пожилой господин тоже рассердился. Нет же, я не с Авалона...» А потом, спустя минуту: «Нет, она... ну, вроде как кузина моей матери или что-то в этом духе, мы знали друг друга еще детьми, вот и все». Вот теперь Моргейна знала доподлинно: речь идет о ней. Как же быстро все, что произошло между ними, свелось к отдаленному семейному родству! Отчаянно сдерживая слезы, от которых стеснилось в горле, зная, что, расплакавшись, она покажется этим двоим еще более безобразной, Моргейна ступила на твердую почву.

— Твой монастырь вон там, Гвенвифар. Смотри, не сходи с тропы, а то опять заблудишься в туманах.

Только теперь Моргейна разглядела, что девчонка держится за руку Ланселета. Тот с явной неохотой выпустил ее ладошку.

— Спасибо тебе, о, спасибо! — воскликнула девочка.

— Благодарить нужно Моргейну, — возразил Ланселет. — Это она знает все тропы, ведущие к Авалону и назад.

Девочка застенчиво искоса глянула на свою провожатую — и учтиво присела:

— Спасибо, госпожа Моргейна.

Моргейна глубоко вдохнула, вновь запахнувшись в незримый плащ жрицы — чары, что могла вызывать по своей воле; невзирая на грязную, изорванную одежду, босые ноги, мокрые волосы, что рассыпались по плечам, спутавшись в колтуны, она вдруг явилась взгляду высокой и статной, исполненной грозного величия. Она холодно подняла руку в благословляющем жесте, молча развернулась и жестом же приказала Ланселету следовать за собою. Даже не видя, Моргейна знала, что в глазах девочки вновь отразились благоговение и страх. Она безмолвно двинулась прочь — бесшумной скользящей поступью жрицы Авалона. Ланселет неохотно побрел вслед за нею.

Спустя мгновение Моргейна оглянулась, но туманы уже соткались в непроницаемую завесу, и девочка исчезла.

— Как ты это делаешь, Моргейна? — потрясенно осведомился Ланселет.

— Что «это»? — отозвалась она.

— Ты вдруг показалась такой... такой... похожей на мою мать. Статная, отчужденная, надменная и... не вполне настоящая. Точно демонесса. Бедную девочку насмерть перепугала, зачем, право?

Моргейна прикусила язык, сдерживая внезапно нахлынувшую ярость.

— Кузен, я такова, какова есть, — холодно и загадочно ответствовала она и, развернувшись, стремительно зашагала по тропе впереди него. Девушка устала, озябла, ее тошнило от отвращения, ей отчаянно хотелось остаться наедине с собою в Доме дев. Ланселет, похоже, далеко отстал, но теперь ей было все равно. Отсюда он и сам дорогу найдет.

Глава 13

Весной следующего года, в грозу, — на исходе зимы бури с дождем не редкость, — однажды поздно ночью на Авалон прибыл мерлин. Владычица изумленно выслушала известие.

— В подобную ночь лягушки и те тонут, — промолвила она. — Что привело его в такую непогоду?

— Не знаю, Владычица, — ответствовал молодой ученик друидов, доставивший весть. — Он даже за ладьей не послал, но прошел сам по сокрытым тропам, и говорит, что должен увидеться с тобой сегодня же ночью, до того как ты ляжешь спать. Я прислал ему сухую одежду — его собственная была в жутком состоянии, как ты можешь вообразить. Я бы вина и еды ему тоже принес, да только он говорит, что, возможно, поужинает с тобой.

— Передай, что его ждет радушный прием, — промолвила Вивиана, старательно добиваясь того, чтобы голос звучал бесстрастно, — она превосходно освоила искусство скрывать свои мысли, — но как только юноша исчез, позволила себе изумленно нахмуриться.

Она позвала прислужниц и велела принести ей не обычный скудный ужин, но снедь и вино для мерлина и заново развести огонь.

Спустя какое-то время за дверью послышались его шаги, войдя, гость направился прямиком к огню. Ныне Талиесин был согбен годами, волосы и борода его совсем побелели, в зеленом облачении ученика барда он смотрелся несколько нелепо — платье оказалось ему слишком коротко, так что из-под нижнего края торчали костлявые лодыжки. Вивиана усадила старика у огня — он все еще дрожал — и поставила рядом с ним блюдо с едой и чашу с вином — доброе яблочное вино с самого Авалона в чеканной серебряной чаше.

Сама она присела рядом на низкий табурет и, глядя, как гость ест, тоже подкрепилась хлебом и сушеными фруктами. Когда же мерлин отодвинул блюдо и пригубил вина, она промолвила:

— Теперь расскажи мне все, отец.

Старик улыбнулся собеседнице.

— Вот уж не ждал услышать от тебя такое обращение, Вивиана. Или ты думаешь, что я, впав в старческое слабоумие, принял духовный сан?

Владычица покачала головой.

— Нет, — промолвила она, — но ты был возлюбленным моей матери, которая носила титул Владычицы до меня, и ты стал отцом двух моих сестер. Вместе служили мы Богине и Авалону столько лет, что мне уж и не счесть, и, как знать, может, нынче ночью я тоскую по утешению отцовского голоса... сама не знаю. Нынче ночью я чувствую себя совсем старой, оте... Талиесин. А что, по-твоему, я слишком стара, чтобы быть тебе дочерью?

Старый друид улыбнулся:

— Что ты, Вивиана. Над тобою время не властно. Я знаю, сколько тебе лет, но ты и по сей день для меня — лишь девочка. Даже теперь ты могла бы избрать столько возлюбленных, сколько пожелала бы, захоти ты только.

Вивиана досадливо отмахнулась.

— Будь уверен, за всю свою жизнь я не встречала мужчины, что значил бы для меня больше, нежели необходимость, или долг, или удовольствие одной ночи, — промолвила она. — И только раз, сдается мне, я столкнулась с мужчиной, почти равным мне по силе, — не считая тебя, конечно. — Владычица рассмеялась. — Хотя, будь я десятью годами моложе... как, по-твоему, смотрелась бы я на троне рядом с королем. А сын мой годится на роль наследника?

— Не думаю, что Галахад — или как он там себя теперь называет? Ланселет, кажется? — не думаю, что он — из того материала, из которого делаются короли. Он — мечтатель, тростинка, колеблемая ветром.

— Но если бы отцом его стал Утер Пендрагон...

Талиесин покачал головой:

— Он — из тех, кто идет следом, Вивиана, он — не вождь.

— Именно так. В силу того, что он рос при дворе Бана как бастард. А вот будь он воспитан как королевский сын...

— И кто бы правил Авалоном все эти годы, избери ты корону запредельных христианских земель?

— Если бы я правила там рядом с Утером, эти земли не были бы христианскими. Я надеялась, Игрейна получит над ним достаточную власть, чтобы воспользоваться ею ради Авалона...

Мерлин покачал головой.

— Без толку горевать о прошлогоднем снеге, Вивиана. Я ведь об Утере и приехал поговорить. Он умирает.

Владычица вскинула голову и во все глаза уставилась на собеседника.

— Итак, время пришло. — Сердце ее учащенно забилось. — Но он слишком молод, чтобы умереть...

— Он водит в битву своих воинов, в то время как правитель более мудрый в его годы предоставил бы это своим полководцам; он был ранен, началась лихорадка. Я предложил свои услуги целителя, но Игрейна воспротивилась, и священники — тоже. Впрочем, мне все равно ничего бы не удалось сделать: час Утера пробил. Я прочел это в его глазах.

— А какова Игрейна в роли королевы?

— Такова, как можно было предвидеть, — отозвался старый друид. — Она красива, исполнена достоинства и благочестия, непрестанно носит траур по умершим детям. На день всех святых она родила еще одного сына, он прожил лишь четыре дня. А замковый капеллан убедил королеву, что это — кара за ее грехи. С тех пор как Игрейна вышла замуж за Утера, ее не коснулась и тень злословия — если не считать того, что ее первый ребенок родился раньше срока. Но и этого хватило. Я спросил Игрейну, что станется с нею после смерти Утера, и, всласть выплакавшись по этому поводу, она сказала, что удалится в монастырь. Я предложил ей приют на Авалоне, где живет ее дочь, но Игрейна объявила, что христианской королеве сие не подобает.

Улыбка Вивианы посуровела.

— Вот уж не думала услышать такое от Игрейны.

— Вивиана, не след винить ее даже в мыслях за то, что содеяла ты сама. Авалон изгнал ее, когда она отчаянно нуждалась в Острове, станешь ли ты осуждать девочку за то, что она обрела утешение в вере более простой, чем наша?

— Не сомневаюсь, что ты прав... ты — единственный человек во всей Британии, способный назвать королеву девочкой!

— В моих глазах, Вивиана, даже ты порою кажешься маленькой девочкой — той самой малышкой, что взбиралась, бывало, ко мне на колени и трогала струны арфы.

— А ныне я почти и не играю. С годами пальцы мои утратили гибкость, — посетовала Владычица.

Мерлин покачал головой.

— Нет-нет, милая, — возразил он, демонстрируя свои собственные, исхудавшие, шишковатые старые пальцы. — В сравнении вот с ними твои руки молоды, однако я всякий день беседую ими со своей арфой, да и ты могла бы. Просто ты предпочла держать в руках власть — а не песню.

— А что бы сталось с Британией, сделай я иной выбор? — вспыхнула Владычица.

— Вивиана, — промолвил мерлин, посуровев, — я тебя не упрекал, я всего лишь сказал то, что есть.

Владычица вздохнула и подперла рукою голову.

— Права была я, говоря, что нынче ночью мне нужен отец. Итак, оно пришло, настало то, чего мы страшились и к чему мы стремились все эти годы. Так что Утеров сын, отец мой? Он готов?

— Он *должен* быть готов, — отвечал мерлин. — Утер не доживет до середины лета. К нему уже слетаются вороны, пожиратели падали — точно так же, как некогда к смертному одру Амброзия. А что до мальчика... ты его видела?

— Иногда я мельком вижу его образ в магическом зеркале, — отозвалась Вивиана. — На вид он здоров и силен, но это ничего ровным счетом мне не говорит, кроме разве того, что он сможет выглядеть как король, когда пробьет его срок. А ты его навещал, верно?

— По воле Утера я то и дело ездил поглядеть, как он растет. Я позаботился о том, чтобы у мальчика были те же книги на латыни и греческом, по которым твой сын так хорошо выучился стратегии и военному делу. Экторий — римлянин до мозга костей, и победы Цезаря и подвиги Александра — часть его души. Он — образованный человек и обоих своих сыновей готовит для войны. Юный Кай в прошлом году прошел боевое крещение; Артур злился, что его не взяли, но он — послушный сын Эторию и поступает как велено.

— Если он настолько римлянин, согласится ли Артур стать подданным Авалона? — спросила Вивиана. — Ибо, как ты помнишь, ему должно править и Племенами, и народом пиктов.

— Я позаботился и об этом, — отозвался мерлин, — я свел его с маленьким народом, говоря, что это — союзники Утеровых воинов в войне за наш остров. С ними он обучился стрелять кремневыми стрелами, бесшумно пробираться сквозь вереск и болота, и... — Мерлин помолчал и со значением произнес: — Он умеет выслеживать оленей и не боится оказаться среди них.

Вивиана на мгновение прикрыла глаза.

— Он совсем юн...

— В вожди для своих воинов Богиня неизменно выбирает самого юного и могучего, — возразил Талиесин.

Вивиана склонила голову.

— Да будет так, — промолвила она. — Он пройдет испытание. Привези его сюда, если сумеешь, прежде чем Утер умрет.

— Сюда? — Мерлин покачал головой. — Не раньше, чем испытание завершится. Только тогда мы сможем показать ему дорогу на Авалон и два королевства, над которыми ему предстоит править.

И снова Вивиана склонила голову.

— Значит, на Драконий остров.

— Древний поединок, да? Утера на коронации так не испытывали...

— Утер был воином, этого ему оказалось достаточно, чтобы стать повелителем дракона, — промолвила Вивиана. — Этот мальчик юн и крови еще не пролил. Его должно испытать и признать достойным.

— А если он потерпит поражение...

Вивиана стиснула зубы.

— Он не должен потерпеть поражение!

Талиесин выждал, пока Владычица вновь не встретилась с ним взглядом, и повторил:

— А если он потерпит поражение...

— Вне всякого сомнения, если это случится, то Лот вполне готов, — вздохнула Вивиана.

— Надо было тебе забрать одного из сыновей Моргаузы и воспитать его здесь, на Авалоне, — посетовал мерлин. — Вот Гавейна, например. Вспыльчивый, задиристый — бык там, где Утеров мальчик — олень. Но в Гавейне есть задатки короля, сдается мне, и он тоже рожден Богиней; Моргауза — дочь твоей матери, и в ее сыновьях течет королевская кровь.

— Я не доверяю Лоту, — проговорила Владычица, — а Моргаузе доверяю еще меньше.

— Однако у Лота есть родичи на севере, и, сдается мне, Племена его примут...

— Но те, кто держится Рима, — никогда, — возразила Владычица, — и тогда Британия распадется на два непрестанно враждующих королевства, и ни у одного недостанет сил сдержать саксов и диких северян. Нет. Это должен быть сын Утера, ему нельзя проиграть!

— Это уж как угодно Богине, — сурово произнес мерлин. — Смотри, не принимай собственные желания за ее волю.

Вивиана закрыла лицо руками.

— Если он проиграет... если потерпит поражение, значит, все было ни к чему, — яростно воскликнула она. — ...Все, что я сделала с Игрейной, все зло, что я причинила тем, кого люблю. Отец, ты прозреваешь, что он погибнет?

Старик покачал седовласой головой. В голосе его звучало сострадание.

— Богиня не явила мне свою волю, — промолвил он, — и кто, как не ты, провидела, что этот мальчик обретет силу и власть над всей Британией? Я предостерегаю тебя против гордыни, Вивиана, — ты думаешь, будто знаешь, как лучше для всех живущих, для каждого из мужей и жен. Ты хорошо правила Авалоном...

— Но я стара, — проговорила она, поднимая голову и читая в глазах мерлина жалость и сочувствие. — И однажды, вскорости...

Мерлин склонил голову, и он тоже покорялся тому же закону.

— Когда час пробьет, ты поймешь; но время еще не пришло, Вивиана.

— Нет, — промолвила она, борясь с внезапно накатившим отчаянием, — последнее время такие приступы случались то и дело, лихорадя тело и терзая разум. — Когда час пробьет, когда я не смогу больше видеть, что ждет впереди, вот тогда я пойму, что пора передать правление над Авалоном другой жрице. Моргейна еще слишком молода, а Врана, которую я люблю всем сердцем, принесла обет молчания, став голосом Богини. Время еще не пришло, но если придет слишком рано...

— Когда бы оно ни пришло, Вивиана, все случится в должный срок, — отозвался мерлин. Он встал, высокий и статный, однако на ногах он держался нетвердо; Вивиана видела, как тяжко опирается он на посох.

— Значит, я привезу мальчика на Драконий остров в весеннюю оттепель, и мы увидим, готов ли он стать королем. И тогда ты вручишь ему меч и чашу в знак нерушимой связи между Авалоном и внешним миром.

— По меньшей мере меч, — отозвалась Вивиана. — Что до чаши... я не знаю.

Мерлин склонил голову.

— Здесь я полагаюсь на твою мудрость. Ты, а не я, глас Богини. Однако для него Богиней станешь не ты...

Вивиана покачала головой.

— Он встретит Мать, когда одержит победу, — проговорила она, — и из ее рук примет меч победы. Но сперва он должен доказать, что достоин, сперва ему надо встретиться с Девой-Охотницей... — По лицу ее скользнула тень улыбки. — И что бы уж ни произошло после, — промолвила она, — мы не станем полагаться на случай, как с Утером и Игрейной. Нам нужна королевская кровь, к чему бы уж это в итоге ни привело.

Мерлин давно ушел, а Вивиана все сидела, следя за картинами в пламени, рассматривая лишь прошлое и не пытаясь заглянуть сквозь туманы времени в будущее.

И она тоже много лет назад — столько, что сейчас уже и не сочтешь, — отдала свою девственность Увенчанному Рогами Богу, Великому Охотнику, Владыке спирального танца жизни. О девственнице, что сыграет ту же роль в предстоящей церемонии коронования, Вивиана даже не задумывалась, мысли ее блуждали в прошлом, возвращаясь к тем временам, когда она выступала Богиней в Великом Браке.

...Для нее это всегда было не больше чем долгом, иногда отрадным, иногда неприятным, но всегда — навязанным, всегда — под властью Великой Матери, что распоряжалась ее жизнью с тех самых пор, как Вивиана впервые попала на Остров. И внезапно Владычица позавидовала Игрейне, и некая беспристрастная часть ее сознания не преминула удивиться: с какой стати завидовать женщине, потерявшей всех своих детей, что либо умерли, либо воспитываются вдали от нее, а теперь вот ей суждено овдоветь и окончить жизнь за монастырскими стенами.

«*А завидую я той любви, что она изведала... Дочерей у меня нет, сыновья мои мне чужие и даже в чем-то враждебны... Я никогда не любила*, — размышляла Вивиана. — *Равно как и не знала, что это такое — быть любимой. Страх, благоговение, почтение... все это мне дано. Но любовь — никогда. И порою мне кажется, я все бы отдала за один лишь взгляд вроде того, каким Утер смотрел на Игрейну в день свадьбы*».

Она удрученно вздохнула и повторила себе под нос слова мерлина: «Ну что ж, без толку горевать о прошлогоднем снеге». Вивиана подняла голову, и к ней тут же бесшумно подоспела прислужница.

— Владычица?

— Приведи ко мне... нет, — внезапно передумала она; пусть девочка спит. «*Это неправда, что я никогда не любила и не знала любви. Я люблю Моргейну превыше меры, и Моргейна любит меня*».

А вот теперь и этому суждено закончиться. Ну что ж, все в воле Богини.

Глава 14

К западу от Авалона бледным светом сиял осколок новой луны. Моргейна медленно поднималась все выше; ее босые ноги ступали по извилистой тропе. Распущенные волосы рассыпались по плечам, из одежды на ней было только платье без пояса. Моргейна знала, что за ней безмолвно наблюдают стражи и жрицы, чтобы кто-нибудь чужой ненароком не нарушил ее молчания кощунственным словом. Под темной завесой волос веки ее были опущены. Она безошибочно шагала по тропе, в зрении не нуждаясь. Рядом беззвучно шла Врана, тоже босиком, не подпоясанная, распущенные волосы падали на лицо.

Все выше и выше поднимались они в сгущающихся сумерках, несколько звезд светло сияли на темно-синем куполе у них над головой. Кольцо камней тускло темнело в полумраке, внутри них дрожала одна-единственная бледная искорка — не костер, нет; блуждающий огонь, ведьмино пламя мерцало в магическом кругу.

В последнем отблеске заходящей луны, что отразился на мгновение в мерцающем Озере под холмом, к ним приблизилась безмолвная дева-жрица, совсем юная девочка, одетая в платье из некрашеной шерсти, ее коротко остриженные волосы казались клочками тьмы. Она протянула Моргейне чашу, та приняла подношение, молча отпила и передала чашу Вране, что осушила ее до капли. В угасающем свете дрожал золотой и серебряный свет. Из незримых рук Моргейна приняла огромный меч с рукоятью в форме креста, слегка задохнувшись от неожиданности: клинок оказался на диво тяжелым. Босиком, не замечая, что замерзла, она обошла изнутри кольцо камней. Позади нее Врана взяла длинное копье и вонзила его в самое сердце ведьминого пламени. Вспыхнул прицепленый к копью клочок пакли, и Врана понесла копье вслед за Моргейной; вместе, след в след, описали они круг; тусклый штрих бледного ведьминого пламени расчертил полумрак. Вернувшись к центру, где слабо брезжил бледный свет, они увидели лицо Вивианы: вне времени, вне возраста, развоплощенный образ висел в воздухе — сияющий лик самой Богини. И хотя Моргейна знала, что такой эффект производит фосфоресцирующее вещество на фоне темноты круга и темных одежд — им натирают щеки и лоб, — при этом зрелище у девушки неизменно перехватывало дыхание.

Лишенные тела, светящиеся руки вложили что-то в ладони Моргейны, а затем и Враны. Моргейна раскусила нечто твердое и горькое, борясь с тошнотой, заставила себя сглотнуть. Все звуки смолкли. Во тьме сияли глаза, но лиц не было видно. Девушке казалось, будто она стоит в толпе, по сравнению с которой ничтожным покажется скопление народа, заполоняющее вершину Холма, но ни единого лица распознать она не могла. Даже лик Вивианы сгинул во тьме. Она чувствовала тепло тела Враны — здесь, совсем рядом, хотя девушки и не соприкасались. Она попыталась успокоить мысли посредством созерцания, погрузившись в вышколенное безмолвие, не зная, зачем ее сюда привели.

Время шло, на темнеющем небе звезды разгорались все ярче. «*Время идет на Авалоне иначе или, может быть, не существует вовсе*», — думала про себя Моргейна. Сколько раз ночами за долгие годы поднималась она по спиральным тропам на вершину Холма, дабы постигать таинства времени и пространства в кольце стоячих камней. Однако нынешняя ночь казалась темнее, загадочнее, более обремененной таинством, никогда прежде не избирали ее из числа прочих жриц на роль главной участницы обряда. Моргейна знала: то, чем ее накормили, — это «магическая снедь», трава, обостряющая Зрение, но от понимания величие момента отнюдь не развеивалось.

Спустя какое-то время мрак окончательно сгустился; в сознании девушки возникли образы, небольшие цветные картинки, видимые точно на далеком расстоянии. Она увидела стадо бегущих оленей. Увидела, как некогда наяву, что на землю пала великая тьма, и солнце погасло, и подул ледяной ветер; тогда Моргейна испугалась, что настал конец света, но старшие жрицы растолковали ей, собравшись во дворе, что Лунный Бог затеняет яркое сияние Богини; и девушка радостно выбежала вместе с толпой женщин, что криками и воплями пытались прогнать Бога прочь. Позже ей объяснили движение луны и солнца, и почему то и дело одно из светил закрывает поверхность другого; и что таковы законы природы, а верования простецов насчет лика Богов — не более чем символы; эти люди, на нынешней ступени развития, нуждаются в них, чтобы осознать великие истины. Со временем все мужи и жены постигнут сокрытую суть этих истин, но сейчас им это не нужно.

Моргейна наблюдала за происходящим внутренним Зрением, как некогда наяву, и опять и опять вокруг огромного кольца камней сменялись времена года; она видела рождение, оплодотворяющую силу и наконец смерть Бога; видела великие шествия, поднимающиеся вверх по витой тропе к дубовой роще, что росла на том самом месте, где ныне высился круг камней... время обрело прозрачность и утратило смысл; вот пришел маленький раскрашенный народец, и вступил в пору зрелости, и был истреблен; а потом пришли Племена, а за ними — римляне, и высокие чужаки с берегов Галлии, а за ними... время сгинуло, она видела лишь движение народов и стремительный рост мира; наполз ледник, и отступил, и наполз снова; она видела огромные храмы Атлантиды, ныне погребенные навечно под толщей океанских вод, видела, как возникают и утверждаются новые миры... а в безмолвии, за пределами ночи, кружили и мерцали огромные звезды...

Позади нее раздался нездешний жалобный крик, и девушка похолодела. Это кричала Врана, Врана, чьего голоса Моргейна не слышала никогда; Врана, что однажды, когда они вместе прислуживали в Храме, подхватила едва не опрокинувшийся светильник и обварилась кипящим маслом и, пока ей перевязывали ожоги, обеими руками закрывала себе рот, сдерживая стоны боли, чтобы не нарушить обета, — ведь она отдала свой голос Богине. Эти шрамы останутся с ней до самой смерти, однажды, глядя на Врану, Моргейна подумала: «*Принесенный мною обет — сущий пустяк в сравнении с этим, и все же я едва не нарушила его ради смуглого сладкоголосого красавца*».

Но теперь, в безлунной ночи, Врана кричала пронзительным, жутким криком, точно роженица. Три раза вознесся над Холмом душераздирающий вопль, и Моргейна вновь задрожала, зная, что даже священники на том, втором, острове, что являет-

ся двойником их собственного, верно, проснулись в своих уединенных кельях и перекрестились, заслышав исступленный, прокатившийся между мирами крик.

Но вот последний отзвук угас, и воцарилась тишина, в которой Моргейне чудилось дыхание — сдерживаемое дыхание незримых посвященных, что ныне кругом обступили страшный провал в пустоту с тремя недвижными жрицами в центре. И тут, давясь и задыхаясь, словно голос ее разладился от долгого молчания, Врана воскликнула:

— А семь раз Колесо, Колесо о тринадцати спицах описало круг в небесах... семь раз Мать рождала темного сына...

И вновь — тишина, по контрасту еще более глубокая, нарушаемая лишь прерывистым дыханием погруженной в транс пророчицы.

— А... а... я горю... я горю... время, время пришло... — пронзительно вскрикнула она, и вновь погрузилась в сгустившееся безмолвие, напоенное ужасом.

— Они бегут! Весенний гон: они бегут, они бегут... они бьются насмерть, они избирают короля... а, кровь, повсюду кровь... и самый могучий из них, он мчится как ветер, и рога гордыни его запятнаны кровью...

И снова — затянувшееся безмолвие, и Моргейна, следя в темноте под закрытыми веками за весенним гоном оленей, вновь увидела то, что некогда явилось ей в полузабытом отблеске в серебряной чаше — отрок среди оленей, он сражается, бьется насмерть...

— Это дитя Богини, он мчится, мчится... Увенчанный Рогами обречен умереть... и Увенчанный Рогами будет коронован... Дева-Охотница призовет к себе короля и вручит свою девственность Богу... а, древняя жертва, древняя жертва... я горю, я горю... — Жрица захлебнулась словами, и конец фразы оборвался долгим, рыдающим воплем. Не открывая глаз, Моргейна видела, как позади нее Врана рухнула на землю без чувств и осталась лежать неподвижно, хватая ртом воздух, только ее дыхание и нарушало глубокую тишину.

Где-то прокричала сова: раз, дважды и трижды.

Из темноты явились жрицы — темные, безмолвные фигуры с синими бликами на челе. Они осторожно подняли Врану и унесли прочь. Подняли и Моргейну, последнее, что она ощутила, — это как одна из женщин ласково прижала к груди ее раскалывающуюся голову. А потом пришло забытье.

Три дня спустя, когда к Моргейне отчасти вернулись силы, за нею прислала Владычица.

Моргейна встала и попыталась одеться, но она все еще была настолько слаба, что ей пришлось воспользоваться помощью

одной из младших жриц. Моргейна порадовалась про себя, что прислужница связана обетом молчания и с ней не заговорит. Тело ее и по сей день изнывало от последствий долгого воздержания от еды, и кошмарной тошноты, вызванной магическими травами, и изматывающего напряжения самого обряда; накануне вечером она съела немного супа; а нынче утром подкрепилась хлебом, размоченным в молоке; но она по-прежнему ощущала себя разбитой и опустошенной, голова раскалывалась от боли, а темно-лунное кровотечение накатило с небывалой прежде силой; девушка знала, что и это — отголосок воздействия священных трав. Больная, ко всему безразличная, она предпочла бы, чтобы Вивиана оставила ее в покое, но Моргейна исполняла волю Вивианы так же беспрекословно, как подчинилась бы самой Богине, склонись та с небес и выскажи вслух свое пожелание. Девушка оделась, заплела волосы, стянула косу ремешком из оленьей кожи, краской освежила на лбу синий полумесяц и зашагала по тропе к обители Верховной жрицы.

Воспользовавшись своим новообретенным правом, Моргейна вошла, не постучавшись и никак не возвестив о своем появлении. Отчего-то, думая об этом доме, Моргейна неизменно представляла себе, как Вивиана ждет ее, восседая в кресле, подобно Богине на ее темном троне, но сегодня Вивиана занималась чем-то в глубине комнаты, огонь не горел, и в доме царили темнота и холод. На Владычице было простое платье из некрашеной шерсти, волосы прятались под капюшоном, и впервые Моргейна со всей отчетливостью осознала, что ныне Вивиана — жрица не Девы и не Матери, но древней карги, которую иначе называют Старухой Смертью. Осунувшееся лицо ее избороздили морщины, и Моргейна подумала: «*Ну, конечно же, если от этого обряда нам с Враной сделалось так дурно, а мы обе — молоды и сильны, каково же приходится Вивиане, что состарилась, служа той, кому служим и мы?*»

Вивиана обернулась, глянула на вошедшую, улыбнулась ласковой улыбкой, и Моргейна вновь ощутила знакомый прилив любви и нежности. Но, как то и подобает младшей жрице в присутствии Владычицы, девушка ждала, чтобы Вивиана заговорила первой.

Вивиана жестом пригласила гостью сесть.

— Ты поправилась, дитя?

Моргейна тяжело опустилась на скамью, осознав, что даже расстояние столь небольшое оказалось ей не по силам. И молча покачала головой.

— Знаю, — отозвалась Вивиана. — Иногда, не будучи уверены, как средство на тебя подействует, травницы дают слишком много. Следующий раз съедай не все, — сама суди, сколько тебе нужно, — достаточно, чтобы пробудить Зрение, но недостаточ-

но, чтобы так расхвораться. Теперь у тебя есть это право: ты достигла ступени, на которой послушание дополняется собственным здравым смыслом.

В силу неведомой причины слова эти отозвались в сознании девушки еще раз и еще, не умолкая: «*Дополняется здравым смыслом, дополняется здравым смыслом*». «Мне все еще недужится из-за этих их снадобий», — подумала про себя Моргейна и нетерпеливо встряхнула головой, отгоняя навязчивое эхо.

— Много ли ты поняла из пророчества Враны? — продолжала между тем Владычица.

— Почти ничего, — призналась девушка. — Для меня это все загадка. Я так и не знаю, зачем меня вообще туда позвали.

— Отчасти, — пояснила Вивиана, — чтобы поделиться с ней своей силой; Врана довольно слаба. Она до сих пор не встала с постели, и я за нее беспокоюсь. Врана знает, сколько снадобья ей нужно, и все-таки даже эта малость для нее — чрезмерна; ее рвало кровью, а в моче кровь заметна и сейчас. Но она не умрет.

Моргейна схватилась рукою за стену, чтобы не упасть, внутри ее словно образовалась пустота, а в следующий миг на нее вновь накатила тошнота, голова закружилась, с лица сошли все краски. Не извинившись, она встала, пошатываясь, вышла наружу и извергла из желудка хлеб и молоко, послужившие ей завтраком. Словно откуда-то издалека Вивиана назвала ее по имени, выпрямившись, девушка вцепилась в дверной косяк, борясь с последними спазмами. Подоспевшая прислужница из числа младших жриц обтерла ей лицо тряпицей — влажной, слабо благоухающей травами. Нетвердой походкой Моргейна возвратилась обратно в дом, Вивиана поддержала ее и вручила ей неглубокую чашу.

— Выпей, но медленно, — приказала она.

Жидкость обожгла Моргейне язык и на мгновение усилила тошноту: то был крепкий напиток северных Племен — «вода жизни», зовут они его. Моргейне доводилось пробовать его лишь однажды. Но, осушив чашу до конца, девушка ощутила, как из пустого желудка изливается блаженное тепло, и спустя несколько минут почувствовала себя куда лучше, крепче, во власти беспричинной радости.

— Еще немного, — проговорила Вивиана. — Это укрепит твое сердце. Ну как, слабость прошла?

— Спасибо, — кивнула девушка.

— Сегодня ты сможешь поесть, — объявила Вивиана, и в отрешенном состоянии Моргейны это прозвучало для нее как приказ, так, словно Владычица обладала силой призвать к порядку даже желудок. — Так вот. Давай поговорим о пророчестве Враны. В древние дни, задолго до того, как из затонувших храмов

западного континента сюда пришли мудрость и религия друидов, здесь, на берегах внутреннего моря, жил народ фэйри — его кровь течет и в наших с тобою жилах, моя Моргейна; и до того, как фэйри научились сажать и жать ячмень, кормились они плодами земли и охотой на оленей. В те дни короля у них не было, лишь королева, их мать, хотя в ту пору они еще не научились думать о ней как о Богине. А поскольку кормились они охотой, их королева и жрица научилась созывать к себе оленей и просить их духов принести себя в жертву и умереть ради того, чтобы Племя жило. Но жертва оплачивается жертвой; олени умирали ради Племени, и один из Племени должен был в свою очередь умереть ради жизни оленей или хотя бы дать оленям возможность при желании забрать его жизнь в обмен на собственные. Так поддерживалось равновесие. Ты меня понимаешь, родная?

Непривычно ласковое обращение удивило Моргейну, и в ее одурманенном, недужном сознании промелькнула смутная мысль: «*Она хочет сказать, что жертвой стану я? Моя жизнь послужит на благо Племени? Это неважно. И жизнь моя, и смерть принадлежат Богине*».

— Я понимаю, о Матерь. Или думаю, что понимаю.

— Вот так каждый год Мать Племени избирала себе супруга. А поскольку он соглашался отдать жизнь за Племя, Племя отдавало ему свою жизнь. Даже если грудные младенцы умирали от голода, он ни в чем не знал отказа, все женщины Племени принадлежали ему, дабы он, самый могучий, самый сильный, стал отцом их детей. Кроме того, Мать Племени зачастую бывала стара и рожать уже не могла, так что он свободно выбирал и среди молодых девушек, и никто из мужчин Племени не смел препятствовать его желаниям. А спустя год — каждый год в это время — он надевал оленьи рога и платье из недубленой оленьей кожи, чтобы олени сочли его одним из своих, и мчался со стадом, когда Мать-Охотница налагала на них чары весеннего гона. Но к тому времени стадо уже избирало Короля-Оленя, и порою случалось так, что Король-Олень чуял чужака и бросался на него. И тогда Увенчанный Рогами погибал.

У Моргейны вновь побежали по спине мурашки — то же самое она чувствовала, когда на Холме перед глазами ее разыгрывался этот ритуал. «*Королю года суждено умереть во имя жизни своих людей*». Под воздействием ли дурманного снадобья она видит это все так отчетливо?

— Ну что ж, времена нынче иные, Моргейна, — тихо докончила Вивиана. — Теперь в древних обрядах нужда отпала, ибо растет ячмень и жертвы приносят бескровные. Лишь в час великих бедствий Племенам потребен такой вождь. И Врана предрекла, что такой час настал. Так что вновь испытание ждет того, кто рискует жизнью ради избранного им народа, дабы народ этот

последовал за ним и к смерти. Рассказывала ли я тебе о Великом Браке?

Моргейна кивнула, от такого брака родился Ланселет.

— Племенам народа фэйри и всем Племенам Севера дан великий вождь, и избранник сей будет испытан по древнему обряду. И если в испытании он не погибнет — а это отчасти зависит от силы Девы-Охотницы, налагающей чары на оленей, — он станет Увенчанным Рогами, супругом Девы Охотницы, коронованным рогами самого Бога. Моргейна, много лет назад я сказала тебе, что твоя девственность принадлежит Богине. Ныне Богиня требует принести ее в жертву Увенчанному Рогами. И для церемонии избрана ты.

В комнате воцарилось безмолвие, точно обе они вновь свершали обряд в центре кольца камней. Моргейна не смела нарушить тишину. Наконец, понимая, что Вивиана ждет слов согласия — как же прозвучали эти слова много лет назад? «*Слишком тяжкое это бремя, чтобы нести его подневольно*», — она склонила голову.

— Тело мое и душа принадлежат Богине; да поступит она с ними по воле своей, — прошептала девушка. — А ее воля — это твоя воля, о Матерь. Да будет так.

Глава 15

С тех пор как Моргейну привезли на Остров, она покидала Авалон лишь два или три раза, и то для недолгих поездок по окрестностям Летнего моря, чтобы изучить расположенные неподалеку места, сохранившие, даже будучи заброшенными, былую силу.

Теперь время и место утратили для нее всякое значение. В рассветном безмолвии ее забрали с Острова, закутанную в плащ, под покрывалом, дабы ничей кощунственный взгляд не осквернил ненароком посвященной, и усадили в плотно занавешенные носилки, чтобы даже луч солнца не коснулся ее лица. Путешествие продлилось почти целый день, покинув огороженный двор священного острова, девушка очень скоро потеряла всякое ощущение времени, пространства и направления, погрузилась в медитацию, смутно сознавая, что впадает в магический транс. Бывали времена, когда она противилась накатывающему экстазу. Теперь она охотно отдавалась ему, полностью открывалась Богине, мысленно приглашая войти в свое сознание, овладеть ею, и телом и душою, дабы она, Моргейна, орудие и средство, во всем поступала как сама Богиня.

Настала ночь, за занавесями носилок тускло засияла почти полная луна. Носильщики остановились, и девушка почувство-

вала, как ночное светило омывает ее холодным светом, и голова у нее закружилась в преддверии экстаза. Моргейна не знала, где она, да о том и не задумывалась. Она ехала туда, куда ее везли, — покорная, незрячая, одурманенная, — зная лишь, что едет навстречу судьбе.

Ее ввели в дом и поручили незнакомой женщине, что принесла ей хлеба и меда, — к еде Моргейна не притронулась; следующий раз она утолит голод только в ходе ритуальной трапезы; дали ей и воды, и девушка жадно напилась. Обнаружилась там и кровать, поставленная так, что на нее падал лунный луч, незнакомка хотела уж было закрыть деревянные ставни, но Моргейна властным жестом остановила ее. Большую часть ночи она пролежала в трансе, ощущая лунный свет точно зримое прикосновение. Наконец она забылась беспокойным сном, то и дело просыпаясь, точно одержимый тревогой путник, и в мыслях ее рождались странные образы: мать — она склонялась над светловолосым надоедой Гвидионом; вот только ее белая грудь и медно-рыжие волосы заключали в себе не ласковый привет, но угрозу; Вивиана — вот только отчего-то она, Моргейна, была жертвенным животным; Владычица Авалона вела ее куда-то на веревке, и девушка словно со стороны услышала свой недовольный голос: «*Незачем меня тащить, иду я, иду*»; и беззвучно кричащая Врана. Гигантская, увенчанная рогами фигура — наполовину мужчина, наполовину зверь — внезапно отдернула занавеску и ворвалась в ее комнату; Моргейна проснулась и села на постели — рядом никого не было, лишь в окно струился лунный свет да незнакомая женщина мирно спала у нее под боком. Девушка поспешно улеглась вновь и заснула, на сей раз крепко, без снов.

Разбудили ее где-то за час до рассвета. Теперь, по контрасту с бездумной отрешенностью транса предшествующего дня, сознание ее прояснилось, и она с обостренной чуткостью воспринимала все окружающее — холодный свежий воздух, и туманы, пронизанные розовым отсветом там, где вскорости взойдет солнце, и резкий запах маленьких смуглых женщин в одеждах из плохо выдубленной кожи. Все было четко очерчено и переливалось яркими красками, словно только что созданное рукою Богини. Смуглые женщины зашептались промеж себя, не смея обеспокоить чужую жрицу, Моргейна их слышала, но из их языка знала лишь несколько слов.

Спустя какое-то время старшая из них — та, что встретила девушку, ввела ее в дом накануне вечером и разделила с нею постель, — подошла к Моргейне и принесла ей свежей воды. Моргейна поклонилась, благодаря за услугу, — так жрица приветствует жрицу — и тут же задумалась, с какой бы стати. Женщина была стара; волосы ее, длинные, спутанные, скрепленные костя-

ной заколкой, почти полностью поседели; на смуглой коже проглядывали поблекшие синие пятна. Платье ее из той же плохо прокрашенной кожи ничем не отличалось от одежды прочих, однако поверх платья она носила плащ из оленьей кожи, раскрашенный магическими символами; волосы липли к нему даже теперь; а на шее ее красовалось два ожерелья, одно — из чудесных янтарных бусин — даже у Вивианы не нашлось бы украшения роскошнее, — а второе — из кусочков рога, перемежающихся брусочками золота, покрытыми тонкой резьбой. Держалась она не менее властно, чем Вивиана; и Моргейна поняла: это Мать племени и жрица своего народа.

Своими руками женщина принялась готовить Моргейну к обряду. Она раздела девушку донага, раскрасила подошвы ее ног и ладони рук синей краской и заново выписала синий полумесяц на лбу, на груди и животе она обозначила контур полной луны, а над полоской темных волос — темную луну. Быстро, почти небрежно, она раздвинула девушке ноги и чуть надавила; Моргейна, уже не подвластная смущению, знала, что та проверяет. Для этого обряда жрица должна быть девственницей. Жрица племени ничего неподобающего не обнаружит, Моргейна — и впрямь нетронутая дева, однако ж она испытала не лишенный приятности страх и в то же мгновение осознала, что изнывает от голода. Ну что ж, забывать о голоде ее научили, так что спустя какое-то время он прошел сам по себе.

Солнце вставало, девушку вывели за двери, закутанную в такой же плащ, как у старой жрицы, с начертанными на нем магическими знаками — луной и оленьими рогами. Раскрашенное тело цепенело точно деревянное; некая часть сознания Моргейны, словно издалека, с изумлением и легким презрением глядела на эти символы таинств куда более древних, нежели мудрость друидов, коей ее столь досконально обучали. Но это мимолетное ощущение тотчас же и прошло, верования древних поколений, ныне канувших в неизвестность, придали обряду свою силу и свою святость. Позади нее остался круглый каменный домик, напротив стоял еще один, оттуда вывели юношу. Моргейна не могла разглядеть его как следует — встающее солнце било ей в глаза, — видела лишь, что он высок, крепко сложен, с копной светлых волос. «*Выходит, он — не из их народа?*» Но вопросов ей задавать не подобало. Мужчины племени, в частности, старик с шишковатыми, вздутыми мускулами кузнеца, раскрасили тело юноши с головы до ног синей вайдой, накрыли его плащом из невыдубленных сырых шкур, умастили кожу оленьим жиром. На голове его закрепили рога, по тихому слову старика юноша помотал головой, убеждаясь, что рога не свалятся на бегу. Моргейна, подняв взгляд, проследила гордый поворот головы, и все существо ее встрепенулось, словно пробуждаясь; икры ее свело су-

дорогой, откликнулись и ожили самые сокровенные тайники тела.

«Это — Увенчанный Рогами, это — Бог и супруг Девы-Охотницы... »

В волосы ее вплели гирлянды алых ягод и увенчали ее первыми весенними цветами. С шеи Матери племени благоговейно сняли бесценное ожерелье из золота и кости и надели его на девушку, она ощутила его тяжесть, точно бремя магии. Глаза ее слепило восходящее солнце. В руки ей что-то вложили — барабан из тугой, натянутой на обручи кожи. И, словно со стороны, девушка услышала, как собственная ее рука ударила по нему.

Они стояли на склоне холма с видом на долину, доверху заросшую густым лесом, — долину безлюдную и безмолвную, однако Моргейна чувствовала: лес полон жизни — меж деревьев беззвучно ходят тонконогие олени, в ветвях живут всевозможные зверьки, птицы вьют гнезда, носятся туда-сюда, везде бурно вскипает жизнь в преддверии первого весеннего полнолуния. На мгновение она обернулась через плечо. Над ними, вырезанная на меловом склоне, красовалась огромная чудовищная фигура, не то человек, не то зверь, — в глазах девушки по-прежнему все расплывалось, так что с точностью сказать было трудно: бегущий ли это олень или шагающий человек, чье мужское естество напряглось, пробудилось к жизни под воздействием весенних токов?

Стоящего рядом юношу она не видела, лишь чувствовала, как бьется в нем жизнь. Над холмом царила торжественная тишина. Время перестало существовать, вновь сделалось прозрачным, Моргейна свободно вошла в него, окунулась, шагнула вперед. Барабан снова оказался в руках у старухи, девушка понятия не имела, как именно. Глаза ее слепило солнце, она обняла ладонями голову Бога, благословляя его. Было что-то такое в его лице... ну, конечно же, еще до того, как воздвиглись здешние холмы, она знала это лицо, этого мужчину, ее супруга — знала еще до сотворения мира... Своих собственных ритуальных слов она не слышала, ощущала лишь пульсирующую в них мощь: *«Ступай и победи... беги с оленями... стремительный и могучий, как сами токи весны... благословенны ноги, приведшие тебя сюда...»* Смысла речи она не сознавала, чувствовала лишь ее силу... руки ее дарили благословение, и сила перетекала из ее тела, *сквозь* ее тело — точно сама сила солнца изливалась сквозь нее на стоящего перед нею мужчину. *«Ныне власть зимы сломлена, жизнь молодой весны да пребудет с тобою и да приведет тебя к победе... жизнь Богини, жизнь мира, кровь нашей Матери Земли, пролитая ради ее детей...»*

Она воздела руки, призывая благословение на лес, на землю, чувствуя, как потоки силы изливаются из ее ладоней, точно зри-

мый свет. Тело юноши сияло в солнечных лучах под стать ее собственному; никто из стоящих вокруг не смел произнести ни слова, но вот, резко отведя руки назад, она почувствовала, как сила хлынула и на них, даруя свободу напевному речитативу. Слов она не слышала, но лишь пульсирующую в них мощь:

«Жизнь вскипает по весне, олени мчатся через лес, наша жизнь — в них. Увенчанный Рогами их сокрушит, Увенчанный Рогами, благословленный Матерью, одержит победу...»

Моргнейна дошла до высшего предела напряжения, точно туго натянутая тетива лука — стрела силы так и рвалась в полет. Девушка легонько коснулась Увенчанного Рогами, и сила выплеснулась на волю и словно захлестнула всех неодолимым потоком, и все быстрее ветра бросились вниз по холму, мчась во весь дух, точно подхваченные весенним ветром. Моргейна осталась на месте, чувствуя, как убывает в ней сила, она немо распростерлась на земле, чувствуя, как по телу ее разливается промозглый холод. Но что ей до этого: погруженная в транс, она пребывала во власти Зрения.

Она лежала, словно мертвая, но некая часть ее бежала и мчалась вместе с остальными, неслась вниз по склону холма, обгоняла мужчин Племени, преследующих Увенчанного Рогами. Им вдогонку летели лающие вопли, точно след взяла свора гончих, и некая часть ее поняла: то кричат женщины, подбадривая охотников.

Солнце поднялось выше — великое Колесо Жизни катилось по небу, безуспешно пытаясь догнать своего божественного супруга, Темного Сына...

Жизнь земли, пульсирующие токи весны разливались и стучались в сердцах бегущих. А затем, как отлив следует за приливом, залитый солнцем склон остался позади, и над ними сомкнулась тьма леса и поглотила их, и те, что еще недавно бежали во всю мочь, теперь двинулись вперед стремительно и бесшумно, подражая осторожной поступи оленей; они и *были* оленями, и следовали за Увенчанным Рогами, облаченные в плащи, подчиняющие оленей чарам, и ожерелья, обозначающие жизнь как бесконечную цепь, — жить, питаться, производить потомство, умирать, в свою очередь послужить едой и накормить собою детей Матери.

«...Сдержи своих детей, Матерь, твой Король-Олень обречен умереть, чтобы дать жизнь Темному Сыну...»

Тьма, внутренняя жизнь леса сомкнулась вокруг них, безмолвие, безмолвие оленей... Моргейна, ощущая ныне лес как жизнь, а оленей — как сердце леса, направила свою силу и свое благословение сквозь лес и над лесом. Часть ее распростерлась на залитом солнцем склоне холма, измученная, в трансе, пропуская сквозь себя жизнь солнца — сквозь тело, и кровь, и внут-

реннее бытие, а часть ее мчалась с оленями и охотниками, пока и те и другие не смешались, не слились воедино... всплески жизни — это бесшумные олени, что прячутся в чаще, и миниатюрные оленихи, хрупкие, изящные; жизнь струится сквозь них, как по ее собственным жилам; всплески жизни — мужчины, что беззвучно и сосредоточенно крадутся в полумраке...

Моргейна почувствовала, как где-то в лесу Король-Олень вскинул голову и понюхал ветер, почуяв запах врага, врага из числа его родичей, врага из чуждого ему племени жизни... она не знала, четвероногий ли это Король-Олень или увенчатый рогами двуногий, тот, которого она благословила, — в жизни Матери Земли они были едины и участь их пребывала в руках Богини. Рога гордо вскинулись в ответ рогам, сопящее дыхание вбирало в себя жизнь леса, выискивая чужака, добычу, хищника, соперника там, где быть ему не должно.

А, Богиня... они рванулись вперед, с треском продираясь сквозь подлесок: по пятам за ними мчались охотники, не отставая, но более бесшумно, бежали, бежали, бежали... бегите, бегите, пока сердце не застучит, так и норовя выскочить из груди, бегите, пока жизнь тела не затмит все знание и все мысли, — проворные, быстроногие, ищущие и те, кто ищет, бегите с преследуемыми оленями и с преследующими охотниками, бегите вместе со стремительно кружащейся жизнью великого солнца и приливом весенних токов, бегите вместе с потоком жизни...

Она лежала недвижно, прижавшись лицом к земле, чувствуя, как разливающее свет солнце обжигает ей спину; время то замедлялось, то пускалось вскачь; и вот Моргейна начала видеть — откуда-то издалека пришла смутная мысль о том, что все это ей уже открывалось в видении, когда-то, где-то, бесконечно давно... высокий, мускулистый юноша, крепко сжимающий нож, падает, падает среди стада оленей, под безжалостные копыта... Моргейна знала, что закричала вслух, и в тот же миг поняла, что голос ее зазвенел отовсюду, так что даже атакующий Король-Олень, заслышав пронзительный вопль, остановился на скаку, точно устрашившись. В следующее мгновение все замерло, и в этот жуткий миг безмолвия она увидела, как юноша поднялся на ноги и, задыхаясь, нагнув голову, бросился вперед и, сцепившись с противником рогами, принялся раскачиваться из стороны в сторону, пытаясь пересилить недруга, борясь с оленем при помощи сильных рук и всего своего молодого тела... вверх взметнулся нож; на землю брызнула кровь; и сам он, Увенчанный Рогами, был весь в крови: кровь пятнала его руки, кровь текла из длинной раны в боку, кровь капала на землю — возлияние для Матери, чтобы жизнь напиталась ее кровью... а в следующий миг его потоком окатила кровь Короля-Оленя, ибо лезвие ножа вон-

зилось в сердце, и со всех сторон к зверю бросились охотники с копьями...

Моргейна видела, как юношу унесли прочь, залитого кровью своего близнеца и соперника, Короля-Оленя. Повсюду вокруг маленькие смуглые охотники полосовали и резали, сдирая шкуру, чтобы, еще теплую, набросить на плечи юноше. Вот они торжественно двинулись назад, и в сгущающихся сумерках заполыхали костры; когда же женщины подняли Моргейну, она, ничуть не удивившись, обнаружила, что солнце садится. Она пошатывалась, точно и сама тоже весь день бегала с охотниками и оленями.

Ее вновь оделе в алое — цвет победы. Увенчанный Рогами предстал перед нею, весь в крови, и Моргейна благословила его и помазала его лоб оленьей кровью. Голову с рогами унесли прочь: эти рога сокрушат следующего Короля-Оленя; а те, что Увенчанный Рогами носил нынче, разбитые в щепы, швырнули в огонь. Очень скоро запахло паленым мясом, интересно, плоть ли это оленя или человека, подумала Моргейна...

Их усадили бок о бок и подали им первые куски, еще сочащиеся кровью и жиром. Голова у Моргейны закружилась, после долгого воздержания вкус сочного мяса оказался для нее не по силам, на мгновение она испугалась, что ее опять затошнит. А юноша, сидящий рядом с ней, ел с жадностью, в свете пламени она разглядела, что руки у него красивые и сильные... девушка заморгала, вдруг, в одно-единственное непостижимое мгновение двойного видения, ей показалось, что запястья эти обвивают змеи... а в следующий миг змеи исчезли. Повсюду вокруг мужи и жены Племени, сотрапезники на ритуальном пиру, распевали победный гимн на древнем языке, из которого Моргейна понимала разве что половину:

Он восторжествовал, он убил...

...кровь Матери нашей пролилась на землю...

...кровь Бога хлынула на землю...

...и восстанет он, и воцарится навеки...

...он восторжествовал, и торжеству его длиться вечно, до конца мира...

Старуха-жрица, что утром наряжала ее и раскрашивала, поднесла серебряную чашу к ее губам; крепкое питье обожгло Моргейне горло и опалило внутренности: жидкий огонь, с сильным привкусом меда. Моргейна и без того уже опьянела от привкуса крови — за последние семь лет мясо ей доводилось вкушать пару раз, не более. Голова у нее шла кругом, но вот ее увлекли прочь, сорвали с нее одежды, украсили ее нагое тело новой росписью и гирляндами, умастив соски и чело кровью убитого оленя.

«Богиня ждет супруга, коего вновь убьет на исходе времен; она родит Темного Сына, что повергнет Короля-Оленя...»

Маленькая девочка, с ног до головы покрытая синей краской, с широким блюдом в руках побежала через вспаханное поле, разбрызгивая темные капли; позади нее поднялся громкий крик:

— Поля благословлены, накорми нас, о Матерь!

На долю мгновения некая ничтожная часть сознания Моргейны, потрясенная, одурманенная и телу принадлежащая лишь отчасти, холодно отметила, что она рассудка лишилась, не иначе; она, цивилизованная, образованная женщина, принцесса и жрица, принадлежащая к королевскому роду Авалона, обученная друидами, размалевана как дикарка, пахнет от нее свежей кровью, и она терпит это варварское фиглярство...

...Но в следующий миг мысль эта исчезла, едва над облаками, закрывавшими ее от взгляда, поднялась в безмятежной надменности полная луна. Нагая, омытая лунным светом, Моргейна чувствовала, как свет Богини изливается на нее, и *сквозь* нее... она уже не Моргейна, она — безымянная жрица, дева и мать... бедра ей опоясали гирляндой алых ягод; от этой грубой символики девушка внезапно преисполнилась страха и в полной мере ощутила силу девственности, что струилась и текла сквозь нее точно весенние токи. В глаза ей полыхнул факел, и ее повели во тьму пещеры, где над головою и повсюду вокруг гуляло гулкое эхо. Насколько хватало глаз, стены были покрыты священными символами, начертанными от начала времен: олень, рога, мужчина с рогами на голове, округлившийся живот и полные груди Той, что Дарит Жизнь...

Жрица уложила Моргейну на ложе из оленьих шкур. Девушка задрожала от холода и страха, и старуха сочувственно нахмурилась; она привлекла Моргейну к себе и поцеловала ее в губы, Моргейна же на мгновение прильнула к жрице и порывисто обняла ее, борясь с накатившим ужасом, точно в объятиях родной матери... но вот старуха улыбнулась ей, поцеловала еще раз, благословляющим жестом коснулась ее грудей и ушла.

Моргейна лежала на шкурах, ощущая, как земля вокруг дышит жизнью; она словно росла, заполняя собою всю пещеру, так, что крохотные грубо процарапанные рисунки теперь украшали ее груди и живот, а над нею вздымалась гигантская меловая фигура, человек либо олень с напрягшимся фаллосом... Незримая луна за пределами пещеры заливала ее светом, в ней, и в душе, и в теле, воспряла Богиня. Она простерла руки, она знала, что по ее повелению за пределами пещеры, в свете плодотворящих костров, мужчины и женщины, влекомые друг к другу пульсирующими токами жизни, слились воедино. Покрытая синей краской девочка, что разбрызгивала животворную кровь, досталась мускулистому старому охотнику. Сопротивлялась она недолго, вот она вскрикнула, он навалился на нее всем телом, и ноги ее разошлись, повинуясь неодолимому закону природы.

Видела она не глазами, ибо зажмурилась, словно отгородившись от света факелов и пронзительных криков.

А он уже стоял у входа в пещеру, рога с него сняли, волосы растрепались, тело — в синих разводах краски и в потеках крови, белая кожа — точно великана, нависающего над пещерой... Увенчанный Рогами, супруг Богини. Он тоже шел, пошатываясь, нагой, если не считать гирлянды вокруг чресел вроде той, что на ней; Моргейна чувствовала, как в напрягшемся мужском естестве его пульсирует жизнь — под стать меловому гиганту. Он опустился на колени рядом с нею, и в слепящем свете факела Моргейна разглядела, что перед нею — всего лишь мальчишка, причем не из этого низкорослого, смуглого племени, но высокий и светловолосый... «*С какой стати они избрали короля не из своего народа?*» Мысль лунным лучом промелькнула в ее сознании и исчезла, после того она уже ни о чем не думала.

«*Пробил час Богине встречать Увенчанного Рогами*», — он стоял на коленях перед ложем из оленьих шкур, раскачиваясь и щурясь в свете факела. Моргейна потянулась к нему, сжала его руки, притянула к себе, ощущая приятное тепло и тяжесть его тела. Ей приходилось направлять его. «*Я — Великая Мать, которой ведомо все на свете, она — и дева и мать, она бесконечно мудра, она наставляет девственницу и ее возлюбленного...*» Оглушенная, во власти восторга и ужаса, едва не теряя сознание, она почувствовала, как жизненная сила захватывает их обоих, без участия ее воли приводит в движение тело, подчиняет и юношу, властно принуждая войти в нее, и вот уже оба они задвигались, сами не зная, что за стихия ими владеет. Словно издалека Моргейна услышала собственный крик, а потом — его голос, такой высокий и срывающийся в тишине, но слов разобрать ей так и не удалось. Факел зашипел и погас во тьме, и все свирепое неистовство его юной жизни забило струей и хлынуло в ее лоно.

Он застонал и повалился на нее, словно мертвый, — тишину нарушало лишь его хриплое дыхание. Она осторожно уложила его на шкуры, принялась укачивать, не размыкая рук, прижимая его к себе — измученного, разгоряченного. Вот он поцеловал ее обнаженную грудь. А затем, медленно и с трудом, дыхание его выровнялось, еще мгновение — и Моргейна поняла, что юноша так и заснул в ее объятиях. С какой-то исступленной нежностью она поцеловала его в волосы и в мягкую щеку и тоже задремала.

Проснулась она, когда ночь была уже на исходе, в пещеру просачивался лунный свет. Она чувствовала себя безмерно усталой, все тело ныло, она пощупала у себя между ног и поняла, что идет кровь. Моргейна отбросила назад влажные волосы и в лунном свете пригляделась к раскинувшемуся рядом бледноко-

жему юноше, что по-прежнему крепко спал, исчерпав все свои силы. Он был высок, силен и хорош собой, хотя при луне толком рассмотреть черты не удавалось, а магическое Зрение жрицу оставило, ныне в воздухе мерцало лишь лучистое сияние луны, а не властный и строгий лик Богини. Девушка вновь была Моргейной, а не тенью Великой Матери, она вновь стала самой собою, и со всей ясностью сознавала, что произошло.

На мгновение Моргейне вспомнился Ланселет, которого она так любила и которому мечтала вручить этот дар. И вот час пробил, и дар вручен не возлюбленному, но безликому незнакомцу... нет, не след ей так думать. Она — не женщина, она — жрица, и она отдала силу Девы Увенчанному Рогами, как было предопределено для нее еще до того, как возвели стены мира. Она приняла свою судьбу так, как подобает жрице Авалона, и теперь чувствовала, будто здесь минувшей ночью случилось нечто сокрушительно важное.

Озябнув, она прилегла и накрылась одеялом из оленьей кожи. Чуть наморщила нос — пахло от кожи не лучшим образом, впрочем, ложе усыпали пахучими травами, так что блох по крайней мере можно не опасаться. До рассвета оставалось около часа: время дня и ночи Моргейна определяла безошибочно. Мальчик, спавший рядом с нею, почувствовал, как она заворочалась, и сонно уселся на ложе.

— Где мы? — спросил он. — Ах, да, помню. В пещере. Эй, да уже светает. — Он улыбнулся и потянулся к Моргейне, не сопротивляясь, она позволила вновь уложить себя на шкуры и, оказавшись в кольце сильных рук, охотно уступала поцелуям. — Прошлой ночью ты была Богиня, — прошептал он, — но вот я проснулся и вижу: ты — женщина.

Моргейна тихо рассмеялась.

— А сам ты — не Бог, но человек?

— Кажется, ролью Бога я сыт по горло, кроме того, сдается мне, для человека из плоти и крови это непростительная дерзость, — проговорил он, прижимая к себе Моргейну. — Мне достаточно быть просто смертным, не больше.

— Может статься, есть время для Бога и Богини, и есть время для человека из плоти и крови, — промолвила она.

— Прошлой ночью я тебя испугался, — признался он. — Я думал, ты — Богиня, огромная, как мир... а ты такая маленькая и хрупкая! — Он вдруг изумленно заморгал. — Да ты же говоришь на моем языке... я и не заметил... значит, ты не из этого племени?

— Я — жрица со Священного острова.

— Жрица — значит, женщина, — промолвил он, ласково поглаживая ее груди, что под прикосновениями его пальцев вдруг пробудились к жизни и жажде.

— Как думаешь, Богиня рассердится на меня за то, что женщина мне нравится больше?

Моргейна рассмеялась.

— Богиня мудра, ей ли не знать мужчин?

— А как насчет ее жрицы?

Моргейна внезапно смутилась.

— Нет... до того я вообще не знала мужчины, — промолвила она, — да и теперь то была не я, а Богиня...

В полумраке он притянул ее ближе.

— Раз уж Бог и Богиня изведали наслаждение, не должно ли мужчине и женщине получить свое? — Ласки его становились все более дерзкими, Моргейна заставила его лечь рядом.

— То более чем уместно, — заверила она.

На сей раз, в полном сознании происходящего, она сполна изведала все, как есть, чувствуя, как он ласков и мягок и в то же время тверд, как сильны эти молодые руки и что за удивительная нежность скрывается за его дерзким натиском. Моргейна рассмеялась, радуясь нежданному наслаждению, открываясь ему навстречу всем своим существом, переживая его удовольствие как свое. В жизни своей она не была так счастлива. Изнуренные, лежали они, не размыкая объятий, лаская друг друга в сладостной истоме.

Постепенно светало. Наконец юноша вздохнул.

— Скоро за мной придут, — промолвил он, — ведь на этом все не кончится: меня куда-то там отведут, дадут мне меч и много чего другого. — Он сел и улыбнулся ей. — А мне страх как хочется вымыться, надеть одежду, подобающую человеку цивилизованному, и избавиться от всей этой крови и синей краски... как все проходит! Вчера ночью я даже не заметил, что весь в крови — гляди, на тебе тоже оленья кровь, там, где я тебя касался...

— Думаю, когда придут за мной, меня вымоют и дадут мне свежую одежду, — отозвалась она, — да и тебя в проточной воде искупают.

Он вздохнул — и во вздохе этом послышалась легкая мальчишеская грусть. Его голос, этот неустойчивый баритон, как раз ломался; ну, как он может быть настолько юн, этот молодой великан, что сразился с Королем-Оленем и убил его кремневым ножом?

— Не думаю, что мне суждено тебя снова увидеть, — промолвил он, — ведь ты — жрица и посвятила себя Богине. Но я вот что хочу сказать тебе... — Он наклонился и поцеловал ее между грудей. — Ты для меня — самая первая. И неважно, сколько еще женщин у меня будет, всю свою жизнь я стану вспоминать тебя, и любить, и благословлять всем сердцем. Обещаю тебе это.

На щеках у него блестели слезы. Моргейна потянулась за одеждой и ласково утерла ему лицо, привлекла его голову к себе

на грудь и принялась убаюкивать. И дыхание у юноши перехватило.

— Твой голос, — прошептал он, — и то, что ты сейчас сделала... почему мне мерещится, будто я тебя знаю? Потому ли, что ты — Богиня, а в ней все женщины — едины? Нет... — Он напрягся, приподнялся, обнял ее лицо ладонями. В светлеющих сумерках она видела, как мальчишеские черты обретают силу и четкость, превращаясь в лицо взрослого мужа. Она лишь начинала смутно подозревать, отчего юноша кажется ей настолько знакомым, как он хрипло вскрикнул:

— Моргейна! Ты — Моргейна! Моргейна, сестра моя! Ох, Господи, Дева Мария, что мы содеяли?

Моргейна медленно закрыла лицо руками.

— Брат мой, — прошептала она. — Ах, Богиня! Брат! Гвидион...

— Артур, — глухо поправил он.

Моргейна судорожно обняла его, а в следующее мгновение он зарыдал, по-прежнему прижимаясь к ней.

— Неудивительно, что мне казалось, будто я знаю тебя от сотворения мира, — в слезах твердил он. — Я всегда любил тебя, и это... ах, Господи, что мы наделали...

— Не плачь, — беспомощно проговорила она, — не плачь. Мы — в руках той, что привела нас сюда. Это все неважно. Здесь мы не брат с сестрой, перед лицом Богини мы — мужчина и женщина, не более того.

«А я тебя так и не узнала. Брат мой, мой маленький, малыш, что льнул к моей груди, точно новорожденный. Моргейна, Моргейна, я велела тебе позаботиться о малыше, бросила она, уходя, и скрылась, а он плакал на моей груди, пока не уснул. А я ничего не знала».

— Это ничего, — повторила Моргейна, укачивая его в объятиях. — Не плачь, брат мой, любимый мой, маленький мой, не плачь, все хорошо.

Она утешала брата, а сама терзалась отчаянием.

«Почему ты так поступила с нами? Великая Матерь, Госпожа, почему?»

Моргейна сама не знала, взывает ли к Богине или, может статься, к Вивиане.

Глава 16

На протяжении всего долгого пути до Авалона Моргейна лежала в носилках, не вставая, голова у нее раскалывалась, а в мыслях снова и снова бился вопрос: «*Почему*?» После трех дней воздержания от пищи и долгого дня обряда она была совершен-

но измучена. Она смутно сознавала, что ночной пир и любовные ласки предназначались для того, чтобы высвободить эту силу, и так бы все и случилось, и она вполне пришла бы в себя, если бы не утреннее потрясение.

Моргейна достаточно себя знала, чтобы понимать: как только потрясение и усталость схлынут, придет ярость, и ей хотелось добраться до Вивианы раньше, чем ярость вырвется наружу, пока она в состоянии изобразить подобие спокойствия.

На сей раз они предпочли путь через Озеро, и Моргейне позволили, по ее настоятельной просьбе, часть пути пройти пешком, ведь она уже не была ритуально ограждаемой Девой обряда, она — всего лишь жрица из окружения Владычицы Озера. Когда ладья двинулась через Озеро, ее попросили призвать туманы, чтобы создать врата к Авалону, Моргейна встала, даже не задумываясь, настолько привыкла принимать это таинство как само собою разумеющееся, как неотъемлемую часть своей жизни.

Однако же, воздев руки, она вдруг похолодела на миг, во власти сомнения. Внутри ее произошла перемена столь значимая, остались ли у нее силы для создания врат? Во власти мятежного возмущения Моргейна на мгновение заколебалась, и гребцы глянули на нее с вежливым сочувствием. Она ощутила на себе их пронзительные, острые взгляды и почувствовала, что сквозь землю готова провалиться от стыда, как если бы все то, что произошло с ней накануне ночью, начертано на ее лице буквами похоти. Над Озером поплыл тихий церковный звон, и внезапно Моргейна вновь перенеслась в далекое детство: она слушала, как отец Колумба проникновенно говорит о целомудрии как о лучшем способе приблизиться к святости Марии, Божьей Матери, что чудом родила своего Сына, ни на миг не запятнав себя мирским грехом. Даже в ту пору Моргейна подумала про себя: «*Что за чушь несусветная, как может женщина родить ребенка, не зная мужчины?*» Но при священном звуке колоколов что-то внутри ее словно умерло, рассыпалось в прах, сжалось в комочек, и по лицу потоком хлынули слезы.

— Леди, ты больна?

Моргейна покачала головой.

— Нет, — твердо проговорила она, — на мгновение мне сделалось дурно. — Она набрала в грудь побольше воздуха. Артура в ладье нет, — конечно же, нет, мерлин повел его Сокрытым путем. «*Богиня едина, — Дева Мария, Великая Мать, Охотница... и я причастна к Ее величию*». Моргейна сделала ограждающий жест и вновь воздела руки, мгновенно задернув завесу тумана, сквозь которую ладья попадет на Авалон.

Вечерело, но, несмотря на голод и усталость, Моргейна направилась прямиком к обители Владычицы. Но у дверей путь ей преградила жрица.

— Сейчас Владычица никого не примет.

— Чушь, — бросила Моргейна, чувствуя, как сквозь милосердное оцепенение пробивается гнев, и надеясь, что заслон выстоит до тех пор, пока она не объяснится с Вивианой. — Я — ее родственница, спроси, могу ли я войти.

Жрица ушла, но тут же вернулась со словами:

— Владычица сказала: «Пусть Моргейна немедленно возвращается в Дом дев, в должный срок я с ней поговорю».

В ослеплении яростью Моргейна уже была готова оттолкнуть прислужницу и ворваться в дом Вивианы. Но благоговейный страх удержал ее. Она понятия не имела, что за кара ждет жрицу, преступившую обет послушания, но сквозь бешенство и гнев пробился тихий, холодный голос разума, подсказывая: лучше бы выяснить это как-нибудь иначе. Моргейна вдохнула поглубже, лицо ее приняло выражение, подобающее жрице, покорно поклонилась и ушла. Слезы, что ей удалось сдержать при звуке церковных колоколов на Озере, вновь защипали глаза, и на мгновение она устало пожалела, что не в силах дать им воли. Наконец-то она одна в Доме дев, в своей тихой комнатке, где можно выплакаться всласть, да только слезы упрямо не текут, остались лишь смятение, боль и гнев, выхода которому нет. Ощущение было такое, словно и тело ее, и душа стянулись в один тугой узел боли.

Вивиана прислала за нею только через десять дней; полная луна, сиявшая в ночь триумфа Увенчанного Рогами, убыла до тусклого угасающего осколочка. К тому времени как одна из младших жриц принесла известие, что Вивиана требует ее к себе, внутри у Моргейны все кипело яростью.

«*Она играла мною, как я играю на арфе*», — эти слова звенели в ее сознании снова и снова, так что в первый момент, заслышав доносящуюся из обители Вивианы мелодию арфы, Моргейна сочла ее эхом собственных горьких мыслей. А потом подумала было, что это играет Вивиана. Но за годы, проведенные на Авалоне, Моргейна обрела немалые познания в музыке, она знала звук Вивиановой арфы: Владычица играла в лучшем случае весьма посредственно.

Моргейна прислушалась, против воли задумавшись, что же это за музыкант. Талиесин? Девушка знала: до того как стать мерлином, он был величайшим из бардов и славился по всей Британии. Ей часто доводилось слышать его игру в дни великих Празднеств и на самых торжественных обрядах, но сейчас руки его состарились. Искусство их не умалилось, но даже в лучшие дни таких звуков ему не извлечь — это новый арфист, она в жизни своей его не слышала. И, еще не видя инструмента, Моргейна

знала: эта арфа крупнее Талиесиновой, а пальцы незнакомого музыканта разговаривают со струнами, точно зачаровав их волшебными чарами.

Некогда Вивиана рассказывала ей одно древнее предание дальних земель, историю о барде, под игру которого круги камней принимались водить хоровод, а деревья роняли листья в знак скорби, а когда он сошел в страну мертвых, тамошние суровые судьи смягчились и позволили ему увести свою возлюбленную. Моргейна недвижно застыла у двери, мир вокруг нее тонул в музыке. Внезапно девушке почудилось, что невыплаканные рыдания, скопившиеся в ней за последние десять дней, готовы вновь прорваться, что гнев растает в слезах, дай она лишь волю, и слезы смоют обиды, превращая ее в слабую, беспомощную девчонку. Моргейна резко толкнула дверь и бесцеремонно вошла.

Там был мерлин Талиесин, но играл не он, сцепив руки на коленях, старик наклонился вперед, внимательно вслушиваясь. И Вивиана тоже, в простом домашнем платье, устроилась не на обычном своем месте, но подальше от огня, почетное место она отвела незнакомому арфисту.

То был молодой человек в зеленой одежде барда, гладко выбритый на римский манер, вьющиеся волосы чуть темнее ржавчины на железе. Глубоко посаженные глаза, лоб, что кажется чересчур большим для него... и хотя Моргейна в силу неведомой причины ожидала, что глаза эти окажутся темными, вопреки ожиданию они сверкнули пронзительной синевой. Музыкант нахмурился, раздосадованный тем, что его прервали, пальцы его замерли на середине аккорда.

Вивиана тоже осталась недовольна подобной неучтивостью, но от замечаний воздержалась.

— Иди сюда, Моргейна, присядь рядом со мной. Я знаю, как ты любишь музыку, вот и подумала, что тебе захочется послушать Кевина Арфиста.

— Я слушала снаружи.

— Так заходи и послушай изнутри, — улыбнулся мерлин. — Он на Авалоне впервые, но я подумал, может статься, ему есть чему поучить нас.

Моргейна вошла и присела на скамеечку рядом с Вивианой.

— Моя родственница, Моргейна, сэр, она тоже принадлежит к королевскому роду Авалона, — представила девушку Верховная жрица. — Кевин, ты видишь перед собою ту, что спустя годы станет Владычицей.

Моргейна вздрогнула от изумления: никогда прежде не подозревала она, что именно такой удел предназначила для нее Вивиана. Но гнев тотчас же затмил нахлынувшую радость: «*Она ду-*

мает, достаточно мне польстить, и я прибегу лизать ей ноги, точно собачонка!»

— Пусть день сей придет не скоро, о Владычица Авалона, и пусть мудрость твоя еще долго направляет нас, — учтиво отозвался Кевин. На их языке он говорил так, словно хорошо его выучил, — девушка готова была поклясться, что наречие это для него не родное, он чуть заметно запинался, задумывался на мгновение, прежде чем произнести то или иное слово, хотя произношение оказалось почти безупречным. Ну что ж, слух-то у него музыкальный, в конце концов! Лет ему, предположила Моргейна, около тридцати, может, чуть больше. Однако этим беглым осмотром, выявившим синеву глаз, девушка и ограничилась: взгляд ее приковала огромная арфа у него на коленях.

Как она и догадывалась, арфа и впрямь оказалась крупнее той, на которой играл Талиесин в дни великих Празднеств. Сработана она была из темного, с красным отливом, блестящего дерева, совершенно не похожего на светлую древесину ивы, из которой вырезали арфы Авалона; уж не дерево ли наделило ее таким мягким и в то же время искрометным голосом, задумалась про себя девушка. Изгибы арфы поражали изяществом, точно очертания облака, колки были вырезаны из невиданной светлой кости, а на корпусе чья-то рука начертала рунические знаки, Моргейне непонятные, а ведь она, как любая образованная женщина, выучилась читать и писать по-гречески. Кевин проследил ее испытывающий взгляд, и недовольства в нем вроде бы поубавилось.

— А, ты любуешься Моей Леди. — Он ласково провел ладонью по темному дереву. — Такое имя я ей дал, когда ее для меня сделали — то был дар короля. Она — единственная женщина, будь то дева или замужняя матрона, ласкать которую мне всегда в радость и чей голос мне никогда не приедается.

Вивиана улыбнулась арфисту:

— Мало кто из мужчин может похвастаться столь верной возлюбленной.

Губы его изогнулись в циничной улыбке.

— О, как все женщины, она откликнется на любую ласкающую ее руку, но, думаю, она знает, что я лучше всех умею будить в ней трепет одним лишь прикосновением, и, будучи распутницей, как все женщины, она, конечно же, любит меня больше прочих.

— Сдается мне, о женщинах из плоти и крови ты невысокого мнения, — промолвила Вивиана.

— Так оно и есть, Владычица. Богиня, разумеется, не в счет... — Эти слова он произнес чуть нараспев, но не то чтобы насмешливо. — Иной любовницы, кроме Моей Леди, мне и не

нужно: она никогда не бранится, если я ею пренебрегаю, но неизменно нежна и приветлива.

— Возможно, — предположила Моргейна, поднимая взгляд, — ты обращаешься с ней куда лучше, чем с женщиной из плоти и крови, и она вознаграждает тебя по достоинству.

Вивиана нахмурилась, и Моргейна с запозданием осознала, что ее дерзкая речь превысила дозволенный предел. Кевин резко поднял голову и встретился глазами с девушкой. Мгновение он не отводил взгляда, и потрясенная Моргейна прочла в нем горечь и враждебность и вместе с тем — ощущение, что он отчасти понимает ее ярость, ибо сам изведал нечто подобное и выдержал суровую битву с самим собою.

Кевин уже собирался было заговорить, но Талиесин кивнул — и бард вновь склонился над арфой. Только теперь Моргейна заметила, что играет он иначе, нежели прочие музыканты: те упирают небольшой инструмент в грудь и перебирают струны левой рукой. Кевин же установил арфу между коленями — и склонялся к ней. Девушка удивилась, но едва музыка хлынула в комнату, с журчанием изливаясь со струн, точно лунный свет, она позабыла про странные ухватки, глядя, как меняется его лицо, как оно становится спокойным и отчужденным, не чета насмешливым словам. Пожалуй, Кевин ей больше по душе, когда играет, нежели когда говорит.

В гробовой тишине мелодия арфы заполняла комнату до самых стропил, слушатели словно перестали дышать. Эти звуки изгоняли все остальное, Моргейна опустила покрывало на лицо — и по щекам ее хлынули слезы. Ей мерещилось, будто в музыке слышен разлив весенних токов, сладостное предчувствие, что переполняло все ее существо, когда той ночью она лежала в лунном свете, дожидаясь восхода. Вивиана потянулась к ней, завладела ее рукой и принялась ласково поглаживать пальцы один за другим — так она не делала с тех пор, как Моргейна повзрослела. Девушка не сдержала слез. Она поднесла руку Вивианы к губам и поцеловала. И подумала, снедаемая болью утраты: «*Да она совсем стара, как она постарела с тех пор, как я сюда попала...*» До сих пор ей неизменно казалось, что над Вивианой годы и перемены не властны, точно над самой Богиней. «*Ах, но ведь и я изменилась, я уже не дитя... когда-то, когда я впервые попала на Остров, она сказала мне, что придет день, когда я ее возненавижу так же сильно, как люблю, и тогда я ей не поверила...*» Девушка изо всех сил подавляла рыдания, страшась выдать себя ненароком каким-нибудь случайным всхлипом и, что еще хуже, прервать течение музыки. «*Нет, я не в силах возненавидеть Вивиану*», — думала она, и вся ее ярость растаяла, превратилась в скорбь столь великую, что в какое-то мгновение Моргейна и впрямь едва не расплакалась в голос. О себе, о том, как она без-

возвратно переменилась, о Вивиане, что некогда была столь прекрасна — истинное воплощение Богини! — а теперь ближе к Старухе Смерти, и от осознания того, что и она тоже, подобно Вивиане, спустя безжалостные годы, однажды явится каргой; и еще оплакивала она тот день, когда взобралась на Холм с Ланселетом и лежала там под солнцем, изнывая и мечтая о его прикосновениях, даже не представляя себе со всей отчетливостью, чего хочет; и еще оплакивала она то неуловимое нечто, что ушло от нее навсегда. Не только девственность, но доверие и убежденность, которых ей вовеки не изведать вновь. Моргейна знала: Вивиана тоже беззвучно плачет под покрывалом.

Девушка подняла взгляд. Кевин застыл неподвижно, вздыхающее безумие музыки, затрепетав, смолкло, он поднял голову, и пальцы вновь пробежали по струнам, бодро пощипывая их в лад развеселой мелодии, что охотно распевают сеятели ячменя в полях, — ритм у нее танцевальный, а слова не то чтобы пристойны. И на сей раз Кевин запел. Голос у него оказался сильный и чистый, и Моргейна, улучив момент, пока звучит танцевальный мотив, выпрямилась и принялась наблюдать за его руками, откинув покрывало и умудрившись вытереть при этом предательские слезы.

И тут она заметила, что, при всем их искусстве, с руками его что-то до странности не так. Похоже, они изувечены... изучив их в подробностях, Моргейна убедилась, что на одном-двух пальцах недостает второго сустава, так что играет Кевин обрубками, да как ловко... а на левой руке мизинца нет и вовсе. А сами кисти, такие красивые и гибкие в движении, покрывали странные обесцвеченные пятна. Наконец Кевин опустил арфу, нагнулся установить ее ровнее, рукав сполз, открывая запястье, и взгляду предстали безобразные белые шрамы, точно рубцы от ожогов или кошмарных увечий. И теперь, приглядевшись повнимательнее, она заметила, что лицо его покрывает сеть шрамов — на подбородке и в нижней части щек. Видя, как изумленно расширились ее глаза, Кевин поднял голову, вновь встретил взгляд девушки — и в свою очередь вперил в нее суровый, исполненный ярости взор. Вспыхнув, Моргейна отвернулась: после того как музыка перевернула ей душу, ей совсем не хотелось задеть его чувства.

— Что ж, — отрывисто бросил Кевин, — Моя Леди и я всегда рады петь тем, кому мил ее голос, однако не думаю, что меня сюда позвали лишь затем, чтобы развлечь тебя, госпожа, или тебя, лорд мой мерлин.

— Не только затем, — проговорила Вивиана грудным, низким голосом, — но ты подарил нам наслаждение, что я запомню на многие годы.

— И я тоже, — промолвила Моргейна. Теперь в его присут-

ствии она оробела столь же, сколь прежде была дерзка. И тем не менее девушка подошла ближе, чтобы рассмотреть огромную арфу повнимательнее.

— Никогда таких не видела, — промолвила она.

— Вот в это я верю охотно, — отозвался Кевин, — ибо я приказал сделать ее по своему собственному рисунку. Арфист, обучивший меня моему искусству, в ужасе воздевал руки, как если бы я оскорблял его Богов, и клялся, что такой инструмент станет производить ужасный шум, пригодный лишь на то, чтобы распугивать врагов. Ну вроде как огромные боевые арфы, в два человеческих роста, что в Галлии привозили на телегах на вершины холмов и оставляли там во власти ветров, — говорят, что столь жутких звуков пугались даже римские легионы. Ну что ж, я сыграл на одной из этих боевых арф, и благодарный король дал мне дозволение заказать арфу в точности такую, как я сочту нужным...

— Он правду говорит, — заверил Талиесин Вивиану, — хотя, впервые об этом услышав, я не поверил: кому из смертных под силу сыграть на таком чудовище?

— А я сыграл, — промолвил Кевин, — так что король приказал сделать для меня Мою Леди. Есть у меня еще одна арфа, поменьше, той же формы, но не столь тонкой работы.

— Воистину она прекрасна, — вздохнула Моргейна. — А колки из чего? Из моржового клыка?

Кевин покачал головой.

— Мне рассказывали, они вырезаны из зубов огромного зверя, что живет в теплых странах далеко на юге, — отвечал он. — Сам я знаю лишь, что материал красив и гладок, однако ж прочен и крепок. Он стоит дороже золота, хотя смотрится не так кричаще.

— И держишь ты арфу не так, как все... Я такого вовеки не видела.

— Не удивлюсь, — криво улыбнулся Кевин. — В руках у меня силы мало, так что мне пришлось прикидывать так и этак, как бы получше приспособиться. Я видел, как ты разглядывала мои руки. Когда мне было шесть, дом, в котором я жил, саксы сожгли прямо у меня над головой, и вытащили меня слишком поздно. Никто не верил, что я выживу, то-то я всех удивил! А поскольку я не мог ни ходить, ни сражаться, меня усадили в угол и решили, что с этакими обезображенными руками, — Кевин равнодушно вытянул их перед собою, — пожалуй, я научился бы ткать и прясть среди женщин. Но особой склонности я к тому не выказал, и вот однажды к нам зашел старик-арфист и в обмен на чашку супа взялся позабавить калеку. Он показал мне струны, я попытался сыграть. И даже сложил некую музыку, как смог, так что в ту зиму и в следующую он ел свой хлеб, обучая меня играть

и петь, и сказал, что его стараниями я, пожалуй, со временем смогу зарабатывать на жизнь музыкой. Так что на протяжении десяти лет я не делал ничего, только сидел в уголке и играл, пока ноги мои наконец не стали достаточно сильными и я не научился ходить снова. — Кевин пожал плечами, извлек откуда-то из-за спины кусок ткани, завернул свою арфу и убрал инструмент в кожаный футляр, вышитый тайными знаками. — Так я стал деревенским арфистом, а потом и арфистом при короле. Но старый король умер, а сын его к музыке был глух, так что я подумал, лучше бы убраться из королевства подобру-поздорову, пока тот не стал алчно поглядывать на золотую отделку моей арфы. Так я попал на остров друидов, изучил там ремесло барда, и наконец меня послали на Авалон — вот я и здесь, — добавил он, в последний раз пожимая плечами. — Ты же так до сих пор и не сказал мне, зачем призвал меня к себе, лорд мерлин, и к этим леди.

— Затем, — отвечал мерлин, — что я стар и события, коим мы дали ход нынче ночью, возможно, явят себя лишь через поколение. А к тому времени я уже умру.

Вивиана подалась вперед:

— Тебе было предупреждение, отец?

— Нет, нет, милая. Я и не стал бы зря тратить Зрение на такие пустяки, мы же не справляемся у Богов, пойдет ли снег следующей зимой. Ты привела сюда Моргейну, а я — Кевина, так чтобы кто-то помоложе меня следовал за происходящим, когда я уйду. Так выслушай мою новость: Утер Пендрагон лежит при смерти в Каэрлеоне, а как только лев падет, туда слетятся коршуны. А нам принесли весть о том, что в землях Кента собирается огромная армия — союзные племена решили, что пришло время восстать и отобрать у нас оставшуюся часть Британии. Они послали за наемниками с большой земли, к северу от Галлии, чтобы те, присоединившись к ним, истребили наш народ и разрушили все, чего достиг Утер. Пробил час сразиться под знаменем, что мы тщились поднять многие годы. Времени мало: они постановили непременно обзавестись своим королем и уже сделали это. Нельзя тратить впустую ни месяца, иначе они и впрямь нападут. Лот мечтает о троне, но южане за ним не последуют. Есть и другие — герцог Марк Корнуольский, Уриенс из Северного Уэльса, — но ни один из них не обретет поддержки за пределами собственных земель, так что мы того и гляди уподобимся ослу, что умер от голода между двумя охапками сена, не зная, за которую приняться раньше... Нам необходим сын Пендрагона, хоть он и юн.

— Вот уж не слышал, чтобы у Пендрагона был сын, — произнес Кевин. — Или он признал своим того мальчика, что его жена родила Корнуоллу вскорости после того, как они поженились?

Поспешил, однако, Утер с этой свадьбой вопреки приличиям, даже дождаться не мог, чтобы она родила дитя, прежде чем брать ее к себе на ложе...

Вивиана предостерегающе подняла руку.

— Юный принц — сын Утера, — промолвила она, — и никаких сомнений тут нет, да никто и не усомнится, стоит лишь его увидеть.

— В самом деле? Тогда прав был Утер, спрятав его на стороне, — промолвил Кевин, — сына от чужой жены...

Владычица жестом заставила его умолкнуть.

— Игрейна — моя сестра, и она — из королевского рода Авалона. А этот сын Утера и Игрейны — тот, чей приход был предсказан давным-давно, король былого и грядущего. Его уже Увенчали Рогами, Племена признали его королем.

— Вы всерьез верите, что хоть один вождь Британии признает Верховным королем какого-то там семнадцатилетнего мальчишку? — скептически осведомился Кевин. — Храбростью он может затмить самого легендарного Кухулина, и все-таки они потребуют воина более опытного.

— Что до этого, он обучался и военной науке, и трудам, подобающим сыну короля, — заверил Талиесин, — хотя мальчик еще не знает, что в жилах его течет королевская кровь. Но, сдается мне, только что минувшая полная луна дала ему почувствовать собственное предназначение. Утера чтили превыше всех прочих королей, что были до него, а этот юноша Артур вознесется еще выше. Я видел его на троне. Вопрос не в том, примут его или нет, но в том, что можем сделать мы, дабы облечь его королевским величием, так, чтобы все горды объединились против саксов вместо того, чтобы враждовать друг с другом!

— Я изыскала способ, — отозвалась Вивиана, — и, едва народится новая луна, все будет исполнено. Есть у меня для него меч, меч из легенды, ни один герой из числа живущих не держал еще его в руках. — Владычица помолчала и медленно закончила: — И за этот меч я потребую от него клятвы. Он даст обет хранить верность Авалону, что бы уж ни затевали христиане. Тогда, возможно, судьба переменится и Авалон вернется из туманов, а монахи со своим мертвым Богом отступят в туманы и сумрак, а Авалон воссияет вновь в свете внешнего мира.

— Честолюбивый замысел, — отозвался Кевин, — но если Верховный король Британии и в самом деле поклянется Авалону...

— Так задумывалось еще до его рождения.

— Мальчик воспитан как христианин, — медленно проговорил Талиесин. — Принесет ли он такую клятву?

— Что стоит болтовня о Богах в глазах мальчика в сравнении с легендарным мечом, за которым пойдет его народ, и славой ве-

ликих деяний? — пожала плечами Вивиана. — Что бы из этого ни вышло, мы зашли слишком далеко, чтобы отступить теперь, мы все связаны долгом. Через три дня народится новая луна, и в этот благоприятный час он получит меч.

Прибавить к этому было нечего. Моргейна молча слушала — смятенная, взволнованная до глубины души. Кажется, она слишком долго пробыла на Авалоне, слишком долго пряталась среди жриц, сосредоточив мысли на святынях и тайной мудрости. Она успела позабыть о существовании внешнего мира. Почему-то она так до конца и не осознала, что Утер Пендрагон, муж ее матери, — Верховный король всей Британии и брат ее в один прекрасный день унаследует этот титул. «*Даже*, — подумала она с оттенком новообретенного цинизма, — *при том, что рождение его запятнано тенью сомнения*». Чего доброго, соперничающие владетели только порадуются претенденту, который не принадлежит ни к одной из их партий и клик, сыну Пендрагона, пригожему и скромному, что послужит символом, вокруг которого объединятся они все. Кроме того, его уже признали и Племена, и пикты, и Авалон... Моргейна вздрогнула, вспомнив, какую роль в этом сыграла. В душе ее вновь вспыхнул гнев, так что, когда Талиесин и Кевин встали, собираясь уходить, девушка словно заново пережила тот миг, когда, десять дней назад, еще во власти пережитого, она изнывала от нетерпения излить на Вивиану всю свою ярость.

Арфа Кевина в богато украшенном футляре отличалась крайней громоздкостью, тем более что размерами превосходила любую другую, так что, взгромоздив на себя эту ношу, арфист выглядел на диво неуклюже: одну ногу он подволакивал, а колено и вовсе не сгибалось. «*До чего безобразен*, — подумала девушка, — *урод, одно слово, но когда играет — ни у кого и мысли подобной не возникнет. В этом человеке заключено больше, чем ведомо любому из нас*». И тут Моргейне вспомнились слова Талиесина, и она поняла, что видит перед собою следующего мерлина Британии, — при том, что Вивиана назвала ее следующей Владычицей Озера. Это известие оставило ее равнодушной, хотя, объяви о том Вивиана до того рокового путешествия, что переменило жизнь Моргейны, она преисполнилась бы восторга и гордости. А теперь его омрачало то, что произошло с нею.

«С братом, с моим братом. Когда мы были жрец и жрица, Бог и Богиня, соединенные властью обряда, это значения не имело. Но утром, когда мы, проснувшись, были вместе как мужчина и женщина... это случилось по-настоящему, и это — грех...»

Вивиана стояла в дверях, глядя вслед уходящим.

— Для человека с такими увечьями двигается он очень даже

неплохо. Большая удача для мира, что он выжил и не стал уличным нищим либо плетельщиком ковриков из тростника на базаре. Подобное искусство не подобает прятать в неизвестности или даже при королевском дворе. Такой голос и такие руки принадлежат Богам.

— Он, безусловно, очень одарен, — отозвалась Моргейна, — но не знаю, мудр ли? Мерлину Британии пристали не только выучка и талант, но и мудрость. И... целомудрие.

— Тут решать Талиесину, — возразила Вивиана. — Чему быть, того не миновать, и не мне тут приказывать.

И внезапно ярость Моргейны выплеснулась наружу.

— Неужто ты и в самом деле признаешь, что в мире есть нечто такое, чем ты не вправе распоряжаться, о Владычица? Мне казалось, ты уверена: твоя воля — это воля Богини и все мы — лишь марионетки в твоих руках!

— Не должно тебе так говорить, дитя мое, — промолвила Вивиана, изумленно глядя на девушку. — Быть того не может, чтобы ты хотела надерзить мне.

Если бы Вивиана повела себя надменно, негодование Моргейны нашло бы выход в яростной вспышке, но мягкая кротость собеседницы обезоружила девушку.

— Вивиана, *зачем*? — промолвила она, к стыду своему чувствуя, что вновь задыхается от слез.

— Или я слишком надолго оставила тебя среди христиан, что горазды толковать о грехе? — Теперь голос Вивианы звучал холодно. — Сама подумай, дитя. Ты принадлежишь к королевскому роду Авалона, он — тоже. Могла ли я отдать тебя человеку безродному? Или, если на то пошло, будущего Верховного короля — простолюдинке?

— А я-то тебе поверила, когда ты говорила... я поверила, что все это — воля Богини...

— Так и есть, — мягко отозвалась Вивиана, по-прежнему не понимая, — но даже в таком случае я не могла бы отдать тебя тому, кто тебя недостоин, моя Моргейна. — В голосе ее звучала неподдельная нежность. — Он был совсем мал, когда вы расстались, — я думала, он тебя не узнает. Мне очень жаль, что ты узнала его, но, в конце концов рано или поздно тебе пришлось бы открыть правду. А он пусть пребывает в неведении как можно дольше.

Моргейна напряглась всем телом, борясь с яростью.

— Он уже знает. Он знает. И, сдается мне, ужаснулся сильнее меня.

— Ну что ж, теперь ничего не поделаешь, — вздохнула Вивиана. — Что сделано, то сделано. И сейчас надежда Британии важнее твоих чувств.

Глава 17

В небе висела темная луна, в эту пору, как объясняли младшим жрицам в Доме дев, Богиня, спрятав свой лик под покрывалом от людского взора, советуется с небесами и с Богами, что скрываются за Богами, нам известными. Время темной луны Вивиана тоже проводила в затворничестве, две младшие жрицы стояли на страже ее уединения.

Большую часть дня Владычица провела в постели: она лежала с закрытыми глазами и гадала, что, если Моргейна права и она и в самом деле опьянена властью и верит, будто все на свете в ее распоряжении, всем она вольна играть так, как сочтет нужным.

«*То, что я сделала*, — думала про себя Вивиана, — *я сделала того ради, чтобы спасти эту землю и ее народ от грабежа и гибели, от возврата к варварству, от разорения страшнее, нежели Рим претерпел от руки готов*».

Вивиане отчаянно хотелось послать за Моргейной. О, как Владычица тосковала по их былой близости! Если девушка и впрямь ее возненавидела — цены страшнее ей еще не доводилось платить за все содеянное. Моргейна — единственное человеческое существо, которое она любит всей душой, безоглядно. «*Она — дочь, которую я задолжала Богине. Но что сделано, то сделано, назад дороги нет. Королевский род Авалона не должно осквернять кровью простолюдина*». Она подумала о Моргейне с печальной надеждой, что в один прекрасный день молодая женщина все поймет, но суждено этому сбыться или нет, Вивиана не знала: она исполнила свой долг, не более.

В ту ночь она почти не сомкнула глаз, ненадолго погружаясь в спутанные сны и видения, думая об отосланных прочь сыновьях, о внешнем мире, куда юный Артур въехал вместе с мерлином, успел ли он вовремя к ложу умирающего отца? Вот уже шесть недель Утер Пендрагон лежит больным в Каэрлеоне, ему то лучше, то хуже, но маловероятно, что все это затянется надолго.

Ближе к рассвету Вивиана поднялась и оделась, да так бесшумно, что ни одна из прислужниц даже не пошевелилась. Спит ли Моргейна в своей комнатке в Доме дев, или тоже лежит, не смыкая глаз, с тяжелым сердцем, или безутешно рыдает? Моргейна никогда не плакала при ней — вплоть до того дня, когда арфа Кевина разбередила все сердца, но даже тогда девушка упорно прятала слезы.

«*Что сделано, то сделано! Пощадить ее я не могу. Однако всем сердцем сокрушаюсь о том, что иного способа не было...*»

Вивиана тихо вышла в сад за домом. Птицы уже проснулись, с ветвей, нежные и благоуханные, медленно осыпались лепестки яблонь — от этих деревьев Авалон и получил свое название.

«По осени они принесут плоды, так же, как то, что я делаю сейчас, со временем даст свой плод. Вот только мне самой уже не цвести и не плодоносить. — Бремя прожитых лет невыносимой тяжестью давило на сердце. — *Я старею, даже теперь, порою, Зрение подводит меня, Зрение, данное мне, чтобы править этой землею».*

Ее собственная мать до таких лет не дожила. Придет время — воистину, оно уже не за горами, — когда Вивиане придется сложить с себя бремя и священный титул, передать правление Авалоном следующей Владычице и уйти в тень, став Старухой Смертью.

«Моргейна еще не готова. Она пока еще живет временем мира, она способна испытывать трепет и оплакивать неизбежное». Вивиана перебрала в уме жриц Авалона, молодых и старых. Не нашлось ни одной, кому она могла бы доверить власть над здешним краем. В один прекрасный день Моргейна станет достойна этого высокого жребия, но время еще не пришло. Врана... у Враны, пожалуй, воли и достало бы. Но Врана отдала свой голос Богам, Врана предназначена для священного безумия запредельных миров, не для трезвой рассудительности и здравомыслия этого мира. Что станется с Британией, если она, Вивиана, умрет до того, как Моргейна войдет в полную силу?

Небеса были по-прежнему темны, хотя на востоке туман уже озарился первым светом. На глазах Вивианы зарево разгоралось ярче, медленно сгустились алые облака, заклубились, принимая очертания алого дракона, кольцом свернувшегося у горизонта. А в следующий миг в небе огненным росчерком пронеслась огромная падучая звезда, затмевая дракона; на мгновение яркая вспышка ослепила Вивиану, а когда в глазах у нее вновь прояснилось, алый дракон исчез, и плывущие по небу облака искрились белизной в лучах встающего солнца.

По спине Вивианы пробежали мурашки. Такое знамение является раз в жизни, не больше, — надо думать, всю Британию потрясло! *«Итак, Утер уходит,* — думала она про себя. — *Прощай, дракон, распростерший крылья над нашими берегами. Вот теперь саксы обрушатся на нас со всей силой».*

Вивиана вздохнула — а в следующий миг нежданно-негаданно воздух заколыхался, и перед нею в саду возник мужчина. Владычица вздрогнула — не от страха, что привыкшая к четырем стенам домоседка почувствовала бы при виде чужака, — но оттого, что давно уже не знала истинных Посланий такого рода. Видение, явившееся к ней без зова, должно обладать великой силой.

«Сила под стать падучей звезде, знамение, какого при моей жизни не видывали...»

В первое мгновение Владычица не узнала стоявшего перед

нею: изнуряющий недуг выкрасил сединой светлые волосы, иссушил широкие плечи, согнул стан, кожа пожелтела, глаза запали от боли. Но даже теперь Утер Пендрагон, как всегда, казался крупнее и выше большинства мужчин; и хотя в огороженном саду тишину тут и там нарушали негромкие звуки, так, что на фоне его голоса Вивиана различала птичий щебет — точно так же, как видела цветущие деревья сквозь очертания фигуры, — казалось, что он разговаривает с нею, как всегда — резко, без теплоты.

«Ну что ж, Вивиана, вот мы и встретились в последний раз. Между нами существует связь — не то чтобы я того хотел, мы никогда не были друзьями, свояченица. Но провидению твоему я доверяю: все, о чем ты говорила, неизменно сбывалось. И ты — единственная, кто сумеет добиться, чтобы следующий Верховный король Британии завладел тем, что принадлежит ему по праву».

Только теперь Вивиана разглядела, что в груди его зияет огромная рана. Как же так случилось, что Утер Пендрагон, терзаемый недугом в Каэрлеоне, умер от раны, а не от долгой болезни?

«Я умер так, как подобает воину, союзные войска вновь нарушили клятву, и мои армии не могли выстоять против них, пока я не приказал отнести меня на поле боя. Тогда наши собрались с силами, но Аэск, вождь саксов — королем я оголтелого дикаря не назову, — прорвался сквозь наши ряды и зарубил троих воинов из моего окружения; я убил его, а телохранитель Аэска — меня. Но битву мы выиграли. А следующая — это уж для моего сына. Если, конечно, он взойдет-таки на трон».

Словно со стороны Вивиана услышала, как произнесла вслух в наступившей тишине:

— Артур — король, ибо в нем течет кровь древнего королевского рода Авалона. И не нужно ему родство с Пендрагоном для того, чтобы по праву занять место короля.

При этих словах — при жизни Утер вскипел бы гневом — он лишь криво улыбнулся, и в последний раз Вивиане суждено было услышать его голос:

«Не сомневаюсь, что потребуется нечто большее, нежели даже твоя магия, свояченица, дабы убедить в этом владетельных народов королей Британии. Ты, может, и презираешь кровь Пендрагона, но не к чему иному, как к ней, придется воззвать мерлину, дабы возвести Артура на трон».

А в следующий миг образ Утера Пендрагона поблек, растаял, и теперь перед Вивианой стоял совсем другой мужчина — тот, кого в этой жизни Вивиана видела только в снах. И в это испепеляющее мгновение Вивиана поняла, почему все мужчины были для нее лишь долгом, или путем к власти, или удовольствием одной ночи, не более; ибо сейчас она стояла в земле, затонувшей еще до того, как на Холме возвели кольцо камней, и руки ее от

локтя до плеч обвивали золотые змеи... поблекший полумесяц пылал между ее бровей, точно яркий рогатый лунный серп, и она *узнала* этого человека, и знание это пришло из-за пределов времени и пространства... Вивиана пронзительно вскрикнула, и исступленный этот вопль был исполнен скорби обо всем, чего она не изведала в этой жизни, и агонии утраты, о которой она доселе и не догадывалась. И сад вновь опустел, лишь птицы бессмысленно щебетали в промозглом безмолвии туманов, заволакивающих встающее солнце.

«*А далеко отсюда, в Каэрлеоне, овдовевшая Игрейна оплакивает свою любовь... теперь настал ее черед скорбеть о нем...*» Пошатнувшись, Вивиана схватилась за отсыревший от росы ствол огромного дерева и прислонилась к нему, изнывая от нежданной тоски. Он ведь и не знал ее толком. Он испытывал к ней лишь неприязнь и никогда не доверял ей — вплоть до самой смерти, когда упала тленная личина нынешней жизни. «*Сжалься, Богиня... отпущенный срок минул, а я так его и не узнала... ушло, все ушло; узнаю ли я его при новой встрече или мы вновь не заметим друг друга в слепоте своей, пройдем мимо и не оглянемся, точно чужие?*» Но ответа не было, лишь молчание, а Вивиане не дано было даже заплакать.

«*Оплачет его Игрейна... а я не могу...*»

Но она быстро взяла себя в руки. Не время скорбеть о любви, что подобна сну, привидевшемуся во сне; время вновь потекло своим чередом, и Вивиана, оглядываясь назад, на видение, испытывала смутный страх. Теперь она не находила в себе и тени горя о покойном — ничего, кроме досады, она могла бы заранее догадаться, что Утер умудрится умереть в самый неподходящий момент, так и не успев провозгласить сына наследником перед владетельными народами, претендующими на трон короля Британии. Ну, почему он не остался в Каэрлеоне, почему поддался гордыне, побудившей его еще хотя бы раз показаться на поле битвы? Он вообще сына-то видел? Успел ли мерлин вовремя?

Послание сгинуло безвозвратно, призвать его обратно и расспросить о подробностях столь тривиальных возможным не представлялось. Утер и впрямь явился к ней в миг своей смерти — хорошо, что Игрейна никогда об этом не узнает. Но теперь он исчез.

Вивиана подняла глаза к небу. Серп луны пока не показался, может, еще удастся разглядеть хоть что-нибудь в зеркале. Не позвать ли Врану? Нет, времени уже в обрез, а Врана, чего доброго, не согласится нарушить обет молчания ради того, чтобы узнать о событиях внешнего мира. Моргейна? Она страшилась взглянуть Моргейне в глаза.

«*Неужто Моргейна проживет всю свою жизнь так же, как и я, с омертвевшим сердцем?*»

Вивиана со всхлипом перевела дыхание и повернулась уходить. В саду по-прежнему было сыро и холодно, рассвет еще таился в тумане. По тропе, не встретив по пути ни души, Владычица стремительно поднялась к Священному источнику, нагнулась, отбросила назад волосы, набрала воды в пригоршню, отпила. Подошла к зеркальной заводи. Столько лет прослужила она в здешнем святилище, что теперь приучилась принимать свой дар видения как само собою разумеющееся, но на сей раз вопреки своему обыкновению она принялась молиться:

«Богиня, не лишай меня силы, только не сейчас, подожди еще чуть-чуть. Матерь, ты же знаешь, я не для себя прошу, но лишь для того, чтобы обезопасить эту землю до тех пор, пока не передам ее в руки, что выпестовала ей на защиту».

В первое мгновение взгляд ее различал лишь рябь на воде. Вивиана стиснула руки, словно пытаясь вызвать видение усилием воли. И вот, медленно на поверхности проступили образы. Она видела, как мерлин странствует по земле из конца в конец своими тайными тропами, то как друид и бард, в обличье, подобающем Посланцу богов; то как старый побирушка, или бродячий торговец, или простой арфист. Вот черты его лица расплылись, изменились, — теперь это был Кевин Бард, то в белом облачении Посланца Авалона, то в одеждах знатного лорда, в споре с христианскими священниками... над головой у него сгустилась тень, тени обступили его со всех сторон: тень дубовой рощи и тень креста; Вивиана видела у него в руках Священную Чашу из числа Реликвий друидов... видела юного Артура, лоб его все еще обагрен кровью убитого оленя... а вот и Моргейна, коронованная цветами, она смеется, и на лице ее тоже кровь... Вивиане отчаянно не хотелось на это смотреть: что она только не отдала бы за возможность отвести глаза, но не смела нарушить поток видений. Римская вилла, Артур, по бокам от него — еще два мальчика; один — ее собственный младший сын, Ланселет, а тот, что постарше, надо думать, приемный брат Артура, Кай, сын Эктория... Моргауза в окружении сыновей; один за другим они преклоняют колени перед Артуром. А затем глазам ее предстала ладья Авалона, задрапированная черной тканью, точно покров на гробе, а на носу — Моргейна, только старше, нежели сейчас... старше, и — плачет.

Вивиана досадливо провела рукой над поверхностью воды. Некогда ей здесь мешкать, ища ответа среди видений, что на день сегодняшний смысла вроде бы лишены. Владычица стремительно спустилась вниз по холму к своему жилищу и позвала прислужниц.

— Оденьте меня, — коротко приказала она, — и пошлите за мерлином. Ему должно ехать в Каэрлеон, пусть привезет ко мне юного Артура прежде, чем народившаяся луна состарится больше чем на день. Времени терять нельзя.

Глава 18

Но Артур не приехал на Авалон под новолуние.

Моргейна в Доме дев видела, как в небо поднялась народившаяся луна, но поста, подобающего поре темной луны, не нарушила. Ее одолевала слабость, девушка знала, что, если возьмет в рот хоть что-нибудь, ее затошнит. Впрочем, возможно, это в порядке вещей. Иногда перед началом месячных с ней так бывало, позже все пройдет. Спустя какое-то время ей и впрямь стало лучше, она попила молока и съела немного хлеба, а ближе к вечеру за ней прислала Вивиана.

— Утер скончался в Каэрлеоне, — сообщила она. — Если ты считаешь, что долг призывает тебя к матери...

Моргейна минуту подумала — и покачала головой.

— Я не любила Утера, — промолвила она, — и Игрейна отлично это знает. Дай Богиня, чтобы ее святоши-советники утешили мою мать лучше, чем удалось бы мне.

Вивиана вздохнула. Выглядела она измученной и усталой, неужели и она чувствует себя больной и разбитой на исходе изматывающей поры темной луны.

— Скорблю я, что вынуждена сказать такое, — промолвила Вивиана, — но боюсь, что ты права. Я бы уступила тебя ей на время, будь в том нужда. Ты бы успела вернуться на Авалон прежде, чем... — Вивиана умолкла на полуслове, а затем докончила: — Ты знаешь, что при жизни Утер сдерживал натиск саксов, пусть и ценою непрестанных сражений; как бы то ни было, мы знали лишь по несколько месяцев мира, не более. А теперь, страшусь я, станет еще хуже, недруг того и гляди подступит к самым вратам Авалона. Моргейна, ты — жрица, достигшая высшей ступени, ты видела священное оружие...

Девушка знаком дала понять, что да. Вивиана кивнула.

— Возможно, близок день, когда сей меч поднимут в защиту Авалона и всей Британии.

«*Зачем объяснять это мне?* — думала про себя Моргейна. — *Я — жрица, а не воин, я не могу поднять меч в защиту Авалона*».

— Ты помнишь меч?

«*Босиком, иззябшая, я обхожу круг, ощущая в руке тяжесть меча; слыша исполненный ужаса крик молчальницы Враны...*»

— Помню.

— Так слушай мое поручение, — промолвила Вивиана. — Когда этот меч возьмут в битву, его должна хранить вся наша магия. Моргейна, тебе предстоит сработать ножны для меча и вложить в них все ведомые тебе заклятия, так что тот, кто сражается этим клинком, не потеряет и капли крови. Сумеешь ли ты?

«*А ведь я и позабыла, что находится дело и для жрицы, точно так же, как и для воина*», — думала про себя Моргейна.

И, по обыкновению своему прочитав мысли, Вивиана добавила:

— Так что и ты поучаствуешь в сражении в защиту нашей страны.

— Да будет так, — отозвалась девушка, гадая, с какой стати Вивиана, верховная жрица Авалона, не взяла эту миссию на себя. На этот вопрос Владычица ничего не ответила, но молвила:

— Для того должно тебе работать, держа перед собою меч, пойдем, Врана станет прислуживать тебе под сенью безмолвия магии.

И хотя девушка пыталась вспомнить, что она — лишь вместилище силы, а не сама сила, что сила приходит от Богини, Моргейна была достаточно молода, чтобы упиваться восторженным предвкушением, когда ее в молчании отвели в тайную обитель, где должно вершиться таким трудам. Там ее окружили жрицы: им предстояло предвосхищать малейшую ее потребность, чтобы Моргейне не пришлось нарушать молчание, накапливающее силу, потребную для создания заклятий. Перед нею на льняной ткани лежал меч, рядом с ним — неглубокая серебряная чаша с золотой зернью по краю, доверху наполненная водой из Священного источника: не для питья — ей загодя принесли и воды, и снеди, — но дабы Моргейна могла заглянуть в чашу и увидеть все то, что необходимо ей для работы.

В первый день лезвием самого меча она выкроила из тончайшей оленьей кожи подкладку для ножен. В первый раз в жизни ей доверили инструменты настолько совершенные; немалую радость доставила ей особая железная иголка, с помощью которой предстояло сшивать края; она гордилась — совсем по-детски, и она сама это понимала — тем, что, раз или два уколов палец, она даже не вскрикнула. Не сдержавшись, она задохнулась от восторга, когда ей показали бесценный отрез бархата густого, темно-красного оттенка; унция таких красителей, рассказывали ей когда-то, обходится дороже, нежели стоит купить дом и в течение года платить наемным работникам, возделывающим землю. Эта ткань наложится поверх оленьей кожи; на ней должно ей вышить золотыми и серебряными нитями магические заклятия и их символы.

Первый день ушел на то, чтобы скроить и сшить ножны из оленьей кожи и обтянуть их бархатом; перед тем как уснуть, глубоко погрузившись в мысленное созерцание того, что ей предстоит, — едва ли не в трансе, — она чуть надрезала руку и смазала оленью кожу своей кровью.

«Богиня! Великая госпожа Ворон! Ножны эти загодя запятнала кровь, так что незачем проливаться ей в битве».

Спала Моргейна плохо, ей пригрезилось, будто она сидит на высоком холме, откуда видно всю Британию, и стежок за стеж-

ком накладывает заклятия, вплетая их, точно зримый свет, в ткань самой земли. Внизу, под холмом, промчался Король-Олень, и некий муж поднялся по холму к ней и принял меч у нее из рук...

Вздрогнув, она проснулась, думая: «*Артур! Это Артуру носить меч, ведь он — сын Пендрагона...*» — и, лежа во тьме, поняла: вот поэтому Вивиана и поручила ей великую миссию — сработать магические ножны для меча, которым ему суждено владеть как символом всего своего народа. Артур пролил кровь ее девственности; она, тоже принадлежащая к священному роду Авалона, должна создать зачарованные ножны его безопасности, охраняющие королевскую кровь.

Весь следующий день работала Моргейна молча, неотрывно глядя в чашу на возникающие образы, то и дело прерываясь и погружаясь в созерцательность в ожидании вдохновения, она вышила двурогий лунный серп — пусть Богиня бдит над миром днем и ночью и хранит священную кровь Авалона. Магическое безмолвие настолько подчинило ее себе, что любой предмет, к которому обращались ее глаза, любое движение ее освященных рук становились источником силы для заклятий; порою Моргейне казалось, будто к пальцам ее струится зримый свет: к рогатому серпу луны она добавила полную луну, а потом и темную луну, ибо всему свой срок. А затем, зная, что королю Британии предстоит править в земле христиан, и еще потому, что, когда приверженцы Христа впервые явились в Британию, они пришли сюда, к друидам, она вышила символ дружбы христиан и друидов: крест в круге с тремя крыльями. Она расшила красный бархат знаками магических стихий, земли и воздуха, воды и огня, а затем изобразила стоящую перед нею чашу с ручкой у самого донца, в которой сплетались и сменялись видения, то выступая из тьмы, то вновь теряясь во мраке; скипетр и глиняное блюдо, змею исцеления и крылья мудрости, и пламенеющий меч власти... Порою Моргейне казалось, будто иголка с ниткой проходят сквозь ее же плоть или сквозь плоть земли, пронзая почву и небо и ее собственную кровь и тело... знак за знаком, символ за символом вышивала она, и каждый сбрызгивала своей кровью и водой Священного источника. Три дня работала она, почти не смыкая глаз, подкрепляясь лишь кусочком-другим сушеных плодов, утоляя жажду лишь водой Источника. Порою, из недосягаемой дали собственного сознания, она глядела со стороны на свои пальцы, работающие словно непроизвольно; заклятия ткались сами: кровь и кость земли, кровь ее девственности, сила Короля-Оленя, что умер и пролил кровь, дабы не погиб поборник своего народа...

К закату третьего дня все было кончено: каждый дюйм ножен покрывали сплетающиеся символы, некоторые из них Мор-

гейна даже не могла узнать — надо думать, они пришли напрямую от руки Богини через ее руки. Она взяла ножны, вложила в них меч, взвесила на ладонях, и объявила вслух, нарушая ритуальное молчание:

— Сделано.

Теперь, когда схлынуло затянувшееся напряжение, Моргейна осознала, до чего она измучена и потрясена и как ей дурно. Обряд и долгое пользование Зрением порою оказывают подобное воздействие, вне всякого сомнения, оттого и месячные у нее сбились: обычно они случались в пору темной луны. Оно и к лучшему; на это время жрицы уединялись, дабы сберечь свою силу, это было то же самое, что ритуальное затворничество темной луны, когда сама Богиня запиралась в одиночестве, дабы сберечь источник силы.

Пришла Вивиана и взяла ножны. Глядя на них, Владычица не сдержала изумленного восклицания; воистину, даже самой Моргейне, знающей, что сработали ножны ее собственные пальцы, казалось, что это — вещь превыше любого творения смертных рук, насквозь пропитанная магией. Вивиана едва прикоснулась к ножнам и тут же завернула их в широкий отрез белого шелка.

— Хорошая работа, — промолвила она, и у Моргейны на миг закружилась голова. «*С какой стати она считает, будто вправе судить меня? Я тоже жрица, ее наставления мне уже не указ*», — подумала она и ужаснулась собственным мыслям.

Вивиана ласково погладила девушку по щеке.

— Ступай спать, родная, великие труды утомили тебя.

Моргейна заснула и спала крепко и долго, снов не видя; но после полуночи она вдруг проснулась, разбуженная внезапным оглушительным шумом и гудом набата — набатные колокола, церковные колокола, ужас, пришедший из детства. «*Саксы! Саксы идут на нас! Вставайте, к оружию!*»

Но вот она словно бы очнулась от кошмара: она была не в Доме дев, но в церкви, и на алтарном камне лежало оружие, а на столе рядом — воин в доспехах, накрытый покровом. Над головой Моргейны по-прежнему тревожно вызванивали и гудели колокола — от такого шума и мертвый бы проснулся... но нет, погибший рыцарь даже не пошевелился, и, внезапно, мысленно попросив прощения, она выхватила меч... и на сей раз пробудилась окончательно в своей собственной, залитой светом, тихой комнате. Даже звон церковных колоколов с иного острова не нарушал безмолвия ее вымощенного камнем покоя. Ей все привиделось: и колокольный звон, и мертвый рыцарь, и часовня, озаренная пламенем свечей, и оружие на алтаре, и меч — словом, все. «*Как же так вышло? Зрение никогда не приходит ко мне без зова... значит, это просто-напросто сон?*»

Позже в тот же день ее призвали к Владычице, уже в ясном сознании она припомнила часть видений, что, размытые и невнятные, проносились в ее мыслях, пока она трудилась над ножнами, глядя на лежащий перед нею меч. Он пал на землю падучей звездой, раскатом грома, огромной вспышкой света; еще дымящимся его притащили на наковальню приземистые смуглые кузнецы, что жили в меловых холмах еще до того, как воздвиглось кольцо камней; исполненное мощи оружие короля, сломанное и перекованное на сей раз в длинное, в форме листа, лезвие, заточенное и закаленное в крови и огне, несокрушимостойкое... «*Меч, откованный трижды, не вырванный из чрева земли и оттого вдвойне священный...*»

Моргейне назвали имя меча: Эскалибур, что означает «рассекающий сталь». Мечи из небесного железа встречались крайне редко и ценились очень высоко; этот, надо думать, стоит не меньше, чем целое королевство.

Вивиана велела девушке накрыться покрывалом и идти с нею. Медленно спускаясь с холма, она издалека заметила высокую фигуру мерлина Талиесина, а рядом с ним неуверенно ковылял Кевин Арфист. Сегодня он показался ей еще более безобразным и неуклюжим, чем обычно, — точно сгусток жира, прилипший к краю серебряного подсвечника тонкой работы. А подле них... похолодев, Моргейна узнала стройную, мускулистую фигуру, блестящие, словно вызолоченное серебро, волосы...

Артур. Но ведь она знала, что меч предназначен для него. Вот он и прибыл на остров за этим даром — что может быть естественнее?

Он — воин и король. Маленький братик, которого она качала на коленях. Все это казалось Моргейне просто нереальным. Но в этом Артуре, в мальчике с серьезным лицом, что шагал ныне между двух друидов, она смутно различала черты юноши, увенчанного рогами Бога; при всей его смиренной торжественности она словно наяву видела взмах рогов, смертельную, отчаянную битву и то, как он пришел к ней, залитый оленьей кровью, — уже не дитя, но мужчина, воин, король.

По тихой подсказке мерлина он преклонил колени перед Владычицей Озера. В лице его читалось благоговейное изумление. «*Ну, конечно же,* — подумала Моргейна, — *Вивиану он прежде не видел, только меня, и то в темноте*».

Но вот он увидел Моргейну, в подвижных чертах отразилось узнавание. Артур поклонился и ей («*По крайней мере,* — не к месту подумала девушка, — *там, где он воспитывался, его обучили манерам, подобающим королевскому сыну*»), — и прошептал:

— Моргейна.

Наклоном головы она приветствовала гостя. Итак, Артур узнал ее, даже под покрывалом. Пожалуй, ей должно опуститься

перед королем на колени. Но Владычица Авалона не склоняет колен перед мирской властью. Мерлин мог бы встать на колени, и Кевин тоже, если его попросить, но Вивиана — никогда, ибо она — не только жрица Богини, но воплощает в себе Богиню так, как мужчины-жрецы мужских божеств никогда не узнают и не поймут. Вот и она, Моргейна, никогда впредь не склонит колен.

Владычица Озера протянула ему руку, веля подняться.

— Ты проделал долгий путь, — молвила она, — и ты устал. Моргейна, отведи его в мою обитель и накорми, прежде чем мы приступим к церемонии.

Вот теперь гость улыбнулся — не король, готовый принять власть, не Избранный, но просто-напросто изголодавшийся мальчишка.

— Спасибо, госпожа.

Уже в доме у Вивианы он поблагодарил жриц, принесших угощение, и жадно набросился на еду. Слегка утолив голод, он полюбопытствовал у Моргейны:

— Ты тоже здесь живешь?

— Владычица живет одна, но при ней состоят жрицы, по очереди ей служащие. Я жила здесь с нею, когда настал мой черед ей прислуживать.

— Ты, дочь королевы! И *прислуживаешь*?

— Нам должно ходить в служанках, прежде чем мы обретем право повелевать, — строго промолвила Моргейна. — В молодости она сама прислуживала Владычице, в ее лице я служу Богине.

Артур обдумал ее слова со всех сторон.

— Эту вашу Великую Богиню я не знаю, — наконец отозвался он. — Мерлин говорил мне, будто Владычица приходится тебе... нам... родней.

— Она сестра Игрейны, нашей матери.

— Так выходит, она мне тетка, — промолвил Артур, пробуя слово на вкус, как если бы оно казалось не вполне уместным. — Мне это все так странно. Отчего-то я всегда пытался убедить себя, что Экторий мне отец, а Флавилла — мать. Разумеется, я знал, что здесь кроется какая-то тайна; и поскольку Экторий упорно отказывался поговорить об этом со мною, я думал, это что-то позорное: дескать, я — бастард или чего похуже. Утера... моего отца я не помню, вот совсем не помню. Да и мать, по сути дела, тоже, хотя порою, когда Флавилла меня наказывала, я порою мечтал про себя, что я живу где-то в другом месте, с женщиной, которая меня то баловала, а то отталкивала... а Игрейна, наша мать, очень на тебя похожа?

— Нет, она высокая и рыжеволосая.

Артур вздохнул.

— Значит, я и ее совсем не помню. Потому что в мечтах она походила на тебя... да это ты и была...

Гость прервался, голос его дрожал. «*Опасный разговор*, — подумала про себя Моргейна, — *не должно нам толковать об этом*». И спокойно промолвила:

— Съешь еще яблоко, они растут здесь, на острове.

— Спасибо. — Он вгрызся в сочную мякоть. — Все это так ново и странно. Столько всего со мной произошло с тех пор, как... — Голос его дрогнул. — Я все время о тебе думаю. Ничего с собою не могу поделать. Я сказал правду, Моргейна, — всю свою жизнь я буду вспоминать тебя, потому что ты у меня — самая первая, и буду думать о тебе и любить тебя...

Моргейна знала: ответить ей подобает сурово и жестко. Вместо того слова ее прозвучали мягко, но отчужденно.

— Тебе не должно так обо мне думать. Для тебя я не женщина, но воплощение Богини, к тебе явившейся, и кощунством было бы вспоминать меня как смертную. Забудь меня и помни Богиню.

— Я пытался... — Он умолк на полуслове, стиснул кулаки и угрюмо промолвил: — Ты права. Именно так и должно об этом думать: это лишь еще одно в череде странных событий, что случились со мною с тех пор, как меня отослали из дома Эктория. Загадочные, волшебные события. Как та битва с саксами... — Артур протянул руку и закатал тунику, явив взгляду повязку, густо смазанную уже почерневшим сосновым дегтем. — Там меня ранили. Вот только это первая моя битва... все было как во сне. Король Утер... — Артур потупился и сглотнул. — Я приехал слишком поздно. Я так с ним и не повидался. Тело было выставлено в церкви для торжественного прощания, я увидел его уже мертвым, а оружие лежало на алтаре... мне объяснили, что таков обычай, когда гибнет отважный рыцарь, оружие кладут рядом. И тут, пока священник читал «Ныне отпущаеши», зазвонили в набат — это напали саксы, — караульные вбежали прямо в церковь, выхватили колокольные веревки из рук монаха, вызванивающего похоронный звон, и забили тревогу; и все королевские дружинники похватали оружие и выбежали вон. Меча у меня не было, только кинжал, но я отобрал копье у одного из солдат. Моя первая битва, подумал я, но тут Кэй — мой приемный брат, Кай, сын Эктория, — сказал мне, что оставил свой меч в гостинице, так что пусть я сбегаю принесу. А я знал: это просто-напросто уловка, чтобы удалить меня из битвы; Кэй и мой приемный отец говорили, я еще не готов принять боевое крещение. Так что я не побежал в гостиницу, а пошел в церковь и схватил меч короля с каменного возвышения... Ну, так что ж, — оправдывался Артур, — Утер двадцать лет сражался этим мечом с саксами, наверняка он порадуется, что меч вновь вступил в битву, а

не валяется без толку на истертых камнях! Я выбежал на свет и уже собирался отдать клинок Кэю, пока все мы выстраивались в боевой порядок, готовясь к бою, и тут я увидел мерлина, и он громко вопросил — такого гулкого голоса я в жизни своей не слышал: «Где ты взял этот меч, мальчик?»

А я разозлился, что меня мальчиком назвали, после всего, что я совершил на Драконьем острове; и я сказал ему, что меч этот, дескать, для того, чтобы с саксами сражаться, а не затем, чтоб валяться на камнях; и тут подошел Экторий и увидел, что в руке у меня меч, и тогда они с Кэем оба встали передо мною на колени, вот так взяли да и встали! Мне не по себе сделалось, я и говорю: «Отец, зачем ты преклоняешь колени и брата принуждаешь к тому же? Ох, да встаньте же, это ужасно!» А тут мерлин произнес этим своим грозным голосом: «Он — король, и должно ему владеть сим мечом». А в следующий миг из-за стены появились саксы — заиграли рога, — и уже не было времени рассуждать о мечах или о чем бы то ни было; Кэй схватил копье, а я вцепился в меч — и тут все и началось. Самой битвы я толком не помню... наверное, так оно всегда бывает. Кэя ранили — серьезно ранили, в ногу. А после мерлин перевязал мне руку и рассказал мне, кто я такой на самом деле. Ну, то есть кем был мой отец. Подоспел Экторий, преклонил передо мною колени и сказал, что станет служить мне верой и правдой — как некогда служил моему отцу и Амброзию, — а мне было так неловко... и попросил-то он меня об одном лишь — чтобы я назначил Кэя сенешалем, когда обзаведусь своим двором. И конечно же, я сказал, что буду только рад, — в конце концов, он же мой брат. Ну, то есть я всегда буду видеть в нем брата. Из-за меча такой шум поднялся, но мерлин объявил всем королям, что сама судьба заставила меня взять меч с камня, и, вот не поверишь, к нему прислушались. — Артур улыбнулся, и при виде его растерянности Моргейну захлестнули любовь и жалость.

Разбудившие ее колокола... она все видела, вот только не знала, что такое видит.

Девушка опустила глаза. Отныне и впредь они навсегда связаны незримыми узами. Неужто любой нанесенный ему удар почувствует и она, точно удар меча прямо в сердце?

— А теперь похоже на то, что мне дадут еще один меч, — промолвил Артур. — То ни одного меча, а то сразу два, да каких! — Он вздохнул и жалобно добавил: — Не понимаю, зачем это все королю.

При том, что Моргейна видела Вивиану в облачении Верховной жрицы Авалона не раз и не два, девушка так до конца и не привыкла к этому зрелищу. Артур переводил взгляд с одной

на другую, конечно же, он заметил сходство. Юноша молчал, вновь преисполнившись благоговейного трепета. По крайней мере, подумала Моргейна, вновь ощутив сосущую дурноту, его не заставили соблюдать ритуальный пост. Пожалуй, следовало и ей подкрепиться с ним вместе, но от одной только мысли о еде ее вновь начинало подташнивать. От долгого общения с магией такое бывает, не диво, что Вивиана так исхудала.

— Пойдем, — приказала Вивиана и двинулась вперед, указывая дорогу, — Владычица Авалона на подобающем ей месте, впереди самого короля, — прочь из дома, вдоль берега Озера и в жилище жрецов. Артур молча шел рядом с Моргейной, и на мгновение девушке померещилось, что он вот-вот того и гляди уцепится за ее руку, точно в детстве... но ныне крохотная ладошка, которую она встарь сжимала в своей, стала ладонью воина, больше ее собственной, закаленной долгими упражнениями с мечом и другим оружием. Позади Артура с Моргейной шел мерлин, а рядом с ним — Кевин.

Вниз по узкой лестнице спустились они в затхлый воздух подземелья. Моргейна не заметила, чтобы кто-нибудь зажег свет, но внезапно в темноте замерцала крохотная искорка, и вокруг них разлилось бледное сияние. Вивиана остановилась так резко, что идущие сзади врезались в нее, и в первое мгновение Моргейна изумилась, какая та хрупкая и мягкая — самое обычное женское тело, а вовсе не отчужденное воплощение Богини. Владычица протянула руку — и смуглые маленькие пальцы легли на Артурово запястье, а вот сомкнуться им бы не удалось.

— Артур, сын Игрейны с Авалона и Пендрагона, законного короля всей Британии, — промолвила она, — узри же величайшие святыни своей земли.

Свет заиграл на золоте и драгоценных камнях чаши и блюда, на длинном копье, на красных, золотых и серебряных нитях ножен. Из ножен Вивиана извлекла на свет длинный, темный клинок. Тускло блеснули вделанные в рукоять самоцветы.

— Меч из числа Священных реликвий друидов, — тихо произнесла она. — Теперь поклянись мне, Артур Пендрагон, король Британии, что, приняв корону, ты станешь обходиться по справедливости с друидами так же, как и с христианами, и что путеводной нитью для тебя станет священная магия тех, кто возвел тебя на трон.

Глаза Артура расширились, он потянулся к мечу, во взгляде его Моргейна читала: юноша отлично знает, что это за клинок. Резким жестом Вивиана заставила его остановиться.

— Для неподготовленного прикосновение к святыням стоит жизни, — промолвила она. — Артур, клянись. Когда ты возьмешь в свои руки этот меч, не найдется в мире такого вождя и короля, из числа язычников ли, христиан ли, кто смог бы высто-

ять против тебя. Но меч этот — не для короля, что прислушивается лишь к христианским священникам. Ежели ты откажешься поклясться, ты волен уйти и владеть тем оружием, что получишь от своих христианских приверженцев; народ же, признающий над собою власть Авалона, последует за тобою лишь тогда, когда ему прикажем мы. Или ты принесешь клятву и обретешь их верность через священное оружие Авалона? Выбирай, Артур.

Он пристально поглядел на жрицу, слегка нахмурившись, бледный свет мерцал в его волосах, что казались совсем белыми.

— В этой земле может быть лишь один владыка, не должно мне склоняться перед Авалоном, — наконец проговорил он.

— Равно как и не должно тебе склоняться перед священниками, что охотно превратят тебя в орудие своего мертвого Бога, — тихо отозвалась Вивиана. — Но мы не намерены принуждать тебя. Выбирай, примешь ты меч или отвергнешь его и станешь править своим собственным именем, презрев помощь Древних Богов.

Моргейна видела: слова Владычицы попали в цель — Артур не позабыл тот день, когда он мчался среди оленей, и Древние Боги подарили ему победу, так что этот народ признал его королем — к слову сказать, признал первым.

— Господь упаси, чтобы я презрел... — поспешно проговорил он и прервался на полуслове, нервно сглотнул. — В чем я должен поклясться, Владычица?

— В одном лишь: по справедливости обходиться со всеми своими подданными, неважно, приверженцы ли они христианского Бога или нет, и неизменно чтить Богов Авалона. Ибо что бы ни говорили христиане, Артур Пендрагон, и как бы ни называли они своего Бога, все Боги — едины и все Богини — суть одна Богиня. Поклянись лишь признавать эту истину и не держаться одного и отвергать другое.

— Ты сам видел, — промолвил мерлин, и голос его, низкий и звучный, эхом прокатился в тишине, — что я искренне чту Христа: я преклонял колени перед алтарем и вкушал святое причастие.

— Да, это так, лорд мой мерлин, — отвечал Артур в замешательстве. — И тебе, сдается мне, я доверяю превыше прочих советников. Так ты велишь мне поклясться?

— Лорд мой и король, — промолвил Талиесин, — юным восходишь ты на трон, и, возможно, твои священники и епископы попытаются воздействовать на совесть самого короля. Но я не священник, я — друид. И скажу одно лишь: мудрость и истина не есть безраздельная собственность кого-либо из священников. Спроси себя, Артур: дурно ли это — дать клятву обходиться по справедливости со всяким и каждым, не важно, какому Богу он

поклоняется, вместо того чтобы присягнуть на верность лишь одному из Богов.

— Ну что ж, тогда я принесу клятву и возьму меч, — тихо произнес Артур.

— Так преклони колени, — молвила Вивиана, — в знак того, что король — это лишь мужчина, а жрица, даже Верховная жрица — не более чем женщина, и Боги стоят над всеми нами.

Артур опустился на колени. Свет играл в его золотых волосах — точно корона, подумала про себя Моргейна. Вивиана вложила меч в его руку, пальцы сомкнулись на рукояти. Артур перевел дух.

— Прими этот меч, мой король, — проговорила Вивиана, — и владей им по справедливости. Клинок сей сделан не из железа, силой вырванного из тела матери нашей земли, клинок сей священен, ибо откован из металла, упавшего с небес так давно, что даже легенды друидов не сохранили точного счета лет, ибо выковали его раньше, чем на островах появились друиды.

Артур поднялся, сжимая в руке меч.

— Что тебе больше нравится? — спросила Вивиана. — Меч или ножны?

Артур восхищенно полюбовался богато изукрашенными ножнами, но ответил:

— Я — воин, госпожа моя. Ножны прекрасны, но меч мне более по душе.

— И однако же, — промолвила Вивиана, — никогда не расставайся с этими ножнами; они вобрали в себя всю магию Авалона. Пока ножны при тебе, даже если тебя ранят, умереть от потери крови тебе не грозит, в ткань вплетены заклятия, кровь унимающие. То вещь бесценная и редкостная и весьма волшебная.

Юноша улыбнулся — нет, едва не рассмеялся теперь, когда долгое напряжение наконец схлынуло:

— Ах, будь у меня эти ножны, когда я получил рану в битве с саксами; кровь из меня так и била ручьем, точно из зарезанной овцы!

— Тогда ты еще не был королем, лорд мой. Но теперь магические ножны защитят тебя.

— И, однако ж, король мой, — раздался напевный голос Кевина Барда, что скрывался в тени за спиною мерлина, — сколько бы ты ни доверял ножнам, очень тебе советую изучать науку боя и без устали упражняться с оружием!

Артур рассмеялся, прицепляя к поясу меч и ножны.

— Да уж, не сомневайся, господин. Мой приемный отец приставил мне в учителя одного старика священника, так тот, обучая меня книжной премудрости, помнится, однажды прочел мне из Евангелия о том, как диавол соблазнял Иисуса, говоря,

что Господь приставил ангелов оберегать его; Иисус же ответствовал, что не должно искушать Господа Бога своего. А ведь король — не более чем смертный из плоти и крови; вспомни, что первый свой меч я взял с того места, где лежал умерший Утер. Не думай, что я дерзну таким образом искушать Господа, лорд друид.

С мечом из числа Священных реликвий у пояса Артур вдруг показался выше и внушительнее. Моргейна уже видела его с короной на челе, в королевских одеждах, восседающим на высоком троне... на миг ей померещилось, что маленькую комнатку заполнила толпа людей: призрачные тени, пышно разряженные, величественные, тесно обступили короля — это его соратники... а в следующее мгновение все исчезло; перед нею вновь стоял неуверенно улыбающийся юноша — он еще не вполне свыкся со своим высоким уделом.

Все двинулись к выходу из подземной часовни. Но у самой двери Артур на мгновение обернулся и оглядел остальные реликвии, полускрытые в тени. В лице его отражалась неуверенность, в глазах читался вопрос: «*Правильно ли я поступил, не кощунствую ли я против Господа, которому меня учили поклоняться как Единому Богу?*»

Голос Талиесина прозвучал тихо и мягко:

— Знаешь ли ты, о чем я мечтаю всем сердцем, лорд мой и король?

— О чем, лорд мерлин?

— О том, что однажды — не сейчас, нет, ибо земля к тому еще не готова, равно как и те, кто идут за Христом, — однажды друид и священник станут молиться бок о бок; и в огромном их храме святое причастие примут из вот этой чаши и блюда в знак того, что все Боги — едины.

Артур перекрестился и еле слышным шепотом произнес:

— Аминь, лорд мерлин, и волею Господа Иисуса да сбудется это в один прекрасный день на здешних островах.

Моргейна ощутила, как от плеча к локтю пробежало легкое покалывание, и, словно со стороны, услышала свои собственные слова — она и не знала, что говорит, это Зрение вещало ее устами:

— Этот день наступит, Артур, но иначе, нежели ты думаешь. Остерегись, приближая сей день, возможно, он станет для тебя знаком, что труды твои закончены.

— Если такой день и впрямь придет, Владычица, так воистину он станет для меня знаком, что я исполнил все, ради чего взошел на трон, и я на том упокоюсь, — приглушенным голосом промолвил Артур.

— Избегай сказать лишнего, — очень тихо промолвил мерлин, — ибо воистину слова наши рождают тени того, что будет, и, произнося их, мы заставляем чаемое сбыться, король мой.

Они вышли на солнечный свет, Моргейна заморгала, покачнулась — Кевин поддержал ее, не давая упасть:

— Тебе недужится, госпожа?

Девушка досадливо покачала головой, усилием воли разгоняя пелену, застлавшую глаза. Артур встревоженно оглянулся на нее. Но здесь, в ярком солнечном свете, мысли его тут же обратились к делам насущным.

— Мне предстоит короноваться в Гластонбери, на острове Монахов. Вольна ли ты покидать Авалон, Владычица, будешь ли ты там?

Вивиана улыбнулась юноше:

— Думается мне, что нет. Но с тобой поедет мерлин. И Моргейна тоже полюбуется на коронацию, если ты того желаешь и желает она, — добавила Вивиана, и девушка подивилась про себя словам Владычицы. Отчего она улыбается? — Моргейна, дитя мое, не поедешь ли ты с ними в ладье?

Моргейна поклонилась. Она встала на носу, ладья стронулась с места, унося с собою лишь Артура и мерлина; по мере того как берег приближался, девушка разглядела у кромки воды нескольких вооруженных воинов. Задрапированная черной тканью ладья Авалона внезапно возникла из туманов, и в глазах ожидающих отразилось благоговейное изумление; одного из всадников девушка тут же узнала. Ланселет ничуть не изменился с того памятного дня двухгодичной давности; разве что стал еще выше, еще красивее; богато разодетый в темно-красные ткани, он держал в руках меч и щит.

Ланселет поклонился, он тоже узнал девушку.

— Кузина, — промолвил он.

— Ты уже знаком с моей сестрой, леди Моргейной, герцогиней Корнуольской и жрицей Авалона, — промолвил Артур. — Моргейна, это мой самый дорогой друг, наш кузен.

— Мы и впрямь встречались. — Ланселет склонился к ее руке, и опять, сквозь пугающую дурноту, Моргейна испытала приступ острой тоски и желания, от которых ей вовеки не избавиться.

«Он и я были предназначены друг для друга, надо мне было в тот день набраться храбрости, пусть это и означало нарушить обет...» В глазах гостя читалось, что и он помнит тот день, — как нежно коснулся он ее руки!

Моргейна вздохнула, подняла взгляд, ее представили остальным.

— Мой приемный брат Кэй, — промолвил Артур. Дюжий, темноволосый Кэй — римлянин до мозга костей — обращался к Артуру с врожденной почтительностью и любовью, от взгляда девушки это не укрылось. Итак, у Артура есть по меньшей мере два могучих вождя, способных встать во главе войска. Затем

представили и остальных: Бедуир, Лукан и Балин. Услышав это имя, Моргейна и мерлин удивленно вскинули глаза: то был приемный брат старшего сына Вивианы, Балана. Светловолосый, широкоплечий Балин изрядно пообносился, но двигался не менее грациозно, чем Ланселет. Платье его превратилось в лохмотья, но оружие и доспех ослепляли блеском, содержались они в образцовом порядке, и, по всему судя, пользовались ими часто.

Моргейна охотно предоставила Артура его рыцарям, но сперва он церемонно поднес руку девушки к губам.

— Приезжай на мою коронацию, если сможешь, сестра, — промолвил он.

Глава 19

Несколько дней спустя Моргейна в сопровождении нескольких человек с Авалона отправилась на коронацию Артура. Ни разу за все годы, проведенные на Авалоне, — если не считать тех нескольких мгновений, когда она раздвинула туманы, чтобы позволить Гвенвифар вновь отыскать свой монастырь, — девушка не ступала на землю острова Монахов, Инис Витрин, Стеклянного острова. Ей казалось, что солнце здесь жгучее и резкое, — как непохоже оно на мягкий, сумеречный солнечный свет Авалона! Девушке пришлось напомнить себе, что для большинства жителей Британии именно это — реальный мир, а земля Авалона — лишь колдовская греза, что-то вроде королевства фэйри. Для нее настоящим и реальным был лишь Авалон и ничто больше; а здешний остров — неприятный сон, от которого в силу неведомых причин она никак не пробудится.

Повсюду на лугу перед церковью, словно диковинные грибы, выросли разноцветные шатры. Моргейне казалось, что церковные колокола трезвонят день и ночь, час за часом, не умолкая, этот нестройный резкий звук действовал ей на нервы. Артур поприветствовал сестру, и впервые перед нею предстал Экторий, достойный рыцарь и воин, воспитавший Артура, и его жена Флавилла.

Для этой «вылазки» во внешний мир, по совету Вивианы, Моргейна отказалась от синих одеяний жрицы Авалона и пятнистой туники из оленьей кожи и надела поверх белой льняной нательной рубашки простое платье черной шерсти, а заплетенные в косы волосы спрятала под белым покрывалом. Очень скоро девушка убедилась, что смахивает на замужнюю матрону: среди британских женщин юные девы ходили с распущенными волосами, щеголяя яркими нарядами. Все принимали Моргейну за монахиню из женской обители на Инис Витрин, что стояла рядом с церковью, тамошние сестры носили одежды столь же строгие; и

разубеждать приглашенных Моргейна не стала. Равно как и Артур — хотя он-то изогнул брови и заговорщицки усмехнулся. И обратился к Флавилле:

— Приемная матушка, дел ныне немало — священники жаждут побеседовать со мною о моей душе, а герцог Оркнейский и владыка Северного Уэльса желают, чтобы я их выслушал. Не отведешь ли ты мою сестрицу к нашей матери?

«*К нашей матери*, — подумала про себя Моргейна, — *но ведь эта мать для обоих нас стала чужой*». Девушка заглянула себе в душу — и не обнаружила там ни искры радости в преддверии этой встречи. Игрейна, не возражая, рассталась с обоими своими детьми: отослала от себя и дитя от первого, безрадостного, брака, и дитя любви от второго; что же это за женщина такая? Моргейна осознала, что ожесточает и сердце и разум, готовясь увидеть Игрейну впервые после разлуки. «*Я даже лица ее не помню*».

Однако, едва глянув на Игрейну, девушка поняла, что узнала бы ее где угодно.

— Моргейна! — Она совсем позабыла — или вспоминала только во сне? — этот сердечный, глубокий грудной голос. — Милое дитя мое! О, да ты уже взрослая, а в сердце своем я неизменно вижу тебя совсем малюткой — и до чего у тебя измученный, невыспавшийся вид — все эти церемонии тебя утомили, моя Моргейна?

Моргейна поцеловала мать, чувствуя, как в горле стеснилось от слез. Игрейна ослепляла красотой, а сама она — и вновь в памяти всплыли полузабытые слова — «*маленькая и безобразная, как фэйри*»... А Игрейна тоже считает ее уродиной?

— Но что это? — Пальцы Игрейны легонько коснулись полумесяца у нее на лбу. — Разрисована, точно фэйри... разве это прилично, моя Моргейна?

— Я — жрица Авалона, и я с гордостью ношу знак Богини, — холодно отозвалась девушка.

— Тогда спрячь его под покрывалом, дитя, чтобы не оскорбить настоятельницу. Ты будешь жить со мною в обители.

Моргейна сжала губы: «*А настоятельница, окажись она на Авалоне, убрала бы с глаз подальше свой крест, дабы не обидеть меня или Владычицу?*»

— Не хочу оскорбить тебя, матушка, но не подобает мне жить в стенах обители; настоятельнице это не понравится и Владычице тоже, а я покорна воле Владычицы и живу по ее законам. — При мысли о том, чтобы провести в этих стенах хотя бы три ночи коронации и бегать взад-вперед, днем и ночью, повинуясь адскому лязгу колоколов, кровь застыла у нее в жилах.

Игрейна явно встревожилась.

— Право же, пусть будет так, как ты хочешь. Может статься,

тебя удастся устроить с моей сестрой, леди Оркнейской? Ты помнишь Моргаузу?

— Я с радостью дам приют своей родственнице Моргейне, — прозвучал мягкий, ласковый голос; Моргейна подняла глаза — и увидела перед собою точное подобие своей матери — так, как та запомнилась ей со времен детства: величественная, разодетая в дорогие, яркие шелка, в украшениях, ослепительно-яркие волосы уложены венцом. — Ох, ты была такой малышкой, а теперь взрослая и жрица к тому же! — Мгновение — и Моргейна утонула в теплых, благоуханных объятиях. — Добро пожаловать, родственница, иди сюда, садись рядом. Как наша сестрица Вивиана? Мы уж о ее великих деяниях наслышаны: кто, как не она, направляла все те знаменательные события, что возвели сына Игрейны на трон. Даже Лот не выстоял против того, кого поддерживает мерлин, и народ фэйри, и все Племена, и все римляне. И что ж — твой маленький братец вот-вот станет королем! А ты, Моргейна, надо думать, останешься при дворе и станешь его советницей — то-то Утер просчитался, не добившись того же от Владычицы Авалона!

Девушка рассмеялась, чувствуя, как в объятиях Моргаузы напряжение постепенно уходит.

— Король станет поступать так, как кажется правильным ему самому, это — первый урок, что должно запомнить всем, кто к нему близок. Сдается мне, Артур достаточно похож на Утера, чтобы усвоить эту истину без отдельных наставлений.

— О да, в том, кто его отец, теперь сомневаться не приходится, несмотря на все былые сплетни да слухи, — промолвила Моргауза и тут же вздохнула, уже раскаиваясь в собственной неосмотрительности. — Нет, Игрейна, только не надо снова в слезы; должно тебе радоваться, а не горевать, что сын твой так похож на отца и принят по всей Британии, поскольку принес клятву править над всеми землями и всеми народами.

Игрейна заморгала, за последние дни она слишком много плакала, поняла Моргейна.

— Я счастлива за Артура... — промолвила она, но голос ее прервался, слова словно не шли с языка. Моргейна погладила мать по плечу, но про себя подосадовала: вот всегда так, всегда, сколько она себя помнила, мать совсем не думала о детях, только об Утере, Утере... Даже теперь, когда Утер мертв и покоится в гробу, мать готова оттолкнуть и ее, и Артура ради памяти мужчины, которого она любила так сильно, что забывала обо всем на свете. Не без облегчения девушка обернулась к Моргаузе:

— Вивиана рассказывала, у тебя сыновья...

— Верно, — кивнула Моргауза, — хотя почти все они еще слишком малы: они здесь, на руках у женщин. Но старший готов принести клятву верности королю. Если Артур погибнет в

битве — а этой судьбы не избежал сам Утер, — мой Гавейн — его ближайший родич, разве что у тебя, Моргейна, тоже есть сын... Нет? А что, жрицы Авалона дают обет целомудрия, раз в твои годы ты еще не подарила Богине ни сына, ни дочери? Или ты разделяешь судьбу матери и дети твои умирали при рождении? Прости, Игрейна... мне не следовало напоминать...

Игрейна смахнула слезы.

— Не должно бы мне рыдать, противясь воле Господа, мне дано куда больше, чем многим женщинам. У меня есть дочь, она служит Богине, для которой растили меня, у меня есть сын, которого завтра увенчают отцовской короной. А прочие мои дети на лоне Господнем.

«*Во имя Богини*, — думала про себя Моргейна, — *это надо же так представлять себе Бога — в окружении мертвецов всех поколений!*» Девушка знала, что это всего лишь фигура речи, утешение скорбящей матери, однако кощунственность самой этой мысли задела ее за живое. Вспомнив, что Моргауза задала ей вопрос, она покачала головой.

— Нет, Моргауза, детей у меня нет и не было — вплоть до Белтайна этого года я берегла девственность для Богини. — Моргейна прикусила язык: ни слова больше! Игрейна — девушке просто не верилось, что мать ее настолько христианка! — пришла бы в ужас при одной мысли об обряде, в котором Моргейна сыграла роль Богини для собственного брата.

И тут на нее вновь накатил ужас — еще более леденящий, нежели в первый раз, — а вслед за ним нахлынула тошнота. Обряд совершался при полной луне, и хотя с тех пор луна убыла, и округлилась, и убыла снова, крови темной луны у Моргейны так и не пришли, более того, никаких признаков приближения месячных девушка не ощущала. Этому Моргейна только радовалось, списав все на воздействие великой магии, и вплоть до сего момента никакое иное объяснение в мысли ее даже не закрадывалось.

«*Обряд во имя обновления — чтобы земля в изобилии рожала хлеб и чтобы не оставались бесплодными женщины племени*». Моргейна все это знала. Однако в слепоте своей и гордыне она возомнила, что на жрицу, на саму Богиню, предназначение ритуала, пожалуй, и не распространяется. Однако же видела она, как прочие молодые жрицы после этих обрядов бледнели и чахли, а потом расцветали, вынашивая свой собственный, наливающийся жизнью плод, на ее глазах на свет появлялись дети, некоторым ее умелые пальцы жрицы помогали при родах. И однако же, в неразумной ее слепоте, ни разу не приходило ей в голову, что и она могла выйти из обряда с отягченным чревом.

Ощущая на себе проницательный взгляд Моргаузы, Моргей-

на вдохнула поглубже и деланно зевнула, оправдывая тем самым затянувшееся молчание.

— Я выехала на рассвете, даже не позавтракав, — промолвила она. — Мне бы подкрепиться.

Игрейна тут же принялась извиняться и послала своих прислужниц за хлебом и ячменным пивом. Моргейна заставила себя поесть, хотя от еды ее слегка затошнило. И теперь она знала почему.

«Богиня! Матерь-Богиня! Вивиана знала, что такое возможно, однако ж не пощадила меня!» Моргейна знала, что должно делать — причем как можно быстрее, однако ж в течение трех дней Артуровой коронации ей не удастся осуществить задуманное, ведь здесь негде взять корешки и травы, из тех, что растут на Авалоне, более того, хворать сейчас не время. Все существо Моргейны протестовало против насилия и недуга, однако пойти на это придется, причем не откладывая, иначе к зимнему солнцестоянию она родит сына сыну собственной матери. Более того, Игрейна ничего не должна узнать, самая мысль об этом покажется ей невыразимо порочной.

Моргейна заставляла себя есть, беседовать о пустяках и сплетничать, как это водится у женщин. Она тараторила без умолку — а ум ее не знал отдыха. Да-да, то отменное льняное полотно, из которого пошито ее платье, соткано на Авалоне; такого полотна больше нигде не сыщешь; может, это лен на Озере такой: волокно дает крепкое, длинное и белое, как нигде. Однако в душе Моргейна напряженно размышляла: *«Артуру нельзя ничего знать, на коронации у него и без того забот довольно. Если я сумею выдержать это бремя и промолчать, чтобы не отягощать ему душу, так я и поступлю»*. Да, она обучалась игре на арфе — право же, матушка, что за нелепость, с какой это стати женщине музыка не пристала. Даже если в Писании где-то сказано, что женщинам должно хранить молчание в церкви, это же возмутительно — думать, будто слух Господа оскорбит голос женщины, воспевающей ему славословие; разве Его собственная мать не возвысила голос и не вознесла хвалу, узнав, что ей суждено родить дитя от Духа Святого? Моргейна взяла в руки арфу и запела для матери, однако мелодия звенела отчаянием: она знала не хуже Вивианы, что ей суждено стать следующей Владычицей Авалона и она должна Богине хотя бы одну дочь. Нечестие — изгонять плод, зачатый в Великом Браке. А что прикажете делать? Мать христианского Бога возрадовалась Богу, подарившему ей дитя, Моргейна же могла лишь горько проклинать про себя Бога, принявшего обличие неведомого ей брата... Девушка привыкла жить как бы на двух уровнях сразу, но даже так губы ее побелели от напряжения, а голос звучал вымученно. Так что она только порадовалась, когда Моргауза ее перебила.

— Моргейна, поешь ты просто чудесно, надеюсь послушать тебя и при своем дворе. А ты, Игрейна, надеюсь увидеться с тобою еще не раз и не два до того, как торжественный пир подойдет к концу, но сейчас мне надо вернуться, поглядеть, как там мой малыш. Я тоже не большая любительница монастырских колоколов и бесконечных молитв, а Моргейна устала с дороги. Думаю, уведу-ка я ее в мой шатер, пусть приляжет, чтобы с утра, на Артуровой коронации, быть бодрой и свежей.

Игрейна даже не попыталась скрыть облегчения.

— Да, мне пора к обедне, — промолвила она. — Вы же обе знаете: после коронации я поселюсь в Тинтагельской обители в Корнуолле. Артур просил меня остаться с ним, но я надеюсь, вскорости он сам обзаведется королевой и я ему уже не понадоблюсь.

Да, конечно же, двор потребует, чтобы Артур женился, и поскорее. Любопытно, гадала Моргейна, который из этих мелких правителей добьется чести стать тестем Верховного короля? *«А ведь мой сын мог бы стать наследником короны... нет. Нет, я даже думать об этом не стану»*.

И вновь она захлебнулась горечью и гневом: за что, ну, за что Вивиана так обошлась с нею? Привела в движение незримые колеса, подстроила так, чтобы эти двое, Артур и Моргейна, разыграли это фиглярское представление про Богов и Богинь... неужели это и впрямь жалкий фарс?

Игрейна обняла и расцеловала их обеих, обещая повидаться позже. Шагая по тропинке к яркому многоцветью шатров, Моргауза молвила:

— Игрейна до того изменилась, что я бы ее и не узнала — и кто бы мог подумать, что она сделается такой святошей? Ни минуты не сомневаюсь, что она окончит свои дни кошмаром всей монашеской обители, и, хотя и с сокрушенным сердцем, признаю: я радуюсь, что я — не из числа достойных сестер. Не создана я для монастыря.

Моргейна натянуто улыбнулась.

— Да уж, пожалуй, брак и материнство явно пошли тебе на пользу. Ты цветешь, точно пышный шиповник, тетя.

Моргауза томно улыбнулась.

— Мой муж добр ко мне, и мне по сердцу быть герцогиней, — промолвила она. — Лот — из северян, так что он не считает для себя зазорным советоваться с женщиной, как эти дурни-римляне. Надеюсь, Артура воспитание в римской семье не вовсе испортило — возможно, он и вырос могучим воином, но если он станет презирать Племена, править ему не суждено. Даже у Утера хватило мудрости это понять — недаром же он короновался на Драконьем острове.

— Артур — тоже, — отозвалась Моргейна. Ничего лучшего на ум ей не пришло.

— Верно. Что-то я такое слышала и думаю, он поступил мудро. Что до меня, я честолюбива, Лот спрашивает у меня совета, и в нашей земле — покой и благодать. Священники, правда, на меня страх как обозлились: я, дескать, забыла свое место, подобающее женщине; небось считают меня этакой злой колдуньей или ведьмой, потому что не сижу я смирно и кротко за прялкой и ткацким станком. Но Лот священников ни во что не ставит, хотя подданные его — в достаточной мере христиане... по чести говоря, большинству их дела нет до того, кто таков Бог этой земли — Непорочный ли Христос, или Богиня, или Увенчанный Рогами, или белый конь саксов, пока земля родит хлеб и животы у них набиты. Сдается мне, оно и к лучшему: земля, в которой правят священники, это земля тиранов, как земных, так и небесных. Утер за последние годы несколько склонился к тому, скажу я тебе. Дай Богиня, чтобы у Артура оказалось больше здравого смысла.

— Артур принес клятву обойтись по справедливости с Богами Авалона, прежде чем Вивиана вручила ему меч друидов.

— А Вивиана отдала ему меч? — удивилась Моргауза. — Любопытно, что натолкнуло ее на эту мысль? Но довольно нам рассуждать о богах и королях, Моргейна, что тебя гнетет? — И, не дождавшись ответа, продолжила: — Думаешь, я не в состоянии с первого взгляда распознать женщину непраздную? Игрейна ничего не заметила, но она способна видеть лишь собственное горе.

— Очень может быть, что и так, я участвовала в обрядах Белтайна, — с деланой небрежностью отозвалась Моргейна.

Моргауза рассмеялась про себя.

— Если у тебя это в первый раз, так в первый месяц или около того наверняка не скажешь, но удачи тебе. Лучшие годы для деторождения для тебя уже минули; в твоем возрасте я уже троих родила. Игрейне говорить не советую: она ныне слишком христианка, чтобы воспринять ребенка Богини как нечто само собою разумеющееся. Ну, да ладно, надо думать, со временем все женщины старятся. Вот и Вивиана наверняка уже в годах. Я ее не видела с тех пор, как Гавейн родился.

— По мне, она ничуть не изменилась, — заверила Моргейна.

— А на коронацию Артура она все-таки не приехала. Ну что ж, мы и без нее справимся. Но не думаю, что она долго продержится в тени. В один прекрасный день, не сомневаюсь, она сделает все, чтобы котел Богини сменил на нашем алтаре чашу христианской любви наших пиров, и, когда день этот наступит, поверь, рыдать я не стану.

Моргейна похолодела от неясного предчувствия. Перед мыс-

ленным взором ее возникла картина: облаченный в рясу священник поднимает чашу Таинств перед алтарем Христа; ясно, точно наяву она видела преклонившего колени Ланселета, и в лице его отражался свет, равного коему она не видела прежде... Моргейна встряхнула головой, отгоняя непрошеное видение.

День коронации Артура выдался ясным и солнечным. Всю ночь со всех концов Британии съезжались гости — полюбоваться на то, как Артур будет коронован здесь, на острове Монахов. Были здесь толпы людей низкорослых и смуглых и люди Племен, в шкурах, в одеждах из клетчатой ткани, украшенные тусклыми самоцветами с Севера, — рыжеволосые, высокие, бородатые; и бессчетные римляне из цивилизованных земель. И еще — статные, светловолосые, широкоплечие англы и саксы союзных родов, обосновавшихся на юге, в Кенте, что приехали возобновить нарушенные клятвы верности. На склонах было не протолкнуться, даже на праздниках Белтайна Моргейне не доводилось видеть столько народу в одном месте и сразу, и девушка почувствовала страх.

Ей самой отвели почетное место рядом с Игрейной, Лотом, Моргаузой и ее сыновьями и семьей Эктория. Король Лот Оркнейский, стройный, темноволосый, обаятельный, склонился к ее руке, обнял ее, с показным радушием величая «родственницей» и «племянницей», однако Моргейна различала за притворной улыбкой угрюмую горечь во взгляде. Сколько он интриговал и злоумышлял, чтобы предотвратить этот день! А теперь его сына Гавейна объявят наследником Артура, утолит ли это честолюбие Лота, или он продолжит строить козни, подрывая власть короля? Моргейна, сощурившись, пригляделась к Лоту и поняла, что он ей не по душе.

Но тут зазвонили церковные колокола, и по склонам, откуда открывался вид на луг перед церковью, прокатился дружный крик: из церкви появился стройный юноша; на золотых волосах его играли солнечные блики. «*Артур*, — подумала Моргейна. — *Их молодой король, подобный герою легенд, с могучим мечом в руке*». Хотя со своего места слов она разобрать не могла, она видела, как священник возложил на чело Артура тонкий золотой венец.

Артур поднял меч и проговорил что-то, что она опять-таки не услышала. Однако слова его передавались из уст в уста, и, когда наконец достигли слуха Моргейны, девушка ощутила тот же волнующий трепет, что испытала при виде того, как он, победоносный и торжествующий, вышел из поединка с Королем-Оленем.

«*Все народы Британии*, — возгласил некогда он, — *мой меч — ваша защита, и рука моя — залог справедливости*».

В белых парадных одеяниях вперед выступил мерлин рядом с почтенным епископом Гластонберийским, он казался мягким и кротким. Артур коротко поклонился им обоим и обоих взял за руку. «*Сама Богиня подсказала ему этот жест*», — подумала про себя Моргейна, а в следующее мгновение Лот облек ее мысли в слова:

— Чертовски умно с его стороны — поставить рядом мерлина и епископа в знак того, что оба станут ему советниками!

— Уж не знаю, кто его учил, но, поверьте мне, сын Утера отнюдь не глуп! — отметила Моргауза.

— Наша очередь, — объявил Лот, поднимаясь на ноги и протягивая руку Моргаузе. — Пойдем, леди, и не бери ты в голову, что подумает эта шайка седобородых старцев и церковных святош. Я-то не стыжусь признать, что во всем признаю тебя равной. И стыд и позор Утеру, что не поступал он так же с твоей сестрой.

Губы Моргаузы изогнулись в улыбке.

— Возможно, нам очень повезло, что у Игрейны недостало силы воли настоять на своем.

Под влиянием внезапного порыва Моргейна поднялась на ноги и вышла вместе с ними. Лот и Моргауза учтивым жестом пропустили ее вперед. На колени она не встала, лишь чуть наклонила голову.

— Я приветствую тебя от Авалона, лорд мой Артур, и от имени тех, кто служит Богине. — Позади нее недовольно зашептались священники, там, среди облаченных в черное сестер-монахинь, стояла и Игрейна. Девушка отлично слышала мать: так, как если бы та высказалась вслух: «*Дерзкая гордячка, всегда была упрямицей, с самого детства!*» Усилием воли Моргейна приказала себе не слушать. Она — жрица Авалона, она — не из этих домашних Господних куриц!

— Приветствую тебя ради тебя самой и в твоем лице — Авалон, Моргейна. — Артур взял ее за руку и заставил встать рядом с собою. — Принимаю тебя с почетом, коего заслуживает единственное, помимо меня, дитя моей матери и герцогиня Корнуольская в своем праве, дорогая сестра. — Артур выпустил ее руку, девушка потупилась, молясь о том, чтобы не потерять сознания: мысли ее мешались, перед глазами все плыло. «*Ну, почему на меня накатило именно сейчас? Артур во всем виноват. Нет, не он, это рука Богини. Это ее воля, не наша*».

Лот выступил вперед и преклонил перед Артуром колени. Артур заставил его подняться.

— Добро пожаловать, дорогой дядя.

«*Этот дорогой дядя*, — думала про себя Моргейна, — *если только я не ошибаюсь, охотно умертвил бы тебя во младенчестве*».

— Лот Оркнейский, обещаешь ли ты оборонять свои берега

от северян, обещаешь ли прийти мне на помощь, если под угрозой окажется британский берег?

— Обещаю, родич, обещаю и клянусь.

— Тогда владей землей Оркнеев и Лотианом в мире, никогда не потребую я ее у тебя и не стану пытаться отбить ее силой, — промолвил Артур и, нагнувшись, поцеловал Лота в щеку. — Пусть ты и госпожа твоя правят на севере долго и счастливо, родич.

— Прошу позволения представить тебе рыцаря для твоей дружины и умоляю ввести его в число твоих соратников, лорд Артур, — проговорил Лот, поднимаясь. — Мой сын Гавейн...

Гавейн оказался дюжим, высоким, крепко сложенным юношей — мужской вариант Игрейны и самой Моргаузы. Голову его венчала шапка рыжих кудрей, и, будучи немногим старше Артура — даже, наверное, чуть младше, подумала Моргейна, ведь Моргауза вышла замуж за Лота уже после рождения Артура, — он уже вымахал в молодого великана ростом под шесть футов. Гавейн преклонил колени перед королем; Артур поднял его и обнял.

— Добро пожаловать, кузен. С радостью назначаю тебя первым из моих соратников, надеюсь, ты не откажешься и встретишь добрый прием у ближайших моих друзей, — промолвил он, кивнул на троих стоящих рядом юношей. — Ланселет, Гавейн, наш кузен. Это — Кэй, а вот — Бедуир, это мои приемные братья. Вот теперь и у меня есть соратники, прямо как у греческого Александра.

На протяжении всего дня Моргейна стояла рядом с Артуром и наблюдала за тем, как лорды со всех концов Британии приносили клятву верности перед троном Верховного короля, обещаясь вставать под его знамена в сражении и защищать свои берега. Светлокудрый король Пелинор, правитель Озерного края, вышел вперед, преклонил перед Артуром колени и попросил о дозволении отбыть до окончания торжественного пира.

— Как, Пелинор? — рассмеялся Артур. — Ты, в ком я надеялся обрести преданнейшего из сподвижников, уже бросаешь меня на произвол судьбы?

— Мне пришли вести из родных земель, лорд, что там свирепствует дракон, я хотел бы принести клятву преследовать зверя, пока его не убью.

Артур обнял его и вручил ему золотое кольцо.

— Ни одного вождя не стал бы я удерживать вдали от его народа в час нужды. Так ступай и позаботься об истреблении дракона да привези мне его голову, когда убьешь чудище.

Лишь на закате наконец-то закончилась длинная череда знати, что съехалась принести клятвы верности своему Верховному королю. Артур был еще совсем мальчиком, держался на протяжении всего этого бесконечно долгого дня с неизменной учтивостью и с каждым гостем говорил словно с первым по

счету. Одна только Моргейна, обученная на Авалоне читать лица, различала следы усталости. Но наконец все закончилось, и слуги начали накрывать на стол.

Моргейна ожидала, что Артур усядется за трапезу в кругу юношей, назначенных им соратниками; день выдался длинный, король юн и долг свой выполнял исправно, ни на миг не отвлекшись, в течение всех этих часов. Но вместо того Артур занял место среди епископов и советников своего отца: Моргейна с удовольствием отметила, что среди них — мерлин. В конце концов, Талиесин — его родной дед, хотя вряд ли Артуру о том ведомо. Поев (а уплетал Артур за обе щеки, точно проголодавшийся мальчишка, еще не переставший расти), король поднялся и прошел между гостей.

В своей простой белой тунике, украшенный лишь тонким золотым венцом, он выделялся среди разряженных лордов и знати, точно белый олень в сумраке леса. Рядом с королем встали его соратники: дюжий молодой Гавейн, Кэй — темноволосый, с римским ястребиным профилем и сардонической улыбкой, когда он подошел ближе, Моргейна разглядела в уголке его рта шрам, страшный, еще толком не заживший, благодаря ему на лице Кэя застыла безобразная ухмылка. Девушка не могла ему не посочувствовать, прежде он, верно, был очень хорош собой. Рядом с ним Ланселет казался хорошеньким, точно девушка, нет — воплощением яростной, мужественной красоты, дикая кошка — вот на кого он походил. Моргейна так и ела его глазами.

— Моргейна, а кто этот молоденький красавчик — ну, вон тот, в красном, рядом с Кэем и Гавейном?

— Твой племянник, тетя, — рассмеялась Моргейна. — Сын Вивианы, Галахад. Но саксы прозвали его Эльфийская Стрела, так что теперь его знают по большей части под именем Ланселет.

— И кто бы мог подумать, что невзрачная Вивиана родит такого пригожего сына! Ее старшенький, Балан, — совсем не таков, нет, дюжий, крепкий здоровяк и преданный, что старый пес, — вот он пошел в мать. А Вивиану красавицей никто бы не назвал!

Эти слова ранили Моргейну в самое сердце: «*Говорят, я как две капли воды похожа на Вивиану, стало быть, все считают меня безобразной? Как сказала та девчонка: маленькая и страшная, как фэйри*».

— В моих глазах Вивиана настоящая красавица, — холодно возразила она.

— Сразу видно, что воспитывалась ты на Авалоне, в полном затворничестве — куда там монастырям! — хихикнула Моргауза. — Откуда тебе знать, что мужчинам желанно в женской красоте!

— Ну, право, полно вам, — примирительно молвила Игрей-

на. — Красота — не единственное достоинство. У этого вашего Ланселета глаза его матери, а никто никогда не отрицал, что у Вивианы на диво красивые глаза, притом у Вивианы столько обаяния, что никто уж и не разберет, хороша она или нет; да людям и дела нет до этого, довольно им Вивианиного чарующего взгляда и мелодичного голоса.

— Ах, вот и ты, Игрейна, тоже не от мира сего, — возразила Моргауза. — Ты — королева, а в королеве любой разглядит красавицу. Кроме того, ты вышла замуж за любимого. Большинство женщин такой удачей похвастаться не могут, так что отрадно сознавать, что другие мужчины не слепы к твоей красоте. Проживи ты всю жизнь со стариком Горлойсом, небось и ты бы порадовалась своему пригожему личику и роскошным волосам и постаралась бы затмить женщин, у которых нет ничего, кроме обаяния, красивых глаз и нежного голоса. Мужчины — они что младенцы: видят лишь первое, что им нужно — тугую грудь...

— Сестра! — воскликнула Игрейна. Моргауза иронически улыбнулась.

— Да ладно, тебе, сестра, добродетель хранить нетрудно, ведь возлюбленный тобою мужчина оказался королем. Не всем из нас так повезло.

— Разве спустя столько лет ты не любишь Лота, Моргауза?

Моргауза пожала плечами.

— Любовью развлекаются в беседках и зимой у очага. Лот во всем со мною советуется, в военное время оставляет на меня дом, а ежели привозит из похода золото, драгоценности или роскошные одежды, первой выбираю я. Так что я ему признательна, и у него никогда и тени сомнения не было в том, что он якобы воспитывает чужого сына. Но это вовсе не значит, что мне должно быть слепой, если юноша, пригожий собой и плечистый, точно молодой бык, вдруг заглядится на свою госпожу.

«*Не сомневаюсь*, — с легкой брезгливостью подумала Моргейна, — *что в глазах Моргаузы это невесть какая добродетель, и себя она считает королевой весьма целомудренной*». Впервые за много лет девушка почувствовала себя сбитой с толку, вдруг осознав, что дать определение добродетели не так-то просто. Христиане превыше всех достоинств ценили непорочность, в то время как на Авалоне высшей добродетелью было отдать свое тело Богу или Богине в союзе с силами природы. В каждом случае добродетель противоположной стороны считалась черней-шим грехом и кощунством против собственного Бога. Но если одни правы, вторые волей-неволей оказываются порочны. Моргейне казалось, что христиане отвергают самое священное, что только есть в этом мире, но в глазах христиан сама она покажется блудницей и даже хуже. Заговори она о кострах Белтайна как о священном долге перед Богиней, даже Игрейна, воспитанная

на Авалоне, уставится на нее во все глаза, решив, что устами девушки говорит какой-нибудь демон.

Моргейна отвернулась: к ним спешила группа молодых людей — светлокудрый, сероглазый Артур, хрупкий, изящный Ланселет и рыжий здоровяк Гавейн, что возвышался над прочими, точно бык над парой породистых испанских коней. Артур склонился перед матерью в почтительном поклоне.

— Госпожа моя. — Юноша тут же опомнился. — Матушка, долог ли для тебя этот день?

— Не дольше, чем для тебя, сынок. Не присядешь ли?

— Ненадолго, матушка. — Усевшись, Артур, незадолго до того наевшийся досыта, рассеянно захватил пригоршню сладостей, что Моргейна отложила про запас. Какой же он все-таки еще мальчишка! Набив рот миндальным печеньем, он промолвил: — Матушка, не хочешь ли ты снова выйти замуж? Я бы подыскал тебе в мужья богатейшего — и добрейшего из лордов. Уриенс, владыка Северного Уэльса, овдовел, не сомневаюсь, что он обрадовался бы хорошей жене.

— Спасибо, милый сын, — улыбнулась Игрейна. — Но, побывав женою короля, меньшим я не удовольствуюсь. Кроме того, я всей душой любила твоего отца, я не хочу ему замены.

— Ну что ж, матушка, пусть будет так, как ты желаешь, — отозвался Артур. — Я просто не хотел, чтобы ты грустила в одиночестве.

— Сложно мучиться одиночеством в монастыре, сынок, в окружении прочих женщин. Кроме того, там — Господь.

— Я бы лучше поселилась в лесном скиту, нежели в доме, битком набитом женщинами, что трещат без умолку! — обронила Моргауза. — Если Господь и в самом деле там, то-то непросто Ему вставить словечко!

Игрейна не задержалась с ответом — и на мгновение Моргейна узнала живую, остроумную мать своего детства:

— Полагаю, как любой подкаблучник, Он больше слушает своих невест, нежели говорит сам, но ежели внимательно прислушаться, так голос Господа зазвучит совсем рядом. Но случалось ли тебе когда-нибудь присмиреть настолько, чтобы прислушаться и расслышать Господа, Моргауза?

Рассмеявшись, Моргауза жестом дала понять, что удар попал в цель.

— А ты, Ланселет? — обворожительно улыбаясь, осведомилась она. — Ты помолвлен ли, или, может статься, уже женат?

Юноша со смехом встряхнул головой:

— Ох нет, тетя. Не сомневаюсь, что мой отец, король Бан, рано или поздно подыщет мне жену. Но пока мне хотелось бы служить своему королю и оставаться при нем.

Артур, улыбнувшись другу, хлопнул его по плечу.

— Эти двое неустрашимых кузенов охраняют меня надежнее, чем в старину — цезарей!

— Артур, сдается мне, Кэй ревнует, — тихо проговорила Игрейна. — Скажи ему что-нибудь доброе. — Моргейна подняла глаза на угрюмого, обезображенного шрамом Кэя. Вот уж кому тяжко приходится, столько лет он считал Артура никчемным отцовским приемышем — а теперь вот младший брат потеснил его, младший брат стал королем... и сердце его отдано двум новым друзьям.

— Когда в здешней земле воцарится мир, всем вам мы, конечно же, подыщем и жен, и замки. Но ты, Кэй, станешь хранителем моего собственного замка как мой сенешаль, — промолвил Артур.

— Мне и довольно, приемный брат... прости, мне следует сказать, лорд мой и король...

— Нет, — возразил Артур, обнимая Кэя. — Господь меня накажи, если я когда-либо потребую от тебя, брат, этаких велеречий!

Игрейна судорожно вздохнула.

— Артур, когда ты так говоришь, мне порою мерещится, будто я слышу голос твоего отца.

— Я очень жалею — ради себя, госпожа! — что не узнал его лучше. Но знаю я также, что король не всегда волен поступать так, как ему хочется; как и королева. — Он поднес к губам руку Игрейны. «*Итак, эту истину о королевском ремесле он уже постиг*», — отметила про себя Моргейна.

— Сдается мне, — промолвила Игрейна, — твое окружение вот-вот объявит тебе о том, что тебе следует избрать жену.

— Да, наверное, — пожал плечами Артур. — Надо думать, у каждого правителя есть дочка, которую он не прочь выдать за Верховного короля. Пожалуй, спрошу-ка я мерлина, какую выбрать. — Он встретился взглядом с Моргейной, на мгновение показавшись таким ранимым и беспомощным. — В конце концов, в женщинах я смыслю мало.

— Ну что ж, тогда придется подыскать для тебя первую красавицу королевства, и притом высокого рода, — весело отозвался Ланселет.

— Нет, — протянул Кэй. — Раз Артур разумно говорит, что все женщины в его глазах одинаковы, выберем ему невесту с лучшим приданым.

Артур прыснул.

— Так я поручаю это дело тебе, Кэй, и не сомневаюсь, что и свадьба у меня пройдет так же удачно, как коронация. Я бы предложил тебе посоветоваться с мерлином, и, вне всякого сомнения, у его святейшества архиепископа тоже найдется что сказать на этот счет. А ты, Моргейна? Подыскать ли тебе супруга

9 – 7612

или ты предпочла бы войти в свиту моей королевы? Кому и пристали высшие почести, как не дочери моей матери?

К Моргейне наконец вернулся дар речи.

— Лорд мой и король, я была бы рада остаться на Авалоне. Молю, не трудись искать мне супруга. «*Даже если я жду ребенка!* — добавила она про себя. — *Даже тогда!*»

— Пусть будет так, сестра, хотя, не сомневаюсь, у его святейшества архиепископа найдется что сказать и на этот счет: послушать его, так женщины Авалона — злые чародейки и ведьмы все до одной.

Моргейна не ответила, и Артур едва ли не виновато оглянулся на лордов и советников. Мерлин не сводил с него глаз.

— Вижу, я уже исчерпал время, отведенное мне на общение с матушкой, сестрой и соратниками, надо возвращаться к делам и вновь становиться королем. Госпожа.... — Он поклонился Игрейне, чуть более церемонно — Моргаузе, а когда настал черед Моргейны, он наклонился и поцеловал девушку в щеку. Моргейна словно оцепенела.

«*Богиня-Матерь, что мы наделали! Он сказал, что всегда будет любить меня и тосковать обо мне, и ровно этого он делать не должен! Если бы то же самое чувствовал Ланселет...*» Девушка вздохнула, подошла Игрейна и взяла ее за руку.

— Ты устала, дочка. Оно и немудрено — целый день простоять на солнце! Ты уверена, что не хочешь вернуться со мной в монастырь, где так спокойно и тихо? Нет? Ну что ж, Моргауза, уведи ее к себе в шатер, будь так добра.

— Да, милая сестра, ступай отдохни. — Моргейна проводила глазами молодых людей. Артур из деликатности шел не спеша, подстраиваясь под спотыкающуюся походку Кэя.

Моргейна с Моргаузой вернулись в шатер; девушка очень устала, но ей волей-неволей пришлось демонстрировать внимательность и учтивость, пока Лот рассуждал о некоем замысле Артура: освоить тактику сражения верхом, благодаря этому новому способу ведения боя удастся сокрушить вооруженные отряды саксонских захватчиков, — ведь те сражаются пешими да и по большей части не представляют собой хорошо обученных боевых единиц.

— Мальчик — великий стратег, — похвалил Лот. — Эта тактика, того и гляди, сработает; в конце концов, отряды пиктов и скоттов, заодно с Племенами, сражаясь под прикрытием лесов, деморализовали, как мне рассказывают, римские легионы: римляне слишком привыкли к упорядоченному бою по правилам и к врагам, что, не трогаясь с места, принимали открытый бой.

У конницы над пехотой всегда преимущество, римские конные отряды, как я слышал, одерживали самые крупные победы.

Моргейна вспомнила, с каким жаром Ланселет излагал свои взгляды на искусство ведения войны. Если Артур разделяет этот энтузиазм и готов трудиться заодно с Ланселетом над созданием конных отрядов, тогда, пожалуй, воистину придет время, когда все саксонские полчища будут выдворены из этой земли. Тогда воцарится мир — мир более славный и продолжительный, нежели легендарные две сотни лет римского мира. А если Артуру суждено владеть мечом Авалона и реликвиями друидов, тогда последующие годы и впрямь окажутся чудесным правлением... Как-то раз Вивиана назвала Артура королем из легенды, владельцем легендарного меча. *«И в этой земле вновь будет править Богиня, а не мертвый Бог христиан с этими его страданиями и смертью...»* Девушка погрузилась в грезы и очнулась лишь тогда, когда Моргауза легонько встряхнула ее за плечо.

— Да ты совсем засыпаешь, дорогая моя, ступай в постель, мы тебя не осудим, — промолвила она и послала собственную прислужницу помочь Моргейне раздеться, вымыть ей ноги и заплести волосы.

Моргейна заснула глубоко и крепко и снов не видела, словно усталость многих дней навалилась на нее разом. Проснувшись, она с трудом вспомнила, где находится и что произошло; знала лишь одно — на нее накатила неодолимая тошнота, ее вот-вот вырвет, так что ей просто необходимо выбраться наружу. Но когда девушка выпрямилась, чувствуя, как звенит в ушах, рядом стояла Моргауза, твердо и вместе с тем ласково поддержав племянницу, она увела ее обратно в шатер. Вот такой она запомнилась Моргейне с раннего детства: то сама доброта, а то колкая и резкая. Моргауза вытерла Моргейне вспотевший лоб влажным полотенцем, а затем уселась рядом, приказав прислужнице принести для гостьи чашу вина.

— Нет-нет, не хочу, меня снова затошнит.

— Пей, — строго приказала Моргауза, — и попытайся съесть вот этот кусочек хлеба, он совсем сухой, так что тошноты не вызовет, а сейчас тебе хорошо бы чем-нибудь живот наполнить. — И со смехом прибавила: — Вот уж воистину, то, что у тебя в животе, все эти неприятности на тебя и навлекает.

Сгорая со стыда, Моргейна отвела взгляд.

Голос Моргаузы вновь зазвучал мягко, по-доброму:

— Да ладно тебе, девочка, все мы через это прошли. Ты беременна — что из этого? Не ты первая, не ты последняя? А отец-то кто — или мне лучше не спрашивать? Видела я, как ты поглядываешь на пригожего сынка Вивианы, это он счастливец? И кто бы тебя осудил? Нет? Стало быть, это — дитя костров Белтайна? Так я и думала. А почему бы и нет?

Моргейна стиснула кулаки: добродушная прямота Моргаузы задела ее за живое.

— Мне он не нужен, вот вернусь на Авалон — и знаю, что сделаю!

Моргауза встревоженно глянула на гостью.

— Ох, дорогая моя, а надо ли? На Авалоне охотно примут дитя Бога, к тому же ты — из королевского рода Авалона. Не скажу, что я такого никогда не проделывала: я же тебе говорила, я ревностно заботилась о том, чтобы рожать детей только от Лота, но это вовсе не значит, что я спала одна все то время, что он проводил на войне. А почему бы, собственно, и нет? Вот уж не верю, что он всякий раз засыпал в одиночестве! Но одна старая повитуха как-то раз мне рассказывала — а уж она-то свое дело знала, поверь мне! — дескать, женщине ни в коем случае не следует избавляться от первого ребенка, иначе она того и гляди повредит себе чрево и другого уже не выносит.

— Я — жрица, а Вивиана стареет, не хочу, чтобы это мешало мне исполнять обязанности в храме. — Но, едва выговорив эти слова, Моргейна поняла, что скрывает правду: женщины Авалона продолжали трудиться вплоть до последних нескольких месяцев беременности, а тогда другие жрицы охотно делили между собою их работу, чтобы будущие матери могли хорошенько отдохнуть перед родами, а после они даже успевали выкормить своих детей грудью, прежде чем их отсылали на воспитание. Воистину, зачастую их дочери воспитывались жрицами, как, скажем, Игрейна. Да и сама Моргауза до двенадцати лет росла на Авалоне как приемная дочь Вивианы.

Моргауза понимающе оглядела собеседницу.

— Да, думаю, каждая женщина проходит через нечто подобное, когда впервые носит во чреве дитя — чувствует себя точно в западне, злится, понимает, что не в силах ничего изменить, боится... Я знаю, что так было с Игрейной, так было и со мной, наверное, таков удел всех женщин. — Моргауза обняла Моргейну, притянула ближе. — Но, милое дитя мое, Богиня добра. По мере того как дитя у тебя во чреве подрастает, Богиня вложит в твое сердце любовь к нему, даже если тебе дела нет до мужчины, заронившего в тебя семя. Дитя, я вышла замуж в пятнадцать лет за мужчину гораздо старше себя; и в тот день, когда я впервые поняла, что беременна, я готова была в море броситься — мне казалось, что юность моя погибла и жизнь кончена. Ах, да не плачь же, — промолвила она, поглаживая мягкие волосы Моргейны, — скоро тебе станет лучше. Я сама терпеть не могу расхаживать с огромным животом и весь день пустяками заниматься, точно дитя в свивальниках, но время пройдет быстро, а от грудного младенца столько же радости, сколько боли сулят роды. Я родила четверых и от пятого бы не отказалась, а уж как часто я мечта-

ла, чтобы вместо одного из сыновей родилась дочка! Если ты не захочешь растить своего ребенка на Авалоне, я возьму его на воспитание — как тебе такое?

Моргейна со всхлипом перевела дыхание и отстранилась от плеча Моргаузы.

— Прости меня — я тебе праздничное платье слезами вымочила...

— Если ничего хуже с ним не стряслось, так и это пустяки, — пожала плечами Моргауза. — Видишь? Тошнота проходит, до конца дня ты будешь чувствовать себя отменно. Как думаешь, Вивиана отпустит тебя ко мне в гости? Ты можешь вернуться в Лотиан вместе с нами, если захочешь, — ты же не видела Оркнеев, а смена места пойдет тебе на пользу.

Моргейна поблагодарила утешительницу, но сказала, что ей должно вернуться на Авалон, но, перед тем как ехать, ей нужно пойти повидаться с Игрейной.

— Я тебе не советую с ней откровенничать, — промолвила Моргауза. — Она такой святошей сделалась, что в ужас придет — или по крайней мере сочтет своим долгом ужаснуться.

Моргейна слабо улыбнулась: конечно же, она не собиралась доверяться Игрейне, да, собственно говоря, и никому другому тоже. Прежде чем Вивиана хоть что-то узнает, узнавать будет уже нечего. Моргейна была благодарна тете за добрый совет и дружеское участие, но следовать ее наставлениям не собиралась. Девушка яростно твердила про себя, что вправе решать сама: она — жрица и во всех своих поступках должна исходить из собственного здравого смысла.

На протяжении всего прощания с Игрейной — вышло оно весьма натянутым и то и дело прерывалось звоном треклятого колокола, скликающим монахинь к службе, — Моргейна думала о том, что Моргауза куда больше похожа на мать, запомнившуюся ей с детства, нежели сама Игрейна. Игрейна постарела, преисполнилась сурового благочестия, и девушке показалось, что распрощалась она с дочерью с явным облегчением. Моргейна знала: возвращаясь на Авалон, она возвращается домой, теперь у нее в целом мире нет иного дома.

Но если и Авалон больше для нее не дом, что тогда?

Глава 20

Утро только занималось, когда Моргейна потихоньку выскользнула из Дома дев и побежала в болота за Озером. Она обогнула Холм и вышла в небольшой лесок; если посчастливится, она отыщет то, что ей нужно, прямо здесь, не углубляясь в туманы.

А что именно ей нужно, Моргейна отлично знала: один-единственный корешок, затем кора с одного кустарника и две

разные травы. Все это не составляло труда найти на Авалоне. Можно было, конечно, взять их из кладовой в Доме дев, но тогда ей пришлось бы объяснять, зачем, а Моргейна предпочла бы избежать этого. Ни к чему ей поддразнивания и сочувствие товарок, лучше она сама все отыщет. Девушка неплохо разбиралась в травах и знала ремесло повитухи. К чему ей полагаться на кого-то еще, если все можно сделать самой?

Одна необходимая ей трава росла в садах Авалона, Моргейна загодя сорвала втайне, сколько нужно. Что до остальных, за ними придется отправиться в леса. Моргейна зашла уже довольно далеко, прежде чем осознала, что в туманы так и не углубилась. Оглянувшись, девушка поняла, что забрела в неведомую ей область Авалона. Что за безумие! Она прожила на Авалоне больше десяти лет, она знает здесь каждый бугорок и холм, каждую тропку и едва ли не каждое дерево. Быть того не может, чтобы она заблудилась на Авалоне, и, однако же, это правда: она забрела в густую чащу, где старые деревья смыкались теснее, нежели ей доводилось когда-либо видеть, и повсюду росли кусты и травы, которых она отродясь не встречала.

Возможно ли, чтобы она случайно забрела в туманы, сама того не ведая, и теперь находится на большой земле, окружившей Озеро и Остров? Нет, Моргейна мысленно восстановила каждый шаг своего пути. Никаких туманов не было. В любом случае Авалон — почти что остров, выйди она за его пределы, она оказалась бы на берегу Озера. Да, существовала потаенная конная тропа, проложенная по твердой земле, но отсюда до нее далеко.

Даже в тот день, когда они с Ланселетом повстречали в туманах Гвенвифар, их окружали болота, а вовсе не лес. Нет, она не на острове Монахов и не на большой земле — разве что в ней вдруг пробудилась магическая способность ходить через Озеро точно посуху. И не на Авалоне. Моргейна посмотрела вверх, пытаясь определить, где находится, по солнцу, но солнца так и не увидела: день стоял в разгаре, однако свет — мягкое сияние в небесах — струился словно отовсюду одновременно.

Девушка похолодела от страха. Итак, этот мир ей вообще не знаком. Возможно ли, что в пределах магии друидов, изъявшей Авалон из мира, есть еще некая неведомая страна, сфера вокруг Авалона или за Авалоном? Глядя на раскидистые деревья, на древние дубы и орешник, на папоротник и иву, она понимала: да, этого мира она в жизни своей не видела. Совсем рядом рос в одиночестве сучковатый, искривленный дуб, такой древний, что и представить невозможно, — уж его бы Моргейна не пропустила. Уж, конечно же, дерево настолько старое и внушительное друиды объявили бы священным. *«Ради Богини! Да где же я?»*

Но, куда бы она ни попала, оставаться здесь Моргейна вовсе

не собиралась. Либо она будет блуждать до тех пор, пока снова не окажется в знакомой ей части мира и не отыщет какую-нибудь веху, указующую путь назад, туда, куда ей надо, либо она дойдет до того места, где начинаются туманы, и сможет вернуться домой этим способом.

Девушка медленно пробиралась вперед сквозь густеющую чащу. Впереди вроде бы виднелся просвет: к нему-то она и шла. Вокруг прогалины густо рос орешник — ни одного из этих кустов, как подсказывал Моргейне инстинкт, никто и никогда не касался, — даже металл друидического ножа, срезающий «волшебные лозы», с помощью которых можно отыскать воду, спрятанное сокровище или яды. На Авалоне имелась ореховая роща, однако тамошние кусты Моргейна знала: много лет назад, поперву обучаясь таким вещам, она сама срезала там «волшебную лозу». Это — совсем иное место. На краю рощицы она приметила заросли одной из необходимых ей трав. Ну что ж, отчего бы не взять, что нужно, прямо здесь: в конце концов, не зря же она сюда попала! Моргейна опустилась на землю, соорудила из юбки что-то вроде подстилки под колени и принялась выкапывать корень.

Дважды, пока девушка рылась в земле, ей померещилось, будто за нею наблюдают; она вроде как спиною ощутила легкое покалывание — всем, кто живет среди диких тварей, это чувство знакомо. Но стоило ей поднять глаза — и, хотя среди деревьев словно бы промелькнула тень, чужака девушка не увидела.

В третий раз Моргейна крепилась до последнего, так и не поднимая глаза и внушая себе, что никого рядом нет. Она вырвала растение из земли и принялась очищать корень, шепча подобающее в таких случаях заклятие: моля Богиню возвратить жизнь вырванной траве, чтобы, при том что один кустик она забрала, на его месте неизменно вырастали другие. Но ощущение чужого присутствия усиливалось, и наконец Моргейна подняла взгляд. На опушке леса, едва различимая в тени деревьев, стояла женщина, внимательно наблюдая за нею.

То не была одна из жриц, ее Моргейна никогда прежде не видела. На ней было неброское серо-зеленое платье — цвета ивовых крон, когда на исходе лета листва увядает и блекнет, и что-то вроде темного плаща. На шее поблескивало золото. В первую минуту Моргейна подумала, что перед нею — женщина из низкорослого смуглого племени, вместе с которым она дожидалась исхода поединка с Королем-Оленем. Но держалась незнакомка совсем иначе, нежели этот затравленный народец, — величественно, как жрица или даже королева. Моргейна даже представить не могла, сколько незнакомке лет, но, судя по глубоко посаженным глазам и морщинкам вокруг них, женщина была немолода.

— Что ты делаешь, Моргейна Волшебница?

По спине девушки пробежал холодок. Откуда незнакомке известно ее имя? Однако девушка скрыла страх — в число умений жриц входило и такое — и молвила:

— Раз тебе ведомо мое имя, госпожа, стало быть, ты и сама видишь, чем я занята.

Моргейна решительно отвела взгляд от темных, неотрывно устремленных на нее глаз, и вновь принялась счищать кожицу. Спустя какое-то время она подняла голову, отчасти надеясь, что незнакомка исчезла так же мгновенно, как и появилась, но та стояла на прежнем месте, бесстрастно наблюдая за занятием собеседницы. Задержав взгляд на перепачканных ладонях девушки и на обломанном при выкапывании ногте, женщина молвила:

— Да, я вижу, что ты делаешь, и знаю, что ты задумала. Но почему?

— Но тебе что до этого?

— В глазах моего народа жизнь бесконечно ценна, — отозвалась женщина, — хотя и рожаем, и умираем мы не так просто, как ваше племя. Однако дивлюсь я тому, что ты, Моргейна, из королевского рода Древних и, стало быть, мне дальняя родня, тщишься изгнать из чрева единственное дитя, что тебе суждено когда-либо родить.

Моргейна судорожно сглотнула. С трудом поднялась на ноги, стыдясь перепачканных землею рук, и полуочищенных корешков в ладони, и измятой от сидения на влажной грязи юбки, — ни дать ни взять гусятница перед Верховной жрицей.

— С чего ты взяла? — вызывающе отпарировала девушка. — Я еще молода. Откуда тебе знать, что, если я избавлюсь от этого ребенка, я не рожу дюжины других?

— Я и позабыла: к тем, в ком кровь фэйри разбавлена, Зрение приходит увечным и неполным, — отозвалась незнакомка. — Я видела, тем и удовольствуйся. Подумай дважды, Моргейна, прежде чем отвергать то, что Богиня послала тебе от Короля-Оленя.

Нежданно-негаданно Моргейна вновь разрыдалась.

— Я не хочу! — всхлипывала она. — Я этого не хотела! Почему Богиня так со мной обошлась? Если ты пришла от нее, так отвечай, слышишь!

Незнакомка грустно поглядела на нее.

— Я не Богиня, Моргейна, и даже не ее посланница. Мой народ не знает ни богов, ни богинь, но лишь грудь нашей матери, что у нас под ногами и над головой, от нее мы пришли, к ней мы уходим, когда истекает наш срок. Потому ценим мы жизнь и скорбим при виде того, как ее губят. — Женщина шагнула вперед и отобрала корень у Моргейны. — Тебе это не нужно, — промолвила она, отбрасывая растение в сторону.

— Как тебя звать? — воскликнула Моргейна. — Что это за место?

— На своем языке ты мое имя произнести не сможешь, — промолвила незнакомка, и внезапно Моргейна задумалась, а на каком, собственно, наречии они беседуют. — Что до места, это заросли орешника, и оно то, что оно есть. Здесь пролегает путь в мои края, а вон та тропа, — дама указала рукой, — выведет тебя домой, на Авалон.

Моргейна посмотрела в указанном направлении. Да, там и впрямь вилась тропа, юная жрица могла поклясться, что, когда она только вступила в заросли, никакой дороги здесь и в помине не было.

А дама по-прежнему стояла с нею рядом. От нее исходил странный, неведомый аромат: не едкий запах немытого тела, как от престарелой жрицы Племени, но смутное, нездешнее благоухание, точно от незнакомой травы или листвы, — ни на что не похожее, свежее, чуть горьковатое. И, точно под воздействием ритуальных трав, пробуждающих Зрение, Моргейна почувствовала, будто глаза ее, силой неких чар, видят больше, нежели обычно: как если бы вещи заурядные и повседневные внезапно обрели новизну и ясность.

— Ты можешь остаться здесь, со мною, если хочешь, — проговорила дама негромко и завораживающе. — Я погружу тебя в сон, так что ты произведешь на свет дитя, даже не почувствовав боли, я заберу его, ибо источник жизни в нем обладает немалой силой, и проживет он дольше, нежели среди твоих собратьев. Ибо прозреваю я, что за судьба ждет его в твоем мире: он станет пытаться творить добро и, как большинство твоих соплеменников, причинит лишь вред. Но здесь, в земле моего народа, жить ему назначено долго, очень долго — ты бы, пожалуй, сказала, что вечно, — и, возможно, станет он у нас чародеем или заклинателем среди деревьев и диких тварей, коих рука человеческая вовеки не укрощала. Оставайся здесь, маленькая, отдай мне младенца, что тебе немил, и возвращайся к своему народу, зная, что дитя твое здесь счастливо и ничто ему не угрожает.

На Моргейну вдруг повеяло смертным холодом. Она поняла, что женщина эта — не вполне человек; ведь и в ее собственных жилах течет толика древней эльфийской крови, Моргейна Волшебница, иначе говоря, Моргейна из народа фэйри, — так некогда дразнил ее Ланселет. Жрица вырвала руку у женщины-фэйри и помчалась со всех ног к указанной ею тропе — она бежала, бежала что есть мочи, точно за нею гнался жуткий демон.

— Тогда избавься от ребенка или задуши его при рождении, Моргейна Волшебница, ибо у каждого в твоем народе — своя судьба, а что за участь ждет сына Короля-Оленя? — прокричала ей вслед незнакомка. — Королю должно умереть, и в свой черед

он будет повержен... — Но Моргейна нырнула в туманы, и голос угас, жрица мчалась вперед, не разбирая дороги, спотыкаясь, дикий шиповник цеплялся за ее одежду и норовил задержать; охваченная паникой, она все бежала и бежала, пока не вырвалась из туманов в слепящий солнечный свет и тишину, пока не поняла, что вновь стоит на знакомом берегу Авалона.

И вновь настала ночь темной луны. Авалон укрыли туманы и летняя хмарь, но Вивиана столько лет пробыла жрицей, что знала смены луны так, как если бы от них зависели токи ее собственной крови. Какое-то время она молча расхаживала по дому, а затем приказала одной из жриц:

— Принеси мою арфу.

Вивиана уселась, установила на колене инструмент из светлого ивового дерева, и принялась рассеянно пощипывать струны; ни потребности, ни желания слагать музыку она не испытывала.

Когда же снаружи посветлело и уже близилось утро, Вивиана поднялась и взяла крохотный светильник. Из соседней комнаты подоспела жрица-прислужница, но Вивиана лишь покачала головой, ни слова не говоря, и жестом велела ей возвращаться в постель. Бесшумно, точно призрак, Вивиана направилась по тропе к Дому дев и, ступая тише кошки, проскользнула внутрь.

Она отыскала комнату, где спала Моргейна, подошла к кровати и глянула на лицо спящей — столь схожее с ее собственным. Во сне Моргейна казалась маленькой девочкой, что много лет назад приехала на Авалон и утвердилась в самых сокровенных глубинах Вивианиного сердца. Под черными ресницами пролегли темные круги, вроде синяков, а края век покраснели, точно засыпала Моргейна в слезах.

Подняв светильник повыше, Вивиана долго разглядывала свою юную родственницу. Она любила Моргейну так, как никогда не любила ни Игрейну, ни Моргаузу, которую вскормила собственной грудью; как никогда не любила ни одного из мужчин, что делили с ней ложе одну-единственную ночь или несколько месяцев. И даже к Вране, которую она готовила в жрицы с семилетнего возраста, она так не привязалась. Только раз в жизни довелось ей испытать эту исступленную любовь, эту внутреннюю боль, когда каждый вздох дорогого существа ввергает в агонию, — любовь к дочери, которую она родила в первый год после своего посвящения в жрицы; девочка не прожила и шести месяцев; ее, выплакавшись в последний раз, Вивиана предала земле; ей самой в ту пору шел лишь пятнадцатый год. С того мгновения, как она взяла дочь на руки и вплоть до той минуты, как слабенький младенец испустил дух, Вивиана жила и дышала

в каком-то самозабвенном бреду любви и боли, как если бы ненаглядное дитя было частью ее собственного тела, как если бы каждое мгновение отпущенных девочке довольства или муки она переживала сама. С тех пор, казалось, минула целая жизнь, никак не меньше, и Вивиана знала: та женщина, которой ей предназначено было стать, давным-давно погребена в зарослях орешника на Авалоне. А та, что, не проронив и слезы, ушла от крохотной могилки, — совсем другая, она чужда всем человеческим чувствам. Она добра, да, всем довольна, порою даже счастлива, но не та, прежняя, нет. Она и сыновей своих любила, но спокойно мирилась с мыслью о том, чтобы отдать младенца приемной матери.

Да, она позволила себе отчасти привязаться к Вране... но порою, в сокровеннейших глубинах своего сердца, Вивиана чувствовала, что в обличии ребенка Игрейны Богиня возвратила ей ее собственную умершую дочку.

«Вот теперь она плачет, и каждая слезинка выжигает мне сердце. Богиня, ты даровала мне эту девочку, позволив любить ее, и однако же я должна обречь ее на эту муку... Весь род людской страждет, и сама Земля стонет, ибо тяжка участь ее сыновей. Наши страдания приближают нас к тебе, Матерь Керидвен...» Вивиана поспешно поднесла руку к глазам и встряхнула головой, так что одна-единственная слезинка исчезла бесследно. *«Она тоже дала обет принимать неизбежное, ее страдания еще и не начались».*

Моргейна заворочалась, повернулась на бок, и Вивиана, вдруг испугавшись, что спящая проснется и ей вновь предстоит встретить обвиняющий взгляд этих глаз, быстро выскользнула из комнаты и неслышно возвратилась в свою обитель.

Вивиана прилегла и попыталась уснуть, но глаз не сомкнула. Уже ближе к утру по стене проплыла тень; в предрассветных сумерках жрица разглядела лицо, то была Смерть, она ждала Вивиану в обличии оборванной старухи в лохмотьях мглы.

«Матерь, ты пришла за мной?»

«Нет еще, дочь моя и мое воплощение, я появляюсь здесь, чтобы ты не забывала: я жду тебя, как и всех прочих смертных...»

Вивиана зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, в углу было темно и пусто.

«Воистину, ныне нет нужды напоминать мне, что она меня ждет...»

Она лежала молча и терпеливо ждала, как была приучена, пока наконец в комнату не проник рассветный луч. Она выждала еще немного, потом оделась, но завтракать не стала: ей предстояло воздерживаться от еды, как подобает после ночи темной луны, до тех пор, пока в вечернем небе не покажется тонкий

серп месяца. И только тогда она позвала жрицу-прислужницу и приказала:

— Приведи ко мне госпожу Моргейну.

При виде вошедшей Вивиана отметила про себя, что юная ее родственница облачилась в одежды жрицы высшего чина, уложила заплетенные волосы в высокую прическу, а у пояса ее на черном шнурке висит маленький серповидный нож. Губы Вивианы изогнулись в сдержанной улыбке. Жрицы поприветствовали друг друга, и, усадив Моргейну рядом с собою, Владычица молвила:

— Ныне дважды омрачалась луна, поведай мне, Моргейна, оживил ли Увенчанный Рогами, Владыка Рощи, твое чрево?

Моргейна быстро вскинула глаза: так смотрит попавший в капкан перепуганный зверек.

— Ты сама велела мне поступать по собственному усмотрению. Я изгнала плод, — гневно и вызывающе выпалила юная жрица.

— Нет, не изгнала, — возразила Вивиана, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно и бесстрастно. — Зачем ты мне лжешь? Я говорю, что ты этого не сделаешь.

— Еще как сделаю!

Вивиана ощущала в молодой женщине скрытую силу, на мгновение, стремительно поднявшись со скамьи, Моргейна вдруг сделалась словно выше ростом и внушительнее. Впрочем, этой жреческой уловкой Владычица тоже владела в совершенстве.

«*Она превзошла меня, я более не внушаю ей благоговейного страха*». И тем не менее, призвав на помощь все свое былое влияние, она произнесла:

— Не сделаешь. Королевскую кровь Авалона отвергать не должно.

Внезапно Моргейна рухнула на пол, и на краткий миг Вивиана испугалась, что юная жрица неудержимо разрыдается.

— Зачем ты так со мною поступила, Вивиана? Зачем ты так обошлась со мною? Я-то думала, ты меня любишь! — Лицо ее исказилось, хотя глаза были сухи.

— Богине ведомо, дитя, я люблю тебя так, как в жизни не любила никого другого, — твердо произнесла Вивиана, чувствуя, как в сердце вонзается нож. — Но когда я привезла тебя сюда, я тебе сказала: придет время, когда ты, возможно, возненавидишь меня так же сильно, как любила тогда. Я — Владычица Авалона, мне нет нужды оправдываться в собственных поступках. Я делаю то, что должна, не больше, не меньше; придет день, когда так будет и с тобою.

— Этот день не придет никогда! — выкрикнула Моргейна. — Ибо здесь и теперь я говорю тебе: в последний раз ты навязывала

мне свою волю и играла со мной, точно с балаганной куклой! Никогда больше тому не бывать — никогда!

Голос Вивианы звучал ровно — голос обученной жрицы, что сохраняет спокойствие даже тогда, когда небеса вот-вот обрушатся на ее голову.

— Берегись, Моргейна, меня проклиная, слова, брошенные в гневе, обладают дурным свойством исполняться тогда, когда менее всего тебе милы.

— Проклинать — тебя? Я о том и не помышляла, — быстро возразила Моргейна. — Но более я тебе не игрушка и не забава. Что до ребенка, ради которого ты сдвинула с места небеса и землю, я рожу его не на Авалоне, дабы не радовалась ты деяниям рук своих!

— Моргейна... — промолвила Вивиана, протягивая молодой женщине руку, но Моргейна отпрянула назад. И в наступившей тишине произнесла:

— Да поступит с тобою Богиня так, как ты обошлась со мной, Владычица.

И, не произнеся более ни слова, Моргейна развернулась и вышла из комнаты, не дожидаясь разрешения. Вивиана застыла на месте, точно прощальные слова юной жрицы и впрямь заключали в себе проклятие.

Когда же наконец к ней вновь вернулась способность мыслить ясно, Вивиана призвала к себе одну из жриц. День уже клонился к вечеру, и в западном небе показался месяц: тончайший срез луны, хрупкий, с серебряным краем.

— Вели моей родственнице, госпоже Моргейне, явиться ко мне без промедления, я не давала ей разрешения удалиться.

Жрица ушла и долго не возвращалась; уже стемнело, и Вивиана приказала другой прислужнице принести снеди, дабы утолить наконец голод, когда возвратилась первая посланница.

— Владычица, — произнесла она, кланяясь. Лицо ее было белым как полотно.

В горле у Вивианы стеснилось, и в силу неведомой причины она вспомнила, как давным-давно одна из жриц, во власти безысходного отчаяния, произведя на свет нежеланное дитя, повесилась на собственном поясе на дубу в священной роще. *«Моргейна! Не об этом ли предостерегала меня Старуха Смерть? Неужто она способна наложить на себя руки?»*

— Я приказывала привести ко мне госпожу Моргейну, — пересохшими губами проговорила она.

— Владычица, я не в силах.

Вивиана поднялась с места, лицо ее внушало ужас. Молодая жрица отпрянула назад так стремительно, что едва не упала, наступив на собственную юбку.

— Что с госпожой Моргейной?

— Владычица, — пролепетала молодая женщина. — Она... ее нет в комнате, и я повсюду о ней спрашивала. А в спальне ее я нашла... нашла вот это. — Жрица протянула Вивиане накидку, тунику из оленьей кожи, серебряный полумесяц и маленький серповидный нож, врученный Моргейне при посвящении. — А на берегу мне сказали, что она призвала ладью и уплыла на большую землю. Гребцы решили, она отбыла по твоему приказу.

Вивиана глубоко вдохнула и забрала у прислужницы нож и полумесяц. Поглядела на расставленную на столе снедь, и тут на нее накатила неодолимая слабость. Владычица села, поспешно откусила хлеба, запила его водою из Священного источника. И наконец промолвила:

— Твоей вины в том нет. Прости, что я говорила с тобою резко.

Вивиана встала, держа в руке маленький нож Моргейны, и впервые в жизни, глядя на пульсирующую у запястья вену, подумала, как легко провести по ней лезвием, а потом смотреть, как струей вытекает жизнь. «*Вот тогда бы Старуха Смерть пришла за мной, а не за Моргейной. Если ей нужна кровь, пусть забирает мою*». Но Моргейна оставила нож, она не повесится и вены себе не взрежет. Конечно же, она отправилась к матери — за советом и утешением. В один прекрасный день Моргейна вернется, а если нет — все в руках Богини.

Снова оставшись в одиночестве, Вивиана вышла из дома и в бледном мерцании народившейся луны поднялась по тропе к своему зеркалу.

«*Артур коронован и провозглашен королем, — думала она, — свершилось все, ради чего я трудилась последние двадцать лет. Однако же вот я одна: брошена, осиротела. Да свершится надо мною воля Богини, но только дозволь мне еще раз взглянуть в лицо моей дочери, моего единственного дитяти, прежде чем я умру, дозволь мне узнать, что с нею все будет хорошо. Матерь, заклинаю тебя твоим именем*».

Но поверхность зеркала явила взгляду лишь безмолвие и тени, а позади и одновременно пронзая их насквозь, блестел меч в руках ее родного сына, Балана.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«*Приземистые смуглые гребцы на меня даже не взглянули толком, они привыкли, что Вивиана приходит и уходит в одежде по своему выбору, любой поступок жрицы в их глазах был вполне оправдан. Ни один не дерзнул заговорить со мною, что до меня, я упорно глядела в сторону внешнего мира.*

Я могла бы бежать с Авалона по тайной тропе. А так, раз я воспользовалась ладьей, Вивиана непременно узнает, что я уехала... но даже себе самой я боялась признаться, какой страх внушает мне

тайная тропа: что, если дорога уведет меня не к большой земле, а в ту неведомую страну, где растут невиданные цветы и деревья, не тронутые рукой человеческой, и вовеки не светит солнце, а насмешливый взгляд женщины-фэйри насквозь пронзает мне душу. Травы и сейчас были при мне, в крохотном мешочке у пояса, но, едва ладья, направляемая безмолвными веслами, вошла в марево над Озером, я развязала мешочек и высыпала содержимое в воду. Мне померещилось, будто под водой что-то блеснуло, точно мимолетная тень... не то золото, не то драгоценный камень, но я отвернулась: ведь гребцы ждали, чтобы я призвала туманы.

Отвергнутый мною Авалон остался позади, прекрасный Остров сиял в рассветных лучах, но я не обернулась, чтобы взглянуть в последний раз на Холм или кольцо камней.

Я не буду более орудием в руках Вивианы, не дам брату сына во исполнение некоего тайного замысла Владычицы Озера. Почему-то я ни на минуту не сомневалась в том, что разрешусь сыном. Знай я, что произведу на свет девочку, я бы осталась на Авалоне и подарила Богине дочь — дочь, которую должна была ее святилищу. Никогда за все последующие годы не переставала я жалеть о том, что Богиня послала мне сына, а не дочь, которая служила бы ей в храме и священной роще.

И вот в последний раз, как мне тогда казалось, произнесла я слова заклятия, и туманы отступили, и мы пристали к берегу Озера. Мне казалось, я пробуждаюсь от долгого сна. Некогда, впервые увидев Авалон, я спросила: «А он настоящий?», и Вивиана ответила мне: «Куда более настоящий, чем любое другое место». Но теперь остров утратил реальность. Я глядела на унылые тростники и думала: вот это — настоящее, а годы, проведенные на Авалоне, лишь сон, не более; сон померкнет и растает, и я наконец проснусь.

Шел дождь, холодные капли с плеском падали в Озеро. Я накинула на голову капюшон плотного плаща, ступила на самый что ни на есть настоящий берег, мгновение помедлила, глядя, как ладья вновь растаяла в туманах, и решительно повернула прочь.

Я твердо знала, куда направлюсь. Не в Корнуолл, нет, хотя всей душой тосковала я по земле моего детства, и протяженным каменным кряжам, уходящим далеко в темное море, и по глубоким, тенистым лощинам между сланцевыми утесами, и по любимой, полузабытой береговой линии Тинтагеля. Игрейна с радостью приняла бы меня. Но она жила в покое и благоденствии в пределах монастырских стен, и мне не хотелось ее тревожить. Не помышляла я и о том, чтобы отправиться к Артуру, хотя я ни минуты не сомневалась в том, что он пожалеет и приютит меня.

Богиня навязала нам свою волю. И я тоже отчасти сожалела о том, что произошло тем утром: то, что мы совершили как Бог и Богиня, было предписано обрядом, но то, что случилось на рассвете, произошло ради нас двоих. Но и здесь все вышло так, как угодно

Богине. Лишь человеческий род различает родство и узы крови, звери ничего подобного не ведают, а, в конце концов, мужчина и женщина тоже принадлежат к звериному царству. Но ради Артура я все сокрою, он вовеки не узнает о том, что зачал сына, совершив то, что в его представлении страшный грех.

Что до меня, я среди священников не воспитывалась и страха перед ними не испытываю. Дитя в моем чреве — это я решила твердо — зачато не смертным мужем. Его послал мне Увенчанный Рогами, как то и подобает в случае первого ребенка посвященной жрицы.

И я направилась на север, не устрашась долгого пути через болота и топи, и добралась наконец до королевства Оркнейского и прибыла к родственнице моей Моргаузе».

Книга II

ВЕРХОВНАЯ КОРОЛЕВА

Глава 1

Далеко на севере, во владениях Лота Оркнейского, на болотах лежал глубокий снег; и зачастую даже в полдень все тонуло в сумеречном тумане. В те редкие дни, когда светило солнце, мужчины выбирались на охоту, но женщины так и сидели взаперти в четырех стенах. Моргауза лениво крутила веретено — она ненавидела прясть ничуть не меньше, чем в детстве, однако для рукоделия более изящного в комнате было слишком темно. Из открытой двери потянуло стылым сквозняком, и она подняла взгляд.

— Послушай, Моргейна, тут и без того слишком холодно, и ты сама все время жалуешься, что мерзнешь: теперь, никак, нас всех в сосульки превратить решила? — мягко упрекнула она.

— Я вовсе не жаловалась, — возразила Моргейна. — Я разве сказала хоть слово? В комнате душно, точно в нужнике, да в придачу еще дым этот вонючий. Я всего лишь подышать хочу — и только-то! — Молодая женщина захлопнула дверь и возвратилась к огню, потирая руки и дрожа всем телом. — С середины лета я, почитай, так и не согрелась ни разу.

— Вот уж не удивляюсь, — отозвалась Моргауза. — Этот маленький нахлебник вытягивает из твоих костей весь жар: ему уютно и тепло, а мать трясется от холода. Так оно всегда бывает.

— По крайней мере зимнее солнцестояние миновало, светает нынче раньше, а темнеет — позже, — промолвила одна из прислужниц Моргаузы. — И, может статься, уже через пару недель ваш младенчик будет с вами...

Моргейна не ответила. Вся дрожа, она склонилась над огнем и терла, терла руки — словно пытаясь унять боль. «А ведь девочка похожа на собственный призрак», — подумала про себя Моргауза, черты лица заострились, истончились до смертельной прозрачности, костлявые, точно у скелета, руки резко контрастируют с выпирающим животом. Под глазами залегли огромные темные круги, веки покраснели, точно опухли от долгих рыданий; однако за все те месяцы, что Моргейна пробыла под ее кровом, Моргауза ни разу не видела, чтобы молодая женщина пролила хотя бы слезинку.

«Я бы охотно ее утешила, но как, если она не плачет?»

На Моргейне было старое платье самой Моргаузы: выгоревшее, истрепавшееся одеяние темно-синего цвета и гротескно длинное в придачу. Смотрелось оно ужасно; Моргаузу выводило из себя, что родственница даже не потрудилась взять иголку с ниткой и хоть как-нибудь подшить подол. Ишь, лодыжки-то как распухли, так и выпирают из башмаков; а все потому, что в это время года никакой иной еды, кроме соленой рыбы и жестких, безвкусных овощей, нет. Все в замке нуждались в свежей пище, да только в такую погоду взять ее неоткуда. Впрочем, может статься, мужчинам повезет на охоте, и ей удастся заставить Моргейну поесть только что добытого мяса; сама выносившая четырех детей, Моргауза знала об истощении последних месяцев беременности отнюдь не понаслышке. Однажды, припомнила она, еще будучи брюхата Гавейном, она отправилась в маслодельню и поела там глины из запасов для отбеливания. Одна старая повитуха некогда рассказывала ей: если беременную женщину тянет на подобные странности, это значит, что на самом деле того требует дитя, и должно накормить его тем, что ему мило. Может статься, завтра у горного ручья удастся собрать свежих трав: беременным женщинам они всегда в охотку, особенно затянувшейся зимой, как вот сейчас.

Роскошные темные пряди Моргейны спутались, коса растрепалась — похоже на то, что молодая женщина не причесывалась и не заплетала волосы вот уже много недель. А Моргейна тем временем отошла от огня, взяла с полки гребень, подхватила на руки одну из комнатных собачек Моргаузы и принялась ее расчесывать. «Лучше бы собой занялась!» — в сердцах подумала Моргауза, но промолчала. Последнее время гостья ее сделалась такой раздражительной, что лучше было вообще с нею не заговаривать. «Впрочем, чему тут удивляться, срок-то ее подходит», — подумала хозяйка, наблюдая, как гребень в исхудавших пальцах молодой женщины продирается сквозь спутанную шерстку. Песик тявкнул, заскулил, Моргейна поспешила его успокоить — за последнее время она ни с кем из людей не разговаривала столь мягко.

— Уже скоро, Моргейна, — утешающе промолвила Моргауза. — К Сретенью ты уже разрешишься.

— Дождаться не могу. — Моргейна погладила песика и опустила его на землю. — Ну вот, дружок, теперь тебе не стыдно находиться в дамском обществе... ну, и хорош же ты, а шерстка ровная да гладкая!

— Разведу-ка я огонь, — проговорила прислужница по имени Бет, откладывая веретено и засовывая прялку в корзину с шерстью. — Мужчины вот-вот вернутся — уж и стемнело. — Она направилась к очагу, по дороге споткнулась о валяющуюся без дела деревяшку и едва не упала. — Гарет, маленький негод-

ник, а ну, убери весь этот мусор! — Бет швырнула палку в костер, и пятилетний Гарет, что раскладывал прутья вокруг себя и что-то им вполголоса втолковывал, возмущенно завопил: дескать, палки — это его армия!

— Но, Гарет, ведь сейчас ночь, армии пора разойтись по шатрам, — живо отозвалась Моргауза.

Надувшись, малыш затолкал палки и прутья в угол, но деревяшку-другую заботливо спрятал в складках туники: эти были потолще; несколько месяцев назад Моргейна вырезала для мальчика из дерева грубое подобие воинов в доспехах и шлемах, а туники им выкрасила красным ягодным соком.

— Моргейна, а вырежи мне еще одного римского рыцаря!

— Не сейчас, Гарет, — возразила молодая женщина. — У меня руки немеют от холода. Может быть, завтра.

Мальчик подошел ближе, к самым ее коленям.

— А когда мне разрешат поехать на охоту с отцом и Агравейном, как взрослому? — сердито нахмурившись, вопросил он.

— Ну, пожалуй, еще несколько лет придется подождать, — улыбнулась Моргейна. — Ты подрасти сперва немножко, а то, того и гляди, в сугробе утонешь!

— Я большой! — объявил мальчик, выпрямляясь в полный рост. — Смотри, когда ты сидишь, я даже выше тебя! — Он с досадой пнул табурет. — А тут вообще делать нечего!

— Ну, — предложила Моргейна, — скажем, я могла бы научить тебя прясть: чем не занятие? — Она подобрала заброшенное прислужницей веретено и протянула мальчику, но тот состроил гримасу и отпрянул назад.

— Я буду рыцарем! Рыцарям прясть незачем!

— Очень жаль, — хмуро встряла Бет. — Небось не изводили бы столько плащей да туник, кабы знали, сколько труда стоит их сделать!

— И однако же, если верить легенде, был на свете один рыцарь, которому прясть приходилось, — промолвила Моргейна, протягивая малышу руки. — Иди-ка сюда. Нет-нет, Гарет, садись-ка лучше на скамью, ты ныне и впрямь слишком тяжел, и на коленях, точно младенца грудного, я тебя не удержу. Так вот: в стародавние времена, еще до прихода римлян, жил один рыцарь по имени Ахилл, и лежало на нем проклятие: старуха-колдунья предсказала как-то его матери, что он погибнет в бою, так что мать нарядила сына в юбку и спрятала среди женщин, и пришлось ему выучиться ткать и прясть и перенять все прочие умения, подобающие юной деве.

— А погиб ли он в битве?

— Еще как погиб! Когда осадили город Трою, всех рыцарей и воинов созвали к ее стенам, и Ахилл отправился на войну вместе с прочими и оказался лучшим из рыцарей. Еще рассказывают,

что ему предложили выбор: либо он благополучно доживет до седых волос и умрет стариком в собственной постели и все о нем позабудут, либо жизнь его будет коротка и погибнет он молодым, в расцвете славы; и Ахилл предпочел славу; так о нем и по сей день повествуют сказания. Он сразился с одним троянским рыцарем по имени Гектор — Экторий по-нашему...

— С тем самым сэром Эктором, что воспитал короля нашего Артура? — изумленно уточнил мальчуган.

— Конечно же, нет; ведь это все случилось много сотен лет назад; но, может статься, то был один из его предков.

— Когда я отправлюсь ко двору и стану одним из Артуровых соратников, я буду первым воином в бою и возьму все награды на ристалище, — объявил Гарет. Глаза его размерами напоминали блюдца. — А что сталось с Ахиллом?

— Не помню... эту легенду я слышала очень давно, еще при дворе Утера, — отозвалась Моргейна, потирая ладонями спину, как если бы у нее болело и там.

— Моргейна, а расскажи мне про Артуровых рыцарей. Ты ведь Ланселета своими глазами видела, правда? Я тоже видел — на коронации. А он драконов убивал? Моргейна, ну, расскажи...

— Не досаждай ей, Гарет; Моргейне нездоровится, — одернула мальчика Моргауза. — Ну-ка, беги на кухню; глядишь, там для тебя лепешка найдется.

Малыш недовольно надулся, однако достал из складок туники своего деревянного рыцаря и побрел прочь, вполголоса с ним беседуя:

— Итак, сэр Ланселет, отправимся-ка мы в путь и перебьемка мы в Озере всех драконов до единого...

— Этот только о войне и битвах толкует, — досадливо проговорила Моргауза, — да еще о своем ненаглядном Ланселете: будто мало мне, что Гавейн уехал на войну вместе с Артуром! Надеюсь, когда Гарет повзрослеет, в земле воцарится мир!

— Да, мир воцарится, — отрешенно промолвила Моргейна, — да только это все равно, потому что он погибнет от руки лучшего друга...

— Что? — воскликнула Моргауза, глядя на нее во все глаза, но отсутствующий взгляд молодой женщины ровным счетом ничего не выражал. Моргейна мягко встряхнула собеседницу за плечи:

— Моргейна! Моргейна, тебе недужится?

Моргейна заморгала, покачала головой:

— Прости... что ты сказала?

— Что *я* сказала? Скорее, что такое ты сказала *мне*? — подступилась было к гостье Моргауза, но в глазах молодой женщины отражалось такое неизбывное горе, что по коже Лотовой супруги пробежали мурашки. Она погладила гостью по руке, списав

мрачные речи на бред и беспамятство. — Ты, похоже, просто-напросто задремала с открытыми глазами. — Моргаузе очень не хотелось верить в то, что, возможно, на краткий миг к Моргейне пришло Зрение. — Нельзя так себя изводить, Моргейна; ты почти не ешь и не спишь вовсе...

— От еды меня тошнит, — вздохнула молодая женщина. — Ох, будь сейчас лето, я бы не отказалась от фруктов... прошлой ночью мне снилось, что я ем яблоки Авалона... — Голос ее дрогнул, Моргейна опустила голову так, чтобы Моргауза не заметила повисших на ресницах слез, стиснула руки и сдержала непрошеные рыдания.

— Всем нам опротивели соленая рыба и копченая свинина, — отозвалась Моргауза, — но если Лоту повезло на охоте, надо бы тебе подкрепиться свежим мясом... — «*На Авалоне Моргейну научили не обращать внимания на голод, жажду и усталость,* — подумала про себя хозяйка замка, — *и теперь, когда она на сносях и могла бы дать себе послабление, она словно гордится, терпя лишения и ни словом не жалуясь*».

— Ты — обученная жрица, Моргейна, и к воздержанию тебе не привыкать, но ребенку твоему голод и жажду выносить трудно, и сама ты слишком исхудала...

— Не насмехайся надо мной! — яростно отозвалась Моргейна, указывая на свой огромный, выпяченный живот.

— Но руки и лицо у тебя — просто кожа да кости, — промолвила молодая женщина. — Нельзя тебе морить себя голодом; ты носишь дитя, хоть о нем бы подумала!

— Я задумаюсь о его благополучии, когда он задумается о моем! — отпарировала Моргейна, резко вставая, но Моргауза, завладев ее руками, заставила ее вновь опуститься на скамью. — Милая девочка, уж я-то знаю, каково тебе приходится; я же четверых родила, ты разве забыла? Эти последние несколько дней хуже, чем все долгие месяцы, вместе взятые!

— И ведь не хватило же у меня ума избавиться от него, пока еще было время!

Моргауза открыла было рот, намереваясь одернуть собеседницу, но лишь вздохнула и промолвила:

— Поздно судить да рядить, как следовало поступить и как не следовало; еще дней десять — и все завершится. — Моргауза извлекла из складок туники свой собственный гребень и принялась расплетать спутанную косу гостьи.

— Полно, оставь, — досадливо бросила Моргейна, отстраняясь. — Завтра я сама все сделаю. Уж больно я устала, чтобы об этом задумываться. Но если тебе опротивело иметь перед глазами этакую растрепу, так ладно, давай сюда гребень!

— Сиди спокойно, *леннаван*, деточка, — промолвила Моргауза. — Помнишь, когда ты была совсем маленькой, ты, быва-

ло, звала меня, чтобы я тебя расчесала, потому что твоя няня, — как бишь ее звали?... А, помню: Гвеннис, вот как, — она тебе все волосы выдирала, и ты говаривала: «Пусть лучше тетя Моргауза меня причешет». — Моргауза осторожно распутала колтуны, пропуская сквозь гребень прядь за прядью, и ласково потрепала Моргейну по руке: — У тебя чудесные волосы.

— Темные и жесткие, точно грива пони зимой!

— Нет, мягкие и тонкие, точно черная овечья шерсть, и блестящие, точно шелк, — возразила Моргауза, по-прежнему поглаживая темные пряди. — Сиди смирно, я заплету... Вот всегда я мечтала о девочке, которую могла бы наряжать в красивые платьица и вот так заплетать ей волосы... но Богиня посылала мне одних сыновей, так что почему бы тебе не побыть моей маленькой дочкой — сейчас, когда я тебе нужна... — Моргауза прижала темнокудрую головку к груди, и Моргейна прильнула к ней, вся дрожа, изнывая от непролитых слез. — Ну, полно, полно, маленькая, не плачь, уже недолго осталось... совсем ты себя извела, до чего нужна тебе материнская забота, маленькая ты моя девочка...

— Просто... здесь так темно... до того солнышка хочется...

— Летом солнца нам достается в избытке; даже в полночь еще светло, вот почему зимой его так мало, — промолвила Моргауза. Моргейна по-прежнему сотрясалась от безудержных рыданий; Моргауза крепче прижала ее к груди и принялась мягко укачивать. — Полно, маленькая, полно, *леннаван*, полно; уж я-то знаю, каково тебе... Гавейна я родила в самый темный зимний месяц. Мгла стояла непроглядная, и буря ярилась, вроде как сегодня, а мне было только шестнадцать, и боялась я ужасно — о родах и детях я ровным счетом ничего не знала. Как я тогда жалела, что не осталась на Авалоне жрицей, или при дворе Утера, или где угодно, лишь бы не здесь. Лот вечно воевал где-то в дальних землях, я ненавидела свой огромный живот, меня все время тошнило, и спина ныла, и я была совсем одна-одинешенька среди чужих мне женщин. Хочешь верь, хочешь нет, но только на протяжении всей этой зимы я втихомолку брала к себе в постель свою старую куклу и обнимала ее, засыпая в слезах! Что я была за ребенок! Уж ты-то по крайней мере взрослая женщина, Моргейна.

— Я сама знаю, я слишком стара, чтобы вести себя так по-детски... — с трудом выговорила Моргейна, по-прежнему прижимаясь к Моргаузе, в то время как та ерошила и поглаживала ее волосы.

— А теперь тот самый младенчик, которого я родила, еще не повзрослев толком, уехал сражаться с саксами, — проговорила Моргауза, — а ты, кого я сажала на колени, словно куклу, вот-вот и сама родишь младенчика. Ах да, я ведь помню, что у меня для тебя была хорошая новость: жена повара, Марджед, только

что разрешилась от бремени — то-то нынче утром в овсянке было полным-полно шелухи! — так что вот для твоего чада уже готовая кормилица. Хотя, поверь, как только ты малыша увидишь, ты, конечно же, захочешь кормить его сама.

Моргейна с отвращением поморщилась, и старшая из женщин улыбнулась:

— Вот и мне всякий раз с каждым из сыновей так казалось накануне родов, но стоило мне лишь раз увидеть их личики, и я чувствовала, что ни за что дитя из рук не выпущу. — Молодая женщина ощутимо вздрогнула. — Что такое, Моргейна?

— Спина заныла, слишком долго я сидела, вот и все. — Моргейна нетерпеливо вскочила и принялась расхаживать по комнате туда-сюда, сцепив руки за спиной. Моргауза задумчиво сощурилась: да, за последние дни выпяченный живот гостьи словно сместился ниже; теперь уже и впрямь недолго осталось. Надо бы распорядиться, чтобы в женском покое постелили свежей соломы и велеть повитухам готовиться принимать роды.

Лотовы люди затравили в холмах оленя; тушу разделали, выпотрошили, аромат поджаривающегося над огнем мяса заполнил весь замок, и даже Моргейна не отказалась от куска сырой, сочащейся кровью печенки: по обычаю это яство сберегали для женщин на сносях.

Моргейна передернулась от отвращения, как некогда сама Моргауза, когда, вынашивая каждого из четырех своих сыновей, имела дело с таким угощением, — однако, в точности как Моргауза, Моргейна жадно принялась высасывать кровь: в то время как разум бунтовал, тело требовало пищи. Позже, когда оленина прожарилось и слуги принялись нарезать мясо и разносить его по залу, Моргауза подцепила ломоть и положила его на блюдо племянницы.

— А ну-ка, ешь, — приказала она. — Нет, Моргейна, ослушания я не потерплю; еще не хватало, чтобы ты заморила голодом и себя, и дитя!

— Не могу, — тихо выдохнула молодая женщина. — Меня стошнит... отложи мой кусок в сторону, я попробую поесть позже.

— Что-то не так?

— Не могу есть... оленину... я ее ела на Белтайн, когда... теперь от одного запаха меня мутит, — опустив голову, пробормотала Моргейна.

«*А ведь ребенок этот зачат в Белтайн, у ритуальных костров. Что ее так терзает? Такие воспоминания вроде бы исполнены приятности*», — подумала про себя Моргауза, улыбаясь при мысли о бесстыдной разнузданности Белтайна. Интересно, уж не досталась ли девочка какому-нибудь особенно грубому скоту и не

стала ли жертвой чего-то весьма похожего на насилие: это вполне объясняло бы ее отчаяние и ярость при мысли о беременности. Однако сделанного не воротишь, и Моргейна достаточно взрослая, чтобы понимать: не все мужчины — скоты, даже если однажды она оказалась в руках того, кто неуклюж и неискушен в обращении с женщинами.

Моргауза взяла кусок овсяной лепешки и обмакнула его в растекшийся по блюду мясной сок.

— Тогда съешь вот это: так мясо и тебе пойдет на пользу, — предложила она, — а я заварила тебе чаю из ягод шиповника; он кисловатый, тебе понравится. Помню, когда я сама была на сносях, мне страх как хотелось кисленького.

Моргейна послушно съела лепешку, и, как отметила Моргауза, лицо ее слегка зарумянилось. Отхлебнув кислого напитка, она состроила гримаску, но, однако ж, жадно осушила чашу до дна.

— Мне этот чай не нравится, — промолвила Моргейна, — но вот странно: удержаться я не могу.

— Твой ребеночек до него охоч, — серьезно пояснила Моргауза. — Младенцы во чреве знают, что им на пользу, и требуют этого от нас.

Лот, вольготно развалившийся между двумя своими егерями, благодушно улыбнулся родственнице.

— Староват зверь, да и костист больно, однако для конца зимы ужин из него славный, — промолвил он, — и рад же я, что досталась нам не стельная олениха. Мы двух-трех видели, но я велел своим людям оставить их в покое и даже псов отозвал, — пусть себе спокойно разродятся, а уж я видел, что срок подходит: оленихи ходят тяжелые. — Лот зевнул и подхватил на руки малыша Гарета: щеки малыша лоснились от мясного сока. — Скоро и ты подрастешь и станешь с нами на охоту ездить. И ты, и маленький герцог Корнуольский.

— А кто такой герцог Корнуольский, отец? — полюбопытствовал Гарет.

— Да младенчик же, которого носит Моргейна, — с улыбкой ответствовал Лот, и Гарет уставился на гостью во все глаза.

— Не вижу никакого младенчика. Где твой младенчик, Моргейна?

— В следующем месяце, в это время, я тебе его непременно покажу, — сконфуженно усмехнулась Моргейна.

— Тебе его Весенняя Дева принесет?

— Можно сказать и так, — поневоле улыбнулась Моргейна.

— А разве младенчики бывают герцогами?

— Мой отец был герцогом Корнуольским. Я — его единственное дитя, рожденное в законном браке. Когда Артур стал ко-

ролем, он отдал Тинтагель Игрейне; замок перейдет от нее ко мне и моим сыновьям, если, конечно, они у меня будут.

«А ведь ее сын стоит ближе к трону, чем мой Гавейн, — подумала про себя Моргауза, глядя на юную родственницу. — *Я — родная сестра Игрейны, а Вивиана — лишь единоутробная, так что Гавейн приходится королю родичем более близким, чем Ланселет. Но сын Моргейны будет Артуру племянником. Интересно, подумала ли об этом Моргейна?»*

— Тогда, Моргейна, конечно, твой сын — и впрямь герцог Корнуолла...

— Может, это герцогиня... — вновь улыбнулась Моргейна.

— Нет, я уж по животу твоему вижу, низкому и широкому, — носишь ты мальчика, — возразила Моргауза. — Я родила четверых, да и на прислужниц брюхатых насмотрелась... — Она одарила Лота ехидной усмешкой. — Мой супруг весьма серьезно воспринимает древнюю заповедь о том, что король — отец своего народа.

— Думается мне, законным сыновьям от моей королевы побольше сводных братьев не помешает, — добродушно отшутился Лот. — Спина открыта, если брата рядом нет, гласит присловье, а сыновей у меня много... А что, родственница, не возьмешь ли арфу и не сыграешь ли нам?

Моргейна отодвинула от себя остатки пропитанной мясным соком лепешки.

— Уж больно много я съела, чтобы петь, — нахмурилась она и вновь принялась мерить шагами зал, заложив руки за спину. Подошел Гарет и потянул ее за юбку.

— Спой мне, Моргейна, ну, пожалуйста. Спой ту песню про дракона.

— Не сегодня: она слишком длинная, а тебе уже спать пора, — отозвалась молодая женщина, однако послушно подхватила маленькую арфу, что до поры стояла в углу, и присела на скамью. Взяла наугад несколько нот, склонившись над инструментом, настроила одну из струн и заиграла разухабистую солдатскую застольную песню.

Лот и его люди подхватили припев. Эхо хриплых голосов прокатилось под закопченными балками:

Саксы нагрянули полночью,
Все спали, закрыв глаза.
И перебили всех женщин —
Ведь саксу милее коза!

— Готов поручиться, не на Авалоне ты эту песню выучила, родственница, — усмехнувшись, заметил Лот. Моргейна встала убрать арфу.

— Спой еще, — взмолился Гарет, но молодая женщина покачала головой.

— Сейчас не могу: дыхания не хватает. — Она поставила арфу в угол, взялась было за прялку, но спустя минуту-две вновь отложила ее в сторону и опять принялась ходить взад-вперед по залу.

— Да что с тобой, девочка? — осведомился Лот. — Ты сегодня вся издергалась, точно медведь в клетке!

— Спина ноет: видать, слишком долго я сидела, — отозвалась она. — Да и от мяса, что тетушка заставила меня проглотить, живот таки разболелся. — Моргейна вновь заложила руки за спину — и вдруг согнулась пополам, словно тело ее свела судорога. А в следующий миг молодая женщина потрясенно вскрикнула, и Моргауза, не спускающая с нее глаз, заметила, как непомерно длинная юбка разом потемнела и намокла до колен.

— Ох, Моргейна, да ты обмочилась! — закричал Гарет. — Ты ж уже взрослая, чтобы портить платья: моя нянька меня бы за такое прибила!

— Гарет, замолчи! — резко одернула сына Моргауза и подбежала к племяннице. Та стояла, согнувшись пополам; лицо ее полыхало от изумления и стыда.

— Все в порядке, Моргейна, не бойся, — проговорила она, поддерживая молодую женщину под руку. — Вот здесь больно и здесь тоже? Я так и подумала. У тебя схватки начались, вот и все, ты разве не знала?

Впрочем, откуда девочке знать? Это ее первые роды, а к женским сплетням и пересудам Моргейна никогда не прислушивалась, так что с какой бы стати ей разбираться в приметах и признаках? Похоже, ее сегодня весь день одолевали первые боли. Моргауза позвала Бет и приказала:

— Отведи герцогиню Корнуольскую в женский покой и кликни Меган и Бранвен. И распусти ей волосы: ни на ней самой, ни на ее одежде не должно остаться никаких узлов и завязок. — И, поглаживая волосы Моргейны, добавила: — Что бы мне понять это раньше, когда я тебе косу заплетала... я сейчас тоже приду и посижу с тобой, моя Моргейна.

Моргейна, тяжело опираясь на руку прислужницы, побрела прочь. Королева проводила ее взглядом.

— Пойду побуду с ней, — сказала она мужу. — Это ее первые роды; бедная девочка испугается не на шутку.

— К чему такая спешка? — лениво возразил Лот. — Раз роды первые, стало быть, схватки продлятся всю ночь; успеешь еще подержать ее за руку. — Он благодушно улыбнулся жене. — Скора ты впускать в мир Гавейнова соперника!

— Что ты имеешь в виду? — понизив голос, переспросила Моргауза.

— Да всего лишь то, что Артур и Моргейна родились от одной матери, и *ее* сын ближе к трону, чем наш.

— Артур молод, — холодно отрезала Моргауза, — он еще дю-

жиной сыновей обзаведется, ты и глазом моргнуть не успеешь. С чего ты взял, что ему так уж необходим наследник?

— Судьба обманчива, — пожал плечами Лот. — В бою Артур неуязвим — не сомневаюсь, что Владычица Озера и тут руку приложила, чтоб ей пусто было, — а Гавейн беззаветно предан своему королю. Но может случиться и так, что удача от Артура отвернется, и ежели такой день и впрямь настанет, хотелось бы мне быть уверенным, что ближе всех к трону стоит наш Гавейн. Моргауза, подумай хорошенько; с младенцами никогда не знаешь наверняка, выживет он или нет. Пожалуй, тебе стоило бы помолиться Богине, чтобы новорожденный герцог Корнуольский так и не вдохнул ни разу.

— По-твоему, я могу так поступить с Моргейной? Она мне все равно что дочь!

Лот ласково ущипнул жену за подбородок.

— Ты, Моргауза, — любящая мать, и я тому весьма рад. Но очень сомневаюсь, что Моргейне так уж хочется качать на руках младенца. Сдается мне, я слышал, как она жалела о том, что не изгнала плод из чрева...

— Она больна и измучена, — гневно возразила Моргауза. — Думаешь, я не говорила того же, устав таскать неподъемный живот? Да любая женщина твердит то же самое в последние несколько месяцев перед родами!

— И все-таки, если ребенок Моргейны родится мертвым, не думаю, что она станет сильно о том сокрушаться. Да и тебе горевать будет не о чем, вот я к чему веду.

— Она добра к нашему Гарету: мастерит ему игрушки, кукол всяких, сказки рассказывает, — защищала племянницу Моргауза. — Я уверена, что и своему ребенку она станет хорошей матерью.

— Однако ж не в наших интересах и не в интересах нашего сына допустить, чтобы Моргейна видела в своем ребенке Артурова наследника. — Лот обнял жену за талию. — Послушай, радость моя, у нас с тобой четверо сыновей; вот вырастут они — и, того гляди, передерутся: Лотиан — королевство небольшое, в конце-то концов! Но если Гавейн станет Верховным королем, для них всех владения найдутся, и в избытке!

Моргауза медленно кивнула. Лот Артура терпеть не мог, точно так же, как встарь — Утера; но она понятия не имела, что муж ее настолько жесток.

— Ты просишь меня убить новорожденного?

— Моргейна — наша родственница и гостья, — возразил Лот, — и это — священно. Я не решился бы навлечь на себя проклятие, пролив родную кровь. Я всего лишь сказал, что жизнь новорожденных и так висит на волоске, тем паче если не позаботиться о них должным образом, а если роды у Моргейны будут

тяжелые, может, оно и к лучшему, если на младенца времени ни у кого не найдется.

Сжав зубы, Моргауза отвернулась от мужа.

— Мне нужно пойти к племяннице.

Лот улыбнулся ей вслед:

— Хорошенько обдумай, что я сказал, жена моя.

Внизу, в небольшом покое, для женщин уже растопили очаг, над огнем побулькивал котелок с овсянкой, ибо ночь ожидалась долгая. На пол постелили свежей соломы. Моргауза, как все счастливые матери, уже позабыла об ужасах родов, но теперь при виде соломы стиснула зубы и задрожала. Моргейну переодели в свободную рубаху; распущенные волосы рассыпались по спине; опираясь на плечо Меган, она расхаживала по комнате туда-сюда. Во всем этом ощущалось нечто от праздника; воистину, в глазах прочих женщин так оно и было. Моргауза поспешила к племяннице и взяла ее под руку.

— Ну же, походи немного со мной, а Меган пока приготовит свивальники для твоего дитяти, — предложила она. Моргейна подняла взгляд: смотрела она точно дикий зверек, что, запутавшись в силках, безропотно ждет, чтобы рука охотника перерезала ему горло.

— Тетя, это надолго?

— Ну, полно, полно, незачем опережать события, — ласково проговорила Моргауза. — Если хочешь, думай, что схватки у тебя длятся уже почти что целый день, так что теперь дело пойдет быстрее. — Но про себя подумала: «*Тяжко ей придется; она такая крохотная, и ребенок у нее нежеланный; верно, впереди у нее — долгая, мучительная ночь...*»

Но тут Моргауза вспомнила, что гостья обладает Зрением, так что лгать ей бесполезно. Она потрепала племянницу по бледной щеке.

— Ничего, дитя, мы о тебе позаботимся, как должно. С первым ребенком оно всегда непросто — вот ни за что не хотят они покидать уютное гнездышко, — но мы сделаем все, что в наших силах. А кошку в комнату принесли?

— Кошку? Да, кошка здесь, но зачем, тетя?

— Да потому, малышка, что, если тебе доводилось видеть, как кошка котится, ты знаешь: кошки производят на свет малышей, мурлыкая, а не крича от боли, и, может статься, присутствие кошки, которая наслаждается родами, умерит и твою боль, — объяснила Моргауза, поглаживая пушистую зверюшку. — Это такая разновидность родильной магии; пожалуй, на Авалоне о ней не знают. Да, теперь можешь присесть: отдохни малость, подержи на коленях кошку. — В течение недолгой передышки Моргейна гладила мягкую шерстку, но вот она опять согнулась

вдвое от резкой судороги, Моргауза заставила племянницу встать, и та вновь принялась расхаживать взад-вперед по комнате.

— Пока можешь терпеть, ходи: так оно быстрее получится, — наставляла она.

— Я так устала, так устала... — простонала Моргейна.

«Прежде чем все закончится, ты еще не так устанешь», — подумала про себя Моргауза, но вслух не сказала ничего: лишь подошла и обняла молодую женщину за плечи.

— Вот. Обопрись на меня, дитя...

— Ты так похожа на мою мать... — проговорила Моргейна, прижимаясь к Моргаузе; лицо молодой женщины исказилось, словно она вот-вот заплачет. — Ах, если бы мама была здесь... — Моргейна закусила губу, словно сожалея о мгновении слабости, и медленно побрела через битком набитую женщинами комнату: туда-сюда, туда-сюда...

Часы ползли медленно. Кто-то из женщин уснул, но на их место заступили другие; прислужницы по очереди ходили с Моргейной взад-вперед, а та, по мере того как шло время, пугалась и бледнела все больше. Солнце взошло, но повитухи так и не разрешили Моргейне лечь на солому, хотя измученная роженица спотыкалась на каждом шагу и с трудом переставляла ноги. То она говорила, что ей холодно, и куталась в теплый меховой плащ, а то отбрасывала его от себя, жалуясь, что вся горит. Снова и снова ее тошнило и рвало; наконец, в желудке ничего уже не осталось, кроме зеленой желчи; но рвота не прекращалась, хотя женщины поили ее горячими травяными настоями, и Моргейна жадно проглатывала дымящуюся жидкость. Но вскоре снова начиналась рвота, и Моргауза, не сводя с родственницы глаз и обдумывая слова Лота, размышляла про себя: *«Какая разница, чего она сделает и чего не сделает... Возможно, Моргейне вообще не суждено пережить этих родов»*.

Наконец молодая женщина не могла сделать больше ни шагу, и ей разрешили лечь; Моргейна хватала ртом воздух и закусывала губы; приступы боли накатывали все чаще. Моргауза опустилась на колени рядом с нею и взяла ее за руку. Часы шли. Полдень давно минул; спустя какое-то время Моргауза тихо спросила:

— А что, он... ну, отец ребенка... был заметно крупнее тебя? Иногда, когда дитя так долго не появляется на свет, это означает, что ребенок пошел в отца и для матери слишком велик.

«Но кто все-таки отец ребенка?» — гадала про себя Моргауза, как много раз до того. Она видела, как в день коронации Артура племянница смотрела на Ланселета; если Моргейна и впрямь забеременела от него, тогда понятно, отчего Вивиана настолько разъярилась, что бедняжке Моргейне пришлось бежать с Авалона... За все эти месяцы Моргейна ни словом не объяснила

причины своего ухода из храма, а про ребенка сказала лишь, что он зачат у костров Белтайна. А ведь Вивиана надышаться не могла на Моргейну; уж, наверное, она не допустила бы, чтобы та обзавелась ребенком от кого попало...

Но если Моргейна, восстав против предначертанной ей судьбы, взяла в возлюбленные Ланселета или соблазнила его, заманив в рощу Белтайна, тогда чему удивляться, если жрице, которую Вивиана, Владычица Озера, избрала в преемницы, пришлось бежать с Авалона.

— Я не видела его лица; он пришел ко мне как Увенчанный Рогами, — только и ответила Моргейна. И Моргауза, обладающая малой толикой Зрения, поняла: молодая женщина лжет. Но почему?

Часы шли. Улучив минуту, Моргауза вышла в главный зал, где люди Лота играли в бабки. Лот наблюдал; одна из Моргаузиных прислужниц — та, что помоложе, — устроилась у него на коленях, сам он рассеянно трепал рукою ее грудь. Завидев входящую Моргаузу, девица опасливо подняла глаза и собралась уже слезать, но Моргауза лишь пожала плечами.

— Да сиди уж; среди повитух ты не нужна, а нынешнюю ночь, по крайней мере, я проведу со своей родственницей; некогда мне оспаривать у тебя место в его постели. Вот завтра — дело другое.

Девица потупилась; щеки ее заполыхали алым.

— Как там Моргейна, солнышко? — спросил Лот.

— Плохо, — отозвалась Моргауза. — Я-то рожала куда легче. — И в ярости воскликнула: — Это ты накликал беду на мою родственницу, пожелав, чтобы она умерла родами?

Лот покачал головой:

— В этом королевстве заклятьями и магией владеешь ты, госпожа. А Моргейне я зла не желаю. Господь свидетель, жаль, если хорошенькая женщина пропадает ни за что, ни про что; а Моргейна куда как мила, хотя и языкаста. Хотя это, по чести говоря, у нее семейное, верно, солнышко? Да ведь блюдо только вкуснее, если соли добавить...

Моргауза тепло улыбнулась мужу. Пусть себе Лот развлекается в постели с пригожими девицами (а красотка на коленях — лишь одна из многих), молодая женщина знала, сколь хорошо подходит своему королю.

— Мама, а где Моргейна? — спросил Гарет. — Она обещала, что сегодня вырежет мне еще одного игрушечного рыцаря!

— Моргейне недужится, сыночек. — Моргауза вдохнула поглубже, снова изнывая от беспокойства.

— Скоро она поправится, — заверил сынишку Лот, — и у

тебя будет маленький кузен, товарищ для игр. Он станет тебе приемным братом и другом; присловье гласит, что родственные узы сохраняют силу в трех поколениях, а узы приемной семьи — в семи; а поскольку сынок Моргейны связан с тобою и так, и этак, он будет для тебя больше, чем родной брат.

— Другу я порадуюсь, — молвил Гарет. — Агравейн надо мной насмехается и зовет меня глупым, говорит, что для деревянных рыцарей я уже слишком большой!

— Ну, так сынок Моргейны станет тебе другом, как только чуть-чуть подрастет, — заверила Моргауза. — Сперва он будет все равно что щенок, у которого и глазки-то еще не прорезались, но через год-другой ты уже сможешь с ним играть. Богиня внемлет молитвам малых детей, сынок, так что помолись Богине, чтобы она тебя услышала и дала Моргейне и крепкого сына, и здоровье, а не пришла к ней в обличье Старухи Смерти... — И неожиданно для себя самой Моргауза разрыдалась. Гарет потрясенно глядел на плачущую мать.

— Что, любовь моя, все так плохо? — спросил Лот.

Моргауза кивнула. Но для чего пугать ребенка? Она утерла глаза юбкой.

Гарет поднял глаза к потолку и произнес:

— Дорогая Богиня, пожалуйста, пошли кузине Моргейне крепкого сыночка, чтобы мы росли с ним вместе и вместе стали бы рыцарями.

Против воли рассмеявшись, Моргауза погладила пухлую щечку.

— Такую молитву Богиня наверняка услышит. А теперь мне надо вернуться к Моргейне.

Но, выходя из зала, она ощутила на себе взгляд Лота и вспомнила, что он втолковывал ей раньше: дескать, всем будет лучше, если ребенок Моргейны не выживет.

«*Если Моргейна выйдет живой из этого испытания, я уже буду рада*», — подумала про себя Моргауза и едва ли не в первый раз пожалела, что так мало знает о могущественной магии Авалона, — теперь, когда так нуждается в заговоре или заклятии, способном облегчить муки Моргейны. Девочке так тяжко, так невыносимо тяжко; ее собственные роды с этими страданиями ни в какое сравнение не идут...

Моргауза возвратилась в женский покой. Теперь повитухи поставили Моргейну на колени и заставили выпрямиться, чтобы облегчить ребенку выход из чрева, но роженица повисала у них на руках, точно безжизненная кукла, и двум прислужницам приходилось удерживать ее в вертикальном положении. Моргейна то вскрикивала, хватая ртом воздух, а то закусывала губу, подавляя крики и призывая на помощь все свое мужество. Моргауза опустилась на колени рядом с нею на сбрызнутую кровью соло-

му и протянула к племяннице руки; Моргейна вцепилась в них, глядя на родственницу и словно не узнавая.

— Мама! — закричала она. — Мама, я знала, что ты придешь...

И вновь лицо ее исказилось; молодая женщина запрокинула голову, рот ее разверзся в немом крике.

— Поддержи ее, госпожа, — промолвила Меган, — нет, сзади, вот так, чтобы она выпрямилась...

И Моргауза, подхватив роженицу под руки, почувствовала, как та дрожит, тужится, всхлипывает, слепо сопротивляется, тщась высвободиться. Моргейна уже не в силах была помогать повитухам или хотя бы позволить им спокойно делать свое дело; она громко кричала, стоило к ней прикоснуться. Моргауза зажмурилась, не желая ничего видеть, изо всех сил удерживая хрупкое, бьющееся в конвульсиях тело роженицы. Та снова вскрикнула: «Мама! Мама!» Моргауза не знала, зовет ли та Игрейну или призывает Богиню. А в следующий миг молодая женщина обессиленно откинулась назад, в объятия Моргаузы, словно потеряв сознание; в комнате стоял острый запах крови, а Меган торжествующе подняла на руках нечто темное и сморщенное.

— Взгляни, госпожа Моргейна, славного сыночка ты родила, — промолвила она, и, наклонясь к новорожденному, подула ему в ротик. Ответом ей был пронзительный, негодующий вопль: крик новорожденного, исполненный возмущения против холодного мира, в котором он вдруг оказался.

Но Моргейна обессиленно повисла на руках у Моргаузы, измученная до смерти, и не смогла даже открыть глаза, чтобы взглянуть на свое дитя.

Младенца выкупали и запеленали; Моргейна выпила чашку горячего молока с медом и с травами, останавливающими кровотечение, и теперь устало дремала. Она не пошевелилась даже тогда, когда Моргауза, наклонившись, легонько поцеловала ее в лоб.

«Она не умрет, она исцелится» — думала Моргауза. В жизни своей она не видела, чтобы после родов столь тяжелых остались в живых и мать, и дитя. А по словам повитухи, после всего, что пришлось сделать, дабы сохранить жизнь ребенку, Моргейна вряд ли родит другого. Что, пожалуй, и к лучшему, решила про себя Моргауза.

Она взяла запеленутого младенца на руки, вгляделась в крохотное личико. Дышал он вроде бы ровно, хотя порою случалось и так, что, если новорожденный не закричал сразу и приходилось подуть ему в рот, спустя какое-то время дыхание опять пре-

рывалось, и дитя умирало. Но у этого нездоровой бледности и в помине нет, даже крохотные ноготочки розовые. Волосенки темные и совершенно прямые; крохотные ручки и ножки покрыты легким темным пушком... да, и этот тоже дитя-фэйри, в точности как сама Моргейна. Чего доброго, он и впрямь сын Ланселета и, значит, вдвойне ближе к Артурову трону.

Ребенка нужно немедленно отдать кормилице... и тут Моргауза заколебалась. Вне всякого сомнения, Моргейна, как только немного отдохнет, захочет сама взять на руки и покормить свое дитя; так оно всегда бывает, неважно, трудные были роды или нет. И чем тяжелее дались они матери, тем больше она радуется, нянча своего малыша; чем мучительнее борьба, тем с большей любовью и ликованием она приложит ребенка к груди.

И тут, вопреки собственной воле, она припомнила слова Лота. *«Я хочу увидеть на троне Гавейна, но это дитя стоит у него на пути»*. Когда Лот обращался к ней, она не желала ничего слушать, но теперь, с ребенком на руках, Моргауза, сама того не желая, подумала про себя, что, если ребенка заспит кормилица или он окажется слишком слаб, чтобы взять грудь, большой беды в том не будет. А если Моргейна так ни разу и не подержит его и не покормит, огорчится она не то чтобы сильно; ежели такова воля Богини, чтобы ребенок умер...

«Я всего лишь хочу избавить ее от лишних страданий...»

Дитя Моргейны и, возможно, от Ланселета; а ведь оба принадлежат к древнему королевскому роду Авалона... если с Артуром случится беда, люди усмотрят в мальчике наследника трона.

Вот только ей неизвестно доподлинно, от Ланселета ли этот ребенок.

И хотя родила Моргауза четырех сыновей, Моргейна — та самая маленькая девочка, которую она ласкала, наряжала и баловала, точно куклу, и носила на руках, и расчесывала ей волосы, и купала ее, и дарила ей подарки. Сможет ли она так поступить с ребенком Моргейны? И кто сказал, что Артур не обзаведется дюжиной сыновей от своей королевы, уж кто бы она ни была?

Но сын Ланселета... да, сына Ланселета она бы обрекла на смерть, не моргнув и глазом. Ланселет Артуру — ничуть не более близкая родня по крови, чем Гавейн, однако ж Артур предпочитает Ланселета, всегда и во всем обращается к нему, ни к кому другому. Точно так же, как она сама всегда оставалась в тени Вивианы, — никому не нужная, обойденная сестра, которую в королевы никогда не выберут, — Моргауза так и не простила Вивиане того, что та назначила для Утера Игрейну, — вот так же и беззаветно преданному Гавейну суждено вечно прозябать в тени более яркого Ланселета. А если Ланселет лишь играл с чувствами

10 – 7612

Моргейны или обесчестил ее — тем больше причин его ненавидеть.

Ибо с какой бы стати Моргейне рожать Ланселетова бастарда втайне и безутешно горюя? Или Вивиана решила, что ее ненаглядный сынок слишком хорош для Моргейны? От внимания Моргаузы не укрылось, что на протяжении всех этих бесконечно долгих месяцев девочка украдкой проливала слезы: итак, она брошена и оплакивает свою любовь?

«Вивиана, будь она проклята, играет в чужие жизни, точно в бабки! Не она ли бросила Игрейну в объятия Утера, ни на миг не задумавшись о Горлойсе; не она ли увезла Моргейну на Авалон; теперь она надумала разбить жизнь и Моргейне тоже?»

Если бы только убедиться наверняка, что ребенок — действительно от Ланселета!

Видя, как Моргейна мучается схватками, Моргауза жалела о том, что не обладает могущественной магией, способной облегчить роды; вот и теперь она сокрушалась о том, что в магии почти не смыслит. Живя на Авалоне, она не проявляла интереса к друидической мудрости, да и упорством не отличалась. Однако же, будучи Вивиановой воспитанницей, она перенимала то одно, то другое у жриц, ласкавших ее и баловавших; а те, добродушно, как бы между делом, — так взрослый потакает ребенку, — показывали ей заклинания и магические действа попроще.

Ну что ж, вот теперь-то она ими и воспользуется. Моргауза заперла двери покоя и заново разожгла огонь; срезала три волоска от шелковистого пушка на головке ребенка и, склонившись над спящей Моргейной, отстригла несколько волосков и у нее. Уколола шпилькой пальчик младенца и тут же принялась его укачивать, унимая пронзительные вопли; а затем, бросив в огонь тайные травы и волосы, смешанные с кровью, прошептала некогда подсказанное ей слово и уставилась в пламя.

Дыхание у нее перехватило. В гробовой тишине пламя вспыхнуло и угасло, и на мгновение взгляду ее открылось лицо — совсем юное, в обрамлении светлых волос; на лицо падала тень от рогов, а синие глаза, так похожие на Утеровы, казались совсем темными...

Моргейна не погрешила против истины, когда сказала, что этот мужчина явился ей в обличье Увенчанного Рогами бога; и все-таки солгала... Моргауза могла бы и сама догадаться. Итак, для Артура накануне коронации был устроен Великий Брак. Входило ли в замысел Вивианы еще и это: ребенок, рожденный от двух королевских родов?

Позади послышался чуть слышный шорох. Моргауза вскинула глаза: Моргейна с трудом поднялась на ноги и теперь стояла, вцепившись в спинку кровати. Лицо ее было бледнее смерти. Губы ее едва двигались; но взгляд темных, глубоко запавших

от пережитых страданий глаз скользнул от огня к колдовским предметам на полу перед очагом.

— Моргауза, — потребовала она, — пообещай мне, — если любишь меня, пообещай, — что ни слова об этом не скажешь ни Лоту, и никому другому! Обещай, или я прокляну тебя всеми ведомыми мне проклятиями!

Моргауза уложила дитя в колыбель, обернулась к Моргейне, взяла ее под руку и повела назад к постели.

— Ну же, приляг, отдохни, маленькая, мы это все непременно обсудим. Артур! Почему? Это Вивиана постаралась?

— Обещай, что будешь молчать! — твердила Моргейна, возбуждаясь все больше. — Обещай, что никогда больше об этом не заговоришь! Обещай! Обещай! — Глаза ее исступленно блестели. Глядя на нее, Моргауза испугалась, что та доведет себя до лихорадки.

— Моргейна, дитя...

— Обещай! Или я проклинаю тебя силой ветра и огня, моря и камня...

— Нет! — оборвала ее Моргауза, завладев руками собеседницы в попытке ее успокоить. — Смотри: я обещаю, я клянусь!

Никаких клятв ей приносить не хотелось. «*Надо было отказаться, надо было все обговорить с Лотом...*» — думала она. Но теперь поздно: она уже поклялась... А Моргаузе совсем не хотелось испытать на себе силу проклятия жрицы Авалона.

— А теперь приляг, — тихо проговорила она. — Тебе нужно уснуть, Моргейна.

Молодая женщина закрыла глаза; Моргауза уселась рядом, поглаживая ее по руке и размышляя про себя. «*Гавейн предан Артуру, что бы там ни произошло. От Гавейна на троне Лоту добра не дождаться. А этот... неважно, сколько уж там сыновей будет у Артура, этот — первый. Артур воспитан в христианском духе; то, что он — король над христианами, для него очень важно; это дитя кровосмешения он сочтет за позор. Всегда полезно знать какую-нибудь мрачную тайну своего короля. То же и о Лоте; я его, конечно, люблю, однако я взяла за труд разузнать кое-какие подробности его грехов и интрижек*».

Младенец в колыбельке проснулся и закричал. Моргейна тут же открыла глаза — как поступают все матери, заслышав детский плач. Едва в состоянии пошевелиться, она прошептала:

— Мой малыш — это ведь мой малыш? Моргауза, я хочу подержать его.

Моргауза собиралась уже вложить ей в руки спеленутый сверточек, но вовремя одумалась: если Моргейна возьмет ребенка, ей захочется покормить его, она полюбит сына, она не останется равнодушна к его судьбе. Но если отдать его кормилице прежде, чем Моргейна увидит его личико... что ж, тогда она ни-

каких таких чувств к ребенку испытывать не будет, и мальчик достанется приемным родителям. А ведь оно недурно вышло бы, чтобы перворожденный сын Артура, сын, которого отец никогда не дерзнет признать, был всей душою предан Лоту и Моргаузе как истинным своим родителям; чтобы братьями ему стали сыновья Лота, а не сыновья Артура, которыми тот, возможно, обзаведется в браке.

По лицу Моргейны медленно текли слезы.

— Дай мне моего малыша, Моргауза, — взмолилась она. — Дай мне подержать малыша, я так хочу...

— Нет, Моргейна; у тебя недостаточно сил, чтобы баюкать и кормить его, — ласково, но неумолимо произнесла Моргауза. — И к тому же... — Жена Лота быстро измыслила отговорку, в которую девочка, неискушенная во всем, что касается детей и родов, непременно поверит, — если ты хотя бы раз возьмешь его на руки, он не станет брать грудь кормилицы, так что нужно отдать ей малыша, не откладывая. Ты сможешь подержать его, как только чуть окрепнешь, а дитя привыкнет к ее молоку. — И хотя Моргейна расплакалась и, рыдая, протянула к ней руки, Моргауза унесла ребенка из комнаты. «*Вот теперь*, — думала она, — *мальчик — приемыш Лота, и мы обзавелись оружием против Верховного короля. Я же надежно позаботилась о том, чтобы Моргейна, когда она поправится, осталась к сыну равнодушна и согласилась поручить его мне*».

Глава 2

Гвенвифар, дочь короля Леодегранса, устроившись на высокой стене сада и вцепившись в камень обеими руками, глядела на коней, что паслись на огороженном пастбище внизу.

Позади нее разливалось сладкое благоухание ароматических и пряных трав для кухни и трав целебных — из них жена ее отца готовила лекарства и снадобья. На свой садик Гвенвифар надышаться не могла; пожалуй, из всех мест вне дома Гвенвифар любила только его. В четырех стенах она обычно чувствовала себя спокойнее, — или, скажем, в пределах надежной ограды; а садик, обнесенный стеной, казался почти столь же безопасным, как и замковые покои. Отсюда, со стены, она могла обозреть долину, а долина такая обширная и уходит куда дальше, чем в состоянии охватить взгляд... Гвенвифар на мгновение обернулась к спасительному саду; в немеющих пальцах вновь ощущалось легкое покалывание, а в горле застрял комок. Здесь, на стене, огораживающей ее собственные кущи, бояться нечего; если вдруг опять накатит удушливая паника, она просто развернется, соскользнет вниз и вновь окажется в безопасности родного сада.

Как-то раз, когда Гвенвифар сказала вслух что-то в этом роде, Альенор, жена ее отца, раздраженно переспросила: «В безопасности от *чего*, дитя? Саксы так далеко на запад не забираются. А если и заберутся, так с холма мы их увидим за три лиги; от широты обзора наша безопасность и зависит, ради всего святого!»

Гвенвифар никогда не сумела бы объяснить, в чем дело. В устах собеседницы эти доводы прозвучали вполне разумно. Ну, как ей втолковать здравомыслящей, практичной Альенор, что девочку пугает непомерное бремя этих бескрайних небес и обширных земель? Ведь бояться и впрямь нечего; бояться просто глупо.

И все равно Гвенвифар задыхалась, ловила ртом воздух, чувствуя, как откуда-то снизу живота распространяется онемение, со временем доходя до горла, а повлажневшие руки словно мертвеют. И все-то на нее раздражались: замковый капеллан твердил ей, что снаружи ничего страшного нет, лишь зеленые земли Господни; отец кричал, что не потерпит в своем доме этих женских бредней — и Гвенвифар научилась не говорить о своих страхах вслух, даже шепотом. Лишь в монастыре она встретила понимание. О, милый монастырь; там ей было уютно, точно мышке в норке; там ей никогда, никогда не приходилось выходить за двери, вот разве что в обнесенный стеной монастырский садик. Гвенвифар очень хотелось бы вернуться в обитель, однако теперь она — взрослая женщина, и у мачехи ее — маленькие дети, так что той необходима помощь.

Мысль о браке тоже ее пугала. Зато тогда у нее будет свой дом, где она, единовластная хозяйка, станет распоряжаться так, как угодно ей; и никто не дерзнет над нею смеяться!

Внизу, на пастбище, среди коней она увидела стройного мужчину в алом; на загорелый лоб его спадали темные кудри. Гвенвифар не отрывала от него взгляда. Проворством и быстротой он не уступал и коням; недаром саксонские недруги прозвали его Эльфийская Стрела. Кто-то однажды нашептал ей, что, дескать, в нем самом есть кровь фэйри. Ланселет Озерный — вот как он себя называет; а в тот кошмарный день, заблудившись у магического Озера, Гвенвифар встретила его в обществе жуткой женщины-фэйри.

А Ланселет между тем уже поймал выбранного им коня; один-два домочадца ее отца предостерегающе завопили, а Гвенвифар затаила дух. Ей самой отчаянно хотелось закричать от ужаса; на этом жеребце не ездил даже король — отваживались на это лишь один-два его лучших объездчика. Рассмеявшись, Ланселет пренебрежительно отмахнулся; он дождался помощника, передал ему поводья, а сам закрепил седло. До Гвенвифар долетел его веселый голос:

— А что пользы объезжать дамскую лошадку, с которой любой управится с помощью сплетенной из соломы уздечки? Я хочу,

чтоб вы видели: с помощью кожаных ремней, вот таким манером закрепленных, я управлюсь с самым необузданным из ваших жеребцов и превращу его в боевого коня! Вот так, смотрите... — Он подтянул пряжку где-то под конским брюхом и, упершись одной рукой, взлетел в седло. Конь встал на дыбы; Гвенвифар наблюдала за происходящим, открыв рот; Ланселет, наклонившись к самой шее коня, заставил его опуститься на ноги и, уверенно обуздав скакуна, пустил его неспешным шагом. Горячий конь затанцевал на месте, заметался туда-сюда, и Ланселет знаком велел королевскому пехотинцу подать ему длинное копье.

— А теперь глядите... — прокричал он. — Предположим, что вон тот тюк соломы — это сакс; он кидается на меня с этим ихним тяжелым тупым мечом... — Ланселет отпустил поводья, и конь во весь опор помчался через пастбище; прочие лошади бросились врассыпную, а всадник обрушился на тюк, поддел его на копье, затем выхватил из ножен меч, стремительно развернул коня на галопе и принялся размахивать клинком, описывая круги. Даже король счел за лучшее отступить назад: конь во весь опор скакал на людей, но Ланселет резко остановил его перед Леодегрансом, соскользнул на землю и поклонился.

— Лорд мой! Я прошу дозволения обучать людей и коней, чтобы ты смог повести их в битву, когда вновь нагрянут саксы, и разбить их наголову, как король — в Калидонском лесу прошлым летом. Мы одержали несколько побед, но в один прекрасный день состоится великая битва, в которой решится на веки вечные, суждено ли править этими землями саксам или римлянам. Мы дрессируем всех коней, что есть, но твои скакуны лучше тех, что мы покупаем или разводим сами.

— Я не присягал на верность Артуру, — промолвил отец Гвенвифар. — Вот Утеру — другое дело; то был закаленный в боях воин и человек Амброзия. Что до Артура, он же, в сущности, еще мальчишка...

— И ты считаешь так до сих пор, при том что Артур выиграл столько битв? — горячился Ланселет. — Вот уже больше года как его возвели на трон; он — твой сюзерен. Присягал ты ему на верность или нет, но любое его сражение против саксов содействует обороне и твоих земель тоже. Лошади и люди — просьба невеликая.

Леодегранс кивнул:

— Здесь — не лучшее место для того, чтобы обсуждать стратегию королевства, сэр Ланселет. Я видел, как ты управляешься с конем. Он твой, о гость.

Ланселет поклонился и учтиво поблагодарил Леодегранса за подарок, однако Гвенвифар заметила, как вспыхнули и засияли его глаза: ну, ни дать ни взять, восторженный мальчишка! Интересно, сколько ему лет...

— Пойдем в зал, — пригласил гостя отец. — Выпьем вместе, а потом я сделаю тебе одно предложение.

Гвенвифар соскользнула со стены и пробежала через сад в кухни, туда, где жена ее отца надзирала за стряпухами, занятыми выпечкой.

— Госпожа, отец вот-вот вернется вместе с посланцем Верховного короля, Ланселетом; им понадобится еда и питье.

Альенор изумленно воззрилась на вошедшую.

— Спасибо, Гвенвифар. Ступай, приоденься, и можешь подать им вина. А то у меня работы полно.

Девочка побежала к себе в комнату, надела лучшее платье поверх простенького нижнего, закрепила на шее ожерелье из коралловых бусин. Расплела светлые волосы, так что они волною рассыпались по плечам; до того туго стянутые в косу, теперь они слегка вились. Надела тоненький золотой девический венчик и спустилась вниз, ступая легко и неспешно. Гвенвифар знала, что голубое платье идет ей как никакое другое, самое что ни на есть роскошное.

Девушка взяла бронзовую чашу, наполнила ее теплой водой из котелка, висевшего у огня, добавила розовых лепестков; в залу она вошла одновременно с отцом и Ланселетом. Она поставила чашу, забрала и повесила их плащи, затем подала мужчинам теплую, благоуханную воду — омыть руки. Ланселет улыбнулся, и Гвенвифар поняла: он узнал ее.

— Мы ведь уже встречались на острове Монахов, госпожа?

— Ты знаком с моей дочерью, сэр Ланселет?

Ланселет кивнул, а Гвенвифар как можно застенчивее и тише пояснила — она давно поняла, что отец не терпит, когда она говорит смело и решительно:

— Отец, однажды я заплутала, а он показал мне дорогу к монастырю.

Леодегранс благодушно улыбнулся дочери:

— Маленькая моя пустоголовая дурочка; ей довольно на три шага отойти от родного порога — и она уж заблудилась. Ну так что ж, сэр Ланселет, как тебе мои кони?

— Я уже сказал тебе: они лучше всех тех, что мы покупаем или разводим сами, — отозвался гость. — Мы вывезли нескольких из мавританских королевств Испании, скрестили их с шотландскими пони, и получили коней, что быстры и отважны, при этом крепки и сильны, и способны выносить наш климат. Однако нам нужно больше. Поголовья растут медленно. У тебя коней в избытке; а я могу научить тебя дрессировать их, и со временем ты поведешь всадников в битву...

— Нет, — возразил король. — Я — уже старик, и постигать новые способы ведения войны меня не тянет. Я был женат четырежды, однако первые мои жены рожали лишь слабеньких, хво-

рых девчонок, что умирали еще в грудном возрасте; порою их даже окрестить не успевали. Дочери у меня есть; вот выдам замуж старшую — и супруг ее поведет в бой моих людей и станет обучать их, как сочтет нужным. Скажи королю, чтобы приехал сюда, и мы обсудим это дело.

— Я — кузен лорда моего Артура и его конюший, сир, но даже я не вправе ему приказывать, — проговорил Ланселет сдержанно.

— Что ж, тогда упроси его навестить старика, которому не под силу покинуть свой домашний очаг, — отозвался король не без ехидства. — А ежели он не приедет, так, пожалуй, со временем ему небезынтересно будет узнать, как я распорядился своими табунами и вооруженными воинами.

— Вне всякого сомнения, король приедет, — с поклоном заверил Ланселет.

— Так и довольно об этом; плесни нам вина, дочка, — приказала король. Гвенвифар робко приблизилась и разлила вино по чашам. — А теперь беги-ка к себе, нам с гостем надо поговорить о делах.

Девочка ушла в сад и стала ждать; со временем из замка вышел слуга и зычно приказал подать лорду Ланселету коня и доспехи. К дверям подвели жеребца, на котором гость приехал, и второго — подарок от короля; спрятавшись в тени стены, Гвенвифар не сводила с всадника глаз; но вот он тронулся в путь — и она вышла на свет и остановилась, дожидаясь, пока гость поравняется с ней. Сердце ее гулко стучало: не сочтет ли ее Ланселет слишком дерзкой? Но вот всадник заметил ее, улыбнулся — и улыбка эта согрела ей душу.

— Ты разве не боишься этого огромного, свирепого скакуна?

Ланселет покачал головой:

— Госпожа моя, сдается мне, не родился еще на свет тот конь, с которым бы я не управился.

— А правда, что ты подчиняешь себе лошадей с помощью магии? — еле слышно прошептала девушка.

Запрокинув голову, Ланселет звонко расхохотался:

— Никоим образом, леди; магией я не владею. Просто я люблю лошадей и понимаю их — понимаю ход их мыслей, вот и все. Посуди сама: разве я похож на чародея?

— Но... но говорят, что в тебе есть кровь фэйри, — промолвила девушка, и Ланселет разом посерьезнел.

— Мать моя и впрямь принадлежит к тому Древнему народу, что правил этой землей еще до того, как сюда пришли римляне или даже северные Племена. Она — жрица на острове Авалон и очень мудрая женщина.

— Я понимаю, что не пристало тебе дурно отзываться о матери, — промолвила Гвенвифар, — но сестры на Инис Витрин рас-

сказывали, будто женщины Авалона — все злобные ведьмы и служат демонам...

Ланселет серьезно покачал головой.

— Вовсе нет, — заверил он. — Я не то чтобы хорошо знаю мою мать; я воспитывался вдали от нее. Я страшусь ее не меньше, чем люблю. Но скажу тебе одно: зла в ней нет. Она возвела лорда моего Артура на трон и подарила ему меч — сражаться против саксов; по-твоему, это злое деяние? Что до магии — так чародейкой назовут ее разве что невежественные глупцы. По мне, если женщина мудра, так это великое благо.

Гвенвифар пригорюнилась:

— Я вовсе не мудра; я ужасно глупенькая. Даже среди сестер я научилась лишь читать Часослов, да и то с трудом; они сказали, что больше мне и не нужно. Ну, и всему тому, что надобно знать женщинам: стряпать, разбираться в травах, готовить несложные снадобья, перевязывать раны...

— Для меня все это — тайна еще более великая, нежели укрощение коней, — то, что ты считаешь за магию, — широко улыбнулся Ланселет. А затем, наклонившись в седле, легонько коснулся ее щеки. — Ежели будет на то милость Господа и саксы дадут нам передышку еще в несколько лун, мы увидимся снова, когда я вернусь сюда в свите короля. Помолись за меня, госпожа.

Ланселет ускакал; Гвенвифар долго смотрела ему вслед. Сердце ее гулко стучало, но на сей раз ощущение это заключало в себе некую приятность. Он еще вернется; он сам *хочет* вернуться! Отец говорил, что ее следует выдать замуж за воина, способного повести в битву коней и людей; а найдется ли жених лучше, чем кузен Верховного короля и его конюший? Значит, отец подумывает отдать ее в жены Ланселету? Девушка зарумянилась от радости и счастья. Впервые в жизни она почувствовала себя красавицей, смелой и отважной.

Но когда она возвратилась в залу, отец задумчиво промолвил:

— Этот красавчик, по прозвищу Эльфийская Стрела, и впрямь смазлив на диво, да и с лошадьми управляться умеет, но этаких щеголей всерьез принимать не стоит.

— Но если Верховный король назначил его первым из своих военачальников, уж наверное, он — лучший из воинов! — возразила Гвенвифар, сама удивляясь собственной храбрости.

Леодегранс пожал плечами.

— Он же королевский кузен; странно было бы не даровать ему какого-нибудь поста в армии. А что, уж не попытался ли он украсть твое сердце или, — Леодегранс сурово нахмурился, и девушка похолодела от страха, — твою девственность?

Гвенвифар снова вспыхнула, бессильно злясь сама на себя.

— Нет. Он — человек чести, и все, что он мне говорил, он мог бы повторить и в твоем присутствии, отец.

— Ну, так и не забивай ненужными мыслями свою пустую головку, — грубовато предостерег Леодегранс. — Ты стоишь большего. Этот — всего лишь один из бастардов короля Бана от Бог весть кого, какой-то там девицы с Авалона!

— Его мать — Владычица Авалона, могущественная Верховная жрица Древнего народа... да и сам он — королевский сын...

— Сын Бана Бенвикского! У Бана с полдюжины законных сыновей наберется, — возразил отец. — Да и к чему выходить замуж за королевского конюшего? Если все пойдет так, как я замыслил, ты станешь женой самого короля Британии!

Гвенвифар в страхе отпрянула:

— Я боюсь быть Верховной королевой!

— Да ты всего на свете боишься, — грубо оборвал ее Леодегранс. — Вот поэтому тебе нужен заботливый муж, а король, он получше королевского конюшего будет! — И, видя, что у дочери задрожали губы, тут же подобрел: — Ну, полно, полно, девочка моя, не плачь. Доверься мне, я-то лучше знаю, что тебе во благо. Вот для того я у тебя и есть: чтобы присмотреть за тобою и выдать тебя за надежного человека, способного порадеть как должно о моей прелестной маленькой дурочке!

Если бы король обрушился на нее с бранью и попреками, Гвенвифар, возможно, и продолжала бы настаивать на своем. *«Но как,* — обреченно думала она, — *как сердиться на лучшего из отцов, который лишь о моем счастье и печется?»*

Глава 3

Однажды ранней весной, на следующий год после Артуровой коронации, госпожа Игрейна сидела в своей келье, склонившись над подборкой вышитых алтарных покровов.

Всю свою жизнь она любила изящное рукоделие, но и в девичестве, и позже, замужем за Горлойсом, она, подобно всем женщинам, не покладая рук, ткала, и пряла, и обшивала весь дом. Как королева Утера, окруженная толпами слуг, она могла себе позволить тратить время на изящную вышивку и ткать кайму и ленты из шелка; а здесь, в обители, она нашла своему искусству достойное применение. *«В противном случае,* — думала она не без грусти, — *мне пришлось бы разделить удел столь многих монахинь: ткать лишь темное и грубое шерстяное полотно на платье»* — такую одежду здесь носили все, включая саму Игрейну, — или тонкий, но скучный своей однообразностью белый лен на покрывала, камилавки и алтарные покровы». Лишь двое-трое из

сестер умели работать с шелком и владели искусством вышивания; Игрейна же затмевала их всех.

Игрейне было слегка не по себе. Нынче утром вновь, стоило ей усесться за пяльцы, ей померещилось, будто она слышит крик; не думая, она стремительно развернулась; ей показалось, будто где-то вдали Моргейна воскликнула: «Мама!» — и в крике этом звенело отчаяние и мука. Но в келье царила тишина, вокруг не было ни души, и спустя мгновение Игрейна осенила себя крестом и вновь принялась за работу.

И все же... она решительно прогнала искушение. Давным-давно она отвергла Зрение как обольщение язычества; с чародейством она не желает иметь ничего общего. Игрейна отнюдь не считала Вивиану воплощением зла, однако Древние боги Авалона, несомненно, в союзе с дьяволом, иначе им ни за что не удалось бы сохранить свою силу в христианской земле. И этим-то Древним богам она некогда отдала свою дочь!

В конце прошлого лета Вивиана прислала ей письмо со словами: «Если Моргейна у тебя, скажи ей, что все хорошо». Встревоженная Игрейна отписала сестре, что не видела Моргейну со времен Артуровой коронации и почитала, что та по-прежнему на Авалоне и в безопасности. Мать-настоятельница пришла в ужас, узнав, что одна из ее подопечных принимает гонцов с Авалона; Игрейна объяснила, что посланник принес ей весть от сестры, но настоятельница, по-прежнему недовольная, решительно объявила, что не дозволит никаких сношений с этим нечестивым местом, даже если речь идет всего лишь о письмах.

Тогда Игрейна не на шутку встревожилась: если Моргейна покинула Авалон, стало быть, поссорилась с Вивианой. От веку того не слыхивали, чтобы жрица высшей ступени посвящения покидала Остров, разве что по делам Авалона. Чтобы Моргейна да уехала без дозволения Владычицы, ни словом ей не сказавшись, — при мысли о проступке столь вопиющем кровь у Игрейны застыла в жилах. Куда же Моргейна отправилась? Может, сбежала с полюбовником и теперь живет в нечестивом союзе, не освященном ни обрядами Авалона, ни церковными? Может, уехала к Моргаузе? Или лежит где-то мертвая? И тем не менее, хотя Игрейна непрестанно молилась за дочь, она вновь и вновь решительно отвергала соблазн воспользоваться Зрением.

Однако же на протяжении почти всей зимы Игрейне казалось, будто дочь ее неизменно рядом: не бледная, суровая жрица, запомнившаяся ей по коронации, но малютка, что некогда была единственным утешением для перепуганной жены-девочки и матери-девочки в течение одиноких, беспросветных лет в Корнуолле. Маленькая Моргейна в шафранном платьице, расшитом ленточками; серьезное, темноглазое дитя в кармазинно-красном плаще; Моргейна с маленьким братиком на руках; двое ее детей,

мирно спящие; темнокудрая головка и златоволосая — щека к щеке на одной подушке. Как же часто, размышляла про себя Игрейна, она пренебрегала девочкой после того, как стала женой возлюбленного своего Утера и родила ему сына и наследника для его королевства? При дворе Утера Моргейна никогда не была счастлива, равно как и особой любви к Утеру не питала. Именно в силу этой причины, а не только уступая просьбам Вивианы, Игрейна согласилась отправить дочку на воспитание к жрицам Авалона.

Лишь теперь Игрейна почувствовала угрызения совести. Не поторопилась ли она избавиться от дочери, чтобы посвятить все свои помыслы Утеру и *его* детям? В памяти вопреки ее воле воскресло древнее присловье Авалона: «*Богиня не осыпает дарами отвергающего их...*» Отослав от себя собственных детей, свою плоть и кровь, одного — на воспитание (ради его же безопасности, напомнила себе Игрейна, воскресив в сознании тот день, когда маленького Артура сбросил жеребец: безжизненное тельце, в лице — ни кровинки...), а вторую — на Авалон; отослав их от себя, не сама ли она посеяла семена грядущих утрат? Не потому ли Богиня не пожелала даровать ей еще одного ребенка, если с первыми своими детьми она рассталась столь легко? Игрейна обсудила это все со своим духовником, и тот заверил, что она была совершенно права, отослав от себя Артура, — ведь всех мальчиков рано или поздно отдают на воспитание в чужую семью; но вот отправлять Моргейну на Авалон ни в коем случае не следовало. Если при дворе Утера девочка чувствовала себя несчастной, нужно было отвезти ее в какую-нибудь монастырскую школу.

Узнав, что Моргейна покинула Авалон, Игрейна подумывала о том, чтобы послать гонца ко двору Лота и выяснить, не там ли ее дочь; но тут ударили морозы, и каждый день превратился в битву с холодом, с обморожениями, с губительной сыростью; в разгар зимы даже сестры ходили голодными и делились тем немногим, что оставалось у них из еды, с нищими и поселянами.

А однажды, в суровые дни зимы, Игрейне померещилось, будто она слышит голос Моргейны, а та зовет — зовет ее в муке и боли: «Мама! Мама!» — «*Моргейна — одна-одинешенька, перепугана — Моргейна умирает? Где, о Господи, где же?*» Игрейна стиснула в пальцах крест, что, подобно всем сестрам, носила у пояса. «*Господь наш Иисус, охрани и защити ее; Мария, Матерь Божья, даже если она грешница и чародейка... сжалься над ней, Иисус, как сжалился ты над женщиной из Магдалы, а та была хуже ее...*»

Игрейна в смятении осознала, что на прихотливую вышивку упала слеза; чего доброго, теперь пятно останется. Она утерла глаза льняным покрывалом, отодвинула пяльцы подальше и со-

щурилась, чтобы лучше видеть... да, она стареет, зрение то и дело подводит или это слезы?

Игрейна вновь решительно склонилась над вышиванием, но перед взором ее опять возникло лицо Моргейны, а в ушах зазвенел отчаянный крик дочери, словно душу ее вырывали из тела. Сама Игрейна так кричала и звала мать, которую и не помнила толком, когда производила на свет Моргейну... неужто все женщины при родах призывают матерей? Игрейна похолодела от ужаса. Моргейна рожает... неведомо где, этой лютой зимой... на Артуровой коронации Моргауза, помнится, пошутила на этот счет: дескать, Моргейна привередничает за столом так, точно младенца носит. Точно против воли, Игрейна принялась подсчитывать на пальцах; да, если Моргауза не ошиблась, Моргейне предстояло рожать в самый разгар зимы. И даже теперь, погожей весной, Игрейне мерещилось, что она вновь и вновь слышит тот крик; ей отчаянно хотелось поспешить к дочери, но куда, куда?

Позади раздались шаги, предостерегающее покашливание, и девочка из числа юных воспитанниц монастыря произнесла:

— Госпожа, к вам гости, и среди них — священнослужитель, не кто иной, как сам архиепископ! Они ждут во внешнем покое.

Игрейна отложила вышивание в сторону. Как оказалось, пятна таки не осталось. «*Ни одна из пролитых женщинами слез не оставляет следа в мире*», — горько подумала она.

— С какой стати я понадобилась архиепископу?

— Он ничего не сказал мне, госпожа, и, думается мне, матери-настоятельнице — тоже, — сообщила девочка, явно не прочь посплетничать. — Но разве ты не посылала дары тамошней церкви в день коронации?

Да, на дары Игрейна не поскупилась, однако очень сомнительно, что архиепископ приехал побеседовать о былых подаяниях. Скорее всего, ему нужно еще что-то. Служители Божьи редко алчут даров для себя, однако все они, особенно те, что из богатых церквей, неизменно жадны до золота и серебра для алтарей.

— А остальные кто? — полюбопытствовала Игрейна, видя, что девочка расположена поболтать.

— Госпожа, мне неведомо, я знаю лишь то, что мать-настоятельница не хотела впускать одного из них, потому что, — глаза девочки расширились, — он — чародей и колдун, она сама так сказала, и в придачу друид!

Игрейна поднялась на ноги.

— Это мерлин Британии, он мой отец, и никакой он не колдун, дитя, а ученый человек, искушенный в науке мудрых. Даже отцы церкви утверждают, что друиды добры и благородны и поклоняются Богу в согласии с ними, ибо друиды признают, что Господь пребывает во всем сущем, а Христос — один из многих пророков Господа.

Девочка, получив выговор, покаянно присела до земли. Игрейна убрала вышивание и тщательно расправила покрывало.

Выйдя во внешний покой, Игрейна обнаружила там не только мерлина и сурового незнакомца в темных одеждах — священнослужители постепенно переходили на такого рода облачения, чтобы отличаться от мирян; но третьего из присутствующих она узнала с трудом, даже когда тот обернулся. Мгновение Игрейне казалось, будто она смотрит в лицо Утера.

— Гвидион! — воскликнула Игрейна и тут же поправилась: — Артур. Прости, я позабыла. — Она уже собиралась преклонить колени перед Верховным королем, но Артур, поспешно наклонившись, удержал мать.

— Матушка, никогда не опускайся на колени в моем присутствии. Я тебе запрещаю.

Игрейна поклонилась мерлину и угрюмому, строгому архиепископу.

— Это моя мать, супруга и королева Утера, — промолвил Артур, и архиепископ растянул губы в некоем подобии улыбки. — Но ныне снискала она себе почести более великие, нежели королевский сан, ибо она — невеста Христова.

«*Тоже мне невеста,* — подумала про себя Игрейна, — *просто-напросто вдовица, что укрылась в Его доме*». Однако вслух она ничего подобного не произнесла; лишь наклонила голову.

— Госпожа, это Патриций, архиепископ острова Монахов, что ныне зовется Гластонбери, — продолжал между тем Артур. — Он прибыл туда лишь недавно.

— О да, Господним соизволением выдворив из Ирландии всех злобных колдунов и чародеев, я приехал и сюда — очистить от скверны все христианские земли, — промолвил архиепископ. — В Гластонбери обнаружил я гнездо погрязших в пороке служителей Божьих, что терпели промеж себя даже совместные службы с друидами: при виде такого Господь наш, отдавший за нас жизнь, заплакал бы кровавыми слезами!

— Стало быть, ты нетерпимее Христа, собрат? — тихо проговорил мерлин Талиесин. — Ибо Его, как мне помнится, изрядно бранили за то, что Он водит компанию с изгоями и грешниками, и даже мытарями, и девицами вроде Магдалины, в то время в нем хотели видеть сурового ветхозаветного пророка, под стать Иоанну Крестителю. И под конец, когда Он умирал на кресте, не он ли пообещал разбойнику, что той же ночью будет он с Ним в раю — я не прав?

— Сдается мне, слишком многие дерзают читать Священное Писание и впадают в такого рода заблуждения, — сурово отрезал Патриций. — Те, кто слишком полагается на собственную ученость, со временем научатся, я надеюсь, прислушиваться к священникам и усваивать правильное толкование из их уст.

Мерлин мягко улыбнулся:

— В этом пожелании я к тебе не присоединюсь, собрат. Я свято верю: воля Господа состоит в том, чтобы все люди, что есть, взыскивали мудрости в себе самих, а не обращались за нею к другим. Младенцам, может статься, пищу пережевывает кормилица, но взрослым мужам подобает самим насыщаться и утолять жажду из источника мудрости.

— Полно вам, полно! — улыбаясь, перебил его Артур. — Я не потерплю ссор промеж двумя дорогими моему сердцу советниками. Мудрость лорда мерлина для меня что хлеб насущный; он возвел меня на трон.

— Сир, сие содеял Господь, — возразил архиепископ.

— Но с помощью мерлина, — уточнил Артур, — и я дал обет, что всегда стану прислушиваться к его советам. Ты ведь не захочешь, чтобы я нарушил клятву, верно, отец Патриций? — Это имя Артур произнес на северный лад; воспитывавшийся на севере король усвоил и характерный выговор тех мест. — Ну же, матушка, присаживайся, и давай поговорим.

— Сперва позволь, я пошлю за вином; после скачки столь долгой тебе недурно бы подкрепиться.

— Благодарю тебя, матушка. И, будь так добра, пошли вина и Кэю с Гавейном; они приехали сюда вместе со мной. Не захотели отпускать меня без охраны, видишь ли. Оба наперебой прислуживают мне как дворецкие и конюхи, словно сам я и пальцем пошевелить не в силах. Хотя вполне могу себя обиходить не хуже любого солдата, с помощью слуги-другого. Но эти двое и слышать ничего не хотят...

— Твои соратники получат все самое лучшее, — заверила Игрейна и ушла распорядиться, чтобы заезжим рыцарям и их свите подали угощение и вино. Тем временем принесли вино; Игрейна наполнила чаши.

— Как ты, сынок? — осведомилась она, придирчиво оглядывая Артура. Он казался десятью годами старше того хрупкого, стройного мальчика, что был коронован не далее как прошлым летом. Он подрос на половину ширины ладони, никак не меньше, и заметно раздался в плечах. На лице его алел шрам, что, впрочем, уже почти затянулся, благодарение Господу... ну, да для воина рана-другая — дело обычное.

— Как видишь, матушка, я сражался, и немало, но Господь уберег меня, — промолвил Артур. — А сюда я ныне прибыл по делам вполне мирным. Но сперва расскажи, как ты.

— О, здесь ровным счетом ничего не происходит, — улыбнулась Игрейна. — Однако я получила вести с Авалона о том, что Моргейна покинула Остров. Не у тебя ли она при дворе?

Артур покачал головой:

— Что ты, матушка, у меня и двор-то такой, что названия этого не заслуживает. Кэй печется о моем замке — мне простотаки силой пришлось навязать ему эту должность, сам он предпочел бы поехать со мной на войну, но я приказал ему остаться и беречь мой дом как зеницу ока. А еще там живут двое-трое отцовских рыцарей, те, для которых дни битв давно миновали, с женами и младшими сыновьями. Моргейна — при дворе Лота; об этом мне сообщил Гавейн, когда его младший брат, юный Агравейн, прибыл на юг сражаться под моими знаменами. Он сказал, Моргейна приехала к его матери; сам он видел ее только раз или два; но она жива-здорова и вроде бы весела и бодра; она играет Моргаузе на арфе и распоряжается ключами от чулана с пряностями. Я так понимаю, Агравейн ею просто очарован. — Лицо его на мгновение омрачила тень боли; Игрейна подивилась про себя, но вслух ничего не сказала.

— Благодарение Господу, что Моргейна в безопасности и под защитой своей родни. Я очень за нее боялась. — Для того чтобы выяснять, родила ли Моргейна ребенка, момент был явно неподходящий. — А когда Агравейн приехал на юг?

— В начале осени, не так ли, лорд мерлин?

— Сдается мне, что да.

«Стало быть, Агравейн тоже пребывает в неведении; она и сама видела Моргейну и ничего такого не заподозрила. Если, конечно, насчет Моргейны это все правда, а не пустая фантазия, порождение ее досужего вымысла».

— Ну что ж, матушка, я приехал поговорить о делах женских, в кои-то веки... похоже, мне необходимо обзавестись женой. У меня нет иного наследника, кроме Гавейна...

— Мне это не по душе, — обронила Игрейна. — Лот ждал этого многие годы. Не слишком-то доверяйся его сыну и спину ему не подставляй.

Глаза Артура полыхнули гневом.

— Даже тебе, матушка, я не позволю так говорить о кузене моем Гавейне! Он — мой верный соратник, и я люблю его как родного брата, — увы, братьев у меня нет, — и никак не меньше, чем Ланселета! Если бы Гавейн мечтал о моем троне, ему довольно было бы ослабить бдительность лишь на каких-нибудь пять минут, не более, и пустым шрамом я бы не отделался — мне снесли бы голову, а Гавейн и впрямь стал бы королем! Я безоговорочно доверяю ему и жизнь свою, и честь!

— Что ж, я рада, что у тебя такой преданный и надежный сподвижник, сын мой, — произнесла Игрейна, изумляясь подобной горячности. И, едко улыбнувшись, добавила: — То-то огорчается, должно быть, Лот при мысли о том, как любят тебя его сыновья!

— Уж и не знаю, что я такого сделал, что они всей душой желают мне добра, но только так оно и есть, и воистину почитаю я себя счастливцем.

— Верно, — подтвердил Талиесин, — Гавейн будет непоколебимо предан тебе до самой смерти, Артур, да и за пределами ее, буде на то воля Господа.

— Людям воля Господа не ведома, — сурово возразил архиепископ. — ...И в итоге итогов окажется он другом более надежным, чем даже Ланселет, хотя и горько мне это говорить, — продолжал Талиесин, пропустив слова Патриция мимо ушей.

Артур улыбнулся, и у Игрейны мучительно сжалось сердце: а ведь он унаследовал все обаяние Утера, и он тоже способен пробуждать в своих сторонниках беззаветную преданность! До чего же он похож на отца!

— Право, я и тебя отчитаю, лорд мерлин, если ты станешь говорить так о лучшем моем друге, — промолвил между тем Артур. — Ланселету я тоже доверю и жизнь свою, и честь.

— О да, доверить жизнь ему ты в полном праве, в этом я ни минуты не сомневаюсь... — вздохнул старик. — Не поручусь, что он выстоит-таки в последнем испытании, однако он искренне тебя любит и станет беречь твою жизнь превыше собственной.

— Воистину, Гавейн — добрый христианин, но вот насчет Ланселета я далеко не так уверен, — промолвил Патриций. — От души надеюсь, что придет день, когда все эти нечестивцы, что называют себя христианами, на деле ими не являясь, будут разоблачены как демонопоклонники, каковые они, в сущности, и есть. Те, что не признают авторитета Святой Церкви в том, что касается воли Господней, — так это про них говорил Христос: «Кто не со Мною, тот против Меня»[1]. Однако по всей Британии можно встретить тех, что недалеко ушли от язычников. В Таре я расправился с ними, запалив Пасхальный огонь на одном из нечестивых холмов, и друиды короля не выстояли против меня. Однако даже на благословенном острове Гластонбери, по земле которого ступал святой Иосиф Аримафейский, я обнаруживаю, что священники, — священники, вы подумайте! — поклоняются волшебному источнику! Обольщения язычества, вот что это такое! Я положу этому конец, даже если мне придется воззвать к самому епископу Римскому!

— Вот уж не думаю, что епископ Римский имеет хотя бы отдаленное представление о том, что происходит в Британии, — с улыбкой заметил Артур.

— Отец Патриций, весьма дурную услугу окажешь ты людям

---

[1] Мф 12:30.

этой земли, заложив их священный источник, — мягко проговорил Талиесин. — Это — дар Божий...

— Это — часть языческого культа. — Глаза епископа вспыхнули мрачным огнем фанатизма.

— Источник — от Бога, — не отступался старый друид, — ибо во всем мироздании не найдется ничего, что не имело бы начала в Боге, а простецам потребны простые знаки и символы. Если они поклоняются воде, что изливает на мир Его благодать, так чего в том дурного?

— Господу не должно поклоняться через символы, созданные руками людей...

— Выходит, ты со мною единодушен, брат мой, — ответствовал мерлин, — ибо часть друидической мудрости заключена вот в каком речении: Господу, что превыше всего, нельзя поклоняться в жилище, возведенном руками человека, но лишь под Его собственным небом. И все же вы строите церкви и богато украшаете их серебром и золотом. Так отчего же, по-вашему, дурно пить из священного родника, того, что Господь создал, и благословил, и наделил видениями и целительной силой?

— Сие знание исходит от дьявола, — сурово объявил Патриций, и Талиесин рассмеялся.

— А, но Господь создал сомнения, да и дьявола тоже, и в итоге итогов все придут к Нему и покорятся Его воле.

— Достойные отцы, — перебил Артур, не успел Патриций ответить, — мы собрались здесь не о теологии спорить!

— Верно, — облегченно подтвердила Игрейна. — Мы говорили о Гавейне и втором из сыновей Моргаузы, — его ведь Агравейн зовут, верно? И о твоем браке.

— Жаль мне, — посетовал Артур, — что раз уж сыновья Лота всей душой меня любят, а Лот, в чем я не сомневаюсь, мечтает, чтобы наследник его рода возвысился, — жаль мне, что у Моргаузы нет дочери. Тогда бы я стал ему зятем, а Лот знал бы, что сын его дочери унаследует мой трон.

— Да, оно сложилось бы весьма удачно, — кивнул Талиесин, — ибо оба вы принадлежите к королевскому роду Авалона.

— Но разве Моргауза — не сестра твоей матери, лорд мой Артур? — нахмурился Патриций. — Жениться на ее дочери — немногим лучше того, чтобы переспать с собственной сестрой!

Артур заметно обеспокоился.

— Я согласна, даже будь у Моргаузы дочь, об этом и думать не следовало бы, — молвила Игрейна.

— Зато к сестре Гавейна я бы привязался с легкостью, — жалобно возразил Артур. — Мысль о том, чтобы жениться на чужой мне незнакомке изрядно меня угнетает, да и невеста, надо думать, не обрадовалась бы!

— Такова судьба любой женщины, — отозвалась Игрейна, сама себе удивляясь; неужели спустя столько лет обида не сгладилась? — Браки пусть задумывают мудрые головы; юной девушке такое не по разуму.

Артур тяжко вздохнул.

— Король Леодегранс предложил мне в жены свою дочь, — как бишь ее там? — а в приданое за нею дает сотню лучших своих воинов, все при оружии, и — ты только представь себе, матушка! — при каждом отменный конь из его собственных табунов; так что Ланселет сможет их обучить. В этом — один из секретов цезарей: лучшие римские когорты сражались верхом; а до того никто, кроме скифов, лошадей не использовал, разве что для перевозки продовольствия и порою — для верховых гонцов. Будь у меня четыре сотни конных воинов — матушка, да я бы играючи выдворил саксов с нашей земли, и они бы бросились сломя голову к своим берегам, визжа, точно их же псы.

— Тоже мне, причина для женитьбы! — рассмеялась Игрейна. — Лошадей можно купить, а воинов — нанять.

— Но продавать коней Леодегранс вовсе не склонен, — возразил Артур. — По-моему, он так мыслит про себя, что в обмен на приданое — воистину королевское приданое, здесь ты мне поверь, — недурно было бы породниться с королем Британии. И он не один такой, просто он предлагает больше, чем другие.

Так вот о чем я желал попросить тебя, матушка, — не хотелось бы мне посылать к нему самого обыкновенного гонца со словами, что я, дескать, беру его дочь, так что пусть отошлет ее к моему двору, словно тюк какой-нибудь. Не согласилась бы ты поехать отвезти королю мой ответ и сопроводить девушку сюда?

Игрейна собиралась уже кивнуть в знак согласия, как вдруг вспомнила о своих обетах.

— Отчего бы тебе не послать одного из своих доверенных соратников, скажем, Гавейна или Ланселета?

— Гавейн — бабник тот еще, — со смехом отозвался Артур. — Я отнюдь не уверен, что хочу подпускать его к своей невесте. Тогда уж пусть Ланселет съездит.

— Игрейна, чувствую я, что лучше поехать тебе, — удрученно проговорил мерлин.

— А что такое, дедушка, — отозвался Артур, — неужто Ланселет настолько неотразим? Или ты опасаешься, что моя невеста влюбится в него вместо меня?

Талиесин вздохнул.

— Я поеду, если настоятельница даст мне дозволение покинуть обитель, — быстро отозвалась Игрейна. А про себя подумала: *«Конечно же, мать-настоятельница не может запретить мне побывать на свадьбе собственного сына. Воистину, я столько лет пробыла королевой, что теперь мне куда как непросто тихо-мирно*

сидеть в четырех стенах и дожидаться известий о великих событиях, происходящих в этой земле. Верно, таков удел всякой женщины, однако постараюсь избегать его сколь можно дольше».

Глава 4

Гвенвифар чувствовала, как в животе привычно всколыхнулась тошнота; неужто еще до того, как они отправятся в путь, ей придется бежать в уборную? И что ей прикажете делать, если та же потребность даст о себе знать уже после того, как она сядет в седло и выедет за ворота? Девушка подняла глаза на Игрейну: та стояла, статная и невозмутимая, чем-то похожая на мать-настоятельницу ее прежнего монастыря. В первый свой приезд, год назад, когда обговаривались условия брака, Игрейна держалась с ней по-доброму, словно мать. А теперь, приехав сопроводить Гвенвифар на свадьбу, она вдруг показалась строгой и властной; и, уж конечно, королева не испытывала и тени того ужаса, что терзал Гвенвифар. Как она может быть настолько спокойной?

— Ты разве не боишься? Это так далеко... — дерзнула прошептать Гвенвифар, глядя на дожидающихся лошадей и носилки.

— Боюсь? Конечно, нет, — отвечала Игрейна. — В Каэрлеоне я бывала не раз и не два, и маловероятно, чтобы на сей раз саксы собирались выступить с войной. Зимой путешествовать не то чтобы приятно — из-за дождей и слякоти, — но все лучше, чем попасть в руки варваров.

Гвенвифар, до глубины души потрясенная и пристыженная, судорожно сжала кулачки и, потупившись, уставилась на свои дорожные башмаки, крепкие и безобразные.

Игрейна завладела рукою девушки, расправила крохотные пальчики.

— Я и позабыла, ты же никогда прежде не уезжала из дома, разве что в свой монастырь и обратно. Ты ведь в Гластонбери воспитывалась, верно?

Гвенвифар кивнула:

— Мне бы так хотелось туда вернуться...

На мгновение проницательный взгляд Игрейны остановился на ней, и девушка затрепетала от страха. Чего доброго, эта дама поймет, что она, Гвенвифар, совсем не радуется предстоящей свадьбе с ее сыном, и невзлюбит сноху... Но Игрейна, крепко сжимая ее руку, произнесла лишь:

— Я очень горевала, когда меня впервые выдавали замуж за герцога Корнуольского; я не знала счастья до тех пор, пока не взяла на руки дочь. Однако же мне в ту пору едва пятнадцать исполнилось; а тебе ведь почти восемнадцать, верно?

Вцепившись в руку Игрейны, Гвенвифар почувствовала, как

паника понемногу отступает; и все же, едва она вышла за ворота, ей показалось, что неохватное небо над головой таит в себе угрозу: зловещее, низкое, закрытое тучами. Дорога перед домом, там, где топтались лошади, превратилась в грязевое море. А теперь коней строили в некое подобие упорядоченного выезда, а уж столько мужчин сразу Гвенвифар в жизни своей не видела, и все гомонили, перекликались между собою, лошади пронзительно ржали, во дворе царила суматоха. Но Игрейна крепко держала девушку за руку, и Гвенвифар, вся сжавшись, поспешала за ней.

— Я очень признательна тебе, госпожа, за то, что ты приехала сопроводить меня...

— Уж слишком я суетна, — улыбнулась Игрейна, — ни за что не упущу возможности вырваться за пределы монастырских стен. — Она размашисто шагнула, переступая через дымящуюся кучу конского навоза. — Смотри под ноги, дитя, — гляди-ка, твой отец оставил для нас вон тех двух чудесных пони. Ты любишь скакать верхом?

Гвенвифар покачала головой:

— Я думала, мне позволят поехать в носилках...

— Ну, конечно, позволят, если захочешь, — удивленно глядя на собеседницу, заверила Игрейна, — но, могу поручиться, тебе там очень скоро надоест. Моя сестра Вивиана, отправляясь в путешествие, обычно надевала мужские штаны. Надо было мне и для нас подыскать пару, хотя в моем возрасте это, пожалуй, уже и неприлично.

Гвенвифар покраснела до корней волос.

— Я бы никогда на такое не осмелилась, — пролепетала она, дрожа. — Женщине запрещено одеваться в мужскую одежду, так и в Священном Писании сказано...

— Апостол, сдается мне, о северных краях мало что знал, — прыснула Игрейна. — На его родине ужасно жарко; и слышала я, будто мужчины той страны, где жил Господь, про штаны слыхом не слыхивали, но все носят длинные платья, как было, да и теперь осталось, в обычае у римских мужей. Думаю, эта фраза подразумевает лишь то, что женщинам не подобает заимствовать вещи у какого-то определенного мужчины, а вовсе не то, что для них запретна одежда, сшитая на мужской манер. И уж конечно, сестра моя Вивиана — скромнейшая из женщин. Она — жрица на Авалоне.

Глаза Гвенвифар расширились.

— Она — ведьма, госпожа?

— Нет-нет, она — ведунья, разбирается в травах и снадобьях и обладает Зрением, однако она принесла обет не причинять вреда ни человеку, ни зверю. Она даже мяса не вкушает, — промолвила Игрейна. — И образ жизни она ведет столь же простой и суровый, как любая настоятельница. Погляди-ка, — промол-

вила она, указывая пальцем, — вон и Ланселет, первый из Артуровых соратников. Он приехал сопроводить нас и доставить назад коней и людей в целости и сохранности...

Гвенвифар улыбнулась, щеки ее зарумянились.

— Я знаю Ланселета, он приезжал показывать отцу, как дрессируют коней.

— О да, в седле он смахивает на кентавра из древних легенд; вот уж воистину получеловек, полуконь, — подтвердила Игрейна.

Ланселет соскользнул с коня. Щеки его, раскрасневшиеся от холода, цветом напоминали римский плащ на его плечах; широкий край плаща закрывал лицо на манер воротника. Рыцарь низко поклонился дамам.

— Госпожа, — обратился он к Игрейне, — готовы ли вы тронуться в путь?

— Думаю, да. Принцессину кладь уже сложили вон на ту телегу, сдается мне, — отозвалась Игрейна, глядя на громоздкую повозку, нагруженную доверху и закрытую шкурами: там ехали остов кровати и прочая мебель, ткацкие станки — большой и малый, огромный резной сундук, горшки и котлы.

— Да уж, от души надеюсь, что в грязи она не увязнет, — промолвил Ланселет, глядя на пару запряженных волов. — Я не столько за эту телегу беспокоюсь, сколько вон за ту, другую — со свадебным подарком Артуру от Леодегранса, — добавил он без особого восторга, оглядываясь на вторую повозку, заметно больше первой. — Я бы рассудил, что стол для королевского замка в Каэрлеоне разумнее было бы соорудить на месте, — это если Утер не оставил бы ему в изобилии и столов, и прочей мебели... нет, не то чтобы я пожалел для госпожи обстановки, — добавил он, быстро улыбнувшись Гвенвифар, отчего девушка смущенно зарделась, — но — стол? Как будто Артуру замок нечем обставить!

— О, но ведь этот стол — одно из величайших сокровищ моего отца, — возразила Гвенвифар. — Это — военный трофей; мой дед сразился с одним из королей Тары и увез его лучший пиршественный стол... — видишь, он круглый, так что в центре можно усадить барда, чтобы развлекал гостей, а слуги могут обходить стол кругом, разливая вино и пиво. А когда владелец принимал у себя дружественных королей, все места оказывались одинаково почетны... вот мой отец и порешил, что стол — под стать Верховному королю, который тоже должен рассаживать своих высокородных соратников, не отдавая предпочтения ни одному из них.

— Воистину, то — королевский дар, — учтиво согласился Ланселет, — однако чтобы дотащить его до места, понадобится три пары волов, госпожа, и одному Господу ведомо, сколько потребуется плотников и столяров, чтобы собрать его уже на месте;

так что, вместо того чтобы ехать с быстротой конного отряда, мы поплетемся, подстраиваясь под шаг самого медлительного из волов. Ну да пустяки, все равно свадьба без вас не начнется. — Ланселет вскинул голову, прислушался и закричал: — Иду, друг, уже иду! Не могу же я быть повсюду одновременно! — Рыцарь поклонился. — Дамы, мне должно дать нашему воинству знак выступать! Подсадить вас в седло?

— Кажется, Гвенвифар желает ехать в носилках, — отозвалась Игрейна.

— Увы, солнце зашло за тучу, — улыбаясь, проговорил Ланселет. — Но поступай как знаешь, госпожа. Льщу себя надеждой, что ты осияешь нас своим блеском как-нибудь в другой день.

Гвенвифар мило смутилась, — как всегда, когда Ланселет обращался к ней со своими очаровательными речами. Девушка никогда не знала наверняка, серьезен ли он или просто дразнится. Рыцарь ускакал прочь — и внезапно Гвенвифар вновь похолодела от страха. Вокруг нее возвышались кони, туда и сюда метались толпы мужчин — ни дать ни взять, воинство, Ланселет правильно сказал, — а сама она лишь никчемная часть клади, вроде как военная добыча. Гвенвифар молча позволила Игрейне подсадить себя в носилки, внутри которых обнаружились подушки и меховой коврик, и забилась в уголок.

— Я, пожалуй, оставлю полог открытым, чтобы к нам проникали свет и воздух? — спросила Игрейна, удобно устраиваясь на подушках.

— Нет! — сдавленно воскликнула Гвенвифар. — Мне... мне лучше, если полог задернут.

Пожав плечами, Игрейна задернула занавеси. Сквозь щелку она наблюдала за тем, как первые всадники тронулись в путь и как пришли в движение телеги. Воистину, все эти воины — королевское приданое. Вооруженные конники, при мечах, в доспехах — ценное прибавление к Артуровой армии. Примерно так Игрейна и представляла себе римский легион.

Гвенвифар склонила голову на подушки: в лице ни кровинки, глаза закрыты.

— Тебе дурно? — удивленно осведомилась Игрейна.

Девушка покачала головой.

— Просто оно все... такое огромное... — прошептала она. — Мне... Мне страшно.

— Страшно? Но, милое мое дитя... — Игрейна умолкла на полуслове и спустя мгновение докончила: — Ну, ничего, вскоре тебе станет легче.

Гвенвифар едва ли заметила, что носилки тронулись с места: усилием воли она погрузилась в некое отрешенное состояние полудремы, позволяющее ей не впадать в панику. Куда же она едет, под этим беспредельным, необозримым небом, через бес-

крайние болота и бесчисленные холмы? Сгусток паники в животе сжимался все туже. Повсюду вокруг нее ржали лошади, перекликались люди: ни дать ни взять, армия на марше. А сама она вроде как прилагается к снаряжению: к конской сбруе, к доспехам и к пиршественному столу. Она — только невеста, вместе со всем, что ей принадлежит по праву: с одеждой и платьями, и драгоценностями, и ткацким станком, и котелком, и гребнями и чесалками для льна. Сама по себе она — ничто, ничегошеньки-то собой не представляет; она — лишь собственность короля, который даже не потрудился приехать и посмотреть на девушку, которую ему отправляют вместе с конями и снаряжением. Она — еще одна кобыла, племенная кобыла, на сей раз — на расплод королю, которая, хотелось бы надеяться, произведет на свет королевского наследника.

Гвенвифар едва не задохнулась от гнева. Но нет, злиться нельзя; злиться не подобает; мать-настоятельница объясняла ей в монастыре, что предназначение всякой женщины — выходить замуж и рожать детей. Ей хотелось стать монахиней, остаться в обители, научиться читать и искусно рисовать красивые буквицы пером и кистью, но принцессе такая участь заказана; ей должно повиноваться воле отца, точно Господней воле. А ведь женщинам следует исполнять волю Божью особенно ревностно, ведь это через женщину человек впал в первородный грех, и каждой женщине полагается знать, что ее долг — искупить совершенное в Эдеме. Ни одну женщину вполне добродетельной не назовешь, кроме разве Марии, Матери Божьей; все прочие женщины порочны, и иными быть просто не могут. Вот и ее, Гвенвифар, настигла кара — за то, что она подобна Еве, за то, что грешна, гневлива и бунтует против воли Божьей. Гвенвифар прошептала молитву и усилием воли вновь погрузилась в полубессознательное состояние.

Игрейна, нехотя примирившись с необходимостью ехать с задернутым пологом и тоскуя по свежему воздуху, гадала про себя, что, во имя всего святого, не так с ее будущей снохой. Она ни словом не возразила против этого брака — впрочем, она, Игрейна, тоже не протестовала против брака с Горлойсом; и теперь, вспоминая негодующую, перепуганную девочку, какой была когда-то, Игрейна сочувствовала Гвенвифар. Но зачем забиваться в душные носилки, почему не ехать с гордо поднятой головой навстречу своей новой жизни? Чего она боится? Неужто Артур такое уж чудовище? Ведь не за старика же в три раза старше ее девчонку выдают; Артур молод и готов окружить ее уважением и почетом.

В ту ночь они заснули в шатре, поставленном на тщательно выбранном сухом месте, прислушиваясь к стону ветров и шуму

проливного дождя. Ближе к утру Игрейну разбудили тихие всхлипывания Гвенвифар.

— Что такое, дитя? Тебе недужится?

— Нет... госпожа, как вы думаете, я понравлюсь Артуру?

— Не вижу, почему нет, — мягко отозвалась Игрейна. — Ты ведь сама знаешь: ты на диво красива.

— Правда? — В тихом голосе звучало лишь наивное неведение, отнюдь не застенчивая или жеманная просьба о комплименте и не уверенность в себе, чего разумно было бы ожидать в любом другом случае. — Леди Альенор говорит, нос у меня слишком большой, и еще веснушки, точно у скотницы...

— Леди Альенор... — Игрейна вовремя вспомнила о снисходительности к ближнему своему; в конце концов, Альенор немногим старше Гвенвифар и за шесть лет родила четверых. — Боюсь, она самую малость близорука. Ты настоящая красавица. А волос роскошнее я в жизни своей не видела.

— Не думаю, что Артуру есть дело до красоты, — промолвила Гвенвифар. — Он даже не удосужился спросить, не страдаю ли я косоглазием, или, может, я одноногая, или у меня «заячья губа»...

— Гвенвифар, — ласково увещевала Игрейна, — на любой женщине женятся в первую очередь ради приданого, а Верховный король обязан выбирать жену по подсказке своих советников. Тебе не приходило в голову, что и он тоже ночами не смыкает глаз, гадая, что за жребий уготовила ему судьба и что он примет тебя с благодарностью и радостью, поскольку, помимо приданого, ты принесешь ему и красоту, и кроткий нрав? Он готов смириться с тем, что ему достанется, но тем более счастлив он будет узнать, что у тебя нет... как это ты сказала? — ни косоглазия, ни «заячьей губы», ни следов оспы. Артур еще очень юн и в том, что касается женщин, весьма неопытен. А Ланселет, я уверена, уже рассказал ему о том, как ты красива и добродетельна.

Гвенвифар перевела дух:

— Ланселет ведь приходится Артуру кузеном, верно?

— Верно. Он — сын Бана Бенвикского от моей сестры, верховной жрицы Авалона. Он рожден в Великом Браке — ты что-нибудь знаешь о подобных вещах? В Малой Британии иногда еще прибегают к древним языческим обрядам, — пояснила Игрейна. — Даже Утера, когда он стал Верховным королем, отвезли на Драконий остров и короновали согласно древним ритуалам, хотя брака с землей от него не требовали; в Британии такой обряд совершает мерлин, так что именно он выступает жертвой вместо короля в час нужды...

— Вот уж не знала, что эти древние языческие обряды в Британии все еще в ходу, — молвила Гвенвифар. — А... а Артур тоже так короновался?

— Если и так, то мне он этого не сказал, — отозвалась Игрейна. — Возможно, за это время обычаи изменились, и Артур довольствуется тем, что мерлин — главный из его советников.

— А ты знаешь мерлина, госпожа?

— Он мой отец.

— В самом деле? — В темноте Гвенвифар глядела на нее во все глаза. — Госпожа, а это правда, что, когда Утер Пендрагон впервые пришел к тебе еще до того, как вы поженились, явился он, благодаря магическому искусству мерлина, в обличье Горлойса, так что ты возлегла с ним, принимая его за герцога Корнуольского и почитая себя женой целомудренной и верной?

Игрейна заморгала; до нее доходили отголоски сплетен о том, что она, дескать, родила Утеру сына неподобающе рано; но этой байки она не слышала.

— Неужто так говорят?

— Случается, госпожа. Так сказывают барды.

— Ну, так это неправда, — объявила Игрейна. — На Утере был плащ Горлойса и Горлойсово кольцо: он добыл их в сражении; Горлойс предал своего Верховного короля и поплатился за это жизнью. Но что бы уж там ни напридумывали барды, я отлично знала, что это — Утер и никто иной. — В горле у нее стеснилось; даже сейчас, спустя столько лет, Игрейне казалось, что Утер по-прежнему жив и сражается где-то в далеких землях.

— Значит, ты любила Утера? И мерлинова магия здесь ни при чем?

— Ни при чем, — подтвердила Игрейна. — Я очень любила его, хотя, думается мне, поначалу он решил жениться на мне потому, что я происходила из древнего королевского рода Авалона. Так что, как видишь, брак, заключенный ради блага королевства, вполне может оказаться счастливым. Я любила Утера и могу пожелать такой же удачи и тебе, чтобы вы с моим сыном со временем полюбили друг друга такою же любовью.

— Надеюсь, что так и будет, — и Гвенвифар вновь судорожно вцепилась в руку Игрейны. Что за маленькие, нежные, хрупкие пальчики, подумала про себя Игрейна, такие того и гляди сомнешь ненароком, то ли дело ее собственные — сильные и умелые! Эта ручка не предназначена для того, чтобы пестовать младенцев и лечить раненых; эта ручка — для изящного рукоделия и молитв. Лучше бы Леодегранс оставил это дитя в милом ее сердцу монастыре, лучше бы Артур нашел себе невесту где-нибудь в другом месте! Впрочем, все в воле Божьей; Игрейна от души сочувствовала перепуганной девушке, но жалела и Артура, невеста которого — сущий ребенок и замуж идет против воли.

Впрочем, когда ее, Игрейну, отослали к Горлойсу, она и сама была не лучше; может статься, с годами у девушки сил поприбавится.

С первым лучом солнца лагерь пробудился; все, не покладая рук, готовились к дневному переходу, в конце которого отряд окажется в Каэрлеоне. Гвенвифар выглядела измученной и бледной; она попыталась было встать, но тут же повернулась на бок — и ее вырвало. На мгновение Игрейна дала волю нелестным подозрениям, но тут же прогнала злую мысль; маленькая, робкая затворница всего лишь больна от страха, вот и все.

— Я же говорила, что в душных носилках тебя укачает, — бодро промолвила Игрейна. — Сегодня тебе надо бы проехаться верхом и подышать свежим воздухом; а не то на свадьбу ты приедешь бледной тенью, а не цветущей розой. — И про себя добавила: «*А если мне придется ехать за задернутым пологом еще целый день, я точно сойду с ума; вот уж памятная получится свадьба, право слово: бледная, недужная невеста и буйнопомешанная мать жениха!*» — Ну же, вставай — и в седло; а Ланселет составит тебе компанию; будет кому подбодрить тебя и развлечь разговором!

Гвенвифар заплела косу и даже потрудилась изящно расположить складки покрывала; съела она немного, зато пригубила ячменного пива и спрятала в карман ломоть хлеба, сказав, что подкрепится позже, уже в седле.

С первым светом Ланселет был уже на ногах

— Хорошо бы тебе поехать с госпожой, — предложила Игрейна. — А то девочка вся извелась; мудрено ли — в первый раз вдали от дома!

Глаза юноши вспыхнули, он улыбнулся:

— С удовольствием, леди.

Игрейна ехала, держась позади молодой пары и радуясь возможности подумать в одиночестве. Как они хороши: темнокудрый, задорный Ланселет и Гвенвифар, вся — белизна и золото. Артур ведь тоже светловолос; дети у них будут — просто как солнышко. С некоторым удивлением Игрейна осознала, что не прочь стать бабушкой. Приятно, когда рядом — малыши, с ними можно играть, их можно баловать, и притом не твои это дети, так что нет нужды о них беспокоиться, изводить себя и тревожиться. Игрейна ехала, погрузившись в отрадные мечты; в монастыре она привыкла часами грезить наяву. Поглядев вперед, на молодых людей, скачущих бок о бок, она отметила, что девушка восседает в седле, выпрямившись, щеки ее порозовели, она улыбается. Да, правильно Игрейна поступила, отправив будущую сноху на свежий воздух.

И тут Игрейна заметила, как эти двое смотрят друг на друга.

«*Господи милосердный! Так смотрел на меня Утер еще в бытность мою женою Горлойса: словно умирает от голода, а я — снедь вне пределов досягаемости... Что же из этого всего выйдет, если они и впрямь любят друг друга? Ланселет — воплощение чести, а Гвенвифар, могу поручиться, сама добродетель; так что же из этого*

всего выйдет, кроме горя и муки?» А в следующий миг Игрейна отчитала себя за свои подозрения: едут они на подобающем расстоянии друг от друга, за руки держаться не пытаются, а ежели и улыбаются, так ведь оба молоды, а день выдался погожий; Гвенвифар предвкушает свою свадьбу, а Ланселет везет коней и воинов своему королю, кузену и другу. *«Так с какой бы стати им не радоваться и не беседовать друг с другом, веселясь и ликуя? Что я за злонравная старуха»*. И все-таки Игрейна не могла избавиться от смутной тревоги.

«Чем это все закончится? Господи милосердный, неужели это такой уж грех — помолиться об одном-единственном мгновении Зрения?» А есть ли у Артура возможность с честью отказаться от этого брака? — задумалась она. Верховный король берет в жены девушку, чье сердце принадлежит другому — это ли не трагедия? В конце концов, в Британии полным-полно дев, готовых всем сердцем полюбить Артура и составить его счастье. Но приданое уже отослано, невеста покинула отчий кров, и подданные Артура, короли и вассалы, съезжаются полюбоваться на свадьбу своего юного сюзерена.

Надо поговорить с мерлином, твердо решила Игрейна. Возможно, как главный советник Артура, он еще сможет воспрепятствовать этому браку — но удастся ли отменить свадьбу, избежав войны и раздора? Да и Гвенвифар жаль: мыслимо ли, чтобы невесту да публично отвергли в присутствии лордов всей Британии? Нет, поздно, слишком поздно; свадьба неизбежно состоится, как распорядилась сама судьба. Вздохнув, Игрейна поехала дальше, понурив голову; ясный, солнечный день вдруг утратил для нее всякую притягательность. Напрасно она яростно втолковывала себе, что все ее сомнения и страхи беспочвенны, что все это — досужие старушечьи домыслы; что все эти фантазии посланы ей дьяволом, дабы соблазнить воспользоваться Зрением, от которого она отреклась давным-давно, и вновь сделать ее орудием греха и чародейства.

И все-таки взгляд ее вновь и вновь возвращался к Гвенвифар и Ланселету и к тому едва различимому свечению, что переливалось и мерцало между ними ореолом жажды, желания и тоски.

В Каэрлеон они прибыли вскорости после заката. Замок стоял на холме, на месте древнего римского форта. Здесь еще сохранились остатки прежней римской каменной кладки — должно быть, во времена римлян место это выглядело примерно так же, подумала про себя Игрейна. В первое мгновение, обнаружив, что на склонах видимо-невидимо шатров и людей, она ошеломленно подумала, уж не осажден ли замок. И тут же поняла, что все это, верно, гости, съехавшиеся полюбоваться на королевскую свадьбу. При виде такой толпы Гвенвифар вновь побледнела и испугалась; Ланселет между тем пытался придать растянув-

шейся, расхлябанной колонне некое подобие внушительности. Гвенвифар закрыла лицо покрывалом и молча поехала дальше рядом с Игрейной.

— Жалость какая, что все они увидят тебя изнуренной и усталой с дороги, — согласилась с нею королева. — Но гляди-ка, нас встречает сам Артур.

У измученной девушки едва достало сил приподнять голову. Артур, в длинной синей тунике, с мечом в роскошно отделанных алых ножнах у пояса, задержался на мгновение поговорить с Ланселетом, возглавляющим колонну; а затем направился к Игрейне и Гвенвифар: толпа — и пешие, и конные — почтительно расступалась перед ним.

Артур поклонился матери.

— Хорошо ли вы доехали, госпожа? — Он поднял взгляд на Гвенвифар, и при виде красоты невесты глаза его изумленно расширились. Игрейна с легкостью читала мысли девушки:

«Да, я красива; Ланселет считает меня красавицей; доволен ли мною лорд мой Артур?»

Артур протянул невесте руку, помогая ей спешиться; девушка покачнулась, и он поспешил поддержать ее.

— Госпожа моя и супруга, добро пожаловать к себе домой и в мой замок. Да будешь ты здесь счастлива; да окажется этот день столь же радостным для тебя, как и для меня.

Щеки Гвенвифар полыхнули алым. Да, Артур весьма пригож собою, яростно внушала себе девушка; как хороши эти светлые волосы, этот серьезный, пристальный взгляд серых глаз... Как непохож он на бесшабашного, веселого сумасброда Ланселета! Да и смотрит он на нее совсем по-другому: Ланселет взирает на нее так, точно она — статуя Пресвятой Девы на алтаре в часовне, а Артур глядит оценивающе и настороженно, словно видит в ней чужую, и не вполне уверен, друг она или враг.

— Благодарю тебя, супруг и господин мой, — отозвалась девушка. — Как видишь, я привезла тебе обещанное приданое: воинов и коней...

— Сколько коней? — быстро переспросил он. И Гвенвифар тут же смешалась. Откуда ей знать про его драгоценных скакунов? И надо ли показывать так ясно, что во всей этой истории со свадьбой он с нетерпением ждал отнюдь не ее, а лошадей? Гвенвифар выпрямилась в полный рост — для женщины она уродилась достаточно высокой, выше даже, чем некоторые мужчины, — и с достоинством промолвила:

— Мне то не ведомо, лорд мой Артур: не я их считала. Спроси своего конюшего: уверена, что лорд Ланселет назовет тебе точное число, вплоть до последней кобылы и последнего молочного жеребенка.

«Ах, молодец девочка!», — подумала про себя Игрейна, видя, как бледные щеки Артура зарумянились от стыда: упрек попал в цель.

— Прошу меня простить, госпожа моя, — покаянно улыбнулся он. — Воистину, никто и не ждет, что ты станешь утруждать себя заботами о подобных вещах. Не сомневаюсь, что Ланселет в должный срок обо всем мне расскажет. Я скорее думал о людях, с тобою приехавших; мне подобает приветствовать в них новых подданных, равно как и оказать достойный прием их госпоже и моей королеве. — На мгновение Артур вдруг показался совсем юным — ничуть не старше своих лет. Он оглянулся на толчею вокруг: на людей, коней, повозки, волов и погонщиков, и беспомощно развел руками. — Впрочем, среди всего этого шума и гвалта они меня все равно не услышат. Дозволь же сопроводить тебя к воротам замка. — Завладев рукою невесты, Артур повел ее по дороге, выбирая места посуше. — Боюсь, это древнее жилище покажется тебе довольно унылым. Это — крепость моего отца, но сам я не жил здесь с тех самых пор, как себя помню. Может статься, однажды, если саксы дадут нам передышку, мы подыщем себе дом более подходящий, но пока придется довольствоваться этим.

Артур ввел невесту в ворота; Гвенвифар провела рукою по стене. Крепкая надежная римская кладка; стена высокая, толстая и выглядит так, словно стоит здесь от начала времен; вот здесь можно чувствовать себя в полной безопасности. Девушка любовно провела пальчиком по камню.

— По-моему, здесь на диво красиво. Не сомневаюсь, что здесь безопасно... я хочу сказать, я уверена, что буду здесь счастлива.

— Надеюсь, что так, госпожа... Гвенвифар, — отозвался Артур, впервые назвав невесту по имени... что за странный выговор! Интересно, где он рос, внезапно задумалась про себя девушка. — Я слишком молод, чтобы распоряжаться всем этим... всеми этими людьми и королевствами. И весьма порадуюсь я помощнице. — Голос его дрогнул, словно и Артур тоже испытывал страх, — но чего, ради всего святого, бояться мужчине? — Мой дядя Лот, король Оркнейский, — он женат на сестре моей матери, Моргаузе, — так вот он уверяет, что жена его правит не хуже него, когда он в отлучке — на войне или на совете. Я готов оказать тебе ту же честь, госпожа, и позволить править со мною вместе.

И вновь Гвенвифар затошнило от накатившей паники. Как может он ждать от нее — такого? Разве женщину можно допускать к правлению? Какое ей дело, как поступают эти дикие варвары, эти северные Племена, или их вульгарные жены?

— На такое я не смею и рассчитывать, лорд мой и король, — срывающимся голосом пролепетала она.

— Артур, сын мой, и о чем ты только думаешь? — решительно вмешалась Игрейна. — Невеста вот уже два дня как в дороге, она утомлена и измучена! Не время обсуждать стратегию королевств, пока мы дорожную грязь с башмаков не отряхнули! Прошу тебя, передай нас на попечение своих дворецких, а завтра поговоришь с невестой в свое удовольствие!

А ведь кожа Артура светлее ее собственной, подумала про себя Гвенвифар, видя, как жених ее во второй раз вспыхнул, точно ребенок после выговора.

— Прошу меня простить, матушка, и ты, госпожа моя. — Он махнул рукой, и к гостьям подоспел смуглый, худощавый юноша с лицом, обезображенным шрамом. Шел он с трудом, заметно прихрамывая.

— Мой приемный брат и мой сенешаль Кэй, — представил его Артур. — Кэй, это Гвенвифар, моя госпожа и королева.

Кэй с улыбкой поклонился девушке.

— Я к твоим услугам.

— Как ты сам видишь, — продолжал Артур, — госпожа моя привезла с собою свою меблировку и все свое добро. Госпожа, Кэй в твоем распоряжении: вели ему расставить по местам твои вещи, как сама сочтешь нужным. А пока позвольте мне распрощаться; мне необходимо позаботиться о новоприбывших, о конях и снаряжении. — Артур вновь низко поклонился, и Гвенвифар почудилось, будто в лице его отразилось явное облегчение. Интересно, отчего: он разочарован в невесте или в этом браке его и впрямь интересует лишь приданое, кони и люди, как она и подозревала с самого начала? Что ж, она к этому готова; и все же приятно было бы, если бы ей оказали теплый прием ради нее самой. Гвенвифар с запозданием осознала, что темноволосый юноша со шрамом — Артур назвал его Кэем — терпеливо ожидает ее приказаний. Что ж, Кэй кроток и почтителен; его бояться нечего.

Гвенвифар вздохнула, вновь дотронулась до крепкой стены замка, словно набираясь уверенности, и постаралась, чтобы голос ее звучал ровно, как то и подобает королеве:

— В самой большой из повозок, сэр Кэй, находится пиршественный стол из страны Ирландии. Это — свадебный дар моего отца лорду моему Артуру. Стол этот — военный трофей, весьма древний и ценный. Распорядись, чтобы его собрали и установили в самом просторном трапезном зале. Но прежде, будь добр, позаботься о том, чтобы госпоже моей Игрейне отвели отдельный покой и приставили к ней прислужницу. — Слыша себя словно со стороны, Гвенвифар не могла не удивиться: а ведь она и впрямь говорит и держится, как королева! И Кэй, похоже,

охотно воспринял ее в этой роли. Сенешаль поклонился едва ли не до земли и молвил:

— Все будет сделано, и немедленно, госпожа моя и повелительница.

Глава 5

На протяжении всей ночи к замку целыми отрядами прибывали гости. С первым светом Гвенвифар выглянула в окно и увидела, что весь склон холма перед замком заполонили лошади, шатры и толпы мужчин и женщин.

— Просто праздник какой-то, — сказала принцесса Игрейне, что делила с нею ложе в эту последнюю ночь ее девичества. Старшая из женщин улыбнулась:

— Когда Верховный король берет себе жену, дитя, это праздник не из последних; все, что происходит на этом острове, с ним и в сравнение не идет. Погляди-ка, а ведь это свита Лота Оркнейского. «*Может статься, Моргейна тоже с ними*», — подумала она, однако вслух ничего не сказала. В молодости Игрейна облекала в слова каждую мысль, но не теперь, нет.

До чего странно, размышляла Игрейна про себя, на протяжении всего детородного возраста женщина приучается думать в первую очередь о сыновьях, и только о них. А о дочерях если и вспоминает, то лишь предвкушая: вот вырастут они и перейдут в чужие руки; дочерей растят для чужой семьи. Моргейна — первое ее дитя; не потому ли она так прикипела к ее сердцу? Артур возвратился к матери после разлуки столь долгой; но, как это обычно случается с мужчинами, настолько отдалился от нее за это время, что через пропасть моста уже не перекинешь. Но что до Моргейны, — Игрейна поняла это на коронации Артура, — с дочерью она связана узами души, которые не порвутся вовеки. Только потому ли, что Моргейна разделяет с нею наследие Авалона? Не поэтому ли каждая жрица мечтает о дочери, что пойдет по ее стопам и вовеки ее не покинет?

— Сколько народу! — пожаловалась Гвенвифар. — Вот уж не знала, что в Британии так много людей.

— И ты станешь Верховной королевой над ними всеми; тут и впрямь впору испугаться, уж я-то знаю, — отозвалась Игрейна. — Я чувствовала себя примерно так же, когда выходила замуж за Утера.

На мгновение ей показалось, что Артур ошибся в выборе королевы. Да, Гвенвифар обладает редкой красотой и кротким нравом, но королева должна уметь занять место на первом плане, сиять на фоне всего двора. Пожалуй, Гвенвифар слишком робка и застенчива.

Говоря проще, королева — госпожа своего короля; не только хозяйка и хранительница очага — здесь любого дворецкого или сенешаля вполне хватило бы, — но, подобно жрице Авалона, символ жизненных истин и напоминание о том, что жизнь заключает в себе большее, нежели сражения, войны и власть. В конце концов, король воюет во имя защиты тех, что сами сражаться не в силах: во имя матерей и детей и тех, что уже в летах: древних старух и старцев. Да, по обычаям Племен женщины из числа самых сильных сражались плечом к плечу с мужами: в древности даже существовала особая школа воинских искусств, заведовали которой женщины; однако от начала цивилизации делом мужчины считалось добывать пропитание и оборонять от захватчиков родной очаг, прибежище беременных женщин, малых детей и стариков; а женщины поддерживали для мужей огонь в очаге. И как король соединялся с Верховной жрицей в символическом браке в знак того, что он наделит королевство силой, точно так же и королева, соединяясь с королем, создавала символ средоточия силы над всеми этими армиями и войнами: дом и был тем центром, к которому стягивалась сила мужчин... Игрейна досадливо встряхнула головой. Все эти разглагольствования о символах и сокровенных истинах, возможно, подобают жрице Авалона, но она, Игрейна, пробыла королевой достаточно долго, не озадачиваясь подобными мыслями; вот и Гвенвифар успеет еще поразмыслить обо всем об этом, когда состарится, и необходимость в них исчезнет сама собою! В нынешние, цивилизованные дни королева не выступает жрицей в глазах поселян, возделывающих ячмень на полях, равно как и король не бродит среди оленей в обличье великого охотника!

— Пойдем, Гвенвифар, Кэй приставил к тебе прислужниц, но мне, как матери твоего мужа, подобает облечь тебя в свадебное платье, раз твоя родная матушка не может побыть с тобою в этот день и подготовить тебя к церемонии.

В свадебном наряде девушка была хороша как ангел; ее роскошные шелковистые волосы переливались в солнечных лучах точно золотые нити, затмевая блеск диадемы. Платье из белой ткани казалось тоньше паутинки; с застенчивой гордостью Гвенвифар поведала Игрейне, что материю эту привезли из дальней страны — еще более далекой, чем Рим, — и стоит она дороже золота. Отец ее пожертвовал отрез для алтарного камня их церкви и еще небольшой лоскут — для святых мощей; а кусок подарил ей, из него-то она и сшила себе свадебное платье. Остался еще отрез на парадную тунику для Артура; это — ее собственный свадебный подарок мужу.

В дверях появился Ланселет: он явился, дабы сопроводить дам к заутрене, предшествующей венчальной службе; после того начнутся веселье и пир, которым суждено продлиться до самой

ночи. В своем неизменном алом плаще Ланселет ослеплял великолепием; однако оделся он для верховой езды.

— Ты нас покидаешь, Ланселет?

— Нет, — сдержанно отвечал он, не сводя глаз с Гвенвифар. — Среди прочих увеселений дня новоприбывшие всадники — и Артурова конница — покажут свое искусство; я — распорядитель игрищ и сам в них участвую. Артур считает, что пора объявить народу о своих замыслах.

И вновь Игрейна заметила, каким безнадежным, завороженным взглядом смотрит Ланселет на Гвенвифар. Девушка лучезарно улыбнулась ему, поднимая глаза. Игрейна не слышала, о чем эти двое говорят, — вне всякого сомнения, речи их вполне невинны. Однако в словах они не нуждались. Старшая из женщин вновь в отчаянии осознала, что все это к добру не приведет, но лишь к горю и бедам.

Они прошли по коридорам; по пути к ним присоединялись слуги и знать — все, кто спешил к заутрене. На крыльце часовни их поджидали двое молодых людей, чьи шапочки украшали длинные черные перья, — в точности как у Ланселета. Игрейна вспомнила, что видела такое же перо и у Кэя. Уж не отличительный ли знак это Артуровых соратников?

— А где же Кэй, брат? — осведомился Ланселет. — Разве не должно ему быть здесь, дабы сопроводить госпожу мою в церковь?

Один из незнакомцев, рослый и крепкий, что, тем не менее, как заметила Гвенвифар, слегка походил на Ланселета, ответствовал:

— Кэй и Гавейн тоже помогают Артуру одеться к церемонии. Воистину, я бы ждал, что и ты будешь с ними: вы трое Артуру словно братья. Артур послал меня занять их место как родича леди Игрейны... Госпожа, — молвил он, поклонившись Игрейне, — может ли быть, что ты меня не узнаешь? Я — сын Владычицы Озера. Зовут меня Балан, а это — наш приемный брат Балин.

Гвенвифар учтиво кивнула. А про себя подумала: «*Неужто этот дюжий мужлан и впрямь приходится Ланселету братом? Все равно как если бы бык назвался братом изящнейшего из арабских скакунов!*» Его приемный брат Балин, приземистый и краснолицый, благодаря желтым, как солома, волосам и бороде изрядно смахивал на сакса.

— Ланселет, буде тебе угодно побыть с лордом моим и королем... — промолвила она.

— Пожалуй, Ланселет, тебе и впрямь стоило бы пойти к нему, — расхохотался Балан. — Как это водится за женихами накануне свадьбы, Артур совсем извелся от волнения. Да, на поле битвы лорд наш сражается под стать самому Пендрагону, но

нынче утром, готовясь к встрече с невестой, он кажется просто мальчишкой — да он мальчишка и есть!

«*Бедный Артур*, — подумала про себя Гвенвифар, — *для него этот брак — испытание куда более тяжкое, чем для меня; мне, по крайней мере, ничего не остается, как повиноваться воле моего отца и короля!*» Она подавила смешок; бедный Артур, ему пришлось бы жениться на ней во имя блага королевства, даже будь она старой, беззубой, с лицом, обезображенным оспой! Это — еще одна из тягостных его обязанностей, вроде как водить своих людей в битву против саксов. А от саксов по крайней мере знаешь, чего ждать!

— Лорд мой Ланселет, ты и впрямь предпочел бы находиться рядом с Артуром? — мягко осведомилась она.

Взгляд молодого рыцаря яснее слов сказал ей, что Ланселету отчаянно не хочется с нею расставаться; за какой-нибудь день-другой девушка научилась безошибочно читать эти невысказанные послания. Гвенвифар ни разу не обменялась с Ланселетом ни единым словом, которого не могла бы прокричать вслух в присутствии Игрейны и своего отца, и всех епископов Британии, вместе взятых. Но впервые в жизни Ланселет, похоже, разрывался между двумя противоречивыми устремлениями.

— Менее всего мне хотелось бы тебя оставить, леди, но Артур — друг мой и кузен...

— Господь сохрани, чтобы я когда-либо встала между вами, родич, — промолвила Гвенвифар, протягивая рыцарю миниатюрную ручку для поцелуя. — Ибо через этот брак ты становишься преданным родичем и мне, и кузеном тоже. Так ступай к лорду моему и королю и скажи ему... — Девушка помедлила, дивясь собственной храбрости: подобают ли ей такие слова? Господь помоги им всем, спустя какой-нибудь час она будет супругой Артура, что с того, ежели слова ее покажутся непомерно дерзкими, ежели подсказаны они приличествующей заботой о ее господине? — Скажи ему, что я с радостью возвращаю ему преданнейшего из конюших и что я жду его с любовью и покорностью.

Ланселет улыбнулся. И улыбка эта словно затронула в ее душе некую тайную струну, и собственные ее губы изогнулись в лад с нею. Ну, как такое возможно, что она настолько ощущает себя частью этого человека? Вся ее жизнь словно перетекла в прикосновение его губ к ее пальцам. Гвенвифар сглотнула — и внезапно поняла, что с нею происходит. Невзирая на все ее почтительные послания Артуру, исполненные любви и покорности, она, казалось, продала бы душу за возможность повернуть время вспять и объявить отцу, что замуж она пойдет только за Ланселета и ни за кого другого. И чувство это столь же реально, как солнце в небесах и трава под ее ногами, — девушка вновь сглотнула, — столь

же реально, как Артур, который ныне снаряжается к свадьбе, — а вот ей, чтобы подготовиться к церемонии должным образом, подобает пойти к заутрене.

«Неужто это — одна из жестоких шуток Господа: я сама не знала, что такое чувствую, до тех пор, пока не стало слишком поздно? Или это коварные ухищрения лукавого, что соблазняет меня забыть о долге перед моим отцом и мужем?» Слов Ланселета она не слышала; сознавала лишь, что пальцы его разжались, что он развернулся и уходит. Учтивые речи приемных братьев, Балина и Балана, тоже почти не отложились в ее сознании... который из них сын жрицы Озера? Балан. Он — брат Ланселета, но похож на него не больше, чем ворон — на могучего орла.

Очнувшись, девушка осознала, что к ней обращается Игрейна.

— Так я оставлю тебя ненадолго, дорогая. Мне хотелось бы поговорить с мерлином до того, как начнется месса.

С запозданием Гвенвифар осознала, что Игрейна ждет ее дозволения уйти. Итак, ее титул Верховной королевы — осязаемая реальность. Почти не слыша собственного голоса, Гвенвифар сказала что-то Игрейне, и старшая из женщин удалилась.

Игрейна пересекла двор, вполголоса извиняясь перед теми, кого ненароком толкнула, пытаясь пробиться сквозь толпу к Талиесину. Ради праздника все разоделись в яркие парадные платья, один лишь он, как обычно, облекся в одежды строгого темно-серого цвета.

— Отец...

— Игрейна, дитя. — Талиесин глянул на нее с высоты своего роста, и Игрейна обрела некое смутное утешение в том, что старый друид обращается к ней так, словно ей по-прежнему лет четырнадцать.

— А я-то думал, ты сопровождаешь нашу невесту. До чего же она прекрасна! Артур нашел себе настоящее сокровище. Я слыхал, она еще и умна и блещет ученостью, а также и весьма набожна, что немало польстит епископу.

— Отец, — взмолилась Игрейна, понижая голос, так, чтобы никто в толпе ее не услышал, — я должна спросить у тебя вот что: нет ли какого-нибудь способа, позволяющего Артуру избегнуть этого брака, не запятнав себя при этом бесчестием?

Талиесин в ужасе заморгал:

— Нет, не думаю. Тем более теперь, когда все готово к тому, чтобы соединить жениха с невестой сразу после мессы. Господь помоги нам всем, неужто мы все обманулись? Она бесплодна, или не девственна, или... — Мерлин потрясенно покачал головой. — Нет, брак отменить невозможно; разве что вдруг обнаружится, что она больна проказой или носит ребенка от другого; и даже тогда не удастся замять дело без скандала и обиды, не обре-

тя в Леодегрансе заклятого врага. Игрейна, а почему ты спрашиваешь?

— В целомудрии Гвенвифар я не сомневаюсь. Но я видела, как она глядит на Ланселета, а он — на нее. Чего тут и ждать, как не бед и горя, если невеста без ума от другого, а этот другой — лучший друг жениха?

Мерлин так и впился в нее взглядом: глаза старика не утратили и малой толики всегдашней зоркости.

— Ах, вот, значит, оно как? Я всегда считал, что наш Ланселет чересчур хорош собою и обаятелен: просто-таки во вред себе. Однако же он — мальчик честный, этого у него не отнимешь; возможно, все это — лишь юношеские грезы, а как только жених с невестой будут обвенчаны и разделят ложе, эти двое обо всем позабудут или станут вспоминать прошлое с легкой грустью, как нечто, что могло бы случиться, но не случилось.

— В девяти случаях из десяти я бы сказала, что ты прав, — отозвалась Игрейна, — но ты не видел их, а я вот видела.

Мерлин снова вздохнул:

— Игрейна, Игрейна, я не скажу, что ты заблуждаешься; но, в конце концов, что тут можем поделать мы? Леодегранс сочтет это за небывалое оскорбление и пойдет на Артура войной, а у Артура и без того довольно врагов, готовых оспорить его королевский титул. Ты не слыхала о некоем северном короле, который прислал сообщить Артуру, что он, дескать, срезал бороды у одиннадцати королей на опушку для своей мантии и пусть Артур платит ему дань, иначе он придет с войском и заберет и Артурову бороду тоже?

— А что же Артур?

— О, Артур послал старому королю ответ: что до бороды, так у него она, дескать, едва пробивается и на плащ едва ли подойдет; но если помянутая борода так уж ему нужна, так пусть приходит и попробует срезать и ее, если, конечно, проберется через тела убитых саксов. И еще он отправил старому королю голову сакса, — Артур в ту пору только что вернулся из похода, — говоря, что вот эта борода на мантию подойдет куда лучше, нежели борода друга, на чьей стороне лучше бы ему сражаться. И под конец объявил, что королю-собрату он готов прислать подарок, но дани с друзей не взимает, равно как и не платит. Так что дело кончилось ничем; но, как ты сама видишь, новых врагов Артур себе позволить не может, а Леодегранс окажется серьезным противником. Так что разумнее Артуру жениться на девушке; и, думается мне, я бы сказал то же, даже если бы Артур застал ее в постели с Ланселетом, — а такого не было и вряд ли будет.

Игрейна обнаружила, что нервно заламывает пальцы.

— Что же нам теперь делать?

Мерлин легонько погладил ее по щеке:

— То же самое, что всегда, Игрейна, — то, что должно и что велят боги. То, что в наших силах. Ни один из нас не избрал этот путь ради своего собственного счастья, дитя мое. Ты воспитывалась на Авалоне, тебе ли того не знать? Как бы мы ни пытались изменить или переделать свою судьбу, в итоге итогов все решают боги, или, что, вне всякого сомнения, предпочел бы услышать от меня епископ, все решает Бог. И чем старше я становлюсь, тем более убеждаюсь: какими словами мы пользуемся для выражения одних и тех же истин, никакого значения не имеет.

— Владычица таких речей бы не одобрила, — заметил из-за его спины смуглый, узколицый мужчина в темных одеждах, вроде как у священника или друида. Талиесин обернулся — и не сдержал улыбки.

— И, тем не менее, Вивиана, как и я, знает, что речи эти справедливы... Игрейна, сдается мне, ты еще не знакома с нашим новым бардом из числа самых лучших... Он будет петь и играть на Артуровой свадьбе; затем я его и привез. Это Кевин, госпожа.

Кевин низко поклонился. Игрейна заметила, что при ходьбе он опирается на резной посох; арфу в футляре за ним носил мальчик лет двенадцати-тринадцати. Многие барды и арфисты не из числа друидов нередко бывали слепы или хромали; нечасто у здорового мальчика находились время и досуг постигать эти искусства, тем более в смутные дни войны, однако ж друиды обычно отбирали себе учеников из числа тех, что были крепки телом, равно как и остры умом. Калеку к учению друидов допускали крайне редко: считалось, что таким образом боги отмечают изъяны духа. Однако спросить об этом вслух означало допустить непростительную грубость; Игрейне оставалось лишь предполагать, что дарования Кевина и впрямь необыкновенны, так что друиды приняли его к себе, невзирая на физическое увечье.

Кевин ненадолго отвлек ее от тягостных мыслей; когда же Игрейна вновь задумалась о происходящем, она поняла: Талиесин прав. Невозможно отменить свадьбу, избегнув при этом скандала и, чего доброго, войны. В сплетенной из прутьев мазанке, что служила церковью, ярко горели свечи; вот зазвонили колокола, и Игрейна вошла внутрь. Талиесин неуклюже опустился на колени; мальчик с арфой Кевина последовал его примеру, а вот сам Кевин остался на ногах. Мгновение Игрейна гадала про себя, не выказывает ли он презрение к происходящему, не будучи христианином, как некогда Утер. Но затем, видя, с каким трудом дается ему каждый шаг, Игрейна решила, что, возможно, просто-напросто нога у него не сгибается в колене. Епископ посмотрел в его сторону — и неодобрительно нахмурился.

— Внемлите слову Господа нашего Иисуса Христа, — начал епископ. — Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там

Я посреди них... [1] И если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю[2].

Игрейна преклонила колени, закрыв лицо покрывалом, и все-таки не пропустила того мгновения, когда в церковь вошел Артур в сопровождении Кэя, Гавейна и Ланселета, — Артур в тонкой белой тунике и синем плаще. Из украшений на нем был лишь золотой венец с его коронации, да ножны прославленного меча переливались алым и искрились драгоценными каменьями. Даже не глядя, Игрейна видела Гвенвифар в ее невесомом белом платье; вся — золото и белизна, подобно Артуру, она опустилась на колени между Балином и Баланом. Лот, худощавый, уже седеющий, стоял на коленях между Моргаузой и одним из своих младших сыновей; а позади него... ощущение было такое, будто речитатив священника на миг заглушила высокая, запретная нота арфы. Игрейна осторожно приподняла голову, пытаясь рассмотреть, кто там. Ни фигуру, ни лицо Моргейны различить возможным не представлялось; ее загораживала Моргауза.

И все-таки Игрейна *ощущала* ее присутствие, точно фальшивую ноту в гармонии богослужения. Неужто, спустя столько лет, она вновь читает мысли? В любом случае, что делает в церкви жрица Авалона? Когда, во времена их брака, Игрейну с Утером навещала Вивиана, жрица либо воздерживалась от посещения церковной службы, либо приходила, наблюдала и слушала с вежливым, серьезным интересом: так глядят на ребенка, играющего в пир для своих кукол. И все-таки... вот теперь она смогла рассмотреть Моргейну как следует: она изменилась, похудела, похорошела; одета строго и просто в платье из тонкой темной шерсти, волосы скромно покрыты. И ничего недозволенного она не делала; голова склонена, взгляд потуплен, вся — воплощение почтительного внимания. И все же, похоже, даже священник чувствовал исходящие от нее враждебность и раздражение; пару раз он прервался и посмотрел в сторону молодой женщины, хотя невозможно было обвинить ее хоть в чем-либо самую малость неподобающем, идущем вразрез с приличиями. Так что волей-неволей священник вновь возвращался к службе.

Но теперь отвлеклась и Игрейна. Она пыталась сосредоточиться на мессе, она шептала полагающиеся ответы, однако размышляла она не о словах священника, и не о женихе-сыне, и не о Гвенвифар, которая — Игрейна чувствовала это, даже не глядя в нужную сторону, — под покрывалом оглядывала церковь, высматривая Ланселета, что молился рядом с Артуром. Сейчас Игрейна могла думать только о дочери. Вот закончится месса, а

[1] Мф 18: 20.

[2] Ин 14:13.

потом и венчальная служба, и она увидится с Моргейной и узнает, куда та уехала и что с нею приключилось.

Но вот, на краткое мгновение подняв глаза, пока министрант вслух зачитывал историю о свадьбе в Кане Галилейской, она обернулась на Артура и заметила, что и его взгляд неотрывно прикован к Моргейне.

Глава 6

Устроившись среди дам Моргаузы, Моргейна молча слушала службу, склонив голову, с выражением почтительного внимания на лице. Но внутри себя она вся кипела. Что за чушь — можно подумать, дом, построенный руками человека, слова какого-то там священника способны превратить в обитель Духа, который вовсе и не человеком создан. В мыслях ее царил хаос. Двор Моргаузы надоел Моргейне; а теперь вот она вновь оказалась в круговороте событий, как если бы из застоявшегося, сонного пруда ее вдруг выбросили в бурлящую реку. Она вновь почувствовала, что живет. Даже на Авалоне, в тишине и затворничестве, она ощущала свою сопричастность к течению жизни; но среди женщин Моргаузы она казалась самой себе никчемной, отупевшей бездельницей. А теперь она вновь пришла в движение — она, что со времен рождения сына пребывала в вялой неподвижности. В памяти на миг воскрес образ Гвидиона, ее маленького сынишки. Гвидион ее уже и не узнает; если она пытается взять мальчика на руки и приласкать, он вырывается, отбивается и бежит к приемной матери. Даже теперь, при воспоминании о крошечных ручонках, обвившихся вокруг ее шеи, Моргейна расслабилась, затосковала, но усилием воли прогнала докучную мысль. Мальчик даже не знает, что приходится ей сыном, он вырастет, причисляя себя к Моргаузиному семейству. Нет, Моргейна не возражала; и все-таки заглушить непрошеную грусть ей почему-то не удавалось.

Ну да ладно, наверное, все женщины испытывают сожаление, по необходимости покидая свое дитя; однако таков удел всех женщин, кроме разве хозяйствующих домоседок, что рады-радехоньки оделять своих детей тем, что дала бы любая приемная мать или даже прислужница, ибо работы более важной у них на руках нет. Даже скотница оставляет младенцев, отправляясь выпасать стадо; что же тогда говорить о королеве или жрице? Вот и Вивиана отдала своих детей в чужие руки. Равно как и Игрейна.

Артур казался воплощением мужественной красоты; он вырос, раздался в плечах; нет, это уже не тот стройный, хрупкий мальчик, что пришел к ней с лицом, залитым оленьей кровью.

Вот где властная сила, то ли дело унылые разглагольствования о деяниях этого их Бога, что вечно путается у всех под ногами, превращая воду в вино, что иначе как кощунством по отношению к дарам Богини и не назовешь. Или эта история означала, что при соединении мужчины и женщины в брачном союзе закваска Духа превратит их сближение в нечто священное, подобно Великому Браку? Ради Артура Моргейна надеялась, что так оно и произойдет с этой женщиной, кто бы она ни была; со своего места подле Моргаузы Моргейна различала только облако бледно-золотых волос, увенчанное еще более светлым золотом свадебного венца, и белое платье из тонкой, дорогой ткани. Артур поднял глаза на невесту — и взгляд его остановился на Моргейне. Молодая женщина заметила, как тот изменился в лице, и настороженно подумала: «*Итак, он узнал меня. Вряд ли я преобразилась настолько сильно, как он; он вырос, из мальчика превратился в мужчину, а я... я уже тогда была женщиной, и вряд ли прошедшие месяцы сказались на мне столь же заметно*».

Моргейна от души надеялась, что невеста Артура полюбит его всем сердцем, а он — ее. В сознании ее звенели горестные слова Артура: «Всю свою жизнь я стану вспоминать тебя, и любить, и благословлять». Но ведь так не подобает. Он должен все забыть, он должен приучиться видеть Богиню лишь в своей избранной супруге. Рядом с Артуром стоял Ланселет. Как так вышло, что годы настолько изменили Артура, прибавили ему серьезности, а вот Ланселета словно не задели и не затронули? Но нет, и Ланселет тоже уже не тот, что прежде; вид у него опечаленный, длинный шрам, перечеркнув лицо, теряется в волосах, — в этом месте обозначилась седая прядка. Кэй еще больше исхудал и ссутулился; а на Артура смотрит, точно преданный пес — на хозяина. Отчасти страшась, отчасти надеясь, Моргейна оглянулась по сторонам: не приехала ли Вивиана на свадьбу Артура, как некогда — на коронацию? Но Владычицы Озера здесь не было. Вот мерлин; седовласая голова склонена — право, можно подумать, что в молитве; а позади него, на ногах, маячит высокая тень — это Кевин Бард, у него-то хватило здравого смысла не преклонять колени перед этим нелепым фиглярством; вот и молодец!

Служба завершилась; епископ — высокий, аскетического вида старец с кислым лицом — произнес отпуск. Даже Моргейна склонила голову — Вивиана учила ее хотя бы внешне выказывать уважение к проявлениям чужой веры, поскольку, как она объясняла, любая вера — от богов. Во всей церкви не опустил головы один лишь Кевин: он стоял, гордо выпрямившись, и Моргейна вдруг пожалела, что у нее недостает храбрости подняться с колен и встать рядом с ним, не опуская головы. С какой стати Артур так подобострастничает? Не он ли поклялся торжествен-

ной клятвой почитать Авалон и его жрецов? Неужто настанет день, когда ей или Кевину придется напомнить Артуру о принесенном обете? И, уж конечно, этот белоснежный, набожный церковный ангел, которого Артур берет в жены, ничем им не поможет. Надо было женить Артура на женщине с Авалона; в прошлом уже случалось не раз и не два, что посвященная жрица вступала в союз с королем. Эта мысль задела ее за живое; Моргейна заглушила голос тревоги, быстро вообразив себе Врану в роли Верховной королевы. По крайней мере, она обладала бы христианской добродетелью молчания... Моргейна потупилась и закусила губу, внезапно испугавшись, что рассмеется вслух.

Месса завершилась; люди хлынули к выходу. Артур и его соратники остались на месте, повинуясь призывному жесту Кэя. Лот и Моргауза направились к ним. Моргейна шла следом. Игрейна, мерлин и молчаливый арфист тоже остались. Молодая женщина подняла глаза, встретила взгляд матери и поняла столь же остро, как если бы воспользовалась Зрением, что, если бы не присутствие епископа, Игрейна уже сжимала бы ее в объятиях. Закрасневшись, она отвернулась, намеренно уклоняясь от жадного материнского взора.

До сих пор об Игрейне она думала как можно меньше; сознавала лишь то, что в ее присутствии нужно любой ценой сберечь ту одну-единственную тайну, которая для Игрейны запретна, — кто отец ее, Моргейны, ребенка... Один раз, в ходе тех долгих, мучительных родов, что она уже и не помнила толком, Моргейне померещилось, будто она, точно дитя, громко зовет мать, но в самом ли деле она кричала или нет, Моргейна не знала. Но даже сейчас она страшилась любого общения с матерью, некогда обладавшей Зрением и знавшей обычаи Авалона; Моргейна, возможно, и сумела избавиться от чувства вины и всего, усвоенного в детстве, но выбранит ли ее Игрейна за то, что в конце концов произошло не по ее собственному выбору?

Тем временем Лот преклонил колена перед Артуром, и Артур, чье юное, серьезное лицо дышало сердечностью, поднял его и расцеловал в обе щеки.

— Я рад, что ты приехал на мою свадьбу, дядя. Радуюсь я и тому, что столь преданный друг и родич оберегает мои северные берега; сын же твой Гавейн — мой добрый друг и ближайший из соратников. Рад я и тебе, тетя. Прими мою признательность за то, что в лице своего сына подарила мне соратника столь верного.

Моргауза улыбнулась. А ведь она до сих пор красива, подумала про себя Моргейна, — куда краше Игрейны.

— Что ж, сир, вскорости будет у тебя причина поблагодарить меня еще раз и еще, ибо есть у меня и младшие сыновья, что только и твердят о том, как поступят однажды на службу к Верховному королю.

— Им обрадуются здесь не меньше, чем старшему их брату, — учтиво заверил Артур и вновь устремил взгляд мимо Моргаузы на коленопреклоненную Моргейну.

— Добро пожаловать, сестра. В день моей коронации я дал тебе обещание, которое ныне желаю выполнить. Подойди же. — Он протянул руку. Моргейна встала, ощущая, как напряглись его сжатые пальцы. Стараясь не встречаться с ней глазами, Артур провел ее мимо всех прочих к тому месту, где облаченная в белое дева преклоняла колена в облаке золотых волос.

— Госпожа моя, — тихо произнес он, и в первое мгновение Моргейна не была уверена, к кому из них двоих Артур обращается. Он смотрел то на одну женщину, то на другую; Гвенвифар встала, подняла глаза — и в миг потрясенного узнавания взгляды их встретились.

— Гвенвифар, это моя сестра Моргейна, герцогиня Корнуольская. Я желаю, чтобы она стала первой среди твоих придворных дам, ибо она — знатнейшая и благороднейшая среди них.

Гвенвифар облизнула губы крохотным розовым язычком, точно котенок.

— Лорд мой и король, леди Моргейна и я уже встречались.

— В самом деле? Но где же? — улыбаясь, осведомился Артур.

— В ту пору она обучалась в школе при Гластонберийской обители, лорд мой, — столь же холодно отозвалась Моргейна. — Она заплутала в туманах и ненароком забрела на берега Авалона. — И, точно так же, как в тот далекий день, ей вдруг померещилось, будто нечто серое и унылое, точно пепел, запорошило и потушило ясный свет солнца. Невзирая на свое скромное, изящное платье и тонкой работы покрывало, Моргейна ощущала себя грубой, вульгарной, неотесанной карлицей перед этим воплощением неземной белизны и драгоценного золота. Чувство это длилось лишь мгновение; затем Гвенвифар шагнула вперед, обняла ее и поцеловала в щеку, как и подобает родственнице. В свою очередь обняла ее и Моргейна: какая же она хрупкая, точно драгоценный хрусталь; то ли дело она сама — жилистая и крепкая, точно сучковатое дерево! Моргейна неловко, смущенно отстранилась, чтобы не видеть, как Гвенвифар отпрянет первая. В сравнении с нежной, точно розовый лепесток, щечкой девушки ее собственные губы показались ей жесткими и грубыми.

— Я приветствую сестру лорда моего и мужа, леди Корнуолла... могу я называть тебя Моргейной, сестра?

Моргейна перевела дух.

— Как тебе угодно, госпожа, — буркнула она, с запозданием осознав, что слова ее прозвучали не то чтобы любезно. Но что еще могла она сказать? Стоя рядом с Артуром, она подняла глаза: Гавейн разглядывал ее, еле заметно хмурясь. Лот исповедовал христианство лишь в силу выгоды; Гавейн, со всей его грубой

прямотой, был искренне набожен. Под его неодобрительным взглядом Моргейна ощутимо напряглась: у нее столько же прав быть здесь, как и у самого Гавейна. Забавно было бы поглядеть, как кое-кто из чопорных Артуровых соратников позабудет о благопристойности у костра Белтайна! Ну что ж, Артур поклялся чтить при своем дворе как людей Авалона, так и христиан. Возможно, для этого она и здесь.

— Надеюсь, мы подружимся, госпожа, — промолвила Гвенвифар. — Я помню, как ты и лорд Ланселет вывели меня на дорогу, когда я заплутала в этих кошмарных туманах... даже теперь я дрожу при воспоминании о том жутком месте, — промолвила она, поднимая глаза на Ланселета, стоявшего позади Артура. Моргейна, чутко улавливающая настрой вокруг них, проследила ее взгляд и подивилась, с какой стати Гвенвифар понадобилось обращаться к нему именно сейчас; и тут же осознала, что девушка просто не может иначе, взор Ланселета удерживает ее словно на привязи... а сам Ланселет смотрит на Гвенвифар точно голодный пес — на жирную кость. Если Моргейне и суждено было вновь повстречаться с этим розово-золотым изысканным созданием в присутствии Ланселета — счастье для них обоих, что Гвенвифар вот-вот станет женою другого. Тут Моргейна осознала, что Артур так и не выпустил ее руки, и это ее тоже встревожило: и этим узам должно прерваться, когда он разделит ложе с женой. Гвенвифар станет для Артура Богиней, и на Моргейну он больше не взглянет, во всяком случае, так, чтобы это ее обеспокоило. Она Артуру — сестра, а не возлюбленная; и родила она сына не от него, но от Увенчанного Рогами — так тому и должно быть.

«*Но ведь и я не разорвала этих уз. Верно, после рождения сына я долго хворала и не испытывала ни малейшего желания спелым яблоком упасть в постель Лота, так что всякий раз перед Лотом я разыгрывала этакую леди Целомудрие*». И все-таки Моргейна не сводила глаз с Ланселета, надеясь перехватить взгляд от него к Гвенвифар.

Ланселет улыбался, однако смотрел куда-то мимо нее. Гвенвифар сжала ладонь Моргейны в своей, а вторую руку протянула к Игрейне.

— Очень скоро вы станете мне все равно что родная мать и сестра, — промолвила она, — ведь нет у меня ни сестры, ни матери. Так встаньте же рядом со мной, пока свершается брачный обряд, мать и сестрица.

Хотя и ожесточившись сердцем против обаяния Гвенвифар, Моргейна не могла не смягчиться от этих нежданных, произнесенных словно по наитию слов и пожала в ответ теплые миниатюрные пальчики. Игрейна потянулась к руке дочери, и Моргейна, промолвив:

— Я не успела еще толком с тобою поздороваться, матушка, — на мгновение выпустила руку Гвенвифар и расцеловала Игрейну. И подумала, когда на миг все трое застыли в кратком объятии: «*Воистину, все женщины — сестры перед лицом Богини*».

— Ну так что ж, — благодушно заметил мерлин, — не подписать ли и не засвидетельствовать ли нам брачный союз, и уж тогда — за пир и увеселения!

Моргейне показалось, что епископ его ликования не разделяет, но и он отозвался вполне приветливо:

— Ныне, когда души наши воспряли и воистину преисполнились любви к ближнему, воистину, возвеселимся же, как подобает добрым христианам в день столь благого предзнаменования.

Пока шла церемония, Моргейна стояла рядом с Гвенвифар и чувствовала, как девушка дрожит мелкой дрожью. И в памяти ее тут же воскрес день охоты на оленя. Ее, по крайней мере, вдохновил и воодушевил обряд; и все равно она боялась и льнула к старухе-жрице. Внезапно, в порыве великодушия, ей захотелось прочитать Гвенвифар, — в конце концов, девушка воспитывалась в монастыре, откуда бы ей набраться древней мудрости! — некоторые из тех наставлений, что даются юным жрицам. Тогда бы она поняла, как пропускать сквозь себя токи солнца и лета, земли и жизни. Тогда она воистину станет для Артура Богиней, а он для нее — Богом, и брак их будет не пустой видимостью, но истинным союзом душ на всех уровнях жизни... Моргейна уже принялась вспоминать нужные слова, как вдруг вспомнила, что Гвенвифар — христианка и Моргейну за такие советы не поблагодарит. Молодая женщина раздосадованно вздохнула, зная: разумнее всего — промолчать.

Она подняла глаза, встретила взгляд Ланселета — мгновение юноша неотрывно глядел на нее, и Моргейна против воли вспомнила тот пронизанный солнцем миг на Холме, когда им должно было бы соединиться друг с другом как мужчине и женщине, как Богине и Богу... Моргейна знала: Ланселет думает о том же самом. Но он опустил глаза и отвернулся, осенив себя, по примеру священника, знаком креста.

Несложная церемония подошла к концу. Моргейна, как свидетельница, поставила свою подпись на брачном контракте, отметив, сколь изящен и ровен ее почерк в сравнении с размашистыми каракулями Артура и по-детски нескладными буковками Гвенвифар: неужели монахини Гластонбери столь мало преуспели в учености? Расписался и Ланселет, а вслед за ним — Гавейн, и король Борс Бретонский, тоже приехавший в качестве свидетеля, и Лот, и Экторий, и король Пелинор, чья сестра приходилась Гвенвифар матерью. С Пелинором приехала молоденькая дочь; он церемонно поманил ее к себе.

— Моя дочь, Элейна, — твоя кузина, госпожа моя и королева. Умоляю тебя принять ее к себе в свиту.

— Я буду рада видеть ее в числе моих дам, — с улыбкой отозвалась Гвенвифар. А Моргейна подумала про себя, что Пелинорова дочка как две капли воды похожа на королеву: такая же розово-золотистая, хотя и уступает в яркости ослепительному сиянию Гвенвифар, и одета в простое льняное платье, выкрашенное шафраном, на фоне которого бледнеет и меркнет золото ее волос. — Как твое имя, кузина? И сколько тебе лет?

— Элейна, госпожа моя; мне тринадцать лет от роду. — Она присела до земли — так низко, что потеряла равновесие, и Ланселет подхватил ее, не давая упасть. Девушка покраснела, как маков цвет, и закрыла лицо покрывалом. Ланселет снисходительно улыбнулся, а у Моргейны голова закружилась от мучительной ревности. На нее Ланселет и не смотрит, а глядит лишь на этих бледных бело-золотых ангелов; наверняка и он тоже считает ее безобразной карлицей. И в это мгновение все ее добрые чувства к Гвенвифар угасли, сменились яростью, и Моргейна поневоле отвернулась.

На протяжении последующих нескольких часов Гвенвифар должна была приветствовать королей Британии — всех до единого, не иначе! — и знакомиться с их женами, сестрами и дочерьми. Когда настало время пира, в придачу к Моргейне, Элейне, Игрейне и Моргаузе ей пришлось выказывать учтивость и любезность Флавилле, приемной матери Артура и матери сэра Кэя; и королеве Северного Уэльса, носившей ее собственное имя, Гвенвифар, но при этом темноволосой, с типично римской внешностью; и еще с полдюжине женщин.

— Уж и не знаю, как мне запомнить их всех поименно! — шепнула королева Моргейне. — Может, мне просто-напросто звать их всех «госпожа моя», надеясь, что они не поймут, в чем дело?

И Моргейна, на миг забыв о неприязни и подстраиваясь под шутливый тон собеседницы, прошептала в ответ:

— В титуле Верховной королевы есть свои преимущества, госпожа: никто и никогда не дерзнет задать тебе вопрос «почему?» Что бы ты ни сделала, тебя лишь одобрят! А если и не одобрят, так вслух ничего не скажут!

Гвенвифар сдержанно хихикнула:

— Но ты, Моргейна, непременно зови меня по имени, а никакой не «госпожой». Когда ты произносишь «госпожа», я поневоле оглядываюсь в поисках какой-нибудь дородной престарелой дамы вроде достойной Флавиллы или супруги короля Пелинора!

Наконец пир начался. На сей раз Моргейна ела с большим аппетитом, нежели на Артуровой коронации. Усевшись между

Гвенвифар и Игрейной, она охотно воздавала должное обильному угощению; воздержание Авалона осталось где-то в далеком прошлом. Она даже отведала мяса, хотя и без удовольствия; а поскольку на столе воды не было, а пиво предназначалось главным образом для слуг, она пила вино, вызывающее у нее лишь отвращение. Голова у нее слегка пошла кругом, хотя и не так, как от подобных жидкому пламени ячменных напитков при оркнейском дворе; их Моргейна терпеть не могла и в рот не брала вовсе.

Спустя некоторое время Кевин вышел вперед и заиграл; и разговоры стихли. Моргейна, не слышавшая хорошего арфиста с тех пор, как покинула Авалон, жадно внимала музыке, забывая о прошлом. Нежданно-негаданно она затосковала о Вивиане. И даже когда Моргейна подняла глаза и глянула на Ланселета, — как любимейший из Артуровых соратников, он сидел ближе к королю, нежели все прочие, даже Гавейн, его наследник, и ел с одного с ним блюда, — в мыслях ее он был лишь товарищем ее детства, проведенного на Озере.

«Вивиана, а не Игрейна, — вот кто моя настоящая мать; это ее я звала...» Молодая женщина потупилась и заморгала, борясь со слезами, проливать которые давно разучилась.

Музыка смолкла, и в наступившей тишине раздался звучный голос Кевина:

— У нас здесь есть еще один музыкант, — промолвил он. — Не согласится ли леди Моргейна спеть для гостей?

«Откуда он только узнал, как исстрадалась я по своей арфе?» — подивилась про себя молодая женщина.

— Для меня, сэр, сыграть на твоей арфе — в удовольствие. Да только инструмента столь совершенного я вот уже много лет в руки не брала; но лишь кустарное его подобие при Лотовом дворе.

— Как, сестра моя станет петь, точно наемная музыкантша, для всех собравшихся? — недовольно промолвил Артур.

«Кевин явно оскорбился, что и неудивительно», — подумала про себя Моргейна. Задохнувшись от гнева, она поднялась со своего места со словами:

— То, до чего снизошел лучший арфист Авалона, я сочту для себя честью! Своею музыкой бард угождает богам, и никому другому!

Молодая женщина взяла арфу из его рук и уселась на скамью. Этот инструмент был заметно крупнее ее собственного, и в первое мгновение руки ее неловко нащупывали нужные струны, но вот она уловила гамму, и пальцы запорхали более уверенно. Моргейна заиграла одну из тех северных песен, что слышала при дворе Лота. Теперь она порадовалась, что пила вино: крепкий напиток прочистил ей горло, и голос ее, глубокий и нежный, вернулся к ней во всей своей полнозвучной силе, хотя вплоть до

сего момента Моргейна о том и не подозревала. Этот голос — выразительное грудное контральто — ставили барды Авалона, и молодая женщина вновь испытала прилив гордости. «*Пусть Гвенвифар красива, зато у меня — голос барда*».

И, едва песня закончилась, даже Гвенвифар протолкалась ближе, чтобы сказать:

— У тебя чудесный голос, сестрица. А где ты научилась так хорошо петь — на Авалоне?

— Конечно, леди; музыка — священное искусство; разве в обители тебя не учили играть на арфе?

— Нет, ибо не подобает женщине возвышать свой голос перед Господом... — смешалась Гвенвифар.

— Вы, христиане, слишком любите выражение «не подобает», особенно применительно к женщинам, — прыснула Моргейна. — Если музыка — зло, стало быть, зло она и для мужчин тоже; а если — добро, разве не должно женщинам стремиться к добру во всем и всегда, дабы искупить свой так называемый грех, совершенный на заре сотворения мира?

— И все же мне бы никогда не позволили... как-то раз меня прибили за то, что я прикоснулась к арфе, — с сожалением промолвила Гвенвифар. — Но ты подчинила своими чарам всех нас, и думаю я, вопреки всему, что магия эта — благая.

— Все мужи и жены Авалона изучают музыку, но мало кто обладает даром столь редким, как леди Моргейна. — вступил в разговор Талиесин. — С чудесным голосом надо родиться; учением такого не добьешься. А ежели голос — это Господень дар, так сдается мне, презирать его и пренебрегать им — не что иное, как гордыня, неважно, идет ли речь о мужчине или женщине. Как можем мы решить, что Господь совершил ошибку, наделив подобным даром женщину, если Господь непогрешим и всеблаг? Так что остается нам принимать сей дар как должное, кто бы им ни обладал.

— Спорить с друидом о теологии я не возьмусь, — промолвил Экторий, — но, если бы моя дочь родилась с подобным даром, я счел бы его искушением и соблазном выйти за предел, назначенный женщине. В Писании не говорится, что Мария, Матерь Господа нашего, плясала либо пела...

— Однако ж говорится в Писании, что, когда Дух Святой снизошел на нее, возвысила она свой голос и запела: «Величит душа Моя Господа...» — тихо произнес мерлин. Однако сказал он это по-гречески: «*Megalynei hē psychē mòu ton Kyrion*».

Лишь Экторий, Ланселет и епископ поняли слова мерлина, хотя и Моргейне тоже доводилось слышать этот язык не раз и не два.

— Однако пела она перед лицом одного лишь Господа, — решительно отрезал епископ. — Только про Марию Магдалину из-

вестно, что она пела и плясала перед мужами, и то до того, как Искупитель наш спас ее душу для Бога, ибо, распевая и танцуя, предавалась она разврату.

— Царь Давид, как нам рассказывают, тоже был певцом и играл на арфе, — не без лукавства заметила Игрейна. — Вы полагаете, он бил своих дочерей и жен, ежели те прикасались к струнам?

— А если Мария из Магдалы, — эту историю я отлично помню! — и играла на арфе и танцевала, так все равно она спаслась, и нигде не говорится, будто Иисус велел ей кротко сидеть в уголке и помалкивать! — вспыхнула Моргейна. — Если она помазала Господа драгоценным мирром, Он же не позволял своим спутникам упрекать ее, возможно, Он и другим ее дарованиям радовался не меньше! Боги дают людям лучшее, что только есть у них, а никак не худшее!

— Ежели здесь, в Британии, религия существует в таком виде, так, стало быть, и впрямь не обойтись без церковных соборов, что созывает наша церковь! — чопорно произнес епископ, и Моргейна, уже сожалея об опрометчивых словах, опустила голову: не должно ей разжигать ссору между Авалоном и церковью на Артуровой свадьбе! Но почему не выскажется сам Артур? И тут заговорили все разом; и Кевин, вновь взяв в руки арфу, заиграл веселый напев, и, воспользовавшись этим, слуги вновь принялись разносить свежие яства, хотя к тому времени на еду никто уже не глядел.

Спустя какое-то время Кевин отложил арфу, и Моргейна, по обычаям Авалона, налила ему вина и, преклонив колени, поднесла угощение. Кевин улыбнулся, принял чашу и жестом велел ей подняться и сесть рядом.

— Благодарю тебя, леди Моргейна.

— То долг мой и великое удовольствие — услужить такому барду, о великий арфист. Ты ведь недавно с Авалона? Благополучна ли родственница моя Вивиана?

— Да, но заметно постарела, — тихо отозвался он. — И, как мне думается, истосковалась по тебе. Тебе следовало бы вернуться.

И Моргейну вновь захлестнуло неизбывное отчаяние. Молодая женщина смущенно отвернулась.

— Я не могу. Но расскажи мне, что нового у меня дома.

— Если ты хочешь узнать новости Авалона, придется тебе самой туда съездить. Я не был на острове вот уже год: мне велено приносить Владычице вести со всего королевства, ибо Талиесин ныне слишком стар, чтобы служить Посланцем богов.

— Ну что ж, — отозвалась Моргейна, — тебе найдется что порассказать ей об этом браке.

— Я поведаю ей, что ты жива и здорова, ибо она по сей день тебя оплакивает, — промолвил Кевин. — Зрение ее оставило, так

что узнать о том сама она не может. А еще я расскажу ей про ее младшего сына, ставшего первым из Артуровых соратников, — добавил он, саркастически улыбаясь. — Воистину, вот гляжу я на них с Артуром: ну ни дать ни взять младший из учеников, что на вечере возлежал у груди Иисуса[1]...

Моргейна, не сдержавшись, фыркнула себе под нос:

— Епископ, надо думать, приказал бы высечь тебя за кощунственные речи, кабы только услышал.

— А что такого я сказал? — удивился Кевин. — Вот восседает владыка Артур, подобно Иисусу в кругу апостолов, защитник и поборник христианства во вверенных ему землях. А что до епископа, так он просто-напросто старый невежа.

— Как, только потому, что у бедняги нет музыкального слуха? — Моргейна сама не сознавала, насколько изголодалась по шутливому подтруниванию в беседе равного с равным: Моргауза и ее дамы сплетничали о таких пустяках, так носились с сущими мелочами!

— Я бы сказал, что любой человек, музыкального слуха лишенный, воистину невежественный осел, поскольку не говорит, а истошно ревет! — не задержался с ответом Кевин. — Да только дело не только в слухе. Разве сейчас время играть свадьбу?

Моргейна так долго пробыла вдали от Авалона, что не сразу поняла, куда клонит собеседник, но тут Кевин указал на небо.

— Луна идет на убыль. Дурное это предзнаменование для брака; вот и лорд Талиесин так говорил. Но епископ настоял на своем: дескать, пусть венчание состоится вскорости после полнолуния, чтобы гостям не по темноте домой возвращаться; кроме того, это — праздник одного из христианских святых, уж и не знаю какого! Беседовал мерлин и с Артуром и объяснял, что брак этот не сулит ему радости; не знаю почему. Однако отменить свадьбу под каким-либо благовидным предлогом уже не удавалось; видимо, слишком далеко все зашло.

Моргейна инстинктивно поняла, что имел в виду старый друид; ведь и она тоже видела, как Гвенвифар глядит на Ланселета. Уж не проблеск ли Зрения внушил ей настороженность по отношению к девушке в тот памятный день на Авалоне?

«*В тот день она навеки отобрала у меня Ланселета*», — подумала Моргейна и, тут же вспомнив, что некогда дала обет сохранить свою девственность для Богини, с отрешенным изумлением заглянула в себя. Неужто ради Ланселета она бы нарушила клятву? Она пристыженно потупилась, на мгновение вдруг устрашившись, что Кевин сможет прочесть ее мысли.

Некогда Вивиана наставляла ее, что жрице должно соизмерять послушание с велениями собственного здравого смысла.

---

[1] Ин 13:23.

Инстинкт, повелевший ей возжелать Ланселета, был правилен, невзирая на все обеты... «*Лучше бы я в тот день уступила Ланселету — даже по законам Авалона я поступила бы как должно; тогда бы Артурова королева вручила жениху сердце, еще никем не затронутое, ибо между Ланселетом и мною возникла бы мистическая связь, а ребенок, что я родила бы, принадлежал бы к древнему королевскому роду Авалона...*»

Однако на ее счет имелись иные замыслы; противясь им, она навеки покинула Авалон и родила дитя, уничтожившее всякую надежду на то, что однажды она подарит Богине дочь в служительницы ее храма: после Гвидиона ей уже не суждено выносить ребенка. А вот если бы она доверилась собственному инстинкту и здравому смыслу, Вивиана бы, конечно, разгневалась, но для Артура со временем подыскали бы кого-нибудь подходящего...

«*Поступив как должно, я содеяла зло; повинуясь воле Вивианы, я способствовала краху и злополучию этого брака и несчастью, что, как я вижу теперь, неизбежно...*»

— Леди Моргейна, — мягко произнес Кевин, — ты чем-то озабочена. Я могу помочь тебе?

Моргейна покачала головой, снова борясь со слезами. Интересно, знает ли Кевин, что в церемонии посвящения в короли она принадлежала Артуру? Жалости его она не примет.

— Ничем, лорд друид. Наверное, мне передались твои опасения по поводу брака, заключенного при убывающей луне. Я тревожусь за брата, вот и все. И мне искренне жаль женщину, на которой он женится. — И, едва произнеся эти слова, Моргейна поняла, что все так и есть: невзирая на весь свой страх перед Гвенвифар, смешанный с ненавистью, молодая женщина знала, что и впрямь жалеет невесту: она выходит замуж за мужчину, который ее не любит, и влюблена в того, кому принадлежать не может.

«*Если я отниму Ланселета у Гвенвифар, тем самым я окажу брату услугу, да и супруге его тоже, ведь если я отберу его, Гвенвифар его позабудет*». На Авалоне Моргейну приучили исследовать свои собственные побуждения, и теперь она внутренне сжалась, понимая, что не вполне честна сама с собою. Если она отберет Ланселета у Гвенвифар, сделает она это не ради брата и не ради блага королевства, но только лишь потому, что желает Ланселета сама.

«*Не для себя. Ради другого магией пользоваться дозволяется; но не должно себя обманывать*». Моргейна знала немало любовных наговоров. Это же во имя Артура! И, если она и впрямь отберет Ланселета у братней жены, королевству от этого выйдет только польза, упрямо твердила она себе; однако беспощадная совесть жрицы повторяла снова и снова: «*Ты этого не сделаешь. Пользо-*

ваться магией для того, чтобы навязать свою волю мирозданию, запрещено».

И все-таки она попытается; однако не прибегая к посторонней помощи и ограничившись лишь самыми что ни на есть обычными женскими уловками. В конце концов, некогда Ланселет уже пылал к ней желанием и безо всякой магии, яростно твердила себе Моргейна; конечно же, вновь разбудить в нем страсть она сумеет!

Пир утомил Гвенвифар. Съела она больше, чем ей того хотелось, и хотя выпила лишь один бокал вина, ей сделалось невыносимо жарко и душно. Она откинула покрывало и принялась обмахиваться. Артур, беседуя с бесчисленными гостями, медленно продвигался к столу, за которым восседала она в окружении дам, и, наконец, пробился к ней; короля по-прежнему сопровождали Ланселет и Гавейн. Женщины подвинулись, уступая место, и Артур опустился на скамью рядом с супругой.

— Кажется, мне впервые за весь день удалось улучить минуту, чтобы поговорить с тобою, жена моя.

Гвенвифар протянула ему миниатюрную ручку:

— Я все понимаю. Это все похоже скорее на совет, нежели на свадебный пир, муж мой и господин.

Артур не без горечи рассмеялся.

— Все события отчего-то превращаются для меня в нечто подобное. Вся жизнь короля протекает на глазах у его подданных, — поправился он с улыбкой, видя, как вспыхнули щеки девушки, — ну, или почти вся; полагаю, исключение-другое сделать все-таки придется, жена моя. Закон требует, чтобы нас возвели на ложе при свидетелях; однако то, что произойдет после, никого, кроме нас, я полагаю, не касается.

Гвенвифар опустила глаза, понимая, что Артур заметил ее смущение. И вновь со стыдом осознала: она опять позабыла об Артуре, опять самозабвенно любовалась Ланселетом, размышляя, в дремотной сладости грезы, до чего бы ей хотелось, чтобы сегодня она сочеталась браком именно с ним... что за окаянная судьба избрала ее в Верховные королевы? Вот он задержал на ней жадный взгляд, и девушка не посмела поднять глаз. А в следующий миг он отвернулся — Гвенвифар почувствовала это еще до того, как на них пала тень и рядом откуда ни возьмись оказалась леди Моргейна. Артур подвинулся, освобождая ей место рядом с собою.

— Посиди с нами, сестра; для тебя здесь всегда найдется место, — промолвил он голосом столь умиленным, что Гвенвифар на мгновение задумалась, уж не выпил ли он лишнего. — Вот погоди, ближе к концу пира начнутся новые увеселения: мы

тут приготовили кое-что, пожалуй, куда более захватывающее, нежели музыка бардов, хоть она и прекрасна. А я и не подозревал, что ты поешь, сестра моя. Я знал, что ты волшебница, но ты еще и музыку слагаешь! Уж не околдовала ли ты нас всех?

— Надеюсь, что нет, — со смехом заверила Моргейна, — а то бы я впредь не смела и рта раскрыть: есть такая древняя сага про одного барда, что пением своим превратил злобных великанов в круг стоячих камней; и стоят они так по сию пору, холодные и безжизненные!

— Этой истории я не слышала, — вмешалась Гвенвифар, — хотя в обители бытует легенда о том, как злые люди насмехались над Христом, восходящим на Голгофу, а некий святой воздел руку и превратил их всех в ворон, и летают они над миром, обреченные жалобно выкликать свои издевки до самого конца света... есть и еще одно предание, про другого святого, что превратил в кольцо камней хоровод ведьм, справляющих свои бесовские обряды.

— Будь у меня досуг изучать философию, вместо того чтобы сражаться, или участвовать в советах, или дрессировать лошадей, — лениво обронил Ланселет, — думаю, я попытался бы выяснить, кто возвел стоячие камни и зачем.

— На Авалоне это знают, — рассмеялась Моргейна. — Вивиана рассказала бы тебе, кабы захотела.

— Но, — возразил Ланселет, — то, что утверждают жрицы и друиды, вполне возможно, содержит в себе не больше истины, нежели притчи твоих благочестивых монахинь, Гвенвифар, — прости, мне следовало сказать, госпожа моя и королева. Артур, прошу прощения, я и не думал обойтись непочтительно с твоей супругой, просто я звал ее по имени еще в ту пору, когда она была моложе и королевой еще не стала... — И Моргейна поняла: он просто-напросто подыскивает предлог произнести вслух ее имя.

— Милый друг мой, — зевнув, отозвался Артур, — ежели госпожа моя не против, так я и вовсе не возражаю. Господь упаси и сохрани меня; я — не из тех мужей, что стремятся держать жен в запертой клетке, вдали от всего мира. Муж, что не способен сохранить доброе расположение и верность жены, пожалуй, их и не заслуживает. — Король наклонился и завладел рукою Гвенвифар. — По-моему, пир изрядно затянулся. Ланселет, скоро ли будут готовы всадники?

— Думаю, да, — заверил Ланселет, намеренно не глядя на Гвенвифар. — Желает ли лорд мой и король, чтобы я сходил и проверил?

«*Он нарочно себя мучает, ему невыносимо видеть Гвенвифар с Артуром и невыносимо оставлять ее наедине с мужем*», — подумала про себя Моргейна. И, намеренно обыгрывая правду под видом шутки, предложила:

— По-моему, Ланселет, наши молодожены не прочь побыть минутку вдвоем. Не оставить ли нам их в покое и не сходить ли посмотреть самим, готовы ли всадники?

— Лорд мой, — произнес Ланселет и, едва Гвенвифар открыла рот, чтобы запротестовать, — едва ли не грубо докончил:— Позволь мне удалиться.

Артур кивнул в знак согласия, и Моргейна завладела рукой Ланселета. Он покорно позволил увлечь себя прочь, но на полдороге обернулся, словно не в силах отвести взгляда от Гвенвифар. Сердце ее разрывалось; молодой женщине казалось, что боли спутника она не выдержит, и при этом она готова была на что угодно, лишь бы увести его, лишь бы не видеть, как он смотрит на Гвенвифар. Позади них Артур произнес:

— Еще до вчерашнего вечера я и не подозревал, что судьбы, послав мне невесту, подарили мне настоящую красавицу.

— Это не судьба, лорд мой, а мой отец, — отозвалась Гвенвифар, но не успела Моргейна услышать, что ответил на это Артур, как они оказались за пределами слышимости.

— Помню я, — промолвила Моргейна, — как некогда, год назад, на Авалоне, ты говорил о коннице как о залоге победы над саксами, — и еще о дисциплинированной армии, под стать римским легионам. Полагаю, именно к этому ты и предназначаешь своих всадников?

— Я тренирую их — это так. Вот уж не подумал бы, кузина, что женщина способна запомнить подробности военной стратегии.

Моргейна рассмеялась:

— Я живу в страхе перед саксами, как любая другая женщина здешних островов. Мне случилось однажды проезжать через деревню, в которой похозяйничали саксонские мародеры: и никто из тамошних жительниц, начиная от пятилетней девочки и кончая девяностолетней старухой, у которой не осталось ни зубов, ни волос, не избежал насилия. Все, что сулит надежду избавиться от недругов раз и навсегда, для меня бесконечно много значит: пожалуй, больше даже, чем для мужчин и солдат, которым страшиться надо разве что за собственную жизнь.

— Об этом я как-то не задумывался, — серьезно отозвался Ланселет. — Воины Утера Пендрагона поселянками тоже не брезговали — равно как и Артуровы, — да только дело обычно происходит по обоюдному согласию; насилия, как правило, избегают. Впрочем, я и позабыл: ты, Моргейна, воспитывалась на Авалоне и часто размышляешь о том, до чего прочим женщинам дела нет. — Ланселет поднял глаза и стиснул ее руку в своей. — И арфы Авалона я тоже позабыл. Я-то думал, что всей душой ненавижу Остров и вовеки не захочу туда вернуться. И все же... порою... сущие мелочи возвращают меня туда. Перезвон арфы.

Солнечный блик на стоячих камнях. Аромат яблок, гудение пчел в знойный полдень. Рыба, что плещется в озере, и крики водяных птиц на закате...

— Помнишь тот день, когда мы вскарабкались на Холм? — тихо спросила Моргейна.

— Помню, — отозвался он и с внезапной горечью выкрикнул: — Господи, чего бы я только не отдал, чтобы ты в ту пору не была обещана Богине!

— Я жалею об этом, сколько себя помню, — еле слышно призналась молодая женщина. Голос ее вдруг прервался, и Ланселет встревоженно заглянул ей в глаза.

— Моргейна, Моргейна... я в жизни не видел тебя плачущей.

— А ты, как большинство мужчин, боишься женских слез?

Ланселет покачал головой, обнял ее за плечи.

— Нет, — тихо признался он, — женщина в слезах кажется куда более настоящей, куда более уязвимой... женщины, которые никогда не плачут, внушают мне страх, потому что я знаю: они сильнее меня, и я всегда жду от них какого-нибудь подвоха. Я всегда боялся... Вивианы. — Моргейна почувствовала, что он собирался сказать «моей матери», но так и не смог произнести этих слов.

Пройдя под низкой притолокой, они оказались в конюшне. Здесь, заслоняя свет дня, бесконечной чередой выстроились привязанные лошади. Приятно пахло соломой и сеном. Снаружи суетились люди: сооружали стога сена, устанавливали чучела из набитой чем-то кожи; входили и выходили, седлали лошадей.

Едва завидев Ланселета, один из воинов громко окликнул его:

— Скоро ли Верховный король и знатные гости будут готовы на нас полюбоваться, сэр? Не хочется выводить коней раньше времени, а то еще разнервничаются...

— Да скоро, скоро, — отозвался Ланселет.

Рыцарь, стоявший позади одного из коней, при ближайшем рассмотрении оказался Гавейном.

— А, кузина, — приветствовал он Моргейну. — Ланс, не води ее сюда; здесь даме не место, многие из этих треклятых зверюг еще не объезжены. А ты по-прежнему собираешься выехать на том белом жеребце?

— Я не я буду, если не обуздаю негодника: Артур поскачет на нем в следующую же битву, даже если для этого я шею себе сверну!

— Не шутил бы ты так, — поморщился Гавейн.

— А кто сказал, что я шучу? Если Артур с ним не справится, так значит, в битву на нем поскачу я, а нынче вечером я покажу его всем собравшимся во славу королевы!

— Ланселет, — встревожилась Моргейна, — незачем тебе рисковать своей шеей. Гвенвифар все равно не способна отли-

чить одну лошадь от другой; проскачи ты на палочке через весь двор, ты произведешь на нее впечатление ничуть не меньшее, нежели подвигами, достойными кентавра!

Ланселет смерил ее взглядом едва ли не презрительным; Моргейна с легкостью читала мысли юноши: «*Откуда ей знать, как важно для него показать всему миру, что этот день нимало его не затронул?*»

— Ступай седлай коня, Гавейн, и дай знать на ристалище, что через полчаса начинаем, — объявил Ланселет, — да спроси Кэя, не хочет ли он быть первым.

— Вот только не говори, что Кэй тоже поскачет, с его-то изувеченной ногой, — промолвил один из воинов, чужестранец, судя по выговору.

— А ты лишил бы Кэя возможности показать себя в том единственном боевом искусстве, где хромота его не имеет значения? Он и так вечно привязан к кухням и дамским покоям, — свирепо накинулся на него Гавейн.

— Да нет, нет, я уж понял, куда ты клонишь, — отозвался чужестранец и принялся седлать своего собственного коня. Моргейна коснулась руки Ланселета; тот глянул на свою спутницу сверху вниз, в глазах его вновь заплясали озорные искорки. «*Вот сейчас, занимаясь подготовкой к скачкам, рискуя жизнью, совершая подвиги ради Артура, он позабыл про любовь и снова счастлив*, — подумала про себя молодая женщина. — *Удержать бы его здесь за этим делом подольше; не пришлось бы ему страдать ни по Гвенвифар, ни по иной другой женщине*».

— Так покажи мне этого наводящего страх жеребца, на котором ты поскачешь, — попросила Моргейна.

Ланселет провел свою спутницу между рядами привязанных скакунов. Вот и он: серебристо-серый нос, длинная грива, точно шелковая пряжа, — крупный конь, и высокий — в холке не уступит ростом самому Ланселету. Жеребец запрокинул голову, фыркнул — ни дать ни взять огнедышащий дракон!

— Ах ты, красавец, — промолвил Ланселет, поглаживая коня по носу. Тот нервно прянул вбок и назад.

— Этого я выездил сам и сам приучил его к удилам и стременам, — объяснил юноша Моргейне. — Это мой свадебный подарок Артуру: самому-то ему недосуг объезжать для себя скакуна. Я поклялся, что ко дню свадьбы он будет послушен и кроток, точно комнатная собачка.

— Заботливо подобранный подарок, — похвалила Моргейна.

— Да нет, просто другого у меня не нашлось, — отозвался Ланселет. — Я ведь небогат. Впрочем, в золоте и драгоценностях Артур все равно не нуждается; у него такого добра пруд пруди. А такой подарок могу подарить только я.

— Этот дар — часть тебя самого, — промолвила молодая

женщина, думая про себя: «*Как он любит Артура; вот поэтому так и мучается. Ведь терзается он не только потому, что его влечет к Гвенвифар; дело в том, что Артура он любит не меньше. Будь он просто-напросто бабником вроде Гавейна, я бы и жалеть его не стала; Гвенвифар — воплощенное целомудрие; то-то порадовалась бы я, глядя, как она даст ему от ворот поворот!*»

— Хотелось бы мне на нем прокатиться, — проговорила она. — Лошадей я не боюсь.

— Да ты, Моргейна, похоже, ничего на свете не боишься, верно? — рассмеялся Ланселет.

— О нет, кузен мой, — возразила она, разом посерьезнев. — Я боюсь очень многого.

— Ну, а я вот еще менее храбр, чем ты, — отозвался Ланселет. — Я боюсь сражений, и саксов, и боюсь погибнуть, не успев вкусить всего того, что может предложить жизнь. Так что я принимаю любой вызов... просто не смею отказаться. А еще я боюсь, что и Авалон, и христиане заблуждаются, и нет на свете никаких богов, и никаких Небес, и никакой загробной жизни, так что, когда я умру, я сгину навеки. Вот я и боюсь умереть раньше, чем изопью чашу жизни до дна.

— Сдается мне, ты уже почти всего отведал, — предположила Моргейна.

— О, что ты, Моргейна, нет, конечно; на свете еще столько всего, к чему я страстно стремлюсь; и всякий раз, когда я упускаю из рук желаемое, я горько сожалею и гадаю, что за слабость или неразумие удержали меня от того, чтобы поступить так, как хочу... — И с этими словами Ланселет резко развернулся, жадно обнял ее и притянул к себе.

«*Им движет отчаяние,* — с горечью думала Моргейна, — *это не я ему нужна; он пытается забыть о том, что сегодня ночью Гвенвифар и Артур уснут в объятиях друг друга*». Руки его, такие умелые и ловкие, со знанием дела ласкали ей грудь; он припал к ее губам, прильнул к ней всем своим мускулистым, крепким телом. Молодая женщина застыла в его объятиях, не шевелясь, упиваясь истомой и нарастающей жаждой, что сводила с ума, точно боль; сама того не сознавая, она теснее прижалась к нему, подстраиваясь к его движениям. Но едва он попытался увлечь ее к ближайшему стогу сена, она слабо запротестовала:

— Милый, ты безумен, в конюшне Артуровы ратники и конники так и кишат, их тут с полсотни, не меньше...

— А тебе есть до них дело? — прошептал Ланселет, и, трепеща всем телом от возбуждения, она еле слышно выдохнула:

— Нет. *Нет!*

Ланселет заставил ее лечь; она не сопротивлялась. Где-то в глубине сознания затаилась горечь: «*Принцесса, герцогиня Корнуольская, жрица Авалона развлекается в сене, точно скотница*

какая-нибудь, и даже на костры Белтайна в оправдание себе не сошлешься!» Но Моргейна выбросила докучную думу из головы, позволяя рукам Ланселета ласкать себя. *«Лучше так, чем разбить сердце Артуру»*. Моргейна сама не знала, ее ли это мысль или того мужчины, что навалился на нее всем телом, чьи нетерпеливые, охваченные исступлением пальцы оставляют на ее коже синяки; в поцелуях его ощущалось нечто свирепое, с такой яростью впивался он в ее губы. Моргейна-женщина почувствовала, как Ланселет взялся за ее платье, и откатилась в сторону, чтобы ослабить шнуровку.

И тут послышались крики — настойчивые, требовательные, громкие — и оглушительный шум, точно били молотом по наковальне, и испуганный вопль, а затем загомонили с дюжину голосов сразу:

— Лорд конюший! Сэр Ланселет! Где же он? Конюший!

— Сдается мне, он где-то здесь... — Один из ратников помоложе пробежал по проходу между рядами. Яростно выругавшись сквозь зубы, Ланселет загородил собою Моргейну, а она, уже нагая до пояса, набросила на лицо покрывало и вжалась в сено, пытаясь спрятаться от посторонних глаз.

— Проклятье! Неужели мне и на минуту отлучиться нельзя?

— Ох, сэр, скорее, один из чужих коней... тут случилась кобыла в течке, и два жеребца сцепились промеж себя, и сдается мне, один из них сломал ногу...

— Ад и фурии! — Ланселет проворно оправил на себе одежду, вскочил на ноги и воззрился сверху вниз на паренька, их прервавшего. — Уже иду...

Юнец углядел-таки Моргейну; холодея от ужаса, молодая женщина от души уповала на то, что парень ее не узнал; то-то порадуется двор сплетне столь пикантной! *«Впрочем, даже эта история ни в какое сравнение не идет с тем, чего люди не знают... что я родила ребенка от собственного брата»*.

— Я помешал, сэр? — осведомился юнец, пытаясь заглянуть за спину Ланселета и едва ли не хихикая себе под нос.

«Ну, и как эта история отразится на его репутации? — мрачно размышляла Моргейна. — *Или это к чести мужчины, ежели его застукали в сене?»* Ланселет, даже не потрудившись ответить, решительно вытолкал паренька за двери, да так, что тот едва не упал.

— Ступай отыщи Кэя и коновала, да побыстрее, не мешкай! — Он метнулся к Моргейне, что с трудом поднялась на ноги, — ни дать ни взять живой смерч! — торопливо припал к ее губам. — Боги! Из всех треклятых... — Он крепко притиснул молодую женщину к себе, осыпая жадными поцелуями, — столь яростными, что Моргейна чувствовала, как горят они на ее лице алым клеймом. — Боги! Сегодня ночью — поклянись! Поклянись же!

Моргейна словно утратила дар речи. Она смогла лишь кивнуть, остолбенело и тупо; все тело ее ныло, властно требуя завершения. Ланселет бросился к выходу; она проводила его взглядом. Пару минут спустя к ней подоспел и почтительно поклонился незнакомый юноша. Тем временем солдаты вновь засуетились, забегали туда-сюда, и где-то неподалеку раздался жуткий, почти человеческий визг умирающего животного.

— Леди Моргейна? Я — Грифлет. Лорд Ланселет послал меня проводить тебя к шатрам. Он рассказал, что привел тебя сюда показать лошадей, которых объезжает для лорда моего короля, а ты споткнулась и упала в сено; он попытался выяснить, не пострадала ли ты, и тут его позвали... когда вспыхнула эта драка... ну, с жеребцом короля Пелинора. Лорд Ланселет умоляет извинить его и просит тебя возвратиться в замок...

Ну что ж, подумала про себя Моргейна, по крайней мере, это объясняет и измятое, в травяных пятнах платье, и то, что в волосы ее и под покрывало набилась сенная труха. Еще не хватало предстать перед Гвенвифар и матерью женщиной из Священного Писания, взятой в прелюбодеянии. Юный Грифлет протянул ей руку, Моргейна тяжело оперлась на нее, — дескать, лодыжка у нее вывихнута, — и так дохромала до замка. Вот вам и оправдание сенной трухи: она повредила ногу, упала и больно ушиблась. Одна часть ее сознания радовалась сообразительности Ланселета, в то время как другая безутешно взывала к нему, требуя признания и защиты.

Артур, изрядно огорченный происшествием с лошадьми, ушел в конюшни вместе с Кэем. Гвенвифар тут же засуетилась над «пострадавшей», Игрейна послала за холодной водой и льняными тряпками для перевязки; Моргейна, ни словом не возражая, покорно уселась в тени рядом с Игрейной, а тем временем на поле выехали конные всадники, дабы явить зрителям свое искусство. Артур произнес небольшую речь о новом Каэрлеонском легионе, призванном возродить славу Рима и спасти страну от недругов. Экторий, его приемный отец, так и сиял. Дюжина всадников продемонстрировали новообретенные умения: они останавливали коней на полном скаку, осаживали их, разворачивались кругом, срывались с места одновременно.

— После этого, — торжественно возгласил Артур, — никто больше не дерзнет утверждать, что кони годятся лишь в качестве тягловой силы! — Он улыбнулся Гвенвифар. — Как тебе мои рыцари, госпожа моя? Я назвал их так по образцу римских *equites* — так именовались знатные воины, представители сословия всадников, имеющие собственных коней и располагающие достаточными средствами, чтобы снарядить коня в поход.

— А Кэй — просто вылитый кентавр, — похвалила Игрейна, обращаясь к Экторию, и старик заулыбался от удовольствия. —

Артур, хорошо ты поступил, подарив Кэю одного из лучших своих скакунов!

— Кэй — слишком хороший воин и слишком верный друг, чтобы чахнуть в четырех стенах, — решительно объявил Артур.

— Он ведь твой приемный брат, верно? — промолвила Гвенвифар.

— Да, так. В первой своей битве он был ранен и с тех пор боялся, что судьба ему отныне — безвылазно сидеть дома с женщинами, — объяснил Артур. — Ужасная участь для воина, что и говорить. А вот верхом он сражается не хуже любого другого.

— Смотрите-ка! — воскликнула Игрейна. — Легион разом сокрушил все мишени — в жизни не видела такой скачки!

— Сдается мне, против такого натиска ничто не устоит, — промолвил король Пелинор. — Жалость какая, что Утер Пендрагон не дожил до этого дня, мальчик мой... прошу меня простить, король мой и лорд...

— Друг моего отца вправе называть меня как сочтет нужным, дорогой мой Пелинор! — тепло отозвался Артур. — Однако ж заслуга здесь не моя, но друга моего и конюшего, Ланселета.

Сын Моргаузы Гахерис, живой, улыбчивый паренек лет четырнадцати, поклонился Артуру:

— Лорд мой, можно я пойду на конюшню и погляжу, как их будут расседлывать?

— Ступай, — разрешил Артур. — Когда же он встанет под наши знамена рядом с Гавейном и Агравейном, тетушка?

— Возможно, что уже в этом году, ежели братья обучат его воинским искусствам и приглядят за ним первое время, — отозвалась Моргауза — и тут же воскликнула: — Нет! Ты, Гарет, никуда не пойдешь! — и попыталась ухватить пухлого шестилетнего малыша, но тот ловко увернулся. — Гахерис! А ну, приведи его назад!

Артур со смехом развел руками.

— Не тревожься, тетя, — мальчишек так и тянет в конюшни, точно блох к собакам! Мне рассказывали, как сам я прокатился на отцовском жеребце, когда мне еще и шести не исполнилось! Сам я ничего такого не помню; это случилось незадолго до того, как меня отправили на воспитание к Экторию, — проговорил он, и Моргейна вдруг похолодела, вспомнив прошлое: светловолосый мальчуган лежит неподвижно, точно мертвый, и в чаше с водой промелькнула чья-то тень... нет, все исчезло.

— Как твоя лодыжка, сестрица? — заботливо осведомилась Гвенвифар. — Вот, обопрись на меня...

— Гавейн за ним присмотрит, — небрежно заверил Артур. — Сдается мне, лучшего наставника для молодых рыцарей и конников и желать нельзя.

— Лучше даже, чем лорд Ланселет? — осведомилась Гвенвифар.

«*Она только и ищет повода, чтобы произнести его имя*, — подумала про себя Моргейна. — *Но это меня он желал совсем недавно, а нынче ночью будет уже поздно... лучше уж так, чем разбить сердце Артуру. Если понадобится, я скажу Гвенвифар все как есть*».

— Ланселет? — повторил Артур. — Он — лучший из наших всадников, хотя, на мой вкус, слишком уж бесшабашен. Вся молодежь, разумеется, от него без ума — гляньте-ка, даже твой малыш Гарет, тетя, бегает за ним по пятам, точно щенок, — ради доброго слова из его уст они на что угодно пойдут. Вот только в сравнении с Гавейном наставник он никудышный; бахвал ужасный, и пыль в глаза пускать любит. А Гавейн работает с молодыми неспешно, уверенно, от простого к сложному, шаг за шагом, чтобы никто по неосторожности не пострадал... Гавейн — мой лучший учитель воинских искусств. О, гляньте-ка, а вот и Ланселет верхом на жеребце, которого для меня объезжает... — И Артур внезапно расхохотался от души.

— Вот дьяволенок! — в сердцах выпалила Игрейна.

Ибо Гарет, точно мартышка, уцепился за кожаное стремя, да так и повис. Ланселет со смехом подхватил мальчишку, усадил перед собою и, пустив коня в галоп, во весь опор понесся вверх по склону холма к навесу, откуда наблюдала за состязаниями королевская родня. Конь мчался, сломя голову, прямо на сидящих, так что даже Артур непроизвольно охнул, а Игрейна, побледнев как полотно, отступила назад. В последний момент Ланселет сдержал скакуна, поднял его на дыбы и развернул кругом.

— Вот твой конь, лорд Артур, — с картинным жестом объявил Ланселет, одной рукою сжимая поводья, — а вот и твой кузен. Тетя Моргауза, забери маленького шалопая и выдери его хорошенько! — добавил он, спуская Гарета на колени к Моргаузе. — Шутка ли: жеребец его едва не затоптал!

Моргауза принялась выговаривать сыну, но мальчуган словно не слышал. Он не сводил взгляда со своего кумира: в синих глазенках светилось беззаветное обожание.

— Вот подрастешь, — рассмеялся Артур, шутливо потрепав малыша по щечке, — и я посвящу тебя в рыцари, и отправишься ты побеждать великанов и злых разбойников, и спасать прекрасных дам.

— Ох, нет, лорд мой Артур, — запротестовал мальчик, по-прежнему не отрывая глаз от белоснежного скакуна. — Лорд Ланселет посвятит меня в рыцари, и мы с ним вместе отправимся на поиски приключений.

— Похоже, молодой Ахилл нашел себе Патрокла, — усмехнулся Экторий.

— А я опять в тени, — добродушно посетовал Артур. — Даже моя молодая жена не в силах отвести от Ланселета глаз и умоляет называть ее по имени... а теперь и юный Гарет требует, чтобы в рыцари его посвятил не я, а он! Не будь Ланс моим лучшим другом, я бы уже сходил с ума от ревности.

Даже Пелинор залюбовался всадником, что разъезжал легким галопом взад и вперед.

— Этот треклятый дракон по-прежнему прячется в озере на моей земле... и выбирается из воды для того лишь, чтобы убивать моих подданных и расхищать их скот. Пожалуй, будь у меня такой конь, способный выстоять в битве... Думаю, обучу-ка я боевого коня и уж тогда снова поохочусь на чудище. В последний раз я от него едва ноги унес.

— Настоящий дракон, сэр? — заволновался малыш Гарет. — Он и огонь выдыхает?

— Нет, паренек; зато разит от него за версту, а уж шуму — точно шестьдесят свор гончих подняли лай в его брюхе, — промолвил Пелинор, а Экторий пояснил:

— Драконы огня не выдыхают, мальчик мой. Дело в том, что в старину драконом называли падучую звезду с длинным огненным хвостом, — возможно, некогда огнедышащие драконы на земле и водились, да только никто из живущих этого уже не помнит.

Моргейна особенно не прислушивалась, хотя и гадала про себя, что в рассказе Пелинора — истина, а что — вымысел, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление на ребенка. Она не сводила глаз с Ланселета, демонстрирующего различные аллюры.

— Я сам бы коня никогда так не выездил, — промолвил Артур жене. — Ланселет готовит его для битвы. Вот не поверишь: еще пару месяцев назад этот скакун был дик и необуздан, под стать Пелиноровым драконам, а погляди на него сейчас!

— По мне, так он и сейчас дик, — возразила Гвенвифар. — Впрочем, я ведь боюсь даже самых смирных лошадей.

— Боевой конь — это не послушная дамская лошадка, — возразил Артур. — Такому пристали задор и горячность... Господи милосердный! — воскликнул он, резко поднимаясь на ноги. Откуда ни возьмись, в воздухе мелькнуло что-то белое: какая-то птица, возможно, гусь, захлопав крыльями, метнулась прямо под ноги коню. Ланселет, что ехал свободно и непринужденно, позабыв о бдительности, вздрогнул; конь, яростно заржав, поднялся на дыбы; всадник, не удержав равновесия, соскользнул на землю едва ли не под копыта и, уже теряя сознание, сумел-таки откатиться в сторону.

Гвенвифар завизжала. Моргауза и прочие дамы эхом вторили ей, а Моргейна, напрочь позабыв о якобы вывихнутой ло-

дыжке, вскочила, подбежала к Ланселету и оттащила его из-под копыт. Подоспевший Артур схватил коня за уздечку и, едва ли не повисая на ней всей тяжестью, увел коня от распростертого на земле бесчувственного тела. Моргейна, опустившись на колени рядом с раненым, проворно ощупала его висок, где уже набухал синяк. Из раны, смешиваясь с пылью, струйкой сочилась кровь.

— Он умер? — восклицала Гвенвифар. — Он умер?

— Нет, — резко отозвалась Моргейна. — Принесите холодной воды; и тряпки для перевязки наверняка остались. Кажется, запястье сломано; пожертвовав рукою, он смягчил падение, чтобы шею не свернуть! А ушиб головы... — Моргейна приложилась ухом к его сердцу, чувствуя исходящее от мерно вздымающейся груди тепло. Взяла чашу с холодной водой, поданную дочкой Пелинора, промокнула лоб мокрой тряпкой. — Кто-нибудь, поймайте треклятого гуся и сверните птице шею! И задайте гусятнику хорошую трепку. Лорд Ланселет вполне мог погибнуть или повредить коня Верховного короля.

Подошедший Гавейн увел жеребца в конюшню. Едва не свершившаяся трагедия охладила всеобщее веселье, и один за другим гости разошлись по шатрам и жилищам. Моргейна перевязала Ланселету голову и сломанное запястье и наложила шину; к счастью, она успела закончить работу прежде, чем раненый зашевелился, застонал и, изнывая от боли, схватился за кисть; а затем, посоветовавшись с экономом, послала Кэя за усыпляющими травами и приказала отнести пострадавшего в постель. И осталась с ним; хотя Ланселет не узнавал ее, а только стонал и обводил комнату помутневшим взглядом.

Как-то раз он уставился во все глаза на свою сиделку, пробормотал: «Мама...» — и сердце у нее упало. Но после того раненый забылся тяжким, беспокойным сном, а когда пробудился, узнал-таки молодую женщину.

— Моргейна? Кузина? Что произошло?

— Ты упал с коня.

— С коня? С какого такого коня? — недоуменно осведомился он, а когда Моргейна пересказала ему события дня, решительно объявил: — Чепуха какая. Я с коней не падаю, — и вновь погрузился в сон.

А Моргейна все сидела рядом с ним, позволяя Ланселету держаться за свою руку и чувствуя, что сердце ее вот-вот разорвется от боли. Губы у нее еще горели от его поцелуев, и сладко ныла грудь. Однако мгновение было упущено, и молодая женщина отлично это понимала. Даже если Ланселет все вспомнит, его к ней не потянет; да никогда и не тянуло — он всего лишь пытался заглушить мучительные мысли о Гвенвифар и о своей любви к кузену и королю.

Стемнело. Где-то в глубине замка снова послышались звуки музыки — это играл Кевин. Там царили веселье, и песни, и смех. Внезапно дверь открылась и в комнату вошел сам Артур с факелом в руке.

— Сестра, как Ланселет?

— Он выживет; такую твердолобую голову проломить непросто, — натянуто пошутила она.

— Мы хотели, чтобы ты была в числе свидетелей, когда новобрачную возведут на брачное ложе, — ведь ты подписывала брачный контракт, — промолвил Артур. — Но, наверное, лучше не оставлять раненого одного; а попечению сенешаля я его не доверю, даже если сенешаль этот — Кэй. Ланселету изрядно посчастливилось, что рядом с ним — ты. Ты ведь ему приемная сестра, нет?

— Нет, — возразила Моргейна, ни с того ни с сего задохнувшись от гнева.

Артур подошел к постели, взял безвольную руку Ланселета в свои. Раненый застонал, зашевелился, поднял глаза, заморгал.

— Артур?

— Я здесь, друг мой, — отозвался король. Моргейна в жизни не слышала, чтобы голос его звучал так ласково и мягко.

— Твой конь... в порядке?

— С конем все хорошо. Черт его задери, — вспылил Артур. — Если бы ты погиб, на что мне конь? — Он едва сдерживал слезы.

— Как все... вышло?

— Да гусь треклятый взлетел. Мальчишка-гусятник прячется. Знает небось, что с паршивца шкуру живьем спустят!

— Не надо, — выдохнул Ланселет. — Он же всего-навсего скудоумный бедолага, что он смыслит? Его ли вина, что гуси похитрее его будут и один отбился от стада? Обещай мне, Гвидион. — Моргейна потрясенно осознала, что Ланселет обращается к королю, называя прежнее его имя. Артур пожал ему руку, наклонился, поцеловал раненого в щеку, стараясь не задеть синяка.

— Обещаю, Галахад. А теперь спи.

Ланселет до боли стиснул его руку.

— Я едва не испортил тебе брачную ночь, так? — проговорил он, и в словах этих Моргейна распознала собственную жестокую иронию.

— Испортил, да еще как — моя молодая жена так рыдала над тобою, что уж и не знаю, что она содеет, если однажды *я* проломлю себе голову, — со смехом отозвался Артур.

— Артур, ты, конечно, король, но раненому необходим покой! — гневно оборвала его Моргейна.

— Ты права. — Артур выпрямился. — Завтра я пришлю к нему мерлина; однако ж на ночь оставлять его одного не стоит...

— Я с ним побуду, — яростно заверила Моргейна.

— Ну, если ты уверена...

— Да возвращайся же к Гвенвифар! Тебя новобрачная ждет!

Артур обреченно вздохнул. И, помолчав минуту, признался:

— Я не знаю, что ей сказать. И что делать, тоже не знаю.

«*Что за нелепость — он, никак, ждет, я стану наставлять его — или, может, его жену?*» Под взглядом Артура молодая женщина опустила глаза. И мягко проговорила:

— Артур, это очень просто. Делай то, что подскажет тебе Богиня.

Он все глядел на Моргейну, точно побитый ребенок. И, наконец, хрипло выговорил, с трудом подбирая слова:

— Она... она никакая не Богиня. Просто девушка, и она... она напугана. — И, помолчав мгновение, выпалил: — Моргейна, неужто ты не видишь, что я до сих пор...

Молодая женщина поняла, что это выше ее сил.

— *Нет*! — исступленно воскликнула она и воздела руку, властно призывая к молчанию. — Артур, запомни одно. Для нее ты всегда будешь богом. Так приди к ней, как Увенчанный Рогами...

Артур вздрогнул и поспешно осенил себя крестом.

— Господь меня прости; это — моя кара... — прошептал он наконец и надолго умолк. Так стояли они, глядя друг на друга и не в силах выговорить ни слова. Наконец Артур произнес:

— Моргейна, я не имею права... ты поцелуешь меня? Один-единственный раз?

— Брат мой... — Вздохнув, она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в лоб. И пальцем начертила на его челе знак Богини. — Будь благословлен, — прошептала она. — Артур, ступай к ней, ступай к своей жене. Обещаю тебе, обещаю от имени Богини все будет хорошо, я клянусь тебе.

Артур сглотнул; мышцы его шеи напряглись и задвигались. Наконец, он отвернулся, избегая ее взгляда, и прошептал:

— Благослови тебя Господь, сестра.

И исчез за дверью.

Моргейна рухнула на стул и застыла недвижно, глядя на спящего Ланселета, истерзанная встающими в сознании образами. Лицо Ланселета... он улыбается ей в солнечных лучах на Холме. Гвенвифар, насквозь промокшая, цепляется за руку Ланселета; юбки ее волочатся по воде. Увенчанный Рогами бог, с лицом, перепачканным оленьей кровью, отдергивает полог пещеры. Губы Ланселета исступленно ласкают ей грудь — неужто это было лишь несколько часов назад?

— По крайней мере, — яростно прошептала она вслух, — в брачную ночь Артура он не будет грезить о Гвенвифар. — Молодая женщина прилегла на край кровати, осторожно прижалась всем телом к раненому и замерла — молча, даже не плача, во

власти беспросветного отчаяния, против которого не помогут даже слезы. В ту ночь она не сомкнула глаз, борясь со Зрением, борясь со снами, борясь за безмолвие и оцепенелую отрешенность мыслей, — этому ее учили на Авалоне.

А вдали от нее, в самом крайнем крыле замка, Гвенвифар лежала, не в силах заснуть, и во власти вины и нежности глядела на Артура: волосы его переливались и мерцали в лунном свете, грудь мерно вздымалась и опадала; дышал он почти беззвучно. По щекам молодой женщины медленно текли слезы.

«*Мне так хочется полюбить его*», — подумала она и принялась молиться:

— Ох, Господи, пресвятая Дева Мария, помоги мне полюбить его так, как велит долг, он — мой король и лорд мой, и он так добр, так великодушен, он заслуживает жены, что любила бы его больше, чем в силах полюбить я. — Повсюду вокруг нее ночь дышала печалью и отчаянием.

«*Но отчего же?* — гадала Гвенвифар. — *Ведь Артур счастлив. Ему не в чем упрекнуть меня. Так отчего же самый воздух словно пропитан горем?*»

Глава 7

Как-то раз на исходе лета королева Гвенвифар с несколькими своими дамами расположились в зале Каэрлеона. День выдался жаркий; полдень уже миновал; большинство дам делали вид, что прядут или чешут остатки весенней шерсти, но веретенца вращались вяло, и даже королева, лучшая рукодельница из всех, уже давно не добавляла ни стежка к роскошному алтарному покрову, что вышивала для епископа.

Вздохнув, Моргейна отложила в сторону расчесанную для прядения шерсть. В это время года она всегда скучала по дому, тосковала по туманам, наползающим с моря на тинтагельские скалы... последний раз она любовалась ими совсем маленькой девочкой.

Артур и его соратники во главе Каэрлеонского легиона отправились на южное побережье осмотреть новую крепость, возведенную там союзными саксами. Этим летом набегов не случалось; очень может быть, что саксы, за исключением тех, что подписали с Артуром договор и мирно жили себе в области Кент, отказались от Британии навсегда. За два года существования Артурова конного легиона война против саксов свелась к случайным летним стычкам; однако Артур воспользовался предоставленной ему передышкой для того, чтобы укрепить береговую оборону.

— Опять пить хочется, — пожаловалась Элейна, дочь Пелинора. — Госпожа, можно, я схожу попрошу прислать еще кувшинов с водой?

— Позови Кэя, пусть он распорядится, — отвечала Гвенвифар.

«Как она повзрослела: из робкой, перепуганной девочки превратилась в настоящую королеву», — подумала про себя Моргейна.

— Надо было тебе послушаться короля и выйти замуж за Кэя, леди Моргейна, — заметила Элейна, возвращаясь и усаживаясь на скамейку рядом с молодой женщиной. — Он — единственный мужчина в замке, которому нет еще шестидесяти, и жене его никогда не придется спать одной по полгода.

— Так бери его себе, коли хочешь, — любезно ответствовала Моргейна.

— Я вот все дивлюсь твоему отказу, — промолвила Гвенвифар, точно былое разочарование не давало ей покоя и по сей день. — Вы так подходите друг другу: Кэй, приемный брат короля, взысканный его милостью, и ты, сестра Артура и герцогиня Корнуольская в своем праве, теперь, когда леди Игрейна обители уже не покидает!

Друзилла, дочка одного из герцогов восточных краев, прыснула себе под нос.

— Послушайте, если сестра короля выходит замуж за королевского брата, что это такое, как не кровосмешение?

— Сводная сестра и приемный брат, глупышка, — отозвалась Элейна. — Но признайся, леди Моргейна, уж не шрамы ли его и хромота тебя отпугивают? Кэй, конечно, не красавец, зато мужем станет хорошим.

— Вы меня не обманете, — отшутилась Моргейна с напускным благодушием, при том, что внутри у нее все кипело, — неужто все эти женщины ни о чем, кроме сватовства, думать просто не способны? — Мое семейное счастье с Кэем вас нисколько не заботит; вам лишь бы свадьбу сыграть, чтобы развеять летнюю скуку! Но нечего жадничать, нечего! Не далее как весной сэр Грифлет женился на Мелеас, вот и хватит вам свадеб до поры до времени! — Молодая женщина скользнула взглядом по Мелеас: у той под платьем уже обозначился округлившийся живот. — К следующему году, глядишь, и младенчик появится, будет вам над кем ворковать и суетиться!

— Но уж больно долго ты засиделась в девушках, леди Моргейна, — заметила Альенор Галльская. — И вряд ли ты можешь рассчитывать на партию более выгодную, нежели приемный брат самого короля!

— Замуж я не тороплюсь, а Кэй заглядывается на меня не больше, чем я на него.

— И верно, — хихикнула Гвенвифар. — Язык у него столь же

ядовитый, как и у тебя, да и нрав не сахар — жене его терпения потребуется больше, чем святой Бригитте, а у тебя, Моргейна, колкий ответ всегда наготове!

— Кроме того, если Моргейна выйдет замуж, придется ей прясть на весь дом, — отозвалась Мелеас. — А Моргейна, как обычно, прялки чурается! — Мелеас вновь крутнула веретено, и прясло медленно опустилось к полу.

— Это верно, мне больше нравится шерсть чесать, да только уже ни клочка не осталось, — пожала плечами Моргейна, неохотно берясь за веретено.

— А ведь ты — лучшая пряха среди нас всех, — заметила Гвенвифар. — Нитка у тебя получается безупречно ровная да крепкая. А на мою посмотришь, так она уже и рвется.

— Это верно, руки у меня ловкие. Может статься, я просто устала от веретена; ведь мать научила меня прясть еще совсем маленькой, — согласилась Моргейна и нехотя принялась скручивать нить в пальцах.

Это верно — прясть она терпеть не могла и от этого занятия по возможности уклонялась... крутишь-вертишь нить в пальцах, принуждаешь свое тело к полной неподвижности, одни только пальцы работают, прясло вращается, вращается, опускаясь все ниже и ниже, к самому полу, вниз, а потом вверх, сучится нить, скользит между ладоней... — так просто при этом впасть в транс. А дамы между тем со вкусом сплетничали о всяческих пустяках дня: о Мелеас и ее утренних недомоганиях, или вот еще от двора Лота приехала некая женщина и привезла целый ворох скандальных историй о Лотовом распутстве... *«Да уж, я бы многое могла им порассказать, кабы захотела; даже племянница жены едва избежала его похотливых объятий... Мне потребовалась вся моя сообразительность и острый язык в придачу, чтобы не угодить к нему в постель; девица или замужняя женщина, герцогиня или скотница, Лоту все равно, он за каждой юбкой ухлестывает...»* Сучится, скручивается нить, вертится, вращается веретено. А ведь Гвидион, надо думать, уже совсем большой мальчик, ему целых три года исполнилось, самое время перейти от ручных котят и бабок к игрушечному мечу и деревянным рыцарям, вроде тех, что она вырезала для Гарета. Моргейне отчего-то вспомнилось, как она качала на коленях Артура — еще совсем маленькой девочкой в Каэрлеоне, при дворе Утера; то-то он был тяжелым! До чего удачно, что Гвидион ничуть не похож на отца; маленькая копия Артура при Лотовом дворе — то-то раздолье было бы болтливым языкам. А рано или поздно кто-нибудь сложил бы воедино веретено и прясло и спрял бы нить к верному ответу... Моргейна сердито вскинула голову. Да, за прялкой впасть в транс ничего не стоит, но ей должно выполнить свою часть работы, к зиме нужна пряжа, дамы станут ткать вовсю в преддверии

празднеств... А Кэй — вовсе и не единственный мужчина в замке моложе пятидесяти; есть еще Кевин, что привез вести из Летней страны... как же медленно опускается к полу прясло... сучится, скручивается нить, пальцы словно живут своей жизнью, помимо ее воли... даже на Авалоне она терпеть не могла прясть... на Авалоне среди жриц она старалась взять на себя большую часть работы с красителями, лишь бы избежать ненавистной прялки: пальцы двигаются, а мысли бродят где попало... нить крутится, вращается, точно в спиральном танце на Холме, все кругом и кругом... вот так и мир вращается вокруг солнца в небе, хотя невежественные простецы считают, будто все происходит наоборот... Видимость порою обманчива, очень может быть, что веретено крутится вокруг нити, а нить вращается вокруг себя самой, снова и снова, извивается, точно змея... точно дракон в небесах... ах, будь она мужчиной, она бы уехала прочь с Каэрлеонским легионом, ей бы не пришлось тогда сидеть здесь и прясть, прясть, прясть до одурения, до бесконечности... но даже Каэрлеонский легион кружит вокруг саксов, а саксы кружат вокруг него, все кругом и кругом, вот так и кровь совершает круговой путь у них в венах, алая кровь течет, течет... заливает очаг...

Моргейна услышала свой собственный пронзительный крик лишь после того, как он сотряс безмолвие зала. Веретено выпало из ее рук, покатилось в расползающуюся алую лужу крови, кровь растекалась, била струей, заливая очаг...

— Моргейна! Сестрица, ты, никак, о веретено укололась? Что с тобой?

— Очаг в крови... — с трудом выговорила Моргейна. — Глядите: вот, вот, прямо перед троном Верховного короля, в луже крови, жертва зарезана, точно овца, на глазах короля...

Элейна встряхнула ее за плечи; Моргейна отрешенно провела рукой по глазам. Никакой крови в помине не было; лишь отсвет полуденного солнца медленно скользил по полу.

— Сестрица, что ты такое увидела? — мягко спросила Гвенвифар.

«*Матерь-Богиня! Опять!*» Моргейна попыталась выровнять дыхание.

— Ничего, ничего... Наверное, я задремала и мне пригрезился сон...

— Ну, хоть что-то ты видела? — Калла, дородная жена эконома, так и ела Моргейну взглядом. Моргейна вспомнила, как последний раз, более года назад, она впала в транс, сидя за прялкой, и предрекла, что любимый скакун Кэя сломает ногу в конюшнях и ему придется перерезать глотку.

— Да нет же, просто сон, — досадливо отозвалась она. — Прошлой ночью мне снилось, будто я ем гусятину, а я ее с Пасхи

в рот не брала! Неужто в каждом сне так уж нужно усматривать знамение?

— Моргейна, если ты и впрямь возьмешься пророчествовать, так будь добра, предскажи что-нибудь разумное, — поддразнила Элейна. — Например, когда мужчины вернутся домой, чтобы мы успели согреть вина, или для кого Мелеас шьет свивальники — для мальчика или девочки, или когда королева наконец забеременеет!

— Замолчи, негодница! — цыкнула на нее Калла, ибо глаза Гвенвифар тут же наполнились слезами. Голова у Моргейны раскалывалась — сказывались последствия нежданно накатившего транса, — перед глазами плясали крохотные искорки, бледные, мерцающие цветные змейки разрастались, затмевали взгляд. Молодая женщина понимала: надо бы пропустить шутку девушки мимо ушей, но, даже сознавая это, не сумела сдержаться:

— Как мне надоела эта затасканная острота! Я вам не деревенская ведунья какая-нибудь, чтобы возиться с талисманами на зачатие, приворотными зельями, гаданиями и наговорами! Я жрица, а не колдунья!

— Да полно тебе, полно, — примирительно промолвила Мелеас. — Оставьте Моргейну в покое. На такой жаре чего только не привидится; даже если она и впрямь видела кровь, разлитую перед очагом, так, чего доброго, какой-нибудь дурень-слуга опрокинет на пол недожаренную лопатку и разольет кроваво-красную подливку! Не хочешь ли попить, леди? — Она подошла к ведру, зачерпнула воды, подала ковш Моргейне; та жадно припала к нему. — Насколько я знаю, большинство пророчеств так и не сбываются: с таким же успехом можно спросить у нее, когда же отец Элейны наконец-то настигнет и сразит дракона, за которым гоняется и зимою, и летом!

Как и следовало ожидать, уловка сработала.

— Если, конечно, дракон и впрямь существует... — пошутила Калла. — А то, сдается мне, король просто изыскивает предлог уехать в странствие всякий раз, когда домашний очаг ему опостылит.

— Будь я мужем Пелиноровой супруги, — откликнулась Альенор, — я бы и впрямь предпочитала общество неуловимого дракона дракону в собственной постели.

— Элейна, а скажи-ка, дракон и вправду существует, или твой отец гоняется за ним лишь потому, что это — проще, нежели толком позаботиться о стаде? — полюбопытствовала Мелеас. — В военное время мужчинам сидеть и прясть не приходится, но в мирные дни, сдается мне, среди птичьих дворов и пастбищ им ничего не стоит соскучиться.

— Сама я дракона не встречала, — промолвила Элейна, — сохрани Господь. Но некое чудище и впрямь то и дело похищает

скотину; а однажды я видела огромный слизистый след через поля; над ним поднимался смрад, и тут же лежал остов обглоданной коровы, покрытый вонючей липкой жижей. Здесь не волк потрудился и даже не росомаха.

— Подумаешь, скотина пропадает, — фыркнула Калла. — Народ фэйри, сдается мне, не такие уж добрые христиане; отчего бы им и не украсть корову-другую, ежели олени не попадаются.

— Говоря о коровах, — решительно объявила Гвенвифар, — пожалуй, спрошу-ка я Кэя, не забить ли овцу или, может, козленка. Нам нужно мясо. Вот вернутся мужчины нынче вечером или, скажем, завтра, не кормить же их всех овсянкой и хлебом с маслом! Да и масло по такой жаре того и гляди испортится. Моргейна, ступай со мной; хорошо бы, Зрение подсказало тебе, как скоро пойдет дождь! А вы все приберите со скамей пряжу и шерсть и разложите по местам. Элейна, дитя, отнеси мое вышивание ко мне в покой, да смотри, не замарай ненароком.

На полпути к дверям Гвенвифар тихо осведомилась:

— Моргейна, а ты вправду видела кровь?

— Мне все приснилось, — упрямо отозвалась молодая женщина.

Гвенвифар проницательно поглядела на собеседницу, но настаивать не стала: порою между ними вспыхивала искренняя приязнь.

— А если все-таки видела, дай Боже, чтобы то оказалась кровь саксов, пролитая вдали от сего очага. Пойдем, спросим Кэя, что там у нас со скотиной на убой. Для охоты время ныне неподходящее, и не хотелось бы мне, чтобы мужчины, едва приехав, тут же принялись носиться по окрестностям, загоняя зверя. — Королева зевнула. — И когда только закончится эта жара. Может, хоть гроза разразится... нынче утром даже молоко скисло. Надо сказать служанкам, чтобы остатки на творог пустили: не свиньям же выливать, в самом деле!

— Рачительная ты хозяйка, Гвенвифар, — криво улыбнулась Моргейна. — Мне бы это и в голову не пришло; по мне, с глаз его долой, и чем скорее, тем лучше. Кроме того, теперь маслодельни будут кислым молоком благоухать! Право же, пусть лучше свиньи жиреют.

— По такой погоде свиньи и без того отъедятся вволю, желудей-то сколько созрело! — возразила Гвенвифар, вновь глядя на небо. — Посмотри-ка, это не молния, часом?

Проследив ее взгляд, Моргейна увидела, как в небе полыхнул огненный росчерк.

— Да, верно. Мужчины вернутся промокшие и промерзшие до костей; надо бы подогреть для них вина, — рассеянно проговорила она — и, вздрогнув, осознала, что Гвенвифар смотрит на нее во все глаза.

— Вот теперь я и впрямь верю, что ты обладаешь Зрением: воистину, не слышно ни цокота копыт, ни оклика со сторожевой башни, — промолвила Гвенвифар. — Однако ж, пойду скажу Кэю, чтобы мясо непременно было. — И королева ушла прочь, а Моргейна осталась на месте, прижав руку к ноющему лбу.

«*Не к добру это*». На Авалоне она научилась управлять Зрением и не давать захватить себя врасплох, когда меньше всего этого ждешь... А то вскорости она и впрямь сделается деревенской ведуньей, станет торговать амулетами да предсказывать будущим матерям, кто у них родится, мальчик или девочка, а девицам — новых возлюбленных, а все — от беспросветной скуки: уж больно ничтожна и мелочна жизнь среди женщин! Соскучившись в обществе сплетниц, она волей-неволей взялась за прялку, а за прялкой сама не заметила, как впала в транс... «*В один прекрасный день я, чего доброго, паду так низко, что дам-таки Гвенвифар желанный амулет, чтобы она родила Артуру сына... бесплодие для королевы — тяжкое бремя, а ведь за эти два года признаки беременности проявились в ней только раз...*»

И все же общество Гвенвифар и Элейны было более-менее терпимым; большинство прочих женщин в жизни своей не задумывались ни о чем, кроме следующей трапезы и следующего мотка пряжи. Гвенвифар с Элейной обладали хоть какой-то ученостью, и порою, непринужденно с ними болтая, Моргейна уже почти готова была вообразить, что мирно беседует со жрицами Дома дев.

Гроза разразилась на закате: во дворе, дробно отскакивая от камней, загрохотал град, хлынул проливной дождь, и когда со сторожевой башни сообщили о приближении всадников, Моргейна ни на минуту не усомнилась в том, что это — Артур и его люди. Гвенвифар приказала осветить двор факелами, и очень скоро Каэрлеон был уже битком набит конями и воинами. Королева загодя посовещалась с Кэем, и к ужину забили не козленка, а целую овцу; так что на огне жарилось мясо и кипел бульон. Большинство воинов легиона встали лагерем на внешнем дворе и в поле; и, как и подобает полководцу, Артур сперва позаботился о размещении своих людей и о том, чтобы коней поставили в стойла, и только потом поспешил во внутренний дворик, где ждала его Гвенвифар.

Под шлемом голова его была перевязана, а сам он слегка опирался на руку Ланселета, однако от расспросов жены Артур небрежно отмахнулся.

— Да небольшая стычка: юты вздумали поразбойничать. Союзные саксы уже почти очистили от них берег, когда подоспели мы. Ха! Пахнет жареной бараниной... да это магия, не иначе; вы же не знали, что мы возвращаемся?

— Моргейна сказала мне, что вы вот-вот будете; так что и подогретое вино есть, — отозвалась Гвенвифар.

— Ну и ну: великое это благо для изголодавшегося воина — сестрица, наделенная Зрением, — промолвил Артур, жизнерадостно улыбаясь Моргейне; улыбка эта болезненно подействовала ей на нервы, и без того расшатавшиеся, а голова разболелась еще сильнее. Артур поцеловал сестру — и вновь обернулся к Гвенвифар.

— Ты ранен, муж мой, дай, я позабочусь о тебе...

— Нет-нет, говорю же тебе, сущие пустяки. Ты же знаешь, крови я теряю немного, пока при мне эти ножны, — отмахнулся он. — Ну, а ты-то как, госпожа, спустя столько месяцев? Я надеялся, что...

Глаза королева медленно наполнились слезами.

— Я опять ошиблась. Ох, лорд мой, а ведь на этот раз я была так уверена, так уверена...

Артур сжал ее руку в своих, искусно скрывая разочарование при виде горя жены.

— Ну, право, полно; пожалуй, придется нам попросить у Моргейны какой-нибудь амулет для тебя, — небрежно промолвил он, глядя, как Мелеас приветствует Грифлета супружеским поцелуем и гордо выпячивает округлившийся живот, — и на лице его на миг обозначились мрачные складки. — До старости нам с тобой еще далеко, моя Гвенвифар.

«*Но и молодой меня не назовешь*, — подумала про себя Гвенвифар. — *Большинство знакомых мне женщин, за исключением разве незамужних Моргейны с Элейной, к двадцати годам уже обзавелись славными сыновьями и дочерьми; Игрейна родила Моргейну в пятнадцать лет, а Мелеас всего четырнадцать с половиной, не больше!*» Она пыталась держаться спокойно и непринужденно, однако душу ей истерзало чувство вины. Что бы уж там еще ни делала королева для своего господина, первый и основной ее долг — подарить мужу сына; и долг этот она не выполнила, хотя и молилась до ломоты в коленях.

— Как моя дорогая госпожа? — улыбаясь, Ланселет поклонился королеве, и она протянула ему руку для поцелуя. — В который раз возвращаемся мы домой и обнаруживаем, что ты похорошела еще больше. Ты — единственная из дам, чья красота с годами не меркнет. Я начинаю думать, что так распорядился сам Господь: в то время как все прочие женщины стареют, толстеют и блекнут, ты остаешься ослепительно-прекрасной.

Гвенвифар одарила его ответной улыбкой — и утешилась. Пожалуй, оно и к лучшему, что она не забеременела и не подурнела... от взгляда ее не укрылось, что на Мелеас Ланселет глядит, чуть презрительно изогнув губы: мысль о том, чтобы предстать перед Ланселетом сущей уродиной, казалась ей просто кощунст-

венной. Даже Артур выглядел не лучшим образом: можно подумать, он так и спал в одной и той же измятой тунике на протяжении всего похода, и заворачивался в добрый, изрядно поношенный плащ в слякоть и дождь, и непогоду; а вот Ланселет свеж и бодр: плащ и туника безупречно вычищены, точно владелец их принарядился к пасхальному пиру; волосы подстрижены и аккуратно расчесаны, кожаный пояс ярко блестит, орлиные перья на шапочке сухи и даже не поникли. *«А ведь он больше похож на короля, нежели сам Артур»*, — подумала про себя Гвенвифар.

Служанки принялись обносить вновь прибывших круглыми блюдами с хлебом и мясом, и Артур привлек жену к себе.

— Иди-ка сюда, Гвен, садись между Ланселетом и мной, и мы потолкуем по душам... давненько не слышал я иного голоса, кроме мужских, грубых и хриплых, и не вдыхал аромата женского платья. — Артур погладил женину косу. — Иди и ты, Моргейна, посиди со мной рядом; я устал от войны и походов, хочу послушать дамские сплетни, а не солдатскую речь! — Он жадно вгрызся в ломоть хлеба. — То-то славно вновь отведать свежеиспеченного хлеба; до чего же мне опротивели жесткие галеты и протухшее мясо!

Ланселет обернулся к Моргейне, одарил улыбкой и ее.

— А как поживаешь ты, кузина? Я так понимаю, из Летней страны, или с Авалона, вестей по-прежнему нет? Есть тут еще кое-кто, кто порадовался бы новостям: мой брат Балан.

— Вестей с Авалона я не получала, — отозвалась Моргейна, чувствуя на себе взгляд Гвенвифар; или это она смотрит на Ланселета? — Однако и Балана я не видела вот уже много лет; пожалуй, его новости посвежее моих.

— Он вон там, — сообщил Ланселет, указывая на пирующих в зале. — Артур пригласил его сюда как моего родича; с твоей стороны было бы куда как любезно отнести ему вина с нашего стола. Как любой мужчина, он весьма порадуется женскому вниманию, даже если женщина эта — его родственница, а не возлюбленная.

Моргейна взяла со стола на возвышении один из кубков — тот, что из рога, отделанного деревом, — и дала знак слуге наполнить его вином. А затем, неся кубок в ладонях, обошла стол кругом, не без удовольствия ощущая на себе взоры рыцарей, даже при том, что знала: после стольких месяцев похода так они смотрели бы на любую изысканную, нарядно одетую женщину, и никакой это не комплимент ее красоте. По крайней мере, Балан, ее кузен, почти что брат, не станет пялиться на нее так жадно.

— Приветствую тебя, родич. Ланселет, брат твой, посылает тебе вина с королевского стола.

— Молю тебя пригубить первой, госпожа, — учтиво отозвался Балан, и тут же изумленно заморгал. — Моргейна, да это ты?

Я тебя едва узнал: знатная дама, да и только! Я-то тебя всегда представлял в платье, как на Авалоне носят; но ты воистину похожа на мою мать как две капли воды. Как Владычица?

Моргейна поднесла кубок к губам: при здешнем дворе это было знаком учтивости, и только; но сам обычай, по всей видимости, восходил к тем временам, когда дары короля приходилось отведывать на глазах у гостя, ибо случалось и так, что владыкам-соперникам подсыпали яду. Молодая женщина вернула гостю кубок, Балан жадно отхлебнул вина — и вновь поднял глаза.

— Я надеялась узнать о Вивиане от тебя, родич... я не была на Авалоне вот уже много лет, — промолвила Моргейна.

— Да, я слышал, что ты жила при дворе Лота, — кивнул Балан. — Уж не поссорилась ли ты с Моргаузой? Говорят, женщины с нею с трудом уживаются...

Моргейна покачала головой:

— Нет, но мне хотелось оказаться как можно дальше, чтобы не угодить часом в постель Лота; а вот это, поверь мне, куда как непросто. От Оркнеев до Каэрлеона немало миль, да и то едва ли достаточно...

— Так что ты перебралась ко двору Артура и поступила в свиту к его королеве, — подвел итог Балан. — Да уж, смею заметить, здешний двор куда благопристойнее Моргаузиного. Гвенвифар держит своих девушек в строгости, глаз с них не спускает и замуж выдает удачно... вижу, госпожа Грифлета уже первенца носит. А тебе она мужа разве не подыскала, родственница?

— А ты, никак, мне предложение делаешь, сэр Балан? — деланно отшутилась молодая женщина.

— Не будь мы в родстве столь близком, уж я бы поймал тебя на слове, — усмехнулся Балан. — Но доходили до меня слухи, будто Артур, дескать, прочит тебя в жены Кэю, и подумал я, что лучшего и желать нельзя, раз Авалон ты в конце концов покинула...

— Кэй заглядывается на меня не больше, чем я на него, — резко отпарировала Моргейна, — а я вовсе не говорила, что на Авалон возвращаться не собираюсь; однако произойдет это лишь тогда, когда Вивиана сама пришлет за мною, призывая назад.

— Когда я еще мальцом был, — проговорил Балан, — и на мгновение, под взглядом его темных глаз Моргейне померещилось, что между этим дюжим здоровяком и Ланселетом и впрямь есть некое сходство, — дурно я думал о Владычице, ну, о Вивиане: дескать, не любит она меня так, как полагается родной матери. Но с тех пор я поумнел. У жрицы нет времени растить сына. Вот она и поручила меня заботам той, у которой другого дела нет, и дала мне в приемные братья Балина... О да, в детстве я переживал: дескать, зачем я больше привязан к Балину, чем к нашему Ланселету, который — моя собственная плоть и кровь? Но теперь я знаю, что Балин мне и впрямь брат, он мне по серд-

цу, а Ланселет, хотя я и восхищаюсь им как превосходным рыцарем, каковой он и есть, всегда останется для меня чужим. Скажу больше, — серьезно добавил Балан, — отослав меня на воспитание к госпоже Присцилле, Вивиана поместила меня в дом, где мне суждено было узнать истинного Господа и Христа. И ныне странным мне кажется, что, живи я на Авалоне со своею родней, я вырос бы язычником, вроде Ланселета...

Моргейна улыбнулась краем губ:

— Ну, здесь я твоей признательности не разделю; думается мне, дурно поступила Владычица в том, что собственный ее сын отрекся от ее богов. Но даже Вивиана частенько мне говаривала: должно людям получать то религиозное и духовное наставление, что лучше всего им подходит, — то ли, что в состоянии дать она, либо иное. Будь я в душе набожной христианкой, вне всякого сомнения, Вивиана позволила бы мне жить той верой, что крепка в моем сердце. Однако ж, хотя до одиннадцати лет меня воспитывала Игрейна, христианка самая что ни на есть ревностная, думаю, мне самой судьбою предначертано было видеть явления духа так, как приходят они к нам от Богини.

— Здесь Балин поспорил бы с тобою успешнее, чем я, — промолвил Балан, — он куда набожнее меня и в вере тверже. Мне, верно, следовало бы возразить тебе, что, как наверняка сказали бы священники, есть одна и только одна истинная вера и ее-то и должно держаться мужам и женам. Но ты мне родственница, и знаю я, что мать моя — достойная женщина, и верю я, что в день последнего Суда даже Христос примет в расчет ее добродетель. Что до остального, так я не священник и не вижу, почему бы не оставить все это церковникам, в таких вопросах искушенным. Я всей душой люблю Балина, да только надо было ему стать священником, а не воином; уж больно он совестлив и чуток и в вере ревностен. — Балан глянул в сторону возвышения. — А скажи, приемная сестрица, — ты ведь знаешь его лучше, чем я, — что так гнетет сердце брата нашего Ланселета?

Моргейна потупилась:

— Если мне то и ведомо, Балан, не моя это тайна и не мне ее выдавать.

— Ты права, веля мне не вмешиваться в чужие дела, — отозвался Балан, — да только горько видеть мне, как он страдает, а он ведь и впрямь несчастен. Дурно думал я о матери, потому что отослала она меня прочь совсем маленьким, но она дала мне любящую приемную мать и брата моих лет, что рос со мною бок о бок и во всем был заодно со мною, и дом тоже. А вот с Ланселетом она обошлась куда хуже. Дома он себя нигде не чувствовал, ни на Авалоне, ни при дворе Бана Бенвикского, где до него и дела никому не было, — мало ли вокруг бегает королевских бас-

тардов! Воистину, плохо поступила с ним Вивиана; хотелось бы мне, чтобы Артур дал ему жену и Ланселет обрел наконец дом!

— Что ж, — беспечно отозвалась Моргейна, — ежели король захочет выдать меня за Ланселета, так ему достаточно только день назвать.

— Ты и Ланселет? А вы, часом, не слишком близкая родня? — осведомился Балан и на мгновение призадумался. — Нет, пожалуй, что и нет; Игрейна с Вивианой — сводные сестры, а не родные, а Горлойс с Баном Бенвикском вообще не в родстве. Хотя кое-кто из церковников, пожалуй, сказал бы: в том, что касается брака, приемная родня приравнивается к кровной... ну что ж, Моргейна, с радостью выпью я за ваш союз в день, когда Артур отдаст тебя моему брату и повелит тебе любить его и заботиться о нем как следует, не чета Вивиане. И никому из вас не придется уезжать от двора: ты — любимица королевы, а Ланселет — ближайший друг короля. От души надеюсь, что так оно и выйдет! — Балан задержал на ней взгляд, исполненный дружелюбного участия. — Ты ведь уже в возрасте; Артуру давным-давно пора отдать тебя замуж.

«А с какой стати король должен отдавать меня кому-либо, точно я — его лошадь или пес?» — удивилась про себя Моргейна, но пожала плечами; она слишком долго прожила на Авалоне и теперь то и дело забывала: римляне повсюду ввели в правило, что женщины — лишь собственность своих мужчин. Мир изменился безвозвратно, и бессмысленно бунтовать против того, чего не изменишь.

Вскорости после того Моргейна двинулась назад вдоль огромного пиршественного стола — свадебного подарка от Гвенвифар Артуру. Просторный зал Каэрлеона, при всей его вместительности, оказался слишком мал: в какой-то момент ей пришлось перебираться через скамьи, притиснутые к самой стене, обходя крутой изгиб. Слуги и поварята с дымящимися блюдами и чашами тоже кое-как протискивались боком.

— А не здесь ли Кевин? — воззвал Артур. — Нет? Тогда придется нам попросить спеть Моргейну: я изголодался по арфам и цивилизованной жизни. Вот уж не удивляюсь, что саксы всю свою жизнь проводят в сражениях и войнах: слышал я унылые завывания их певцов и скажу, что дома им сидеть незачем!

Моргейна попросила одного из подручных Кэя принести из ее комнаты арфу. Перелезая через изгиб скамьи, паренек споткнулся и потерял равновесие; но проворный Ланселет, поддержав мальчика и арфу, спас инструмент от неминуемого падения.

— Очень великодушно было со стороны моего тестя послать мне этот огромный круглый пиршественный стол, — нахмурясь, промолвил Артур, — однако во всем Каэрлеоне нет для него зала достаточно вместительного. Когда мы раз и навсегда выдворим

саксов из нашей земли, думаю, придется нам построить для этого стола отдельный чертог!

— Значит, не судьба этому чертогу быть построенным, — рассмеялся Кэй. — Сказать: «Когда мы раз и навсегда выдворим саксов» — все равно, что утверждать: «Когда возвратится Иисус», или «Когда заледенеет ад», или «Когда на яблонях Гластонбери земляника созреет».

— Или «когда король Пелинор поймает своего дракона», — хихикнула Мелеас.

— Не следует вам насмехаться над Пелиноровым драконом, — улыбнулся Артур, — ибо ходят слухи, будто чудище видели снова, и король выступил в поход, дабы на сей раз непременно отыскать его и убить; и даже справился у Мерлина, не знает ли тот каких-либо заговоров на поимку дракона!

— О да, конечно же, его видели — все равно как тролля на холмах, что под лучами солнца обращается в камень, или стоячие камни, что водят хороводы в ночь полнолуния, — поддразнил Ланселет. — Всегда находятся люди, способные увидеть чего угодно: одним являются святые с чудесами, а другим — драконы или древний народ фэйри. Однако в жизни я не встречал ни мужчины, ни женщины, которым и впрямь довелось бы переведаться с драконом либо с фэйри.

И Моргейна поневоле вспомнила тот день на Авалоне, когда, отправившись искать корешки и травы, она забрела в чуждые пределы, и женщину-фэйри, что говорила с нею и просила отдать ей на воспитание ребенка... что же она, Моргейна, такое видела? Или все это — лишь порождение больной фантазии беременной женщины?

— И это говоришь ты — ты, кто воспитывался как Ланселет Озерный? — тихо переспросила она. Ланселет обернулся к собеседнице.

— Порою все это кажется мне нереальным, ненастоящим... разве с тобою не так же, сестра?

— Да, так; однако ж порою я ужасно тоскую по Авалону, — отозвалась она.

— Да, вот и я тоже, — промолвил он. С той памятной ночи Артуровой свадьбы Ланселет ни разу, ни словом ни взглядом, не давал Моргейне понять, что когда-либо питал к ней чувства иные, нежели как к подруге детства и приемной сестре. Моргейне казалось, что она давно уже смирилась с этой мукой, но вот она встретила такой неизбывно-ласковый взгляд его темных, прекрасных глаз — и боль пронзила ее с новой силой.

«Рано или поздно все выйдет так, как сказал Балан: мы оба — свободны, сестра короля и его лучший друг...»

— Ну так вот: когда мы раз и навсегда избавимся от саксов... и нечего тут смеяться, как будто речь идет о вымысле и небыли-

це! — промолвил Артур. — Теперь это вполне достижимо, и, думается мне, саксы об этом отлично знают, — вот тогда я отстрою себе замок и огромный пиршественный зал — такой, чтобы даже этот стол с легкостью туда поместился! Я уже и место выбрал: крепость на холме, что стояла там задолго до римлян, глядя сверху вниз на Озеро; и при этом от нее до островного королевства твоего отца, Гвенвифар, рукой подать. Да ты этот холм знаешь: где река впадает в Озеро...

— Знаю, — кивнула королева. — Однажды, еще совсем маленькой девочкой, я отправилась туда собирать землянику. Там был старый разрушенный колодец, и еще мы нашли кремневые наконечники стрел — их еще называют эльфийскими молниями. Этот древний народ, что жил среди меловых холмов, оставил свои стрелы. *«До чего странно,* — подумала про себя Гвенвифар, — *ведь были же времена, когда она любила гулять на свободе под необозримым высоким небом, даже не задумываясь ни о стенах, ни о безопасности оград; а теперь вот, стоит мне выйти за пределы стен, туда, где их не видно и прикоснуться к ним нельзя, как на меня накатывает тошнота и голова начинает кружиться. Почему-то теперь я ощущаю в животе сгусток страха, даже идя через двор, и убыстряю шаг, чтобы поскорее вновь дотронуться до надежной каменной кладки».*

— Укрепить этот форт несложно, — промолвил Артур, — хотя надеюсь я, когда мы покончим с саксами, на острове воцарятся мир и благодать.

— Недостойное то пожелание для воина, брат, — возразил Кэй. — А чем же ты займешься во времена мира?

— Я призову к себе Кевина, дабы складывал он песни, и стану сам объезжать своих коней и скакать на них удовольствия ради, — отозвался Артур. — Мои соратники и я станем растить сыновей, и не придется нам вкладывать меч в крохотную ручонку прежде, чем отрок возмужает! И не надо будет мне страшиться, что они охромеют или погибнут, не успев повзрослеть. Кэй... ну разве не лучше оно было бы, если бы не пришлось посылать тебя на войну, когда ты еще не вошел в возраст и не научился защищать себя толком? Иногда меня мучает совесть, что это ты покалечен, а не я, — только потому, что Экторий берег меня для Утера! — Артур окинул приемного брата участливым, любящим взглядом, и Кэй широко усмехнулся в ответ.

— А военные искусства мы сохраним, устраивая забавы и игры, как оно водилось у древних, — подхватил Ланселет, — а победителя увенчаем лавровыми венками... кстати, Артур, что такое лавр и растет ли он на здешних островах? Или только в земле Ахилла и Александра?

— Об этом лучше спросить мерлина, — подсказала Моргейна, видя, что Артур затрудняется с ответом. — Я вот тоже не

знаю, растет у нас лавр или нет, а только довольно и других растений на венки для победителей в этих ваших состязаниях!

— Найдутся у нас венки и для арфистов, — промолвил Ланселет. — Спой нам, Моргейна.

— Тогда, пожалуй, спою-ка я лучше прямо сейчас, — отозвалась Моргейна. — А то сомневаюсь я, что, когда вы, мужчины, начнете свои игрища, женщинам дозволят петь. — Она взяла арфу и заиграла. Сидела Моргейна неподалеку от того места, где не далее как нынче днем увидела кровь у королевского очага... неужто предсказание и впрямь сбудется или это лишь досужие домыслы? В конце концов, с чего она взяла, что до сих пор обладает Зрением? Ныне Зрение вообще не дает о себе знать, кроме как во время этих нежеланных трансов...

Моргейна запела древний плач, некогда слышанный в Тинтагеле, — плач рыбачки, на глазах у которой корабли унесло в море. Молодая женщина видела: все подпали под власть ее голоса; и вот в безмолвии зала зазвучали старинные песни островов, которых она наслушалась при дворе Лота: легенда о девушке-тюлене, что вышла из моря, дабы отыскать возлюбленного среди смертных, и напевы одиноких пастушек, и ткацкие песни, и те, что поют, расчесывая кудель. И даже когда голос ее сел, собравшиеся никак не желали ее отпускать. Моргейна протестующе воздела руки.

— Довольно... нет, право же, не могу больше. Я охрипла, что твой ворон.

Вскорости после того Артур велел слугам погасить факелы в зале и проводить гостей спать. В обязанности Моргейны входило позаботиться о том, чтобы незамужние девушки из свиты королевы благополучно улеглись в длинной верхней комнате позади покоев самой Гвенвифар, в противоположной части дворца, как можно дальше от помещений солдат и воинов. Однако она помешкала мгновение, задержав взгляд на Артуре с Гвенвифар, что как раз желали Ланселету доброй ночи.

— Я велела служанкам приготовить тебе лучшую из свободных постелей, Ланселет, — промолвила Гвенвифар, но тот лишь рассмеялся и покачал головой.

— Я солдат — мой долг велит мне сперва разместить на ночь коней и дружину, прежде чем засыпать самому.

Артур фыркнул от смеха, одной рукою обнимая жену за талию.

— Надо бы тебя женить, Ланс, — небось не будешь тогда мерзнуть ночами. Я, конечно, назначил тебя своим конюшим, но это вовсе не повод, чтобы ночевать в стойле!

Гвенвифар встретила взгляд Ланселета — и у нее заныло в груди. Ей казалось, будто она почти читает его мысли, будто он того и гляди вслух повторит то, что как-то раз уже говорил: «*Мое*

сердце настолько полно моей королевой, что для других дам места просто не осталось...» Гвенвифар затаила дыхание, но Ланселет лишь вздохнул, улыбнулся ей, и она сказала про себя: *«Нет, я — верная жена, я — христианка; предаваться подобным думам — уже грех; должно мне исполнить епитимью»*. А в следующий миг горло у нее сдавило так, что невозможно стало глотать, и пришла непрошеная мысль: *«Мне суждено жить в разлуке с любимым; то не достаточная ли епитимья?»* Гвенвифар тяжко вздохнула, и Артур удивленно оглянулся на нее.

— Что такое, любимая, ты не поранилась?

— Я... булавкой укололась, — промолвила она, отворачиваясь, и сделала вид, что ищет булавку в складках платья. Поймала на себе неотрывный взгляд Моргейны — и закусила губу. *«Вечно она за мной следит, просто-таки глаз не сводит... а ведь она обладает Зрением; неужто все мои грешные мысли ей ведомы? Вот поэтому она и смотрит на меня с таким презрением?»*

И однако же Моргейна неизменно относилась к ней с сестринской добротой. А когда она, Гвенвифар, была беременна, на первый год их с Артуром брака, — тогда она заболела лихорадкой и на пятом месяце у нее случился выкидыш, — никого из придворных дам она просто видеть не могла, и Моргейна ухаживала за нею, точно мать родная. Ну не стыдно ли — быть такой неблагодарной?

Ланселет вновь пожелал им доброй ночи и удалился. Гвенвифар едва ли не болезненно ощущала руку Артура на своей талии и жадно-нетерпеливый взгляд. Ну что ж, они столько времени провели в разлуке... И тут на нее накатило острое чувство досады. *«С тех пор я так ни разу и не забеременела... неужто он даже ребенка мне дать не в силах?»*

Ох, но ведь здесь, конечно же, виновата она сама, и никто иной — одна повитуха как-то рассказывала ей, что это все равно как недуг у коров, когда они выкидывают телят нерожденными, снова и снова, а порою болезнь эта передается и женщинам, так, что они ребенка не могут проносить больше месяца или двух, от силы трех. Должно быть, однажды, по собственной беспечности, она подхватила этот недуг: скажем, не вовремя вошла в маслодельню, или выпила молока коровы, которая выкинула теленка; и теперь сын и наследник ее господина поплатился за это жизнью, и все это — ее рук дело, и только ее... Терзаясь угрызениями совести, она последовала за Артуром в супружеские покои.

— А я ведь не шутил, Гвен, — промолвил Артур, усаживаясь и стягивая кожаные штаны. — Нам и впрямь надо бы женить Ланселета. Ты ведь видела, все мальчишки так к нему и льнут, а уж он-то с ними как хорош! Должно ему обзавестись своими сыновьями. Гвен, я придумал! А женим-ка мы его на Моргейне!

— Нет! — выкрикнула Гвенвифар, не подумав, и Артур озадаченно поднял глаза.

— Да что с тобой такое? По-моему, лучше и не придумаешь: правильный выбор, что и говорить! Моя дорогая сестрица и мой лучший друг! А дети их, между прочим, в любом случае станут наследниками трона, ежели боги нам с тобою детей не пошлют... Нет-нет, не плачь, любовь моя, — взмолился Артур, и Гвенвифар, униженная и пристыженная, поняла, что лицо ее исказилось от рыданий. — Я и не думал тебя упрекать, любовь моя ненаглядная, дети приходят по воле Богини, но только ей одной ведомо, когда у нас родятся дети и родятся ли вообще. И хотя Гавейн мне дорог, нежелательно мне, чтобы в случае моей смерти на трон взошел Лотов сын. Моргейна — дитя моей матери, а Ланселет — кузен мне...

— Что Ланселету проку с того, есть у него сыновья или нет, — возразила Гвенвифар. — Он — пятый, если не шестой, сын короля Бана, и притом бастард...

— Вот уж не ждал услышать, чтобы ты — ты, не кто другой! — попрекала моего родича и лучшего друга его происхождением, — одернул ее Артур. — Кроме того, он не просто бастард, но дитя дубрав и Великого Брака...

— Языческие оргии! На месте короля Бана я бы давно очистила свое королевство от всей этой колдовской мерзости — да и тебе должно бы!

Артур неуютно поежился, забираясь под одеяло.

— То-то невзлюбил бы меня Ланселет, если бы я изгнал из королевства его мать! И я дал обет чтить Авалон, поклявшись на мече, что подарили мне в день коронования.

Гвенвифар подняла глаза на могучий Эскалибур, что висел на краю кровати в магических ножнах, покрытых таинственными символами: знаки переливались бледным серебром и словно потешались над нею. Королева погасила свет и прилегла рядом с Артуром.

— Господь наш Иисус сохранил бы тебя лучше всяких там нечестивых заклятий! Надеюсь, тебе-то, перед тем как стать королем, не пришлось иметь дела с этими их мерзкими богинями и чародейством, правда? Я знаю, во времена Утера такое бывало, но ныне это — христианская земля!

Артур беспокойно заворочался.

— В этой земле много жителей, — Древний народ жил здесь задолго до прихода римлян, — не можем же мы отобрать их богов! А что бы уж там ни случилось до моей коронации... это тебя никоим образом не касается, моя Гвенвифар.

— Нельзя служить двум господам, — настаивала королева, удивляясь собственной дерзости. — Хотелось бы мне, чтобы стал ты всецело христианским королем, лорд мой.

— Я присягнул на верность всем моим подданным, — возразил Артур, — а не только тем, что идут за Христом...

— Сдается мне, вот кто твои враги, а вовсе не саксы, — промолвила Гвенвифар, — христианскому королю должно воевать лишь с теми, кто не верует в Христа.

Артур делано рассмеялся:

— Вот теперь ты говоришь в точности как епископ Патриций. Он хочет, чтобы мы обращали саксов в христианство, дабы жить с ними в мире и согласии, а не рубили их мечами. Что до меня, так я вроде тех священников давних времен, к которым обратились с просьбой прислать к саксам миссионеров — и знаешь, что они ответили, жена моя?

— Нет, этого я не слышала...

— Они сказали, что, дескать, никаких миссионеров к саксам не пошлют, а то, чего доброго, придется встретиться с ними не только в бою, но еще и перед Господним троном. — Артур расхохотался от души, однако Гвенвифар даже не улыбнулась. Спустя какое-то время король тяжко вздохнул.

— Ну что ж, подумай об этом, моя Гвенвифар. По мне, так брака более удачного и не придумаешь: мой лучший друг и моя сестра. Вот тогда Ланселет станет мне братом, а его сыновья — моими наследниками... — И добавил, обнимая жену в темноте: — Но теперь мы с тобою, ты и я, любовь моя, попытаемся сделать так, чтобы никакие другие наследники нам не понадобились, кроме тех, которых подаришь мне ты.

— Дай-то Бог, — прошептала Гвенвифар, прижимаясь к мужу, и попыталась выбросить из головы все и думать лишь об Артуре.

Моргейна проследила, чтобы все ее подопечные легли, а сама задержалась у окна, во власти смутного беспокойства.

— Ложись спать, Моргейна; поздно уже, и ты, надо думать, устала, — шепнула Элейна, спавшая с нею на одной постели.

Молодая женщина покачала головой.

— Кажется, это луна будоражит мне кровь нынче ночью... спать совсем не хочется. — Моргейне отчаянно не хотелось ложиться и закрывать глаза; даже если не даст о себе знать Зрение, воображение истерзает ее и измучает. Повсюду вокруг только что возвратившиеся из похода мужчины воссоединились с женами... все равно как в праздник Белтайн на Авалоне, подумала она, криво улыбаясь в темноте... даже те, кто не женат, наверняка нашли себе женщин на эту ночь. Все, начиная от короля и его супруги вплоть до последнего конюха, заснут нынче в чьих-то объятиях, кроме девиц из свиты королевы; Гвенвифар почитает

своим долгом беречь их целомудрие, в точности как говорил Балан: «*А меня стерегут заодно с королевиными прислужницами*».

Ланселет, день Артуровой свадьбы... все это закончилось ничем, причем не по их вине. «*И Ланселет при дворе почти не бывает... потому, верно, чтобы не видеть Гвенвифар в объятиях Артура! Но сегодня он здесь...*» ...И, подобно ей, Моргейне, тоже проведет эту ночь в одиночестве среди воинов и всадников, надо думать, мечтая о королеве, о единственной женщине во всем королевстве, что для него недоступна. Ибо воистину любая другая придворная дама, замужняя либо девица, столь же охотно распахнет ему объятия, как и она, Моргейна. Если бы не злополучное стечение обстоятельств на Артуровой свадьбе, уж она бы его заполучила; а Ланселет — человек чести; если бы она забеременела, он бы непременно женился на ней.

«*Конечно, зачала бы я вряд ли — после всего того, что мне пришлось вынести, рожая Гвидиона; но Ланселету это объяснять не обязательно. И я сделала бы его счастливым, даже если бы не сумела родить ему сына. Некогда его влекло ко мне — до того, как он встретил Гвенвифар, и после тоже... Если бы не та неудача, я бы заставила его позабыть о Гвенвифар в моих объятиях...*

Право же, пробуждать желание я вполне способна... нынче вечером, когда я пела, многие рыцари так и пожирали меня взглядами...

Я могла бы заставить Ланселета пожелать меня...»

— Моргейна, ты ляжешь или нет? — нетерпеливо окликнула ее Элейна.

— Не сейчас, нет... Думаю, я пройдусь немного, — промолвила Моргейна, и Элейна испуганно отпрянула назад: дамам королевы выходить за двери по ночам строго запрещалось. Подобная робость Моргейну просто бесила. Интересно, не от королевы ли подхватила ее Элейна, точно лихорадку или новомодный обычай носить покрывала.

— А ты не боишься — ведь вокруг столько мужчин!

— А ты думаешь, мне не надоело спать одной? — рассмеялась Моргейна. Но, заметив, что шутка неприятно задела Элейну, добавила уже мягче: — Я — сестра короля. Никто не прикоснется ко мне против моей воли. Ты в самом деле считаешь, что перед моими прелестями ни один мужчина не устоит? Мне ж уже двадцать шесть; не чета лакомой юной девственнице вроде тебя, Элейна!

Не раздеваясь, Моргейна прилегла рядом с девушкой. В безмолвной темноте, как она и боялась, воображение — или все-таки Зрение? — принялось рисовать картины: Артур с Гвенвифар, мужчины с женщинами повсюду вокруг, по всему замку, соединялись в любви или просто в похоти.

А Ланселет — он тоже один? И вновь накатили воспомина-

ния, куда более яркие, нежели фантазии; Моргейна вспоминала тот день, и озаренный ярким солнцем Холм, и поцелуи Ланселета, впервые пробуждающие в ней желание, острое, точно лезвие ножа; и горечь сожаления о принесенном обете. И после, в день свадьбы Артура и Гвенвифар, когда Ланселет едва не сорвал с нее одежду и не овладел ею прямо в конюшнях... вот тогда его и впрямь влекло к ней...

И вот, отчетливая и резкая, точно Зрение, в сознании возникла картина: Ланселет расхаживает по внутреннему двору один; на лице его обреченность и одиночество... «*Я не использовала ни Зрение, ни собственную магию, для того чтобы привлечь его ко мне во имя своекорыстной цели... оно пришло само, нежданным...*»

Молча и бесшумно, стараясь не разбудить девушку, Моргейна высвободилась из-под руки Элейны и осторожно соскользнула с кровати. Ложась, она сняла только туфли; теперь она наклонилась, надела их вновь и потихоньку вышла из комнаты, беззвучно, точно призрак с Авалона.

«*Если это лишь греза, рожденная моим воображением, если он не там, я пройдусь немного в лунном свете, дабы остудить кровь, и вернусь в постель; никому от этого хуже не станет*». Но картина упорно не желала развеиваться; и Моргейна знала: Ланселет и впрямь там, один, ему не спится так же, как и ей.

Он ведь тоже с Авалона... солнечные токи разлиты и в его крови тоже... Моргейна неслышно выскользнула за дверь, миновав задремавшего стражника, и глянула на небо. Луна прибыла уже на четверть и теперь ярким светом озаряла мощенный камнем двор перед конюшнями. Нет, не тут... надо обойти сбоку... «*Он не здесь; это все лишь греза, моя собственная фантазия*». Моргейна уже повернула назад, собираясь вернуться в постель, во власти внезапно накатившего стыда: что, если стражник застанет ее здесь, и тогда все узнают, что сестра короля втихомолку разгуливает по дворцу, в то время как все порядочные люди давно спят, — одно распутство у нее на уме, не иначе...

— Кто здесь? Стой, назови себя! — Голос прозвучал тихо и резко: да, это Ланселет. И, невзирая на всю свою безудержную радость, Моргейна вдруг устрашилась: положим, Зрение не солгало, но что теперь? Ланселет взялся за меч; в тени он казался очень высоким и изможденным.

— Моргейна, — шепотом назвалась молодая женщина, и Ланселет выпустил рукоять меча.

— Кузина, это ты?

Молодая женщина вышла из тени, и лицо его, встревоженное, напряженное, заметно смягчилось.

— Так поздно? Ты пришла искать меня... во дворце что-то случилось? Артур... королева...

«*Даже сейчас он думает только о королеве*», — посетовала про

себя Моргейна, чувствуя легкое покалывание в кончиках пальцев и в икрах ног: то давали о себе знать возбуждение и гнев.

— Нет, все хорошо — насколько мне известно, — отозвалась она. — В тайны королевской опочивальни я не посвящена!

Ланселет вспыхнул — в темноте по лицу его скользнула тень — и отвернулся.

— Не спится мне... — пожаловалась Моргейна. — И ты еще спрашиваешь, что я здесь делаю, если и сам не в постели? Или Артур поставил тебя в ночную стражу?

Она чувствовала: Ланселет улыбается.

— Не больше, чем тебя. Все вокруг уснули, а мне вот неспокойно... верно, луна будоражит мне кровь...

То же самое Моргейна сказала Элейне; молодой женщине померещилось, что это — добрый знак, символ того, что умы их настроены друг на друга и откликаются на зов точно так же, как молчащая арфа вибрирует, стоит заиграть на другой.

А Ланселет между тем тихо продолжил, роняя слова во тьму рядом с нею:

— Я вот уже сколько ночей покоя не знаю, все думаю о ночных сражениях...

— Ты, значит, мечтаешь о битвах, как все воины?

Ланселет вздохнул:

— Нет. Хотя, наверное, недостойно солдата непрестанно грезить о мире.

— Я так не считаю, — тихо отозвалась Моргейна. — Ибо зачем вы воюете, кроме как того ради, чтобы для всего народа нашего настал мир? Если солдат чрезмерно привержен своему ремеслу, так он превращается в орудие убийства, и не более. Что еще привело римлян на наш мирный остров, как не жажда завоеваний и битв ради них самих и ничего другого?

— Кузина, одним из этих римлян был твой отец, да и мой тоже, — улыбнулся Ланселет.

— Однако ж я куда более высокого мнения о мирных Племенах, которые хотели лишь возделывать свои ячменные поля в покое и благоденствии и поклоняться Богине. Я принадлежу к народу моей матери — и к твоему народу.

— Да, верно, но могучие герои древности, о которых мы столько говорили, — Ахилл, Александр, — все они считали, что войны и битвы — вот дело, достойное мужей, и даже сейчас на здешних островах так уж сложилось, что все мужчины в первую очередь думают о сражениях, а мир для них — лишь краткая передышка и удел женщин. — Ланселет вздохнул: — Тяжкие это мысли... стоит ли дивиться, Моргейна, что нам с тобою не до сна? Нынче ночью я отдал бы все грозное оружие, когда-либо откованное, и все героические песни об Ахилле с Александром,

за одно-единственное яблоко с ветвей Авалона... — Юноша отвернулся, и Моргейна вложила ладонь в его руку.

— И я тоже, кузен.

— Не знаю, с какой стати я так стосковался по Авалону... я там жил недолго, — размышлял вслух Ланселет. — И все же, сдается мне, места красивее не сыщешь на всей земле, — если, конечно, Авалон и впрямь находится здесь, на земле, а не где-то еще. Думается мне, древняя друидическая магия изъяла его из пределов нашего мира, ибо слишком он прекрасен для нас, несовершенных смертных, и, значит, недосягаем, подобно мечте о Небесах... — Коротко рассмеявшись, Ланселет пришел в себя. — Моему исповеднику подобные речи очень бы не понравились!

— Неужто ты стал христианином, Ланс? — тихо фыркнула Моргейна.

— Боюсь, не то чтобы самым праведным, — отозвался он. — Однако вера их мнится мне столь безыскусной и благой, что хотелось бы мне принять ее. Христиане говорят: верь в то, чего не видел, исповедуй то, чего не знаешь; в том больше заслуги, нежели признавать то, что ты узрел своими глазами. Говорят, что даже Иисус, восстав из мертвых, выбранил человека, вложившего персты в раны Христовы, дабы убедиться, что перед ним не призрак и не дух, ибо воистину благословен тот, кто верит, не видя.

— Однако все мы восстанем снова, — очень тихо произнесла Моргейна, — и снова, и снова, и снова. Не единожды приходим мы в мир, дабы отправиться в Небеса или в ад, но рождаемся опять и опять, пока не уподобимся Богам.

Ланселет потупился. Теперь, когда глаза ее привыкли к полумраку, осиянному лунным светом, она отчетливо различала черты лица собеседника: изящный изгиб виска, плавно уходящий вниз, к щеке, длинную, узкую линию подбородка, мягкую темную бровь, спадающие на лоб кудри. И снова от красоты его у Моргейны заныло сердце.

— Я и позабыл: ты ведь жрица и веришь... — промолвил он.

Руки их легонько соприкасались. Ланселет попытался высвободиться — и молодая женщина разомкнула пальцы.

— Иногда я сама не знаю, во что верю. Может статься, я слишком давно живу вдали от Авалона.

— Вот и я не знаю, во что верю, — отозвался Ланселет. — Однако на моих глазах в этой долгой, бесконечно долгой войне погибло столько мужей, и женщин, и детей, что мнится мне, будто я сражаюсь с тех самых пор, как подрос настолько, чтобы удержать в руке меч. А когда вижу я, как умирают люди, кажется мне, будто вера — это лишь иллюзия, а правда в том, что все мы умираем, точно звери, и просто перестаем существовать — точно скошенная трава, точно прошлогодний снег.

— Но ведь и снег, и трава возрождаются вновь, — прошептала Моргейна.

— В самом деле? А может, это тоже иллюзия? — горько промолвил он. — Сдается мне, что, пожалуй, во всем этом нет ни тени смысла: все эти разглагольствования о богах и Богине — лишь сказки, которыми утешают малых детей. Ох, Господи, Моргейна, с какой стати мы затеяли этот разговор? Тебе надо пойти отдохнуть, кузина, да и мне тоже...

— Я уйду, если ты того хочешь, — проговорила она, разворачиваясь, а в следующий миг задохнулась от счастья — Ланселет взял ее за руку.

— Нет-нет, когда я один, я во власти этих фантазий и горестных сомнений, и ежели уж они приходят, так я лучше выговорюсь вслух, чтобы услышать, что все это — сущее неразумие. Побудь со мною, Моргейна.

— Сколько захочешь, — шепнула она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Она шагнула вперед, обняла его за талию; его сильные руки сдавили ей плечи — и тут же покаянно разжались.

— Какая ты маленькая... ох, я и забыл, какая ты маленькая... я мог бы переломить тебя надвое голыми руками, кузина... — Ланселет погрузил руки в ее волосы, распущенные под покрывалом; пригладил их, намотал пряди на пальцы. — Моргейна, Моргейна, иногда мне кажется, что ты — то немногое в моей жизни, что целиком и всецело — добро и благо: точно дева из древнего народа фэйри, о котором говорится в легендах, эльфийская дева, что приходит из неведомой земли рассказать смертному о красоте и надежде и вновь уплывает на западные острова, чтобы никогда уже не вернуться....

— Я никуда не уплыву, — прошептала Моргейна.

— Нет. — В углу мощеного дворика высился чурбан: на нем обычно сидели, дожидаясь лошадей. Ланселет увлек собеседницу туда.

— Посиди со мной, — попросил он и, смутившись, добавил: — Нет, это не место для дамы... — И вдруг рассмеялся: — То же самое можно было сказать и о конюшне в тот день... ты помнишь, Моргейна?

— А я думала, ты все забыл: после того как этот треклятый конь — вот уж сущий дьявол! — сбросил тебя на землю...

— Не называй его дьяволом. В бою он не раз и не два спасал Артуру жизнь; так что Артур скорее считает его своим ангелом-хранителем, — возразил Ланселет. — Злополучный то был день, что и говорить. Дурно обошелся бы я с тобою, кузина, кабы овладел тобою тогда. Часто хотелось мне молить тебя о прощении, чтобы услышать слова примирения из твоих уст и понять, что ты не держишь на меня зла...

— Не держу зла? — Моргейна подняла взгляд; голова у нее внезапно закружилась от нахлынувших чувств. — Не держу зла? Разве что на тех, кто прервал нас...

— Правда? — еле слышно откликнулся он. Ланселет обнял ее лицо ладонями, неспешно приблизил к себе и приник к ее устам. Моргейна обмякла, расслабилась, приоткрыла губы навстречу его поцелую. Ланселет, по римскому обычаю, был чисто выбрит; Моргейна ощущала щекой мягкое покалывание и теплую сладость настойчивого языка... Ланселет притянул ее ближе, едва ли не приподняв над землей. Поцелуй длился до тех пор, пока молодая женщина поневоле не отстранилась, чтобы отдышаться, и Ланселет негромко, изумленно рассмеялся.

— Что ж, все повторяется... ты и я... кажется, с нами так уже было... и на сей раз я отрублю голову любому, кто посмеет нас прервать... но вот мы стоим и целуемся на конном дворе, точно слуга с судомойкой! Что теперь, Моргейна? Куда нам пойти?

Молодая женщина понятия не имела: кажется, во всем замке укрытия для них не найдется. Она не может отвести его к себе в комнату, где, помимо нее, спят Элейна и четверо девушек из свиты королевы; а Ланселет сам объявил, что предпочитает ночевать с солдатами. И что-то в глубине сознания подсказывало ей, что так поступать не след: сестре короля и другу короля не подобает развлекаться на сеновале. А полагается им, если уж они и впрямь испытывают друг к другу такие чувства, дождаться рассвета и испросить у Артура дозволение на брак...

Однако же в сердце своем — в таких потаенных уголках, что лучше и не заглядывать, — Моргейна знала: Ланселет хочет отнюдь не этого; в минуту страсти он, возможно, и впрямь ее возжелал, но не более. И неужели она, воспользовавшись этим, и впрямь заманит его в ловушку, заставит дать пожизненную клятву? Обычаи племенных празднеств — и то честнее: мужчина и женщина сходятся вместе по воле Богини, пока в крови у них бушуют токи солнца и луны; и лишь позже, если они и впрямь желают жить одним домом и растить детей, они задумываются о браке. В глубине души Моргейна знала и то, что на самом деле вовсе не желает выходить замуж ни за Ланселета, ни за кого другого; хотя и полагала, что, ради его собственного блага, равно как и ради блага Артура, и даже Гвенвифар, лучше бы удалить его от двора.

Но мысль эта промелькнула и погасла. Голова у молодой женщины шла кругом от его близости; прижимаясь щекой к его груди, она слышала, как бьется его сердце... Ланселета влечет к ней; сейчас в сознании его не осталось мыслей ни о Гвенвифар, ни о ком другом, кроме нее, Моргейны.

«Да будет все с нами так, как желает Богиня; как в обычае у мужчин и женщин...»

— Я знаю, — прошептала она, завладевая его рукой. За конюшнями и кузницей начиналась тропа, уводящая в сад. Трава в саду густая и мягкая; придворные дамы частенько сиживали там ясным погожим днем.

Ланселет расстелил на земле свой плащ. В воздухе разливался неуловимый аромат зеленых яблок и травы. *«Мы словно на Авалоне»,* — подумала про себя Моргейна. И Ланселет, снова неким непостижимым образом откликаясь на ее мысли, прошептал:

— Нынче ночью мы отыскали себе уголок Авалона... — и уложил ее рядом. Он снял с молодой женщины покрывало и теперь поглаживал ее волосы, не торопясь требовать большего, нежно обнимая ее, и то и дело наклонялся и целовал ее в щеку или в лоб.

— Трава совсем сухая — росы нынче не выпало. Похоже, ночью дождь пойдет, — прошептал он, лаская ее плечо и миниатюрные руки. Моргейна чувствовала, как крепка его затвердевшая от меча ладонь, — до того крепка, что молодая женщина с изумлением вспомнила: а ведь Ланселет младше ее на четыре года. Моргейне доводилось слышать его историю: он появился на свет, когда Вивиана уже уверилась, что из детородного возраста вышла. В его длинных, чутких пальцах с легкостью помещалась и пряталась ее крохотная рука; Ланселет перебирал ее пальцы, играл с кольцами; вот ладонь его легла на лиф ее платья и распустила шнуровку на груди. Голова у Моргейны кружилась, мысли путались; страсть накатывала на нее, точно пенный прибой, заливающий береговую полосу; ее захлестывало волной, она тонула в его поцелуях. Ланселет нашептывал что-то невнятное; слов молодая женщина не разбирала, однако переспросить и не подумала; время речей прошло.

Ланселету пришлось помочь ей раздеться. При дворе носили платья куда более замысловатые, нежели простые и строгие одежды жрицы; Моргейна чувствовала себя неуклюжей и неловкой. Понравится ли она Ланселету? Со времен рождения Гвидиона груди у нее вялые, обмякшие; не то что в тот день, когда он впервые до нее дотронулся, — где они, те груди — крохотные и упругие?

Но Ланселет словно ничего не замечал: он ласкал ее груди, теребил соски в пальцах, осторожно прихватывал губами и зубами. В голове Моргейны не осталось ни одной мысли; весь мир перестал для нее существовать — лишь прикосновения его рук и дрожь отклика в ее собственных пальцах, скользящих по его гладким плечам, и спине, и темным, пушистым завиткам волос... отчего-то ей казалось, что волосы на груди мужчины непременно окажутся колючими и жесткими, но у Ланселета все иначе, они мягкие и шелковистые, как ее черные пряди, и скручивают-

ся в изящные, крутые завитки. Словно в бреду она вспомнила, что впервые сблизилась с юнцом не старше семнадцати лет, который толком и не знал, что происходит, так, что ей приходилось направлять его, показывать, что делать... и для нее тот раз стал первым и единственным, так что к Ланселету она пришла почти девственной... Во власти внезапно накатившего горя Моргейна пожалела, что это — не первый раз; с каким блаженством она вспоминала бы о сегодняшней ночи; вот так все и было бы; вот так все и должно было произойти... Моргейна прильнула к Ланселету, прижалась к нему всем телом, умоляюще застонала; она не могла, просто не в силах была дольше ждать...

Но, похоже, Ланселет еще не был готов принять ее, в то время как Моргейна всем своим существом тянулась к нему, тело ее пульсировало желанием и жизнью. Она жадно подалась к любимому, ненасытные губы ее настаивали и заклинали. Она нашептывала его имя, она умоляла — понемногу поддаваясь страху. А Ланселет продолжал осыпать ее нежными поцелуями, ладони его поглаживали, утешали, успокаивали, вот только успокаиваться она не желала, все ее тело требовало завершения, изнывая от жажды, сотрясаясь в агонии. Моргейна попыталась заговорить, воззвать с просьбой — но с губ ее сорвался лишь горестный всхлип.

Ланселет нежно прижимал ее к себе, продолжая ласкать и поглаживать.

— Тише, нет, тише, Моргейна, погоди, довольно... я не хочу обидеть и обесчестить тебя, не думай... вот, ложись рядом, позволь мне обнять тебя, тебе будет приятно... — И в смятении и отчаянии она позволяла ему делать все, что он хочет. И в то время, как тело ее властно требовало наслаждения, в груди, как ни странно, нарастал гнев. А как же ток жизни, струящийся между сплетенными телами, между мужчиной и женщиной, как же ритмы Богини — нарастающие, подчиняющие? Моргейне вдруг показалось, будто Ланселет намеренно ставит преграду этому потоку, превращает ее любовь к нему в насмешку, в игру, в отвратительное притворство. А ему словно все равно; для него, похоже, все идет так, как надо, оба получают удовольствие — и, значит, все в порядке... словно одни лишь телесные наслаждения и важны, словно не существует слияния более значимого — единства с жизнью во всех ее проявлениях. В глазах жрицы, воспитанной на Авалоне и настроенной на великие ритмы жизни и вечности, эти осторожные, чувственные, рассудочные любовные ласки выглядели едва ли не кощунством, отказом подчиниться воле Богини.

А затем, во власти наслаждения и унижения, она принялась оправдывать любимого. В конце концов, он же не воспитывался на Авалоне в отличие от нее; судьба швыряла его из приемной

семьи ко двору, а от двора — в военный лагерь; он — солдат с тех самых пор, как в силах поднять меч, жизнь его прошла в походах; может быть, он просто ничего не знает или, может быть, привычен только к таким женщинам, что дарят лишь минутное наслаждение телу, не больше, или к таким, что предпочитают играть в любовь и ничего не давать... он сказал: «*Я не хочу обидеть или обесчестить тебя*», словно и впрямь считает, будто в их сближении заключено нечто дурное или бесчестное. Усталый Ланселет чуть отстранился, не переставая ласкать ее, играть с нею, теребить пальцами шелковистые волоски, припорошившие ее бедра, целовать шею и грудь. Закрыв глаза, Моргейна прижималась к нему в ярости и отчаянии — ну что ж, ну что ж, наверное, именно этого она и заслуживает, не она ли повела себя, точно последняя блудница, бросившись ему на шею; стоит ли удивляться, что он так с нею обращается... а она-то в одержимости своей позволяет ему так с собою обходиться и позволила бы что угодно, зная: если она потребует большего, то потеряет и это, а ведь она истосковалась по нему, она по-прежнему жаждет его — и боль эту не унять, и жажду не утолить. А ему она не нужна, вообще не нужна... в сердце своем он по-прежнему желает Гвенвифар или любую другую женщину, которой можно обладать, не даря ей от себя иного, нежели это легковесное соприкосновение тел... женщину, которая охотно отдавалась бы ему, не требуя от него большего, нежели просто наслаждение. К любовной жажде и ноющей боли постепенно подмешивалось презрение, и здесь-то и заключалась величайшая мука: от всего этого она любила Ланселета ничуть не меньше и знала, что всегда будет любить его — и ничуть не слабее, нежели в этот миг тоски и отчаяния.

Моргейна села, подобрала платье, трясущимися пальцами натянула его на плечи. Ланселет молча глядел на нее. Вот он протянул руку, помог ей справиться с одеждой. И, после долгого молчания, печально промолвил:

— Дурно мы поступили, моя Моргейна, — ты и я. Ты на меня сердишься?

Моргейна словно онемела: в горле стеснилось от боли.

— Нет, не сержусь, — наконец выговорила она с трудом, понимая, что следовало бы завизжать, накричать на него, потребовать того, что он не в силах дать ей — а может быть, и ни одной другой женщине.

— Ты — моя кузина и родственница... но ничего дурного ведь не случилось, — срывающимся голосом проговорил он. — Хотя бы в этом я могу себя не упрекать — я не нанес тебе бесчестия перед лицом всего двора... я ни за что бы не пошел на такое... поверь мне, кузина, я искренне люблю тебя...

Не выдержав, Моргейна разрыдалась в голос.

— Ланселет, умоляю тебя, во имя Богини, не говори так... что значит, ничего дурного не случилось? Так распорядилась Богиня, этого желали мы оба...

Ланселет страдальчески поморщился.

— Ты такое говоришь... о Богине и прочих языческих дикостях... Ты меня почти пугаешь, родственница, в то время как сам я пытаюсь удержаться от греха... и однако же я поглядел на тебя с вожделением и похотью, сознавая, как это дурно... — Ланселет оправил на себе одежду; руки его дрожали. Наконец, едва не захлебываясь словами, он выговорил:

— Наверное, грех кажется мне более страшным, нежели на самом деле... ох, Моргейна, если бы ты только не была так похожа на мою мать...

Слова эти прозвучали пощечиной — жестоким, предательским ударом в лицо. Мгновение молодая женщина не могла выговорить ни слова. А в следующий миг ею словно овладела неуемная ярость разгневанной Богини. Моргейна поднялась на ноги и словно сделалась выше: она знала — это чары Богини преобразили ее, как это бывает на ладье Авалона; обычно миниатюрная и невзрачная, она возвышалась над ним, а могучий рыцарь и королевский конюший словно съежился и в испуге отпрянул назад: вот так все мужчины умаляются перед лицом Богини.

— Ты... ты презренный глупец, Ланселет, — бросила она. — На тебя даже проклятия тратить жалко! — Молодая женщина развернулась и бросилась бежать; Ланселет остался сидеть на прежнем месте, так и не застегнув штанов, изумленно и пристыженно глядя ей вслед. Сердце Моргейны неистово колотилось в груди. Ей отчаянно хотелось накричать на него — пронзительно и сварливо, под стать поморнику, — и одновременно тянуло сдаться, расплакаться в отчаянии и муке, умоляя о любви более глубокой, нежели та, которую Ланселет отринул и отказался ей дать, оскорбив в лице ее саму Богиню... В сознании ее всплывали обрывки мыслей и еще древнее предание о том, как некий мужчина застал Богиню врасплох и отверг ее, и Богиня приказала своим гончим растерзать его в клочья... и накатывала скорбь: она наконец-то получила то, о чем мечтала все эти долгие годы, и все это для нее — лишь зола и пепел.

«Священник непременно сказал бы, что такова расплата за грех. Уж этого-то я вдоволь наслушалась от замкового капеллана Игрейны, прежде чем меня отослали на Авалон. Неужто в сердце своем я — более христианка, нежели сама думаю?» И вновь Моргейне померещилось, что сердце ее того и гляди разобьется, ибо любовь обернулась для нее крушением и гибелью.

На Авалоне такого никогда не случилось бы: те, кто приходят к Богине вот так, никогда не отвергли бы ее власти... Мор-

гейна расхаживала взад и вперед, в жилах ее бушевало неутолимое пламя; молодая женщина знала — никто не поймет ее чувств, кроме разве жрицы Богини, такой же, как она сама. Вивиана, с тоской думала она, Вивиана все поняла бы, или Врана, или любая из нас. *«Что же я делаю все эти долгие годы вдали от моей Богини?»*

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Три дня спустя я испросила у Артура дозволения покинуть его двор и отправиться на Авалон; я сказала лишь, что соскучилась по Острову и по моей приемной матери Вивиане. За эти дни я ни разу не поговорила с Ланселетом, если не считать обмена пустыми любезностями в тех случаях, когда от встречи было не уклониться. И даже тогда я подмечала, что он не смеет смотреть мне в глаза, и во власти стыда и гнева обходила его стороной, лишь бы не сталкиваться с ним лицом к лицу.

И вот я взяла коня и поскакала на восток через холмы; и в течение многих лет не возвращалась более в Каэрлеон, и не ведала, что происходит при Артуровом дворе... но эту историю лучше отложить на потом».

Глава 8

Следующим летом к Британским берегам стекались саксонские полчища; и Артур и его люди весь год собирались с силами, готовясь к неизбежному сражению. Артур повел свое воинство в битву и отбросил саксов прочь, однако решающей победы, как надеялся, не одержал; враги и впрямь понесли серьезный урон, от которого не оправятся в течение года; но у Артура недостало людей и коней для того, чтобы разгромить неприятеля раз и навсегда, как он рассчитывал. В сражении короля ранили, и не то чтобы серьезно, однако рана загноилась и воспалилась, и на протяжении почти всей осени Артур был прикован к постели. Повалил первый снег, когда он наконец сумел пройтись по двору, опираясь на палку; а шрам Артуру предстояло унести с собою в могилу.

— В седло я смогу сесть никак не раньше весны, — мрачно пожаловался он Гвенвифар. Королева стояла у самой стены, кутаясь в синий плащ.

— А чего доброго, и позже, дорогой мой лорд, если застудишь рану, не залечив ее толком, — заметил Ланселет. — Ступай в замок, прошу тебя: глянь-ка, плащ Гвенвифар снегом припорошило.

— А заодно и твою бороду, Ланс, — или это седина пробивается? — поддразнил Артур, и Ланселет рассмеялся.

— Думаю, и то, и другое справедливо; здесь, мой король, у тебя передо мною преимущество: твоя борода столь светла, что седины в ней и не заметишь. Ну же, обопрись на мою руку.

Артур отмахнулся было, но тут вступилась королева:

— Нет, Артур, возьми его под руку; вот упадешь — и все труды лекарей пойдут насмарку... а камень скользкий, снег-то под ногами тает.

Вздохнув, Артур оперся о плечо друга.

— Вот теперь и я вкусил, каково это — состариться. — Подошла Гвенвифар, взяла его под вторую руку, и король рассмеялся: — А что, будешь ли ты так же любить меня и поддерживать, когда в бороде и волосах у меня и впрямь пробьется седина и стану я опираться на палку, точно мерлин?

— И даже когда тебе стукнет девяносто, лорд мой, — со смехом поддержал его Ланселет. — Вот так и вижу, словно наяву: Гвенвифар ведет тебя за одну руку, я — за другую, и так ковыляем мы, едва волоча ноги, к твоему трону — к тому времени нам всем будет под девяносто или около того! — Конюший вдруг посерьезнел. — Беспокоюсь я за Талиесина, лорд мой, он совсем одряхлел, и зрение его подводит. Не следует ли ему возвратиться на Авалон и провести там последние годы в покое и мире?

— Конечно же, следует, — отозвался Артур, — да только он говорит, что не бросит меня одного, на советников в лице одних лишь священников...

— А где тебе и найти лучших советников, если не среди святых отцов, лорд мой? — вспыхнула Гвенвифар. Жуткое слово «Авалон» она терпеть не могла; ее пугала самая мысль о том, что Артур дал обет оберегать и хранить тамошние языческие обычаи.

Они вошли в зал, где горел огонь, Ланселет осторожно усадил короля в кресло, и тот раздраженно отмахнулся:

— Да уж, устройте старика у очага и принесите ему ночной горшок: дивлюсь я, что вы позволяете мне носить сапоги и штаны вместо ночной рубашки!

— Дорогой мой лорд... — начала было Гвенвифар, но Ланселет положил руку ей на плечо.

— Не тревожься, родственница; все мужчины таковы: капризничают и брюзжат, когда больны. Артур сам не понимает, как хорошо устроился: за ним ходят прекрасные дамы, к его услугам изысканные яства, и чистые повязки, и столь презираемые им горшки... А вот я лежал раненым в военном лагере, и ухаживал за мной вечно всем недовольный старикашка — он был хром и сражаться не мог, — и валялся я в собственном дерьме, поскольку с места сдвинуться не мог, и никто и не думал подойти ко мне и помочь подняться, и приносили мне лишь кислое пиво да сухари, чтобы в пиве размачивать. А ну, перестань ворчать, Артур, а

не то я уж позабочусь, чтобы ты лечил свою рану мужественно и стойко, как подобает солдату!

— Да уж, этот и впрямь позаботится, — фыркнул Артур, тепло улыбаясь другу. — Не слишком-то ты боишься своего короля, принц Галахад... — Артур взял из рук жены роговую ложку и принялся поглощать месиво из горячего вина с хлебом и медом. — До чего вкусно; и притом согревает; и пряности там есть, не так ли — те самые пряности, что ты велела мне прислать из Лондиниума...

Подошедший Кэй забрал у короля пустую чашу.

— Ну, и как поживает твоя рана после часовой прогулки, лорд мой? По-прежнему болит и ноет?

— Меньше, чем в прошлый раз; вот и все, что я могу сказать, — отозвался Артур. — Впервые в жизни я узнал, что такое настоящий страх: я испугался, что умру, не завершив трудов своих.

— Господь того не допустит, — вступилась Гвенвифар.

Артур погладил жену по руке.

— Вот и я себе так говорил, однако внутренний голос твердил мне, что это — великий грех гордыни: страшиться, что я сам или кто-либо другой незаменимы для воплощения Господнего замысла... Долго размышлял я обо всем об этом, пока лежал в постели, не в силах подняться.

— Сдается мне, мало чего оставил ты незавершенным, если не считать окончательной победы над саксами, лорд мой, — вмешался Кэй. — Но теперь пора тебе лечь; прогулка утомила тебя.

Артур вытянулся на постели; Кэй забрал его одежду и осмотрел глубокую рану, что до сих пор слегка сочилась гноем сквозь ткань.

— Я пошлю за женщинами; надо бы снова наложить горячие повязки; ты разбередил рану. Хорошо еще, от ходьбы она не открылась.

Женщины принесли дымящиеся котелки, намешали трав и наложили на рану пропитанные водой и сложенные в несколько раз куски ткани — такие горячие, что Артур дернулся и не сдержал крика.

— Ага, и все равно, Артур, можешь почитать себя счастливцем, — отозвался Кэй. — Если бы меч скользнул в сторону на расстояние ладони, у Гвенвифар появилась бы причина для горя куда более весомая, а ты бы прославился по всей земле как король-кастрат... прямо как в древней легенде! Ты ведь помнишь эту байку... король ранен в бедро, силы его убывают, и хиреет и увядает земля — до тех пор, пока не явится юноша, способный возродить ее плодородие...

Гвенвифар так и передернулась.

— Отличная история, что и говорить: в самый раз для слуха раненого! — раздраженно бросил Артур, беспокойно ворочаясь: обжигающе-горячий компресс причинял невыносимую боль.

— А я думал, ты оценишь, насколько тебе повезло: ведь земля твоя не увянет и не станет бесплодной, — отозвался Кэй. — А к Пасхе, смею надеяться, если посчастливится, королева понесет...

— Дай-то Боже, — откликнулся Артур, но Гвенвифар, вздрогнув, отвела глаза. Да, она вновь зачала, и вновь ее постигла неудача — да так быстро, что она даже толком осознать не успела, что беременна... неужто так будет всегда? Или она бесплодна, или Господь карает ее за то, что она не тщится денно и нощно сделать своего мужа лучшим христианином?

Прислужница сняла повязку и собиралась уже заменить ее на свежую. Артур потянулся к Гвенвифар.

— Нет, пусть это сделает госпожа моя, у нее руки нежнее... — промолвил он, и Гвенвифар послушно взялась за дымящуюся ткань — такую обжигающе-горячую, что едва не обварила себе пальцы; однако Гвенфивар радовалась боли, точно искуплению. Это она во всем виновата, она и только она; надо было Артуру отослать от себя бесплодную женщину и взять жену, способную подарить ему ребенка. Ему вообще не следовало на ней жениться; ведь к тому времени ей уже исполнилось восемнадцать, и лучшие для деторождения годы для нее остались позади. Может статься...

«Будь здесь Моргейна, я бы и впрямь выпросила у нее талисман против бесплодия...»

— Сдается мне, что лекарское искусство Моргейны ныне оказалось бы нам куда как кстати, — промолвила Гвенвифар. — С Артуровой раной дело обстоит скверно, а Моргейна — прославленная целительница, как и сама Владычица Авалона. Отчего бы нам не послать на Авалон и не попросить кого-либо из них приехать сюда?

— Не вижу в том нужды, — нахмурился Кэй. — Рана Артура заживает неплохо; видывал я и похуже, и те исцелялись благополучно.

— И все же рад был бы я повидаться с моей доброй сестрицей, — промолвил Артур, — как и с Владычицей Озера, другом моим и благодетельницей. Но судя по тому, что рассказывала мне Моргейна, не жду я когда-либо увидеть их вместе...

— Я пошлю гонца на Авалон и попрошу мать приехать, — тебе стоит лишь повелеть, Артур, — промолвил Ланселет, однако смотрел он на Гвенвифар. Глаза их на мгновение встретились. На протяжении всех этих месяцев Артуровой болезни Ланселет, кажется, не отходил от нее ни на шаг; всегда был для нее опорой и поддержкой — несокрушимой, словно скала; и что бы она без него делала? В те первые дни, когда никто не верил, что Артур выживет, Ланселет дежурил у постели вместе с нею, не смыкая глаз; видя его любовь к Артуру, она начинала стыдиться собст-

венных мыслей. «*Он — кузен Артура, как и Гавейн; и столь же близок к трону; он — сын родной сестры Игрейны; если с Артуром что-то случится, он станет тем самым королем, что так нам нужен... в древние времена королем считался супруг королевы, и не иначе...*»

— Так что, пошлем за госпожой Вивианой? — уточнила Гвенвифар.

— Только лишь если тебе угодно увидеться с Владычицей, — со вздохом отвечал Артур. — Думается мне, сейчас мне требуется лишь побольше терпения — такой совет дал мне епископ, когда я беседовал с ним в последний раз. Господь и впрямь ко мне добр: я не лежал беспомощным тогда, когда нагрянули саксы, и ежели Господь не оставит меня своей милостью, я смогу выехать в поход, как только враги объявятся снова. Гавейн собирает войско на севере для Лота и Пелинора, верно?

— Ага, — рассмеялся Ланселет. — Он сказал Пелинору, что сперва должно расправиться с белым конем, а дракон пусть подождет... и велел вооружить всех его воинов и прийти по первому зову. Явится и Лот, хоть он уже и стар... этот не упустит ни тени возможности сделать так, чтобы королевство все-таки отошло его сыновьям.

«*А ведь так оно и выйдет, если я не подарю Артуру сына*», — подумала Гвенвифар. Любое слово — произнесенное кем угодно и о чем угодно — оборачивалось для нее стрелой, насмешкой, нацеленной прямо в сердце, ибо она не исполнила первейшего долга королевы. Артур к ней искренне привязан, они могли бы быть счастливы, если бы она хоть на мгновение сумела избавиться от чувства вины за свое бесплодие. Какое-то время она почти радовалась этой ране, ибо пока Артур и не помышлял о том, чтобы возлечь с женщиной, и то не было ей упреком; она могла заботиться о нем, холить его и нежить, владеть Артуром безраздельно, — редко так случается в жизни жены, если супруг ее принадлежит не ей, но королевству. Она могла любить Артура, не размышляя непрестанно о своей вине; ощущая его прикосновения, думать об их любви, а не только о своих страхах и отчаянном уповании: «*Уж на сей-то раз я наконец забеременею; а если да, то все ли пройдет хорошо или я вновь не сумею выносить бесценную надежду королевства?*» Гвенвифар ухаживала за мужем, нянчила его денно и нощно, точно мать — хворого ребенка, а когда к Артуру начали понемногу возвращаться силы, она сидела с ним рядом, разговаривала с ним, пела ему — при том, что чудесным голосом, в отличие от Моргейны, природа ее не наделила, — сама отправлялась в кухни и готовила для него все то, что способно пробудить аппетит у недужного, лишь бы Артур поправлялся, — ведь в начале лета изнурительная болезнь превратила короля в собственную тень.

«И все же чего стоят все мои заботы, если я не могу дать его королевству наследника?»

— Жаль, что Кевина здесь нет, — посетовал Артур. — Охотно послушал бы я музыку — или песни Моргейны, если на то пошло; ныне нет при дворе достойных менестрелей!

— Кевин вернулся на Авалон, — отозвался Ланселет. — Мерлин сказал мне, что он отбыл по каким-то там жреческим делам — столь тайным, что большего мне знать и не следует. Дивлюсь я, что священники допускают в христианской земле все эти друидические мистерии.

— Чужой совестью я не распоряжаюсь, будь я хоть сто раз король, — пожал плечами Артур.

— Господа должно чтить так, как велит сам Господь, а не так, как мыслят себе люди, — строго проговорила Гвенвифар. — Затем Он и прислал в мир Христа.

— Да, но только не в наши земли, — возразил Артур, — а когда святой Иосиф пришел в Гластонбери и воткнул в землю свой посох и посох зацвел, друиды оказали ему добрый прием, он же, не чинясь, присоединился к их обрядам.

— Епископ Патриций говорит, то — предание нечестивое и еретическое, — настаивала Гвенвифар, — и священника, что свершает обряды друидов, должно лишить сана и гнать прочь заодно с друидами!

— Пока я жив, того не будет, — твердо объявил Артур. — Я поклялся защищать Авалон. — Король улыбнулся и протянул руку к Эскалибуру, покоящемуся в ножнах алого бархата. — И у тебя есть все причины быть благодарной за эту магию, Гвенвифар, — не окажись при мне ножен, ничего бы меня не спасло. И даже так я едва не истек кровью; лишь магия ножен остановила кровь. Предать доброе расположение друидов с моей стороны было бы черной неблагодарностью.

— Ты в самом деле в это веришь? — не отступалась Гвенвифар. — Ты ставишь магию и чародейство превыше воли Господней?

— Полно, любимая, — Артур пригладил ее светлые волосы. — Ты полагаешь, человеку дано сделать хоть что-либо вопреки Господней воле? Ежели ножны эти не дали мне истечь кровью, верно, Господу не угодно было, чтобы я умер. Сдается мне, моя вера ближе к Господу, чем твоя, ежели ты боишься, что какой-то там колдун способен противостоять желаниям Бога. Все мы — в руках Господа.

Гвенвифар вскинула глаза на Ланселета; на губах его играла улыбка, и на мгновение показалось, будто он насмехается над супругами, но ощущение тут же исчезло. Это мимолетная тень, не более, подумала королева.

— Что ж, Артур, ежели ты хочешь музыки, так, верно, Тали-

есин не откажется сыграть тебе; он, конечно, стар, и петь не может, однако руки его былого искусства не утратили.

— Так позовите его, — со смехом отозвался Артур. — В Писании рассказывается, как престарелый царь Саул призвал к себе юного гусляра, дабы развеять тяжкие мысли, а я вот, молодой король, зову престарелого арфиста, дабы тот музыкой развеселил мне душу!

Ланселет отправился на поиски мерлина; со временем старик пришел вместе с арфой, и долго сидели все в зале, внимая музыкѐ.

Гвенвифар вспоминала игру Моргейны. «*Ах, будь она здесь, она дала бы мне амулет... но прежде лорду моему должно окончательно исцелиться...*» — но тут королева подняла глаза на Ланселета — и вновь ощутила во всем теле неодолимую слабость. Ланселет сидел на скамье по другую сторону от очага и, откинувшись к стене, слушал музыку — заложив руки за голову, вытянув длинные ноги к огню. Прочие мужчины и женщины придвинулись ближе к арфисту; у Элейны, дочери Пелинора, хватило дерзости втиснуться на скамейку рядом с Ланселетом, но тот словно не замечал девушку.

«*Ланселету нужна жена. Надо бы взяться за дело и написать королю Пелинору, пусть выдаст дочь за Ланселета; Элейна мне кузина, она похожа на меня, она уже вошла в брачный возраст...*» Однако Гвенвифар знала про себя, что никогда этого не сделает; успеется еще — пусть Ланселет сам сперва объявит, что не прочь взять жену.

«*А если Артур так и не поправится... Ох, нет, нет, я не стану об этом думать...*» Гвенвифар украдкой перекрестилась. Однако же, думала она про себя, давно уже не засыпала она в Артуровых объятиях; похоже на то, что он и впрямь не может дать ей ребенка... Королева поймала себя на том, что гадает, каково это — разделять ложе с Ланселетом... может быть, *он* подарил бы ей желанное дитя? Что, если бы она взяла Ланселета в любовники? Гвенвифар знала: есть женщины, на такое вполне способные... Вот Моргауза, например, этого даже не скрывает; теперь, когда она вышла из детородного возраста, ее собственные любовные шашни стали такой же притчей во языцех, как и скандальное распутство Лота. Щеки королевы горели; Гвенвифар понадеялась, что никто этого не заметил; она глядела на руки Ланселета и гадала, каково это — ощущать их ласковые прикосновения... нет, об этом грех даже думать...

Если женщина берет себе любовника, должно в первую очередь позаботиться о том, чтобы не забеременеть, не родить ребенка, что станет бесчестием для нее самой и позором для ее супруга; так что, если она бесплодна, это все как раз неважно... можно считать, что ей повезло... Господи милосердный, как так

вышло, что ее, целомудренную христианку, одолевают думы столь порочные? Они и прежде приходили ей в голову, и когда она исповедалась капеллану, тот сказал лишь, что причина — в затянувшейся болезни ее мужа, так что ходу мыслей ее удивляться не приходится; и не должно ей терзаться угрызениями совести; надо лишь денно и нощно молиться, и ухаживать за мужем, и думать только о том, что *ему* приходится еще тяжелее. Гвенвифар по достоинству оценила этот добрый, разумный и мягкий совет, однако ей казалось, что священник так и не понял до конца ее признания, не осознал, какая она грешница и как порочны и нечестивы ее мысли. В противном случае святой отец, конечно же, сурово выбранил бы ее и наложил бы на нее тяжкую епитимью, и тогда Гвенвифар почувствовала бы себя лучше, свободнее...

«Ланселет никогда не упрекнул бы ее за бездетность...»

Гвенвифар с запозданием осознала, что кто-то назвал ее по имени, и испуганно подняла голову: неужто мысли ее открыты всем и каждому?

— Нет-нет, лорд мой мерлин, довольно музыки, — произнес Артур. — Глядите, уже стемнело, и супругу мою клонит в сон. Она, верно, совсем измучилась, ухаживая за мною... Кэй, вели слугам накрывать на стол, а я пойду прилягу. Ужин пусть подадут мне в постель.

Гвенвифар подошла к Элейне и попросила девушку взять на себя ее обязанности; сама она побудет с мужем. Кэй отправился отдать распоряжения слугам; Ланселет протянул Артуру руку и тот, опираясь на палку, захромал к себе в спальню. Ланселет уложил короля в постель — нежнее и осторожнее любой сиделки.

— Если ночью ему что-нибудь понадобится, пусть непременно позовут меня; ты знаешь, где я сплю, — тихо сказал он Гвенвифар. — Мне его приподнять проще, чем кому-либо...

— Ох, нет-нет, думаю, теперь нужды в этом нет, однако ж спасибо тебе, — отозвалась королева.

Ланселет ласково коснулся ладонью ее щеки. Каким высоким казался он рядом с нею!

— Если хочешь, ложись со своими дамами, а я останусь и пригляжу за ним... судя по твоему виду, крепкий, спокойный сон тебе сейчас не помешает. Ты — как кормящая мать, что не знает покоя и отдыха, пока младенец не приучится спать до утра, не пробуждаясь то и дело. Я отлично способен позаботиться об Артуре — теперь тебе уже незачем бодрствовать у его изголовья! Я подежурю в комнате в пределах слышимости.

— Ты очень добр ко мне, — отозвалась королева, — но мне все же хотелось бы побыть с мужем.

— И все же пошли за мною, если я ему понадоблюсь. Не пытайся сама его приподнять — пообещай мне, Гвенвифар!

Как нежно и ласково прозвучало в его устах ее имя; куда нежнее, чем «моя королева» или «госпожа моя...»

— Обещаю тебе, друг мой.

Ланселет нагнулся и запечатлел на ее челе легкий, совсем невесомый поцелуй.

— Вид у тебя совсем измученный, — промолвил он. — Ложись и выспись хорошенько. — Ладонь его на мгновение задержалась на ее щеке, но Ланселет отнял руку — и молодая женщина почувствовала холод и ноющую боль, как если бы зуб разболелся.

Она прилегла рядом с Артуром. Какое-то время Гвенвифар казалось, что муж ее спит. Но вот в темноте прозвучал его голос:

— Он всегда был нам добрым другом, верно, жена моя?

— Даже брат не вел бы себя великодушнее.

— Мы с Кэем росли как братья, и я искренне к нему привязан, но права пословица: «Кровь не водица», и кровное родство означает близость, о которой я и помыслить не мог, пока не узнал своих кровных родичей... — Артур беспокойно заворочался, тяжело вздохнул. — Гвенвифар, мне нужно тебе кое-что сказать...

Молодая женщина похолодела от страха, сердце ее неистово заколотилось в груди: неужто Артур видел, как Ланселет целовал ее, и теперь упрекнет жену в неверности?

— Пообещай, что не расплачешься снова, — произнес Артур. — Я просто не могу этого вынести. Клянусь тебе, я даже не думаю тебя упрекать... но мы женаты вот уже много лет, и лишь дважды за это время ты надеялась на ребенка... нет-нет, не плачь, умоляю тебя, дай мне докончить, — взмолился король. — Очень может статься, что вина моя, а не твоя. У меня были и другие женщины, как это у мужчин водится. Но хотя я никогда даже не пытался скрыть, кто я такой, за все эти годы ни одна женщина не пришла ко мне и не прислала родственников сказать, что такая-то и такая-то родила мне сына-бастарда. Засим, может статься, это в моем семени нет жизни, так что, когда ты зачинаешь, плод даже в движение не приходит...

Гвенвифар опустила голову; волна волос упала ей на лицо. Значит, Артур тоже извел себя упреками?

— Моя Гвенвифар, послушай меня: королевству нужен ребенок. И ежели так случится, что ты однажды и впрямь произведешь на свет дитя во имя трона и государства, будь уверена: я ни о чем допытываться не стану. Что до меня, я в любом случае признаю рожденного тобою ребенка своим и воспитаю как своего наследника.

Щеки молодой женщины горели; казалось, еще немного — и она вспыхнет огнем. Неужто Артур считает ее способной на измену?

— Никогда, никогда не смогу я поступить так, лорд мой и король...

— Тебе ведомы обычаи Авалона... нет, жена моя, не прерывай меня, дай мне выговориться... там, когда мужчина и женщина сходятся таким образом, говорится, что дитя рождено от бога. Весьма хотелось бы мне, чтобы Господь послал нам ребенка, уж кто бы там ни исполнил Господню волю, его зачиная, — ты меня понимаешь? И ежели так случится, что орудием провидения станет мой лучший друг и ближайший родич по крови, так я стану благословлять и его, и рожденное тобою дитя. Нет-нет, не плачь, не надо, я не скажу более ни слова, — промолвил Артур, вздыхая. Он обнял жену, притянул ее голову к себе на плечо. — Не достоин я такой любви.

Спустя какое-то время он заснул, а Гвенвифар все лежала, не смыкая глаз, и по щекам ее медленно катились слезы. «*Ох, нет,* — думала она про себя, — *любовь моя, дорогой господин мой, это я не достойна твоей любви; а теперь ты, по сути дела, сам дал мне дозволение изменить тебе*». Внезапно, впервые в жизни, королева позавидовала Артуру с Ланселетом. Они оба — мужчины, они ведут жизнь деятельную, они отправляются в большой мир, рискуют на поле битвы жизнью или даже большим, однако от кошмарной необходимости выбирать мужчины свободны. А она — что бы она ни делала, какое бы решение ни принимала — будь то сущий пустяк, вроде того, подать ли на ужин козлятину или сушеное мясо, — всякий раз решение ложится ей на душу тяжким бременем, как если бы от ее поступка зависели судьбы королевств. А теперь вот ей предстоит выбирать, не положившись просто-напросто на волю Господа, подарить наследника королевству или нет; наследника, в жилах которого текла бы кровь Утера Пендрагона — или иная. Ну как она, женщина, может принимать подобное решение? Гвенвифар спряталась с головою под меховым покрывалом и свернулась в клубочек.

Не далее как нынче вечером сидела она в зале, любуясь Ланселетом, что внимал арфисту, и в сознание ее закралась эта самая мысль. Она давно любит Ланселета; но лишь теперь начинает осознавать, что желает его; в сердце своем она ничем не лучше Моргаузы, что на каждом шагу блудит и распутничает с мужними рыцарями и даже — этот скандальный слух шепотом передавался из уст в уста — с пригожими пажами и слугами. Артур такой добрый; со временем она полюбила его всей душой; здесь, в Каэрлеоне, она обрела мир и покой. Не должно тому быть, чтобы по замку и всей округе поползли срамные слухи на ее счет, не Моргауза же она, в самом деле!

Гвенвифар так хотелось быть хорошей христианкой, сохранить чистоту души и целомудрие, однако же немало значило для нее и то, что люди видят, сколь она добродетельна, и почитают

ее королевой достойной и безупречной. Скажем, сама она за Моргейной ничего дурного не знала; Моргейна прожила рядом с нею три года и, насколько она, Гвенвифар, могла судить, в добродетели не уступала ей самой. Однако же ходили слухи, что Моргейна — ведьма, поскольку воспитывалась на Авалоне, обрела там немалые познания, разбирается в лекарственных травах и видениях; так что замковый люд и жители окрестных деревень перешептывались, будто Моргейна сносится с народом фэйри или даже с самим дьяволом. И даже сама Гвенвифар, отлично зная Моргейну, иногда сомневалась: как может то, о чем твердят всяк и каждый, оказаться неправдой?

А завтра ей предстоит оказаться с Ланселетом лицом к лицу и продолжать ухаживать за Артуром, зная, что муж сам почитай что дал ей дозволение... как ей отныне прикажете встречаться с Ланселетом взглядом? В жилах его течет кровь Авалона, он — сын Владычицы Озера, может статься, что и он немного умеет читать мысли: он заглянет ей в глаза и поймет, о чем она думает.

И тут накатил гнев — гнев столь неуемный, что королева испугалась не на шутку. Он сотряс все ее тело, точно бурлящий прилив. Гвенвифар лежала под покрывалом, во власти страха и ярости, думая про себя, что отныне просто не посмеет выйти за дверь, опасаясь совершить непоправимое. Все женщины двора мечтают о Ланселете — да, даже сама Моргейна; уж она-то видела, как золовка пожирает его взглядом; именно поэтому, когда давным-давно Артур предложил выдать Моргейну за Ланселета, она так расстроилась: Ланселет наверняка счел бы Моргейну слишком развязной и дерзкой. Впрочем, кажется, эти двое поссорились; последние день-два перед тем, как Моргейна уехала на Авалон, они друг с другом почти не разговаривали и старались не встречаться взглядом.

Да, она скучает по Моргейне... однако же в общем скорее рада, что Моргейны при дворе нет, и не стала бы слать гонца в Тинтагель разузнавать о ней, будь она там. Гвенвифар представила себе, как пересказывает Моргейне слова Артура; да она бы со стыда умерла, а Моргейна, чего доброго, рассмеялась бы ей в лицо: Моргейна наверняка сказала бы, что ей, Гвенвифар, самой решать, взять Ланселета в любовники или нет; а, пожалуй, недурно было бы спросить заодно и Ланселета.

И тут все ее существо охватило жгучее пламя, ни дать ни взять адский огонь: что, если бы она предложила себя Ланселету, а тот ответил бы «нет»? Вот тогда она и впрямь умерла бы со стыда. Теперь она и в самом деле никогда не осмелится поднять глаза на Ланселета, или на Артура, или на любую из дам, избежавших подобного искушения! И даже священникам ничего не посмеет рассказать, ибо тогда святые отцы поймут: Артур — не такой хороший христианин, как должно бы. Теперь вовеки не

наберется она храбрости вновь переступить порог комнаты, покинуть надежное, защищенное убежище этой самой спальни и этой самой кровати. *Здесь* ничего дурного с нею не случится, здесь ничто не властно ей повредить.

Ей и впрямь слегка нездоровится. Завтра она пожалуется своим дамам на недомогание; и те решат лишь, как и Ланселет, что она переутомилась, денно и нощно ухаживая за Артуром. Она останется достойной, добродетельной королевой и доброй христианкой, какою была всегда, — об ином она и помыслить не в силах. Артура просто-напросто угнетают рана и затянувшееся бездействие, вот и все; поправившись, он и думать о таком забудет и, конечно же, будет благодарен жене за то, что она не прислушалась к его безумным речам и оградила их обоих от смертного греха.

И однако, уже засыпая, измученная Гвенвифар вспомнила слова одной из своих дам, произнесенные давным-давно, — за несколько дней до того, как Моргейна уехала от двора. Дескать, пусть Моргейна даст королеве талисман... А ведь и вправду так; если бы Моргейна заколдовала ее так, чтобы у королевы не осталось иного выбора, кроме как полюбить Ланселета, тяжкое бремя решения упало бы с ее плеч... «*Вот вернется Моргейна, и я поговорю с нею...*» — подумала Гвенвифар. Но вот уже два года минуло с тех пор, как Моргейна покинула Каэрлеон; очень может быть, что она уже не вернется...

Глава 9

«*Стара я для таких разъездов*, — думала про себя Вивиана, скача сквозь зимний дождь, опустив голову и плотно закутавшись в плащ. А в следующий миг в груди всколыхнулась обида: — «*Ныне эта миссия была бы уделом Моргейны; это ей назначено было стать Владычицей после меня*».

Четыре года назад Талиесин поведал ей, что Моргейна приехала в Каэрлеон на Артурову свадьбу, присоединилась к свите Гвенвифар, да там и осталась. «*Владычица Озера — в служанках при королеве?*» Да как Моргейна только посмела отречься от истинного, назначенного ей пути? И однако же, когда Вивиана отправила гонца в Каэрлеон, веля Моргейне возвратиться на Остров, вернувшийся посланник сообщил, что Моргейна уехала от двора... как все считают, на Авалон.

«*Но она не на Авалоне. И не в Тинтагеле с Игрейной, и не при дворе Лота Оркнейского. Куда же она подевалась?*»

Может статься, в ее одиноких разъездах с ней приключилось несчастье? Что, если она попала в руки какого-нибудь мародера или беззаконного головореза — таких в глуши полным-полно, —

что, если она потеряла память, стала жертвой насилия, убита, брошена в придорожную канаву, так что теперь и костей не найдешь?.. «*Ох, нет*, — думала Вивиана, — *если бы с ней приключилась беда, я бы непременно увидела это в зеркале... или при помощи Зрения...*»

И все же Вивиану одолевали сомнения. Зрение нынче вело себя непредсказуемо; часто, когда Владычица пыталась окинуть взглядом внешние пределы, перед глазами ее лишь клубился раздражающий серый туман, завеса неведомого, пробиться за которую она не смела. И где-то в этом тумане сокрыта судьба Моргейны.

«*Богиня*, — взмолилась Вивиана, как столько раз до того, — *Матерь, я отдала тебе свою жизнь, верни мне мое дитя, пока я еще жива...*» Но, еще не договорив, Владычица знала: ответа не будет, лишь сумеречный дождь, подобный завесе неведомого, а ответ Богини таится в неумолимых небесах.

Неужто путешествие это точно так же утомило ее и в прошлый раз, полгода назад? Теперь Вивиане казалось, что доселе она всегда разъезжала в седле легко, точно девочка; а вот сейчас тряская поступь ослика отзывалась в каждой косточке ее исхудавшего тела, а холод пробирал до внутренностей и вгрызался в нее мелкими ледяными зубами.

Один из сопровождающих обернулся.

— Госпожа, я вижу внизу усадьбу. Похоже, мы будем на месте еще до заката.

Вивиана поблагодарила своего спутника, по возможности скрывая переполняющую ее признательность. Еще не хватало выказывать слабость перед своим эскортом.

В тесном дворике ее встретил Гаван: он помог гостье спешиться и заботливо поддержал, чтобы та не ступила в навозную кучу.

— Добро пожаловать, Владычица, — промолвил он, — как всегда, твой приезд для меня — великая радость. Мой сын Балин и твой сын будут здесь завтра: я послал за ними в Каэрлеон.

— Все так серьезно, старый друг? — спросила Вивиана, и Гаван кивнул.

— Ты ее с трудом узнаешь, Владычица. Она превратилась в тень; а если и поест или попьет малость, то жалуется, будто у нее внутри словно огонь полыхает. Думаю, дни ее сочтены, несмотря на все твои снадобья.

Вивиана со вздохом наклонила голову в знак согласия.

— Этого я и боялась, — промолвила она. — Стоит этому недугу завладеть своей жертвой, и из когтей его уже не вырваться. Может, я смогу облегчить ее муки.

— Дай-то Боже, — отозвался Гаван. — Ибо те лекарства, что ты оставила нам в последний раз, уже почти не помогают. Она

просыпается и плачет в ночи, точно дитя, если думает, что ни я, ни служанки ее не слышат. У меня даже недостает духу молиться, чтобы она подольше пробыла с нами, ибо не в силах я видеть ее страданий, Владычица.

Вивиана вновь вздохнула. В последний свой приезд, полгода назад, она оставила для недужной самые сильнодействующие снадобья и средства и отчасти надеялась, что осенью Присцилла захворает лихорадкой и умрет быстро, еще до того, как лекарства потеряют силу. А теперь она мало чем может помочь страдалице. Она позволила Гавану отвести себя в дом, присела у огня, и служанка налила ей чашку горячего супа из котелка над огнем.

— Ты долго ехала под дождем, Владычица, — проговорил хозяин. — Посиди, отдохни; а после вечерней трапезы навестишь мою жену... иногда в это время дня ей удается заснуть.

— Если ей дано отдохнуть хоть малость, остается лишь поблагодарить судьбу; я не стану ее тревожить, — отозвалась Вивиана, принимая в заледеневшие руки чашку с супом и тяжело опускаясь на скамью без спинки. Одна из служанок сняла с нее сапоги и плащ, другая принесла согретое полотенце и обтерла ей ноги, и Вивиана, подобрав юбки, чтобы костлявые колени ощутили жар огня, на мгновение забылась, наслаждаясь уютным теплом и отвлекшись от своей тягостной миссии. Но вот из внешней комнаты донесся пронзительный жалобный крик; служанка вздрогнула и задрожала всем телом.

— Это госпожа; бедняжка, верно, проснулась. Я-то надеялась, она проспит до тех пор, пока мы ужин не накроем. Я пойду к ней.

— Я тоже, — отозвалась Вивиана и поспешила за прислужницей во внутренний покой. Гаван остался сидеть у огня; Владычица видела: лицо его искажено ужасом. Пронзительный крик затих вдалеке.

С тех пор как Присцилла захворала, Вивиана тем не менее, неизменно усматривала в ней следы былой красоты, отдаленное сходство с веселой и жизнерадостной молодой женщиной, усыновившей ее сына Балана. Теперь лицо, и губы, и поблекшие волосы приобрели один и тот же желтовато-серый оттенок, и даже синие глаза погасли, как если бы недуг выпил из женщины все живые краски. В последний приезд Вивианы Присцилла по большей части была на ногах и хлопотала по дому; а теперь не приходилось сомневаться: недужная прикована к постели... какие-то полгода — и произвели подобную перемену! Прежде снадобья и травяные настои Вивианы неизменно дарили облегчение, утешение, даже частичное исцеление. А теперь Владычица видела: помощь тут бессильна.

Мгновение взгляд выцветших глаз бесцельно блуждал по комнате, и слабо шевелились губы бессильно открытого рта. Но

вот Присцилла заметила Вивиану, слабо заморгала и шепотом спросила:

— Это ты, Владычица?

Вивиана подошла к больной и осторожно пожала иссохшую руку.

— Жаль мне видеть, до чего ты расхворалась. Как ты, дорогая подруга?

Бесцветные, потрескавшиеся губы растянулись в гримасе, что Вивиана в первое мгновение сочла судорогой боли, а в следующий миг поняла свою ошибку: больная улыбается.

— Уж и не знаю, можно ли расхвораться сильнее, — прошептала она. — Думаю, Господь и его Матерь совсем про меня позабыли. Однако же рада я, что вижу тебя вновь, и надеюсь еще успеть поглядеть на моих милых сыновей и благословить их... — Присцилла устало вздохнула, пытаясь устроиться поудобнее. — Ежели лежишь неподвижно, так спина ноет; но ежели до меня дотронуться, так словно ножи в тело вонзаются. И пить хочется, просто сил нет, но я не смею: боюсь боли...

— Я помогу тебе, чем смогу, — заверила Вивиана, и, объяснив слугам, что ей требуется, перевязала язвы, образовавшиеся от долгого лежания неподвижно, и заставила Присциллу прополоскать рот освежающей настойкой, чтобы при том, что больная так и не попила, сухость во рту не так ее мучила. А затем Владычица присела рядом с больной, держа ее за руку и не терзая несчастную разговорами. Вскорости после наступления темноты во дворе послышался шум. Присцилла встрепенулась; глаза ее лихорадочно заблестели в свете светильника.

— Это мои сыновья! — вскричала она.

И в самом деле, не прошло и нескольких минут, как Балан и его приемный брат Балин, сын Гавана, вошли в комнату, пригибаясь, чтобы не удариться головой о низкую притолоку.

— Матушка, — промолвил Балан и наклонился к ее руке. И только потом обернулся к Вивиане и низко поклонился ей: — Госпожа моя.

Вивиана погладила старшего из своих сыновей по щеке. Этот, в отличие от Ланселета, красотой похвастаться не мог; он уродился дородным, дюжим увальнем, вот только глаза его, темные и выразительные, были в точности как у матери — или у Ланселета. Крепко сбитый, сероглазый Балин заметно уступал ему ростом. Вивиана знала: он старше ее сына лишь на каких-нибудь десять дней. Светловолосый и румяный, внешностью он пошел в мать: именно такова когда-то была сама Присцилла.

— Бедная моя матушка, — прошептал он, поглаживая недужную по руке. — Но теперь, когда госпожа Вивиана приехала помочь тебе, ты очень скоро исцелишься, верно? Как же ты ис-

худала, матушка; надо бы тебе постараться побольше есть, и ты вновь окрепнешь и поправишься...

— Нет, — прошептала она, — окрепну я лишь тогда, когда буду трапезовать с Иисусом в Небесах, милый мой сын.

— Ох, нет, матушка, не говори так, — воскликнул Балин, а Балан, поймав взгляд матери, лишь вздохнул. И совсем тихо произнес — так, чтобы ни Присцилла, ни ее сын не услышали:

— Балин отказывается видеть, что она умирает, госпожа моя... то есть матушка. Все упрямо твердит, что она поправится. Я так надеялся, что она отмучается осенью, когда все мы заболели лихорадкой, да только она всегда была такая сильная... — Балан покачал головой; его бычья шея побагровела от натуги. На глазах выступили слезы; Балан поспешно смахнул их прочь. Спустя некоторое время Вивиана велела всем выйти, сославшись на то, что больной необходим отдых.

— Попрощайся с сыновьями, Присцилла, и благослови их, — велела Владычица, и глаза Присциллы слабо вспыхнули.

— Хотелось бы мне, чтобы мы и впрямь простились навеки, пока мне хуже не стало... не хочу я, чтобы они видели меня такой, как нынче утром, — пробормотала она, и во взгляде ее Вивиана прочла ужас. Она склонилась к уху больной и мягко проговорила:

— Думаю, могу пообещать избавить тебя от боли, моя дорогая, если именно такого конца ты хочешь.

— Пожалуйста, — взмолилась умирающая, и похожие на птичьи когти пальцы настойчиво стиснули руку Владычицы.

— Тогда я оставлю тебя с сыновьями, — успокаивающе проговорила Вивиана, — ибо они оба — твои сыновья, дорогая моя, даже если и родила ты лишь одного. — И Владычица вышла из комнаты. Снаружи ждал Гаван.

— Принесите мои переметные сумы, — потребовала Вивиана и, получив желаемое, порылась в одном из карманов. А затем обернулась к хозяину дома. — Сейчас ей ненадолго сделалось легче, но дальнейшее не в моих силах; я могу лишь положить конец ее мукам. Думается мне, именно этого она и желает.

— Значит, надежды нет никакой?

— Никакой. Для нее ничего не осталось в этой жизни, кроме страданий, и не думаю я, что Богу вашему угодно продлить ее муки.

— Она часто говорила... часто жалела о том, что у нее недостало мужества броситься в реку, пока еще были силы дойти до берега, — проговорил потрясенный Гаван.

— Значит, пора ей уйти с миром, — тихо произнесла Вивиана, — но я хочу, чтобы ты знал: все, что я делаю, я делаю с ее собственного согласия...

— Госпожа, — промолвил Гаван, — я всегда тебе доверял, а

моя жена любит тебя всей душою и тоже верит тебе безоговорочно. Большего я не прошу. Если на этом муки ее закончатся, я знаю, что она станет благословлять тебя. — И с искаженным от горя лицом он вновь проследовал за Вивианой во внутреннюю комнату. Присцилла тихо беседовала с Балином; вот она выпустила ладонь сына, и тот, рыдая, подошел к отцу. Умирающая протянула изможденную руку Балану и срывающимся голосом произнесла:

— И ты тоже был мне хорошим сыном, мальчик мой. Присматривай за своим приемным братом и, прошу тебя, помолись за мою душу.

— Обещаю, матушка, — отозвался Балан и нагнулся было обнять ее, но больная тихонько вскрикнула от боли и страха, так что юноша ограничился тем, что осторожно пожал ее иссохшую руку.

— Лекарство для тебя готово, Присцилла, — промолвила Вивиана. — Пожелай всем доброй ночи и засыпай...

— Я так устала, — пожаловалась умирающая. — До чего отрадно будет заснуть... благословляю тебя, Владычица, и твою Богиню тоже...

— Во имя той, что дарует милосердие, — прошептала Вивиана, приподнимая Присцилле голову так, чтобы она могла проглотить снадобье.

— Я боюсь отпить... лекарство горькое, и, стоит мне что-нибудь проглотить, тут же возвращается боль... — выдохнула Присцилла.

— Клянусь тебе, сестра моя, как только ты это выпьешь, никакой боли больше не будет, — твердо заверила Вивиана, наклоняя чашу. Присцилла сделала глоток — и из последних сил погладила Вивиану по щеке.

— Поцелуй и ты меня на прощанье, Владычица, — промолвила она со страдальческой улыбкой, и Вивиана прикоснулась губами к морщинистому лбу.

«*Я дарила жизнь, а теперь я прихожу в обличии Старухи Смерти... Матерь, я делаю для нее лишь то, чего однажды пожелаю для себя*», — подумала Вивиана, вздрогнув, точно от холода, подняла глаза — и встретила хмурый взгляд Балина.

— Пойдем, — тихо проговорила она. — Пусть она отдыхает.

Все вышли за дверь. Остался только Гаван; рука его попрежнему покоилась в жениных пальцах. Что ж, ему и должно остаться с нею, согласилась про себя Вивиана.

Служанки уже накрыли ужин. Вивиана уселась на отведенное ей место и принялась за еду: сказывалась усталость долгого пути.

— А вы, никак, за один день домчались от Артурова двора в

Каэрлеоне, мальчики? — спросила она и не сдержала улыбки: «мальчики» давно превратились во взрослых мужей!

— Да уж, от самого Каэрлеона, — подтвердил Балан, — и скачка была — не приведи Господь, по дождю и холоду! — Он положил себе соленой рыбы, намазал на хлеб масло, пододвинул деревянное блюдо Балину. — Ты ничего не ешь, братец.

Балин содрогнулся.

— Мне кусок в горло нейдет, когда матери нашей так недужится. Но, благодарение Господу, теперь, когда приехала ты, Владычица, она вскорости поправится, ведь так? В прошлый раз твои снадобья ей очень помогли, просто чудо свершили; так что ей и теперь станет лучше, верно?

Вивиана уставилась на него во все глаза: неужто Балин так ничего и не понял?

— Лучший исход для нее — в том, что она наконец отправится к Господу и пребудет с ним отныне и навеки, Балин.

Юноша поднял глаза.

— Нет! Она не умрет, — воскликнул он. Его румяное лицо исказилось от ужаса. — Госпожа, скажи, что ты ей поможешь, ты не допустишь ее смерти...

— Я — не всесильный Господь, и жизнь и смерть — не в моей власти, — сурово ответствовала Вивиана. — Или ты предпочел бы, чтобы она мучилась подольше?

— Но ведь ты искушена во всяческой магии и чародействе, — яростно протестовал Балин. — Зачем же ты приехала, если не для того, чтобы исцелить ее? Я своими ушами слышал, как ты только что уверяла, будто можешь избавить ее от боли...

— От недуга, что истерзал твою матушку, есть лишь одно лекарство, — промолвила Вивиана, сочувственно кладя руку на плечо Балина, — а имя ему — милосердие.

— Балин, довольно, — прикрикнул Балан, накрывая широкой мозолистой ладонью руку приемного брата. — Ты в самом деле хотел бы, чтобы она страдала и дальше?

Но Балин, вскинув голову, пепелил гостью взглядом.

— Итак, ты пользовалась своими чародейскими фокусами, чтобы исцелять ее во славу своей злобной дьяволицы-Богини, — заорал он, — а теперь, когда выгоды в том более нет, ты позволишь ей умереть...

— Замолчи, брат, — оборвал его Балан. На сей раз голос его прозвучал хрипло и вымученно. — Или ты не заметил: наша матушка благословила ее и поцеловала на прощанье, ибо сама того желала...

Но Балин по-прежнему глядел на Вивиану во все глаза — и вдруг занес руку, словно собираясь ударить гостью.

— Иуда! — закричал он. — И ты тоже предала поцелуем... — Он стремительно развернулся и бегом бросился к внутренней

комнате. — Что ты натворила? Убийца! Гнусная убийца! Отец! Отец, это убийство и злобное колдовство!..

В дверях появился Гаван, бледный как полотно. Жестом он призвал сына к молчанию, но Балин, оттолкнув его, ворвался в спальню. Вивиана поспешила следом и увидела, что Гаван уже закрыл умершей глаза.

Балин тоже это заметил. Он развернулся к гостье и, захлебываясь словами, заорал:

— Убийство! Измена, колдовство!.. Гнусная, кровожадная ведьма!..

Гаван властно схватил сына за плечи.

— Ты не смеешь говорить так над телом матери о той, кому она доверяла и кого любила!

Но Балин продолжал бушевать и вопить, порываясь добраться до Вивианы. Она попыталась заговорить, образумить его словами, но тот ничего не желал слышать. Наконец Владычица ушла на кухню и присела там у огня.

Подоспевший Балан взял мать за руку.

— Мне страшно жаль, что он так все воспринял, госпожа моя. Он все понимает; и как только пройдет первое потрясение, он будет благодарен тебе, как и я: бедная матушка, как она страдала, а теперь все кончено, и я благословляю тебя в свой черед. — Балан потупился, пытаясь сдержать рыдания. — Она... она и мне была как мать...

— Знаю, сынок, знаю... — прошептала Вивиана, поглаживая его по голове: так успокаивала она маленького неуклюжего мальчугана более двадцати лет назад. — Как же тебе не плакать о приемной матери? Так оно и должно, сердце-то у тебя не камень... — И Балан, не выдержав, бурно разрыдался, опустился перед нею на колени и уткнулся лицом в ее подол.

Тут подоспел и Балин — и воззрился на них сверху вниз. Лицо его было искажено яростью.

— Ты ведь знаешь, Балан: она убила нашу мать, и все-таки идешь к ней за утешением?

Балан поднял голову, всхлипнул, сдерживая рыдания.

— Она лишь исполнила волю нашей матери. Или ты настолько глуп, что не видел — даже с Господней помощью матушка наша не прожила бы и двух недель? Или ты жалеешь, что от этих последних мук ее избавили?

Но Балин ничего не желал слушать.

— Матушка моя, моя матушка умерла! — в отчаянии воскликнул он.

— Замолчи, она была мне приемной матерью, да что там — просто матерью, — яростно выкрикнул Балан, но тут же лицо его смягчилось. — Ах, брат мой, брат мой, и я тоже горюю; так зачем нам ссориться? Полно тебе, успокойся, выпей вина; страдания

ее кончились, она ныне с Господом — так не лучше ли помолиться за ее душу, нежели браниться и вздорить? Полно, брат, полно: поешь, отдохни, ты ведь тоже устал.

— Нет! — заорал Балин. — Не знать мне отдыха под этим кровом, пока здесь находится гнусная чародейка, убившая мою мать!

Подоспевший Гаван, бледный и разъяренный, ударил сына по губам.

— Умолкни! — приказал он. — Владычица Авалона — наша гостья и наш друг! И да не осквернишь ты гостеприимство этого дома своими кощунственными речами! Присядь, сын мой, и поешь, или ненароком произнесешь слова, о которых все мы пожалеем!

Но Балин лишь озирался по сторонам, точно дикий зверь.

— Ни есть, ни отдыхать не стану я под этим кровом, пока здесь эта... эта женщина.

— Ты смеешь оскорблять мою мать? — промолвил Балан.

— Стало быть, все вы против меня! — воскликнул Балин. — Так я уйду прочь из дома, где обрела приют погубительница моей матери! — И, развернувшись, он выбежал за дверь. Вивиана рухнула в кресло, подоспевший Балан предложил ей руку, а Гаван налил вина.

— Выпей, госпожа, — промолвил он, — и прошу, позволь мне извиниться за сына. Он вне себя; но скоро рассудок вернется к нему.

— Не пойти ли мне за ним, отец, как бы он чем-нибудь не повредил себе? — спросил Балан, но Гаван покачал головой.

— Нет-нет, сынок, побудь здесь, со своей матерью. Уговорами ему сейчас не поможешь.

Дрожа всем телом, Вивиана пригубила вина. И она тоже всей душой скорбела о Присцилле и о том времени, когда обе они были молоды и каждая — с младенцем на руках... До чего прелестна была хохотушка Присцилла, вместе они смеялись и играли с малышами, а теперь вот Присцилла мертва, истерзана мучительным недугом, и Вивиана своей рукою поднесла ей чашу смерти. То, что она лишь исполнила волю самой Присциллы, облегчало ей совесть, однако горя ничуть не умеряло.

«В юности мы были подругами, а теперь она мертва, а я стара, стара, как сама Старуха Смерть, а те чудесные малыши, что резвились у наших ног, — у одного в волосах пробивается седина, а второй зарубил бы меня, кабы мог, как гнусную колдунью и убийцу...» Вивиане казалось, будто самые кости ее обратились в лед от горя и теперь глухо постукивают друг о друга. Она стояла у огня и все равно никак не могла согреться; все ее тело била холодная дрожь. Она поплотнее закуталась в покрывало; подоспев-

ший Балан отвел ее к лучшему месту, подложил ей под спину подушку, вложил в руки чашу с подогретым вином.

— Ты ведь тоже ее любила, — произнес он. — Не тревожься о Балине, Владычица, со временем к нему вернется способность рассуждать здраво. Когда в голове у него прояснится, он поймет: то, что ты сделала, было для нашей матери деянием великого милосердия... — Он прервался на полуслове; массивные его щеки медленно наливались багрянцем. — Ты сердишься на меня, Владычица, что я по-прежнему почитаю матерью ту, что нынче умерла?

— Это более чем понятно, — отозвалась Вивиана, отхлебывая горячего вина и поглаживая заскорузлую руку сына. Когда-то эта рука была такой крохотной и нежной, что она могла спрятать ее в своей, точно тугой розовый бутончик, а теперь вот ее собственная кисть теряется в его ладони. — Богине ведомо, она была тебе больше матерью, нежели когда-либо я.

— Да, я мог бы знать заранее, что ты все поймешь, — проговорил Балан. — Вот и Моргейна мне так же сказала, когда я в последний раз видел ее при Артуровом дворе.

— Моргейна? Так она сейчас при дворе Артура, сын мой? Она была там, когда ты уезжал?

Балан удрученно покачал головой.

— Нет, госпожа, с тех пор, как я в последний раз ее видел, прошло вот уже несколько лет. Она уехала от двора, дай-ка подумать... до того, как Артур получил свою тяжкую рану... да ведь на летнее солнцестояние три года исполнится! Я думал, она при тебе, на Авалоне.

Вивиана покачала головой и облокотилась о поручень высокого кресла.

— Я Моргейну не видела со времен Артуровой свадьбы. — И тут ей пришло в голову, что Моргейна вполне могла уехать за море. — А как твой брат Ланселет? — полюбопытствовала она у сына. — Он по-прежнему при дворе или вернулся в Малую Британию?

— Думаю, этого он не сделает, пока жив Артур, — отвечал Балан, — хотя и при дворе он теперь нечасто появляется... — И Вивиана, при помощи обрывка Зрения, расслышала те слова, что Балан предпочел не произносить вслух, не желая повторять скандальную сплетню: «*Когда Ланселет при дворе, люди примечают, что он не сводит глаз с королевы Гвенвифар; и дважды отвечал он отказом на предложение Артура женить его*».

— Ланселет объявил, что намерен привести в порядок Артурово королевство, так что он вечно в разъездах, — поспешно продолжил Балан. — Он убил больше грабителей и бандитов и уничтожил больше разбойничьих банд, нежели все прочие соратники. Про него говорят, будто он один стоит целого легиона,

Владычица... — Балан поднял голову и удрученно поглядел на Вивиану. — Твой младший сын, матушка, великий рыцарь, рыцарь под стать Александру из древней легенды. Находятся даже такие, что уверяют, будто как рыцарь он превзошел самого Артура. Я-то такой славы для тебя не снискал, госпожа моя.

— Все мы совершаем лишь то, что назначили нам боги, сын мой, — мягко отозвалась Вивиана. — И отрадно мне видеть, что не держишь ты зла на своего брата за то, что он — лучший рыцарь, чем ты.

Балан покачал головой.

— Да это ж все равно что держать зло на Артура за то, что король — он, а не я, матушка, — отозвался он. — А Ланселет скромен и добр ко всем и притом набожен, точно девица, — он тут христианство принял, ты не слыхала, Владычица?

Вивиана покачала головой.

— Вот уж не удивляюсь, — промолвила она с легким оттенком презрения, она и не ждала от себя подобных интонаций, пока не заговорила вслух. — Твой брат всегда боялся того, чего не понимал, а Христова вера в самый раз для рабов, почитающих себя смиренными грешниками... — Вивиана оборвала себя на полуслове. — Прости, сынок. Я не хотела тебя унизить. Я знаю, это и твоя вера тоже.

Балан, поморгав, улыбнулся:

— Вот уж воистину чудо, госпожа: ты впервые просишь прощения за произнесенные слова!

Вивиана закусила губу:

— Вот, значит, какой ты меня видишь, сын мой?

Балан кивнул:

— О да, ты всегда мне казалась самой гордой из женщин — и сдается мне, так оно тебе и подобает. — И Вивиана не могла не поиздеваться над собою: вот, значит, до чего она дошла: вымаливает слово одобрения у собственного сына! И она поспешила сменить тему.

— Ты говоришь, Ланселет дважды отказался от брака? Чего, как думаешь, он ждет? Или его ни одно приданое не устраивает?

И вновь она словно наяву услышала невысказанные мысли собеседника: «*Он не может получить ту, о которой мечтает, ибо она обвенчана с его королем...*» Однако вслух Балан сказал лишь:

— Он говорит, что жениться вообще не склонен, и шутит, что, дескать, ему дороже его конь, нежели любая из женщин, которая все равно не сможет выехать с ним на битву, — и, забавляясь, уверяет, будто в один прекрасный день возьмет в жены какую-нибудь саксонскую воительницу. Во владении оружием ему нет равных; так же, как и на турнирах, что Артур устраивает в Каэрлеоне. Порою он нарочно дает противникам преимущество: выезжает биться без щита, меняется с кем-нибудь конями,

чтобы уравнять силы. Однажды Балин бросил ему вызов и выиграл поединок, однако от награды отказался, ибо выяснилось, что у Ланселета лопнула подпруга.

— Значит, и Балин тоже — рыцарь учтивый и достойный? — переспросила Вивиана.

— О да, матушка, не след тебе судить брата по сегодняшнему вечеру, — горячо заверил Балан. — Когда он выехал против Ланселета, воистину, я не знал, кого из них воодушевлять и подбадривать. Ланселет уступил награду ему, говоря, что Балин заслужил ее по праву, ибо он, Ланселет, сам виноват, что не справился с конем — вот как он сказал! Но Балин отказался от награды; так они и стояли, состязаясь друг с другом в учтивости, точно два героя из древних саг, что пересказывал нам Талиесин, когда мы были еще детьми!

— Значит, ты вправе гордиться обоими своими братьями, — подвела итог Вивиана, и разговор перешел на иные предметы, а со временем гостья сказала, что пойдет поможет убирать тело. Однако, едва войдя в комнату, Владычица обнаружила, что всем женщинам она внушает благоговейный страх. Был там и деревенский священник. Он обошелся с Вивианой вполне учтиво, однако из слов его явствовало, что он принял гостью за одну из сестер близстоящего монастыря; в самом деле, в темном дорожном платье она и впрямь походила на монахиню, а нынче вечером выяснять отношения ей нисколько не хотелось. Так что, когда ей предложили лучшую кровать для гостей, Вивиана противиться не стала и вскорости заснула. Но все, о чем она говорила с Баланом, вновь и вновь всплывало в ее сознании и облекалось в сны, и в какой-то миг ей померещилось, будто она видит Моргейну сквозь серый, редеющий туман: Моргейна убегала в лес, увенчанная цветами, что на Авалоне вовеки не росли, и терялась среди невиданных деревьев; и Вивиана сказала во сне и повторила наяву, едва проснувшись: «*Не должно мне медлить, надо отыскать ее при помощи Зрения или того, что у меня от Зрения осталось*».

На следующее утро тело Присциллы предали земле. Балин вернулся и теперь, плача, стоял у могилы. После похорон, когда прочие ушли в дом выпить эля, Вивиана подошла к юноше и мягко предложила:

— Может, обнимешь меня и обменяешься со мною словами прощения, приемный сын? Поверь, я разделяю твое горе. Мы всю жизнь были подругами, дама Присцилла и я, иначе разве отдала бы я ей на воспитание собственного сына? И ведь я — мать твоего приемного брата. — Она протянула руки, но лицо Балина сделалось суровым и отчужденным, он развернулся к гостье спиной и зашагал прочь.

Гаван уговаривал ее погостить день-другой и отдохнуть как

следует, но Вивиана потребовала привести ослика; ей необходимо вернуться на Авалон, сказала она. Кроме того, Владычица видела: Гаван, хотя гостеприимство его вполне искренне, вздохнул с облегчением: если бы кто-нибудь проболтался священнику, кто она такая, во время погребального пира вполне могла возникнуть неловкость, чего ему, конечно же, не хотелось.

— Не проводить ли тебя до Авалона, госпожа? — спросил Балан. — На дороге порою встречаются разбойники и злые люди.

— Не надо, — улыбнулась она, протягивая юноше руку. — По моему виду никак не скажешь, что при мне полно золота, а мои сопровождающие — люди Племен, так что, если на нас нападут, мы укроемся в холмах. А для мужчины, который не прочь позабавиться с женщиной, я — невеликое искушение. — И, рассмеявшись, добавила: — А притом, что Ланселет разъезжает по стране, истребляя разбойников, вскорости в земле нашей все будет как встарь, когда пятнадцатилетняя девственница с кошелем, полным золота, могла проехать из одного конца острова в другой, и ни один мужчина не причинил бы ей обиды! Оставайся здесь, сын мой, и оплачь свою мать, и примирись с приемным братом. Не должно тебе с ним ссориться, хотя бы ради меня, Балан. — И Вивиана вздрогнула, словно от холода, ибо в сознании ее возникла картина, и померещилось ей, будто она слышит звон мечей, а сын ее ранен и истекает кровью...

— Что такое, Владычица? — заботливо спросил Балан.

— Ничего, сынок; просто пообещай мне, что не станешь враждовать со своим братом Балином.

Балан склонил голову.

— Не стану, матушка. И скажу ему, что так наказала мне ты; и Балин поймет, что ты не держишь на него зла.

— Клянусь Владычицей, не держу, — отозвалась Вивиана, по-прежнему во власти ледяного холода, хотя зимнее солнце грело ей спину. — Да благословит она тебя, сын мой, и брата твоего тоже, хотя сомневаюсь, что ему желательно благословение каких-либо богов, кроме его собственного. А ты примешь ли благословение Богини, Балан?

— Приму, — промолвил он, наклоняясь и целуя Вивиане руку. Владычица уехала, а он еще долго стоял и смотрел ей вслед.

По пути к Авалону Вивиана твердила себе, что, конечно же, то, что она видела, подсказано ей усталостью и страхом; как бы то ни было, Балан — один из соратников Артура, так что глупо надеяться, что в войне с саксами он избежит ран. Однако картина никак не развеивалась, и чудилось ей, что Балан и его приемный брат каким-то образом из-за нее поссорятся, так что наконец она решительным жестом прогнала видение, усилием воли запретив себе видеть в мыслях лицо сына до тех пор, пока вновь не взглянет на Балана наяву!

Беспокоилась она и за Ланселета. Он давно уже вышел из того возраста, когда мужчине пристало обзавестись женой. Однако довольно на свете мужчин, которые о женщинах и не думают, но ищут лишь общества своих сотоварищей и братьев по оружию; Вивиана частенько задумывалась, не из их ли числа сын Бана. Ну что ж, Ланселету суждено идти своим путем; Владычица согласилась на это, отпуская его с Авалона. А ежели он и дает понять, что беззаветно любит королеву, так это наверняка лишь для того, чтобы соратники не дразнили его, называя любителем мальчиков.

Но Вивиана прогнала мысли о сыновьях. Ни один из них не близок ее сердцу так, как Моргейна, а Моргейна... где же Моргейна? Владычица давно уже беспокоилась о ее судьбе, но теперь, выслушав новости Балана, вдруг испугалась за ее жизнь. Еще до заката она вышлет гонцов с Авалона в Тинтагель, к Игрейне, и на север, ко двору Лота, куда Моргейна вполне могла отправиться, соскучившись по ребенку... Вивиана пару раз видела юного Гвидиона в зеркале, но внимания на него особенно не обращала, раз с ним все в порядке. Моргауза, вырастившая целый выводок, добра ко всем малышам; будет еще время задуматься о Гвидионе, когда мальчик подрастет и придет пора отдавать его на воспитание. Вот тогда придется забрать его на Авалон...

При помощи железного самообладания, выработанного за долгие годы, Вивиана заставила себя забыть даже о Моргейне; должно ей возвратиться на Авалон в настроении, подобающем жрице, которая только что принимала обличие Старухи Смерти для своей старейшей подруги, — здесь уместна строгая серьезность, но отнюдь не неизбывное горе, ибо смерть — не что иное, как начало новой жизни.

Присцилла была христианкой. И верила, что окажется на Небесах у Господа. «*Однако же и она тоже вновь родится в этом несовершенном мире, искать совершенства Богов снова и снова... Балан и я расстались, как чужие; так тому и должно быть. Я более не Мать, и горевать мне следует не больше, чем тогда, когда я перестала быть Девой во имя нее...*» И все же в сердце ее вскипало возмущение.

Воистину, пришло ей время отказаться от правления Авалоном и передать титул Владычицы Озера женщине помоложе; а сама она станет одной из ведуний, будет помогать советом и наставлением, уже не воплощая в себе эту грозную, наводящую ужас силу. Вивиана давно знала, что Зрение ее покидает. Однако она не могла сложить с себя власть до тех пор, пока не передаст ее в руки той, что готова принять это бремя. Вивиане казалось, она сумеет дождаться того дня, когда Моргейна превозможет обиду и возвратится на Остров.

«Однако если с Моргейной что-либо случилось... и даже если нет, имею ли я право оставаться Владычицей, если Зрение меня покинуло?»

Подъехав к Озеру, насквозь промокшая и иззябшая, в первое мгновение Вивиана даже не смогла вспомнить заклинание, когда гребцы ладьи обернулись к ней, ожидая, чтобы она призвала туманы. *«В самом деле, пора, давно пора мне отказаться от власти...»* Но тут в сознании ее вновь воскресли слова силы, и Владычица произнесла их вслух; однако в ту ночь, охваченная ужасом, она почти не сомкнула глаз.

С приходом утра Вивиана оглядела небо: луна в ущербе, в эту пору зеркало вопрошать бессмысленно. *«Да что мне теперь пользы смотреть в зеркало, если Зрение меня оставило?»* Железным усилием воли она взяла себя в руки и ни слова не сказала об этом жрицам-прислужницам. Но позже, уже днем, спросила у ведуний:

— Есть ли в Доме дев воспитанница, что не бывала еще в роще и у костров?

— Есть дочка Талиесина, — отозвалась одна из женщин.

На мгновение Вивиана сбилась с мысли: как же так, ведь Игрейна уже выросла, и вышла замуж, и овдовела, она — мать Верховного короля, что правит в Каэрлеоне, да и Моргауза тоже обзавелась мужем и родила многих сыновей. Но, тут же опомнившись, отвечала:

— Я не знала, что у него есть дочь в Доме дев.

А ведь были времена, размышляла про себя Вивиана, когда в Дом дев воспитанниц принимали не иначе, как с ее ведома, и она сама, своей рукою, испытывала девочек на Зрение и на восприимчивость к мудрости друидов. Однако за последние годы Владычица как-то закрыла на это глаза.

— Расскажи мне о ней. Сколько ей лет? Как ее имя? Когда она к нам попала?

— Зовут ее Ниниана, — сообщила престарелая жрица. — Она — дочка Бранвен; ты ведь ее помнишь? Бранвен сказала, что дитя это зачато от Талиесина у костров Белтайна. Кажется, совсем недавно дело было; но девочке уже, пожалуй, одиннадцать или двенадцать, а то и больше. Она воспитывалась где-то далеко на севере, а к нам приехала пять или шесть лет назад. Она — милое дитя, послушное, кроткое, а ныне девочек к нам приезжает не так много, чтобы проявлять излишнюю разборчивость, Владычица! Ныне нет уж таких, как Врана или как твоя воспитанница Моргейна. А где сейчас Моргейна, Владычица? Надо бы ей возвратиться к нам!

— Воистину, она вернется, — промолвила Вивиана и тут же устыдилась при мысли о том, что сама не знает, где Моргейна и

хотя бы жива ли она. «*И как только у меня хватает наглости оставаться Владычицей Авалона, если я даже не знаю имени своей преемницы, не говоря уже о том, кто живет в Доме дев?*» Однако, если эта Ниниана — дочь Талиесина и жрицы Авалона, она наверняка обладает Зрением. А даже если и нет, Вивиана в силах заставить ее увидеть, пока Ниниана — девственница.

— Позаботься, чтобы Ниниану прислали ко мне перед рассветом, на третий день считая от сегодняшнего, — приказала она. И хотя в глазах старой жрицы она читала дюжину вопросов, Вивиана не без удовлетворения отметила, что ее власть как Владычицы Авалона по-прежнему неоспорима, ибо жрица не дерзнула ее расспрашивать.

Ниниана явилась к ней за час до рассвета, по завершении затворничества темной луны; Вивиана, так и не сомкнувшая глаз, большую часть ночи провела, безжалостно себя допрашивая. Она сознавала, что и впрямь не склонна уступать власть, однако же, если бы только она могла передать титул Моргейне, она бы сделала это без тени сожаления. Вивиана потеребила в руке крохотный серповидный нож — Моргейна оставила его, покидая Авалон, — отложила нож в сторону и, подняв голову, взглянула на дочь Талиесина.

«*А ведь старая жрица утратила ощущение времени, так же, как и я; девочке явно больше одиннадцати-двенадцати*». Юная воспитанница трепетала от благоговейного страха; и Вивиана тут же вспомнила, как задрожала Моргейна, впервые узрев в ней Владычицу Авалона.

— Ты — Ниниана? — мягко промолвила она. — Кто твои родители?

— Я — дочь Бранвен, Владычица; имени отца своего я не знаю. Мама сказала лишь, что я зачата в праздник Белтайн. — Что ж, вполне разумно.

— Сколько тебе лет, Ниниана?

— В этом году исполнится четырнадцать.

— И ты уже побывала у костров, дитя?

Девушка покачала головой:

— Меня туда не призывали.

— Обладаешь ли ты Зрением?

— Лишь самую малость, как мне думается, Владычица, — отозвалась она.

Вивиана вздохнула:

— Ну что ж, дитя, посмотрим; ступай со мною, — и, выйдя за двери своего стоящего на отшибе дома, она зашагала вверх по тайной тропе к Священному источнику. Девушка заметно превосходила ее ростом — хрупкая, светловолосая, с фиалковыми

глазами; а ведь она похожа на Игрейну в этом возрасте, подумала про себя Вивиана, хотя волосы Игрейны были скорее рыжие, нежели золотые. Внезапно ей померещилось, будто Ниниана облачена в одежды Владычицы и коронована венцом... Вивиана нетерпеливо встряхнула головою, гоня незваное видение прочь. Надо думать, это лишь мимолетная греза, не более...

Она привела Ниниану к заводи, помедлила мгновение, оглядела небо. А затем протянула девушке серповидный нож, врученный Моргейне при посвящении, и тихо проговорила:

— Посмотри в зеркало, дитя мое, и скажи, где ныне та, что владела сим ножом...

Ниниана нерешительно подняла глаза.

— Владычица, я же говорила: Зрения у меня немного...

И внезапно Вивиана поняла: девушка страшится неудачи.

— Это неважно. Ты увидишь при помощи Зрения, что некогда было моим. Не бойся, дитя, просто посмотри для меня в зеркало.

В наступившем безмолвии Вивиана не сводила взгляда со склоненной головы девушки. Как всегда, на поверхности заводи подрагивала рябь, словно воду всколыхнул налетевший ветер. Но вот Ниниана заговорила — тихо и бессвязно:

— А, гляди... она спит в объятиях седого короля... — И вновь тишина.

«*Что это значит?*» Слова эти остались для Вивианы неразрешимой загадкой. Ей захотелось прикрикнуть на Ниниану, силой заставить ее видеть, однако же величайшим усилием воли всей ее жизни Владычица сдержалась и промолчала, зная, что даже ее беспокойные мысли могут затуманить для девушки Зрение.

— Скажи, Ниниана, видишь ли ты тот день, когда Моргейна возвратится на Авалон? — еле слышным ш епотом спросила она.

И опять — бесплодная тишина. Повеял рассветный ветерок — легкое дуновение всколыхнуло воду, и вновь по зеркальной поверхности пробежала рябь. Наконец Ниниана тихо промолвила:

— Она стоит в ладье... волосы ее совсем поседели... — и девушка вновь замерла неподвижно, вздыхая, точно от боли.

— Не видишь ли ты чего еще, Ниниана? Говори, расскажи мне...

В лице девушки отразились ужас и боль, и она зашептала:

— А, крест... свет сжигает меня, в руках ее — котел... Врана! Врана, неужто ты нас покинешь? — Она резко, потрясенно вдохнула и рухнула на землю без чувств.

Вивиана застыла недвижно, сцепив руки. Затем, тяжко вздохнув, она наклонилась к лежащей, приподняла ее. Погрузила в воду руку девушки, сбрызнула водой обмякшее лицо Нинианы.

Спустя мгновение девушка открыла глаза, испуганно воззрилась на Вивиану и расплакалась.

— Прости, Владычица... я так ничего и не увидела, — всхлипывала она.

«*Итак, она говорила — но ничего не запомнила. С тем же успехом я могла бы и избавить ее от этого испытания — все равно толку никакого*». И злиться на девушку бессмысленно: она лишь исполнила то, чего от нее требовали. Вивиана откинула светлые пряди со лба Нинианы и мягко проговорила:

— Не плачь; я не сержусь на тебя. Голова болит? Так ступай и отдохни, дитя мое.

«*Богиня распределяет дары свои, как считает нужным. Но почему же, о Матерь всего сущего, ты шлешь меня исполнять твою волю при помощи орудий настолько несовершенных? Ты забрала у меня силу; так зачем же ты отняла и ту, которой должно бы служить тебе, когда меня не станет?*» Дочь Талиесина, сжав ладонями виски, медленно побрела по тропе вниз, к Дому дев. Спустя какое-то время за нею последовала и Вивиана.

Неужто слова Нинианы — не что иное, как бессвязный бред? Вивиане в это не верилось: девушка явно что-то видела. Но что именно, Вивиана разобрать не смогла; а слабые попытки девушки облечь видения в слова для Вивианы так и остались непонятными. А теперь Нинианa все позабыла, так что расспрашивать ее бесполезно.

«*Она спит в объятиях седого короля*». Значит ли это, что Моргейна упокоилась в объятиях смерти?

Вернется ли к ним Моргейна? Нинианa сказала лишь: «*Она стоит в ладье...*» Значит, на Авалон Моргейна возвратится. «*Волосы ее совсем поседели...*» Значит, вернется она не скоро — если вообще вернется. Здесь по крайней мере все ясно.

«*Крест. Свет сжигает меня. Врана, Врана, в руках ее — котел*». А вот это наверняка бред, не более, попытка облечь в слова некий смутный образ. Врана примет в руки котел, магическое орудие воды и Богини... да, Вране в самом деле вверены Великие реликвии. Вивиана сидела, уставившись в стену спальни, гадая, не значит ли это, что теперь, когда Моргейна исчезла, власть Владычицы Озера должно передать Вране. Похоже, что иного способа истолковать слова девушки просто нет. Притом что, возможно, слова эти вообще ничего не значат.

«*Что бы я теперь ни предприняла, я действую вслепую; право, лучше бы я пошла к Вране, которая ответила бы мне лишь молчанием!*»

Но если Моргейна и впрямь упокоилась в объятиях смерти или навсегда потеряна для Авалона, иной жрицы, способной принять на себя это бремя, просто нет. Врана отдала свой проро-

ческий голос Богине... должно ли месту Богини пребывать в небрежении лишь потому, что Врана избрала путь безмолвия?

Вивиана долго сидела в одиночестве, глядя в стену и снова и снова размышляя над загадочными словами Нинианы в сердце своем. Затем она поднялась и одна в тишине прошла по тропе и вновь поглядела на недвижные воды — они были серы, серы, как неумолимые небеса. Лишь раз померещилось ей, будто на поверхности что-то мелькнуло.

— Моргейна? — шепнула Вивиана, до боли в глазах вглядываясь в безмолвную заводь.

Однако отразившееся в воде лицо не было лицом Моргейны: из зеркала на нее глядел лик недвижный и бесстрастный, точно у самой Богини, венчанный жгутами из ивняка...

«*...Не свое ли отражение я вижу или это Старуха Смерть?*»

Наконец, усталая и измученная, Вивиана повернула назад.

«*Об этом знала я с тех самых пор, как впервые вступила на сей путь: придет время, когда не останется ничего, кроме отчаяния, когда ты попытаешься сорвать завесу со святилища и воззовешь к ней, и поймешь, что ответа не будет, ибо нет ее там и никогда не было, и нет никакой Богини, есть только ты, и ты — одна среди отголосков насмешливого эха в пустом святилище...*

Никого там нет, и никогда не было, и все твое Зрение — это лишь обман и морок...»

Устало ковыляя вниз по холму, Вивиана заметила, что в небесах сияет народившаяся луна. Но теперь и это ничего для нее не значило; только то, что срок ритуального безмолвия и затворничества на сей раз истек.

«*И что мне теперь делать с этим посмешищем в лице Богини? Судьба Авалона в моих руках, но Моргейна исчезла, и я — одна среди старух и детей и необученных девчонок... одна, совсем одна! Я стара, я устала, и смерть моя не за горами...*»

В жилище Владычицы жрицы уже развели огонь, и рядом с ее креслом поджидала чаша подогретого вина, дабы ей подкрепиться после воздержания темной луны. Вивиана устало опустилась в кресло; неслышно подошла прислужница, сняла с нее башмаки, закутала плечи теплым покрывалом.

«*Никого нет, кроме меня. Но у меня есть еще дочери, я не совсем одна*».

— Спасибо, дети мои, — промолвила Вивиана с непривычной сердечностью, и одна из прислужниц смущенно наклонила голову, не произнеся ни слова. Владычица не знала, как зовут девушку, — «*Отчего же я так нерадива?*» — но подумала, что та наверняка временно связана обетом молчания.

— Служить тебе, Матерь, — великая честь, — тихо отозвалась вторая. — Ты не отдохнешь ли?

— Не сейчас, — отвечала Вивиана и, повинуясь внезапному наитию, произнесла: — Пойди позови ко мне жрицу Врану.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем в комнату неслышной поступью вошла Врана. Вивиана приветствовала ее наклоном головы; Врана подошла, поклонилась и, повинуясь жесту Вивианы, уселась напротив Владычицы. Вивиана протянула ей чашу, по-прежнему до половины наполненную горячим вином; Врана пригубила, благодарно улыбнулась и отставила чашу.

И Вивиана умоляюще заговорила:

— Дочь моя, однажды ты нарушила молчание: до того, как Моргейна нас покинула. Теперь я ищу ее и не в силах отыскать. Ее нет в Каэрлеоне, нет в Тинтагеле, нет у Лота с Моргаузой в Лотиане... а я стара. Служить Богине некому... Я вопрошаю тебя, как вопросила бы оракула Богини: вернется ли Моргейна?

Врана долго молчала — и наконец покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что Моргейна не вернется? — настаивала Вивиана. — Или что ты не знаешь? — Но ответом ей был лишь странный жест беспомощности и недоумения.

— Врана, — промолвила Владычица, — ты знаешь, что мне пора уступить свой титул, но нет никого, способного принять это бремя, никого, прошедшего обучение жрицы, как заведено встарь, никого, кто продвинулся бы столь далеко — только ты. Если Моргейна не вернется к нам, Владычицей Озера станешь ты. Ты дала обет молчания и ревностно соблюдала его все эти годы. Настало время сложить с себя клятву и принять власть над Островом из моих рук — иного выхода нет.

Врана вновь покачала головой. Высокая, хрупкая... а ведь она уже немолода, подумала про себя Вивиана; она лет на десять старше Моргейны — значит, ей уже под сорок. *«А приехала сюда совсем маленькой, у нее тогда еще и грудь не оформилась»*. Длинные, темные волосы, смуглое, землистого цвета лицо; огромные глаза под темными, густыми бровями... Вид у нее изнуренный и строгий.

Вивиана закрыла лицо руками и хрипло, сквозь непролитые слезы, проговорила:

— Врана, я... я не могу.

Спустя мгновение, не отнимая рук от лица, она ощутила ласковое прикосновение к щеке. Врана встала с места — и теперь склонялась над нею. Жрица не произнесла ни слова, лишь крепко обняла Вивиану и на мгновение прижала ее к себе, и Владычица, ощущая тепло прильнувшего к ней тела, разрыдалась, чувствуя, что могла бы плакать так бесконечно, не пытаясь сдерживаться, не унимая слез. Наконец, когда обессиленная Вивиана затихла, Врана поцеловала ее в щеку и неслышно ушла.

Глава 10

Некогда Игрейна уверяла сноху, будто Корнуолл находится на самом краю земли. И теперь Гвенвифар готова была в это поверить: казалось, будто нет в мире ни разбойников-саксов, ни Верховного короля. Ни Верховной королевы, если на то пошло. Здесь, в далеком корнуольском монастыре, даже при том, что в ясный день, глядя в сторону моря, Гвенвифар различала резкие очертания замка Тинтагель, они с Игрейной были лишь двумя женщинами-христианками, не более. *«Я рада, что приехала»*, — думала про себя гостья, сама себе удивляясь.

Однако же, когда Артур попросил ее съездить в Корнуолл, Гвенвифар ужасно испугалась при мысли о том, что придется покинуть надежные стены Каэрлеона. Путешествие показалось ей нескончаемым кошмаром, даже стремительная, комфортная езда по южной римской дороге; но вот римская дорога осталась позади, и отряд двинулся через открытые всем ветрам вересковые нагорья. Охваченная паникой Гвенвифар забилась в носилки, не в состоянии даже сказать, что внушает ей больший ужас: высокое, необозримое небо или бесконечные, уходящие к самому горизонту безлесные пустоши, на которых тут и там торчат скалы — голые и холодные, точно кости земли. Какое-то время взгляд не различал вокруг ничего живого, одни лишь вороны кружили в вышине, дожидаясь чьей-нибудь смерти, или, совсем вдалеке, какой-нибудь дикий пони замирал на миг, запрокидывал косматую голову — и, сорвавшись с места, стрелой уносился прочь.

Однако здесь, в далекой корнуольской обители, царили покой и мир; мелодичный колокол вызванивал часы, в огороженном саду цвели розы, оплетая трещины осыпающейся кирпичной стены. Некогда это была римская вилла. В одной из просторных комнат сестры разобрали пол, на котором, как рассказывали, изображалась возмутительная языческая сцена; Гвенвифар было любопытно, какая именно, но объяснять ей никто не стал, а сама она спросить постеснялась. Вдоль стен тянулся мозаичный бордюр: прелестные крохотные дельфинчики и невиданные рыбы, а в центре положили простой кирпич. Там Гвенвифар частенько сиживала по вечерам вместе с сестрами за шитьем, пока Игрейна отдыхала.

Игрейна умирала. Два месяца назад известие о том доставили в Каэрлеон. Артур как раз отправлялся на север, в Эборак, проследить за укреплением тамошней римской стены, и к матери поспешить не мог, а Моргейны при дворе не случилось. А поскольку сам Артур оказался занят, а на то, что Вивиана, в ее возрасте, сумеет проделать такой путь, рассчитывать не приходилось, Артур попросил Гвенвифар съездить поухаживать за его

матерью, и после долгих уговоров королева все-таки согласилась.

В том, что касается ухода за больными, Гвенвифар разбиралась слабо. Но, какой бы недуг ни подкосил Игрейну, по крайней мере, боль ее не мучила; зато она страдала одышкой и, не пройдя и нескольких шагов, начинала кашлять и задыхаться. Сестра, к ней приставленная, сказала, что это, дескать, застой крови в легких, однако Игрейна кровью не кашляла, жара у нее не было и нездорового румянца — тоже. Губы ее побелели, ногти посинели, лодыжки распухли, так что ступала Игрейна с трудом; слишком измученная, чтобы говорить, с постели она почти не поднималась. На взгляд Гвенвифар, расхворалась она не то чтобы серьезно; однако монахиня уверяла, что Игрейна и впрямь умирает и что осталась ей какая-нибудь неделя, не больше.

Лето стояло в разгаре — самая прекрасная пора; в то утро Гвенвифар принесла из монастырского сада белую розу и положила ее Игрейне на подушку. Накануне вечером Игрейна с трудом поднялась-таки на ноги, чтобы пойти к вечерне, но нынче утром, усталая и обессиленная, уже не смогла встать. Однако ж она улыбнулась Гвенвифар и, тяжело дыша, произнесла:

— Спасибо, дорогая дочка.

Она поднесла розу к самому лицу, деликатно понюхала лепестки.

— Я всегда мечтала развести в Тинтагеле розы, вот только почва там тощая, ничего на ней не растет... Я прожила там пять лет и все это время пыталась устроить что-то вроде садика...

— Ты ведь видела мой сад, когда приезжала сопроводить меня на свадьбу, — промолвила Гвенвифар. Сердце ее на мгновение сжалось от тоски по дому и по далекому, обнесенному стеной цветнику.

— До сих пор помню, как там было красиво... твой сад навел меня на мысли об Авалоне. Там, во дворе Дома дев, растут такие чудесные цветы. — Игрейна на миг умолкла. — Ведь к Моргейне на Авалон тоже послали гонца, правда?

— Гонца послали, матушка. Но Талиесин сказал нам, что на Авалоне Моргейну давно не видели, — промолвила Гвенвифар. — Надо думать, она у королевы Моргаузы в Лотиане, а в нынешние времена пока гонец доберется до места, целая вечность пройдет.

Игрейна тяжко вздохнула, вновь закашлялась; Гвенвифар помогла ей сесть на постели. Помолчав, больная прошептала:

— И однако же Зрение должно было призвать Моргейну ко мне — ведь ты бы приехала, зная, что мать твоя умирает, верно? Да ты и приехала, а ведь я тебе даже не родная мать. Так почему же Моргейны все нет и нет?

«*Что ей с того, что приехала я?* — думала про себя Гвенви-

фар. — *Не я ей здесь нужна. Никому и дела нет, здесь я или где-то еще*». Слова больной ранили ее в самое сердце. Но Игрейна выжидательно смотрела на сноху, и та промолвила:

— Может быть, Моргейна так и не получила никаких известий. Может быть, она затворилась в какой-нибудь обители, и стала христианкой, и отказалась от Зрения.

— Может, и так... Я сама так поступила, выйдя замуж за Утера, — пробормотала Игрейна. — И все-таки то и дело Зрение приходит ко мне непрошеным и незваным, и, думается мне, если бы Моргейна заболела или находилась при смерти, я бы о том узнала. — В голосе ее послышались раздраженные нотки. — Зрение пришло ко мне накануне твоей свадьбы... скажи, Гвенвифар, ты ведь любишь моего сына?

Гвенвифар испуганно отпрянула, не выдержав взгляда ясных серых глаз: неужто Игрейна способна заглянуть ей в душу?

— Я искренне люблю его, я — его королева и верна ему, госпожа.

— Да, полагаю, так оно и есть... но счастливы ли вы вдвоем? — Игрейна задержала на мгновение хрупкие руки Гвенвифар в своих — и вдруг улыбнулась. — Ну конечно, как же иначе. А будете еще счастливее, раз ты наконец носишь его сына.

Гвенвифар, открыв рот, уставилась на Игрейну во все глаза.

— Я... я... я не знала.

Игрейна улыбнулась вновь — такой лучезарной и нежной улыбкой, что Гвенвифар подумала про себя: «*Да, я охотно верю: в молодости она и впрямь была столь прекрасна, что Утер, отбросив всякую осторожность, попытался заполучить ее при помощи заклинаний и чар*».

— Так оно часто бывает, хотя ты уж немолода, — промолвила Игрейна, — дивлюсь я, что ты до сих пор не родила ребенка.

— То не от нежелания, госпожа, нет, и не то чтобы не молилась я об этом днем и ночью, — отвечала Гвенвифар, до глубины души потрясенная, почти не сознавая, что говорит. Или старая королева бредит? Уж больно жестокая это шутка. — Откуда... отчего ты думаешь, что я... я беременна?

— Да, ты же не обладаешь Зрением, я и позабыла, — отозвалась Игрейна. — Зрение давно меня покинуло; давно я от него отреклась, но говорю же: порою оно еще застает меня врасплох, и до сих пор ни разу не солгало. — Гвенвифар расплакалась; Игрейна, встревожившись, накрыла изможденной рукой ладонь молодой женщины. — Как же так, я сообщаю тебе добрую весть, а ты рыдаешь, дитя?

«*Вот теперь она решит, будто я не хочу ребенка, и станет дурно обо мне думать, а я этого просто не перенесу...*»

— Лишь дважды за все те годы, что я замужем, у меня были причины заподозрить, что я беременна, но всякий раз я носила

ребенка только месяц-два, не больше, — срывающимся голосом произнесла Гвенвифар. — Скажи мне, госпожа, ты... — В горле у нее стеснилось, и выговорить роковые слова вслух она не дерзнула: «*Скажи мне, Игрейна, выношу ли я это дитя, видела ли ты меня с ребенком Артура у груди?*» И что бы подумал ее исповедник о таком попустительстве чародейству?

Игрейна потрепала ее по руке.

— Охотно рассказала бы я тебе больше, но Зрение приходит и уходит, и удержать его нельзя. Дай-то Боже, чтобы все закончилось хорошо, дорогая моя; возможно, большего я не вижу потому, что, к тому времени, как ребенок появится на свет, меня уже не будет... нет-нет, дитя, не плачь, — взмолилась она, — я готова уйти из жизни с тех самых пор, как побывала на Артуровой свадьбе. Хотелось бы мне полюбоваться на твоего сына, и покачать на руках ребенка Моргейны, если бы однажды случилось и это, но Утера уже нет, и с детьми моими все благополучно. Может статься, Утер ждет меня за пределами смерти, а с ним — и прочие мои дети, умершие до рождения. А если и нет... — Она пожала плечами. — Я того никогда не узнаю.

Игрейна закрыла глаза. «*Я утомила ее*», — подумала Гвенвифар. Она молча посидела рядом, пока престарелая королева не уснула, а затем поднялась и неслышно вышла в сад.

Гвенвифар словно оцепенела; ей и в голову не приходило, что она беременна. Если она вообще об этом задумывалась, то списывала задержку месячных на тяготы путешествия... в течение первых трех лет брака, всякий раз, когда крови запаздывали, она полагала, что понесла. Но затем, в тот год, когда Артур сперва уехал на битву в Калидонском лесу и в долгий поход, ей предшествующий; а потом был ранен и слишком слаб, чтобы прикоснуться к жене, перепады сроков так и не восстановились. И наконец королева осознала, что ее месячные непостоянны и изменчивы: их невозможно отслеживать по луне, ибо порою они не дают о себе знать по два-три месяца.

Но теперь, после объяснений Игрейны, Гвенвифар недоумевала, отчего не подумала об этом прежде; усомниться в словах королевы ей и в голову не приходило. «*Чародейство*, — отчетливо звучало в сознании Гвенвифар, и тихий внутренний голос упрямо напоминал: — *Все эти ухищрения — от дьявола; нет им места в обители святых женщин.* — Но иной голос возражал: — *Что дурного в том, чтобы сказать мне об этом?*» Скорее тут уместно вспомнить об ангеле, посланном к Деве Марии, дабы возвестить ей о рождении сына... а в следующее мгновение Гвенвифар сама ужаснулась собственной дерзости; и тут же захихикала про себя, думая о том, сколь мало Игрейна, состарившаяся, на грани смерти, похожа на ангела Господня.

Тут зазвонили к мессе, и Гвенвифар — притом что как гостья

от посещения служб вполне могла воздержаться — развернулась, и отправилась в часовню, и преклонила колена на своем обычном месте среди посетителей. Однако слов священника она почти не слышала; и сердце свое, и мысли она вложила в молитву — самую жаркую молитву всей ее жизни.

«Свершилось, вот он — отклик на все мои моления. О, благодарю тебя, Господи, и Христос, и Святая Дева! Артур ошибся. Это не он терпел неудачу. И вовсе не надо было...» И в который раз все члены ее сковал стыд: то же самое она чувствовала, когда Артур наговорил ей столько ужасного и только что не дал дозволения изменить ему... *«И какой же я была порочной женщиной, если хотя бы на минуту могла допустить подобные мысли...»* И при том, что она погрязла в бездне порока, Господь вознаградил ее; и ныне должно ей заслужить эту милость. Запрокинув голову, Гвенвифар запела славословие Богородице вместе с остальными, да с таким самозабвенным исступлением, что мать-настоятельница вскинула глаза и пристально воззрилась на нее.

«Они и не ведают, отчего меня переполняет благодарность... они и не ведают, за сколь многое мне должно благодарить...

Однако не знают они и того, как я была порочна, ибо здесь, в том священном месте, я думала о том, кого люблю...»

И тут, невзирая на всю ее радость, сердце вновь пронзила боль: *«Вот теперь он увидит, что я ношу ребенка Артура, и сочтет меня безобразной и вульгарной и никогда больше не посмотрит на меня с тоской и любовью...»* И даже при том, что сердце ее переполняло ликование, Гвенвифар вдруг показалась самой себе ничтожной, ограниченной и унылой.

«Артур сам дал мне дозволение, и мы могли бы обладать друг другом хотя бы однажды, а теперь... никогда... никогда... никогда...»

Гвенвифар закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала, уже не задумываясь, наблюдает за нею настоятельница или нет.

В ту ночь Игрейне дышалось так тяжко, что она даже не могла склонить голову и отдохнуть; ей приходилось сидеть прямо, облокачиваясь на подушки, а хрипы и кашель все не прекращались. Настоятельница принесла ей настоя для очистки легких, но Игрейна сказала, что от снадобья ее лишь тошнит, и допивать его отказалась.

Гвенвифар сидела рядом со свекровью, изредка задремывая, но, стоило больной пошевелиться, и она тут же просыпалась и подносила ей воды или поправляла подушки, устраивая Игрейну поудобнее. В комнате горел лишь крохотный светильник, но луна светила ослепительно-ярко, а ночь выдалась такой теплой, что дверь в сад закрывать не стали. Мир заполнял неумолчный

глухой шум моря: то волны накатывали на скалы где-то за пределами сада.

— Странно, — отрешенно прошептала Игрейна наконец, — вот уж не думала, что вернусь сюда умирать... Помню, как одиноко, как безотрадно мне было, когда я впервые приехала в Тинтагель — словно вдруг оказалась на краю света. Авалон казался таким прекрасным и светлым, и весь в цвету...

— Цветы есть и здесь, — промолвила Гвенвифар.

— Но не такие, как у меня дома. Почва здесь уж больно бесплодная и каменистая, — вздохнула она. — А ты бывала ли на Острове, дитя?

— Я обучалась в обители на Инис Витрин, госпожа.

— На Острове чудо как красиво. А когда я приехала сюда через вересковые пустоши, здесь, среди высоких скал, было так пустынно и голо, что я испугалась...

Игрейна слабо потянулась к снохе, Гвенвифар взяла ее за руку и тут же встревожилась: рука была холодна как лед.

— Ты — доброе дитя, — промолвила Игрейна, — приехала в такую даль, в то время как родные мои дети прибыть не смогли. Я же помню, как ты страшишься путешествий, — а ведь отправилась на край земли, и притом беременная!

Гвенвифар принялась растирать заледеневшие руки в своих.

— Не утомляй себя разговорами, матушка.

С губ Игрейны сорвалось нечто похожее на смешок, но звук этот тут же потонул в хрипах.

— Да пустое, Гвенвифар, сейчас-то уже все равно! Я была к тебе несправедлива — ведь в самый день твоей свадьбы я пошла к Талиесину и спросила его, не сможет ли Артур каким-либо образом уклониться от этого брака, не запятнав себя при этом бесчестием.

— Я... я этого не знала. Но почему?

Молодой женщине почудилось, будто Игрейна на миг замялась, подбирая слова, хотя кто знает, может статься, у больной просто не хватало дыхания?

— Я уж и не знаю... мне, верно, подумалось, что ты не будешь счастлива с моим сыном. — И вновь забилась в приступе кашля настолько сильного, что казалось, она уже никогда не отдышится.

Но вот кашель утих, и Гвенвифар промолвила:

— Ни слова более, матушка... не позвать ли мне священника?

— К черту всех священников, — отчетливо произнесла Игрейна. — Рядом с собою я их не потерплю — ох, дитя, да не пугайся ты так! — Минуту-другую она лежала неподвижно. — Ты считала меня набожной да благочестивой: еще бы, на закате жизни я удалилась в монастырь! А что еще мне оставалось? Вивиана хотела, чтобы я возвратилась на Авалон, но я не могла за-

быть, что именно она выдала меня за Горлойса... Здесь, за садовой стеной, высится Тинтагель — точно тюрьма; воистину, мне он и был тюрьмой. Однако это — единственное место, что я могу назвать своим. И кажется мне, что право это я завоевала тем, что здесь вынесла...

Больная вновь надолго умолкла, хватая ртом воздух.

— Ах, если бы только Моргейна приехала ко мне... — наконец выговорила она. — Она же обладает Зрением, ей должно бы знать, что я при смерти...

Гвенвифар видела: в глазах Игрейны стоят слезы. Растирая ледяные руки, что вдруг затвердели, сделались жесткими, точно холодные птичьи когти, молодая женщина мягко проговорила:

— Я уверена, если бы она только знала, она бы непременно приехала, дорогая матушка.

— Не знаю, не знаю... Я отослала ее от себя, отдала в руки Вивианы. Хотя отлично знала, как жестока Вивиана порою и что она использует Моргейну столь же безжалостно, как использовала меня, ради благополучия здешней земли и во имя собственной жажды власти, — прошептала Игрейна. — Я отослала ее прочь, ибо мне казалось, что, если выбирать из двух зол, пусть лучше живет на Авалоне в воле Богини, нежели попадет в руки к чернорясым священникам, которые приучат ее к мысли о том, что она — воплощение порока и греха только потому, что женщина.

Гвенвифар, до глубины души потрясенная, растирала в ладонях ледяные руки больной, подкладывала в ноги горячие кирпичи; однако и ступни тоже сделались холодны как лед. Молодая женщина взялась было массировать и их, но Игрейна сказала, что ничего не чувствует.

Гвенвифар поняла, что должна попытаться еще раз.

— А теперь, на пороге смерти, не хочешь ли побеседовать с кем-нибудь из священников Христа, матушка?

— Я уже сказала тебе: нет, — отозвалась Игрейна, — иначе, спустя все эти годы, пока я молчала, чтобы сохранить мир в доме, я, чего доброго, наконец выложу им все, что на самом деле о них думаю... Я любила Моргейну, оттого и отослала ее к Вивиане, чтобы хотя бы она ускользнула от их власти... — На больную вновь накатил приступ удушья. — Артур, — промолвила она наконец. — Никогда-то он не был моим сыном... он — дитя Утера... лишь надежда наследования, не больше. Я всей душой любила Утера и рожала ему сыновей, потому что для него это так много значило: обзавестись сыном, который пойдет по его стопам. Наш второй сынок... он умер вскорости после того, как перерезали пуповину... его, кажется, я могла бы полюбить сама по себе, так, как я любила Моргейну... Скажи, Гвенвифар, мой

сын упрекал ли тебя за то, что ты до сих пор не родила ему наследника?

Гвенвифар опустила голову, чувствуя, как на глазах вскипают жгучие слезы.

— Нет, он всегда был так добр ко мне... ни разу меня не упрекнул. А однажды даже сказал, что не зачал ребенка ни с одной женщиной, хотя знал многих, так что, возможно, вина здесь не моя.

— Если он любит тебя ради тебя самой, так он просто бесценное сокровище среди мужчин, — отозвалась Игрейна, — и если ты сумеешь сделать его счастливым, так тем лучше... Моргейну я любила, ибо кого, кроме нее, могла я любить? Я была совсем юна и так несчастна; ты и представить себе не можешь, как тяжко мне приходилось той зимой, когда я родила ее: одна-одинешенька, вдали от дома, еще совсем девочка... Я боялась, что она будет сущим чудовищем: я ведь весь мир ненавидела, пока ее носила; а она оказалась чудо какая хорошенькая: серьезная, разумная, дитя фэйри, да и только. За всю свою жизнь я любила только ее да Утера... где она, Гвенвифар? Где она, если не хочет приехать к умирающей матери?

— Моргейна наверняка не знает, что ты больна... — сочувственно отозвалась Гвенвифар.

— Но как же Зрение? — воскликнула Игрейна, беспокойно ворочалась. — Где же она есть, что не видит: я умираю? Ох, понимала же я, что она в серьезной беде, еще на коронации Артура понимала, и ведь не сказала ни слова, не хотелось мне ничего знать, казалось мне, я испила довольно горя, и ни слова не сказала я, когда она во мне так нуждалась... Гвенвифар, скажи мне правду! Что, Моргейна родила ребенка — неведомо где, в одиночестве, вдали от всех, кто ее любит? Говорила ли она с тобою об этом? Значит, она ненавидит меня, раз не приехала ко мне даже теперь, когда я при смерти, лишь потому, что я не высказала вслух все мои страхи о ней на Артуровой коронации? А, Богиня... я отреклась от Зрения, дабы сохранить мир в доме, ведь Утер был приверженцем Христа... Покажи мне, где мое дитя, моя доченька...

Гвенвифар удержала ее на месте.

— Тише, матушка, успокойся... все в воле Господней. Не след тебе призывать здесь бесовскую Богиню...

Игрейна резко села на постели; невзирая на ее недужное, одутловатое лицо и посиневшие губы, она смерила сноху таким взглядом, что Гвенвифар вдруг вспомнила: «*Ведь и она тоже — Верховная королева этой земли*».

— Ты сама не знаешь, что говоришь, — промолвила Игрейна, и в голосе ее звучала гордость, и жалость, и толика презрения. — Богиня превыше всех ваших прочих богов. Религии при-

ходят и уходят — как уже убедились римляне и, вне сомнения, убедятся христиане, но Богиня превыше их всех. — Больная позволила Гвенвифар уложить себя на подушки и застонала. — Кабы только согреть мне ноги... да, знаю, знаю, ты положила горячие кирпичи, вот только я их не чувствую. Когда-то прочла я в одной старинной книге, что дал мне Талиесин, про ученого, которого заставили выпить цикуту. Талиесин говорит, мудрецов всегда убивают. Жители далекого юга распяли Христа; вот так и этого святого и мудрого человека заставили выпить цикуту, потому что короли и чернь сказали, он, дескать, учит лживым доктринам. Так вот, умирая, он говорил, что холод поднимается вверх по его ногам; и так испустил дух... Я цикуты не пила, но чувствую то же... а теперь вот холод дошел до сердца.., — Игрейна вздрогнула и застыла; и на миг Гвенвифар почудилось, будто она перестала дышать. Но нет, сердце еще билось — вяло и слабо. Однако Игрейне не суждено было заговорить снова; она лежала на подушках, хватая ртом воздух, и незадолго до рассвета хриплое, неровное дыхание оборвалось совсем.

Глава 11

Похоронили Игрейну в полдень, по завершении торжественной погребальной службы; Гвенвифар стояла у могилы, глядя, как в землю опускают завернутое в саван тело, и по лицу ее струились слезы. Однако же оплакивать свекровь как должно она просто не могла. «*Жизнь ее здесь была сплошной ложью; она лишь считалась доброй христианкой*». Если все, чему ее учили — правда, уже сейчас Игрейна горит в аду. И мысль эта казалась Гвенвифар невыносимой, ведь свекровь всегда была к ней неизменно добра.

Глаза ее жгло как огнем: сказывались бессонная ночь и пролитые слезы. Низкое небо словно отражало в себе ее смутные страхи: тяжелое, набухшее, точно в любой момент прольется дождем. Здесь, под защитой монастырских стен, Гвенвифар ощущала себя в безопасности, но очень скоро ей предстоит покинуть надежное убежище и скакать целые дни напролет через вересковые пустоши, под бескрайним открытым небом, воплощением незримой угрозы, что нависает над нею и ее ребенком... Гвенвифар, поежившись, точно от холода, сцепила пальцы на животе, в тщетном желании защитить его крохотного обитателя от опасности неба.

«*Ну, почему я вечно всего боюсь? Игрейна была язычницей, и стало быть — во власти дьявольских ухищрений, но я — в безопасности, я взываю к Христу, и Христос спасет меня. Чего ж мне страшиться под Господними Небесами?*» И все равно Гвенвифар

изнывала от страха — того самого беспричинного страха, что накатывал на нее то и дело. «*Нельзя мне бояться. Я — Верховная королева всей Британии; и единственная женщина, носившая этот титул помимо меня, спит здесь, в земле... Верховная королева, будущая мать Артурова сына. Чего же бояться мне в мире Господнем?*»

Псалмы смолкли; монахини отошли от могилы. Гвенвифар, по-прежнему дрожа, закуталась в плащ. Отныне ей должно хорошенько заботиться о себе, сытно есть, побольше отдыхать и как следует порадеть о том, чтобы теперь все прошло хорошо, не так, как прежде. Гвенвифар украдкой посчитала на пальцах. Если учесть тот, последний раз перед отъездом... нет-нет, месячные не случались вот уже более десяти воскресений, она просто не была уверена... В любом случае можно утверждать наверняка, что сын ее родится где-нибудь на пасхальной неделе. Да, время самое подходящее; Гвенвифар вспомнила, что, когда Мелеас, дама из ее свиты, родила сына, стояли самые темные дни зимы, а снаружи завывал ветер, точно все демоны, сколько есть, только и ждали, чтобы исхитить душу новорожденного, так что Мелеас, ничего не желая слушать, требовала, чтобы в женский покой явился священник и окрестил ее младенца, не успел тот закричать толком. Нет уж, Гвенвифар радовалась про себя, что в непроглядно-темную зимнюю пору мучиться схватками ей не придется. Однако она бы и в день середины зимы рожала, лишь бы только заполучить долгожданное дитя!

Зазвонил колокол, и к Гвенвифар приблизилась настоятельница. Кланяться она не стала — не она ли сказала однажды, что мирская власть в этих стенах — ничто? — однако весьма учтиво склонила голову — в конце концов, Гвенвифар — Верховная королева, ни много ни мало, — и промолвила:

— Ты ведь погостишь у нас, госпожа моя? Оставайся сколь желаешь долго: для нас сие — великая честь.

«*Ох, кабы я только могла остаться! Здесь так покойно и мирно...*»

— Не могу, — с явным сожалением промолвила Гвенвифар. — Мне необходимо возвратиться в Каэрлеон.

«*Нужно без промедления сообщить Артуру добрую весть, весть о сыне...*»

— Верховному королю должно узнать о... о смерти его матери, — промолвила Гвенвифар. И тут же, понимая, чего жаждет услышать собеседница, поспешно добавила: — Будь уверена, я непременно расскажу ему, как заботливо вы за нею ухаживали. В последние дни жизни она ни в чем не испытывала нужды.

— Нам то было в удовольствие; все мы любили леди Игрейну, — отозвалась престарелая настоятельница. — Я распоряжусь,

чтобы известили твой эскорт; рано поутру отряд готов будет выехать в путь, и пошли вам Господь ясную погоду.

— Завтра? Отчего же не сегодня? — откликнулась Гвенвифар и тут же оборвала себя на полуслове: нет, такая спешка и впрямь покажется оскорбительной. Она и не догадывалась, до чего ей не терпится сообщить новость Артуру, раз и навсегда положить конец молчаливым упрекам по поводу ее бесплодия... Гвенвифар коснулась плеча настоятельницы. — Отныне молитесь за меня денно и нощно, а также и о благополучном появлении на свет сына Верховного короля.

— Неужто, госпожа? — Морщинистое лицо настоятельницы так и расплылось от удовольствия: как же, сама королева удостоила ее своим доверием! — Воистину, мы за тебя помолимся. То-то все сестры порадуются, зная, что мы — первые, кто прочтет молитвы за юного принца!

— Я отправлю в вашу обитель богатые дары...

— Дары Господни и молитвы за золото не купишь, — чопорно отозвалась настоятельница, и все-таки вид у нее был весьма и весьма довольный.

В комнате рядом с покоем Игрейны, где последние несколько ночей спала Гвенвифар, суетилась ее прислужница, укладывая в переметные сумы одежду и прочее добро. Завидев входящую Гвенвифар, женщина подняла взгляд и пробурчала:

— Недостойно то высокого сана Верховной королевы, госпожа, путешествовать с одной лишь служанкой! Все равно что жена какого-нибудь рыцаря, право слово! Надо бы вам взять из обители еще одну, да и даму какую-нибудь в спутницы!

— Так попроси кого-нибудь из послушниц тебе поспособствовать, — отозвалась Гвенвифар. — Но малым числом мы доберемся до места куда быстрее.

— Я тут во дворе слыхала, что на южном побережье саксы высадились, — ворчала служанка. — Вскорости в этой земле и за порог будет ступить страшно, какие уж тут разъезды!

— Не глупи, — оборвала ее Гвенвифар. — Саксы южного побережья связаны договором: они клялись не нарушать мира в землях Верховного короля. Они-то знают, на что способен Артуров легион, в Калидонском лесу они это хорошо усвоили. Думаешь, они не прочь еще раз задать работу воронам? Как бы то ни было, вскорости мы вернемся в Каэрлеон, а в конце лета двор переберется в Камелот, в Летнюю страну — а римляне благополучно удерживали этот форт против всех натисков варваров. И крепость эту так и не взяли. Сэр Кэй уже там: строит огромный зал, способный вместить Артуров Круглый Стол, чтобы всем рыцарям и королям сидеть рядом за трапезой.

Как королева и надеялась, служанка тут же отвлеклась.

— Это ведь неподалеку от твоего прежнего дома, верно, госпожа?

— Да. С вершины Камелота можно поглядеть на воду и на расстоянии полета стрелы различить островное королевство моего отца. В детстве мне даже случилось побывать на том холме, — промолвила Гвенвифар, вспоминая, как, совсем маленькой девочкой, еще до того, как ее отдали в монастырскую школу на Инис Витрин, она поднималась к развалинам древнего римского форта. В ту пору там не было ничего, кроме старой стены, и священник, конечно же, не преминул извлечь из всего этого урок о бренности людской славы...

В ту ночь Гвенвифар приснилось, будто она стоит на вершине Камелота; но берег окутали туманы, так что остров словно плавает в море облаков. А вдалеке различала она высокий Холм Инис Витрин, увенчанный стоячими камнями — притом что Гвенвифар прекрасно знала: священники обрушили стоячие камни почти сто лет назад. И, в силу странной прихоти Зрения, ей вдруг померещилось, что на вершине Холма стоит Моргейна, и насмехается, и хохочет над нею, и коронована она венком, сплетенным из ивняка. А в следующий миг Моргейна оказалась рядом с нею, на Камелоте, и перед ними расстилалась вся Летняя страна, до самого острова Монахов, а внизу виднелся ее собственный старый дом, где правит отец ее, король Леодегранс, и Драконий остров, одетый пеленою тумана. Моргейна же облачена была в невиданные, странные одежды, и венчана высокой двойной короной, и стояла она так, что Гвенвифар ее не вполне различала, просто знала, что она здесь. *«Я — Моргейна Волшебница, — промолвила она, — и все эти королевства вручу я тебе как Верховной королеве, если ты падешь ниц и поклонишься мне».*

Вздрогнув, Гвенвифар проснулась. В ушах ее еще звучал насмешливый хохот Моргейны. Комната была пуста и безмолвна; вот только служанка громко похрапывала на своем тюфяке на полу. Королева перекрестилась — и вновь легла и попыталась уснуть. Но уже на грани сна и бодрствования ей вдруг померещилось, будто вглядывается она в прозрачную, озаренную лунным светом заводь, однако вместо собственного ее лица в воде отражается бледное лицо Моргейны, и чело ее увенчано жгутами ивняка, вроде как на соломенных куколках в праздник урожая, что до сих пор делают поселяне, — но далека она, так, что не дотянешься. И вновь Гвенвифар села на постели и осенила себя знаком креста — и, немного успокоившись, задремала.

Разбудили ее слишком скоро; но, в конце концов, не кто иной, как она сама, упорно настаивала, чтобы выехать на заре. Одеваясь в свете светильника, Гвенвифар слышала, как по крыше барабанит дождь; однако, если в здешних краях пережидать непогоду, так они тут на целый год застрянут. Королева чув-

ствовала себя подавленной, ее подташнивало, но теперь-то она знала причину — и украдкой погладила себя по пока еще плоскому животу, словно убеждаясь, что это — правда. Есть ей не хотелось, однако она послушно пожевала хлеба и холодного мяса... путь впереди неблизкий. А если под дождем ехать — удовольствие невеликое, то, по крайней мере, можно надеяться на то, что и саксы, и прочие грабители тоже носа за двери не высунут.

Она уже пристегивала капюшон самого теплого из своих плащей, когда вошла настоятельница. Церемонно поблагодарив за богатые дары, что Гвенвифар вручила ей от себя самой и от имени Игрейны, настоятельница перешла прямо к делу, ради которого и явилась с прощальным визитом:

— А кто ныне правит в Корнуолле, госпожа?

— Э... я не уверена, — замялась Гвенвифар, пытаясь припомнить. — Я знаю, что Верховный король, женившись, отдал Тинтагель Игрейне в безраздельное владение, чтобы ей было где голову преклонить, а после нее, думается мне, леди Моргейне, дочери Игрейны от старого герцога Горлойса. Мне даже неведомо, кто там сейчас в кастелянах.

— Вот и мне тоже, — отозвалась настоятельница. — Какой-нибудь слуга или рыцарь леди Игрейны, надо думать. Вот об этом я и пришла с тобой поговорить, госпожа... замок Тинтагель — ценный трофей, и не должно ему пустовать, иначе и в нашей округе вспыхнет война. Если леди Моргейна замужем и поселится здесь, так, сдается мне, все будет хорошо: я эту даму не знаю, но коли она — дочь Игрейны, так, полагаю, она — достойная женщина и добрая христианка.

«*Зря ты так полагаешь*», — подумала про себя Гвенвифар, и вновь в ушах ее зазвенел издевательский хохот из недавнего сна. Однако королева предпочла не отзываться дурно об Артуровой родственнице в беседе с чужим человеком.

— Так отвези королю Артуру мое послание, госпожа: должно кому-то поселиться в Тинтагеле. Доходили до меня слухи из тех, что передавались из уст в уста по всей округе, когда умер Горлойс, — дескать, есть у него сын-бастард и прочая родня, и кто-нибудь из них того и гляди попытается отвоевать эту землю. Пока здесь жила Игрейна, все знали, что замок — под рукою Артура, но теперь хорошо оно было бы, кабы Верховный король прислал сюда одного из лучших своих рыцарей — и, возможно, выдав за него леди Моргейну.

— Я передам Артуру, — заверила Гвенвифар и, уже выехав в путь, продолжала размышлять об услышанном. В управлении государством она разбиралась слабо, однако помнила: до того, как на престол взошел Утер, в стране царил хаос; и еще потом, когда Утер умер, не оставив наследника; наверное, и Корнуолл постигнет та же участь в отсутствие правителя, утверждающего благие

законы. Моргейна — герцогиня Корнуольская, и должно ей править в Тинтагеле. И тут Гвенвифар вспомнила: Артур однажды сам помянул о том, что хорошо бы выдать сестру за лучшего его друга. А поскольку Ланселет небогат и своих земель у него нет, было бы куда как справедливо и уместно, чтобы в Корнуолле они правили сообща.

«А теперь, когда мне суждено родить Артуру сына, лучше всего и впрямь отослать Ланселета подальше от двора, чтобы никогда мне больше не видеть его лица и не терзаться думами, что не подобают замужней женщине и доброй христианке». И все-таки мысль о том, чтобы Ланселет женился на Моргейне, казалась ей невыносимой. Да жила ли когда-либо на этом свете такая великая грешница, как она? Гвенвифар ехала, спрятав лицо под капюшоном и не прислушиваясь к разговорам сопровождающих ее рыцарей, однако спустя какое-то время заметила, что отряд минует сожженную деревню. Один из рыцарей попросил дозволения ненадолго остановиться, отправился искать уцелевших и возвратился крайне мрачный.

— Саксы, — сообщил он остальным и тут же прикусил язык, заметив, что королева все слышит.

— Не бойся, госпожа, они уже убрались, однако надо бы нам поспешить и поскорее известить Артура. Если заменить тебе коня на более быстрого, сумеешь ли ты не отстать от нас?

У Гвенвифар перехватило дыхание. Отряд только что выехал из глубокой лощины, и теперь над головами раскинулся небесный свод — бескрайний, исполненный угрозы. Она ощущала себя крохотным зверьком в траве, на которого пала тень ястреба. Она заговорила — и собственный голос показался ей тоненьким, и дрожащим, и совсем детским.

— Ехать быстрее я не могу. Я ношу ребенка Верховного короля — и не смею подвергать его опасности.

И снова ей почудилось, будто рыцарь — то был Грифлет, муж ее придворной дамы Мелеас, — оборвал себя на полуслове, с лязгом сомкнув челюсти. И наконец проговорил, скрывая нетерпение:

— Тогда, госпожа, пожалуй, лучше будет сопроводить тебя в Тинтагель, или в любой другой укрепленный замок в здешних краях, или обратно в монастырь, чтобы сами мы поехали быстрее и добрались до Каэрлеона еще до рассвета. Если ты носишь ребенка, конечно же, скакать всю ночь ты не сможешь! Дозволишь ли ты одному из нас отвезти тебя и твою прислужницу назад в Тинтагель или, скажем, в монастырь?

«Сама бы я не прочь вновь оказаться под защитой стен, если округа кишит саксами... но нельзя мне быть трусихой, никак нельзя! Артуру должно узнать о сыне».

— А отчего бы одному из вас не поскакать в Каэрлеон, а ос-

тальные поедут, подлаживаясь под мой шаг, — упрямо возразила она. — Или, скажем, разве нельзя нанять гонца, чтобы тот доставил вести как можно скорее?

Судя по выражению его лица, Грифлет с трудом сдержался, чтобы не выругаться.

— В этой земле никакому наемному гонцу я бы доверять не стал, госпожа, а нас слишком мало даже для мирных мест — мы для вас не лучшая защита. Ну что ж, пусть так; наверняка до Артуровых людей вести уже дошли. — Грифлет отвернулся — зубы стиснуты, лицо побелело, — и видя, как он рассержен, Гвенвифар с трудом удержалась, чтобы не окликнуть его и не согласиться на все, что он предлагает. «*Не трусь*», — твердо повторила себе Гвенвифар. Теперь, когда ей предстоит родить королевского наследника, должно ей вести себя так, как подобает королеве, и храбро ехать вперед.

«*Если я окажусь в Тинтагеле, а округу заполонят саксы, тогда сидеть мне там до тех пор, пока война не закончится и в земле опять не воцарится мир, а ведь это, возможно, произойдет не скоро... а если Артур даже не знает, что я беременна, он, чего доброго, оставит меня там на веки вечные. В самом деле, зачем бы ему везти бесплодную королеву в свой новый замок в Камелоте? Надо думать, он прислушается к советам старика-друида, этого своего деда, Талиесина, который ненавидит меня всем сердцем, и откажется от меня ради какой-нибудь женщины, способной рожать ему здорового мальца каждые десять лун или вроде того...*

Но, как только Артур узнает, все будет хорошо...»

Гвенвифар казалось, что ледяной ветер, проносящийся над вересковыми нагорьями, пробирает ее до костей. Спустя какое-то время она взмолилась об остановке и попросила подать ей носилки... езда верхом совсем ее растрясла. Грифлет сердито нахмурился, и мгновение королеве казалось, что он, того и гляди, позабудет про учтивость и накричит на нее, но рыцарь лишь отдал необходимые распоряжения, и королева, благодаря судьбу, забилась в носилки, радуясь тому, что кони пошли еще медленнее и что задернутый полог закрывает от нее страшное небо.

С наступлением сумерек дождь ненадолго прекратился и проглянуло солнце: стояло оно совсем низко, роняя косые лучи на унылую пустошь.

— Здесь мы встанем лагерем, — объявил Грифлет. — Тут, на равнине, хотя бы видно далеко. А завтра мы доберемся до старой римской дороги — и сможем ехать быстрее. — А затем, понизив голос, сказал что-то прочим рыцарям, чего Гвенвифар не расслышала, однако так и сжалась от страха, зная: Грифлет злится на то, что они вынуждены плестись так медленно. Но ведь всем и каждому известно: быстрая езда верхом для беременной женщи-

ны чревата выкидышем; а с ней такое уже приключалось: они что, *хотят*, чтобы она и на сей раз потеряла Артурова сына?

Спалось королеве в шатре крайне плохо: земля казалась непомерно жесткой для ее хрупкого тела, плащ и одеяла отсырели насквозь, спина ныла: к верховой езде Гвенвифар была непривычна.

Однако спустя какое-то время она все-таки уснула, невзирая на ливень, просачивающийся сквозь ткань шатра. Разбудил ее цокот копыт и резкий, хриплый окрик Грифлета.

— Кто скачет? Стоять!

— Это ты, Грифлет? Я узнаю твой голос, — раздался голос из темноты. — Это Гавейн; я ищу ваш отряд. Королева с вами?

Гвенвифар, набросив плащ поверх ночной рубашки, вышла из шатра.

— Это ты, кузен? Что ты здесь делаешь?

— Я надеялся застать вас еще в монастыре, — отозвался Гавейн, спрыгивая с коня. В темноте за ним маячили еще фигуры: четверо или пятеро Артуровых рыцарей, хотя лиц Гвенвифар не различала. — Раз ты здесь, госпожа, я так понимаю, королева Игрейна покинула земную юдоль...

— Королева испустила дух позапрошлой ночью, — промолвила Гвенвифар. Гавейн вздохнул.

— Что ж, все в воле Божьей. Но земля охвачена войной, госпожа... раз ты здесь и уже проделала большую часть пути, думается мне, должно тебе ехать дальше, в Каэрлеон. Мне, если бы я застал тебя еще в монастыре, было приказано сопроводить тебя и тех сестер, что взыскуют надежного убежища, в замок Тинтагель и наказать тебе оставаться там до тех пор, пока в Британии не воцарится мир.

— А теперь выходит, что съездил ты зря, — не без раздражения отозвалась Гвенвифар, но Гавейн покачал головой.

— Раз поручение мое утратило смысл и, я так понимаю, святые сестры предпочтут укрыться за стенами монастыря, я поскачу с известием в Тинтагель: всем, кто принес присягу Артуру, должно немедленно прибыть к королю. У берегов собираются саксы: пришло более ста кораблей. На маяках зажгли сигнальные огни. Легион сейчас в Каэрлеоне; туда стягиваются войска. Как только вести достигли Лотиана, я сразу поскакал к Артуру, Артур же послал меня гонцом в Тинтагель. — Он перевел дух. — Последние десять дней я так и езжу посланником — куда там мерлину!

— А я ведь убеждал королеву остаться в Тинтагеле, — встрял Грифлет. — Да только назад ехать теперь уже поздно. А раз по дорогам идут воинства... Гавейн, может быть, ты сопроводишь королеву обратно в Тинтагель?

— Нет, — отчетливо произнесла Гвенвифар. — Мне должно вернуться к мужу — и немедленно. Раз меня призывает долг, пу-

тествие меня не страшит. — Ведь в преддверии новой войны Артур тем более обрадуется ее доброй вести... Гавейн досадливо покачал головой.

— Мешкать из-за женщины я не могу — вот разве что с Владычицей Озера смирился бы, она-то день напролет проскачет верхом, да еще любого всадника обставит! А из тебя, госпожа, наездница никудышная: нет-нет, я не хочу тебя задеть, никто и не ждет, чтобы ты разъезжала в седле под стать рыцарю, просто медлить я не вправе...

— А королева еще и беременна в придачу и ехать может разве что шагом, — столь же раздраженно бросил Грифлет. — Может, попросишь кого-нибудь из самых своих медлительных всадников проводить королеву, а я поскачу с тобой в Тинтагель?

— Никто и не сомневается, что тебе охота быть в центре событий, Грифлет, — улыбнулся Гавейн, — но тебе поручили именно эту миссию, и никто тебе не позавидует. Не угостишь ли меня вином и хлебом? Я поскачу, не останавливаясь, чтобы на рассвете оказаться в Тинтагеле. У меня послание к Марку, военному вождю Корнуолла; он обязан привести своих рыцарей. Возможно, грядет та самая, предсказанная Талиесином великая битва, в которой мы либо погибнем, либо изгоним саксов с нашей земли раз и навсегда! Но только всем и каждому должно сражаться на стороне Артура.

— Теперь даже часть союзных саксов встанет за Артура, — сообщил Грифлет. — Скачи, Гавейн, раз так надо, и да пребудет с тобою Господь. — Рыцари обнялись. — Мы еще встретимся, друг, когда будет на то воля Божья.

Гавейн поклонился королеве. Гвенвифар протянула ему руку.

— Минуту... в добром ли здравии родственница моя Моргауза?

— Как всегда, госпожа.

— А золовка моя Моргейна — благополучна ли она? Я так понимаю, она при дворе Моргаузы?

-- Моргейна? — озадаченно переспросил Гавейн. — Нет, госпожа. Родственницу мою Моргейну я не видел вот уже много лет. И в Лотиане она не появлялась, иначе матушка моя не преминула бы мне о том сообщить, — отозвался он учтиво, невзирая на нетерпение. — А теперь мне пора.

— Да пребудет с тобою Господь, — отозвалась Гвенвифар. Цокот копыт затих в ночи, а королева все стояла и глядела вслед всадникам.

— Уже скоро рассветет, — промолвила она наконец, — стоит ли укладываться снова или, может, снимемся с лагеря и поскачем в Каэрлеон?

Грифлет просиял.

— Верно, под таким дождем не очень-то уснешь, — согласился он, — и ежели ты в силах продолжать путь, госпожа, так

весьма рад я буду выехать как можно скорее. Один Господь знает, что ждет нас в дороге, прежде чем доберемся мы до Каэрлеона.

Но, когда над вересковыми нагорьями поднялось солнце, ощущение было такое, словно отряд едет через края, уже опустошенные войной. В это время года земледельцам полагалось бы трудиться в полях, но хотя путешественники миновали несколько отдельно стоящих на склонах дворов, здесь не паслись овцы, не лаяли собаки, дети не выбегали на дорогу полюбоваться на всадников, и даже на римской дороге им не встретилось ни души. Дрожа от холода, Гвенвифар поняла: слух о войне уже пронесся по округе, и те, кто не в силах носить оружие, заперлись по домам, спрятавшись от проходящих армий — своих ли или враждебных.

«*Повредит ли моему ребенку езда столь быстрая?*» Однако теперь приходилось выбирать из двух зол: поставить под угрозу жизнь ребенка и свою из-за этой вынужденной скачки или помешкать в пути и, возможно, угодить в руки саксов. Королева решила про себя: Грифлету впредь не придется жаловаться на то, что она ему обуза. Она ехала верхом, не желая больше прятаться в носилках, во избежание новых упреков, и ей мерещилось, будто повсюду вокруг нее разливается страх.

Бесконечно-долгий день уже клонился к закату, когда впереди показалась сторожевая башня, воздвигнутая Утером в Каэрлеоне. В вышине развевалось величественное алое знамя Пендрагона; проезжая под ним, Гвенвифар осенила себя крестом.

«*Ныне, когда всем христианам должно встать против варваров, подобает ли этому символу древней веры друидов стягивать к себе воинства христианского короля?*» Некогда королева уже говорила об этом с Артуром, и тот ответствовал, что принес клятву править своим народом как Великий Дракон, не оказывая предпочтения ни христианам, ни язычникам, и, рассмеявшись, вытянул руки, на которых вдоль всей длины красовались вытатуированные варварские змеи. Королеве эти змеи внушали глубочайшее отвращение — не след христианину носить подобные символы! — но Артур был упрям и непреклонен.

— Я ношу их в знак возведения в королевский сан, с тех пор, как заступил в этой земле на место Утера. И более мы к этому разговору возвращаться не станем, госпожа. — И впредь никакие ее доводы не могли заставить Артура обсудить это с нею или хотя бы прислушаться к мнению священника.

— Власть священников — это одно, а королевская власть — совсем другое, моя Гвенвифар. Хотелось бы мне разделять с тобою все, что есть, однако же делить со мною еще и это ты не

склонна, так что говорить с тобою о подобных предметах я не могу. Что до священников, это их нисколько не касается. Так что, повторю тебе, оставь. — Говорил Артур твердо, но ничуть не рассерженно, и тем не менее королева склонила голову и покорно умолкла. Однако же теперь, проезжая под знаменем Пендрагона, она задрожала всем телом. *«Если нашему сыну суждено править христианской землей, подобает ли, чтобы над замком его отца развевалось знамя друидов?»*

Отряд медленно ехал по равнине перед Каэрлеоном, где встали лагерем бесчисленные воинства. Рыцари, хорошо знавшие Гвенвифар, выходили ей навстречу и радостно приветствовали королеву; она улыбалась, махала рукой. Всадники миновали знамя Лота и лагерь людей Лотиана, северян, вооруженных пиками и боевыми топорами, закутанных в плащи из ярко крашенных тканей; над их стоянкой развевалось знамя Морриган, Великой госпожи Ворон, богини войны. Из одного из шатров вышел брат Гавейна, Гахерис, поклонился королеве и зашагал в замок вместе с ними, держась у стремени Грифлета.

— Грифлет, отыскал ли тебя мой брат? У него было послание к королеве...

— Мы повстречались с ним уже на исходе первого дня пути, так что проще было ехать дальше, — отвечала Гвенвифар.

— Я провожу вас до замка: все Артуровы соратники приглашены отужинать с королем, — сообщил Гахерис. — Гавейн страшно злился, что его выслали с поручениями, однако же гонца быстрее в целом свете не сыщешь. Твоя супруга здесь, Грифлет, но собирается перебираться в новый замок вместе с ребенком: Артур сказал, что всем женщинам должно уехать, там их защищать проще, а у него каждый человек на счету.

В Камелот! У Гвенвифар упало сердце: она-то мчалась от самого Тинтагеля, чтобы сообщить Артуру добрую весть о ребенке, а теперь он отошлет ее в Камелот, словно тюк какой-нибудь?

— Этого знамени я не знаю, — обронил Грифлет, глядя на золотого орла на шесте, — казалось, он того и гляди оживет. Знамя выглядело очень древним.

— Это — стяг Северного Уэльса, — пояснил Гахерис. — Уриенс тоже здесь, вместе с сыном Аваллохом. Уриенс утверждает, будто отец его отбил это знамя у римлян более ста лет назад. И очень может быть, что это — чистая правда! Люди холмов — славные бойцы, хотя в лицо им я этого не скажу.

— А это чье знамя? — полюбопытствовал Грифлет, но на сей раз, хотя Гахерис уже открыл рот, ответила ему Гвенвифар.

— Это — знамя моего отца Леодегранса, золотой крест на синем поле. — Она сама, еще совсем юной девушкой, живя в Летней стране, помогала прислужницам своей матери вышивать это знамя для короля. Говорили, будто ее отец выбрал для себя

такой герб, услышав предание о том, как один из римских императоров накануне битвы узрел в небесах крест. «*Вот под каким символом должно нам ныне драться, а не под змеями Авалона!*» Королева поежилась, и Гахерис встревоженно оглядел свою спутницу.

— Ты замерзла, госпожа? Надо бы ехать прямо в замок, Грифлет; Артур, верно, уже заждался свою супругу.

— Ты, должно быть, очень устала, моя королева, — сочувственно промолвил Грифлет. — Скоро твои прислужницы позаботятся о тебе.

Отряд уже подъезжал к дверям замка; многие знакомые ей Артуровы соратники приветственно махали ей и по-дружески, запросто ее окликали. «*На следующий год в это же самое время они выйдут приветствовать своего принца*», — думала про себя Гвенвифар.

Дюжий, здоровенный увалень в кожаном доспехе и стальном шлеме, якобы споткнувшись, пошатнулся — и словно ненароком оказался на пути ее коня и поклонился королеве. Однако Гвенвифар видела: все произошло нарочно, незнакомец намеренно сделал так, чтобы столкнуться с королевой лицом к лицу.

— Госпожа сестра моя, — промолвил он, — ты разве не узнаешь меня?

Гвенвифар нахмурилась, внимательно вгляделась в лицо незнакомца — а в следующий миг поняла, кто перед нею.

— А, это ты...

— Мелеагрант, — представился увалень. — Я приехал сражаться под знаменами нашего отца и в войске твоего супруга, сестрица.

Грифлет приветливо улыбнулся.

— Я и не знал, что у отца твоего есть сын, моя королева. Но в войске Артура рады всем новоприбывшим...

— Может, ты замолвила бы за меня словечко перед королем, сестрица, — промолвил Мелеагрант. При взгляде на него Гвенвифар испытала легкое отвращение. Экая громадина, простотаки великан; и, подобно многим рослым здоровякам, выглядит уродом, как если бы одна половина его тела отчего-то оказалась крупнее другой. Один глаз, во всяком случае, и впрямь был больше второго, да еще и косил в придачу. Однако, думала про себя Гвенвифар, пытаясь быть справедливой, не его вина, что бедняга уродился таким безобразным, а в упрек ему поставить вроде бы нечего. Однако что за наглость — назвать ее сестрой перед всеми рыцарями! А теперь вот он еще, не дожидаясь дозволения, схватил ее руку — и поцеловать норовит. Гвенвифар сжала кулачок и резко высвободила кисть.

— Вне всякого сомнения, когда ты того заслужишь, Мелеагрант, мой отец поговорит о тебе с Артуром, и король произведет тебя в рыцари, — проговорила королева, стараясь, чтобы голос

ее не дрожал. — Я — лишь женщина и обещать тебе ничего не могу. Мой отец здесь?

— Он в замке, у Артура, — угрюмо буркнул Мелеагрант. — А меня бросил тут, словно пса, при лошадях!

— Не вижу, Мелеагрант, с какой стати тебе претендовать на большее, — твердо проговорила Гвенвифар. — Отец взял тебя в свиту, раз уж твоя мать некогда была его любовницей...

— Да все окрестные жители знают не хуже моей матери, что я — сын короля, и притом единственный! — хрипло выкрикнул Мелеагрант. — Сестрица, заступись за меня перед отцом!

Здоровяк вновь попытался схватить ее за руку, и Гвенвифар поспешно отстранилась.

— Пропусти меня, Мелеагрант! Мой отец уверяет, что ты ему не сын; как могу я утверждать иное? Матери твоей я не знала; это вам с отцом промеж себя решать!

— Но послушай же, — не отступался Мелеагрант, дергая ее за руку. Но тут между ним и Гвенвифар вклинился подоспевший Грифлет.

— Эй, эй, парень, не смей так разговаривать с королевой, а не то Артур прикажет отрубить тебе голову и подать за обедом на блюде! Будь уверен, лорд наш и король поступит с тобою по справедливости и, ежели ты отличишься в битве, несомненно, рад будет причислить тебя к своим соратникам. Но досаждать королеве и думать не моги!

Мелеагрант, развернувшись, навис над Грифлетом: рядом с ним высокий и мускулистый молодой рыцарь казался сущим ребенком.

— Ты еще будешь учить меня, как мне разговаривать с собственной сестрой, жалкий хлыщ? — прорычал великан.

Грифлет взялся за рукоять меча.

— Мне поручено сопровождать и оберегать королеву, парень, и Артурово поручение я исполню. Прочь с дороги, или я тебя силой заставлю!

— Ты — а еще кто? — издевался Мелеагрант с гнусной ухмылкой.

— Я, например, — отозвался Гахерис, вставая рядом с Грифлетом. Подобно Гавейну, он отличался могучим, крепким сложением, превосходя стройного Грифлета по меньшей мере вдвое.

— И я, — раздался из темноты голос Ланселета. Рыцарь стремительно подошел к коню королевы, и Гвенвифар едва не разрыдалась от облегчения. Никогда прежде не казался он ей столь прекрасным; и, несмотря на все его хрупкое изящество, при его появлении Мелеагрант отпрянул назад. — Этот человек докучает тебе, госпожа Гвенвифар?

Королева судорожно сглотнула и кивнула, с ужасом осознав, что не в силах выговорить ни слова.

— А ты еще кто такой, парень? — грозно насупился Мелеагрант.

— Остерегись, — промолвил Гахерис, — или ты не знаешь лорда Ланселета?

— Я — Артуров конюший, — протянул Ланселет лениво, словно забавляясь, — и паладин королевы. Тебе есть что сказать мне?

— У меня дело к сестре, — буркнул Мелеагрант.

— Я ему не сестра! — резко и пронзительно взвизгнула Гвенвифар. — Этот человек называет себя сыном моего отца, потому что его мать одно время была у короля в полюбовницах! Но никакой он не королевский сын, а низкорожденный мужлан, коему место на скотном дворе, хотя отец мой по доброте душевной и взял его в дом!

— А не пошел бы ты прочь, — промолвил Ланселет, с презрением оглядывая Мелеагранта. Видно было: Мелеагрант отлично знает, кто такой Ланселет, и отнюдь не стремится вступать с ним в спор.

Здоровяк попятился назад, угрюмо буркнув:

— Однажды ты об этом горько пожалеешь, Гвенвифар, — однако ж, кипя от ярости, посторонился, пропуская всадников вперед.

Ланселет, как всегда, одет был с безупречным вкусом — в алую тунику и плащ; волосы аккуратно подстрижены и расчесаны, лицо чисто выбрито. Руки его казались белыми и гладкими, под стать изящным ручкам самой Гвенвифар, и однако же королева знала, как крепки и сильны эти железные пальцы. И красив он так, что просто дух захватывает. И, как всегда, подоспел вовремя, чтобы спасти ее от неприятного столкновения с Мелеагрантом. Гвенвифар улыбнулась — просто-таки сдержаться не могла; ощущение было такое, будто у нее сердце в груди переворачивается.

«*Нет, не должно мне теперь смотреть на него такими глазами, мне предстоит стать матерью Артурова сына...*»

— Не стоит тебе проходить через парадный зал, госпожа, в грязных, промокших дорожных одеждах, — промолвил Ланселет. — Неужто дождь так и лил всю дорогу? Позволь, я отведу вас со служанкой к боковой двери; ты поднимешься прямо к себе в покои, отдохнешь, переоденешься и встретишь лорда моего Артура в зале, облекшись в свежее платье, согревшись и обсохнув... да ты вся дрожишь? Тебе холодно под ветром, Гвенвифар?

Ланселет давно уже пользовался правом называть ее по имени, не прибавляя официального «моя королева» или «госпожа», но никогда еще имя это не звучало в его устах так сладостно.

— Ты неизменно заботлив, — отозвалась Гвенвифар, позволяя ему вести своего коня в поводу.

— Грифлет, а ты ступай скажи королю, что супруга его в без-

опасности и поднялась к себе в покои. И ты, Гахерис, тоже: вижу, тебе не терпится вернуться к соратникам. Я сам провожу мою королеву.

У двери Ланселет помог ей спешиться; казалось, все ее существо отзывается на прикосновения его рук. Гвенвифар потупилась, не смея поднять взгляда.

— В парадном зале толпятся Артуровы соратники, — сообщил Ланселет. — Везде — сплошная неразбериха; не далее как три дня назад Круглый Стол отправили в Камелот на трех телегах, под надзором Кэя; ему предстояло установить Стол в новом зале. А теперь в спешке выслали гонца призвать Кэя назад, а вместе с ним — всех мужей Летней страны, способных носить оружие...

Гвенвифар испуганно вскинула глаза.

— Гавейн рассказал нам о высадке саксов... значит, в самом деле началась та самая война, которой страшился Артур?

— Гвен, мы вот уже много лет живем с мыслью о том, что рано или поздно такое случится, — тихо проговорил Ланселет. — Ради этого Артур создавал свой легион, а я готовил конницу. А когда война закончится, мы, пожалуй, обретем долгожданный мир — то, чего я ждал всю жизнь, и Утер тоже.

Внезапно королева обвила его руками за шею.

— Тебя могут убить, — прошептала она. Впервые осмелилась она на такое. Она прижалась к Ланселету, уткнулась лицом ему в плечо; Ланселет сомкнул объятия. Даже сквозь страх она ощущала неизъяснимое блаженство этой близости.

— Мы все знали, что очень скоро час пробьет, дорогая моя, — срывающимся голосом проговорил Ланселет. — По счастью, у нас было несколько лет, чтобы подготовиться толком, и поведет нас Артур — ведь даже ты наверняка не знаешь, что он за великий вождь и как он всем нам дорог? Он молод, но он — величайший из Верховных королей со времен римлян; пока Артур стоит во главе войска, мы всенепременно выдворим саксов с наших земель, а что до остального, Гвенвифар, — все в воле Божьей. — Он ласково потрепал ее по плечу, приговаривая: — Бедная девочка, ты так устала, позволь, я отведу тебя к твоим дамам. — Однако королева чувствовала, как дрожат его руки, и вдруг преисполнилась жгучего стыда: подумать только, она бросилась ему на шею, точно блудница из тех, что таскаются за обозами!

В покоях королевы царила суматоха. Мелеас укладывала одежду в коробки, Элейна распоряжалась служанками. Завидев вошедшую королеву, Элейна кинулась к ней и крепко обняла, восклицая:

— Ох, родственница, а мы-то просто извелись от тревоги, гадая, как ты там, в дороге... Мы так надеялись, что известия застанут тебя еще в монастыре и ты укроешься в безопасном Тинтагеле...

— Нет, — покачала головой Гвенхивар. — Игрейна умерла. Мы уже целый день ехали, когда нас встретил Гавейн; кроме того, мое место — рядом с мужем.

— А Грифлет вернулся вместе с тобой, госпожа? — спросила Мелеас.

— Он довез меня до самого Каэрлеона, — кивнула Гвенвифар. — Думаю, вы увидитесь за трапезой... Гахерис говорил, что все Артуровы соратники приглашены отужинать с королем...

— Тоже мне, трапеза, — фыркнула Мелеас. — Жевать второпях солдатские пайки — вот как это называется; замок превратился в военный лагерь, а ведь, пока все не наладится, лучшего и не жди. Правда, мы с Элейной из сил выбиваемся, поддерживая хоть какое-то подобие порядка. — Эта обычно улыбчивая, молоденькая толстушка теперь выглядела встревоженной и усталой. — Я сложила в коробки все твои платья и все, что понадобится тебе на лето; так что ты сможешь выехать в Камелот уже на рассвете. Король говорил, мы отправимся все вместе, и замок, трудами Кэя, вполне готов принять нас. Но вот уж не думали мы, что переселяться будем в такой спешке, едва ли не прорываясь сквозь осаду.

«*Нет уж*, — подумала Гвенвифар. — *Я уже сколько дней провела в седле; никуда я больше не поеду! Мое место здесь, и сын мой имеет право родиться в замке своего отца. Не позволю больше отправлять меня туда и сюда, точно вещь какую-нибудь или суму переметную!*»

— Успокойся, Мелеас, может статься, торопиться и ни к чему. Пошли кого-нибудь за водой для умывания и подай мне платье — любое, лишь бы не промокшее насквозь и не забрызганное дорожной грязью! А кто все эти женщины?

«Эти женщины», как выяснилось, были женами соратников и подвластных Артуру королей; им тоже предстояло отправиться в Камелот: проще было ехать всем вместе, под охраной; а в Камелоте все они окажутся в безопасности.

— Камелот же совсем близко от твоего дома, — напомнила Элейна, словно одно это должно было переубедить Гвенвифар раз и навсегда. — Ты сможешь навещать супругу твоего отца и твоих маленьких сестер и братьев. Или, пока Леодегранс на войне, твоя мачеха согласится пожить с нами в Камелоте.

«*Вот уж ни она, ни я этому не порадуемся*», — подумала про себя Гвенвифар — и тотчас же устыдилась своих мыслей. Ей отчаянно хотелось покончить с надоевшими спорами одной-един-

ственной фразой: «*Я не могу никуда ехать, я беременна*»; однако же мысль о неизбежном потоке взволнованных расспросов приводила ее в ужас. Пусть Артур узнает новость первым.

Глава 12

Гвенвифар спустилась в парадный зал, что теперь, в отсутствие Круглого Стола, роскошных знамен, гобеленов и драпировок, выглядел непривычно пустым и голым. Артур сидел за раскладным столом в середине зала, ближе к очагу, в окружении полудюжины своих рыцарей; остальные теснились тут же. Ох, как же королеве не терпелось поведать свою новость, но не кричать же о таких вещах перед всем двором? Придется подождать ночи, до тех пор, пока они не окажутся наедине в постели, — только в такие минуты Артур принадлежал ей целиком и полностью. Но вот он поднял глаза, отвлекшись от соратников, увидел жену — и поспешил ей навстречу.

— Гвен, родная моя! — воскликнул он. — А я-то надеялся, вести Гавейна заставят тебя остаться под защитой стен Тинтагеля...

— Ты сердишься, что я вернулась?

Артур покачал головой.

— Что ты, конечно же, нет. Значит, дороги все еще безопасны, так что тебе повезло, — отозвался он. — Но, боюсь, это означает, что моя матушка...

— Она опочила два дня назад и погребена в стенах обители, — отвечала Гвенвифар, — и я тотчас же выехала в путь, чтобы привезти тебе вести. А у тебя для меня в запасе одни лишь упреки за то, что я, дескать, не осталась в защищенном Тинтагеле из-за этой войны!

— Я не упрекаю тебя, дорогая жена, но лишь радею о твоей безопасности, — мягко промолвил он. — Однако вижу я, сэр Грифлет достойно о тебе позаботился. Иди, посиди с нами. — Он подвел королеву к скамье и усадил с собою рядом. Серебряная и глиняная посуда исчезла — надо думать, и ее тоже отослали в Камелот, и Гвенвифар поневоле задумалась, что сталось с дорогим красным блюдом римской работы, свадебным подарком от ее мачехи. Стены были голы, зал словно разграблен, а ели рыцари из простых, грубо вырезанных деревянных мисок — этим дешевым товаром все ярмарки завалены.

— Замок уже выглядит так, словно здесь бушевала битва! — промолвила королева, обмакивая в миску ломоть хлеба.

— Мне подумалось, что недурно будет все отослать в Камелот заранее, — отозвался Артур, — а тут до нас дошли слухи о высадке саксов, и переполох начался — не дай Боже! Здесь твой

отец, любовь моя, — ты ведь, конечно, захочешь с ним поздороваться.

Леодегранс и впрямь сидел неподалеку, хотя и не во внутреннем круге Артуровых приближенных. Гвенвифар подошла к отцу и поцеловала его, ощутив под ладонями его костлявые плечи: отец всегда казался ей здоровяком, таким громадным и величественным, а тут вдруг он разом состарился и одряхлел.

— Я говорил лорду моему Артуру, что не следовало отправлять тебя в дорогу в такое время, — промолвил Леодегранс. — Да, конечно, согласен, хорошо поступил Артур, послав тебя к смертному одру своей матери, но ведь не следует ему забывать о долге и по отношению к супруге тоже, а у Игрейны, между прочим, есть незамужняя дочь, которой пристало бы позаботиться о матери — где же герцогиня Корнуольская, раз не поехала она к Игрейне?

— Где ныне Моргейна, мне не ведомо, — отозвался Артур. — Моя сестра — взрослая женщина и сама себе хозяйка. Ей не нужно испрашивать моего разрешения для того, чтобы куда-то поехать или, напротив, остаться.

— Да уж, с королями всегда так, — брюзгливо отозвался Леодегранс. — Он — господин над всеми и каждым, но только не над своими женщинами. Вот и Альенор такова же; а в придачу к ней у меня три дочери есть, в брачный возраст еще не вошли, а уж считают, что заправляют в моем доме! Ты, Гвенвифар, на них в Камелоте полюбуешься; я их туда отослал безопасности ради; кстати, старшенькая, Изотта, уже почти взрослая — может, ты бы ее в свиту к себе взяла, она же тебе сводная сестрица? А поскольку из сыновей моих ни один не выжил, уж будь добра, попроси Артура, чтобы он выдал ее за одного из лучших своих рыцарей, как только девочка подрастет.

Гвенвифар изумленно покачала головой при мысли о том, что Изотта, ее сводная сестра, — достаточно взрослая, чтобы стать придворной дамой... Да, конечно, ей почти семь было, когда Гвен вышла замуж; сейчас она уже и впрямь совсем большая, ей лет двенадцать-тринадцать, надо думать. А ведь Элейна, когда ее привезли в Каэрлеон, была не старше. Вне всякого сомнения, стоит ей попросить, и Артур отдаст Изотту в жены одному из лучших своих рыцарей, скажем, Гавейну или — раз Гавейн в один прекрасный день станет королем Лотиана — Гахерису, королевскому кузену.

— Конечно же, мы с Артуром подыщем для сестрицы достойного супруга, — заверила Гвенвифар.

— Ланселет вот до сих пор не женат, — предложил Леодегранс, — и герцог Марк Корнуольский тоже. Хотя, разумеется, Марку лучше бы жениться на леди Моргейне и объединить свои притязания; тогда у сей дамы будет кому беречь ее замок и защи-

щать ее земли. И, хотя я так понимаю, что дама сия — из числа дев Владычицы Озера, ручаюсь, герцог Марк укротит и ее.

Гвенвифар не сдержала улыбки, представив себе Моргейну в роли кроткой супруги предписанного ей избранника. А в следующий миг королева задохнулась от гнева. С какой бы стати Моргейне жить в свое удовольствие? Ни одной женщине не дозволено поступать по собственной воле; даже Игрейна, мать Верховного короля, вышла за того, кого назначили ей старшие для ее же блага. Артуру должно употребить свою власть и честь по чести выдать Моргейну замуж, пока она их всех не опозорила! Гвенвифар удобства ради заглушила воспоминание о том, как бурно возражала, когда Артур предлагал выдать Моргейну за своего друга Ланселета. «*Ох, какой же я была эгоисткой... не могу заполучить его сама и на другой жениться не даю*». Нет, возразила королева самой себе, женитьбе Ланселета она только порадуется, лишь бы невеста оказалась девушкой достойной и добродетельной!

— А я думал, герцогиня Корнуольская состоит в твоей свите, — промолвил Леодегранс.

— Состояла прежде, — пояснила королева. — Однако несколько лет назад она покинула нас, желая поселиться у своей родственницы, и так и не возвратилась. — И в который раз Гвенвифар задумалась про себя: а где же все-таки Моргейна? Не на Авалоне, не в Лотиане у Моргаузы, не в Тинтагеле при Игрейне... да она где угодно может быть, в Малой Британии, или в Риме с паломничеством, или в стране фэйри, или в самой преисподней. Нет, так дальше продолжаться не может: Артур имеет право знать, где его ближайшая родственница — теперь, когда мать его умерла! Но ведь Моргейна наверняка приехала бы к смертному одру родной матери, если бы могла?

Гвенвифар вернулась на свое место рядом с Артуром. Ланселет и король чертили что-то остриями кинжалов на деревянных досках прямо перед собою, рассеянно поглощая пищу с одного блюда. Закусив губку — право, с тем же успехом она могла бы остаться в Тинтагеле, Артуру, похоже, все равно, здесь она или нет! — она собиралась уже пересесть на скамью поближе к своим дамам, но Артур поднял глаза, улыбнулся и протянул ей руку.

— Нет же, родная, я вовсе не хотел тебя прогонять... мне и впрямь необходимо переговорить со своим конюшим, но и тебе здесь тоже места хватит. — Король махнул слугам. — Принесите еще одну тарелку со снедью для моей госпожи. Это блюдо мы с Ланселетом превратили Бог знает во что; и свежий хлеб тоже где-то есть, если, конечно, еще остался, хотя теперь, в отсутствие Кэя, в кухнях царит сущий хаос.

— Думается мне, я уже сыта, — отозвалась Гвенвифар, прислоняясь к плечу мужа. Артур рассеянно потрепал ее по спине.

С другой стороны она ощущала теплое, надежное плечо Ланселета: до чего же ей спокойно и уютно между ними двумя! Артур наклонился вперед; одной рукою он по-прежнему поглаживал женины волосы, а другая сжимала кинжал, острием которого король вычерчивал карту.

— Гляди, нельзя ли нам перебросить конницу вот этим путем? Поскачем мы быстро; повозки с провиантом и грузом оставим, пусть едут в обход по равнине, а конники промчатся напрямую, во весь опор и налегке; под надзором Кэя вот уже три года, со времен Калидонского леса, выпекаются твердые галеты для армии, так что запасы у него скопились преизрядные. Скорее всего, высадятся саксы вот здесь... — Артур указал на некую точку на грубо воспроизведенной карте. — Леодегранс, Уриенс, идите сюда и взгляните...

Подошел отец Гвенвифар, а с ним — еще один рыцарь, худощавый, смуглый, щеголеватый, хотя волосы его уже посеребрила седина, а лицо избороздили морщины.

— Король Уриенс, — обратился к нему Артур, — приветствую в тебе друга моего отца и своего собственного. Ты уже знаком с госпожой моей Гвенвифар?

Уриенс поклонился. Голос его оказался на диво приятным и мелодичным.

— Рад возможности побеседовать с вами, госпожа. Когда в стране станет поспокойнее, я, ежели будет мне позволено, привезу в Камелот мою супругу, дабы представить ее тебе.

— Буду счастлива узнать ее, — отозвалась Гвенвифар, чувствуя, как фальшиво звучит ее голос: королева так и не научилась изрекать такого рода банальные любезности хоть сколько-нибудь убедительно.

— Однако ж не этим летом, нет; ныне у нас и без того хлопот по горло, — отозвался Уриенс, склоняясь над незамысловатой Артуровой картой. — Во времена Амброзия мы водили воинства вот этим путем: коней у нас в ту пору насчитывалось немного, вот разве те, что тащили подводы, однако вполне можно было подняться вот здесь, а вот тут срезать угол. Если едешь на юг Летней страны, главное — не угодить в болота.

— Я надеялся избежать нагорий, — возразил Ланселет.

— С такой многочисленной конницей так оно лучше, — покачал головой Уриенс.

— На этих холмах конь того и гляди споткнется о камень и переломает ноги, — не отступался Ланселет.

— Лучше так, сэр Ланселет, нежели допустить, чтобы и люди, и кони, и повозки увязли в болоте... лучше нагорья, чем топи, — настаивал Уриенс. — Глядите, вот здесь проходит древняя римская стена...

— Ничего разобрать не могу; слишком уж много тут начерка-

но и перечеркано, — нетерпеливо бросил Ланселет. Он подошел к очагу, вытащил из огня длинную палку, загасил огонь и принялся рисовать на полу обугленным концом. — Глядите, вот Летняя страна, а вот — Озера и римская стена... Скажем, вот здесь у нас триста коней, а здесь — две сотни...

— Так много? — недоверчиво переспросил Уриенс. — Да в легионах Цезаря столько не было!

— Семь лет мы дрессировали коней и обучали солдат верховой езде, — отозвался Ланселет.

— И заслуга в том целиком и полностью твоя, дорогой кузен, — не преминул вставить Артур.

— Все благодаря тебе, мой король: ибо у тебя хватило мудрости предвидеть, на что они годны, — улыбнулся Ланселет.

— Многие солдаты до сих пор не умеют сражаться верхом, — возразил Уриенс. — Что до меня, я и во главе пехотинцев дерусь недурно...

— И это прекрасно, — добродушно заверил Артур. — Ибо для каждого, кто желает биться верхом, у нас коней не найдется, равно как и седел, и стремян, и сбруи, хотя я заставил всех до одного шорников моего королевства работать не покладая рук; и здорово же мне пришлось потрудиться, взыскивая налоги, чтобы расплатиться за все это, так что теперь подданные считают меня жадным тираном! — Король, тихо рассмеявшись, потрепал Гвенвифар по спине. — И все это время у меня самого золота едва хватало, чтобы купить моей королеве шелков для вышивания! Все деньги ушли на коней, на кузнецов и седельников! — Внезапно веселости его как не бывало; король резко посерьезнел, сурово свел брови. — И ныне ждет нас величайшее из испытаний, что только выпадали нам на долю: на сей раз саксы идут сплошным потоком, друзья мои. И если мы их не остановим, при том, что за саксами — численный перевес более чем в два раза, в этой земле кормить будет некого, кроме как воронов и волков!

— В этом и состоит преимущество конного войска, — сдержанно объявил Ланселет. — Вооруженные всадники могут сражаться против врага с численным перевесом в пять, десять, даже двадцать раз. Что ж, поглядим, и если предположения наши правильны, мы остановим саксов раз и навсегда. А если нет — значит, погибнем, защищая наши дома, и любимые нами земли, и наших детей и женщин.

— Да, — тихо отозвался Артур, — так тому и быть. Ибо чего ради трудились мы с тех самых пор, как выросли настолько, чтобы взять в руки меч, а, Галахад?

Артур улыбнулся этой своей редкой, лучезарной улыбкой, и у Гвенвифар сердце сжалось от боли. *«Мне он никогда так не улыбается. Однако же, когда я сообщу ему мою добрую весть, тогда...»*

На мгновение Ланселет просиял ответной улыбкой, а затем вздохнул.

— Я получил вести от моего сводного брата Лионеля — Банова старшего сына. Он сообщал, что выйдет в море через три дня... ох, нет. — Ланселет умолк и вновь посчитал на пальцах. — Он уже плывет: гонец задержался. У Лионеля сорок кораблей, и он рассчитывает загнать саксонские суда — все или сколько получится — на скалы или оттеснить их на юг, к корнуольскому берегу, где толком не высадишься. А затем он причалит к берегу и приведет своих людей к месту сбора. Надо мне выслать гонца с сообщением о месте встречи. — Ланселет ткнул палкой в импровизированную карту на камнях пола.

В дверях послышались приглушенные голоса, и в зал, пробираясь между поставленными тут и там скамейками и раскладными столами, вошел новый гость — худощавый, высокий, уже седеющий. Гвенвифар не видела Лота Оркнейского со времен битвы в Калидонском лесу.

— Однако не ждал я когда-либо увидеть Артуров зал вот так, как ныне: без Круглого Стола, с голыми стенами... как, Артур, кузен мой, ты, никак, в бабки вздумал играть на полу со своими приятелями?

— Круглый Стол, родич, ныне отправлен в Камелот, — отозвался Артур, вставая, — равно как и прочая мебель, и всяческая утварь. А здесь ты видишь военный лагерь; мы ждем лишь рассвета, чтобы отослать последних оставшихся женщин в Камелот. Большинство женщин и все дети уже отбыли.

Лот поклонился королеве.

— Вот уж воистину, чертог Артура оскудел, — по своему обыкновению, вкрадчиво произнес он. — Но не опасно ли отправлять детей и женщин в путь, когда земля охвачена войною?

— Так далеко в глубь острова саксы еще не добрались, — возразил Артур, — и, если с отъездом не мешкать, никакой опасности нет. Мне придется выделить пятьдесят человек, — то-то неблагодарная это миссия! — они не пойдут в битву, но будут охранять Камелот. Королеве Моргаузе лучше оставаться там, где она сейчас — в Лотиане; и рад я, что сестра моя при ней!

— Моргейна? — Лот покачал головой. — Вот уже много лет, как из Лотиана она уехала! Ну надо же, надо же! Хотел бы я знать, куда она отправилась? И главное, с кем? Я всегда говорил: эта юная особа не так проста, как кажется на первый взгляд! Но почему ты выбрал Камелот, лорд мой Артур?

— Крепость легко оборонять, — пояснил король. — Пятьдесят воинов продержатся там до второго пришествия Христа. Если бы я оставил женщин здесь, в Каэрлеоне, мне пришлось бы вывести из битвы две сотни рыцарей, если не больше. В толк не могу взять, с какой стати мой отец сделал Каэрлеон своей кре-

постью: я надеялся, что мы всем двором успеем перебраться в Камелот до того, как снова нагрянут саксы, и тогда им пришлось бы идти к нам походным маршем через всю Британию, а мы сразились бы с ними там, где сочли бы нужным. Если бы мы завели их в болота и озера Летней страны, где за год местность меняется до неузнаваемости, так трясины и топи сослужили бы нам службу не хуже, чем луки, стрелы и топоры; а малый народец Авалона добил бы оставшихся кремневыми стрелами.

— Как раз за этим они и идут, — отозвался Ланселет, отрываясь от карты на камнях и выпрямляясь на коленях. — Авалон уже выставил три сотни бойцов; говорят, придут и еще. А мерлин, когда я беседовал с ним в последний раз, сказал, что с острова выслали конных гонцов и в твои земли, лорд мой Уриенс, так что весь Древний народ, живущий в твоих холмах, встанет под наши знамена. Итак, у нас есть легион: конница для битв на равнине, и каждый всадник, закованный в доспехи и вооруженный копьями, выстоит против дюжины саксов или даже более. Затем, у нас есть без счету пехотинцев, лучников и мечников, способных сражаться в холмах и долинах. А еще люди Племен, с топорами и пиками, и Древний народ — эти сражаются из засады и, оставаясь невидимыми, посылают во врагов стрелы. Думаю, с таким войском мы дадим отпор всем саксам, сколько есть в Галлии и на берегах большой земли!

— Именно это нам и предстоит, — промолвил Лот. — Я сражался с саксами со времен Амброзия; вот и Уриенс тоже; однако никогда еще не доводилось нам иметь дела с таким войском, что движется на нас сейчас!

— Со времен моего коронования я знал, что однажды этот день настанет: так предрекла Владычица Озера, вручая мне Эскалибур. А теперь она велит всему народу Авалона встать под знамя Пендрагона.

— Все мы там будем, — заверил Лот, но Гвенвифар содрогнулась, и Артур заботливо промолвил:

— Родная моя, ты весь день провела в седле, да и накануне тоже не отдыхала, а на рассвете тебе снова в путь. Не позвать ли мне твоих дам, чтобы уложили тебя в постель?

Королева покачала головой и сцепила руки на коленях.

— Нет, я не устала, нет... Артур, не подобает того, чтобы язычники Авалона, почитатели чародейства, сражались на стороне христианского короля! А когда ты призовешь их под это богомерзкое знамя...

— Королева моя, ты предпочла бы, чтобы люди Авалона сидели сложа руки, глядя, как дома их разоряют саксы? Ведь Британия — и их родина тоже; они станут сражаться, как и мы, чтобы уберечь свою землю от захватчиков-варваров. А Пендрагон — их законный король; ему принесли они клятву...

— Я не про то, — отозвалась Гвенвифар, стараясь, чтобы голос ее не дрожал, точно у малолетней девчонки, дерзнувшей заговорить на совете мужей. «*В конце концов,* — внушала себе королева, — *Моргаузу признают советницей Лота; да и Вивиана охотно рассуждала о делах государственных!*» — Мне не по душе, что мы и люд Авалона станем сражаться бок о бок. В этой битве люди цивилизованные, приверженцы Христа, потомки Рима дадут отпор тем, кто не знает нашего Бога. Древний народ — тоже враги, не меньше, чем саксы, и не быть этой земле воистину христианской, пока все они не погибнут или не укроются в холмах вместе со своими демонами! И не по душе мне, Артур, что стягом своим избрал ты языческое знамя. Должно бы тебе сражаться, подобно Уриенсу, под знаком Христова креста, чтобы могли мы отличить друзей от врагов!

— Выходит, я тебе тоже враг, Гвенвифар? — проговорил Ланселет, потрясенно глядя на собеседницу.

Она покачала головой:

— Ланселет, ты — христианин.

— Моя мать — та самая злобная Владычица Озера, которую ты осуждаешь за чародейство, — отозвался он, — а сам я воспитывался на Авалоне, и Древний народ — мой народ. Мой родной отец, христианский король, тоже заключил Великий Брак с Богиней ради своей земли! — Вид у него был суровый и рассерженный.

Артур взялся за рукоять Эскалибура, сокрытого в ножнах алого бархата, расшитых золотом. И при виде того, как рука его, на запястье которой красовались вытатуированные змеи, легла на магические знаки ножен, Гвенвифар отвела глаза.

— Как же Господь дарует нам победу, если отказываемся мы отречься от чародейских символов и сражаться под знаком Его креста?

— В словах королевы есть зерно истины, — примирительно промолвил Уриенс. — Но я поднимаю своих орлов во имя отца и Рима.

— А я готов вручить тебе знамя креста, лорд мой Артур, коли будет на то твоя воля, — предложил Леодегранс. — Кому, как не тебе, носить его с честью во имя твоей королевы!

Артур покачал головой. Лишь багровые пятна на скулах выдавали, насколько он разгневан.

— Я поклялся сражаться под королевским знаменем Пендрагона и буду сражаться под ним или погибну. Я — не тиран. Те, кто хочет, могут изображать на щите Христов крест, но знамя Пендрагона реет в знак того, что все жители Британии — христиане, друиды и Древний народ тоже — станут биться бок о бок. Как дракон поставлен над всем прочим зверьем, так и Пендрагон — над всем народом! Всем, говорю я вам!

— А рядом с драконом будут сражаться орлы Уриенса и Великая госпожа Ворон Лотиана, — объявил Лот, вставая. — А Гавейн разве не здесь, Артур? Я не прочь перемолвиться словом с сыном, и казалось мне, он неизменно рядом с тобою!

— Мне недостает его не меньше, чем тебе, дядя, — отозвался Артур. — Если Гавейн не прикрывает мне спину, я просто не знаю, куда шагнуть; однако пришлось мне послать его с известием в Тинтагель, ибо гонца быстрее его нет.

— Однако ж оберегать тебя есть кому, — брюзгливо отозвался Лот. — Вон, вижу, Ланселет и на три шага от тебя не отходит; этот всегда готов на освободившееся место встать!

— Так уж оно повелось среди Артуровых соратников, родич: все мы состязаемся друг с другом за высокую честь быть ближе к королю, — невозмутимо отозвался Ланселет, хотя щеки его пылали. — Когда Гавейн здесь, даже Кэю, приемному брату Артура, и мне, паладину королевы, приходится поневоле отойти в тень.

Артур обернулся к королеве.

— Воистину, королева моя, должно тебе пойти отдохнуть. Совет того и гляди затянется за полночь, а тебе выезжать на рассвете.

Гвенвифар стиснула руки. «*Только сегодня, один-единственный раз, пусть мне достанет храбрости высказаться...*»

— Нет. Нет, лорд мой, на рассвете я никуда не поеду — ни в Камелот, ни в какое иное место на земле.

На скулах Артура вновь обозначились алые пятна гнева.

— Но как же так, госпожа? Когда в земли пришла война, медлить никак не годится. Я бы охотно позволил тебе отдохнуть день-другой перед дальней дорогой, но нам необходимо как можно быстрее переправить вас всех в безопасное место, прежде чем нагрянут саксы. Говорю тебе, Гвенвифар: с наступлением дня тебя будет ждать оседланный конь. А если верхом ты скакать не можешь, так поедешь в носилках или хоть в кресле, но поедешь непременно.

— Не поеду! — исступленно выкрикнула королева. — И ты меня не заставишь, разве что прикрутишь к коню веревками!

— Господь меня сохрани от такого, — отозвался Артур. — Но в чем же дело, госпожа моя? — Король явно встревожился, однако голос его звучал весело и шутливо. — Как же так: все эти легионы воинов, что встали лагерем снаружи, повинуются моему слову, а здесь, у собственного моего домашнего очага, бунтуют, и кто же — законная жена!

— Воины твои вольны повиноваться твоему слову, — в отчаянии твердила королева. — У них-то нет тех причин оставаться на месте, что у меня! Мне довольно одной прислужницы и

еще повитухи, лорд мой, но я никуда не поеду — даже до реки — раньше, чем появится на свет наш сын!

«Вот я и сказала... прямо здесь, перед столькими собравшимися...»

Артур услышал и понял, однако, вместо того чтобы возликовать от радости, напротив, лишь встревожился. Он покачал головой, вымолвил:

— Гвенвифар... — и умолк.

— Так ты беременна, госпожа? — довольно рассмеялся Лот. — О, мои поздравления! Но только путешествию это вовсе не препятствует. Моргауза, помнится, с седла не слезала до тех пор, пока не раздавалась настолько, что коню нести ее было уже не по силам, а по тебе пока и не скажешь, что ты непраздна. Наши повитухи уверяют, что свежий воздух и прогулки беременным только на пользу; свою любимую кобылу я, бывало, гонять перестаю лишь за шесть недель до того, как ей ожеребиться.

— Я не кобыла, — холодно отпарировала Гвенвифар, — и у меня уже дважды случался выкидыш. Ты, Артур, никак, хочешь, чтобы все повторилось заново?

— И все-таки ты не можешь здесь остаться. Этот замок защищен плохо, — в смятении убеждал Артур. — А войско в любой момент выступит в поход! И несправедливо было бы просить твоих дам задержаться с тобою, подвергаясь риску попасть в руки саксов. Я уверен, милая жена, дорога тебе не повредит; среди тех, кто уехал в Камелот на прошлой неделе, были и женщины в положении; и, уж конечно, тебе никак нельзя жить здесь совсем одной, в отсутствие других женщин; ведь Каэрлеон и впрямь превратится в настоящий военный лагерь, моя Гвен!

Гвенвифар оглядела свою свиту.

— Неужто ни одна из вас не останется со своей королевой?

— Я останусь с тобою, кузина, ежели будет на то дозволение Артура, — промолвила Элейна.

— И я останусь, если супруг мой не возражает, хотя сын наш уже в Камелоте, — подхватила Мелеас.

— Нет, Мелеас, ты поезжай к ребенку, — возразила Элейна. — Я с королевой в родстве, и все, что в силах вынести Гвенвифар, вынесу и я, даже если нам предстоит жить в военном лагере бок о бок с мужчинами. — Девушка встала рядом с королевой и взяла ее за руку. — Но, может статься, в носилках ты все-таки доехала бы? В Камелоте куда безопаснее.

Ланселет поднялся на ноги, подошел к королеве, наклонился к ее руке и тихонько проговорил:

— Госпожа моя, умоляю: поезжай с женщинами. Возможно, не пройдет и нескольких дней, как вся округа превратится в дымящееся пепелище, как только нагрянут саксы. А в Камелоте ты окажешься совсем рядом с королевством твоего отца. Кроме

того, моя мать живет на Авалоне, в каком-нибудь дне пути: она — прославленная целительница и повитуха; конечно же, она навестит тебя и позаботится о тебе как должно и даже останется с тобою до родов. Если я пошлю к матери гонца и попрошу поспешить к тебе, ты ведь поедешь?

Гвенвифар опустила голову, борясь со слезами. «*И снова должно мне покориться чужой воле; таков удел всех женщин, и неважно, чего я хочу и чего не хочу!*» А теперь вот даже Ланселет пытается заставить ее покориться. Гвен вспомнила, как добиралась до Каэрлеона от Летней страны; даже при том, что рядом была Игрейна, она себя не помнила от ужаса... и никогда ей не забыть этот бесконечно долгий день, когда ехала она через кошмарные вересковые пустоши от Тинтагеля... А вот теперь она под надежной защитой стен, и, кажется, никогда не пожелает покинуть это безопасное прибежище.

Возможно, когда она окрепнет, а на руках у нее будет мирно спать здоровенький сын... возможно, тогда она осмелится-таки отправиться в путь, но не сейчас... а Ланселет, видите ли, предлагает ей в утешение общество своей матери, этой злобной колдуньи! Неужто он и впрямь думает, что она подпустит такую ведьму к своему сыну? Артур пусть сколько хочет оскверняет себя обетами и сношениями с Авалоном, но сына ее языческое зло не затронет.

— Благодарю за заботу, Ланселет, — упрямо отозвалась она, — но до рождения сына я с места не стронусь.

— Даже если бы тебя отвезли не куда-нибудь, а на Авалон? — предложил Артур. — Места безопаснее для тебя и нашего сына в целом свете не сыщешь.

Гвенвифар вздрогнула, осенила себя крестом.

— Сохрани меня Господь и Пресвятая Мария! — прошептала она. — Я скорее в страну фэйри отправлюсь!

— Гвенвифар, ну, послушай же меня... — настойчиво начал было король, но тут же обреченно вздохнул, и Гвенвифар поняла: она победила! — Пусть будет так, как ты хочешь. Если тебе кажется, что ехать — опаснее, чем оставаться, тогда не дай мне Господь принуждать тебя...

— Артур, и ты ей позволишь? — свирепо вмешался Гахерис. — А я скажу тебе: привяжи ее к коню, словно тюк, и отошли прочь, хочет она того или нет. Король мой, или ты станешь прислушиваться к женским бредням?

Артур устало покачал головой.

— Довольно, кузен, — промолвил он, — сразу видно: ты — человек неженатый. Гвенвифар, делай, как знаешь. Можешь оставить при себе Элейну, одну служанку, повитуху и своего исповедника, но не больше. Все прочие выезжают на рассвете. А теперь ступай к себе, Гвен, мне некогда.

И королева, покорно подставляя щеку для обязательного мужнего поцелуя, — чувствовала себя так, словно победа ее обернулась поражением.

Прочие женщины отбыли на рассвете. Мелеас просилась остаться с королевой, но Грифлет не захотел и слушать.

— У Элейны нет ни мужа, ни ребенка, — отвечал рыцарь. — Вот пусть она и остается. Однако же на месте короля Пелинора я бы точно отправил дочку в Камелот, и на королеву бы не посмотрел. А вот ты поедешь, так и знай, госпожа моя. — И Гвенвифар померещилось, что Грифлет бросил в ее сторону взгляд, исполненный глубокого презрения.

Артур ясно дал ей понять, что большая часть замка ныне отводится под военный лагерь, так что ей должно оставаться в своих покоях вместе с Элейной и служанками. Мебель ее почти всю отправили в Камелот; теперь в спальню перенесли кровать из гостевой комнаты; это ложе королева разделяла с Элейной. Артур ночевал в лагере вместе со своими людьми; раз в день он присылал кого-нибудь справиться, как там жена, однако самого его Гвенвифар почти не видела.

Поначалу королева ожидала, что войска вот-вот выступят на битву с саксами, или что бой произойдет прямо здесь, перед замком, но дни шли за днями, недели за неделями, а вестей так и не было. Один за другим приезжали гонцы и посланники, в Каэрлеон стекались все новые воинства, однако, запертая в своих покоях с примыкающим к ним крохотным садиком, слышала она лишь обрывки новостей — все, что приносили ей служанка с повитухой, — изрядно искаженные, и по большей части сплетни. Время тянулось бесконечно; по утрам ее тошнило и хотелось только лежать, однако позже королеве сделалось лучше, и теперь она беспокойно расхаживала по садику: делать ей было нечего, кроме как представлять про себя, как страшные захватчики-саксы движутся в глубь острова, да думать о ребенке... Королева с удовольствием шила бы одежки для малыша, но шерсти, чтобы прясть, не было во всем замке, да и большой ткацкий станок увезли прочь вместе с остальной мебелью.

Однако же маленький станок у нее остался, а еще — шелк, и пряжа, и принадлежности для вышивания — все то, что она возила с собою в Тинтагель. И Гвенвифар задумала выткать знамя... Некогда Артур пообещал ей, что, когда жена подарит ему сына, она сможет попросить в дар все, что угодно, — все, что в его власти. И королева задумала про себя: в этот счастливый день она попросит Артура отречься от языческого знамени Пендрагона и принять Христов крест. Вот тогда вся эта земля под властью Верховного короля станет воистину христианской, а

Артуров легион превратится в священное воинство, и Дева Мария возьмет его под свою руку.

Королева представляла себе нечто невыразимо-прекрасное: синее знамя с золотой вышивкой, а на плащ Пресвятой Девы пойдут ее бесценные алые шелка. Иных занятий у Гвенвифар не было, так что трудилась она с утра до ночи, и, благодаря помощи Элейны, под пальцами ее прихотливый узор рос не по дням, а по часам. «*В каждый стежок на этом знамени вплету я молитвы о сохранности Артура и о том, чтобы земля сия стала воистину христианской от Тинтагеля до Лотиана...*»

Как-то после полудня королеву навестил мерлин, почтенный Талиесин. Гвенвифар засомневалась было — стоит ли подпускать к себе старого язычника и демонопоклонника в такое время, пока носит она Артурова сына, которому в один прекрасный день суждено стать королем этой христианской земли? Но, встретив добрый, сочувственный взгляд старика, вовремя вспомнила, что Талиесин — отец Игрейны и, значит, младенцу ее приходится прадедом.

— Да благословит тебя Вечность, Гвенвифар, — промолвил гость, простирая над нею руки. Королева перекрестилась и с запозданием задумалась, а не обиделся ли мерлин, но тот, похоже, счел происшедшее лишь обменом приветствиями.

— Как тебе живется, госпожа, в заточении столь суровом? — осведомился мерлин, оглядываясь по сторонам. — Да вы здесь точно в темнице! В Камелоте тебе было бы не в пример лучше, или, скажем, на Авалоне, или на Инис Витрин — ты ведь там в монастырской школе обучалась, верно? Там, по крайней мере, ты бы свежим воздухом дышала да и размяться могла бы! А это не комната, а просто хлев какой-то!

— В саду свежего воздуха достаточно, — отозвалась Гвенвифар, мысленно взяв на заметку проветрить постель сегодня же, не откладывая, и поручить служанкам открыть окна и подмести комнату, где повсюду валялись разбросанные вещи — для четырех женщин тут было слишком тесно.

— Так непременно, дитя мое, всякий день выходи прогуляться на свежий воздух, даже если дождь идет; воздух — лекарство от всех недугов, — наказал мерлин. — Надо думать, скучно тебе здесь. Нет же, дитя, я не упрекать тебя пришел, — мягко добавил старик. — Артур сообщил мне счастливую весть, и я радуюсь за тебя, как и все мы. А уж я-то сам как счастлив — немногие мужи доживают до того, чтобы полюбоваться на правнуков! — Его морщинистое лицо просто-таки лучилось благодушием. — Если я могу хоть чем-нибудь тебе помочь, ты, госпожа, только прикажи. Тебе присылают ли свежую пищу или только солдатские пайки?

Гвенвифар заверила старика, что ни в чем не знает недостат-

ка: каждый день ей приносили корзину с отборнейшими яствами; хотя о том, что на еду ее почти не тянет, королева умолчала.

Она рассказала мерлину о смерти Игрейны, о том, что похоронили королеву в Тинтагеле, и о том, что перед самой кончиной Игрейна рассказала ей о ребенке. Про Зрение Гвенвифар предпочла не распространяться, но, обеспокоенно глядя на старика, спросила:

— Сэр, не знаешь ли ты, где ныне Моргейна, раз даже не смогла прибыть к смертному одру матери?

Мерлин медленно покачал головой:

— Прости, не знаю.

— Но это же стыд и позор: Моргейна даже родне своей не сказалась, куда отправилась!

— Может статься, — с жрицами Авалона иногда так случается, — она отбыла в некое магическое странствие или живет затворницей, прозревая незримое, — предположил Талиесин, но и у него вид был изрядно встревоженный. — В таком случае мне бы ничего не сказали; но, думается мне, будь она на Авалоне, где среди жриц воспитывается моя дочь, я бы об этом знал. Но мне о ней ничего не ведомо. — Старик вздохнул. — Моргейна — взрослая женщина, и ей не нужно спрашиваться у кого-либо, чтобы уехать или вернуться.

«Вот так Моргейне и надо, — подумала про себя Гвенвифар,— *если негодница попала в беду через собственное свое упрямство и нечестивое своеволие!»* Королева сжала кулачки и, ни словом не ответив друиду, потупилась, чтобы собеседник не догадался, в каком она гневе... Мерлин так хорошо о ней думает; Гвен совсем не хотелось упасть в его глазах. Впрочем, друид так ничего и не заметил; Элейна как раз показывала ему знамя.

— Вот поглядите, как мы проводим дни заточения, добрый отец.

— Вы быстро продвигаетесь, — улыбнулся мерлин. — Я уж вижу, времени у вас нет... как там говорят ваши священники: «Дьявол праздным рукам занятие всегда найдет», — вы-то дьяволу и малой лазейки не оставили, трудитесь вдвоем, точно пчелки! Я уже и чудесный узор различаю!

— А пока я ткала, я молилась, не переставая, — с вызовом объявила Гвенвифар. — В каждый стежок вплетала я молитву о том, чтобы Артур и Христов крест восторжествовали над саксами и их языческими богами! Разве ты не упрекнешь меня, лорд мерлин, за такие деяния, раз сам велишь Артуру сражаться под языческим знаменем?

— Ни одна молитва не пропадает втуне, Гвенвифар, — мягко отозвался мерлин. — Ты думаешь, нам о молитвах ничего не ведомо? Когда Артуру вручили могучий меч Эскалибур, клинок вложен был в ножны, в которые жрица вплела молитвы и закля-

тия оберега и защиты; и все пять дней, трудясь над ножнами, она постилась и молилась. А ты ведь наверняка заметила: даже будучи ранен, Артур почти не теряет крови.

— Мне бы хотелось, чтобы Артура оберегал Христос, а не чародейство, — с жаром воскликнула Гвенвифар, и старик с улыбкой промолвил:

— Господь — един; существует лишь один Бог; все прочие — лишь попытка невежественных простецов придать богам обличие, им понятное, как, скажем, вон то изображение вашей Святой Девы, госпожа. В этом мире ничего не происходит без благословения Единого, того, что дарует нам победу или поражение, как уж распорядится Господь. И Дракон, и Дева — лишь попытки человека воззвать к тому, что превыше нас.

— И ты не разгневаешься, если знамя Пендрагона будет низвергнуто, а над нашим легионом взовьется стяг Святой Девы? — презрительно бросила Гвенвифар.

Старик подошел совсем близко, протянул морщинистую руку, погладил блестящий шелк.

— Такая прекрасная работа, — мягко проговорил он, — и столько любви в нее вложено; как же можно ее осуждать? Но ведь есть и те, кому знамя Пендрагона дорого так же, как тебе — Христов крест; отнимешь ли ты у этих людей их святыни, госпожа? Подданные Авалона — друид, жрец и жрица — поймут, что знамя — всего лишь символ, а символ — ничто, в то время как подлинная сущность — все. Но малые мира сего — нет, они не поймут, им необходим их дракон как символ королевской защиты.

Гвенвифар подумала о низкорослых людях Авалона и далеких холмов Уэльса: они пришли с бронзовыми топорами и крохотными стрелами с кремневыми наконечниками; тела их были грубо раскрашены краской. При мысли о том, что эти свирепые дикари станут сражаться под знаменами христианского короля, королева содрогнулась от ужаса.

Мерлин заметил, как она дрожит, хотя причину понял не сразу.

— Здесь сыро и холодно, — промолвил он, — надо бы тебе чаще греться на солнышке. — И, с запозданием догадавшись, что к чему, он обнял собеседницу за плечи и мягко проговорил: — Милое дитя, запомни: земля эта — для всех, кто на ней живет, каким бы богам они ни поклонялись; и с саксами мы сражаемся не потому, что саксы не чтят наших богов, но потому, что хотят они сжечь и разорить наши земли и забрать себе все то, что принадлежит нам. Мы воюем того ради, чтобы сохранить мир в этих краях, госпожа, — как христиане, так и язычники; вот почему столь многие стекаются под знамена Артура. А ты хочешь сде-

лать из него тирана, что ввергнет души людские в рабство к твоему Богу, притом что не все цезари на такое осмеливались?

Но Гвенвифар продолжала бить дрожь, и Талиесин поспешил распрощаться, сказав, что, ежели ей что-либо понадобится, пусть непременно его известит.

— А Кевин, часом, не в замке, лорд мерлин? — спросила Элейна.

— Да, сдается мне, что так... конечно, как же я сам об этом не подумал? Я пришлю его: пусть сыграет вам на арфе и поразвлечет прекрасных дам, что томятся в заточении.

— Мы бы ему весьма порадовались, — промолвила Элейна, — но спросить я хотела вот о чем: нельзя ли одолжить у него арфу... или у тебя, лорд друид?

Талиесин замялся.

— Кевин свою арфу никому не уступит: Моя Леди — ревнивая госпожа. — Старик улыбнулся. — Что до моей, она посвящена богам, так что я не вправе позволить кому-либо прикоснуться к ее струнам. Но госпожа Моргейна, уезжая, оставила здесь свою; эта арфа в ее покоях. Не прислать ли ее сюда, леди Элейна? Ты умеешь играть на ней?

— Не то чтобы, — созналась девушка, — но я достаточно знаю о струнной музыке, чтобы не повредить инструмента, а так будет нам чем руки занять, когда устанем от вышивания.

— Не нам, а тебе, — поправила Гвенвифар. — Я всегда считала, что не подобает женщине играть на арфе.

— Не подобает — ну и пусть! — откликнулась Элейна. — А то я тут с ума сойду взаперти, если не найду чем заняться; а пялиться тут на меня некому, даже если бы я вздумала отплясывать в чем мать родила, точно Саломея перед Иродом!

Гвенвифар захихикала, а в следующий миг изобразила праведное возмущение: что подумает мерлин? Но старик от души рассмеялся.

— Я пришлю тебе Моргейнину арфу, госпожа, дабы предавалась ты этому неподобающему занятию в свое удовольствие, — хотя я не вижу в музыке ничего неприличного!

В ту ночь Гвенвифар приснилось, будто рядом с нею стоит Артур, но змеи на его запястьях вдруг ожили и переползли на ее знамя и замарали его холодной мерзкой слизью... Королева проснулась, задыхаясь, хватая ртом воздух, у нее началась рвота; в тот день у нее не нашлось сил подняться с постели. Ближе к вечеру ее навестил встревоженный Артур.

— Не вижу, чтобы уединение пошло тебе на пользу, госпожа, — проговорил он. — И жаль мне, что не поехала ты в Камелот, где так безопасно! Я получил вести от королей Малой Британии: они загнали на скалы тридцать саксонских кораблей, а через десять дней выступим и мы. — Король закусил губу. — Хо-

телось бы мне, чтобы все это уже закончилось и все мы благополучно перебрались в Камелот. Помолись Господу, Гвен, чтобы мы и впрямь приехали туда живые и невредимые. — Артур присел на кровать рядом с женой, Гвенвифар завладела его рукою, но тут ненароком дотронулась пальчиком до змей на запястье — и, задохнувшись от ужаса, отдернула кисть.

— Что такое, Гвен? — прошептал Артур, прижимая жену к себе. — Бедная моя девочка, все сидишь взаперти — вот и расхворалась... этого я и страшился!

Гвенвифар отчаянно пыталась сдержать слезы.

— Мне приснилось... приснилось... ох, Артур, — взмолилась она, резко усаживаясь на постели и отбрасывая покрывала, — как ты только допускаешь, чтобы мерзкий змей подгреб под себя все, как в моем сне... у меня от одной этой мысли сердце разрывается. Посмотри, что я для тебя приготовила! — Она соскочила с кровати как была, босиком, к ткацкому станку. Видишь, оно почти закончено; еще три дня — и я завершу свой труд...

Артур обнял жену за плечи, притянул ее ближе.

— Горестно мне, что все это так много для тебя значит, Гвенвифар. Мне страшно жаль. Я возьму это знамя в битву и подниму его рядом со стягом Пендрагона, если захочешь, но не в моей власти отречься от принесенной клятвы.

— Господь покарает тебя, если ты сдержишь клятву, данную языческому племени, а не Ему, — воскликнула королева. — Он накажет нас обоих...

Артур отвел в сторону цепляющиеся за него руки.

— Бедная моя девочка, ты расхворалась, ты чувствуешь себя несчастной, — это и неудивительно, в таком-то месте! А теперь, увы, отсылать тебя слишком поздно, даже если ты и согласишься; очень может быть, что между Каэрлеоном и Камелотом рыщут саксонские банды. Попытайся успокоиться, любовь моя, — промолвил он, направляясь к двери. Гвенвифар бросилась за ним и удержала мужа за руку.

— Ты на меня не сердишься?

— Сердиться — на тебя? Когда ты так больна и изнервничалась? — Артур поцеловал жену в лоб. — Но более, Гвенвифар, мы к этому разговору возвращаться не будем. А теперь мне нужно уйти. Я жду гонца; он может прибыть с минуты на минуту. Я пришлю Кевина, чтобы сыграл вам. Музыка тебя приободрит. — Он еще раз поцеловал королеву и ушел, а Гвенвифар возвратилась к знамени и принялась лихорадочно, точно одержимая, заканчивать работу.

На следующий день, ближе к вечеру, появился Кевин, с трудом влача изувеченное тело и тяжко опираясь на палку; благодаря переброшенной через плечо арфе он более чем когда-либо походил на чудовищного горбуна: именно так смотрелся его силуэт

на фоне двери. Гвенвифар почудилось, что гость с отвращением поморщился, и внезапно она увидела свою комнату его глазами: повсюду разбросано всевозможное женское барахло, воздух спертый... Кевин воздел руку в благословляющем жесте по обычаю друидов, и Гвенвифар так и передернулась: от почтенного Талиесина она, так и быть, такое приветствие примет, но жест Кевина отчего-то внушил ей безоглядный ужас, как если бы бард задумал заколдовать ее и ребенка при помощи языческого чародейства. Королева украдкой перекрестилась, гадая, заметил ли это гость. Болезненно скривившись, — или так показалось Гвенвифар? — арфист снял арфу с плеча и установил ее на полу.

— Удобно ли тебе, мастер Арфист? Не принести ли чашу вина, смягчить горло перед тем, как ты споешь? — спросила Гвенвифар, и Кевин принял подношение достаточно учтиво. Затем, приметив на станке знамя с крестом, спросил у Элейны:

— Ты ведь дочь короля Пелинора, верно, госпожа? Ты ткешь знамя для отца?

— Руки Элейны трудились над ним столь же много, как и мои, однако знамя это — для Артура, — поспешила ответить Гвенвифар.

Звучный голос Кевина звучал так отстраненно, как если бы он снисходительно хвалил неумелые попытки ребенка, впервые взявшего в руки прялку.

— Красивая вещь; такая роскошно будет смотреться на стене в Камелоте, когда ты туда переберешься, госпожа, но я уверен, что Артур станет сражаться под знаменем Пендрагона, как Артуров отец — до него. Но дамам разговоры о битвах немилы. Не сыграть ли мне? — Кевин коснулся струн — и арфа запела. Гвенвифар зачарованно внимала; служанка подкралась к двери и тоже заслушалась: и ей тоже перепала толика королевского дара. Кевин долго играл в сгущающихся сумерках; наслаждаясь музыкой, Гвенвифар словно перенеслась в мир, где не имели значения ни язычество, ни христианство, где не было ни войны, ни мира, но лишь дух человеческий пламенел на фоне непроглядной тьмы, точно неугасимый факел. Когда же перезвон струн умолк, Гвенвифар не смогла вымолвить ни слова, и в наступившем безмолвии тихо плакала Элейна.

— Словами не передашь, чем мы тебе обязаны, мастер Арфист, — помолчав, выговорила она. — Я могу лишь сказать, что запомню эту музыку на всю жизнь.

Мгновение кривая усмешка Кевина казалась злой издевкой над ее переживаниями и над его собственными чувствами.

— Госпожа, в музыке тот, кто дарит, получает не меньше, чем тот, кто слушает. — И, повернувшись к Элейне, Кевин добавил: — Вижу, у тебя арфа госпожи Моргейны. Так что тебе ведома истина моих слов.

Элейна кивнула.

— Я — лишь начинающая музыкантша, причем из худших, — посетовала она. — Играть я люблю, вот только радости в том никому нет; я бесконечно благодарна моим товаркам за их терпение; слушать, как я сражаюсь с нотами — тяжкое испытание.

— Это неправда; ты сама знаешь, как мы любим твою игру, — возразила Гвенвифар, а Кевин, улыбнувшись, промолвил:

— Пожалуй, арфа — единственный инструмент, который просто не может звучать гадко, как бы дурно на нем ни играли... я вот думаю, не потому ли арфа посвящена Богам?

Гвенвифар поджала губы: ну, надо ли ему портить удовольствие последнего часа, поминая этих своих нечестивых богов? В конце концов, сам он — уродливая гадина, вот кто он такой; если бы не его музыка, его бы ни в один приличный дом не пустили... краем уха королева слышала, что Кевин, дескать, деревенский найденыш. Обижать его Гвенвифар не хотелось, раз уж арфист пришел доставить им удовольствие; она всего лишь отвернулась — пусть с ним Элейна болтает, ежели ей угодно. Королева поднялась на ноги и подошла к двери.

— Ну и душно же здесь — точно из ада жаром повеяло, — раздраженно буркнула она, распахивая дверь.

Через все темнеющее небо, вырываясь откуда-то с севера, проносились огненные копья. На возглас королевы подоспели Элейна со служанкой, и даже Кевин, заботливо убрав арфу в футляр, с трудом дотащился до двери.

— Ох, что же это, что это все предвещает? — воскликнула Гвенвифар.

— Северяне говорят, будто это копья сверкают в стране великанов, — тихо промолвил Кевин. — А когда отсветы видны на земле, это предвещает кровопролитное сражение. А ведь мы и впрямь в преддверии великой битвы: битвы, в которой Артуров легион, госпожа, раз и навсегда, с помощью всех Богов, решит, суждено ли нам жить как людям цивилизованным или навсегда уйти во тьму. Надо было тебе уехать в Камелот, леди. Не должно Верховному королю в такой час еще и на женщин с младенцами отвлекаться.

— Да что ты знаешь о женщинах и детях... и о битвах, если на то пошло, ты, друид? — обернувшись, обрушилась на него Гвенвифар.

— Так это же не первая моя битва, о королева, — невозмутимо отозвался он. — Мою Леди подарил мне один король в знак признательности за то, что я, играя на боевых арфах, способствовал его победе. А ты думаешь, я укрылся бы в безопасности Камелота вместе с девами и христианскими священниками,

этими евнухами в юбках? Только не я, госпожа. Даже Талиесин, в его-то годы, от битвы не побежит. — Воцарилась тишина; а высоко в небесах все полыхало и пламенело огнями северное сияние. — С твоего дозволения, моя королева, должно мне отправиться к лорду моему Артуру и переговорить с ним и с лордом мерлином о том, что предвещают огни в преддверии грядущей битвы.

Гвенвифар почудилось, будто в живот ей вонзился острый нож. Даже этот страхолюдный язычник вправе отправиться к Артуру, а она, его законная супруга, отослана с глаз подальше, хотя носит в себе надежду королевства! Она-то уповала, что, ежели она когда-либо родит Артуру сына, король непременно к ней прислушается, окружит ее уважением, перестанет обращаться с нею, как с никчемной женщиной, которую навязали ему в довесок к приданому из ста коней! Однако вот, пожалуйста, ее вновь запихнули в темный угол, раз уж не удалось от нее избавиться, и даже прекрасное ее знамя никому не нужно!

— Королева моя, тебе недужится? — разом встревожился Кевин. — Леди Элейна, да помоги же ей! — Он протянул Гвенвифар руку — изувеченную, с вывернутым запястьем, и королева заметила, что вокруг запястья обвилась вытатуированная синей краской змея... Гвенвифар резко отшатнулась, с размаху ударила музыканта, едва сознавая, что делает, и Кевин, и без того нетвердо державшийся на ногах, потерял равновесие и тяжело рухнул на каменный пол.

— Прочь от меня, прочь! — задыхаясь, прокричала она. — Не прикасайся ко мне, ты, со своими злокозненными змеями... нечестивый язычник, не смей подпускать своих гнусных змей к моему ребенку...

— Гвенвифар! — Элейна метнулась к ней, но, вместо того чтобы поддержать королеву, заботливо склонилась над Кевином и протянула ему руку, помогая подняться. — Лорд друид, не проклинай ее: она больна и сама не ведает, что делает...

— Ах, значит, не ведаю? — взвизгнула Гвенвифар. — Ты думаешь, я не вижу, как вы все на меня смотрите — словно на дурочку, словно я глухая, немая и слепая? Успокаиваете меня сочувственными речами, а сами за спиной у священников подбиваете Артура на языческие мерзости и нечестие, вы все только и ждете, чтобы отдать нас в руки злобных чародеев... Ступай отсюда прочь, чтобы ребенок мой не родился уродом оттого, что я поглядела на твою гнусную рожу!

Кевин зажмурился, сцепил изувеченные руки — но, не говоря ни слова, повернулся идти и принялся с трудом пристраивать на плечо арфу. Вот он пошарил рукою по полу; Элейна поспе-

шила подать ему палку, и Гвенвифар услышала, как та тихонько прошептала:

— Прости ее, лорд друид, она больна и не ведает...

— Я все отлично понимаю, госпожа. — Музыкальный голос Кевина звучал хрипло и резко. — Думаешь, мне не доводилось слышать от женщин речей столь сладких и прежде? Мне очень жаль; мне хотелось порадовать вас — и только. — Гвенвифар, спрятав лицо в ладонях, слышала, как постукивает об пол палка и как Кевин, спотыкаясь, тяжело бредет через всю комнату. Он ушел, а она все сидела, сжавшись в комочек, закрывая руками лицо... ох, он проклял ее с помощью этих своих гнусных змей, вот они уже жалят и язвят ее, вгрызаются в ее тело, небесные копья слепящего света вонзаются в нее со всех сторон, и в мозгу вспыхивают огни... она слегка пришла в себя, заслышав возглас Элейны.

— Гвенвифар! Кузина, да погляди же на меня, поговори со мною! Ах, сохрани нас Пресвятая Дева... Пошлите за повитухой! Глядите, кровь...

— Кевин, — пронзительно завизжала Гвенвифар. — Кевин проклял мое дитя... — Она резко выпрямилась, колотя кулаками по каменной стене; все тело ее бичевала невыносимая боль. — А, Господи, помоги мне, пошлите за священником, за священником пошлите, может быть, он сумеет снять проклятие... — и, не обращая внимание на текущие по ногам воды и кровь, она кое-как дотащилась до тканого знамени, исступленно осеняя себя крестом снова и снова, пока не провалилась во тьму и ночной кошмар.

Лишь спустя много дней Гвенвифар осознала, что была серьезно больна и что едва не истекла кровью, выкинув четырехмесячного младенца, слишком крохотного и слабого, чтобы выжить...

«*Артур. Вот теперь он наверняка меня возненавидит, я даже ребенка его выносить не смогла... Кевин, это Кевин проклял меня своими змеями...*» Ей снились жуткие сны про драконов и копья, и однажды, когда к ней пришел Артур и попытался приподнять ей голову, Гвенвифар в ужасе отпрянула от змей, что словно извивались на его запястьях.

И даже когда опасность миновала, слабость упорно не желала отступать; королева лежала неподвижно, вялая, ко всему равнодушная, и по лицу ее струились слезы: у нее не хватало сил даже на то, чтобы их вытереть. Нет, она, видно, ума лишилась, если вбила себе в голову, будто это Кевин ее проклял; это ей верно, в бреду померещилось... ведь это не первый ее выкидыш, а если кто и виноват, так она сама, раз осталась здесь, вдали от

общества своих дам, — тут ни свежего воздуха нет, ни свежей еды, ни возможности размяться.

Больную навестил замковый капеллан и тоже подтвердил, что считать, будто Кевин ее проклял — это сущее неразумие... Конечно, Господь никогда не стал бы ее карать рукою языческого жреца.

— Не спеши перекладывать вину на чужие плечи, — сурово объявил святой отец. — Если здесь и есть чья-то вина, то не твоя ли? Нет ли у тебя на совести какого-либо тайного греха, леди Гвенвифар?

Тайного? Конечно же, нет! Давным-давно покаялась она в любви своей к Ланселету — и получила отпущение, и с тех пор тщилась думать лишь о законном своем супруге. Нет, дело не в этом... и все-таки, все-таки...

— Я не смогла убедить... не хватило у меня сил убедить Артура отказаться от языческих змей и знамени Пендрагона, — слабо посетовала она. — Неужто Господь покарал бы за это моего ребенка?

— Лишь тебе одной ведомо, что у тебя на совести, госпожа. И не говори о каре, что якобы настигла ребенка... дитя твое на лоне Христовом... а наказывает Господь лишь тебя с Артуром, если это и впрямь наказание, о чем не мне судить, — чопорно добавил священник.

— Но что же мне сделать, чтобы искупить мой грех? Что сделать мне, чтобы Господь послал Артуру сына ради Британии?

— А ты воистину сделала все, что в твоих силах, дабы дать Британии христианского короля? Или, может быть, сдерживаешь ты слова, кои должно бы произнести вслух, тщась угодить своему мужу? — неумолимо вопрошал священник. Со временем капеллан ушел; Гвенвифар осталась лежать неподвижно, глядя на знамя. Она знала: ныне каждую ночь в небесах полыхают огни, предрекая великую битву, что уже близка; однако же некогда римский император узрел в небе знак креста, и судьба всей Британии изменилась безвозвратно. Ах, если бы только она сумела донести сей знак до Артура...

— Ну же, помоги мне подняться, — велела она служанке. — Должно мне закончить знамя, что Артур возьмет с собою в битву.

В тот вечер в покои королевы пришел Артур; она как раз прокладывала последние стежки, а женщины зажигали светильники.

— Ну, как ты, родная моя? Рад я, что вновь вижу тебя на ногах и за работой, — промолвил он, целуя жену. — Милая моя, не нужно так горевать... ни одна женщина не родила бы здорового ребенка во время столь напряженное, когда в любой момент того и гляди битва начнется... Воистину, надо было мне отослать тебя в Камелот. Мы еще молоды, моя Гвенвифар, может статься,

Господь еще пошлет нам много детей. — Однако по беспомощному выражению его лица Гвен видела: Артур разделяет ее горе.

Королева сжала руку мужа и заставила присесть рядом с собою на скамью перед ткацким станком.

— Ну, разве не красиво? — спросила она, точно ребенок, вымаливающий похвалу.

— Чудо как хорошо. Я думал, в жизни своей не увижу работы более тонкой, чем эта, — и Артур положил руку на ножны алого бархата, неизменно висящие у него на поясе, — но твое знамя еще лучше.

— А я ведь в каждый стежок вплела молитвы за тебя и твоих соратников, — умоляюще промолвила она. — Артур, послушай меня — как думаешь, разве не может того быть, что Господь покарал нас, ибо счел, что недостойны мы дать этому королевству следующего короля, ты и я, разве что принесем обет служить Ему верно и преданно, и не по языческим обычаям, но по новому закону, под дланью Христа? Все силы языческого зла объединились против нас, и должно нам сразиться с ними при помощи креста.

Артур накрыл ладонью руку жены.

— Полно, родная моя. Ты же знаешь, я служу Господу как могу...

— И все же ты возносишь над своими людьми языческое знамя со змеями, — воскликнула она, и Артур горестно покачал головой.

— Любовь моя, не могу я обмануть и предать Владычицу Авалона, возведшую меня на трон...

— На трон тебя возвел Господь и никто иной, — убежденно промолвила Гвенвифар. — Ох, Артур, если ты меня любишь, если хочешь, чтобы Господь послал нам другого ребенка, послушайся меня! Или ты не видишь, что Он покарал нас, забрав нашего сына к себе?

— Не говори так, — твердо оборвал ее Артур. — Безрассудство и суеверие — думать, будто Господь способен на такое. Я пришел с долгожданной вестью: саксы собирают силы, и мы выступаем в поход, чтобы дать им бой у горы Бадон! И весьма жалею я, что ты нездорова и не можешь выехать в Камелот, но, увы, не бывать тому... по крайней мере пока...

— Ах, я отлично знаю, что я для тебя — лишь обуза, — с горечью воскликнула королева. — Так всегда было... жаль, что я не умерла вместе с моим ребенком!

— Нет-нет, не след тебе так говорить, — ласково произнес Артур. — Я более чем уверен, что с моим добрым мечом Эскалибуром и всеми моими соратниками мы одержим победу. А ты молись за нас денно и нощно, моя Гвенвифар. — И, поднявшись, Артур добавил: — До рассвета мы не выступим. Я попыта-

юсь выкроить время и зайти попрощаться с тобою перед тем, как армия двинется в путь; и твой отец тоже навестит тебя, и Гавейн, а возможно, и Ланселет: он шлет тебе привет и поклон, моя Гвенвифар; он очень встревожился, услышав, как тебе недужится. Сможешь ли ты поговорить с ними, если они придут?

Королева склонила голову.

— Я исполню волю моего короля и лорда, — с горечью отозвалась она. — Да, пусть они придут, хотя дивлюсь я, что ты берешь на себя труд попросить меня о молитвах... я даже не в силах убедить тебя отказаться от языческого знамени и поднять Христов крест... И, вне сомнения, Господу ведомо твое сердце, ибо Господь не позволил тебе выехать в битву с верою, что сын твой станет править в этой земле, ибо не решился ты еще утвердить в сей земле христианство...

Артур умолк, выпустил ее руку; Гвенвифар чувствовала, как муж смотрит на нее сверху вниз. Наконец Артур наклонился, взял ее за подбородок, развернул лицом к себе. И тихо произнес:

— Дорогая моя госпожа, любовь моя ненаглядная, во имя Господа, неужто ты и вправду в это веришь?

Не в силах произнести ни слова, Гвенвифар кивнула, точно ребенок, вытирая нос рукавом платья.

— Говорю тебе, дорогая моя госпожа, перед лицом Господа: не верю я, что Господь так утверждает свою волю, и не думаю, что это так уж важно — какое знамя мы подъемлем. Однако если для тебя это так много значит... — Король помолчал, судорожно сглотнул. — Гвенвифар, мне невыносимо видеть тебя в таком горе. Если я возьму в битву это знамя Христа и Пресвятой Девы, перестанешь ли ты скорбеть и от всего сердца помолишься ли за меня Господу?

Мгновенно преобразившись, Гвенвифар подняла глаза; сердце ее взыграло от неуемной радости. Неужто Артур и впрямь сделает это ради нее?

— Ох, Артур, я молилась, я так молилась...

— Так тому и быть, — вздохнув произнес Артур, — я клянусь тебе, Гвенвифар, что в битву я возьму лишь твое знамя, знамя Христа и Пресвятой Девы, и никаких иных стягов над моим легионом развеваться не будет. Да будет так, аминь. — Артур поцеловал ее, однако в лице его читалась глубокая печаль. Она сжала руки мужа, покрыла их поцелуями, и впервые Гвенвифар показалось, что змеи на его запястьях ничего такого не значат — просто поблекшие изображения, не более; воистину, она была безумна, когда сочла, что змеи эти обладают властью повредить ей или ее ребенку.

Артур кликнул оруженосца, дожидающегося у дверей комнаты, и велел ему бережно и осторожно забрать знамя и водрузить его над лагерем.

— Ибо завтра на рассвете мы выступаем, — объявил король, — и пусть все видят: над Артуровым легионом развевается знамя моей госпожи с изображением Пресвятой Девы и креста.

Оруженосец оторопел.

— Сир... лорд мой... а как же знамя Пендрагона?

— Отнеси его к эконому и вели убрать куда-нибудь. Мы выступаем под стягом Господа.

Оруженосец ушел; Артур улыбнулся жене, однако в улыбке этой не ощущалось особой радости.

— Я навещу тебя на закате, вместе с твоим отцом и нашими родственниками. Тут мы и отужинаем; я велю экономам принести снеди на всех. Не след обременять Элейну заботами о столь многих. А до тех пор прощай, дорогая жена. — И Артур скрылся за дверью.

В итоге скромный ужин накрыли в одном из малых залов: в покоях королевы столько народу просто не разместилось бы. Гвенвифар и Элейна нарядились в лучшие свои платья из тех, что еще оставались в Каэрлеоне, и вплели в волосы ленты; обе с восторгом предвкушали что-то вроде праздника после сурового заточения последних недель. Угощение — по чести говоря, немногим лучше армейских пайков — накрыли на раскладных столиках. Большинство престарелых советников Артура отослали в Камелот, включая и епископа Патриция; зато на ужин пригласили мерлина Талиесина, и короля Лота, и короля Уриенса Уэльского, и герцога Марка Корнуольского, и Ланселетова сводного брата Лионеля из Малой Британии, старшего сына и наследника короля Бана. Был там и Ланселет; улучив минуту, он подошел к королеве и поцеловал ей руку, с безнадежной нежностью заглянув ей в глаза.

— Ты поправилась, госпожа моя? Я за тебя тревожился. — И, воспользовавшись полумраком, поцеловал ее — легонько, точно перышком задел, прикоснулся теплыми губами к ее виску.

Подошел и король Леодегранс и, сердито хмурясь и супясь, поцеловал ее в лоб.

— Мне страх как жаль, что ты расхворалась, дорогая моя, и ребенка тоже жаль; воистину Артуру следовало спровадить тебя в Камелот, силком запихнув в носилки; так поступил бы я с Альенор, вздумай она мне перечить, — бранился король. — А теперь вот сама видишь: зря ты осталась, еще как зря!

— Не упрекай ее, — мягко вмешался Талиесин, — она довольно выстрадала, лорд мой. Ежели Артур не считает нужным ее бранить, так отцу и вовсе не след.

— А кто таков герцог Марк? — тактично сменила тему Элейна.

— Он — кузен Горлойса Корнуольского, погибшего незадолго до того, как Утер взошел на трон, — пояснил Ланселет. — Герцог Марк просил Артура, чтобы, если мы одержим победу у

горы Бадон, король отдал ему Корнуолл, посредством брака с родственницей нашей Моргейной.

— Идти за такого старика? — потрясенно охнула Гвенвифар.

— Думаю, выдать Моргейну за человека постарше было бы только разумно: красота ее не такова, чтобы привлечь жениха помоложе, — промолвил Ланселет. — Зато она умна, образованна, и, собственно говоря, герцог Марк просит ее руки не для себя самого, но для племянника Друстана, а Друстан — один из лучших корнуольских рыцарей. Артур сделал его своим Соратником — сейчас, накануне битвы. Хотя, скорее всего, ежели Моргейна ко двору не вернется, этот Друстан женится на дочке старого бретонского короля Хоуэлла. — Ланселет фыркнул себе под нос. — Придворные сплетни о браках да свадьбах — неужто нам и поговорить больше не о чем?

— А что, — храбро промолвила Элейна, — скоро ли ты объявишь нам о своей свадьбе, сэр Ланселет?

Рыцарь галантно наклонил голову:

— В тот день, когда твой отец предложит мне тебя, леди Элейна, я ему не откажу. Однако похоже на то, что отец твой предпочтет подыскать тебе жениха побогаче, чем я; а поскольку госпожа моя уже замужем, — Ланселет поклонился королеве, и в глазах его Гвенвифар прочла неизбывную печаль, — жениться я не тороплюсь.

Закрасневшись, Элейна уставилась в пол.

— Я пригласил и Пелинора, да только он решил остаться в лагере со своими людьми, готовясь к выступлению. Часть повозок уже тронулись в путь. Глядите-ка, — Артур указал на окно. — Северные копья вновь полыхают над нашими головами!

— А разве Кевина Арфиста с нами не будет? — полюбопытствовал Ланселет.

— Я велел ему прийти, коли захочет, — отозвался Талиесин, — да только Кевин сказал, что предпочел бы не оскорблять королеву своим присутствием. Вы, никак, поссорились, Гвенвифар?

Королева опустила глаза.

— Я наговорила ему резкостей, будучи больна и истерзана болью. Если ты его увидишь, лорд друид, не скажешь ли ему, что я от всего сердца прошу у него прощения? — Сидя рядом с Артуром и зная, что знамя ее уже развевается над лагерем, Гвенвифар чувствовала, что ее переполняет любовь и сострадание ко всем на свете, даже к злополучному барду.

— Думается мне, Кевин знает, что ты говорила так в ожесточении на собственные свои несчастья, — мягко отозвался Талиесин. Что же именно рассказал ему молодой друид, гадала про себя Гвенвифар.

Резко распахнулась дверь — и в зал ворвались Лот с Гавейном.

— Что же это такое происходит, лорд мой Артур? — воззвал Лот. — Знамя Пендрагона, за которым мы поклялись следовать, не развевается более над лагерем, и Племена немало тем встревожены... скажи мне, что ты наделал?

В свете факелов Артур казался бледным как полотно.

— Мы — христианский народ, и сражаемся мы под знаменем Христа и Пресвятой Девы; только-то, кузен.

Лот сурово свел брови.

— Лучники Авалона поговаривают о том, чтобы покинуть войско. Артур, поднимай это свое Христово знамя, ежели так велит тебе совесть, но только пусть рядом с ним развевается и стяг Пендрагона со змеями мудрости, или армия твоя рассеется, и не будет в ней того единства, что сплачивало воинов на протяжении всего долгого срока томительного ожидания! Или ты ни во что не ставишь это рвение и этот пыл? А ведь пикты славны тем, что уже перебили немало саксов; да и впредь не оплошают. Заклинаю тебя, не отнимай у них знамени, не отказывайся от их верности!

Артур смущенно улыбнулся:

— Подобно тому императору, что узрел в небе знак креста и воззвал: «*Вот — залог победы нашей*», — подобно ему, говорю, поступим и мы. Ты, Уриенс, сражаешься под знаком орлов Рима, тебе эта повесть известна.

— Известна, король мой, — отозвался Уриенс, — но разумно ли обижать народ Авалона? Лорд мой Артур, запястья твои, — равно как и мои так же, — украшены изображениями змей, как память о земле более древней, нежели земля Христа.

— Но если мы одержим победу, жить нам в обновленной земле, — возразила Гвенвифар, — а ежели потерпим поражение, так все это неважно.

При этих словах Лот обернулся к ней и воззрился на нее с нескрываемым отвращением.

— Я так и знал, что это — твоих рук дело, королева моя.

Гавейн встревоженно подошел к окну и оглядел сверху лагерь.

— Я отсюда вижу, как суетятся они вокруг костров, — малый народец, стало быть, и с Авалона, и из твоих краев, король Уриенс. Артур, кузен мой, — рыцарь шагнул к королю, — заклинаю тебя, как старший из твоих соратников, возьми в битву знамя Пендрагона ради тех, кто хотел бы за ним следовать.

Артур замялся было, но, поймав сияющий взгляд Гвенвифар, улыбнулся жене и промолвил:

— Я дал клятву. Если мы победим в битве, наш сын станет править землею, объединенной под знаком креста. Я не стану никого принуждать в вопросах веры, однако, как говорится в Священном Писании, «я и дом мой будем служить Господу».

Ланселет вдохнул поглубже — и отошел от Гвенвифар.

— Лорд мой и король, напоминаю тебе: я — Ланселет Озерный, и я чту Владычицу Авалона. Во имя нее, король мой, — а она друг твой и твоя благодетельница, — я умоляю тебя о милости: позволь мне самому поднять в битве знамя Пендрагона. Так ты исполнишь свой обет — и не нарушишь клятвы, данной Авалону.

Артур вновь замялся. Гвенвифар чуть заметно покачала головой, Ланселет глянул на Талиесина. Сочтя всеобщее молчание знаком согласия, рыцарь уже направился к выходу, когда тишину нарушил Лот:

— Артур, нет! И без того в народе судачат о том, что Ланселет, дескать, твой наследник и любимчик! Если он отправится в битву под знаменем Пендрагона, все сочтут, что ты передал свой стяг ему, и в стране возникнет раскол: твои сторонники пойдут за крестом, а Ланселетовы — за драконом.

— Ты сражаешься под собственным знаменем, равно как и Леодегранс, равно как и Уриенс, и герцог Марк Корнуольский... так отчего бы мне не биться под стягом Авалона? — яростно обрушился на него Ланселет.

— Но знамя Пендрагона — это знамя всей Британии, объединенной под властью Великого Дракона, — отозвался Лот, и Артур со вздохом кивнул.

— Нам должно сражаться под *одним* стягом, и стяг этот — со знаком креста. Мне жаль отказать тебе хоть в чем-то, кузен мой, — Артур завладел рукою Ланселета, — но этого я дозволить не могу.

Ланселет постоял немного, крепко сжав губы и явно борясь с гневом, а затем отошел к окну.

— Среди моих северян толкуют... говорят, будто это — те самые саксонские копья, с которыми нам предстоит иметь дело; и дикие лебеди стонут, и всех нас ждут вороны...

Гвенвифар встала; рука ее надежно покоилась в мужниной.

— «Вот — залог победы нашей...» — тихо произнесла она, и Артур крепче сжал ее пальцы.

— Да хотя бы против нас ополчились все силы ада, а не только саксы, госпожа моя, пока рядом со мною мои соратники, я просто не могу не победить. Тем более что со мною — ты, Ланселет, — промолвил Артур, привлекая его ближе к себе с королевой. Минуту Ланселет стоял неподвижно, с искаженным от гнева лицом, а затем, глубоко вздохнув, проговорил:

— Король Артур, да будет так. — Но... — Ланселет помолчал, и Гвенвифар, будучи совсем рядом с ним, чувствовала, что все его тело бьет крупная дрожь. — Не знаю, что скажут на Авалоне, узнав о случившемся, лорд мой и мой король.

На мгновение в зале воцарилась гробовая тишина; высоко в

небесах полыхало северное сияние — огненные копья, прилетевшие с севера.

А затем Элейна задернула занавеси, отгородившись от знамений, и весело воскликнула:

— Садитесь же за трапезу, лорды! Ибо если ехать вам на битву с рассветом, по крайней мере, голодными вы не отправитесь; мы уж для вас расстарались!

Но снова и снова, пока шла трапеза, а Лот, Уриенс и герцог Марк обсуждали с Артуром стратегию и размещение войск, Гвенвифар ловила на себе взгляд темных Ланселетовых глаз, исполненный скорби и ужаса.

Глава 13

Моргейна, уезжая от Артурова двора в Каэрлеоне и испросив разрешения лишь навестить Авалон и свою приемную мать, думала только о Вивиане — лишь бы не вспоминать то, что произошло между нею и Ланселетом. Когда же мысли ее ненароком возвращались к случившемуся, ее опаляло жгучим, точно каленое железо, стыдом; она-то вручила себя Ланселету со всей искренностью, по обычаю древности, а ему ничего от нее не было нужно, кроме детских шалостей: что за издевка над ее женственностью! Моргейна сама не знала, злится ли на Ланселета или на себя саму, на то, что Ланселет лишь играл с нею, или на то, что сама она его так жаждала...

Снова и снова сожалела она о произнесенных в запале резких словах. И зачем она вздумала осыпать его оскорблениями? Он — таков, каким создала его Богиня, не лучше, но и не хуже. А порою, скача на восток, Моргейна чувствовала, что сама во всем виновата: давняя насмешка Гвенвифар, — «*маленькая и безобразная, как фэйри*» выжигала ей мозг. Если бы только она могла дать больше, если бы она была так же прекрасна, как Гвенвифар... если бы она удовольствовалась тем, что в силах дать он... и тут мысли ее устремлялись в ином направлении: Ланселет оскорбил ее и в ее лице — саму Богиню... Измученнная подобными думами, она ехала через край зеленых холмов. А спустя какое-то время принялась размышлять о том, что ждет ее на Авалоне.

Она покинула Священный остров, не испросив дозволения. Она отреклась от сана жрицы, бросив даже крохотный серповидный нож посвящения; и в последующие годы носила такую прическу, чтобы волосы закрывали лоб и никто не видел вытатуированного там синего полумесяца. Теперь в одной из деревень она обменяла крохотное позолоченное колечко на малость синей краски — той, которой пользуются Племена, — и обновила поблекший знак.

«Все это произошло со мною только потому, что я нарушила клятвы, данные Богине...» — и тут Моргейна вспомнила, как Ланселет в отчаянии уверял, будто нет ни богов, ни богинь, но лишь идолы, — в эту форму охваченные ужасом люди облекают все то, что не в силах постичь с помощью разума.

Но даже если так оно и есть, вины Моргейны это не умаляет. Ибо неважно, в самом ли деле выглядит Богиня так, как думают люди, или она — лишь еще одно из имен для природы великой и непознаваемой, все равно она, Моргейна, изменила храму и тому образу жизни и мыслей, что принимала под клятвой, и отреклась от великих токов и ритмов земли. Она вкушала пищу, для жрицы запретную, убивала зверей, птиц и растения, даже не благодаря за то, что часть Богини принесена в жертву ради ее блага, она жила бездумно, она вручала себя мужчине, даже не пытаясь узнать волю Богини в том, что касается ее солнечных сроков, ради одного лишь удовольствия и в похоти, — нет, напрасно она ждет, что сможет как ни в чем не бывало возвратиться и все будет как встарь. И, проезжая через холмы, сквозь зреющие нивы и благотворный дождь, она все мучительнее и мучительнее сознавала, как далеко ушла от учения Вивианы и Авалона.

«А ведь различие лежит куда глубже, чем мне казалось. Даже земледельцы, будучи христианами, приходят к образу жизни, от земли далекому; они уверяют, что Господь дал им власть над всем, что произрастает на земле, и над всяким зверем рыскающим. В то время как мы, обитатели холмов и болот, лесов и дальних полей, мы-то знаем, что не мы обладаем властью над природой, но она властвует над всеми нами, с того самого мгновения, как вожделение пробуждается в чреслах отцов наших и желание — в лоне наших матерей, дабы произвести нас на свет по ее воле, до того мига, как мы начинаем шевелиться во чреве и в назначенный ей срок попадаем в мир, до тех пор, когда жизни растения и зверя приносятся в жертву, чтобы накормить, запеленать, и одеть нас, и дать нам силы жить... все, все это во власти Богини, и без ее благодатной милости никто из нас не вдохнул бы ни разу, но все стало бесплодным и умерло бы. И даже когда наступает время бесплодия и смерти, дабы наше место на земле могли занять другие, и это тоже — ее деяние, ибо она — не только Зеленая Госпожа плодоносной земли, но и Темная Госпожа семени, что таится под снегом, и ворона и ястреба, что несут смерть замешкавшимся, и червя, что незримо трудится, истребляя то, что отслужило свой срок; в итоге итогов она — Госпожа уничтожения и смерти...»

И, вспомнив обо всем об этом, Моргейна наконец-то поняла: то, что произошло у нее с Ланселетом — сущая мелочь; величайший ее грех — не в истории с Ланселетом, но в ее собственном сердце, ибо отвернулась она от Богини. Какая разница, что

священники почитают за добро, добродетель, грех или позор? Раны, нанесенные ее гордости, не что иное, как благое очищение.

«*Богиня займется Ланселетом в свой срок и по своему выбору. И не мне о том судить*». В тот миг Моргейне думалось, что никогда не видеть кузена — это лучшее, что только может произойти.

Нет, нечего и надеяться, что ей дозволят вернуться на место избранной жрицы... но, возможно, Вивиана сжалится над нею и разрешит ей искупить свои грехи перед Богиней. В ту минуту Моргейне казалось, что она охотно удовольствуется участью служанки или смиренной полевой работницы, лишь бы только остаться на Авалоне. Она ощущала себя больным ребенком, что бежит преклонить голову на колени матери и выплакаться всласть... она пошлет за своим сыном, пусть воспитывается на Авалоне, среди жрецов, она никогда более не сойдет с того пути, которому обучалась...

И когда впереди впервые показался зеленый Холм — да-да, именно он, его ни с чем не перепутаешь, — что гордо вознес главу свою над окрестными возвышенностями, по лицу Моргейны потекли слезы. Она возвращается домой, домой, в родные места, к Вивиане; она постоит в кругу камней и помолится Богине, чтобы провинности ее простились и затянулись раны и чтобы смогла она вернуться на то место, откуда исторгли ее собственная гордость и своеволие.

А Холм словно затеял поиграть с нею в прятки: он то показывался, вздымаясь между возвышенностей, точно напрягшийся фаллос, а то прятался среди холмов поменьше или терялся в сырых туманах; но, наконец, всадница выехала к берегам Озера, к тому самому месту, куда прибыла некогда с Вивианой невесть сколько лет назад.

Перед нею простерлись пустынные воды, тускнеющие в вечерних сумерках. На фоне алого отсвета в небе темнели голые тростники; и в предзакатном мареве смутно различались вдали очертания острова Монахов. Однако ничто не всколыхнулось, ничто не нарушило недвижность вод, хотя в страстную попытку достичь Священного острова и призвать ладью она вложила все свое сердце и мысли... Целый час простояла она там недвижно, и вот землю накрыла тьма, и Моргейна поняла, что потерпела неудачу.

Нет... ладья не приплывет за нею ни нынешней ночью, ни когда-либо. Ладья прибыла бы за жрицей, за избранной, лелеемой воспитанницей Вивианы, но не за беглянкой, что четыре года прожила при королевских дворах, не признавая над собою иной воли, кроме собственной. Некогда, давным-давно, в пору инициации, ее изгнали с Авалона, и испытание на то, имеет ли

она право называться жрицей или нет, заключалось в одном лишь: ей полагалось вернуться самой, без посторонней помощи.

Вызвать ладью она не могла; душа ее содрогалась от страха при мысли о том, чтобы прокричать вслух слово силы, призывающее ладью сквозь туманы. Она, утратившая право называться дочерью Авалона, не способна повелевать ладьей. И вот на воде угасли все краски, и последний отсвет солнца померк в сумеречном тумане; Моргейна же с тоской глядела на дальний берег. Нет, позвать ладью она не дерзнет; но ведь на Авалон есть и другой путь, нужно лишь обойти Озеро, а там переправиться по тайной тропе через болото и отыскать дорогу в сокрытый мир. Изнывая от одиночества, Моргейна двинулась в обход, ведя коня в поводу. Неясно темнеющая в сумерках громадная фигура жеребца, его шумное, всхрапывающее дыхание служили ей утешением и поддержкой, пусть и слабой. В самом худшем случае она заночует на берегу Озера; в конце концов, спать в одиночестве под открытым небом ей не впервой. А с утра она отыщет-таки дорогу. Моргейна вспомнила, как много лет назад, переодевшись в чужую одежду, одна добиралась она до двора Лота, что далеко на севере. Разбаловали ее беззаботное житье и придворная роскошь, что и говорить, однако, если нужно, она то же самое проделает снова.

Вокруг царило странное безмолвие; тишину не нарушал ни колокольный звон с острова Монахов, ни пение из обители, ни птичьи крики, как если бы шла она через зачарованные земли. Вскорости Моргейна отыскала нужное ей место. Быстро темнело; во мраке каждое дерево и каждый куст принимали зловещие очертания, превращаясь в странных, непостижимых чудищ и драконов. Однако Моргейна мало-помалу вновь обретала склад ума, присущий ей во времена ее житья на Авалоне: здесь ничего не повредит ей, если сама она вреда не замышляет.

Она двинулась по тайной тропе. Где-то на середине ей придется пройти сквозь туманы, иначе путь выведет ее лишь в огород монахов за монастырем. Молодая женщина твердо приказала себе перестать думать о сгущающейся тьме и, погрузившись в созерцательное безмолвие, сосредоточить все мысли на том, куда ей так хочется попасть. Вот так, каждым шагом словно сплетая вязь заклинаний, словно поднимаясь в спиральном танце по дороге, вьющейся по склонам Холма и уводящей к кольцу камней, неслышно продвигалась она вперед, полузакрыв глаза, всякий раз тщательно примериваясь, куда ступить. Повеяло холодом: это вокруг нее сгущались туманы.

Вивиана не усматривала большого зла в том, что воспитанница ее возлегла с собственным сводным братом и родила ему дитя... этот сын древнего королевского рода Авалона — более король, нежели сам Артур. А если бы она зачала ребенка от Лан-

селета, тогда мальчик воспитывался бы на Авалоне и стал бы одним из величайших друидов. А теперь — что станется с ее сыном теперь? Зачем она отдала Гвидиона в руки Моргаузе? «*Я — дурная мать*, — думала про себя Моргейна, — *надо было послать за сыном*». Однако ей вовсе не хотелось, глядя в лицо Артура, сообщать ему о ребенке. Еще не хватало, чтобы священники и дамы двора глазели на нее и перешептывались: «*А это — та самая женщина, что родила ребенка от Увенчанного Рогами по древнему языческому обычаю Племен, — эти варвары, знаете ли, размалевывают себе лица, надевают рога и бегают с оленями, точно дикие звери...*» Мальчик хорошо устроен там, где он есть, при дворе Артура ему не место, а ей что прикажете делать с трехлетним мальчуганом, цепляющимся за ее юбки? Тем паче Артуровым сыном?

Однако порою Моргейна задумывалась о сыне и вспоминала, как вечерами ей приносили дитя — уже накормленное, чистенькое, благоухающее, и она часами сиживала, укачивая его на руках, напевая ему колыбельную, ни о чем не размышляя... и все ее существо переполняло бездумное счастье... когда еще была она так счастлива? «*Только раз в жизни*, — сказала себе Моргейна, — *когда мы с Ланселетом лежали на Холме в солнечном свете и еще когда охотились на болотную птицу у берегов Озера...*» И тут, заморгав, молодая женщина осознала, что к этому времени должна бы уже оказаться дальше этого места, миновать туманы и ступить на твердую землю Авалона.

И, в самом деле, болота исчезли: Моргейну окружали деревья, под ногами вилась натоптанная тропа, а к огороду монахов и к надворным постройкам она вовсе не вышла. Сейчас ей полагалось оказаться на поле за Домом дев, что примыкает к саду; теперь ей хорошо бы придумать, что она скажет, когда ее найдут, какие слова произнесет, дабы убедить обитателей Авалона в том, что имеет право здесь быть. А имеет ли? Кажется, темнота понемногу рассеивается; наверное, встает луна... со времени полнолуния минуло три-четыре дня, так что вскорости света окажется довольно, чтобы отыскать дорогу. И напрасно было бы ждать, что каждое дерево, каждый кустик останутся в точности такими же, какими Моргейна их запомнила, живя на Острове. Моргейна вцепилась в поводья, внезапно испугавшись, что заблудится на некогда знакомой дороге.

Нет, и впрямь светлеет; вот теперь деревья и кусты можно рассмотреть во всех подробностях. Но если встала луна, отчего ее не видно над деревьями? Уж не описала ли она случаем круг, пока шла вперед, полузакрыв глаза, пробираясь по тропинке, пролегающей сквозь туманы и между мирами? Если бы хоть какую-нибудь знакомую веху разглядеть! Облака расступились,

над головою темнело чистое небо; даже туманы развеялись, но звезд Моргейна не различала.

Может, она слишком долго пробыла вдали от небес и звезд? И встающей луны — ни следа, хотя давно ей пора показаться...

И тут Моргейну словно окатили ушатом холодной воды, и кровь в ее жилах застыла, превратилась в лед. Тот день, когда она отправилась искать корешки и травы, чтобы избавиться от плода... неужто она опять ненароком забрела в зачарованную страну, что не принадлежит ни миру Британии, ни потаенному миру, куда магия друидов перенесла Авалон, — в эту древнюю, темную землю, где нет ни солнца, ни звезд?..

Усилием воли она уняла неистово колотящееся сердце, схватила поводья и прижалась к теплому, конскому боку, ощущая надежность упругой плоти, костей и мускулов и тихие всхрапывания у самой щеки — вполне настоящие, не иллюзорные. Наверняка, если немного постоять вот так, неподвижно, и подумать хорошенько, она сумеет отыскать дорогу... Однако в груди уже всколыхнулся страх.

«*Мне не дано вернуться. Я не в силах вернуться на Авалон, я недостойна, я не могу пробиться сквозь туманы...*» В день инициации на краткий миг она ощутила нечто подобное, но решительно прогнала страх.

«*Но тогда я была совсем юна и невинна. В ту пору я не предала еще Богиню и тайные доктрины, не предала саму жизнь...*»

Моргейна изо всех сил старалась совладать с накатывающей паникой. Страх — это самое худшее. Страх отдает ее во власть любого несчастья. Даже дикие звери того и гляди почуют источаемый телом страх и придут и нападут на тебя, в то время как от смелого бросятся восвояси. Вот почему храбрейший из мужей может бегать с оленями, не подвергаясь ни малейшей опасности, пока кожа его не запахнет страхом... не потому ли, гадала про себя Моргейна, принято украшать тело едкой синей краской из вайды, что она перебивает запах страха? Пожалуй, воистину отважна женщина или муж, чье сознание не порождает образов того, что *может* случиться, если все пойдет не так, как хотелось бы.

Здесь ничего не в силах повредить ей, даже если допустить, что она и впрямь забрела в волшебную страну. Однажды ей уже довелось побывать здесь, но женщина, над ней насмеявшаяся, не причинила ей зла и даже угрожать не пыталась. Фэйри древнее самих друидов, но и они тоже в обычаях своих и в жизни повинуются воле и закону Богини, так что очень может статься, что кто-нибудь из здешних сумеет направить ее на правильный путь. В любом случае бояться нечего: никого она не встретит и проведет ночь в одиночестве, среди деревьев.

Но вот впереди забрезжил свет: не тот ли, что горит во дворе Дома дев? Если так, ну что ж, тогда она вскорости окажется дома;

а если нет, так она спросит дорогу у первого же встречного. А если она забредет ненароком на остров Монахов и столкнется с кем-нибудь из священников, тогда, чего доброго, святой отец испугается ее, приняв за женщину-фэйри. Любопытно, а не случается ли женщинам-фэйри время от времени являться сюда и соблазнять монахов; вполне разумно предположить, что здесь, в святилище самой Богини, какой-нибудь священник, наделенный большим воображением, нежели его собратья, ощутит вибрацию этого места и поймет, что его образ жизни — не что иное, как отречение от сил, заключенных в ритмичном пульсе мира. Монахи скорее отрицают жизнь, нежели утверждают, начиная от жизни сердца и природы и вплоть до той жизни, что сводит вместе мужчину и женщину...

«Будь я Владычицей Авалона, в ночь народившейся луны я бы выслала в обитель монахов своих дев, дабы показать им, что над Богиней нельзя насмехаться и нельзя отвергать ее, что они — мужчины и что женщины — отнюдь не порочное орудие их вымышленного дьявола... и что Богиня непременно возьмет свое... да-да, на праздник Белтайн или в день середины лета...

Или эти безумные священники велят девам убираться прочь и сочтут их демонами, явившимися, дабы вводить в соблазн праведников?» И на краткий миг в сознании ее зазвучал голос мерлина: *«Да будет всяк свободен служить тому Богу, что более ему по душе».*

«Даже тот, кто отрицает самую жизнь земли?» — дивилась про себя Моргейна. Хорошо зная, что Талиесин ответил бы: *«Да, даже он».*

Вот теперь среди деревьев она ясно различала очертания факела на высоком шесте, полыхающего желто-синим пламенем. На мгновение свет ослепил ее — а в следующий миг она разглядела человека, держащего факел. Невысокий и смуглый, не друид и не жрец; из одежды на нем была лишь набедренная повязка из шкуры пятнистого оленя, голые плечи прикрыты чем-то вроде темного плаща; он походил на человека Племен, вот только ростом был повыше. Длинные, темные волосы венчала гирлянда разноцветных листьев — осенних листьев, хотя кроны дерев желтеть еще и не думали. И отчего-то это несказанно напугало Моргейну. Однако голос незнакомца звучал негромко и мягко.

— Добро пожаловать, сестра; ты, никак, заплутала, на ночь глядя? — произнес он на древнем наречии. — Так ступай сюда. Дай, я поведу твоего коня — я знаю здешние тропы. — Ощущение было такое, словно ее ждали.

И, словно во сне, Моргейна последовала за провожатым. Тропа под ногами становилась все более твердой, все проще было идти по ней; а свет факела разгонял туманное марево. Не-

знакомец вел коня в поводу, однако то и дело оборачивался к своей спутнице и улыбался. А затем взял ее за руку, словно ребенка. Зубы его блестели, глаза, совсем темные в свете факелов, искрились весельем.

А вот теперь огни замерцали повсюду; в какой-то момент — Моргейна не заметила, когда именно, — незнакомец передал ее коня кому-то еще, и ввел свою спутницу в круг огней: молодая женщина и не помнила, чтобы они вошли под крышу, однако она вдруг оказалась в огромном зале, где пировали мужи и жены в венках. Одних венчали гирлянды из осенних листьев, однако на некоторых женщинах красовались венки из первоцветов, крохотных бледных цветков эпигеи, что прячутся под палыми листьями еще до того, как сойдет снег. Где-то играла арфа.

Провожатый по-прежнему не отходил от гостьи ни на шаг. Он провел ее к столу на возвышении, и там, отчего-то ни капли не удивившись, Моргейна обнаружила женщину, уже виденную прежде: волосы ее венчал венок из жгутов ивняка, а серые глаза ее казались словно чуждыми времени, как если бы взгляд ее прозревал все на свете.

Незнакомец усадил Моргейну на скамью и вручил молодой женщине высокую кружку из какого-то неизвестного ей металла... напиток оказался сладким и нетерпким, с привкусом торфа и вереска. Она жадно осушила кружку и с запозданием осознала, что после долгого воздержания торопиться никак не следовало: голова у нее закружилась. И тут Моргейне вспомнилось древнее поверье: ежели ненароком забредешь в волшебную страну, ни в коем случае нельзя притрагиваться к тамошним еде и питью... но ведь это старая сказка, не более; фэйри ее не обидят.

— Что это за место? — спросила она.

— Это замок Чариот, — отвечала леди, — добро к нам пожаловать, Моргейна, королева Британии.

— Нет-нет, я вовсе не королева, — покачала головой гостья. — Мать моя была Верховной королевой, а я — лишь герцогиня Корнуольская, но не более...

— Это все равно, — улыбнулась госпожа. — Ты устала, а путь был долог. Ешь и пей, сестренка; завтра тебя проводят туда, куда ты едешь. А ныне — время пировать.

На блюде ее лежали плоды и хлеб — темный, мягкий, из неизвестного Моргейне зерна, однако молодой женщине казалось, будто когда-то ей уже доводилось его пробовать... и еще она заметила, что у незнакомца, приведшего ее в зал, на запястьях — крученые золотые браслеты, точно живые змеи... Моргейна протерла глаза, гадая, уж не сон ли это, а когда посмотрела снова, это оказался лишь браслет, или, может статься, татуировка, вроде той, что Артур носит со дня возведения в королевский сан. Порою, когда взгляд ее обращался на провожатого, ярко вспы-

хивали факелы, и казалось, будто чело его осеняют рога; а хозяйка была увенчана золотой короной и вся в золотых украшениях, но гостье то и дело мерещилось, что это лишь венок из ивняка, а шею ее обвивает ожерелье из раковин — крохотных таких ракушек, состоящих как бы из двух половинок, как женские гениталии, и посвященных Богине. Моргейна сидела между хозяйкою и своим провожатым, и где-то вдалеке играла арфа; музыки более чудесной молодая женщина не слышала даже на Авалоне...

Усталость разом прошла. В голове прояснилось: сладкий на вкус напиток избавил ее от немощи и скорби. Позже кто-то вручил ей арфу, и Моргейна в свой черед сыграла и спела, и никогда еще голос ее не звучал так мягко, и ясно, и нежно. Играя, она погрузилась в сон, и показалось ей, что все лица вокруг напоминают ей кого-то знакомого... того, кого она знала где-то в иных местах... Ей мерещилось, будто она идет по берегу залитого солнцем острова и играет на причудливой изогнутой арфе; а в следующий миг она перенеслась в просторный, мощенный камнем двор, и мудрый друид в странных длинных одеждах учил их обращению с циркулем и астролябией, а еще там были песни и звуки, способные открыть запертую дверь или воздвигнуть кольцо стоячих камней, и она заучила их все, и была увенчана короной в форме золотой змеи...

Хозяйка объявила, что пора на покой — а завтра кто-нибудь проводит гостью и ее коня. В ту ночь Моргейна уснула в прохладной комнате, завешанной листьями — или это такие гобелены, что колышутся, колеблются, непрерывно изменяются, рассказывают обо всем, что было и есть? Среди прочих картин Моргейна различила и себя: она держала в руках арфу, а на коленях у нее устроился Гвидион; и еще один образ среди сплетенных нитей — она сама вместе с Ланселетом; Ланселет играет с ее волосами, держит ее за руку, и подумалось Моргейне, что о чем-то она позабыла... есть у нее некая причина злиться на Ланселета; однако причины этой молодая женщина так и не вспомнила.

А потом хозяйка возвестила, что нынче ночью — великий праздник, и хорошо бы гостье задержаться еще на день-два и поплясать с ними; и Моргейна не возражала... право же, ей так давно не случалось потанцевать и повеселиться всласть! Но когда молодая женщина задумалась о том, что же это, собственно, за праздник, она так ничего и не вспомнила... конечно же, равноденствие еще не настало, хотя ни луны, ни солнца взгляд ее не различал, так что определить время самой, как ее некогда учили, не получалось.

В волосы ей вплели цветы — яркие цветы лета, ибо, сказала королева волшебной страны, ты — не девушка нетронутая. Ночь выдалась беззвездная, и Моргейна слегка встревожилась, не обнаружив луны, точно так же, как днем не видела солнца. Сколь-

ко же дней прошло — один, или два, или три? Отчего-то время словно утратило значение: ела она, проголодавшись; засыпала, где была, почувствовав усталость, одна или на постели, мягкой, точно трава, с одной из девушек хозяйки. Однажды, к вящему ее изумлению, девушка — да, она отчасти походила на Врану — обвила руками ее шею и принялась целовать ее, и Моргейна отвечала на поцелуи, нимало не удивляясь и не стыдясь. Все происходило точно во сне, где возможно все самое странное и немыслимое; Моргейна слегка недоумевала — так, самую малость, но отчего-то все это казалось неважным, и жила она во власти колдовской грезы. Иногда молодая женщина задумывалась, а что сталось с ее конем, но всякий раз, когда гостья уже собиралась отправиться в путь, хозяйка говорила, что об этом и думать не след, пусть она еще с ними побудет... однажды, много лет спустя, пытаясь восстановить в памяти все то, что произошло с нею в замке Чариот, Моргейна вспомнила, как лежала на коленях госпожи и сосала ей грудь, и ей вовсе не казалось странным, что она, взрослая женщина, покоится на коленях у матери и позволяет целовать себя и укачивать, точно дитя. Но уж это-то наверняка было не более чем сном, просто в голове у нее все смешалось от сладкого, крепкого вина...

А порою Моргейне казалось, что хозяйка — это на самом деле Вивиана, и она гадала: «*Может быть, я занедужила, лежу в лихорадке, а все эти чудеса мне лишь снятся?*» Вместе с девушками хозяйки она отправлялась в леса собирать травы и корешки; времена года словно смешались. На празднике — той же самой ночью или в другой раз? — она танцевала под мелодию арф, и в свой черед играла сама, подменив арфиста, и под пальцами ее рождалась музыка печальная и веселая.

Однажды, собирая ягоды и цветы для венков, Моргейна обо что-то споткнулась: это оказались выбеленные ветрами и дождем кости какого-то животного. На шее его висел обрывок кожи с красным лоскутком, очень похожим на котомку, в которой Моргейна, уезжая из Каэрлеона, везла все свое добро. А что, интересно, сталось с ее конем, уютно ли ему в здешних стойлах? Конюшен в волшебном замке Моргейна вообще не видела, но должны же они где-то быть. Но до поры до времени довольно ей танцев и пения, а время пусть себе течет своим чередом, словно в зачарованном сне...

Однажды незнакомец, проводивший ее в замок, отвел Моргейну в сторону от хоровода танцоров. Имени его молодая женщина так и не узнала. Но отчего, ежели ни луны, ни солнца не видно, солнечные и лунные ритмы пульсируют в ней так неистово?

— У тебя при себе кинжал, — промолвил он, — отложи его; я не выношу холодного железа.

Моргейна распустила кожаные ремешки пояса, на котором

крепились ножны, и отшвырнула кинжал в сторону, даже не посмотрев, куда он упал. И незнакомец пришел к ней; темные его волосы упали ей на лицо, а губы заключали в себе неизъяснимую сладость, привкус ягод и хмельного питья из вереска. Он помог ей раздеться. Моргейна уже привыкла к холоду; неважно, что трава стылая и влажная, неважно, что она совсем нага. Она прильнула к незнакомцу; какой он теплый, тело его так и пышет жаром, и горяч и крепок напрягшийся фаллос. Нетерпеливыми, сильными руками незнакомец раздвинул ей бедра. Все ее существо Моргейны приветствовало его жадно. Задвигалась в лад с ним, ощущая ритм пульсирующих токов земли вокруг.

И тут Моргейна испугалась... не хотелось бы ей забеременеть, ее первые роды, когда на свет появился Гвидион, были такими тяжкими, что еще один ребенок наверняка просто убьет ее. Но не успела она заговорить, как незнакомец ласково закрыл ей рот ладонью, и молодая женщина поняла: он читает ее мысли.

— Этого не страшись, нежная леди, пора нынче неподходящая... ныне — время для наслаждения, а не для созревания, — тихо проговорил он, и она отдалась ему, и да, чело его и впрямь венчали рога, вновь возлежала она с Королем-Оленем, и в лесу повсюду вокруг них падали звезды, — или это просто-напросто жуки-светлячки?

Как-то раз она блуждала по лесу вместе с девушками, и набрела на озерцо, и склонилась над ним, и вгляделась внимательнее: из воды на нее глядело лицо Вивианы. Волосы ее припорошила седина — ох, сколько же в них белых прядей! — да и морщин заметно прибавилось. Губы ее зашевелились; она словно звала кого-то. «*Сколько же я здесь пробыла?* — гадала про себя Моргейна. — *Наверное, дня четыре, а то и пять; может быть, даже неделю. Мне давно пора в путь. Хозяйка обещала, что кто-нибудь проводит меня до берегов Авалона...*»

Молодая женщина отправилась к королеве и сказала, что ей пора. Но ведь уже стемнело... выехать успеется и завтра.

А в следующий раз в воде увидела она Артура, и стекающиеся к нему войска... Гвенвифар казалась усталой и заметно постаревшей; она взяла Ланселета за руку, тот попрощался с супругами и поцеловал ее в губы. «*Да уж*, — с горечью думала Моргейна, — *в такие игры он играть куда как горазд. Гвенвифар они, видно, по нраву: так вся любовь его и преданность принадлежат ей, а честью поступаться вроде бы незачем...*» Однако прогнать и эти образы Моргейне труда не составило.

Но вот однажды ночью она вдруг проснулась от пронзительного крика, и на мгновение Моргейне померещилось, будто стоит она на Холме, в центре каменного круга, и внемлет леденящему воплю, что звенит между мирами... этот голос слышала она лишь однажды с тех пор, как повзрослела — этот хриплый,

резкий голос, за годы безмолвия утративший всякую выразительность, — голос Враны, что нарушала молчание лишь в том случае, если Боги не смели доверить важное послание никому другому...

«А, Пендрагон предал Авалон, и дракон улетел... Драконье знамя не реет больше, грозя саксонским воинам... плачьте, рыдайте, ежели Владычица покинет Авалон, ибо воистину более не возвратится она на Остров...» И во внезапно наступившей тьме послышались рыдания и всхлипывания...

И вновь — тишина. Моргейна резко села в серых сумерках; впервые с тех пор, как она попала в эту страну, в голове у нее вдруг прояснилось.

«Я пробыла здесь слишком долго, — думала она, — *ведь уже зима. Надо мне спешно уезжать, прямо сейчас, не откладывая, еще до вечера... впрочем, какой вечер, солнце не встает здесь и не садится... Надо уезжать прямо сейчас, не мешкая».* Молодая женщина знала: нужно потребовать коня, и тут вспомнила: конь ее давно мертв, это его кости видела она в лесу. И, внезапно испугавшись, подумала: *«Сколько же я здесь пробыла?»*

Моргейна поискала кинжал — ах, да, она же сама его выбросила. Надела платье — ткань словно поблекла. Молодая женщина не помнила, чтобы ей доводилось стирать его или, скажем, нижнее белье, однако одежда ее вроде бы нисколько не запачкалась. Уж не сошла ли она с ума?

«Если я обращусь к королеве, она снова уговорит меня остаться...»

Моргейна заплела волосы в косы... и с какой стати она, взрослая женщина, носит их распущенными? И зашагала вниз по тропе, что, как она знала, выведет ее к Авалону.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Я и поныне не ведаю, сколько ночей и дней провела я в волшебной стране: даже сейчас, стоит мне попытаться посчитать, и мысли мешаются. Как бы я ни старалась, получается никак не меньше пяти лет и не больше тринадцати. Не ведаю я доподлинно и того, сколько времени прошло в Карлеоне или на Авалоне, пока я гостила в чужом мире; однако, поскольку люди ведут счет годам куда успешнее фэйри, я знаю, что минуло лет пять.

Возможно — и чем старше я становлюсь, тем больше об этом думаю, — то, что мы называем течением времени, происходит лишь потому, что мы привыкли считать, — и привычка эта вросла в плоть и кровь, — считать все на свете: пальчики новорожденного малыша, восходы и закаты; мы так часто задумываемся про себя, сколько дней и лет пройдет, прежде чем поспеет пшеница, или ребенок шевельнется во чреве и родится на свет, или случится некая долгожданная встреча; и мы отслеживаем все эти события по движению солнца и по смене лет, как первую из жреческих тайн. А в

волшебной стране я позабыла о ходе времени; вот оно для меня и не шло. Ибо когда вышла я из волшебной страны, я обнаружила, что на лице Гвенвифар прибавилось морщин, и слегка померкло девическое изящество Элейны, но собственные мои руки нимало не исхудали, кожа осталась безупречно гладкой и чистой, и хотя в роду нашем седеют рано, — в свои девятнадцать Ланселет уже обзавелся седой прядкой-другой, — мои волосы, черные, точно вороново крыло, время не затронуло.

Я прихожу к мысли о том, что, с тех пор как друиды изъяли Авалон из мира непрестанного счета, такое началось и у нас. Нет, на Авалоне время вовсе не уподобляется зачарованному сну, как в волшебной стране. Однако же, глядя правде в глаза, слегка расплывается. Там видим мы солнце и луну Богини, и ведем счет обрядам в кругу камней, так что вовсе позабыть о времени невозможно. Однако ход его иной, нежели в других местах, хотя, казалось бы, если известны движения солнца и луны, время должно бы идти точно так же, как и во внешнем мире... и все-таки это не так. В последние годы я могла, скажем, провести на Авалоне месяц и, уехав с Острова, обнаружить, что во внешнем мире уже миновала весна или зима. Ближе к концу этих лет я частенько так поступала, ибо не терпелось мне узнать, что происходит там, снаружи; и люди, отмечая, что я не старею, все чаще называли меня фэйри или ведьмой.

Но все это случилось гораздо, гораздо позже.

Ибо когда услышала я леденящий крик Враны, заполнивший провалы между мирами и достигший моего сознания даже притом, что я дремала в сонном безвременье волшебной страны, я отправилась в путь... но не на Авалон».

Глава 14

Во внешнем мире яркий солнечный свет пробивался сквозь тени изменчивых облаков над Озером, и где-то вдали разносился звон церковных колоколов. И, слыша этот звук, Моргейна не дерзнула возвысить голос и прокричать слово силы, призывающее ладью, не посмела принять на себя обличие Богини.

Она долго глядела на свое отражение в зеркальной поверхности Озера. Как долго, гадала молодая женщина, промешкала она в волшебной стране? Теперь, когда разум ее не одурманивали заклятия, она знала — хотя насчитать смогла лишь два-три дня, — что прожила она среди фэйри достаточно долго, чтобы ее изящное темное платье превратилось в лохмотья, — особенно волочащийся по земле подол; и в придачу еще кинжал где-то потеряла или сама выбросила... словом, непонятно. Ныне многое из того, что произошло с нею в волшебной стране, Моргейна

вспоминала точно сон или безумие, и лицо ее горело стыдом. Однако же к стыду примешивались воспоминания о музыке, прекраснее которой не доводилось слышать ни во внешнем мире, ни на Авалоне, ни где бы то ни было, разве что когда она, рожая дитя, оказалась на границе страны Смерти... да, тогда ее так и тянуло перейти черту, хотя бы для того, чтобы послушать тамошнюю музыку. Моргейна вспомнила, как чудесно звучал ее голос в лад с мелодией волшебной арфы... никогда в жизни не играла она и не пела так прекрасно. «*Я хочу вернуться — и остаться там навсегда*». И Моргейна уже развернулась было, чтобы поспешить назад, но, вспомнив душераздирающий крик Враны, не на шутку встревожилась.

Артур замыслил предать Авалон и клятву, благодаря которой получил меч и был отведен в величайшее из друидических святилищ. А еще — опасность... опасность угрожает Вивиане, стоит ей лишь покинуть Остров... Моргейна вспоминала медленно, складывая в уме разрозненные обрывки в единое целое. Она уехала из Каэрлеона, казалось бы, лишь несколько дней назад, в конце лета. До Авалона она так и не добралась, и, похоже, добраться уже не сможет... молодая женщина скорбно созерцала церковь на вершине Холма. Вот если бы пройти к Авалону с другой стороны... но тропа увела ее лишь в страну фэйри.

Где-то там она потеряла кинжал и коня; и тут Моргейна вспомнила выбеленные ветром кости и содрогнулась. А ведь если приглядеться, так церковь на Холме выглядит совсем иначе; должно быть, священники ее перестроили; за месяц-другой такой громадины не возведешь... «*Как угодно, любой ценой должна я выяснить, сколько минуло лун, пока я бродила по лесу с девушками госпожи или развлекалась с красавцем-фэйри, что привел меня туда...*» — подумала Моргейна, в страхе сцепив руки.

«*Нет же, нет, прошло никак не больше двух, от силы трех ночей*», — лихорадочно убеждала себя она, еще не зная, что это — лишь начало, что постепенно смятение будет все больше подчинять ее себе, и душевного покоя ей отныне так и не обрести. И теперь, при мысли о тех ночах, она изнывала от стыда и страха, и трепетала, вспоминая о неведомом прежде наслаждении, пережитом в объятиях красавца-фэйри; и однако же теперь стряхнув с себя чары, она воспринимала случившееся как нечто постыдное, как дурной сон. А ласки, которыми она обменивалась с девами-фэйри... такое она и представить бы себе не могла, если бы не заклятия... и еще что-то такое было с самой королевой... теперь молодой женщине казалось, что королева и впрямь очень походила на Вивиану, и Моргейна опять сгорала от стыда... в волшебной стране дело обстоит так, как если бы она всю жизнь мечтала о подобных вещах, однако же во внешнем

мире никогда на такое не осмелилась бы, да что там — и помыслить о таком не дерзнула бы!

Невзирая на яркое солнце, Моргейна поежилась от холода. Она понятия не имела, какое сейчас время года, но на краю Озера, в тростниках, белели проплешины нерастаявшего снега. «*Во имя Богини, неужто зима уже минула и грядет весна?*» А если во внешнем мире прошло достаточно времени, чтобы Артур успел замыслить предательство против Авалона, значит, она пробыла в стране фэйри куда дольше, чем смеет даже предположить.

Конь и кинжал потеряны, и все, что у нее с собою было, — тоже. Башмаки стоптались, еды при ней — ни крошки, она — одна, вдали от тех мест, где в ней узнали бы сестру короля. Ну да ладно, голодать ей не впервой. По лицу ее скользнула тень улыбки. Есть на свете богатые замки и монастыри; надо думать, ей подадут хлеба как нищенке. Она непременно вернется ко двору Артура — возможно, на пути ей встретится деревня, где требуются услуги повитухи, и в обмен на свое искусство она получит хлеба.

В последний раз Моргейна с тоской поглядела на противоположный берег. Посмеет ли она предпринять решающую попытку произнести слово силы, способное вернуть ее на Авалон? Если бы она могла переговорить с Враной, возможно, она бы узнала доподлинно, что за опасность угрожает Владычице... Молодая женщина уже открыла рот, чтобы прокричать заклинание, — и тут же сдержалась. Она и Вране в лицо посмотреть не сможет; Врана соблюдает законы Авалона так ревностно, Врана ничем не опозорила своих жреческих одеяний. Как выдержит она взгляд ясных глаз Враны, памятуя о том, что натворила во внешнем мире и в волшебной стране? Врана с легкостью прочтет ее мысли... и вот на глазах у Моргейны выступили слезы, и берега Озера и шпиль церкви затуманились и расплылись, и, повернувшись к Авалону спиной, Моргейна отправилась к римской дороге, что уводила на юг мимо копей и тянулась до самого Каэрлеона.

Только на третий день пути Моргейне повстречался одинокий всадник. Первую ночь она провела в заброшенной пастушьей хижине, без ужина, довольствуясь лишь защитой от ветра. А на второй день добралась до подворья, но дома случился лишь полоумный мальчишка-гусятник; однако он не прогнал гостью и даже позволил ей согреться у накрытого ветками огня; Моргейна вытащила у него из пятки колючку, а мальчишка в награду отломил ей хлеба. Что ж, доводилось ей идти пешком и не в такую даль, на еду не рассчитывая.

Но, уже на подступах к Каэрлеону, Моргейна с ужасном обнаружила два сожженных дома и догнивающий на полях хлеб...

можно подумать, здесь прошли саксы! Она заглянула в один из домов — судя по всему, похозяйничавшие здесь грабители сгребли все подчистую; но в одной из комнат она нашла старый, выгоревший плащ, очевидно, брошенный в спешке убегающими хозяевами: такими лохмотьями даже разбойники побрезговали. Однако же плащ был из теплой шерсти; Моргейна поскорее закуталась в него, еще больше уподобясь нищенке; больше всего она страдала от холода, а не от голода. Ближе к вечеру в заброшенном дворе послышалось кудахтанье; куры живут привычкой и еще не усвоили, что кормежки ждать неоткуда. Моргейна поймала одну из куриц, свернула ей шею, зажгла среди развалин небольшой костерок; если повезет, дыма вообще никто не заметит; а если кто и увидит, так решит, что на пепелище завелись призраки. Она насадила курицу на зеленую ветку и поджарила над огнем. Птица оказалась такой старой и жесткой, что даже крепкие зубы Моргейны с трудом с ней справлялись, однако молодая женщина изголодалась настолько, что ей было все равно; она даже кости высосала, точно у нежнейшей из пулярок. Отыскала она и немного кожи — в одной из надворных построек, где прежде была кузница с горном; грабители унесли весь инструмент и все, что нашлось металлического, но в углу валялись обрывки кожи, и в один из них Моргейна завернула остатки курицы. Она бы и башмаки починила; вот только ножа при ней не было. Ну что ж, может статься, дойдя до какой-нибудь деревни, она попросит одолжить ей нож — на пару минут, не больше. И что за безумие подсказало ей выбросить кинжал?

Со времен полнолуния минуло лишь несколько дней; и, покидая полусгоревший дом, Моргейна обнаружила, что каменные ступени крыльца покрыты инеем, а в небе висит горбатая дневная луна. Выйдя за дверь с завернутой в кожу курятиной в одной руке и увесистой палкой в другой — надо думать, какой-нибудь пастух вырезал себе посох, да тут и оставил, — Моргейна услышала торжествующее кудахтанье, отыскала гнездо, съела яйцо сырым — оно еще хранило в себе тепло птичьего тела — и ощутила блаженную сытость.

Дул резкий, холодный ветер. Моргейна ускорила шаг, радуясь плащу, пусть даже прохудившемуся и изорванному. Солнце стояло высоко, и молодая женщина уже подумывала, а не присесть ли на обочине и не доесть ли холодную курицу, когда на дороге послышался цокот копыт. Всадник явно нагонял ее.

Первой ее мыслью было продолжать путь: у нее — свои дела, она имеет такое же право на эту дорогу, как и любой другой путешественник. Но, вспомнив о разграбленном подворье, Моргейна сочла за лучшее сойти на обочину и спрятаться за кустом. Неизвестно, что за народ ныне разъезжает по свету; Артур так занят, во имя мира сражаясь с саксами, что некогда ему обеспе-

чивать мир в сельской местности и охранять дороги. Если путник покажется безобидным, она, пожалуй, выспросит у него новости; если нет, так она затаится и подождет, чтобы тот проехал.

Всадник ехал один, кутаясь в серый плащ, верхом на высокой тощей кобыле. Ни слуги, ни вьючной скотины с ним не было. А за спиною у него — огромный вьюк; нет, вовсе нет, это он так сгорбился... и тут Моргейна узнала, кто это, и выступила из укрытия.

— Кевин Арфист! — воскликнула она.

Всадник натянул поводья; хорошо выдрессированная лошадь не встала на дыбы и не подалась в сторону. Недовольно нахмурившись, Кевин глянул на странницу сверху вниз; рот его растянулся в недоброй ухмылке — или просто все дело в шрамах?

— Женщина, мне нечего тебе дать... — Кевин прервался на полуслове. — Богиня! Да это же леди Моргейна — что ты здесь делаешь, госпожа? В прошлом году я слышал, будто ты жила в Тинтагеле с матерью вплоть до ее смерти, но Верховная королева съездила в южные края на похороны и, вернувшись, сказала, что нет, тебя там не видели...

Моргейна пошатнулась, оперлась о палку, чтобы не упасть.

— Моя мать — умерла? Я не знала...

Кевин спешился, прислонившись к кобыле, извлек посох и уперся в землю покрепче, чтобы не потерять равновесия.

— Присядь, госпожа, — неужто ты ничего не слышала? Во имя Богини, где ж ты была? Известили даже Вивиану на Авалоне, да только она слишком одряхлела и ослабла, чтобы пускаться в путешествие столь далекое.

«*Там, где была я,* — думала про себя Моргейна, — *я ничего не слышала. Может статься, я видела лицо Игрейны в лесном озере, она звала меня, пыталась что-то сказать, а я так ничего и не узнала*». Сердце ее сжалось от боли; как же далеко разошлись они с Игрейной; они расстались, когда, одиннадцатилетней девочкой ее отправили на Авалон... и все-таки она изнывала от муки и горя, словно вновь превратившись в малютку, что рыдала, покидая материнский дом. «*Ох, мамочка моя, а я-то ничего не знала...*» Моргейна сидела на обочине, и по лицу ее текли слезы. — Как она умерла? Ты не слыхал?

— Сдается мне, сердце; это случилось весной, год тому назад. Поверь мне, Моргейна, ничего нехорошего на этот счет я не слышал; все произошло естественным образом, и вполне ожидаемым — в ее-то годы.

Мгновение Моргейна не в силах была выговорить ни слова: голос ее не слушался. А вместе с горем пришел и ужас: значит, она прожила вне мира куда дольше, чем ей представлялось... «*Весной, год тому назад*», — сказал Кевин. Выходит, с тех пор,

как она в волшебной стране, минула не одна весна! Ибо тем летом, когда Моргейна покинула Артуров двор, Игрейне даже не недужилось! Стало быть, пробыла она вдали от людей не несколько месяцев, а годы и годы!

И удастся ли ей выведать у Кевина все, что произошло за это время, не выдав при этом, где она была?

— Моргейна, у меня в переметных сумах есть вино... я бы охотно угостил тебя, вот только достать флягу тебе придется самой... даже в лучшие дни хожу я с трудом. Вид у тебя бледный и исхудавший; ты, наверное, голодна? И как же так вышло, что я встречаю тебя на дороге, в одеждах — Кевин брезгливо сморщился, — которыми и нищенка погнушается?

Моргейна лихорадочно сочиняла в уме подходящее объяснение.

— Я жила... в затворничестве, вдали от мира. Я не говорила и не виделась с людьми сама не знаю, сколь долго. Я даже годам счет потеряла. — До сих пор она не солгала ни словом; обитатели волшебной страны кто угодно — только не люди!

— В это я охотно верю, — отозвался Кевин. — Ручаюсь, ты и про великую битву не слышала...

— Вижу, здешний край превратился в пепелище.

— О, *это* было года три назад, — отозвался Кевин — и Моргейна в ужасе отшатнулась. — Часть союзных саксов нарушили клятву и прошлись по округе из конца в конец, грабя и сжигая все на своем пути. В той битве Артур был серьезно ранен и полгода провел в постели. — Заметив, как встревожена Моргейна, Кевин неправильно истолковал причину ее беспокойства. — О, сейчас-то с ним все в порядке, но в ту пору он и шага сделать не мог: то-то не хватало ему твоего целительского искусства, Моргейна. А затем Гавейн привел с севера Лотову дружину, и на целых три года установился мир. А потом — вот как раз минувшим летом — произошла великая битва при горе Бадон; в этом сражении погиб Лот; и, воистину, мы одержали победу — об этой победе барды будут петь еще лет сто, — повествовал Кевин. — Не думаю, чтобы во всей этой земле, от Корнуолла до Лотиана, остался в живых хоть один саксонский вождь — кроме разве тех, что признают Артура своим королем. Со времен цезарей свет не знал ничего подобного. И теперь во всей здешней земле стараниями Артура царит мир.

Пока Кевин рассказывал, Моргейна поднялась на ноги, взялась за переметные сумы и отыскала флягу с вином.

— Достань заодно хлеб и сыр. Уже почти полдень; подкреплюсь-ка я с тобою вместе.

Молодая женщина разложила еду, и, размотав кожу, предложила Кевину остатки курицы. Но тот покачал головой:

— Благодарствую, но ныне я мяса не ем, я связан обетами...

Дивлюсь я, что ты не чуждаешься мяса, Моргейна, — жрица столь высокого чина...

— Не умирать же с голоду, — отозвалась молодая женщина и поведала Кевину, как ей досталась курица. — Впрочем, запреты я не соблюдаю с тех пор, как покинула Авалон. Я ем то, что мне предлагают.

— На мой взгляд, никакой разницы нет, ешь ли ты мясо, рыбу или зерно, — промолвил Кевин, — хотя христиане так и носятся со своими постами; по крайней мере, Патриций — он сейчас при Артуре епископом. А ведь встарь братья, живущие на Авалоне вместе с нами, повторяли слова Христа: дескать, не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст[1]; так что должно человеку смиренно вкушать все дары Божии. Вот и Талиесин так говорит. Однако что до меня... ты, конечно же, знаешь, что на определенном уровне Таинств то, что ты ешь, оказывает сильнейшее воздействие на разум... сейчас я не дерзну есть мясо, от него я пьянею сильнее, чем от избытка вина!

Моргейна кивнула: этот опыт был ей не внове. Давным-давно, когда она пила настои священных трав, есть она могла лишь самую малость хлеба и плоды; даже сыр и вареная чечевица казались слишком сытными; даже от них ей делалось дурно.

— Но куда же ты направляешься теперь? — осведомился Кевин и, услышав ответ, уставился на нее во все глаза, точно на безумную. — В Каэрлеон? Но зачем? Там же ничего нет... наверное, ты не знаешь, и трудно же мне в это поверить!.. Артур отдал Каэрлеон одному из своих рыцарей, отличившихся в битве. А в праздник Пятидесятницы вместе со всем двором перебрался в Камелот — этим летом вот уж год тому будет. Талиесину очень не понравилось, что Артур справил новоселье в день христианского праздника, но тот хотел порадовать королеву: он теперь во всем к ней прислушивается. — Кевин еле заметно поморщился. — Но если ты не слышала о битве, так, наверное, не знаешь и того, что Артур предал народ Авалона и Племена.

Чаша с вином в руке Моргейны так и застыла в воздухе.

— Кевин, за этим я и приехала, — промолвила молодая женщина. — Я слыхала, будто Врана нарушила молчание и предсказала что-то вроде этого...

— Да это уже не только пророчество, — отозвался бард. Он неуютно заерзал и вытянул ноги, словно от долгого сидения на земле в одном положении тело его начинало болеть и ныть.

— Артур предал — но как? — у Моргейны перехватило дыхание. — Он ведь не отдал их в руки саксов?

— А, значит, ты и впрямь не слышала. Племена связаны обе-

---

[1] Мф 15:11.

том следовать за знаменем Пендрагона; так они клялись на церемонии возведения его в королевский сан, и до него — на коронации Утера... и малый народец, что жил здесь еще до прихода Племен, он тоже пришел, с бронзовыми топорами, кремневыми ножами и стрелами, — они, как и фэйри, на дух не переносят холодного железа. Все, все поклялись следовать за Великим Драконом. А Артур их предал... отказался от драконьего знамени, хотя мы в один голос умоляли, чтобы он передал стяг Гавейну или Ланселету. Но Артур дал обет, что на поле битвы при горе Бадон поднимет лишь знамя креста и Пресвятой Девы — и никакое иное! И так он и поступил.

Моргейна в ужасе глядела на собеседника, вспоминая коронование Артура. Даже Утер не давал такой клятвы народу Авалона! И отречься — от такого?

— И Племена его не покинули? — прошептала молодая женщина.

— Некоторые уже были близки к этому, — отозвался Кевин, с трудом сдерживая гнев. — А многие из Древнего народа, жители валлийских холмов, и в самом деле ушли домой, когда над войском подняли знамя с крестом, и король Уриенс не смог их удержать. Что до остальных... ну, мы-то знали в тот день, что саксы поставили нас, что называется, между молотом и наковальней. Или мы пойдем в битву за Артуром и его рыцарями, или судьба нам жить под саксонским владычеством, ведь это — та самая, давным-давно предсказанная великая битва. Кроме того, в руках у короля — волшебный меч Эскалибур из числа Священных реликвий. Похоже, даже Богиня сознавала, что, ежели в земле утвердятся саксы, ей же самой хуже придется. И Артур отправился на бой, и Богиня даровала ему победу. — Кевин протянул Моргейне флягу с вином, та покачала головой, и он отхлебнул сам.

— Вивиана уже собиралась приехать с Авалона и обвинить его в клятвопреступлении, — промолвил Кевин, — но ей не хочется делать этого перед всем народом. Так что в Камелот еду я, напомнить Артуру о его обете. А если он и теперь откажется внять, Вивиана поклялась, что сама явится в Камелот в тот день, когда все подданные обращаются к королю с прошениями; Артур же дал слово, что на Пятидесятницу лично всех выслушает и рассудит. И тогда, грозится Вивиана, она встанет перед королем, как самая обычная просительница, и сошлется на данную им клятву, и напомнит, какая участь ждет не сдержавшего слово.

— Дай Богиня, чтобы Владычице Озера не пришлось так унижаться, — откликнулась Моргейна.

— И я тоже обратился бы к нему не со словами увещевания, но в гневе, но здесь не мне решать, — промолвил Кевин, протягивая руку. — А теперь не поможешь ли мне подняться? Думаю,

кобыла моя довезет двоих, а если нет, то, добравшись до города, мы раздобудем лошадку и для тебя. Я бы, конечно, блеснул галантностью, под стать великому Ланселету, и уступил бы своего скакуна тебе, но... — И он указал на свое изувеченное тело.

Моргейна рывком подняла его на ноги.

— Я сильная, я и пешком идти могу. Если уж покупать чего-то в городе, так надо бы раздобыть мне башмаки и нож. У меня с собой ни единой монетки нет, но я верну тебе долг, как только смогу.

— Ты — названая сестра моя на Авалоне, что есть у меня — все твое, так говорит закон, — пожал плечами Кевин. — И о долгах и платежах между нами не идет и речи.

Моргейна покраснела от стыда: вот, Кевину пришлось напомнить ей о принесенной некогда клятве! *«Воистину, слишком долго пробыла я вне мира»*.

— Дай, я помогу тебе сесть в седло. Твоя лошадь постоит смирно?

— Если бы нет, так мало мне от нее было бы толку в одиноких разъездах! Так в путь — хотелось бы мне попасть в Камелот уже завтра.

В крохотном, угнездившемся среди холмов городишке они нашли сапожника, взявшегося починить Моргейнины башмаки, и древний бронзовый кинжал тоже присмотрели; человек, торгующий такого рода старьем, сказал, что со времен великой битвы в этом товаре недостатка нет. А еще Кевин купил ей приличный плащ, говоря, что обноски, подобранные ею на разоренном подворье, даже на чепрак не сгодятся. Однако остановка изрядно их задержала, и едва путники вновь выехали на дорогу, повалил снег, и быстро стемнело.

— Надо было нам остаться в городе, — промолвил Кевин. — Игрой на арфе я бы промыслил нам обоим и кров, и ужин. А один я бы заснул под изгородью или у стены, просто-напросто завернувшись в плащ. Но такой ночлег — не для леди с Авалона.

— С чего ты взял, что мне не приходилось ночевать у стены или под изгородью?

— Судя по твоему виду, Моргейна, еще как приходилось — в последнее время! — рассмеялся Кевин. — Но сколько бы мы не погоняли лошадь, в Камелот мы нынче ночью не доберемся; надо бы поискать укрытие.

Спустя какое-то время, сквозь снегопад, они различили темные очертания заброшенного строения. Даже Моргейна не сумела бы войти в него, не пригнувшись; по всей видимости, когда-то здесь был хлев, но так давно, что теперь даже запах скотины выветрился; но соломенная, обмазанная глиной кровля почти не обвалилась. Путники привязали лошадь и забрались внутрь; Кевин жестом велел Моргейне расстелить на грязном полу ста-

рые изодранные обноски, после чего оба завернулись в плащи и улеглись бок о бок. Но холод пробирал до костей; и наконец, заслышав, как молодая женщина стучит зубами, Кевин предложил прижаться друг к другу и укрыться двумя плащами, чтобы хоть немного согреться.

— Если, конечно, тебя не затошнит от близости этакого уродливого тела, — добавил он, и в голосе его ясно слышались боль и гнев.

— Что до уродства твоего, Кевин Арфист, мне ведомо лишь то, что переломанными своими пальцами ты создаешь музыку более прекрасную, нежели я или даже Талиесин способны создать здоровыми руками, — возразила Моргейна и благодарно придвинулась ближе, радуясь теплу. И, склонив голову ему на плечо, почувствовала, что наконец-то сможет задремать.

Весь день она шла пешком и очень устала, так что заснула она как убитая, но пробудилась, едва в трещины обваливающейся стены просочился первый свет. От лежания на твердом полу все тело ее свело судорогой, и, глянув на обмазанную грязью стену, она задохнулась от ужаса. Она, Моргейна, жрица Авалона, герцогиня Корнуольская, лежит здесь, в коровьем закуте.Суждено ли ей вернуться на Остров? А ведь пришла она из мест еще похуже, из замка Чариот, что волшебной стране, за пределами ведомого нам христианства и язычества, за вратами здешнего мира... Она, воспитанная Игрейной в роскоши и холе, она, сестра Верховного короля, выученная самой Владычицей Озера, посвященная Богине... и от всего этого она отказалась. Ох, нет, не отказалась; все это у нее отняли, когда Вивиана послала ее на обряд коронования, и вернулась она, беременная от собственного брата.

«*Игрейна умерла, мать моя умерла, а я не в силах вернуться на Авалон, никогда больше в границах этого мира...*» И Моргейна заплакала от отчаяния, уткнувшись в плащ, чтобы грубая ткань заглушала рыдания.

В рассветных сумерках голос Кевина зазвучал мягко и глухо.

— Моргейна, ты плачешь о матери?

— О матери, и о Вивиане, а больше всего, наверное, о себе самой. — Моргейна сама не знала, в самом ли деле произнесла эти слова вслух. Кевин обнял ее за плечи, и она уткнулась лицом ему в грудь и рыдала, рыдала, рыдала, пока не иссякли последние слезы.

— Ты сказала правду, Моргейна — ты от меня не шарахаешься, — промолвил Кевин после долгой паузы, по-прежнему поглаживая ее волосы.

— Как можно, — отозвалась она, прижимаясь к нему теснее, — если ты так добр?

— Не все женщины так думают, — возразил он. — Даже

когда я приходил к кострам Белтайна, я слышал — ибо некоторые считают, что ежели ноги мои и руки изувечены, так, стало быть, я и слеп, и глух в придачу, — слышал я, и не раз, как девы Богини, не кто-нибудь, шепотом просят жрицу поставить их подальше от меня, чтобы взгляд мой ни в коем случае не упал на них, когда настанет время уходить от костров по двое...

Моргейна резко села, задохнувшись от возмущения.

— На месте этой жрицы я прогнала бы девчонку от костров, раз негодница дерзнула оспаривать право бога явиться к ней в каком угодно обличье... а ты что сделал, Кевин?

Арфист пожал плечами:

— Чем прерывать обряд или ставить деву перед подобным выбором, я просто ушел, так тихо, что никто и не заметил. Даже Богу не под силу изменить то, что во мне видят и что обо мне думают. Еще до того, как обеты друидов запретили мне сближаться с женщинами, что торгуют своим телом за золото, ни одна шлюха не соглашалась отдаться мне за деньги. Возможно, мне следовало бы стать христианским священником; христиане, я слышал, учат святых отцов секретам обходиться без женщин. Или, наверное, мне следовало пожалеть, что грабители-саксы, переломав мне руки и все тело, заодно и не оскопили меня, чтобы мне стало все равно. Извини... мне не следовало об этом заговаривать. Я просто гадаю, не согласилась ли ты прилечь рядом со мною только потому, что в твоих глазах это изломанное тело принадлежит никак не мужчине и ты не считаешь меня таковым...

Моргейна слушала его и ужасалась горечи, заключенной в его словах: сколь глубоко оскорблено его мужское достоинство! Она-то знала, как чутки его пальцы, как восприимчива душа музыканта! Неужто даже перед лицом Богини, женщины в состоянии разглядеть лишь изувеченное тело? Моргейна вспомнила, как бросилась в объятия Ланселета; рана, нанесенная ее гордости, кровоточит до сих пор и вовеки не исцелится.

Сознательно и неторопливо она склонилась над Кевином, припала к его губам, завладела его рукою и осыпала поцелуями шрамы.

— Не сомневайся, для меня ты мужчина, и Богиня подсказала мне вот что... — Моргейна вновь легла — и повернулась к нему.

Кевин настороженно глядел на нее в яснеющем свете дня. На мгновение в лице его отразилось нечто такое, что Моргейна ощутимо вздрогнула — или он полагает, ею движет жалость? Нет же; она лишь воспринимает его страдания как свои, а это же совсем другое дело. Она посмотрела ему прямо в глаза... да, если бы лицо его не осунулось так от ожесточения и обиды, не было искажено мукой, он мог бы показаться красавцем: правильные

черты лица, темные, ласковые глаза... Судьба изувечила его тело, но дух не сломила; трус ни за что не выдержал бы испытаний друидов.

«*Под покрывалом Богини, как любая женщина мне — сестра, дочь и мать, так и каждый мужчина должен быть мне отцом, возлюбленным и сыном... Отец мой погиб, я его и не помню толком, а сына своего я не видела с тех пор, как его отлучили от груди... но этому мужчине вручу я то, что велит Богиня...*» Моргейна вновь поцеловала одну из покрытых шрамами рук и вложила ее себе под платье, на грудь.

Кевин был совсем неопытен — что показалось ей странным для мужчины его лет. «*Но откуда бы ему набраться хоть каких-нибудь познаний — в его-то положении?*» А вслед за этой пришла иная мысль: «*А ведь я впервые делаю это по своей доброй воле, и дар мой принимается так же свободно и просто, как был он предложен*». И в этот миг что-то исцелилось в ее душе. Странно, что так оно вышло с мужчиной, которого она почти не знает и к которому испытывает лишь приязнь. Даже при всей своей неопытности Кевин был с ней великодушен и ласков, и в груди ее всколыхнулась волна неодолимой, невысказанной нежности.

— До чего странно, — проговорил он наконец тихо и мечтательно. — Я знал, что ты мудра, что ты жрица, но отчего-то мне и в голову не приходило, что ты красива.

— Красива? Я? — жестко рассмеялась она. И все же Моргейна испытывала глубокую признательность за то, что в этот миг показалась ему красавицей.

— Моргейна, расскажи мне — где ты была? Я бы и спрашивать не стал, да только вижу: то, что произошло, лежит у тебя на сердце тяжким бременем.

— Я сама не знаю, — выпалила она. А ведь ей и в голову не приходило, что она сможет поделиться этим с Кевином. — Возможно, что и за пределами мира... я пыталась попасть на Авалон... и не могла пробиться; думаю, путь для меня закрыт. Дважды побывала я там... словом, где-то. В иной стране, стране снов и чар... стране, где время застыло в неподвижности и просто не существует, и ничего там нет, кроме музыки... — Моргейна смущенно умолкла; чего доброго, арфист сочтет ее сумасшедшей.

Кевин ласково провел пальцем вдоль ее века. Было холодно, а покрывала они сбросили; друид вновь заботливо укутал ее плащом.

— Некогда и я побывал там, и слышал их музыку... — промолвил он отрешенно и задумчиво. — В том месте я вовсе не был калекой, и женщины их надо мною не насмехались... Может статься, однажды, когда избавлюсь я от страха безумия, я вернусь туда... Они показали мне тайные тропы и сказали, что я могу приходить, когда хочу... все благодаря моей музыке... — И вновь тихий голос его прервался, и наступило долгое молчание.

Моргейна задрожала всем телом и отвела взгляд.

— Надо бы нам вставать. Если наша бедная лошадка не превратилась за ночь в глыбу льда, сегодня мы доберемся-таки до Камелота.

— А если мы явимся вместе, — негромко отозвался Кевин, — там наверняка решат, что ты приехала со мной с Авалона. Не их это дело, где ты жила... ты — жрица, и над совестью твоей не властен никто из живущих, ни даже их епископы или сам Талиесин.

Молодая женщина пожалела, что нет у нее пристойного платья; судьба ей явиться к Артурову двору в одежде бродячей нищенки. Ну да ладно, ничего тут не попишешь. Под неотрывным взглядом Кевина она привела в порядок волосы, затем, словно между делом, подала ему руку и помогла встать. Но во взгляде его вновь отразились настороженность и горечь; и от внимания молодой женщины это не укрылось. Кевин окружил себя сотней частоколов молчания и гнева. Однако же, когда они с Моргейной выбирались наружу, он коснулся ее руки.

— Я еще не поблагодарил тебя, Моргейна...

— О... ежели тут причитаются благодарности, так обоюдные, друг мой... или ты сам не понял? — улыбнулась она.

На мгновение изувеченные пальцы сжали ее кисть... и тут, словно в ослепительно-яркой вспышке, она увидела изуродованное лицо Кевина в окружении кольца пламени, искаженное от крика, и огонь, огонь повсюду вокруг него... огонь... Похолодев, Моргейна резко высвободила ладонь и в ужасе воззрилась на своего спутника.

— Моргейна! — воскликнул он. — Что такое?

— Ничего, пустое... ногу свело... — солгала она. Кевин протянул руку, чтобы поддержать ее, но Моргейна уклонилась от помощи. «*Смерть! Смерть на костре! Что это значит? Такой смертью не умирают даже худшие из предателей... или она просто-напросто увидела то, что случилось с ним еще в детстве, когда он и получил свои увечья?*» Миг Зрения, при всей его краткости, потряс ее до глубины души, как если бы она сама произнесла приговор, обрекающий Кевина на смерть.

— Пойдем, — коротко бросила она. — Пора ехать.

Глава 15

Гвенвифар в жизни своей не хотела иметь ничего общего со Зрением; разве не сказано в Священном Писании, что довольно для каждого дня своей заботы[1]? За последний год, с тех пор как двор перебрался в Камелот, о Моргейне она почти не думала,

[1] Мф 6:34.

а вот нынче утром пробудилась, помня сон про Моргейну: о том, как Моргейна взяла ее за руку, и повела к кострам Белтайна, и велела возлечь там с Ланселетом. Окончательно стряхнув с себя дрему, королева готова была рассмеяться фантазии столь безумной. Ясно, что сны насылает сам дьявол, ибо во всех ее снах ей давали советы столь порочные, что христианской жене к ним и прислушиваться грех. Чаще всего в роли советчицы выступала Моргейна.

«*Ну что ж, двор она покинула, и вспоминать мне про нее вовсе незачем... нет-нет, я вовсе не желаю ей зла, пусть себе раскается в грехах и обретет мир в какой-нибудь обители... желательно, подальше отсюда*». Теперь, когда Артур отрекся от своих языческих обычаев, Гвенвифар чувствовала, что могла бы быть счастлива, Если бы не эти сны... в которых Моргейна подсказывает ей всевозможные низости. А теперь вот сон так и преследовал ее, в то время как она вышивала для церкви алтарный покров, — преследовал столь неотступно, что королева со стыда сгорала: ну, можно ли вышивать золотой нитью крест, думая при этом о Ланселете? Королева отложила иглу, прошептала молитву, но мысли неумолимо возвращались к прежнему. Артур, когда она попросила о том под Рождество, пообещал загасить костры Белтайна по всей стране; Гвенвифар находила, что следовало бы сделать это куда раньше, да только мерлин запрещал. До чего же трудно не любить старика, размышляла про себя королева; он так мягок и добр; будь он христианином, так превзошел бы всех священников. Но Талиесин утверждал, что несправедливо это по отношению к сельским жителям — отнимать у них простодушную веру в Богиню, радеющую об их полях и урожае и наделяющую плодовитостью человека и зверя. И, право же, чем могут грешить эти люди; целыми днями напролет они трудятся в полях и возделывают землю, чтобы собрать по осени хоть малую толику хлеба и не умереть с голоду; до греха ли им? Напрасно было бы ждать, что дьявол — если, конечно, он и впрямь существует — возьмет на себя труд искушать таких людей.

— Стало быть, в твоих глазах это не грех, что отправляются они к кострам Белтайна, и предаются там разврату и похоти, и свершают языческие обряды, возлегши с чужими мужьями? — отпарировала Гвенвифар.

— Господь знает, жизнь их радостями небогата, — невозмутимо промолвил Талиесин. — И думается мне, нет в том большого зла, что четырежды в год, при смене времен, бедолаги веселятся и делают то, что доставляет им удовольствие. Не вижу я причины любить Бога, что задумывается о таких пустяках и объявляет их греховными. А в твоих глазах это тоже грех, моя королева?

— О да, еще бы; любая женщина-христианка скажет то же самое: разве не грех это — уходить в поля, плясать там в чем мать родила и предаваться похоти с первым встречным... грех, позор, бесстыдство!

Талиесин со вздохом покачал головой:

— И все-таки, моя королева, никто не вправе распоряжаться чужой совестью. Даже если в твоих глазах это — грех и бесстыдство, ты полагаешь, будто знаешь, что правильно для другого? Даже мудрецам не все ведомо, и, возможно, замыслы Господни шире, нежели мы, в невежестве своем, прозреваем.

— Ежели я в силах отличить добро от зла, — а я в силах, ведь и священники тому учат, и в Священном Писании о том говорится, — тогда разве не должно мне страшиться Божьей кары, если я *не* создаю законов, способных удержать моих подданных от греха? — строго ответствовала Гвенвифар. — Господь ведь с *меня* спросит, сдается мне, ежели я допущу, чтобы в государстве моем воцарилось зло; и, будь я королем, я бы давным-давно его истребила.

— Тогда, госпожа, скажу лишь: весьма повезло сей земле, что не ты — ее король. Королю должно оборонять свой народ от чужаков и захватчиков и водить подданных в битвы; королю должно первому встать между землей и любой опасностью, точно так же, как земледелец защищает свои поля от грабителя. Однако не вправе он предписывать подданным, что им хранить в самых сокровенных глубинах сердца.

— Король — защитник своего народа, — горячо спорила Гвенвифар. — А что толку защищать тела, ежели души предаются злу? Послушай, лорд мерлин, я — королева, и матери этой земли посылают ко мне своих дочерей, чтобы те мне прислуживали и обучались придворному обхождению — ты понимаешь? Так что же я была бы за королева, если бы позволяла чужой дочери бесстыдничать и обзаводиться ребенком невесть от кого, или — я слыхала, у королевы Моргаузы такое в обычае, — отправляла бы своих девушек в постель короля, ежели тому пришло бы в голову с ними позабавиться? Матери доверяют мне дочерей, потому что знают: я смогу защитить их и уберечь...

— Это же совсем другое: тебе поручают юных дев, что по молодости своей не знают собственного сердца; и ты, как мать, призвана взрастить и воспитать их, как должно, — возразил Талиесин. — А король правит взрослыми мужами.

— Господь не говорил, что есть один закон — для двора, а другой — для земледельцев! Господь желает, чтобы все люди, сколько есть, соблюдали Его заповеди... а представь на минуту, что не было бы никаких законов? Что, по-твоему, случилось бы с этой землею, если бы я со своими дамами отправилась в поля и

принялась там бесстыдничать? Разве можно допускать такое — да еще в пределах слышимости церковных колоколов?

— Думается мне, что, если бы запретов и не было, ты все равно вряд ли отправилась бы в поля на праздник Белтайн, госпожа моя, — улыбнулся Талиесин. — Я так примечаю, ты вообще не слишком-то любишь выходить за двери.

— Мне пошли на пользу христианские наставления и советы священников; я сама предпочитаю никуда не ходить, — резко отозвалась она.

— Но, Гвенвифар, подумай вот о чем, — очень мягко произнес Талиесин; его выцветшие голубые глаза глядели на собеседницу из сетки морщин и складочек на его лице. — Предположим, что есть закон и есть запрет, но совесть подсказывает тебе, что это правильно и хорошо — безоглядно вручать себя Богине в знак того, что все мы — в ее руках и телом, и душою. Если твоя Богиня желает, чтобы ты так поступала и впредь, — тогда, дорогая моя госпожа, неужто закон, запрещающий костры Белтайна, тебя остановит? Подумай, милая леди: не более чем двести лет назад — неужто епископ Патриций тебе о том не рассказывал? — здесь, в Летней стране, было строго-настрого запрещено поклоняться Христу, ибо тем самым римские боги лишались того, что принадлежало им по справедливости и праву. И среди христиан находились те, что предпочитали скорее умереть, нежели свершить сущий пустяк: бросить щепоть благовоний перед одним из идолов... да, вижу, эту историю ты слышала. Захочешь ли ты, чтобы твой Бог был тираном более беспощадным, нежели римские императоры?

— Но Господь и впрямь существует, а то были лишь идолы, сработанные руками людей, — отозвалась Гвенвифар.

— Не совсем так; не более чем образ Девы Марии, что Артур взял с собою в битву... — возразил Талиесин. — Образ, дарующий утешение умам верующих. Мне, друиду, строго-настрого запрещено держать при себе изображения каких бы то ни было богов; ибо учили меня, во многих моих воплощениях, что я в них не нуждаюсь — мне достаточно подумать о Боге, и он здесь, со мною. Но однажды рожденные на такое неспособны; им нужна их Богиня — в круглых камнях и заводях, точно так же, как простецам-христианам потребен образ Девы Марии и крест; некоторые ваши рыцари изображают его на щитах, чтобы люди распознавали в них христианских воинов.

Гвенвифар отлично знала, что доводы его не без изъяна, но спорить с мерлином не могла. Впрочем, зачем? — все равно он только старик и язычник в придачу.

«*Когда я рожу Артуру сына, — однажды король сказал мне, что тогда исполнит любую мою просьбу, что только в его силах, —*

тогда-то я и попрошу его запретить костры Белтайна и праздники урожая».

Этот разговор Гвенвифар вспоминала много месяцев спустя, утром, пробудившись от ужасного сна. Надо думать, Моргейна непременно посоветовала бы ей отправиться с Ланселетом к кострам... Артур говорил, что, если она родит ребенка, он никогда ни о чем ее не спросит, он, по сути дела, дал ей дозволение взять в любовники Ланселета... Склоняясь над вышивкой, королева чувствовала, что лицо ее пылает; она недостойна даже прикасаться к кресту! Гвенвифар отодвинула от себя алтарный покров и завернула его в ткань погрубее. Она вновь займется вышивкой, как только слегка успокоится.

У дверей послышалась прихрамывающая поступь Кэя.

— Госпожа, — промолвил он. — Король спрашивает, не спуститесь ли вы на ристалище — поглядеть на происходящее. Он хочет вам кое-что показать.

Гвенвифар кивнула своим дамам.

— Элейна, Мелеас, ступайте со мной, — позвала она. — Остальные могут тоже пойти или остаться работать, как пожелают.

Одна из женщин, уже пожилая и близорукая, предпочла остаться за прялкой; остальные, радуясь возможности подышать свежим воздухом, толпой устремились за королевой.

Накануне ночью мела метель, но силы зимы были уже на исходе, и теперь снег быстро таял под солнцем. Крохотные луковки уже проталкивали листики сквозь траву; уже через месяц здесь буйно разрастутся цветы. Когда королева переехала в Камелот, ее отец Леодегранс прислал ей своего любимого садовника, чтобы тот решил, какие овощи и кухонные травы лучше всего выращивать на этом месте. Но этот холм был обжит задолго до римлян, и пряности здесь уже росли; Гвенвифар велела садовнику пересадить их все на свой огород, а обнаружив целые заросли диких цветов, упросила Артура оставить этот уголок ей под лужайку, и тот разбил ристалище чуть в стороне.

Идя через лужайку, королева робко поглядывала по сторонам. Уж больно открытое здесь место, до неба словно рукой подать; вот Каэрлеон жался к самой земле. А здесь, в Камелоте, в дождливые дни чувствуешь себя на острове туманного марева, вроде Авалона, — в ясные же, солнечные дни, как сегодня, высокий холм открыт всем ветрам, и с вершины его видна вся округа; если встать на краю, взгляду открываются мили и мили холмов и лесов...

Ощущение такое, что слишком близко ты к Небесам; воистину, не подобает людям, этим жалким смертным, видеть так далеко... но Артур говорил, что, хотя в земле царит мир, королевский замок должен быть неприступен.

Навстречу ей вышел не Артур, но Ланселет. *«С годами он похорошел еще больше»*, — думала про себя королева. Теперь, когда отпала нужда обрезать волосы совсем коротко, памятуя о боевом шлеме, длинные локоны его, завиваясь, рассыпались по плечам. А еще он отрастил короткую бородку; по мнению Гвенвифар, она Ланселету очень шла, хотя Артур безжалостно дразнил и вышучивал друга, упрекая его в тщеславии. Сам Артур волосы подстригал коротко, на солдатский манер, и заставлял цирюльника брить себя себя каждый день.

— Госпожа, король ждет тебя, — промолвил Ланселет и, взяв королеву под руку, сопроводил ее к рядам скамей, распоряжением Артура возведенных близ деревянного заграждения учебного поля.

Артур поклонился жене, поблагодарил Ланселета улыбкой, взял Гвенвифар за руку.

— Иди сюда, Гвен, присядь рядом со мной... я позвал тебя затем, чтобы показать тебе нечто любопытное. Глянь-ка вон туда...

Группа рыцарей помоложе и юных отроков, состоящих у Артура в услужении, вели учебный бой: поделившись на два отряда, они сражались друг с другом при помощи деревянных мечей и огромных щитов.

— Глянь-ка вон на того, крупного, в изорванной шафрановой рубашке, — промолвил Артур. — Он тебе, часом, никого не напоминает?

Гвенвифар пригляделась к отроку, умело управляющемуся с мечом и щитом: оторвавшись от остальных, он смерчем налетал на противников, сбивая их с ног, одного хватил по голове с такой силой, что тот без чувств рухнул наземь, и могучим ударом по щиту едва не опрокинул второго. Мальчик был совсем юн: на его розовощекой физиономии лишь пробивался первый «пушок»; сущий херувимчик, если бы не шестифутовый рост и не широкие, точно у быка, плечи.

— Он сражается как сам дьявол, — промолвила Гвенвифар, — но кто же он? Кажется, я мельком видела его при дворе...

— Да это тот самый паренек, что явился ко двору, а имя свое назвать отказался, — пояснил усевшийся рядом Ланселет, — так что ты поручила его Кэю, чтобы на кухне помогал. Его еще Красавчиком прозвали за то, что руки у него такие холеные да белые. Кэй на грубые шутки не скупился: дескать, то-то запачкает он нежные пальчики, вращая вертел и чистя овощи. Нашему Кэю на язык лучше не попадаться.

— А мальчишка ни словом ему не отвечал, — буркнул Гавейн, сидящий по другую руку от Артура. — Он, что голыми руками, переломил бы Кэя надвое. Как-то раз Кэй гнусно пошутил

насчет его происхождения, дескать, он, видать, мужлан низкорожденный, сын кухаря и кухарки, раз уж работа эта так легко ему дается, — так Красавчик лишь глянул на него сверху вниз и говорит: негоже это, дескать, — поднимать руку на рыцаря, ставшего калекой на королевской службе.

— Это небось оказалось для Кэя похлеще любых колотушек, — саркастически отметил Ланселет. — Кэй, бедняга, считает, что ни к чему не пригоден, кроме как поворачивать вертел да блюда разносить. Надо бы тебе, Артур, отправить Кэя на какое-нибудь приключение, ну хотя бы съездить отыскать следы Пелинорова дракона.

Элейна и Мелеас дружно прыснули, прикрывшись ладошками.

— Да, пожалуй, и впрямь надо, — откликнулся Артур. — Кэй так хорош и так мне предан, что жаль позволять ему киснуть в четырех стенах. Вы же знаете, я ему Каэрлеон хотел отдать, да только он и слушать не пожелал. Говорит, отец наказал ему служить мне лично, своими руками, покуда он жив, так что лучше поедет он в Камелот вести мой дом. Но этот парнишка... Ланс, ты его Красавчиком назвал? Он тебе никого не напоминает, госпожа моя?

Королева внимательно присмотрелась к отроку, атакующему последнего из поединщиков противной стороны; длинные, светлые волосы его разлетались по ветру. Высокий, широкий лоб, крупный нос, а руки, крепко сжимающие оружие, и впрямь коленые да белые... а рядом с Артуром королева увидела точно такой же нос и синие глаза, посверкивающие из-под гривы рыжих волос.

— Ой, да он же на Гавейна похож! — воскликнула королева едва ли не укоризненно.

— Господь помилуй нас и спаси, а ведь так оно и есть, — со смехом подтвердил Ланселет. — А я-то и не заметил — а ведь вижу мальчика едва ли не каждый день. Я ему и шафранную рубашку подарил; у бедняги и лоскута за душою не было.

— И рубашку, и много еще чего другого, — подтвердил Гавейн. — Когда я спросил мальца, все ли у него есть, что подобает его положению, он рассказал мне о твоих подарках. Очень благородно с твоей стороны помочь мальчику, Ланс.

— Так стало быть, он — птенчик из твоего выводка, Гавейн? — изумленно спросил Артур, оборачиваясь к кузену. — Вот уж не знал, что ты успел сыном обзавестись.

— Нет, король мой. Это... это мой младший брат, Гарет. Но он просил меня никому не говорить...

— И ты даже *мне* не сказал, кузен? — с упреком отозвался Артур. — У тебя, значит, завелись тайны от своего короля?

— Не в том дело, — смущенно запротестовал Гавейн, и его

широкое, квадратное лицо полыхнуло багрянцем, так что и он сам, и волосы его, и кирпично-красные щеки сделались одного оттенка; Гвенвифар не уставала изумляться тому, что этот дюжий, воин краснеет, словно дитя. — Ничего подобного, король мой; просто мальчик умолил меня не выдавать его; он сказал, что ты даришь меня благосклонностью как кузена и родича, но ежели ему суждено снискать милость при Артуровом дворе и отличиться в глазах великого Ланселета, — так он и сказал, Ланс, в глазах *великого Ланселета*, — так пусть это будет благодаря его деяниям, а не имени и происхождению.

— Что за глупость, — отозвалась Гвенвифар, но Ланселет лишь рассмеялся.

— Нет же — это благородный поступок. Часто жалею я о том, что у меня не хватило ума и храбрости поступить так же; а то меня терпели лишь потому, что я, в конце концов, бастард самого короля, так что пытаться заслужить что-то самому мне вроде бы и незачем; вот почему я из кожи вон лез, стремясь отличиться в битве, чтобы никто не посмел сказать: дескать, чтят меня незаслуженно...

Артур ласково потрепал Ланселета по руке.

— Этого тебе страшиться незачем, друг мой, — промолвил он. — Все знают, что ты — лучший из моих рыцарей и наиболее приближен к трону. Но, Гавейн, — король обернулся к рыжеволосому рыцарю, — я и тебя отличаю не потому, что ты — родич мой и наследник, но потому лишь, что ты предан и стоек и десятки раз спасал мне жизнь. Находились те, кто внушал мне: дескать, не след держать наследника в телохранителях, ибо если долг свой он исполняет чересчур ревностно, так не видать ему трона, как своих ушей; не раз и не два имел я повод радоваться, что спину мне прикрывает родич столь верный. — Артур обнял Гавейна за плечи. — Значит, это твой брат; а я о том и не знал.

— Я и сам не знал поначалу, — отозвался Гавейн. — Когда я в последний раз его видел, ну, на твоей коронации, мальчишка росточком до рукояти моего меча не дотягивал, а сейчас — да сами видите! — Гавейн указал на брата рукою. — Но как только я приметил его на кухне, я подумал: а ведь малец небось бастард наших кровей. Господь свидетель, у Лота таких полным-полно. Вот тогда-то я его и узнал, а Гарет упросил меня не выдавать его: ему, видите ли, хочется стяжать славу самому, без чьей-то помощи!

— Ну что ж, за год суровой школы нашего Кэя любой маменькин сынок превратится в мужчину, — отозвался Ланселет, — а этот, Господь свидетель, держался отважно и стойко.

— Дивлюсь я, Ланселет, что ты его не признал: из-за него ты на Артуровой свадьбе едва шею себе не свернул, — любезно на-

помнил Гавейн. — Помнишь, как ты вручил его нашей матушке и велел вздуть мальчишку хорошенько, чтобы не кидался под копыта...

— Ага, а вскорости после этого я себе чуть мозги не вышиб... да, теперь вспомнил, — расхохотался Ланселет. — Так это, значит, тот самый юный негодник! Да ведь остальных отроков он уже далеко обставил, пора ему упражняться со взрослыми мужами и рыцарями! Похоже, очень скоро он окажется в числе лучших. Ты мне дозволишь, лорд мой?

— Делай, как знаешь, мой друг.

Ланселет снял с пояса меч.

— Сохрани его для меня, госпожа, — попросил он, протягивая клинок Гвенвифар. А затем перепрыгнул через ограду, схватил один из учебных деревянных мечей и бегом бросился к дюжему, светловолосому отроку.

— Этих парней ты уже перерос, приятель, — иди-ка сюда, попробуй свои силы с тем, кто равен тебе статью!

«*Равен статью?*» — вдруг ужаснулась про себя Гвенвифар. Но ведь Ланселета великаном никак не назовешь, он и ее немногим выше, а юный Красавчик обогнал его почти на целую голову! На мгновение мальчик заколебался: шутка ли, это ж сам королевский конюший! Но Артур одобрительно кивнул, и лицо отрока озарилось неуемной радостью. Он бросился на Ланселета, занеся деревянный меч для удара, — и изрядно опешил, когда удар обрушился, но противника на месте не оказалось; Ланселет уклонился, стремительно развернулся — и достал его в плечо. В последнее мгновение он задержал оружие, так, что клинок мальчика едва коснулся, хотя и разорвал ему рубашку. Гарет быстро пришел в себя, отбил следующий Ланселетов удар — а в следующий миг Ланселет, поскользнувшись на мокрой траве, не устоял на ногах, но рухнул перед мальчишкой на колени.

Красавчик отступил назад.

— Идиот! А если бы на моем месте был здоровенный сакс? — заорал Ланселет, вскакивая на ноги, и со всей силы огрел мальчугана по спине плашмя. Удар отшвырнул отрока в сторону; собственный его клинок взлетел в воздух и приземлился на середине учебного поля; Гарет покатился по земле да так и остался лежать, наполовину оглушенный.

Ланселет поспешил к нему и, улыбаясь, склонился над лежащим.

— Я не хотел тебе повредить, паренек, но надо тебе научиться защищаться получше. — Он протянул руку. — Давай-ка, обопрись на меня.

— Ты оказал мне честь, сэр, — ответствовал отрок, зардевшись. — И воистину, ощутить твою силу мне куда как на пользу.

Ланселет хлопнул его по плечу.

— Дай Бог нам всегда сражаться плечом к плечу, Красавчик, а не против друг друга, — промолвил рыцарь и зашагал назад к королю. Отрок подобрал меч и возвратился к сверстникам; те, обступив Гарета тесным кольцом, тут же принялись его поддразнивать:

— Что, Красавчик, ты, никак, королевского конюшего едва не сразил в честном бою...

Глядя, как Ланселет перебирается обратно через заграждение, Артур не сдержал улыбки.

— Учтиво и благородно ты поступил, Ланс. Из мальчишки выйдет добрый рыцарь — под стать брату, — добавил король, кивая Гавейну. — Родич, не говори ему, что я знаю, кто он: он скрывает свое имя из побуждений весьма достойных. Передай лишь, что я видел, как он сражается, и посвящу его в рыцари на праздник Пятидесятницы, когда явиться ко мне дозволено любому просителю, ежели он предстанет передо мною и попросит о мече, подобающем его положению.

Гавейн так и просиял. Вот теперь, подумала Гвенвифар, любой, увидев этих двоих рядом, ни на минуту не усомнился бы, что они в родстве: улыбаются они совершенно одинаково.

— Благодарю тебя, лорд мой и король. Да послужит он тебе так же верно, как и я.

— Такое вряд ли возможно, — сердечно промолвил король. — Повезло мне с друзьями и соратниками.

А Гвенвифар подумала про себя, что воистину Артур любому способен внушить любовь и преданность: в этом и состоит секрет его королевской власти, ибо, хотя в битвенной науке он достаточно искушен, сам он — боец не из лучших; не раз и не два на турнирах (при дворе их частенько устраивали — и для развлечения, и того ради, чтобы рыцари не разучились сражаться), — на ее глазах Ланселет и даже старик Пелинор сбрасывали его с седла или опрокидывали на землю. Артур же никогда не злился, не мучился оскорбленной гордостью, но всякий раз добродушно говорил, как он рад, что жизнь его хранят бойцы столь отменные, и как хорошо, что они — друзья ему, а не враги.

Вскорости отроки собрали учебное оружие и разошлись. Гавейн отправился потолковать с братом, а король увлек Гвенвифар к укрепленной стене. Камелот высился на огромном высоком холме; на плоской вершине его с легкостью разместилось бы крупное селение; там-то, в пределах стен, и выстроили замок и город. Артур подвел королеву к своему любимому месту обзора; оттуда, поднявшись на стену, можно было оглядеть всю обширную долину от края до края. Голова у Гвенвифар тут же закружи-

лась, и королева крепко-накрепко вцепилась в стену. Отсюда она различала островной дом своего детства, страну короля Леодегранса, а чуть к северу маячил еще один остров, похожий на свернувшегося кольцом дракона.

— Твой отец стареет, а сына у него нет, — промолвил Артур. — Кто будет править после него?

— Не знаю... думается мне, он захочет, чтобы ты назначил регента от моего имени, — отозвалась Гвенвифар. Одна из ее сестер умерла родами где-то далеко в Уэльсе; вторая не пережила осады их замка. А из сыновей второй жены ее отца ни один не выжил; так что унаследовать королевство суждено Гвенвифар. Но как может она, женщина, уберечь страну от тех, кто жаден до земли? Она скользнула взглядом куда-то мимо отцовских владений и полюбопытствовала:

— Твой отец... Пендрагон... он тоже был произведен в короли на Драконьем острове?

— Так рассказывала мне Владычица Озера; и он тоже приносил клятву защищать древнюю религию и Авалон — как и я, — угрюмо промолвил Артур, не сводя глаз с Драконьего острова. И какой только языческой чепухой забита сейчас его голова?

— Но когда ты обратился к Богу единому и истинному, тогда и только тогда даровал Он тебе величайшую из побед, и сумел ты изгнать саксов с этого острова на веки вечные.

— Глупости ты говоришь, — возразил Артур. — Не думаю я, что какая-либо земля может быть в безопасности на веки вечные, кроме как Божьим соизволением...

— Но ведь Господь вручил тебе всю эту землю, Артур, дабы правил ты над нею как христианский король. Это как с пророком Илией — мне епископ рассказывал, — ибо вышел он в путь со служителями Господними, и повстречал пророков Вааловых, и стали они призывать своих богов, и Единый Господь явил свое величие, а Ваал оказался лишь идолом, так что не было от него ни голоса, ни ответа[1]. Если бы обычаи и законы Авалона обладали хоть какой-нибудь властью, разве Господь и Пресвятая Дева даровали бы тебе победу столь славную?

— Мои воинства разгромили саксов, но меня, возможно, еще настигнет кара за клятвопреступление, — отозвался Артур. Лоб его избороздили морщины горя, в лице отразился страх: Гвенвифар терпеть этого не могла!

Она прошла чуть южнее, до боли напрягая глаза: отсюда, если вглядеться повнимательнее, можно было различить шпиль церкви святого Михаила на Холме: Михаил, повелитель подземного мира, храбро сражается, не позволяя языческим богам вы-

[1] 3 Цар 18.

браться за пределы из ада, вот поэтому церковь посвящена ему и никому иному. Вот только порою шпиль словно расплывался перед ее глазами, и Гвенвифар казалось, будто вершину Холма венчает не церковь, но круг стоячих камней. Сестры гластонберийской обители рассказывали ей, что в скверные языческие времена так оно и было; и монахи затратили немало труда, низринув камни и оттащив их прочь. Надо думать, грешная она женщина, раз взгляд ее устремляется во тьму язычества. Однажды ей приснилось, будто они с Ланселетом возлежат вместе под сенью круга камней, и он получил от нее то, в чем она ему до сих пор отказывала...

Ланселет. Он такой благородный, никогда не требовал он у нее большего, чем христианка и законная супруга другого могла бы даровать ему, не запятнав себя бесчестием... однако разве не сказано в Священном Писании, что сам Христос говорил: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»[1]... Так что она и впрямь согрешила с Ланселетом, и снисхождения ей нет, оба они — прокляты. Гвенвифар поежилась и отвела взгляд от Холма: ей вдруг показалось, будто Артур читает ее мысли. Во всяком случае, он произнес имя Ланселета...

— А ты со мною не согласна, Гвен? Ланселету давно пора жениться.

Гвенвифар постаралась, чтобы голос ее звучал ровно.

— В тот день, когда Ланселет попросить подыскать ему жену, лорд мой и мой король, следует тебе исполнить его просьбу.

— Но он никогда не попросит, — отозвался Артур. — Он не желает покидать меня. Пелинорова дочка стала бы ему хорошей женой, кроме того, она приходится тебе кузиной... не кажется ли тебе, что она отлично подойдет? Ланселет небогат, у Бана слишком много бастардов, чтобы выделить каждому сколько-нибудь значительную долю. Для обоих это — хорошая партия.

— Да, конечно же, ты прав, — согласилась Гвенвифар. — Элейна так и ест его глазами, прямо как ребятня с игровой площадки, дожидаясь доброго слова или хотя бы взгляда. — Хотя сердце у нее ныло, наверное, Ланселету и в самом деле лучше жениться; уж слишком он хорош, чтобы быть намертво привязанным к женщине, способной дать ему так мало; кроме того, тогда она сможет искупить свой грех, твердо пообещав не грешить больше; а пока Ланселет рядом, сие невозможно.

— Что ж, так я поговорю с Ланселетом еще раз. Он говорит, что душа у него не лежит к женитьбе, но я сумею убедить его, что брак вовсе не означает изгнания от двора. Ну разве не славно

---

[1] Мф 5:28.

оно было бы и для меня, и для моих близких, если бы в один прекрасный день наши дети рассчитывали на службу сыновей Ланселета?

— Дай Господи, чтобы день этот настал, — промолвила Гвенвифар, осеняя себя крестом. Так, вместе, стояли они на вершине холма, а внизу перед ними расстилалась Летняя страна.

— А вон всадник едет, — заметил Артур, глядя на дорогу, ведущую к замку. И, едва всадник приблизился, добавил: — Да это Кевин Арфист прибыл с Авалона. И на сей раз по крайней мере у него хватило ума взять с собою слугу.

— Никакой это не слуга, — возразила Гвенвифар; ее зоркие глаза задержались на хрупкой фигурке, восседающей на коне позади Кевина. — Это женщина. Стыд-то какой: я-то думала, что друиды, подобно священникам, воздерживаются от женщин.

— Некоторые и воздерживаются, любимая, но я слыхал от Талиесина, будто тем, что не принадлежат к высшим чинам, вполне дозволено жениться, и очень многие так и поступают, — пояснил король. — Вероятно, что и Кевин обзавелся женой; или, может статься, просто подвез кого-нибудь по дороге. Пошли служанку известить Талиесина, что он прибыл, и еще одну — на кухню: если нынче вечером нам уготована музыка, так подобает нам устроить что-то вроде пира! Пойдем-ка поприветствуем его: арфист настолько искусный, как Кевин, достоин того, чтобы его встречал сам король.

К тому времени как они дошли до главных врат, створки уже распахнулись, и Кэй лично вышел поприветствовать великого арфиста. Кевин поклонился королю, а взгляд Гвенвифар остановился на хрупкой, одетой в лохмотья фигурке позади него.

— Вот я и возвратилась ко двору, братец, — промолвила Моргейна, поклонившись.

Артур шагнул вперед и обнял сестру.

— Добро пожаловать назад — слишком долго мы не виделись, — промолвил он, прижимаясь щекою к ее щеке. — Теперь, когда матушка наша нас покинула, нам, родичам, должно держаться вместе. Не покидай меня больше, сестра.

— Я об этом и не помышляю, — заверила молодая женщина.

Подошла Гвенвифар и в свой черед обняла гостью, чувствуя, как та исхудала: кожа да кости, право слово!

— Ты, похоже, долго странствовала, сестра моя, — заметила она.

— Верно... я приехала издалека, — отозвалась Моргейна. Взяв гостью за руку, Гвенвифар повела ее в замок.

— Куда же ты пропала? Тебя так долго не было... я уж думала, ты вовсе не вернешься, — промолвила королева.

— Порою и я так думала, — откликнулась Моргейна. Между прочим, ни словом не пояснив, где же она все-таки была.

— Все твое добро — арфа, платья, всевозможный скарб — осталось в Каэрлеоне. Завтра я пошлю за ними самого быстрого гонца, — заверила Гвенвифар, уводя гостью в комнату, где спали ее дамы. — А до тех пор, ежели хочешь, я одолжу тебе свое платье... ты слишком долго пробыла в дороге, сестрица, и вид у тебя — точно в коровнике ночевала. На тебя, никак, напали разбойники и обобрали тебя до нитки?

— В пути со мною и впрямь приключилась беда, — промолвила Моргейна, — и если ты пришлешь ко мне служанку, чтобы мне помыться и переодеться в чистое, я буду благословлять тебя. А еще не одолжишь ли мне гребень, и шпильки для волос, и нижнюю рубашку?

— Мое платье будет тебе слишком длинно, — размышляла вслух Гвенвифар, — но ты, конечно же, сумеешь как-нибудь заколоть его — до тех пор, пока не привезут твою собственную одежду. Гребни, покрывала и нижние рубашки я одолжу тебе с радостью, да и башмаки в придачу: эти выглядят так, как если бы ты прошла в них отсюда до Лотиана и обратно! — Королева жестом подозвала к себе одну из прислужниц. — Сходи принеси красное платье, и покрывало к нему, и нижнюю рубашку, и мою запасную пару домашних туфель, и чулки, — выбирай все, что сочтешь нужным, дабы сестра моего супруга оделась, как подобает ее положению. И распорядись, чтобы приготовили ванну, и позови банщицу. — И, с отвращением глянув на снятое Моргейной платье, прибавила: — А если вот это не удастся хорошенько проветрить и вычистить, отдай его какой-нибудь коровнице!

За королевским столом Моргейна появилась в красном платье, что очень ей шло, скрадывая излишнюю бледность; ее умоляли спеть, но молодая женщина отказалась, говоря, что, раз в замке гостит Кевин, никто не станет слушать чириканье малиновки, ежели рядом — соловей.

На следующий день Кевин испросил у короля частной аудиенции; он, Артур и еще Талиесин, затворившись в покоях, совещались на протяжении многих часов, и даже ужин им принесли туда; однако Гвенвифар так и не узнала, о чем они говорили; Артур почти не рассказывал ей о делах государственных. Вне всякого сомнения, друиды злились на короля за то, что тот счел нужным отречься от своих обетов Авалону, но рано или поздно им придется с этим смириться и признать, что Артур — христианский король. Что до Гвенвифар, у нее и других забот полно.

Той весной при дворе свирепствовала лихорадка; заболели и некоторые ее дамы, так что вплоть до Пасхи королеве некогда было отвлекаться на что-то еще. Гвенвифар и думать не думала, что порадуется присутствию Моргейны; однако Моргейна

многое знала о травах и о науке исцеления, и, скорее всего, только благодаря Моргейниной мудрости при дворе все выжили; по слухам, в окрестностях перемерло немало народу, главным образом маленькие дети и старики. Юная сводная сестра королевы, Изотта, тоже пала жертвой недуга, но о том прослышала ее мать и настояла на том, чтобы забрать дочь от двора, так что Изотту отослали обратно на остров, и ближе к концу месяца Гвенвифар сообщили о смерти девочки. Королева горько оплакивала ее кончину: она всей душой привязалась к Изотте и надеялась выдать ее замуж за кого-нибудь из Артуровых соратников, как только отроковица подрастет.

Занедужил и Ланселет; и Артур распорядился, чтобы больного разместили в замке и приставили к нему дам из королевиной свиты. Пока существовала опасность заразиться, Гвенвифар к нему не приближалась: королева надеялась, что вновь забеременела, однако упования ее не оправдались, то были лишь тщетные надежды и иллюзии. Когда же Ланселет пошел на поправку, королева частенько навещала его и подолгу сиживала с ним рядом.

Приходила и Моргейна — поиграть больному на арфе, пока тот прикован к постели. Однажды, наблюдая за этой парой, поглощенной беседой об Авалоне, Гвенвифар перехватила взгляд молодой женщины и подумала: «*Да она же до сих пор его любит!*» Королева знала: Артур все еще надеется сосватать Моргейну за Ланселета, и, изнывая от ревности, следила, как Ланселет внимает Моргейниной арфе.

«*Какой чудесный у нее голос; она не красавица, зато так мудра и всему обучена; красавиц вокруг пруд пруди, вон Элейна, например, и Мелеас, и даже Моргауза, но что до того Ланселету?*» А как нежно и ласково приподнимает Моргейна больного и подносит ему травяные снадобья и жаропонижающие настойки! Она-то, Гвенвифар, в уходе за больными ничегошеньки не смыслит; и в целительском искусстве не сведуща; просто сидит себе, точно воды в рот набрала, а Моргейна между тем соловьем заливается, хохочет, развлекает недужного на все лады.

Уже темнело, когда Моргейна наконец отложила арфу.

— Я уже и струн не вижу, и охрипла, точно ворона; не могу больше петь. Изволь-ка выпить лекарство, Ланселет; а потом я пришлю к тебе слугу: пора тебе укладываться на ночь.

Криво улыбнувшись, Ланселет принял чашу из ее рук.

— Твои настойки и впрямь снимают жар, родственница, но — бр-р-р! Вкус у них...

— А ну, пей без разговоров! — рассмеялась Моргейна. — Артур отдал тебя в мое распоряжение — пока не поправишься...

— Ага, и, конечно же, если я откажусь, ты меня поколотишь

и отправишь спать без ужина, а если я выпью лекарство, как хороший мальчик, меня поцелуют и угостят медовым пирогом, — съязвил Ланселет.

— Медового пирога тебе пока нельзя, обойдешься и вкусной кашкой-размазней, — прыснула Моргейна. — Но если ты все-таки выпьешь настойку, я поцелую тебя на ночь, а медовый пирог испеку, когда ты поправишься.

— Да, матушка, — отвечал Ланселет, наморщив нос. Гвенвифар видела: шутка Моргейне не по душе; но как только больной осушил чашу, молодая женщина склонилась над ним, легонько поцеловала в лоб и подоткнула ему одеяло — ни дать ни взять мать, укладывающая ребенка в колыбельку. — Ну вот, хороший ты мой мальчик, засыпай теперь, — смеясь, промолвила она, однако в смехе ее звучала горечь.

Когда за Моргейной закрылась дверь, Гвенвифар подошла к кровати больного.

— Она права, дорогой мой; тебе нужно выспаться хорошенько.

— Моргейна всегда права, и до чего же мне это осточертело, — в сердцах отозвался Ланселет. — Посиди со мной немного, любимая моя...

Нечасто осмеливался он так обращаться к своей королеве; однако Гвенвифар присела на край постели и позволила больному завладеть своей рукой. Очень скоро Ланселет заставил ее улечься рядом с собою и поцеловал; вытянувшись на самом краешке кровати, Гвенвифар позволяла целовать себя снова и снова; но спустя какое-то время Ланселет устало вздохнул и, не протестуя, дал ей подняться.

— Любимая моя, ненаглядная, так дальше продолжаться не может. Дозволь мне уехать от двора.

— Куда же? Гоняться за ненаглядным Пелиноровым драконом? А чем же тогда Пелинор станет развлекаться на старости лет? Он же охоту просто обожает, — отшутилась Гвенвифар, хотя сердце ее сжалось от боли.

Ланселет схватил ее за плечи и вновь уложил рядом с собою.

— Нет, не шути так, Гвен... ты знаешь, и я знаю, и Господь помоги нам обоим, думается мне, что знает и Артур: я никого не любил, кроме тебя, с тех самых пор, как впервые увидел тебя в доме твоего отца, — и никого другого вовеки не полюблю. А если надеюсь я сохранить верность королю своему и другу, тогда должно мне уехать от двора и никогда больше тебя не видеть...

— Если ты считаешь, что в том твой долг, я не стану тебя удерживать, — промолвила Гвенвифар.

— А я ведь уже уезжал прежде, — исступленно выкрикнул он. — Всякий раз, когда я отправлялся на войну, некая часть меня

мечтала, чтобы я погиб от руки саксов и не возвращался более к безнадежной любви — прости меня Господи, порою я ненавидел своего короля, — а ведь я клялся любить его и служить ему верой и правдой! — а в следующий миг думал, что ни одной женщине не удастся разорвать нашу дружбу, и я давал слово не думать о тебе иначе, как о супруге моего сюзерена. Но ныне войны закончились, и вынужден я сидеть здесь целыми днями и глядеть на тебя рядом с ним, восседающим на высоком троне, и представлять тебя в его постели, женой счастливой и довольной...

— С чего ты взял, что я более счастлива и более довольна, чем ты? — дрожащим голосом осведомилась Гвенвифар. — По крайней мере, тебе дано выбирать, ехать тебе или задержаться, а меня вручили Артуру, даже не спросив, хочу я того или нет! И не могу я взять и уехать от двора, если происходящее мне не по душе, но должна оставаться здесь, в стенах крепости, и выполнять то, чего от меня ждут... если надо тебе уехать, я не могу сказать: «Останься!» — а если ты останешься, не могу потребовать: «Уезжай!» Ты по крайней мере, свободен оставаться или покинуть нас, в зависимости от того, что сделает тебя счастливее!

— Ты думаешь, для меня речь идет о счастье, неважно, остаюсь я или уезжаю? — вопросил Ланселет, и на мгновение Гвенвифар показалось, что он того и гляди разрыдается. Но вот рыцарь овладел собою. — Любимая, так что же мне делать? Господь меня сохрани причинять тебе новые горести! Если я уеду от двора, тогда долг твой окажется прост и ясен: быть хорошей женой Артуру, не более, но и не менее. А если я останусь... — Он умолк на полуслове.

— Если ты считаешь, что долг твой призывает тебя прочь, — промолвила она, — тогда уезжай. — И по лицу ее, затуманивая взор, хлынули слезы.

— Гвенвифар... — проговорил рыцарь, и голос его прозвучал так напряженно, словно он только что получил смертельную рану. Ланселет так редко называл ее полным именем; он всегда обращался к ней «моя госпожа» или «моя королева», а если в шутку — то просто Гвен. И теперь, услышав свое имя из его уст, королева подумала, что в жизни не внимала музыке слаще. — Гвенвифар, отчего ты плачешь?

Вот теперь ей придется солгать, и солгать умело, ибо честь не позволяет сказать ему правду.

— Потому что... — начала она, и умолкла, и сдавленно докончила: — Потому что я не знаю, как мне жить, если ты уедешь прочь.

Ланселет судорожно сглотнул и сжал ее руки в своих.

— Но тогда... послушай, любовь моя... я не король, но отец

подарил мне в Бретани небольшое поместье. Отчего бы тебе не уехать из Камелота вместе со мною? Я... я сам не знаю... может, так оно достойнее, нежели оставаться здесь, при Артуровом дворе, и соблазнять его жену...

«*Так значит, он меня любит*, — думала Гвенвифар, — *его влечет ко мне, это — достойный выход...*» Но тут же нахлынула паника. Уехать Бог знает куда, одной, так далеко — даже если рядом будет Ланселет... и сей же миг королева представила, что о ней скажут, если она покроет себя бесчестием...

Ланселет лежал, по-прежнему сжимая ее руку.

— Мы никогда не смогли бы вернуться, ты ведь понимаешь — никогда. И, скорее всего, нас обоих отлучили бы от церкви... для меня это ничего не значит, не такой уж я убежденный христианин. Но ты, моя Гвенвифар...

Она закрыла лицо покрывалом и зарыдала: какая же она жалкая трусиха!

— Гвенвифар, — промолвил он. — Я не хотел бы ввести тебя в грех...

— Мы уже согрешили, и ты, и я, — горько выкрикнула она.

— И, если священники не врут, мы будем за это прокляты, — с ожесточением отозвался Ланселет, — и однако же я не получил от тебя ничего, кроме этих поцелуев: зла и вины перепало нам с лихвою, но ни малой толики наслаждения, что таит в себе грех. И, сдается мне, не верю я священникам — что же это за Бог такой, что расхаживает в темноте вроде как ночной сторож, подглядывая и подсматривая, точно старая деревенская сплетница, любопытствующая, не спит ли кто-нибудь с женою соседа...

— Вот и мерлин говорил что-то похожее, — тихо промолвила Гвенвифар. — Иногда мне кажется, что в этих словах есть смысл, а в следующий миг я задумываюсь, уж не дьявольское ли это искушение...

— Ох, только не говори мне про дьявола, — воскликнул Ланселет, снова заставляя ее улечься рядом. — Любимая, родная моя, я уйду, если ты того хочешь, или останусь, но только не в силах я видеть, как ты горюешь...

— Я сама не знаю, чего хочу, — рыдала и всхлипывала она, позволяя себя обнять. Наконец Ланселет прошептал:

— За грех мы уже заплатили... — и припал к ее губам. Трепеща, Гвенвифар уступила поцелую, и вот уже жадные, нетерпеливые ладони его легли ей на грудь. Королева почти надеялась, что на сей раз одними поцелуями он не удовольствуется, но тут в коридоре послышались шаги, и Гвенвифар в панике выпрямилась. Когда в комнату вошел Ланселетов оруженосец, она уже чинно сидела на краешке кровати.

— Лорд мой? — откашлявшись, произнес вошедший. —

Леди Моргейна сказала, что тебе пора спать. С твоего позволения, госпожа?..

«*Снова Моргейна, будь она проклята!*» Рассмеявшись, Ланселет выпустил руку Гвенвифар.

— Да, к тому же госпожа моя наверняка устала. Пообещаешь ли ты навестить меня завтра, моя королева?

Гвенвифар и радовалась, и злилась на то, что голос его звучит так спокойно. Она отвернулась от светильника, что принес с собою слуга; королева знала, что покрывало ее сбилось на сторону, платье измято, лицо покраснело от слез, волосы растрепались. Да уж, вид у нее не лучший; что только слуга подумает? Гвенвифар набросила покрывало на лицо и поднялась на ноги.

— Доброй ночи, сэр Ланселет. Керваль, смотри, хорошенько позаботься о лучшем друге моего короля, — промолвила она и вышла, слабо надеясь на то, что успеет добраться до собственных покоев, прежде чем вновь разрыдается. «*Ох, Господи, как... как же смею я молить Господа о том, чтобы грешить и дальше? Молиться должно о том, чтобы избавиться от искушения — а я не могу!*»

Глава 16

За день-два до кануна праздника Белтайн при дворе Артура вновь появился Кевин. Моргейна ему обрадовалась: весна выдалась бесконечно долгая и безрадостная. Ланселет, исцелившись от лихорадки, отправился на север, в Лотиан; Моргейна подумывала о том, не съездить ли в Лотиан и ей, поглядеть, как там ее сын; но путешествовать в обществе Ланселета ей не хотелось, да и тот вряд ли пожелал бы ее в спутницы. «*Моему сыну хорошо там, где он есть; навещу его в следующий раз*», — в конце концов решила про себя она.

Гвенвифар сделалась молчалива и печальна; за те годы, что Моргейна провела вдали от двора, королева из беззаботной девочки превратилась в женщину немногословную, задумчивую и не в меру набожную. Моргейна подозревала про себя, что королева тоскует о Ланселете; и, зная Ланселета, не без презрения думала, что тот и в покое женщину не оставит, и в грех толком не введет. Впрочем, Гвенвифар его стоит: она и не отдастся любимому, и из рук его не выпустит. Любопытно, что на этот счет думает Артур? Впрочем, чтобы спросить его напрямую у Моргейны не хватало храбрости.

Моргейна радушно встретила Кевина, прикидывая про себя, что, скорее всего, Белтайн они отпразднуют вместе: солнечные токи пылали у нее в крови, и если уж не дано заполучить того

мужчину, что ей желанен (а Моргейна знала: ее по-прежнему влечет к Ланселету), отчего бы не взять любовника, которому в радость она сама; ведь так приятно чувствовать себя дорогой и желанной. И в отличие от Артура с Ланселетом Кевин свободно говорил с нею о делах государственных. В горькую минуту Моргейна с сожалением думала о том, что, останься она на Авалоне, сейчас с нею уже советовались бы по поводу всех важных событий ее времени.

Что ж, поздно сожалеть о том, чего не воротишь, что сделано, то сделано. Так что Моргейна приняла Кевина в парадном зале и распорядилась, чтобы подали вино и снедь, — эту миссию Гвенвифар охотно перепоручила своей придворной даме. Королева весьма любила послушать игру Кевина на арфе, но самого музыканта на дух не переносила. Так что Моргейна прислуживала ему за столом — и расспрашивала об Авалоне.

— В добром ли здравии Вивиана?

— В добром и по-прежнему собирается приехать в Камелот на Пятидесятницу, — сообщил Кевин. — Оно и к лучшему, меня Артур даже слушать не стал. Хотя пообещал не запрещать костры Белтайна — по крайней мере, в этом году.

— Запрещай не запрещай — все равно толку с того будет мало, — отозвалась Моргейна. — Но у Артура есть и иные заботы — и куда ближе к собственному дому. Там, за окном, так близко, что с вершины холма разглядеть можно, — она указала рукой, — лежит островное королевство Леодегранса. Ты не слышал?

— Встречный путник сообщил мне, что Леодегранс скончался, не оставив сына, — откликнулся Кевин. — Его жена Альенор умерла вместе с младшим ее ребенком через несколько дней после смерти мужа. В тех краях лихорадка собрала обильную жатву.

— Гвенвифар даже на похороны не поехала, — продолжала Моргейна. — Впрочем, причины для слез у нее нет: любящим отцом Леодегранса никак нельзя было назвать. Артуру придется посоветоваться с ней насчет того, чтобы послать туда регента: он говорит, что теперь королевство принадлежит ей, и ежели у них родится второй сын, так ему-то остров и достанется. Однако непохоже на то, что Гвенвифар хотя бы одного сына родит.

Кевин медленно кивнул:

— Да, помнится, у нее был выкидыш перед самой битвой при горе Бадон, и королева едва от него оправилась. А сколько ей, кстати?

— Думаю, по меньшей мере двадцать пять, — предположила Моргейна, не будучи, впрочем, вполне уверена: слишком долго прожила она в волшебной стране.

— Для первого ребенка это многовато, — отозвался Кевин, — хотя не сомневаюсь, что, как любая бесплодная женщина, она молится о чуде. А что не так с Верховной королевой, что она никак не может зачать?

— Я ж не повитуха, — пожала плечами Моргейна. — С виду она вполне здорова, на молитвах все коленки стерла, но все тщетно.

— Что ж, все в воле Богов, — отозвался Кевин, — однако милость их этой стране куда как понадобится, ежели Верховный король умрет, не оставив наследника! А теперь, когда извне не напирают саксы, что помешает соперничающим королям Британии наброситься друг на друга и разорвать землю на мелкие клочки? Лоту я никогда не доверял, но теперь Лот мертв, а Гавейн верен Артуру безоговорочно, так что со стороны Лотиана страшиться нечего, разве что Моргауза найдет себе любовника, достаточно честолюбивого, чтобы претендовать на титул Верховного короля.

— Туда уехал Ланселет, но надолго он там не задержится, — сообщила Моргейна.

— Вот и Вивиана зачем-то собралась в Лотиан; хотя все мы считаем, что для такого путешествия она уже слишком стара, — отозвался Кевин.

«*Но ведь тогда она увидит моего сына...*» Сердце Моргейны дрогнуло, а в горле стеснилось от боли — или это слезы? Впрочем, Кевин вроде бы ничего не заметил.

— Ланселета я в пути не встретил: наверное, мы разминулись, — промолвил он. — Или, может, он к матери завернул поздороваться, или, — Кевин лукаво усмехнулся, — праздник Белтайн отметить. То-то обрадуются женщины Лотиана, если он там задержится! А уж Моргауза такой нежный кусочек из когтей ни за что не выпустит!

— Моргауза — сестра его матери, — отрезала Моргейна, — и думаю я, Ланс для этого — слишком хороший христианин. У него хватает отваги сойтись с саксами в открытом бою, но для *такой* битвы смелости у него недостанет.

Кевин изогнул брови:

— Ого, вот, значит, как? Не сомневаюсь, что говоришь ты, исходя из опыта, но учтивости ради предположим, что исходя из Зрения! Однако Моргауза куда как порадуется возможности опозорить лучшего Артурова рыцаря... тогда Гавейн приблизится к трону еще на шаг-другой. А перед этой дамой ни один мужчина устоять не в силах... она ведь еще не стара, и до сих пор красавица, и в рыжих кудрях ее — ни одного седого волоса...

— На ярмарках Лотиана, знаешь ли, торгуют хной, привезенной из самого Египта, — ядовито отметила Моргейна.

— И талия у нее тонка, и говорят, будто она весьма сведуща в магических искусствах и любого мужчину способна приворожить, — продолжал Кевин. — Но это лишь сплетни, и ничего больше. Я слыхал, Лотианом она правит неплохо. А ты ее настолько не любишь, Моргейна?

— Ничего подобного. Она — моя родственница, и она всегда была добра ко мне, — возразила Моргейна и уже собиралась было добавить: *«Она взяла на воспитание мое дитя»*, — это позволило бы ей спросить, не слышал ли Кевин новостей о Гвидионе... но тут же прикусила язык. Даже Кевину она этой тайны не откроет. И вместо того Моргейна докончила:

— Но не по душе мне, когда о родственнице моей Моргаузе повсюду судачат как о шлюхе.

— Да не так все плохо, — рассмеялся Кевин, отставляя чашу. — Если дама и загляделась на молодого красавца, так не она первая и не она последняя. А сейчас, когда Моргауза овдовела, никто не вправе с нее спрашивать, с кем она делит ложе. Но не должно мне заставлять ждать Верховного короля. Пожелай мне удачи, Моргейна, ибо несу я королю дурные вести, а ты ведь знаешь, какая судьба ждала в старину гонца, доставившего королю нежелательные для него новости!

— Артур не из таких, — заверила Моргейна. — Но, ежели это не тайна, скажи, что это за дурные вести?

— Ничего нового, — пожал плечами Кевин. — Ибо говорилось уже не раз и не два, что Авалон не дозволит ему править как христианскому королю, какой бы уж веры сам он ни придерживался в сердце своем. Не должно ему дозволять священникам запрещать обряды Богини и вырубать дубовые рощи. А ежели он так поступит, велено мне передать ему от имени Владычицы: рука, вручившая ему священный меч друидов, повернет клинок в руке его так, что острие обратится против него же.

— Таким вестям он и впрямь не порадуется, — кивнула Моргейна, — но, может статься, вспомнит о принесенной клятве.

— О да, а у Вивианы есть против него и еще одно оружие, — отозвался Кевин, но какое именно, так и не сказал.

Кевин ушел, а Моргейна осталась сидеть, размышляя о наступающем вечере. За ужином будет музыка, а потом... что ж, Кевин — замечательный любовник, он ласков, тщится угодить ей, и весьма надоело ей спать одной.

Моргейна еще не ушла к себе, когда Кэй возвестил прибытие нового гостя.

— Твой родич, леди Моргейна. Не поздороваешься ли ты с ним и не подашь ли ему вина?

Моргейна кивнула, — неужто Ланселет возвратился так скоро? — но прибывший оказался Баланом.

В первый момент молодая женщина едва его узнала: он заметно раздался вширь; надо думать, не всякий конь ныне выдержит этакого великана! А вот Балан сразу же ее признал.

— Моргейна! Приветствую тебя, родственница, — промолвил он и, усевшись рядом с нею, принял чашу из ее рук. Молодая женщина сообщила гостю, что сейчас Артур беседует с Кевином и мерлином, но непременно увидится с ним за ужином и расспросит о новостях.

— Да новость у меня лишь одна: на севере опять объявился дракон, — рассказывал Балан, — нет-нет, никакой это не вымысел и не бредни старика Пелинора, — я сам видел след и разговаривал с двумя очевидцами. Они не лгут и не выдумывают Бог весть что, дабы позабавить собеседника и придать себе весу; они за собственную жизнь дрожат. Говорят, будто чудовище выбралось из озера и сцапало их слугу... они мне башмак показывали.

— Б-башмак, кузен?

— Бедняга потерял его, угодив в пасть; башмак был весь в какой-то слизи, и... я даже притронуться к ней побоялся, — отозвался Балан. — Хочу попросить у Артура полдюжины рыцарей себе в помощь: с чудовищем надо покончить.

— Если Ланселет вернется, позови заодно и его, — промолвила Моргейна как можно беспечнее. — Познакомиться с драконами поближе ему не помешает. Я так понимаю, Артур пытается женить Ланселета на Пелиноровой дочке.

Балан внимательно поглядел на собеседницу.

— Не завидую я девушке, что получит в мужья моего маленького братца, — промолвил он. — Слыхал я, что сердце его ему не принадлежит... или, может быть, мне не следует...

— Не следует, — отрезала Моргейна.

Балан пожал плечами:

— Да пожалуйста. Стало быть, у Артура нет особых причин подыскивать Ланселету невесту вдали от Камелота. А я и не слышал, что ты возвратилась ко двору, родственница, — промолвил он. — Ты чудесно выглядишь.

— А как поживает твой приемный брат?

— Когда мы виделись в последний раз, Балин был в добром здравии, — отозвался Балан, — хотя Вивиану до сих пор терпеть не может. Однако нет причин полагать, будто он затаил на нее злобу, обвиняя в смерти нашей матери. В ту пору он рвал и метал и клялся жестоко отомстить, но, воистину, лелеять такие мысли по сей день мог бы только безумец. Как бы то ни было, и чего бы он там про себя ни думал, вслух он ничего такого не говорил, когда был здесь на Пятидесятницу год назад. Это Артур новый обычай ввел, — может, ты не знаешь, — где бы мы ни странство-

вали, в какой бы уголок Британии судьба нас ни забросила, на Пятидесятницу все его прежние соратники до единого должны съезжаться в Камелот и трапезовать за его столом. В этот праздник он посвящает юношей в рыцари, избирает новых соратников и выслушивает любого просителя, даже самого смиренного...

— Да, об этом я слыхала, — кивнула Моргейна, внезапно ощутив смутную тревогу. Кевин поминал про Вивиану... Моргейна внушала себе, что ей всего лишь неспокойно при мысли о том, что женщина лет столь преклонных приедет ко двору как простая просительница. Балан прав: спустя столько лет о мести помышлял бы только безумец.

В тот вечер было много музыки; Кевин играл и пел на радость всем собравшимся; а еще позже, уже ночью, Моргейна выскользнула из комнаты, где спала вместе с незамужними дамами из королевиной свиты, неслышно, точно призрак — или точно обученная на Авалоне жрица, — и направилась в покои Кевина. Возвратилась она к себе перед самым рассветом, довольная и облаготворенная, хотя то, что она услышала от Кевина, — впрочем, Богиня свидетель, им нашлось о чем поговорить и помимо Артура, — изрядно ее беспокоило.

— Артур меня и слушать не желает, — рассказывал Кевин. — Говорит, что жители Англии — христианский народ, и хотя не станет он преследовать своих подданных, ежели кто-то из них и почитает иных богов, однако ж он поддержит священников и церковь, точно так же, как они поддерживают трон. А Владычице Авалона он велит передать, что, ежели желает она забрать меч назад, так пусть придет и возьмет.

Уже возвратившись к себе в постель, Моргейна долго лежала, не смыкая глаз. Это же легендарный меч, благодаря ему с Артуром связаны бесчисленные люди Племен и северяне тоже; только потому, что Артур присягнул на верность Авалону, его поддерживает смуглый народец до римских времен. А теперь Артур, похоже, отступил от данной клятвы далеко, как никогда.

Надо бы поговорить с ним... впрочем, нет, Артур к ней не прислушается; она — женщина, и притом его сестра; и между ними неизменно живо воспоминание о том утре после коронования, так что никогда не смогут они побеседовать свободно и открыто, как встарь. Кроме того, от имени Авалона она говорить не вправе; она сама отреклась от былой власти.

Может статься, Вивиана сумеет заставить его понять, сколь важно соблюдать принесенную клятву. Но, сколько бы Моргейна ни убеждала себя в том, закрыть глаза и заснуть ей удалось очень не скоро.

Глава 17

Еще толком не проснувшись, Гвенвифар почувствовала, как сквозь полог кровати проникает ослепительно яркий солнечный свет. «*Лето пришло*». И тут же: «*Белтайн*». Самый разгул язычества... королева не сомневалась, что нынче ночью многие слуги и служанки ее украдкой выскользнут за двери, как только на Драконьем острове заполыхают костры в честь этой их Богини, дабы возлечь друг с другом в полях... «*И кое-кто наверняка возвратится домой с ребенком Бога во чреве... в то время как я, христианская жена, никак не могу родить сына своему дорогому супругу и лорду...*»

Устроившись на боку, она глядела на спящего Артура. О да, он — ее дорогой супруг и лорд, она искренне его любит. Он взял ее как довесок к приданому, в глаза невесты не видя; однако же любил ее, холил? и лелеял, и почитал... не ее вина, что она не в силах исполнить первейший долг королевы и родить Артуру сына и наследника для королевства.

Ланселет... нет, она дала себе слово, когда тот в последний раз уезжал от двора, что больше не станет о нем думать. Она по-прежнему алкала его сердцем, телом и душою, однако поклялась быть Артуру верной и преданной женой; никогда больше не позволит она Ланселету даже тех игр и ласк, после которых оба они тосковали о большем... Это означает играть с грехом, даже если дальше они не идут.

Белтайн. Ну что ж, пожалуй, как христианке и королеве христианского двора, долг велит ей устроить в этот день забавы и пиршества, дабы все подданные ее повеселились, не подвергая опасности свои души. Гвиневера полагала, что Артур объявил по всей стране о том, что на Пятидесятницу затеваются турниры и игрища и победителей ждут награды; так король поступал всякий год с тех пор, как двор перебрался в Камелот; однако в замке наберется достаточно народу, чтобы устроить состязания и в этот день тоже; а в качестве трофея отлично сгодится серебряная чаша. Будут танцы, музыканты сыграют на арфе; а что до женщин, так она предложит ленту в награду той, что спрядет за час больше шерсти или выткет самый большой кусок гобелена; да-да, надо отвлечь народ невинными развлечениями, чтобы никто из ее подданных не жалел о запретных игрищах на Драконьем острове. Королева села на постели и принялась одеваться; нужно пойти поговорить с Кэем, не откладывая.

Но хотя королева хлопотала все утро, не покладая рук, и хотя Артур, когда она рассказала мужу о своей затее, пришел в полный восторг и в свою очередь все утро обсуждал с Кэем награды для лучших мечников и всадников; да, и надо бы еще какой-ни-

будь трофей подобрать для победителя среди отроков! — однако же Гвенвифар так и не смогла избавиться от грызущего беспокойства. «*В этот день древние Боги велят нам чтить плодородие и плодовитость, а я... я по-прежнему бесплодна*». И вот, за час до полудня, — когда герольды затрубят в трубы, созывая народ на ристалище к началу состязаний, — Гвенвифар отправилась к Моргейне, сама еще не зная, что ей скажет.

Моргейна взяла на себя надзор за красильней, где окрашивали спряденную шерсть, и приглядывала за королевиной пивоварней: она знала, как не дать скиснуть сваренному элю, как перегонять спирт для лекарственных снадобий, как изготовлять из цветочных лепестков духи более тонкие, нежели привозные из-за моря, те, что стоят дороже золота. Кое-кто из обитательниц замка всерьез считал это магией, однако Моргейна уверяла, что нет; просто она изучала свойства растений, цветов и злаков. Любая женщина, твердила Моргейна, способна делать то же самое, ежели не пожалеет сил и времени и ежели руки у нее не крюки.

Гвенвифар отыскала Моргейну в пивоварне: подобрав подол парадного платья и накрыв волосы куском ткани, она принюхивалась к испортившемуся содержимому корчаги.

— Вылейте это, — распорядилась она. — Надо думать, закваска остыла; вот пиво и скисло. Завтра сварим еще; а на сегодня пива хватит, и с избытком, даже на королевин пир, раз уж пришла ей в голову этакая блажь.

— А тебе, значит, пир не в радость, сестрица? — спросила королева.

Моргейна развернулась к вошедшей.

— Не то чтобы, — отвечала она, — однако дивлюсь я, что ты, Гвен, затеяла праздник: я-то полагала, что на Белтайн у нас будет сплошной пост да благочестивые моления, хотя бы того ради, чтобы все видели: ты — не из тех, кто станет веселиться в честь Богини полей и хлебов.

Гвенвифар покраснела; она понятия не имела, потешается ли над нею Моргейна или говорит серьезно.

— Возможно, Господь распорядился, чтобы весь народ веселился в честь прихода лета, а про Богиню и упоминать незачем... ох, сама не знаю, что и думать... а *ты* — ты веришь, что Богиня дарит жизнь полям и нивам, и утробам овец, телиц и женщин?

— Так учили меня на Авалоне, Гвен. А почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

Моргейна сдернула с головы лоскут, которым прикрывала волосы, и Гвенвифар внезапно осознала: да ведь она красива! Моргейна старше Гвенвифар, — ей, надо думать, уже за тридцать; а сама словно ни на день не состарилась с того самого дня, когда Гвен увидела ее в первый раз... не зря все считают ее кол-

дуньей! На ней было платье из тонкой темно-синей шерсти, очень простое и строгое, однако темные волосы перевивали цветные ленты; подхваченные за ушами, шелковистые пряди скреплялись золотой шпилькой. Рядом с Моргейной Гвенвифар ощущала себя сущей наседкой, невзрачной домохозяйкой, даже при том, что она — Верховная королева Британии, а Моргейна — лишь герцогиня, да еще и язычница в придачу.

Моргейна столько всего знает, а сама она ужас до чего невежественна: только и умеет, что написать свое имя да с грехом пополам разбирать Евангелие. А вот Моргейна в книжной премудрости весьма преуспела, читает и пишет, да и в делах хозяйственных тоже сведуща: умеет прясть и ткать, и вышивать шелком, и пряжу красить, и пиво варить; а в придачу еще и в травах и в магии разбирается.

— Сестрица... об этом поминают в шутку... но... но правда ли, что ты знаешь... всевозможные заклинания и заговоры на зачатие? — запинаясь, выговорила Гвенвифар наконец. — Я... я не могу больше так жить: каждая придворная дама провожает взглядом каждый кусок, что я беру в рот, высматривая, не беременна ли я, или примечает, как туго я затягиваю пояс! Моргейна, если ты и в самом деле знаешь такие заговоры, если слухи не врут... сестра моя, заклинаю тебя... не поможешь ли мне своим искусством?

Растроганная, встревоженная, Моргейна коснулась рукою плеча Гвенвифар.

— Да, это правда; на Авалоне говорят, что амулеты могут поспособствовать, если женщина все никак не родит, а должна бы... но, Гвенвифар... — Она замялась, и лицо королевы заполыхало краской стыда. Наконец Моргейна продолжила: — Но я — не Богиня. Может статься, такова ее воля, что у вас с Артуром не будет детей. Ты в самом деле хочешь попытаться изменить замысел Божий заклинаниями и амулетами?

— Даже Христос молился в саду: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...»[1] — исступленно выкрикнула Гвенвифар.

— А еще Он прибавлял: «Впрочем не как Я хочу, но как Ты»[2], — напомнила ей Моргейна.

— Дивлюсь я, что ты знаешь такие вещи...

— Гвенвифар, я прожила при дворе Игрейны целых одиннадцать лет и проповедей наслушалась никак не меньше тебя.

— И все же не понимаю я, как может Господь желать того, чтобы по смерти Артура в королевстве вновь воцарился хаос, — воскликнула Гвенвифар, словно со стороны слыша собственный

[1] Мф 26:39.

[2] Мф 26:39.

голос: пронзительный, резкий, озлобленный. — Все эти годы я была верна мужу... да, я знаю, что ты мне не веришь; ты небось думаешь так же, как все придворные дамы: дескать, я изменила лорду моему с Ланселетом... но это не так, Моргейна, клянусь тебе, это не так...

— Гвен, Гвен! Я не исповедник тебе! Я тебя ни в чем не обвиняла!

— Но могла бы, кабы захотела; и, сдается мне, ты ревнуешь, — отпарировала Гвенвифар в бешенстве и тут же покаянно воскликнула: — Ох, нет! Нет, не хочу я с тобой ссориться, Моргейна, сестра моя, — ох, нет, я же пришла умолять тебя о помощи... — Из глаз ее потоком хлынули слезы. — Я ничего дурного не делала, я всегда была хорошей и верной женой, я вела дом моего супруга и тщилась ни в коем случае не опозорить его двор, я молилась за него, я старалась исполнять волю Божию, ни малую толику не погрешила я против долга, и все же... и все же... за всю мою верность и преданность... ничего я с этой сделки не получила, ровным счетом ничего! Каждая уличная шлюха, каждая распутница из тех, что таскается с солдатскими обозами, они-то щеголяют своими огромными животами, своей плодовитостью, в то время как я... я... ничего у меня нет, ничего... — И Гвенвифар бурно разрыдалась, закрыв лицо руками.

Голос Моргейны звучал озадаченно, но ласково. Она обняла королеву за плечи и привлекла ее к себе.

— Не плачь, ну, не плачь же... Гвенвифар, посмотри же на меня: тебе и впрямь так горько, что ты бездетна?

— Я ни о чем другом и думать не могу, денно и нощно... — всхлипнула Гвенвифар, пытаясь сдержать рыдания.

— Да, вижу, тяжко тебе приходится, — промолвила Моргейна после долгой паузы. Ей казалось, она слышит мысли Гвенвифар так же ясно, как если бы та облекла их в слова:

«Будь у меня ребенок, я бы не думала денно и нощно о любви, что искушает меня и заставляет забыть о чести, ибо все свои мысли посвящала бы я Артурову сыну».

— Хотела бы я помочь тебе, сестра... но не лежит у меня душа к амулетам и магии. На Авалоне нас учат, что простецам такие вещи, может, и нужны, но мудрые с ними не связываются и мирятся с участью, что назначили им Боги... — Произнося эти слова, Моргейна чувствовала себя сущей лицемеркой; ей вспомнилось то утро, когда она отправилась искать корешки и травы для настоя, способного избавить ее от Артурова ребенка. И это называется — покорствовать воле Богини?

Но ведь в конце концов она отказалась от своего замысла...

И, во власти внезапно накатившей усталости, Моргейна подумала: *«Я, не желавшая никакого ребенка, едва не умерла родами,*

но произвела-таки дитя на свет; Гвенвифар денно и нощно молится о ребенке, но пусто ее чрево и руки пусты. И в этом — благость воли Богов?»

Однако же Моргейна сочла своим долгом предостеречь королеву:

— Гвенвифар, пойми вот что: амулеты зачастую срабатывают не так, как тебе бы того желалось. С чего ты взяла, что Богиня, которой служу я, сможет послать тебе сына, в то время как твоему Господу, который в твоих глазах более всемогущ, чем все прочие Боги, вместе взятые, это не под силу?

Слова Моргейны прозвучали кощунством, и Гвенвифар сгорала со стыда. Однако же она поразмыслила — и сдавленно проговорила вслух:

— Думаю, это потому, что Господу дела нет до женщин: все его священники — мужчины, а в Священном Писании тут и там говорится, что женщины — искусительницы и порождение зла; может статься, поэтому Бог меня и не слышит. А о ребенке я воззову к Богине... Господу все равно... — И Гвенвифар вновь бурно зарыдала. — Моргейна, — восклицала она, — если и ты не в силах мне помочь, я клянусь, что сегодня же ночью отправлюсь на Драконий остров на лодке, я дам слуге золота, чтобы отвез меня туда, и когда заполыхают костры, я тоже стану умолять Богиню подарить мне дитя... Клянусь тебе, Моргейна, что я это сделаю... — И королева увидела себя в свете костров: вот она обходит пламя кругом, вот удаляется в ночь во власти безликого незнакомца, покоится в его объятиях... при этой мысли все тело ее оцепенело от боли и отдающего стыдом наслаждения.

Холодея от ужаса, Моргейна слушала ее излияния. «*Никогда она этого не сделает, в последний момент она точно струсит... мне, даже мне было страшно, а ведь я всегда знала, что девственность моя предназначена Богу...*» А в следующий миг, слыша в голосе невестки неподдельное отчаяние, подумала: «*А ведь может и сделать; и тогда возненавидит себя до самой смерти*».

Тишину в комнате нарушали лишь всхлипывания Гвенвифар. Моргейна подождала немного, чтобы королева слегка успокоилась, и сказала:

— Сестра, я сделаю для тебя, что смогу. Артур вполне может дать тебе ребенка; тебе незачем отправляться к кострам Белтайна или искать другого мужчину. Пообещай никогда не говорить вслух, что я тебе об этом сказала, и вопросов тоже не задавай. Но воистину одно дитя Артур зачал.

Гвенвифар уставилась на нее во все глаза.

— Он говорил мне, что детей у него нет...

— Может статься, он просто не знает. Но я видела ребенка своими глазами. Он воспитывается при дворе Моргаузы...

— Но тогда, раз у Артура сын уже есть и если я ему ребенка так и не рожу...

— Нет! — быстро возразила Моргейна, и голос ее прозвучал хрипло и резко. — Я же сказала: никому об этом не говори; этого ребенка он никогда не сможет признать. Если ты так и не родишь ему сына, тогда королевство перейдет к Гавейну. Гвенвифар, ни о чем меня не спрашивай; я ничего тебе более не скажу, одно лишь: если ты не в силах родить, виноват в этом не Артур.

— С прошлой осени я так ни разу и не понесла... и за все эти годы такое случалось только трижды... — Гвенвифар сглотнула, утирая лицо покрывалом. — Если я вручу себя Богине, она ведь смилостивится надо мною...

— Может, и так, — вздохнула Моргейна. — И ехать на Драконий остров тебе незачем. Ты можешь зачать, я знаю... пожалуй, амулет помог бы тебе доносить дитя до родов. Но предупреждаю тебя еще раз, Гвенвифар: чары и амулеты срабатывают не так, как хочется того мужам и женам, но по своим собственным законам, и законы эти столь же странны и непредсказуемы, как ход времени в волшебной стране. И не вини меня, Гвенвифар, если амулет подействует не так, как ты рассчитываешь.

— Если он даст мне хотя бы тень надежды забеременеть от моего лорда...

— Даст, — заверила Моргейна и направилась к дверям. Гвенвифар поспешила за нею, точно ребенок за матерью. И что же это окажется за амулет такой, гадала королева, и как он сработает, и отчего у Моргейны вид такой торжественный и отчужденный, словно она сама — Великая Богиня? Но, сказала себе Гвенвифар, вдохнув поглубже, она покорно смирится с чем угодно, лишь бы только исполнилось заветное желание ее сердца.

Час спустя, когда затрубили трубы и Моргейна с Гвенвифар сидели бок о бок у самого края поля, к ним перегнулась Элейна и промолвила:

— Гляньте-ка! Кто это там выезжает на ристалище рядом с Гавейном?

— Это Ланселет, — задохнулась королева. — Он вернулся.

Ланселет похорошел еще больше. Щеку его перечеркивал красный рубец, Бог весть где полученный; как ни странно, шрам ничуть его не портил, но лишь подчеркивал его свирепую красоту дикой кошки. В седле он сидел как влитой. Гвенвифар делала вид, что слушает болтовню Элейны, а на самом деле не понимала ни слова, не сводя взгляда с всадника.

«Горькая, ох, что за горькая ирония! Почему же сейчас, когда я твердо решилась, я дала клятву не думать о нем более и свято исполнять предписанный мне долг перед лордом моим и королем...» На шее, под крученым золотым ожерельем, — подарком Артура на

пятый год их брака, — она ощущала тяжесть Моргейнова амулета, зашитого в крохотный мешочек, что покоился в ложбинке между грудями. Королева понятия не имела, что там внутри; да и знать того не хотела.

«*Но почему сейчас? Я-то надеялась, что, когда он вернется на Пятидесятницу, я уже буду носить дитя моего лорда, и он на меня больше не взглянет, понимая: я твердо решила чтить мой брак*».

И однако же против собственной воли Гвенвифар вспоминала слова Артура: «*Ежели так случится, что ты и впрямь произведешь на свет дитя, я ни о чем допытываться не стану... ты меня понимаешь?*» О да, Гвенвифар отлично его поняла. Сын Ланселета может стать наследником королевства. Не за то ли ей это новое искушение, что она уже впала в тяжкий грех, впутавшись в Моргейнино чародейство и пытаясь безумными, непристойными угрозами вынудить Моргейну помочь ей?..

«*Какая мне разница, если я рожу моему королю сына... а если Господь и проклянет меня за это, так что мне за дело?*» Гвенвифар тут же испугалась мыслей столь кощунственных; однако размышлять о том, чтобы отправиться к кострам Белтайна — кощунство не меньшее...

— Глядите-ка, Гавейн повержен... даже ему против Ланселета не выстоять! — восторженно закричала Элейна. — Ой, и Кэй тоже! Как только у Ланселета духа хватило сбросить с коня хромого?

— Элейна, ну, можно ли быть такой дурочкой, — вмешалась Моргейна. — По-твоему, Кэй поблагодарил бы Ланселета за снисхождение? Если Кэй участвует в турнирах, конечно же, он знает, чем рискует! Никто ведь не заставляет его драться.

С того самого мгновения, как на поле выехал Ланселет, сама судьба предопределила, кому достанется приз. Соратники добродушно ворчали, наблюдая за происходящим.

— Теперь, когда Ланселет здесь, нам на поле можно и не выезжать, — со смехом заявил Гавейн, одной рукою обнимая кузена за плечи. — Ланс, ты не мог задержаться на денек-другой?

Ланселет тоже хохотал; лицо его разрумянилось. Он принял золотую чашу — и подбросил ее в воздух.

— Вот и матушка твоя уговаривала меня остаться в Лотиане на Белтайн. Да я не затем приехал, чтобы отнять у тебя награду: награды мне не нужны. Гвенвифар, госпожа моя, — воскликнул он, — возьми эту чашу, а взамен дай мне ленту, что носишь на шее. А чаша пусть украсит алтарь или стол самой королевы!

Гвенвифар смущенно схватилась за ленту, на которой висел Моргейнин амулет.

— Эту вещь я никак не могу тебе отдать, друг мой... — Королева отстегнула шелковый рукав, что сама же расшила мелким жемчугом. — Возьми вот это в знак моей приязни. А что до на-

град... что ж, я вас всех оделю... — И королева жестом поманила Гавейна с Гаретом, что ехали след в след за Ланселетом.

— Жест любезный и учтивый, — похвалил Артур, вставая. Ланселет принял вышитый рукав, поцеловал его и закрепил на шлеме. — Однако самого доблестного бойца моего ждут и иные почести. Добро пожаловать к нам за стол, Ланселет, тебе отвели место на возвышении. Заодно и расскажешь нам, чего повидал с тех пор, как уехал из Камелота.

Гвенвифар, извинившись, удалилась вместе со своими дамами готовиться к пиру. Элейна и Мелеас без умолку тараторили о том, как Ланселет доблестен, как великолепно сидит на коне и как же великодушно с его стороны отказаться от всяких притязаний на награду! А Гвенвифар думала лишь о том, каким взглядом смотрел на нее Ланселет, умоляя о ленте с шеи. Королева подняла глаза: на губах Моргейны играла мрачноватая, загадочная улыбка. *«А ведь я даже помолиться не могу о спокойствии душевном; право молиться я утратила».*

В течение первого часа, пока длился пир, королева расхаживала по залу, следя, чтобы все гости разместились как подобает и угостились на славу. К тому времени, как она заняла свое место на возвышении, большинство сотрапезников уже перепились, а снаружи окончательно стемнело. Слуги внесли светильники и факелы, закрепили их на стене, и Артур весело объявил:

— Глянь-ка, госпожа моя, вот и мы зажигаем свои огни в честь Белтайна — но только в замке!

Моргейна устроилась рядом с Ланселетом. Лицо королевы горело от жары и выпитого вина; она отвернулась, лишь бы не видеть их вместе.

— Ах да, сегодня же и в самом деле Белтайн... я и позабыл, — промолвил Ланселет, зевая во весь рот.

— И Гвенвифар распорядилась устроить пир, чтобы никто из наших подданных не поддался соблазну ускользнуть в ночь на свершение древних обрядов, — промолвил Артур. — Как говорится, есть много способов освежевать волка, не обязательно выгонять его из шкуры... Если бы я запретил костры, я повел бы себя как тиран...

— ...И предатель по отношению к Авалону, брат мой, — негромко проговорила Моргейна.

— Но если благодаря радениям моей госпожи приближенным моим приятнее сидеть здесь, на пиру, чем бежать в поля и плясать у костров, так, значит, цель наша достигнута средствами куда более простыми!

Моргейна пожала плечами. Гвенвифар казалось, что золовка ее изрядно забавляется про себя. Пила она мало; кажется, за королевским столом она одна сохранила ясную голову.

— Ты только что из Лотиана, Ланселет, — соблюдают ли там обряды Белтайна?

— Королева уверяет, что да, — кивнул Ланселет, — но, может статься, она просто шутила со мною — откуда мне знать. Из того, что я видел, ничто не заставляло усомниться в том, что королева Моргауза — наихристианнейшая из дам. — Он смущенно вскинул глаза на Гавейна, и от внимания Гвенвифар это не укрылось. — Гавейн, попрошу заметить: я ни слова не сказал против госпожи Лотиана; я с твоей родней не ссорюсь...

Ответом ему был лишь негромкий храп. Моргейна нервно рассмеялась.

— Гляньте-ка, а Гавейн-то уснул — положив голову прямо на стол! Я тоже не прочь узнать новости Лотиана, Ланселет... Не думаю, что тамошние уроженцы так быстро забудут костры Белтайна. Солнечные токи бушуют в крови любого, кто воспитывался на Авалоне, как я, как королева Моргауза... верно, Ланселет? Артур, а ты помнишь обряд коронования на Драконьем острове? Сколько же лет с тех пор минуло — девять или десять?..

Артур недовольно поморщился, хотя ответил вполне учтиво:

— Много лет минуло с тех пор, это ты правду сказала, сестрица, а ведь мир меняется с каждым годом. Думается мне, время сих обрядов прошло, кроме как, может статься, для тех, что живут плодами полей и нив и вынуждены просить благословения Богини... Так говорит Талиесин, и спорить с ним я не стану. Но, полагаю я, эти древние ритуалы ни к чему таким, как мы, жителям городов и замков, слышавшим слово Христово. — Артур поднял чашу с вином, осушил ее и с пьяным напором возгласил: — Господь, дай нам всего, чего мы желаем... всего, что вправе мы получить... дабы не взывать нам к древним богам, верно, Ланс?

Прежде чем ответить, Ланселет на миг задержал взгляд на королеве:

— Кто из нас имеет все, чего желает, король мой? Ни один властелин и ни один бог такого не дарует.

— А я хочу, чтоб мои... мои п-подданные имели все, что им надобно, — повторил Артур, еле ворочая языком. — Вот и королева моя того же хочет, раз устроила здесь для нас маленький такой Бел...Белтайн...

— Артур, — мягко укорила Моргейна, — ты пьян.

— И что с того? — воинственно осведомился король. — На моем собственном пиру, у моего собственного оч... очага; а зачем, спрашивается, я столько лет сражался с саксами? Да чтоб сидеть за моим Круглым Столом и наслаждаться ми... миром, и добрым элем и вином, и сладкой музыкой... а куда подевался Кевин Арфист? Или на моем пиру музыки уже и не дождаться?

— Ручаюсь, он отправился на Драконий остров поклониться

Богине у ее костров и сыграть там на арфе, — со смехом откликнулся Ланселет.

— Так это ж... измена, — заплетающимся языком проговорил Артур. — Вот вам еще причина запретить костры Белтайна: чтоб у меня тут музыка была...

— Ты не можешь распоряжаться чужой совестью, брат мой, — беззаботно рассмеявшись, обронила Моргейна. — Кевин — друид и вправе посвящать свою музыку своим собственным богам, коли захочет. — Молодая женщина подперла голову рукой; ну ни дать ни взять кошка, слизывающая с усов сливки, подумала про себя Гвенвифар. — Но, сдается мне, он уже отметил Белтайн на свой лад; и, конечно же, сейчас мирно спит в своей постели, ибо здесь все перепились настолько, что не отличат его игру от моей и от Гавейновых визгливых волынок! Вы смотрите, он даже во сне музыку Лотиана наигрывает! — добавила Моргейна: спящий Гавейн только что огласил зал особенно сиплым всхрапыванием. Молодая женщина поманила рукою одного из дворецких, и тот, склонившись над рыцарем, уговорил его подняться на ноги. Гавейн неуверенно поклонился Артуру и, пошатываясь, вышел из зала.

Ланселет поднял чашу — и осушил ее до дна.

— Думаю, с меня тоже хватит музыки и пиршеств... выехал я еще до рассвета, чтобы успеть на сегодняшний турнир, и вскорости, наверное, попрошу дозволения пойти спать, Артур. — Гвенвифар поняла, что он пьян, лишь по случайно проскочившей вольности: прилюдно Ланселет неизменно обращался к Артуру с официальным «лорд мой» или «мой король» и лишь наедине называл его кузеном или просто Артуром.

Однако сейчас, когда пир близился к концу и лишь несколько сотрапезников еще сохраняли трезвую голову, никто ничего не заметил: с тем же успехом они могли бы беседовать наедине. Артур даже не потрудился ответить; он бессильно развалился на сиденье и полузакрыл глаза. Ну что ж, подумала Гвенвифар, он же сам сказал: это — его пир, и его домашний очаг, а если мужчина уже и не вправе напиться в собственном доме, так зачем, спрашивается, было воевать столько лет?

А если нынче ночью Артур окажется слишком пьян, чтобы разделить с нею ложе... Гвенвифар ощущала легкое прикосновение ленты к шее, и подвешенный к ней талисман — такой тяжелый, и грудь жжет словно огнем... «*Это же Белтайн; неужто он даже ради праздника не мог трезвым остаться? Кабы его пригласили на один из этих древних языческих пиров, уж он бы о том не забыл,* — думала про себя королева, и щеки ее пылали от мыслей столь нескромных. *Наверное, я тоже пьяна*». Гвенвифар сердито оглянулась на Моргейну: спокойная, невозмутимая, она теребила ленточки на своей арфе. И с чего это она так улыбается?

Ланселет нагнулся к королеве.

— Сдается мне, лорд наш и король тоже устал от вина и веселья, королева моя. Отпусти слуг и соратников, госпожа, а я отыщу Артурова дворецкого, чтобы помог ему дойти до кровати.

И рыцарь поднялся от стола. Гвенвифар видела, что и он тоже пьян, однако на нем это почти не сказывалось; вот только двигался он чуть более выверенно, чем обычно. Королева принялась обходить гостей, желая им доброй ночи и чувствуя, что перед глазами у нее все плывет и на ногах она стоит нетвердо. Моргейна по-прежнему загадочно улыбалась, и в ушах королевы вновь зазвучали слова проклятой колдуньи: «*Не пытайся винить меня, Гвенвифар, если амулет подействует не так, как ты рассчитываешь...*»

Ланселет, протолкавшись сквозь поток гостей, хлынувший за двери, возвратился к королеве.

— Никак не могу отыскать слугу нашего господина... в кухне говорят, все отправились на Драконий остров, к кострам... А Гавейн еще здесь, или хотя бы Балан? Только у этих двоих и хватит силы донести лорда нашего и короля до постели...

— Гавейн слишком пьян, чтобы себя самого донести, — возразила Гвенвифар, — а Балана я и вовсе не видела. А вот ты его точно не дотащишь, он тебя выше, да и тяжелее...

— И все-таки придется попробовать, — со смехом промолвил Ланселет, склоняясь над Артуром.

— Ну же, кузен... Гвидион! В постель тебя нести некому, так что обопрись-ка лучше на мою руку. Ну, давай, поднимайся... вот и славно, — настаивал Ланселет, увещевая короля, точно ребенка. А ведь Ланселет и сам не то чтобы твердо на ногах держится, отметила про себя Гвенвифар, идя вслед за мужчинами... да и она тоже, если на то пошло... отличное зрелище, то-то слуги бы позабавились, будь они трезвы настолько, чтобы заметить. Верховный король, Верховная королева и королевский конюший, пошатываясь, бредут в спальню в канун праздника Белтайн, и все трое настолько пьяны, что и на ногах не стоят...

Но, перешагнув с помощью Ланселета через порог своих покоев, Артур слегка протрезвел; он подошел к стоящему в углу кувшину для умывания, плеснул водою себе в лицо и жадно отпил.

— Спасибо тебе, кузен, — промолвил он, по-прежнему с трудом ворочая языком. — Нам с женой воистину есть за что благодарить тебя, и ведомо мне, что ты всей душой любишь нас обоих...

— И Господь мне в том свидетель, — отозвался Ланселет, глядя на Гвенвифар едва ли не с отчаянием. — Не пойти ли мне отыскать кого-нибудь из твоих слуг, кузен?

— Нет, задержись на минуту, — попросил Артур. — Мне

надо кое-что сказать тебе, а если у меня недостанет храбрости сейчас, во хмелю, то трезвым я точно этого не выговорю. Гвен, ты ведь сумеешь обойтись без своих женщин? Не хочу я, чтобы болтливые языки разнесли это все за пределами спальни. Ланселет, пойди сюда и сядь рядом, — и, опустившись на край кровати, король протянул руку другу. — И ты тоже, радость моя... а теперь слушайте меня оба. Гвенвифар бездетна... и думаете, я не вижу, как вы друг на друга смотрите? Однажды я уже говорил об этом с Гвен, но она такая скромница и так набожна, она и слушать меня не стала. Однако ж теперь, в канун Белтайна, когда все живое на этой земле словно кричит о плодородии и размножении... да как же мне это сказать-то? У саксов есть одно древнее присловье: друг — это тот, кому ты готов ссудить любимую жену и любимый меч.

Лицо Гвенвифар горело: она не смела поднять глаз ни на одного из мужчин. А король между тем медленно продолжал:

— Твой сын, Ланс, унаследует мое королевство; и лучше так, нежели отойдет оно к сыновьям Лота... О да, епископ Патриций, конечно же, назовет это тяжким грехом; можно подумать, Бог его — это старуха-дуэнья, что разгуливает ночами, проверяя, кто в чьей постели спит... Сдается мне, не произвести сына и наследника для королевства — грех куда больший. Вот тогда страну ждет хаос, что грозил нам до того, как на трон взошел Утер... друг мой, кузен мой, что скажешь?

Ланселет облизнул губы, и Гвенвифар почувствовала, что во рту у нее тоже разом пересохло.

— Не знаю, что и сказать, король мой... мой друг... мой кузен, — наконец, выговорил рыцарь. — Господу ведомо... на всей земле нет иной женщины... — и голос его прервался. Он неотрывно глядел на Гвенвифар, и в глазах его отражалось желание столь откровенное, что королеве казалось, она этого просто не выдержит. На краткий миг ей почудилось, что она теряет сознание, и Гвенвифар ухватилась за спинку кровати, чтобы не упасть.

«*Я все еще пьяна*, — думала она, — *мне это снится, я никак не могла услышать из его уст то, что якобы услышала...*» И вновь накатил мучительный, испепеляющий стыд. Как можно допустить, чтобы эти двое говорили о ней *так* — и не умереть на месте?

Ланселет неотрывно смотрел на нее.

— Пусть... пусть решает госпожа моя.

Артур протянул к ней руки. Он уже скинул сапоги и богатое платье, в котором щеголял на пиру; теперь, в одной лишь нижней рубахе, он как две капли воды походил на мальчишку, с которым она сочеталась браком много лет назад.

— Иди сюда, Гвен, — позвал он и усадил жену к себе на ко-

лени. — Ты знаешь, я люблю тебя всей душой — и тебя, и Ланса; думаю, вас двоих я люблю больше всех на свете, кроме... — Артур сглотнул и прикусил язык, и Гвенвифар вдруг осознала: *«А я-то сокрушалась лишь о своей любви, а об Артуре и не подумала. Он взял меня в жены, нежеланную, даже не посмотрев на меня заранее, он окружил меня любовью и почетом, как свою королеву. А мне и в голову не приходило, что, как сама я люблю Ланселета, так вполне может быть в мире женщина, которую любит Артур — и любит безнадежно... ибо иначе совершил бы грех и измену. Уж не потому ли Моргейна насмехается надо мною? Она-то, верно, знает про Артурову тайную любовь... и его грехи...»*

А король тем временем продолжал, обдумывая каждое слово:

— Наверное, я никогда не набрался бы храбрости сказать об этом вслух, если бы не Белтайн... Много сотен лет предки наши поступали так, не стыдясь, перед лицом богов наших и по их воле. И... послушай вот что, родная моя... раз я буду здесь, с тобой, моя Гвенвифар, тогда, если родится ребенок, ты сможешь с чистой совестью поклясться, что дитя зачато в нашей супружеской постели, а узнавать доподлинно, как там обстоит дело, нам и ни к чему... любовь моя ненаглядная, неужто ты не согласишься?

Дыхание у Гвенвифар перехватило. Медленно, о, как медленно протянула она руку — и вложила ее в ладонь Ланселета. Артур легонько коснулся ее волос; Ланселет подался вперед — и поцеловал ее в губы.

«Я замужем уже много лет, а теперь вот напугана, точно девственница», — подумала она, и тут ей вспомнились слова Моргейны: вешая амулет ей на шею, золовка сказала: *«Берегись, хорошо подумай, о чем просишь, Гвенвифар, ибо Богиня может и даровать тебе просимое...»*

Тогда Гвенвифар решила, Моргейна имеет в виду лишь то, что, ежели королева просит о ребенке, то того и гляди умрет родами. А теперь она вдруг поняла: все не так просто, ибо вот сложилось так, что она может получить Ланселета, не мучаясь виною, с дозволения и по воле своего законного мужа... и, словно прозрев, подумала: *«Вот чего я на самом деле хотела; спустя столько лет ясно, что я бесплодна, никакого ребенка я не рожу, но по крайней мере получу хотя бы это...»*

Трясущимися руками она расстегнула платье. Казалось, весь мир умалился до этого крохотного мгновения, до этого полного и безграничного осознания себя самой, и тела своего, пульсирующего желанием и страстью, — прежде королева понятия не имела, что способна на такое. Кожа у Ланселета такая нежная... она-то думала, что все мужчины похожи на Артура — загорелые, волосатые, а у Ланселета тело гладкое, словно у ребенка. Ах, она

их обоих любит, любит Артура тем больше, что у него достало великодушия подарить ей этот миг... теперь они обнимали ее оба, и Гвенвифар закрыла глаза, и подставила лицо поцелуям, не зная доподлинно, чьи губы припадают к ее устам. Пальцы Ланселета, — его, никого другого! — погладили ее по щеке и скользнули к обнаженной шее, перехваченной ленточкой.

— Что это, Гвен? — спросил он, припадая к ее губам.

— Ничего, — отвечала она. — Ничего. Так, пустячок; от Моргейны достался. — Гвенвифар развязала ленту, отшвырнула амулет в угол — и соскользнула в объятия мужа — и любовника.

Книга III

КОРОЛЬ-ОЛЕНЬ

Глава 1

В это время года в Лотиане могло показаться, будто солнце вовсе не уходит на покой: королева Моргауза проснулась, когда через шторы начал пробиваться свет, но стоял столь ранний час, что даже криков чаек еще не было слышно. Но при этом уже достаточно рассвело, чтобы разглядеть волосатого, хорошо сложенного молодого мужчину, спавшего рядом с королевой — он получил эту привилегию еще зимой. Он был одним из рыцарей Лота и еще до кончины короля пожирал королеву жадным взором. И несправедливо было бы требовать от нее, чтобы в смертоносной тьме прошедшей зимы она еще и спала в холодной королевской опочивальне в одиночестве.

«Не то чтобы Лот был таким уж хорошим королем», — подумала Моргауза, щурясь от света разгорающегося утра. Но царствование Лота Оркнейского было долгим — он правил еще до того, как Утер Пендрагон взошел на престол, — и народ привык к нему; и уже выросло не одно поколение, не знавшее иного короля. Моргаузе подумалось, что, когда родился молодой Лохланн, Лот уже сидел на троне... да и она тоже, если уж на то пошло. Но последняя мысль была неприятной, и королева поспешила выбросить ее из головы.

Отцу должен был наследовать Гавейн, но Гавейн после коронации Артура почти не бывал в родных краях, и народ не знал его. Здесь, в Лотиане, Племена были вполне довольны жизнью под рукою королевы, — ведь в стране царил мир; а на тот случай, если бы ей понадобился военный вождь, рядом с нею был сын ее Агравейн. С незапамятных времен этим народом правили королевы, так же, как Богиня правила богами, и люди были тем довольны.

Но Гавейн продолжал оставаться рядом с Артуром... даже тогда, когда в канун Белтайна на север приплыл Ланселет, — якобы присмотреть за постройкой маяков вдоль побережья, чтобы корабли не разбивались о скалы. Но Моргауза подозревала иное. Он приплыл сюда, чтобы Артур мог знать, что творится в Лотиане и нет ли и здесь таких, кому не по вкусу власть Верховного короля.

Потом она услышала о смерти Игрейны — это известие лишь теперь добралось до Лотиана. В молодости они с Игрейной не были дружны; Моргауза всегда завидовала красоте старшей сестры и не могла простить Игрейне, что именно ее Вивиана выбрала для Утера Пендрагона. Она была бы куда лучшей Верховной королевой, чем эта простофиля, такая уступчивая, набожная и кроткая! Но потом, когда уже все было сказано и сделано, оказалось, что при погашенной лампе все мужчины похожи друг на друга и всеми до смешного легко управлять — настолько они зависят от того, что может предложить им женщина. Моргауза успешно правила, стоя за троном Лота. Она бы ничуть не хуже управилась и с Утером — уж ей-то хватило бы ума не связываться со священниками!

И все же, услыхав о смерти Игрейны, Моргауза искренне оплакивала ее и пожалела, что так и не выбрала времени съездить в Тинтагель. У нее осталось так мало подруг...

Ее придворных дам подбирал по большей части сам Лот, смотревший лишь на их красоту и уступчивость. Он заботился, чтобы эти женщины не думали чересчур много и не вели чересчур разумных бесед. Как он сказал однажды, на то ему довольно и Моргаузы. Лот советовался с ней во всех делах и почитал ее мудрость, но после того, как она родила ему четырех царственных сыновей, он вернулся в постельных привычках к тому, что предпочитал всегда, — к женщинам хорошеньким и пустоголовым. Моргауза никогда не мешала королю развлекаться: она была только рада избавиться от необходимости и дальше вынашивать детей. Если ей вдруг и захочется еще потешиться с малышами, на то у нее есть воспитанник, Гвидион. А кроме того, женщины Лота то и дело рожали, так что у Гвидиона имелось достаточно товарищей для игр, в чьих жилах текла королевская кровь!

Лежавший рядом с королевой Лохланн пошевелился, что-то пробормотал и сонно привлек ее в свои объятия, и на мгновение Моргауза оторвалась от своих размышлений. Она скучала по нему — на то время, пока Ланселет находился при дворе, она отослала Лохланна к прочим молодым придворным. Хотя, похоже, она вполне могла оставить Лохланна в своей постели или спать с дворовым псом — Ланселету не было никакой разницы! Ну что ж, он снова здесь; Лот никогда не мешал жене забавляться, как и она не мешала ему.

Но когда всплеск страсти утих и Лохланн сбежал вниз, ощутив некую неотложную нужду, Моргауза вдруг поняла, что ей недостает Лота. Не то чтоб он был так уж хорош в постельных развлечениях — Лот был уже немолод, когда она вышла за него замуж. Но после утех он мог поговорить с ней, как разумный человек, — и Моргауза обнаружила, что скучает по тем годам,

когда они просыпались вместе, лежали в постели и говорили обо всем, что следует сделать, и о происшествиях в королевстве или в прочих землях Британии.

К тому времени, как Лохланн вернулся, солнце поднялось уже высоко, а воздух наполнился криками чаек. Снизу доносился негромкий шум, и откуда-то тянуло запахом свежеиспеченных лепешек. Моргауза привлекла молодого человека к себе, быстро поцеловала и произнесла:

— Тебе пора, милый. Я хочу, чтобы ты ушел до прихода Гвидиона — он уже большой, и начинает подмечать подобные вещи.

Лохланн усмехнулся.

— Он подмечает все с тех самых пор, как его отняли от груди. Пока Ланселет был здесь, он следил за каждым его движением — даже в Белтайн. Но мне кажется, тебе не стоит беспокоиться — он еще недостаточно взрослый, чтобы думать о таких вещах.

— Я в этом не уверена, — отозвалась Моргауза и погладила Лохланна по щеке. Гвидион никогда ничего не делал, не убедившись предварительно, что его не высмеют за то, что он слишком мал. При всем своем редкостном самообладании мальчик терпеть не мог слов «ты для этого еще маленький». Четырех лет от роду он впал в ярость, когда ему сказали, что он еще мал лазать по птичьим гнездам, и едва не разбился насмерть, пытаясь угнаться за старшими мальчишками. Моргауза вспомнила этот случай и множество других, ему подобных, когда она приказывала мальчику никогда больше так не делать, а он поднимал смуглое личико и говорил: «Все равно буду, и ты мне не помешаешь». Колотушки не помогали — мальчишка лишь начинал вести себя еще более вызывающе; и однажды, окончательно выйдя из себя, Моргауза ударила его с такой силой, что сама этого испугалась. Ни один из родных ее сыновей, даже упрямец Гарет, никогда не вел себя настолько дерзко. Гвидион же делал что хотел и поступал как ему вздумается, и потому, когда он подрос, Моргауза стала использовать более коварные методы. «Нет, ты не будешь этого делать, или я велю няньке снять с тебя штаны и выдрать тебя ремнем на глазах у слуг, как маленького». Некоторое время этот способ действовал — у маленького Гвидиона было чрезвычайно развитое чувство собственного достоинства. Но теперь он снова поступал как вздумается, и остановить его не было никакой возможности: чтобы вздуть Гвидиона так, как он того заслуживал, требовался крепкий мужчина. И, кроме того, мальчишка всегда, рано или поздно, находил способ заставить любого обидчика пожалеть о произошедшем.

Наверно, мальчик станет более уязвим, когда начнет интересоваться, что думают о нем девицы. Был он изящен, как потомок волшебного народа, и смугл, как Моргейна, но красив — так же красив, как Ланселет. И, возможно, его видимое безразличие

к девицам будет иметь ту же природу, что и у Ланселета. Моргауза на миг задумалась об этом и вновь почувствовала себя униженной. Ланселет... Он был прекраснейшим мужчиной, какого только видела Моргауза за много лет, и она дала ему понять, что даже королева бывает доступна... Но Ланселет сделал вид, будто ничего не понял, и упорно именовал ее «тетушкой». По поведению Ланселета можно было подумать, будто она и вправду старуха, ровесница Вивианы — хотя она достаточно молода, чтобы приходиться ей дочерью!

Королева завтракала в постели и беседовала со своими дамами о том, что надлежит сделать сегодня. Пока она нежилась среди подушек — ей принесли свежевыпеченные, еще горячие лепешки, а масло в это время года всегда имелось в изобилии, — в опочивальню вошел Гвидион.

— Доброе утро, матушка, — сказал он. — Я набрал для тебя ягод. А в кладовке есть сливки. Если хочешь, я сбегаю и принесу тебе.

Моргауза посмотрела на ягоды в деревянной чаше — душистые, еще не просохшие от росы.

— Ты очень заботлив, сын, — отозвалась она и, усевшись, обняла мальчика и привлекла к себе. Совсем недавно он в подобных случаях забирался к ней под бок, и она угощала его ягодами и горячими лепешками, а зимой кутала в свои меховые одеяла. Ей недоставало этого ощущения — льнущего к ней теплого детского тельца, — но Моргауза считала, что мальчик уже слишком взрослый для этого.

Гвидион отстранился сам и пригладил волосы — он терпеть не мог ходить растрепанным. В этом они были схожи с Моргаузой; она с самого детства отличалась аккуратностью.

— Ты встал в такую рань, милый, и отправился за ягодами, чтобы только порадовать свою старую матушку? — произнесла королева. — Нет, сливок мне не нужно. Ты ведь не хочешь, чтобы я стала толстой, как свинья, верно?

Гвидион склонил голову набок, словно присматривающаяся к чему-то птичка, и задумчиво взглянул на Моргаузу.

— Это неважно, — сказал он. — Ты все равно будешь красивой, даже если растолстеешь. При дворе есть женщины — та же Мара, например. Она не толще тебя, но все вокруг зовут ее «толстой Марой». Но ты почему-то не кажешься такой большой, как на самом деле. Наверно, потому, что всякий, кто посмотрит на тебя, видит только, какая ты красивая. Так что ешь сливки, если тебе хочется, матушка.

«Сколь удивительно слышать такой точный ответ из уст ребенка! Да, мальчик растет и начинает превращаться в мужчину. Пожалуй, он будет подобен Агравейну и никогда не станет особенно высоким — сказывается кровь Древнего народа. И конечно же,

рядом с великаном Гаретом он всегда будет казаться отроком, даже когда ему сравняется двадцать! Мальчик умылся и аккуратно причесался; видно было, что он недавно подстригся».

— Как ты замечательно выглядишь, милый, — сказала Моргауза, когда мальчик быстро и аккуратно взял ягоду из чаши. — Ты сам подровнял себе волосы?

— Нет, — отозвался Гвидион. — Я велел мажордому меня подстричь. Я сказал, что мне надоело ходить лохматым, как собака. Лот всегда был чисто выбрит и аккуратно подстрижен, и Ланселет тоже, пока жил здесь. Я хочу выглядеть, как благородный человек.

— Ты так и выглядишь, радость моя, — сказала Моргауза, глядя на маленькую смуглую руку. Рука была покрыта царапинами и въевшейся грязью, как у всякого непоседливого мальчишки, но Моргауза заметила, что Гвидион явно старательно вымыл руки, вычистил грязь из-под ногтей и подрезал их. — Но почему ты сегодня надел праздничную тунику?

— Почему я надел праздничную тунику? — с невинным видом переспросил Гвидион. — Да, действительно. Ну... — Он на мгновение умолк. Моргауза знала, что, какова бы ни была причина, заставившая его так поступить — а причина наверняка имелась и, возможно, достаточно серьезная, — она об этом никогда не узнает. В конце концов мальчик спокойно пояснил: — Моя другая туника промокла от росы, пока я собирал для тебя ягоды, госпожа. — Затем он вдруг произнес: — Мне кажется, матушка, что я должен бы возненавидеть сэра Ланселета. Гарет с утра до ночи только о нем и твердил с таким почтением, словно это бог.

Моргаузе вдруг вспомнилось, что хоть она и не видела Гвидиона плачущим, но, тем не менее, когда Гарет уехал на юг, ко двору короля Артура, мальчик сильно по нему тосковал. Моргаузе Гарета тоже недоставало: это был единственный человек, который имел влияние на Гвидиона и способен был одним лишь словом призвать мальчика к порядку. С тех пор, как Гарет уехал, не осталось никого, к чьим советам Гвидион прислушивался бы.

— Я думал, что он окажется важным самодовольным глупцом, — сказал Гвидион, — а он совсем не такой. Он так много рассказал мне о маяках, что, наверно, и сам Лот столько не знал. И он сказал, что, когда я подрасту, мне следует приехать ко двору Артура и там, если я буду вести себя как хороший и честный человек, меня посвятят в рыцари.

В глубоко посаженных темных глазах мальчика промелькнула задумчивость.

— Все женщины твердят, что я похож на него — и спрашивают меня, а я злюсь, потому что не знаю, что им ответить. Приемная матушка, — подался вперед Гвидион. Темные мягкие волосы

упали на лоб, придав спокойному личику непривычно уязвимое выражение, — скажи мне правду: Ланселет — мой отец? Я подумал, что, может, это и вправду так и потому Гарет так и восхищается им...

«И ты не первый, кто об этом спрашивает, радость моя», — подумала королева, поглаживая мальчика по волосам. Задавая этот вопрос, Гвидион внезапно показался таким маленьким и беззащитным, что Моргауза ответила непривычно мягко:

— Нет, мой маленький. Изо всех мужчин этого королевства твоим отцом мог быть кто угодно, только не Ланселет. Я ведь разузнавала. Весь тот год, когда ты появился на свет, Ланселет провел в Малой Британии — он сражался там бок о бок со своим отцом, королем Баном. Мне тоже приходило в голову нечто подобное, но ты похож на него потому, что Ланселет — племянник твоей матери, равно как и мой.

Гвидион посмотрел на нее недоверчиво, и Моргауза почти что услыхала его мысли: даже если бы она точно знала, что его отец — Ланселет, она все равно сказала бы ему то же самое. В конце концов он промолвил:

— Возможно, когда-нибудь я лучше отправлюсь не ко двору Артура, а на Авалон. Приемная матушка, ведь моя мать живет сейчас на Авалоне?

— Я не знаю.

Моргауза нахмурилась... Опять этот до странности взрослый приемыш заставил ее говорить с собой, как с мужчиной. Ей вдруг подумалось, что теперь, с кончиной Лота, Гвидион был единственным во всем дворце человеком, с которым она хотя бы время от времени говорила, как взрослый со взрослым! О да, ночью, в ее постели, Лохланн вел себя как мужчина, но с ним так же невозможно было поговорить, как с каким-нибудь пастухом или служанкой!

— А теперь иди, Гвидион, иди, милый. Я собираюсь одеваться...

— Почему я должен уходить? — спросил мальчик. — Я все равно еще с пяти лет знаю, как ты выглядишь.

— Но теперь ты стал старше, — ответила Моргауза, внезапно вновь ощутив былую беспомощность. — Тебе уже не подобает оставаться здесь, когда я одеваюсь.

— Неужто тебя так сильно волнует, что подобает делать, а что нет, приемная матушка? — отпарировал Гвидион. Его взгляд остановился на подушке, все еще сохраняющей вмятину, оставленную головой Лохланна. Моргауза ощутила внезапную вспышку раздражения и гнева: он загнал ее в ловушку, словно взрослый мужчина, словно друид!

— Я не обязана перед тобой отчитываться, Гвидион! — отрезала она.

— А разве я сказал, что обязана? — Взгляд мальчишки был исполнен оскорбленной невинности. — Но раз я стал старше, мне нужно будет знать о женщинах больше, чем я знал в детстве, верно? Вот я и хотел остаться и поговорить.

— Ну, оставайся, оставайся, если хочешь, — сказала Моргауза, — только отвернись. Нечего тут на меня глазеть, сэр Бесстыдник!

Гвидион послушно отвернулся, но, когда королева встала и жестом велела одной из дам подать ей платье, он сказал:

— Нет, лучше надень синее платье, матушка, новое, которое только что соткали, и темно-оранжевый плащ.

— Это что же, ты теперь будешь давать советы, как мне следует одеваться? Как это понимать?

— Мне нравится, когда ты одеваешься, как подобает красивой даме и королеве, — настойчиво произнес Гвидион. — И вели им уложить твои волосы в высокую прическу и украсить золотой цепочкой — ладно, матушка? Сделай мне приятное.

— С чего это вдруг тебе захотелось, чтобы я наряжалась, словно в праздник середины лета? Я что, должна сидеть и прясть шерсть в своем лучшем платье? Мои дамы будут смеяться надо мной, дитя!

— Пускай себе смеются, — не унимался Гвидион. — Разве ты не можешь надеть свое лучшее платье, чтоб порадовать меня? И кто знает, что может случиться за день? Может, ты еще будешь рада, что так нарядилась.

Рассмеявшись, Моргауза сдалась.

— Ну, как тебе угодно. Раз тебе хочется, чтобы я разоделась, словно на празднество, то так тому и быть... Тогда мы устроим свой собственный праздник! Думаю, нужно приказать, чтоб на кухне испекли для этого воображаемого празднества медовые пироги...

«В конце концов, это всего лишь ребенок, — подумала Моргауза. — *Он надеется таким образом заполучить побольше сладостей. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Он ведь принес мне ягод!»*

— Ну, так как, Гвидион, потребовать ли мне на ужин медовый пирог?

Гвидион повернулся. Платье королевы еще не было зашнуровано, и Моргауза заметила, как его взгляд на мгновение прикипел к ее белой груди.

«Впрочем, не такой уж он ребенок».

Но Гвидион произнес лишь:

— Я всегда рад медовому пирогу. Но, может, мы еще сделаем на обед печеную рыбу?

— Чтобы у нас была рыба, — отозвалась Моргауза, — тебе придется снова сменить тунику и наловить ее самому. Все мужчины сейчас заняты севом.

— Я попрошу Лохланна, — быстро отозвался мальчик, — для него это будет настоящий праздник. А он заслужил праздник — ведь правда, матушка? Ты им довольна?

«Глупость какая! — подумала Моргауза. — *Не хватало еще, чтоб мальчишка его возраста вогнал меня в краску!»*

— Если ты хочешь отправить Лохланна за рыбой, милый, так отправь. Думаю, сегодня его можно отпустить.

Хотелось бы ей знать, что на самом деле на уме у Гвидиона. Зачем он нарядился в праздничную тунику и почему убедил ее надеть лучшее платье и позаботиться о хорошем обеде? Моргауза позвала домоправительницу и сказала:

— Юный Гвидион хочет медового пирога. Позаботься.

— Конечно, будет ему пирог, — отозвалась домоправительница, покровительственно глядя на Гвидиона. — Только гляньте на его личико — настоящий ангел.

«Вот с кем бы я его никогда не сравнила, так это с ангелом», — подумала Моргауза, но все-таки велела служанке уложить ей волосы в высокую прическу. Возможно, она так никогда и не узнает, что же затеял Гвидион.

День тянулся привычным чередом. Время от времени Моргауза задумывалась, не обладает ли Гвидион Зрением; но мальчик никогда не проявлял ни одного из признаков, а когда однажды королева спросила его напрямик, он повел себя так, словно понятия не имел, о чем идет речь. А если бы он обладал Зрением, то непременно бы хоть разок этим похвастался, подумала Моргауза.

А, пустое. По каким-то невразумительным причинам, понятным лишь ребенку, Гвидиону захотелось праздника, и он подбил королеву на это дело. Несомненно, после отъезда Гарета Гвидиону было одиноко — у него имелось мало общего с остальными сыновьями Лота. Насколько знала Моргауза, у него не было ни страсти Гарета к оружию и всяческим рыцарским забавам, ни музыкального дара Моргейны, хотя голос у него был приятным, и иногда, взявшись за свирель наподобие той, на которой играют мальчишки-пастухи, Гвидион извлекал из нее странные, печальные мелодии. Но он не относился к этому с тем пылом, как Моргейна: та охотно просиживала бы за своей арфой целыми днями, будь у нее такая возможность.

Однако у мальчика был живой, цепкий ум. Когда ему сравнялось три года, Лот послал за ученым священником с Ионы; тот поселился у них в доме и научил мальчика читать. Лот велел было священнику поучить и Гарета тоже, но тому книги не давались. Гарет послушно сражался с письменной речью и с латынью, но все эти нацарапанные на бумаге значки и загадочный язык древних римлян держались у него в голове не лучше, чем у Гавейна — да и не лучше, чем у самой Моргаузы, если уж на то

пошло. Агравейн был достаточно смышлен — он ведал всеми счетами и расходами; у него был настоящий дар во всем, что касалось цифр и подсчетов. Но Гвидион, казалось, мгновенно впитывал каждую крупицу знаний. Через год он мог читать не хуже самого священника и говорил на латыни, словно один из императоров древности, и Моргауза впервые задумалась: а может, правду говорят друиды, утверждая, что мы возрождаемся снова и снова и с каждой жизнью узнаем все больше?

«Его отец мог бы гордиться таким сыном, — подумала Моргауза. — А у Артура нет сыновей от его королевы. Настанет день — да, настанет, — когда я раскрою Артуру эту тайну, и тогда король будет у меня в руках».

Эта мысль от души позабавила Моргаузу. Просто поразительно, почему Моргейна никогда не пользовалась этим, чтобы повлиять на Артура? Она могла бы заставить его выдать ее за самого богатого из подчиняющихся ему королей, могла заполучить драгоценности или власть... Но Моргейну все это не интересовало. Для нее имели значение лишь ее арфа да вся та чушь, о которой болтают друиды. Ну что ж, зато она, Моргауза, сумеет с толком распорядиться силой, оказавшейся в ее распоряжении.

Королева сидела у себя в зале, разряженная с необычной пышностью, пряла шерсть весеннего настрига и прикидывала. Пожалуй, пора сделать Гвидиону новый плащ — мальчик так быстро растет; старый ему уже выше колен и не защитит владельца в зимние холода, — а в этом году он наверняка будет расти еще быстрее. Может, стоит отдать ему плащ Агравейна — только подрезать немного, — а Агравейну сшить новый? Пришел Гвидион в своей ярко-оранжевой праздничной тунике. Когда по залу поплыл запах медового пирога, сдобренного пряностями, мальчик одобрительно принюхался, но не стал ныть, чтобы пирог разрезали пораньше и дали ему кусочек, как поступил бы всего несколькими месяцами до этого. Около полудня он сказал:

— Матушка, я возьму кусок хлеба с сыром и пойду пройдусь по окрестностям — Агравейн велел мне посмотреть, все ли изгороди в порядке.

— Только не в праздничной обуви, — сказала Моргауза.

— Конечно. Я пойду босиком, — отозвался Гвидион, расстегивая сандалии и ставя их позади скамьи королевы, у очага. Он подобрал тунику под ремень, так, что та оказалась выше колен, прихватил крепкую палку и вышел. Моргауза, нахмурившись, смотрела ему вслед. Гвидион никогда не брался за работу вроде осмотра изгородей, что бы там ни велел Агравейн! Что это сегодня с парнишкой?

После полудня вернулся Лохланн и принес прекрасную крупную рыбу, такую тяжелую, что Моргауза даже не могла ее

поднять; королева с удовольствием оглядела рыбину — ее должно было хватить на всех, кто садится за главный стол, и еще останется на завтра и послезавтра. Когда вычищенная и приправленная травами рыба лежала, ожидая, пока ее отправят в печь, появился Гвидион, — ноги и руки чисто вымыты, волосы причесаны, — и снова натянул сандалии. Мальчик посмотрел на рыбу и улыбнулся.

— И вправду будто праздник, — довольно произнес он.

— Все ли ограды ты обошел, приемный брат? — спросил Агравейн. Он только что вернулся из сарая, где лечил заболевшего пони.

— Все, и почти все они в хорошем состоянии, — ответил Гвидион. — Но на самой вершине северной вырубки, там, где в прошлом сезоне держали овец, появилась большая дыра. Тебе следует послать людей заделать ее, прежде чем снова пускать туда овец — а козы выскочат через нее наружу раньше, чем ты успеешь хоть слово сказать.

— Ты ходил туда один? — с беспокойством уставилась на него Моргауза. — Ты ведь не коза — ты мог свалиться в овраг и переломать себе ноги, и тебя искали бы много дней! Сколько раз я тебе говорила: идешь на вырубки — бери с собой кого-нибудь из пастухов!

— У меня были свои причины пойти одному, — отозвался Гвидион. В уголках его рта пролегли упрямые складки, — и я увидел то, что хотел увидеть.

— Что же такого ты мог увидеть, чтобы это стоило риска сломать себе что-нибудь и пролежать там несколько дней? — сердито спросил Агравейн.

— Я никогда еще не падал, — отозвался Гвидион, — а если упаду, то и пострадаю от этого только я. Что тебе за дело, если я хочу рискнуть?

— Я твой старший брат и распоряжаюсь в этом доме, — заявил Агравейн, — и ты будешь относиться ко мне с уважением, или я его в тебя вколочу!

— Расколоти лучше себе голову — может, туда войдет хоть немного ума, — дерзко отозвался Гвидион, — своего-то у тебя уже не будет!

— Ах ты несчастный маленький...

— И нечего попрекать меня моим рождением! — огрызнулся Гвидион. — Я не знаю своего отца, но зато знаю, кто породил тебя — и не хотел бы поменяться с тобой местами!

Агравейн тяжело шагнул к мальчишке, но Моргауза быстро поднялась и заслонила Гвидиона собой.

— Агравейн, перестань изводить мальчика.

— Он всегда бежит прятаться за твои юбки, мать, — стоит ли

после этого удивляться, что я никак не могу научить его послушанию? — возмущенно спросил Агравейн.

— Чтоб научить меня послушанию, нужен человек поумнее тебя, — подал голос Гвидион, и Моргауза уловила в его голосе нотки горечи.

— Тише, тише, дитя. Не говори так со своим братом, — с упреком произнесла она, и Гвидион тут же откликнулся:

— Извини, Агравейн. Мне не следовало грубить тебе.

Он улыбнулся и взмахнул темными ресницами — не ребенок, а воплощенное раскаяние.

— Я же тебе добра желаю, негодник маленький, — проворчал Агравейн. — Думаешь, мне очень хочется, чтобы ты переломал себе все кости? И с чего тебе взбрело в голову лезть на вершину в одиночку?

— Ну, — отозвался Гвидион, — ведь без этого ты бы так и не узнал о дыре в изгороди, и пустил бы на это пастбище овец или даже коз, и потерял бы их всех. И я никогда не рву одежду — ведь правда, матушка?

Моргауза рассмеялась: Гвидион и вправду очень аккуратно обращался с одеждой — с мальчишками такое бывает нечасто. Стоило, скажем, тому же Гарету надеть тунику, и через час она уже была напрочь измята и перепачкана, а Гвидион сходил в своей праздничной оранжевой тунике на пастбища, и она выглядела так, словно ее только что выстирали. Гвидион посмотрел на Агравейна, одетого для работы, и сказал:

— Не годится тебе, брат, в таком виде садиться за стол рядом с матушкой в ее красивом платье. Сходи надень хорошую тунику. Не станешь же ты обедать в старой одежде, словно какой-нибудь крестьянин?

— Не хватало еще, чтобы всякая мелюзга указывала, что мне делать! — рыкнул Агравейн, но все-таки отправился к себе в покои, и Гвидион улыбнулся с тайным удовлетворением.

— Агравейну нужна жена, матушка, — сказал он. — Он вспыльчив, словно бык по весне. А кроме того, тогда тебе больше не придется шить и чинить ему одежду.

Моргаузу позабавило это замечание.

— Несомненно, ты прав. Но я не желаю, чтобы под этой крышей появилась еще одна королева. Нет на свете такого большого дома, чтобы в нем могли ужиться две хозяйки.

— Значит, нужно найти ему жену из не слишком знатного рода и очень глупую, — сказал Гвидион. — Такая жена будет радоваться каждому твоему совету, потому что будет бояться попасть впросак. Дочь Ниала вполне подойдет — она очень красивая, а народ Ниала богат, но не слишком, потому что они потеряли много скота в злую зиму, шесть лет назад. За ней дадут хорошее приданое, потому что Ниал боится, что ему не удастся

выдать дочь замуж. Она в шесть лет переболела корью и с тех пор плохо видит да и умом особым не отличается. Она неплохо умеет прясть и ткать, но у нее не хватит ни зоркости, ни ума посягать на большее, и она не станет возражать, если Агравейн будет постоянно делать ей детей.

— Ну-ну-ну, ты у нас уже настоящий государственный муж, — язвительно произнесла Моргауза. — Агравейну следует сделать тебя своим советником, раз ты такой мудрый.

Но про себя она подумала, что мальчик прав и что нужно будет завтра же поговорить с Ниалом.

— Он может сделать и что-нибудь похуже, — серьезно произнес Гвидион, — но я не стану оставаться здесь и дожидаться этого, матушка. Я вот что хочу сказать: когда я поднялся на холм, то увидел... а, вот и Донил-охотник, он вам все расскажет.

И действительно, здоровяк охотник вошел в зал и низко поклонился Моргаузе.

— Госпожа моя, — сказал он, — на дороге показались всадники. Они уже у большого дома. Они везут паланкин, украшенный, как авалонская ладья, и с ними едет горбун с арфой и слуги в одеждах Авалона. Они будут здесь через полчаса.

«Авалон!» Тут Моргауза заметила потаенную улыбку Гвидиона и поняла, что ради этого он все и затеял. *«Но он никогда не говорил, что обладает Зрением! Какой ребенок не похвастался бы таким даром, имей он его?»* Но вдруг он и вправду скрывал свой дар, радуясь именно тому, что ему известны вещи, никому более не ведомые? От этой мысли Моргаузе вдруг сделалось не по себе, и на миг она почти испугалась своего воспитанника. Она поняла, что мальчик заметил это, — и отнюдь не огорчился.

Но он сказал лишь:

— Ну разве не удачно получилось, матушка, что у нас есть медовый пирог и печеная рыба и мы одеты в наши лучшие наряды и можем принять посланцев Авалона с подобающей пышностью?

— Да, — согласилась Моргауза, глядя на приемного сына. — И вправду, очень удачно, Гвидион.

Когда Моргейна вышла на главный двор, чтобы приветствовать гостей, ей вспомнился вдруг тот день, когда Вивиана и Талиесин приехали в отдаленный замок Тинтагель. Талиесину такие путешествия, наверное, давно уже не под силу, хотя он еще жив. Если бы он умер, она непременно об этом услыхала бы. А Вивиана больше не ездила верхом, в мужском платье и сапогах — скорости ради, — не считаясь ни с чьим мнением.

Гвидион смирно стоял рядом с королевой. Сейчас, в своей ярко-оранжевой тунике, с аккуратно зачесанными темными волосами, он был очень похож на Ланселета.

— Кто эти гости, матушка?

— Думаю, это Владычица Озера, — ответила Моргауза, — и мерлин Британии, Посланец богов.

— Ты говорила, что моя мать была жрицей на Авалоне, — сказал Гвидион. — Быть может, их появление как-то связано со мной?

— Ну-ну, не болтай то, чего не знаешь! — резко одернула его Моргауза, потом смягчилась. — Я не знаю, зачем они приехали, милый. Я не наделена Зрением. Но, может быть, ты и прав. Я хочу, чтобы ты разносил вино, слушал и все запоминал, но сам помалкивал, пока тебя не спросят.

Моргаузе подумалось, что ее родным сыновьям было бы нелегко выполнить это требование — Гавейн, Гахерис и Гарет были шумными и любопытными, и их трудно было научить придворным манерам. Они походили на огромных дружелюбных псов, а Гвидион — на кота, бесшумного, вкрадчивого, изящного и внимательного. Такой была в детстве Моргейна... «Вивиана дурно поступила, выгнав Моргейну, даже если и рассердилась на нее за то, что та понесла ребенка... и с чего вдруг это так ее задело? Она и сама рожала детей — и среди них этого чертова Ланселета, который посеял такую смуту в королевстве Артура, что отголоски дошли даже до нас. Все слыхали, в какой он милости у королевы».

Хотя — а с чего вдруг она решила, будто Вивиана не хотела, чтобы Моргейна родила этого ребенка? Моргейна поссорилась с Авалоном, но, возможно, эту ссору затеяла она сама, а не Владычица Озера.

Моргауза с головой ушла в размышления; но тут Гвидион коснулся ее руки и едва слышно пробормотал:

— Твои гости, матушка.

Моргауза присела в глубоком реверансе перед Вивианой, которая словно бы усохла. Прежде казалось, что годы не властны над Владычицей Озера, но теперь Вивиана выглядела увядшей, лицо ее избороздили морщины, а глаза запали. Но ее очаровательная улыбка осталась прежней, а низкий грудной голос был все таким же мелодичным.

— Как я рада тебя видеть, милая сестра, — сказала она, поднимая Моргаузу и заключая ее в объятия. — Сколько же мы не виделись? Ах, лучше не думать о годах! Как молодо ты выглядишь, Моргауза! Какие прекрасные зубы, и волосы такие же блестящие, как всегда. С Кевином Арфистом вы уже встречались на свадьбе Артура — он тогда еще не стал мерлином Британии.

Кевин тоже постарел, ссутулился и сделался скрюченным, словно старый дуб. Что ж, подумала Моргауза, это вполне умест-

но для человека, который якшается с дубами, — и почувствовала, как губы ее невольно растягиваются в усмешке.

— Добро пожаловать, мастер Арфист, то есть я хотела сказать — лорд мерлин. А как там благородный Талиесин? Он все еще пребывает среди живых?

— Он жив, — ответила Вивиана. Когда она произнесла это, из паланкина вышла еще одна женщина. — Но он стар и слаб, и ему теперь не под силу подобные путешествия.

Затем она сказала:

— Это дочь Талиесина, дитя дубрав — Ниниана. Так что она приходится тебе сводной сестрой, Моргауза.

Моргауза слегка смутилась, когда молодая женщина шагнула вперед, обняла ее и произнесла певучим голосом:

— Я рада познакомиться с моей сестрой.

Ниниана была так молода! У нее были чудесные золотистые волосы с рыжеватым отливом, голубые глаза и длинные шелковистые ресницы. Вивиана пояснила:

— С тех пор, как я постарела, Ниниана путешествует со мной. Кроме нее — и меня — на Авалоне не осталось более никого, в чьих жилах текла бы древняя королевская кровь.

Ниниана носила наряд жрицы; ее чудесные волосы были перехвачены на лбу тесьмой, которая, однако, не скрывала знака жрицы — недавно нарисованного синей краской полумесяца. Она и говорила как жрица — хорошо поставленным, исполненным силы голосом; но рядом с Вивианой девушка казалась юной и слабой.

Моргаузе стоило немалого труда вспомнить, что она тут хозяйка, а это ее гости; она чувствовала себя, словно девчонка-поваренок, оказавшаяся вдруг перед двумя жрицами и друидом. Но затем она гневно напомнила себе, что обе эти женщины — ее сводные сестры, а что касается мерлина — то он всего лишь старый горбун!

— Добро пожаловать в Лотиан и в мой замок. Это мой сын Агравейн: он правит здесь, пока Гавейн находится при дворе Артура. А это мой воспитанник, Гвидион.

Мальчик изящно поклонился высокопоставленным гостям, но пробормотал лишь нечто неразборчиво-вежливое.

— Красивый парнишка и уже большой, — сказал Кевин. — Так значит, это и есть сын Моргейны?

Моргауза приподняла брови.

— Можно ли скрыть что-либо от того, кто наделен Зрением?

— Моргейна сама сказала мне об этом, когда узнала, что я еду на север, в Лотиан, — сказал Кевин, и по лицу его промелькнула тень.

— Так значит, Моргейна снова обитает на Авалоне? — спро-

сила Моргауза. Кевин покачал головой. Моргауза заметила, что Вивиана тоже выглядит опечаленной.

— Моргейна живет при дворе Артура, — сказал Кевин.

— У нее есть дело во внешнем мире, которое следует исполнить, — добавила Вивиана, поджав губы. — Но в назначенный час она вернется на Авалон. Там ее ждет место, которое ей надлежит занять.

— Ты говоришь о моей матери, Владычица? — тихо спросил Гвидион.

Вивиана в упор взглянула на Гвидиона — и внезапно старая жрица показалась высокой и величественной. Моргаузе эта уловка была привычна, но Гвидион видел ее впервые. Владычица Озера заговорила, и голос ее заполнил двор:

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, дитя, когда ты и сам прекрасно знаешь ответ? Тебе нравится насмехаться над Зрением, Гвидион? Будь осторожен. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь — и в этом мире немного вещей, которые мне неведомы!

Гвидион попятился, приоткрыв рот и в одно мгновенье превратившись во всего лишь не по годам развитого ребенка. Моргауза приподняла брови; так значит, он еще способен кого-то и чего-то бояться! На этот раз мальчик даже не попытался ни оправдаться, ни извиниться — вся его бойкость куда-то исчезла.

Моргауза поспешила снова взять дело в свои руки.

— Пойдемте в дом, — сказала она. — Все уже готово для вас, сестры мои, и для тебя, лорд мерлин.

Взглянув на красную скатерть, которую она сама постелила на главный стол, на кубки и красивую посуду, Моргейна подумала: *«Да, мы живем на краю света — но не в хлеву!»* Она провела Вивиану к креслу с высокой спинкой, которое обычно занимала сама, и усадила рядом с ней Кевина Арфиста. Ниниана, поднимаясь на помост, споткнулась, но Гвидион мгновенно поддержал ее.

«Так-так, наконец-то наш Гвидион начинает обращать внимание на красивых женщин. А может, это просто хорошие манеры? Или он хочет снова снискать расположение после того выговора, который ему учинила Вивиана?»

Моргауза прекрасно понимала, что никогда не узнает ответа на этот вопрос.

Рыба прекрасно удалась (красную рыбу вообще хорошо запекать — она легко отделяется от костей), а медовый пирог был достаточно велик, чтобы его хватило почти на всех домочадцев; кроме того, Моргауза велела принести побольше ячменного пива, чтобы трапеза была праздничной для всех. На столе было вдосталь свежевыпеченного хлеба, молока, и масла, и сыра из овечьего молока. Вивиана, как всегда, ела мало, но оценила угощение по достоинству.

— У тебя воистину королевский стол. Лучше меня не принимали даже в Камелоте. Я никак не ожидала, явившись без предупреждения, встретить такой прием, — сказала она.

— Так ты была в Камелоте? Видела ли ты моих сыновей? — спросила Моргауза, но Вивиана покачала головой и нахмурилась.

— Нет. Пока еще нет. Хотя я собираюсь отправиться в ту сторону к Троицыну дню — так его теперь называет Артур, вслед за церковниками, — сказала она, и у Моргаузы по спине невесть почему вдруг пробежал озноб. Но при гостях у нее не было возможности подумать над этим.

Тут подал голос Кевин.

— Я видел при дворе твоих сыновей, леди. Гавейн получил легкую рану при горе Бадон, но заживает она хорошо, и ее почти не видно из-под бороды... Он теперь носит небольшую бородку, как сакс — не потому, что хочет походить на них, просто он не может сейчас бриться, не тревожа свежего рубца. Возможно, он положит начало новой моде! Гахериса я не видел — он отправился на юг, следить, как укрепляют побережье. Гарета должны принять в число соратников в Троицын день — Артур чтит этот праздник более всех прочих. Гарет — один из самых влиятельных и самых доверенных людей при дворе, хотя сэр Кэй постоянно его задирает и дразнит «красавчиком» за миловидность.

— Его давно уже следовало сделать одним из соратников Артура! — пылко воскликнул Гвидион, и Кевин взглянул на мальчика более доброжелательно.

— Так значит, ты печешься о чести своих родичей, мальчик мой? Воистину, он заслужил того, чтоб войти в число соратников, и теперь, когда его высокое положение стало известно, с Гаретом обращаются соответствующим образом. Но Артур желает оказать ему особую честь и потому отложил церемонию до первого большого праздника, который Гарет встретит в Камелоте, чтобы его приняли в соратники со всей торжественностью. Так что ты можешь успокоиться, Гвидион, Артур прекрасно знает, чего стоит Гарет, хоть он и один из самых юных среди Соратников короля .

Выслушав это, Гвидион робко спросил:

— А знаешь ли ты мою мать, мастер Арфист? Леди М-Моргейну?

— Да, мальчик, я хорошо ее знаю, — мягко произнес Кевин, и Моргауза подумала, что у этого уродливого человечка действительно хороший голос, звучный и красивый, по крайней мере, пока он говорит, а не поет. — Она — одна из прекраснейших дам при дворе Артура и одна из самых изящных, и еще она играет на арфе, как настоящий бард.

— Да будет вам! — вмешалась Моргауза, и губы ее растяну-

лись в усмешке — ее позабавило, с какой нежностью арфист говорит о Моргейне. — Детские сказки — дело хорошее, но надо же когда-то и правду говорить. Моргейна — красавица? Да она серенькая, как воробей! Игрейна — та и вправду в молодости была красива, это подтвердит любой мужчина, но Моргейна на нее ни капли не похожа.

Кевин отвечал почтительно, но в то же время с улыбкой:

— Есть такая древняя друидская мудрость: красота не в красивом лице, а в душе. Моргейна воистину красива, королева Моргауза, хоть ее красота и схожа с твоей не более, чем плакучая ива с нарциссом. И она — единственный человек при дворе, которому я могу доверить Мою Леди.

И он указал на арфу, что стояла, расчехленная, рядом с ним. Поняв намек, Моргауза спросила у Кевина, не порадует ли он собравшихся песней.

Кевин взял арфу и запел, и в зале воцарилась тишина; не слышно было ни единого звука, кроме звона арфы и голоса барда. Пока он пел, люди из дальнего края зала стали подбираться поближе к главному столу, чтобы послушать музыку. Но когда Кевин допел и Моргауза отослала домочадцев — хотя Лохланну она позволила остаться, и тот тихонько присел у очага, — она сказала:

— Я тоже люблю музыку, мастер Арфист, и ты нас очень порадовал — давно уже я не получала такого удовольствия. Но ведь вы проделали весь этот долгий путь с Авалона в северные земли не для того, чтоб я могла насладиться музыкой. Прошу вас, поведайте, в чем причина вашего неожиданного появления.

— Не такого уж и неожиданного, — сказала Вивиана, слегка улыбнувшись, — раз я застаю тебя в лучшем наряде, а на столе нас ждут пиво, печеная рыба и медовый пирог. Тебя предупредили о нашем прибытии, и поскольку у тебя никогда не имелось ни малейшего проблеска Зрения, то мне остается лишь предположить, что тебя предупредил кто-то иной.

Она с усмешкой взглянула на Гвидиона, и Моргауза кивнула.

— Но он ничего мне не объяснил, лишь настоял, чтобы я приготовила все для празднества — а я сочла это обычным детским капризом.

Когда Кевин принялся заворачивать арфу, Гвидион приблизился к его креслу и нерешительно спросил, протянув руку:

— Можно потрогать струны?

— Потрогай, — мягко отозвался Кевин, и Гвидион осторожно коснулся струн.

— Никогда не видел такой красивой арфы.

— И не увидишь. Думаю, второй такой не найти ни здесь, ни даже в Уэльсе, где есть целая школа бардов, — сказал Кевин. — Мою Леди подарил мне сам король, и я никогда с нею не расста-

юсь. И, подобно многим женщинам, — добавил он, любезно поклонившись Вивиане, — с годами она становится все прекраснее.

— Жаль, что мой голос не становится прекраснее с возрастом, — добродушно откликнулась Вивиана. — Но, увы, Темная Матерь этого не желает. Лишь ее бессмертным детям дано с годами петь все прекраснее. Пусть Твоя Леди всегда поет так же чудно, как сейчас.

— А ты любишь музыку, мастер Гвидион? Умеешь ли ты играть на арфе?

— У меня нет арфы, и мне не на чем играть, — ответил Гвидион. — Наш единственный арфист — Колл, а его пальцы уже так одеревенели, что он редко касается струн. У нас вот уж два года не слышно музыки. Я, правда, иногда играю на маленькой свирели, а Аран — тот, что был волынщиком при войске Лота, — научил меня немного играть на дудке из лосиного рога... вон она висит. Он ушел с королем Лотом к горе Бадон — и не вернулся, как и Лот.

— Дай-ка мне эту дудку, — велел Кевин. Гвидион снял ее со стены и принес. Бард протер дудку полой одежды, продул от пыли, а затем поднес к губам, и его скрюченные пальцы коснулись прорезанных в роге отверстий. Он сыграл плясовую мелодию, потом отложил дудку со словами: — В этом я неискусен — моим пальцам недостает проворства. Ну что ж, Гвидион, раз ты любишь музыку, на Авалоне тебе будет чему поучиться. Ну, а сейчас сыграй мне на этой дудке, а я послушаю.

У Гвидиона пересохло во рту — Моргауза поняла это по тому, как мальчик облизал губы, — но он взял дудку и осторожно подул в нее. Потом он заиграл медленную мелодию, и Кевин, послушав несколько мгновений, кивнул.

— Неплохо, — сказал он. — В конце концов, ты — сын Моргейны. Было бы странно, если б у тебя вовсе не имелось способностей к музыке. Возможно, мы сумеем многому тебя научить. Быть может, у тебя имеются задатки барда, но скорее — жреца или друида.

Гвидион, моргнув, едва не выронил дудку, но успел поймать ее в подол туники.

— Барда? О чем это ты? Объясни!

Вивиана взглянула мальчику в глаза.

— Назначенный час пробил, Гвидион. Ты — друид по рождению и по обеим линиям принадлежишь к королевскому роду. Тебе передадут древние знания и тайную мудрость Авалона, чтобы тебе, когда придет твой день, под силу было нести дракона.

Гвидион сглотнул. Моргауза видела, как мальчик жадно впитывает услышанное. Она прекрасно понимала, что мысль о тай-

ной мудрости будет для Гвидиона притягательнее всего, что только могли ему предложить.

— Вы сказали — королевского рода по обеим линиям... — запинаясь, пробормотал мальчик.

Ниниана хотела было ответить, но Вивиана едва заметно качнула головой, и Ниниана сказала лишь:

— Тебе все объяснят, когда настанет должный час, Гвидион. Если тебе суждено стать друидом, то первое, чему ты должен научиться, — это молчать и не задавать никаких вопросов.

Гвидион безмолвно уставился на девушку, и Моргауза подумала: *«Гвидион, утративший дар речи, — да, такая картина стоит всех сегодняшних хлопот!»* Впрочем, она не удивилась. Ниниана была красива — девушка поразительно походила на молодую Игрейну, или даже на молодую Моргаузу, только волосы у нее были не рыжие, а золотистые.

Вивиана негромко произнесла:

— Все, что я могу сказать тебе сейчас, так это то, что мать матери твоей матери была Владычицей Озера и происходила из рода жриц. В Игрейне и Моргаузе также течет кровь благородного Талиесина — равно как и в тебе. В тебе слилась кровь многих королевских родов этих островов, сохранившаяся среди друидов, и если ты окажешься достоин, тебя ждет великая судьба. Но ты должен доказать, что достоин этого, ибо королевская кровь сама по себе еще не делает человека королем — нужно еще мужество, и мудрость, и прозорливость. Я так тебе скажу, Гвидион: тот, кто носит Дракона, может быть более подлинным королем, чем тот, кто сидит на троне, потому что трон можно заполучить силой оружия, или хитростью, или, как Лот, родившись в нужной постели, от нужного короля. Но Великого Дракона может носить лишь тот, кто заслужил это право собственными трудами, и не в одной лишь этой жизни, но и за прошлые. Знай, это великая тайна!

— Но я... я не понимаю! — сказал Гвидион.

— Конечно, не понимаешь! — отрезала Вивиана. — Я же сказала, это тайна, а мудрые друиды временами тратят несколько жизней, чтобы постичь даже менее сложные вещи. Я и не хотела, чтобы ты понял — но ты должен слушать, и слушаться, и учиться повиноваться.

Гвидион снова сглотнул и опустил голову. Моргауза увидела, как Ниниана улыбнулась ему, а он глубоко вздохнул, словно долго сдерживал дыхание и лишь сейчас позволил себе перевести дух, и молча уселся у ног девушки, не пытаясь ни объясниться, ни возразить. *«Возможно, обучение у друидов — это как раз то, что ему нужно!» — подумала Моргауза.*

— Так значит, вы приехали, чтобы сказать мне, что я достаточно долго воспитывала сына Моргейны и что настало время

отвезти его на Авалон, дабы он изучил мудрость друидов. Но вы бы не отправились в столь долгий путь лишь ради этого — вы вполне могли бы прислать за мальчиком кого-нибудь из младших друидов. Я всегда знала, что не подобает сыну Моргейны провести всю свою жизнь среди пастухов и рыбаков. И где же еще его судьба, как не на Авалоне? Прошу вас, скажите мне все остальное — о да, за этим кроется что-то еще, я вижу это по вашим лицам.

Кевин открыл было рот, но тут Вивиана резко произнесла:

— С чего это вдруг я должна доверять тебе все свои мысли, Моргауза? Ты ведь только и смотришь, как бы все обернуть к собственной выгоде и выгоде твоих сыновей. Даже теперь Гавейн стоит рядом с троном Верховного короля не только в силу своего происхождения, но и потому, что король любит его. И я предвидела, еще когда Артур только женился на Гвенвифар, что у нее не будет детей. Но тогда мне подумалось, что она умрет родами, и я не захотела омрачать счастье Артура — я полагала, что впоследствии мы сможем подобрать ему более подходящую жену. Но я слишком долго медлила, а теперь он не отошлет ее прочь, несмотря на то, что она бесплодна, — и, как ты видишь, ничто больше не может воспрепятствовать продвижению твоих сыновей.

— Тебе не следует утверждать, что она бесплодна, Вивиана. — Лицо Кевина прорезали горькие складки. — Она забеременела незадолго до битвы у горы Бадон и проносила дитя пять месяцев — и вполне могла бы выносить его. Думаю, она скинула плод прежде времени из-за жары, из-за тесноты в замке, из-за постоянного страха перед саксами... и я полагаю, что именно жалость к ней заставила Артура предать Авалон и отречься от драконьего знамени.

— Но Гвенвифар причинила Артуру столь великий вред не только из-за своей бездетности, королева Моргауза, — сказала Ниниана. — Она — орудие в руках священников, а ее влияние на короля чрезвычайно велико. И если случится все же, что она сумеет родить ребенка и ребенок этот доживет до зрелых лет... Вот это будет хуже всего.

У Моргаузы перехватило дыхание.

— Гавейн...

— Гавейн — христианин, как и Артур, — отрезала Вивиана. — Он желает лишь одного — чтобы Артур был им доволен.

— Я не знаю, — сказал Кевин, — действительно ли Артур так привержен богу христиан, или он делает все это лишь ради Гвенвифар, чтоб порадовать и утешить ее...

— Разве мужчина, нарушивший клятву ради женщины, достоин того, чтобы править? — с презрением спросила Моргауза. — Ведь Артур отрекся от клятвы, верно?

— Я слышал, как он говорил, что раз Христос и Дева Мария даровали ему победу у горы Бадон, он уже не откажется от них, — сказал Кевин. — Более того, я слышал, как он в разговоре с Талиесином сказал, что Дева Мария — та же самая Великая Богиня, и что это она даровала ему победу, дабы спасти эту землю... и что знамя Пендрагона принадлежит его отцу, а не ему...

— И все же, — сказала Ниниана, — это еще не дает ему права выбрасывать это знамя. Мы, Авалон, возвели Артура на трон, и он обязан нам...

— Да какая разница, что за знамя реет над королевским войском? — нетерпеливо перебила ее Моргауза. — Солдатам нужно нечто такое, что воспламеняло бы их воображение...

— Ты, как обычно, упускаешь самое главное, — сказала Вивиана. — Мы должны иметь возможность контролировать с Авалона, о чем они думают и грезят, — иначе мы потерпим поражение в борьбе с Христом и их души попадут во власть ложной веры! Над ними всегда должен реять символ Дракона, чтобы человечество стремилось к совершенству, а не думало лишь о грехе и искуплении!

— Не знаю, — медленно произнес Кевин, — возможно, стоило бы сделать низшие таинства для глупцов, а сокровенные знания доверять лишь мудрым. Быть может, люди слишком легко попадают на Авалон — и потому не ценят этого.

— Ты хочешь, чтобы я сидела сложа руки и смотрела, как Авалон уходит все глубже в туманы, как страна фэйри? — возмутилась Вивиана.

— Я говорю, Владычица, — почтительно, но твердо отозвался Кевин, — что, быть может, теперь уже поздно бороться с этим. Однако сдается мне, что Авалон пребудет вечно, сколько бы веков ни миновало, и человек всегда сумеет отыскать дорогу туда, если он способен на это. А если не сумеет, то, быть может, это знак, что он к тому не готов.

— И все же, — жестко произнесла Вивиана, — я буду удерживать Авалон в пределах этого мира — или умру, пытаясь сделать это.

В зале воцарилась тишина, и Моргауза осознала, что ее бьет озноб.

— Разведи огонь, Гвидион, — велела она и передала вино. — Не хочешь ли выпить, сестра? А ты, мастер Арфист?

Ниниана принялась разливать вино, а вот Гвидион так и не тронулся с места. Он сидел неподвижно, словно заснул или впал в транс.

— Гвидион, делай, что тебе велят... — начала было Моргауза, но Кевин вскинул руку, призывая ее к молчанию, и шепотом произнес:

— Мальчик в трансе. Говори, Гвидион.

— Все в крови, — прошептал Гвидион, — кровь течет ручьем, словно кровь жертв с древних алтарей, кровь растекается по трону...

Ниниана споткнулась, оступилась, и кроваво-красное вино окатило Гвидиона и плеснуло на колени Вивиане. Ниниана вскочила в изумлении, а Гвидион заморгал и встряхнулся, как щенок. Он смущенно произнес:

— Что... ой, простите... позволь, я тебе помогу, — и он отобрал у Нинианы мех с вином. — Ну и вид, будто кровь пролили. Я сейчас сбегаю на кухню за тряпкой, — и с этими словами он припустил прочь, как обычный проворный мальчишка.

— Вот вам ваша кровь, — с отвращением произнесла Моргауза. — Неужто и моему Гвидиону предстоит с головой уйти в грезы и отвратительные видения?

Вивиана, стряхивая липкое вино с платья, возразила:

— Не следует хаять чужой дар, Моргауза, лишь потому, что ты сама лишена Зрения!

Гвидион вернулся с тряпкой, но когда он наклонился, чтоб убрать лужу, то пошатнулся. Моргауза отобрала у него тряпку и жестом велела одной из служанок вытереть вино со стола и каменных плит. Гвидион казался больным, но если обычно он старался, чтобы Моргауза это заметила, то теперь мальчик быстро отвернулся, словно застеснявшись. Моргаузе до боли захотелось взять его на руки и прижать к себе — ведь это был ее последний ребенок, доставшийся ей, когда все остальные уже выросли, — но она знала, что Гвидион этому не порадуется, и потому осталась сидеть, уставившись на свои сцепленные руки. Ниниана тронула мальчика за плечо, но Вивиана кивком подозвала его к себе; взгляд ее был строг и тверд.

— А теперь скажи мне правду: давно ли у тебя проявилось Зрение?

Гвидион опустил глаза и ответил:

— Я не знал... не знал, что это так называется.

Он беспокойно переминался с ноги на ногу, стараясь не смотреть на Владычицу Озера.

— И ты скрывал его из гордости и любви к могуществу, верно? — тихо спросила она. — Теперь этот дар овладел тобой, и ты должен будешь приложить немало сил, чтобы, в свою очередь, овладеть им. Я вижу, мы пришли в последний момент, — надеюсь, что не опоздали. Тебе трудно стоять? Тогда садись вот сюда и сиди тихо.

К изумлению Моргаузы, Гвидион безропотно уселся у ног жриц. Мгновение спустя Ниниана положила руку ему на голову, а он прижался к ее коленям.

Вивиана же снова повернулась к Моргаузе:

— Как я тебе уже говорила, Гвенвифар не родит Артуру

сына — и все же король не отошлет ее прочь. Тем более что она христианка, а их вера запрещает мужчине прогонять жену...

— И что с того? — пожала плечами Моргауза. — У нее уже случился один выкидыш — а может, и не один. И она уже немолода для женщины. А жизнь женщины полна непредвиденных опасностей.

— О да, Моргауза, как-то раз ты уже попыталась воспользоваться этими непредвиденными опасностями, чтобы твой сын мог встать рядом с троном — не так ли? — спросила Вивиана. — Предупреждаю тебя, сестра: не вмешивайся в то, что установлено богами!

Моргауза улыбнулась.

— А мне казалось, Вивиана, что ты — или это был Талиесин? — еще давным-давно учила меня, что все в этом мире происходит в соответствии с волей богов, и никак иначе. Если бы Артур умер, так и не успев взойти на трон Утера, неужели боги не нашли бы другого человека, который послужил бы их целям?

— Я здесь не для того, чтоб вести с тобой богословские споры, скверная ты девчонка! — гневно произнесла Вивиана. — Ты что же, думаешь, что я доверила бы тебе судьбу королевской крови Авалона, будь на то моя воля?

— Но Богиня поступила по своей воле, а не по твоей, — со вкрадчивой яростью отозвалась Моргауза, — и мне кажется, что я уже устала от этой болтовни о древнем пророчестве... Если боги и существуют — в чем я вовсе не уверена, — мне все равно не верится, что они снизойдут до того, чтобы вмешиваться в дела людей. И не стану я ждать, пока боги сделают то, что сделать необходимо. Кто сказал, что Богиня не может действовать и через меня тоже? Чем я хуже других?

Королева краем глаза заметила, как шокирована Ниниана. А, еще одна наивная дурочка вроде Игрейны, тоже верит всей этой болтовне о богах!

— Что же касается королевской крови Авалона, я, как видишь, хорошо о ней позаботилась.

— На вид он кажется крепким и здоровым мальчиком, — сказала Вивиана, — но можешь ли ты поклясться, что не испортила его?

Гвидион вскинул голову.

— Моя приемная мать всегда была добра ко мне! — резко произнес он. — А леди Моргейна не очень-то заботилась о своем сыне, отданном на воспитание, — она даже ни разу не явилась сюда, чтоб узнать, жив ли я!

— Тебе велели говорить лишь тогда, когда тебя об этом попросят, Гвидион, — строго сказал Кевин. — И тебе ничего не ведомо ни о причинах, что заставили Моргейну поступить так, ни о ее замыслах.

Моргауза быстро смерила взглядом барда-калеку. *«Неужели Моргейна доверилась этому жалкому ублюдку, в то время как мне пришлось вытягивать из нее тайну при помощи заклинаний и Зрения?»* Она почувствовала, как ее захлестывает волна гнева, но тут Вивиана сказала:

— Довольно! Ты хорошо заботилась о нем потому, что это соответствовало твоим целям, Моргауза, но я вижу: ты не забываешь, что этот мальчик стоит на ступеньку ближе к трону, чем Артур в его возрасте, и на две ступеньки ближе, чем твой собственный сын Гавейн! Что же касается Гвенвифар, я предвижу, что она сыграет некую роль в судьбе Авалона: она не может полностью укрыться от Зрения или видений — ведь однажды она прошла сквозь туманы и ступила на берег Авалона. Возможно, если она все-таки родит сына и будет очевидно, что тут сыграли свою роль искусство и воля Авалона... — Она взглянула на Ниниану. — Королева способна к зачатию, а сильная чародейка сможет предотвратить очередной выкидыш, если будет находиться рядом с ней.

— Поздно, — сказал Кевин. — Ведь это ее вина, что Артур предал Авалон и отрекся от драконьего знамени. По правде говоря, мне кажется, что она не совсем в своем уме.

— Все дело в том, Кевин, что ты ее терпеть не можешь, — сказала Ниниана. — Но почему?

Арфист опустил взгляд на свои скрюченные руки, покрытые шрамами. В конце концов он произнес:

— Верно. Я даже в мыслях не могу быть справедлив к Гвенвифар — я всего лишь слабый человек. Но даже если бы я любил ее, я и тогда сказал бы, что она не годится в королевы королю, который должен править от имени Авалона. Я не стану горевать, если она погибнет от какого-нибудь несчастного случая. Если она подарит Артуру сына, то будет считать, что обязана этим исключительно милости Христовой, даже если бы сама Владычица Озера стояла у ее постели. Я ничего не могу с этим поделать, но молюсь, чтоб ей не выпало такой удачи.

На лице Моргаузы заиграла кошачья усмешка.

— Гвенвифар может стараться стать большей христианкой, чем сам Христос, — сказала она, — но я немного знаю их Священное Писание — Лот приглашал сюда священника с Ионы, чтобы тот учил мальчишек грамоте. Так вот, это Писание гласит, что мужчина, прогнавший свою жену, будет проклят — если только она не изменяла ему. А даже сюда, в Лотиан, доходят слухи, что королеву трудно назвать непорочной. Артур частенько уезжает на войну, а всем известно, как милостиво Гвенвифар смотрит на твоего сына, Вивиана.

— Ты не знаешь Гвенвифар, — сказал Кевин. — Она благочестива сверх всякой меры, а Ланселет очень дружен с Артуром.

Думаю, Артур и пальцем не шевельнет, чтобы что-нибудь предпринять против них — разве что при всем дворе застукает их вдвоем в постели.

— И это можно устроить, — сказала Моргауза. — Гвенвифар слишком красива, чтобы женщины хорошо к ней относились. Наверняка кто-нибудь из ее окружения не прочь будет поднять скандал, и тогда Артур будет вынужден...

Вивиана с отвращением скривилась.

— Какая женщина станет так подводить другую женщину?

— Я бы стала, — отозвалась Моргауза, — если бы знала, что это нужно для блага королевства.

— А я бы не стала, — сказала Ниниана. — А Ланселет — человек чести и лучший друг Артура. Мне не верится, что он способен предать Артура с Гвенвифар. Если мы хотим устранить королеву, нам нужно придумать что-нибудь другое.

— Это так, — произнесла Вивиана, и в голосе ее прозвучала усталость. — Насколько нам известно, Гвенвифар пока не сделала ничего дурного. Мы не можем удалить ее от Артура, пока она выполняет свою часть договора и остается его верной женой. Если уж устраивать скандал, он должен опираться на истинные события. Авалон клялся поддерживать правду.

— А что, если бы скандал и вправду разгорелся? — спросил Кевин.

— Тогда можно было бы рискнуть, — ответила Вивиана. — Но я не стану выдвигать ложных обвинений.

— И все же у Гвенвифар имеется по крайней мере еще один враг, — задумчиво произнес Кевин. — Леодегранс, владыка Летней страны, недавно скончался, а с ним — его молодая жена и ребенок. Теперь королевой должна стать Гвенвифар. Но у Леодегранса есть некий родственник — он называет себя сыном короля, но в это я не верю, — и мне кажется, что он был бы не прочь назвать себя королем в соответствии с древним обычаем Племен, взойдя на ложе королевы.

— Хорошо, что при христианнейшем дворе Лота нету такого обычая, — верно? — пробормотал Гвидион. Но он сказал это так тихо, что взрослые могли сделать вид, будто не услышали его слов.

«Он злится, потому что на него не обращают внимания, только и всего, — подумала Моргауза. — А стоит ли сердиться на щенка за то, что он пытается цапнуть меня зубками?»

— По древнему обычаю, — сказала Ниниана, и ее прекрасный лоб прорезали тонкие морщинки, — Гвенвифар не считается супругой мужчины до тех пор, пока не родила ему сына, и если другой мужчина сумеет отнять ее у Артура...

— Вот в том-то и дело, — рассмеялась Вивиана. — Артур вполне способен отстоять свою жену силой оружия. И я не со-

мневаюсь, что именно так он и поступит. — Затем она посерьезнела. — Единственное, в чем мы можем быть твердо уверены, так это в том, что Гвенвифар по-прежнему бесплодна. Если же она снова понесет, существуют заклинания, которые не позволят доносить ребенка до срока. Она не проносит плод и нескольких недель. Что же касается наследника Артура... — она умолкла и взглянула на Гвидиона. Тот по-прежнему сидел, сонно уложив голову на колени Ниниане. — Вот сын королевской крови Авалона — и сын Великого Дракона.

У Моргаузы перехватило дыхание. Все эти годы она была свято убеждена: лишь несчастная случайность стала причиной тому, что Моргейна понесла дитя от своего единоутробного брата. Лишь теперь замысел Вивианы раскрылся ей во всей полноте и потряс Моргаузу своей дерзостью — сделать дитя Авалона и Артура преемником отца.

«На что Король-Олень, когда вырос молодой олень?..»

Долю мгновения Моргауза не понимала, то ли эта мысль пришла к ней в голову, то ли была эхом мыслей кого-то из жриц Авалона; так было всегда в те тревожные, незавершенные моменты, когда в ней просыпалось Зрение. Сама Моргауза не могла контролировать его приход и уход, да, по правде говоря, и не старалась этого делать.

Гвидион, широко распахнув глаза и приоткрыв рот, подался вперед.

— Госпожа... — выдохнул он. — Это правда, что я... я — сын... сын Верховного короля?

— Да, — ответила Вивиана, поджав губы. — Но священники никогда этого не признают. Для них это страшнейший грех — когда мужчина производит на свет сына от дочери своей матери. Они стремятся превзойти в святости саму Богиню, что приходится матерью всем нам. Но это правда.

Кевин повернулся и медленно, с трудом заставив искалеченное тело подчиниться, опустился на колено перед Гвидионом.

— Мой принц и мой лорд, — сказал он, — дитя королевской крови Авалона, сын сына Великого Дракона, мы приехали, чтобы увезти тебя на Авалон, где ты сможешь подготовиться к своему предназначению. Завтра утром ты должен быть готов к отъезду.

Глава 2

«Завтра утром ты должен быть готов к отъезду...»

Это было подобно кошмарному сну: они произнесли вслух то, что я хранила в тайне все эти годы, даже после родов, когда все думали, что я не выживу... Я могла умереть тогда, и никто бы не узнал, что я родила ребенка от брата. Но Моргауза выведала у

меня эту тайну, и Вивиана узнала... Недаром ведь говорят: три человека могут сохранить тайну, но лишь при том условии, что двое из них лежат в могиле... Все это задумала Вивиана! Она использовала меня, как прежде использовала Игрейну!

Но затем сон начал таять и идти рябью, словно поверхность воды. Я изо всех сил старалась удержать его, услышать, что же будет дальше. Кажется, там был Артур; он обнажил меч и двинулся на Гвидиона, и отрок извлек Эскалибур из ножен...»

Моргейна сидела в Камелоте, у себя в комнате, завернувшись в одеяло. Нет, твердила она себе, нет, это был сон, всего лишь сон. *«Я даже не знаю, кто сейчас ближайшая помощница Вивианы. Наверняка это Врана, а вовсе не та светловолосая женщина, столь похожая на мою мать. Я раз за разом вижу ее в снах, но кто знает, действительно ли эта женщина ступает по земле или то всего лишь искаженный снами образ моей матери? Я не помню в Доме дев никого, кто был бы схож с нею...*

Я должна была находиться там. Это я должна была находиться рядом с Вивианой, и я сама, по своей воле отказалась от этого...»

— Смотрите-ка! — позвала от окна Элейна. — Всадники уже съезжаются, а ведь до празднества, назначенного Артуром, еще целых три дня!

Женщины, находившиеся в покоях, столпились вокруг Элейны, глядя на поле, раскинувшееся под стенами Камелота; оно уже было усеяно палатками и шатрами.

— Я вижу знамя моего отца, — сказала Элейна. — Вон он едет, а рядом с ним мой брат, Ламорак. Он уже достаточно взрослый, чтобы быть одним из соратников Артура. Может быть, Артур изберет его.

— Но во время битвы при горе Бадон он был еще слишком юн, чтобы сражаться, верно? — спросила Моргейна.

— Да, он был еще юн, и все-таки сражался там, как всякий мужчина, способный держать оружие в руках, — с гордостью ответила Элейна.

— Тогда я не сомневаюсь, что Артур изберет его в соратники, хотя бы для того, чтоб порадовать Пелинора, — сказала Моргауза.

Великая битва при горе Бадон произошла четыре года назад, в Троицын день, и Артур объявил, что отныне и впредь будет отмечать этот день как величайший свой праздник и всегда будет собирать на него своих рыцарей. Кроме того, он пообещал, что будет в праздник Пятидесятницы выслушивать всякого просителя и вершить правосудие. И всем подвластным Артуру королям велено было являться в этот день к Верховному королю, чтоб заново подтвердить свою клятву верности.

— Тебе надлежит пойти к королеве и помочь ей одеться, — сказала Моргейна Элейне, — да и мне тоже пора. Большое

празднество — через три дня, и мне нужно переделать еще множество дел.

— Сэр Кэй обо всем позаботится, — возразила Элейна.

— Конечно, он разместит гостей и распорядится об угощении, — охотно согласилась Моргейна. — Но мне нужно проследить, чтобы зал украсили цветами, и проверить, начищены ли серебряные чаши. И, похоже, миндальным пирогом и сладостями тоже придется заняться мне — у Гвенвифар и без того будет достаточно хлопот.

На самом деле, Моргейна была только рада, что до праздника нужно успеть переделать столько дел: это поможет ей выбросить из головы ужасный сон. Все это время, стоило лишь Авалону войти в ее сны, как Моргейна тут же в отчаянье изгоняла его... и не узнала, что Кевин поехал на север, в Лотиан. *«Нет, — сказала она себе, — я и сейчас этого не знаю. Это был всего лишь сон»*. Но днем, когда ей встретился во дворе старик Талиесин, Моргейна поклонилась ему, а когда он протянул руку, чтобы благословить ее, она робко произнесла:

— Отец...

— Что, милое дитя?

«Десять лет назад, — подумала Моргейна, — я непременно вспылила бы: зачем Талиесин разговаривает со мной, словно с малышкой, что забралась к нему на колени и дергает его за бороду?» Теперь же, как ни странно, это ее успокоило.

— Собирается ли мерлин Кевин приехать сюда к Троицыну дню?

— Думаю, нет, дитя, — отозвался Талиесин и доброжелательно улыбнулся. — Он поехал на север, в Лотиан. Но я знаю, что он очень любит тебя и вернется к тебе сразу же, как только сможет. Думаю, ничто не сможет отвратить его от этого двора, пока ты пребываешь здесь, маленькая Моргейна.

«Неужто же весь двор знает, что мы были любовниками? А ведь я вела себя так осторожно!»

— Отчего все при дворе болтают, будто Кевин Арфист пляшет под мою дудку, — ведь это же неправда! — раздраженно произнесла Моргейна.

Снова улыбнувшись, Талиесин произнес:

— Милое дитя, никогда не стыдись любви. И для Кевина бесконечно важно, что женщина, столь добрая, изящная и прекрасная...

— Ты смеешься надо мной, дедушка?

— С чего бы вдруг я стал над тобою смеяться, малышка? Ты — дочь моей любимой дочери, и я люблю тебя всей душой, и ты знаешь, что я считаю тебя самой прекрасной и талантливой изо всех женщин. А Кевин, в чем я совершенно уверен, ценит тебя еще выше: ведь ты единственный, не считая меня, человек при этом дворе, и единственная женщина, кто способен беседо-

вать с ним о музыке на его языке. И когда ты являешься, для Кевина восходит солнце, когда же уходишь — настает ночь. И если тебе это неизвестно, стало быть, ты здесь единственная, кто этого не знает. Ты для него — звезда, что озаряет его дни и ночи. И ты достойна этого. А ведь мерлину Британии не запрещено и жениться, буде он того пожелает. Пусть он не принадлежит к королевскому роду, но он благороден душою, и когда-нибудь он станет Верховным друидом, если мужество не покинет его. И в тот день, когда он придет просить твоей руки, думаю, ни я, ни Артур не откажем ему.

Моргейна опустила голову и уставилась в землю. *«Ах, как бы было хорошо, — подумалось ей, — если бы я могла любить Кевина так же, как он любит меня. Я дорожу им, я хорошо к нему отношусь, мне даже нравится делить с ним ложе. Но выйти за него замуж? Нет, ни за что, ни в коем случае, как бы он меня ни обожал».*

— Я не собираюсь выходить замуж, дедушка.

— Ну что ж, дитя, поступай, как тебе угодно, — мягко произнес Талиесин. — Ты — леди и жрица. Но ты ведь не так уж молода, и раз ты покинула Авалон — нет-нет, я вовсе не собираюсь тебя упрекать, — но мне кажется, что было бы неплохо, если бы ты пожелала выйти замуж и обзавестись собственным домом. Не будешь же ты до конца дней своих оставаться на побегушках у Гвенвифар? Что же касается Кевина Арфиста, он, несомненно, находился бы сейчас здесь, если бы мог, — но он не может ездить верхом так быстро, как другие. Это хорошо, что ты не презираешь его за телесную слабость, милое дитя.

Когда Талиесин ушел, Моргейна, погрузившись в глубокую задумчивость, направилась к пивоварне. Ах, если бы она и впрямь любила Кевина! Но, увы, Талиесин заблуждается...

«И за что мне эта страсть к Ланселету?» Эта мысль преследовала ее все то время, пока она готовила душистую розовую воду для омовения рук и всяческие сладости. Ну что ж, по крайней мере, пока Кевин был здесь, у нее не было причин желать Ланселета. Впрочем, мрачно подумала она, это все равно не имеет значения. *«Желание должно быть обоюдным — иначе оно бесплодно».* Моргейна решила, что, когда Кевин вернется ко двору, надо будет принять его так радушно, как ему хочется.

«Несомненно, это совсем не худший выход — стать женой Кевина... Авалон для меня потерян... Я подумаю над этим. И, действительно, мой сон истинен — по крайней мере, в этом. Кевин в Лотиане... А я-то думала, что Зрение покинуло меня...»

Кевин вернулся в Камелот накануне Пятидесятницы. Целый день к Камелоту тек людской поток; народу было больше, чем на весенней и осенней ярмарках, вместе взятых. Надвигаю-

щийся праздник обещал стать самым грандиозным изо всех, какие только проводились в здешних краях. Моргейна встретила Кевина поцелуем и объятьями, отчего глаза арфиста засияли, и провела в покои для гостей. Там она забрала у него плащ и дорожную обувь, отослала вещи с одним из мальчишек, дабы их вычистили, и принесла ленты — украсить арфу.

— О, Моя Леди будет нарядной, как сама королева! — рассмеялся Кевин. — Так ты не держишь зла на свою единственную соперницу, Моргейна, любовь моя?

Он никогда прежде не называл ее так. Моргейна подошла и обняла его за талию.

— Я скучал по тебе, — тихо произнес Кевин и на миг прижался лицом к ее груди.

— И я по тебе скучала, милый, — отозвалась она, — и ночью, когда все отправятся отдыхать, я тебе это докажу... Как ты думаешь, почему я устроила так, чтобы эти покои достались тебе одному, когда даже самые прославленные из соратников Артура разместились по четверо в комнате, а некоторые даже по двое на одной кровати?

— Я думал, так получилось потому, что ко мне просто не пришлось никого подселять, — отозвался Кевин.

— И так, несомненно, и надлежало бы сделать, из уважения к Авалону, — сказала Моргейна, — хотя даже Талиесину приходится делить свои покои с епископом...

— Не могу одобрить его вкус, — хмыкнул Кевин. — Я бы скорее предпочел поселиться в конюшне, вместе с другими ослами!

— Я поступила так потому, что мерлину Британии подобает иметь личные покои, пусть даже они не больше ослиного стойла, — сказала Моргейна. — Но все же они достаточно велики, чтоб вместить тебя, и Твою Леди, и, — она улыбнулась и многозначительно взглянула на кровать, — и меня.

— Ты всегда будешь желанной гостьей, а если вдруг Моя Леди вздумает ревновать, я поверну ее лицом к стене.

Кевин поцеловал Моргейну и на миг прижал ее к себе со всей силой своих жилистых рук. Затем, отпустив ее, произнес:

— У меня для тебя новость: я отвез твоего сына на Авалон. Он уже большой парнишка, и смышленый, и отчасти унаследовал твои музыкальные способности.

— Он снился мне, — сказала Моргауза. — И во сне он играл на дудке — как Гавейн.

— Значит, твой сон был истинным, — отозвался Кевин. — Мальчик мне понравился. И он обладает Зрением. На Авалоне его выучат на друида.

— А потом?

— Потом? Ах, милая моя, — сказал Кевин, — все пойдет так, как суждено. Но я не сомневаюсь, что он станет бардом и на ред-

кость мудрым человеком. Ты можешь не бояться за него, пока он на Авалоне. — Он нежно коснулся плеча Моргейны. — У него твои глаза.

Моргейне хотелось побольше расспросить его о мальчике, но она заговорила о другом.

— Празднество начнется только завтра, — сказала она, — но сегодня вечером ближайшие друзья и соратники Артура приглашены к нему на обед. Гарета завтра должны посвятить в рыцари, и Артур, который любит Гавейна как брата, оказал Гарету честь и пригласил его на семейный праздник.

— Гарет — достойный рыцарь, — отозвался Кевин, — и я рад, что ему оказали такую честь. Я не питаю особой любви к королеве Моргаузе, но ее сыновья — хорошие люди и верные друзья Артура.

Праздник был семейный, однако и близких родичей у Артура было немало: в канун Пятидесятницы за столом Артура сидели Гвенвифар, и ее родственница Элейна, и отец Элейны, король Пелинор, и ее брат, Ламорак; Талиесин и Ланселет, и третий из единоутробных братьев Ланселета, — Балан, сын Владычицы Озера, — и Борс с Лионелем, сыновья Бана, владыки Малой Британии. И Гарет был там, и Гавейн, как всегда, стоял за креслом Артура. Когда они вошли в зал, Артур попытался уговорить его сесть за стол:

— Садись сегодня вечером рядом с нами, Гавейн, — ты мой родич и законный король Оркнеев, и не подобает тебе как слуге стоять у меня за спиной!

— Я горд тем, что могу стоять здесь и прислуживать моему лорду и королю, сэр, — упрямо отозвался Гавейн, и Артур склонил голову.

— Из-за тебя я чувствую себя каким-то императором древности, — пожаловался он. — Неужели меня нужно охранять денно и нощно, даже в собственном моем замке?

— Величием своего трона ты равен этим императорам или даже превосходишь их, — стоял на своем Гавейн.

Артур рассмеялся и развел руками.

— Что ж, я ни в чем не могу отказать моим соратникам.

— Так значит, — вполголоса сказал Кевин Моргейне — они сидели рядом, — тут нет ни заносчивости, ни высокомерия, а одно лишь желание порадовать соратников...

— Я думаю, это и вправду так, — так же тихо ответила Моргейна. — Мне кажется, что больше всего он любит сидеть у себя в чертогах и смотреть на мирную жизнь, ради которой он так много трудился. При всех его недостатках, Артур и вправду любит законность и порядок.

Некоторое время спустя Артур жестом призвал всех к молчанию и подозвал к себе юного Гарета.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь в церкви, в молитвах и бдении, — сказал он, — а завтра утром, перед обедней, любой кого ты изберешь, посвятит тебя в Соратники. Несмотря на молодость, ты служил мне верно и преданно. Если хочешь, я сам посвящу тебя в рыцари, но я пойму, если ты захочешь, чтобы эту честь тебе оказал твой брат.

Гарет был облачен в белую тунику; волосы золотым ореолом окружали лицо юноши. Он выглядел, словно дитя — дитя шести футов ростом, с плечами как у молодого быка. На щеках Гарета золотился мягкий пушок, столь красивый, что его жаль было брить. Он пробормотал, слегка заикаясь от юношеского пыла:

— Сэр, я прошу прощения... мне не хотелось бы оскорбить ни тебя, ни моего брата, но я... если можно... мой лорд и мой король... можно — в рыцари меня посвятит Ланселет?

Артур улыбнулся.

— Ну что ж, если Ланселет согласен, я возражать не стану.

Моргейне вспомнилось, как малыш Гарет играл с деревянным рыцарем, которого она для него смастерила, и величал его Ланселетом. Интересно, многим ли людям удается увидеть свои детские мечты воплощенными?

— Я почту это за честь, кузен, — торжественно произнес Ланселет, и лицо Гарета озарилось радостью. Но затем Ланселет повернулся к Гавейну и добавил: — Но только если ты дашь мне дозволение, кузен. Ты заменяешь этому юноше отца, и я не хочу присваивать твое право...

Гавейн смотрел то на брата, то на Ланселета. Он явно чувствовал себя неловко. Моргейна заметила, что Гарет прикусил губу — возможно, юноша лишь сейчас осознал, что подобная просьба могла показаться оскорбительной его брату и что король оказал ему честь, предложив лично посвятить его в рыцари — а он эту честь отверг. Да, при всей его небывалой силе и искусности во владении оружием Гарет все еще сущее дитя!

— Кто примет посвящение от меня, уже получив согласие от Ланселета? — угрюмо произнес Гавейн.

Ланселет жизнерадостно обнял обоих братьев.

— Вы оба оказали мне большую честь, даже слишком большую. Ну что ж, юноша, — сказал он, отпуская Гарета, — иди за своим оружием. Я присоединюсь к твоему бдению после полуночи.

Гавейн подождал, пока юноша быстро, размашисто вышел из зала, затем произнес:

— Тебе следовало бы родиться одним из тех древних греков, про которых рассказывалось в саге, что мы читали мальчишками. Как там его звали — а, Ахилл, тот самый, который нежно любил молодого рыцаря Патрокла, и даже самые красивые дамы троянского двора его не интересовали. Видит Бог, для любого

мальчишки при дворе ты — герой. Жаль, что ты не склонен к греческим обычаям в любви!

Ланселет побагровел.

— Ты мой кузен, Гавейн, и потому можешь позволять себе подобные высказывания. Ни от кого другого я бы этого не потерпел, даже в шутку.

Гавейн расхохотался.

— О да, шутка — в адрес того, кто делает вид, что беззаветно предан одной лишь нашей добродетельнейшей королеве...

— Как ты смеешь! — вспыхнул Ланселет и, развернувшись, схватил Гавейна за руку — с такой силой, что едва не сломал тому запястье. Гавейн попытался вырваться, но Ланселет, хоть и уступал своему противнику в росте, заломил ему руку за спину, рыча от ярости, словно взбешенный волк.

— Эй, вы! Не смейте драться в королевских чертогах!

С этим возгласом сэр Кэй неуклюже врезался между сцепившимися противниками, а Моргейна поспешно произнесла:

— Что же тогда ты скажешь о всех тех священниках, которые утверждают, будто беззаветно чтят Деву Марию, ставя ее превыше всех земных созданий, а, Гавейн? Или ты скажешь, что на самом деле все они питают постыдное плотское тяготение к этому их Христу? А ведь и правда, говорят же, что лорд Христос никогда не был женат и что даже среди его двенадцати избранных учеников был один, которого он прижимал к груди во время той вечери...

— Моргейна, прекрати! — возмущенно воскликнула Гвенвифар. — Что за богохульные шутки!

Ланселет отпустил руку Гавейна. Гавейн принялся растирать помятое запястье, а Артур неодобрительно уставился на обоих.

— Вы ведете себя, как мальчишки, кузены, — так и норовите устроить потасовку из-за какой-то чепухи. Мне что, приказать Кэю отвести вас обоих на кухню, чтоб вас там выпороли? Ну-ка, сейчас же помиритесь! Я не слышал никакой шутки, но какой бы она ни была, Ланс, она не стоит ссоры!

Гавейн хрипло рассмеялся и произнес:

— Я пошутил, Ланс, — я знаю, что слишком много женщин добиваются твоей благосклонности, чтоб моя шутка была правдой.

Ланселет пожал плечами и улыбнулся — но выглядел он, словно взъерошенная птица.

— Каждый мужчина при дворе завидует твоей красоте, Ланс, — рассмеялся Кэй, потер шрам, что навеки растянул его губы в ухмылку, и добавил: — Но может, не такое это и благо, а, кузен?

Общее напряжение разрядилось во взрыве смеха, но некоторое время спустя Моргейна, идя по замку, заметила Ланселета, все такого же взволнованного и взъерошенного.

— Что беспокоит тебя, родич?

— Думаю, мне следует удалиться от двора, — со вздохом отозвался Ланселет.

— Но моя госпожа не даст тебе дозволения удалиться.

— Я не стану говорить о королеве даже с тобою, Моргейна, — холодно отозвался Ланселет. Теперь настала очередь Моргейны вздохнуть.

— Я не страж твоей совести, Ланселет. Если Артур не осуждает тебя, то кто я такая, чтоб тебя упрекать?

— Ты не понимаешь! — с пылом воскликнул Ланселет. — Ее отдали Артуру, словно овцу на ярмарке, словно вещь, потому что ее отец хотел породниться с Верховным королем, а она была ценой сделки! И все же она слишком верна, чтобы роптать...

— Я не сказала ни слова против нее, Ланселет, — напомнила ему Моргейна. — Все обвинения родились в твоем разуме, а не на моих устах.

«Я могла бы заставить его возжелать меня», — подумала она, но эта мысль отдавала затхлостью и пылью. Однажды она уже сыграла в эту игру. Да, тогда он желал ее — но при этом боялся, как боялся саму Вивиану, боялся до ненависти — именно потому, что желал. Если король велит, он возьмет ее в жены — и в самом скором времени возненавидит.

Ланселет, собравшись с силами, взглянул Моргейне в глаза.

— Ты прокляла меня — и я воистину проклят, можешь мне поверить.

И внезапно застарелый гнев и презрение растаяли. Ведь это все-таки был Ланселет! Моргейна взяла его ладонь двумя руками.

— Не стоит из-за этого мучиться, кузен. Это было давным-давно, и я не думаю, чтобы кто-либо из богов или богинь стал прислушиваться к словам разъяренной девчонки, которая сочла себя отвергнутой. А я и была всего лишь разъяренной девчонкой.

Ланселет глубоко вздохнул и снова принялся расхаживать. Наконец он произнес:

— Сегодня вечером я мог убить Гавейна. Я рад, что ты остановила нас, хотя бы и при помощи той богохульной шутки. Я... мне всю жизнь приходится сталкиваться с этим. Еще при дворе Бана, когда я был мальчишкой, я был красивее, чем Гарет сейчас, и при дворе в Малой Британии, и много где еще — красивый мальчик должен блюсти себя даже строже, чем девушка. Но никакой мужчина не замечает таких вещей и не верит в них, пока это не коснется его самого, — он считает разговоры об этом всего лишь развязными шутками. Было время, когда я и сам так думал, а потом было время, когда я думал, что никогда не смогу стать иным...

Он надолго умолк, глядя на каменные плиты двора.

— И потому я готов был вступить в связь с женщиной, с любой женщиной — да простит меня Господь, даже с тобой, с приемной дочерью моей матери, с девой, посвященной Богине, — но мало какой женщине удавалось хоть немного взволновать меня, пока я не увидел... пока не увидел ее.

— Но она — жена Артура, — сказала Моргейна.

— О Боже! — Ланселет развернулся и врезал кулаком в стену. — Неужели ты думаешь, что я не терзаюсь из-за этого? Он мой друг. Если бы Гвенвифар отдали за любого другого мужчину, я давно увез бы ее в свои владения... — Мускулы на шее Ланселета судорожно задвигались, словно он пытался сглотнуть. — Я не знаю, что с нами будет. А Артуру нужен наследник, которому он мог бы передать королевство. Судьба Британии важнее нашей любви. Я люблю их обоих — и страдаю, Моргейна, отчаянно страдаю!

Взгляд его сделался неистовым, и на мгновение Моргейне почудилось, что в нем промелькнуло безумие. И все же она не удержалась от мысли: *«Могла ли я что-нибудь, ну хоть что-нибудь сказать или сделать той ночью?»*

— Завтра, — сказал Ланселет, — я попрошу Артура услать меня прочь с каким-нибудь трудным заданием — пойти и разделаться с драконом Пелинора, покорить диких северян, живущих за римским валом, — неважно, с каким, Моргейна. Все, что угодно, лишь бы подальше отсюда...

На миг в его голосе прорвалась печаль, из тех, что невозможно выплакать, и Моргейне захотелось обнять Ланселета, прижать к груди и покачать, словно младенца.

— Думаю, я действительно мог сегодня убить Гавейна, если бы ты не остановила нас, — сказал Ланселет. — Конечно, он всего лишь пошутил, но он умер бы от страха, если бы знал... — Ланселет отвел взгляд и в конце концов шепотом произнес: — возможно, он сказал правду. Мне следовало бы забрать Гвенвифар и бежать вместе с ней, пока при всех дворах света не начали судачить об этом скандале — о том, что я люблю жену своего короля, — и все же... это Артура я не могу покинуть... не знаю — вдруг я люблю ее лишь потому, что тем самым я становлюсь ближе к нему...

Моргейна вскинула руку, пытаясь заставить Ланселета замолчать. Она не хотела этого знать — она не могла этого вынести. Но Ланселет даже не заметил ее жеста.

— Нет-нет, я должен хоть с кем-то поговорить об этом, или я умру — Моргейна, ты знаешь, как впервые случилось, что я возлег с королевой? Я давно любил ее, с тех самых пор, как впервые увидел — тогда, на Авалоне, — но думал, что до конца дней своих так и не утолю эту страсть — ведь Артур мой друг, и я не хочу предавать его, — сказал он. — И она, она... никогда не

думай, что она искушала меня! Но... но на то была воля Артура. Это случилось в Белтайн... — И он принялся рассказывать, а Моргейна стояла, оцепенев, и в голове у нее билась одна-единственная мысль: *«Так вот как подействовал талисман... Лучше бы Богиня поразила меня проказой, прежде чем я дала его Гвенвифар!»*

— Но это еще не все, — прошептал Ланселет. — Когда мы вместе легли в постель — никогда, никогда такого не бывало... — он сглотнул и сбивчиво заговорил, с трудом подбирая слова, которые Моргейне было не под силу слушать. — Я... я коснулся Артура... я прикоснулся к нему... Я люблю ее, о Боже, я люблю ее, не пойми меня неправильно — но, если бы она не была женой Артура, если бы не... наверное, даже она...

Он задохнулся и не сумел закончить фразу. Моргейна застыла на месте; она была потрясена до потери речи. Неужто такова месть Богини — что она, столь долго без надежды любившая этого мужчину, стала поверенной его тайн и тайн женщины, которую он любит, что ей пришлось стать наперсницей всех его тайных страхов, в которых он никому больше не мог сознаться, всех непостижимых страстей, что бушевали в его душе?

— Ланселет, тебе не следует говорить об этом со мной. Поговори с каким-нибудь мужчиной — с Талиесином, с каким-нибудь священником...

— Да что об этом может знать священник?! — в отчаянье воскликнул Ланселет. — Должно быть, ни один мужчина не испытывал ничего подобного — видит Бог, я достаточно наслышан о том, чего желают мужчины — они ведь только об этом и говорят, и время от времени кто-нибудь из них сознается, что мог бы пожелать чего-то странного. Но никто, никто и никогда не желал ничего настолько странного и дурного, как я! Я проклят! — выкрикнул Ланселет. — Это моя кара — за то, что я пожелал жену своего короля. За то я и связан этими чудовищными узами. Даже Артур, узнай он об этом, стал бы ненавидеть и презирать меня. Он знает, что я люблю Гвенвифар, — но такого даже он не смог бы простить. И Гвенвифар — кто знает, не стала бы она, даже она, относиться ко мне с ненавистью и презрением...

Голос его сорвался.

Моргейна не знала, что тут можно сказать. Единственное, что пришло ей на ум, — это слова, которым ее некогда научили на Авалоне:

— Богиня знает, что творится в людских сердцах. Она утешит тебя.

— Но от такого отвернется и Богиня, — с ужасом прошептал Ланселет. — И как быть человеку, для которого Богиня предстает в облике матери, выносившей его? Я не могу прийти с этим к ней... Я уже почти готов броситься к ногам Христа. Его священ-

ники говорят, что он может простить любой грех, каким бы ужасным он ни был, как простил он тех, кто распинал его...

— Что-то я не замечала, чтобы христианские священники относились к грешникам с такой добротой и всепрощением, — резко сказала Моргейна.

— Конечно, ты права, — согласился Ланселот, уставившись невидящим взглядом на каменные плиты. — Никто мне не поможет — до тех самых пор, пока я не погибну в битве или не ускачу отсюда, чтобы броситься в пасть дракону.

Он поддел носком сапога кустик травы, пробившийся сквозь трещину в камне.

— И конечно же, грех, добро и зло — это все ложь, придуманная жрецами и обычными людьми. А правда в том, что мы вырастаем, увядаем и умираем, в точности как эта трава.

Ланселет развернулся на каблуках.

— Что ж, пойду делить с Гаретом его бдение — я ведь пообещал. По крайней мере, его любовь ко мне невинна... он любит меня, как младший брат или как сын. Если б я верил хоть единому слову христианских священников, я бы побоялся преклонить колени перед их алтарем. И все же — как бы мне хотелось, чтобы существовал бог, способный простить меня и дать мне знать, что я прощен...

Он повернулся, собираясь уходить, но Моргейна поймала его за вышитый рукав праздничного наряда.

— Погоди! Что это за бдение в церкви? Я не знала, что соратники Артура стали столь благочестивы.

— Артур часто размышлял над тем, как его посвящали в короли — там, на Драконьем острове, — сказал Ланселет. — И как-то раз он сказал, что у римлян, с их множеством богов, и у языческих народов древности имелись схожие обычаи. Когда человек принимал на себя некое великое обязательство, он делал это с молитвой, обратившись мыслями к великому значению этого деяния. Потому он посоветовался со священниками, и они придумали этот ритуал. Если к соратникам присоединяется человек, не бывавший в битве — ведь в битве человек оказывается лицом к лицу со смертью, — так вот, на тот случай, если к соратникам присоединяется человек, еще не проливавший ни своей, ни чужой крови, придумали особое испытание. Его приводят в церковь, кладут рядом его оружие и доспехи, и он должен провести ночь в бдении и молитвах. А наутро он исповедуется во всех своих грехах, получает отпущение, и лишь после этого его посвящают в рыцари.

— Так это же нечто вроде посвящения в таинства! Но ведь Артур не имеет права проводить через таинства других людей или приобщать их к этим таинствам — и уж вовсе не имеет права

перекраивать все это во имя их бога, Христа! Во имя Великой Матери, неужели они хотят отнять у нас даже таинства?!

— Он советовался с Талиесином, — оправдываясь, сказал Ланселет, — и Талиесин одобрил его замысел.

Моргейна ужаснулась: неужто один из верховных друидов допустил подобное? Хотя... Талиесин говорил, что было время, когда друиды и христиане молились вместе.

— Это происходит в душе у человека, — сказал Ланселет, — неважно, христианин он, язычник или друид. Если Гарет в сердце своем встретится с неведомым и это поможет ему стать лучше, то так ли уж важно, от кого это таинство исходит — от Богини, от Христа или от Имени, которого друиды не произносят, — или от всего доброго, что живет в душе человеческой?

— Ты вещаешь, словно сам Талиесин, — недовольно произнесла Моргейна.

— Да, язык у меня подвешен неплохо. — Губы Ланселета скривились в невыразимо горькой усмешке. — Дай мне бог — какой угодно! — чтоб я смог отыскать в своем сердце хоть каплю веры в эти слова или найти хоть какое-то утешение!

— Я надеюсь, кузен, что это тебе удастся, — только и смогла сказать Моргейна. — Я буду молиться за тебя.

— Молиться кому? — спросил Ланселет — и ушел. А Моргейна осталась, взволнованная до глубины души.

Было довольно рано — еще не пробило полночь. В церкви теплился огонек — там бодрствовали Гарет и Ланселет. Моргейна опустила голову, вспоминая ту ночь, которую она сама проводила в бдении — и рука ее машинально потянулась к серповидному ножу, которого она не носила вот уж много лет.

«И я сама отвергла его. Мне ли после этого говорить об осквернении таинств?»

Внезапно воздух перед Моргейной взволновался, взвихрился, как в водовороте, и Моргейна едва-едва удержалась на ногах: перед нею в лунном сиянии стояла Вивиана.

Она стала старше и похудела. Глаза ее были словно пылающие угли под безукоризненно ровными бровями, а волосы сделались почти полностью седыми. Казалось, она смотрит на Моргейну с печалью и нежностью.

— Матушка... — запинаясь, произнесла Моргейна, сама не зная, к кому обращается — к Вивиане или к Богине. А затем образ заколыхался, и Моргейна поняла, что Вивианы здесь нет — всего лишь Послание.

— Зачем ты пришла? Что тебе от меня нужно? — прошептала Моргейна, опустившись на колени. В дуновении ночного воздуха ей почудился шелест платья Вивианы. Чело Вивианы венчал венок из ветвей ивы — словно корона владычицы волшебной

страны. Видение протянуло руку к Моргейне, и Моргейна почувствовала, как на лбу ее вспыхнул истаявший полумесяц.

Через двор прошагал ночной стражник; на миг мелькнул свет фонаря. Моргейна стояла на коленях, глядя в никуда. Потом она поспешно вскочила на ноги, прежде чем стражник успел ее заметить.

Внезапно ей совершенно расхотелось делить постель с Кевином. Он будет ждать ее, но если она так и не появится, Кевину даже в голову не придет ее упрекнуть. Моргейна тихо пробралась по коридору в комнату, где она проживала вместе с незамужними дамами Гвенвифар, и легла в кровать, которую она делила с юной Элейной.

«Я думала, что Зрение навеки покинуло меня. И все же Вивиана пришла ко мне и протянула мне руку. Значит ли это, что Авалон нуждается во мне? Или это всего лишь означает, что я, как и Ланселет, схожу с ума?»

Глава 3

Когда Моргейна проснулась, весь замок уже гудел от праздничного шума и суматохи. Пятидесятница. Над крепостным двором реяли знамена, через ворота в обе стороны тек поток людей, маршалы распределяли участников турнира. Весь Камелот и склоны холма покрылись шатрами, словно диковинными прекрасными цветами.

Момент был неподходящим для снов и видений. Гвенвифар прислала за Моргейной, чтобы та помогла ей с прической — никто во всем Камелоте не был столь искусен в этом деле, как она, а Моргейна обещала королеве, что сегодня утром заплетет ей волосы в особые косы из четырех прядей — так обычно она сама заплеталась по большим праздникам. Расчесывая чудесные шелковистые волосы Гвенвифар, Моргейна искоса взглянула на кровать, с которой только что поднялась ее невестка. Артур уже оделся при помощи слуг и ушел.

«Они делили эту постель, — подумала Моргейна, — *все трое: Ланселет, Гвенвифар и Артур»*. Нет, это не было чем-то совсем уж неслыханным; она помнила нечто подобное в волшебной стране, только воспоминания эти были смутными. Ланселет страдал, а как ко всему этому относился Артур, Моргейна понятия не имела. Проворно заплетая волосы Гвенвифар, она подумала — а какие чувства испытывает ее невестка? И внезапно Моргейну захлестнули эротические видения, воспоминания о том дне на Драконьем острове, когда Артур, проснувшись, обнял

ее и привлек к себе, и о той ночи, когда она лежала в объятиях Ланселета.

— Ты слишком туго заплетаешь, — пожаловалась Гвенвифар.

— Извини, — холодно отозвалась Моргейна и заставила себя расслабить руки.

Артур был тогда совсем еще мальчишкой, а она была юной девушкой. Ланселет... отдал ли он Гвенвифар то, в чем отказал ей, или королева удовольствовалась теми наивными ласками? Как Моргейна ни старалась, она не могла отделаться от терзающих ее ненавистных видений. И все же она продолжала спокойно заплетать косы Гвенвифар. Лицо ее превратилось в маску.

— Теперь это надо закрепить — подай-ка мне серебряную шпильку, — сказала Моргейна, завязывая косы. Обрадованная Гвенвифар принялась рассматривать себя в бронзовом зеркале, одном из своих сокровищ.

— Как замечательно получилось! Спасибо тебе большое, милая сестра, — сказала королева и, повернувшись, порывисто обняла Моргейну. Моргейна оцепенела.

— Не стоит благодарности. На другом это легче делать, чем на себе, — отозвалась она. — Погоди-ка, эта шпилька соскальзывает, — и Моргейна закрепила ее по новой.

Гвенвифар сияла — она была так красива! — и Моргейна обняла ее, на миг прижавшись щекой к щеке королевы. На мгновение ей почудилось, что достаточно лишь прикоснуться к этой красоте, и часть очарования Гвенвифар перейдет к ней. Затем ей вспомнилась исповедь Ланселета, и Моргейна подумала: *«Я ничем не лучше его. Я тоже таю в душе странные, извращенные желания — мне ли над кем-то насмехаться?»*

Она завидовала королеве — та, радостно смеясь, велела Элейне открыть сундуки и подыскать пару кубков в награду победителям состязаний. Гвенвифар была простой и открытой, и ее никогда не терзали темные мысли; горести королевы были простыми и незатейливыми, как у обычной женщины: она опасалась за жизнь и здоровье мужа и страдала из-за своей бездетности — несмотря на действие талисмана, никаких признаков беременности так и не было видно. «Раз уж один мужчина никак не может сделать ей ребенка, то, похоже, это и двоим не под силу», — промелькнула у Моргейны злая мысль.

— Не пора ли нам спуститься вниз? — улыбаясь, спросила Гвенвифар. — Я еще не поприветствовала гостей. Приехал король Уриенс из Северного Уэльса, и с ним его взрослый сын. Не хочешь ли стать королевой Уэльса, Моргейна? Я слыхала, что Уриенс хочет попросить у короля жену из числа его придворных...

Моргейна рассмеялась.

— Думаешь, я буду подходящей королевой для него — потому, что вряд ли подарю ему сына, который стал бы оспаривать право Аваллоха на трон?

— Это верно, ты уже старовата для того, чтобы носить первого ребенка, — сказала Гвенвифар. — Но я все еще надеюсь, что смогу подарить моему лорду и королю наследника.

Королева не знала, что у Моргейны есть ребенок — и никогда не должна об этом узнать.

И все же это причиняло Моргейне боль.

«Артур должен знать, что у него есть сын. Он винит себя в том, что не может дать Гвенвифар ребенка — он должен знать о сыне, ради его душевного спокойствия. И если окажется, что Гвенвифар так никогда и не родит, тогда, по крайней мере, у короля будет сын. А то, что он рожден от сестры короля, людям знать не обязательно. Кроме того, в жилах Гвидиона течет королевская кровь Авалона. И он уже достаточно взрослый, чтобы его можно было отправить на Авалон и сделать из него друида. Мне давно уже следовало съездить и взглянуть на него...»

— Слышите, — сказала Элейна, — во дворе трубят трубы. Приехал какой-то важный гость. Нам надо поспешить. Сегодня в церкви будут служить обедню.

— А Гарета посвятят в рыцари, — сказала Гвенвифар. — Какая жалость, что Лот не дожил до этого дня и не увидит, как его младший сын станет рыцарем...

Моргейна пожала плечами.

— Он не очень-то был бы рад обществу Артура, как и Артур — его обществу.

Итак, подумала Моргейна, подопечный Ланселета станет одним из соратников. Но тут ей вспомнилось, что Ланселет рассказывал о ритуальном бдении перед посвящением в рыцари — об этой насмешке над таинствами.

«Не следует ли мне поговорить с Артуром о его долге перед Авалоном? В битве при горе Бадон он сражался под знаменем с образом Девы. Он отверг драконье знамя. И вот теперь он переделал одно из величайших таинств на потребу христианским священникам. Мне нужно посоветоваться с Талиесином...»

— Нам пора идти, — сказала Гвенвифар, надевая пояс с прикрепленной к нему сумкой и связкой ключей. С этой прической, в своем темно-оранжевом платье королева выглядела прекрасно и величественно. Элейна облачилась в темно-зеленое, а Моргейна надела красное платье. Они спустились вниз и остановились перед входом в церковь. Гавейн поприветствовал Моргейну и поклонился королеве. Моргейна заметила у него за спиной смутно знакомого человека и слегка нахмурилась, пытаясь вспомнить, где же видела этого рыцаря — высокого, дюжего, бородатого, светловолосого, словно норманн или сакс. Затем она

вспомнила — это был приемный брат Балана, Балин. Моргейна холодно поклонилась ему. Балин был узколобым дураком, и то, что он был связан священными узами названого родства с Вивианой, самой близкой и самой любимой ее родственницей, дела не меняло.

— Приветствую тебя, сэр Балин.

Балин смерил Моргейну недобрым взглядом — не слишком злым, но вполне достаточным, чтоб она вспомнила о его манерах. Рыцарь был одет в потрепанное сюрко; очевидно, он проделал долгий путь и не успел еще переодеться и привести себя в порядок.

— Ты собралась к обедне, леди Моргейна? Неужто ты отвергла демонов Авалона, покинула это дурное место и приняла Христа, нашего Господа и Спасителя?

Моргейна сочла подобный вопрос оскорбительным, но не стала говорить об этом вслух. Вместо этого, улыбнувшись, она произнесла:

— Я собираюсь к обедне, чтобы посмотреть, как нашего родича Гарета посвятят в рыцари.

Как она и надеялась, это замечание придало мыслям Балина иное направление.

— А, младший брат Гавейна! Мы с Баланом знаем его похуже, чем прочих, — сказал он. — Трудно поверить, что он уже мужчина. Мне он все помнится тем малышом, который в день свадьбы Артура напугал лошадей и едва не погубил Галахада.

Моргейна не сразу вспомнила, что это — настоящее имя Ланселета. Конечно же, благочестивый Балин не снисходил до того, чтобы называть его как-либо иначе. Балин поклонился Моргейне и вошел в церковь. Моргейна проводила его сердитым взглядом. Лицо рыцаря горело фанатичной верой, и Моргейна порадовалась, что здесь нет Вивианы. Впрочем, оба сына Владычицы — Ланселет и Балан — здесь присутствовали и, конечно же, не допустили бы никаких серьезных неприятностей.

Церковь была украшена цветами, да и гости, сверкая праздничными одеждами, тоже походили на пышные соцветия. Гарет был облачен в белое льняное одеяние; рядом с ним, преклонив колени, стоял одетый в темно-красное Ланселет, прекрасный и серьезный. Светловолосый и темноволосый, белый и темно-красный, подумалось Моргейне, но сразу вслед за этим ей в голову пришло другое сравнение: Гарет, счастливый и невинный, в нетерпении ожидал посвящения, а Ланселет был печальным и измученным. И все же, когда он стоял рядом с Гаретом и слушал священника, читающего повествование о дне Пятидесятницы, он выглядел спокойным и ничуть не походил на того истерзанного сомнениями человека, что лишь вчера изливал перед Моргейной душу.

— ...при наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушны вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились и разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа святого и начали говорить на разных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились? Парфяне и мидяне и эламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и Аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божьих? И изумлялись все и недоумевая говорили друг другу: что это значит? А иные насмехаясь говорили: они напились сладкого молодого вина. Тогда апостол Петр возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские и все, живущие в Иерусалиме! Внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком Иоилем: «И будут в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут».

Моргейна, тихо опустившись на колени, подумала: *«Да ведь их посетило Зрение, а они этого не поняли. Или не захотели понять; для них это было лишь доказательством того, что их бог более велик, чем все прочие боги».*

Священник завел речь о последних днях мира и о том, как Бог даст людям способность прозревать видения и пророчествовать. Моргейна удивилась: неужто христиане не знают, насколько распространены эти дары? Ими может овладеть всякий, если только докажет, что в состоянии использовать их надлежащим образом. Но не следует пытаться поразить простонародье всякими дурацкими чудесами! Друиды используют свои силы, чтобы творить добро, и делают это тихо, не собирая вокруг себя толпы!

Когда верующие начали по одному подходить к алтарной ограде, дабы причаститься хлебом и вином, Моргейна, покачав головой, отступила назад, хотя Гвенвифар и попыталась подтолкнуть ее к алтарю; она не была христианкой и не собиралась ею притворяться.

Потом Моргейна, выйдя из церкви, стала наблюдать за церемонией. Ланселет достал из ножен меч и коснулся им Гарета, а

затем отчетливо и торжественно произнес своим сильным, красивым голосом:

— Встань же, Гарет, соратник Артура, брат тех, кто собрался здесь, брат каждого рыцаря, что входит в это братство. Отныне ты должен защищать твоего короля и жить в мире со всеми рыцарями Артура и всеми мирными людьми; тебе надлежит всегда воевать со злом и защищать тех, кто нуждается в защите.

Моргейне вспомнилось, как Артур получил Эскалибур из рук Владычицы. Она взглянула на короля: интересно, не посетило ли его то же самое воспоминание? Не затем ли он ввел этот торжественный обет и церемонию, чтобы юношам, становящимся его рыцарями, было потом что вспомнить? Возможно, эта его затея, несмотря ни на что, все-таки не была насмешкой над таинствами. Возможно, он старался, как мог, сохранить и сберечь их... но в таком случае, зачем же было проводить эту церемонию в церкви? Не настанет ли день, когда Артур откажется принимать к себе тех, кто не исповедует христианство? Во время службы Гарет и Ланселет, его кузен и воспреемник, получили причастие первыми, даже прежде короля. Не станет ли это посвящение в рыцари еще одним христианским ритуалом? Ланселет не имел права это делать; его не готовили к тому, чтобы проводить через таинства других. Так что же это: осквернение или искренняя попытка привнести священные таинства в сердца и души всего двора? Моргейна не могла ответить на этот вопрос.

После службы, перед началом состязаний, Моргейна подошла поздравить Гарета и вручить ему подарок, красивый кожаный пояс, на котором можно было носить меч и кинжал. Гарет наклонился и поцеловал ее.

— Ах, малыш, как же ты вырос! Наверное, твоя мать тебя и не узнает!

— Такое случается со всяким, милая кузина, — отозвался, улыбаясь, Гарет. — Боюсь, ты тоже сейчас не узнала бы своего сына!

Затем Гарета окружили другие рыцари и принялись, толпясь, поздравлять его. Артур обнял юношу и что-то сказал; от его слов на светлой коже Гарета проступил румянец.

Моргейна поймала обращенный на нее пристальный взгляд Гвенвифар.

— Моргейна... что это такое сказал Гарет... твой сын?

— Если я никогда не говорила тебе об этом, невестка, то лишь из уважения к твоей религии, — отрезала Моргейна. — Да, я родила сына для Богини, от обрядов, что проводятся в Белтайн. Он воспитывался при дворе Лота; я не видела мальчика с тех самых пор, как отняла его от груди. Довольна ли ты? Или желаешь открыть мою тайну всем?

— Нет-нет, — побледнев, отозвалась Гвенвифар. — Что за

печальная участь — быть разлученной со своим ребенком! Прости меня, Моргейна. Я не стану ничего рассказывать даже Артуру — он ведь тоже христианин, и эта новость может его неприятно поразить.

«Ты даже не представляешь, насколько она может его поразить», — мрачно подумала Моргейна. Сердце ее бешено забилось. Можно ли положиться на Гвенвифар? Сохранит ли она ее тайну? Слишком много стало людей, которым она известна!

Пропели трубы, возвещая начало состязаний; Артур согласился не участвовать в турнире, поскольку никто из рыцарей не желал сражаться против своего короля, но одну из сторон в общей схватке возглавлял Ланселет — он выступал как поборник Артура, а ко второй по жребию присоединился Уриенс, король Северного Уэльса, уже не молодой, но по-прежнему сильный и мускулистый. Рядом с ним ехал его второй сын, Акколон. Когда Акколон натягивал перчатки, запястья его на миг обнажились, и Моргейна заметила, что их обвивают синие вытатуированные змеи. Он прошел посвящение на Драконьем острове!

Гвенвифар, конечно, пошутила, когда предложила ей выйти замуж за старика Уриенса. А вот молодой Акколон — это, пожалуй, то, что надо. Он был самым красивым из участников турнира — за исключением одного лишь Ланселета. Моргейна поймала себя на том, что восхищается молодым рыцарем. Как же искусно он владеет оружием! Проворный и хорошо сложенный, Акколон двигался с непринужденной легкостью человека, любящего подобные забавы и упражнявшегося с оружием с самого детства. Рано или поздно, но настанет час, когда Артур пожелает устроить ее брак. Если он предложит ей Акколона, скажет ли она «нет»?

Некоторое время спустя Моргейна мало-помалу начала отвлекаться. Большинство дам давно уже утратили интерес к состязанию и теперь сплетничали о всяческих доблестных подвигах, о которых им доводилось слыхать. Некоторые, сидя в занавешенных ложах, играли в кости. Лишь немногие с воодушевлением следили за ходом битвы и делали ставки на своих мужей, или братьев, или возлюбленных, ставя в заклад ленты, заколки или мелкие монеты.

— Да какой смысл биться об заклад? — с досадой произнесла одна из дам. — Все равно всем известно, что победит Ланселет. Он всегда побеждает.

— Ты что же, хочешь сказать, что он добивается победы нечестным путем? — негодующе спросила Элейна.

— Вовсе нет, — отозвалась дама. — Но ему следовало бы воздержаться от подобных состязаний — ведь против него не может выстоять никто.

Моргейна рассмеялась.

— Я видала, как молодой Гарет, брат Гавейна, вывалял его в грязи, — сказала она, — и Ланселет нимало на то не обиделся. Но если ты желаешь спорить, я предлагаю поспорить на красную шелковую ленту, что Акколон завоюет приз и одолеет даже Ланселета.

— Идет! — согласилась женщина.

Моргейна поднялась со своего места.

— Я не люблю смотреть, как мужчины дубасят друг друга ради развлечения. Все это тянется так долго, что мне наскучил даже сам шум.

Она обратилась к Гвенвифар:

— Сестра, ты не возражаешь, если я вернусь в замок и проверю, все ли готово к пиру?

Гвенвифар кивнула, и Моргейна, проскользнув за креслами, отправилась обратно на главный двор. Ворота были открыты; их охраняло всего несколько рыцарей, не пожелавших принять участие в общей схватке. Моргейна уже совсем собралась было уйти в замок; она сама не знала, что за чутье заставило ее вернуться к воротам, и почему ее взгляд приковали два приближающихся всадника, — какие-то гости, припоздавшие к началу праздника. Но когда они подъехали ближе, Моргейну пробрал озноб предчувствия, и, когда всадники въехали в ворота, она, всхлипнув, бросилась к ним.

— Вивиана! — крикнула она. Ей хотелось обнять приемную мать, но Моргейна оробела; вместо этого она опустилась на колени, прямо в пыль, и склонила голову.

Послышался знакомый мягкий голос — он ни капли не изменился, оставшись все таким же, каким звучал в видениях Моргейны. Вивиана ласково произнесла:

— Моргейна, милое мое дитя, неужто это и вправду ты! Как мне все эти годы хотелось увидеть тебя! Ну вставай же, милая — тебе вовсе не нужно становиться передо мною на колени.

Моргейна подняла голову; но ее била такая дрожь, что она не в силах была встать. Вивиана — ее лицо скрывала серая вуаль — склонилась над ней; она протянула руку, и Моргейна поцеловала эту руку; а затем Вивиана подняла ее и заключила в объятия.

— Милая моя, все это было так давно... — сказала она. Моргейна отчаянно старалась сдержать слезы, но у нее ничего не получалось.

— Я так беспокоилась о тебе, — сказала Вивиана, крепко взяв Моргейну за руку. Они двинулись ко входу в замок. — Время от времени я пыталась увидеть тебя, хотя бы в зеркале. Но я уже немолода; я могу пользоваться Зрением, но нечасто. И все же я знала, что ты жива, что ты не умерла родами и не уплыла за море... Мне очень хотелось повидаться с тобой, маленькая моя.

Вивиана говорила с такой нежностью, словно они с Моргейной никогда и не ссорились; и Моргейну затопила былая любовь.

— Все здешние придворные сейчас на турнире. Младшего сына Моргаузы сегодня утром посвятили в рыцари и приняли в число соратников, — сказала Моргейна. — А я, должно быть, предчувствовала, что ты приедешь...

Тут ей вспомнилось видение, посетившее ее прошлой ночью. Да, она и вправду это предчувствовала.

— Что привело тебя сюда, матушка?

— Полагаю, ты слыхала о том, как Артур предает Авалон, — сказала Вивиана. — Кевин говорил с ним от моего имени, но безрезультатно. И потому я явилась сама, чтобы предстать перед его троном и потребовать правосудия. Подвластные Артуру короли его именем запрещают древние верования, священные рощи разоряются, — даже в тех землях, что по праву наследования принадлежат королеве Артура, — а Артур бездействует...

— Гвенвифар чрезвычайно благочестива, — пробормотала Моргейна и скривилась от отвращения. Настолько благочестива, что не погнушалась возлечь с кузеном и поборником своего мужа — с согласия благочестивого короля! Но жрица Авалона не болтает о постельных тайнах, если ей поведали об этом по секрету.

Но Вивиана словно прочла ее мысли. Она сказала:

— Нет, Моргейна, но может настать такое время, когда какая-нибудь тайна сделается моим оружием, — чтобы я могла заставить Артура сдержать клятву и исполнить свой долг. На самом деле, одна такая тайна имеется, хотя ради тебя, дитя, я не стану говорить об этом перед всеми придворными. Скажи-ка мне... — Она осмотрелась по сторонам. — Нет, не здесь. Проведи меня в такое место, где мы могли бы поговорить наедине, без помех, и где я могла бы привести себя в порядок. Раз мне нужно предстать перед Артуром во время главного его празднества, я хочу выглядеть надлежащим образом.

Моргейна отвела Владычицу Озера в комнату, в которой проживала сама; все ее соседки по комнате, прочие дамы королевы, были сейчас на турнире. Все слуги тоже ушли, так что Моргейна сама принесла Вивиане воду для умывания и вино и помогла сменить пропыленное дорожное платье на другое.

— Я виделась с твоим сыном в Лотиане, — сказала Вивиана.

— Кевин мне рассказал.

Давняя, застарелая боль стиснула сердце Моргейны — в конечном итоге Вивиана все-таки получила от нее то, что хотела: ребенка, по обеим линиям принадлежащего к королевскому роду.

— Так значит, ты сделаешь из него друида, чтобы он служил Авалону?

— Пока еще трудно сказать, какими задатками он обладает и

что из него может получиться, — отозвалась Вивиана. — Боюсь, он чересчур долго находился на попечении Моргаузы. Как бы то ни было, его надлежит воспитывать на Авалоне, в духе верности старым богам, — на тот случай, чтобы мы, если Артур окончательно презреет клятву, могли напомнить ему о существовании другого отпрыска Пендрагонов, способного занять его трон. Нам не нужен король, который превратился в отступника и тирана и норовит посадить на шею нашему народу этого бога рабов, греха и стыда!

Моргейна невольно содрогнулась. Неужто ее дитя сделают орудием погибели родного отца? Она решительно отгородилась от Зрения.

— Не думаю, что Артур окажется настолько вероломен.

— Слава Богине, он этого не сможет сделать, — отозвалась Вивиана. — Но все равно, христиане не примут ребенка, рожденного от этого ритуала. Нам нужно найти для Гвидиона место у трона, чтобы он смог наследовать своему отцу и чтобы мы в один прекрасный день снова получили короля авалонской крови. Не забывай, Моргейна: христиане могут считать, что твой сын рожден во грехе, но на взгляд Богини в его жилах течет чистейшая королевская кровь; его мать и отец принадлежат к ее роду — священному, не запятнанному злом. И мальчик должен именно так и считать; нельзя допускать, чтобы он подвергся пагубному влиянию священников — они будут твердить, что его зачатие и рождение позорны.

Она взглянула в глаза Моргейне.

— Ты по-прежнему считаешь это позорным?

Моргейна потупилась.

— Ты всегда читала мои мысли.

— Это вина Игрейны, — сказала Вивиана, — и моя тоже, что я оставила тебя при дворе Утера до семи лет. Мне следовало забрать тебя на Авалон сразу же, как только я поняла, что ты — прирожденная жрица. Ведь ты — жрица Авалона, милое мое дитя, так почему же ты туда не возвращаешься?

Она обернулась, сжимая в руках гребень; ее длинные поблекшие волосы ниспадали на плечи.

— Я не могу, не могу, Вивиана, — прошептала Моргейна, крепко зажмурившись и чувствуя, что слезы все равно вот-вот брызнут из глаз. — Я пыталась — но не смогла найти дороги.

И, не выдержав нахлынувшего стыда и унижения, она расплакалась.

Вивиана положила гребень и прижала Моргейну к груди, баюкая ее, словно ребенка.

— Милая моя девочка, радость моя, не плачь, не надо... если бы я только знала, я давно бы пришла за тобой. Не плачь, я сама отведу тебя, как только передам Артуру послание. Я заберу тебя с

собой, и мы уедем, пока ему не взбрело в голову выдать тебя за какого-нибудь пустоголового осла-христианина... конечно, дитя мое, ты вернешься на Авалон... мы поедем вместе...

Она вытерла заплаканное лицо Моргейны своим покрывалом.

— Ну, а теперь помоги мне одеться, чтобы я могла предстать перед моим родичем, Верховным королем...

Моргейна глубоко вздохнула.

— Давай я уложу тебе волосы, матушка. — Она попыталась усмехнуться. — Сегодня утром я заплетала косы королеве.

Вивиана отстранилась и гневно спросила:

— Неужто Артур заставляет тебя, жрицу Авалона и принцессу, не уступающую знатностью ему самому, прислуживать его королеве?!

— Нет-нет, — быстро отозвалась Моргейна. — Меня почитают здесь не меньше, чем саму королеву. Сегодня я причесала королеву исключительно дружбы ради — точно так же, как и она может заплести мне косы или зашнуровать мне платье, как это водится между сестрами.

Вивиана облегченно перевела дыхание.

— Я не потерплю, чтобы с тобой обращались непочтительно. Ты — мать сына Артура. Он должен научиться почитать тебя за это, равно как и дочь Леодегранса...

— Нет! — воскликнула Моргейна. — Умоляю тебя, не надо! Артур не должен этого узнать — только не при всем дворе... Матушка, послушай, — взмолилась она, — все эти люди — христиане. Неужели ты хочешь опозорить меня при всех?

— Они должны научиться не считать священное позорным! — неумолимо отрезала Вивиана.

— Но христиане владеют всей этой землей, — сказала Моргейна, — и тебе не удастся переубедить их при помощи нескольких слов...

В глубине сердца у нее зародилось подозрение: неужто из-за преклонного возраста мудрость начала изменять Вивиане? Ведь для того, чтобы повергнуть двухсотлетнее присутствие христианства, недостаточно просто заявить, что законы Авалона должны быть восстановлены. Священники просто отошлют ее от двора, как сумасшедшую — такое уже бывало прежде. Ведь Вивиана достаточно искушена в искусстве власти, чтобы понимать это!

И действительно, Вивиана, кивнув, произнесла:

— Ты права. Нам нужно действовать не спеша. Но, по крайней мере, следует напомнить Артуру, что он клялся защищать Авалон. И как-нибудь я тайно переговорю с ним о ребенке. Нельзя объявлять об этом во всеуслышание.

Моргейна помогла Вивиане привести прическу в порядок и сама переоделась в торжественный наряд жрицы Авалона — так

одевались лишь для самых важных ритуалов. Вскоре шум возвестил, что турнир окончен. Несомненно, сейчас, во время праздника, призы будут вручаться в замке. Интересно, все призы опять завоевал Ланселет, в честь своего короля?

«Или, — мрачно подумала Моргейна, — в честь своей королевы? Если, конечно, это можно называть честью...»

Когда они вышли из комнаты, Вивиана мягко коснулась руки Моргейны.

— Дитя мое, ты ведь вернешься со мной на Авалон?

— Если Артур отпустит меня...

— Моргейна, ты — жрица Авалона, и ты не обязана ни у кого просить дозволения приехать или уехать — даже у Верховного короля. Верховный король — военный вождь. Он не имеет права распоряжаться судьбами своих подданных, равно как и судьбами подвластных ему королей. Или он решил уподобиться восточным тиранам, считавшим, что весь мир и жизнь каждого человека безраздельно принадлежат им? Я скажу, что ты нужна на Авалоне, и посмотрим, что он на это ответит.

Моргейна едва не задохнулась от невыплаканных слез. *«Вернуться на Авалон, вернуться домой...»* Но даже сейчас, когда она держалась за руку Вивианы, ей не верилось, что она и вправду сможет туда отправиться. Позже она скажет себе: «Я знала, знала...» — и узнает то отчаянье и предчувствие, что толкнутся в ее душе при этих словах. Но в тот миг Моргейне казалось, что это всего лишь ее страхи. Должно быть, она боится оказаться недостойной того, что сама же и отвергла...

Но тут они добрались до большого зала, в котором Артур отмечал праздник Пятидесятницы.

Моргейне подумалось, что она никогда еще не видела Камелот таким — и, быть может, никогда уже не увидит. Огромный Круглый Стол — свадебный подарок короля Леодегранса — стоял теперь в зале, достойном его великолепия; стены были занавешены шелками и знаменами. Зал был украшен с таким расчетом, чтобы взгляд всех присутствующих невольно обращался туда, где сидел Артур, — в дальний конец зала, к столу на возвышении. Сегодня король посадил рядом с собой и королевой Гарета, а все его рыцари и все соратники расселись вокруг стола; все они были красиво одеты, все сверкали оружием, а дамы, блиставшие яркими нарядами, были похожи на цветы. Короли, подвластные Артуру, подходили один за другим, преклоняли колени перед Верховным королем и преподносили ему дары. Моргейна невольно прикипела взглядом к лицу Артура, серьезному, торжественному и благородному. Она взглянула краем глаза на Вивиану: Владычица не может не признать, что из Артура вышел хороший король, и даже Авалону или друидам трудно будет найти в нем изъян. Но кто она такая, чтобы определять, кто прав, Артур

или Авалон? Моргейну охватила дрожь беспокойства, как в те давние дни на Авалоне, когда ее учили открывать разум Зрению и использовать его, как инструмент. Она поймала себя на том, что ей, неведомо почему, отчаянно хочется, чтобы Вивиана находилась сейчас в сотне лиг отсюда.

Моргейна обвела взглядом соратников: русоволосый крепко сбитый Гавейн улыбался младшему брату, лишь сегодня возведенному в рыцарское достоинство; Гарет сиял, словно только что отчеканенная монета. Ланселет, смуглый и прекрасный, словно витал мыслями где-то в невообразимой дали. Пелинор, уже начинающий седеть, но все такой же благородный; рядом с ним его дочь, Элейна.

Но человек, который в это мгновение приблизился к трону Артура, не принадлежал к соратникам. Моргейна никогда прежде его не видала, но заметила, что Гвенвифар явно узнала этого человека — узнала и отшатнулась.

— Я — единственный оставшийся в живых сын короля Леодегранса, — заявил незнакомец, — и брат твоей королевы, Артур. Я требую, чтобы ты признал мои права на Летнюю страну.

— Мелеагрант, здесь ты не можешь ничего требовать, — мягко произнес Артур. — Я обдумаю твою просьбу и посоветуюсь с моей королевой, и, возможно, соглашусь назначить тебя ее наместником. Но я не могу объявить свое решение прямо сейчас.

— Тогда может получиться так, что я не стану дожидаться твоего решения! — выкрикнул Мелеагрант. Это был рослый мужчина, и он прихватил с собою на пир не только меч и кинжал, но еще и огромный бронзовый топор. Одет он был в плохо выделанные шкуры и казался диким и отвратительным, словно сакс-разбойник. — Я — единственный оставшийся в живых сын Леодегранса!

Гвенвифар наклонилась к Артуру и что-то прошептала. Король сказал:

— Моя госпожа говорит, что ее отец никогда не признавал, что зачал тебя. Но успокойся: мы разберемся с этим делом, и если твои притязания справедливы, мы их удовлетворим. Теперь же, сэр Мелеагрант, я прошу тебя положиться на мое правосудие и присоединиться к моему пиру. Мы обсудим это дело с нашими советниками и решим его справедливо, насколько это нам под силу.

— К чертям пир! — гневно взревел Мелеагрант. — Я пришел сюда не за тем, чтобы есть сладости, глазеть на дам и на то, как взрослые мужчины забавляются, словно мальчишки! Говорю тебе, Артур: я — король этой страны, и если ты посмеешь оспорить мои права, тем хуже для тебя — и для твоей госпожи!

И Мелеагрант положил руку на рукоять своего огромного

боевого топора, но Кэй и Гарет мгновенно оказались рядом с ним и крепко ухватили его за руки.

— Никто не смеет обнажать оружие в королевских чертогах! — резко произнес Кэй, а Гарет тем временем выдернул топор из рук Мелеагранта и положил к ногам Артура. — Садись на свое место, человече, и занимайся едой. У нас, за Круглым Столом, все делается по порядку, и раз наш король сказал, что рассмотрит твое дело, ты будешь ждать его решения!

И они невежливо развернули его кругом, но Мелеагрант вырвался и сказал:

— Да провались тогда ко всем чертям ваш пир вместе с вашим правосудием! И провались тогда ваш Круглый Стол и ваши соратники.

Он не стал подбирать свой топор, а вместо этого развернулся и, громко топая, двинулся прочь из зала. Кэй шагнул было следом за ним, и Гавейн привстал со своего места, но Артур жестом велел ему сесть.

— Пусть уходит, — сказал он. — Мы разберемся с ним в должный час. Ланселет, вероятно, тебе, как паладину королевы, придется призвать к порядку этого невежу.

— С радостью, мой король, — отозвался Ланселет и поднял взгляд с видом человека, только что очнувшегося ото сна. Моргейне почудилось, будто Ланселет понятия не имеет, что же, собственно, он согласился сделать. Тем временем стоявшие у дверей герольды продолжали объявлять обо всех, взыскующих королевского правосудия. Случился при этом и небольшой забавный эпизод: в зал вошел некий крестьянин и принялся рассказывать, как они с соседом не смогли поделить небольшую ветряную мельницу, расположенную на границе их участков.

— И так мы с ним и не смогли договориться, сир, — сказал он, комкая в руках грубую шерстяную шляпу, — а потом сообразили, что король бережет всю эту страну, и мельницы тоже, и потому я пришел сюда. Как ты скажешь, так мы и сделаем.

Дело было решено под общий добродушный смех; но Моргейна заметила, что Артур не смеялся. Он серьезно выслушал крестьянина и вынес решение, и лишь после того, как проситель поблагодарил короля и вышел, непрестанно кланяясь, Артур позволил себе улыбнуться.

— Кэй, проследи, чтобы этого человека накормили, прежде чем он отправится домой; он проделал немалый путь. — Король вздохнул. — Кто там следующий взыскует правосудия? Дай бог, чтобы это и вправду оказалось дело, требующее моего решения — а то ведь так скоро люди начнут приходить, чтобы посоветоваться со мной насчет разведения лошадей или еще чего-нибудь такого.

— Это показывает, Артур, что они считают тебя своим коро-

лем, — сказал Талиесин. — Но тебе следует позаботиться, чтобы люди знали, что с такими делами им следует идти к лордам своих земель, и сделать так, чтобы твои лорды вершили правосудие от твоего имени.

Он поднял голову и взглянул на следующего просителя.

— Но, возможно, следующее дело и вправду требует королевского решения. Насколько я понимаю, эта женщина попала в беду.

Артур жестом велел просительнице приблизиться. Это была молодая женщина, величественная, уверенная в себе и явно происходящая из знатного рода. При ней не было сопровождающих, кроме одного лишь карлика трех футов ростом, — но он был широкоплечим и крепко сбитым и имел при себе тяжелый боевой топор.

Женщина поклонилась королю и поведала свою историю. Она служила даме, которая, подобно многим другим, после долгих лет войны лишилась всех родственников. Владения ее находились на севере, неподалеку от старинного римского вала, что протянулся на много миль, с его разрушенными крепостями и сторожевыми постами, по большей части обветшавшими и превратившимися в руины. Но пятеро братьев, бандитов и негодяев, заново укрепили пять таких крепостей и принялись опустошать округу. И вот теперь один из них, хвастливо величающий себя Красным рыцарем из Красных земель, осадил владения ее госпожи. А братья его были еще хуже.

— Ха, Красный рыцарь! — воскликнул Гавейн. — Знаю я этого господина. Я с ним дрался, когда возвращался на юг после последней своей поездки в королевство Лота, и едва-едва уцелел. Артур, возможно, нам придется отправлять целую армию, чтобы избавиться от этих типов — в тех краях нет ни порядка, ни закона.

Артур нахмурился и кивнул, но тут со своего места поднялся юный Гарет.

— Лорд мой Артур, эти места граничат с владениями моего отца. Ты обещал поручить мне важное дело — так исполни же обещание, мой король, отправь меня на помощь к этой леди, чтобы я помог ей сокрушить сих злых людей.

Молодая женщина взглянула на Гарета — на его сияющее безбородое лицо, на белое шелковое одеяние, в которое он облачился после посвящения, — и рассмеялась.

— Тебя? Но ты же еще мальчик! Я и не знала, что великому Верховному королю прислуживают за столом дети-переростки!

Гарет покраснел, как мальчишка. Он действительно поднес Артуру чашу с вином — всякому отпрыску благородного семейства, воспитывающемуся при дворе, случалось исполнять на пирах эту обязанность. Гарет просто не успел еще привыкнуть к

своему новому статусу, а Артур, любивший юношу, не стал его поправлять.

— Мой лорд и король, — выпрямившись, произнесла женщина, — я пришла сюда, чтобы попросить у тебя в помощь одного или нескольких твоих рыцарей, прославленных в сражениях, что смогли бы усмирить этого Красного рыцаря — Гавейна, или Ланселета, или Балина, — тех, кто обрел славу, сражаясь с саксами. Неужто ты позволишь, сир, чтобы всякий мальчишка-прислужник насмехался надо мной?

— Мой соратник Гарет — не мальчишка-прислужник, госпожа, — отозвался Артур. — Он приходится сэру Гавейну братом и обещает стать таким же хорошим рыцарем, если не лучше. Я действительно обещал поручить ему первое же почетное задание, и я отправлю его с вами. Гарет, — спокойно произнес король, — я поручаю тебе сопровождать эту леди и охранять ее от всех опасностей. Тебе надлежит, добравшись до ее владений, помочь ее госпоже оборониться от этих негодяев. Если тебе понадобится помощь, сообщи мне об этом с гонцом. Впрочем, я уверен, что у нее достаточно людей, способных сражаться — ей нужен лишь человек, сведущий в стратегии, а этому ты научился у Кэя и Гавейна. Госпожа, я даю вам в помощь хорошего человека.

Женщина не посмела спорить с королем, но смерила Гарета сердитым взглядом. Юноша с достоинством произнес:

— Благодарю тебя, лорд мой Артур. Я внушу страх Божий негодяям, терзающим весь тот край.

Он поклонился Артуру и повернулся к даме, но та развернулась и выскочила вон.

— Он молод для такого дела, сэр, — негромко произнес Ланселет. — Может, ты лучше все-таки пошлешь туда Балана, или Балина, или еще кого-нибудь более опытного?

Артур покачал головой.

— Я вправду считаю, что Гарет может с этим справиться. И я не хочу особо выделять никого из соратников — этой даме должно быть довольно того, что один из них идет на помощь ее людям.

Он откинулся на спинку кресла и жестом велел Кэю подать ему блюдо.

— Нелегкая это работа — вершить правосудие. Поесть и то некогда. Остались ли еще просители?

— Остались, лорд мой Артур, — спокойно сказала Вивиана, поднимаясь с места, — она сидела среди дам королевы. Моргейна привстала было, чтобы помочь ей, но Вивиана взмахом руки велела ей сидеть. Владычица Озера держалась так прямо, что казалась выше своего роста. Но отчасти тут сказывалось и воздействие чар, чар и очарования Авалона... Белоснежные косы Вивианы были уложены венцом; на поясе у нее висел небольшой

серповидный нож, нож жрицы, а на лбу сиял знак Богини, сверкающий полумесяц.

Артур на миг удивленно воззрился на Вивиану, затем узнал ее и жестом пригласил подойти поближе.

— Владычица Авалона, сколь давно ты не удостаивала этот двор своим присутствием. Садись рядом со мной, родственница, и поведай, что я могу сделать для тебя.

— Оказать Авалону должный почет, как ты клялся, — ответила Вивиана. Ее чистый грудной голос — голос жрицы, обученной говорить с людьми, — был слышен во всех уголках зала. — Мой король, я прошу тебя посмотреть на тот меч, что ты носишь, и вспомнить о тех, кто вложил этот меч в твои руки, и о твоей клятве...

Много лет спустя, когда вести об этом происшествии разошлись повсюду, так и не получилось узнать, что же произошло сперва — каждый из гостей рассказывал это по-разному. Моргейна видела, как Балин вскочил со своего места и бросился вперед; она увидела руку рыцаря на рукояти огромного топора Мелеагранта — тот так и валялся у подножия трона; затем последовала короткая свалка, раздался чей-то возглас, топор взлетел и опустился, и Моргейна услышала, словно со стороны, собственный крик. Но удара она так и не заметила, а увидела лишь, как белые волосы Вивианы окрасились кровью, и жрица рухнула на пол, не успев даже вскрикнуть.

Затем зал зазвенел множеством воплей; Ланселет и Гавейн держали Балина, а тот бился у них в руках; Моргейна бросилась вперед, и в руках у нее невесть как появился ее собственный кинжал — но тут в ее запястье мертвой хваткой впились скрюченные пальцы Кевина.

— Моргейна! Моргейна, не нужно, уже поздно!.. — Голос барда был хриплым от рыданий. — Керидвен! Матерь-Богиня!.. Нет, Моргейна, не надо, не смотри на нее...

Он попытался заставить Моргейну отвернуться, но она застыла, словно каменное изваяние, слушая, как Балин во все горло выкрикивает ругательства.

— Глядите! — внезапно воскликнул Кэй. — Лорд Талиесин!

Старик потерял сознание и сполз с кресла. Кэй подхватил его и усадил, а потом, неразборчиво извинившись, схватил кубок Артура и принялся вливать старику в рот вино. Кевин отпустил Моргейну, пошатываясь, подошел к дряхлому друиду и неловко опустился рядом с ним. *«Нужно подойти к нему»*, — подумала Моргейна, но ноги ее словно приросли к полу, и она не могла сделать ни единого шага. Она смотрела на лежащего в обмороке Талиесина — чтобы не смотреть на чудовищную лужу крови на полу; кровь уже успела пропитать волосы, платье и длинный плащ Вивианы. В последний миг Вивиана успела схватиться за

свой небольшой серповидный нож. И сейчас ее рука, запятнанная кровью, все так же лежала на рукояти ножа... кровь, сколько же крови... Голова Вивианы была развалена надвое, и повсюду была кровь, кровь течет по трону, словно кровь жертвенных животных с алтарей, кровь у подножия трона Артура...

В конце концов Артур вновь обрел дар речи.

— Презренный негодяй! — хрипло произнес он. — Что ты натворил?! Ты совершил убийство, хладнокровное убийство перед троном твоего короля...

— Убийство, говоришь? — низким хриплым голосом произнес Балин. — Да, она была отвратительнейшей убийцей во всем твоем королевстве, она дважды заслужила смерть! Я избавил твое королевство от нечестивой ведьмы, король!

Артур был охвачен скорее гневом, чем горем.

— Владычица Озера была мне другом и благодетельницей! Как ты смеешь так говорить о моей родственнице, которая помогла мне взойти на трон?!

— Я призываю в свидетели самого лорда Ланселета — он подтвердит, что она замышляла убийство моей матери, — заявил Балин, — доброй и благочестивой христианки Присциллы — приемной матери его собственного брата, Балана! И она убила мою мать, говорю тебе, она ее убила при помощи злого чародейства...

Балан скривился. Казалось, что этот рослый мужчина вот-вот расплачется, как ребенок.

— Говорю вам, она убила мою мать, и я отомстил за нее, как и надлежит рыцарю!

Ланселет в ужасе зажмурился; лицо его исказилось, но он не плакал.

— Лорд мой Артур, жизнь этого человека принадлежит мне! Позволь мне отомстить за смерть моей матери...

— И сестры моей матери, — сказал Гавейн.

— И моей, — добавил Гарет.

Оцепенение, сковывавшее Моргейну, рассеялось.

— Нет, Артур! — выкрикнула она. — Отдай его мне! Он убил Владычицу перед твоим троном — так позволь же женщине Авалона отомстить за кровь Авалона! Взгляни: вон лежит лорд Талиесин, наш дед, — недвижим, словно и его поразил убийца...

— Сестра, сестра! — Артур вскинул руку, пытаясь остановить Моргейну. — Нет, сестра, нет... нет, отдай мне свой кинжал...

Моргейна лишь отчаянно встряхнула головой, продолжая крепко сжимать кинжал. Внезапно Талиесин, поднявшись, отобрал его у Моргейны; руки старика дрожали.

— Нет, Моргейна. Хватит кровопролития — видит Богиня, и без того довольно крови — ее кровь пролилась здесь как жертва Авалону...

— Жертва! Да, жертва Господу — так Господь наш поразит всех злых колдуний и их богов! — с неистовством выкрикнул Балин. — Позволь же мне, лорд мой Артур, очистить твой двор от всего этого чародейского злого рода...

И он принялся вырываться с такой силой, что Ланселет и Гавейн с трудом удержали его. Подскочивший Кэй помог им бросить Балина — тот все еще продолжал сопротивляться — к подножию трона.

— Тихо! — крикнул Ланселет и быстро оглядел зал. — Предупреждаю: я убью всякого, кто поднимет руку на мерлина или на Моргейну — что бы ни сказал потом Артур! — да, мой лорд, и умру потом от твоей руки, если ты так решишь!

Лицо его было искажено гневом и отчаяньем.

— Мой лорд король, — прохрипел Балин, — прошу тебя, позволь мне повергнуть всех этих волшебников и колдунов, во имя Христа, ненавидевшего всех их...

Ланселет с силой ударил Балина по лицу; рыцарь задохнулся и умолк. Из разбитой губы потекла струйка крови.

— Прошу прощения, мой лорд.

Ланселет снял роскошный плащ и осторожно накрыл изуродованное безжизненное тело матери.

Когда труп оказался укрыт, Артуру словно бы стало легче дышать. И лишь Моргейна продолжала широко распахнутыми глазами смотреть на бесформенную груду, скрытую ныне темно-красным праздничным плащом Ланселета.

«Кровь. Кровь у подножия королевского трона. Кровь, кровь струится из сердца...» Моргейне показалось, будто откуда-то издалека до нее долетели пронзительные вопли Враны.

— Позаботьтесь о леди Моргейне, — негромко произнес Артур, — она теряет сознание.

Моргейна почувствовала, как чьи-то руки осторожно подхватили ее и помогли опуститься в кресло; кто-то поднес к ее губам кубок с вином. Она попыталась было оттолкнуть вино, но ей почудился голос Вивианы. *«Пей. Жрица не должна терять силы и волю»*. Моргейна послушно выпила, слушая голос Артура, мрачный и суровый.

— Балин, что бы тебя ни вело — довольно, я уже слышал, что ты можешь сказать! Ни слова больше! Ты либо безумец, либо хладнокровный убийца. Что бы ты ни говорил, но ты убил мою родственницу и в день Пятидесятницы обнажил оружие в присутствии Верховного короля. И все же я не стану убивать тебя на месте — Ланселет, положи меч.

Ланселет вогнал меч обратно в ножны.

— Я выполню твою волю, мой лорд. Но если ты не покараешь этого убийцу, я буду просить позволения покинуть твой двор.

— Покараю. — Лицо Артура было мрачным. — Балин, доста-

точно ли ты разумен, чтобы выслушать меня? Вот твой приговор: я навеки изгоняю тебя от этого двора. Пусть тело госпожи омоют и положат на конные носилки. Я велю тебе отвезти его в Гластонбери, рассказать обо всем архиепископу и исполнить ту епитимью, которую он на тебя наложит. Ты говорил сейчас о Боге и Христе; так вот, христианскому королю не подобает вершить личную месть за убийство, совершенное перед его троном. Ты слышишь меня, Балин, мой бывший рыцарь и соратник?

Балин понурился. Удар Ланселета разбил ему нос, изо рта текла струйка крови, и говорил рыцарь неразборчиво — мешал выбитый зуб.

— Я слышу тебя, мой лорд король. Я иду, — произнес он, опустив голову.

Артур махнул рукой слугам.

— Пожалуйста, приведите кого-нибудь перенести несчастные останки...

Моргейна вырвалась из удерживавших ее рук и рухнула на колени рядом с Вивианой.

— Мой лорд, прошу тебя, позволь мне приготовить ее к погребению... — взмолилась она и задохнулась, пытаясь сдержать слезы, не смея заплакать в такой момент. Это изломанное мертвое тело не было Вивианой. Рука, напоминающая морщинистую лапу, по-прежнему сжимала серповидный кинжал Авалона. Моргейна взяла кинжал, поцеловала его и сунула за пояс. Вот и все, что предстоит ей сохранить.

«Матерь милосердная, я ведь знала, что нам никогда не вернуться вместе на Авалон...»

Нет, она не будет плакать. Она почувствовала рядом с собой присутствие Ланселета. Ланселет пробормотал:

— Слава богу, что здесь нет Балана — из-за одного мгновения безумия потерять мать и приемного брата... Но если бы Балан был здесь, этого могло и не случиться! Есть ли на свете хоть какой-нибудь бог и хоть какое-нибудь милосердие?

В голосе Ланселета звучала такая мука, что у Моргейны заныло сердце. Ланселет боялся и ненавидел свою мать, но все же он глубоко почитал ее, как воплощение самой Богини. Моргейна почувствовала, что разрывается надвое: ей хотелось обнять Ланселета, прижать к груди, позволить ему выплакаться — но одновременно она ощутила вспышку гнева. Он пренебрег своей матерью — так как он теперь смеет горевать о ней?

Талиесин опустился на колени рядом с ними и произнес надтреснутым старческим голосом:

— Давайте я вам помогу, дети. Это мое право...

Моргейна и Ланселет отодвинулись, и старый бард, опустив голову принялся читать древнюю молитву об уходящих в последний путь.

Артур встал с трона.

— Сегодня пира не будет. Слашком большое горе постигло нас, чтобы мы могли продолжать пировать. Если кто-то из вас голоден, заканчивайте трапезу и тихо расходитесь.

Он медленно спустился с возвышения и подошел к телу. Его рука осторожно легла на плечо Моргейны; Моргейна почувствовала это прикосновение даже сквозь охватившее ее мучительное оцепенение. Она слышала, как гости расходились, стараясь не шуметь. Сквозь шорохи пробился негромкий голос арфы; лишь один-единственный человек во всей Британии мог так играть. Оцепенение развеялось, и из глаз Моргейны хлынули слезы — а арфа Кевина пела погребальную песнь по Владычице Озера, и под эту песнь Вивиану, жрицу Авалона, медленно вынесли из пиршественного зала Камелота. Моргейна двинулась за носилками; оглянувшись на мгновение, она окинула взглядом зал, и Круглый Стол, и согбенную фигуру Артура, единственного, кто стоял рядом с арфистом. И сквозь горе и отчаянье Моргейны пробилась мысль: *«Вивиана так и не передала Артуру послание Авалона. Это чертоги христианского короля, и отныне никто не сможет этого оспорить. Как возрадовалась бы Гвенвифар, если бы узнала...»*

Артур стоял, воздев руки, — может быть, молился, она не знала. Моргейна увидела змей, вытатуированных у него на запястьях, и подумала о молодом короле, явившемся к ней, когда на руках и лице его еще не высохла кровь Короля-Оленя — и на мгновение ей почудился насмешливый голос королевы фэйри. А потом не осталось ничего, кроме скорбных рыданий арфы Кевина и всхлипов Ланселета, что шел рядом, пока они несли Вивиану навстречу последнему упокоению.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

Когда тело Вивианы вынесли из зала Круглого Стола, я последовала за ней. Я плакала — второй раз в жизни.

И той же ночью я поссорилась с Кевином.

Вместе с женщинами королевы я приготовила тело Вивианы к погребению. Гвенвифар прислала своих женщин, и лен, и благовония, и бархатный покров на гроб, но сама так и не пришла. Но это было только к лучшему. Готовить жрицу Авалона к погребению должны посвященные жрицы. Как мне хотелось, чтобы рядом со мной были мои сестры из Дома дев! Но, по крайней мере, руки христиан ее не коснулись. Когда все было сделано, Кевин пришел взглянуть на тело.

— Я отправил Талиесина отдыхать. Теперь я облечен властью, как мерлин Британии. Талиесин очень стар и очень слаб — просто чудо, что у него сегодня не разорвалось сердце. Боюсь, он ненадолго ее переживет. Балин присмирел, — добавил он. — Возможно, осознал, что он натворил, — но это наверняка было сделано в приступе

безумия. Он готов отвезти ее тело в Гластонбери и выполнить любую епитимью, которую на него наложит архиепископ.

Я в гневе уставилась на него.

— И ты это допустишь?! Допустишь, чтобы она оказалась в руках церковников? Мне все равно, что станется с убийцей, — сказала я, — но Вивиану следует доставить на Авалон.

Я судорожно сглотнула, стараясь не расплакаться. Мы могли бы сейчас вместе ехать на Авалон...

— Артур повелел, — негромко сказал Кевин, — чтобы ее похоронили в Гластонбери, рядом с церковью, чтобы всякий мог видеть ее могилу.

Я встряхнула головой, не веря собственным ушам. Неужели сегодня все мужчины сошли с ума?

— Вивиана должна покоиться на Авалоне, — сказала я, — там, где испокон века хоронили жриц Матери. Она была Владычицей Озера!

— Но она также была другом и благодетельницей Артура, — сказал Кевин, — и он позаботится, чтобы ее гробница стала местом паломничества.

Он поднял руку, призывая меня к молчанию.

— Нет, Моргейна, выслушай меня — в том, что он говорит, есть свой резон. За все царствование Артура не случалось еще столь ужасного преступления. Он не может допустить, чтобы могила Вивианы была скрыта от людских глаз и исчезла из памяти людской. Ее следует похоронить так, чтобы люди помнили о правосудии короля — и о правосудии церкви.

— И ты это допустишь?

— Моргейна, бесценная моя, — мягко произнес он, — не в моей воле разрешать или запрещать это. Артур — Верховный король, и в этом королевстве правит его воля.

— И Талиесин спокойно это принял? Или ты отправил его отдыхать, чтоб он не мешал тебе с согласия короля творить это кощунство? Неужто ты допустишь, чтобы Вивиану похоронили по христианскому обряду — ее, Владычицу Озера, — чтобы ее хоронили люди, заточившие своего бога в каменных стенах? Вивиана выбрала меня своей преемницей, и я запрещаю хоронить ее так, запрещаю — слышишь?!

— Моргейна, — тихо произнес Кевин. — Нет, выслушай меня, милая. Вивиана умерла, не назвав своей преемницы...

— Ты присутствовал при том, как она сказала, что выбирает меня...

— Но тебя не было на Авалоне, и о твоем назначении не было объявлено, — сказал Кевин. Его слова обрушились на меня подобно холодному дождю, и я содрогнулась. Он посмотрел на носилки, на которых покоилось тело Вивианы, укрытое с головой; мне так и не удалось привести ее лицо в порядок, чтобы его можно было пока-

зать людям. — Вивиана умерла, не назвав своей преемницы, и потому решение надлежит принимать мне как мерлину Британии. А раз воля Артура такова, одна лишь Владычица Озера — прости, что я так говорю, милая, но на Авалоне сейчас нет Владычицы, — могла бы оспорить мое решение. Я вижу, что у короля есть веские причины поступать именно так. Вивиана всю жизнь трудилась ради того, чтобы в этой земле воцарились мир и порядок...

— Она приехала, чтобы упрекнуть Артура за то, что он отрекся от Авалона! — в отчаянье крикнула я. — Она умерла, так и не завершив этого дела, а теперь ты допустишь, чтобы ее похоронили на христианском кладбище, под звон церковных колоколов, чтобы христиане могли восторжествовать над ней в смерти, как торжествовали при жизни?

— Моргейна, Моргейна, бедная моя девочка, — Кевин протянул ко мне руки, изуродованные руки, так часто ласкавшие меня. — Я тоже ее любил — поверь мне! Но она мертва. Вивиана была великой женщиной, она посвятила всю свою жизнь этой стране, неужто ты думаешь, что ее волновало, где будет лежать ее опустевшая оболочка? Неужели ты думаешь, что она стала бы возражать против того, чтобы ее тело положили там, где оно наилучшим образом послужит той цели, которой она добивалась всю жизнь — чтобы королевское правосудие восторжествовало над злом во всех уголках этого края?

Кевин был столь красноречив, а голос его звучал столь красиво и убедительно, что я на миг заколебалась. Вивиана ушла; и ведь действительно, одних лишь христиан волнует, будут они лежать в освященной или неосвященной земле — как будто не вся земля, грудь Матери, священна! Мне хотелось упасть в объятья Кевина и заплакать о единственной матери, которую я знала, о крушении надежды вернуться вместе с ней на Авалон, заплакать обо всем, что я отвергла, и о своей разбитой жизни...

Но следующая фраза Кевина заставила меня в ужасе отшатнуться.

— Вивиана была стара, — сказал он, — и жила на Авалоне, отгороженном от реального мира. Мне же довелось жить рядом с Артуром, в мире, где выигрывались сражения и принимались реальные решения. Моргейна, бесценная моя, послушай. Слишком поздно требовать, чтобы Артур сдержал свою клятву Авалону именно в той форме, в какой он ее давал. Время не стоит на месте; звон церковных колоколов теперь плывет надо всей этой землей, и людей это устраивает. И кто мы такие, чтобы утверждать, что в этом нет воли богов? Любимая моя, хотим мы того или нет, но это христианская страна, и мы, почитая память Вивианы, лишь окажем ей дурную услугу, если дадим всем знать, что она явилась сюда, дабы предъявить королю невыполнимые требования.

— Невыполнимые требования? — Я отдернула руки. — Да как ты смеешь!

— Моргейна, выслушай...

— Я не желаю слушать объяснений предательству! Если бы тебя слышал Талиесин...

— Я говорю лишь то, что слышал от самого Талиесина, — мягко сказал Кевин. — Вивиана не дожила до того, чтобы погубить дело всей своей жизни — она ведь стремилась создать страну, где будет царить мир. И какая разница, христианской будет эта страна или друидской? Воля Богини исполнится, какими бы именами ни величали ее люди. Кто тебе сказал, что это не было волей Богини — чтобы Вивиана получила этот удар прежде, чем успела снова ввергнуть в смуту землю, на которой наконец-то воцарился мир? Говорю тебе, нельзя снова ввергать страну в раздоры. Если бы Вивиана не погибла от руки Балина, я сам высказался бы против ее требования — и думаю, что Талиесин поступил бы так же.

— Как ты смеешь говорить за Талиесина!

— Талиесин сам назначил меня мерлином Британии, — сказал Кевин, — и тем самым дал мне право действовать от его имени в тех случаях, когда он не может высказаться сам.

— Еще немного, и ты заявишь, что стал христианином! Тебе недостает лишь четок да распятия!

— Моргейна, неужели ты и вправду думаешь, что от этого что-то изменилось бы? — спросил он с такой нежностью, что я едва не разрыдалась.

Я упала на колени перед ним — как год назад — и прижала к груди его изуродованную руку.

— Кевин, я любила тебя. Ради этой любви молю тебя — будь верен Авалону и памяти Вивианы! Пойдем со мной — сегодня, сейчас. Не допусти этого издевательства. Проводи меня на Авалон, чтобы Владычица Озера могла покоиться рядом с остальными жрицами Богини...

Он склонился надо мной, и прикосновение его изломанных рук было нежным до боли.

— Моргейна, я не могу. Бесценная моя, неужто ты не можешь успокоиться, прислушаться к голосу рассудка и понять, что ведет меня?

Я встала, вырвавшись из его непрочных объятий, и вскинула руки, призывая могущество Богини. Я слышала, как мой голос исполнился силой жрицы.

— Кевин! Именем той, что пришла к тебе сюда, именем мужественности, которую она дала тебе, я призываю тебя к повиновению! Ты обязан верностью не Артуру и не Британии, но одной лишь Богине и своим обетам! Покинь же это место! Иди со мной на Авалон и помоги унести ее тело!

В полумраке я видела, что меня окружает сияние Богини. Коленопреклоненный Кевин содрогнулся. Я поняла: еще мгновение, и он подчинится. А потом... я не знаю, что произошло потом; возможно, что-то спуталось у меня в сознании. Нет, я недостойна, я не имею права... Я покинула Авалон, я отвергла его — так по какому же праву я приказываю мерлину Британии? Чары развеялись; Кевин дернулся и неловко поднялся.

— Женщина, ты не можешь мной командовать! Ты, отрекшаяся от Авалона, как ты смеешь приказывать мерлину Британии? Скорее это тебе надлежит стоять передо мною на коленях!

Он с силой оттолкнул меня.

— Оставь свои уговоры!

Он развернулся и захромал прочь; его размытая тень металась по стене. Я смотрела ему вслед. Потрясение было так велико, что я не могла даже плакать.

Четыре дня спустя Вивиану похоронили по церковному обряду, в Гластонбери, на Священном острове. Но я туда не поехала.

Я поклялась, что ноги моей не будет на Острове священников.

Артур искренне горевал по Вивиане; он построил для нее гробницу, и установил памятный знак, и поклялся, что они с Гвенвифар упокоятся рядом с Вивианой, когда придет их час.

Балину же архиепископ Патриций во искупление злодеяния велел совершить паломничество в Рим и в Святую землю. Но прежде, чем тот успел отправиться в изгнание, Балан узнал от Ланселета о случившемся и разыскал Балина. Приемные братья сошлись в бою, и Балин был убит одним ударом; но и Балан был тяжко ранен и пережил брата всего лишь на день. Вивиана была отомщена — так говорилось впоследствии в песнях; но что толку в той мести, если Вивиану оставили лежать в христианской гробнице?

А я... я даже не знала, кого они избрали Владычицей Озера вместо Вивианы — я ведь не могла вернуться на Авалон.

...я была недостойна Ланселета, я была недостойна даже Кевина... я не смогла уговорить его выполнить свой истинный долг перед Авалоном...

...мне следовало тогда пойти к Талиесину и упросить его — пусть даже мне пришлось бы встать перед ним на колени — отвезти меня обратно на Авалон, чтобы я могла искупить свою вину и снова вернуться в обитель Богини...

Но прежде, чем окончилось лето, Талиесин ушел вслед за Вивианой; мне кажется, он так и не осознал, что Вивиана умерла. Даже после похорон он говорил о ней так, словно она вот-вот приедет и увезет его на Авалон. И еще он говорил о моей матери — так, словно она была жива, и жила в Доме дев, и все еще

была маленькой девочкой. И в конце лета он мирно скончался и был похоронен в Камелоте, и даже епископ скорбел о нем как о человеке мудром и ученом.

А зимой до нас дошла весть о том, что Мелеагрант объявил себя королем Летней страны. Но весной Артур уехал по делам на юг, а Ланселет отправился проверить, как обстоят дела в королевском замке в Каэрлеоне — вот тогда-то Мелеагрант и прислал посланца под белым флагом. Он просил, чтобы сестра его Гвенвифар приехала и обсудила с ним, что же делать со страной, на которую оба они имели право.

Глава 4

— Я чувствовал бы себя спокойнее, и думаю, что лорд мой король тоже предпочел бы, чтобы Ланселет был здесь и мог сопровождать тебя, — рассудительно произнес сэр Кэй. — На Пятидесятницу этот тип обнажил оружие в этом самом зале, в присутствии короля, и не пожелал дожидаться королевского правосудия. Брат он тебе или не брат, но мне не нравится, что ты собираешься взять с собой лишь одну из своих дам и дворецкого.

— Он мне не брат, — отозвалась Гвенвифар. — Его мать одно время была любовницей моего отца, но отец отослал ее прочь после того, как застал ее с другим мужчиной. Она заявляла, что отец ее ребенка — Леодегранс, и, возможно, сказала то же самое сыну. Но король никогда этого не признавал. Если бы Мелеагрант был человеком достойным, он, возможно, мог бы стать моим наместником — с таким же успехом, как любой другой рыцарь. Но я не позволю ему наживаться на подобной лжи.

— И ты решишься предать себя в его руки, Гвенвифар? — негромко поинтересовалась Моргейна.

Качнув головой, Гвенвифар посмотрела на Кэя и Моргейну. Почему Моргейна выглядит такой спокойной и бесстрашной? Неужели она никогда ничего не боится? Неужели за этим холодным, непроницаемым лицом не таится никаких чувств? Гвенвифар понимал, что Моргейна, как и все смертные, должна хотя бы иногда страдать от боли, страха, горя, гнева — но на самом деле она всего лишь дважды видела хоть какое-то проявление чувств со стороны Моргейны, и оба раза были уже давно. Один — это когда Моргейна впала в транс и ей привиделась кровь на каменных плитах, — тогда она кричала от страха; а второй — когда у нее на глазах убили Вивиану. Тогда Моргейна потеряла сознание.

— Я ни капли ему не доверяю, — сказала Гвенвифар, — и не доверяла бы, даже не будь он наглым самозванцем. Но подумай сама, Моргейна: все его притязания строятся на том, что он на-

зывает себя моим братом. А значит, если он хоть в чем-то оскорбит меня или не окажет мне того почета, какой надлежит оказывать сестре, всем станет ясно, что его притязания лживы. А значит, ему придется принять меня как почитаемую сестру и королеву. Понятно?

Моргейна пожала плечами.

— А я бы не стала рассчитывать даже на это.

— Ну конечно! Ты ведь, подобно мерлину, можешь обратиться к колдовству и узнать, что произойдет, если я так поступлю.

— Мне не требуется колдовство, чтобы узнать в негодяе негодяя, — бесстрастно откликнулась Моргейна, — и я не нуждаюсь в сверхъестественной мудрости, чтоб держать свой кошелек подальше от мошенника.

Но Гвенвифар всегда испытывала искушение поступать вопреки советам Моргейны; ей вечно казалось, что Моргейна считает ее безмозглой дурочкой, не способной без чужой помощи даже зашнуровать башмаки. Моргейна что, думает, будто она, Гвенвифар, не может заниматься делами королевства, пока Артур отсутствует? Однако, королеве трудно было смотреть в лицо Моргейне после того злосчастного прошлогоднего Белтайна, когда она выпросила у своей невестки амулет против бесплодия. Моргейна предупреждала, что амулеты частенько срабатывают непредвиденным образом... и теперь всякий раз, когда Гвенвифар смотрела на Моргейну, ей приходило в голову, что и невестка, должно быть, помнит об этом.

«Бог покарал меня — может, за то, что я прибегла к чародейству, а может — за ту грешную ночь». И королеву пробрала дрожь восторга и стыда, как случалось постоянно, стоило ей лишь мимолетно вспомнить о той ночи. О да, можно сказать, что все они тогда были пьяны, или оправдываться тем, что все, что произошло тогда, произошло с согласия Артура и даже по его настоянию. Но дела это не меняло: то был смертный грех, прелюбодеяние.

И с той ночи она желала Ланселета, и жажда эта терзала ее денно и нощно; но при этом им трудно было даже смотреть друг на друга. Она не силах была заставить себя взглянуть Ланселету в глаза. А вдруг он ненавидит ее как бесчестную женщину, как прелюбодейку? Он должен презирать ее. И все же королева желала Ланселета, желала со всей силой отчаянья.

После Пятидесятницы Ланселет почти не появлялся при дворе. Гвенвифар никогда бы и в голову не пришло, что Ланселет будет так убиваться по своей матери или по своему брату Балану, но однако, Ланселет искренне горевал по ним обоим. И теперь он проводил все время в разъездах.

— Хотелось бы мне, — сказал Кэй, — чтоб здесь был Ланселет. Кому же сопровождать королеву в подобных поездках, как

не тому рыцарю, которого сам Артур назвал поборником и защитником своей королевы?

— Если бы Ланселет был здесь, — сказала Моргейна, — многие проблемы просто не возникли бы. Ему хватило бы нескольких слов, чтобы поставить Мелеагранта на место. Но что толку говорить о несбыточном? Гвенвифар, может быть, мне поехать с тобой и позаботиться о твоей безопасности?

— Боже мой! — не выдержала Гвенвифар. — Я уже не дитя, которое не может и шагу ступить без няньки! Я возьму своего дворецкого, сэра Лукана, и Бракку, чтобы было кому причесать меня и зашнуровать мне платье, если я задержусь там на ночь, и чтобы спать в изножии моей кровати. Зачем мне кто-то еще?

— Но послушай, Гвенвифар, тебе следует иметь свиту, подобающую твоему положению. При дворе еще остались некоторые из соратников Артура.

— Тогда я возьму Эктория, — сказала Гвенвифар, — он — приемный отец Артура и рыцарь знатного рода, прославившийся во множестве войн.

Моргейна нетерпеливо вскинула голову.

— Старик Экторий и Лукан, потерявший при горе Бадон руку! Почему бы тебе тогда не прихватить еще Кэя и мерлина, чтобы собрать при себе всех стариков и калек? Тебе следует взять в качестве охраны хороших бойцов, способных защитить тебя в том случае, если этому человеку взбредет в голову задержать королеву ради выкупа или еще что похуже.

— Если он не будет обращаться со мной как с сестрой, все его притязания потеряют основу, — терпеливо повторила Гвенвифар. — А кто станет дурно обращаться с сестрой?

— Не знаю, действительно ли Мелеагрант такой добрый христианин, — сказала Моргейна, — но если ты его не боишься, Гвенвифар, то ты, наверное, знаешь его лучше, чем я. Несомненно, ты можешь подыскать себе в свиту старых, утративших ловкость воинов — что ж, пускай. Ты можешь предложить этому человеку жениться на твоей родственнице, Элейне, чтобы его притязания на трон стали более вескими, и назначить его своим наместником...

Гвенвифар содрогнулась, вспомнив огромного грубого мужчину в скверно выделанных шкурах.

— Элейна — благородная дама. Я не отдам ее за такого человека, — сказала королева. — Я поговорю с ним: если я сочту его человеком честным и способным поддерживать мир в стране, то тогда, если он поклянется в верности лорду моему Артуру, я дозволю ему править островом... Соратники Артура мне тоже нравятся не все, но человек может не уметь обращаться с дамами и вести себя за столом, и все же быть достойным рыцарем.

— Ушам своим не верю! — заметила Моргейна. — Слушая твои хвалы моему родичу Ланселету, я уж было решила, что, на твой взгляд, человек лишь тогда может считаться рыцарем, если он хорош собой и безукоризненно себя ведет при дворе.

Гвен не хотелось снова затевать ссору с Моргейной.

— Ну что ты, сестра. Я всей душой люблю Гавейна, хотя он грубый северянин, путающийся в собственных ногах и не умеющий связать двух слов в беседе с дамой. Судя по тому, что мне известно, Мелеагрант может оказаться таким же неотшлифованным алмазом, и потому я и решила поехать на эту встречу — чтобы лично вынести суждение.

Так и случилось. На следующее утро Гвенвифар отправилась в путь в сопровождении шести рыцарей, Эктория, Лукана, своей дамы и девятилетнего мальчика-пажа. Гвен не бывала дома с того самого дня, когда Игрейна увезла ее, чтобы выдать замуж за Артура. Летняя страна располагалась недалеко: несколько миль вниз по склону холма и вдоль берега озера, превращающегося в это время года в болото; на сочных лугах, поросших буйной травой с россыпью одуванчиков и примул, паслись стада коров. На берегу королеву поджидали две лодки, и над ними развевалось знамя ее отца. Это было дерзостью — ведь Мелеагрант присвоил его без дозволения; но с другой стороны, он ведь мог совершенно чистосердечно считать себя наследником Леодегранса. И не исключено даже, что это было правдой; в конце концов, ведь отец мог и солгать.

Много лет назад она высадилась на этот берег, граничащий с Каэрлеоном... Какой же молодой она тогда была и какой невинной! Рядом с ней тогда находился Ланселет, но судьба отдала ее Артуру — видит Бог, она старалась быть ему хорошей женой, хоть Господь и не дал ей детей. Потом взгляд королевы упал на ожидающие лодки, и ее снова захлестнуло отчаянье. Она вполне могла подарить своему мужу троих, пятерых, семерых сыновей — а потом случилась бы чума, или оспа, или лихорадка, и все они умерли бы; такое тоже случалось. Ее мать тоже родила четырех сыновей, и ни один из них не прожил и пяти лет, а сын Альенор умер вместе с ней. Моргейна... Моргейна родила сына от своих нечестивых обрядов, и насколько было известно Гвенвифар, как раз ее-то сын был жив и здоров, — в то время как она, благочестивая христианка и верная жена, не смогла выносить ни одного ребенка. А ведь скоро она станет слишком старой, чтобы рожать детей...

На берегу их встретил сам Мелеагрант; он поклонился Гвенвифар, назвал ее уважаемой сестрой и пригласил в меньшую лодку, на которой плыл сам. Впоследствии Гвенвифар не могла понять, как же так вышло, что она оказалась отделена от всей своей свиты, за исключением мальчика-пажа.

— Слуги моей госпожи могут садиться в другую лодку. Я сам буду ее сопровождать, — заявил Мелеагрант и взял королеву под руку с чрезмерной фамильярностью, которой Гвенвифар терпеть не могла. Но она решила, что следует вести себя дипломатично и не сердить Мелеагранта. Лишь в последний момент, под воздействием внезапной вспышки паники, Гвенвифар подозвала сэра Эктория.

— Я хочу, чтобы мой дворецкий тоже поехал со мной, — заявила она, и Мелеагрант улыбнулся. Его широкое грубое лицо покраснело.

— Как будет угодно моей сестре и королеве, — сказал он и отступил, пропуская Эктория и Лукиана на меньшую лодку. Он чрезмерно заботливо расстелил ковер, готовя место для королевы, а гребцы тем временем направили лодку прочь от берега. Мелкое озеро поросло тростником; иногда эта его часть даже пересыхала. Внезапно, когда Мелеагрант уселся рядом с ней, Гвенвифар ощутила приступ давнего ужаса; желудок ее скрутило узлом, и на мгновение королеве показалось, что ее сейчас стошнит. Она вцепилась в сиденье. Мелеагрант находился слишком близко; Гвенвифар постаралась отодвинуться поближе, насколько это позволяла длина лавки. Она предпочла бы, чтобы рядом с ней сидел Экторий; его отеческое присутствие действовало на королеву успокаивающе. Гвенвифар заметила за поясом у Мелеагранта большой топор — в точности похожий на тот, который он оставил у подножия трона Артура и которым Балин убил Вивиану...

— Тебе дурно, сестра? — спросил Мелеагрант, придвинувшись так близко, что королеву замутило от его тяжелого дыхания. — Тебя ведь не могло укачать — погода сегодня хорошая...

Гвенвифар осторожно отодвинулась, с трудом сохраняя самообладание. Она была одна, если не считать двух стариков, и находилась посреди озера, а вокруг не было ничего, кроме воды и тростника. Зачем она сюда приехала? Почему она не осталась в Камелоте, у себя в саду, обнесенном надежной стеной? Здесь, под бескрайним небом, Гвенвифар чувствовала себя подавленной, нагой и беззащитной...

— Мы скоро пристанем к берегу, — сказал Мелеагрант. — Если хочешь, сестра, ты сможешь отдохнуть, прежде чем мы обсудим наши дела. Я приказал приготовить для тебя покои королевы...

Днище лодки проехалось по грунту. Гвенвифар увидела старую тропу, сохранившуюся с прежних времен, что вела, извиваясь, к замку, и старую стену, на которой она сидела в тот вечер, глядя, как Ланселет ловит коня в табуне. Королеву охватило смятение; ей почудилось, что все это было лишь вчера, и что сама она — все та же застенчивая юная девушка. Она незаметно

коснулась стены, ощутив под пальцами ее твердую поверхность, и с облегчением вошла в ворота.

Старый зал показался ей маленьким; за время жизни в Каэрлеоне и Камелоте Гвенвифар успела привыкнуть к большим чертогам. Старый оцовский трон был застелен шкурами наподобие тех, что носил Мелеагрант, а у его подножия лежала огромная шкура черного медведя. Все вокруг казалось запущенным: шкуры были потрепанными и засаленными, зал давно не мыли, и в воздухе неприятно пахло потом. Гвенвифар сморщилась, но возможность наконец-то оказаться под защитой стен так порадовала ее, что она решила не обращать внимания на беспорядок. Кстати, а где ее свита?

— Не хочешь ли отдохнуть и привести себя в порядок, сестра? Давай я покажу тебе твои покои.

— Я так давно здесь не была, что их уже трудно называть моими, — улыбнувшись, отозвалась Гвенвифар, — но мне и вправду хотелось бы умыться и снять плащ. Не пошлешь ли ты кого-нибудь разыскать мою служанку? Если ты хочешь стать наместником этого края, Мелеагрант, тебе понадобится жена.

— Успеется, — сказал он. — Я все-таки покажу тебе покои, которые приготовил для моей королевы.

Он повел Гвенвифар вверх по старой лестнице. Лестица тоже была запущена и обветшала. Гвенвифар снова задумалась, не сделать ли Мелеагранта наместником, — хотя сейчас эта мысль уже казалась ей менее уместной. Если бы он перебрался в замок, починил его, завел жену и хороших слуг, чтобы содержать замок в порядке, и сильных, хорошо вооруженных воинов, тогда бы ладно — но воины Мелеагранта выглядели еще более мерзко, чем их предводитель, и Гвенвифар до сих пор не видела здесь ни одной женщины. В душу ее закралось беспокойство. Возможно, это и вправду было не слишком разумно с ее стороны — приехать сюда одной, не настаивать, чтобы свита неотлучно сопровождала ее...

Гвенвифар остановилась на лестнице и сказала:

— Если не возражаешь, я хочу, чтобы мой дворецкий сопровождал меня. И я хочу, чтобы ко мне немедленно прислали мою служанку!

— Как будет угодно моей госпоже, — усмехнулся Мелеагрант. Зубы у него были ненормально длинные, желтые и скверные.

«Он похож на дикого зверя...» — подумала королева, и в ужасе прижалась к стене. Но все же у нее еще сохранялись какие-то силы, и Гвенвифар твердо произнесла:

— Пожалуйста, сейчас же позови сэра Эктория, или мне придется вернуться в зал и остаться там, пока не прибудет моя слу-

жанка. Не подобает королеве Артура находиться наедине с чужим мужчиной...

— Даже с ее братом? — спросил Мелеагрант, но Гвенвифар, поднырнув под его рукой, увидела входящего в зал Эктора и позвала:

— Приемный отец! Пожалуйста, будь рядом со мной! И вели сэру Лукану разыскать мою служанку!

Старик медленно поднялся по лестнице вслед за ними, и Гвенвифар оперлась на его руку. Мелеагранту это явно не понравилось. Они подошли к покоям, которые некогда занимала Альенор; сама Гвенвифар жила в маленькой комнате, расположенной немного дальше. Мелеагрант открыл дверь. В покоях пахло сыростью и затхлостью, и Гвенхвивар заколебалась. Возможно, ей стоит все-таки спуститься обратно в зал и потребовать, чтобы они немедленно перешли к обсуждению дел; вряд ли она сможет привести себя в порядок или отдохнуть в такой грязной, запущенной комнате.

— Нет, старик, тебе не сюда, — внезапно произнес Мелеагрант, развернулся и с силой оттолкнул сэра Эктория. — Моя госпожа больше не нуждается в твоих услугах.

Эктор пошатнулся и потерял равновесие, и за этот миг Мелеагрант успел втолкнуть Гвенвифар в комнату и захлопнуть за ней дверь. Она услышала скрежет засова, и, оступившись, упала на колени; подхватившись, Гвенвифар обнаружила, что, кроме нее, в покоях никого нет. На ее стук в дверь никто не отозвался.

Выходит, Моргейна оказалась права? Что они сделали с ее свитой? Неужели они всех перебили, даже Эктория и Лукана? Комната, в которой Альенор родила ребенка и впоследствии скончалась, была холодной и сырой. На огромной кровати сохранились лишь какие-то клочья льняной простыни; пол устилала прелая солома. Старый резной сундук Альенор стоял на прежнем месте, но дерево сделалось затертым и грязным, да и сам сундук был пуст. Очаг был забит золой; похоже, здесь много лет не разводили огонь. Гвенвифар стучала в дверь и кричала, пока у нее не заболели руки и горло. Она проголодалась и устала, и ее мутило от здешней вони и грязи. Но дверь даже не дрогнула под ее ударами, а окно было слишком маленьким, чтоб через него можно было выбраться наружу — а кроме того, до земли было больше двадцати футов. Она оказалась в плену. В окно виден был лишь заброшенный скотный двор, по которому бродила одинокая дряхлая корова и время от времени тоскливо мычала.

Прошло несколько томительно медленных часов. Гвенвифар уяснила две вещи: что ей не выбраться отсюда самостоятельно и что ей не удастся привлечь внимание людей, которые захотели бы выпустить ее отсюда. Ее сопровождающие исчезли — погиб-

ли или оказались в заточении. В любом случае, прийти к ней на помощь они не могли. Служанку и пажа тоже могли убить — и уж точно не собирались к ней подпускать. Она осталась совсем одна и оказалась во власти человека, который, вероятно, попытается сделать ее заложницей.

Скорее всего, ей самой ничего не грозило. Как она говорила Моргейне, все притязания Мелеагранта основывались на том, что он якобы являлся единственным оставшимся в живых сыном ее отца; бастард — но все же бастард королевской крови. И все-таки одна лишь мысль о хищной улыбке Мелеагранта, о соседстве его огромного тела повергала Гвенвифар в ужас. Он вполне мог обойтись с ней сколь угодно дурно или даже попытаться силой вынудить ее признать его наместником этой страны.

Прошел день. В щель между ставнями пробился солнечный луч, медленно пересек комнату и снова исчез. Начало темнеть. Гвенвифар прошла через покои Альенор в маленькую комнатку, где некогда, еще в детстве, жила она сама. Темная тесная комнатка, обычный чуланчик, внушала ощущение защищенности; кто сможет обидеть ее здесь? Комнатка была грязной и затхлой, солома на полу заплесневела, но это не имело значения. Гвенвифар умостилась на кровати и завернулась в плащ. Потом она сходила в большую комнату и попыталась подпереть дверь тяжелым сундуком Альенор. Она поняла, что очень боится Мелеагранта и еще больше боится его воинов, на вид сущих разбойников.

Конечно же, он не позволит им грубо обходиться с ней; ведь у Мелеагранта был один-единственный товар для сделки — ее безопасность. *«Артур убьет его»*, — сказала себе Гвенвифар. Если он хоть пальцем к ней прикоснется, Артур убьет его.

«А действительно ли Артур будет волноваться обо мне?» — в отчаянии подумала Гвенвифар. Все эти годы он был добрым любящим мужем и обращался с ней с глубоким почтением, но, возможно, он не станет особенно беспокоиться о судьбе жены, так и не сумевшей родить ему ребенка — и мало того, жены, влюбленной в другого мужчину и не сумевшей это скрыть от законного супруга.

«Я бы на месте Артура не стала ничего предпринимать против Мелеагранта. Я бы сказала, что раз он меня заполучил, то может оставить себе и делать, что ему угодно».

Но чего же хочет Мелеагрант? Если она, Гвенвифар, умрет, никто больше не сможет оспаривать его права на трон Летней страны. Правда, у нее было несколько племянников и племянниц, детей ее сестер, но они проживали далеко и, возможно, ничуть не интересовались этой землей или даже вовсе ничего не знали о ней. Возможно, Мелеагрант собирается просто убить ее или заморить голодом. Настала ночь. Один раз со стороны скот-

ного двора донесся топот копыт и чьи-то голоса; Гвенвифар подбежала к окну и выглянула наружу, но не увидела ничего, кроме тусклого света факела. Она кричала так, что едва не сорвала голос, но никто даже не взглянул в сторону окна и никак не дал понять, что услышал ее крики.

Посреди ночи, ненадолго погрузившись в беспокойный, полный кошмаров сон, Гвенвифар вдруг вскинула голову: ей почудилось, будто ее зовет Моргейна. Королева рывком уселась на грязной кровати, до боли вглядываясь во тьму. Но нет, она по-прежнему была одна.

«Моргейна, Моргейна! Если б только ты сумела увидеть меня при помощи своего колдовства, если бы ты сказала моему господину, когда он вернется, что Мелеагрант — грязный лжец, что он заманил меня в ловушку...» Но тут ей подумалось: а вдруг Бог разгневается на нее за то, что она уповает на колдовство Моргейны? Она принялась тихо молиться, и в конце концов монотонность молитвы убаюкала ее.

На этот раз королева спала крепко, без снов. Проснувшись, Гвенвифар почувствовала, что у нее пересохло во рту, и осознала, что вот уже целые сутки сидит в этих пустых грязных покоях. Ее терзали голод и жажда, ее мутило от здешнего зловония — а вонью теперь тянуло не только от прелой соломы, но и из угла, который ей пришлось использовать под отхожее место. Сколько они собираются держать ее здесь? Время шло. У Гвенвифар не осталось больше ни сил, ни мужества — она не могла даже молиться.

А не было ли это наказанием за ее прегрешения, к которым сама она была слишком снисходительна? Да, она была Артуру верной женой, но все-таки продолжала желать другого мужчину. Она воспользовалась чародейством Моргейны. *«Но*, — в отчаянье подумала Гвенвифар, — *если я несу кару за прелюбодеяние с Ланселетом, за что же меня наказывали, пока я была верной женой Артура?»*

Но даже если Моргейна при помощи своих чар увидит, что королева в плену, захочет ли она помочь ей? У Моргейны нет никаких причин любить ее; Моргейна почти наверняка презирает ее.

Есть ли на свете хоть один человек, которому она дорога? Будет ли хоть кого-то волновать ее судьба?

Лишь после полудня со стороны лестницы донеслись шаги. Гвенвифар вскочила и, закутавшись в плащ, попятилась. Легко сдвинув сундук, вошел Мелеагрант, и при его виде Гвенвифар отступила еще дальше.

— Как ты смеешь так обращаться со мной? — негодующе спросила она. — Где моя служанка, мой паж, мой дворецкий? Что ты сделал с моими спутниками? Неужели ты думаешь, что

Артур позволит тебе править этой страной после того, как ты так оскорбил его королеву?!

— Ты больше не его королева, — невозмутимо заявил Мелеагрант. — Когда я разберусь с тобой, он тебя уже не получит. В давние дни, леди, супруг королевы был королем. Если я завладею тобой и получу от тебя сыновей, никто не посмеет оспаривать мое право на трон.

— Ты не получишь от меня сыновей, — с безрадостным смехом отозвалась Гвенвифар. — Я бесплодна.

— Ха! Ты была замужем за безбородым мальчишкой! — сказал Мелеагрант и добавил еще несколько слов, которых Гвенвифар не поняла, почувствовав лишь, что это было нечто невыразимо грязное.

— Артур убьет тебя, — сказала она.

— Пусть попробует. Напасть на остров куда труднее, чем ты думаешь, — отозвался Мелеагрант, — да к тому времени, возможно, он не захочет и пытаться — ведь ему пришлось бы забирать тебя...

— Я не могу выйти за тебя замуж. Я уже замужем.

— Моим людям нет до этого дела, — сказал Мелеагрант. — Многих раздражала власть священников, и я вышвырнул отсюда всех священников до последнего! Я правлю по старым законам, и я стану королем по этому закону — а он говорит, что здесь должен править твой муж...

— Нет! — прошептала Гвенвифар и попятилась, но Мелеагрант одним прыжком оказался рядом и притянул королеву к себе.

— Ты не в моем вкусе, — грубо сказал он. — Тощая, уродливая, бледная девка. Мне нравятся женщины, у которых есть за что подержаться. Но ты — дочка старика Леодегранса, если только твоя мать не была похрабрее, чем я о ней думаю. А потому... — и он сжал Гвенхвивар своими ручищами. Королева принялась вырываться и, освободив руку, с силой ударила его по лицу.

Она попала локтем по носу Мелеагранту; Мелеагрант взревел, схватил ее за руку и встряхнул; затем он ударил Гвенвифар кулаком в челюсть. Что-то лязгнуло, и Гвенвифар почувствовала во рту вкус крови. Мелеагрант ударил ее еще раз и еще; Гвенвифар вскинула руки, пытаясь заслониться, но удары сыпались градом.

— Сука! — проорал он. — Ты у меня узнаешь, кто твой господин...

Он схватил Гвенхвивар за запястье и вывернул ей руку.

— Ох, нет, нет... пожалуйста, не надо... Артур, Артур убьет тебя...

В ответ Мелеагрант лишь грязно выругался, швырнул Гвен-

вифар на кровать и, опустившись на колени рядом с ней, принялся стягивать с себя одежду. Гвенвифар завизжала и принялась извиваться; Мелеагрант еще раз ударил ее, и Гвенвифар застыла, скорчившись в углу кровати.

— Снимай платье! — приказал Мелеагрант.

— Нет! — крикнула Гвенвифар, пытаясь поплотнее прижать к себе свои одежды. Мелеагрант снова выкрутил ей руку и, удерживая Гвенвифар в таком положении, неспешно разорвал ей платье от ворота до талии.

— Ну так как, снимешь ты его или порвать его на тряпки?

Содрогаясь от рыданий, Гвенвифар трясущимися руками стянула платье. Она знала, что должна бороться, но побои навели на нее такой ужас, что она не смела сопротивляться. Когда она сняла платье, Мелеагрант швырнул ее на грязную солому и грубо раздвинул ей ноги. Гвенвифар попыталась вырваться, в страхе и отвращении перед его руками, его зловонным дыханием, громадным волосатым телом, огромным мясистым фаллосом, что с силой вошел в нее и продолжал вонзаться раз за разом, пока Гвенвифар не начало казаться, что сейчас ее разорвет надвое.

— Не смей отодвигаться, сука! — крикнул Мелеагрант, с силой всаживая в нее член. Гвенвифар вскрикнула от боли, и он снова ударил ее. Она застыла, вхлипывая, позволив ему делать все, что захочет. Казалось, это будет длиться вечно: огромное тело Мелеагранта поднималось и опускалось раз за разом: пока наконец Гвенвифар не ощутила пульсирующие, мучительно болезненные выбросы его семени. Затем Мелеагрант вышел из нее и откатился в сторону. Гвенвифар судорожно вздохнула и попыталась натянуть на себя одежду. Мелеагрант встал, рывком застегнул ремень и махнул ей рукой.

— Отпусти меня! — взмолилась Гвенвифар. — Я обещаю... обещаю...

На лице Мелеагранта заиграла жестокая усмешка.

— Почему это я должен тебя отпускать? — спросил он. — Нет уж: раз ты тут, ты тут и останешься. Тебе что-нибудь нужно? Может, платье взамен этого?

Гвенвифар встала, продолжая всхлипывать, изнемогая от стыда и дурноты. В конце концов она сказала:

— Я... можно мне немного воды и... и чего-нибудь поесть. И... — Она расплакалась, не выдержав унижения. — И ночной горшок.

— Как будет угодно моей госпоже, — с издевкой произнес Мелеагрант и вышел, снова заперев дверь.

Через некоторое время скрюченная старуха принесла Гвенвифар кусок жирного жареного мяса, ломоть ячменного хлеба,

кувшин пива и кувшин с водой. Кроме того, она принесла одеяла и ночной горшок.

— Если ты отнесешь послание моему лорду Артуру, — сказала Гвенвифар, — я отдам тебе вот это, — и она вынула из волос золотой гребень. При виде золота старуха просияла, но сразу же испуганно оглянулась и выскользнула из комнаты. Гвенвифар снова разрыдалась.

В конце концов она немного успокоилась, поела, попила и попыталась хотя бы немного отмыться. Она чувствовала себя больной и разбитой, но хуже всего было ощущение того, что она опозорена, осквернена.

Неужели Мелеагрант сказал правду, что Артур теперь не захочет ее возвращения? А может, он и прав... Будь она мужчиной, она никогда бы не пожелала ничего того, чем хоть раз воспользовался Мелеагрант...

Нет, это несправедливо! Она ведь ничего не сделала — ее просто заманили в ловушку и использовали против ее воли!

«А разве я этого не заслужила?... Я считала себя верной женой, а любила при этом другого...» Королеву замутило от вины и стыда. Но некоторое время спустя к ней все-таки вернулось самообладание, и Гвенвифар принялась обдумывать то неприятное положение, в котором она очутилась.

Она находится в замке Мелеагранта — старом замке ее отца. Ее изнасиловали и держат в заточении, и Мелеагрант заявил, что намерен владеть этим островным королевством по праву ее супруга. Нет, этого Артур не допустит. Что бы он ни думал о самой Гвенвифар, он все равно пойдет войной на Мелеагранта — хотя бы ради чести Верховного короля. Наверное, это будет нелегко, но возможно — отбить остров у Мелеагранта. Она не знала, каков боец из Мелеагранта, если не считать того случая, подумала королева с несвойственным ей мрачным юмором, когда его противник — беспомощная женщина. Но как бы там ни было, ему не выстоять против Артура, нанесшего сокрушительное поражение саксам при горе Бадон.

А после этого ей придется предстать перед Артуром и поведать, что с ней произошло. Нет, лучше уж покончить с собой. Невзирая на все старания, Гвен не могла представить, как же она будет рассказывать Артуру о том, что Мелеагрант сделал с нею... *«Я должна была сопротивляться упорнее... Артур в сражениях смотрит в лицо смерти; однажды он получил такую рану, что на полгода оказался прикован к постели. А я... я перестала бороться после нескольких оплеух...»* Если бы она была колдуньей, как Моргейна! Она бы превратила этого мерзавца в свинью! Но Моргейна никогда не очутилась бы в лапах у Мелеагранта — она сразу учуяла бы западню. И кроме того, она всегда носит с собой этот свой маленький кинжал — возможно, она и не убила бы

Мелеагранта, но он надолго потерял бы желание — а может, и возможность! — насиловать женщин!

Гвенвифар съела и выпила, что смогла, умылась и почистила испачканную одежду.

День начал клониться к вечеру. Надеяться было не на что; ее никто не хватится и никто не придет к ней на помощь, пока Мелеагрант не начнет похваляться своим деянием и не объявит себя супругом дочери короля Леодегранса. Она ведь приехала сюда по своей воле, в сопровождении двух соратников Артура. До тех пор, пока Артур не вернется с южного побережья, — а может, еще дней десять после этого, пока не минует назначенный срок ее возвращения, король не заподозрит, что дело неладно.

«О, Моргейна, почему я тебя не послушала? Ты ведь предупреждала, что Мелеагрант — негодяй...» На миг Гвенвифар почудилось бледное, бесстрастное лицо ее невестки — спокойное, немного насмешливое. Видение было таким отчетливым, что Гвенвифар протерла глаза. Моргейна смеется над ней? Но нет, все развеялось — видение оказалось всего лишь игрой света.

«А вдруг она сумеет увидеть меня при помощи своих чар... вдруг она пришлет кого-нибудь на помощь... нет, она не станет мне помогать, она меня ненавидит... она лишь посмеется над моими злоключениями...» Но потом Гвенвифар вспомнилось: Моргейна могла потешаться и насмешничать, но если случалась беда, никто не мог сравниться с нею в доброте. Моргейна ухаживала за ней и утешала ее, когда у нее случился выкидыш; Моргейна сама захотела помочь королеве, хоть Гвенвифар и возражала, и дала ей амулет. Может, Моргейна и вправду не питает к ней ненависти. Возможно, насмешками Моргейна лишь защищалась от гордыни Гвенвифар, от ее язвительных замечаний в адрес чародейств Авалона.

Понемногу комнату заволокли сумерки. Надо ей было вовремя догадаться и попросить какую-нибудь свечку или лампу. Похоже, что ей предстоит провести здесь вторую ночь. А Мелеагрант может вернуться... При одной лишь мысли об этом Гвенвифар похолодело от ужаса; у нее до сих пор болело все тело, губы распухли, на плечах — и, наверное, и на лице, — проступили синяки. И хотя сейчас, пока Гвенвифар была одна, она могла спокойно думать о том, как можно сражаться с Мелеагрантом и, возможно, заставить его отступить, гложущий страх подсказывал ей, что стоит лишь Мелеагранту прикоснуться к ней, как она в ужасе съежится и позволит ему делать все, что угодно, лишь бы ее не били... она боялась новых побоев, так боялась...

Разве сможет Артур простить ее? Ее ведь не избили до потери сознания — она сдалась после нескольких ударов... Как сможет он принять ее обратно и продолжать любить и чтить, как

свою королеву, если она позволила другому мужчине овладеть ею?

Он не возражал, когда она и Ланселет... он сам был частью этого... если в том и был грех, то она совершила его не сама, а по желанию мужа...

О, да, но ведь Ланселет был его родственником и ближайшим другом...

Снаружи донесся какой-то шум. Гвенвифар попыталась выглянуть в окно, но опять не увидела ничего, кроме все того же угла скотного двора и все той же мычащей коровы. Действительно, откуда-то долетал шум, крики и звон оружия, но Гвенвифар не могла ничего разглядеть, а шум, приглушенный стенами, был неразборчив. Возможно, это просто негодяи Мелеагранта затеяли драку во дворе, или даже — о, нет! Господи, спаси и сохрани! — убивают ее спутников. Королева попыталась извернуться, чтобы удобнее было смотреть через щель в ставнях, но у нее ничего не вышло.

Но тут по лестнице застучали шаги. Дверь распахнулась, и Гвенвифар, со страхом обернувшись, увидела Мелеагранта с мечом в руках.

— Убирайся в дальнюю комнату! — приказал он. — И чтоб ни звука, или тебе же хуже будет!

«Неужели кто-то все-таки пришел мне на помощь?» Судя по виду, Мелеагрант сейчас готов был на любое безумство и уж точно не стал бы объяснять Гвенвифар, что происходит. Она медленно попятилась по направлению к маленькой комнатке. Мелеагрант последовал за ней, не выпуская меча из рук; Гвенвифар задрожала и сжалась в ожидании удара... Что он сделает — убьет ее или постарается сохранить как заложницу на случай бегства?

Гвенвифар так никогда и не узнала, что же он замышлял. Внезапно голова Мелеагранта развалилась, и во все стороны брызнули кровь и мозги; Мелеагрант неестественно медленно опустился на пол — и Гвенвифар тоже осела, теряя сознание. Но прежде, чем она оказалась на полу, ее подхватил Ланселет.

— Госпожа моя, моя королева... любимая!

Он прижал Гвенвифар к себе, и королева, еще не очнувшись до конца, поняла, что он покрывает ее лицо поцелуями. Она не пыталась возразить; все это было словно во сне. Мелеагрант валялся на полу в луже крови, рядом лежал его меч. Ланселету пришлось перенести королеву через труп, прежде чем он смог поставить ее на ноги.

— Откуда... откуда ты узнал? — запинаясь, пробормотала Гвенвифар.

— Моргейна, — коротко пояснил Ланселет. — Когда я вернулся в Камелот, она сказала, что пыталась уговорить тебя не

уезжать, не дождавшись моего возвращения. Она предчувствовала, что тут какая-то ловушка. Я взял коня и поехал следом за тобой, прихватив полдюжины воинов. Твою охрану я нашел в лесу, неподалеку отсюда — их связали и заткнули рты кляпами. После того, как я их освободил, остальное уже было несложно — этот мерзавец явно думал, что ему нечего бояться.

Ланселет лишь сейчас отстранился настолько, чтобы разглядеть синяки, покрывающие лицо и тело Гвенвифар, разорванное платье, разбитые, распухшие губы. Он коснулся дрожащими пальцами ее губ.

— Теперь я жалею, что он умер так быстро, — сказал он. — Я с радостью заставил бы его страдать, как страдала ты, — любовь моя, бедная моя, что же он с тобой сделал...

— Ты не знаешь, — прошептала Гвенвифар, — ты не знаешь...

И, снова разрыдавшись, она прижалась к Ланселету.

— Ты пришел, ты пришел, я думала, что никто за мной не придет, что я больше никому не нужна, что никто не захочет даже прикоснуться ко мне, раз меня так опозорили...

Ланселет обнял ее и принялся целовать с неистовой нежностью

— Опозорена? Ты? Нет, это он опозорен, он, и он за это заплатил... — бормотал он между поцелуями. — Я думал, что потерял тебя навеки, что этот негодяй убил тебя, но Моргейна сказала, что нет, что ты жива...

Даже сейчас в Гвенвифар на миг вспыхнули страх и негодование: неужели Моргейне известно, как ее унизили? О Боже, только бы Моргейна этого не знала! Она не выдержит, если Моргейна будет знать обо всем!

— А что сэр Экторий? Сэр Лукан...

— С Луканом все в порядке; Экторий уже немолод и перенес тяжелое потрясение, но нет причин бояться, что он умрет, — сказал Ланселет. — Тебе нужно спуститься вниз, любимая, и показаться им, чтоб они знали, что их королева жива.

Гвенвифар взглянула на свое порванное платье и нерешительно коснулась покрытого синяками лица.

— Может быть, я немного задержусь и приведу себя в порядок? Я не хочу, чтобы они видели... — Гвенвифар не договорила — что-то сдавило ей горло.

Ланселет мгновение поколебался, затем кивнул.

— Да, верно. Пусть они думают, что он не посмел оскорбить тебя. Так будет лучше. Я пришел один, потому что знал, что смогу справиться с Мелеагрантом; остальные сейчас внизу. Давай я обыщу другие комнаты — подобный негодяй наверняка держал при себе какую-нибудь женщину.

Ланселет ненадолго вышел, и Гвенвифар почувствовала, что

ей почти не под силу даже на миг упустить его из виду. Она осторожно отодвинулась подальше от валяющегося на полу трупа Мелеагранта, глядя на него, словно на тушу волка, убитого пастухом, и даже вид крови не внушал ей отвращения.

Мгновение спустя Ланселет вернулся.

— Тут рядом есть чистая комната, а в сундуках там сложено кое-что из женской одежды. Кажется, это комната старого короля. Там есть даже зеркало.

Он провел Гвенвифар по коридору. Эта комната была чисто подметена, и тюфяк на кровати был набит свежей соломой и застелен простынями, одеялами и шкурами — не особенно чистыми, но все-таки не отталкивающими. У стены стоял резной сундук — Гвенвифар узнала его. В сундуке она нашла три платья; одно из них она видела на Альенор, а остальные два были сшиты на женщину повыше. Взгляд Гвенвифар затуманился слезами. Разглаживая платья, она подумала: *«Должно быть, это платья моей матери. Почему отец так и не отдал их Альенор?* — Но затем ей подумалось: — *Я никогда не знала своего отца. Я совершенно не представляю, что он был за человек; я знаю лишь, что он был моим отцом»*. Эта мысль так опечалила Гвенвифар, что она едва не расплакалась снова.

— Я надену вот это, — сказала королева и слабо рассмеялась. — Если управлюсь без служанки...

Ланселет нежно коснулся ее лица.

— Я сам одену тебя, моя леди.

Он начал помогать Гвенвифар снимать порванное платье. Но затем лицо его исказилось, и он подхватил полураздетую Гвенвифар на руки.

— Когда я думаю, что этот... это животное касалось тебя... — произнес он, спрятав лицо на груди Гвенвифар, — а я, любя тебя, не смел даже притронуться...

Несмотря на все свое благочестие, Гвенвифар могла сейчас думать лишь об одном: она так старалась быть добродетельной, так старалась держать себя в руках, а Бог в ответ отдал ее в руки Мелеагранта, на позор и муки! А Ланселет, что предлагал ей любовь и нежность, но ушел с ее пути, чтоб не предать своего родича, — Ланселет оказался тому свидетелем! Гвенвифар повернулась и обняла его.

— Ланселет, — прошептала она, — любимый мой, желанный... прогони память о том, что он со мною сделал... давай задержимся здесь еще ненадолго...

На глаза Ланселета навернулись слезы; он бережно положил Гвенвифар на кровать, лаская ее дрожащими руками.

«Бог не вознаградил меня за добродетель. Так почему же я думаю, что он станет меня карать? — Но последовавшая за этим мысль напугала Гвенвифар. — *А может, никакого Бога нет — во-*

обще никаких богов нет. Возможно, все это выдумали священники, чтоб говорить людям, что нам делать, и чего не делать, и во что верить, и чтобы отдавать распоряжения самому королю». Она приподнялась и притянула Ланселета к себе; ее распухшие губы коснулись его губ, ее руки заскользили по телу любимого, на этот раз — без страха и стыда. Гвенвифар не испытывала более сомнений. Артур? Артур не защитил ее от изнасилования. Она перенесла выпавшие ей страдания — теперь же она возьмет свое. Артур сам подтолкнул ее к тому, чтоб возлечь с Ланселетом, и теперь она будет делать что пожелает.

Два часа спустя они рука об руку покинули замок Мелеагранта. Они ехали рядом, время от времени касаясь друг друга, и Гвенвифар ни о чем более не беспокоилась; она, не таясь, смотрела на Ланселета, и глаза ее сияли радостью. Она обрела свою истинную любовь, и впредь даже не подумает ни от кого ее скрывать.

Глава 5

«Жрицы медленно идут по поросшему тростником берегу Авалона и несут факелы... Мне следовало бы находиться среди них, но я почему-то не могу... Вивиана рассердится, что я не иду вместе с ними, но я словно стою на дальнем берегу и не могу произнести слово, которое перенесло бы меня к ним...»

Врана идет медленно, и лицо ее покрыто морщинами — я никогда не видела ее такой, — а на виске появилась седая прядь... Волосы ее распущены; неужели она все еще дева, хранящая себя для бога? Ветер колышет пламя факелов и треплет белое одеяние Враны. Но где же Вивиана, где Владычица? Священная ладья стоит у берега вечной земли, но она не придет больше, чтоб занять место Богини... Но кто это в вуали и венце Владычицы?

Я никогда прежде не видела этой женщины, кроме как во сне...

Густые волосы цвета спелой пшеницы заплетены в косы и уложены короной вокруг головы; но на поясе у нее, там, где надлежит висеть серповидному ножу жрицы, висит... о, Богиня! Что за святотатство! На светлом платье виднеется серебряное распятие; я пытаюсь вырваться из незримых пут, броситься к женщине и сорвать богохульную вещь, но между нами становится Кевин и хватает меня за руки... руки его скрючены, словно какие-то уродливые змеи... а затем он выворачивается у меня из рук, а змеи вцепляются в меня...

— Моргейна! Что случилось? — Элейна тряхнула свою соседку по кровати за плечо. — Что с тобой? Ты кричишь во сне...

— Кевин, — пробормотала Моргейна и села. Распущенные волосы цвета воронова крыла окутали ее темной волной. — Нет-нет, это не ты, но у нее волосы, как у тебя, и распятие...

— Это сон, Моргейна! — встряхнула ее Элейна. — Проснись!

Моргейна моргнула, вздрогнула, потом глубоко вздохнула и взглянула на Элейну уже с обычной своей невозмутимостью.

— Извини. Просто скверный сон приснился.

«Что же за сны преследуют сестру короля?» — подумалось Элейне. Конечно, они должны быть скверными: ведь Моргейна пришла со зловещего острова колдунов и чародеек... Но почему-то сама Моргейна никогда не казалась Элейне злой. Но как она может быть такой доброй, если она отвергла Христа и почитает демонов?

Элейна отодвинулась от Моргейны и сказала:

— Пора вставать, кузина. Сегодня возвращается король — по крайней мере, так сказал прибывший ночью гонец.

Моргейна кивнула и с трудом поднялась с кровати. Элейна скромно отвела взгляд. Моргейна словно бы совсем не ведала стыда; неужто она никогда не слыхала, что все грехи пришли в этот мир через тело женщины?

Моргейна же бесстыдно стояла обнаженной и рылась в сундуке, разыскивая праздничное платье. Элейна отвернулась и принялась одеваться.

— Поспеши, Моргейна. Нам нужно идти к королеве...

Моргейна улыбнулась.

— Не стоит спешить, родственница. Надо дать Ланселету время уйти. Если ты невольно поднимешь скандал, Гвенвифар тебя не поблагодарит.

— Моргейна, как ты можешь так говорить?! После того случая неудивительно, что Гвенвифар боится оставаться одна и желает, чтобы ее поборник спал у ее двери... Ведь вправду, какое счастье, что Ланселет подоспел вовремя и спас ее от наихудшего...

— Ну не будь же ты такой дурочкой, Элейна, — терпеливо и устало сказала Моргейна. — Ты что, действительно в это веришь?

— Ну конечно, тебе лучше знать — ты ведь владеешь магией! — вспыхнула Элейна. Громкий возглас привлек внимание прочих женщин, ночующих в этой же комнате, и все повернулись в их сторону — послушать, о чем же так бурно спорят кузина королевы и сестра короля.

Понизив голос, Моргейна произнесла:

— Поверь мне — я вовсе не желаю скандала. Он мне нужен не больше, чем тебе. Гвенвифар — моя невестка, а Ланселет —

мой родич. Видит бог, Артуру не следует упрекать Гвенвифар за происшествие с Мелеагрантом — он жалкий негодяй, и на Гвенвифар нет вины; и, несомненно, следует утверждать, что Ланселет подоспел вовремя и успел спасти ее. Но я уверена, что Артуру Гвенвифар скажет правду — по крайней мере, по секрету, — о том, как Мелеагрант с ней обошелся. Помолчи, Элейна. Я видела, как она выглядела, когда Ланселет привез ее с острова, и слышала, как она выплескивала свои страхи; она боялась, что забеременела от этого изверга.

Лицо Элейны сделалось белым как мел.

— Но ведь он же ее брат, — прошептала она. — Есть ли на свете человек, способный на такой грех?

— Ох, Элейна, до чего же ты наивная! — не выдержала Моргейна. — Ты что, вправду уверена, что это — наихудшее?

— Но ты говоришь... будто Ланселет делит с ней постель, пока король в отъезде...

— Я этому не удивляюсь и не думаю, что это случилось впервые, — сказала Моргейна. — Опомнись, Элейна, — ты что, ее осуждаешь? После того, что с ней сделал Мелеагрант, я бы не удивилась, если бы Гвенвифар никогда больше не подпустила к себе ни одного мужчину. Если Ланселет сумеет исцелить ее от этого потрясения, я только порадуюсь. И, возможно, теперь Артур отошлет ее — и у него еще появится сын.

— Возможно, Гвенвифар уйдет в монастырь, — сказала Элейна, не отрывая взгляда от Моргейны. — Она как-то сказала, что ей нигде не было лучше, чем в монастыре в Гластонбери. Но примут ли ее туда, раз она сделалась любовницей конюшего своего мужа? Ох, Моргейна, стыд-то какой!

— Тебе-то чего стыдиться? — спросила Моргейна. — Что тебе за дело до нее?

— У Гвенвифар есть муж, — отозвалась Элейна, удивляясь собственной вспышке. — Она — жена Верховного короля, и ее муж — благороднейший из всех королей, что только правили этой землей! Ей нет нужды искать любви другого! Что же до Ланселета — разве он мог бросить взгляд на другую даму, если королева открыла ему объятия?

— Ну что ж, — сказала Моргейна, — возможно, теперь они с Ланселетом уедут. У Ланселета есть владения в Малой Британии. Они с королевой давно уже любят друг друга, но я думаю, что до этого злосчастного случая они вели себя как подобает добрым христианам.

Моргейна знала, что лжет, но не терзалась этим; мучительное признание Ланселета навеки будет погребено в ее душе.

— Но тогда Артур сделается посмешищем для всех христианских королей этих островов! — резко произнесла Элейна. —

Если его королева сбежит с его другом и конюшим, Артура начнут обзывать рогоносцем или как-нибудь похуже.

— Не думаю, что Артура будет волновать, что они скажут, — начала было Моргейна, но Элейна покачала головой.

— Не будет — а должно бы. Подвластные короли должны уважать Артура — настолько, чтобы встать под его знамя, если понадобится. А как же они смогут уважать его, если он позволит своей жене открыто жить в грехе с Ланселетом? Да, я понимаю, что ты хотела сказать, когда говорила о последних днях. Но можем ли мы быть уверены, что это прекратится? Мой отец — вассал и друг Артура, но даже он будет насмехаться над королем, не способным управиться с собственной женой, и будет спрашивать, как же такой король может управиться с королевством.

Моргейна лишь пожала плечами.

— Но что же мы можем сделать? Не убивать же нам преступную пару.

— Что ты! — содрогнулась Элейна. — Нет, конечно. Но Ланселет должен покинуть двор. Ты ведь его родственница — разве ты не можешь объяснить ему, почему так надо?

— Увы! — вздохнула Моргейна. — Боюсь, в этих делах мой родич меня не послушает.

У нее было такое чувство, словно какая-то тварь вцепилась в ее внутренности холодными зубами.

— Если бы Ланселет женился... — сказала Элейна и вдруг, собравшись с духом, выпалила: — Если бы он женился на мне! Моргейна, ты ведь сведуща в чарах и заклинаниях! Не можешь ли ты дать мне амулет, который заставит Ланселета отвратить взор от Гвенвифар и обратить внимания на меня? Я ведь тоже королевская дочь и не уступаю Гвенвифар красотой — и я хотя бы не замужем!

Моргейна горько рассмеялась.

— Мои заклинания бесполезны, Элейна, если не сказать хуже! Спроси как-нибудь у Гвенвифар, как на нее подействовало мое заклинание! Но, Элейна, — сказала она, внезапно посерьезнев, — действительно ли ты хочешь вступить на этот путь?

— Мне думается, что если бы он женился на мне, — сказала Элейна, — то понял бы, что я достойна любви не меньше, чем Гвенвифар.

Моргейна взяла молодую женщину за подбородок и повернула ее лицом к себе.

— Послушай, дитя мое, — начала она, и Элейне показалось, что темные глаза колдуньи проникают в самую глубину ее души. — Элейна, это будет непросто. Ты говоришь, что любишь его, но любовь, о которой говорят девушки, — это всего лишь прихоть или мечта. Ты и вправду знаешь, что он за человек? Выдержит ли твоя мечта долгие годы жизни в браке? Если ты хо-

чешь просто возлечь с ним, это я устрою с легкостью. Но когда действие чар развеется, он может возненавидеть тебя за обман. И что тогда?

— Все-таки... — запинаясь, пробормотала Элейна, — все-таки я бы рискнула. Моргейна, мой отец предлагал мне в мужья других мужчин, но он обещал, что никогда не станет отдавать меня замуж против моей воли. Клянусь тебе, если я не стану женой Ланселета, то лучше уж скроюсь навеки за монастырскими стенами...

Девушку била дрожь, но она не плакала.

— Но что тебе до моей просьбы, Моргейна? Ты ведь, как любая из нас, как сама Гвенвифар, охотно заполучила бы Ланселета хоть в мужья, хоть в любовники, а сестра короля может выбирать...

На миг Элейне показалось, что зрение обманывает ее — холодные глаза чародейки словно бы наполнились слезами.

— О, нет, дитя, Ланселет на мне не женится, даже если ему это предложит сам Артур. Поверь мне, Элейна, ты не будешь счастлива с Ланселетом.

— Не думаю, что женщины бывают так уж счастливы в браке, — отозвалась Элейна. — Так считают лишь юные девицы, а я не настолько уж юна. Но женщине все равно нужно за кого-нибудь выйти замуж, и я бы предпочла выйти за Ланселета.

И внезапно она взорвалась:

— Все равно это тебе не под силу! Зачем ты надо мной насмехаешься? Все равно ведь все твои чары и талисманы — вздор!

Она ждала, что Моргейна вскипит и примется отстаивать свое искусство, но Моргейна лишь вздохнула и покачала головой.

— Я не доверяю любовным талисманам и заклинаниям — это я тебе сказала сразу. Они могут лишь сосредоточить волю человека несведущего. Искусство Авалона иное, и его нельзя просто вот так вот взять и пустить в ход потому, что какая-то девушка предпочла бы возлечь с этим мужчиной, а не с тем.

— Но ведь с искусством мудрых то же самое, — презрительно выпалила Элейна. — Я могла бы поступить так или иначе, но не буду, потому что не вправе вмешиваться в божий промысел, или в волю звезд, или что там еще...

Моргейна тяжело вздохнула.

— Родственница, я могу дать тебе в мужья Ланселета, если ты действительно этого хочешь. Не думаю, что это принесет тебе счастье, но ты достаточно мудра, ты сказала, что не ждешь счастья в браке... Поверь мне, Элейна, я всей душой желаю, чтобы Ланселет женился и уехал подальше от этого двора и от королевы. Артур — мой брат, и я сделаю все, чтобы на него не пала тень бесчестия, — а это неминуемо произойдет, раньше или позже,

если Ланселет останется. Но помни, что ты сама попросила меня об этом. И не хнычь, когда тебе придется несладко.

— Клянусь, что выдержу все, что угодно, если только Ланселет станет моим мужем, — сказала Элейна. — Но зачем ты это делаешь, Моргейна? Просто затем, чтобы насолить Гвенвифар?

— Можешь думать так, если хочешь, или можешь поверить, что я слишком люблю Артура, чтобы позволить скандалу уничтожить все, чего он добился, — твердо произнесла Моргейна. — Но запомни, Элейна: чары зачастую действуют совсем не так, как ты ожидаешь.

Если в ход событий вмешиваются боги, что могут поделать смертные, пусть даже при помощи чар или заклинаний? Да, Вивиана возвела Артура на трон... И все же это Богиня вершила свою волю, а не Вивиана, и она же не дала Артуру сыновей от его королевы. А когда она, Моргейна, попыталась завершить то, что оставила неоконченным Богиня, отголосок заклинания вверг Гвенвифар и Ланселета в пучину этой позорной любви.

Ну что ж, по крайней мере это она может исправить, если устроит так, чтобы Ланселет вступил в законный брак. Но и Гвенвифар находится в ловушке и, возможно, обрадуется, если кто-то найдет выход из этого тупика.

Губы Моргейны дрогнули в гримасе, слегка напоминающей улыбку.

— Но берегись, Элейна. Мудрые говорят: «Будь осторожен со своими желаниями, ибо они могут сбыться». Я могу дать тебе в мужья Ланселета, но попрошу ответный дар.

— Но что у меня есть такого, что было бы ценным для тебя, Моргейна? Украшений ты не носишь...

— Я не нуждаюсь ни в украшениях, ни в золоте, — сказала Моргейна. — Мне нужно иное. У тебя будут дети от Ланселета — ведь я вижу его сына... — и она умолкла, ощутив покалывание, какое всегда бывало при проявлении Зрения. Голубые глаза Элейны изумленно расширились. Моргейна почти что слышала мысли девушки: *«Так значит, это правда — я выйду замуж за Ланселета и рожу ему детей...»*

«Да, это правда, хоть я этого и не знала, пока не произнесла вслух... Раз я могу использовать Зрение, значит, я не вмешиваюсь в дела, кои следует оставить на усмотрение Богини, и потому-то этот способ и открылся мне».

— Я не стану ничего говорить о твоем сыне, — ровным тоном произнесла Моргейна. — Он должен будет следовать собственной судьбе.

Она встряхнула головой, пытаясь разогнать непонятную тьму видения.

— Я прошу лишь, чтобы ты отдала мне свою старшую дочь для обучения на Авалоне.

Глаза Элейны испуганно расширились.

— Для обучения колдовству?

— Ланселет и сам — сын верховной жрицы Авалона, — сказала Моргейна. — Мне не суждено родить дочь для Богини. Если моими стараниями ты подаришь Ланселету такого сына, о котором любой мужчина может лишь мечтать, то взамен ты отдашь мне на воспитание свою дочь. Поклянись в этом — поклянись своим богом.

В комнате сделалось тихо до звона в ушах. Наконец Элейна заговорила:

— Если все так и произойдет и если я рожу сына от Ланселета, то отдам свою дочь Авалону — клянусь. Клянусь именем Христовым, — сказала она и осенила себя крестным знамением.

Моргейна кивнула.

— Тогда и я клянусь, что она будет мне как дочь, которую мне не суждено родить для Богини, и что она отомстит за великое зло...

— Великое зло? — удивленно моргнула Элейна. — Моргейна, о чем ты?

Моргейна вздрогнула и пошатнулась; царившая в комнате звенящая тишина развеялась. Моргейна снова слышала шум дождя за окном и ощущала прохладу покоев. Нахмурившись, она произнесла:

— Не знаю. Я начала заговариваться. Элейна, это нужно делать не здесь. Попроси дозволения отправиться повидаться с отцом, и позаботься, чтобы меня пригласил составить тебе компанию. А я позабочусь о том, чтобы Ланселет был там.

Она глубоко вздохнула и поправила платье.

— Кстати, о Ланселете. Пожалуй, мы достаточно подождали, чтобы он успел покинуть покои королевы. Пойдем, Гвенвифар будет ждать нас.

И действительно, когда Элейна и Моргейна явились к королеве, в ее опочивальне не было никаких следов присутсвия Ланселета, равно как любого другого мужчины. Но когда Элейна на миг оказалась вне пределов слышимости, Гвенвифар взглянула в глаза Моргейне, и та подумала, что никогда прежде не встречала такой безграничной горечи.

— Ты презираешь меня, Моргейна?

«Ну наконец-то она вслух спросила о том, что мучило ее все эти дни, — подумала Моргейна и едва удержалась, чтоб не швырнуть в ответ: — *А если да, то не потому ли, что сперва ты презирала меня?»*

Вместо этого она сказала, стараясь, чтоб слова ее звучали как можно мягче:

— Я не исповедник тебе, Гвенвифар. И это ты, а не я, веруешь в бога, способного проклясть тебя за то, что ты делишь ложе

с мужчиной, который не муж тебе. Моя Богиня более снисходительна к женщинам.

— А должен был бы стать мужем! — вспыхнула Гвенвифар, но тут же осеклась. — Конечно, Артур — брат тебе, и на твой взгляд, он непогрешим...

— Я этого не говорила. — Лицо королевы сделалось столь жалким, что Моргейна не выдержала. — Гвенвифар, сестра моя, тебя никто не обвиняет...

Но королева отвернулась от нее и произнесла сквозь стиснутые зубы:

— Нет. И в жалости твоей я не нуждаюсь, Моргейна.

«Нуждаешься или не нуждаешься, но мне тебя жаль», — подумала Моргейна, но не стала облекать свою мысль в слова. Она не настолько жестока, чтобы бередить старые раны и заставлять их кровоточить.

— Готова ли ты приступить к трапезе, Гвенвифар? Что ты желаешь на завтрак?

«С тех пор, как закончилась война, дела все больше поворачиваются так, будто она благороднее меня, и я — ее служанка», — бесстрастно подумала Моргейна. Это было игрой, и все они играли в эту игру, но у Моргейны она не вызывала негодования. Но многие благородные дамы королевства вполне могли вознегодовать; Моргейне же более всего не нравилось, что Артур принимает это как должное и что теперь, когда войны завершились, Артур решил, что соратники должны войти в его свиту, вместо того чтоб занять свои законные места и снова стать королями и лордами. На Авалоне Моргейна охотно прислуживала Вивиане — ведь эта умудренная годами женщина была живым воплощением Богини, а мудрость и магическая сила возносили ее над всеми прочими людьми. Но она знала, что и сама может овладеть этими силами, если будет достаточно усердна; и возможно, настанет день, когда и к ней будут относиться с таким же почтением.

Но военному вождю страны — равно как и его супруге — такая власть не подобала, и Моргейну бесило, что Артур поддерживает при своем дворе подобные порядки, присвоив власть, какая могла принадлежать лишь величайшим из друидов и жриц. *«Артур по-прежнему носит меч Авалона. Но раз он не сдержал клятву, данную Авалону, следует отнять у него меч»*.

Внезапно Моргейне почудилось, будто комната вокруг нее застыла и словно бы расширилась. Моргейна по-прежнему смотрела на Гвенвифар, приоткрывшую рот в попытке что-то сказать, — но в то же время она смотрела сквозь королеву, словно оказалась вдруг в волшебной стране. Все вокруг виделось далеким, маленьким и расплывчатым, и разум Моргейны объяла глубокая тишина. И в этой тишине она увидела незнакомую ком-

натку и Артура, который спал, сжимая в руке обнаженный Эскалибур. И она склонилась над Артуром — забрать меч она не могла, но зато перерезала серповидным ножом Вивианы шнур, на котором висели ножны. Ножны были старыми: бархат истерся, а драгоценная золотая вышивка потускнела. Моргейна взяла ножны и оказалась на берегу огромного озера, и вокруг не было ничего, кроме шороха тростника...

— Я же сказала — нет, вина я не хочу, мне надоело вино к завтраку, — заявила Гвенвифар. — Может, Элейна найдет на кухне свежего молока? Моргейна! Ты что, собралась падать в обморок?

Моргейна моргнула и перевела взгляд на Гвенвифар. Она постепенно приходила в себя, пытаясь вернуть ясность зрения. Ничего этого не было, она не металась, как сумасшедшая, по берегу озера, сжимая в руке ножны... и все же это место походило на волшебную страну — будто она смотрела на него сквозь воду, подернутую рябью, и все казалось сном, который она однажды уже видела, и нужно было лишь вспомнить его... и все то время, пока Моргейна заверяла королеву и Элейну, что с ней все в порядке, и обещала сама сходить за молоком, если на кухне его не окажется, разум ее блуждал в лабиринтах этого сна... вспомнить бы только, что же ей приснилось, и тогда все будет хорошо...

Но стоило Моргейне выйти на свежий воздух — невзирая на лето, утро было прохладным, — как ей перестало казаться, будто этот мир готов в любой миг слиться с миром фэйри. Голова раскалывалась от боли, и весь день она находилась под впечатлением своего сна наяву. Если бы только вспомнить... она бросила Эскалибур в озеро, верно, чтобы королева фэйри не смогла им завладеть... Нет, не то, не то... И разум Моргейны снова и снова блуждал по хитросплетениям неотвязного сна.

Но после полудня, когда солнце уже начало клониться к закату, Моргейна услышала пение труб, возвещающих о прибытии Артура, — и весь Камелот засуетился. Моргейна вместе с другими женщинами бросилась на земляной вал, окружающий холм, чтоб посмотреть оттуда, как королевский отряд под реющими знаменами скачет к замку. Рядом с Моргейной стояла Гвенвифар; королеву била дрожь. Гвенвифар превосходила Моргейну ростом, но в это мгновение она показалась Моргейне ребенком — долговязой девчонкой с тонкими белокожими руками и узкими, хрупкими плечами, которая боится наказания за мнимое прегрешение. Она коснулась рукава Моргейны дрожащей рукой.

— Сестра... следует ли моему господину знать об этом? Все уже свершилось, и Мелеагрант мертв. У Артура нет причин начинать войну. Может, лучше, если он будет думать, что лорд мой Ланселет подоспел вовремя, чтобы... чтобы предотвратить... —

голос ее сделался тонким, как у ребенка, и Гвенвифар так и не смогла договорить.

— Сестра, тебе решать, говорить ему об этом или нет, — ответила Моргейна.

— Но... вдруг он потом услышит...

Моргейна вздохнула. Почему бы Гвенвифар хоть раз не высказать прямо, что она имеет в виду?

— Если Артуру предстоит услышать нечто такое, что причинит ему боль, он услышит это не от меня; а более никто здесь не имеет права говорить об этом. Но он не может винить тебя за то, что тебя заманили в ловушку и побоями принудили подчиниться.

Но сразу вслед за этим Моргейна поняла, что заставляет Гвенвифар дрожать — поняла так же отчетливо, как если бы собственными ушами услышала голос священника, обращающегося к трепещущей Гвенвифар — к нынешней или к Гвенвифар-девочке? — и вещающего, что женщину могут изнасиловать лишь в том случае, если она сама введет мужчину в искушение, как Ева ввела в грех праотца нашего Адама; что святые великомученицы в Риме предпочитали скорее умереть, чем расстаться с невинностью... Как бы она ни старалась найти забвение в объятиях Ланселета, в глубине души королева верила, что виновна в произошедшем и достойна смерти за то, что была изнасилована, но осталась жить. А раз она не умерла сама, Артур имеет право убить ее... И никакие увещевания не в силах будут заглушить этот голос, звучащий в душе Гвенвифар.

«Она чувствует себя настолько виноватой из-за истории с Мелеагрантом, что уже даже не стыдится своей связи с Ланселетом...»

Гвенвифар дрожала, несмотря на пригревающее солнце.

— Скорей бы он подъехал, чтобы мы могли уйти в дом. Смотри, ястребы кружат. Я боюсь ястребов — мне все время кажется, что они могут на меня наброситься...

— Боюсь, сестра, ты для них крупновата и жестковата, — любезно заметила Моргейна.

Слуги поспешно отворили перед королевским отрядом главные ворота. Сэр Экторий до сих пор сильно хромал после ночи, проведенной в холодном подвале, но это не помешало ему выйти вперед вместе с Кэем. Кэй, исполнявший все это время роль хранителя замка, склонился перед Артуром.

— Добро пожаловать домой, мой лорд и король.

Артур спрыгнул с коня и обнял Кэя.

— Что за церемонное приветствие, Кэй, негодник ты этакий? Все ли у нас в порядке?

— Сейчас все в порядке, — произнес Экторий, особенно подчеркнув слово «сейчас», — но у тебя снова есть повод поблагодарить твоего конюшего.

— Это правда, — сказала Гвенвифар, выступая вперед. Ланселет осторожно поддержал ее под руку. — Мой лорд и король, Ланселет спас меня из западни, устроенной изменником, спас от участи, какой не должна подвергаться ни одна христианка.

Артур взял королеву и Ланселета за руки.

— Я, как всегда, благодарен тебе, дорогой мой друг, равно как и моя супруга. Пойдем. Нам следует поговорить об этом наедине.

И, так и не выпуская рук Гвенвифар и Ланселета, он направился вверх, ко входу в замок.

— Интересно, что за басню поспешать состряпать для короля эта непорочная королева и прекраснейший из ее рыцарей? — негромко, но весьма отчетливо произнес кто-то из придворных. Моргейна расслышала эти слова, но так и не смогла понять, откуда же они донеслись.

«Возможно, мир — не такое уж безоговорочное благо, — подумала Моргейна. — *Теперь, когда они лишились своих обычных занятий, им больше нечего делать, кроме как сплетничать и злословить».*

Но если Ланселет покинет двор, злословие утихнет. И Моргейна решила, не мешкая, приложить все усилия, дабы довести дело до конца.

В тот вечер за ужином Артур попросил Моргейну принести арфу и спеть.

— Я целую вечность не слышал, как ты поешь, сестра, — сказал Артур, привлек Моргейну к себе и поцеловал — впервые за очень долгое время.

— Я с радостью спою, — отозвалась Моргейна. — Но когда же Кевин вернется ко двору?

Моргейна с горечью думала об их ссоре; никогда, никогда она не простит Кевину измены Авалону! И все же она, сама того не желая, скучала о Кевине и с сожалением думала о тех временах, когда они были любовниками.

«Просто я устала ложиться спать в одиночестве, только и всего...»

Мысли Моргейны свернули к Артуру и к ее сыну, что находился сейчас на Авалоне... Если Гвенвифар придется удалиться от двора, Артур наверняка женится снова; но пока что не похоже, чтобы к тому шло. И хотя у Гвенвифар никогда не будет детей, возможно ли такое, чтобы их сына, ее и Артура, признали наследником отца? Он унаследовал королевскую кровь по обеим линиям, кровь Пендрагона и кровь Авалона... Игрейна мертва, и огласка не причинит ей боли.

Она уселась на резной раззолоченный табурет, стоявший

рядом с троном, и поставила арфу на пол; Артур и Гвенвифар придвинулись поближе и уселись рука об руку. Ланселет растянулся на полу рядом с Моргейной, глядя на арфу. Но время от времени Моргейна ловила его взгляд, устремленный на Гвенвифар, — и читала в глазах Ланселета безудержное желание. Как он может на глазах у всех обнажать свое сердце? Но затем Моргейна поняла, что заглянуть в глубину его сердца может лишь она — для прочих Ланселет был всего лишь придворным, с почтением взирающим на свою королеву и обменивающимся с ней шутками — на правах близкого друга ее супруга.

Когда Моргейна коснулась струн арфы, мир внезапно снова сделался маленьким и далеким, но в то же время огромным и странным; все вокруг утратило форму и очертания. Арфа казалась не больше детской игрушки, но одновременно с этим была чудовищно тяжелой и грозила раздавить Моргейну. Моргейна сидела на каком-то высоком троне и сквозь блуждающие тени вглядывалась в незнакомого молодого мужчину с узким венцом на темных волосах; и при взгляде на него все ее тело пронзило острейшее желание. Их взоры встретились, и словно чья-то рука коснулась самого тайного уголка ее тела, пробуждая жажду обладания... Пальцы Моргейны соскользнули со струн. Ей что-то виделось... Лицо дрогнуло. Мужчина улыбнулся ей. Нет, это не Ланселет, это кто-то другой... Нет, все заволокло тенями...

Сквозь видение пробился звонкий голос Гвенвифар.

— Взгляните! Леди Моргейна! Моей сестре плохо!..

Моргейна почувствовала, как Ланселет подхватил ее и заглянул в глаза — и снова, как в видении, тело ее обмякло, затопленное волной желания... нет, это было всего лишь видением. Этого не было. Моргейна растерянно провела рукой по лицу.

— Это дым, дым от камина...

— Вот, глотни-ка.

Ланселет поднес к ее губам кубок. Что же это за безумие? Он едва прикоснулся к ней, и она уже не владеет собой; она думала, что давно забыла его, что все похоронено под тяжестью лет... но стоило Ланселету лишь дотронуться до нее, осторожно и бесстрастно, и вот она снова отчаянно желает его. Так значит, видение было о нем?

«Он не хочет меня. Он не хочет ни единой женщины, кроме королевы», — подумала Моргейна, глядя мимо Ланселета на камин. Поскольку было лето, огонь не разводили, и в камине, чтобы он не выглядел слишком мрачным и уродливым, лежал зеленый лавровый венок. Моргейна глотнула вина.

— Извините... мне весь день было как-то нехорошо, — сказала она, припомнив утро. — Пусть арфу возьмет кто-нибудь другой, я не могу...

— Если позволите, благородные лорды, — сказал Ланселет, — я спою!

Взяв арфу, он произнес:

— Это авалонская повесть; я слыхал ее в детстве. Думаю, ее сочинил сам Талиесин — хотя, возможно, он просто переделал более древнюю песню.

И он запел старинную балладу о королеве Арианрод, которая вошла в реку и вышла из нее с ребенком. Она прокляла своего сына и сказала, что у него никогда не будет имени, если только она сама не наречет его, и он хитростью вынудил мать дать ему имя. Она снова прокляла его и сказала, что никогда ему не найти жену — ни среди смертных, ни среди волшебного народа, и тогда он создал себе женщину из цветов...

Моргейна, все еще объятая видением, слушала, и ей казалось, что смуглое лицо Ланселета исполнено невыносимого страдания; а когда он запел о цветочной женщине Бладведд, взгляд его на миг прикипел к королеве. Но затем Ланселет повернулся к Элейне и любезно запел о волосах цветочной женщины, что были сделаны из прекрасных золотистых лилий, и о щеках из лепестков яблони, и об ее наряде, в котором смешались цветы летних лугов — синие, и темно-красные, и желтые...

Моргейна тихо слушала, подперев ноющую голову рукой. Потом Гавейн откуда-то добыл свирель — на таких играли в его краях, на севере, — и заиграл неистовую жалобную песню; печаль звучала в ней, и крики птиц над морем. Ланселет сел рядом с Моргейной и мягко коснулся ее руки.

— Тебе уже лучше, родственница?

— О, да — такое уже случалось прежде, — отозвалась Моргейна. — Я словно проваливаюсь в видение и вижу все вокруг через завесу теней.

— Мать говорила о чем-то подобном, — сказал Ланселет, и по короткой этой фразе Моргейна поняла, как измучили его скорбь и усталость; никогда прежде он не говорил с Моргейной — да и вообще ни с кем, насколько она знала, — ни о своей матери, ни о годах, проведенных на Авалоне. — Кажется, она считала, что это как-то связано со Зрением. Однажды она сказала, что это похоже на то, будто тебя затянуло в волшебную страну, и теперь ты смотришь оттуда, будто ее пленник; но я не знаю, действительно ли ей случалось побывать в волшебной стране, или это просто такое выражение...

«Но я бывала там, — подумала Моргейна, — и это что-то совсем другое... скорее, так чувствуешь себя, когда пытаешься вспомнить ускользающий сон...»

— Я сам сталкивался с чем-то в этом роде, — сказал Ланселет. — Случается иногда, что все вокруг словно расплывается и становится далеким и каким-то ненастоящим... и я не могу про-

сто прикоснуться к окружающим вещам — сперва нужно преодолеть большое расстояние... возможно, это дает о себе знать та частичка крови волшебного народа, что течет в наших жилах...

Он вздохнул и потер глаза.

— Помнишь, я дразнил тебя этим, когда ты была еще маленькой? Я звал тебя Моргейной Волшебницей, а ты злилась...

Моргейна кивнула.

— Помню, родич, — сказала она. Даже сейчас, когда лицо Ланселета было исполнено усталости, когда на нем появились первые морщины, а кудри тронуло сединой, он все равно оставался для нее прекраснее и дороже всех прочих мужчин. Моргейна в сердцах отвела взгляд; так было и так должно быть — он любит ее как родственницу, и никак иначе.

И снова ей показалось, будто мир затянуло завесой теней; что бы она ни делала, это ничего не изменит. Окружающий мир был не более реален, чем королевство фэйри. Даже музыка доносилась словно бы откуда-то издалека — это Гавейн взялся за арфу и запел балладу, которую слышал от саксов, о чудовище, обитавшем в озере, и о герое, который спустился на дно озера и оторвал чудовищу лапу, а затем схватился с матерью чудовища в ее мерзком логове...

— Какая мрачная и страшная повесть, — едва слышно сказала Моргейна Ланселету. Тот улыбнулся и ответил:

— Таково большинство повествований саксов. Война, кровопролитие и герои, искусные в сражении, но безмозглые...

— Но теперь мы, кажется, заключили с ними мир, — заметила Моргейна.

— О, да на здоровье. Я готов уживаться с саксами — но не с тем, что они называют музыкой... хотя, пожалуй, их истории довольно занимательны, особенно если слушать их долгим зимним вечером, у очага.

Он вздохнул и произнес почти неслышно:

— Впрочем, я, наверное, не гожусь для того, чтобы сидеть у очага...

— Тебе хотелось бы снова ринуться в битву?

Ланселет покачал головой.

— Нет. Но мне надоела придворная жизнь.

Моргейна заметила, как его взгляд метнулся к Гвенвифар; королева сидела рядом с Артуром и, улыбаясь, слушала Гавейна. Ланселет снова вздохнул. Этот вздох словно бы вырвался из самых глубин его души.

— Ланселет, — произнесла Моргейна негромко, но настойчиво, — тебе следует уехать отсюда, или ты погибнешь.

— Да, погибну душой и телом, — отозвался Ланселет, уставившись в пол.

— О душе твоей мне ничего не ведомо — спроси об этом у священника...

— Как я могу?! — с неистовством воскликнул Ланселет и толкнул кулаком в пол, так что струны арфы негромко зазвенели. — Могу ли я поверить, что тот бог, о котором твердят христиане...

— Ты должен уехать, кузен. Попроси себе какое-нибудь славное поручение, как Гарет. Отправляйся сражаться с разбойниками, терзающими какой-нибудь край, или убивать драконов — что угодно, но ты должен уехать!

Моргейна заметила, как дернулся кадык Ланселета.

— А что же будет с ней?

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, — тихо произнесла Моргейна, — но я тоже друг ей. Ты не думал о том, что у нее тоже есть душа, которую следует спасать?

— Ну, вот ты и дала мне совет, не хуже любого священника.

Улыбка Ланселета была полна горечи.

— Не нужно быть священником, чтобы понять, когда двое мужчин — и женщина — оказываются в ловушке и не могут избавиться от былого, — сказала Моргейна. — Проще всего было бы обвинить во всем ее. Но я тоже знаю, что это такое: любить, когда не можешь...

Моргейна умолкла и отвела взгляд, чувствуя, как краска заливает ее лицо; она вовсе не собиралась так откровенничать. Баллада закончилась, и Гавейн передал арфу дальше со словами:

— После столь мрачной повести нужно что-нибудь повеселее — может, песню о любви. Но это я оставляю любезному Ланселету...

— Я слишком долго просидел при дворе, распевая песни о любви, — сказал Ланселет, поднимаясь и поворачиваясь к Артуру. — Теперь, когда ты вернулся, мой лорд, и можешь присмотреть за всем сам, я прошу отослать меня от двора с каким-нибудь поручением.

Артур улыбнулся другу.

— Ты хочешь так быстро покинуть нас? Если ты так рвешься в путь, я не смогу тебя удержать. Но куда же ты отправишься?

«Пелинор и его дракон». Моргейна — глаза ее были опущены, и сквозь ресницы ей виделся трепет пламени, — сформировала в сознании эти слова и изо всех сил попыталась передать их Артуру.

— Я думал выступить против какого-нибудь дракона...

Глаза Артура сверкнули лукавством.

— Тогда было бы неплохо положить конец дракону Пелинора. Истории о нем множатся с каждым днем, и люди теперь просто боятся ездить в те края! Гвенвифар говорила, что Элейна попросила отпустить ее навестить отца. Ты можешь сопроводить

даму домой. И я велю тебе не возвращаться, пока дракон Пелинора не будет мертв.

— Увы! — со смехом воскликнул Ланселет. — Неужто ты желаешь навеки удалить меня от твоего двора? Как я могу убить вымышленного дракона?

Артур рассмеялся.

— Возможно, друг мой, это худший из всех драконов! Ну что ж, я приказываю тебе покончить с этим драконом — даже если для этого тебе придется сочинить балладу, осмеивающую все истории о нем!

Элейна, поднявшись со своего места, склонилась перед королем в поклоне.

— Прошу прощения, мой лорд, — позвольте мне пригласить к себе в гости леди Моргейну.

Моргейна сказала, не глядя на Ланселета:

— Я с радостью съездила бы с Элейной, брат мой, если твоя госпожа сможет обойтись без меня. Там растут травы, о которых мне мало что известно, я и хотела бы побеседовать о них с местными женщинами. Это пригодится мне для врачевания и чар.

— Ну что ж, — сказал Артур, — можешь ехать, если тебе того хочется. Но без тебя все здесь сделается унылым.

Он мягко улыбнулся Ланселету — так умел улыбаться лишь он один.

— Мой двор опустеет без лучшего из моих рыцарей. Но я не стану удерживать тебя здесь против твоей воли, равно как и моя королева.

«А вот в этом я не уверена», — подумала Моргейна, наблюдая, как Гвенвифар пытается сохранить невозмутимый вид. Артур вернулся после долгого отсутствия и жаждал воссоединиться с женой. Как же поступит Гвенвифар? Честно признается, что любит другого, или смиренно ляжет с ним в одну постель и притворится, будто все осталось по-прежнему?

На краткий, странный миг Моргейне показалось, что она — тень Гвенвифар. *«Наши судьбы переплетены...»* Она, Моргейна, обладала Артуром и родила ему сына, что так жаждала сделать Гвенвифар; а Гвенвифар получила любовь Ланселета, ради которой Моргейна готова была отдать душу... *«Это вполне в духе бога христиан — учинить такую путаницу; он не любит любовников... Или, может, это Богиня так жестоко подшутила над нами?»*

Гвенвифар подозвала Моргейну к себе.

— Ты кажешься больной, сестра. Тебе по-прежнему нехорошо?

Моргейна кивнула.

«Мне не следует ненавидеть ее. Она такая же жертва, как и я...»

— Я немного устала. Пожалуй, я скоро уйду отдыхать.

— А завтра, — сказала Гвенвифар, — вы с Элейной заберете у нас Ланселета.

Это было сказано весело, словно бы в шутку, но Моргейне показалось, будто она заглянула в самую душу Гвенвифар — и там, как и в ее собственной душе, сражались гнев и отчаянье.

«О, Богиня сплела наши судьбы — кто может бороться с ее волей?..»

Но Моргейна твердо решила, что не позволит отчаянью Гвенхвивар разжалобить ее, и сказала:

— Что же это за паладин королевы, если он не ищет сражений с противником, достойным его? Неужели ты хочешь, сестра, чтобы он сидел при дворе и не искал славы?

— Никто из нас этого не хочет, — сказал Артур, становясь рядом с Гвенвифар и обнимая ее за талию. — Ведь именно благодаря рвению моего друга я, вернувшись, нашел свою королеву целой и невредимой. Спокойной ночи, сестра.

Моргейна осталась стоять и смотреть, как они уходят. Мгновение спустя она почувствовала у себя на плече руку Ланселета. Он не сказал ни слова — лишь безмолвно глядел вслед Артуру и Гвенвифар. И Моргейна, тоже хранившая молчание, поняла, что стоит ей сделать один-единственный шаг, и этой ночью Ланселет будет с ней. Он в отчаянии — ведь женщина, которую он любит, вернулась к мужу, а ее муж так дорог ему, что он не в силах и пальцем шевельнуть, чтобы отбить ее, — и он бросится к Моргейне, если только она его поманит.

«И он слишком благороден, чтоб после этого не жениться на мне.

Нет. Возможно, Элейна и заполучит его — на оговоренных условиях, — но не я. На ней нет вины; ее он не возненавидит, как наверняка возненавидит меня».

Она мягко сняла руку Ланселета со своего плеча.

— Я устала, родич. Я тоже отправляюсь спать. Доброй тебе ночи. Будь благословен. — И, осознавая иронию своих слов, добавила: — Спокойного тебе сна, — прекрасно осознавая, что этой ночью Ланселету не суждено уснуть спокойно. Что ж, тем лучше для ее плана.

Но и сама она почти всю ночь пролежала без сна, горько сожалея о своей предусмотрительности. Гордость постель не согреет, безрадостно подумала Моргейна.

Глава 6

«На Авалоне высится холм, коронованный каменным венцом, и в ночь новолуния на него медленно поднимается процессия с факелами. Во главе процессии идет женщина; ее светлые волосы заплетены в косы и уложены венцом. Она облачена в белое, и на поясе у нее

висит изогнутый нож. Отблески пламени падают на ее лицо, и кажется, будто женщина ищет взглядом Моргейну, стоящую за пределами круга, и взгляд ее взывает: «Где ты, та, что должна занять мое место? Почему ты медлишь? Твое место здесь...

Королевство Артура ускользает из-под власти Владычицы, и ты это допускаешь. Он уже перекроил все в угоду священникам, а ты, что должна служить для него олицетворением Богини, бездействуешь. Он владеет священным мечом, которым вправе владеть лишь король; кто же, если не ты, заставит его жить по древним законам — или отнимет у него меч и поставит Артура на место? Помни, у Артура есть сын, и сын этот должен до зрелых лет взрастать на Авалоне, чтобы он мог передать королевство Богини своему сыну...»

А затем видение Авалона померкло, и Моргейна увидела Артура с Эскалибуром в руках; вокруг кипела яростная битва, и Артур пал, сраженный другим мечом, и бросил Эскалибур в Озеро, чтобы тот не достался его сыну...

«Где же Моргейна, которую Владычица готовила ради этого дня? Где та, что должна в этот час стать воплощением Богини?

Где Великая госпожа Ворон? И внезапно мне померещилось, будто вокруг меня закружили вороны; они кидались мне в лицо, клевали меня и кричали голосом Враны: «Моргейна! Моргейна, почему ты покинула нас, почему ты предала меня?»

— Я не могу вернуться! — крикнула я. — Я не знаю пути...

Но лицо Враны превратилось в лицо Вивианы — она смотрела на меня осуждающе, — а затем в тень Старухи Смерти...»

И Моргейна проснулась и поняла, что находится в залитой солнцем комнате, в доме Пелинора; стены комнаты были покрыты белой штукатуркой и разрисованы на римский манер. Лишь из-за окна, откуда-то издалека, донеслось воронье карканье, и Моргейна содрогнулась.

Вивиана всегда без колебаний вмешивалась в жизни других людей, если того требовало благо Авалона или королевства. А значит, и ей не следует колебаться. И все же она медлила, и солнечные дни текли один за одним. Ланселет целыми днями пропадал в холмах у Озера, разыскивая дракона (*«Если только этот дракон вообще хоть когда-нибудь существовал»*, — с пренебрежением подумала Моргейна), а по вечерам сидел у камина, распевая с Пелинором песни и баллады, или устраивался у ног Элейны и пел для нее. Элейна была прекрасна и невинна и похожа на свою кузину Гвенвифар — только она была на пять лет моложе королевы. Моргейна позволяла солнечным дням ускользать, в уверенности, что все вокруг увидят логику событий и поймут, что Ланселет и Элейна должны пожениться.

«Нет, — с горечью сказала она себе, — *если бы хоть у кого-*

нибудь хватало ума увидеть логику и обоснования событий, Ланселет уже много лет назад женился бы на мне».

Элейна пошевелилась — они с Моргейной спали на одной кровати — и открыла глаза; она улыбнулась и свернулась клубочком. *«Она доверяет мне*, — с болью подумала Моргейна. — *Она думает, что я помогаю ей завоевать Ланселета из одних лишь дружеских чувств. Но даже если бы я ненавидела ее, и тогда бы я не сумела причинить ей худшего зла».* Но она лишь негромко произнесла:

— Ланселет достаточно тосковал по Гвенвифар. Твой час настал, Элейна.

— Ты дашь Ланселету амулет или любовное зелье?..

Моргейна рассмеялась.

— Я мало доверяю любовным амулетам, хотя сегодня вечером он выпьет с вином нечто такое, что заставит его пожелать любую женщину. Сегодня ты будешь ночевать не здесь, а в шатре на опушке леса, а Ланселет получит сообщение, что Гвенвифар приехала и хочет видеть его. И потому он придет к тебе, когда стемнеет. Это все, чем я могу тебе помочь — ты должна быть готова встретить его...

— И он примет меня за Гвенвифар... — Элейна заморгала и с трудом сглотнула. — Но ведь тогда...

— Он может ненадолго принять тебя за Гвенвифар, — твердо сказала Моргейна, — но он быстро поймет, что к чему. Ты ведь девственница — не так ли, Элейна?

Девушка залилась краской, но кивнула.

— Ну что ж, после того зелья, которое я ему дам, он будет не в силах остановиться, — сказала Моргейна, — если ты только не впадешь в панику и не попытаешься оттолкнуть его. Хочу тебя предупредить — пока ты еще девственница, в этом не так уж много удовольствия. Но, начав, я уже не смогу повернуть обратно, потому решай сейчас: хочешь ли ты, чтобы я бралась за это дело?

— Я хочу Ланселета в мужья, и Боже меня упаси остановиться прежде, чем я стану его законной женой.

Моргейна вздохнула.

— Значит, так тому и быть. Теперь... Ты знаешь, какими духами пользуется Гвенвифар...

— Знаю, но мне они не очень нравятся — для меня они слишком резкие...

Моргейна кивнула.

— Это я готовлю их для Гвенвифар — ты знаешь, меня учили подобным вещам. Когда ты отправишься в шатер, надуши постельное белье этими духами и надушись сама. Это наведет Ланселета на мысли о Гвенвифар, и он возбудится...

Элейна неприязненно сморщила носик.

— Но это же нечестно...

— Да, нечестно, — согласилась Моргейна. — Можешь в этом не сомневаться. Наша затея бесчестна, Элейна, но так нужно. Если Артура примутся величать рогоносцем, его королевство долго не продержится. Но если вы поженитесь, то можно будет обставить все так, будто Ланселет все это время любил именно тебя — ведь вы с Гвенвифар очень похожи.

Она вручила Элейне флакон с духами.

— Теперь дальше: есть ли у тебя слуга, на которого можно положиться? Он должен установить шатер в таком месте, чтобы Ланселет не увидел его до вечера...

— Я уверена, что даже священник одобрил бы нашу затею, — сказала Элейна, — ведь я спасаю его от прелюбодейства с замужней женщиной. А я свободна и могу выйти замуж...

Моргейна натянуто улыбнулась.

— Что ж, если ты можешь успокоить свою совесть подобными отговорками — тем лучше для тебя. Некоторые священники сказали бы, что неважно, какими средствами пользоваться — главное, чтобы они шли на благо...

Тут она осознала, что Элейна по-прежнему стоит перед ней навытяжку, словно ребенок перед учителем.

— Ладно, Элейна, иди, — сказала Моргейна. — Иди, отправь Ланселета на поиски дракона. Мне нужно приготовить зелье.

За завтраком она наблюдала, как Ланселет и Элейна едят из одной тарелки. Ей подумалось, что Ланселет любит Элейну — как мог бы любить ласковую маленькую собачку. Что ж, значит, он не будет дурно с нею обращаться после свадьбы.

Вивиана была так же безжалостна в подобных вопросах; она не постеснялась отправить брата на ложе к родной сестре... Моргейна обнаружила, что эти воспоминания по-прежнему причиняют ей боль. *«Это тоже нужно для блага королевства»,* — подумала она, и, выбирая из своих трав и снадобий те, на которых нужно было настоять вино для Ланселета, Моргейна попыталась мысленно вознести молитву Богине, соединяющей мужчину и женщину любовью или хотя бы обычным вожделением, словно зверей в период течки.

«О Богиня... Уж о вожделении я знаю предостаточно... — подумала Моргейна и, постаравшись взять себя в руки, принялась крошить травы в вино. — *Я чувствовала его желание — но он не дал бы мне того, что я хотела от него получить...»*

Она следила за медленно закипающим вином; мелкие пузырьки всплывали со дна, лениво лопались и наполняли воздух запахом горьковато-сладких испарений. Мир казался очень маленьким и далеким; жаровня была крохотной, словно детская игрушка, а каждый пузырек в вине был достаточно велик, чтобы в нем можно было уплыть прочь... Тело Моргейны терзало жела-

ние, которое — она это знала — ей не суждено было утолить. Она чувствовала, что переходит в состояние, в котором творится могущественная магия...

Моргейне казалось, что она одновременно находится и в замке, и где-то за его пределами, что часть ее пребывает среди холмов, следуя за знаменем Пендрагона, которое когда-то нес Ланселет... огромный, извивающийся в воздухе красный дракон... но здесь нет никаких драконов, и даже дракон Пелинора — всего лишь шутка, видение, такое же нереальное, как знамя, что реяло далеко на юге, над стенами Камелота — дракон, перенесенный неведомым художником на знамя, как те узоры, которые Элейна рисует на своих гобеленах. И Ланселет наверняка это знает. Разыскивая дракона, он просто наслаждается прогулкой по летним холмам, следует за видением, за вымыслом, и грезит об объятиях Гвенвифар... Моргейна взглянула на жидкость, кипящую на маленькой жаровне, и осторожно подлила немного вина, чтобы зелье не выкипело. Он будет грезить о Гвенвифар, и нынешней ночью в его объятьях окажется женщина, благоухающая духами Гвенвифар. Но сперва Моргейна даст ему это снадобье, и оно ввергнет Ланселета в милосердное состояние течки — и он не сможет остановиться даже после того, как обнаружит, что держит в объятиях не опытную женщину, свою любовницу, а дрожащую девушку... На мгновение Моргейне даже стало жаль Элейну: ситуация, которую она столь хладнокровно готовила, мало отличалась от изнасилования. Как бы там Элейна ни желала Ланселета, она была девственницей и не знала, чем ее романтические мечты о поцелуях возлюбленного отличаются от того, что ее ждет на самом деле — ночь в объятиях мужчины, столь одурманенного, что он не в силах осознать разницу. Как бы много ни значила эта ночь для Элейны и как бы храбро девушка ее ни встретила — но ее трудно будет назвать романтическим эпизодом.

Я отдала свою девственность Королю-Оленю... но это было совсем другое. Я с детства знала, что меня ожидает, и меня воспитывали в духе почитания Богини, что соединяет мужчину и женщину любовью или вожделением... Элейну же воспитывали как христианку и учили считать самую суть ее жизненной силы первородным грехом, обрекшим человечество на смерть...

На миг Моргейна подумала, что ей следовало бы разыскать Элейну и попытаться подготовить ее, приободрить, научить девушку думать о грядущем событии так же, как жрицы учили ее саму — считать его великим актом природы, чистой и безгрешной, приветствовать его, как саму жизнь, что захлестывает и уносит каждого... Но тогда Элейна сочтет все это еще более грешным. Ну что ж, значит, пусть Элейна разбирается с этим как

сама знает; возможно, любовь к Ланселету поможет ей выбраться из этой затеи без потерь.

Мысли Моргейны вернулись к кипящему вину — но в то же самое время ей казалось, будто она скачет среди холмов... Хотя нынешний день был не самым удачным для прогулки: серое небо затянуло тучами, дул ветерок, и холмы казались нагими и унылыми. У подножия холмов протянулась водная гладь — узкий рукав озера, — серая и бездонная, словно только что откованный металл. И поверхность озера начала слегка бурлить — или то была вода над ее жаровней? Темные пузырьки всплывали и лопались, источая зловоние, — а потом из озера медленно поднялась длинная узкая шея, увенчанная лошадиной головой, с лошадиной же гривой, и длинное гибкое тело, извиваясь, направилось к берегу... поднимаясь, наползая, вытягиваясь во всю длину на земле.

Гончие Ланселета опрометью ринулись к воде, заходясь яростным лаем. Моргейна слышала, как Ланселет раздраженно позвал их; видела, как он застыл, словно вкопанный, и уставился на озеро, не веря собственным глазам. Затем Пелинор протрубил в рог, созывая спутников, а Ланслет пришпорил коня, опер копье о луку седла и с самоубийственной скоростью понесся вниз по склону. Одна из гончих пронзительно завизжала, и Моргейна из своего далека увидела странный слизистый след и изломанное тело собаки, наполовину разъеденное темной слизью.

Пелинор тоже бросился на дракона, и Моргейна услышала крик Ланселета — он велел не атаковать огромную тварь прямо в лоб... дракон был черным и во всем, кроме лошадиной головы, походил на гигантского змея. Ланселет подскакал к нему вплотную и, увернувшись от извивающейся головы, всадил копье в тушу дракона. Дикий вой, пронзительный, словно вопль обезумевшей банши, сотряс берег... Моргейна видела, как огромная голова бешено заметалась из стороны в сторону... Конь Ланселета принялся пятиться и брыкаться; Ланселет соскочил на землю и пешим бросился на чудовище. Голова дракона метнулась вниз, огромная пасть распахнулась, и Моргейна содрогнулась. Меч Ланселета вонзился в глаз дракона; из раны хлынула кровь и какая-то черная дрянь... и все превратилось в бурлящую поверхность вина.

Сердце Моргейны бешено колотилось. Она легла и глотнула немного чистого вина из фляжки. Что это было — дурной сон? Или она и вправду видела, как Ланселет убил дракона — того самого дракона, в которого она никогда не верила? Моргейна немного полежала, убеждая себя, что она просто спала, потом заставила себя встать и добавить в вино немного фенхеля, чтобы его сладость заглушила привкус других трав. Нужно позаботиться, чтобы к обеду подали соленую говядину — тогда всех будет

мучить жажда, и все будут много пить, особенно Ланселет. Пелинор — человек благочестивый. Что он подумает, если всех обитателей его замка внезапно обуяет вожделение? Нет, надо сделать так, чтобы это вино досталось одному лишь Ланселету — и, может, стоит дать глоток Элейне, из милосердия...

Моргейна перелила настой в флягу и отставила в сторону. Затем послышался крик, и в комнату влетела Элейна.

— Ох, Моргейна, идем скорее, нужна твоя помощь! Отец и Ланселет убили дракона, но они оба обожжены...

— Обожжены? Что за нелепица? Ты что, вправду веришь, будто драконы летают и плюются огнем?

— Нет, нет, — нетерпеливо произнесла Элейна, — но эта тварь плюнула в них какой-то слизью, и слизь обожгла их, будто огонь. Пойдем, обработай им раны...

Не веря собственным ушам, Моргейна выглянула в окно. Солнце склонилось к западу и повисло над самым горизонтом; она просидела над зельем целый день. Моргейна бросилась вниз, на ходу велев служанке приготовить чистую ткань для перевязки.

У Пелинора была сильно обожжена рука — да, это действительно здорово походило на ожог; драконья слизь разъела ткань туники, и когда Моргейна начала мазать руку целительным бальзамом, Пелинор взревел от боли. У Ланселета был слегка задет бок; кроме того, слизь попала ему на сапог и превратила прочную кожу в слой тонкого вещества, напоминающего желе.

— Нужно будет хорошенько вычистить меч, — сказал Ланселет. — Если это все, что осталось от сапога, то что бы осталось от моей ноги... — и он содрогнулся.

— Вот назидание всем тем, кто считал моего дракона вымыслом! — изрек Пелинор. Он поднял голову и глотнул поднесенного дочерью вина. — И благодарение Господу, что у меня хватило ума вымыть руку в озере — иначе эта слизь просто сожрала бы ее, как того несчастного пса. Ты видел его труп, Ланселет?

— Пса? Видел, — отозвался Ланселет, — и надеюсь никогда больше не увидеть подобной смерти. Но теперь ты можешь пристыдить всех, прибив голову дракона над воротами...

— Не могу, — перекрестившись, отозвался Пелинор. — В ней нет нормальных костей, совсем нет. Он весь — словно земляной червяк... и он уже сам превращается в слизь. Я попытался было отрезать ему голову, но похоже, что воздух разрушает его. Думаю, этого дракона вообще нельзя считать нормальным зверем — это какая-то адская тварь!

— И все же он мертв, — сказала Элейна, — и ты выполнил повеление короля — раз и навсегда покончил с драконом моего отца.

Она поцеловала отца и с нежностью произнесла:

— Прости меня. Я тоже считала твоего дракона обычной выдумкой...

— Дай-то Бог, чтоб так оно и было! — сказал Пелинор и снова осенил себя знаком креста. — Пусть лучше надо мной смеются отсюда и до Камелота, чем я еще раз столкнусь с подобной тварью! Хотелось бы мне быть уверенным, что здесь таких больше нету... А то Гавейн рассказывал, будто похожие чудища живут в озерах — у них там, на севере.

Он знаком велел слуге налить еще вина.

— Думаю, нам стоит сегодня вечером как следует выпить, или эта зверюга еще целый месяц будет мерещиться мне в кошмарах!

«Будет ли это к лучшему?» — подумала Моргейна. Нет, если весь замок перепьется, это будет ей вовсе не на руку.

— Раз я забочусь о твоих ранах, сэр Пелинор, — сказала она, — тебе придется меня слушаться. Тебе не следует больше пить. Пусть Элейна приготовит тебе постель и положит в ноги нагретые камни. Ты потерял сегодня немало крови, и тебе нужен горячий бульон и горячее молоко с сахаром и пряностями, а не вино.

Пелинор поворчал, но подчинился. Элейна с помощью дворецкого увела отца, и Моргейна осталась наедине с Ланселетом.

— Итак, — поинтересовалась она, — как же ты отпразднуешь победу над своим первым драконом?

Ланселет приподнял кубок и отозвался:

— Помолюсь, чтобы первый дракон оказался последним. Я ведь действительно решил было, что настал мой смертный час. Лучше я выйду против целого отряда саксов с одним лишь топором в руках!

— И то правда. Да избавит тебя Богиня от подобных встреч, — сказала Моргейна и налила Ланселету винного зелья. — Я приготовила для тебя этот настой; он смягчит боль и поможет ранам затянуться. А теперь мне нужно сходить проверить, хорошо ли Элейна укутала Пелинора.

— Но ты ведь вернешься, родственница? — спросил Ланселет, легонько придержав ее за руку. Она заметила, что вызванный вином пожар уже начинает разгораться.

«И не одним лишь вином, — подумала она. — После встречи со смертью в мужчине легко вспыхивает вожделение...»

— Да, вернусь — обещаю. А теперь отпусти меня, — сказала Моргейна и почувствовала, как ее захлестнула горечь.

«Неужто я пала настолько низко, чтобы взять его, пока он одурманен и не понимает, что творит? Но Элейна так и собирается поступить — чем я хуже? Нет, к худу или к добру, но Элейна хочет его в мужья. Я не хочу. Я — жрица, и я знаю, что огонь, снедающий меня, разожжен не Богиней, что он нечестив... Неужто я

настолько опустилась, чтобы донашивать обноски Гвенвифар и подбирать за ней любовников?»

Гордость ее твердила: «Нет», — а слабеющее тело кричало: «Да!», и Моргейне стоило огромных усилий удерживать себя в руках, пока она шла к покоям короля Пелинора.

— Как себя чувствует твой отец, Элейна?

Моргейна сама поразилась тому, насколько твердо и спокойно звучит ее голос.

— Он утих — наверное, уснул.

Моргейна кивнула.

— Теперь тебе следует отправиться в шатер, а ночью Ланселет придет к тебе. Не забудь надушиться духами Гвенвифар...

Элейна была бледна как мел, но глаза ее горели. Моргейна поймала девушку за руку, протянула ей флягу с винным зельем и дрогнувшим голосом произнесла:

— Сперва отпей из этой фляги, дитя мое.

Элейна поднесла вино к губам и сделала глоток.

— Пахнет травами... это — любовное зелье?

Моргейна улыбнулась одними лишь губами.

— Можешь так считать, если тебе так больше нравится.

— Странный вкус. Оно обжигает рот и обжигает меня изнутри. Моргейна, это не яд? Ты не... ты не ненавидишь меня за то, что я стану женой Ланселета?

Моргейна привлекла девушку к себе, обняла и поцеловала; ощущение теплого тела в объятьях странно взволновало ее, и Моргейна сама не могла понять, что это — нежность или желание.

— Ненавижу тебя? Нет-нет, сестра, я клянусь, что не вышла бы замуж за сэра Ланселета, даже если он на коленях умолял бы меня об этом... Допивай вино, милая... Теперь надушись, тут и тут... Помни — он хочет тебя. Ты можешь заставить его позабыть королеву. А теперь иди, дитя, и жди его в шатре... — И она еще раз поцеловала Элейну. — Да благословит тебя Богиня.

«Как она похожа на Гвенвифар... Думаю, Ланселет и так уже наполовину влюблен в нее, и я всего лишь завершу дело...»

Моргейна глубоко, прерывисто вздохнула, постаралась успокоиться и вернулась в зал, где сидел Ланселет. Когда она вошла, Ланселет как раз щедро плеснул себе очередную порцию винного зелья и поднял затуманенный взор на Моргейну.

— А, Моргейна... родственница... — Он усадил ее рядом с собой. — Выпей со мной...

— Нет, не сейчас. Выслушай меня, Ланселет. Я принесла тебе весть.

— Весть?

— Да, — сказала она. — Королева Гвенвифар прибыла навес-

тить свою родственницу и сейчас спит в шатре, что стоит на опушке леса.

Она взяла Ланселета за руку и подвела к двери.

— И она прислала тебе послание; она не хочет беспокоить своих женщин, потому ты должен осторожно пробраться туда, где она спит. Ты пойдешь?

Моргейна видела, как глаза Ланселета заволакивает опьянением и страстью.

— Я не видел никакого посланца... Моргейна, я и не знал, что ты желаешь мне добра...

— Ты даже не представляешь, кузен, насколько сильно я желаю тебе добра.

«Я желаю тебе, чтобы ты удачно женился и покончил с этой безнадежной, презренной любовью к женщине, которая не принесет тебе ничего, кроме бесчестья и отчаянья...»

— Иди, — мягко произнесла она, — твоя королева ждет тебя. А на тот случай, если ты вдруг усомнишься, тебе передали вот этот знак, — и она достала платочек. На самом деле он принадлежал Элейне, но все платочки похожи друг на друга, а этот к тому же был пропитан духами Гвенвифар.

Ланселет прижал его к губам.

— Гвенвифар, — прошептал он. — Где она, Моргейна, где?

— В шатре. Допивай вино...

— Выпьешь со мной?

— В другой раз, — с улыбкой отозвалась Моргейна. Она немного оступилась, и Ланселет поддержал ее. Даже это прикосновение, столь легкое и мимолетное, возбудило ее. *«Это похоть,* — яростно сказала себе Моргейна, — *обычная животная похоть, а не чувство, благословленное Богиней!»* Она изо всех сил пыталась удержать себя в руках. Он одурманен сейчас, словно животное, он взял бы ее, не соображая, что делает, как взял бы Гвенвифар, Элейну, любую другую женщину...

— Иди, Ланселет. Не заставляй свою королеву ждать.

Она видела, как Ланселет исчез в тени, окружающей шатер. Он осторожно войдет внутрь. Элейна, должно быть, уже лежит там, и свет лампы играет на ее волосах, таких же золотистых, как и у королевы, но он не настолько ярок, чтоб можно было разглядеть лицо, а тело и постель Элейны пахнут духами Гвенвифар... Моргейна расхаживала по холодной, пустой комнате и мучила себя, распаляя воображение: вот его сухощавое нагое тело скользнуло под одеяло, вот он обнимает Элейну и осыпает поцелуями...

«Если только у дурехи хватит соображения помалкивать, пока он не перейдет к делу...

О Богиня! Лиши меня Зрения, не позволяй мне увидеть Элейну в его объятиях!..»

Истерзанная Моргейна уже не понимала, что порождает эти мучительные видения — Зрение или ее собственное воображение. Обнаженное тело Ланселета, его прикосновения... эти воспоминания до сих пор были живы в ее памяти... Она вернулась в пустой зал, где слуги убирали со стола, и грубо велела:

— Налейте-ка мне вина!

Испуганный слуга наполнил кубок.

«Ну вот, теперь они будут считать меня не только ведьмой, но еще и пьяницей». Впрочем, это ее не волновало. Она осушила кубок до дна и потребовала еще. Вино заглушило Зрение и избавило Моргейну от видения: Элейна в страхе и экстазе извивается под ненасытным телом Ланселета...

Моргейна безостановочно расхаживала по залу, а Зрение то появлялось, то пропадало. Решив в конце концов, что час настал, Моргейна глубоко вздохнула, собираясь с силами для следующего шага, который, как она знала, был необходим. Когда она склонилась над дворецким, спящим у порога королевской оточивальни, и встряхнула его, тот испуганно уставился на нее.

— Госпожа, нельзя беспокоить короля в столь поздний час...

— Дело касается чести его дочери.

Моргейна выхватила факел из подставки и подняла его над головой; она чувствовала, как дворецкий смотрит на нее, высокую и грозную, и ощущала, как сливается с Богиней повелевающей. Дворецкий в ужасе отшатнулся, и Моргейна с достоинством проплыла мимо него.

Пелинор беспокойно метался на своей высокой кровати — рана причиняла ему сильную боль. Проснувшись, он в удивлении уставился на бледное лицо Моргейны и высоко поднятый факел.

— Тебе следует поспешить, мой лорд, — ровным тоном произнесла Моргейна, но голос ее звенел от сдерживаемых чувств. — Твое гостеприимство предано. Я решила, что тебе следует об этом знать. Элейна...

— Элейна? Что...

— Она не ночевала в своей постели, — сказала Моргейна. — Поспеши, мой лорд.

Правильно она сделала, что не позволила Пелинору пить; если б он еще и отяжелел от вина, она бы его вовсе не разбудила. Испуганный, ничего не понимающий король наскоро натянул одежду, громко сзывая служанок дочери. Все они двинулись следом за Моргейной вниз по лестнице, и Моргейне почудилось, будто процессия эта извивается, словно туловище дракона, а головою дракона были они с Пелинором. Она откинула шелковый полог шатра, с жестоким торжеством наблюдая, как исказилось лицо Пелинора, освещенное светом факела. Элейна лежала, обвив руками шею Ланселета, и улыбка ее сияла счастьем; Лан-

селет, разбуженный светом факела, потрясенно огляделся и понял, что произошло. Лицо его исказилось — он осознал, что предан. Но он не произнес ни слова.

— Теперь тебе придется искупить свою вину, — выкрикнул Пелинор, — ты, бесстыдный развратник, совративший мою дочь!

Ланселет спрятал лицо в ладонях и сдавленно произнес:

— Я... я искуплю вину, лорд мой Пелинор.

Он поднял голову и взглянул в глаза Моргейне. Она встретила этот взгляд, не дрогнув, но ей показалось, будто ее пронзили мечом. До этих пор он, по крайней мере, любил ее как родственницу...

Ну что ж, пускай лучше он ее ненавидит. И она тоже попытается возненавидеть его. Но при взгляде на лицо Элейны, пристыженное — и все-таки сияющее, Моргейне захотелось разрыдаться и взмолиться о прощении.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

Ланселет женился на Элейне в праздник Преображения Господня; я плохо помню церемонию — лишь лицо Элейны, светящееся радостью. К тому времени, как Пелинор подготовил все для свадьбы, она уже знала, что носит в своем чреве сына Ланселета, а Ланселет, исхудавший и мертвенно-бледный от отчаянья, все-таки был нежен с ней и гордился ее раздавшимся телом. Еще я помню Гвенвифар, ее лицо, осунувшееся от слез, и ее взгляд, полный неизбывной ненависти.

— Можешь ли ты поклясться, что это — не твоих рук дело, Моргейна?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Неужто ты недовольна тем, что теперь у твоей родственницы, как и у тебя, есть муж?

Гвенвифар, не выдержав, отвела взгляд. А я снова яростно сказала себе: «Если бы они с Ланселетом были честны по отношению к Артуру, они бежали бы и поселились где-нибудь за пределами его королевства, и тогда Артур смог бы взять себе другую жену и дать королевству наследника — и я тогда не стала бы вмешиваться в это дело!»

Но с того дня Гвенвифар возненавидела меня; и я горько об этом жалела, потому что все-таки любила ее, на свой лад. Но, кажется, ненависть Гвенвифар не распространилась на ее родственницу; она послала Элейне к рождению сына богатый подарок и серебряный кубок, и когда Элейна окрестила мальчика Галахадом, в честь отца, королева вызвалась быть ему крестной матерью и поклялась, что если она так и не подарит Артуру сына, королевство унаследует Галахад. В том же году Гвенвифар объявила, что беременна, но это так ничем и не закончилось, и я подозреваю, что ни-

какой беременности не было, а было одно лишь ее воображение и неутоленное желание иметь ребенка.

Брак Элейны и Ланселета оказался не хуже прочих. В том году на северных границах владений Артура вспыхнула война, и Ланселет редко бывал дома. Подобно многим другим мужьям, он пропадал на войне, наведываясь домой два-три раза в год, чтоб посмотреть, как идут дела в его владениях — Пелинор отдал им замок по соседству с собственным, — получить новые плащи и рубашки, сотканные и вышитые Элейной (после женитьбы на Элейне Ланселет всегда был одет не хуже самого короля), поцеловать сына, а позднее и дочерей, разок-другой переспать с женой и снова уехать.

Элейна всегда казалась счастливой. Не знаю, действительно ли она была счастлива, обретя, подобно некоторым женщинам, истинное счастье в доме и детях, или же ей хотелось чего-то большего, но она продолжала храбро выполнять условия сделки.

Что же касается меня, я прожила при дворе еще два года. А затем на Пятидесятницу, когда Элейна понесла второго ребенка, Гвенвифар отомстила мне.

Глава 7

Всякий год в день Пятидесятницы, главного праздника Артура, Гвенвифар просыпалась с первыми лучами солнца. В этот день все соратники, сражавшиеся на стороне Артура, собирались ко двору, и в этом году Ланселет тоже должен был присутствовать...

...в прошлом году он не приехал. Пришла весть, что Ланселет в Малой Британии — что его вызвал туда его отец, король Бан, чтоб сын помог ему уладить какие-то сложности, возникшие в королевстве, — но в глубине души Гвенвифар знала: Ланселет не приехал потому, что предпочел держаться подальше от двора.

Нельзя сказать, чтобы она не могла простить ему женитьбы на Элейне. Всему виной была Моргейна, Моргейна и ее злоба. Моргейна, которая мечтала заполучить Ланселета себе, а когда не сумела, не придумала ничего лучше, кроме как разлучить его с той, кого он любит. Видно, Моргейна предпочла бы видеть его в аду или в могиле, чем в объятиях Гвенвифар.

Артур тоже искренне скучал по Ланселету — Гвенвифар это видела. Хотя он восседал на троне и вершил правосудие, разбирая дело всякого, кто к нему обращался, — Артуру нравилось это занятие, нравилось куда больше, чем любому из королей, о которых только доводилось слыхать Гвенвифар, — королева видела, что Артур не в силах выбросить из памяти дни подвигов и сражений; наверное, все мужчины в этом одинаковы. Артур до могилы будет носить на теле шрамы от ран, полученных в великих бит-

вах. Когда они из года в год сражались, чтоб добиться мира для этой страны, Артур частенько говаривал, что самое его заветное желание — спокойно посидеть дома, в Камелоте. А теперь для него не было большей радости, чем повидаться со старыми соратниками и поговорить с ними о тех кошмарных днях, когда им со всех сторон грозили саксы, юты и дикари-норманны.

Она взглянула на спящего Артура. Да, он по-прежнему выглядел прекраснее и благороднее любого из своих соратников; иногда Гвенвифар даже казалось, что он красивее Ланселета, хотя было бы нечестно их сравнивать — ведь один из них белокож и белокур, а второй — смугл и темноволос. А кроме того, они — кузены, и в них течет одна кровь... И как только среди такой родни затесалась Моргейна? Наверно, на самом деле она даже и не человек, а подменыш, выродок злых фэйри, подброшенная к людям, чтоб творить зло... колдунья, обученная дьявольским фокусам. Артур тоже был испорчен своим нечестивым прошлым, хотя Гвенвифар и приучила его ходить к обедне и называть себя христианином. Моргейна же не делала даже этого.

Ну что ж, Гвен до последнего будет сражаться за спасение Артуровой души! Она любит его; даже если бы он был не Верховным королем, а простым рыцарем, он и тогда оставался бы лучшим из мужей, какого только может пожелать женщина. Несомненно, обуявшее ее безумие давно развеялось. А в том, что она благосклонно относится к кузену своего мужа, ничего неподобающего нет. В конце концов, это ведь воля Артура впервые привела ее в объятия Ланселета. А теперь все это минуло и быльем поросло; она исповедалась и получила отпущение грехов. Духовник сказал, что теперь греха как будто бы и не было, и теперь она должна постараться позабыть обо всем.

...и все же Гвенвифар не могла удержаться от воспоминаний — особенно в утро того дня, когда Ланселет должен был приехать ко двору с женой и сыном... да, он теперь женатый мужчина, он женат на кузине Гвенвифар. Теперь он приходится родичем не только ее мужу, но и ей самой. Она поцелует его в знак приветствия, и в том не будет греха.

Артур повернулся — словно эхо мыслей жены разбудило его, — и улыбнулся Гвенвифар.

— Сегодня — день Пятидесятницы, милая моя, — сказал он, — и сюда съедутся все наши родичи и друзья. Так дай же мне полюбоваться на твою улыбку.

Гвенвифар улыбнулась мужу. Артур привлек ее к себе и поцеловал; его рука скользнула по груди Гвенвифар.

— Ты уверена, что сегодняшний день не будет тебе неприятен? Я никому не позволю думать, будто ты стала меньше значить для меня, — обеспокоенно произнес Артур. — Ты ведь не стара, и Бог еще может одарить нас детьми, если будет на то его

воля. Но подвластные мне короли требуют... жизнь — штука ненадежная, и я должен назвать имя наследника. Когда родится наш первый сын, милая, можно будет считать, будто сегодняшнего дня никогда и не было, и я уверен, что юный Галахад не станет оспаривать трон у своего кузена, а будет преданно служить ему, как Гавейн служит мне...

«Может, это даже и правда», — подумала Гвенвифар, поддаваясь нежным ласкам мужа. О таком даже рассказывается в Библии: взять хоть мать Иоанна Крестителя, кузена Девы — Бог отворил ей чрево, когда она давным-давно вышла из детородного возраста. А ей, Гвенвифар, даже нет еще тридцати... И Ланселет как-то говорил, что мать родила его после тридцати. Может, на этот раз, после стольких лет, она наконец-то поднимется с супружеского ложа, неся в себе сына. И теперь, когда она научилась не просто подчиняться, как надлежит послушной жене, но и получать удовольствие от его прикосновений, от заполняющего ее мужского естества, она, конечно же, стала мягче, и ей легче будет зачать и выносить ребенка...

Несомненно, это оказалось только к лучшему, что три года назад, когда она носила дитя Ланселета, что-то пошло не так... у нее трижды не пришли месячные, и она сказала кое-кому из своих дам, что ждет ребенка; но затем, три месяца спустя, когда плоду следовало начинать шевелиться, оказалось, что на самом деле ничего нет... но конечно же, теперь, с тем новым теплом, что она ощутила в себе после пробуждения, на этот раз все пойдет так, как она хочет. И Элейна не сможет больше злорадствовать и торжествовать над нею... Элейне удалось некоторое время побыть матерью наследника короля — но она, Гвенвифар, станет матерью сына короля...

Чуть позднее, когда они одевались, Гвенвифар сказала нечто в этом роде, и Артур обеспокоенно взглянул на нее.

— Неужто жена Ланселета относится к тебе с пренебрежением, Гвен? Мне казалось, что вы с ней подруги...

— О да, мы и вправду подруги, — отозвалась Гвенвифар, сморгнув слезы, — но с женщинами всегда так... женщины, имеющие сыновей, всегда считают себя лучше бесплодных женщин. Даже жена свинопаса, родив ребенка, будет с презрением и жалостью думать о королеве, не способной подарить своему лорду даже одного-единственного сына.

Артур поцеловал ее в шею.

— Не плачь, солнышко, не нужно. Ты лучше всех на свете. Ни одна женщина не сравнится с тобой, даже если родит мне дюжину сыновей.

— В самом деле? — переспросила Гвенвифар, и в голосе ее проскользнула легкая издевка. — А ведь я — всего лишь часть сделки. Мой отец дал тебе сотню конных рыцарей и меня в при-

дачу, — и ты послушно принял меня, чтоб получить воинов — но я оказалась скверным товаром...

Артур с недоверием взглянул на нее.

— Неужто ты все эти годы не можешь мне этого простить, моя Гвен? Но ведь ты же должна знать, что с того самого мига, как я впервые взглянул на тебя, уже никто не будет мне милее, чем ты! — сказал он и обнял ее. Гвенвифар застыла, борясь со слезами, и Артур поцеловал ее в уголок глаза. — Гвен, Гвен, как ты могла так подумать! Ты — моя жена, моя возлюбленная, моя ненаглядная, и никакие силы нас не разлучат. Если бы мне нужна была племенная кобыла, способная рожать сыновей — их бы уже было предостаточно, видит Бог!

— Но ты их так и не завел, — отозвалась Гвенвифар все так же холодно и натянуто. — Я с радостью взяла бы твоего сына на воспитание и вырастила его как твоего наследника. Но ты полагаешь, что я недостойна воспитывать твоего сына... и это ты толкнул меня в объятия Ланселета...

— О, моя Гвен, — жалобно, словно наказанный мальчишка, произнес Артур. — Так ты не можешь простить мне этого давнего безумия? Я был пьян, и мне показалось, что ты неравнодушна к Ланселету... Мне подумалось, что это доставит тебе удовольствие и что если это вправду я повинен в том, что ты не можешь забеременеть, то ты родишь ребенка от человека, столь близкого мне, что я с легким сердцем смогу назвать плод той ночи своим наследником. Но по большей части это произошло из-за того, что я был пьян...

— Иногда мне кажется, — с каменным лицом произнесла Гвенвифар, — что Ланселета ты любишь больше, чем меня. Можешь ли ты чистосердечно сказать, что хотел доставить удовольствие мне, а не ему, которого любишь больше всех?..

Артур вздрогнул, словно ужаленный, разомкнул объятие и уронил руки.

— Неужто это грешно — любить своего родича и думать и об его удовольствии тоже? Это правда, я люблю вас обоих...

— В Священном Писании сказано, что за такой грех был уничтожен целый город, — сказала Гвенвифар.

Артур побелел как полотно.

— В моей любви к родичу моему Ланселету нет ничего бесчестного, Гвен. Сам царь Давид говорил о родиче своем и кузене Ионафане: «Любовь твоя была для меня превыше любви женской», — и Бог не покарал его. Она связывает товарищей по оружию. Неужто ты посмеешь назвать эту любовь грешной, Гвенвифар? Я готов признаться в ней даже перед престолом Господним...

Он умолк, не в силах больше вымолвить ни слова — у него пересохло в горле.

В голосе Гвенвифар зазвучали истеричные нотки:

— Можешь ли ты поклясться, что тогда, когда ты привел его на наше ложе... я видела, что ты прикасался к нему с такой любовью, какой никогда не выказывал к женщине, которую мой отец дал тебе в жены... когда ты ввел меня в этот грех... можешь ли ты поклясться, что это не был твой собственный грех, и что все твои красивые слова не прикрывали тот самый грех из-за которого на Содом обрушился огонь небесный?

Смертельно бледный Артур уставился на жену.

— Ты, должно быть, обезумела, моя леди. Той ночью, о которой ты говоришь, я был пьян и не знаю, что ты тогда могла увидеть. Это был Белтайн, и во всех нас была сила Богини. Боюсь, все эти молитвы и размышления о грехе сводят тебя с ума, моя Гвен.

— Христианину не подобает так говорить!

— Именно поэтому я и не могу назвать себя христианином! — крикнул Артур, наконец-то потеряв терпение. — Мне надоели все эти разговоры о грехе! Если бы я отослал тебя прочь — а ведь мне советовали это сделать, но я не послушался, потому что слишком люблю тебя! — и взял другую женщину...

— Нет! Ты скорее предпочел бы делить меня с Ланселетом, чтоб иметь и его тоже...

— Посмей только повторить это, — очень тихо произнес Артур, — и я убью тебя, Гвенвифар, и не посмотрю, что ты моя жена и я люблю тебя!

Но королева принялась истерично всхлипывать, не в силах остановиться.

— Ты сказал, что хочешь этого, чтоб получить сына — и ввел меня в непростительный грех... Пускай я согрешила, и Бог покарал меня за это бесплодием — но разве не ты ввел меня в грех? И даже теперь твой наследник не кто иной, как сын Ланселета. И ты смеешь отрицать, что любишь Ланселета больше всех? Ты сделал его сына своим наследником, хотя мог дать своего сына мне на воспитание...

— Я позову твоих женщин, Гвен, — глубоко вздохнув, сказал Артур. — Ты не в себе. Клянусь тебе, у меня нет сыновей, — или даже если я и завел ребенка где-то на войне, то я о нем не знаю, и его мать не знает, кто я такой. Ни одна женщина нашего круга не заявляла, что носит моего ребенка. Что бы там ни болтали священники, я не верю, что есть на свете женщина, которая постыдилась бы признаться, что родила сына бездетному Верховному королю. Я не взял ни одной женщины силой и не прелюбодействовал с замужними женщинами. Так что же это за безумный разговор о моем сыне, которого ты воспитала бы, как моего наследника? Говорю тебе, у меня нет сына! Я часто думал —

может быть, какая-нибудь детская болезнь или какая-нибудь рана сделала меня бесплодным? У меня нет сына.

— Это ложь! — гневно выкрикнула Гвенхвивар. — Моргейна велела мне не рассказывать об этом — но однажды я пришла к ней и просила у нее амулет от бесплодия. Я была в отчаянье и сказала, что готова отдаться другому мужчине, потому что ты, похоже, не можешь породить ребенка. И Моргейна поклялась, что ты можешь стать отцом, что она видела твоего сына, и он растет при дворе Лота Оркнейского, но она взяла с меня обещание, что я никому об этом не расскажу...

— Он растет при лотианском дворе... — произнес Артур и схватился за грудь, словно у него вдруг заболело сердце. — Боже милостивый... — прошептал он. — А я даже не знал...

Гвенвифар пронзил ужас.

— Нет, нет, Артур, Моргейна — лгунья! Это все ее злой умысел, это она подстроила брак Ланселета и Элейны, потому что завидовала... она солгала, чтобы помучить меня...

— Моргейна — жрица Авалона, — отстраненно произнес Артур. — Она не лжет. Думаю, Гвенвифар, нам следует поговорить об этом. Пошли за Моргейной.

— Нет, нет! — взмолилась Гвенвифар. — Прости меня за эти слова: я была не в себе и сама не ведала, что говорю. О, любезный мой господин и супруг, мой король и мой лорд, прости меня за все то, что я тут наговорила! Умоляю — прости меня!

Артур обнял жену.

— И ты меня прости, любезная моя госпожа. Теперь я вижу, что причинил тебе великий вред. Но если выпускаешь ветер на волю, приходится терпеть его порывы, даже если он сметает все на своем пути...

Он нежно поцеловал Гвенвифар в лоб.

— Пошли за Моргейной.

— Ох, мой лорд, Артур... Я обещала, что никогда не скажу тебе об этом...

— Ну что ж, ты нарушила свое обещание, — сказал Артур. — Сделанного не воротишь.

Он подошел к двери покоев и велел своему дворецкому:

— Разыщи леди Моргейну и скажи, что я и моя королева желаем ее видеть, и как можно скорее.

Когда дворецкий ушел, Артур позвал служанку Гвенвифар. Королева стояла, словно окаменев, пока служанка нарядила ее в праздничное платье и заплела ей косы. Она выпила чашу подогретого вина, разведенного водой, но что-то по-прежнему сдавливало ей горло. Ее болтливости не было прощения.

«Но если этим утром он действительно дал мне дитя... — Но странная боль пронзила все ее тело, до самого чрева. — *Может ли плод укорениться и вырасти в такой горечи?»*

Через некоторое время в королевские покои вошла Моргейна; она была облачена в темно-красное платье, и волосы ее были перевиты темно-красными шелковыми лентами. Она нарядилась для празднества и казалась оживленной и радостной.

«А я — всего лишь бесплодное дерево, — подумала Гвенвифар. — У Элейны есть сын от Ланселета, и даже Моргейна, не имеющая мужа и не желающая его иметь, развратничала с каким-то мужчиной и родила от него, и у Артура есть сын от какой-то неведомой женщины — и только у меня нет никого».

Моргейна поцеловала невестку; Гвенвифар оцепенела, почувствовав прикосновение ее рук к плечам. Моргейна же повернулась к Артуру.

— Ты хотел меня видеть, брат?

— Прости, что побеспокоил тебя в столь ранний час, сестра, — сказал Артур. — Но, Гвенвифар, ты должна теперь повторить свои слова при Моргейне — я не желаю, чтобы при моем дворе множилась клевета.

Моргейна взглянула на Гвенхвивар и увидела покрасневшие глаза и следы слез.

— Милый брат, — сказала она, — твоей королеве нездоровится. Уж не беременна ли она? Что же до ее слов — ну, как говорится, слово костей не ломит.

Артур холодно взглянул на Гвенвифар, и Моргейна осеклась. Здесь больше не было ее брата, которого она так хорошо знала; остался лишь суровый Верховный король, вершащий правосудие.

— Гвенвифар, — произнес он, — не только как твой муж, но и как твой король я приказываю тебе: повтори при Моргейне то, что ты сказала у нее за спиной — будто она сказала тебе, что у меня есть сын, который воспитывается сейчас при лотианском дворе...

«Это правда, — успела за долю секунды подумать Гвенвифар. — *Это правда, и почему-то это задевает ее до глубины души... Но почему?»*

— Моргейна, — произнес Артур. — Скажи мне — это правда? У меня есть сын?

«Что все это значит для Моргейны? Почему она так стремится скрыть это даже от Артура? Конечно, она может желать сохранить в тайне свое распутство, но зачем ей скрывать от Артура, что у него есть сын?»

И вдруг Гвенвифар осенило, и она задохнулась.

Моргейна же тем временем думала: *«Жрица Авалона не лжет. Но я изгнана с Авалона, и потому, если мне не остается иного выхода, я должна солгать, и быстро...»*

— Кто это был? — гневно выкрикнула Гвенвифар. — Одна из

распутных жриц Авалона, которые спят с мужчинами в грехе и похоти на этих их дьявольских празднествах?

— Ты ничего не знаешь об Авалоне, — ответила Моргейна, стараясь изо всех сил, чтоб ее голос не дрогнул. — Твои слова пусты...

Артур взял ее за руку.

— Моргейна, сестра моя...

И Моргейне почудилось, что еще миг, и она разрыдается... как рыдал в ее объятиях Артур в то утро, когда впервые узнал, что Вивиана поймала в ловушку их обоих...

Во рту у Моргейны пересохло, глаза жгло огнем.

— Я сказала о твоем сыне, Артур, лишь затем, чтобы успокоить Гвенвифар. Она боялась, что ты никогда не сможешь дать ей ребенка...

— Скажешь ли ты это, чтобы успокоить меня? — спросил Артур, улыбнувшись, но вместо улыбки получилась мучительная гримаса. — Все эти годы я думал, что не в силах породить сына, даже ради спасения королевства. Моргейна, теперь ты должна сказать мне правду.

Моргейна глубоко вздохнула. В покоях царила мертвая тишина, лишь слышно было, как под окнами лает собака да где-то стрекочет кузнечик. Наконец она произнесла:

— Именем Богини, Артур, раз уж ты желаешь, чтобы я в конце концов сказала об этом... Я родила сына от Короля-Оленя, через десять лун после того, как тебя посвятили в короли на Драконьем острове. Моргауза взяла его на воспитание и поклялась, что ты никогда не услышишь об этом от нее. Теперь ты услышал это от меня. И покончим же с этим делом.

Артур был бледен, как смерть. Он заключил сестру в объятия, и Моргейна почувствовала, что он дрожит всем телом. По лицу его текли слезы, и он не старался ни сдержать их, ни вытереть.

— Ах, Моргейна, Моргейна, бедная моя сестра... Я знал, что причинил тебе великое зло, но даже не думал, что оно настолько велико...

— Ты хочешь сказать, что это правда? — выкрикнула Гвенвифар. — Что эта распутница, твоя сестра, испытала свое развратное искусство на собственном брате?!

Артур обернулся к жене, не выпуская Моргейну из объятий.

— Молчи! Не смей осуждать мою сестру — то была не ее затея и не ее вина!

Он глубоко, судорожно вздохнул, и Гвенвифар успела услышать эхо собственных злых слов.

— Бедная моя сестра, — повторил он. — И ты несла эту ношу одна, не желая перекладывать на меня мою вину... Нет, Гвенвифар, — пылко сказал он, снова оборачиваясь к жене, — все было

не так, как ты думаешь. Это произошло, когда меня посвящали в короли, и мы не узнали друг друга: было темно, а мы не виделись еще с тех пор, когда я был малышом и Моргейна носила меня на руках. Она была для меня просто жрицей Матери, а я для нее — Увенчанным Рогами. Когда же мы узнали друг друга, было уже поздно, и беда свершилась, — произнес Артур, и в голосе его звенели слезы. Он прижал Моргейну к себе и разрыдался. — Моргейна, Моргейна, ты должна была сказать мне!

— И снова ты думаешь только о ней! — крикнула Гвенвифар. — А не о своем величайшем грехе! Ведь она — твоя сестра, плод чрева твоей матери, и за это Бог покарает тебя...

— Он и так меня покарал, — сказал Артур, обнимая Моргейну. — Но грех тот был совершен по неведению — мы не желали ничего дурного.

— Может быть, — нерешительно произнесла Гвенвифар, — именно за это он и покарал тебя бесплодием, и даже теперь, если бы ты покаялся и исполнил епитимью...

Моргейна мягко высвободилась из объятий Артура. Гвенвифар в бессильной ярости следила, как Моргейна вытерла ему слезы своим платком — как бы ей ни хотелось обратного, но в этом жесте не было никакого распутства. Так могла бы сделать мать или старшая сестра.

— Ты слишком много думаешь о грехах, Гвенвифар, — сказала Моргейна. — Мы с Артуром не совершили никакого греха. Грех заключается в желании причинить вред. Нас же свела воля Богини и сила жизни, и раз от этого соития родилось дитя, оно было зачато в любви, что свела нас. Артур не может признать ребенка, рожденного от родной сестры, — это верно. Но он не первый король, имеющий незаконного ребенка, которого он не может признать. Мальчик здоров и умен и находится сейчас в безопасности, на Авалоне. Богиня — да и твой бог, если уж на то пошло, — не какой-нибудь мстительный демон, только и ищущий, как бы покарать человека за некий мнимый грех. Тому, что произошло между Артуром и мною, не следовало происходить. Ни он, ни я к этому не стремились, но что сделано, то сделано. Богиня не стала бы наказывать тебя бездетностью за чужие грехи. Неужели ты можешь обвинить в своей бездетности Артура, Гвенвифар?

— Да! — крикнула Гвенвифар. — Он согрешил, и Бог покарал его за это — за кровосмесительство, за то, что он породил ребенка от собственной сестры, — за служение Богине, этому злому духу распутства... Артур! — выкрикнула она. — Пообещай мне, что ты покаешься, что ты сегодня же, в этот святой праздник пойдешь к епископу и расскажешь, как ты согрешил, и выполнишь епитимью, которую он на тебя наложит! Может быть, тогда Господь простит тебя и избавит нас обоих от кары!

Артур с беспокойством глядел то на Моргейну, то на Гвенвифар.

— Покаяние? Грех? — произнесла Моргейна. — Неужто ты и вправду считаешь своего бога зловредным стариком, которому только и дела, что вынюхивать, кто там ложится в постель с чужой женой?

— Я исповедалась в своих грехах! — крикнула Гвенвифар. — Я покаялась и получила отпущение! Это не за мои грехи Бог нас карает! Артур, пообещай, что ты тоже покаешься! Когда Бог даровал тебе победу при горе Бадон, ты поклялся отвергнуть старое драконье знамя и править как христианский король, но ты не раскаялся в этом грехе! Так покайся же в нем, и Бог дарует тебе победу, как даровал тогда при горе Бадон, — и очистись от своих грехов и дай мне сына, который будет править после тебя в Камелоте!

Артур отвернулся и прижался к стене, спрятав лицо в ладонях. Моргейна качнулась было к нему, но Гвенвифар вскричала:

— Отойди от него, ты!.. Как ты смеешь и дальше вводить его в грех! Или тебе не довольно того, что уже произошло, — тебе, и тому злому демону, которого ты зовешь Богиней, тебе, и той старой ведьме — Балин правильно сделал, что убил ее...

Моргейна зажмурилась, и лицо ее исказилось, словно она готова была расплакаться. Затем она вздохнула и произнесла:

— Я не собираюсь слушать, как ты поносишь мою веру, Гвенвифар. Не забывай — я никогда не поносила твою. Бог есть бог, как бы его ни именовали, и он благ. Я считаю грехом думать, что бог может быть так жесток и мстителен, а ты делаешь его более злобным, чем худший из священников. Прошу тебя: хорошенько подумай, что ты творишь, прежде чем отдавать Артура в руки священников.

Она развернулась так, что темно-красное платье на миг обвилось вокруг ее тела, и покинула королевские покои.

Услышав, что Моргейна вышла, Артур повернулся к Гвенвифар. Наконец он заговорил — никогда еще он не говорил с женой так нежно, даже когда они лежали, сжимая друг друга в объятиях:

— Любимая моя...

— И ты смеешь называть меня так? — с горечью спросила она и отвернулась. Артур положил руку ей на плечо и повернул Гвенвифар лицом к себе.

— Любимейшая моя госпожа и королева... какую боль я тебе причинил...

— Даже сейчас, — дрожа, сказала Гвенвифар, — даже сейчас ты думаешь лишь о том, какую боль ты причинил Моргейне...

— Неужто я могу радоваться при мысли о том, что причинил такую боль родной сестре? Клянусь тебе, я не знал, кто она

такая, до тех пор, пока не стало поздно, а когда я узнал ее, она принялась утешать меня, словно я до сих пор оставался маленьким мальчиком, что сидел когда-то у нее на коленях... Думаю, если бы она набросилась на меня с обвинениями, — а она имела на то полное право, — мне оставалось бы лишь пойти и утопиться в Озере. Но мне даже в голову не приходило, что же я натворил на самом деле... Я был так молод, и нам со всех сторон грозили саксы, и битва шла за битвой...

Он беспомощно развел руками.

— Я пытался поступать так, как велела Моргейна, — помнить, что мы совершили это по неведению. Да, я думаю, что это грех, — но мы не стремились согрешить...

Он казался таким несчастным, что на мгновение Гвенвифар почувствовала искушение сказать то, что он хотел услышать, — что он и вправду не сделал ничего дурного, — обнять его и утешить. Но она не сдвинулась с места. Никогда, никогда Артур не приходил к ней за утешением, никогда не признавал, что причинил ей какой-то вред; даже сейчас он упорно настаивал, что грех, сделавший их бездетными, на самом деле вовсе и не грех; он беспокоился лишь о вреде, который он причинил этой проклятой колдунье, его сестре! Гвенвифар снова расплакалась и вместе с тем разъярилась — ведь Артур подумает, что она плачет от горя, а не от бешенства.

— Так ты думаешь, что причинил горе одной лишь Моргейне?

— Не вижу, чем это могло повредить кому бы то ни было еще, — упрямо произнес Артур. — Гвенвифар, это ведь произошло еще до того, как мы впервые встретились!

— Но ты женился на мне, не получив отпущения за этот великий грех, — и даже теперь ты цепляешься за свой грех, хотя мог бы исповедаться, и исполнить епитимью, и избавиться от кары...

— Гвенвифар, — устало произнес Артур, — моя Гвенвифар, если твой бог способен покарать человека за грех, совершенный по неведению, неужто он отменит кару лишь потому, что я расскажу обо всем священнику, и прочитаю молитвы, которые он велит, и не знаю, что там еще — посижу некоторое время на хлебе и воде...

— Если ты вправду раскаешься...

— О Господи! Ты что, думаешь, что я не раскаялся? — взорвался Артур. — Я раскаивался в этом каждый раз, когда видел Моргейну, все эти двенадцать лет! Неужто мое раскаянье станет глубже, если я расскажу обо всем священникам, которые только и желают заполучить власть над королем?!

— Ты думаешь лишь о своей гордыне, — гневно ответила Гвенвифар, — а гордыня — тоже грех. Если ты смиришься, Бог простит тебя!

— Если твой бог таков, то я не желаю его прощения! — Артур стиснул кулаки. — Я должен править королевством, а как я смогу править им, если буду становиться на колени перед каким-то священником и покорно выполнять то, что он от меня потребует в качестве искупления?! А о Моргейне ты подумала? Они и так уже обзывают ее чародейкой, распутницей, ведьмой! Я не имею права исповедаться в грехе, который навлечет позор и презрение на мою сестру!

— У Моргейны тоже есть душа, нуждающаяся в спасении, — отозвалась Гвенвифар, — и если народ этой земли увидит, что их король способен отринуть гордыню и смиренно покаяться в своих грехах, это поможет им спасти их души, и зачтется ему на небесах.

— Ты споришь не хуже любого моего советника, Гвенвифар, — со вздохом произнес Артур. — Я не священник, и меня не волнуют души моих подданных...

— Как ты можешь так говорить! — воскликнула Гвенвифар. — Ты — король этих людей, и их жизни в твоей руке, а значит, и их души тоже! Ты должен быть первым в благочестии, как был первым в сражении! Что бы ты подумал о короле, который посылает своих воинов в бой, а сам следит за ними с безопасного места?

— Ничего хорошего, — ответил Артур, и Гвенвифар, поняв, что одолевает, добавила:

— А что же ты тогда скажешь о короле, который видит, что его подданные идут путем благочестия и добродетели, и заявляет, что не намерен думать о собственных грехах?

Артур вздохнул.

— Ну почему это тебя так волнует, Гвенвифар?

— Потому что я не в силах думать, что ты будешь мучиться в аду... и потому, что, если ты освободишься от своего греха, Бог может послать нам детей.

Гвенвифар задохнулась и снова расплакалась. Артур обнял жену и прижал ее голову к своей груди.

— Ты и вправду в это веришь, моя королева? — нежно спросил он.

Гвенвифар вспомнила: однажды он уже говорил с нею так — когда впервые отказался идти в бой под знаменем Девы. А затем она восторжествовала и привела его к Христу, и Бог даровал ему победу. Но тогда она не знала, что на душе Артура по-прежнему лежит столь тяжкий грех. Гвенвифар кивнула и услышала вздох Артура.

— Значит, я причинил вред и тебе, и должен как-то исправить это. Но мне кажется несправедливым ради этого навлекать позор на Моргейну.

— Опять Моргейна! — не помня себя от ярости, крикнула

Гвенвифар. — Ты не хочешь, чтобы она страдала из-за тебя; она для тебя — само совершенство! Так скажи тогда: справедливо ли, чтобы я страдала из-за греха, совершенного ею или тобой? Ты так любишь ее, что заставишь меня до конца моих дней страдать от бездетности, лишь бы сохранить этот грех в тайне?

— Даже если я и виновен, моя Гвен, Моргейна ни в чем не повинна...

— Конечно, не повинна! — взорвалась Гвенвифар. — Она всего-то навсего служит этой своей древней Богине, а священники говорят, что эта Богиня и есть тот самый змей, которого Господь вышвырнул из райского сада! Она до сих пор цепляется за свои мерзкие языческие ритуалы! Да, Господь сказал, что те язычники, что не слышали слова Божия, могут спастись, — но Моргейна выросла в христианском доме, а потом обратилась к чародейству Авалона! И все эти годы при твоем дворе она слышит слово Христово — а ведь сказано, что те, кто услышат слово Христово и не покаются, и не уверуют в него, те будут прокляты навеки! А женщины особенно нуждаются в покаянии, потому что именно через женщину в мир пришел первородный грех... — И королева разрыдалась, не в силах больше продолжать.

В конце концов Артур произнес:

— Так чего же ты от меня хочешь, моя Гвенвифар?

— Сегодня — святой день Пятидесятницы, — отозвалась Гвенвифар, вытирая глаза и стараясь сдержать всхлипы, — день, когда дух Божий снизошел на людей. Неужто ты пойдешь к обедне и к причастию с таким грехом на душе?

— Думаю... думаю, мне не следует так поступать, — произнес Артур. Голос его дрогнул. — Если ты и вправду в это веришь, моя Гвен, я не откажу тебе в этой просьбе. Я покаюсь — насколько я могу раскаяться в том, что не считаю грехом — и выполню епитимью, которую наложит на меня епископ.

Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— И ради тебя, любовь моя, я надеюсь, что ты не ошибаешься насчет воли Божьей.

Гвенвифар обняла мужа и расплакалась от благодарности, но на миг ее пронзил сокрушительный страх и сомнение. Ей вспомнилось, как тогда, в доме Мелеагранта она вдруг поняла, что никакие молитвы не спасут ее. Бог не вознаградил ее за добродетель. И потом, когда Ланселет пришел к ней на помощь, не она ли поклялась в душе своей, что никогда больше не станет ни скрывать своей любви, ни каяться в ней — ибо раз Бог не вознаградил ее за добродетель, то, значит, он и не станет карать ее за прегрешения? Бога не волнуют людские дела...

Но Бог все-таки покарал ее. Бог отнял у нее Ланселета и отдал его Элейне — и получилось, что она лишь понапрасну под-

вергла свою душу опасности... Она покаялась и исполнила епитимью, но Бог так и не избавил ее от кары. И вот теперь она узнала, что в том, быть может, и вовсе не было ее вины — она всего лишь разделяет груз Артурова греха, который он совершил вместе со своей сестрой. Но если они оба осводобятся от греха, если Артур смиренно покается и искупит свой великий грех, тогда Бог, конечно же, простит и его...

Артур поцеловал жену в макушку и погладил по голове. Потом он отошел, и Гвенвифар вдруг стало холодно и одиноко без его объятий, словно она не находилась под защитой крепких стен, а стояла среди вересковой пустоши, и ее переполнили растерянность и ужас. Она потянулась к мужу, чтоб снова обнять его, но Артур тяжело опустился в кресло и остался там сидеть — изможденный, измученный, отделенный от нее тысячей лиг.

В конце концов он поднял голову и со вздохом, исторгнутым из самых глубин его души, произнес:

— Пошлите за отцом Патрицием...

Глава 8

Покинув Артура и Гвенвифар в их покоях, Моргейна схватила плащ и выскочила под открытое небо, не обращая внимания на дождь. Она поднялась на стену замка и принялась расхаживать там в одиночестве; вокруг Камелота пестрели шатры соратников Артура и его подданных, подвластных ему королей и гостей, и даже сейчас, во время дождя, над шатрами весело реяли вымпела и знамена. Но небо было серым, и тяжелые тучи едва не задевали вершину холма; безостановочно расхаживая по стене, Моргейна подумала, что Святой Дух мог бы выбрать день получше, чтобы снизойти на людей — и особенно на Артура.

О, да! Теперь Гвенвифар от него не отступится, пока он не предаст себя в руки священников. А как же клятва, которую он дал Авалону?

Однако же, если Гвидиону суждено взойти когда-нибудь на престол своего отца, если именно это замыслил мерлин... *«Никому не дано уйти от своей судьбы. Никому — ни мужчине, ни женщине»*, — безрадостно подумала Моргейна. Талиесин, знаток музыки и древних историй, рассказал ей когда-то повествование древних греков — они обитали на юге, в Святой земле или где-то неподалеку от тех мест, — о человеке, на котором с самого рождения лежало проклятие: предсказали, что он убьет своего отца и женится на матери. Родители прислушались к проклятию и выбросили ребенка из дома, чтоб он умер; но чужие люди подобрали его и вырастили, и однажды, встретившись с родным отцом и не узнав его, юноша поссорился с ним, убил его и женился на

его вдове; и так те самые меры, что были приняты для предотвращения проклятия, привели к его исполнению — если бы юноша вырос в отцовском доме, он не сделал бы того, что совершил по неведению...

Они с Артуром тоже совершили то, что совершили, по неведению, и все же женщина-фэйри прокляла их сына. *«Избавься от ребенка или убей его сразу же, как только он выйдет из твоего чрева; на что нужен Король-Олень, когда вырастает молодой олень?»* И Моргейне почудилось, что мир вокруг сделался серым и странным, словно она брела сквозь туманы Авалона, а сознание ее заполнил странный гул.

В воздухе повис ужасающий грохот и дребезг — у Моргейны даже заложило уши... Нет, это просто церковные колокола зазвонили к обедне. Она слыхала, что фэйри тоже не выносят звона церковных колоколов и что именно поэтому они уходят подальше от людей, в холмы и пещеры... Моргейне показалось, что она не может, просто не может пойти и тихо высидеть обедню, вежливо слушая священника — ведь придворной даме королевы полагалось подавать пример всем прочим. Она задохнется среди этих стен; бормотание священника и запах ладана сведут ее с ума. Лучше уж остаться здесь, под чистым дождем. С этой мыслью Моргейна натянула на голову капюшон; ленты в ее волосах промокли и наверняка испортились. Моргейна попыталась развязать ленты, но безуспешно. На пальцах остались красные пятна. Такая дорогая ткань и так скверно выкрашена...

Но дождь слегка утих, и меж шатров замелькали люди.

— Сегодня турнира не будет, — раздался за спиной у Моргейны чей-то голос, — а то я попросил бы у тебя одну из этих лент, леди Моргейна, и пошел бы с нею в сражение, как со знаменем чести.

Моргейна моргнула, пытаясь взять себя в руки. Молодой мужчина, стройный, темноволосый и темноглазый; лицо его показалось Моргейне знакомым, но она никак не могла вспомнить...

— Ты не помнишь меня, госпожа? — укоризненно спросил мужчина. — А мне рассказывали, что ты поставила на кон ленту, ручаясь за мою победу на турнире, проходившем два года назад — или уже три?

Теперь Моргейна вспомнила его; это был сын Уриенса, короля Северного Уэльса. Акколон — вот как его звали; и она побилась об заклад с одной из дам королевы, заявлявшей, что никто не сумеет выстоять в схватке против Ланселета... Она так и не узнала, кто же победил в том споре. Это была та самая Пятидесятница, когда погибла Вивиана.

— Воистину, я помню тебя, сэр Акколон, но тот праздник

Пятидесятницы, как ты знаешь, завершился жестоким убийством, и убита была моя приемная мать...

Лицо рыцаря сразу же приобрело сокрушенное выражение.

— Тогда я должен просить у тебя прощения за то, что напомнил тебе о столь печальном событии. Но думаю, прежде, чем мы разъедемся снова, тут состоится достаточно турниров и учебных боев — мой лорд Артур желает знать, достаточно ли искусны его легионы и по-прежнему ли они способны защитить всех нас.

— Вряд ли это понадобится, — сказала Моргейна, — даже дикие норманны — и те куда-то делись. Ты скучаешь по временам сражений и славы?

Акколон улыбнулся, и Моргейна невольно подумала, что у него хорошая улыбка.

— Я сражался при горе Бадон, — сказал он. — Это была моя первая битва — и, похоже, она же будет и последней. Думаю, мне больше по душе учебные бои и турниры. Если придется, я буду сражаться, но мне куда приятнее биться ради славы с друзьями, не желающими меня убить, на глазах у прекрасных дам. В настоящем бою, леди, некогда восхищаться чьей-то доблестью, да и доблести там маловато, что бы люди ни твердили об отваге...

Разговаривая на ходу, они приблизились к церкви, и теперь звон колоколов почти заглушал его голос — приятный, напевный голос. Интересно, не играет ли он на арфе? Звон колоколов заставил Моргейну резко отвернуться.

— Ты не пойдешь к праздничной обедне, леди Моргейна?

Моргейна улыбнулась и взглянула на запястья Акколона, обвитые змеями. Мимолетным движением она коснулась одной из змей.

— А ты?

— Не знаю. Я думал пойти, чтобы посмотреть на своих друзей, — сказал Акколон, улыбаясь, — но теперь, когда я могу поговорить с дамой...

— Ты не боишься за свою душу? — с иронией поинтересовалась Моргейна.

— О, мой отец так благочестив, что этого хватит на нас двоих... Он остался без жены, и теперь, несомненно, желает оглядеться по сторонам и присмотреть себе следующий объект для завоевания. Он внимательно изучил слова апостола и знает, что лучше жениться, чем распаляться, — а распаляется он, на мой взгляд, куда чаще, чем подобает человеку его возраста...

— Так ты потерял мать, сэр Акколон?

— Да — еще до того, как меня отняли от груди. И мачеху тоже — первую, вторую и третью, — отозвался Акколон. — У моего отца три ныне живых сына, и он не нуждается в наследниках. Но он слишком благочестив, чтобы просто взять какую-нибудь

женщину себе на ложе, потому ему придется снова жениться. Старший из моих братьев уже женат и тоже имеет сына.

— Так твой отец породил тебя уже в старости?

— В зрелые годы, — сказал Акколон. — И я не так уж юн, если на то пошло. Если бы не война, пришедшаяся на мои молодые годы, меня могли бы отправить на Авалон, изучать мудрость его жрецов. Но к старости отец обратился в христианство.

— И все же ты носишь на теле змей.

Акколон кивнул.

— И знаю кое-что из мудрости Авалона — хотя и меньше, чем мне хотелось бы. В наши дни для младшего сына остается не так уж много дел. Отец сказал, что на нынешнем празднике он подыщет жену и для меня, — с улыбкой произнес рыцарь. — Жаль, что ты происходишь из столь знатного рода, леди.

Моргейна вспыхнула, словно юная девушка.

— О, я все равно слишком стара для тебя, — сказала она. — И я — всего лишь сестра короля по матери. Моим отцом был герцог Горлойс, первый человек, которого Утер Пендрагон казнил как предателя...

После краткой паузы Акколон сказал:

— Возможно, в наши дни стало опасно носить на теле змей — или станет, если священники возьмут больше власти. Я слыхал, будто Артур взошел на трон при поддержке Авалона и что мерлин вручил ему священный меч. Но теперь он сделал свой двор христианским... Отец говорил, что боится, как бы Артур не отдал эту землю обратно под власть друидов — но на то не похоже...

— Это правда, — отозвалась Моргейна, и на мгновение гнев сдавил ей горло. — И все же он до сих пор носит меч друидов...

Акколон внимательно взглянул на собеседницу.

— А ты носишь полумесяц Авалона.

Моргейна покраснела. Все уже пошли на обедню, и двери церкви затворились.

— Дождь усиливается. Леди Моргейна, ты промокнешь и простудишься. Тебе следует вернуться в замок. Придешь ли ты сегодня на пир и согласишься ли сесть рядом со мной?

Моргейна заколебалась, потом улыбнулась. Ни Артур, ни Гвенвифар явно не захотят, чтобы в столь великий праздник она сидела за их столом.

«Она ведь должна помнить, каково это — пасть жертвой похоти Мелеагранта... неужто она посмеет обвинять меня — она, искавшая утешения в объятиях лучшего друга своего мужа? О, нет, это не было изнасилованием, отнюдь — но все же меня отдали Увенчанному Рогами, не спрашивая, хочу ли я того... не плотское желание привело меня на ложе брата, а покорность воле Богини...»

Акколон стоял, ожидая ответа Моргейны, и с нетерпением глядел на нее.

«Если я соглашусь, он поцелует меня и будет молить об одном-единственном прикосновении».

Моргейна знала это, и эта мысль была бальзамом для ее уязвленной гордости. Она улыбнулась Акколону, и у рыцаря перехватило дух.

— Приду, если мы сможем сесть подальше от твоего отца.

И вдруг ее словно громом поразило: точно так же смотрел на нее Артур.

«Так вот чего боится Гвенвифар! Она знала то, чего не знала я — что стоит мне лишь захотеть, и Артур отмахнется от всех ее слов. Меня он любит сильнее. Я не испытываю вожделения к Артуру, для меня он — всего лишь любимый брат, но Гвенвифар этого не знает. Она боится, что я пущу в ход тайные чары Авалона и снова заманю Артура к себе на ложе».

— Прошу тебя, вернись в замок и смени... смени платье, — пылко произнес Акколон.

Моргейна улыбнулась рыцарю и коснулась его руки.

— Увидимся на пиру.

Всю праздничную службу Гвенвифар просидела одна, стараясь успокоиться. Архиепископ прочел обычную проповедь о дне Пятидесятницы, повествуя о снисхождении Духа Святого, и Гвенвифар подумала: «Если Артур наконец-то покается в своем грехе и станет христианином, я должна буду возблагодарить Святого Духа за то, что сегодня он снизошел на нас обоих». Она сложила руки на животе; сегодня они возлежали вместе, и может быть, на Сретенье Господне она уже будет держать на руках наследника королевства... Королева взглянула на Ланселета, стоявшего на коленях рядом с Элейной. К зависти своей Гвенвифар обнаружила, что талия Элейны вновь раздалась. Еще один сын или дочь. *«И теперь Элейна красуется рядом с мужчиной, которого я любила так долго и так сильно, чьего сына я должна была родить... что ж, мне придется склонить голову и смириться на некоторое время; я сделаю вид, будто верю, что ее сын унаследует трон Артура... Ах я грешница! Я твердила Артуру, чтобы он смирил гордыню, а сама полна гордыни».*

Церковь была переполнена, как всегда во время праздничной службы. Артур выглядел бледным и подавленным; он переговорил с епископом, но коротко, потому что следовало идти на обедню. Гвенвифар стояла на коленях рядом с мужем и чувствовала, что он сделался чужим ей, куда более чужим, чем тогда, когда она впервые легла с ним в постель, и ее страшило предчувствие неведомого.

«Нужно мне было помалкивать насчет Моргейны...

Почему я чувствую себя виноватой? Это Моргейна согрешила... Я покаялась в своих грехах, исповедалась и получила отпущение...»

Моргейны в церкви не было; несомненно, у нее не хватило наглости прийти без отпущения грехов на службу божью, где всем стало бы ясно, кто она такая — кровосмесительница, язычница, ведьма, чародейка.

Казалось, что обедня будет тянуться вечно, но в конце концов епископ благословил паству, и люди потянулись к выходу из церкви. На мгновение Гвенвифар прижали к Элейне и Ланселету; Ланселет обнял жену, защищая от случайных толчков толпы. Гвенвифар подняла взгляд на них, чтобы не смотреть на округлившийся живот Элейны.

— Давненько вас не было видно при дворе, — сказала Гвенвифар.

— О, на севере столько дел... — отозвался Ланселет.

— Надеюсь, драконы больше не появлялись? — спросил Артур.

— Слава Богу, нет, — с улыбкой ответил Ланселет. — Моя первая встреча с драконом вполне могла бы стать последней... Да простит меня Бог за то, что я насмехался над Пелинором, когда он рассказывал об этой твари! Думаю, теперь, когда нам не приходится больше воевать с саксами, твоим соратникам следовало бы заняться драконами, разбойниками и прочими тварями, которые мешают людям жить.

Элейна робко улыбнулась Гвенвифар.

— Мой муж такой же, как все мужчины, — они лучше отправятся на бой с драконом, чем будут сидеть дома и наслаждаться мирной жизнью, за которую они так много сражались! Что, Артур тоже таков?

— Думаю, ему хватает сражений здесь, при дворе, — ведь все идут к нему за правосудием, — ответила Гвенвифар и попыталась сменить тему. — Когда ждете пополнения? — спросила она, указав взглядом на округлившийся живот Элейны. — Как по-твоему, кто будет: еще один сын или дочь?

— Надеюсь, что сын — я не хочу дочь, — сказала Элейна. — Ну, а так — кого Бог пошлет. А где Моргейна? Она что, не пришла в церковь? Уж не заболела ли она?

Гвенвифар презрительно улыбнулась.

— Думаю, ты и сама знаешь, какая из Моргейны христианка.

— Но она — моя подруга, — сказала Элейна, — и какой бы плохой христианкой она ни была, я люблю ее и буду за нее молиться.

«Конечно, ты будешь за нее молиться, — с горечью подумала Гвенвифар. — *Она ведь устроила твою свадьбу, чтобы досадить мне».* Прекрасные голубые глаза Элейны показались ей слащавыми, а голос — неискренним. Гвенвифар почувствовала, что

еще минута такого разговора, и она набросится на Элейну и задушит ее. Она извинилась и пошла дальше, и мгновение спустя Артур последовал за ней.

— Я надеялся, — сказал он, — что Ланселет побудет с нами несколько недель, но он снова уезжает на север. Но он сказал, что Элейна может остаться, если ты будешь рада видеть ее. Ей уже довольно скоро предстоит рожать, и Ланселет предпочел бы, чтобы она не ездила в одиночестве. Может быть, Моргейна тоже соскучилась по подруге. Ну, вы решите это между собой, по-женски.

Он сурово взглянул на жену.

— Я должен идти к архиепископу. Он сказал, что поговорит со мной сразу после обедни.

Гвенвифар захотелось вцепиться в него, удержать, оставить при себе, но было поздно — дело зашло слишком далеко.

— Моргейны не было в церкви, — сказал Артур. — Скажи мне, Гвенвифар, ты говорила с ней?..

— Я не сказала ей ни единого слова, ни доброго, ни дурного, — отрезала Гвенвифар. — И меня не волнует, где она, — пусть бы хоть провалилась в преисподнюю!

Артур шевельнул губами, и на миг Гвенвифар показалось, что он сейчас выбранит ее — на какой-то извращенный лад она даже желала навлечь на себя его гнев. Но Артур лишь вздохнул и опустил голову. Он выглядел, словно побитая собака, и Гвенвифар почувствовала, что не в силах видеть его таким.

— Гвен, прошу тебя, не ссорься больше с Моргейной. Ей и без того плохо...

А затем, словно устыдившись своей мольбы, Артур резко развернулся и двинулся прочь, к архиепископу, благословлявшему верующих. Когда Артур подошел к нему, священник поклонился, извинился перед остальными, и король с архиепископом принялись вместе пробираться через толпу.

В замке Гвенвифар ждало множество дел. Нужно было приветствовать гостей, разговаривать с давними соратниками Артура, объяснять, что у Артура срочная беседа с одним из советников (и в самом деле, архиепископ Патриций входил в число королевских советников), и потому он немного задержится. Некоторое время гости были заняты: все приветствовали старых друзей, обменивались новостями, рассказывали, что у кого случилось дома или во владениях, кто женился, кто отпраздновал помолвку дочери, у кого вырос сын, кто завел еще детей, или разделался с разбойниками, или построил новую дорогу, — и отсутствие короля оставалось незамеченным. Но в конце концов гостям надоело предаваться воспоминаниям, и по залу поползли шепотки. Гвенвифар поняла, что угощение остынет; но нельзя ведь начать королевский пир без короля! Она велела подать вино, пиво и

сидр. К тому времени, как слуги накроют на стол, многие из гостей будут настолько пьяны, что их уже ничего не будет волновать. Королева увидела за дальним концом стола Моргейну. Та смеялась и беседовала с каким-то мужчиной; Гвенвифар не узнала его, лишь заметила у него на руках змей Авалона. Она что, решила пустить в ход свое распутство и соблазнить еще и его, как соблазнила перед этим Ланселета и мерлина? Эта падшая женщина просто не может допустить, чтобы какой-нибудь мужчина ускользнул от нее.

Когда Артур наконец-то вошел в зал, ступая медленно и тяжко, Гвенвифар была ошеломлена. Она видела его таким лишь однажды — когда он был тяжело ранен и стоял на пороге смерти. Внезапно Гвенвифар почувствовала, что Артур получил глубочайшую в жизни рану, что он уязвлен в самую душу, и на миг ей подумалось: а может, Моргейна правильно делала, что оберегала Артура от этой ноши? Нет. Она, его верная жена, сделала все, что в ее силах, ради его души и вечного его спасения. Что по сравнению с этим небольшое унижение?

Артур снял праздничный наряд и облачился в скромную тунику без украшений; не надел он и короны, которую обычно носил по праздникам. Его золотистые волосы казались тусклыми и поседевшими. Короля заметили, и соратники разразились рукоплесканиями и приветственными возгласами; Артур стоял, серьезно и торжественно, с улыбкой выслушивая приветствия, затем поднял руку.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал он. — Принимайтесь за трапезу.

Он со вздохом уселся на свое место. Слуги забегали, разнося горшки и блюда, над которыми поднимался пар. Гвенвифар заметила, как один из слуг положил ей несколько кусочков жареной утки, но она лишь поковырялась в тарелке. Через некоторое время она осмелилась наконец поднять глаза и взглянуть на Артура. Несмотря на то, что праздничный стол ломился от яств, на тарелке у короля лежал лишь кусок хлеба, а в кубке была вода.

— Но ты же ничего не ел... — попыталась протестовать Гвенвифар.

Артур криво усмехнулся.

— Я не намерен оскорблять трапезу. Уверен, что все приготовлено прекрасно, дорогая.

— Но ведь нехорошо голодать за праздничным столом...

Артур скривился.

— Ну, раз ты так настаиваешь, — нетерпеливо сказал он. — Архиепископ решил, что мой грех столь тяжек, что он не может отпустить его, назначив обычную епитимью, и поскольку именно этого он от меня потребовал... — Артур устало развел руками. — Вот почему я пришел на праздничный пир в простой ру-

башке, сняв богатый наряд, и мне предстоит долго поститься и молиться, пока я не отбуду епитимью до конца — но ты получила, что хотела, Гвенвифар.

Он решительно осушил кубок, и королева поняла, что муж не желает больше с нею разговаривать.

Но ведь она не хотела такого исхода... Гвенвифар напряглась всем телом, чтоб не расплакаться снова; все гости смотрели на них. Какой будет скандал, когда поймут, что король постится в день величайшего своего праздника! По крыше барабанил дождь. В зале воцарилась странная тишина. В конце концов Артур поднял голову и потребовал музыки.

— Пусть Моргейна споет нам — она лучше любого менестреля!

«Моргейна! Моргейна! Вечно эта Моргейна!» Но что она могла сделать? Моргейна, как заметила Гвенвифар, сняла яркое платье, которое было на ней утром, и надела темный скромный наряд, словно монахиня. Теперь, без этих ярких лент, она уже не так походила на шлюху. Моргейна взяла арфу и села рядом с королевским столом.

Поскольку похоже было, что именно этого и желает Артур, зал заполнился смехом и весельем. Когда Моргейна допела, арфу взял следующий певец, потом следующий... Гости начали пересаживаться от стола к столу, разговаривать, петь, пить...

Ланселет подошел к королевскому столу, и Артур жестом предложил ему присесть рядом, как в былые времена. Слуги принесли сладости и фрукты на больших блюдах, печеные яблоки в сливках и вине, и всяческую искусную выпечку. Они сидели, разговаривая о всяких пустяках, и на миг Гвенвифар почувствовала себя счастливой: все было, как раньше, как в те дни, когда они были друзьями и любили друг друга... Почему это не могло длиться вечно?

Через некоторое время Артур встал из-за стола.

— Думаю, мне следует пойти побеседовать кое с кем из старших соратников... У меня-то ноги молодые, а некоторые из них уже поседели и постарели. Хоть тот же Пелинор — по нему не скажешь, что он способен выйти в бой против дракона. Боюсь, сейчас ему будет непросто справиться даже с комнатной собачкой Элейны!

— С тех пор, как Элейна вышла замуж, ему словно нечего стало делать на этом свете, — сказал Ланселет. — Люди, подобные Пелинору, зачастую умирают вскоре после того, как решают, что дела их окончены. Надеюсь, его такая судьба все-таки не постигнет — я люблю Пелинора и надеюсь, что он еще долго будет с нами. — Он застенчиво улыбнулся. — Я никогда прежде не чувствовал, что у меня есть отец — хотя Бан и был добр ко мне, на свой лад, — и вот теперь, впервые в жизни, у меня есть родственник, который относится ко мне как к сыну. Да и бра-

тьев у меня не было, до тех самых пор, пока я не вырос, и сыновья Бана, Лионель и Борс, не прибыли ко двору. Я до взрослых лет почти не знал их языка. А у Балана хватало своих дел.

После беседы с епископом Артур ни разу не улыбнулся, но теперь на его губах заиграла улыбка.

— Неужто двоюродный брат значит намного меньше родного, а, Галахад?

Ланселет сжал руку короля.

— Да покарает меня Бог, Гвидион, если я забуду...

Он поднял взгляд на Артура, и на миг Гвенвифар показалось, что король обнимет Ланселета; но Артур отступил, безвольно уронив руки. Ланселет встревоженно следил за ним. Артур поспешил сменить тему.

— Вон Уриенс, и Марк Корнуольский — они тоже постарели... Надо им показать, что их король не настолько загордился, чтоб не подойти поговорить с ними. Посиди с Гвенвифар, Ланс, пускай все будет, как раньше.

Ланселет выполнил просьбу Артура и остался сидеть рядом с королевой. В конце концов он спросил:

— Что, Артур заболел?

Гвенвифар покачала головой.

— Думаю, ему назначили епитимью, и он сейчас над этим размышляет.

— Ну, уж у кого, у кого, а у Артура не может быть за душой больших грехов, — сказал Ланселет. — Он — один из безупречнейших людей, каких я только знаю. Я горжусь тем, что он до сих пор считает меня своим другом, — я знаю, что не заслуживаю этого, Гвен.

Он взглянул на Гвенвифар с такой печалью, что королева опять едва не расплакалась. Почему она не может любить их обоих, не впадая в грех, почему Бог повелел, чтобы у женщины был лишь один муж? Что это с ней? Она сделалась не лучше Моргейны, раз к ней в голову приходят подобные мысли!

Гвенвифар коснулась его руки.

— Ты счастлив с Элейной, Ланселет?

— Счастлив? Разве человек бывает счастлив в этой жизни? Я стараюсь, как могу.

Гвенвифар опустила взгляд. На мгновение она позабыла, что этот мужчина был ее любовником, и помнила лишь, что он — ее друг.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. Вправду хочу.

Ланселет на миг накрыл ее ладонь своей.

— Я знаю, милая. Я не хотел сегодня приезжать сюда. Я люблю тебя и люблю Артура — но те времена, когда я мог довольствоваться ролью его конюшего и... — голос Ланселета дрогнул, — и поборника королевы, миновали.

Подняв взгляд и не выпуская его руки, Гвенвифар внезапно спросила:

— Тебе не кажется временами, что мы более не молоды, Ланселет?

Он кивнул и вздохнул.

— Увы, кажется.

Моргейна снова взяла арфу и запела.

— Ее голос все так же прекрасен, — сказал Ланселет. — Мне вспоминается пение матери — она пела не так хорошо, как Моргейна, но у нее был такой же мягкий грудной голос...

— Моргейна все так же молода, — с завистью сказала Гвенвифар.

— Таково свойство древней крови: люди, в чьих жилах она течет, выглядят молодыми — до того самого дня, пока в одночасье не превращаются в стариков, — сказал Ланселет. А потом, склонившись к королеве и коснувшись губами ее щеки, произнес: — Никогда не думай, что ты уступаешь красотою Моргейне, моя Гвен. Ты просто красива по-другому, только и всего.

— Почему ты это сказал?

— Любовь моя, я не могу видеть тебя такой несчастной...

— Боюсь, я не знаю, что это такое — быть счастливой, — сказала Гвенвифар.

«Как Моргейна может быть такой бесчувственной? Она искалечила мою жизнь и жизнь Артура, но ей все нипочем. Она продолжает смеяться и петь, и этот молодой рыцарь со змеями на запястьях окончательно ею очарован».

Вскоре Ланселет сказал, что должен вернуться к Элейне, и покинул Гвенвифар; а когда Артур вернулся, к нему начали подходить соратники и давние сторонники, просить о милостях, подносить дары и подтверждать свои клятвы. Через некоторое время подошел и Уриенс, король Северного Уэльса; он располнел и начал седеть, но по-прежнему сохранил все зубы и до сих пор при необходимости сам водил своих людей в бой.

— Я пришел просить тебя об услуге, Артур, — сказал Уриенс. — Я хочу снова жениться, и был бы рад породниться с твоим домом. Я слыхал, что Лот Оркнейский умер, и прошу у тебя разрешения жениться на его вдове, Моргаузе.

Артур натянуто рассмеялся.

— Дружище, тебе следует обращаться с этой просьбой к сэру Гавейну. Лотиан теперь принадлежит ему, и, несомненно, он был бы рад, если бы его мать вышла замуж куда-нибудь на сторону. Но я ни капли не сомневаюсь, что эта леди достаточно взрослая, чтобы самостоятельно решать подобные вопросы. Я не могу приказать ей выйти за кого-то замуж — это все равно, что приказывать собственной матери...

И внезапно Гвенвифар осенило. Это стало бы наилучшим выходом — Артур ведь сам сказал, что, если при дворе узнают об этом случае, Моргейна будет опозорена. Она тронула Артура за рукав и тихо произнесла:

— Артур, Уриенс — ценный союзник. Ты сам говорил, что уэльские железные и свинцовые рудники так же ценны, как и во времена римлян... И у тебя есть родственница, чьим замужеством ты вправе распоряжаться.

Артур изумленно уставился на жену.

— Но ведь Уриенс — старик!

— Моргейна старше тебя, — сказала Гвенвифар. — И раз у Уриенса есть взрослые сыновья и даже внуки, он не будет особенно переживать, если Моргейна не подарит ему детей.

— Это верно, — задумчиво произнес Артур. — И это был бы неплохой союз.

Он повернулся к Уриенсу и произнес:

— Я не могу приказать леди Моргаузе снова выйти замуж, но моя сестра, герцогиня Корнуольская, еще не замужем.

Уриенс поклонился.

— Я не посмел бы просить так много, мой король, но если твоя сестра согласится стать королевой в моей стране...

— Я никогда не стану принуждать женщину к замужеству против ее воли, — сказал Артур. — Но я спрошу Моргейну.

Он подозвал кивком одного из пажей.

— Когда леди Моргейна закончит петь, спроси, не сможет ли она подойти ко мне.

Уриенс устремил взгляд на Моргейну; темное платье выгодно подчеркивало белизну ее кожи.

— Твоя сестра очень красива. Любой мужчина мог бы считать себя счастливчиком, если бы ему удалось заполучить такую жену.

Когда Уриенс отправился на свое место, Артур, глядя на идущую к нему Моргейну, задумчиво произнес:

— Она долго не выходила замуж — наверное, ей хочется иметь собственный дом, где она будет полной хозяйкой и где ей не придется прислуживать другой женщине. И для большинства мужчин помоложе она слишком умна. Но Уриенс будет только рад: ведь она добра, и она будет хорошо управлять его домом. Хотя мне хотелось бы, чтобы он был не так стар...

— Думаю, ей будет только лучше с мужчиной постарше, — сказала Гвенвифар. — Она ведь не какая-нибудь юная ветреница.

Моргейна подошла и присела в реверансе. Она улыбалась и была так же бесстрастна, как и всегда на людях — и впервые Гвенвифар порадовалась этому.

— Сестра, — сказал Артур. — У меня есть для тебя предложе-

ние о браке. И я думаю, после сегодняшнего утра, — он понизил голос, — тебе стоило бы на некоторое время уехать от двора.

— Я и вправду была бы рада уехать отсюда, брат.

— Ну, в таком случае... — сказал Артур. — Как ты посмотришь на предложение поселиться в Северном Уэльсе? Я слыхал, что это глухие места — но, уж конечно, не более глухие, чем Тинтагель...

К удивлению Гвенвифар, Моргейна зарделась, словно пятнадцатилетняя девчонка.

— Не стану притворяться, брат, будто твое предложение — неожиданность для меня.

Артур хмыкнул.

— Надо же! Что ж он мне не сказал, что уже поговорил с тобой, хитрец он этакий?

Моргейна покраснела и принялась играть кончиком косы. Гвенвифар подумала, что она совсем не выглядит на свои годы.

— Можешь сказать ему, что я с радостью переселюсь в Северный Уэльс.

— Не смущает ли тебя разница в возрасте? — мягко поинтересовался Артур.

— Если его она не смущает, то и меня не смущает тоже.

— Значит, так тому и быть, — сказал Артур и кивком подозвал Уриенса. Тот просиял и подошел. — Моя сестра сказала, что согласна стать королевой Северного Уэльса, друг мой. Думаю, у нас нет никаких причин откладывать свадьбу — мы можем назначить венчание на воскресенье.

Он поднял кубок и обратился к гостям:

— Выпьем за свадьбу, друзья мои — за свадьбу леди Моргейны Корнуольской, моей возлюбленной сестры, и моего доброго друга Уриенса, короля Северного Уэльса!

Впервые за весь день настроение гостей стало соответствовать праздничному пиру на Пятидесятницу; зал заполнился рукоплесканиями, радостными возгласами и поздравлениями. Но Моргейна застыла, словно обратилась в камень.

«Но ведь она согласилась, она сказала, что он уже поговорил с ней...» — подумала Гвенвифар, и вдруг вспомнила молодого рыцаря, увивавшегося вокруг Моргейны. — *Так ведь это же был сын Уриенса! Как там его зовут? Ах, да, Акколон! Но не могла же она ожидать, что он к ней посватается — ведь Моргейна намного старше его! Наверняка это Акколон — иначе с чего бы она была так потрясена?»*

Но затем Гвенвифар ощутила очередной приступ ненависти. *«Ну так пусть Моргейна узнает, каково это — оказаться замужем за мужчиной, которого она не любит!»*

— Так значит, ты теперь тоже будешь королевой, сестра, —

сказала она, взяв Моргейну под руку. — Я буду на свадьбе твоей подружкой.

Но Моргейна взглянула прямо в глаза королеве, и Гвенвифар поняла, что любезные слова ее не обманули.

«Что ж, так тому и быть. По крайней мере, мы окажемся достаточно далеко друг от друга. И нам не придется больше притворяться подругами».

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Пожалуй, для брака, заключенного по сговору, мой начался более-менее неплохо. Гвенвифар немало потрудилась над устройством моей свадьбы — особенно если учесть, как она меня ненавидела. У меня было шесть подружек, и четыре из них — королевы. Артур подарил мне украшения; я никогда не питала особой любви к драгоценностям — на Авалоне меня не приучили их носить, и впоследствии я так к этому и не привыкла, хотя кое-что мне досталось еще от Игрейны. Теперь Артур отдал мне и другие драгоценности нашей матери и кое-что из добычи, захваченной у саксов. Я попыталась было возражать, но Гвенвифар напомнила, что Уриенс наверняка ожидает, что его жена будет одеваться, как подобает королеве. Я пожала плечами и позволила Гвенвифар разукрасить меня, словно детскую куклу. Один из подарков, янтарное ожерелье, я видела в раннем детстве на груди у Игрейны; потом как-то раз я еще видела его в шкатулке матери, тоже в детстве, и она сказала, что это — подарок Горлойса и что когда-нибудь оно достанется мне. Но прежде, чем я выросла настолько, чтобы носить украшения, я стала жрицей Авалона — а там они мне были не нужны. Теперь же оно перешло ко мне вместе со множеством других драгоценностей, хоть я и предупреждала, что не буду их носить.

Единственное, о чем я их просила, — это отложить свадьбу, чтобы я могла пригласить на нее Моргаузу, единственную мою родственницу, — но эту просьбу не выполнили. Возможно, они боялись, что я приду в себя и заявлю, что когда я соглашалась поехать в Северный Уэльс, то имела в виду Акколона, а не старого короля. Я уверена, что по крайней мере Гвенвифар об этом знала. Что мог подумать обо мне Акколон? Ведь я дала слово ему, и в тот же самый день при всех пообещала выйти замуж за его отца! Но мне так и не удалось с ним поговорить.

Но в конце концов, я полагаю, Акколон скорее захотел бы взять в жены пятнадцатилетнюю девушку, а не женщину тридцати четырех лет от роду. Женщина, которой за тридцать, должна довольствоваться мужчиной, который уже успел до этого вступить в брак, и берет ее ради родственных связей, или ради ее красоты, или ради ее имущества, или для того, чтобы она заменила мать его детям — по крайней мере, так говорят женщины. Что ж, с родственными связями у меня все было в порядке — лучше не придумаешь.

Что же касается всего прочего, у меня имелось предостаточно драгоценностей, но мне трудно было вообразить себя мачехой Акколона или прочих детей старого короля. Или даже бабушкой его внуков. Мне пришлось напомнить себе, что мать Вивианы стала бабушкой, когда была моложе, чем я сейчас; она родила Вивиану в тринадцать лет, а Вививна родила дочь, когда ей самой еще не сравнялось четырнадцати.

За три дня, пролетевших между Пятидесятницей и нашей свадьбой, я лишь раз поговорила с Уриенсом. Я надеялась, что, быть может, он, христианский король, откажется от этого брака, когда узнает обо всем; или, быть может, ему нужна молодая жена, способная подарить ему детей. Я не хотела, чтобы он питал ложные надежды и стал потом упрекать меня за их крушение; кроме того, я знала, что христиане придают большое значение непорочности невесты. Должно быть, они переняли это от римлян, с их преклонением перед семьей и почитанием девственности.

— Мне уже за тридцать, Уриенс, — сказала я, — и я — не девушка.

Я не умела говорить о таких вещах вежливо и куртуазно.

Уриенс протянул руку и коснулся маленького синего полумесяца у меня на лбу. Он уже потускнел — я видела это в зеркале, преподнесенном мне Гвенвифар среди прочих подарков. Когда я прибыла на Авалон, знак у Вивианы на лбу тоже уже померк, но она подновляла его синей краской.

— Ты была жрицей Авалона и одной из дев Владычицы Озера и отдала свою девственность богу?

Я подтвердила, что так оно и есть.

— Некоторые из моих людей до сих пор так поступают, — сказал Уриенс, — и я не особенно стараюсь искоренять этот обычай. Крестьяне уверены, что почитать Христа — это хорошо для королей и лордов, которые могут заплатить священникам, чтобы те отмолили их от преисподней, но что простому люду придется туго, если Древние, которых почитали в наших холмах с незапамятных времен, не получат то, что им причитается. Акколон тоже так думает, но теперь, когда власть все больше переходит в руки священников, я стараюсь их не раздражать. Что касается меня самого, до тех пор, пока мое королевство благоденствует, мне все равно, какой бог главенствует на небесах и кому поклоняется мой народ. Но когда-то я и сам носил оленьи рога. Клянусь, что никогда ни в чем не упрекну тебя, леди Моргейна.

Ах, Мать Богиня, подумала я, как жестоко ты шутишь со мной... Ведь я могла бы выйти замуж за Акколона и быть счастлива. Но Акколон молод, и ему нужна молодая жена...

— Ты должен знать еще кое-что, — сказала я Уриенсу. — Я родила ребенка от Увенчанного Рогами...

— Я же сказал, что не стану упрекать тебя за то, что осталось в прошлом, леди Моргейна...

— Ты не понял. Роды дались мне так тяжело, что я наверняка не смогу больше понести дитя.

Я думала, что король захочет иметь жену, способную рожать, — что для него это даже важнее, чем для его младшего сына.

Уриенс погладил меня по руке. Думаю, он действительно старался меня успокоить.

— У меня достаточно сыновей, — сказал он. — Мне не нужно новых. Дети — это хорошо, но я получил свою долю, и даже с излишком.

Я подумала: он глупый, он старый... но он добрый. Если бы он делал вид, что обезумел от желания, меня бы от него затошнило, но с добрым человеком я смогу ужиться.

— Ты горюешь о своем сыне, Моргейна? Если хочешь, можешь послать за ним, пусть растет при моем дворе. Клянусь, что ни ты, ни он не услышите ни единого слова упрека и что он будет расти в почете, который по праву причитается сыну герцогини Корнуолла и королевы Северного Уэльса.

От его доброты у меня на глаза навернулись слезы.

— Ты очень добр, — сказала я, — но ему хорошо там, где он находится, на Авалоне.

— Ну что ж, если вдруг передумаешь, только скажи мне, — сказал Уриенс. — Я буду только рад, если по дому будет бегать еще один мальчишка. Он наверняка как раз сгодится в товарищи для игр для моего младшего сына, Увейна.

— Я думала, сэр, что твой младший сын — Акколон.

— Нет-нет. Увейну всего девять лет. Его мать умерла родами... Ты не думала, что у такого старика, как я, может быть девятилетний сын?

И почему только, с насмешкой подумала я, мужчины так гордятся своей способностью делать сыновей, словно это бог весть какое искусство? Да ведь любой кот это делает не хуже их! Женщина, по крайней мере, почти год носит ребенка в себе и страдает, выпуская его на волю, так что у нее и вправду есть какие-то основания для гордости. Но ведь мужчины выполняют свою часть работы без всяких хлопот, и даже о том не задумываются!

Но вслух я сказала совсем другое, стараясь обратить все в шутку:

— Когда я была молода, сэр, я слыхала в наших краях поговорку: сорокалетний муж может и не стать отцом, но шестидесятилетний непременно им станет.

Я сделала это нарочно. Если бы он обиделся и счел эту шутку непристойной, я бы знала, как в дальнейшем с ним обходиться, и

старалась бы в его присутствии говорить скромно и благопристойно. Но Уриенс лишь рассмеялся от души и сказал:

— Думаю, дорогая, мы с тобой поладим. Хватит с меня молоденьких жен, которые даже не могут пошутить как следует. Надеюсь, ты не пожалеешь, что вышла за такого старика, как я. Мои сыновья потешались надо мной из-за того, что я вновь женился после рождения Увейна, но, сказать по правде, леди Моргейна, к семейной жизни привыкаешь, и мне не нравится жить одному. И когда моя последняя жена скончалась от летней лихорадки... да, и я вправду хотел породниться с твоим братом — но, кроме того, я устал от одиночества. И мне кажется, что хоть ты и оставалась незамужней гораздо дольше, чем другие женщины, ты можешь обнаружить, что это не так уж и плохо — иметь свой дом и мужа, даже если он не молод и не хорош собою. Я знаю, что с тобой не посоветовались, но надеюсь, что ты не будешь особенно несчастлива.

По крайней мере, подумала я, он не ждет, что я буду в восторге от оказанной мне великой чести. Я могла бы сказать, что это ничего не изменит — я не была счастлива с тех самых пор, как покинула Авалон, а поскольку я буду несчастлива, где бы ни находилась, лучше уж я уеду подальше от Гвенвифар и ее злобы. Я не могла больше притворяться ее верной и подругой, и это в каком-то смысле печалило меня, потому что когда-то мы и вправду были близки, и не моя вина, что теперь это закончилось. Я вовсе не хотела отнимать у нее Ланселета; но как я могла ей объяснить, что, хоть я и желала его, в то же время я его презирала и что такой муж — вовсе не подарок? О, если бы Артур поженил нас еще до того, как сам обвенчался с Гвенвифар... но нет, и тогда уже было поздно. Было поздно с той самой ночи у круга стоячих камней. Если бы я тогда позволила ему взять меня, ничего этого не произошло бы... Но сделанного не воротишь. И я не знаю, какие еще планы Вивиана строила на мой счет; но в конечном итоге они привели меня к браку с Уриенсом.

Наша первая ночь оказалась именно такой, как я и ожидала. Уриенс некоторое время ласкал меня, потом немного попытхтел на мне, тяжело дыша, потом внезапно кончил, сполз с меня и уснул. Поскольку я не ожидала большего, то и не испытала разочарования и без особого сожаления свернулась клубочком у него под боком. Уриенсу это нравилось, и хотя после первых нескольких недель он уже редко возлежал со мной, он любил спать со мной в одной постели. Иногда он часами напролет беседовал со мной, обняв меня, — и более того, он прислушивался к моим словам. В отличие от римлян, мужчины Племен никогда не пренебрегали советами женщин, и я была благодарна Уриенсу за то, что он, по крайней мере, всегда выслушивал меня и никогда не отмахивался от моих слов лишь потому, что это говорила женщина.

Северный Уэльс оказался красивой страной; его зеленые холмы

и горы напомнили мне Лотиан. Но гористый Лотиан был бесплоден, а страна Уриенса — зелена и плодородна. Она изобиловала деревьями и цветами; почва здесь была хорошая, и крестьяне собирали хорошие урожаи. Уриенс построил свой замок в одной из прекраснейших долин. Его сын Аваллох, жена Аваллоха и их дети во всем слушались меня, а младший сын Уриенса, Увейн, звал меня матушкой. Я узнала, что это такое — растить сына, и с головой ушла в повседневные заботы о мальчишке, который, как и все его сверстники, лазал по деревьям, расшибался, вырастал из одежды или рвал ее в лесу, грубил учителям и вместо уроков удирал на охоту. Священник отчаялся научить Увейна грамоте, зато наставник воинского дела не мог на него нахвалиться. Я любила Увейна, несмотря на все его проказы. Он ждал меня за обедом и частенько сидел и слушал, как я играю на арфе — у него, как и у всех жителей этой страны, был хороший слух и красивый, мелодичный голос; и как и все при этом дворе, родичи Уриенса предпочитали играть сами, а не слушать наемных менестрелей. Через год-другой я начала воспринимать Увейна как собственного сына — а он, конечно же, не помнил своей матери. При всей своей дикости, со мною он всегда был нежен. Мальчишки в его возрасте непослушны; но хотя он мог целыми днями грубить или дуться, потом всегда наступали моменты, полные тепла: он приходил ко мне и пел, когда я играла на арфе, или приносил мне подарок — полевые цветы или неумело выделанную заячью шкурку, — а пару раз он робко, словно аистенок, наклонялся и касался губами моей щеки. В те времена мне не раз хотелось иметь собственных детей и растить их. При этом тихом дворе, вдали от войн и хлопот юга, больше нечем было заняться.

А потом, когда с момента нашей с Уриенсом свадьбы миновал год, Акколон вернулся домой».

Глава 9

В холмы пришло лето; фруктовые деревья в саду покрылись белыми и розовыми цветами. Моргейна шла по саду, вспоминая весну на Авалоне и деревья, подобные белым и розовым облакам, и ее переполняла тоска. Близилось летнее солнцестояние; Моргейна вычислила это и с печалью поняла, что время, проведенное на Авалоне, в конце концов перестало сказываться на ней — она больше не чуяла смену времен года всем своим естеством.

«Стоит ли лгать себе? Дело не в том, что я все позабыла или что я не чую смены времен года, — я просто не позволяю себе это чувствовать». Моргейна бесстрастно взглянула на себя со стороны — темное роскошное платье, приличествующее королеве... Уриенс отдал ей все платья и драгоценности, принадлежавшие

прежде его покойной жене, да и у нее самой было много украшений, оставшихся от Игрейны; Уриенсу нравилось видеть ее в дорогих убранствах, достойных королевы.

«Некоторые короли казнят государственных преступников или отправляют их на рудники; если королю Северного Уэльса нравится увешивать преступницу драгоценностями, выставлять напоказ и именовать королевой — он в своем праве, не так ли?»

И все же ее переполняло ощущение потока времени, ощущение наступившего лета. У подножия холма пахарь негромкими возгласами подгонял быка. Завтра — летнее солнцестояние.

На следующее воскресенье священник выйдет в поле с факелами и вместе со служками пройдет процессией по всей округе, распевая псалмы и благословляя поля. Бароны и рыцари побогаче — все они были христианами — убеждали простой люд, что это более подобает христианской стране, чем старые обычаи, когда крестьяне жгли костры в полях и взывали к Владычице. Моргейна пожалела — уже не в первый раз, — что принадлежит к королевскому роду Авалона. Лучше бы она была простой жрицей...

«Я по-прежнему находилась бы там, была бы одной из жриц, выполняла поручения Владычицы... а здесь я словно моряк, потерпевший кораблекрушение и выброшенный на неведомый берег...»

Моргейна резко повернулась и зашагала через цветущий сад; она шла, опустив глаза, чтобы не видеть больше яблоневого цвета.

«Весна приходит за весной, а за ней в свой черед настает лето с его плодами. И только я остаюсь одинокой и бесплодной, как христианские девственницы, запертые за монастырскими стенами». Моргейна изо всех сил боролась со слезами — в последнее время они постоянно готовы были вырваться на волю — и все-таки одолела. За спиной у нее заходящее солнце заливало поля красноватым светом, но Моргейна не смотрела назад; здесь же все было серым и пустым. *«Таким же серым и пустым, как я»*.

Когда Моргейна ступила из порог, одна из ее дам обратилась к ней:

— Госпожа моя, король вернулся и ждет вас в своих покоях.

— Да, я так и думала, — сказала Моргейна, отвечая скорее себе, чем даме. Головная боль тугим обручем охватила ее голову, и на миг Моргейна задохнулась, не в силах заставить себя войти во тьму замка, что всю прошедшую холодную зиму смыкалась вокруг нее, словно западня. Затем она строго велела себе перестать дурить, стиснула зубы и прошла в покои Уриенса; полураздетый король растянулся на каменном полу, а камердинер растирал ему спину.

— Опять ты себя изводишь, — сказала Моргейна, едва удер-

жавшись, чтоб не добавить: «Ты ведь уже не юноша, чтобы так носиться по окрестностям».

Уриенс ездил в соседний город, разбирать тяжбу о каких-то спорных землях. Моргейна знала, что теперь королю хочется, чтобы она посидела рядом с ним и послушала новости, привезенные из поездки. Она уселась в свое кресло и принялась вполуха слушать Уриенса.

— Можешь идти, Берек, — сказал он слуге. — Моя леди сама принесет мне одежду.

Когда камердинер вышел, Уриенс попросил:

— Моргейна, ты не разотрешь мне ноги? У тебя получается лучше, чем у него.

— Конечно, разотру. Только тебе нужно будет пересесть в кресло.

Уриенс протянул руки, и Моргейна помогла ему подняться. Она поставила королю под ноги скамеечку, опустилась на колени и принялась растирать его худые, мозолистые стариковские ступни, и растирала до тех пор, пока кровь не прилила к коже и они не стали снова выглядеть живыми. Затем она достала флакончик и растерла искривленные пальцы Уриенса ароматическим маслом.

— Вели своим людям пошить тебе новые сапоги, — сказала Моргейна. — Старые, должно быть, треснули и натерли ногу — видишь, тут водянка?

— Но старые сапоги так хорошо сидят на ноге, а новые вечно жмут, пока их не разносишь, — возразил Уриенс.

— Делай, как тебе угодно, мой лорд, — сказала Моргейна.

— Нет-нет, ты, как всегда, права, — сказал король. — Завтра же велю дворецкому снять мерку.

Моргейна отложила флакон с ароматическим маслом и взяла старые, потерявшие форму мягкие сапоги. Она подумала: *«Может, он понимает, что эти сапоги могут оказаться для него последними, и потому ему так не хочется с ними расставаться?»* Моргейна не знала, что будет означать для нее смерть короля. Она не желала ему смерти — в конце концов, она не видела от него ничего, кроме добра. Моргейна надела Уриенсу на ноги удобные домашние туфли и встала, вытирая руки полотенцем.

— Ну что, тебе лучше, мой лорд?

— Спасибо, дорогая, все просто замечательно. Никто не ухаживает за мной так хорошо, как ты, — отозвался Уриенс. Моргейна вздохнула. Когда он обзаведется новыми сапогами, то наживет и новые неприятности; как он вполне справедливо предполагал, новые сапоги окажутся тесными и будут натирать ноги точно так же, как и нынешние. Возможно, Уриенсу стоило бы отказаться от поездок и сидеть дома, но на это он не пойдет.

— Тебе следовало отправить Аваллоха разбираться с этим

делом, — сказала она. — Ему надо учиться править своим народом.

Старший сын Уриенса был ровесником Моргейны. Он уже долго ждал возможности царствовать, а Уриенс, похоже, намеревался жить вечно.

— Конечно, конечно, — но если бы я не поехал, люди бы подумали, что король о них не заботится, — отозвался Уриенс. — Но, возможно, следующей зимой, когда дороги станут скверными, я так и сделаю...

— Хорошо бы, — сказала Моргейна. — Если у тебя снова появятся ознобыши, твои руки могут совсем отказать.

— Я ведь уже старик, — добродушно улыбнувшись, сказал Уриенс, — и с этим ничего не поделаешь. Как ты думаешь, будет у нас на ужин жареная свинина?

— Будет, — сообщила Моргейна. — И еще ранние вишни. Я позаботилась.

— Ты просто замечательная хозяйка, дорогая, — сказал Уриенс и взял жену под руку. Они вместе вышли из комнаты.

«Он считает, что это любезно — так говорить», — подумала Моргейна.

Все домашние Уриенса уже собрались на вечернюю трапезу: здесь был Аваллох, его жена Мелайна, их маленькие дети, Увейн, смуглый и долговязый, три его сводных брата и священник, их наставник. Ниже за длинным столом сидели рыцари и их дамы и старшие слуги. Когда Уриенс и Моргейна заняли свои места и Моргейна велела слугам нести ужин, младший ребенок Мелайны принялся капризничать.

— Бабушка! Я хочу к бабушке на колени! Хочу, чтоб бабушка меня кормила!

Мелайна — изящная темноволосая молодая женщина, находившаяся на позднем сроке беременности — нахмурилась и велела:

— Конн, успокойся сейчас же!

Но малыш уже заковылял к Моргейне. Моргейна рассмеялась и взяла его на руки. *«Не очень-то я похожа на бабушку,* — подумала она. — *Мы с Мелайной почти ровесницы»*. Но внук Уриенса любил ее, и она прижала малыша к себе; курчавая головка уткнулась ей в грудь, а в руку вцепились чем-то перемазанные пальчики. Моргейна нарезала свинину мелкими кусочками и стала кормить Конна из своей тарелки, а потом вырезала для него кусочек хлеба в форме свиньи.

— Вот видишь, так ты можешь съесть еще больше свинины... — сказала она, вытирая жирные пальцы, и сама принялась за еду. Моргейна поныне почти не ела мяса; она макала хлеб в мясную подливу — и только. Она быстро, раньше всех, покончила с едой, откинулась на спинку кресла и принялась тихонько

что-то напевать Конну, а тот, довольный, свернулся у нее на коленях. Через некоторое время Моргейна заметила, что все прислушиваются к ее пению, и умолкла.

— Пожалуйста, матушка, спой еще, — попросил Увейн, но Моргейна покачала головой.

— Нет, я устала. Что это там за шум во дворе?

Она поднялась из-за стола и велела слуге посветить ей. Слуга встал у нее за спиной, высоко подняв факел, и Моргейна увидела, что во двор въехал всадник. Слуга всунул факел в подставку на стене и бросился к всаднику, чтобы помочь ему спешиться.

— Мой лорд Акколон!

Акколон вошел в дом. Алый плащ вился у него за спиной, словно поток крови.

— Леди Моргейна, — произнес он и низко поклонился. — Или мне следует говорить — госпожа моя матушка?

— Пожалуйста, не надо, — нетерпеливо сказала Моргейна. — Входи, Акколон. Твой отец и братья будут рады видеть тебя.

— А ты, леди?

Моргейна прикусила губу. Она чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Ты — сын короля, а я — дочь короля. Неужто я должна напоминать тебе, как заключаются подобные браки? Не я это затеяла, Акколон, и когда мы с тобой разговаривали, я понятия не имела...

Она умолкла. Акколон мгновение смотрел на нее снизу вверх, потом склонился над ее рукой.

— Бедная Моргейна, — произнес он так тихо, что даже слуга не мог этого расслышать. — Я верю тебе, леди. Так значит, мир... матушка?

— Только если ты не будешь звать меня матушкой, — отозвалась она с вымученной улыбкой. — Не такая уж я старая. Ладно еще, когда меня так зовет Увейн...

Но тут они вошли в зал, и Конн, завидев ее, закричал:

— Бабушка!

Моргейна невесело рассмеялась и снова взяла малыша на руки. Она чувствовала, что Акколон смотрит на нее; она уселась на свое место, посадив ребенка на колени, и молча стала слушать, как Уриенс приветствует сына.

Акколон сдержанно обнял брата, поклонился его жене, опустившись на колено, поцеловал руку отца, затем повернулся к Моргейне.

— Избавь меня от дальнейших любезностей, Акколон, — резко сказала она, — у меня грязные руки. Я кормлю ребенка, а с ним невозможно не перемазаться.

— Как скажешь, госпожа, — отозвался Акколон и сел за

стол. Служанка подала ему тарелку. Но все то время, пока он ел, Моргейна чувствовала на себе его взгляд.

«Должно быть, Акколон до сих пор сердит на меня. Еще бы: утром он попросил моей руки, а вечером увидел, как меня обручили с его отцом; наверняка он считает, что я не устояла перед искушением — зачем выходить замуж за королевского сына, когда можно заполучить короля?»

— Ну, нет, — сказала она, слегка встряхнув Конна, — если хочешь сидеть у меня на коленях, веди себя смирно и не хватайся за мое платье жирными руками...

«Когда он видел меня в последний раз, я была одета в алое. Я была сестрой Верховного короля, и за мной тянулась слава колдуньи... А теперь я — бабушка с перемазанным малышом на коленях, я веду домашнее хозяйство и ворчу на старика-мужа за то, что он отправился в дорогу в старых сапогах и натер себе ноги». Моргейна до боли остро чувствовала каждый седой волосок у себя на голове, каждую морщинку на лице. *«Во имя Богини, с чего это вдруг меня должно волновать, что обо мне думает Акколон?»* Но ее действительно это волновало, и Моргейна это знала. Она привыкла, что молодые мужчины смотрят на нее и восхищаются ею, а теперь она внезапно почувствовала себя старой, некрасивой, никому не нужной. Моргейна никогда не считала себя красавицей, но до сих пор она всегда сидела среди молодежи, а теперь ее место было среди стареющих почтенных дам. Она снова прикрикнула на расшалившегося малыша, — Мелайна спросила Акколона, что творится при дворе Артура.

— Ни о каких великих свершениях не слыхать, — сообщил Акколон. — Думаю, на наш век их уже не осталось. Двор сделался тихим и скучным, а сам Артур отбывает епитимью за какой-то неведомый грех — он не прикасается к вину даже по праздникам.

— Королева не собирается подарить ему наследника? — поинтересовалась Мелайна.

— Пока не слыхать, — сказал Акколон. — Хотя одна из ее дам перед турниром сказала мне, будто ей кажется, что королева забеременела.

Мелайна повернулась к Моргейне.

— Ты ведь хорошо знаешь королеву — правда, госпожа моя свекровь?

— Знаю, — согласилась Моргейна. — Что же касается этого слуха — ну, Гвенвифар всегда считает себя беременной, стоит ее месячным запоздать хоть на день.

— Король — дурак, — заявил Уриенс. — Ему давно следовало бы отослать ее и взять другую женщину, которая родила бы ему сыновей. Я прекрасно помню, какой воцарился хаос, когда

люди думали, что Утер умер, не оставив наследника. Нужно твердо знать, к кому перейдет трон.

— Я слыхал, — заметил Акколон, — что король назначил наследником одного из своих кузенов — сына Ланселета. Мне это не очень нравится: Ланселет — сын Бана Бенвикского, а зачем нам нужен чужестранный Верховный король?

— Ланселет — сын Владычицы Озера, — твердо произнесла Моргейна, — потомок древнего королевского рода.

— Авалон! — с отвращением воскликнула Мелайна. — Здесь христианская страна. Какое нам дело до Авалона?

— Куда большее, чем ты думаешь, — сказал Акколон. — Я слыхал, что многие помнят Пендрагона и не слишком радуются тому, что двор Артура сделался христианским. И еще люди помнят, что Артур, восходя на престол, дал клятву поддерживать Авалон.

— Да, — подтвердила Моргейна. — И он носит священный меч Авалона.

— Похоже, христиане не ставят это ему в вину, — сказал Акколон. — Мне вспомнились кое-какие новости: Эдрик, король саксов, принял христианство и вместе со всей своей дружиной крестился в Гластонбери. А потом он поклялся Артуру в верности, и все саксонские земли признали Артура Верховным королем.

— Артур — король над саксами? Ну и чудеса! — поразился Аваллох. — Я слыхал, будто он говорил, что будет разговаривать с саксами только на языке меча!

— И все-таки случилось так, что король саксов преклонил колени, а Артур принял его клятву, а потом протянул ему руку и помог подняться, — сказал Акколон. — Возможно, он женит сына Ланселета на дочери сакса и покончит с войной. А мерлин теперь сидит среди советников Артура, и говорят, будто он — такой же добрый христианин, как и все они!

— Гвенвифар, должно быть, счастлива, — заметила Моргейна. — Она всегда твердила, что бог даровал Артуру победу при горе Бадон именно потому, что он шел в бой под знаменем с изображением Святой Девы. А еще я слыхала, как она сказала, что бог продлил его дни для того, чтобы он мог привести саксов под руку церкви.

Уриенс пожал плечами.

— Я, пожалуй, не позволю ни единому вооруженному саксу стоять у меня за спиной — даже если он напялит на себя епископскую митру!

— Да и я тоже, — согласился Аваллох. — Но если вожди саксов примутся молиться и думать о спасении души, они, по крайней мере, перестанут устраивать налеты на наши деревни и аббатства. А что касается епитимьи и поста — как ты думаешь, что такого может быть у Артура за душой? Я сражался в его армии,

но я никогда не входил в число соратников и плохо его знаю. Но он всегда казался мне на редкость хорошим человеком, а столь длительную епитимью могли наложить только за небывало тяжкий грех. Леди Моргейна — ты ведь его сестра, ты, наверное, должна знать.

— Я его сестра, а не его духовник, — огрызнулась Моргейна, поняла, что ответ вышел чересчур резким, и умолкла.

— У любого человека, пятнадцать лет провоевавшего с саксами, найдется за душой множество такого, в чем он не рад будет признаться, — сказал Уриенс. — Но мало кто столько думает о душе, чтобы вспоминать об этом всем, когда война закончилась. Всем нам ведомо убийство, разорение, кровь и резня невинных. Но даст Бог, на нашем веку войн больше не будет, и теперь, раз мы заключили мир с людьми, у нас будет больше времени, чтобы достичь мира с Господом.

«Так, значит, Артур до сих пор отбывает епитимью, и старый архиепископ Патриций до сих пор держит его душу в заложниках! Хотелось бы мне знать — рада ли этому Гвенвифар?»

— Расскажи нам побольше о дворе! — попросила Мелайна. — Как там королева? Во что она была одета?

Акколон рассмеялся.

— Я мало что смыслю в дамских нарядах. Какое-то белое платье, шитое жемчугом — ирландский рыцарь Мархальт привез его в подарок от короля Ирландии. Элейна, как я слыхал, родила Ланселету дочь — или это было в прошлом году? Сын у нее уже был — это его назвали наследником Артура. А при дворе короля Пелинора случился скандал — его сын Ламорак съездил с поручением в Лотиан и теперь твердит, что хочет жениться на вдове Лота, старой королеве Моргаузе...

— Парень, должно быть, рехнулся! — хохотнул Аваллох. — Моргаузе же лет пятьдесят, если не больше!

— Сорок пять, — поправила его Моргейна. — Она на десять лет старше меня.

И зачем только она сама поворачивает нож в ране? *«Я что, хочу, чтобы Акколон понял, какая я старая — вполне подходящая бабушка для отпрысков Уриенса?..»*

— Он и вправду рехнулся, — согласился Акколон. — Распевает баллады, носит подвязку своей дамы и вообще страдает всякой чушью...

— Думаю, эта подвязка сгодится лошади вместо недоуздка, — заметил Уриенс.

Акколон покачал головой.

— Отнюдь. Я видел вдову Лота — она до сих пор красива. Конечно, она не девочка — но кажется, это лишь придает ей красоты. Меня другое удивляет: что такая женщина могла найти в зеленом юнце? Ламораку едва сравнялось двадцать.

— А что юнец мог найти в даме почтенных лет? — не унимался Аваллох.

— Возможно, — рассмеялся Уриенс, — дама весьма сведуща в постельных забавах. Конечно, в том можно усомниться — ведь она была замужем за стариком Лотом. Но наверняка у нее были и другие учителя...

Мелайна покраснела.

— Пожалуйста, перестаньте! Разве такие разговоры уместны среди христиан?

— Были бы они неуместны, невестушка, с чего бы твоя талия так раздалась? — поинтересовался Уриенс.

— Я — замужняя женщина, — отозвалась пунцовая от смущения Мелайна.

— Если быть христианином — означает стыдиться говорить о том, чего никто не стыдится делать, то упаси меня Владычица когда-либо назваться христианкой! — отрезала Моргейна.

— Однако, — подал голос Аваллох, — это все-таки нехорошо: сидеть за трапезой и рассказывать непристойные истории о родственнице леди Моргейны.

— У королевы Моргаузы нет мужа, которого эта история могла бы оскорбить, — сказал Акколон. — Она — взрослая женщина и сама себе госпожа. Несомненно, ее сыновья только рады тому, что она завела себе любовника, но не торопится выходить за него замуж. Разве она, кроме всего прочего, не является герцогиней Корнуольской?

— Нет, — отозвалась Моргейна. — После того, как Пендрагон казнил Горлойса за измену, герцогиней Корнуолльской стала Игрейна. У Горлойса не было сыновей, а поскольку Утер отдал Тинтагель Игрейне в качестве свадебного дара, полагаю, теперь он принадлежит мне.

И внезапно Моргейне до боли захотелось увидеть тот полузабытый край, черный силуэт замка и скал на фоне неба, крутые склоны потаенных долин, захотелось услышать шум морского прибоя у подножия замка... *«Тинтагель! Мой дом! Я не могу вернуться на Авалон — но я не бездомна... Корнуолл принадлежит мне».*

— Полагаю, моя дорогая, — сказал Уриенс, — по римским законам я, как твой муж, являюсь герцогом Корнуольским.

Моргейну захлестнула вспышка ярости.

«Только через мой труп! — подумала она. — *Уриенсу ведь нет никакого дела до Корнуолла — он только хочет, чтобы Тинтагель, как и я сама, сделался его собственностью! А может, я отправлюсь туда, поселюсь там одна, как Моргауза в Лотиане, и буду сама себе хозяйка — и никто не будет мною командовать...»* В памяти ее всплыла картинка: покои королевы в Тинтагеле, и она сама, совсем еще малышка, сидит на полу и играется старым верете-

ном... *«Если Уриенс посмеет заявить свои права хоть на акр корнуольской земли, я подарю ему шесть футов — и он ею подавится!»*

— А теперь расскажите мне здешние новости, — сказал Акколон. — Весна выдалась поздняя — я видел пахарей в полях.

— Но вспашка почти закончена, — сказала Мелайна, — и в воскресенье люди будут благословлять поля...

— И выбирать Весеннюю Деву, — подал голос Увейн. — Я был в деревне и видел, как они отбирают самых красивых девушек... Тебя ведь здесь не было в прошлом году, матушка, — обратился он к Моргейне. — Они выбирают самую красивую девушку и называют ее Весенней Девой, и она идет с процессией по полям, когда священник их благословляет... а танцоры пляшут вокруг полей... и несут соломенную фигурку из соломы прошлого урожая. Отцу Эйану это не нравится, хоть я и не понимаю, почему — это ведь так красиво...

Священник кашлянул и сказал, словно бы сам себе:

— Благословения церкви вполне довольно. Если слово Божье позволяет полям цвести и зеленеть — чего же еще нам нужно? Соломенное чучело, которое они носят, — это память о тех скверных временах, когда людей и животных сжигали заживо, чтоб их жизнь дала полям плодородие, а Весенняя Дева — воспоминание о... — нет, я лучше не буду при детях рассказывать о столь нечестивом языческом обычае!

— Были времена, — сказал Акколон, обращаясь к Моргейне, — когда Весенней Девой — равно как и Хозяйкой урожая — была королева этой земли, и это она совершала обряд на полях, чтобы принести им жизнь и плодородие.

Моргейна увидела на его руках бледные синие силуэты змей Авалона.

Мелайна перекрестилась и чопорно произнесла:

— Слава Богу, что мы живем среди цивилизованных людей!

— Я сомневаюсь, чтобы тебе предложили исполнять этот обряд, госпожа моя невестка, — заметил Акколон.

— Нет, — заявил Увейн, бестактный, как всякий мальчишка, — она не настолько красивая. А вот наша матушка — красивая. Правда, Акколон?

— Я рад, что ты считаешь мою королеву красивой, — поспешно вмешался Уриенс, — но что прошло, то прошло. Мы не будем сжигать в полях кошек и овец и не будем убивать королевского козла отпущения, чтобы разбрызгать его кровь по полю. И мы больше не нуждаемся в том, чтобы королева благословляла поля подобным образом.

«Нет, — подумала Моргейна. — *Теперь все сделалось бесплодным. Теперь вокруг одни лишь священники с крестами, запрещающие жечь костры плодородия. Это просто чудо, что Владычица до*

сих пор не разгневалась на то, что ее лишили должного почета, и не наслала на поля болезни...»

Вскоре домашние отправились отдыхать. Моргейна последней встала из-за стола и отправилась проверить, все ли двери заперты. А затем, прихватив маленькую лампу, она пошла посмотреть, постелили ли Акколону — комнату, что прежде принадлежала ему, теперь занимал Увейн со своими сводными братьями.

— Тебе ничего не нужно?

— Ничего, — отозвался Акколон. — Разве что даму, которая украсила бы собою мои покои. Мой отец — счастливый человек, леди. И ты заслужила того, чтобы стать женой короля, а не младшего сына короля.

— Неужели ты никогда не перестанешь упрекать меня?! — взорвалась Моргейна. — Я же тебе сказала: у меня не было выбора!

— Но ты дала слово мне!

Кровь отхлынула от лица Моргейны. Она сжала губы.

— Сделанного не воротишь, Акколон.

Она взяла лампу и повернулась, собираясь уходить. Акколон произнес ей вдогонку — почти угрожающе:

— Я не считаю, что между нами все кончено, леди!

Моргейна не ответила. Она поспешно прошла по коридору в покои, которые делила с Уриенсом. Там ее ждала одна из дам, чтоб помочь ей снять платье, но Моргейна отослала ее. Уриенс уселся на край кровати и простонал:

— Даже эти туфли слишком жесткие для меня! Ох, до чего же приятно отправится на отдых!

— Значит, тебе нужно хорошенько отдохнуть, мой лорд.

— Нет, — отозвался он, — завтра нужно благословлять поля... Возможно, нам следует радоваться, что мы живем в цивилизованной стране и королю с королевой больше не нужно при всех возлежать друг с другом, дабы призвать на поля благословение. Но может быть, дорогая моя леди, в канун праздника мы устроим свое собственное благословение — здесь, в наших покоях? Что ты на это скажешь?

Моргейна вздохнула. Все это время она с величайшей щепетильностью заботилась о гордости своего стареющего мужа; он пользовался ее телом нечасто и довольно неуклюже, но Моргейна никогда не давала ему понять, что его мужские способности далеки от совершенства. Но Акколон пробудил в ней и без того отдававшую болью память о годах, проведенных на Авалоне — факелы, движущиеся к вершине холма, костры Белтайна и девы, ожидающие на вспаханных полях... И вот сегодня она услышала, как какой-то жалкий священник насмехается над тем, что было для нее величайшей святыней. А теперь даже Уриенс обратил все это в насмешку.

— Я бы сказала, что лучше уж никакого благословения, чем

то, которое можем дать мы с тобой. Я стара и бесплодна, да и ты уже не тот король, который может дать полям жизненную силу!

Уриенс удивленно уставился на жену. За весь год, который они прожили вместе, Моргейна не сказала ему ни единого резкого слова. И теперь он был так потрясен, что даже не подумал одернуть ее.

— Конечно, ты права, — тихо сказал он. — Ну, что ж, значит, оставим это молодым. Ложись спать, Моргейна.

Но когда она улеглась рядом с ним, он лежал неподвижно, и лишь через некоторое время робко обнял ее за плечи. Моргейна уже успела пожалеть о своих жестоких словах... Ей было холодно и одиноко. Она лежала, прикусив губу, чтобы не расплакаться. Но когда Уриенс попытался заговорить с ней, она притворилась, будто спит.

День летнего солнцестояния выдался ясным. Моргейна, проснувшись на рассвете, сразу же поняла, что хоть она и не раз говорила себе, будто перестала чуять подобные вещи, но нынешнее лето что-то пробудило в ней. Одевшись, она бесстрастно взглянула на спящего мужа.

Она вела себя, как дура. И зачем только она безропотно приняла слова Артура? Побоялась поссорить его с другим королем? Если он не в силах удержать свой трон без помощи женщины, возможно, он вообще его недостоин. Он отступник, он предал Авалон. Он отдал ее в руки другого отступника. А она покорно согласилась со всем, что они решили за нее.

«Игрейна позволила, чтобы вся ее жизнь стала разменной монетой в политике». И в душе Моргейны шевельнулось нечто, умершее или уснувшее с того самого дня, когда она бежала с Авалона, унося в своем чреве Гвидиона, — внезапно оно пробудилось и зашевелилось, медленно и вяло, словно спящий дракон, движение столь же тайное и незримое, как первое движение плода в чреве; эта неведомая сила произнесла, негромко и отчетливо: *«Если я не позволила Вивиане, которую любила всей душой, использовать меня подобным образом, почему я должна покорно склонить голову и позволить, чтоб меня использовали в интересах Артура? Я — королева Северного Уэльса и герцогиня Корнуолла, где имя Горлойса до сих пор что-то да значит, и я принадлежу к королевскому роду Авалона»*.

Уриенс застонал и неловко повернулся.

— О Господи, у меня все тело ноет, а каждый палец на ногах будто набит больными зубами! И зачем только я вчера скакал так быстро? Моргейна, ты не разотрешь мне спину?

Первым побуждением Моргейны было бросить в ответ:

«У тебя есть дюжина дворецких, а я тебе жена, а не рабыня!» Но она сдержалась и вместо этого с улыбкой произнесла:

— Да, конечно, — и послала пажа за ее флаконами с ароматическими маслами.

Пускай Уриенс считает ее по-прежнему уступчивой. В конце концов, целительство тоже входит в обязанности жрицы. Конечно, это лишь самая малая часть ее обязанностей, но зато оно даст ей доступ к мыслям и планам короля. Она размассировала Уриенсу спину и втерла в больные ноги целебный бальзам, выслушивая при этом тонкости спора о земельных владениях, который вчера решал король.

«При Уриенсе любая могла бы быть королевой. Ему только и нужно, что приветливое лицо да добрые руки, которые могли бы за ним ухаживать. Ну что ж, это у него будет — до тех пор, пока мне это будет выгодно».

— Похоже, денек выдался отличный для благословления урожая. День летнего солнцестояния дождливым не бывает, — сказал Уриенс. — Владычица озаряет свои поля, чтобы освятить их; по крайней мере, во времена моей молодости, когда я был язычником, говорили, что Великий Брак не должен вершиться в грязи.

Он хохотнул.

— Однако я помню один случай — я тогда еще был зеленым юнцом, — когда дожди лили десять дней подряд. Мы с жрицей перемазались в грязи, словно свиньи!

Моргейна невольно улыбнулась; действительно, картина ей представилась презабавная.

— Богиня способна шутить даже посредством ритуала, — сказала она. — Кроме того, ее зовут, среди прочих имен, и Великой Свиньей, и все мы — ее поросята.

— Ах, Моргейна, хорошие тогда были времена! — сказал Уриенс. Потом его лицо напряглось. — Конечно, все это было давно — теперь люди желают, чтоб короли были величественны и достойны. Те времена ушли и более не вернутся.

«В самом деле? Сомневаюсь», — подумала Моргейна, но промолчала. Ей вдруг подумалось, что Уриенс, пока был помоложе, был достаточно силен, чтобы противостоять волне христианства, накатывающейся на эти земли. Если бы Вивиана приложила побольше усилий для того, чтобы возвести на трон короля, который не зависел бы от священников... Но кто мог знать, что Гвенвифар окажется набожна сверх всякой меры? И почему мерлин бездействует?

Если мерлин Британии и мудрецы Авалона ничего не предпринимают для того, чтоб остановить эту волну, что грозит затопить нашу землю и смыть все древние обычаи и древних богов, то за что же ей упрекать Уриенса? В конце концов, он — всего

лишь старый человек, желающий мира и покоя. Не стоит делать из него врага. Если он будет доволен жизнью, ему не будет дела до того, чем занимается его жена... Впрочем, Моргейна сама еще толком не знала, что именно она собирается предпринять. Но знала зато, что дни безмолвной покорности миновали.

— Жаль, что мы с тобой тогда не были знакомы, — сказала она и позволила Уриенсу поцеловать ее в лоб.

«Если бы я вышла за него замуж еще тогда, когда только вступила в брачный возраст, Северный Уэльс мог бы так и не сделаться христианской страной. Но и сейчас еще не поздно. Есть люди, помнящие, что король носит на руках змей Авалона, хоть они и поблекли. И он женат на той, что была Верховной жрицей Владычицы.

Здесь мне было бы легче вершить свои труды, чем при дворе Артура, в тени Гвенвифар».

Моргейне пришло в голову, что Гвенвифар больше бы радовалась такому мужу, как Уриенс, которого она могла бы всецело подчинить своему влиянию, чем такому, как Артур, — ведь он жил полнокровной жизнью, а ей не было там места.

А ведь был такой момент, когда Моргейна могла обрести влияние на Артура — как женщина, с которой он вступил в зрелость, которая олицетворяла для него саму Богиню. Но она в своей глупости и гордыне допустила, чтобы он оказался в руках Гвенвифар и священников. Лишь теперь, когда было слишком поздно, она начала понимать замысел Вивианы.

«Если уж говорить начистоту — мы могли бы править этой землей; Гвенвифар звалась бы Верховной королевой, но она владела бы лишь телом Артура; его сердце, душа и разум принадлежали бы мне. Какой же я была дурой... Мы с ним могли бы править вместе — в интересах Авалона! Теперь же Артур — игрушка в руках священников. Однако он до сих пор носит священный меч друидов, а мерлин Британии не предпринимает никаких действий, чтобы помешать ему.

Я должна завершить дело, которое не успела окончить Вивиана.

О Богиня, как много я позабыла...»

Моргейна остановилась, поражаясь собственной дерзости. Уриенс как раз прервал свое повествование, и, когда Моргейна перестала растирать ему ноги, он вопросительно уставился на жену. Моргейна поспешно сказала:

— Я совершенно уверена, дорогой мой супруг, что ты был прав.

И она плеснула себе на ладонь еще немного сладковато пахнущего бальзама. Моргейна понятия не имела, с чем же она согласилась, но Уриенс улыбнулся и принялся рассказывать дальше, а Моргейна вновь погрузилась в размышления.

«Я по-прежнему остаюсь жрицей. Странно — почему вдруг

после стольких лет, когда даже видения Авалона поблекли, ко мне вдруг вернулась эта уверенность?»

Она задумалась над новостями, которые привез Акколон. Элейна родила дочь. Сама Моргейна не сможет дать Авалону дочь, но она может, подобно самой Вивиане, взять воспитанницу. Она помогла Уриенсу одеться, вместе с ним спустилась вниз и принесла с кухни хлеб, только что из печи, и свежесваренное, пенящееся пиво. Моргейна взялась сама ухаживать за супругом и намазала хлеб медом. Пускай он и дальше считает ее самой верной из своих подданных, своей любезной и услужливой женой. Ей нетрудно. Но может настать такой момент, когда ей понадобится доверие Уриенса, чтобы он не мешал ей поступать по своему усмотрению.

— Что-то мои старые кости болят даже летом. Наверное, надо мне съездить на юг, в Аква Сулис, на воды. Там есть древний храм богини Суль — римляне в свое время построили там огромную баню, и кой-чего от нее сохранилось до сих пор. Большие бассейны теперь засорились, а саксы утащили оттуда множество прекрасных вещей и сбросили с постамента статую Богини, но сам источник никуда не делся; он бьет из какой-то подземной кузни — он кипит, день за днем, год за годом, и над ним поднимаются облака пара. Воистину, это зрелище внушает трепет! Там есть бассейны с горячей водой: там человек может вымыть из своих костей всю усталость. Я не был там уже года три, но теперь в округе все спокойно, и я непременно съезжу туда снова.

— Не вижу, почему бы тебе и вправду туда не съездить, — согласилась Моргейна, — раз в твоей земле царит мир.

— А может, ты бы съездила со мной, дорогая? Мы можем оставить дела на сыновей. А тебе наверняка будет интересно посмотреть на древний храм.

— Это и вправду интересно, — вполне искренне отозвалась Моргейна. Ей вспомнились холодные неиссякающие воды Священного источника на Авалоне — неисчерпаемые, неутомимые, прозрачные... — Однако я не уверена, что это будет разумно — оставить все на твоих сыновей. Аваллох глуп. Акколон умен, но он — не старший, и я не знаю, будут ли твои люди слушаться его. Возможно, если я останусь здесь, Аваллох будет советоваться с младшим братом.

— Превосходная идея, дорогая! — радостно откликнулся Уриенс. — И кстати, для тебя это было бы слишком длинное путешествие. Если ты будешь здесь, я с легкой душой оставлю все на молодых — я им велю во всем слушаться тебя.

— И когда же ты отправишься в путь?

Если станет известно, что Уриенс без колебаний доверяет королевство ей, это может сыграть ей на руку.

— Завтра, наверное. Или даже сегодня, после благословения полей. Вели слугам собрать мои вещи.

— Ты уверен, что сможешь одолеть столь долгий путь? Даже молодому человеку было бы непросто...

— Успокойся, дорогая. Я еще не настолько стар, чтоб разучиться ездить верхом, — сказал Уриенс, слегка нахмурившись, — и я уверен, что воды пойдут мне на пользу.

— Я тоже в этом уверена. — Моргейна встала из-за стола, почти не прикоснувшись к завтраку. — Если не возражаешь, я разыщу твоего дворецкого и велю ему приготовить все для твоего отъезда.

Все то время, пока процессия обходила поля, Моргейна стояла вместе с Уриенсом на холме у деревни и наблюдала за танцорами, скачущими не хуже молодых козлов. Интересно, знает ли хоть кто-нибудь из этих людей, что означают зеленые жезлы фаллической формы, увитые гирляндами из белых и красных цветов, и хорошенькая девушка с распущенными волосами, что невозмутимо шагает среди них? Девушка была цветущей и юной — ей явно было не больше четырнадцати, — и ее волосы, отливающие золотом, спускались до середины бедра. Она была одета в зеленое платье, на вид очень старое. Понимал ли кто-либо из них, что они видят, чувствовал ли, насколько неуместно здесь присутствие церковников — двух мальчишек в черном, со свечами и крестами, и священника, читающего молитвы на скверной латыни. Моргейна — и та лучше говорила по-латински, чем этот священник!

«Эти священники настолько ненавидят плодородие и жизнь, что просто поразительно, как после их так называемого благословения на полях хоть что-то вырастает!»

И словно в ответ на мысли Моргейны рядом с ней раздался знакомый голос:

— Как ты думаешь, леди, хоть кто-нибудь, кроме нас с тобой, знает, что здесь происходит?

Акколон на миг подхватил Моргейну под руку, помогая ей перебраться через глыбу вывороченной плугом земли, и Моргейна снова увидела у него на запястьях синих змей.

— Король Уриенс знает, но старается забыть. На мой взгляд, это еще худшее святотатство, чем полное неведение.

Моргейна думала, что молодой рыцарь вспылит; в определенном смысле слова, она даже хотела разозлить его. Прикосновение сильной руки Акколона вызвало в ней вспышку желания, но в то же время что-то в ней противилось этому желанию... Он молод и способен иметь детей, а она — всего лишь стареющая жена его старого отца... А кроме того, на них сейчас смотрели подданые Уриенса, и вся его родня, и домашний священник! Она не могла даже позволить себе высказать все, что думает. Она

должна обращаться с Акколоном сдержанно и отстраненно — ведь он ее пасынок! Если бы Акколон сказал сейчас что-нибудь ласковое или пожалел ее, она бы разрыдалась при всех, принялась рвать на себе волосы и царапать лицо...

Но Акколон сказал лишь, так тихо, что даже ближайшие соседи не могли бы этого расслышать:

— Возможно, Владычице довольно того, что это знаем мы с тобой, Моргейна. Богиня не покинет нас, пока хоть один человек будет оказывать ей должный почет.

Моргейна на миг взглянула на Акколона. Молодой человек неотрывно смотрел на нее, и хотя он поддерживал ее любезно и отстраненно, от этого взгляда ее бросило в жар. Внезапно ей сделалось страшно и захотелось вырвать руку.

«Я — жена его отца, и изо всех женщин я более всех запретна для него. В этой христианской стране я запретна для него даже больше, чем для Артура».

А затем в памяти ее всплыло воспоминание из тех времен, когда она жила на Авалоне, — она не думала об этом больше десяти лет. Один из друидов, обучающий молодых жриц тайной мудрости, сказал: «Если вы хотите получить послание от богов, которое подсказало бы вам, как поступать в этой жизни, присмотритесь к тому, что повторяется раз за разом. Это и будет послание богов, урок судьбы, который вы должны усвоить в этом воплощении. Он будет повторяться снова и снова, пока вы не сделаете его частью своей души и своего бессмертного духа».

«Так что же в моей жизни повторяется раз за разом?..»

Каждый мужчина, которого она когда-либо желала, был ее близким родичем: Ланселет, сын ее приемной матери, Артур, сын ее родной матери, и вот теперь — сын ее мужа...

«Но всех их можно назвать близкими моими родичами только по законам христианства, что стремится править этой землей... править, как новый тиран; оно стремится не просто установить свои законы — оно желает завладеть умами, душами и сердцами. И я не раз испытала на себе всю деспотичность этого закона — так неужто я, жрица, не понимаю, почему его следует ниспровергнуть?»

Моргейна обнаружила, что у нее дрожат руки, — и что Акколон по-прежнему поддерживает ее. Она спросила, пытаясь привести мысли в порядок:

— Ты действительно веришь, что если здешний народ перестанет оказывать ей должный почет, Богиня лишит эту землю своей жизненной силы?

Это был вопрос из тех, какие можно было бы услышать на Авалоне, вопрос жрицы жрецу. Моргейна не хуже прочих жриц знала правильный ответ: боги останутся на своем месте и будут вершить свою волю вне зависимости от того, будут ли люди по-

читать их на тот или иной лад. Но Акколон отозвался, сверкнув белозубой улыбкой, словно молодой зверь:

— Тогда получается, леди, что мы должны позаботиться, чтобы ей всегда оказывался должный почет, дабы жизнь этого мира не иссякла.

А потом он назвал ее именем, которое не произносится вслух — лишь жрец может так обратиться к жрице во время ритуала. Сердце Моргейны забилось так сильно, что ей стало дурно.

«Дабы жизнь этого мира не иссякла. Дабы моя жизнь не прошла впустую... Он назвал меня одним из имен Богини...»

— Тише! — сказала Моргейна. Душа ее была полна смятения. — Сейчас не время и не место для подобных разговоров.

— В самом деле?

Они подошли к краю вспаханного поля. Акколон отпустил руку Моргейны, и почему-то ей сделалось холодно без этого прикосновения. Разряженные танцоры снова принялись скакать и размахивать фаллическими жезлами. Весенняя Дева — ветер растрепал и спутал ее длинные волосы — пошла вдоль круга танцоров, обмениваясь поцелуем с каждым из них; поцелуй был сдержанным, чисто ритуальным — она лишь касалась губами их щек. Уриенс нетерпеливо подозвал Моргейну поближе к себе; она стояла рядом с мужем, чопорная и холодная, и то место на запястье, к которому прикасалась рука Акколона, казалось ей единственным островком жара во всем ее заледенелом теле.

— Теперь, дорогая, — суетливо произнес Уриенс, — ты должна вознаградить танцоров, которые так славно позабавили нас сегодня.

Он кивнул слуге, и тот вручил ей полные пригоршни сладостей и засахаренных фруктов. Моргейна бросила сладости танцорам и зрителям, и те, смеясь и толкаясь, кинулись их подбирать. *«Вечная насмешка над таинством... память тех дней, когда люди так же дрались за куски плоти жертвы... Ну ладно, пускай они позабыли ритуал — но так над ним насмехаться!..»* Слуга снова и снова насыпал ей полные руки сладостей, и Моргейна раз за разом швыряла их в толпу. Окружающие не понимали этого ритуала — точно так же, как и танцоры, видевшие в нем обычное развлечение. Неужели они все позабыли? Весенняя Дева подошла к Моргейне, зардевшись от невинной гордости. Теперь Моргейна смогла рассмотреть, что, хоть девушка и красива, глаза ее пусты, а руки загрубели от работы в поле. Это была всего лишь хорошенькая крестьянская девушка, которая пыталась выполнить работу жрицы, даже не представляя, что же в действительности она совершает; глупо было бы обижаться на нее за это.

«И все-таки она — женщина. Она вершит работу Матери,

как может, в меру своих сил и знаний. Не ее вина, что она не прошла обучения на Авалоне».

Моргейна толком не знала, чего от нее ждут, но когда девушка опустилась на колени перед королевой, Моргейна машинально приняла полузабытую позу благословляющей жрицы, и почувствовала на миг издавна знакомое ощущение присутствия чего-то иного, стоящего неизмеримо выше ее... Она на секунду возложила руки на голову девушки, и почувствовала, как сквозь нее пронесся поток силы, — и глуповатое лицо девушки на миг преобразилось. *«Богиня вершит свою работу и в ней»*, — подумала Моргейна. А потом она увидела лицо Акколона. Он смотрел на нее с изумлением и благоговейным трепетом. Ей уже доводилось раньше видеть подобный взгляд — когда она призвала туманы Авалона... И ее затопило ощущение силы, как будто она внезапно вернулась к жизни.

«Я снова жива. После всех этих лет я снова стала жрицей — и это Акколон вернул меня обратно...»

А затем напряжение момента развеялось, и девушка, поднявшись на ноги, отступила и неловко поклонилась королевской свите. Уриенс раздал танцорам деньги и вручил некоторую сумму священнику, на свечи для церкви — и королевская свита отправилась домой. Моргейна степенно шла рядом с Уриенсом, напустив на себя невозмутимый вид, но внутри у нее бурлила жизненная сила. Пасынок Моргейны, Увейн, подобрался поближе и зашагал рядом с ней.

— Сегодня все было красивее, чем обычно, матушка. Шанна такая хорошенькая — ну, Весенняя Дева, дочка кузнеца Эвана. Но ты, матушка, — когда ты благословляла ее, ты была такая красивая! Это тебя нужно было сделать Весенней Девой...

— Ну, будет тебе, — со смехом упрекнула его Моргейна. — Неужто ты и вправду думаешь, что я могла бы нарядиться в зеленое, распустить волосы и плясать на вспаханных полях? Я ведь уже не девушка!

— Нет, — отозвался Увейн, смерив ее долгим взглядом, — но ты выглядишь, словно Богиня. Отец Эйан говорит, будто на самом деле Богиня — это демон, отвращающий народ от службы доброму Христу. Но знаешь, что я думаю? Я думаю, что Богиня была здесь, чтобы люди могли ее почитать, пока они не научились почитать святую Матерь Божью.

Шедший рядом с ними Акколон сказал:

— Богиня была прежде Христа, Увейн, и если ты будешь думать о ней как о Деве Марии, в том не будет ничего дурного. Ты должен всегда служить Владычице, каким бы именем ее ни называли. Но я бы тебе не советовал говорить об этом с отцом Эйаном.

— О, нет! — отозвался мальчик, округлив глаза. — Он не любит женщин — даже богинь.

— Интересно, а как он относится к королевам? — пробормотала себе под нос Моргейна.

Затем они добрались до замка, и Моргейна отправилась проверить, собраны ли вещи Уриенса. Ее захватила дневная неразбериха, и Моргейна спрятала сегодняшнее озарение поглубже, чтобы потом, на досуге, серьезно над этим поразмыслить.

Уриенс уехал вскоре после полудня, прихватив с собой своих рыцарей и пару дворецких. На прощание он нежно поцеловал Моргейну, а Аваллоху велел прислушиваться к советам Акколона и во всем слушаться королевы. Увейн дулся; он хотел ехать с обожаемым отцом, а Уриенс не желал возиться в дороге с ребенком. Моргейна утешила мальчика, пообещав, что он получит особенный гостинец. Но в конце концов с хлопотами было покончено, и Моргейна смогла наконец присесть у камина в большом зале — Мелайна забрала малышей спать, — и обдумать все то, что свалилось на нее сегодня.

Спустились сумерки — долгие сумерки дня солнцестояния. Моргейна взяла веретено и прялку, но она лишь делала вид, будто прядет, время от времени поворачивая веретено и вытягивая небольшой отрезок нити. Моргейна терпеть не могла прясть, и хоть она и редко обращалась к Уриенсу с просьбами, она все же попросила у него позволения нанять двух лишних прях, чтоб избавиться от этой ненавистной работы. Взамен она взяла на себя двойную долю ткачества. Моргейна не смела прясть: это вгоняло ее в странное состояние между сном и бодрствованием, и Моргейна боялась того, что она может увидеть. Вот и теперь она лишь изредка поворачивала веретено, чтоб слуги не заметили, что королева бездельничает... правда, все равно никто не посмел бы упрекнуть ее — она ведь трудилась с утра и до темна...

В комнате воцарился полумрак. Несколько темно-красных ярких полос — последних лучей заходящего солнца — лишь подчеркивали сгустившуюся в углах темноту. Моргейна сощурилась, думая о солнце, что садится сейчас за каменное кольцо на вершине холма, о процессии жриц, идущих за светом факела, что рассеивает тени... На миг перед ней промелькнуло лицо Враны, безмолвное и таинственное. Ей показалось, будто Врана шевельнула губами и произнесла ее имя... В сумраке перед ней проплывали лица: Элейна с распущенными волосами, застигнутая в постели Ланселета; Гвенвифар на свадьбе Моргейны, яростная и торжествующая; спокойное, неподвижное лицо незнакомой женщины со светлыми косами — женщины, которую она встречала лишь в своих видениях, Владычицы Авалона... И снова Врана — испуганная, умоляющая... Артур, идущий среди своих

подданных со свечой в руках, словно кающийся грешник... Неужели священники посмеют потребовать от Верховного короля публичного покаяния?! А потом Моргейна увидела авалонскую ладью, затянутую черной тканью, словно для погребального обряда, и свое собственное лицо — оно словно бы отражалось в тумане, — и еще три женщины, тоже одетые в черное, и раненый мужчина, и его голова у нее на коленях...

Темноту комнаты прорезал багровый свет факела, и чей-то голос произнес:

— Ты пытаешься прясть в темноте, матушка?

Моргейна подняла голову — неожиданная вспышка света привела ее в замешательство — и с раздражением бросила:

— Я же велела тебе не называть меня так!

Акколон вставил факел в железное кольцо на стене и уселся у ног Моргейны.

— Богиня приходится матерью всем нам, леди, и я узнал ее в тебе...

— Ты что, смеешься надо мной? — взволнованно и требовательно спросила Моргейна.

— Я не смеюсь.

Акколон опустился перед нею на колени. Губы его дрожали.

— Я видел сегодня твое лицо. Неужто я посмею над этим смеяться, нося на руках вот это?

Он протянул к ней руки, и в неверном пляшущем свете Моргейне вдруг показалось, будто синие змеи на его запястьях зашевелились и подняли головы.

— Владычица, Мать, Богиня...

Руки молодого рыцаря сомкнулись на талии Моргейны, и Акколон спрятал лицо в ее коленях. Он тихо произнес:

— Ты для меня — олицетворение Богини...

Двигаясь, словно во сне, Моргейна наклонилась и поцеловала Акколона в шею, в мягкие завитки волос. Какая-то часть ее сознания испуганно заметалась.

«Что я делаю?! Неужто это все лишь потому, что он назвал меня именем Богини, обратился, как жрец к жрице? Или это потому, что он коснулся меня, заговорил со мной, и я почувствовала себя женщиной, я вновь ощутила себя живой — впервые за весь этот год, когда я чувствовала себя старой, бесплодной, полумертвой женой мертвеца?»

Акколон поднял голову и поцеловал ее в губы. Моргейна, невольно ответив на поцелуй, почувствовала, что тает, распускается, словно цветок. Ее пронзило острое ощущение, смесь боли и удовольствия, — их языки соприкоснулись, и тело Моргейны переполнилось воспоминаниями... Как долго, бесконечно долго — весь этот бесконечный год, — ее тело заглушало все чувст-

ва, не позволяя себе пробудиться — ведь тогда пришлось бы ощущать ласки Уриенса...

«Я — жрица, — с вызовом подумала Моргейна, — *и тело дано мне, чтобы служить Богине! То, чем я занималась с Уриенсом, было грехом, данью похоти! А то, что происходит сейчас,— истинно и свято...»*

Руки Акколона, касающиеся Моргейны, дрожали; но когда молодой рыцарь заговорил, голос его звучал ровно и рассудительно.

— Думаю, все в замке уже спят. Я знал, что ты будешь сидеть здесь и ждать меня...

На миг эта уверенность возмутила Моргейну; но затем она склонила в голову. Они оба пребывали в руках Богини, и Моргейна не желала спорить с тем потоком, что нес ее, подобно реке; долго, слишком долго ее кружило в сонной, затхлой заводи, и вот теперь ее снова омывал поток жизни.

— А где Аваллох?

Акколон коротко рассмеялся.

— Он отправился в деревню, чтобы возлечь с Весенней Девой... Это один из наших обычаев, о которых местному священнику ничего не известно. Так повелось с тех самых пор, как наш отец постарел, а мы стали взрослыми. Аваллох считает, что это вполне совместимо с долгом христианина: стремление быть отцом своих подданных — или, по крайней мере, столько, скольких получится. Уриенс в молодости поступал точно так же. Аваллох предложил мне бросить жребий — кому на сей раз доведется воспользоваться этой привилегией, — и я было согласился, но затем вспомнил, как ты благословила ту девицу, и понял, что я должен делать...

— Авалон так далеко... — нерешительно попыталась возразить Моргейна.

— Но Она повсюду, — сказал Акколон, спрятав лицо у нее на груди.

— Значит, так тому и быть, — прошептала Моргейна и встала. Она подняла Акколона с колен и повернулась было к лестнице, но остановилась на полушаге. Нет, не здесь. В этом замке не было постели, которую они могли бы с честью разделить. Ей вспомнилось распространенное среди друидов выражение: «Разве можно под крышей, сделанной руками людей, должным образом почтить то, что не было ни сделано, ни сотворено человеком?»

Прочь отсюда — в ночь, под открытое небо. Когда они вышли на пустынный двор, через небо пронеслась падающая звезда — так стремительно, что на миг Моргейне почудилось, будто само небо закружилось, и земля качнулась у нее под ногами... а потом звезда исчезла, ослепив их обоих.

«Это знамение. Богиня приветствует мое возвращение...»

— Пойдем, — прошептала она, взяв Акколона за руку, и повела его вверх по склону, в сад; белые лепестки падали в темноте и кружились вокруг них. Моргейна расстелила на траве свой плащ, словно очертила под небом магический круг; потом она протянула к Акколону руки и прошептала: — Иди сюда!

Его тело темным силуэтом вырисовалось на фоне звездного неба.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

«Даже тогда, когда мы лежали под звездами, я знала, что это не столько любовная близость, сколько магическое действо невероятной мощи, что его руки, прикосновения его тела вновь посвящали меня в сан жрицы и что на то была Ее воля. Хоть в те мгновения я и не видела ничего вокруг, до моего слуха донесся неразборчивый шепот, и я поняла, что мы не одни.

Акколон хотел удержать меня в объятиях, но я встала, ведомая той силой, что переполняла меня в этот час, вскинула руки над головой и медленно их опустила, закрыв глаза и затаив дыхание... и лишь услышав его потрясенный вздох, я осмелилась открыть глаза — и увидела, что Акколона окружает слабое сияние, — точно такое же, что исходило сейчас от меня.

Свершилось — Она со мной... Мать, я недостойна твоего взгляда... но это снова произошло... я глубоко вздохнула и задержала дыхание, чтобы не разразиться рыданиями. После всех этих лет, после моего предательства и моего неверия она снова снизошла ко мне, и я снова стала жрицей. В слабом свете луны я увидела у края поля, на котором мы лежали, поблескивающие глаза — словно какие-то зверьки притаились в живой изгороди. Мы были не одни. Маленький народец холмов знал, что мы здесь и что Богиня вершит здесь свое дело, — и пришел посмотреть на творящееся таинство, которого не видали в этих краях с тех самых пор, как Уриенс постарел, а мир обратился к христианству и сделался серым и безрадостным. Едва слышное эхо донесло до меня благоговейный шепот и ответ на языке, из которого я знала не более десятка слов:

— Свершилось! Да будет так!

Я наклонилась и поцеловала коленопреклоненного Акколона в лоб.

— Свершилось, — повторила я. — Иди, милый. Будь благословен.

Я понимала, что если б я была той женщиной, с которой он вышел в сад, Акколон остался бы; но жрице он подчинился беспрекословно, не смея оспаривать веление Богини.

Той ночью я не спала. Я в одиночестве бродила по саду до рассвета; я осознала, дрожа от ужаса, что мне надлежит сделать. Я не знала, как это сделать, равно как и не знала, сумею ли я в оди-

ночку справиться с этим, но раз меня много лет назад посвятили в жрицы, а я отвергла свой сан, то теперь я должна самостоятельно проделать этот путь. Этой ночью мне была дарована великая милость; но я знала, что не получу больше никаких знамений и никакой помощи до тех самых пор, пока сама, безо всякой помощи не сделаюсь той самой жрицей, которой меня хотели сделать.

На моем лбу все еще виднелся знак милости Богини — хоть он и поблек под чепцом домохозяйки, который я начала носить по желанию Уриенса, — но теперь это не могло мне помочь. Глядя на гаснущие звезды, я не знала, захватит ли меня восход солнца врасплох в моем бдении или нет; половину жизни ход солнца не отражался в моей крови, и я не могла уже угадать на восточном крае горизонта точное место, где появится встающее солнце, чтоб поприветствовать его. Теперь я даже не знала, как циклы моего тела соотносятся с ходом луны — так мало сохранила я из знаний, полученных на Авалоне... Я была одна, я не имела ничего, кроме расплывчатых воспоминаний — и должна была как-то вернуть обратно все то, что некогда было частью меня.

Незадолго до рассвета я бесшумно пробралась в дом и, не зажигая света, отыскала единственную вещь, сохранившуюся у меня как память об Авалоне, — небольшой серповидный нож, который я сняла с мертвого тела Вивианы. Точно такой же нож я и сама носила на Авалоне — и потеряла, когда бежала с острова. Я привязала его к поясу и спрятала под верхнее платье. Никогда больше я не сниму этот нож; его похоронят вместе со мной.

С тех пор я всегда тайно носила его при себе — единственное воспоминание об этой ночи, которое я могла сохранить. Я даже не подкрашивала знак у себя на лбу, отчасти из-за Уриенса — он непременно спросил бы, зачем я это делаю, — а отчасти потому, что знала: я еще недостойна. Я не могла носить полумесяц так, как он носил потускневших змей — как украшение и полузабытое напоминание о давних днях, что минули и более не вернутся. Шли месяцы и складывались в годы. Какая-то часть меня действовала, словно кукла, и исполняла все, что от меня хотел Уриенс, — пряла и ткала, готовила лекарства из трав, присматривала за его сыном и внуком, выслушивала его рассказы, вышивала для него одежду и ухаживала за ним, когда он болел... Я делала все это, почти не задумываясь, а когда он брал меня — это было неприятно, но не затягивалось надолго, — мой разум и тело охватывало оцепенение.

Но все это время нож оставался на своем месте, и я то и дело прикасалась к нему, чтобы подбодрить себя, пока снова не научилась рассчитывать движение солнца от равноденствия до солнцестояния — и до следующего равноденствия... мучительно высчитывать его на пальцах, словно дитя или начинающая жрица; прошли годы, прежде чем я принялась не высчитывать, но чувствовать движение небесных тел, и с точностью до волоска угадывать

место, где должны были встать или сесть солнце или луна, и заново научилась их приветствовать. А по ночам, когда все домашние засыпали, я смотрела на звезды, впуская их в свою кровь — а они кружили вокруг меня до тех пор, пока я не становилась всего лишь точкой вращения на неподвижной земле, сердцем их хоровода и круговорота времен года. Я рано вставала и поздно ложилась, и потому могла выкроить несколько часов, чтобы побродить по холмам. Я делала вид, будто ищу лекарственные травы и коренья, а на самом деле разыскивала древние линии силы, прослеживала их, от стоячего камня до мельничной запруды... это был нелегкий труд, и прошли годы, прежде чем я изучила все те немногочисленные линии, что находились в окрестностях замка Уриенса.

Но даже в течение первого года, когда я сражалась с ускользающими воспоминаниями, пытаясь вернуть все то, что было ведомо мне много лет назад, я знала, что не одинока в своих ночных бдениях. За мной всегда приглядывали, хоть я сама никогда не видела больше, чем в ту, первую ночь — блеск глаз в темноте, едва уловимое движение на грани видимости... их нечасто видали даже здесь, в глуши, не говоря уж о деревнях или полях; они жили своей потаенной жизнью в безлюдных холмах и лесах, бежав туда еще с приходом римлян. Но я знала, что они здесь и что маленький народец, что никогда не терял связи с Нею, следит за мной.

Однажды, забравшись далеко в холмы, я обнаружила каменный круг — он был не столь велик, как тот, что высился на холме, венчающем Авалон, и уж конечно, куда меньше великого круга на меловой равнине, что некогда был храмом Солнца. Здешние камни были всего лишь мне по плечо (а я никогда не отличалась высоким ростом), и диаметр круга не превышал роста взрослого мужчины. В центре лежала небольшая каменная плита, поросшая лишайником и полускрытая травой. Я очистила ее, и всякий раз, когда мне удавалось незаметно прихватить что-нибудь с кухни, оставляла на плите угощение, которое, как я знала, редко перепадает маленькому народцу — ломоть ячменного хлеба, кусок сыра или масла. Однажды, придя туда, я обнаружила в центре круга венок из душистых цветов, растущих на границе волшебной страны; даже засушенными они сохраняют яркость красок. Я надела этот венок, когда в следующий раз во время полнолуния увела Акколона с собой; венок был на мне во время торжественного соединения — мы исчезли как личности, и остались лишь Бог и Богиня, утвержавшие бесконечную жизнь космоса, лишь поток силы, протянувшийся между мужчиной и женщиной, между небом и землей. После этого маленький народец стал присматривать за мной даже в моем саду. Я слишком хорошо их чувствовала, чтобы стараться выследить, но все же они были там, и я знала, что, если мне потребуется, они всегда помогут. Меня недаром когда-то прозвали Моргейной Вол-

шебницей... И вот теперь маленький народец признал меня своей жрицей и своей королевой.

Я явилась в каменный круг в канун Дня Смерти, в ближайшее к осеннему равноденствию полнолуние; над краем горизонта висела луна, и тянуло холодом четвертой зимы. Я села среди камней, завернувшись в плащ, и провела ночь без сна и пищи. Когда я встала и двинулась в сторону дома, пошел снег; но когда я вышла из круга, мне под ноги попался камень, которого там раньше не было, и, склонившись над ним, я увидела, что белые камни образовали строгий узор.

Я установила новый камень так, чтобы он оказался следующим в магической последовательности чисел — теперь, под зимними звездами потоки переменились. Затем я вернулась домой, промерзнув до костей, и рассказала, что якобы ночь застигла меня среди холмов и я ночевала в заброшенной пастушьей хижине — когда пошел снег, Уриенс испугался и отправил двоих слуг на поиски. Вскоре холмы покрыл глубокий снег, вынудив меня большую часть зимы провести под крышей, но я чувствовала приближение бурь и рискнула в день зимнего солнцестояния наведаться к каменному кольцу — я знала, что камни следует очистить... Я знала, что в великих кругах никогда не лежит снег, и подумала, что в кругах поменьше должно быть так же, раз уж их магия действует.

А потом я обнаружила в центре круга небольшой сверток — кусок кожи, перевязанный жилой. К моим пальцам уже вернулось прежнее проворство, и они меня не подвели, когда я развязала узел и вытряхнула содержимое себе в ладонь. На вид оно напоминало сушеные семена, но на самом деле это были крохотные грибы, изредка встречающиеся в окрестностях Авалона. Их не используют в пищу, и большинство людей считают их ядовитыми, поскольку они вызвают рвоту и кровавый понос; но если принимать их во время поста, в малом количестве, они способны отворить врата Зрения... Этот подарок был ценнее золота. В здешних краях эти грибы не росли вообще, и я могла лишь гадать, сколь далеко пришлось забираться маленькому народцу, чтобы их разыскать. Я оставила им еду, которую принесла с собой — сушеное мясо, фрукты и мед в сотах, — но не в уплату; этот дар был бесценен. Я поняла, что мне надлежит в день зимнего солнцестояния запереться у себя в покоях и попытаться вновь обрести отвергнутое мною Зрение. Отворив таким образом врата видений, я могла вновь искать присутствия Богини и молить вернуть мне то, от чего я отказалась. Я не боялась, что снова окажусь отвергнутой. Ведь это Она послала мне этот дар, чтобы я смогла ощутить Ее присутствие.

И я, преисполнившись благодарности, склонилась до земли. Я знала, что мои молитвы услышаны.

Глава 10

Снег на холмах начал таять, и в укромных долинах проглянули первые цветы, когда Владычицу Озера позвали к ладье, встретить мерлина Британии. Кевин был бледен и казался уставшим, и скрюченные конечности слушались его даже хуже, чем обычно; он опирался на крепкую палку. Ниниана заметила, что Кевин был вынужден отдать свою Леди слуге; она постаралась не выказывать жалости, но знала, сколь тяжким ударом это было для его гордости — доверить арфу кому-то другому. Она нарочито медленно прошла к своему жилищу, пригласила мерлина войти и велела служанке развести огонь в очаге и принести вина. Кевин лишь символически пригубил вино и степенно поклонился.

— Что привело тебя сюда так рано в этом году, почтенный? — спросила его Ниниана. — Ты приехал из Камелота?

Кевин покачал головой.

— Я провел там часть зимы, — сказал он, — и много беседовал с советниками Артура, но в начале весны я отправился на юг; король поручил мне одно дело в союзных войсках — или, пожалуй, теперь следует говорить — в саксонских королевствах. И ты знаешь, кого я там увидел, Ниниана. Чья это была затея — твоя или Моргаузы?

— Не ее и не моя, — тихо ответила Ниниана. — Так пожелал сам Гвидион. Он понял, что, хоть он и учится на друида, ему все равно необходимо приобрести военный опыт, — среди друидов и ранее встречались воители. И он решил отправиться на юг, в саксонские королевства — они союзны Артуру, но там Гвидиону не грозит опасность попасться Артуру на глаза. Он этого не желает — и ты не хуже меня знаешь, чем это вызвано.

Мгновение спустя она добавила:

— Не могу поклясться, что Моргауза не повлияла на его решение. Если он с кем и советуется, так это с ней.

— В самом деле? — Кевин приподнял бровь. — Хотя, чего же тут удивительного... Моргауза ведь всю жизнь была ему вместо матери. И она правила королевством Лота не хуже любого мужчины, да и сейчас продолжает править, хоть и взяла себе нового супруга.

— Я не знала, что у Моргаузы новый супруг, — сказала Ниниана. — Я не в силах следить за ходом событий в британских королевствах, как это делала Вивиана.

— О, да, — у нее ведь было Зрение, — сказал Кевин. — А если ей недоставало собственного Зрения, ей помогали девы, наделенные тем же даром. Есть у тебя хоть одна такая помощница, Ниниана?

— Есть несколько... — нерешительно отозвалась жрица. — Но все же Зрение часто подводит меня...

Ниниана ненадолго умолкла, глядя на каменные плиты пола. В конце концов она сказала:

— Я думаю... думаю, что Авалон... постепенно удаляется от мира людей, лорд мерлин. Какое время года сейчас во внешнем мире?

— Миновало десять дней после весеннего равноденствия, Владычица, — отозвался Кевин.

Ниниана глубоко вздохнула.

— И я отметила этот праздник — но семь дней назад. Все обстоит именно так, как я и думала — миры расходятся. Расхождение пока что не превышает нескольких дней, но я боюсь, что вскоре мы станем так же далеки от хода солнца и луны, как и волшебная страна — по крайней мере, если судить по словам фэйри... Даже сейчас уже стало труднее вызывать туманы и выходить отсюда.

— Я знаю, — сказал Кевин. — Я ведь именно потому и явился во время этого промежутка в ходе светил. — Он криво улыбнулся и добавил: — Ты можешь радоваться, Владычица: ты будешь стариться куда медленнее, чем женщины во внешнем мире, подверженные воздействию времени.

— Можешь не утешать меня, — вздрогнув, отозвалась Ниниана. — Во внешнем мире нет ни единого человека, чья судьба меня волновала бы, не считая...

— Гвидиона, — закончил за нее Кевин. — Я так и думал. Но есть один человек, о котором ты должна заботиться не меньше, чем...

— Об Артуре, сидящем у себя во дворце? Он отрекся от нас, — отрезала Ниниана, — и Авалон более не обязан помогать ему...

— Я говорю не об Артуре, — возразил Кевин. — Да он и не ищет помощи Авалона — по крайней мере, пока. Но... — он заколебался. — Я слыхал от народа холмов, что в Северном Уэльсе вновь появились король и королева.

— Уриенс? — саркастически рассмеялась Ниниана. — Да он же сам стар, как холмы, Кевин! Что он может сделать для маленького народца?

— Я говорю не об Уриенсе, — сказал Кевин. — Разве ты забыла? Там поселилась Моргейна, и Древний народ признал ее своей королевой. Она будет защищать их, пока жива, — даже от Уриенса. Разве ты забыла, что сын Уриенса учился здесь и носит на запястьях змей?

На миг Ниниана застыла в безмолвии. Наконец она произнесла:

— Да, я забыла об этом. Он ведь не старший сын, и я не думала, что он когда-либо будет править...

— Старший сын глуп, — сказал Кевин, — хотя священники

считают, что из него получится достойный преемник отца; с их точки зрения, так оно и есть — он благочестив, недалек и не станет вмешиваться в дела церкви. А второму сыну, Акколону, священники не доверяют именно потому, что он носит на руках змей. А с тех пор, как Моргейна переселилась туда, Акколон вспомнил об этом, и служит ей как своей королеве. И для народа холмов она тоже останется королевой, кто бы там ни сидел на троне в соответствии с обычаями римлян. По представлениям Древнего народа, король — это тот, кто каждый год умирает в облике оленя. Королева же вечна. Возможно, в конце концов Моргейна завершит то, что не успела исполнить Вивиана.

Ниниана с отстраненным удивлением заметила промелькнувшие в собственном голосе нотки горечи.

— Кевин, с того момента, как Вивиана умерла и меня посадили на этот трон, мне ни на день не давали забыть, что я — не Вивиана, что по сравнению с Вивианой я полное ничтожество. Даже Врана неотступно следует за мной, и хоть она и молчит, я читаю в ее глазах: «Ты — не Вивиана. Ты не сможешь завершить дело, над которым всю жизнь трудилась Вивиана». Я прекрасно все это знаю — что меня избрали лишь потому, что я последняя из рода Талиесина, что никого лучше не нашлось, что в моих жилах не течет царственная кровь королев Авалона! Да, я не Вивиана и Моргейна, но я исполняю свой долг. Я верна своим обетам — неужто это ничего не значит?

— Владычица, — мягко произнес Кевин, — такие жрицы, как Вивиана, являются в мир лишь раз во много столетий — даже здесь, на Авалоне. И ее царствование было долгим: она правила Авалоном девяносто три года, и мало кто из нас помнит, что было до того. Любая жрица, наследовавшая ей, невольно будет чувствовать себя ничтожной по сравнению со своей великой предшественницей. Тебе не в чем себя упрекнуть. Ты верна своим обетам.

— А Моргейна своих не сдержала, — не удержалась Ниниана.

— Это верно. Но она принадлежит к королевскому роду Авалона, и она родила наследника Короля-Оленя. Не нам ее судить.

— Ты защищаешь ее потому, что был ее любовником! — взорвалась Ниниана.

Кевин поднял голову, и Ниниана не закончила фразу. Глубоко посаженные глаза мерлина были синими, словно сердцевина пламени. Он негромко произнес:

— Владычица, ты ищешь ссоры со мной? Это давно уже осталось в прошлом. Когда мы с Моргейной виделись в последний раз, она обозвала меня предателем и прогнала, осыпав такими оскорблениями, каких ни один мужчина простить не сможет, если только у него в жилах течет кровь, а не вода. Неужто ты думаешь, что после такого я смогу любить ее? Но все же не нам с

тобой судить ее. Ты — Владычица Озера. А Моргейна — моя королева и королева Авалона. Она вершит свой труд в мире, точно так же, как ты вершишь свой здесь, а я свой — там, куда ведут меня боги. А нынешней весной они привели меня в страну болот, и там, при дворе одного сакса, что именовал себя королем под рукой Артура, я увидел Гвидиона.

За годы подготовки Ниниана научилась сохранять бесстрастное выражение лица; но она знала, что Кевин, прошедший точно такую же подготовку, заметит, что сейчас эта бесстрастность требует от нее немалых усилий, и чувствовала, что проницательный взгляд мерлина сможет проникнуть под эту маску. Ей хотелось распросить Кевина о новостях, но вместо этого она лишь сказала:

— Моргауза сообщила мне, что он приобрел некоторые познания в стратегии и хорошо показал себя в битве. Но чему еще он может научиться у этих варваров, готовых скорее вышибать друг другу мозги своими здоровенными дубинами, чем пускать эти мозги в ход? Я знаю, что он отправился на юг, в саксонские королевства, лишь потому, что в одном из них захотели иметь при дворе друида, который умел бы читать, писать, считать и составлять карты. Гвидион сказал мне, что хочет получить закалку в войне, которая проходит не на глазах у Артура, и потому я думаю, что это было его собственное желание. Хотя здесь и установился мир, эти народы постоянно дерутся между собой... Есть ли у саксов хоть какой-нибудь бог, который занимался бы чем-нибудь помимо войн и сражений?

— Они прозвали Гвидиона Мордредом — на их языке это значит «Злой Советчик». Для них это похвала — они имеют в виду, что его советы приносят зло их врагам. Саксы дают прозвище каждому гостю. Например, Ланселета они прозвали Эльфийской Стрелой.

— Среди саксов любой друид, даже самый молодой, будет казаться мудрецом — при их-то тупости! А Гвидион действительно умен! Еще мальчишкой он мог придумать десяток ответов на любой вопрос!

— Да, он умен, — медленно произнес Кевин, — и прекрасно знает, как заставить любить себя. Это я видел. Например, меня он встретил с распростертыми объятьями, словно любимого дядюшку, сразу принялся твердить, как приятно вдали от Авалона встретить знакомое лицо, оказал мне множество услуг — словно он и вправду любит меня всей душой.

— Но ведь ему и вправду одиноко там, а ты был словно весточка из дома, — сказала Ниниана.

Кевин нахмурился, глотнул вина, потом отставил кубок в сторону и снова позабыл о нем.

— Насколько далеко Гвидион продвинулся в изучении магии?

— Он носит змей, — ответила Ниниана.

— Это с равным успехом может означать и очень много, и очень мало, — сказал Кевин. — Уж тебе-то следовало бы это знать...

И хотя слова его были совершенно невинны, Ниниана почувствовала себя уязвленной. Действительно, жрица с полумесяцем на лбу могла быть Вивианой — а могла быть всего лишь ею.

— Он вернется к празднику летнего солнцестояния, — сказала Ниниана, — чтобы стать королем Авалона, этого государства, преданного Артуром. Теперь, когда Гвидион достиг зрелости...

— Он еще не готов к тому, чтобы стать королем, — возразил Кевин.

— Ты сомневаешься в его храбрости? Или в его верности?..

— А! — небрежно отмахнулся Кевин. — Храбрость! Храбрость и ум... Нет, если я в чем и сомневаюсь, так это в сердце Гвидиона. Я не могу читать в нем. И он — не Артур.

— Тем лучше для Авалона! — вспыхнула Ниниана. — Хватит с нас отступников, которые сперва клянутся в верности Авалону, а потом забывают клятвы, данные народу холмов! Пускай священники сажают на трон благочестивого лицемера, что будет служить тому богу, которого сочтет наиболее выгодным...

Кевин вскинул скрюченную руку.

— Авалон — еще не весь мир! У нас нет ни сил, ни войска, ни ремесленников, — а Артур пользуется безмерной любовью. Да, я готов допустить, что его не любят на Авалоне — но жители всех земель, находящихся под рукой Артура, обожают своего короля — ведь он принес им мир. И если сейчас кто-либо попытается возвысить голос против Артура, его заставят умолкнуть в считанные месяцы — если не в считанные дни. Артура любят — сейчас он воплощает в себе дух Британии. И даже если бы это и было не так — то, что мы делаем здесь, на Авалоне, не имеет особого значения во внешнем мире. Как ты и сама заметила, мы уходим в туманы...

— Значит, мы тем более должны действовать быстро, чтобы низвергнуть Артура и возвести на трон Британии короля, который вернет Авалон в мир, чтобы Богиня...

— Иногда я сомневаюсь, возможно ли это, — или же мы живем в мире грез, не замечая, что происходит на самом деле?

— И это говоришь ты, мерлин Британии?

— Я находился все это время при дворе Артура, а не отсиживался на острове, ушедшем еще дальше от внешнего мира, — мягко произнес Кевин. — Это мой дом, и я готов умереть за него... но все же, Ниниана, я заключил Великий Брак с Британией, а не с одним лишь Авалоном.

— Если Авалон умрет, — сказала Ниниана, — то Британия лишится сердца и тоже умрет, ибо душа Богини покинет эти земли.

— Ты так считаешь, Ниниана? — Кевин снова вздохнул. — Я исходил эту землю вдоль и поперек, я странствовал по ней в любую погоду и в любое время года — я, мерлин Британии, ястреб Зрения, посланец Великой госпожи Ворон, — и увидел, что теперь у этой страны другое сердце. Оно бьется в Камелоте.

Он умолк. После долгой паузы Ниниана спросила:

— Это за подобные речи Моргейна назвала тебя предателем?

— Нет... тогда мы говорили о другом, — ответил Кевин. — Быть может, Ниниана, мы знаем не так уж много о воле богов и способах ее исполнить, как нам кажется. Говорю тебе: если мы сейчас ниспровергнем Артура, то ввергнем эту землю в такой хаос, какого не было даже после смерти Амброзия, когда Утер боролся за корону. Неужто ты думаешь, что Гвидион сумеет одолеть Артура? Соратники Артура изничтожат любого, кто осмелится выступить против их короля и героя — для них Артур подобен богу и просто не может быть не прав.

— Мы никогда не желали, чтобы Гвидион выступил против отца и сразился с ним за корону, — сказала Ниниана. — Мы хотели лишь, чтобы в тот день, когда Артур уразумеет, что у него нет наследника, он обратился мыслями к своему сыну — к сыну, происходящему из королевского рода Авалона и поклявшемуся в верности Авалону. Многие выскажутся в пользу Гвидиона, когда Артур примется искать себе наследника. Я слышала, что Артур избрал в наследники сына Ланселета, поскольку королева бесплодна. Но сын Ланселета — всего лишь дитя, а Гвидион уже взрослый мужчина. Случись сейчас что-нибудь с Артуром, неужто они не предпочтут Гвидиона — взрослого мужчину, воина и друида — мальчишке?

— Соратники Артура не пойдут за человеком, которого не знают — будь он хоть дважды воин и трижды друид. Скорее уж они поставят Гавейна регентом при сыне Ланселета до тех пор, пока тот не вырастет. И кроме того, соратники в большинстве своем христиане. Они отвергнут Гвидиона в силу его рождения: у них кровосмесительство считается тяжким грехом.

— Они ничего не понимают в священных традициях.

— Именно. Им понадобится время, чтоб привыкнуть к этой мысли, и это время еще не наступило. Но если Гвидиона не признают как сына Артура, значит, следует довести до всеобщего сведения, что у жрицы Моргейны, родной сестры Артура, есть сын и что этот сын стоит ближе к трону, чем ребенок Ланселета. А этим летом снова начнется война...

— Я думала, что Артур повсюду установил мир, — перебила его Ниниана.

— Здесь, в Британии, — да. Но в Малой Британии появился некий человек, объявивший всю Британию своей империей...

— Бан? — потрясенно спросила Ниниана. — Но он же дав-

ным-давно — поклялся... он вступил в Великий Брак еще до рождении Ланселета. Он уже слишком стар, чтобы воевать против Артура.

— Бан стар и немощен, — согласился Кевин. — Его сын Лионель правит от его имени, а брат Лионеля, Борс, входит в число соратников Артура и почитает Ланселета как героя. Никто из них не захотел бы причинять неприятности Артуру и мешать ему править. Но нашелся тот, кто захотел. Он именует себя Луцием. Он где-то раздобыл древних римских орлов и объявил себя императором. И он бросит вызов Артуру...

Ниниана ощутила покалывание.

— Это Зрение? — спросила она.

— Моргейна как-то сказала, — с улыбкой заметил Кевин, — что для того, чтоб узнать в негодяе негодяя, не требуется Зрение. Я не нуждаюсь в Зрении, дабы понять, что, если для достижения своих целей честолюбивому человеку потребуется бросить кому-то вызов, он сделает это не задумываясь. Некоторые могут считать, что Артур стареет, потому что его волосы уже не так ярко отливают золотом, и потому, что он отказался от драконьего знамени. Но не вздумай его недооценивать, Ниниана. Я знаю Артура, а ты — нет. Он — отнюдь не дурак!

— Мне кажется, — заметила Ниниана, — ты слишком сильно его любишь — особенно если учесть, что ты поклялся его уничтожить.

— Люблю? — безрадостно улыбнулся Кевин. — Я — мерлин Британии, посланец Великой госпожи Ворон, и я сижу в королевском совете. Артура легко полюбить. Но я верен Богине.

Он коротко рассмеялся.

— Думаю, все мои рассуждения основаны на одном: то, что идет на пользу Авалону, будет полезно и всей Британии. Ты видишь в Артуре врага, Ниниана. Я же по-прежнему вижу в нем Короля-Оленя, защищающего свое стадо и свои земли.

— На что Король-Олень, когда вырастает молодой олень? — дрожащим голосом прошептала Ниниана.

Кевин подпер голову руками. Он казался старым, больным и уставшим.

— Этот день еще не настал, Ниниана. Не старайся так быстро протолкнуть Гвидиона повыше лишь потому, что он — твой любовник. Он будет уничтожен.

И с этими словами он поднялся и, прихрамывая, вышел из комнаты, даже не оглянувшись на взбешенную Ниниану.

«Отуда только проклятый мерлин узнал об этом?»

В конце концов она сказала себе: *«Я не связана обетами вроде тех, которые принимают христианские монахини! Если я сплю с мужчиной, то это мое дело, и оно никого больше не касается... даже если этот мужчина попал сюда еще мальчишкой и был моим учеником!»*

В первые годы пребывания на Авалоне мальчик просто затронул какие-то струнки в ее душе: одинокий, осиротевший и покинутый ребенок. Никто не любил его, никто о нем не заботился и не интересовался, что с ним происходит... Он никогда не знал иной матери, кроме Моргаузы, да и с той его теперь разлучили. У Нинианы просто в голове не укладывалось: как Моргейна могла породить такого замечательного сына, красивого и умного, и ни разу даже не приехать взглянуть на него, даже не поинтересоваться, как он там? У Нинианы никогда не было детей, хотя иногда ей думалось, что если б она понесла после Белтайна, то предпочла бы родить дочь для Богини. Но этого так и не произошло, и Нинианна не восставала против своей участи.

Но тогда, в те годы, она сама не заметила, как Гвидион обосновался в ее сердце. А потом он покинул их, как и надлежит мужчине, — он стал слишком взрослым, чтобы продолжать учиться у жриц. Теперь ему требовалось пройти обучение у друидов и приобрести воинский опыт. Но однажды он вернулся во время Белтайна, и, когда они оказались рядом у ритуальных костров и вместе ушли в ночь, Нинианна решила, что это вышло не случайно...

Они не расстались даже после окончания праздника; и потом, когда бы дороги ни приводили Гвидиона на Авалон, Нинианна всегда давала юноше понять, что он желанен ей, и он не говорил «нет».

«Я глубже всех проникла в его сердце, — подумала Нинианна, — *и знаю его лучше всех. Что может знать о нем Кевин?*

Час пробил: Гвидиону следует вернуться на Авалон и пройти испытание, дабы стать Королем-Оленем...»

Но тут ее мысли приняли иное направление. А где же взять деву для Гвидиона? *«В Доме дев слишком мало женщин, которые хотя бы отчасти годились для этого великого служения»*, — подумала Нинианна, и внезапно ее пронзили боль и страх.

«Кевин был прав. Авалон удаляется от мира и умирает; немногие теперь приходят сюда за древними знаниями, и почти никто не приходит ради того, чтоб хранить древние обряды... и однажды не останется никого...»

И Нинианна снова ощутила во всем теле то почти болезненное покалывание, что приходило к ней раз за разом — вместо Зрения.

Гвидион вернулся домой, на Авалон, за несколько дней до Белтайна. В присутствии дев и собравшихся жителей острова они вели себя сдержанно: Нинианна встретила Гвидиона, когда тот сошел с ладьи, и обратилась с предписанным приветствием, а он почтительно склонился перед нею. Но когда они остались одни, Гвидион заключил ее в объятия и, рассмеявшись, при-

нялся целовать — и целовал до тех пор, пока у обоих не захватило дух.

За время отсутствия Гвидион раздался в плечах, а на лице у него появился красноватый шрам. Уже по одному его виду Ниниана могла сказать, что Гвидиону довелось сражаться; он утратил умиротворенность, свойственную жрецам и ученым.

«Мой возлюбленный и мое дитя. Не потому ли Великая Богиня не имеет супруга, как того требовали бы римские обычаи, а одних лишь сыновей, что все мы — ее дети? И раз я исполняю ее роль, то мне и полагается относиться к своему возлюбленному, как к сыну... ведь все, кто любит Богиню, — ее дети...»

— И здесь, на Авалоне, и среди Древнего народа только о том и разговоров, что на Драконьем острове вновь будут избирать короля, — сказал Гвидион. — Ты ведь именно за этим призвала меня сюда, верно?

Иногда его мальчишеская бесцеремонность просто-таки бесила Ниниану.

— Не знаю, Гвидион. Возможно, время еще не пришло, и светила еще не выстроились в должном порядке. А кроме того, я не могу найти здесь ту, что стала бы для тебя Весенней Девой.

— И все же, — тихо произнес Гвидион, — это произойдет нынешней весной, в этот Белтайн — я так видел.

Ниниана отозвалась, слегка скривив губы:

— Может быть, ты тогда видел и жрицу, что пройдет с тобой через этот ритуал после того, как ты завоюешь рога, — если, конечно, Зрение не предсказало тебе смерть?

Гвидион взглянул на нее, и Ниниана невольно подумала, что с возрастом он стал еще красивее. Холодное, невозмутимое лицо юноши потемнело от сдерживаемой страсти.

— Видел. Неужто ты не знаешь, что это была ты?

Ниниану пробрал озноб.

— Я не девушка. Зачем ты смеешься надо мной, Гвидион?

— И все же я видел именно тебя, — отозвался он, — и ты знаешь это не хуже меня. В ней встречаются и сливаются Дева, Мать и Смерть. Богиня может быть и молодой, и старой — как пожелает.

Ниниана опустила голову.

— Нет, Гвидион, это невозможно...

— Я — ее супруг, — неумолимо произнес Гвидион, — и я добьюсь своего. Сейчас не время для девственницы — хватит с нас этой чепухи, насаждаемой священниками. Я взываю к Ней как к Матери, давшей мне жизнь и все, чем я владею...

Ниниане почудилось, будто могучий поток подхватил ее и увлекает за собой, а она пытается удержаться на ногах. Она нерешительно отозвалась:

— Но ведь так было всегда — Мать посылает оленя в путь, но возвращается он к Деве...

Но все же в словах Гвидиона был свой резон. Конечно, для участия в обряде гораздо больше подходит жрица, понимающая, что она делает, чем какая-нибудь девчонка, лишь недавно пришедшая в храм и мало чему успевшая научиться, чье единственное достоинство заключается лишь в том, что она еще слишком молода, чтобы ощутить зов костров Белтайна... Гвидион говорит правду: Мать вечно возрождается и обновляется — Мать, Смерть и снова Дева, — как обновляется луна, прячущаяся среди облаков.

Ниниана снова опустила голову и произнесла:

— Да будет так. Ты заключишь Великий Брак с этой землей и со мной как с ее воплощением.

Но потом, оставшись в одиночестве, Ниниана снова испугалась. Как она могла согласиться на такое? Во имя Богини, что же за сила таится в Гвидионе, что он подчиняет своей воле любого?

Неужто это наследие Артура, наследие крови Пендрагона? И Ниниану вновь пробрал озноб.

Моргейне снился сон...

Белтайн, и олени мчатся по холмам... и она всем своим существом ощущает жизнь леса, как будто каждая частичка леса сделалась частью ее жизни... Он бежит среди оленей — нагой мужчина, к голове которого привязаны оленьи рога; рога разят, его темные волосы слиплись от крови... Но он по-прежнему стоит на ногах, он нападает; вспышкой мелькает в солнечном свете летящий нож, и Король-Олень падает; его рев разносится окрест, и лес полнится воплями отчаяния...

А затем она вдруг оказалась в темной пещере, и стены пещеры были расписаны теми же знаками, что и ее тело. Она была одним целым с пещерой, а вокруг горели костры Белтайна, и искры поднимались в небо... Она почувствовала на губах вкус свежей крови, а в проеме пещеры возник силуэт, увенчанный рогами... Если бы не полная луна, она и не заметила бы, что ее обнаженное тело — не стройное тело девственницы, что грудь у нее мягкая и округлая, словно после рождения ребенка, словно из нее вот-вот начнет сочиться молоко... Но ведь ее непременно должны были проверять, дабы удостовериться, что она вступит в этот обряд девственной... Что же ей скажут, когда выяснится, что она пришла к Увенчаному Рогами, перестав быть Весенней Девой?

Он опустился на колени рядом с ней, и она вскинула руки, приглашая его присоединиться к обряду, познать ее тело, — но *взгляд его был мрачным и затравленным. Нежные прикосновения его рук доводили ее до безумия, но он отказывал ей в ритуале силы... Это*

был не Артур, нет, — это был Ланселет, и он смотрел на Моргейну сверху вниз, и его темные глаза полнились той же болью, что переполняла сейчас все ее тело, и он сказал: «Если бы ты не была так похожа на мою мать, Моргейна...»

Моргейна проснулась в своей комнате, испуганная, с бешено бьющимся сердцем. Рядом мирно похрапывал Уриенс. Пугающая магия сна никак не желала отпускать ее. Моргейна встряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение.

«Нет, Белтайн уже миновал...» Она исполнила этот обряд с Акколоном, как и следовало... Она не лежала в пещере, ожидая Увенчаного Рогами... Ну почему, почему в этом сне к ней пришел Ланселет, а не Акколон, которого она сделала жрецом, Владыкой Белтайна и своим возлюбленным? Почему даже столько лет спустя воспоминание об отказе и святотатстве продолжает язвить ее до глубины души?

Моргейна попыталась взять себя в руки и снова уснуть, но сон не шел к ней. Так она и лежала, дрожа, до самого рассвета, пока в ее окно не проникли первые лучи летнего солнца.

Глава 11

Гвенвифар постепенно начала ненавидеть праздник Пятидесятницы — ведь каждый год Артур в этот день созывал всех своих соратников в Камелот, дабы воскресить их содружество. Но теперь, когда в этой земле установился прочный мир, а соратники рассеялись по свету, с каждым годом они все прочнее оказывались привязаны к своим домам, семьям и владениям, и все меньше их собиралось в Камелоте. Гвенвифар только радовалась этому: эти празднества слишком живо напоминали ей те времена, когда Артур еще не был христианским королем, а бился под ненавистным знаменем Пендрагона. В день Пятидесятницы Артур принадлежал соратникам, а королеве не оставалось места в его жизни.

Теперь же Гвенвифар стояла за его спиной, пока Артур запечатывал два десятка приглашений, адресованных подвластным ему королям и кое-кому из старых соратников.

— Зачем ты в этом году рассылаешь им специальные приглашения? Ведь и так же ясно, что всякий, у кого нет неотложных дел, явится безо всякого приглашения.

— Но сейчас этого недостаточно, — ответил Артур, улыбнувшись жене. Гвенвифар вдруг поняла, что он начал седеть; но при его светлых волосах это было заметно, только если подойти к нему вплотную. — Я хочу устроить такой турнир и такие учебные сражения, чтобы все знали: легион Артура по-прежнему готов к бою.

— Ты думаешь, в этом кто-нибудь сомневается? — удивилась Гвенвифар.

— Может, и нет. Но в Малой Британии объявился этот тип, Луций, — Борс известил меня об этом; а поскольку все подвластные мне короли приходили на помощь, когда на эту страну нападали саксы или норманны, то и я обещал помочь им, если потребуется. Он именует себя императором Рима!

— А у него есть на это право? — спросила Гвенвифар.

— Неужто не ясно? Несомненно, у него подобных прав куда меньше, чем у меня, — отозвался Артур. — В Риме вот уже больше сотни лет нет императора, дорогая моя жена. Константин действительно был императором и носил пурпурное одеяние, а после него Магнус Максим переправился через пролив и сам попытался стать императором. Но он никогда более не вернулся в Британию, и одному Богу ведомо, что с ним случилось и где он погиб. А затем Амброзий Аврелиан поднял наш народ на борьбу с саксами, а после него был Утер; думаю, любой из них, как и я, мог бы назваться императором — но я предпочитаю быть Верховным королем Британии. Еще в детстве я читал кое-что об истории Рима; там не раз случалось, что какой-нибудь выскочка, заручившись поддержкой пары легионов, объявлял себя императором. Но чтобы стать императором в Британии, мало штандарта с орлом! Иначе Уриенс давно бы стал императором! Я отправил приглашение и ему — мне давно хочется повидаться с сестрой.

Гвенвифар предпочла не отвечать на это замечание — по крайней мере, впрямую. Она содрогнулась.

— Мне бы не хотелось, чтоб на эту землю вновь пришла война...

— И мне, — сказал Артур. — И я думаю, что всякий король предпочел бы мир.

— А я бы не стала говорить об этом так уверенно. Кое-кто из твоих людей только и твердит о прежних днях, когда шла непрерывная война с саксами. И они недовольны тем, что вынуждены жить в союзе с этими саксами, что бы там ни говорил епископ...

— Не думаю, что им недостает войны, — с улыбкой ответил Артур. — Скорее уж они тоскуют по той поре, когда мы были молоды и нас связывали узы братства. Неужто ты никогда не грустишь по тем временам, жена моя?

Гвенвифар почувствовала, что краснеет. Действительно, она с теплом вспоминала те дни, когда... когда Ланселет был ее поборником, и они любили... Христианской королеве не следовало предаваться подобным мыслям, но Гвенвифар ничего не могла с собою поделать.

— Грущу, муж мой. Но, возможно, грусть эта вызвана, как

ты и сказал, лишь тоской по собственной молодости... Я более не молода... — вздохнув, произнесла Гвенвифар.

Артур взял ее за руку.

— Для меня ты все так же прекрасна, как и в день нашей свадьбы, моя ненаглядная.

Гвенвифар почувствовала, что он говорит правду.

Но она постаралась взять себя в руки. *«Я уже немолода,* — подумала она, — *и мне не следует вспоминать о днях молодости и жалеть о них — ведь тогда я была грешницей и прелюбодейкой. Теперь же я покаялась и примирилась с Господом, и даже Артур получил отпущение своего греха, совершенного с Моргейной».*

Гвенвифар заставила себя мыслить рассудительно, как и надлежит королеве Британии.

— Значит, в эту Пятидесятницу у нас будет больше гостей, чем обычно. Мне нужно будет посоветоваться с Кэем и сэром Луканом, как их всех разместить и как устроить пир. А Борс приедет из Малой Британии?

— Приедет, если сможет, — сказал Артур. — Хотя в начале этой недели Ланселет прислал мне письмо, в котором просит позволения отправиться на помощь брату своему Борсу, ибо тот оказался в осаде. Я велел ему ехать сюда — возможно, нам всем придется выступать в поход... Теперь, после кончины Пелинора, Ланселет стал королем по праву мужа Элейны и будет оставаться им до тех пор, пока их сын не вступит в пору зрелости. Еще приедут Агравейн, и Моргауза, и Уриенс — или, может, кто-нибудь из его сыновей. Для своих лет Уриенс превосходно сохранился, но и он не бессмертен. Его старший сын довольно глуп, но Акколон — один из моих старых соратников, и Уриенс велел Моргейне наставлять его.

— Мне это кажется неправильным, — сказала Гвенвифар. — Апостол сказал, что женщины должны подчиняться своим мужьям, а Моргауза по-прежнему правит в Лотиане, да и Моргейну нельзя счесть простой помощницей своего короля.

— Не забывай, госпожа моя, — сказал Артур, — что я происхожу из королевского рода Авалона. Я стал королем не только потому, что происхожу от Утера Пендрагона, но и потому, что я — сын Игрейны, дочери прежней Владычицы Озера. Гвенвифар, Владычица правила этой землей с незапамятных времен, а король был всего лишь ее супругом и военным предводителем. Даже во времена римского владычества легионы сталкивались с королевами зависимых Племен, как они это называли. Эти королевы правили Племенами, и некоторые из них были искусными воительницами. Неужто ты никогда не слыхала о королеве Боадицее? Легионеры изнасиловали ее дочь, и тогда королева подняла восстание, собрала армию и едва не вышвырнула римлян с нашего острова.

— Полагаю, они ее убили, — с горечью заметила Гвенвифар.

— Действительно, убили и надругались над трупом... и все же этот знак свидетельствовал, что римлянам не удержать завоеванного, если только они не признают, что этой землей правит Владычица... Каждый правитель Британии, вплоть до моего отца, Утера, носил титул, которым римляне именовали военного вождя при королеве — дукс беллорум, военный предводитель. Утер — и я после него — вступили на трон Британии по праву военного предводителя при Владычице Авалона. Не забывай об этом, Гвенвифар.

— Но я думала, — резко сказала Гвенвифар, — что с этим покончено, что ты объявил себя христианским королем и искупил свою службу волшебному народу этого нечестивого острова...

— Моя личная жизнь и моя вера — это одно, — с не меньшей резкостью отозвался Артур, — но Племена идут за мной потому, что я ношу вот это! — И он хлопнул по рукояти Эскалибура, висевшего у него на боку в своих темно-красных ножнах. — Я выжил в сражениях благодаря магии этого клинка...

— Ты выжил потому, что Бог предназначил тебе обратить эту землю в христианство! — воскликнула Гвенвифар.

— Возможно, когда-то это и произойдет. Но это время еще не пришло, леди. Народ Лотиана вполне доволен правлением Моргаузы, а Моргейна — королева Корнуолла и Северного Уэльса. Если бы для этих земель настал час обратиться к владычеству Христа, люди стали бы требовать себе королей вместо королев. Я правлю этой землей, Гвенвифар, исходя из истинного положения вещей, а не из того, каким хотелось бы все видеть епископам.

Гвенвифар могла бы спорить и дальше, но она увидела, каким раздраженным сделался взгляд Артура, и предпочла сдержаться.

— Быть может, настанет такой день, когда даже саксы и Племена придут к подножию креста. Придет время — так сказал епископ Патриций, — когда Христос будет единственным королем над христианами, а все прочие короли и королевы будут лишь его слугами. Скорее бы настал этот день, — сказала Гвенвифар и осенила себя крестным знамением.

Артур рассмеялся.

— Я охотно стал бы слугой Христа, — сказал он, — но не слугой его священников. Впрочем, среди гостей наверняка будет епископ Патриций, и ты сможешь принять его со всей почтительностью.

— А из Северного Уэльса приедет Уриенс, — сказала Гвенвифар, — и вместе с ним, конечно же, Моргейна. А из владений Пелинора — Ланселет?

— Он приедет, — заверил жену Артур. — Хотя, боюсь, если

ты хочешь повидаться со своей кузиной Элейной, тебе придется съездить к ней в гости: Ланселет написал, что она снова ждет ребенка, и роды уже близки.

Королева вздрогнула. Она знала, что Ланселет редко бывает дома и проводит мало времени в обществе жены, но все же Элейна дала Ланселету то, чего не смогла дать она — сыновей и дочерей.

— Сколько уже лет сыну Элейны? Он будет моим наследником, и его следует воспитать при дворе, — сказал Артур.

Гвенвифар тут же откликнулась:

— Я предлагала это сразу же после его рождения, но Элейна сказала, что даже если ему и суждено когда-то стать королем, мальчику надлежит расти в простой и скромной обстановке. Тебя ведь тоже воспитали, как сына простого человека, — и это не пошло тебе во вред.

— Что ж, возможно, она права, — согласился Артур. — Но мне хотелось бы когда-нибудь увидеть сына Моргейны. Он уже совсем взрослый — ему должно исполниться семнадцать. Я знаю, он не может наследовать мне, священники никогда этого не допустят, но он — мой единственный сын, и мне очень хочется хоть раз повидаться и поговорить с ним... Даже не знаю, что я хотел бы ему сказать... Но все-таки я хочу его увидеть.

Гвенвифар с трудом сдержала гневный ответ, едва не сорвавшийся с ее губ. Но все-таки она удержалась и сказала лишь:

— Ему хорошо там, где он сейчас находится. Это лишь к лучшему.

Она сказала чистую правду, но лишь произнеся эти слова, Гвенвифар поняла, что они правдивы; хорошо, что сын Моргейны растет на этом колдовском острове, куда нет хода христианскому королю. А раз он пройдет обучение на Авалоне, то тем вероятнее, что никакой случайный поворот судьбы не забросит его на трон отца — и священники, и простые люди все больше не доверяют колдовству Авалона. Если б мальчик рос при дворе, то некоторые не слишком щепетильные люди могли бы постепенно привыкнуть к сыну Моргейны и счесть, что его права на престол весомее, чем права сына Ланселета.

Артур вздохнул.

— И все же мужчине нелегко знать, что у него есть сын — и так никогда его и не увидеть, — сказал он. — Возможно, когда-нибудь... — Но плечи его поникли, как у человека, смирившегося с судьбой. — Несомненно, ты права, дорогая. Ну, так как насчет пира на Пятидесятницу? Я не сомневаюсь, что ты, как всегда, превратишь его в незабываемый праздник.

Да, именно так она и сделает — решила Гвенвифар, разглядывая раскинувшиеся вокруг замка шатры. Огромное поле, предназначенное для воинских забав, уже было тщательно убрано и

обнесено оградой; над ним реяли около полусотни знамен королей небольших государств и больше сотни знамен простых рыцарей. Казалось, будто здесь встала лагерем целая армия.

Гвенвифар искала взглядом знамя Пелинора, белого дракона, — Пелинор принял его после той победы над драконом. Ланселет приедет сюда... Она не видела его больше года, да и тогда они лишь поговорили при всем дворе. Вот уж много лет они ни на миг не оставались наедине; последний раз это случилось накануне его свадьбы с Элейной — Ланселет разыскал ее, чтобы попрощаться.

Он тоже был жертвой Моргейны; он не предавал ее — они оба стали жертвами жестокой выходки Моргейны. Рассказывая ей о случившемся, Ланселет плакал, и Гвенвифар бережно хранила память об этих слезах — ведь это свидетельствовало о глубине его чувств... Кто видел Ланселета плачущим?

— Клянусь тебе, Гвенвифар, — она поймала меня в ловушку... Моргейна принесла мне поддельное послание и платок, пахнущий твоими духами. И думается мне, что она опоила меня каким-то зельем или наложила на меня заклятие.

Он смотрел в глаза Гвенвифар и плакал, и она тоже не сдержала слез.

— Моргейна солгала и Элейне — сказала, будто я чахну от любви к ней... и так мы оказались вместе. Сперва я думал, будто это ты — я словно был зачарован. А потом, когда я понял, что обнимаю Элейну, я уже не мог остановиться. А потом в шатер ввалились люди с факелами... Что мне оставалось, Гвен? Я овладел дочерью хозяина дома, невинной девушкой... Пелинор имел полное право убить меня на месте... — выкрикнул Ланселет, и голос его пресекся. Взяв себя в руки, он договорил: — Видит Бог, я предпочел бы пасть от его меча...

— Так значит, ты совсем не любишь Элейну? — спросила она у Ланселета. Она знала, что непростительно так говорить, но она не смогла бы жить, если б он не уверил ее в этом... Но Ланселет, сознавшись в своих страданиях, не пожелал говорить об Элейне; он лишь сказал, что в том нет ее вины и что честь требует от него приложить теперь все усилия, чтобы сделать Элейну счастливой.

Ну что ж, Моргейна осуществила свой замысел. Теперь Гвенвифар предстоит видеться с Ланселетом и приветствовать его, как родича своего мужа — и не более того. Былое безумие ушло; но все же она сможет увидеться с ним — а это лучше, чем ничего. Королева попыталась выбросить эти мысли из головы. Лучше уж подумать о праздничном пире. Два быка уже жарятся — довольно ли этого? Есть еще огромный дикий кабан, добытый на охоте несколько дней назад, и два поросенка — их пекут в яме; они уже начали так хорошо пахнуть, что стайка проголодавшихся

детей принялась вертеться вокруг ямы и принюхиваться. А еще пекутся сотни буханок ячменного хлеба — большую их часть раздадут простолюдинам, что толпятся у края поля и следят за подвигами королей, рыцарей и соратников. А еще есть яблоки, запеченные в сливках, и орехи, и сладости для дам, а еще медовые пироги, кролики и мелкая птица, вино... Если вдруг этот пир не удастся, то уж никак не из-за нехватки угощения!

Вскоре после полудня гости собрались все вместе; богато разряженные благородные господа и дамы потоком входили в огромный зал, а слуги разводили их на отведенные места. Соратников, как обычно, усадили за большой Круглый Стол; но сколь бы велик ни был этот стол, всех он уже не вмещал.

Гавейн — он всегда был особенно близок Артуру — представил свою мать, Моргаузу. Ее поддерживал под руку молодой мужчина, которого Гвенвифар сперва даже не узнала. Моргауза осталась такой же стройной, как и прежде, а ее волосы, заплетенные в косы и перевитые драгоценностями, были все такими же густыми и пышными. Она присела в поклоне перед Артуром; король помог Моргаузе подняться и обнял ее.

— Добро пожаловать к моему двору, тетя.

— Я слыхала, будто ты ездишь только на белых лошадях, — сказала Моргауза, — и потому привезла тебе белого коня из земель саксов. Его прислал оттуда мой воспитанник.

Гвенвифар заметила, как напряглось лицо Артура, и догадалась, что это был за воспитанник. Но Артур сказал лишь:

— Вот воистину королевский дар, тетя.

— Я не стала вводить коня прямо в зал, как это принято у саксов, — весело заявила Моргауза. — Боюсь, владычице Камелота не понравилось бы, что ее чертоги, украшенные для приема гостей, превращают в хлев! Твоим слугам наверняка и без того хватает хлопот, Гвенвифар!

Она обняла королеву, и Гвен захлестнула теплая волна. Вблизи она заметила, что Моргауза пользуется красками и что глаза ее подведены сурьмой. Но все-таки Моргауза была красива.

— Благодарю тебя за предусмотрительность, леди Моргауза, — сказала Гвенвифар. — Но в этот зал уже не раз вводили прекрасных коней или псов, присланных в подарок моему господину и королю. Я понимаю, что все это делалось из лучших чувств, но думаю, твой конь не будет против того, чтобы подождать снаружи. Я сомневаюсь, что даже лучший из коней захочет знакомиться с камелотским гостеприимством — скорее уж он предпочтет пообедать у себя в деннике. Хотя Ланселет когда-то рассказывал нам историю о некоем римлянине, который поил своего коня вином из золотого корыта, надевал на него лавровый венок и оказывал ему всяческие почести...

Красивый молодой мужчина, стоявший рядом с Моргаузой, рассмеялся и заметил:

— А ведь и вправду — Ланселет рассказывал эту историю на свадьбе моей сестры! Это был император Гай Божественный. Он сделал своего любимого коня сенатором, а когда Гай умер, следующий император сказал что-то в том духе, что конь, по крайней мере, не дал ни одного дурного совета и не совершил ни одного убийства. Но лучше не надо следовать примеру Гая, мой лорд Артур, — если тебе вдруг вздумается дать своему коню звание соратника, где же мы найдем для него подходящее сиденье?

Артур рассмеялся от души и протянул шутнику руку.

— Не буду, Ламорак.

Лишь теперь Гвенвифар сообразила, что это за молодой мужчина, сопровождающий Моргаузу, — судя по всему, сын Пелинора. Да, до нее доходили кое-какие слухи — что Моргауза сделала его своим любовником и, не таясь, живет с ним. Как только эта женщина может делить постель с мужчиной, который ей в сыновья годится? Ведь Ламораку всего лишь двадцать пять! Гвенвифар взглянула на Моргаузу с ужасом и тайной завистью. *«Она выглядит такой молодой и такой красивой, даже несмотря на краску на лице, и делает все, что хочет — и ее совершенно не волнует, что об этом скажут мужчины!»* Королева ледяным тоном произнесла:

— Не хочешь ли посидеть со мной, родственница? Пускай мужчины поговорят о своих делах.

Моргауза пожала Гвенвифар руку.

— Спасибо, кузина. Я так редко бываю при дворе, что, конечно же, с радостью посижу с дамами и посплетничаю об всем на свете: кто на ком женился, кто в кого влюбился и какие платья сейчас в моде! В Лотиане все мое время уходит на управление страной, и я совсем не успеваю заниматься обычными женскими делами, так что для меня это большая радость.

Она похлопала Ламорака по руке, а потом, решив, что никто на них не смотрит, тайком поцеловала его в висок.

— Иди к соратникам, милый.

Королева Лотиана уселась рядом с Гвенвифар, и у той едва не закружилась голова — столь сильный аромат исходил от лент и платья Моргаузы. Гвенвифар сказала:

— Если дела государства так тебя утомляют, кузина, то почему бы тебе не женить Агравейна и не передать ему власть над Лотианом? Ведь народ наверняка печалится о том, что у них нет короля...

Моргейна от души рассмеялась.

— Вот потому-то мне и приходится жить невенчанной: ведь в нашей стране король — это муж королевы. А меня это совершенно не устраивает, моя дорогая! А Ламорак слишком молод,

чтобы править, — хотя с другими обязанностями короля он справляется вполне удовлетворительно.

Гвенвифар слушала Моргаузу словно зачарованная, хоть ее и терзало отвращение. Ну как могла женщина в возрасте Моргаузы выставлять себя в столь дурацком виде, связавшись с таким молодым мужчиной, как Ламорак? Но Ламорак не сводил с нее глаз, словно Моргауза была прекраснейшей и желаннейшей женщиной в мире. Даже Изотту Корнуольскую — она как раз подошла к трону Артура вместе со своим мужем Марком, герцогом Корнуольским, — он удостоил лишь мимолетного взгляда. А ведь Изотта была так прекрасна, что по залу пробежал легкий гул; она была высока и стройна, и волосы ее блестели, словно только что отчеканенная медная монета. Но Марк, несомненно, куда больше думал о ирландском золоте, которое его супруга носила на груди, и о ирландском жемчуге, вплетенном в ее волосы, чем об ее несравненной красоте. Гвенвифар подумала, что за всю свою жизнь не видала столь красивой женщины. Рядом с Изоттой Моргауза казалась потускневшей и расплывшейся — но Ламорак все равно смотрел лишь на нее.

— О, да, Изотта очень красива, — заметила Моргауза. — Но при дворе герцога Марка поговаривают, будто она уделяет куда больше внимания наследнику герцога, молодому Друстану, чем самому Марку. Но кто сможет ее за это упрекнуть? Впрочем, она скромна и осторожна, и если у нее хватит здравого смысла подарить старику ребенка... впрочем, видит небо — лучше бы ей заняться этим с молодым Друстаном, — хохотнула Моргауза. — Что-то она не похожа на женщину, довольную своей супружеской постелью. Хотя я не думаю, что Марк будет требовать от нее чего-либо большего, чем наследника для Корнуолла. Полагаю, ему только этого и недостает, чтоб объявить, что Корнуолл принадлежит ему, раз он им правит, а не Моргейне, унаследовавшей герцогство от Горлойса. Кстати, а где моя родственница Моргейна? Мне не терпится ее обнять!

— Она вон там, с Уриенсом, — сказала Гвенвифар, указав в ту сторону, где стоял король Северного Уэльса, поджидающий своей очереди.

— Лучше бы Артур выдал Моргейну замуж в Корнуол, — заметила Моргауза. — Наверное, он решил, что Марк слишком стар для нее. Хотя он прекрасно мог бы выдать ее за молодого Друстана — его мать приходится родней Бану из Малой Британии, и потому он состоит в дальнем родстве с Ланселетом, — и красив, почти как Ланселет, — верно, Гвенвифар?

Моргауза весело улыбнулась и добавила:

— Ах, я совсем забыла — ты ведь у нас такая благочестивая дама, что и не смотришь ни на кого, кроме своего венчанного

мужа. Впрочем, нетрудно быть добродетельной, если твой супруг так молод, красив и благороден, как Артур!

Гвенвифар почувствовала, что болтовня Моргаузы вот-вот сведет ее с ума. Неужто эта женщина не в состоянии думать о чем-нибудь другом?

— Думаю, тебе бы стоило сказать пару любезных слов Изотте, — заметила Моргауза. — Она совсем недавно приехала в Британию. Правда, я слыхала, что она плохо говорит на нашем языке и знает лишь свой ирландский. Но, кроме того, я слыхала, что у себя дома она считалась госпожой трав и магии, и исцелила Друстана после сражения с ирландским рыцарем Мархальтом, хоть все вокруг и думали, что он уже не выживет. С тех пор он сделался ее верным рыцарем и поборником — по крайней мере, именно так он сам объясняет причину своих поступков, — не унималась Моргауза. — Хотя она так красива, что я бы не удивилась... Пожалуй, стоит познакомить ее с Моргейной — та ведь тоже великолепно разбирается в травах и заклинаниях исцеления. Они найдут, о чем поговорить. Кажется, Моргейна немного знает ирландский. И Моргейна тоже замужем за человеком, который годится ей в отцы, — все-таки Артур дурно обошелся с ней!

— Моргейна согласилась выйти замуж за Уриенса, — неестественно ровным тоном произнесла Гвенвифар. — Неужто ты думаешь, что Артур выдал бы любимую сестру замуж, даже не спросив, чего она хочет?

Моргауза фыркнула.

— В Моргейне слишком много жизненной силы, чтоб ее устроила постель старика. А меня бы точно не устроила — особенно если бы у меня был такой красивый пасынок, как Акколон!

— Ну хорошо, пригласи леди из Корнуолла посидеть с нами, — сказала Гвенвифар, пытаясь положить конец болтовне Моргаузы. — И Моргейну тоже, если хочешь.

Похоже, Моргейну вполне устраивал брак с Уриенсом. А что бы было с ней, с Гвенвифар, если б она сваляла такого дурака или рисковала своей бессмертной душой, распутничая с другими мужчинами?

Уриенс, сопровождаемый Моргейной и двумя младшими сыновьями, как раз подошел, чтобы поприветствовать Артура. Артур обнял старого короля, назвав его зятем, и расцеловал Моргейну.

— Ты собрался преподнести мне подарок, Уриенс? Но мне не нужны подарки от родственников — мне довольно твоего доброго расположения, — сказал он.

— Я собрался не просто преподнести тебе подарок, но и обратиться к тебе с просьбой, — отозвался Уриенс. — Я прошу,

чтобы ты посвятил моего младшего сына, Увейна, в рыцари Круглого Стола, и принял его в число своих соратников.

Стройный темноволосый юноша преклонил колени перед Артуром. Артур улыбнулся.

— Сколько тебе лет, юный Увейн?

— Пятнадцать, мой лорд и король.

— Ну что ж, поднимись, сэр Увейн, — милостиво произнес Артур. — Эту ночь ты проведешь в бдении, а наутро один из моих соратников посвятит тебя в рыцари.

— С твоего позволения, мой лорд Артур, — вмешался в разговор Гавейн. — Если не возражаешь, я бы хотел оказать эту честь моему кузену Увейну.

— Кто более достоин этого, чем ты, мой кузен и друг? — отозвался Артур. — Если Увейн согласен, то, значит, так тому и быть. Я охотно приму его в число своих соратников, как ради него самого, так и потому, что он приходится пасынком моей возлюбленной сестре. Найдите ему место за столом. Увейн, завтра ты сможешь принять участие в общей схватке на турнире — в составе моего отряда.

— Благодарю тебя, мой к-король, — запинаясь, произнес Увейн.

Артур улыбнулся Моргейне.

— Спасибо за подарок, сестра.

— Это подарок и для меня, Артур, — сказала Моргейна. — Увейн дорог мне, как родной сын.

Гвенвифар с жестокой радостью подумала, что Моргейна выглядит теперь на свои годы: на лице ее проступили едва заметные морщины, а в волосах цвета воронова крыла появились седые нити — но темные глаза остались все такими же прекрасными. Но Моргейна говорила об Увейне как о родном сыне и смотрела на него с гордостью и любовью. *«А ведь ее родной сын должен сейчас быть еще старше... И получается, что у Моргейны — чтоб ей пусто было! — два сына, а у меня нет даже воспитанника!»*

Моргейна, усевшаяся за стол рядом с Уриенсом, почувствовала взгляд Гвенвифар. *«Как же она меня ненавидит! Даже теперь, когда я не могу причинить ей ни малейшего вреда!»* Но сама она не испытывала ненависти к Гвенвифар; она даже перестала злиться на нее за подстроенный брак с Уриенсом: в конце концов, именно благодаря этому запутанному повороту судьбы она вновь стала тем, кем была, — жрицей Авалона. *«Да, но если бы не Гвенвифар, я была бы сейчас женой Акколона. А так мы находимся во власти любого слуги, которому вздумается следить за нами или выболтать все Уриенсу в надежде на вознаграждение...»* Нужно будет, пока они находятся в Камелоте, вести себя особенно осто-

рожно. Если Гвенвифар увидит возможность учинить скандал, то ни перед чем не остановится.

Не стоило ей сюда приезжать. Но Увейну так хотелось, чтобы она посмотрела, как его посвятят в рыцари, — а мальчик любит ее, как мать, ведь родной матери он не знал...

В конце концов, не будет же Уриенс жить вечно! — хотя иногда Моргейне начинало казаться, что он решил посостязаться с тем древним царем, Мафусаилом, — и навряд ли даже недалекие свинопасы Северного Уэльса пожелают видеть своим королем Аваллоха. Если бы только она могла родить Акколону ребенка — тогда никто бы не усомнился, что Акколон царствует по праву...

Она бы даже рискнула пойти на такой шаг — в конце концов, Вивиана была лишь немногим моложе, когда родила Ланселета, и прожила достаточно долго, чтоб успеть увидеть его взрослым мужчиной. Но Богиня не послала ей даже надежды на зачатие — да Моргейне этого и не хотелось, если уж говорить начистоту. Акколон никогда не упрекал ее за бездетность — несомненно, он чувствовал, что окружающие не поверят в отцовство Уриенса, хотя Моргейна была уверена, что сумеет убедить старика мужа признать ребенка своим: король души не чаял в супруге и достаточно часто делил с нею постель — даже слишком часто, по мнению Моргейны.

Моргейна обратилась к Уриенсу:

— Давай я положу тебе еды. Эта жареная свинина слишком жирная, тебе от нее станет нехорошо. Пшеничные пироги, пожалуй, могли пропитать мясной подливой. Ага, а вот замечательный тушеный кролик.

Она подозвала слугу с подносом ранних фруктов и взяла для супруга немного крыжовника и вишен.

— Держи — ты ведь их любишь.

— Ты так заботлива, Моргейна, — сказал Уриенс. Моргейна погладила мужа по руке. Ее труды не пропали даром; она заботилась об Уриенсе, следила за его здоровьем, вышивала ему нарядную одежду, а время от времени даже находила ему молодую женщину и давала мужу порцию настойки из трав, придававшей ему подобие истинно мужской энергичности. В результате Уриенс, совершенно уверенный в том, что жена его обожает, никогда не оспаривал ее решений и исполнял любое ее желание.

Пирующие уже успели разбиться на отдельные группы. Гости бродили между столами, лениво жевали сладости, требовали вина и эля и останавливались, чтобы поболтать с родичами и друзьями, которых видели лишь раз в году. Уриенс все еще возился с крыжовником — с зубами у него уже было неважно. Моргейна попросила позволения пойти побеседовать с родственницей.

— Конечно, дорогая! — прошамкал Уриенс. — Нужно будет, чтобы ты подстригла мне волосы, жена, — все соратники теперь стригутся коротко...

Моргейна погладила его по редким волосам.

— Ну что ты, дорогой! Думаю, такая прическа более уместна для твоего возраста. Ты же не хочешь выглядеть, словно мальчишка или монах?

«А кроме того, — подумалось ей, — *у тебя этих волос так мало, что если их еще и подстричь, то лысина будет светиться через них не хуже маяка!»*

— Вот посмотри, благородный Ланселет носит длинные волосы, и Гавейн тоже, и Гарет — а их ведь никто не назовет стариками...

— Ты, как всегда, права, — самодовольно согласился Уриенс. — Пожалуй, это наилучшая прическа для зрелых мужчин. Стрижка хороша лишь для мальчишек вроде Увейна.

И действительно, Увейн уже успел обрезать волосы в соответствии с новой модой, так, что они спускались лишь немного ниже ушей.

— Я смотрю, в волосах Ланселета тоже появилась седина. Все мы не молодеем, моя дорогая.

«Да ты уже был дедом, когда Ланселет только появился на свет!» — сердито подумала Моргейна, но вслух пробормотала лишь, что все они уже не так молоды, как десять лет назад — истина, которую вряд ли кто-то сумел бы оспорить, — и отошла.

Все-таки Ланселет по-прежнему оставался прекраснейшим из мужчин, которых доводилось повидать Моргейне; по сравнению с ним даже лицо Акколона уже не казалось таким безупречным и правильным. Да, в его волосах и аккуратно подстриженной бороде действительно проглядывала седина, но глаза все так же светились улыбкой.

— Здравствуй, кузина.

Радушный тон Ланселета застал Моргейну врасплох. — *«Да, пожалуй, Уриенс сказал правду: все мы не молодеем, и мало осталось тех, кто помнит времена нашей молодости»*, — подумала Моргейна. Ланселет обнял ее, и она почувствовала шелковистое прикосновение бороды к своей щеке.

— А Элейна здесь? — спросила Моргейна.

— Нет, она всего лишь три дня назад родила мне еще одну дочь. Элейна полагала, что роды случатся раньше и она достаточно оправится, чтобы поехать на праздник, — но это оказалась прекрасная крупная девочка, и она сама выбрала время для появления на свет. Мы ждали ее три недели назад!

— Сколько же у тебя уже детей, Ланс?

— Трое. Галахаду уже целых семь лет, а Нимуэ — пять. Я не так уж часто их вижу, но няньки говорят, что они весьма умны

для своего возраста. А младшую Элейна решила назвать Гвенвифар, в честь королевы.

— Пожалуй, мне стоит съездить на север и навестить Элейну, — сказала Моргейна.

— Я уверен, что она тебе обрадуется. Ей там одиноко, — отозвался Ланселет.

Моргейна очень сомневалась, что Элейна так уж обрадуется ее появлению, но это касалось лишь их двоих. Ланселет взглянул в сторону возвышения; Гвенвифар как раз пригласила Изотту Корнуольскую сесть рядом с ней, пока Артур беседовал с герцогом Марком и его племянником.

— Ты знакома с этим молодым человеком, Друстаном? Он — прекрасный арфист; хотя, конечно, с Кевином ему не сравниться.

Моргейна покачала головой.

— А Кевин будет играть на пиру?

— Я его не видел, — сказал Ланселет. — Королева не хотела, чтобы Кевин присутствовал на празднестве, — двор сделался слишком христианским для этого. Но Артур по-прежнему высоко ценит и его советы, и его музыку.

— Не сделался ли и ты христианином? — напрямик спросила его Моргейна.

— Хотел бы я им стать... — отозвался Ланселет со вздохом, идущим из самых глубин души. — Но их вера кажется мне чересчур простой — само это представление, что надо всего лишь верить, что Христос умер ради того, чтобы раз и навсегда искупить наши грехи. Я же слишком хорошо знаю правду... знаю, что мы проживаем жизнь за жизнью и что лишь мы сами в силах завершить те дела, которые некогда начали, и исправить причиненный нами вред. Здравый смысл просто не может допустить, что один человек, каким бы святым и благословенным он ни был, способен искупить грехи всех прочих людей, совершенных во всех их жизнях. Как иначе объяснить, почему одним людям дано все, а другим — очень мало? Нет, я думаю, что священники жестоко обманывают людей, когда уверяют, что могут беседовать с богом и от его имени прощать грехи. Как бы мне хотелось, чтобы это было правдой! Впрочем, некоторые священники действительно добрые и праведные люди.

— Я ни разу не встречала священника, который хотя бы отчасти сравнялся ученостью и добротой с Талиесином, — сказала Моргейна.

— Талиесин был человеком великой души, — отозвался Ланселет. — Наверное, такой мудрости невозможно достичь за одну лишь жизнь, посвященную служению богам. Должно быть, он из тех людей, которые отдают этому служению сотни лет. В сравнении с ним Кевин столь же мало годится для роли мерлина, как мой малолетний сын — для того, чтобы занять трон Артура и по-

вести войска в битву. Талиесин был так великодушен, что даже не ссорился со священниками, — он понимал, что они служат своему богу как могут и, возможно, много жизней спустя поймут, что их бог куда величественней, чем они думали. И я знаю, что он уважал их стремление сохранять целомудрие.

— Мне это кажется святотатством и отрицанием жизни, — сказала Моргейна. — И я знаю, что Вивиана тоже так считала.

«С чего вдруг я принялась спорить о религии именно с Ланселетом?»

— Вивиана, как и Талиесин, принадлежала иному миру, иным временам, — отозвался Ланселет. — То были дни великанов, а нам теперь остается обходиться тем, что мы имеем. Ты так похожа на нее, Моргейна...

Ланселет улыбнулся, и от его печальной улыбки у Моргейны защемило сердце. Когда-то он уже говорил ей нечто подобное... *«Нет, это был сон, только я уже толком его не помню...»* Ланселет же тем временем продолжил:

— Я видел тебя с твоим мужем и пасынком — уверен, что он станет соратником. Я всегда желал тебе счастья, Моргейна. Ты много лет казалась такой несчастной, — и вот теперь ты стала королевой, и у тебя замечательный сын...

«Ну, конечно, — подумала Моргейна, — *чего еще может пожелать женщина?..»*

— А теперь я должен пойти засвидетельствовать свое почтение королеве...

— Конечно, — отозвалась Моргейна, и невольно в ее голосе проскользнули нотки горечи. — Тебе наверняка не терпится поговорить с ней.

— Моргейна! — в смятении воскликнул Ланселет. — Все мы знаем друг друга много лет и приходимся друг другу родичами — неужели мы не можем предать прошлое забвению? Неужели ты до сих пор так сильно презираешь меня и ненавидишь ее?

Моргейна покачала головой.

— Я не испытываю ненависти ни к тебе, ни к ней, — сказала она. — С чего бы вдруг мне вас ненавидеть? Но я думала, что ты теперь женатый человек — и что Гвенвифар заслужила, чтобы ее оставили в покое.

— Ты никогда не понимала ее! — с пылом произнес Ланселет. — Мне кажется, ты невзлюбила ее еще с тех пор, когда вы обе были юными девушками! Это нехорошо с твоей стороны, Моргейна! Она раскаялась в своих грехах, а я... а я, как ты уже сказала, женат — на другой. Но я не стану шарахаться от Гвенвифар, словно от прокаженной. Если она нуждается в моей дружбе — дружбе родича ее мужа, — она ее получит!

Моргейна чувствовала, что Ланселет говорит совершенно искренне; ну что ж, для нее все это уже не имеет значения. Она

уже получила от Акколона то, что так долго и безуспешно пыталась получить от Ланселета... И все же, как ни странно, Моргейна ощутила боль — наподобие той, какая остается на месте выдернутого больного зуба. Она так долго любила Ланселета, что даже теперь, обретя способность смотреть на него без желания, она ощущала внутри себя ноющую пустоту.

— Извини, Ланс, — тихо произнесла Моргейна. — Я не хотела тебя сердить. Ты правильно сказал — все это осталось в прошлом.

«Очевидно, Ланселет и вправду верит в то, что они с Гвенвифар могут быть всего лишь друзьями... возможно, он действительно на это способен. А королева сделалась теперь такой благочестивой... И все-таки мне что-то не верится...»

— Ага! Ланселет, ты, как всегда, любезничаешь с самыми красивыми дамами двора! — произнес чей-то веселый голос.

Ланселет обернулся и сграбастал новоприбывшего в охапку.

— Гарет! Как тебя сюда занесло из твоих северных краев? Ты ведь у нас теперь женатый человек и хозяин дома... Сколько детей тебе уже подарила твоя леди, двоих или троих? Красавчик, ты выглядишь так хорошо, что даже... даже Кэй теперь не сможет посмеяться над тобой!

— Я бы с радостью держал его у себя на кухне! — рассмеялся подошедший Кэй и хлопнул Гарета по плечу. — Четыре сына, верно? Если не ошибаюсь, леди Лионора приносит двойни, словно дикая кошка из ваших лесов? Моргейна, ты с годами все молодеешь, — добавил Кэй, целуя ей руку. Он всегда тепло относился к Моргейне.

— Но когда я вижу Гарета, превратившегося во взрослого мужчину, я чувствую себя старой, как сами холмы, — рассмеялась в ответ Моргейна. — Женщина понимает, что постарела, когда смотрит на рослого молодого мужчину и думает: «А ведь я знала его еще в те времена, когда он бегал без штанов...»

— Увы, кузина, насчет меня это чистая правда, — наклонившись, Гарет обнял Моргейну. — Я помню, как ты делала для меня деревянных рыцарей, когда я был еще совсем маленьким...

— Ты до сих пор их помнишь? — удивилась и обрадовалась Моргейна.

— Конечно, помню, — одного из них Лионора до сих пор хранит вместе с прочими моими сокровищами, — сообщил Гарет. — Он замечательно раскрашен, синей и красной краской, и мой старший сын охотно его бы заполучил, но я слишком им дорожу. А знаешь, кузен, — ведь в детстве я звал этого деревянного рыцаря Ланселетом!

Все рассмеялись, и Моргейна вдруг подумала, что никогда прежде не видела Ланселета таким беззаботным и веселым, каким он был сейчас, в кругу старых друзей.

— Твой сын — он ведь почти ровесник моему Галахаду, верно? Галахад — славный парнишка, хоть и не очень похож на мою родню. Я видел его всего несколько дней назад — в первый раз с тех пор, как он сменил длинную рубашонку на штаны. И девочки тоже хорошенькие — по крайней мере, на мой взгляд.

Гарет повернулся к Моргейне и поинтересовался:

— А как поживает мой приемный брат Гвидион, леди Моргейна?

— Я слыхала, что он теперь на Авалоне, — отрезала Моргейна. — Я его не видала.

И она отвернулась, собравшись оставить Ланселета с друзьями. Но тут подоспел Гавейн и бросился к Моргейне с почти что сыновними объятьями.

Гавейн превратился в огромного, невероятно массивного мужчину, способного, судя по ширине плеч, сбить с ног быка; лицо его было покрыто шрамами.

— Твой сын Увейн — славный парень, — сказал Гавейн. — Думаю, из него получится хороший рыцарь, а они нам могут понадобиться... Ланс, ты видел своего брата, Лионеля?

— Нет. А что, Лионель здесь? — спросил Ланселет, оглядываясь по сторонам. Его взгляд остановился на рослом, крепко сбитом мужчине, наряженном в плащ необычного покроя. — Лионель! Братец, что тебя заставило выбраться из твоего туманного заморского королевства?

Лионель подошел и поздоровался с собравшимися. Он говорил с таким сильным акцентом, что Моргейна с трудом его понимала.

— Жаль, Ланселет, что тебя там нет — у нас появились кое-какие сложности, слыхал? Ты уже знаешь, что творится у Борса?

Ланселет покачал головой.

— Я ничего не слыхал о нем с тех самых пор, как он женился на дочери короля Хоуэлла, — сказал он, — не помню, как ее зовут...

— Изотта — так же, как и королеву Корнуолла, — сказал Лионель. — Но свадьба еще не состоялась. Чтоб ты знал, Хоуэлл из тех людей, которые не говорят ни да, ни нет; он способен до бесконечности размышлять, с кем же ему выгоднее заключить союз — с Малой Британией или с Корнуоллом...

— Марк не может никому передать Корнуолл, — сухо произнес Гавейн. — Корнуолл принадлежит тебе — не правда ли, леди Моргейна? Насколько я помню, Утер, взойдя на престол, отдал его леди Игрейне, так что ты по праву наследуешь его, как дочь Игрейны и Горлойса, хоть остальные земли Горлойса и отошли к Утеру. Кажется, я ничего не напутал? Это ведь произошло еще до моего рождения, да и ты тогда была ребенком.

— Герцог Марк держит Корнуолл от моего имени, — сказала

Моргейна. — Я не знала, что он претендует на эти земли, хотя слыхала, будто одно время поговаривали, что мне стоило бы выйти замуж за герцога Марка или его племянника Друстана...

— Это было бы неплохо, — заметил Лионель. — Но Марк — человек корыстолюбивый. Он взял множество сокровищ в приданое за своей ирландской леди, и я совершенно уверен, что он охотно заглотил бы и Корнуолл вместе с Тинтагелем, если бы думал, что сможет улизнуть с добычей, как лис из птичника.

— Мне куда больше нравились те дни, когда все мы были просто соратниками Артура, — сказал Ланселет. — Но теперь я правлю во владениях Пелинора, Моргейна сделалась королевой Северного Уэльса, а ты, Гавейн, если бы захотел, стал бы королем в Лонтиане...

Гавейн лишь усмехнулся.

— У меня нет ни склонности, ни способностей к королевской работе, кузен. Я — воин, и если бы мне пришлось постоянно сидеть на одном месте и жить при дворе, мне это очень скоро надоело бы до смерти! Я рад, что Агравейн взялся помогать нашей матери править. Думаю, Племена правы — женщинам надлежит сидеть дома и править, а мужчинам — шататься по миру и воевать. Мне не хочется расставаться с Артуром, но я честно сознаюсь, что жизнь при дворе мне осточертела. Впрочем, тут хоть на турнире подраться можно — и то ладно.

— Не сомневаюсь, что ты завоюешь на нем честь и славу, — сказала Моргейна кузену. — Как поживает твоя матушка, Гавейн? Я еще даже не успела с ней побеседовать. — И она добавила с легким ехидством: — Я слыхала, она нашла себе другого помощника, помимо Агравейна, чтоб править твоим королевством.

Гавейн расхохотался.

— Да, это теперь пошла такая мода — и все из-за тебя, Ланселет! Я так подозреваю, что после того, как ты женился на дочке Пелинора, Ламорак решил, что, если рыцарь желает прославиться доблестью и учтивыми манерами, ему сперва непременно следует сделаться любо... — заметив, как помрачнел Ланселет, Гавейн осекся и быстро исправился: — ...любезным поборником прекрасной и могущественной королевы. Впрочем, я не думаю, что Ламорак притворяется. По-моему, он и вправду любит мою мать, и я не собираюсь ворчать на него за это. Ее выдали за короля Лота, когда ей еще не исполнилось пятнадцати, и я даже в детстве удивлялся, как это она умудряется уживаться с ним и всегда оставаться такой доброй и ласковой.

— Моргауза и вправду добра, — согласилась Моргейна, — и ей действительно нелегко жилось с Лотом. Да, он спрашивал ее совета во всяком деле, вплоть до самого важного, но при дворе развелось столько его бастардов, что ему даже не нужно было нанимать воинов. И он считал каждую женщину, своей законной

добычей — даже меня, племянницу его жены. А поскольку Лот был королем, то все полагали, что он просто ведет себя, как истинный мужчина. Так что если кто-нибудь вздумает порицать Моргаузу, я найду, что ему сказать!

— Я всегда знал, что ты — настоящий друг моей матери, Моргейна, — сказал Гавейн. — И я знаю, что Гвенвифар ее не любит. Гвенвифар... — Он взглянул на Ланселета, пожал плечами и предпочел умолкнуть.

— Королова очень благочестива, — заметил Гарет. — И кроме того, ни одна женщина при дворе Артура никогда не страдала от подобного обращения. Возможно, Гвенвифар просто трудно понять, как это женщина может желать от жизни чего-то помимо того, что она получает от брака. Что же касается меня, мне повезло: Лионора избрала меня по доброй воле, и она всегда настолько занята — то она носит ребенка, то оправляется после родов, то кормит младших, — что просто не успевает глядеть на других мужчин, даже если бы ей того и хотелось. Впрочем, — добавил он, улыбаясь, — я искренне надеюсь, что ей и вправду не хочется, потому что если бы вдруг у нее возникло такое желание, боюсь, я не смог бы ей отказать.

Ланселет — мрачное выражение успело исчезнуть с его лица — сказал:

— Мне не верится, Гарет, чтобы даме, ставшей твоей женой, захотелось смотреть на кого-то другого.

— Ну, а тебе, кузен, придется сейчас взглянуть в другую сторону, — сообщил Гавейн. — Королева ищет тебя. Так что тебе, как ее поборнику, придется пойти и засвидетельствовать ей свое почтение.

И действительно, в этот самый момент к ним подошла одна из юных дев, прислуживавших Гвенвифар, и спросила по-детски тонким голоском:

— Не ты ли будешь сэр Ланселет? Королева просит тебя подойти и побеседовать с ней.

Ланселет поклонился Моргейне, сказал: «Гарет, Гавейн — поговорим попозже», — и ушел.

Гарет, нахмурившись, посмотрел ему вслед и пробормотал:

— Стоит ей лишь поманить, и он готов бежать к ней.

— А ты ждал чего-то другого, братец? — обычным своим небрежным тоном поинтересовался Гавейн. — Он ведь был ее поборником с тех самых пор, как она вышла замуж за Артура. Что же касается всего прочего... Ну, вспомни, что говорила Моргейна: если мы считаем такое поведение похвальным для короля, почему мы должны порицать за него королеву? Нет, это теперь и вправду стало модным. Вы слыхали истории об этой ирландской королеве, которая вышла замуж за старого герцога Марка, и о том, как Друстан поет ей песни и всюду следует за ней... Гово-

рят, он играет на арфе не хуже самого Кевина! Ты не слыхала его игры, Моргейна?

Моргейна покачала головой и заметила:

— Не зови Изотту королевой Корнуолла — в Корнуолле нет королев, кроме меня. Марк правит там лишь как мой наместник — и если он этого еще не понял, пора ему об этом сообщить.

— Думаю, Изотте все равно, как там себя именует Марк, — сказал Гавейн, взглянув в сторону длинного стола, за которым сидели дамы. К Гвенвифар и ирландской королеве теперь присоединилась еще и Моргауза, и туда же как раз подошел Ланселет. Гвенвифар улыбнулась ему, а Моргауза отпустила какую-то шутку, заставившую Ланселета рассмеяться, — но Изотта Корнуольская лишь смотрела перед собой невидящим взором, и ее прекрасное лицо казалось бледным и осунувшимся. — Я никогда еще не видел дамы, которая выглядела бы столь несчастной, как эта ирландская королева.

— Сомневаюсь, что я бы выглядела намного счастливее, окажись я женой старого герцога Марка, — заметила Моргейна.

Гавейн обнял ее, едва не задушив при этом.

— Артур и так не слишком-то хорошо поступил, выдав тебя за этого старикана Уриенса, Моргейна. Ты тоже несчастна?

Моргейна почувствовала, как что-то сдавило ей горло, словно ей вдруг захотелось расплакаться.

— Быть может, женщины вообще не бывают счастливы в браке...

— А я бы так не сказал! — возразил Гарет. — Лионора выглядит вполне счастливой.

— Ах, но ведь Лионора замужем за тобой! — рассмеялась Моргейна. — А мне не выпало такой удачи — я всего лишь твоя старая кузина.

— И все же, — сказал Гавейн, — я не намерен порицать мою мать. Она была добра к Лоту до последних его дней, и пока он был жив, она никогда не выставляла своих любовников напоказ. А Гвенвифар... — Гавейн скривился. — Какая жалость, что Ланселет не увез ее подальше от этого королевства, пока у Артура еще было время найти себе другую жену. Впрочем, я полагаю, из юного Галахада в свое время выйдет неплохой король. Ланселет ведь происходит из королевского рода Авалона — да и его отец, Бан из Малой Британии, тоже был королем.

— И все же, — заметил Гарет, — мне кажется, что твой сын, Моргейна, стоит куда ближе к трону, чем сын Ланселета.

И Моргейна вспомнила, что он был тогда уже достаточно большим, чтобы запомнить рождение Гвидиона. Гарет же продолжал:

— А Племена будут верны сестре Артура — ведь в давние

дни, в те времена, когда власть передавалась по женской линии, именно сын сестры был законным наследником.

Он нахмурился, задумался на мгновение, потом поинтересовался:

— Моргейна, это сын Ланселета?

Подобный вопрос показался Моргейне вполне естественным — ведь они дружили с детства. Но она лишь покачала головой, пытаясь перевести охватившее ее раздражение в шутку.

— Нет, Гарет. Будь это так, я бы давно тебе об этом сказала. Тебя бы это порадовало — тебе ведь нравится все, что делает Ланселет. Прошу прощения, кузены, но мне следует теперь пойти побеседовать с вашей матушкой — ведь она всегда была добра ко мне.

Моргейна развернулась и неспешно двинулась к возвышению, на котором сидели дамы. Зал тем временем заполнялся людьми: всем хотелось поприветствовать старых друзей, и гости сбивались в небольшие группки.

Моргейна всегда не любила скоплений народа, — а кроме того, в последние годы она слишком много бродила по зеленым уэльским холмам и совершенно отвыкла от запаха множества тел и дыма, которым тянуло из очага. Двинувшись вбок, она столкнулась с каким-то человеком. Хотя Моргейна весила немного, но от этого столкновения он пошатнулся и схватился за стену, чтобы удержаться на ногах — и внезапно Моргейна поняла, что оказалась лицом к лицу с мерлином.

Она не разговаривала с Кевином со дня смерти Вивианы. Моргейна холодно взглянула на него и отвернулась.

— Моргейна...

Моргейна пропустила это обращение мимо ушей. Тогда Кевин столь же холодно произнес:

— С каких это пор дочь Авалона отворачивается, когда к ней обращается мерлин?

Моргейна глубоко вздохнула и ответила:

— Если ты именем Авалона просишь выслушать тебя, то я готова слушать. Но это не подобает тебе — человеку, отдавшему тело Вивианы для христианского погребения. Я зову это деянием предателя.

— Кто ты такая, леди, чтобы говорить о предательских деяниях? Ты, ведущая жизнь королевы в Уэльсе, в то время как трон Вивианы на Авалоне пустует!

— Я попыталась однажды говорить от имени Авалона, — вспылила Моргейна, — но ты приказал мне умолкнуть! — и она опустила голову, не дожидаясь его ответа.

«А ведь он прав. Как я смею говорить о предательстве после того, как сбежала с Авалона, по молодости и глупости не поняв замыслов Вивианы? Лишь недавно я осознала, что она дала мне

власть над королем; я же отказалась от нее и позволила Гвенвифар отдать короля в руки священников».

— Говори, мерлин. Дочь Авалона слушает.

Несколько мгновений Кевин лишь молча глядел на нее, и Моргейна с грустью вспомнила те годы, когда он был ее единственным другом и союзником при этом дворе. В конце концов он произнес:

— Твоя красота, Моргейна, как и красота Вивианы, с годами лишь делается более зрелой. По сравнению с тобой все женщины этого двора, включая и эту ирландку, не более чем раскрашенные куклы.

Моргейна слабо улыбнулась.

— Ты ведь не за тем остановил меня, грозя громами Авалона, чтоб осыпать меня льстивыми похвалами, Кевин.

— Разве? Прости, я погорячился, — но ты и вправду нужна на Авалоне, Моргейна. Та, что восседает там сейчас... — он осекся и с беспокойством спросил: — Неужели ты так любишь своего старого мужа, что не можешь расстаться с ним?

— Нет, — отозвалась Моргейна. — Но я и там тружусь во славу Богини.

— Это я знаю, — согласился мерлин. — Я так и сказал Ниниане. И если бы Акколон мог наследовать отцу, то в тех краях вновь возродилось бы почитание Богини... Но Акколон — не наследник, а старший сын Уриенса — простак, которым помыкают священники.

— Акколон — не король, он друид, — сказала Моргейна. — А смерть Аваллоха ничего бы не решила — в Уэльсе уже утвердились римские обычаи, а у Аваллоха есть сын. «Конн, — подумала она, — *который сидел у меня на коленях и звал меня бабушкой*».

Словно услышав ее невысказанную мысль, Кевин произнес:

— Жизнь детей непрочна, Моргейна. Многие так и не доживают до зрелости.

— Я не стану убивать — даже ради Авалона! — отрезала Моргейна. — Можешь так им и сказать!

— Скажи им об этом сама, — предложил Кевин. — Ниниана сообщила, что ты приедешь к ним вскоре после Пятидесятницы.

Моргейна почувствовала, как ее желудок скрутило и по спине побежали морашки.

«Так значит, им все известно? Неужто они наблюдали, как я изменяю моему доверчивому старику-мужу с Акколоном, и порицали меня?» Ей вспомнилась Элейна, дрожащая и пристыженная, какой она была, когда ее застали нагой в объятиях Ланселета. *«Неужто они знали о моих планах прежде, чем я сама поняла, что буду делать?»* Но она делала лишь то, для чего ее предназначила Богиня.

— Так что же ты хотел мне сказать, мерлин?

— Только то, что твое место на Авалоне по-прежнему пустует, и Ниниана это понимает не хуже меня. Я всей душой люблю тебя, Моргейна, и я — не предатель. Мне больно от того, что ты так думаешь обо мне — ведь ты так много мне дала. — Он протянул к ней скрюченные руки. — Так что же, Моргейна, — мир?

— Во имя Владычицы — мир, — отозвалась Моргейна и поцеловала Кевина в изуродованные шрамом губы. Внезапно она до боли отчетливо осознала:

«Для него Богиня тоже предстает в моем облике... Богиня — подательница жизни и зрелости... и смерти». Их губы соприкоснулись, и мерлин отпрянул. На лице его проступил неприкрытый страх.

— Я внушаю тебе отвращение, Кевин? Клянусь своей жизнью — я не пойду на убийство. Тебе нечего бояться... — сказала Моргейна, но Кевин вскинул искалеченную руку, призывая собеседницу к молчанию.

— Не клянись, Моргейна — и тогда тебе не придется расплачиваться за клятвопреступничество. Никому не ведомо, что может потребовать от нас Богиня. Я тоже заключил Великий Брак, и в тот день я лишился права распоряжаться своей жизнью. Я живу лишь для того, чтобы исполнять волю Богини; и моя жизнь не так уж хороша, чтобы ей жаль было пожертвовать, — сказал Кевин.

Даже многие годы спустя Моргейна вспоминала эти слова Кевина, и они немного смягчали боль, причиненную горчайшим из ее деяний.

Кевин склонился перед нею — так приветствовали лишь Владычицу Авалона или верховного друида, — а затем поспешно зашагал прочь. Дрожащая Моргейна осталась стоять на месте и смотреть ему вслед. Почему он так поступил? И почему он боится ее?

Моргейна принялась медленно пробираться через толпу; когда она в конце концов добралась до возвышения, Гвенвифар одарила ее ледяной улыбкой, но Моргауза встала и с сердечной теплотой обняла племянницу.

— Милое мое дитя, ты выглядишь такой уставшей! Я знаю, ты не любишь людскую толкотню!

Она поднесла к губам Моргейны серебряный кубок. Моргейна отпила немного вина, потом покачала головой.

— Тетя, ты стала выглядеть еще моложе!

Моргауза весело рассмеялась.

— Это на меня так действует общество молодежи, моя дорогая — ты уже видела Ламорака? До тех пор, пока он считает меня красавицей, я и сама буду так думать о себе и буду оставаться красивой... Вот единственное волшебство, в котором я нуждаюсь!

Она провела пальцем вдоль небольшой морщинки, залегшей под глазом Моргейны.

— Советую тебе, дорогая, последовать моему примеру — или ты сделаешься старой и злой. Неужто при дворе Уриенса вовсе нет красивых молодых мужчин, которые могли бы послужить своей королеве?

Моргейна заметила, как Гвенвифар скривилась от отвращения — хоть она и считала, несомненно, что Моргауза шутит. *«По крайней мере, здесь еще не ходят слухи о моей связи с Акколоном,* — подумала Моргейна, и тут же рассердилась на себя. — *Во имя Владычицы — я не собираюсь стыдиться своих поступков! Я не Гвенвифар!»*

Ланселет тем временем беседовал с Изоттой Корнуольской. Да, он и вправду всегда выбирал среди присутствующих дам самую красивую, и Моргейна с уверенностью могла сказать, что Гвенвифар это не нравится. Вот и теперь королева с нервной поспешностью произнесла:

— Леди Изотта, вы знакомы с сестрой моего мужа, Моргейной?

Ирландская красавица подняла на Моргейну безразличный взгляд и улыбнулась. Она была необыкновенно бледна; точеное лицо Изотты было белее молока, а голубые глаза отливали зеленью. Моргейна заметила, что, несмотря на свой высокий рост, ирландка была столь хрупкой и тонкой в кости, что напоминала ребенка, увешанного чересчур тяжелыми для него драгоценными украшениями, жемчугами и золотыми цепями. Внезапно ей стало жаль девушку, и она сдержала резкие слова, что уж готовы были сорваться с ее губ: «Так это тебя теперь величают королевой Корнуолла? Я вижу, мне придется поговорить с герцогом Марком!» Вместо этого Моргейна сказала лишь:

— Мой родич сказал мне, что ты сведуща в травах и в искусстве исцеления, леди. Если у меня выдастся свободное время до отъезда, я охотно побеседовала бы с тобой об этом.

— С превеликим удовольствием, — любезно отозвалась Изотта.

Ланселет поднял голову и произнес:

— Я также рассказал ей, что ты прекрасно играешь на арфе, Моргейна. Сыграешь ли ты нам сегодня?

— Играть, когда здесь присутствует Кевин? Мое искусство того не стоит, — отозвалась Моргейна, но Гвенвифар, содрогнувшись, перебила ее:

— Очень жаль, что Артур никак не прислушается ко мне и не отошлет этого человека прочь от двора! Я не желаю видеть здесь волшебников и чародеев, а такое зловещее лицо просто-таки предвещает беду! Не понимаю, Моргейна, как ты можешь выносить его прикосновения — по-моему, любой утонченной жен-

щине от этого бы сразу стало дурно. Ты же обняла и поцеловала его, словно своего родича...

— Очевидно, — отозвалась Моргейна, — мне не хватает истинной утонченности чувств — и я этому только рада.

— Если внутренняя суть человека проявляется вовне, — нежным, певучим голосом произнесла Изотта Корнуольская, — то музыка Кевина свидетельствует, леди Гвенвифар, что душа его прекрасна, словно у ангела. Дурной человек никогда не смог бы играть так, как играет Кевин.

Тут к ним подошел Артур, и до него донеслись последние несколько слов.

— И все же, — заметил он, — я не хочу оскорблять мою королеву, навязывая ей общество человека, который ей неприятен, — и вместе с тем у меня не хватит дерзости заставлять такого музыканта, как Кевин, играть для людей, не способных благосклонно отнестись к нему. — В голосе его проскользнуло недовольство. — Моргейна, может быть, ты все-таки сыграешь нам?

— Моя арфа осталась в Уэльсе, — сказала Моргейна. — Может, в другой раз — если кто-нибудь одолжит мне арфу. Сейчас здесь слишком людно и шумно — музыка просто затеряется в этом гуле... А Ланселет играет не хуже меня.

Ланселет, стоявший за спиной у Артура, покачал головой.

— О, нет, кузина! Я, конечно, отличу одну струну от другой — я ведь вырос на Авалоне, и мать дала мне в руки арфу, как только я в силах был ее удержать. Но я не наделен таким музыкальным даром, как ты, Моргейна, или как племянник Марка — кстати, ты уже слышала, как он играет?

Моргейна покачала головой, и Изотта тут же сказала:

— Я попрошу его прийти и сыграть нам.

Она отправила за Друстаном пажа, и он пришел, изящный молодой мужчина, темноглазый и темноволосый; пожалуй, он и вправду чем-то напоминал Ланселета. Изотта попросила его сыграть. Друстану принесли арфу, он присел на ступеньки помоста и принялся играть бретонские напевы. Мелодии были старинными и печальными, и Моргейне подумалось о древней стране Лионесс, ныне поглощенной морем. Друстан и вправду играл куда лучше Ланселета — и, на взгляд Моргейны, лучше ее самой. Хотя до Кевина ему было далеко, но если не считать Кевина, Друстан был лучшим музыкантом, какого только ей доводилось слушать. Да и голос у него был мелодичный и приятный.

Воспользовавшись тем, что музыка заглушает слова, Артур тихо обратился к Моргейне:

— Как твои дела, сестра? Ты так давно не появлялась в Камелоте... Мы скучали по тебе.

— В самом деле? — удивилась Моргейна. — Я-то думала, что

ты выдал меня замуж в Северный Уэльс именно для того, чтобы не оскорблять свою госпожу, — она иронично кивнула в сторону Гвенвифар, — видом неприятных ей людей. Ведь меня она любит ничуть не больше, чем Кевина.

— Как ты можешь так говорить?! — возмутился Артур. — Ты же знаешь, что я всем сердцем люблю тебя. Уриенс — хороший человек, и он, насколько я вижу, души в тебе не чает; он готов ловить каждое твое слово! Я хотел найти тебе доброго мужа, Моргейна, который уже имел бы сыновей и не стал бы упрекать тебя за то, что ты не в силах подарить ему детей. И сегодня для меня было истинной радостью принять твоего юного пасынка в число соратников. Чего же тебе еще нужно, сестра?

— А и вправду, — согласилась Моргейна. — Чего еще может пожелать женщина, кроме доброго мужа, годящегося ей в деды, и захолустного королевства, чтобы править им. Наверно, мне бы следовало на коленях благодарить тебя за такое благодеяние, брат мой!

Артур попытался взять ее за руку.

— Но ведь я и вправду поступил так, стараясь порадовать тебя, сестра моя. Да, Уриенс слишком стар для тебя, но ведь он не будет жить вечно. Я действительно думал, что ты будешь счастлива.

«Несомненно, — подумала Моргейна, — *он говорит чистую правду — как сам ее понимает. Ну как человек может быть столь мудрым и справедливым королем и иметь столь мало воображения? Или, может, в том и заключается тайна его царствования, что Артур придерживается простых истин и не ищет большего? Уж не этим ли его привлекло христианство — своей простотой и простыми немногочисленными заповедями?*

— Мне хочется, чтобы все были счастливы, — сказал Артур, и Моргейна поняла, что в этом и вправду заключалась самая суть его характера; он действительно старался сделать всех счастливыми — всех, вплоть до последнего своего подданного. Он не стал пресекать связь Гвенвифар и Ланселета, потому что знал, что его королева будет несчастна, если разлучить ее с Ланселетом; и точно так же он не мог причинить боль Гвенвифар, взяв себе другую жену или любовницу, чтобы та родила ему сына, которого не смогла родить она.

«Он недостаточно безжалостен для Верховного короля», — подумала Моргейна, пытаясь при этом слушать печальные песни Друстана. Артур перевел разговор на свинцовые и оловянные рудники Корнуолла: нужно будеть съездить посмотреть на них, пускай герцог Марк знает, что он — не правитель этой страны; и, несомненно, они с Изоттой подружатся, ведь они обе так любят музыку — посмотри, как внимательно она слушает Друстана...

«Она не может оторвать глаз от него отнюдь не из любви к музыке», — подумала Моргейна, но не стала этого говорить. Она подумала о четырех королевах, сидящих за этим столом, и вздохнула. Изотта не сводит глаз с Друстана — и кто упрекнет ее за это? Герцог Марк стар и угрюм, а своим пронзительным, недобрым взглядом он напоминает Лота Оркнейского. Моргауза подозвала к себе Ламорака и принялась что-то шептать ему на ухо; что ж, кто упрекнет ее за это? Ее выдали за Лота — а Лот был отнюдь не подарком, — когда ей было всего четырнадцать лет, и все то время, что они жили с Лотом, Моргауза всегда щадила его самолюбие и не заводила любовников в открытую. *«Да я и сама не лучше их: я ласкаю Уриенса, а стоит ему отвернуться, как я ныряю в постель к Акколону, оправдываясь тем, что он — мой жрец...»*

Есть ли на свете хоть одна женщина, что вела бы себя иначе? Гвенвифар — Верховная королева, но она первой завела любовника... Сердце Моргейны закаменело. Ее, и Моргаузу, и Изотту выдали замуж за стариков — что ж, такова жизнь. Но Гвенвифар была женой красивого мужчины, лишь ненамного старше ее самой, и Верховного короля к тому же — чем она-то была недовольна?

Друстан отложил арфу, поклонился и взял рог с вином, чтобы промочить пересохшее горло.

— Я не в силах больше петь, — сказал он, — но я буду только рад, если леди Моргейна согласится взять мою арфу. Я слыхал, что леди искусно на ней играет.

— Действительно, дитя, спой нам, — попросила Моргауза, и Артур пылко поддержал ее просьбу.

— И вправду, я так давно не слышал, как ты поешь — а твой голос и поныне кажется мне прекраснейшим в мире... возможно, потому, что это был первый голос, который я помню, — сказал Артур. — Кажется, ты пела мне колыбельные, когда я еще даже толком не умел разговаривать, да и ты сама была тогда ребенком. Такой я тебя и запомнил, Моргейна, — добавил он, и в глазах его промелькнула такая боль, что Моргейна опустила голову.

«Может быть, именно этого и не может простить мне Гвенвифар — что для него мой облик сливается с ликом Богини?»

Она взяла арфу Друстана и склонилась над струнами, поочередно трогая их.

— Она настроена не так, как моя, — сказала Моргейна, перебирая струны, потом подняла голову, заслышав какой-то шум, донесшийся из-за двери. Пропела труба — в помещении ее звук казался слишком хриплым и пронзительным, — и раздался стук подкованных сапог. Артур привстал с трона и снова опустился на место, когда в зал размашистым шагом вошли четверо мужчин, вооруженные мечами и щитами.

Эти четверо были облачены в римские шлемы — Моргейна видела такие: пара подобных шлемов сохранилась на Авалоне, — короткие воинские туники и доспехи римского образца; за плечами у них вились красные плащи. Моргейна даже сморгнула, дадбы убедиться, что глаза не подводят ее: казалось, будто это явились из прошлого воскресшие римские легионеры. Один из них держал шест с прикрепленным к нему позолоченным изображением орла.

— Артур, герцог Британии! — громко провозгласил один из новоприбывших. — Мы принесли тебе послание от Луция, императора Рима!

Артур поднялся с трона и сделал единственный шаг навстречу воинам в наряде легионеров.

— Я не герцог Британии, а Верховный король, — спокойно произнес он, — и я не знаю никакого императора Луция. Рим пал и находится в руках варваров, — и, как я вижу, самозванцев. Впрочем, не следует наказывать псов за дерзкую выходку их хозяина. Можете огласить свое послание.

— Я — Кастор, центурион легиона «Валерия Виктрикс», «Победоносный орел», — произнес все тот же мужчина. — В Галлии вновь собираются легионы под знаменем Луция Валерия, императора Рима. Вот что Луций велел передать тебе, Артур, герцог Британии: ты можешь продолжать править, сохраняя свой титул, если в течение шести недель отошлешь ему имперскую дань, которая должна включать в себя сорок унций золота, две дюжины британских жемчужин, по три повозки железа, олова и свинца, сто ярдов шерстяной ткани и сто рабов.

Ланселет вскочил со своего места и встал рядом с королем.

— Мой лорд Артур, — воскликнул он, — позволь мне вышвырнуть отсюда этих наглых псов — пускай они с визгом бегут к этому недоумку Луцию и скажут ему, что если он хочет получить дань с Британии, то может прийти и попытаться ее взять!

— Подожди, Ланселет, — все так же спокойно сказал Артур, улыбнувшись другу. — Не стоит так говорить.

Он несколько мгновений разглядывал легионеров. Кастор наполовину извлек меч из ножен. Артур мрачно произнес:

— Никто не смеет обнажать оружие в день святого праздника при моем дворе, солдат. Я не жду от варваров из Галлии, чтобы они умели вести себя, как цивилизованные люди, — но если ты сию секунду не спрячешь меч в ножны, то клянусь, я позволю Ланселету сделать с вами все, что ему заблагорассудится. Не сомневаюсь, что даже вы в своей Галлии слыхали о сэре Ланселете. Но я не желаю, чтобы перед моим троном проливалась кровь.

Кастор гневно оскалил зубы и резко вогнал меч в ножны.

— Я не боюсь рыцаря Ланселета! — заявил он. — Вся его слава осталась в прошлом, вместе с войной против саксов. Но

я — посланец, и мне приказано не проливать крови. Что мне передать императору, герцог Артур?

— Ничего — если ты, даже стоя перед моим троном, отказываешь мне в моем титуле, — отозвался Артур. — Но скажи Луцию вот что: как Утер Пендрагон наследовал Амброзию Аврелиану, хоть никакие римляне и не помогали нам тогда в нашей смертельной борьбе с саксами, и как я, Артур, наследовал моему отцу Утеру, так и мой племянник Галахад унаследует после меня трон Британии. Никто больше не имеет законных прав на императорский титул — и власть Римской империи более не распространяется на Британию. Если Луций желает править своей родной Галлией и ее народ согласен признать его королем, я не стану этого оспаривать. Но если он попытается заявить права хотя бы на дюйм Британии или Малой Британии, он не получит от нас ничего, кроме трех десятков добрых британских стрел — туда, куда ему больше понравится.

Кастор, побледнев от ярости, заявил:

— Мой император предвидел, что может получить какой-нибудь дерзкий ответ наподобие этого, и потому велел мне сказать так: Малая Британия уже находится в его руках, и он запер Борса, сына короля Бана, в его же собственном замке. А когда император Луций опустошит всю Малую Британию, он явится сюда, как некогда — император Клавдий, и заново завоюет эту страну, как бы этому ни старались помешать все твои дикарские вожди, разрисованные вайдой!

— Передай своему императору, — отозвался Артур, — что мое предложение касательно трех десятков британских стрел остается в силе — только теперь я увеличу их число до трех сотен, и что он не получит от меня никакой дани, кроме стрелы в сердце. Скажи ему также, что если он хоть пальцем тронет моего соратника сэра Борса, я отдам его Ланселету и Лионелю, братьям Борса, и разрешу им заживо спустить с него шкуру и вывесить его освежеванный труп на крепостной стене. А теперь возвращайся к своему императору и передай ему мои слова. Нет, Кэй, не трогай их — посланцы священны перед богами.

В зале воцарилась тишина — все были потрясены случившимся. Легионеры развернулись и вышли, печатая шаг и грохоча каблуками подкованных сапог по каменным плитам. Когда они исчезли, зазвучали громкие возгласы, но Артур поднял руку, и все снова смолкли.

— Я отменяю завтрашний турнир — вскоре нас будет ждать настоящая битва, — сказал он. — А призом будет добыча, отнятая у этого самозваного императора. Соратники, я желаю, чтобы завтра на рассвете вы были готовы выехать к побережью. Кэй, позаботься о всем необходимом. Ланселет, — король взглянул на

старого друга, и по губам его скользнула легкая улыбка, — я оставил бы тебя здесь, чтобы ты охранял мою королеву, но я знаю, что на этот раз ты захочешь поехать с нами — ведь твой брат оказался в осаде. Я попрошу священника, чтобы на рассвете он отслужил службу для тех, кто пожелает исповедаться и получить отпущение грехов, прежде чем идти в битву. Сэр Увейн, — Артур отыскал взглядом нового соратника, сидевшего среди молодых рыцарей, — теперь я могу предложить тебе добыть славу в сражении, а не на турнире. Я прошу тебя, сына моей сестры, быть рядом со мной и прикрывать меня от предательского удара в спину.

— Это большая честь для меня, м-мой король, — запинаясь, произнес сияющий Увейн, и в этот момент Моргейна отчасти поняла, почему Артур внушает своим подданным такую любовь и преданность.

— Уриенс, добрый мой зять, — продолжал тем временем Артур, — я поручаю королеву твоему попечению. Оставайся в Камелоте и береги ее до тех пор, пока я не вернусь.

Он поцеловал руку Гвенвифар.

— Моя леди, прости, но мы должны покинуть пир — война снова постучала к нам в двери.

Гвенвифар была бледна как полотно.

— Я буду ждать твоего возвращения, мой лорд. Да хранит тебя Господь, милый мой супруг.

Она поцеловала короля. Артур встал из-за стола и спустился с возвышения, на ходу кивнув остальным:

— Гавейн, Лионель, Гарет — все соратники — за мной!

Прежде чем последовать за королем, Ланселет на миг задержался рядом с Гвенвифар.

— Попроси благословения Божьего и для меня, моя королева, когда я отправлюсь в путь.

— О Господи, Ланселет!.. — вырвалось у Гвенвифар, и, словно позабыв, что на них смотрит весь двор, королева бросилась ему на грудь. Ланселет обнял ее и принялся утешать. Он говорил так тихо, что Моргейна не услышала ни единого слова, но она заметила, что Гвенвифар плачет. Но когда королева подняла голову, глаза ее были сухими.

— Да хранит тебя Бог, любовь моя.

— И тебя, любовь сердца моего, — еле слышно произнес Ланселет. — Вернусь я или нет — да благословит тебя Бог.

Он повернулся к Моргейне.

— Теперь я особенно рад тому, что ты решила навестить Элейну. Передай дорогой моей жене мой сердечный поклон и скажи, что я отправился вместе с Артуром на помощь моему родичу Борсу, чтоб поставить на место этого мерзавца, именующе-

го себя императором Луцием. Скажи, что я молю Бога хранить ее и что я люблю ее и детей.

Ланселет умолк, и на мгновение Моргейне показалось, что сейчас он поцелует и ее. Но вместо этого он, улыбнувшись, коснулся ее щеки.

— Да благословит Господь и тебя, Моргейна, — уж не знаю, хочешь ли ты его благословения или нет.

И он заспешил следом за Артуром в дальний конец зала, туда, где уже собирались соратники.

Уриенс подошел к возвышению и поклонился Гвенвифар.

— Я к твоим услугам, моя леди.

«Если она посмеется над стариком, — подумала Моргейна, внезапно ощутив яростное желание защитить мужа, — *я влеплю ей пощечину!»*

Уриенс лишь хотел сделать как лучше, да и порученное ему дело было не более чем данью родству и требованиям этикета; Камелот, как и всегда, останется в надежных руках Кэя и Лукана. Но Гвенвифар привыкла к придворной любезности.

— Благодарю тебя, сэр Уриенс, — серьезно отозвалась она. — Ты всегда будешь здесь желанным гостем. Моргейна же — моя подруга и сестра, и я рада снова видеть ее при дворе.

«О, Гвенвифар, Гвенвифар, какая же ты лгунья!»

— Спасибо, но я должна съездить на север, навестить мою родственницу Элейну, — приторно любезным тоном произнесла Моргейна. — Ланселет попросил меня сообщить его жене обо всем.

— Ты так добра, — заметил Уриенс. — Что ж, поскольку война идет не у нас в стране, а за проливом, ты можешь съездить к Элейне, когда захочешь. Я бы попросил Акколона сопровождать тебя, но он наверняка отправится с Артуром к побережью.

«Он ведь и вправду охотно поручил бы меня попечению Акколона. Он обо всех думает хорошо», — подумала Моргейна и с искренней теплотой поцеловала мужа.

— А можно, после того, как я побываю у Элейны, я навещу свою родственницу на Авалоне, супруг мой?

— Делай, как тебе угодно, моя леди, — согласился Уриенс. — Только не могла бы ты, прежде чем уедешь, распаковать мои вещи? Моему слуге никогда не удается справиться с этим так же хорошо, как это делаешь ты. И не оставишь ли ты мне кое-что из твоих бальзамов и трав?

— Ну конечно, — отозвалась Моргейна. Она отправилась готовиться к отъезду; ей подумалось, что раз им предстоит на какое-то время разлучиться, сегодня Уриенс наверняка пожелает спать с ней. Моргейна вздохнула, примирившись со своей участью. Что ж, терпела она раньше — потерпит и теперь.

«Какой же я сделалась распутной!»

Глава 12

Моргейна знала, что ей хватит решимости совершить это путешествие лишь в том случае, если она будет действовать постепенно — шаг за шагом, день за днем, лига за лигой. Первым ее шагом стала поездка в замок Пелинора; по горькой иронии судьбы, первым делом она должна была передать сердечное послание жене и детям Ланселета.

Сперва она поехала на север по старой римской дороге, вившейся меж холмов. Кевин предложил было сопровождать ее, и Моргейна едва не поддалась искушению; ее вновь принялись терзать прежние страхи: она и на этот раз не найдет дорогу на Авалон, она не посмеет вызвать авалонскую ладью, она вновь заблудится в волшебной стране и навеки потеряется там. Она не смела прийти на Авалон после смерти Вивианы...

Но теперь это испытание снова встало перед ней, как и в тот раз, когда она только стала жрицей... она сбежала с Авалона в одиночку, не пройдя никаких испытаний, кроме этого, и теперь должна была самостоятельно найти способ вернуться... она должна была добраться на Авалон, опираясь лишь на свои собственные силы, а не на поддержку Кевина.

И все же Моргейну мучил страх. Ведь все это было так давно...

На четверый день впереди показался замок Пелинора, и к полудню, проехав вдоль болотистого берега озера, где не встречались более следы некогда таившегося здесь дракона (что не помешало слуге и служанке, сопровождавшим Моргейну, начать дрожать и рассказывать друг дружке ужасные истории о драконах), Моргейна увидела дом, который Пелинор подарил Элейне и Ланселету после их свадьбы.

Это была скорее вилла, чем замок; в нынешние мирные дни в этих краях осталось не так уж много укрепленных жилищ. Между домом и дорогой протянулись просторные пологие лужайки, и, когда Моргейна подъехала к дому, стая гусей разразилась гоготанием.

Моргейну встретил дворецкий в нарядной одежде; он поприветствовал гостью и поинтересовался, кто она и по какому делу прибыла.

— Я — леди Моргейна, жена Уриенса, короля Северного Уэльса. Я привезла послание от лорда Ланселета.

Моргейну провели в комнату, где можно было умыться с дороги и привести себя в порядок, а затем препроводили в большой зал, где горел огонь в камине, и предложили пшеничный пирог с медом и хорошее вино. Моргейна поймала себя на том, что этот церемонный прием начал нагонять на нее зевоту. В конце концов, она ведь родственница хозяев дома, а не какой-ни-

будь посланец, прибывший по государственным делам! Через некоторое время в зал заглянул какой-то мальчик, увидел, что там никого нет, кроме Моргейны, и вошел. Мальчик был белокур и голубоглаз, и лицо его усеивала россыпь золотистых веснушек. Моргейна сразу же поняла, что это и есть сын Ланселета, хоть он ничуть не походил на отца.

— Ты — та самая леди Моргейна, которую зовут Моргейной Волшебницей?

— Да, это я и есть, — отозвалась Моргейна. — А еще я — твоя кузина, Галахад.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — настороженно спросил мальчишка. — Ты что, колдунья? Почему тебя зовут Волшебницей?

— Потому, что я происхожу из древнего королевского рода Авалона и выросла на Авалоне, — пояснила Моргейна. — А твое имя я узнала не при помощи волшебства, а потому, что ты очень похож на свою мать, которая тоже приходится мне родственницей.

— Моего отца тоже зовут Галахадом, — заявил мальчик, — но саксы прозвали его Эльфийской Стрелой.

— Я приехала, чтобы передать тебе привет от твоего отца — тебе, твоей матери и твоим сестрам, — сказала Моргейна.

— Нимуэ — дура, — сообщил Галахад. — Она уже большая, ей целых пять лет, но, когда отец приехал, она принялась реветь и не пошла к нему на руки, потому что не узнала. А ты знаешь моего отца?

— Конечно, знаю, — сказала Моргейна. — Его мать, Владычица Озера, была моей тетей и приемной матерью.

Галахад недоверчиво взглянул на нее и нахмурился.

— Моя мама говорит, что Владычица Озера — злая колдунья.

— Твоя мама... — Моргейна осеклась и решила смягчить выражения; в конце концов, Галахад ведь еще ребенок. — Твоя мама не знала Владычицу так хорошо, как знала ее я. Она была доброй и мудрой женщиной и всю свою жизнь служила богам.

— Что, правда?

Моргейна просто-таки видела, как мальчик пытается осмыслить эту идею.

— Отец Гриффин говорит, что служителями Божьими могут быть только мужчины, потому что мужчины сделаны по образу и подобию Божьему, а женщины — нет. Нимуэ сказала, что хочет быть священником, когда вырастет, чтоб научиться читать, писать и играть на арфе, а отец Гриффин сказал, что женщины этого не могут вообще.

— Значит, отец Гриффин ошибается, — сказала Моргейна, — потому что я умею делать все это, и еще многое другое.

— Я тебе не верю! — заявил Галахад, с враждебным видом ус-

тавившись на Моргейну. — Ты думаешь, что ты лучше всех, да? Моя мама говорит, что маленькие не должны спорить со взрослыми, а ты выглядишь так, будто ты не намного старше меня. Ведь ты не намного больше меня, верно?

Моргейна рассмеялась — ее позабавил этот сердитый мальчишка, — и сказала:

— Но все-таки я старше и твоей мамы, и твоего отца, Галахад, хоть я и не очень большая.

Тут скрипнула дверь и вошла Элейна. Она казалась более мягкой и спокойной, чем раньше; тело ее округлилось, а грудь потеряла былую упругость. Ну что ж, напомнила себе Моргейна, Элейна ведь родила троих детей, а младшего как раз кормила грудью. Но она по-прежнему была прекрасна, и ее золотые волосы сияли так же ярко, как и раньше. Она обняла Моргейну так просто и непринужденно, словно они расстались лишь вчера.

— Я вижу, ты уже познакомилась с моим послушным сыном, — сказала Элейна. — Нимуэ сидит в своей комнате — я ее наказала за то, что она нагрубила отцу Гриффину, — а Гвенни, хвала небесам, уснула. Она очень беспокойная и не дает мне спать по ночам. Ты приехала из Камелота? А почему мой лорд не приехал вместе с тобой, Моргейна?

— Я приехала именно затем, чтобы рассказать тебе обо всем, — сказала Моргейна. — Ланселет некоторое время не вернется домой. В Малой Британии идет война, и его брата, Борса, осадили в собственном замке. Все соратники Артура отправились туда, чтоб спасти Борса и проучить некоего Луция, провозгласившего себя императором.

Глаза Элейны наполнились слезами, но юный Галахад тут же преисполнился гордости.

— Если бы я был старше, я бы тоже стал соратником, — заявил он, — и мой отец посвятил бы меня в рыцари, и я поехал бы с ними и поубивал бы всех этих саксов и этого императора!

Выслушав рассказ Моргейны, Элейна воскликнула:

— По-моему, этот Луций не в своем уме!

— В своем он уме или нет, но он располагает армией и заявляет свои права от имени Рима, — заметила Моргейна. — Ланселет попросил меня повидаться с тобой и поцеловать за него детей, — хотя я сомневаюсь, что этому молодому человеку понравится, если его станут целовать, словно малыша, — сказала она, улыбнувшись Галахаду. — Мой пасынок, Увейн, в твоем возрасте уже считал, что он для этого слишком большой, а несколько дней назад он стал соратником Артура.

— А сколько ему лет? — тут же спросил Галахад и, услышав от Моргейны: «Пятнадцать», — насупился и принялся что-то высчитывать на пальцах.

— А как себя чувствовал мой возлюбленный лорд? — спро-

сила Элейна. — Галахад, иди к своему наставнику. Я хочу побеседовать со своей кузиной.

Дождавшись, когда мальчик выйдет, она сказала:

— Перед этой Пятидесятницей у меня было больше возможностей поговорить с Ланселетом, чем за все годы нашего брака. Впервые за все эти годы я провела в его обществе больше недели за раз!

— По крайней мере, на этот раз ты не ждешь ребенка, — сказала Моргейна.

— Нет, — согласилась Элейна. — Он был очень заботлив, и последние несколько недель перед рождением Гвен не делил со мной постель — говорил, что я сделалась такой большой, что это не доставит мне удовольствия. Я бы не отказала ему, но мне, по правде говоря, кажется, что ему и не хотелось... Что-то я принялась тебе исповедаться, Моргейна...

— Ты забыла, что мы с Ланселетом знакомы всю жизнь, — мрачно усмехнувшись, заметила Моргейна.

— Скажи мне — клянусь, я никогда больше не стану об этом спрашивать, — Ланселет был твоим любовником? Ты когда-нибудь возлежала с ним?

Моргейна взглянула на осунувшееся лицо Элейны и мягко ответила:

— Нет, Элейна. Было время, когда я думала об этом — но между нами так ничего и не произошло. Я не люблю его, а он — меня.

И, к собственному удивлению, Моргейна вдруг поняла, что сказала правду, хотя до этого момента и не осознавала ее.

Элейна уставилась на солнечное пятно на полу; солнце пробивалось через старое, обесцвеченное стекло, сохранившееся еще с римских времен.

— Моргейна... на этом празднике Пятидесятницы... он видел королеву?

— Поскольку Ланселет не слепой и поскольку она сидела на возвышении, рядом с Артуром, то, конечно же, он ее видел, — сухо отозвалась Моргейна.

Элейна раздраженно вскинулась.

— Ты понимаешь, о чем я!

«Неужто она до сих пор так ревнует Ланселета и так ненавидит Гвенвифар? Она заполучила Ланселета, она родила ему детей, она знает, что ее муж — человек чести. Чего же ей еще надо?»

Но увидев, что Элейна вне себя от беспокойства и вот-вот расплачется, Моргейна смягчилась.

— Элейна, он разговаривал с королевой и поцеловал ее на прощанье, когда раздался призыв к оружию. Но я клянусь тебе: он беседовал с ней, как любезный придворный со своей королевой, а не как влюбленный с возлюбленной. Они знают друг друга

с юных лет, и если они не в силах забыть, что когда-то любили друг друга, как любят лишь раз в жизни, неужто ты станешь упрекать их за это? Элейна, ты — его жена; и судя по тому, как он просил меня передать тебе послание, он искренне любит тебя.

— И я клялась, что этого мне будет довольно — да?

Элейна понурилась и надолго умолкла; Моргейна видела, что Элейна часто-часто моргает, — но все-таки она удержалась от слез. В конце концов Элейна подняла голову.

— У тебя было множество любовников, но знаешь ли ты, что такое — любить?

На миг Моргейну захлестнула давняя волна, то безумие любви, что швырнуло их с Ланселетом друг к другу на Авалоне, на том залитом солнцем холме, и сводило раз за разом — и не оставило после себя ничего, кроме горечи. Моргейне потребовалось напрячь всю силу воли, чтобы изгнать это воспоминание и вспомнить об Акколоне, вернувшем ее сердцу и телу всю радость зрелой женственности в то время, когда она чувствовала себя старой, мертвой, никому не нужной... Акколон вновь вернул к служению Богине и снова сделал ее жрицей... Моргейна почувствовала, что неудержимо краснеет. Она медленно кивнула.

— Да, дитя. Я знаю, что значит — любить.

Она видела, что Элейне не терпится задать еще множество вопросов; Моргейна с радостью бы открыла душу этой женщине, что была ей подругой с тех самых пор, как она покинула Авалон, и чей брак она устроила — но нет, нельзя. Тайна всегда была частью могущества жрицы, а если заговорить вслух о том, что связывает ее с Акколоном, в ней увидят лишь бесчестную жену, забравшуюся в постель к пасынку.

— Но сейчас, Элейна, нам нужно поговорить о другом. Как ты помнишь, некогда ты поклялась, что если я помогу тебе заполучить Ланселета, ты отдашь мне то, что, я у тебя попрошу. Нимуэ уже исполнилась пять лет — она достаточно большая, чтобы ее можно было отдать на воспитание. Завтра я уезжаю на Авалон. Подготовь Нимуэ — она едет со мной.

— Нет! — пронзительно вскрикнула Элейна. — Нет, нет, Моргейна! Ты не можешь!

Именно этого Моргейна и боялась. Потому теперь она постаралась говорить как можно тверже и отстраненнее.

— Элейна, ты поклялась.

— Как я могла клясться отдать еще не рожденного ребенка? Я не знала тогда, что это значит на самом деле!.. О, нет, дочь, моя дочь!.. Ты не можешь забрать ее у меня! Она же совсем маленькая!

— Ты поклялась, — повторила Моргейна.

— А если я откажусь?

Элейна напоминала сейчас ощетинившуюся кошку, готовую схватиться за своих котят с огромной злой собакой.

— Если ты откажешься, — бесстрастно произнесла Моргейна, — то, когда Ланселет вернется, я расскажу ему, как был устроен ваш брак, как ты со слезами умоляла меня, чтоб я наложила на него какое-нибудь заклятье, дабы он оставил Гвенвифар и полюбил тебя. Сейчас он считает тебя невинной жертвой моей магии, Элейна, и винит во всем меня, а не тебя. Хочешь ли ты, чтобы он узнал правду?

Элейна побелела от ужаса.

— Ты не посмеешь!

— Можешь проверить, — сказала Моргейна. — Уж не знаю, что значат клятвы для христиан, но я тебя уверяю: те, кто служит Богине, относятся к клятвам со всей серьезностью. Именно так я и отнеслась к твоей клятве. Я подождала, пока ты не родишь еще одну дочь, но Нимуэ — моя. Ты дала слово.

— Но... но как же?.. Она ведь христианское дитя, как же я отпущу ее из материнского дома к... к безбожным колдуньям...

— В конце концов, я — ее родственница, — мягко произнесла Моргейна. — Сколько лет ты знаешь меня, Элейна? Разве ты хоть раз слыхала, чтоб я поступила дурно или бесчестно, что не решаешься доверить мне ребенка? Я ведь не собираюсь скармливать ее дракону, да и времена человеческих жертвоприношений давным-давно остались в прошлом — теперь так не поступают даже с преступниками.

— Но что ее ждет на Авалоне? — спросила Элейна с таким страхом, что Моргейна невольно подумала: уж не питает ли она на самом деле подобных подозрений?

— Она станет жрицей, познавшей всю мудрость Авалона, — ответила Моргейна. — Настанет день, когда она будет чувствовать движение звезд и знать обо всем, что только есть на земле и на небе.

Она улыбнулась.

— Галахад сказал, что Нимуэ хочет научиться читать, писать и играть на арфе. На Авалоне это доступно всякому. Ее жизнь будет менее суровой, чем в какой-нибудь школе при монастыре. Мы уж точно не будем изнурять ее постами и покаянием — во всяком случае, пока она не подрастет.

— Но... но что я скажу Ланселету? — дрогнула Элейна.

— Что хочешь, — отозвалась Моргейна. — Думаю, лучше всего сказать ему правду: что ты отослала девочку на воспитание на Авалон, чтобы она могла занять опустевшее там место. Но меня не волнует, как ты будешь оправдываться перед мужем. Можешь сказать, что она утонула в озере или что ее утащил призрак Пелинорова дракона. Как тебе угодно.

— А священник? Если отец Гриффин услышит, что я отпус-

тила свою дочь, чтобы из нее в языческих землях сделали чародейку...

— Это меня и вовсе не интересует, — отрезала Моргейна. — Если хочешь, можешь рассказать ему, что ты препоручила свою душу моему злокозненному чародейству, чтоб заполучить мужа, а я взамен потребовала от тебя старшую дочь. Что, не хочешь? Вот и я почему-то подумала, что не хочешь.

— Ты жестока, Моргейна, — сказала Элейна. По лицу ее текли слезы. — Дай мне хоть несколько дней, чтоб я могла собрать для нее все, что нужно...

— Ей нужно не так уж много, — ответила Моргейна. — Запасная рубашка, теплые вещи для дороги, плотный плащ и прочная обувь — этого довольно. На Авалоне ей дадут одежду новообращенной жрицы. Поверь мне, — мягко добавила она, — с ней будут обращаться с любовью и почтительностью, ведь она — внучка величайшей из жриц. Все будут — как там выражаются ваши священники? — все будут милосердны к ней. Ее не будут принуждать к аскетической жизни, пока она не вырастет настолько, чтоб ей хватало сил переносить суровые условия. И она будет счастлива.

— Счастлива? В этом средоточии злого колдовства?

— Клянусь тебе — я была счастлива на Авалоне, — сказала Моргейна, и уверенность, звучащая в ее словах, затронула сердце Элейны, — и с тех пор, как я покинула его, я ежедневно и ежечасно всей душой жажду вернуться туда. Ты когда-нибудь слыхала, чтобы я лгала? Пойдем — покажи мне ребенка.

— Я велела ей сидеть у себя в комнате и прясть до заката. Она нагрубила священику и наказана за это.

— Я отменяю наказание, — сказала Моргейна. — Отныне я — ее опекун и приемная мать, а потому у девочки нет больше причин проявлять почтительность к этому священнику. Покажи мне ее.

Они уехали на следующий день, на рассвете. Расставаясь с матерью, Нимуэ плакала, но не прошло и часа, как она начала с любопытством поглядывать на Моргейну из-под капюшона плаща. Девочка была высокой для своего возраста; она пошла скорее в Моргаузу или Игрейну, чем в мать Ланселета, Вивиану. Она была белокурой, но золотистые пряди отливали медью, и Моргейне подумалось, что с возрастом Нимуэ порыжеет. А глаза у нее были почти в точности того же оттенка, что и маленькие лесные фиалки, растущие вдоль ручьев.

Перед отъездом они лишь выпили немного вина с водой, и потому Моргейна поинтересовалась:

— Ты не голодна, Нимуэ? Если хочешь, мы можем остановиться на подходящей полянке и позавтракать.

— Хочу, тетя.

— Хорошо.

Вскоре они остановились. Моргейна спешилась и сняла малышку с пони.

— Я хочу... — девочка опустила глаза и смущенно поежилась.

— Если тебе нужно помочиться, отойди вместе со служанкой вон за то дерево, — сказала Моргейна. — И никогда больше не стыдись говорить о том, какими мы созданы.

— Отец Гриффин говорит, что это нескромно...

— И никогда больше не говори мне о том, что тебе говорил отец Гриффин, — мягко произнесла Моргейна, но в тоне ее промелькнула стальная нотка. — Это осталось в прошлом, Нимуэ.

Когда девочка вернулась из кустов, глаза у нее были круглыми от изумления.

— Там кто-то очень маленький смотрел на меня из-за дерева. Галахад сказал, что тебя зовут Моргейной Волшебницей — это был кто-то из волшебного народа?

Моргейна покачала головой.

— Нет, это просто кто-то из Древнего народа холмов — они такие же настоящие, как и мы с тобой. С ними лучше всего не заговаривать, Нимуэ, и вообще не показывать вида, что ты их заметила. Они очень робкие и боятся людей, которые живут в деревнях или на хуторах.

— А где же тогда живут они сами?

— В холмах и лесах, — пояснила Моргейна. — Они не в силах смотреть, как землю, их мать, насилуют плугом и заставляют плодоносить, и потому никогда не живут в деревнях.

— Но если они не пашут и не жнут, тетя, что же они едят?

— Только то, что земля дает им по доброй воле, — ответила Моргейна. — Коренья, ягоды и травы, плоды и семена — мясо они едят лишь по большим праздникам. Как я уже сказала, с ними лучше не заговаривать, но если хочешь, можешь оставить им немного хлеба на краю поляны — хлеба нам хватит на всех.

Она отломила кусок от буханки и позволила Нимуэ отнести его к краю леса. Элейна и вправду надавала им столько еды, что хватило бы на десятидневную дорогу — не то что на короткую поездку до Авалона.

Сама Моргейна ела мало, но она позволила Нимуэ есть, сколько той хочется, и даже намазала ей хлеб медом; конечно, надо бы понемногу приучать ее к воздержанию — ну да ладно, успеется; в конце концов, девочка еще растет, и строгий пост может ей повредить.

— Тетя, а почему ты не ешь мяса? — спросила Нимуэ. — Разве сегодня постный день?

Моргейна вдруг вспомнила, что некогда и она задала Вивиане точно такой же вопрос.

— Нет, просто я редко его ем.

— Ты его не любишь? Я люблю.

— Значит, ешь, раз любишь. Жрицы нечасто едят мясо, но им это не запрещено, особенно девочкам твоих лет.

— А какие они, жрицы? Они похожи на монахинь? И все время постятся? Отец Гриффин... — Нимуэ осеклась, вспомнив, что ей было велено не пересказывать слова священника. Моргейне это понравилось — девочка быстро учится.

— Я имела в виду, — пояснила она, — что тебе не следует вспоминать его слова, чтоб решить, как нужно себя вести. Но ты можешь рассказывать мне, что он говорил, и когда-нибудь ты сама научишься отделять, что в его словах было правильным, а что глупым, если не хуже.

— Он говорил, что мужчины и женщины должны поститься за свои грехи. Это так?

Моргейна покачала головой.

— Жители Авалона иногда постятся — чтобы приучить свои тела повиноваться и не требовать того, что трудно исполнить. Бывают такие моменты, когда человеку приходится обходиться без пищи, без воды или без сна, и тело должно быть слугой разума, а не его хозяином. Разум не сможет сосредоточиться на святых вещах, или на поисках мудрости, или застыть в длительной медитации, чтобы узреть иные царства, если тело в это время будет вопить: «Накорми меня!» или «Хочу пить!» Поэтому мы учимся заглушать его крики. Поняла?

— Н-не очень, — с сомнением протянула девочка.

— Ну, значит, поймешь, когда подрастешь. А теперь доедай хлеб, и мы поедем дальше.

Нимуэ доела хлеб с медом и аккуратно вытерла руки пучком травы.

— Отца Гриффина я тоже не понимала, и он за это на меня сердился. Меня наказали из-за того, что я спросила, почему мы должны поститься за наши грехи, если Христос уже простил их, а он сказал, что я научилась язычеству, и велел маме запереть меня в моей комнате. А что такое язычество, тетя?

— Все, что не нравится священникам, — ответила Моргейна. — Отец Гриффин — дурак. Те христианские священники, что получше, не тревожат разговорами о грехах таких малышей, как ты, которые еще не способны грешить. Мы успеем поговорить о грехах, Нимуэ, когда ты будешь способна их совершать или делать выбор между добром и злом.

Нимуэ послушно взобралась на своего пони, но несколько мгновений спустя сказала:

— Тетя Моргейна, я, наверное, нехорошая девочка. Я постоянно грешу. Я все время делаю всякие нехорошие вещи. Неудивительно, что мама захотела отослать меня прочь. Она отослала меня в нехорошее место, потому что я и сама нехорошая.

Что-то до боли сжало горло Моргейны. Она как раз собиралась усесться в седло; но вместо этого она бросилась к пони девочки, обняла Нимуэ, крепко прижала к себе и принялась осыпать поцелуями.

— Никогда больше не говори так, Нимуэ! — выдохнула Моргейна. — Никогда! Это неправда, клянусь тебе! Твоя мама вообще не хотела никуда тебя отпускать, а если бы она думала, что Авалон — нехорошее место, она бы тебя не отпустила, что бы я ей ни говорила!

— А почему же тогда меня отослали? — тихо спросила Нимуэ.

Моргейна продолжала сжимать девочку в объятиях; она никак не могла успокоиться.

— Потому, что ты еще до рождения была обещана Авалону, дитя мое. Потому, что твоя бабушка была жрицей, и потому, что у меня нет дочери, которую я могла бы посвятить Богине. Вот тебя и отправили на Авалон, чтобы ты научилась его мудрости и служила Богине.

Моргейна лишь сейчас заметила, что плачет, и слезы капают на золотистые волосы Нимуэ.

— Кто тебе сказал, что тебя отослали в наказание?

— Одна служанка, когда собирала мои вещи... — нерешительно отозвалась Нимуэ. — Я слышала, как она сказала, что маме не следовало бы отсылать меня в такое нехорошее место... А отец Гриффин часто говорил мне, что я — нехорошая девочка...

Моргейна опустилась на землю и, усадив Нимуэ себе на колени, принялась укачивать ее.

— Нет-нет, — нежно сказала она, — нет, милая, нет. Ты — хорошая девочка. Если ты озорничаешь, или ленишься, или не слушаешься, то это не грех — просто ты еще маленькая и не знаешь, как правильно себя вести. А когда узнаешь, то так и будешь делать.

А потом, решив, что слишком уж сложный получается разговор для пятилетнего ребенка, Моргейна быстро сменила тему.

— Смотри, какая бабочка! Я никогда еще не видела бабочек такого цвета! А теперь давай я посажу тебя обратно на пони.

Малышка принялась что-то рассказывать о бабочках, а Моргейна внимательно слушала ее щебет.

Будь Моргейна одна, она доехала бы до Авалона за день, но коротким ножкам пони Нимуэ это было не под силу, и потому путники заночевали на поляне. Нимуэ никогда прежде не спала под открытым небом, и потому, когда костер погас, ей стало

страшно — девочку пугала темнота. Тогда Моргейна легла рядом с малышкой, обняла ее и принялась показывать ей звезды.

Девочка устала от целого дня езды и быстро заснула, положив голову на руку Моргейны, а Моргейна осталась лежать, чувствуя, как в сердце заползает страх. Она так давно не была на Авалоне! Медленно, шаг за шагом, она вспомнила все, чему ее учили — или то, что смогла вспомнить; но вдруг она позабыла нечто жизненно важное?

В конце концов Моргейна уснула, но перед рассветом ей почудились шаги, и она увидела Врану. Врана была в своем обычном темном платье и пятнистой тунике из оленьей шкуры. Она сказала: *«Моргейна! Моргейна, ненаглядная моя!»* Ее голос — голос, который Моргейна за все время, проведенное на Авалоне, слышала лишь один-единственный раз, — был исполнен такого изумления и радости, что Моргейна мгновенно проснулась и привстала, оглядывая поляну и почти ожидая, что сейчас увидит перед собой живую Врану. Но поляна была пуста, если не считать заслонявшей звезды туманной дымки; Моргейна улеглась обратно, так и не поняв, то ли это был сон, то ли Врана и вправду при помощи Зрения узнала о ее приближении. Сердце Моргейны бешено колотилось; Моргейна чувствовала, как оно до боли сильно бьется изнутри о грудную клетку.

«Мне не следовало так долго оставаться вдали от Авалона. Нужно было попробовать вернуться после смерти Вивианы. Пусть бы даже эта попытка убила меня — все равно нужно было попытаться... Захотят ли они принять меня такой, какой я стала, — старой, изнуренной, изношенной, почти потерявшей Зрение, не способной ничего им дать?..»

Лежавшая рядом с ней малышка что-то сонно пробормотала и повернулась, прижавшись поближе к Моргейне. Моргейна обняла девочку и подумала: *«Я даю им внучку Вивианы. Но если мне позволят вернуться лишь ради нее, это будет горше смерти. Неужто Богиня навеки отвернулась от меня?»*

Наконец она снова уснула и проснулась лишь утром; начал моросить мелкий дождик. День начался скверно, и неприятности не заставили себя ждать; около полудня пони Нимуэ потерял подкову. Моргейне не терпелось продолжить путь, и она предпочла бы посадить девочку перед собой — она и сама была легонькой, и ее лошадь спокойно могла бы везти и вдвое больший вес; но при этом ей все-таки не хотелось, чтобы пони охромел, — а значит, нужно было свернуть с дороги в деревню и разыскать кузнеца. Моргейна не желала, чтобы по округе поползли слухи, что сестра Верховного короля ездила на Авалон, но тут уж ничего нельзя было поделать. В здешних краях случалось так мало происшествий, что всякая новость тут же разносилась повсюду, словно на крыльях.

Ну что ж, ничего не попишешь. В конце концов, несчастный пони ни в чем не виноват. Путникам пришлось задержаться и разыскать в стороне от дороги небольшую деревню. Весь день шел дождь; несмотря на то, что лето было в разгаре, Моргейна озябла до дрожи, а девочка промокла и принялась капризничать. Моргейна не обращала на это особого внимания; ей было жаль малышку, особенно когда Нимуэ принялась тихо плакать, заскучав по матери, но она ничего не могла с этим поделать; первое, чему должна научиться жрица — переносить одиночество. Нимуэ придется плакать до тех пор, пока она сама не найдет какое-нибудь утешение или не научится жить без него, как это делали до нее все девы Дома.

День уже клонился к вечеру; впрочем, облака были такими плотными, что из-за них не пробивалось ни единого солнечного лучика. Однако же в это время года темнело поздно, а Моргейне не хотелось проводить еще одну ночь в пути. Потому она решила продолжать ехать до тех пор, пока они смогут различать дорогу, и тут же была вознаграждена за это решение: как только они двинулись в путь, Нимуэ перестала хныкать и принялась с интересом смотреть по сторонам. Они уже находились неподалеку от Авалона, но через некоторое время девочка так устала, что принялась клевать носом прямо в седле. В конце концов Моргейна забрала малышку с пони и посадила перед собой. Но когда они подъехали к берегам Озера, Нимуэ проснулась.

— Мы уже приехали, тетя? — спросила она, когда Моргейна спустила ее на землю.

— Нет, но осталось уже немного, — отозвалась Моргейна. — Если все пойдет хорошо, то через полчаса у тебя будет ужин и постель.

«А если не пойдет?» Моргейна прогнала эту мысль. Сомнения были губительны и для магической силы, и для Зрения... Она потратила пять лет, кропотливо повторяя свой путь с самого начала; теперь ее знания были такими же, как перед побегом с Авалона — а ведь тогда она не прошла еще никаких испытаний, кроме этого... *«Вернулась ли ко мне моя сила?..»*

— Я ничего не вижу, — сказала Нимуэ. — Это — то самое место? Но здесь же ничего нет, тетя.

И девочка со страхом взглянула на унылые промокшие берега и редкий тростник, шуршащий под дождем.

— За нами пришлют ладью, — сказала Моргейна.

— Но откуда они узнают, что мы здесь? Как они разглядят нас через дождь?

— Я вызову ладью, — сказала Моргейна. — Помолчи, Нимуэ.

Она услышала, что девочка снова капризно захныкала, но теперь, когда Моргейна наконец-то очутилась на родных берегах, она ощутила, как давнее знание хлынуло потоком и напол-

нило ее до краев, словно чашу. Моргейна на миг склонила голову, вознося короткую молитву — никогда в жизни она не молилась с таким пылом, а затем глубоко вздохнула и вскинула руки.

В первое мгновение Моргейна ничего не почувствовала, и ее охватил ужас провала; но затем ее медленно окружило сияние, и она услышала, как девочка охнула от изумления. Но сейчас Моргейне было не до того; ее тело словно превратилось в мост между землей и небесами. Моргейна не произносила слово силы, но чувствовала, как оно пульсирует во всем ее теле, словно раскат грома... Тишина. Тишина, и онемевшая, бледная Нимуэ рядом. Затем хмурые воды озера слегка взволновались, туман словно бы вскипел... затем мелькнула тень... и наконец из тумана появилась авалонская ладья, длинная, темная и блестящая. У Моргейны вырвался полувздох-полувсхлип.

Ладья подплыла к берегу беззвучно, словно тень, но звук днища, проехавшегося по песку, был совершенно настоящим и убедительным. С ладьи спрыгнуло несколько невысоких смуглых людей. Они низко поклонились Моргейне и взяли поводья лошадей. Один из них сказал: *«Я отведу их другой дорогой, госпожа»*, — и исчез за завесой дождя. Остальные отступили, и Моргейне пришлось первой войти в ладью, поднять туда потрясенную Нимуэ, а потом подать руку перепуганным слугам. И все так же бесшумно — не слышно было ни звука, не считая приглушенного бормотания человека, уведшего лошадей, — ладья заскользила по Озеру.

— Что это за тень, тетя? — прошептала Нимуэ, когда гребцы оттолкнулись от берега.

— Это церковь в Гластонбери, — сказала Моргейна и сама поразилась тому, насколько спокоен ее голос. — Это на другом острове — его можно увидеть от нас. Там похоронена твоя бабушка, мать твоего отца. Возможно, когда-нибудь ты увидишь ее могилу.

— А мы туда поедем?

— Не сегодня.

— Но лодка плывет прямо туда... Я слыхала, что на Гластонбери есть еще и монастырь...

— Нет, — отозвалась Моргейна, — мы плывем не туда. Жди, смотри и молчи.

Приближалось истинное испытание. Ее могли увидеть с Авалона при помощи Зрения и прислать ладью, но вот сможет ли она раздвинуть туманы Авалона... вот что будет проверкой для всех ее трудов последних лет. Она не имела возможности предпринимать попытки и терпеть неудачу, она должна была просто взять и сделать это, не задумываясь. Они находились сейчас на самой середине Озера. Еще один удар весел, и они попадут в течение, что принесет их к Гластонбери... Моргейна быстро под-

нялась — лишь взметнулись полы одежды — и вскинула руки. Ей снова вспомнилось... все было так же, как и в первый раз, и точно так же она поразилась тому, что неимоверный поток силы оказался беззвучным, вместо того, чтобы прогрохотать, подобно грому... Лишь услышав исполненный испуга и изумления возглас Нимуэ, Моргейна осмелилась открыть глаза.

Дождь прекратился, и перед ними возник зеленый и прекрасный остров Авалон, озаренный последними лучами заходящего солнца; солнечный свет мерцал на поверхности Озера, пробивался меж камней, венчавших вершину Холма, играл на белых стенах храма. Моргейна смотрела на все это сквозь пелену слез; она покачнулась и упала бы, не подхвати ее чья-то рука.

«Дома, дома, я снова здесь, я возвращаюсь домой...»

Она почувствовала, как днище ладьи проскрежетало по прибрежной гальке, и взяла себя в руки. Казалось неправильным, что она одета не так, как полагается жрице, — хоть под платьем у нее и был, как всегда, спрятан небольшой нож Вивианы. Все это было неправильным... ее шелковая вуаль, кольца на узких пальцах... Моргейна, королева Северного Уэльса, а не Моргейна Авалонская... Что ж, это можно исправить. Она горделиво вскинула голову, глубоко вздохнула и взяла девочку за руку. Неважно, насколько сильно она изменилась, неважно, сколько лет прошло — она все равно осталась Моргейной Авалонской, жрицей Великой Богини. За пределами туманов, окружающих Озеро, она могла быть королевой далекой страны, женой старого, смешного короля... но все же она оставалась жрицей, и в ее жилах текла кровь древнего королевского рода Авалона.

Моргейна сошла с ладьи; она не удивилась, увидев перед собой вереницу согнувшихся в поклоне слуг — а за ними стояли, поджидая ее, жрицы в темных одеяниях... Они все знали. Они пришли поздравить ее с возвращением домой. А за жрицами стояла высокая женщина, светловолосая и царственная, с золотистыми косами, уложенными венцом вокруг головы, — женщина, которую Моргейна до сих пор видела лишь во снах. Женщина быстрым шагом подошла к Моргейне, миновав прочих жриц, и обняла ее.

— Добро пожаловать, родственница, — сказала она. — Добро пожаловать домой, Моргейна.

И тогда Моргейна тоже назвала женщину по имени, хоть и знала его лишь по снам, — до тех пор, пока не услышала от Кевина, получив тем самым подтверждение своих снов.

— Приветствую тебя, Ниниана. Я привела к тебе внучку Вивианы. Она будет воспитываться здесь. Ее зовут Нимуэ.

Ниниана с интересом смотрела на Моргейну; интересно, что она успела о ней услышать за все эти годы? Затем она перевела взгляд на девочку.

— Это и есть дочь Галахада?

— Нет, — отозвалась Нимуэ. — Галахад — это мой брат. А я — дочь славного рыцаря Ланселета.

Ниниана улыбнулась.

— Я знаю, — сказала она, — но мы здесь не пользуемся тем именем, которое твой отец получил от саксов. Видишь ли, на самом деле его зовут так же, как и твоего брата. Что ж, Нимуэ, ты приехала, чтобы стать жрицей?

Нимуэ оглядела залитый солнцем берег.

— Так мне сказала моя тетя Моргейна. Я бы хотела научиться читать, писать, и играть на арфе, и знать все о звездах и вообще обо всем на свете, как она. А вы и вправду злые чародейки? Я думала, чародейки старые и уродливые, а ты очень красивая. — Девочка прикусила губу. — Ой, я опять грублю.

Ниниана рассмеялась.

— Всегда говори правду, дитя. Да, я — чародейка. Уродливой я себя не считаю, а вот злая я или добрая, это тебе придется решать самой. Я просто стараюсь исполнять волю Богини, — а большее никому не под силу.

— Тогда я тоже буду стараться ее исполнить, если ты расскажешь мне, как это делать, — сказала Нимуэ.

Солнце опустилось за горизонт, и берег сразу же окутали сумерки. Ниниана подала знак; слуга, державший в руках единственный зажженный факел, коснулся им соседнего; огонь пробежал по цепочке факелов, и вскоре весь берег оказался озарен их пляшущим светом. Ниниана погладила девочку по щеке.

— Пока ты не станешь достаточно большой, чтобы самой понять, чего Богиня хочет от тебя, будешь ли ты подчиняться здешним правилам и слушаться женщин, которые будут присматривать за тобой?

— Я буду стараться, — сказала Нимуэ. — Но я постоянно забываю слушаться. И задаю слишком много вопросов.

— Ты можешь задавать столько вопросов, сколько тебе захочется, — когда для этого настанет подходящий момент, — сказала Ниниана. — Но ты провела весь день в пути, а сейчас уже поздно, так что вот тебе мое первое распоряжение: будь хорошей девочкой — поужинай, выкупайся и ложись спать. Сейчас ты попрощаешься со своей родственницей и пойдешь с Леанной из Дома дев.

Ниниана подозвала крепко сбитую женщину в платье жрицы; взгляд у нее был по-матерински заботливым.

Нимуэ шмыгнула носом и спросила:

— А мне обязательно прощаться прямо сейчас? Ты не придешь попрощаться со мной завтра, тетя Моргейна? Я думала, что буду тут с тобой.

— Нет, — очень мягко произнесла Моргейна. — Ты должна

отправиться в Дом дев и делать так, как тебе говорят. — Она поцеловала Нимуэ; щека девочки была нежной, словно лепесток цветка. — Да благословит тебя Богиня, моя милая. Мы еще встретимся с тобой, если на то будет Ее воля.

Но, произнеся эти слова, Моргейна вдруг на миг увидела другую Нимуэ — рослую девушку, бледную и серьезную, с синим полумесяцем на лбу, и за спиной ее вставала тень Старухи Смерти... Моргейна пошатнулась, и Ниниана поддержала ее.

— Ты устала, леди Моргейна. Отошли малышку отдыхать, и пойдем со мной. Мы можем поговорить и завтра.

Моргейна запечатлела на лбу Нимуэ прощальный поцелуй, и девочка послушно засеменила прочь рядом с Леанной. У Моргейны было такое чувство, словно у нее перед глазами сгущается туман. Ниниана предложила:

— Обопрись на мою руку. Пойдем ко мне — там ты сможешь отдохнуть.

Ниниана привела гостью в покои, некогда принадлежавшие Вивиане, в небольшую комнату, в которой обычно спала жрица, находившаяся при Владычице Озера. После того, как Моргейна осталась в одиночестве, ей удалось кое-как взять себя в руки. На миг ей подумалось: уж не затем ли Ниниана отвела ей эту комнату, чтобы подчеркнуть, что Владычица Озера — именно она, а не Моргейна? Но она тут же одернула себя. Интриги такого рода уместны были при дворе — но не на Авалоне. Ниниана просто предоставила ей самую удобную и уединенную из имеющихся комнат. Когда-то здесь обитала Врана, давшая обет молчания, — Вивиана поселила Врану поближе, чтобы удобнее было ее обучать...

Моргейна смыла с усталого тела дорожную грязь, облачилась в длинное платье из некрашеной шерсти, заботливо положенное кем-то на кровать, и даже немного поела, но не прикоснулась к подогретому вину с пряностями. Рядом с камином стоял каменный кувшин для воды. Моргейна налила себе полную кружку, пригубила — и на глаза ее навернулись слезы.

«Жрицы Авалона пьют только воду из Священного источника...» Она вновь превратилась в юную Моргейну, засыпающую в родных стенах. Моргейна улеглась в постель и уснула безмятежно, как дитя.

Она так и не поняла, что же ее разбудило. В комнате послышались чьи-то шаги — и стихли. Огонь в камине уже почти угас, но через ставни пробивался свет луны, и в этом свете Моргейна увидела женщину в вуали. На миг ей почудилось, что это Ниниана пришла поговорить с ней. Но из-под вуали струились распущенные темные волосы, а проглядывавшее лицо было смуглым, прекрасным и застывшим. Моргейна разглядела на руке у гостьи потемневший след давнего шрама... Врана! Моргейна рывком села на постели и воскликнула:

— Врана! Это ты?

Пальцы Враны коснулись губ в извечном жесте безмолвия; она приблизилась к Моргейне и поцеловала ее. Врана молча сбросила свой длинный плащ, прилегла рядом с Моргейной и обняла ее. Никто из них так и не произнес ни слова. Казалось, будто и реальный мир, и Авалон исчезли, и Моргейна вновь очутилась в сумраке волшебной страны. Врана медленно и безмолвно прикоснулась к ней ритуальным жестом, и Моргейна услышала в своем сознании слова древнего авалонского благословения — они словно затрепетали в тишине: «Благословенны ноги, что принесли тебя сюда... Благословенны колени, что склонятся перед Ее алтарем... Благословенны врата Жизни...»

А затем мир вокруг нее начал плыть и изменяться, и на миг молчащая Врана исчезла, — остался лишь окаймленный сиянием силуэт; Моргейна однажды уже видела его, много лет назад, в тот раз, когда Врана нарушила обет молчания... Моргейна знала, что сама она тоже светится в темноте... И все струилось, струилось всепроникающее безмолвие. А потом все исчезло, и осталась лишь Врана; волосы ее пахли травами, применяющимися при обрядах, а рука покоилась на плече Моргейны. Она так и не произнесла ни слова — лишь коснулась губами щеки Моргейны. Моргейна заметила, что длинные темные волосы Враны тронула седина.

Врана шевельнулась и поднялась с кровати. Все так же молча она извлекла откуда-то серебряный полумесяц, ритуальное украшение жрицы. У Моргейны перехватило дыхание; она поняла, что это тот самый полумесяц, который она оставила на своей постели в Доме дев перед тем, как бежать с Авалона, унося в своем чреве дитя Артура... Моргейна почти беззвучно попыталась возразить, но тут же сдалась и позволила Вране положить полумесяц на подушку. Потом Врана коротким движением указала себе на пояс, и Моргейна увидела, как в последних лучах заходящей луны блеснуло лезвие ножа. Моргейна кивнула: сама она давно уже решила, что до конца жизни не расстанется с ножом Вивианы. Пусть же этот, некогда брошенный ею, нож носит Врана — до того дня, пока его не повесит себе на пояс Нимуэ.

Врана обнажила маленький, острый как бритва нож. Моргейна следила за нею, словно во сне. «Даже если она захочет наказать меня за побег и отдать мою кровь Богине — пусть будет так...» Но Врана лишь уколола себя в грудь; из места укола выступила капля крови. Моргейна, склонив голову, приняла нож и провела лезвием по груди, прямо над сердцем.

«Мы с Враной уже немолоды. Мы не проливаем кровь — лишь из сердца...» — подумала Моргейна и сама не поняла собственной мысли. Врана, наклонившись, слизнула кровь из крохотной ранки; Моргейна коснулась губами маленького пятнышка на

груди Враны. Она осознала, что подтверждает тем самым давние обеты, принесенные ею при вступлении в зрелость. Затем Врана снова обняла ее.

«Я отдала свою девственность Увенчанному Рогами. Я родила ребенка богу. Я сгорала от безумной любви к Ланселету, а Акколон снова сделал меня жрицей — там, на вспаханном поле, благословленном Весенней Девой. Но я так никогда и не знала, что же это такое — когда тебя просто любят...» Моргейну окутала дрема, и ей почудилось, будто она лежит на коленях у матери... нет, не у Игрейны — ее держала в объятиях сама Великая Мать.

Когда Моргейна проснулась, в комнате никого не было. Ее разбудил яркий солнечный свет Авалона, и она расплакалась от радости. На миг ей показалось, что это был всего лишь сон. Но над сердцем протянулась полоска засохшей крови, а на подушке лежал серебряный полумесяц, ритуальное украшение жрицы, которое она оставила, убегая с Авалона. Значит, Врана и вправду принесла его...

Моргейна прикрепила полумесяц к тонкому ремешку и надела на шею. Она решила, что никогда больше не расстанется с ним; она будет прятать его на груди, как Вивиана. Когда Моргейна завязывала узелок, пальцы ее дрожали — это было повторным посвящением в сан жрицы. На подушке лежало что-то еще; эта вещь изменялась на глазах. Вот только что это был розовый бутон, а теперь на его месте красовалась распустившаяся роза. Когда же Моргейна взяла ее в руки, роза превратилась в плод шиповника — круглый, темно-красный, переполненный терпкой жизнью розы. И тут же, у нее на глазах, ягода сморщилась и засохла. И внезапно Моргейна поняла.

«И цветы, и даже плоды — это лишь начало. Жизнь и будущее таятся в семенах».

Глубоко вздохнув, Моргейна завязала семена в шелковый лоскут; она понимала, что должна будет вновь покинуть Авалон. Ее работа не завершена, а она сама выбрала свое дело и свое испытание, бежав с Авалона. Возможно, когда-нибудь она сможет вернуться — но этот день еще не настал.

«А до тех пор я должна таиться, как таится роза в семенах». Моргейна встала и надела платье королевы. Когда-нибудь наряд жрицы снова будет принадлежать ей, но пока что она еще не заслужила права носить его. А потом она села и стала ждать, пока Ниниана позовет ее к себе.

Когда Моргейна вошла в главный зал, где так часто прежде видела Вивиану, время словно бы закружилось вихрем и замкнулось в кольцо; на миг Моргейне показалось, что сейчас она увидит Вивиану, восседающую на своем законном месте, такую

маленькую по сравнению с высоким креслом — и такую величественную, что весь зал был заполнен ее присутствием... Моргейна моргнула. Нет, перед ней сидела Ниниана — высокая, стройная, светловолосая. И все же она показалась Моргейне ребенком, который, играя, забрался на трон.

А затем ей внезапно вспомнились слова, которые она некогда услышала от Вивианы, стоя, как всегда, у нее за спиной: *«Ты достигла такой стадии, на которой твое собственное суждение может воздействовать на твое послушание»*. На миг ей показалось, что лучше всего сейчас будет уклониться, сказать Ниниане лишь то, что может успокоить ее. Но затем ее захлестнула волна негодования. Эта бестолковая, заурядная девчонка посмела усесться на трон Вивианы и отдавать приказы от имени Авалона! Ее же выбрали только потому, что в ней течет кровь Талиесина!.. *«Как она смеет сидеть на этом троне и с чего она взяла, что имеет право приказывать мне?!»*

Моргейна взглянула на девушку сверху вниз; она вдруг почувствовала, что к ней вернулась прежняя величественность и обаяние. А затем внезапная вспышка Зрения вдруг открыла ей мысли Нинианы.

«Это она должна была сидеть на моем месте, — думала Ниниана. — *Разве я могу говорить, словно повелительница, с Моргейной Волшебницей?..»* А затем мысли Нинианы сделались неясными, отчасти от благоговения перед стоящей здесь необычной и могущественной жрицей, а отчасти от негодования и обиды. *«Если бы она не бросила нас и не отреклась от своего долга, я не стала бы бороться с ней ради права занять это место — мы ведь обе знаем, что я не гожусь для него!»*

Моргейна подошла и взяла девушку за руки, и Ниниана удивилась тому, какая доброта прозвучала в ее голосе.

— Прости меня, бедная моя девочка. Я охотно отдала бы жизнь за возможность вернуться сюда и снять с тебя эту тяжесть. Но я не могу — я не смею. Я не могу укрыться здесь и отказаться от возложенной на меня задачи лишь потому, что я тоскую по дому.

Вспыхнувшее было в душе высокомерное презрение исчезло без следа. Моргейне просто было жаль Ниниану. На несчастную девушку взвалили непосильную для нее ношу, хоть она вовсе того и не желала.

— Я начала в Западной стране некое дело, которое необходимо теперь завершить, — если я брошу его на полдороге, все станет только хуже. Ты не сможешь занять мое место там, и потому — да поможет Богиня нам обеим! — тебе придется оставить за собой мое место здесь.

Она наклонилась и крепко обняла девушку.

— Бедная моя маленькая кузина... Это наша судьба, и нам никуда от нее не деться... Если бы я осталась здесь, Богиня использовала бы меня как-то иначе, — но она нашла для меня дело даже после того, как я бежала отсюда, отрекшись от своих клятв... Никому не дано уйти от судьбы. Мы обе находимся в ее руках, и поздно говорить, что лучше было бы сделать все иначе... Богиня поступает с нами так, как это нужно ей.

Ниниана на миг застыла, а затем ее обида и негодование улетучились, и она вцепилась в Моргейну — почти как Нимуэ. Смахнув с ресниц слезы, она сказала:

— Я хотела возненавидеть тебя...

— Да и я тебя, должно быть... — отозвалась Моргейна. — Но Богиня пожелала иначе, а перед ней все мы — сестры.

Она так долго не произносила этих слов, что язык с трудом повиновался ей, но все же она договорила, и Ниниана, склонив голову, едва слышно пробормотала надлежащий ответ. Потом она сказала:

— Расскажи мне, что за дело у тебя на Западе, Моргейна. Нет, садись рядом со мной, — ты же сама понимаешь, нам незачем считаться чинами...

Когда Моргейна рассказала все, что сочла возможным, Ниниана кивнула.

— Кое-что из этого я уже слыхала от мерлина, — сказала она. — Так значит, в тех землях люди вновь вернулись к древней вере... Но у Уриенса два сына, и наследник — старший. Выходит, тебе надлежит позаботиться, чтобы Уэльсом правил король, служащий Авалону, — а это значит, Моргейна, что именно Акколон должен наследовать отцу.

Моргейна зажмурилась и склонила голову. В конце концов она произнесла:

— Я не стану убивать, Ниниана. Я видела слишком много войн и кровопролития. Смерть Аваллоха ничего не решит: с тех пор, как в те края пришли христианские священники, там придерживаются римских обычаев, а у Аваллоха есть сын.

Но Ниниана лишь отмахнулась от этого возражения.

— Сын, которого можно воспитать в древней вере. Сколько ему лет — четыре?

— Ему было четыре, когда я только приехала в Уэльс, — ответила Моргейна. Ей вспомнился мальчик, сидевший у нее на коленях, цеплявшийся за нее липкими ручонками и звавший ее бабушкой. — Довольно, Ниниана. Я сделаю все, что угодно, — но убивать я не стану, даже ради Авалона.

В глазах Нинианы вспыхнули синие искры. Она вскинула голову и предостерегающе произнесла:

— Никогда не давай зароков!

И внезапно Моргейна осознала, что сидящая перед ней жен-

щина — не податливое дитя, как можно было бы подумать по ее внешности, но жрица. Ниниана не стала бы той, кем являлась теперь, и никогда бы не прошла все те испытания, что требуются, дабы стать Владычицей Озера, не будь она угодна Богине. И с неожиданным смирением Моргейна поняла, почему судьба вновь привела ее сюда.

— Когда Богиня коснется тебя, ты будешь делать то, что пожелает Она, — предупреждающе сказала Ниниана. — Я знаю это — ведь я взяла на себя твою ношу...

И взгляд ее остановился на груди Моргейны, словно она могла увидеть сквозь складки платья спрятанный под ними узелок с семенами или серебряный полумесяц на тонком шнурке. Моргейна склонила голову и прошептала:

— Все мы в ее руках.

— Воистину, — отозвалась Ниниана, и на мгновение в комнате стало так тихо, что Моргейна услышала, как плещется рыба в озере — небольшой домик стоял на самом берегу. Затем Ниниана заговорила снова. — Что там с Артуром, Моргейна? Он продолжает носить священный меч друидов? Сдержит ли он в конце концов свою клятву? Можешь ли ты подтолкнуть его к этому?

— Я не знаю, что на сердце у Артура, — с горечью призналась Моргейна. *«Я имела власть над ним, но излишняя щепетильность помешала мне воспользоваться ею. Я отринула ее».*

— Он должен исполнить клятвы, данные Авалону, — или тебе придется забрать у него меч, — сказала Ниниана. — Ты — единственный в мире человек, которому можно доверить эту задачу. Эскалибур, меч из числа Священных реликвий, не должен оставаться в руках человека, последовавшего за Христом. Ты знаешь, что его королева так и не родила Артуру сына, и он назвал своим наследником Галахада, сына Ланселета, — ведь королева уже немолода.

«Гвенвифар младше меня, — подумала Моргейна, — *а я все еще могла бы выносить ребенка, если бы мои первые роды не оказались настолько тяжелыми. Почему все они так уверены, что Гвенвифар никогда не родит?»* Но она не стала задавать вопросов Ниниане. На Авалоне хватало самой различной магии, и, несомненно, у Авалона были свои глаза и уши при дворе Артура; и, само собой, Авалон не желал, чтобы христианка Гвенвифар родила Артуру сына... по крайней мере, пока что.

— У Артура есть сын, — сказала Ниниана, — и хотя его час еще не настал, существует королевство, которое он может заполучить, — и с него начать возвращение этой земли под власть Авалона. По древним законам сын Владычицы стоял куда выше сына короля, а наследником короля был сын его сестры... Ты понимаешь, о чем я говорю, Моргейна?

«Акколон должен унаследовать трон Уэльса», — вновь услышала Моргейна. А потом подумала о том, что Ниниана так и не произнесла вслух. *«А мой сын — трон короля Артура»*. Теперь все встало на свои места — даже то, что после рождения Гвидиона она стала бесплодной. Но все же Моргейна не удержалась от вопроса:

— А как же быть с наследником Артура — сыном Ланселета?

Ниниана пожала плечами, и на миг у Моргейны промелькнула ужасная мысль: уж не собираются ли они дать Нимуэ ту же власть над Галахадом, которую она имела над Артуром?

— Я не могу видеть всего, — отозвалась Ниниана. — Если бы Владычицей была ты... Но время идет, и нам приходится претворять в жизнь другие планы. Возможно, Артур еще сдержит свои обеты и сохранит Эскалибур, и тогда события пойдут одним образом. А возможно, он так этого и не сделает, и тогда все обернется иначе — так, как решит Богиня, и тогда перед каждым из нас будет стоять своя задача. Но как бы ни обернулось, к власти в Западной стране должен прийти Акколон, и добиться этого — твоя задача. И следующий король будет править от имени Авалона. Когда Артур умрет — хотя звезды говорят, что он проживет долго, — на престол взойдет король Авалона. Или эта земля погрузится в невиданную прежде тьму. Так говорят звезды. А когда следующий король придет к власти, Авалон вновь вернется в главное русло времени и истории... а в западных землях Племенами будет править подвластный ему король. Акколон высоко вознесется, став твоим супругом, — а ты должна будешь подготовить эту страну к приходу великого короля, правящего от имени Авалона.

Моргейна вновь склонила голову и произнесла:

— Я в твоих руках.

— Теперь тебе надлежит вернуться, — сказала Ниниана, — но сперва ты должна кое-что узнать. Его время еще не пришло... но тебя ждет еще одна задача.

Она подняла руку, и в то же мгновение дверь отворилась, и через порог шагнул высокий молодой мужчина.

При взгляде на него у Моргейны перехватило дыхание; боль в груди была такой острой, что она просто не могла вздохнуть. Перед ней стоял возрожденный Ланселет — юный и стройный, словно темное пламя, худощавое смуглое лицо обрамлено кудрями, на губах играет улыбка... Ланселет, каким он был в тот день, когда они лежали рядом в тени стоячих камней — как будто время потекло вспять, словно в волшебной стране...

А потом она поняла, кто это. Юноша приблизился и поцеловал ей руку. Он даже двигался, как Ланселет: его скользящая походка напоминала танец. Но он был одет, как бард, и на лбу у него виднелся небольшой вытатуированный знак — шляпка

желудя, а запястья обвивали змеи Авалона. У Моргейны голова пошла кругом.

«Неужто Галахаду суждено стать королем этих земель, а моему сыну — мерлином, выборным наследником, темным двойником и жертвой?» На мгновение Моргейне почудилось, будто она движется среди теней: король и друид, яркая тень, восседающая на троне рядом с Артуром, как королева, и сама она, родившая от Артура сына-тень... Темная Леди власти.

Моргейна знала, что сейчас любые ее слова прозвучат нелепо, что бы она ни сказала.

— Гвидион... Ты совсем не похож на своего отца.

Юноша покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Во мне течет кровь Авалона. Я видел Артура, когда он приезжал с паломничеством в Гластонбери — я пробрался туда в монашеской рясе. Он слишком много кланяется священникам, этот Артур, наш король, — и он мрачно улыбнулся.

— У тебя нет причин любить своих родителей, Гвидион, — сказала Моргейна и сжала его руку. Юноша взглянул ей в глаза, и во взгляде его промелькнула ледяная ненависть... а мгновение спустя перед Моргейной вновь стоял улыбающийся молодой друид.

— Мои родители отдали мне лучшее, что у них было, — сказал Гвидион, — королевскую кровь Авалона. И я хотел бы обратиться к тебе лишь с одной-единственной просьбой, леди Моргейна.

Моргейну вдруг охватило безрассудное желание: пусть он хоть раз назовет ее матерью!

— Проси — и я исполню твою просьбу, если это в моих силах.

— Я хочу немногого, — сказал Гвидион. — Мне нужно лишь, чтобы ты, королева Моргейна, не позднее чем через пять лет после этого дня, отвела меня к Артуру и сообщила ему, что я — его сын. Я понимаю, — еще одна мимолетная, беспокойная усмешка, — что он не может признать меня своим наследником. Но я хочу, чтобы он взглянул на своего сына. Большего я не прошу.

Моргейна склонила голову.

— Конечно, я не могу отказать тебе в этом, Гвидион.

Гвенвифар может думать, что ей угодно, — в конце концов, Артур уже отбыл покаяние за этот грех. Любой мужчина гордился бы таким сыном, как этот серьезный и величественный молодой друид. А ей не следовало стыдиться всего произошедшего, как стыдилась она все эти годы, миновавшие после ее бегства с Авалона — но она поняла это лишь теперь, много лет спустя. И

увидев своего взрослого сына, Моргейна склонилась перед безошибочностью Зрения Вивианы.

— Клянусь тебе, что этот день настанет, — сказала Моргейна. — Клянусь Священным источником.

Взгляд ее затуманился, и Моргейна гневно сморгнула непрошеные слезы. Этот юноша не был ее сыном. Возможно, Увейн и мог бы им считаться — но не Гвидион. Этот смуглый молодой мужчина, столь похожий на того Ланселета, в которого она была влюблена в юности, смотрел на нее не так, как сыну следовало бы смотреть на мать, бросившую его еще в младенчестве. Он был жрецом, а она была жрицей Великой Богини, и хоть они и не значили друг для друга чего-то большего — не значили они и меньше.

Моргейна возложила руки на голову склонившегося юноши и произнесла:

— Будь благословен.

Глава 13

Королева Моргауза давно уже перестала жаловаться на то, что она лишена Зрения. В последние дни листопада, когда проносящийся над Лотианом ледяной ветер окончательно обнажил деревья, Моргаузе дважды привиделся ее приемный сын Гвидион. И потому она ни капли не удивилась, когда слуга сообщил ей о приближающемся всаднике.

Гвидион был одет в грубый плащ необычной расцветки, скрепленный костяной застежкой, — Моргауза никогда прежде не видала таких. Когда Моргауза попыталась обнять его, он отстранился, скривившись от боли.

— Не нужно, матушка... — Он обнял ее одной рукой и пояснил: — Я заполучил в Бретани легкую рану. Нет-нет, ничего серьезного, — заверил он. — Нагноения нет. Может, даже шрама не останется. Но сейчас к ней жутко больно прикасаться.

— Так ты сражался где-то в Бретани? Я-то думала, ты сидишь на безопасном Авалоне! — возмутилась Моргауза, когда они вошли в дом и присели у камина. — А у меня даже нет южного вина, чтобы угостить тебя...

Юноша рассмеялся.

— Оно мне и так надоело! Меня вполне устроит ячменное пиво — или, может, у тебя есть что-нибудь покрепче, с горячей водой и медом? Я продрог в дороге.

Гвидион позволил служанке снять с себя сапоги и забрать плащ для просушки, и вновь непринужденно откинулся на спинку стула.

— Как же это хорошо, матушка — вновь очутиться здесь...

Он поднес к губам кубок, над которым поднимался пар, и с удовольствием принялся пить.

— И ты раненый отправился в такую долгую дорогу, да еще по холоду? Тебе не терпелось рассказать какие-то важные новости?

Юноша покачал головой.

— Вовсе нет. Я просто соскучился по дому, только и всего, — отозвался он. — Там все такое зеленое, пышное и влажное — и эти туманы, и церковные колокола... Я соскучился по чистому воздуху, крику чаек — и по тебе, матушка.

Он потянулся, чтобы поставить кубок, и Моргауза увидела змей на его запястьях. Она плохо разбиралась в мудрости Авалона, но знала, что змеи являются знаком жреца наивысшего ранга. Гвидион заметил ее взгляд и кивнул, но ничего не сказал.

— Уж не в Бретани ли ты обзавелся этим ужасным плащом из такой грубой пряжи, что в нем пристойно ходить разве что слуге?

Гвидион коротко рассмеялся.

— Он защищает меня от дождя. Я получил его от великого вождя из чужедальних земель, сражавшегося в рядах легионов человека, что именовал себя императором Луцием. Люди Артура быстро с ним разделались и захватили богатую добычу — я привез тебе серебряный кубок и золотое кольцо, матушка.

— Ты сражался в войске Артура? — удивилась Моргауза. Ей бы и в голову никогда не пришло, что Гвидион пойдет на это. Юноша заметил ее изумление и снова рассмеялся.

— Да, я сражался под началом великого короля, породившего меня, — с презрительной усмешкой произнес он. — О, не бойся — я лишь выполнял приказ Авалона. Я позаботился о том, чтобы воевать вместе с людьми Кеардига, вождя саксов, заключившего союз с Артуром, и держаться подальше от короля. Гавейн меня не знает, а Гарету я старался не попадаться на глаза — ну, или кутался в плащ вроде этого. Свой собственный плащ я потерял в бою и подумал, что если я надену плащ цветов Лотиана, то Гарет непременно подойдет взглянуть на раненого земляка — вот я и взял этот...

— Гарет в любом случае не узнал бы тебя, — сказала Моргауза. — И я надеюсь, ты не считаешь, будто твой приемный брат способен выдать тебя?

Гвидион улыбнулся, и Моргауза подумала, что он по-прежнему похож на мальчика, некогда сидевшего у нее на коленях.

— Мне очень хотелось признаться Гарету, кто я такой, и когда я валялся, ослабев от раны, то едва не решился на это. Но Гарет — человек Артура, и он любит своего короля, это сразу видно. И я не захотел взваливать такую ношу на лучшего из моих братьев,— сказал он. — Гарет... Гарет — он ведь...

Он не договорил, но Моргауза поняла, что Гвидион хотел

сказать; хоть он и был чужаком для всех, но Гарет оставался его братом и возлюбленным другом. Внезапно легкая улыбка, придававшая ему необычайно юный вид, сменилась ухмылкой.

— Пока я был в войске саксов, матушка, меня просто замучили вопросом, уж не прихожусь ли я Ланселету сыном! Сам я особого сходства не нахожу — но, с другой стороны, я же не так хорошо знаю, как выгляжу... Я ведь смотрюсь в зеркало лишь во время бритья!

— И однако, — заметила Моргауза, — всякий, кто знаком с Ланселетом — и в особенности тот, кто знал его в молодости, — при первом же взгляде узнает в тебе его родича.

— В общем, примерно так я и выпутывался — начинал говорить с бретонским выговором и заявлял, что тоже прихожусь родней старому королю Бану, — отозвался Гвидион. — Я думал было, что наш Ланселет, к которому девицы так и липнут, должен был породить достаточно бастардов, чтоб люди не удивлялись, завидев похожее лицо. И что же? Как ни удивительно, но единственный слух такого рода гласил, что королева якобы родила сына от Ланселета и ребенка отдали на воспитание ее родственнице, которую поэтому и выдали замуж за Ланселета... Нет, вообще-то о Ланселете и королеве рассказывают множество историй, одна неправдоподобнее другой, но все сходятся в одном: любая женщина, сотворенная Господом, не дождется от Ланселета ничего, кроме любезных слов. Некоторые женщины даже вешались мне на шею — дескать, раз они не могут заполучить самого Ланселета, так заполучат его сына... — Он снова ухмыльнулся. — Да, нелегко оставаться таким любезным, как Ланселет. Я люблю поглядеть на красивых женщин, но когда они начинают вот так вот гоняться за тобой... — и Гвидион забавно поежился. Моргауза расхохоталась.

— Так значит, друиды не отняли у тебя этих чувств, сынок?

— Вовсе нет! — отозвался Гвидион. — Но большинство женщин — просто дуры, и я предпочитаю не связываться с теми, кто ждет, что я буду с ней носиться как с единственной и неповторимой или платить за все ее прихоти. Ты привила мне отвращение к глупым женщинам, матушка.

— Жаль, что нельзя того же сказать о Ланселете, — заметила Моргауза. — Всем известно, что у Гвенвифар ума хватает лишь на то, чтоб держать свой пояс завязанным — а если бы Ланселет постарался, то его и на это бы не хватило.

«У тебя лицо Ланселета, мальчик мой, — подумала она, — *но ум у тебя материнский».*

Словно услышав ее мысли, Гвидион поставил опустевший кубок и отмахнулся от служанки, кинувшейся было заново его наполнить.

— Хватит. Я так устал, что опьянею, если сделаю еще хоть

глоток. Мне бы сейчас поужинать. С охотой мне везло, так что мясо мне осточертело — я хочу домашней еды, каши или лепешек... Матушка, перед тем, как уехать в Бретань, я виделся на Авалоне с леди Моргейной.

«И зачем же он сообщает мне об этом?» — подумала Моргауза. Что-то непохоже, чтобы он питал горячую любовь к родной матери. И внезапно ее кольнуло ощущение вины. *«Конечно, я ведь позаботилась, чтобы он не любил никого, кроме меня»*. Что ж, она сделала то, что должна была сделать, и ни о чем не сожалеет.

— И как там моя родственница?

— На вид она немолода, — сказал Гвидион. — Мне показалось, что она старше тебя, матушка.

— Нет, — возразила Моргауза. — Моргейна младше меня на десять лет.

— Однако она кажется постаревшей и усталой, а ты... — Гвидион улыбнулся Моргаузе, и она внезапно почувствовала себя счастливой.

«Ни одного из моих сыновей я не люблю так крепко, как этого, — подумала она. — Хорошо, что Моргейна оставила его на мое попечение».

— О, я тоже уже постарела, мальчик мой, — возразила она. — Когда ты только родился, у меня уже был взрослый сын!

— Тогда ты куда более могущественная чародейка, чем она, — сказал Гвидион. — Всякий поклялся бы, что ты долго жила в волшебной стране и время не коснулось тебя... По-моему, матушка, ты ни капли не изменилась с того самого дня, как я уехал на Авалон.

Он взял руку Моргаузы, поднес к губам и поцеловал. Моргауза осторожно обняла юношу, стараясь не потревожить рану. Она погладила Гвидиона по темным волосам.

— Так значит, Моргейна теперь королева Уэльса.

— Да, верно, — подтвердил Гвидион, — и насколько я слыхал, король Уриенс в ней души не чает. Артур принял ее пасынка Увейна в свою личную дружину, а посвятил его Гавейн; они теперь с Гавейном лучшие друзья. Этот Увейн, в общем, неплохой парень — я бы даже сказал, что они с Гавейном чем-то похожи: оба упрямы и решительны и беззаветно преданы Артуру — похоже, они считают, будто солнце всходит и заходит там, где королю вздумается помочиться. — Он криво усмехнулся. — Впрочем, в этом можно обвинить многих. И я приехал именно затем, чтобы поговорить с тобой об этом, матушка. Тебе что-нибудь известно о планах Авалона?

— Только то, что говорили Ниниана и мерлин, когда приезжали, чтоб забрать тебя, — сказала Моргауза. — Я знаю, что тебе предназначено стать наследником Артура, хоть сам он и считает, что оставит королевство сыну Ланселета. Я знаю, что ты — тот

самый молодой олень, которому суждено повергнуть Короля-Оленя... — произнесла она на древнем наречии, и Гвидион приподнял брови.

— Значит, ты знаешь все, — сказал он. — Но вот чего ты, возможно, не знаешь... Эти замыслы невозможно исполнить сейчас. После того, как Артур разбил этого римлянина, возомнившего себя императором, Луция, его звезда поднялась на невиданную высоту. Простонародье разорвет в клочья всякого, кто осмелится поднять руку на Артура, — если этого прежде не сделают соратники. Я никогда еще не видел, чтобы кого-то так любили. Наверное, именно поэтому я так стремился взглянуть на него со стороны, — чтобы понять, что же такого есть в этом короле, что его все так любят...

Голос Гвидиона опустился до шепота, и Моргауза ощутила вдруг смутное беспокойство.

— И как, понял?

Гвидион медленно кивнул.

— Он — воистину король... Даже я, хоть у меня и нет причин любить его, ощущал то обаяние и силу, что исходят от него. Ты даже представить себе не можешь, как его обожают.

— Странно, — заметила Моргейна. — Я никогда не замечала в нем ничего особенного.

— Нет, давай уж будем справедливы, — возразил Гвидион. — Не так уж много в этой стране людей — а может, второго такого и вовсе нет, — которые сумели бы объединить всех, как это сделал Артур! Римляне, валлийцы, корнуольцы, жители Западного края, восточные англы, бретонцы, Древний народ, жители Лотиана... матушка, во всем королевстве люди клянутся именем Артура! Даже саксы, сражавшиеся с Утером насмерть, теперь принесли присягу Артуру и признали его своим королем. Он — великий воин... нет, сам по себе он сражается не лучше любого другого. Ему далеко до Ланселета или даже Гарета. Но он — великий полководец. И еще, есть в нем что-то... что-то такое... — произнес Гвидион. — Его легко любить. И пока народ боготворит его, мне не исполнить своей задачи.

— Значит, — сказала Моргауза, — нужно сделать так, чтобы их любовь ослабела. Нужно опозорить его, лишить всеобщего доверия. Видит бог, он не лучше всех прочих. Он породил тебя от собственной сестры, и всем известно, что он играет не очень-то благородную роль в истории со своей королевой. В народе даже придумали особое имя для мужчины, который спокойно смотрит, как другой любезничает с его королевой, — и это не слишком-то лестное имя.

— Когда-нибудь на этом наверняка можно будет сыграть, — сказал Гвидион. — Но говорят, что в последнее время Ланселет

держится подальше от двора и старается никогда не оставаться наедине с королевой, так что злословие более не касается ее. И все же рассказывали, что она рыдала, как дитя, и Ланселет тоже не удержался от слез, когда прощался с ней, прежде чем отправиться вместе с Артуром на бой с этим Луцием. Я никогда не видал, чтобы кто-то сражался так, как Ланселет. Он словно искал смерти — но ни разу даже не был ранен, словно его охраняли чары. Я вот думаю... Он ведь — сын верховной жрицы Авалона, — задумчиво пробормотал Гвидион. — Возможно, его и вправду охраняют какие-то сверхъестественные силы.

— Моргейна наверняка должна это знать, — сухо произнесла Моргауза. — Но я бы не советовала спрашивать ее об этом.

— Я знаю, что Артура действительно хранит колдовство, — сказал Гвидион. — Он ведь носит священный Эскалибур, меч друидов, и магические ножны, защищающие его от потери крови. Как мне говорила Ниниана, без этого он бы просто истек кровью в Калидонском лесу, да и в других сражениях... Моргейне велено забрать у Артура этот меч — если только он не подтвердит своей клятвы верности Авалону. И я не сомневаюсь, что у моей матери хватит коварства на такое дело. Думаю, она ни перед чем не остановится. Пожалуй, из них двоих отец все-таки нравится мне больше, — кажется, он понимает, что не сотворил никакого зла, породив меня.

— Моргейна тоже это понимает, — отрезала Моргауза.

— Ох, надоела мне ваша Моргейна... даже Ниниана, и та подпала под ее обаяние, — так же резко отозвался Гвидион. — Матушка, ну хоть ты не принимайся защищать ее от меня.

«Вот такой же была и Вивиана, — подумала Моргауза. *— Она могла очаровать и подчинить своей воле любого человека, будь то мужчина или женщина... Стоило ей повелеть, и Игрейна послушно вышла замуж за Горлойса, а потом соблазнила Утера... а я легла в постель с Лотом... Вот теперь и Ниниана будет делать то, чего пожелает Моргейна».* Моргауза заподозрила, что ее приемный сын тоже отчасти обладает подобной силой. Внезапно ей вспомнилась Моргейна — и воспоминание оказалось неожиданно мучительным, — Моргейна, какой она была в ту ночь, когда родила Гвидиона: голова поникла, волосы уложены, как у маленькой девочки... Моргейна, что была ей как дочь, — дочь, которую она так и не родила... И вот теперь Моргауза разрывалась между Моргейной и сыном Моргейны, что стал ей дороже родных сыновей.

— Неужели ты так сильно ненавидишь ее, Гвидион?

— Я не знаю, как я к ней отношусь, — Гвидион поднял голову, и на Моргаузу словно бы взглянули темные печальные глаза Ланселета. — Не противоречит ли обетам Авалона то, что я нена-

вижу мать, выносившую меня, и отца, который меня зачал? Хотелось бы мне, чтоб я вырос при дворе отца и стал его верным помощником, а не злейшим врагом...

Он опустил голову на руки и произнес:

— Я так устал, матушка... Я до тошноты устал от войны, и Артур тоже — я это знаю... Он принес мир на нашу землю — от Корнуолла до Лотиана. Я не хочу считать этого великого короля и великого человека своим врагом. А ради Авалона я должен ниспровергнуть его, привести к смерти или бесчестию. Я куда охотнее любил бы его, как любят все. Я хотел бы смотреть на свою мать — нет, не на тебя, матушка, на леди Моргейну, — как на мать, выносившую меня, а не как на великую жрицу, которой я клялся безоговорочно подчиняться. Я хотел бы, чтобы она была для меня матерью, а не Богиней. Я хочу обнимать Нииану просто потому, что люблю ее и что ее прекрасное лицо и милый голос напоминают мне тебя... Я так устал от богов и богинь... Я хотел бы быть просто твоим сыном, твоим и Лота... Я так устал от своей судьбы...

На миг юноша безмолвно застыл, спрятав лицо; плечи его вздрагивали. Моргауза нерешительно погладила его по голове. В конце концов Гвидион поднял голову и горько усмехнулся, и Моргауза поняла, что ей лучше сделать вид, будто она не заметила этого момента слабости.

— А теперь я выпил бы еще кубок чего-нибудь покрепче, и на этот раз без воды и меда...

Ему тут же подали кубок, и Гвидион осушил его, даже не взглянув на кашу и лепешки, принесенные служанкой.

— Как это там говорилось в тех старых книгах Лота, по которым священник пытался обучить нас с Гаретом языку римлян, и порол при этом до крови? Какой-то древний римлянин — забыл его имя — сказал: «Не зови человека счастливым, пока он не умер». Итак, я должен принести своему отцу это величайшее счастье — и кто я такой, чтобы бунтовать против судьбы?

Он жестом велел, чтобы ему налили еще. Моргауза заколебалась; тогда Гвидион дотянулся до фляги и сам наполнил кубок.

— Ты так напьешься, милый сын. Лучше сперва поужинай — ты ведь хотел есть.

— Значит, напьюсь, — с горечью отозвался Гвидион. — Ну и пусть. Я пью за бесчестие и смерть — Артура и мою!

Юноша снова осушил кубок и швырнул его в угол; тот глухо звякнул.

— Пусть будет так, как предназначено судьбой — Король-Олень будет править в своих лесах до дня, предначертанного Владычицей... Все звери рождаются, находят себе подобных, живут и в конце концов вновь предают свой дух в руки Владычицы...

Он произнес это, чеканя слова, и Моргауза, не особо искушенная в знаниях друидов, поняла, что слышит часть некоего ритуала, — и содрогнулась.

Гвидион глубоко вздохнул и сказал:

— Но сегодня ночью я буду спать в доме моей матери и забуду про Авалон, королей, оленей и судьбу. Правда? Ведь правда?

Тут крепкое спиртное в одночасье одолело его, и юноша кинулся в объятия Моргаузы. Моргауза прижала его к себе и принялась гладить темные — совсем как у Моргейны! — волосы, и Гвидион уснул, уткнувшись лицом ей в грудь. Но даже во сне ворочался, стонал и что-то бормотал, как будто его мучили кошмары, и Моргауза знала, что причиной тому была не только боль от незажившей раны.

Книга IV

ПЛЕННИК ДУБА

Глава 1

В далеких холмах Северного Уэльса шли дожди — непрерывно, день за днем, — и замок короля Уриенса словно плыл среди тумана и сырости. Дороги развезло, реки вздулись и затопили броды, и повсюду царил промозглый холод. Моргейна куталась в плащ и толстый платок, но закоченевшие пальцы плохо слушались ее и не желали держать челнок; внезапно она выпрямилась, выронив челнок.

— Что случилась, матушка? — спросила Мелайна, вздрогнув — таким резким показался в тишине зала этот глухой стук.

— Всадник на дороге, — сказала Моргейна. — Нам следует приготовиться к встрече.

А затем, заметив обеспокоенный взгляд невестки, Моргейна мысленно выругала себя. Опять кропотливая женская работа вогнала ее в состояние, подобное трансу, а она и не уследила! Моргейна давно уже перестала прясть, но ткать она любила, и это, в общем-то, было безопасно, если только следить за своими мыслями и не поддаваться усыпляющей монотонности этой работы.

Во взгляде Мелайны смешались настороженность и раздражение — она всегда так реагировала на неожиданные видения Моргейны. Нет, Мелайна не думала, что в них кроется нечто злое или даже просто волшебное, — просто у ее свекрови были свои странности. Но Мелайна расскажет о них священнику, он снова заявится и примется ловко выспрашивать, откуда берут начало эти странности, а ей придется изображать из себя кроткую овечку и делать вид, будто она не понимает, о чем идет речь. Когда-нибудь она таки утратит выдержку, от усталости или по неосторожности, и выскажет священнику все, что думает. Вот тогда у него действительно будет о чем с ней поговорить...

Ну что ж, сказанного не воротишь, и нечего теперь из-за этого переживать. В конце концов, она ладила с отцом Эйаном, бывшим наставником Увейна, — для священника он был неплохо образован.

— Передай отцу Эйану, что его ученик будет здесь к ужину, — произнесла Моргейна и лишь после этого сообразила, что опять сказала лишку. Она знала, что Мелайна думает о священ-

нике, и ответила на ее мысли, а не на ее слова. Моргейна вышла из зала, а невестка осталась смотреть ей вслед.

Зима выдалась суровая — дожди, снегопады, постоянные бури, — и за все это время к ним не завернул ни один путник. Моргейна усердно обшивала всех домашних, от Уриенса до новорожденного ребенка Мелайны, но зрение ее слабело, и рукодельничать было нелегко; свежих растений зимой не было, и заняться приготовлением лекарств она тоже не могла. Подруг у нее не было — все ее придворные дамы были женами дружинников Уриенса и бестолковостью превосходили даже Мелайну. Самое большее, на что они были способны, — это с трудом разобрать по слогам стих из Библии; узнав, что Моргейна умеет читать и писать и даже немного знает латынь и греческий, они были потрясены до глубины души. Сидеть целыми днями за арфой она тоже не могла. В результате скука и нетерпение доводили ее до неистовства...

... Хуже того — ее постоянно терзало искушение; ей хотелось взяться за прялку и погрузиться в грезы, позволив своему сознанию отправиться в Камелот, к Артуру, или на поиски Акколона. Три года назад ей пришло в голову, что Акколону следует проводить больше времени при дворе, чтобы Артур получше узнал его и проникся к нему доверием. Акколон носил змей Авалона — это могло еще надежнее связать его с Артуром. Моргейне недоставало Акколона, недоставало до боли; при нем она всегда была такой, какой он ее видел — Верховной жрицей, уверенной в себе и своих целях. Но долгими одинокими зимами ее вновь принимались терзать сомнения и страх; а вдруг она и вправду такова, какой кажется Уриенсу, — стареющая королева-отшельница, чье тело, разум и душа все сильнее иссыхают и вянут с каждым годом?

И все-таки Моргейна по-прежнему крепко держала в своих руках и замок со всем домашним хозяйством, и всю округу; окрестные жители нередко приходили к ней за советом. Они говорили: «Наша королева мудра. Даже король не делает ничего без ее согласия». Моргейна знала, что люди Племен и Древний народ почти готовы обожествить ее, но все же она не решалась слишком часто выказывать свою приверженность к древней вере.

Моргейна сходила на кухню и велела приготовить праздничную трапезу — насколько это было возможно в конце долгой зимы, перекрывшей все дороги. Она достала из запертого шкафа немного припрятанного изюма и сушеных фруктов и кое-какие пряности, чтоб приготовить остатки копченой свиной грудинки. Мелайна расскажет отцу Эйану, что Моргейна ждет к ужину Увейна. А ей, кстати, нужно еще сообщить эту новость Уриенсу.

Моргейна отправилась в покои короля; Уриенс занимался

тем, что лениво играл в кости с одним из своих дружинников. Воздух в покоях был спертым; пахло затхлостью и старостью. «Что ж, этой зимой он так долго провалялся с крупозной пневмонией, что мне не приходилось делить с ним постель, — бесстрастно подумала Моргейна. — Хорошо, что Акколон провел всю зиму в Камелоте, при Артуре; мы бы при малейшей возможности стремились оказаться вместе, и нас могли разоблачить».

Уриенс поставил стаканчик с костями и посмотрел на жену. Король сильно похудел; длительная борьба с лихорадкой изнурила его. На протяжении нескольких дней Моргейне даже казалось, что Уриенс не выживет, но она изо всех сил сражалась за его жизнь — отчасти потому, что она, несмотря ни на что, все же испытывала привязанность к старику-мужу и не хотела, чтобы он умирал, а отчасти потому, что сразу же после смерти Уриенса на его трон уселся бы Аваллох.

— Я не видел тебя целый день, Моргейна. Мне было одиноко, — с ноткой укоризны произнес Уриенс. — В конце концов, на Хоу не так приятно смотреть, как на тебя.

— Ну, я ведь не просто так оставила тебя, — отозвалась Моргейна, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно непринужденнее. Уриенс любил грубоватые шутки. — Мне подумалось — вдруг ты в твои почтенные годы почувствовал слабость к молодым красивым мужчинам? А раз он тебе не нужен, муж мой, может, я заберу его себе?

Уриенс рассмеялся.

— Ты вогнала бедолагу в краску, — сказал он, добродушно улыбаясь. — Но если ты покидаешь меня на целый день, что ж мне еще остается, кроме как предаваться мечтаниям и таращиться, как баран, на него или на пса?

— Ну что ж, я пришла к тебе с хорошими новостями. Сегодня вечером тебя перенесут в зал, к общему столу, — к нам едет Увейн. Он прибудет еще до ужина.

— Хвала Господу! — обрадовался Уриенс. — Этой зимой я уж начал думать, что умру, так и не повидавшись больше с моими сыновьями.

— Думаю, Акколон вернется к празднеству летнего солнцестояния.

Моргейна подумала о кострах Белтайна, до которого оставалось всего два месяца, и ее захлестнула волна желания.

— Отец Эйан опять просил запретить эти празднества, — ворчливо произнес Уриенс. — Мне уже надоело выслушивать его жалобы! Он думает, что если мы вырубим рощу, то люди удовольствуются его благословением и не станут разжигать костры в Белтайн. А правда ведь — похоже, будто с каждым годом старая вера все крепнет. Я-то думал, что она будет понемногу исчезать вместе со стариками. Но теперь к язычеству начала обращаться

молодежь, и потому мы должны что-то делать. Может, нам и вправду следует срубить рощу.

«Только попробуй, — подумала Моргейна, — *и я пойду на убийство».* Но когда она заговорила, голос ее был мягок и рассудителен:

— Это было бы ошибкой. Дубы дают пропитание свиньям и простонародью — и даже нам в тяжелые зимы приходится пользоваться желудевой мукой. А кроме того, эта роща росла здесь сотни лет — ее деревья священны...

— Ты сама говоришь, как язычница, Моргейна.

— А кто же сотворил эти дубы, если не Господь? — парировала она. — Почему мы должны наказывать безвинные деревья за проступки неразумных людей и за то, что отцу Эйану не нравится, как люди этими деревьями пользуются? Я-то думала, что ты любишь свою землю...

— Ну да, люблю, — раздраженно согласился Уриенс. — Но Аваллох тоже говорит, что мне следует ее срубить, чтоб язычникам негде было собираться. Мы можем построить на том месте церковь или часовню.

— Но Древние — тоже твои подданные, — возразила Моргейна, — а ты в молодости заключил Великий Брак со всей страной. Неужто ты лишишь Древний народ рощи, дающей им пропитание и убежище, их храма, созданного не руками человеческими, но самим Богом? Неужто ты оставишь их умирать от голода, как уже случалось в тех землях, где вырубили слишком много лесов?

Уриенс взглянул на свои узловатые старческие запястья. Синяя татуировка поблекла, оставив лишь едва заметные линии.

— Недаром тебя зовут Моргейной Волшебницей — Древний народ нигде бы не сыскал лучшего заступника. Что ж, раз ты просишь за них, моя леди, я не трону эту рощу, пока жив, — но когда я умру, Аваллох сам решит, как с ней поступить. А теперь не принесешь ли ты мне мои туфли и одежду, чтобы я мог сидеть в зале, как король, а не как старый хрен, в ночной сорочке и шлепанцах?

— Конечно, — согласилась Моргейна. — Но я тебя не подниму, так что придется Хоу помочь тебе одеться.

Когда Хоу справился с поручением, Моргейна причесала Уриенса и позвала второго воина, ожидавшего королевского приказа. Они сплели руки в подобие кресла, подняли Уриенса и отнесли в зал. Моргейна тем временем положила на королевское кресло несколько подушек и проследила, как старика усадили на них.

А потом она услышала, как забегали слуги, а со двора донесся стук копыт... «Увейн», — подумала Моргейна, едва взглянув на юношу, вступившего в зал в сопровождении слуг. Трудно

было поверить, что этот рослый молодой рыцарь, широкоплечий, со шрамом на щеке, и есть тот самый тощий мальчишка, так привязавшийся к ней за первый год ее жизни при дворе Уриенса — год, исполненный одиночества и отчаяния. Увейн поцеловал отцу руку и склонился перед Моргейной.

— Отец. Милая матушка...

— Я рад снова видеть тебя дома, парень, — сказал Уриенс, но взгляд Моргейны уже был прикован к следующему мужчине, перешагнувшему порог зала. На миг она не поверила своим глазам — это было все равно что увидеть призрак. *«Если бы он был настоящим, я бы непременно увидела его при помощи Зрения...»* А затем она поняла. *«Просто я изо всех сил старалась не думать об Акколоне — иначе я могла бы лишиться рассудка...»*

Акколон отличался более хрупким сложением и уступал брату в росте. Его взгляд тут же прикипел к Моргейне — на один лишь миг, прежде чем Акколон опустился на колено перед отцом. Но когда он повернулся к Моргейне, голос его был безупречно ровным и сдержанным.

— Я рад снова оказаться дома, леди.

— Я рада снова видеть здесь вас обоих, — так же ровно отозвалась Моргейна. — Увейн, поведай нам, откуда у тебя взялся этот ужасный шрам через всю щеку. Я думала, что после победы над императором Луцием все пообещали Артуру не чинить больше никаких непотребств!

— Да ничего особенного! — весело откликнулся Увейн. — Просто какой-то разбойник занял заброшенную крепость и развлекался тем, что грабил окрестности и именовал себя королем. Мы с Гавейном, сыном Лота, отправились туда и немного потрудились, и Гавейн обзавелся там женой — некой вдовствующей леди с богатыми землями. Что же до этого... — он легонько прикоснулся к шраму. — Пока Гавейн дрался с хозяином крепости, мне пришлось разобраться с одним типом — жутким ублюдком, прорвавшимся мимо охраны. А он оказался левшой, да к тому же еще и неуклюжим. Нет уж, лучше я буду драться с хорошим бойцом, чем с паршивым! Если бы там была ты, матушка, у меня бы вообще не осталось никакого шрама, но у лекаря, который зашивал мне щеку, руки росли не оттуда. Что, он и вправду так сильно меня изуродовал?

Моргейна нежно погладила пасынка по рассеченной щеке.

— Для меня ты всегда останешься красивым, сынок. Но, возможно, мне удастся что-нибудь с этим сделать — а то твоя рана воспалилась и распухла. Вечером я приготовлю для тебя припарки, чтобы лучше заживало. Она, должно быть, болит.

— Болит, — сознался Увейн. — Но я полагаю, что мне еще повезло — я не подхватил столбняк, как один из моих людей. До чего ужасная смерть!

Юноша поежился.

— Когда рана начала распухать, я было подумал, что у меня началось то же самое, но мой добрый друг Гавейн сказал, что до тех пор, пока я в состоянии пить вино, столбняк мне не грозит — и принялся снабжать меня этим самым вином. Клянусь тебе, матушка, — за две недели я ни разу не протрезвел! — хохотнув, произнес Увейн. — Я отдал бы тогда всю добычу, захваченную у этого разбойника, за какой-нибудь твой суп. Я не мог жевать ни хлеб, ни сушеное мясо и изголодался чуть ли не до смерти. Я ведь потерял три зуба...

Моргейна осмотрела рану.

— Открой рот. Ясно, — сказала она и жестом подозвала одного из слуг. — Принеси сэру Увейну тушеного мяса и тушеных фруктов. А ты пока что даже и не пытайся жевать что-нибудь твердое. После ужина я посмотрю, что с этим делать.

— Я и не подумаю отказываться, матушка. Рана до сих пор чертовски болит. А кроме того, при дворе Артура есть одна девушка... Я вовсе не хочу, чтоб она принялась шарахаться от меня, как от черта, — и он рассмеялся. Несмотря на боль от раны, Увейн жадно ел и рассказывал всяческие истории о событиях при дворе, веселя всех присутствующих. Моргейна не смела отвести взгляда от пасынка, но сама она на протяжении всей трапезы чувствовала на себе взгляд Акколона, и он согревал ее, словно солнечные лучи после холодной зимы.

Ужин прошел радостно и оживленно, но к концу его Уриенс устал. Моргейна заметила это и подозвала его слуг.

— Муж мой, ты сегодня в первый раз поднялся с постели — тебе не следует чересчур переутомляться.

Увейн поднялся со своего места.

— Отец, позволь, я сам тебя отнесу.

Он наклонился и легко поднял больного на руки, словно ребенка. Моргейна двинулась следом за ним, но на пороге остановилась.

— Мелайна, присмотри тут за порядком — мне нужно до ночи еще заняться щекой Увейна.

Через некоторое время Уриенс уже лежал в своих покоях; Увейн остался посидеть с ним, а Моргейна отправилась на кухню, чтобы приготовить припарки. Она растолкала повара и велела ему согреть еще воды в кухонном очаге. Раз уж она занимается врачеванием, надо ей держать у себя в комнате жаровню и котелок. И как она раньше до этого не додумалась? Моргейна поднялась наверх и усадила Увейна так, чтобы она могла наложить ему на щеку кусок ткани, пропитанный горячим травяным отваром. Боль в воспалившейся ране приутихла, и юноша облегченно вздохнул.

— Ох, матушка, хорошо-то как! А эта девушка при дворе у

Артура не умеет лечить. Матушка, когда я женюсь на ней, ты научишь ее своему искусству — ну, хоть немного? Ее зовут Шана, и она из Корнуолла. Она — одна из придворных дам королевы Изотты. Матушка, а как так получилось, что этот Марк именует себя королем Корнуолла? Я думал, Тинтагель принадлежит тебе.

— Так оно и есть, сын мой. Я унаследовала его от Игрейны и герцога Горлойса. Я не знала, что Марк возомнил, будто он там царствует, — отозвалась Моргейна. — Неужто Марк посмел объявить, будто Тинтагель принадлежит ему?

— Нет, последнее, что я слышал — что там нет его наместника, — сообщил Увейн. — Сэр Друстан уехал в изгнание в Бретань...

— Почему? — удивилась Моргейна. — Неужто он был сторонником императора Луция?

Разговоры о событиях при дворе словно вдохнули жизнь в монотонное существование захолустного замка.

Увейн покачал головой.

— Нет... Поговаривают, будто они с королевой Изоттой были чересчур привязаны друг к другу, — сказал он. — Хотя я бы не взялся упрекать несчастную леди... Корнуолл — настоящее захолустье, а герцог Марк стар и сварлив; а его дворецкие говорят, будто он еще и лишился мужской силы. Несчастной леди, должно быть, несладко живется. А Друстан хорош собой и искусный арфист — а леди Изотта любит музыку.

— Неужто при дворе только и говорят, что о чьих-то дурных поступках и чужих женах? — возмутился Уриенс и сердито посмотрел на сына. Увейн рассмеялся.

— Ну, я сказал леди Шане, что ее отец может присылать к тебе вестника, и я надеюсь, милый отец, что ты не ответишь ему отказом. Шана небогата, но мне не очень-то и нужно ее приданое, я привез достаточно добра из Бретани — я покажу тебе кое-что из моей добычи, и для матушки у меня тоже есть подарки.

Юноша погладил Моргейну по щеке — она как раз склонилась над ним, чтобы заменить остывшую припарку свежей.

— Я знаю — ты не такая, как эта леди Изотта, ты не станешь изменять моему отцу и распутничать у него за спиной.

Моргейна почувствовала, что у нее горят щеки. Она склонилась над чайником, в котором кипели травы, и слегка сморщилась от горького запаха. Увейн считал ее лучшей из женщин, и это грело ей сердце, — но тем горше было сознавать, что она не заслужила такого отношения.

«По крайней мере, я никогда не ставила Уриенса в дурацкое положение и не выставляла своих любовников напоказ...»

— Но тебе все-таки нужно будет съездить в Корнуолл, когда отец выздоровеет и сможет путешествовать, — серьезно сказал Увейн и скривился, когда на его воспаленную щеку легла новая

горячая припарка. — Нужно разобраться с этим делом, матушка. Марк не имеет права претендовать на твои земли. Ты так давно не показывалась в Тинтагеле, что тамошние жители могут и позабыть о том, что у них есть королева.

— Я уверен, что до этого не дойдет, — сказал Уриенс. — Но если я поправлюсь к лету, то, когда поеду на Пятидесятницу, попрошу Артура разобраться с этим делом насчет владений Моргейны.

— А если Увейн возьмет жену из Корнуолла, — сказала Моргейна, — он может держать Тинтагель от моего имени. Увейн, хочешь быть моим кастеляном?

— Лучшего я и желать не смею, — отозвался Увейн. — Разве что перестать чувствовать, будто у меня болят все до единого зубы, и спокойно поспать.

— Выпей-ка вот это, — сказала Моргейна, налив в вино Увейну лекарство из одного из своих флаконов, — и я обещаю, что ты сможешь уснуть.

— Думаю, госпожа, я смогу уснуть и без этого — так я рад вновь очутиться под отцовским кровом, в собственной постели, под заботливым присмотром матери. — Увейн обнял отца и поцеловал руку Моргейне. — Но я все равно охотно выпью твое лекарство.

Увейн выпил вино и кивком велел дежурному стражу посветить ему, пока он не доберется до своей комнаты. В покои заглянул Акколон, обнял отца и обратился к Моргейне.

— Я тоже отправляюсь спать... леди. Есть ли там подушки или из комнаты все вынесли? Я так давно не был дома, что не удивился бы, обнаружив в своей прежней комнате гнездящихся голубей — в той самой, где я жил еще в те времена, когда отец Эйан пытался вколотить в мою голову латынь — через седалище.

— Я просила Мелайну присмотреть, чтобы тебе приготовили все необходимое, — отозвалась Моргейна. — Но я сейчас схожу и проверю, как там дела. Я тебе еще понадоблюсь сегодня вечером, господин мой, — обратилась она к Уриенсу, — или я могу идти отдыхать?

Ответом ей было тихое похрапывание. Хоу подсунул старику подушку под голову и сказал:

— Идите, леди Моргейна. Если он вдруг проснется среди ночи, я за ним присмотрю.

Когда они вышли из покоев, Акколон спросил:

— Что с отцом?

— Этой зимой он перенес воспаление легких, — сказала Моргейна. — А он уже немолод.

— И ты вынесла все хлопоты на своих плечах, — сказал Акколон. — Бедная Моргейна... — и он коснулся ее руки. Голос его звучал так нежно, что Моргейна прикусила губу. Тяжелый, хо-

лодный комок, образовавшийся у нее внутри за эту зиму, начал таять, и Моргейна испугалась, что сейчас расплачется. Она опустила голову, чтоб не смотреть на Акколона.

— А ты, Моргейна?.. Неужто у тебя не найдется для меня ни взгляда, ни слова?

Акколон снова прикоснулся к ней, и Моргейна ответила сквозь стиснутые зубы:

— Подожди.

Она велела служанке принести из чулана подушки и пару одеял.

— Если б я знала, что ты приедешь, то приготовила бы лучшее белье и одеяла и заново набила тюфяк соломой.

— Но я хочу видеть в своей постели не свежую солому, а кое-что другое, — прошептал Акколон, но Моргейна так и не повернулась к нему, пока служанки застилали кровать, приносили горячую воду и лампу и развешивали верхнюю одежду Акколона и кольчугу, которую он носил под одеждой.

Когда все служанки вышли, Акколон прошептал:

— Моргейна, можно, я попозже приду к тебе в комнату?

Моргейна покачала головой и прошептала в ответ:

— Лучше я к тебе... Если меня среди ночи не окажется в моих покоях, я это еще как-то объясню, но с тех пор, как твой отец заболел, меня часто зовут к нему по ночам... Нельзя, чтобы слуги нашли тебя там... — И она стремительно, безмолвно сжала его руку. Это прикосновение словно обожгло Моргейну. Затем она вместе с дворецким в последний раз обошла замок, проверяя, все ли заперто и все ли в порядке.

— Доброй вам ночи, госпожа, — поклонившись, сказал дворецкий и удалился. Моргейна бесшумно, на цыпочках, пробралась через зал, где спали дружинники, поднялась вверх по лестнице, прошла мимо комнаты, которую занимал Аваллох вместе с Мелайной и младшими детьми, потом мимо комнаты, где прежде спал Конн вместе со своим наставником и сводными братьями — до тех пор, пока бедный мальчуган тоже не подхватил воспаление легких. В дальнем крыле замка находились лишь покои Уриенса, покои, которые теперь заняла Моргейна, комната, которую обычно держали для важных гостей, — и в самом конце располагалась комната, в которой она уложила Акколона. Моргейна украдкой двинулась к ней — во рту у нее пересохло, — надеясь, что у Акколона хватило соображения оставить дверь приоткрытой... Стены здесь были старыми и толстыми, и Акколон ни за что не услышал бы ее из-за закрытой двери.

Моргейна заглянула в свою комнату, быстро нырнула туда и разворошила постель. Ее служанка, Руах, была стара и туга на ухо, и за прошедшую зиму Моргейна не раз проклинала ее за глухоту и глупость, но теперь это было ей лишь на руку... Но все

равно, нельзя, чтобы она проснулась поутру и обнаружила постель Моргейны нетронутой. Даже старая Руах знала, что король Уриенс еще недостаточно оправился от болезни, чтобы спать с женой.

«Сколько раз я повторяла себе, что не стану стыдиться того, что делаю...» И все же ей нельзя было допустить, чтоб ее имя оказалось замешано в каком-либо скандале, — иначе она так и не завершит начатое дело. И все же необходимость постоянно таиться и скрытничать внушала Моргейне глубокое отвращение.

Акколон оставил дверь приоткрытой. Моргейна проскользнула в комнату — сердце ее бешено колотилось, — и захлопнула дверь; она тут же очутилась в жадных объятиях Акколона и тело ее затопила неистовая жизненная сила. Акколон припал к ее губам — похоже было, что он изголодался не меньше самой Моргейны... Ей казалось, что все отчаянье и скорбь этой зимы исчезли, а сама она превратилась в тающий лед, что грозил вот-вот обернуться половодьем... Моргейна всем телом прижалась к Акколону, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Сколько она ни твердила себе, что Акколон для нее — всего лишь жрец Богини, что она не позволит, дабы их связали личные чувства, — все это развеялось перед лицом вспыхнувшего в ней неистового желания. Она всей душой презирала Гвенвифар: ведь та допустила, чтобы при дворе разгорелся скандал и чтобы люди начали насмехаться над королем, не способным призвать к порядку собственную жену. Но теперь, когда Акколон обнял ее, все доводы Моргейны рассыпались в прах. Моргейна обмякла и позволила возлюбленному отнести себя на кровать.

Глава 2

Когда Моргейна выскользнула из-под бока Акколона, стояла глубокая ночь. Акколон крепко спал. Моргейна легонько погладила его по волосам, нежно поцеловала и вышла из комнаты. Сама она так и не спала — боялась, что проспит слишком долго и не заметит наступление дня. Сейчас же до восхода оставалось около часа. Моргейна потерла глаза, пытаясь унять немилосердную резь. Где-то залаяла собака, заплакал ребенок — на него тут же шикнули; из сада донесся щебет птиц. Выглянув сквозь узкое окно в каменной стене, Моргейна подумала: *«Луну спустя в это время будет уже совсем светло»*. Воспоминания о прошедшей ночи захлестнули ее, и Моргейна на миг прислонилась к стене.

«Я никогда не знала, — подумала она, — *никогда не знала, что это такое — просто быть женщиной. Я родила ребенка, я четырнадцать лет прожила в браке, у меня были любовники... но я никогда, никогда не знала...»*

Внезапно кто-то грубо схватил ее за руку. Послышался хриплый голос Аваллоха:

— Что это ты шныряешь по дому в такую рань, а, девица?

Очевидно, он обознался и принял Моргейну за служанку; некоторые из них, благодаря крови Древнего народа, были невысокими и темноволосыми.

— Отпусти меня, Аваллох, — сказала Моргейна, взглянув в смутно виднеющееся лицо своего старшего пасынка. За прошедшие годы Аваллох отяжелел, обрюзг, и подбородок его заплыл жиром; маленькие его глазки были близко посажены. Акколон и Увейн были красивы, и видно было, что и Уриенс был когда-то по-своему интересным мужчиной. Но не Аваллох.

— О, госпожа моя матушка! — воскликнул он, отступив и преувеличенно учтиво поклонившись Моргейне. — И все же я спрашиваю еще раз: что ты делаешь здесь в этот час?

При этом Аваллох так и не отпустил ее. Моргейна стряхнула его руку, словно надоедливого жука.

— Я что, должна перед тобой отчитываться? Это мой дом, и я хожу по нему, когда захочу. Иного ответа ты не получишь.

«Он не любит меня почти так же сильно, как я его».

— Перестань морочить мне голову, леди, — сказал Аваллох. — Думаешь, я не знаю, в чьих объятиях ты провела эту ночь?

— Неужто ты начал играть с чарами и Зрением? — презрительно поинтересовалась Моргейна.

Аваллох перешел на заговорщицкий шепот.

— Я понимаю, ты скучаешь — ты ведь замужем за человеком, который тебе годится в деды... Но я не стану огорчать отца и рассказывать ему, где проводит ночи его жена, при условии... — он обнял Моргейну и с силой привлек к себе. Наклонившись, Аваллох куснул женщину за шею, оцарапав ее лицо небритой щекой. — ...при условии, что ты уделишь часть этих ночей мне.

Моргейна высвободилась из его объятий и попыталась перевести все в шутку.

— Да будет тебе, Аваллох! Зачем тебе сдалась твоя старуха-мачеха, если тебе принадлежит Весенняя Дева и все хорошенькие юные девушки в деревне...

— Но ты всегда казалась мне красивой женщиной, — ответил Аваллох, погладил Моргейну по плечу и попытался запустить руку в вырез не до конца зашнурованного платья. Моргейна снова отодвинулась, и лицо Аваллоха исказилось в злобной гримасе. — Нечего тут разыгрывать передо мной невинную скромницу! Кто это был, Акколон или Увейн? Или оба сразу?

— Увейн — мой сын! — возмутилась Моргейна. — Он не знает иной матери, кроме меня!

— И что, я должен верить, что это тебя остановит, леди Мор-

гейна? При дворе Артура поговаривают, будто ты была любовницей Ланселета, и пыталась отбить его у королевы, и делила постель с мерлином — и даже вступила в противозаконную связь с родным братом. Потому-то король и отослал тебя от двора — чтобы ты прекратила отвращать его от христианской жизни. Так что мешает тебе спать с пасынком? Да, госпожа, а Уриенс знает, что он взял в жены распутницу и кровосмесительницу?

— Уриенс знает обо мне все, что ему нужно знать! — отрезала Моргейна и сама удивилась тому, насколько спокойно звучит ее голос. — Что же касается мерлина, ни он, ни я тогда не состояли в браке, а христианские законы нас не беспокоили. Твой отец знает об этом и ни в чем меня не винит. Если же кто и имеет право упрекать меня за то, как я себя вела за годы, прожитые в браке, так это он, и никто иной. Перед ним я и отвечу, если он того потребует, — а перед тобой я отчитываться не обязана, сэр Аваллох! Теперь же я отправляюсь к себе и приказываю тебе поступить так же.

— Ты мне еще будешь ссылаться на языческие законы Авалона? — прорычал Аваллох. — Шлюха! Как ты смеешь заявлять, будто ты добродетельна...

Он сгреб Моргейну в охапку и жадно впился в ее губы. Моргейна ударила его сомкнутыми пальцами в живот. Аваллох охнул и, выругавшись, отпустил ее.

— Я ничего не заявляю! — гневно произнесла Моргейна. — Я не собираюсь отчитываться перед тобой! А если ты нажалуешься Уриенсу, я расскажу ему, что ты прикасался ко мне отнюдь не так, как надлежит прикасаться к жене своего отца — и посмотрим, кому он поверит!

— Не забывай, леди, — огрызнулся Аваллох, — ты можешь дурачить моего отца как тебе угодно, но он стар, и однажды я стану королем этой страны! И можешь не сомневаться: я ни дня не буду нянчиться с теми, кто живет здесь лишь потому, что отец мой не может забыть, что некогда он носил змей!

— Просто изумительно! — с презрением отозвалась Моргейна. — Сперва ты посягаешь на жену своего отца, а потом похваляешься, каким хорошим христианином станешь, когда заполучишь отцовские земли!

— Ты первая околдовала меня! Шлюха!

Моргейна не удержалась от смеха.

— Околдовывать тебя? Зачем? Аваллох, даже если бы ты оказался вдруг единственным мужчиной на этой земле, я бы лучше стала делить постель с дворовым псом! Пускай твой отец годится мне в деды — я куда охотнее буду спать с ним, чем с тобой! Или ты думаешь, что я завидую Мелайне, которая поет от радости каждый раз, как ты во время праздника урожая или весенней пахоты уходишь в деревню? Если бы я и наложила на тебя какие-то

чары, то не затем, чтобы потешить твое мужское достоинство, а лишь затем, чтобы иссушить его! А теперь отпусти меня и убирайся туда, откуда пришел! И если ты еще хоть раз коснешься меня хотя бы пальцем, то клянусь — я лишу тебя мужской силы!

Аваллох верил, что она и вправду на это способна; это видно было по тому, как стремительно он ринулся прочь. Но отец Эйан непременно услышит об этом и расспросит ее, и Акколона, и всех слуг, и снова явится к Уриенсу с требованием срубить священную рощу и уничтожить древние верования. Аваллох не успокоится, пока не перебудоражит весь замок.

«Я ненавижу Аваллоха!» Сила ее гнева потрясла даже саму Моргейну; она дрожала всем телом от ярости, а под грудиной угнездилась жгучая боль. *«Когда-то я была горда; жрица Авалона не лжет! А вот теперь получилось так, что я должна избегать правды. Даже Уриенс сочтет меня всего лишь неверной женой, забравшейся в постель к Акколону ради удовлетворения похоти...»* Моргейна расплакалась от ярости; она до сих пор чувствовала на руках и груди прикосновение горячих рук Аваллоха. Теперь, рано или поздно, но ее обвинят в измене, и даже если Уриенс поверит ей, за ней станут следить. *«Впервые за столько лет я познала счастье — и вот все пошло прахом...»*

Ну что ж. Солнце встает, скоро начнут просыпаться домочадцы, и ей нужно будет распределить между ними сегодняшнюю работу. Есть ли у Аваллоха что-либо, кроме догадок? Уриенс пока что остается в постели, значит, сегодня Аваллох не решится побеспокоить отца. Ей нужно сделать новый лекарственный отвар для раны Увейна. И еще нужно будет вытащить у него корни сломанных зубов.

Увейн любит ее — и уж конечно, он не станет прислушиваться ни к каким обвинениям Аваллоха в ее адрес. Моргейна вспомнила слова Аваллоха: «Кто это был, Акколон или Увейн? Или оба сразу?» — и ее снова захлестнула вспышка бешеного гнева. *«Я была Увейну родной матерью! За кого Аваллох меня принимает?!»* Неужто при камелотском дворе и вправду ходят слухи, будто она вступила в кровосмесительную связь с самим Артуром? *«Но как же я тогда смогу заставить Артура признать Гвидиона своим сыном? Да, наследник Артура — Галахад, но мой сын тоже имеет право на признание, как и королевская кровь Авалона. Но чтоб добиться этого, нельзя допускать, чтобы мое имя оказалось связано еще с каким-нибудь скандалом, чтобы поползли сплетни, будто я сплю со своим пасынком...»*

Моргейна невольно удивилась сама себе. Некогда она впала в ярость и отчаянье, узнав, что носит сына Артура; теперь же это казалось ей чем-то совершенно незначительным. В конце концов, тогда они с Артуром не знали, что приходятся друг другу братом и сестрой. Но Увейн, хоть их и не связывали кровные

узы, был Моргейне роднее Гвидиона; она вырастила этого мальчика...

Ну что ж, пока что с этим ничего нельзя поделать. Моргейна отправилась на кухню и выслушала жалобы повара на то, что грудинка вся закончилась, что кладовки почти пусты и что он не знает, чем кормить вернувшихся домой сыновей короля.

— Что ж, значит, нам придется сегодня отправить Аваллоха на охоту, — сказала Моргейна и окликнула поднимавшуюся по лестнице Мелайну — та приходила, чтобы взять утреннее питье для своего мужа, подогретое вино.

— Я видела, как ты разговаривала с Аваллохом, — сказала Мелайна. — Что он тебе сказал?

Она слегка нахмурилась, и Моргейна, прочитав ее мысли — с такой глупой женщиной, как Мелайна, это не составляло никакого труда, — поняла, что невестка боится ее и одновременно негодует. Разве это справедливо, что Моргейна до сих пор стройна и красива, а она, Мелайна, располнела и расплылась от родов, что волосы Моргейны так красиво блестят, а ей из-за возни с детьми некогда даже причесаться и заплестись как следует?

Моргейна постаралась пощадить чувства невестки, но сказала чистую правду:

— Мы говорили об Акколоне и Увейне. Но кладовки опустели, и Аваллоху придется съездить на охоту. Пускай привезет кабана.

А затем ее память словно бы пронзила вспышка молнии, и Моргейна вновь услышала слова Нинианы: «Акколон должен наследовать отцу» — и свой собственный ответ... Мелайна удивленно уставилась на Моргейну, ожидая, когда же та договорит, и Моргейна поспешила взять себя в руки.

— Передай, что ему нужно съездить добыть кабана — хорошо бы прямо сегодня. В крайнем случае, завтра. Или мы слишком быстро прикончим остаток муки.

— Конечно, передам, матушка, — сказала Мелайна. — Он только рад будет любому поводу куда-нибудь поехать.

И хотя в ее голосе прозвучало недовольство, Моргейна поняла: невестка рада, что не случилось чего-нибудь похуже.

«Несчастная женщина! Жить с этой свиньей...» Моргейне вспомнились слова Аваллоха: «Однажды я стану королем этой страны! И можешь не сомневаться: я ни дня не буду нянчиться с теми, кто живет здесь лишь потому, что отец мой не может забыть, что некогда он носил змей!» — и она ощутила беспокойство.

Значит, это воистину ее обязанность: позаботиться, чтобы Уриенсу наследовал Акколон — не ради ее блага и не ради мести, но ради древней веры, которую они с Акколоном воскресили в здешних землях. *«Если я найду хоть полчаса, чтобы рассказать обо всем Акколону, он поедет вместе с Аваллохом на охоту, и там*

все решится». Затем Моргейна с холодным расчетом прикинула: *«Следует ли мне сохранить руки чистыми и оставить это дело на Акколона?»*

Уриен стар. Но он может прожить еще год, или даже еще лет пять. Теперь, когда Аваллох знает обо всем, он примется вместе с отцом Эйаном подтачивать влияние, которое удалось приобрести Моргейне и Акколону, и все ее труды пойдут прахом.

«Если это королевство нужно Акколону, возможно, тогда именно ему следует обо всем позаботиться. Если Аваллох умрет от яда, меня убьют за колдовство». Но если она оставит дело на Акколона, все это станет чересчур похоже на старинную балладу — ту самую, что начинается со слов: «Отправились два брата на охоту...»

«Может быть, рассказать Акколону обо всем, и пусть он действует во гневе?» Моргейна никак не могла решить, что же ей предпринять. Охваченная беспокойством, она поднялась наверх и нашла Акколона. Тот сидел в отцовских покоях. Войдя, Моргейна услышала его слова:

— Аваллох собрался поохотиться сегодня на кабана — кладовки почти пусты. Я тоже поеду с ним. Я так давно не охотился среди родных холмов...

— Нет! — резко произнесла Моргейна. — Побудь сегодня с отцом. Ты нужен ему. А у Аваллоха и без того достаточно охотников.

«Нужно как-то сообщить ему, что я собираюсь сделать», — подумала Моргейна, но тут же отказалась от этой мысли. Если Акколон узнает, что она задумала — хотя Моргейна и сама еще не осознала, что именно она предпримет, — то ни за что с ней не согласится — ну, разве что в первый момент, под воздействием гнева, когда услышит, чего требовал от нее Аваллох.

«А если он согласится, — подумала Моргейна, — *хотя мне кажется, что я хорошо знаю Акколона, но я могу обманываться, потому что страстно желаю его, и он может оказаться не таким благородным, каким я его считаю, — если Акколон все же согласится участвовать в этом деле, то окажется братоубийцей, и на него падет проклятие. Если он согласится, это будет значить, что я не могу ему доверять. Мне Аваллох приходится всего лишь свойственником; нас не связывают кровные узы. Кровь пала бы на меня лишь в том случае, если бы я родила Уриенсу сына»*. Теперь Моргейна была лишь рада, что так и не подарила Уриенсу ни одного ребенка.

— Пускай с отцом останется Увейн, — предложил Акколон. — Ему все равно нужно ставить припарки на раненую щеку.

«Что же мне сделать, чтобы он понял? Его руки должны быть чисты. Когда придет эта новость, Акколон должен находиться здесь... Что мне сказать, чтобы он уразумел, насколько это

важно, — что еще никогда я не обращалась к нему со столь важной просьбой?»

От безотлагательности дела и невозможности высказать свои мысли вслух в голосе Моргейны прорвались резкие нотки.

— Акколон, неужто ты не можешь без пререканий выполнить мою просьбу? Если мне придется лечить Увейна, у меня уже не будет времени, чтобы как следует ухаживать за твоим отцом. Он и так в последнее время слишком часто оставался под присмотром одних лишь слуг! *«И если Богиня будет на моей стороне, то еще до конца дня ты понадобишься отцу — понадобишься, как никогда прежде...»*

Моргейна заговорила нарочито невнятно, надеясь, что Уриенс не поймет ее слов.

— Я прошу тебя об этом, как твоя мать, — сказала Моргейна, но при этом со всей своей внутренней силой подумала, обращаясь к Акколону: *«Я повелеваю тебе именем Матери...»* — Повинуйся мне, — добавила она и, немного повернувшись, так, чтобы Уриенс не мог этого заметить, прикоснулась к поблекшему синему полумесяцу на лбу. Акколон вопросительно уставился на нее — он явно ничего не мог понять, — но Моргейна отвернулась, слегка качнув головой. Может быть, Акколон хоть теперь поймет, почему она не может изъясняться более внятно?

— Раз тебе этого так хочется, то конечно, — нахмурившись, отозвался Акколон. — Мне нетрудно посидеть с отцом.

Некоторое время спустя Моргейна увидела, как Аваллох в сопровождении четверых охотников выехал за ворота. Пока Мелайна находилась внизу, в большом зале, Моргейна потихоньку пробралась к ним в спальню и обыскала неопрятную комнату, порывшись даже в разбросанной детской одежде и нестираных пеленках младшего ребенка. В конце концов она разыскала тонкий бронзовый браслет, который видела иногда на Аваллохе. В сундуке у Мелайны хранились и кое-какие золотые вещи, но Моргейна не решилась взять что-либо ценное, чего могли бы хватиться, когда служанка Мелайны придет убирать комнату. И действительно, в комнату вошла служанка и спросила:

— Что ты ищешь, леди?

Моргейна изобразила вспышку гнева.

— Я не желаю жить в доме, из которого устроили свинарник! Ты только глянь на эти нестираные пеленки — от них же разит детским дерьмом! Сейчас же забери их и отнеси прачке, а потом подмети и проветри комнату — или я должна взять тряпку и сама все здесь вымыть?

— Нет, госпожа, — съежившись от страха, отозвалась служанка и подхватила сунутую Моргейной груду грязного белья.

Моргейна спрятала бронзовый браслет в лиф и отправилась на кухню, велеть повару нагреть воды. Первым делом надо за-

няться раной Увейна. А потом нужно будет отдать все необходимые распоряжения домашним, чтобы после обеда спокойно посидеть в одиночестве... Моргейна послала за местным лекарем, велев тому прихватить свои инструменты, затем велела Увейну сесть и открыть рот, чтоб можно было отыскать корень сломанного зуба. Увейн стоически перенес ощупывание десны и извлечение обломков (хотя зуб сломался вровень с челюстью, и добраться до корня оказалось нелегко; к счастью, десна распухла и онемела). Когда же наконец с зубом было покончено, Моргейна обработала рану самым сильным обезболивающим средством, какое только у нее имелось, и вновь приложила припарку к распухшей щеке. В конце концов Увейн, принявший изрядную порцию спиртного, был отправлен в кровать. Он пытался было возражать, доказывая, что ему случалось ездить верхом — и даже сражаться в куда худшем состоянии, но Моргейна строго велела ему лечь и лежать, чтобы лекарство подействовало. Итак, Увейн тоже был устранен с пути и надежно выведен из-под подозрений. А поскольку Моргейна отослала слуг заниматься стиркой, Мелайна принялась жаловаться:

— Нам ведь понадобятся новые платья к Пятидесятнице, и еще нужно закончить плащ для Аваллоха... Я знаю, что ты не любишь прясть, матушка, но мне надо ткать Аваллоху плащ, а все женщины греют сейчас воду для стирки.

— Ох, я об этом и забыла, — отозвалась Моргейна. — Ну что ж, значит, деваться некуда — придется мне прясть... Разве что ты со мной поменяешься, и я возьмусь ткать ...

Она подумала, что это куда лучше браслета: плащ, сделанный его женой по его же мерке.

— А ты согласишься, матушка? Ты ведь еще не закончила плащ для Уриенса...

— Аваллоху новый плащ нужнее, — сказала Моргейна. — Так что я возьмусь за него. *«А когда я закончу,* — подумала Моргейна, и сердце ее содрогнулось, — *ему никогда больше не понадобится плащ...»*

— Тогда я буду прясть, — сказала Мелайна. — Спасибо тебе, матушка, — ты ведь ткешь куда лучше меня.

Она подошла к свекрови и на миг прижалась щекой к ее щеке.

— Ты всегда так добра ко мне, леди Моргейна.

«Но ты не знаешь, дитя, что я сотку сегодня».

Мелайна уселась и взялась за прялку. Но прежде, чем приняться за работу, она на миг застыла, упершись ладонями в поясницу.

— Ты себя плохо чувствуешь, невестка?

— Нет-нет, ничего... — отозвалась невестка. — Просто мои месячные задержались на четыре дня. Я боюсь, что снова забере-

менела — я так надеялась, что смогу хоть год повозиться с младшенькой... — Она вздохнула. — У Аваллоха полно женщин в деревне, но я думаю, он все еще надеется, что я рожу ему другого сына вместо Конна. Девочки его не интересуют — он даже не плакал в прошлом году, когда умерла Мэва. Это было как раз перед тем, как у меня подошел срок родов. А когда этот ребенок тоже оказался девочкой, он здорово разозлился на меня. Моргейна, если ты и вправду владеешь чарами, может, ты дашь мне какой-нибудь амулет, чтобы в следующий раз я родила сына?

Моргейна, устанавливавшая челнок, улыбнулась и сказала:

— Отцу Эйану не понравилось бы, что ты просишь у меня амулет. Он велел бы тебе молиться Матери Божьей, чтобы та послала тебе сына.

— Ну да, ее сын был чудом. Мне уже начинает казаться, что если я и рожу другого сына, то тоже не иначе как чудом, — отозвалась Мелайна. — Хотя, может, это просто зимний холод нагоняет на меня уныние.

— Тогда я приготовлю тебе травяной отвар, — сказала Моргейна. — Если ты и вправду понесла ребенка, он тебе ничем не повредит, а если задержка случилась из-за холода, он подтолкнет твои месячные.

— Это одно из магических заклинаний, которым ты научилась на Авалоне?

Моргейна покачала головой.

— Это всего лишь знание трав, и ничего больше, — ответила она.

Сходив на кухню, Моргейна сделала отвар и принесла его Мелайне.

— Выпей его горячим — таким горячим, какой только сможешь пить, — и закутайся в шаль, когда возьмешься прясть. Тебе нужно побыть в тепле.

Мелайна выпила отвар, осушив до дна небольшую глиняную кружку, и скривилась.

— Ох, ну и гадость!

Моргейна улыбнулась.

— Наверно, надо было добавить туда мед — как в отвар от лихорадки, который я делала для детей.

Мелайна вздохнула и снова взялась за прялку и веретено.

— Пора начинать учить Гвинет прясть — она уже достаточно большая, — сказала она. — Я в пять лет уже пряла.

— И я тоже, — отозвалась Моргейна. — Но пожалуйста, давай ты начнешь ее учить как-нибудь в другой раз. Я не хочу, чтобы здесь стоял шум и суматоха, когда я берусь ткать.

— Ну, тогда я велю няньке оставить детей на галерее, — сказала Мелайна.

Но Моргейна уже выбросила ее из головы. Она начала мед-

ленно водить челноком по нитям, приноравливаясь к узору. Это была коричнево-зеленая клетка; для хорошей ткачихи — ничего сложного. Поскольку Моргейна машинально вела счет нитям, она могла не сосредоточиваться на узоре... Прядение было бы даже лучше. Но все прекрасно знали, что Моргейна не любит прясть, и если бы она сегодня вызвалась сесть за прялку, это непременно запомнили бы.

Челнок заскользил по основе; зеленый, коричневый, зеленый, коричневый... Через каждые десять рядов Моргейна бралась за другой челнок, меняя цвет. Это она научила Мелайну окрашивать нити в такой оттенок зеленого — а сама она научилась этому на Авалоне... Зелень молодых листьев, разворачивающихся по весне, бурый цвет земли и опавших, слежавшихся листьев — кабан рылся в них, выискивая желуди... Челнок скользил по нитям, бердо уплотняло каждый продетый ряд... Руки Моргейны двигались, словно сами по себе: туда-сюда, скользнуть под планку, подхватить челнок с другой стороны... *«Хоть бы лошадь Аваллоха поскользнулась и упала, чтобы он сломал себе шею и избавил меня от необходимости заниматься этим!»* Моргейна замерзла, ее била дрожь, но она заставила себя не обращать на это внимания, полностью сосредоточившись на челноке, летающем по нитям основы — туда-сюда, туда-сюда, — и позволив образам свободно возникать и уплывать. Она видела Акколона: он сидел в королевских покоях и играл с отцом в шашки. Увейн спал и ворочался: боль в раненой щеке беспокоила его даже сквозь сон. Но теперь рана очистится и хорошо заживет... *«Хоть бы на Аваллоха набросился дикий кабан, а его охотники не успели прийти на помощь...»*

«Я сказала Ниниане, что не стану убивать. Вот уж воистину — никогда не зарекайся...» Челнок летал по станку: зеленое — коричневое, зеленое — коричневое... Словно солнечные лучи пробиваются через зеленые листья и падают на коричневую землю. Дыхание весны пробудило лес, и по стволам деревьев побежали живительные соки... *«О Богиня! Когда ты мчишься через лес вместе со стремительными оленями, все, кто встречаются на твоем пути, принадлежат тебе... все звери и все люди...»*

Много лет назад она сама, будучи Девственной Охотницей, благословила Увенчанного Рогами и отправила его мчаться вместе с оленями, дабы победить или умереть — как рассудит Богиня. Тогда он вернулся к ней... Ныне же она уже не Дева, владеющая могуществом Охотницы. Будучи Матерью, она со всей силой плодородия соткала заклинание, что привело Ланселета в постель Элейны. Но пора материнства закончилась для нее в тот час, когда она родила Гвидиона. Теперь же она сидела с челноком в руках и, словно тень Старухи Смерти, ткала смерть. *«Жизнь и смерть каждого в твоих руках, Мать...»*

Челнок стремительно метался из стороны в сторону, то появляясь перед глазами Моргейны, то вновь исчезая; зеленое, коричневое... Зеленое — словно переплетенные зеленые листья леса, по которому они мчались... Животные... Дикий кабан, сопя и похрюкивая, взрывал клыками палую листву; матка с поросятами то появлялась из рощицы, то вновь скрывалась за деревьями... Челнок летал, и Моргейна не видела и не слышала ничего, кроме хрюканья свиньи в лесу.

«Керидвен, Богиня, Матерь, Старуха Смерть, Великая госпожа Ворон... Владычица жизни и смерти... Великая Свинья, пожирающая своих поросят... Я взываю к тебе, я призываю тебя... Если ты вправду так решила, то ты это и свершишь...» Время незаметно скользнуло и переместилось. Она лежала на поляне, и солнце пригревало ей спину. Она мчалась вместе с Королем-Оленем. Она двигалась через лес, ворчливо похрюкивая... Она ощущала жизнь. Но тут послышались тяжелые шаги и возгласы охотников... *«Матерь! Великая Свинья!»*

Каким-то уголком сознания Моргейна осознавала, что руки ее продолжают размеренно двигаться. Зеленое — коричневое, коричневое — зеленое. Но она не видела из-под приопущенных век ни комнаты, ни ткацкого станка — ничего, лишь молодую зелень деревьев, грязь и коричневые опавшие листья, пережившие зиму. Она застыла — словно вросла в восхитительную, благоуханную грязь... *«Сила Матери таится под этими деревьями...»* Сзади донеслось повизгивание и возня поросят, копавшихся в земле в поисках корней или желудей... Коричневое и зеленое, зеленое и коричневое...

Она услышала топот в лесу, отдаленные крики — словно резкий толчок пробежал по ее нервам, раздирая тело... Тело Моргейны сидело в комнате, сплетая коричневые нити с зелеными, меняя один челнок на другой; она застыла — двигались лишь пальцы. Но когда ее пронзила дрожь ужаса и затопила волна гнева, Моргейна ринулась вперед, на врага, впустив в себя жизнь матки...

«О Богиня! Не допусти, чтобы пострадали невиновные... охотники ни в чем перед тобою не повинны...» Моргейна ничего не могла поделать. Она следила, как разворачивается видение, содрогаясь от запаха крови, крови ее самца... Огромный кабан истекал кровью, но ее это не трогало; ему предназначено было умереть, как и Королю-Оленю... умереть, когда придет его срок, и напоить землю своей кровью... Но сзади раздался визг обезумевших от страха поросят, и внезапно она уподобилась Великой Богине. Она не знала, кто она такая — Моргейна или Великая Свинья. Она услышала свой пронзительный, безумный вопль — как тогда, на Авалоне, когда она вскинула руки и призвала туманы Богини. Она запрокинула голову, дрожа, ворча, чувствуя ужас

своих поросят, передвигаясь короткими рывками, вскидывая голову, двигаясь по кругу... Перед глазами у нее стояло зеленое и коричневое, никому не нужный, оставленный без внимания челнок в машинально двигающихся руках... А затем, обезумев от чуждых запахов, крови, железа, чего-то незнакомого, врага, поднимающегося на две лапы, стали, крови и смерти, она ринулась в атаку, услышала крики, почувствовала входящий в тело горячий металл, и лесную зелень и бурую землю заволокла багровая пелена. Она чувствовала, как ее клыки рвали чужую плоть, как хлынула горячая кровь и вывалились в рану внутренности, и жизнь покинула ее во вспышке обжигающей боли — и больше она ничего не чувствовала и не знала... Отяжелевший челнок продолжал двигаться, сплетая зеленое и коричневое с мучительной болью у нее в животе, с красными брызгами перед глазами и с колотящимся сердцем. В комнате стояла тишина: слышен был лишь шорох челнока, прялки и веретена, — а в ушах Моргейны по-прежнему звенели крики... Она молча покачнулась — транс отнял у нее последние силы, — тяжело осела на ткацкий станок и застыла недвижно. Через некоторое время она услышала голос Мелайны, но не пошевелилась и не ответила.

— Ах! Гвинет, Мораг! Матушка, тебе плохо? О, небо, она вызвалась ткать — а с ней всегда от этого делается что-то не то! Увейн! Акколон! Матушка упала на станок!

Моргейна чувствовала, как невестка растирает ей руки и зовет ее по имени. Потом послышался голос Акколона. Моргейна позволила ему поднять и куда-то отнести себя. Она не пошевелилась и не сказала ни слова — просто не могла. Она позволила домашним уложить ее в постель, принести вина и попытаться ее напоить; она чувствовала, как струйка вина стекает по шее, и хотела сказать: *«Со мной все в порядке, оставьте меня»*, — но услышала лишь пугающе тихое ворчание и застыла. Мучительная боль раздирала ее тело на части. Моргейна знала, что после смерти Великая Свинья отпустит ее — но сперва она должна перенести предсмертные муки... Но даже теперь, застыв от боли и не видя ничего вокруг, Моргейна услышала пение охотничьего рога и поняла, что это охотники везут домой Аваллоха, привязав его к седлу, — мертвого, убитого свиньей, что набросилась на него сразу же после того, как он убил ее кабана... и что Аваллох, в свою очередь, убил свинью... Смерть, кровь, возрождение и течение жизни двигались по лесу, словно челнок...

Прошло несколько часов. Моргейна по-прежнему не могла даже пальцем шевельнуть без того, чтобы все ее тело не пронзила ужасающая боль; и она почти радовалась этой боли. *«Я никогда не смогу до конца освободиться от этой смерти, но руки Акко-*

лона чисты...» Моргейна взглянула ему в глаза. Акколон склонился над ней, смотря на нее с тревогой и страхом. Они ненадолго остались одни.

— Любовь моя, ты уже можешь говорить? — прошептал он. — Что случилось?

Моргейна покачала головой. Ей не удалось выдавить из себя ни единого слова. Но прикосновение Акколона было нежным и желанным. *«Знаешь ли ты, что я совершила ради тебя, любимый?»*

Наклонившись, Акколон поцеловал ее. Он никогда не узнает, как близки они были к разоблачению и поражению.

— Я должен вернуться к отцу, — мягко сказал Акколон. В голосе его звучало беспокойство. — Он плачет и говорит, что, если бы я поехал на охоту, мой брат остался бы в живых. Теперь он никогда мне этого не простит.

Взгляд его темных глаз остановился на Моргейне, и в них мелькнула тень дурных предчувствий.

— Это ты велела мне не ехать, — сказал он. — Ты узнала об этом при помощи своей магии, любимая?

Несмотря на саднящее горло, Моргейна все-таки заставила себя заговорить.

— Это была воля Богини, — сказала она. — Она не пожелала, чтобы Аваллох уничтожил все то, чего мы добились.

С трудом превозмогая боль, она шевельнула пальцами и провела по синему туловищу змеи, обвивающей руку Акколона.

Внезапно лицо Акколона исполнилось ужаса и благоговения.

— Моргейна! Причастна ли ты к этому?

«О, я должна была предвидеть, как он посмотрит на меня, если узнает обо всем...»

— Почему ты спрашиваешь? — прошептала она. — Я весь день сидела в зале, на глазах у Мелайны, слуг и детей, и ткала... Это была ее воля и ее рука — не моя.

— Но ты знала? Ты знала?

Глаза Моргейны наполнились слезами. Она медленно кивнула. Акколон наклонился и поцеловал ее в губы.

— Быть по сему. Такова воля Богини, — сказал он и ушел.

Глава 3

Стремительный лесной ручей нырял в расщелину между скалами и образовывал глубокую заводь; Моргейна уселась на плоский камень, нависающий над водой, и заставила Акколона сесть рядом. Здесь никто не мог их увидеть, кроме Древнего народа — а они никогда не предадут свою королеву.

— Милый мой, все эти годы мы трудились вместе; скажи же мне, Акколон, — что, по-твоему, мы делали?

— Леди, мне достаточно было знать, что у тебя есть некая цель, — ответил Акколон, — и потому я ни о чем тебя не спрашивал. Если бы тебе просто понадобился любовник, — он поднял взгляд на Моргейну и прикоснулся к ее руке, — нашлись бы и другие, более искусные в этих играх, чем я... Я люблю тебя всей душой, Моргейна, и... это было бы радостью и честью для меня, если бы ты просто искала у меня поддержки и нежности; но ведь ты не за этим призвала меня, как жрица — жреца.

Акколон заколебался; некоторое время он молчал, ковыряя песок носком сапога, потом произнес:

— Мне приходило в голову, что за всем этим кроется нечто большее, чем простое желание жрицы возродить в этой стране древние обычаи или твое стремление связать нас с силами луны. Я рад был помочь тебе в этом и разделить с тобою веру, леди. Ты воистину стала владычицей этой земли, особенно для Древнего народа, который видит в тебе олицетворение Богини. Но сейчас мне вдруг подумалось, сам не знаю, почему, — Акколон коснулся змей, обвивавших его запястья, — что вот это привязало меня к этой земле, что я должен страдать за нее, а если понадобится, то и умереть.

«Я использовала его, — подумала Моргейна, — *так же безжалостно, как когда-то Вивиана использовала меня...»*

— Я прекрасно знаю, — продолжал тем временем Акколон, — что древние жертвы не приносятся вот уж больше сотни лет. И все же когда на руках моих появилось вот это, — загорелый палец вновь коснулся змеи, — я подумал, что возможно, я и вправду один из тех, кого Владычица призвала к древней жертве. С тех пор прошло много лет, и мне начало казаться, что это была всего лишь игра воображения желторотого юнца. Но если я должен умереть...

Голос его постепенно затих, словно круги на воде тихой заводи. Стояла такая тишина, что слышно было даже шуршание какого-то жучка в траве. Моргейна не произнесла ни слова, хотя и ощущала страх Акколона. Он должен одолеть свой страх сам, без чьей-либо помощи, как это когда-то сделала она... и Артур, и мерлин, и всякий, перед кем вставало это последнее испытание. И если уж Акколону суждено столкнуться с ним лицом к лицу, он должен идти на это испытание добровольно, осознавая, что он делает.

В конце концов Акколон спросил:

— Так значит, леди, я понял верно — я должен умереть? Я думал... если уж и вправду требуется кровавое жертвоприношение... но потом, когда ее жертвой стал Аваллох...

Моргейна увидела, как у него на скулах заиграли желваки;

Акколон стиснул зубы и с трудом сглотнул. Но она продолжала молчать, хоть сердце ее и разрывалось от жалости. Отчего-то вдруг в сознании у нее зазвучал голос Вивианы: «Придет время, когда ты возненавидишь меня столь же крепко, как сейчас любишь...» — и ее вновь захлестнула волна любви и боли. И все же Моргейна заставила себя отринуть чувства; Акколон был сейчас старше, чем Артур, когда тому пришлось пройти через обряд посвящения в короли. Да, Аваллох действительно стал жертвой, и кровь его пролила сама Богиня — но одна кровь не искупает другой, и смерть Аваллоха не избавит его брата от обязанности взглянуть в лицо собственной смерти.

Наконец Акколон хрипло вздохнул.

— Что ж, так тому и быть. Я достаточно часто смотрел в лицо смерти в сражениях. Я клялся служить Богине и не стану нарушать своих обетов. Поведай мне ее волю, леди.

И лишь после этого Моргейна позволила себе сжать руку Акколона.

— Я не думаю, что она потребует от тебя смерти — и, уж конечно, не смерти на алтаре. Но все же испытание необходимо; а подобные испытания всегда осенены тенью смерти. Приободришься ли ты, если я скажу, что тоже прошла этим путем и взглянула в лицо смерти? И, однако, вот она я. Скажи: ты давал Артуру клятву верности?

— Я не принадлежу к его соратникам, — ответил Акколон. — Увейн давал ему клятву, я же — нет, хотя охотно сражался на его стороне.

Моргейна рада была слышать это, хоть и знала, что сейчас использовала бы против Артура даже клятву товарищества.

— Слушай меня, милый, — сказала она. — Артур дважды предал Авалон; а править этой землей может лишь король, пришедший с Авалона. Я многократно пыталась воззвать к Артуру и убедить его сдержать клятву. Но он не желает прислушаться ко мне. Однако он до сих пор с гордостью носит священный меч Эскалибур и магические ножны, что я сработала для него.

Лицо Акколона залила бледность.

— Ты действительно... ты хочешь свергнуть Артура?

— Я бы не захотела этого, не отступись он от своей клятвы, — отозвалась Моргейна. — Однако я и сейчас с радостью дала бы ему возможность стать тем, кем он клялся быть. А сын Артура еще недостаточно возмужал, чтобы бросить ему вызов. Ты — не мальчик, Акколон, и ты искушен в воинском искусстве, а не в знаниях друидов, несмотря вот на это, — кончики ее изящных пальцев скользнули по его запястью. — Так ответь же мне, Акколон Уэльский: если все прочие усилия ни к чему не приведут, согласишься ли ты стать поборником Авалона и бро-

сить вызов предателю, чтоб отнять у него священный меч, полученный ценой предательства?

Акколон глубоко вздохнул.

— Бросить вызов Артуру? Сперва тебе следовало бы спросить, готов ли я умереть, Моргейна, — сказал он. — И ты говоришь со мной загадками. Я не знал, что у Артура есть сын.

— Его сын — сын Авалона и весенних костров, — отозвалась Моргейна. Ей казалось, что она давно уже перестала стыдиться этого — *«Я — жрица и не обязана ни перед кем отчитываться в своих поступках»,* — и все же она так и не смогла заставить себя взглянуть в глаза Акколону. — Я расскажу тебе обо всем. Слушай.

Пока она рассказывала о посвящении короля, проходившем на Драконьем острове, и о том, что произошло впоследствии, Акколон не проронил ни слова; но когда Моргейна поведала о своем побеге с Авалона и рождении Гвидиона, Акколон взял ее за руку.

— Он прошел свое испытание, — сказала Моргейна, — но он молод и неопытен; никто и подумать не мог, что Артур изменит клятве. Артур тоже был молод, но он прошел посвящение, когда Утер был стар и стоял на пороге смерти, и люди разыскивали короля авалонской крови. Сейчас же звезда Артура стоит в зените и слава его не знает границ, и Гвидиону не удастся бросить вызов Артуру, пусть даже за ним стоит все могущество Авалона.

— Почему же ты считаешь, что я смогу схватиться с Артуром и отнять у него Эскалибур — и при этом люди Артура не убьют меня на месте? — спросил Акколон. — И где же в этом мире я могу встретиться с ним так, чтоб он не был окружен надежной охраной?

— Ты прав, — согласилась Моргейна. — Но тебе вовсе не обязательно сражаться с ним здесь. Существуют и другие королевства, вообще не принадлежащие этому миру, и в одном из них ты можешь отобрать у Артура меч Эскалибур, на который он давно утратил права, и магические ножны, защищающие его от всех бед. Стоит разоружить его, и он станет обычным человеком. Я не раз видела, как его соратники — Ланселет, Гавейн, Гарет — разоружали его в дружеских схватках. Артур, лишившийся своего меча, — легкая добыча. Он никогда не был величайшим из воинов — да и не нуждался в том, пока меч и ножны при нем. А когда Артур умрет...

Моргейна умолкла, чтоб голос ее не дрогнул; она понимала, что навлекает на себя проклятие братоубийцы — то самое проклятие, от которого она хотела избавить Акколона, когда погиб Аваллох.

— А когда Артур умрет, — наконец смогла твердо выговорить она, — ближе всех к трону буду стоять я, по праву его сестры.

Я буду править, как Владычица Авалона, а ты будешь моим супругом и военным вождем. Да, правда, в свой срок ты тоже будешь повержен, как Король-Олень... но пока этот час не пробьет, ты будешь править вместе со мной, как король.

Акколон вздохнул.

— Я никогда не стремился стать королем. Но если ты приказываешь, леди, я должен исполнить Ее волю — и твою. Итак, я должен бросить вызов Артуру, чтобы завладеть его мечом...

— Я вовсе не хочу сказать, что отправлю тебя в этот бой, не оказав всей помощи, какая только будет мне по силам. Зачем же иначе я все эти безрадостные годы постигала магию, и зачем я сделала тебя моим жрецом? И мы оба получим еще более великую помощь в этом твоем испытании.

— Ты говоришь об этих магических королевствах? — спросил Акколон, почти перейдя на шепот. — Я не понимаю тебя.

«Неудивительно. Я сама не знаю, что собираюсь делать и о чем говорю, — подумала Моргейна. Но она узнала ту странную мглу, что поднималась у нее в сознании, туманя мысли. Именно в таком состоянии и творилась могущественная магия. — *Теперь я должна положиться на Богиню — пусть она ведет меня. И не только меня, но и того, кто стоит рядом со мной, кто вынет меч из руки Артура».*

— Верь мне и повинуйся.

Моргейна встала и бесшумно двинулась через лес, выискивая... что же она ищет?

— Акколон, растет ли в этом лесу орешник? — спросила она, и собственный голос показался ей каким-то странным и отдаленным.

Акколон кивнул, и Моргейна зашагала следом за ним среди деревьев, что в это время лишь покрывались листями и цветами. Дикие свиньи уже перерыли слежавшуюся опавшую листву и съели последние орехи; на толстой подстилке, укрывавшей лесную почву, виднелись лишь осколки скорлупы. Но новые побеги уже рвались к свету там, где вскоре встанут новые кусты; жизнь леса никогда не пресечется.

«Цветы, плоды, семена. Все возвращается, растет, тянется к свету и наконец опять предает свои тела в руки Владычицы. Но и она, безмолвно творя свое волшебство в самом сердце природы, не может обойтись без Того, кто мчится с оленями и с летним солнцем наполняет ее чрево». Остановившись под ореховым кустом, она взглянула на Акколона; хотя краем сознания Моргейна понимала, что этот человек — ее возлюбленный, ее избранный жрец, она знала, что теперь он согласился на испытание превыше тех, что она могла бы даровать ему собственными силами.

Эта ореховая роща была священной еще до того, как в здешние холмы пришли римляне, искавшие олово и свинец. На краю

рощи располагалось небольшое озерцо, и над ним высились три священных растения: орешник, ива и ольха. Их магия была старше магии дуба. На поверхности озерца кое-где плавали сухие листья и мелкие веточки, но сама вода была чистой и темной; опавшие бурые листья придали ей коричневатый оттенок, и Моргейна, склонившись к воде, увидела в ней свое отражение. Она окунула руки в воду, затем коснулась лба и губ. Отражение задрожало и изменилось, и Моргейна увидела нездешние, бездонные глаза женщины из мира, более древнего, чем этот. И то, что она узрела в этих глазах, повергло какую-то часть ее души в ужас.

Мир вокруг нее таинственным образом изменился — Моргейна полагала, что этот неведомый край граничит с Авалоном, а не с удаленной крепостью в Северном Уэльсе. Но в сознании ее прозвучал безмолвный голос: *«Я повсюду. Где орешник склоняется над священным озером, там и я»*. Моргейна услышала, как Акколон задохнулся от изумления и благоговейного страха, и, обернувшись, увидела, что владычица волшебной страны очутилась рядом с ними. Она стояла, стройная и невозмутимая, в своем мерцающем одеянии, и чело ее венчал простой венок из ивовых ветвей.

Кто произнес эти слова, она сама или владычица фэйри?

«Не обязательно бежать вместе с оленями — есть и иное испытание...» И внезапно откуда-то словно бы донеслось пение рога, жуткое и далекое, исходящее из-за пределов ореховой рощи... или его издала сама роща? А затем листва вскинулась и затрепетала, налетел внезапный порыв ветра, заскрипели, закачались ветви, и Моргейну пробрала дрожь ужаса.

«Он идет...»

Моргейна повернулась, медленно и неохотно, и увидела, что они больше не одни в роще. Здесь пролегла граница между мирами, и он встал на этой границе...

Моргейна никогда не спрашивала у Акколона, что же в тот момент видел он... Она видела лишь тень, увенчанную ветвистыми рогами, золото и пурпур листьев — хотя сами они стояли в лесу, украшенном полураспустившейся листвой, — темные глаза... Когда-то она возлежала с ним на лесной подстилке, но на этот раз он пришел не к ней, и Моргейна это знала. Теперь и ей, и даже владычице фэйри следовало отойти в сторону. Он бесшумно шагал по палой листве, и все же его шаги поднимали ветер; потоки воздуха пронизывали рощу и трепали волосы Моргейны, и плащ бился у нее за плечами. Он был высок и темноволос; казалось, будто он одновременно облачен и в богатейшее одеяние, и в листву, — но при этом Моргейна могла бы поклясться, что он наг. Он вскинул изящную руку, и Акколон медленно, словно его вела чужая воля, двинулся вперед, шаг за

шагом... и в то же самое время это именно Акколон был облачен в листву и увенчан рогами, мерцавшими в странном, неподвижном свете волшебной страны. Моргейна изнемогала под ударами ветра; она ощущала, что роща полнится иными силуэтами и ликами, но не могла их рассмотреть. Это испытание предназначалось не для нее, а для мужчины, что находился с нею рядом. Казалось, что воздух звенит от возгласов и пения рогов; мчались ли эти всадники по воздуху, или копыта стучали по лесной подстилке, да так громко, что заглушали даже мысли? Моргейна осознала, что Акколона уже нет рядом с ней. Она стояла, уцепившись за ствол орешника и спрятав лицо. Моргейна не знала, каким образом будет протекать посвящение Акколона в короли, и ей не суждено, не положено было этого знать... Это было не в ее власти — даровать сие испытание или знать о нем. При помощи Владычицы Моргейна пробудила силу Увенчанного Рогами, и Акколон ушел туда, куда Моргейна не могла за ним последовать.

Моргейна не знала, сколь долго она простояла, цепляясь за орешник, до боли прижавшись лбом к стволу... А затем ветер стих, и Акколон вновь был с ней. Они стояли рядом, и кроме них, в ореховой роще не было никого; не слышно было ни звука, кроме удара грома, что раскатился по темному безоблачному небу. За темным диском затменной луны раскаленным металлом пылала солнечная корона, и на черном небе горели звезды. Акколон обнял Моргейну.

— Что это? — прошептал он. — Что это?

— Это затмение.

Моргейна сама удивилась тому, сколь спокоен был ее голос. Она чувствовала прикосновение рук Акколона, теплых, живых и надежных, и постепенно ее сердцебиение улеглось. Земля под ногами снова сделалась твердой, превратившись в обычный дерн ореховой рощи; заглянув в озерцо, Моргейна увидела там сучья, обломанные сверхъестественным ветром, что недавно бушевал в роще. В темноте жалобно стенала какая-то птаха, а под ногами у них поросенок копался в слежавшейся листве. Затем свет стал возвращаться — такой яркий, что Моргейна увидела, как тень соскользнула с солнца. Она заметила, что Акколон смотрит в небо, и резко приказала:

— Отвернись! Ты можешь ослепнуть, когда тьма уйдет!

Акколон сглотнул и опустил голову, приблизив лицо к лицу Моргейны. Волосы его были растрепаны нездешним ветром, и в них застрял темно-красный лист, и при виде этого листа Моргейна содрогнулась: ведь они стояли сейчас среди орешника, что только начал покрываться листвой.

— Он ушел... — шепотом произнес Акколон. — И она... Или

это была ты? Моргейна... то, что произошло, — это было на самом деле?

Вглядываясь в его ошеломленное лицо, Моргейна заметила в глазах Акколона нечто такое, чего там прежде никогда не было — прикосновение нечеловеческого. Протянув руку, она извлекла листок из его волос и вручила Акколону.

— Ты носишь змей — неужто тебе нужно спрашивать?

Акколон сдавленно охнул и содрогнулся. Он резко выхватил темно-красный лист у Моргейны и бросил его; лист бесшумно порхнул на землю. Акколон произнес с судорожным вздохом:

— Я словно скакал над миром и видел такое, чего не видел ни один смертный...

Потянувшись к ней, он со слепой настойчивостью сорвал с Моргейны платье и увлек ее следом за собой на землю. Моргейна не препятствовала ему; ошеломленная, она лежала на сырой земле, а Акколон, не замечая ничего вокруг, вошел в нее, подгоняемый силой, которую сам вряд ли осознавал. Она безмолвствовала перед напором этой неистовой силы, и ей казалось, что на лицо Акколона вновь падает тень рогов — или пурпурных листьев. Моргейна не была причастна к этому. Она была землей, безропотно принимающей дождь и ветер, гром и удары молний, — и на миг ей почудилось, будто молния прошила ее тело и ушла в землю...

Затем тьма развеялась, и звезды, горевшие среди дня, исчезли. Акколон помог ей подняться, нежно и виновато, и привести одежду в порядок. Он наклонился и поцеловал Моргейну, бормоча какие-то объяснения, перемешанные с извинениями, — но Моргейна улыбнулась и коснулась пальцем его губ.

— Нет-нет... довольно...

В роще вновь стало тихо; не слышно было ничего, кроме обычного лесного шума.

— Нам пора возвращаться, любовь моя, — спокойно произнесла Моргейна. — Нас хватятся. А кроме того, все будут кричать и вопить по поводу затемния — ну как же, такое необычайное явление... — она слабо улыбнулась. То, что она увидала сегодня, было необыкновеннее любого затмения. Акколон держал ее за руку, и рука его была холодной и твердой.

Когда они двинулись в путь, Акколон прошептал:

— Я никогда не думал, что ты... что ты так похожа на Нее, Моргейна...

«Но она — это и есть я». Однако, Моргейна не стала говорить этого вслух. Акколон прошел посвящение. Возможно, ему стоило бы лучше подготовиться к этому испытанию. И все же он встретил его лицом к лицу, как и должен был, и был принят силой, превышающей ее скромные силы.

Но затем сердце ее заледенело, и Моргейна повернула голо-

ву, чтоб взглянуть на улыбающееся лицо своего возлюбленного. Он был принят. Но это еще не значило, что он победит. Это значило всего лишь, что он может попытаться пройти последнее испытание — и оно только началось.

«Я чувствую себя совсем не так, как в тот раз, когда я, Весенняя Дева, послала навстречу испытанию Артура — не зная, что это Артур... О, Богиня, как же я была молода! Как молоды были мы оба... Милосердно молоды — мы не ведали, что творим. А теперь я достаточно стара, чтобы понимать, что я делаю. Где же мне набраться мужества, чтобы отправить Акколона навстречу смерти?»

Глава 4

В канун Пятидесятницы Артур и его королева пригласили на семейный обед тех гостей, кто был связан с ними родственными узами. Завтра должен был состояться традиционный большой пир, который Артур давал для соратников и подвластных ему королей, но тщательно прихорашивавшаяся Гвенвифар чувствовала, что этот обед станет для нее куда более тяжелым испытанием. Она давно уже смирилась с неизбежным. Завтра ее супруг и лорд при всех окончательно и бесповоротно провозгласит то, что и так уже все знали. Завтра Галахада посвятят в рыцари и примут в братство Круглого Стола. О, да, она давным-давно знала об этом, но прежде Галахад был для нее всего лишь светловолосым мальчуганом, подраставшим где-то во владениях короля Пелинора. Думая об этом, Гвенвифар даже испытывала некое удовлетворение; сын Ланселета и ее кузины Элейны (некоторое время назад Элейна скончалась родами) — вполне приемлемый наследник для Верховного короля. Но теперь Галахад казался ей живым упреком — упреком стареющей королеве, так и не сумевшей родить ребенка.

— Тебе нехорошо? — спросил Артур, взглянув в лицо Гвенвифар, когда та надевала венец. — Я просто подумал, что стоило бы познакомится с парнем поближе, раз уж я должен буду оставить королевство ему. Может, мне сказать гостям, что ты приболела? Тебе вовсе не обязательно присутствовать на этом обеде — ты можешь встретиться с Галахадом как-нибудь попозже.

Гвенвифар поджала губы.

— Сейчас или попозже — какая разница?

Артур взял жену за руку.

— Я не так уж часто в последнее время виделся с Ланселетом — хорошо, что наконец-то представился случай снова поговорить с ним.

Королева попыталась улыбнуться, но почувствовала, что улыбка получилась странной.

— Я уж думала — а станешь ли ты когда-нибудь разговаривать с ним? Ты не испытываешь к нему ненависти?

Артур неловко улыбнулся.

— Мы были тогда так молоды... Такое чувство, будто все это происходило в каком-то ином мире. Теперь Ланс — всего лишь мой самый старый и самый близкий друг, все равно что брат, почти как Кэй.

— Кэй — тоже твой брат, — заметила Гвенвифар. — А его сын Артур — один из самых преданных твоих рыцарей. Мне кажется, он был бы лучшим наследником, чем Галахад...

— Молодой Артур — хороший человек и надежный соратник. Но Кэй происходит не из королевского рода. Видит Бог, за прошедшие годы мне не раз хотелось, чтобы Экторий и вправду был моим отцом... но это не так, и говорить тут не о чем, Гвен.

Заколебавшись на мгновение — он никогда не говорил об этом после той злосчастной Пятидесятницы, — Артур произнес:

— Я слыхал, что... что другой парень, сын Моргейны... что он на Авалоне.

Гвенвифар вскинула руку, словно пытаясь заслониться от удара.

— Нет!

— Я сделаю так, чтобы тебе никогда не пришлось встречаться с ним, — сказал Артур, не глядя на жену. — Но королевская кровь есть королевская кровь, и о нем тоже необходимо позаботиться. Он не может унаследовать мой трон — священники этого не допустят...

— О! — перебила его Гвенвифар. — Так что же, если бы священники это допустили, ты, выходит, объявил бы сына Моргейны своим наследником...

— Многие будут удивляться, почему я этого не сделал, — сказал Артур. — Ты хочешь, чтоб я попытался объяснить им причину?

— Значит, тебе нужно держать его подальше от двора, — сказала Гвенвифар и подумала: *«Я и не знала, что мой голос делается настолько резким, когда я разозлюсь»*. — Что делать при этом дворе друиду, воспитанному на Авалоне?

— Мерлин Британии — один из моих советников, — сухо отозвался Артур, — и так будет всегда, Гвен. Те, кто прислушивается к Авалону, — тоже мои подданные. Сказано ведь: «Есть у меня и другие овцы, которые не сего двора...»

— Эта шутка отдает богохульством, — заметила Гвенвифар, постаравшись смягчить тон, — и вряд ли уместна в канун Пятидесятницы...

— Но праздник летнего солнцестояния существовал еще до

Пятидесятницы, любовь моя, — сказал Артур. — По крайней мере, насколько мне известно, теперь его костры не загораются нигде ближе трех дней пути от Камелота, даже на Драконьем острове — лишь на Авалоне.

— Я уверена, что монахи в Гластонбери неусыпно бдят, — сказала Гвенвифар, — и потому никто больше не будет наведываться на Авалон или являться оттуда...

— Но печально будет, если все это уйдет навеки, — заметил Артур. — И крестьянам будет невесело, если они лишатся своих празднеств... хотя горожанам, скорее всего, нет дела до старинных обычаев. Да-да, я знаю, что под небесами есть лишь одно имя, несущее нам спасение, но, возможно, тем, кто связан столь тесными узами с землей, мало одного лишь спасения...

Гвенвифар хотела было возразить, но сдержалась и промолчала. В конце концов, Кевин — всего лишь старый калека и друид, а дни друидов казались Гвенвифар столь же далекими, как и времена владычества римлян. И даже Кевина при дворе знали не столько как мерлина Британии, сколько как непревзойденного арфиста. Священники не относились к нему с таким почтением, как некогда к Талиесину, человеку мудрому и великодушному, — Кевин был остер и невоздержан на язык, особенно в спорах. И все же Кевин знал старинные обычаи и законы лучше самого Артура, и Артур привык обращаться к нему за советом, если дело оказывалось связано с древними традициями.

— Если бы мы не собирались устроить встречу в тесном семейном кругу, я велела бы мерлину порадовать нас сегодня своей музыкой.

Артур улыбнулся.

— Я могу послать к нему слугу с просьбой, если хочешь, но столь искусному музыканту не приказывают — даже короли. Можно пригласить его за наш стол и попросить оказать нам честь, спеть что-нибудь для нас.

Гвенвифар улыбнулась в ответ и поинтересовалась:

— Так кто же кого должен просить — король подданного или наоборот?

— В подобных делах следует соблюдать равновесие, — отозвался Артур. — Это одна из тех вещей, которым я научился за время правления: бывают моменты, когда королю следует просить, а не приказывать. Возможно, римских императоров привело к погибели то, что мой наставник именовал греческим словом hybris — надменность: они решили, что могут повелевать всем, а не только тем, на что по закону распространяется королевская власть... Ну что ж, моя леди, гости ждут. Ты уже довольна своею красотой?

— Опять ты смеешься надо мной, — укоризненно заметила Гвенвифар. — Ты же знаешь, какая я старая.

— Вряд ли ты старше меня, — возразил Артур, — а мой дворецкий уверяет, что я до сих пор красив.

— О, да, но это совсем иное. На мужчинах возраст сказывается не так, как на женщинах.

— Если бы я посадил рядом с собой на трон юную деву, это выглядело бы странно, — сказал Артур, взяв жену за руку. — Мне нужна ты.

Они двинулись к двери; дворецкий приблизился к королю и что-то негромко произнес. Артур повернулся к Гвенвифар.

— За нашим столом будет больше гостей, чем мы думали. Гавейн передает, что приехала его мать, а значит, нам придется пригласить и Ламорака — он ведь ее супруг и спутник, — сказал он. — Видит Бог, я уже много лет не встречался с Моргаузой, но ведь она тоже приходится мне родственницей. И еще король Уриенс с Моргейной и сыновьями...

— Значит, это действительно будет семейный обед.

— Да, Гарет и Гавейн тоже придут. Правда, Гахерис сейчас в Корнуолле, а Агравейн не смог покинуть Лотиан, — сказал Артур, и Гвенвифар вновь почувствовала всплеск застарелой горечи... У Лота Оркнейского было так много сыновей... — Ну что ж, моя дорогая, гости собрались в малом зале. Не пора ли спуститься к ним?

Огромный зал Круглого Стола был владением Артура — местом, где господствовали мужчины, где собирались короли и воины. Но малый зал был украшен тканями, специально привезенными из Галлии; в нем стояли обычные столы на козлах и скамьи, и именно тут Гвенвифар отчетливее всего ощущала себя королевой. В последнее время она становилась все более близорука; вот и теперь, хотя зал был хорошо освещен, Гвенвифар сперва не видела ничего, кроме ярких пятен — платьев дам и праздничных нарядов мужчин. Вон тот здоровяк шести с лишним футов ростом, с пышной копной русых волос — это Гавейн. Подойдя к ним, он поклонился королю, а потом заключил кузена в объятия; хватка у него была медвежья. За братом последовал Гарет — он вел себя более сдержанно. Подошедший Кэй хлопнул Гарета по плечу, назвав его, по старой памяти, Красавчиком, и поинтересовался насчет выводка детворы. Дети Гарета были еще слишком малы, чтобы представлять их ко двору, а леди Лионора еще не вполне оправилась после последних родов и потому осталась дома — замок Гарета находился на севере, неподалеку от римской стены. Столько же теперь у Гарета детей, восемь или девять? Гвенвифар видела леди Лионору всего дважды; а так всякий раз, когда Гарет появлялся при дворе, его супруга то собиралась рожать, то приходила в себя после родов, то кормила грудью младшего ребенка. Гарет потерял былую миловидность, но попрежнему оставался красивым мужчиной. С ходом лет Артур,

Гавейн и Гарет делались все больше похожи друг на друга. А вон Гарет обнял стройного мужчину, в темных вьющихся волосах которого появились седые пряди. Гвенвифар прикусила губу. За все эти годы Ланселет не изменился ни капли — разве что сделался еще красивее.

А вот Уриенс не был наделен этой волшебной способностью — оставаться неподвластным ходу времени. Теперь он действительно выглядел как старик, хотя и оставался по-прежнему крепок. Волосы его сделались белоснежными; Гвенвифар слышала, как Уриенс объясняет Артуру, что лишь недавно оправился после воспаления легких, а весной похоронил старшего сына, убитого дикой свиньей.

— Так значит, теперь ты станешь в свой черед королем Северного Уэльса, сэр Акколон? — сказал Артур. — Ну что ж, значит, так суждено. Бог дал, Бог и взял — так говорится в Священном Писании.

Уриенс хотел было поцеловать Гвенвифар руку, но вместо этого королева сама поцеловала старика в щеку.

— Наша королева все молодеет, — сказал Уриенс, широко улыбнувшись. — Можно подумать, родственница, будто ты жила в волшебной стране.

Гвенвифар рассмеялась.

— Тогда, наверное, мне нужно будет нарисовать на лице морщины, а то епископ и священники могут подумать, будто я знаю заклинания, недостойные христианки; но нам не следовало бы так шутить в канун святого праздника. О, Моргейна, — на этот раз Гвенвифар хватило сил встретить свою золовку шуткой, — ты выглядишь младше меня, а я ведь точно знаю, что ты старше. Это все твое волшебство?

— Никакого волшебства, — отозвалась Моргейна грудным, певучим голосом. — Просто в нашем захолустье особо нечем занять свой ум, и мне кажется, что время стоит на месте. Может, потому я и не старею.

Теперь, когда у нее появилась возможность взглянуть на Моргейну вблизи, Гвенвифар все же заметила у нее на лице следы, оставленные временем; кожа Моргейны оставалась все такой же гладкой, но под глазами пролегли тоненькие морщины, и веки слегка набрякли. Моргейна протянула Гвенвифар руку; рука была худой, почти костлявой, и кольца казались великоватыми. «Моргейна по крайней мере на пять лет старше меня», — подумала Гвенвифар. И внезапно ей почудилось, будто они с Моргейной — не женщины средних лет, а две юные девушки, встретившиеся на Авалоне.

Ланселет сперва подошел поприветствовать Моргейну. Гвенвифар и не думала, что до сих пор способна так ревновать... «Элейна скончалась... А муж Моргейны так стар, что может не

дотянуть и до Рождества...» Ланселет произнес какой-то комплимент, и Моргейна рассмеялась, негромко и мелодично.

«Но она не смотрит на Ланселета как на возлюбленного... ее взгляд прикован к принцу Акколону — он тоже хорош собой... что ж, муж старше ее вдвое, если не больше...» И Гвенвифар, внезапно исполнившись ощущения собственной правоты, почувствовала резкое неодобрение.

Подозвав кивком головы Кэя, королева сказала:

— Пора садиться за стол. В полночь Галахаду нужно будет идти в церковь, на бдение. И возможно, он захочет перед этим немного отдохнуть чтобы потом не так клонило в сон...

— Меня не будет клонить в сон, леди, — произнес Галахад, и Гвенвифар вновь пронзила боль. Как она была бы счастлива, будь этот юноша ее сыном! Галахад сделался высоким и широкоплечим — куда крупнее отца. Лицо его сияло чистотой и спокойным счастьем. — Здесь все так ново для меня! Камелот так прекрасен, что я с трудом верю своим глазам! И я приехал сюда в обществе отца — а моя мать всю жизнь говорила о нем, словно о короле или святом, — в общем, как о человеке, возвышающемся над простыми смертными.

— О, Ланселет не слишком отличается от простого смертного, Галахад, — сказала Моргейна, — и когда ты узнаешь его получше, ты сам это поймешь.

Галахад учтиво поклонился Моргейне и произнес:

— Я помню тебя. Ты приезжала к нам и увезла Нимуэ, и моя мать долго плакала... Как поживает моя сестра, леди?

— Я не видела ее несколько лет, — отозвалась Моргейна, — но если бы с ней что-нибудь случилось, я бы об этом услышала.

— Я помню только, что очень сердился на тебя: что бы я тебе ни говорил, ты отвечала, что это на самом деле не так — ты казалась такой уверенной в себе, и моя мать...

— Несомненно, твоя мать сказала, что я — злая колдунья, — улыбнулась Моргейна. *«Улыбка у нее самодовольная, словно у кошки»*, — подумала Гвенвифар. Галахад залился румянцем. — Что ж, Галахад, ты не первый, кто так считает.

На этот раз Моргейна улыбнулась Акколону, и тот улыбнулся в ответ — столь откровенно, что Гвенвифар была неприятно поражена.

— Так ты и в самом деле колдунья, леди? — напрямик спросил Галахад.

— Что ж, — сказала Моргейна со своей кошачьей улыбкой, — несомненно, у твоей матери были основания так считать. Раз уж она покинула нас, теперь я могу поведать обо всем. Ланселет, Элейна никогда не рассказывала тебе, как умоляла меня дать ей какой-нибудь талисман, который внушил бы тебе любовь к ней?

Ланселет повернулся к Моргейне, и Гвенвифар показалось, что его лицо окаменело от боли.

— Зачем шутить над давно минувшими днями, родственница?

— О, но я вовсе не шучу, — отозвалась Моргейна. Она на миг подняла глаза и встретилась взглядом с Гвенвифар. — Я подумала, что хватит тебе разбивать сердца всех женщин Британии и Галлии. Потому я и устроила этот брак, и ни капли о том не жалею: ведь благодаря этому у тебя есть замечательный сын, наследник моего брата. А если бы я не вмешалась, ты так и остался бы холостяком и продолжал бы мучить женщин, — ведь он и сейчас на это способен, верно, Гвен? — дерзко добавила она.

«Я знала это. Но не думала, что Моргейна осмелится так открыто во всем сознаться...»

Гвенвифар воспользовалась привилегией королевы и сменила тему разговора.

— Как там поживает моя тезка, маленькая Гвенвифар?

— Она обручена с сыном Лионеля, — сказал Ланселет, — и в один прекрасный день станет королевой Малой Британии. Священник заявил, что родство слишком близкое, но разрешение на брак все-таки можно выдать. Мы с Лионелем пожертвовали церкви богатые дары, чтоб священник закрыл глаза на это родство. Впрочем, девочке всего девять, и свадьба состоится не раньше, чем через шесть лет.

— А как там твоя старшая дочь? — поинтересовался Артур.

— Сир, она стала монахиней, — ответил Ланселет.

— Так тебе сказала Элейна? — поинтересовалась Моргейна, и глаза ее вновь вспыхнули недобрым огнем. — Она заняла место твоей матери на Авалоне, Ланселет. Ты этого не знал?

— Это одно и то же, — спокойно отозвался Ланселет. — Жрицы из Дома дев очень похожи на монахинь в святых обителях. Они живут в воздержании и молитвах и служат Богу, как умеют.

Он быстро повернулся к королеве Моргаузе, которая как раз подошла к нему.

— Не могу сказать, тетя, что ты совсем не изменилась, но, по-моему, годы обошлись с тобой воистину доброжелательно.

«Как она похожа на Игрейну! Я слыхала множество шуток о Моргаузе и сама смеялась над ними, но теперь я могу поверить, что молодого Ламорака действительно связала с ней любовь, а не честолюбие!»

Моргауза была крупной, рослой женщиной; ее густые рыжие волосы, нетуго заплетенные в косы, спускались на зеленое платье — просторное одеяние из шелка, расшитого жемчугом и золотыми нитями. В волосах у нее мерцал узкий венец, украшенный сверкающим топазом. Гвенвифар протянула руки ей навстречу и обняла родственницу.

— Ты так похожа на Игрейну, королева Моргауза. Я очень любила ее, и до сих пор часто думаю о ней.

— В молодости я бы просто взбеленилась от таких слов, Гвенвифар. Я до безумия завидовала своей сестре — ее красоте и тому, что столь многие короли и лорды готовы бросить все к ее ногам. Теперь же я помню лишь то, что она была прекрасна и добра, и мне приятно слышать, что ее до сих пор помнят.

Моргауза повернулась, чтоб обнять Моргейну, и Гвенвифар заметила, что Моргейна попросту утонула в объятиях родственницы, что Моргауза прямо-таки высится над нею... *«С чего вдруг я испытывала страх перед Моргейной? Она же всего лишь малявка, королева незначительного королевства...»* Моргейна была одета в скромное платье из темной шерсти; единственными ее украшениями были витая серебряная гривна и серебряные браслеты. Ее темные волосы, все такие же пышные, были заплетены в косы и уложены венцом.

Артур подошел, чтоб обнять сестру и тетю. Гвенвифар взяла Галахада за руку.

— Садись рядом со мною, родич.

«О, именно такого сына я должна была родить Ланселету — или Артуру...»

Когда они уселись за стол, королева сказала:

— Теперь, когда тебе представилась возможность получше узнать своего отца, ты убедился, что он не святой, как выразилась Моргейна, а всего лишь очень хороший человек?

— О, но что же тогда — святой? — спросил Галахад. Глаза его сияли. — Я не могу думать о нем как об обычном человеке, леди, — ведь он, несомненно, стоит куда выше. Он — сын короля, и я совершенно уверен, что если бы трон переходил не к старшему сыну, а к лучшему, именно он правил бы сейчас Малой Британией. Счастлив тот человек, для которого его отец является и его героем, — сказал он. — Я успел немного поговорить с Гавейном — он ни во что не ставит своего отца и почти не вспоминает о нем. Но о моем отце все говорят с восхищением!

— Ну что ж, в таком случае, я надеюсь, что ты всегда будешь видеть в нем безупречного героя, — сказала Гвенвифар. Она посадила Галахада между собою и Артуром, как и подобает сажать усыновленного наследника королевства. Артур пожелал посадить рядом с собой королеву Моргаузу. Следом сидел Гавейн, а за ним — Увейн; Гавейн был дружен с молодым рыцарем и покровительствовал ему, как некогда Ланселет покровительствовал юному Гарету.

За следующим столом сидели Моргейна со своим мужем и другие гости; все они были родичами, но Гвенвифар не могла толком разглядеть их лица. Она вытянула шею и сощурилась, пытаясь рассмотреть их, — потом выбранила себя (она знала, что

становится некрасивой, если щурится) и потерла лоб. Неожиданно ей подумалось: может, давний, преследующий ее еще с детства страх перед открытыми пространствами порожден всего лишь ее плохим зрением? Может, она боялась окружающего мира лишь потому, что не могла как следует его разглядеть?

Она спросила у Артура через голову Галахада — тот ел со здоровым аппетитом юноши, все еще продолжающего расти:

— Ты попросил Кевина отобедать с нами?

— Да, но он передал, что не сможет прийти. Поскольку он не может сейчас находиться на Авалоне, возможно, он как-то сам отмечает святой праздник. Я приглашал также епископа Патриция, но он служит в храме всенощную. Он будет ждать тебя к полуночи, Галахад.

— Мне кажется, что посвящение в рыцари чем-то сродни принятию священнического обета, — звонко произнес Галахад. Как раз в этот момент разговоры среди гостей утихли, и голос юноши разнесся по всему залу. — И тот и другой клянутся служить людям и Богу, и поступать по справедливости...

— Что-то в этом роде чувствовал и я, — сказал Гарет. — Дай тебе Бог всегда так думать, парень.

— Я всегда хотел, чтобы мои соратники были преданы справедливости, — сказал Артур. — Я не требую от них благочестивости, но надеюсь, что они всегда будут благородны.

— Возможно, — сказал Ланселет, обращаясь к Артуру, — нынешним юношам предстоит жить в мире, где легче будет вести себя благородно.

Гвенвифар показалось, будто в голосе его прозвучала печаль.

— Но ведь ты и так благороден, отец! — воскликнул Галахад. — Повсюду твердят, что ты — величайший из рыцарей короля Артура.

Ланселет смущенно рассмеялся.

— Ну да — как тот герой саксов, что оторвал руку чудищу, выходившему из озера. Мои слова и деяния превратили в песни, потому что истинная история недостаточно интересна, чтоб рассказывать ее зимой у очага.

— Но ведь ты же вправду убил дракона — разве нет? — спросил Галахад.

— О, да! И это, пожалуй, была достаточно жуткая зверюга. Но твой дед бился тогда рядом со мной и сделал не меньше меня, — отозвался Ланселет. — Гвенвифар, госпожа моя, нигде нас не угощают так хорошо, как у тебя за столом...

— Даже слишком хорошо, — заметил Артур, похлопав себя по животу. — Если бы подобные празднества случались почаще, я бы растолстел, словно какой-нибудь король саксов, поглощающий пиво без меры. А завтра Пятидесятница и очередной пир,

на котором будет еще больше гостей — просто не представляю, как моя леди справляется со всем этим!

Гвенвифар невольно почувствовала себя польщенной.

— Я и вправду могу гордится сегодняшним пиром; а вот завтрашний — это уже заслуга сэра Кэя; быков для него начали жарить уже сейчас. Мой лорд Уриенс, вы совсем не едите мяса...

Уриенс покачал головой.

— Ну, разве что птичье крылышко. С тех пор, как погиб мой сын, я поклялся не есть больше мяса свиньи.

— А твоя королева присоединилась к этой клятве? — спросил Артур. — Моргейна, как всегда, ест, словно во время поста. Неудивительно, сестра, что ты такая маленькая и худая!

— Для меня это не лишение — не есть мяса свиньи.

— Но голос твой остался все таким же прекрасным, сестра? Раз уж Кевин не присоединился к нам, может быть, тогда ты нам сыграешь или споешь...

— Если б ты сказал о своем желании заблаговременно, я не стала бы так наедаться. Сейчас я просто не смогу петь. Может, спою попозже.

— Тогда спой ты, Ланселет, — сказал Артур.

Ланселет пожал плечами и велел слуге принести арфу.

— Завтра это будет петь Кевин, а мне с ним не равняться. Я перевел песню некого стихотворца саксов. Когда-то я сказал, что способен ужиться с саксами, но не с тем, что они именуют музыкой. Но в прошлом году, когда я некоторое время жил среди них, я услышал эту песню и не смог удержаться от слез — и попытался в меру своих скромных способностей переложить ее на наш язык.

Он встал из-за стола и взял маленькую арфу.

— Это о тебе, мой король, — сказал он, — и о той печали, что я познал, пребывая вдали от двора и моего лорда, — но музыка здесь саксонская. До того я думал, что саксы способны петь лишь о войне и сражениях.

И он заиграл негромкую грустную мелодию. Ланселет действительно управлялся со струнами далеко не так искусно, как Кевин, но печальная песня обладала собственной силой, и постепенно все гости утихли. Ланселет запел хрипловатым голосом необученного певца.

Чья печаль сравнится с печалью того, кто одинок?
Некогда я жил при короле, которого любил всем сердцем,
И руки мои были полны колец, что дарил он,
И сердце мое было полно золотом его любви.
Лик короля подобен солнцу для тех, кто окружает его,
Но ныне мое сердце опустело,
И я один бреду по миру.
Рощи шумят листвою,

Луга полнятся цветами,
И лишь кукушка, печальнейший из певцов,
Твердит о тоске одинокого изгнанника.
И теперь сердце мое рвется в странствия,
Чтоб найти то, что я утратил навеки.
Я не вижу более лика моего короля, и потому все люди
для меня на одно лицо.
Я не вижу более прекрасных полей и лугов моей страны,
И потому все страны одинаковы для меня.
И вот я поднимаюсь и следую за своим сердцем.
Но что для меня даже прекрасные луга родины,
Если я не вижу лица моего короля?
И золото на моих руках превратилось в оковы,
Когда сердце мое лишилось золота любви.
И потому я обречен скитаться
По дороге рыб и дороге китов,
И за страною волн,
И нет у меня друзей —
Лишь память о тех, кого любил я,
Да песни, что льются из сердца моего,
Да эхо крика кукушки.

Гвенвифар склонила голову, пряча слезы. Артур спрятал лицо в ладонях. Моргейна смотрела куда-то перед собой, и королева заметила у нее на щеках влажные дорожки, оставленные слезами. Артур встал со своего места и обошел стол; он положил руки на плечи Ланселету и дрожащим голосом произнес:

— Но теперь ты снова со своим королем и другом, Галахад.

И сердце Гвенвифар исполнилось давней горечи. *«Он поет о своем короле, а не о своей королеве и своей любви. Его любовь ко мне — всего лишь часть его любви к Артуру»*. Королева закрыла глаза, не желая смотреть на их объятия.

— Это было прекрасно, — тихо произнесла Моргейна. — Кто бы мог подумать, что какой-то грубый сакс способен создать подобную музыку... Наверно, это Ланселет...

Ланселет покачал головой.

— Музыка действительно их собственная. А слова — всего лишь бледная тень их слов...

Тут послышался чей-то голос, казавшийся эхом голоса Ланселета:

— Среди саксов есть не только воины, но и поэты, и музыканты, моя леди.

Гвенвифар повернулась к тому, кто произнес эти слова. Это оказался молодой мужчина в темном наряде, худощавый и темноволосый; впрочем, королеве он казался размытым пятном. Но хоть он и выговаривал слова мягко, на северный лад, голос его по высоте и тембру в точности напоминал голос Ланселета.

Артур кивком подозвал молодого человека к себе.

— Я вижу за своим столом человека, которого не знаю, а это неправильно — ведь у нас семейный обед. Королева Моргауза?

Моргауза поднялась со своего места.

— Я собиралась представить его тебе еще до того, как мы уселись за стол, но ты был поглощен беседой со старинными друзьями, мой король. Это сын Моргейны, воспитанный при моем дворе, Гвидион.

Молодой человек вышел вперед и поклонился.

— Король Артур, — сердечно произнес он, и у Гвенвифар закружилась голова. И голосом, и внешностью этот юноша был истинным сыном Ланселета, а вовсе не Артура. Но затем она вспомнила, что Ланселет был сыном Вивианы, приходившейся Моргейне теткой.

Артур обнял юношу и произнес дрожащим от волнения голосом — так тихо, что уже в трех ярдах от него ничего не было слышно:

— Сын моей возлюбленной сестры будет принят при дворе, как мой сын. Садись рядом со мной, юноша.

Гвенвифар взглянула на Моргейну. На скулах у Моргейны горели пятна румянца — яркие, словно бы нарисованные, и она беспокойно покусывала нижнюю губу маленькими, острыми зубками. Так значит, Моргауза и ее не предупредила, что собирается представить ее сына отцу — нет, Верховному королю, напомнила себе Гвенвифар. Нет никаких причин полагать, что мальчик знает, кто его отец. Хотя если он имеет привычку смотреться в зеркало, то должен считать, как и все вокруг, что приходится сыном Ланселету.

Впрочем, он отнюдь не мальчик. Ему сейчас должно сравняться двадцать пять — взрослый мужчина.

— Вот твой кузен, Галахад, — произнес Артур, и Галахад порывисто протянул руку новому родственнику.

— Ты приходишься более близкой родней королю, чем я, кузен — и у тебя куда больше прав сидеть на моем нынешнем месте, — произнес он с мальчишеской непосредственностью. — Просто удивительно, что ты меня не ненавидишь!

— А откуда ты знаешь, что это не так, кузен? — с улыбкой поинтересовался Гвидион.

Гвенвифар не сразу заметила улыбку и была потрясена. Да, это истинный сын Моргейны — он даже растягивает губы в точно такой же самодовольной кошачьей улыбке! Галахад растерянно моргнул, потом решил, что кузен, видимо, пошутил. Королева в этот момент могла прочитать его мысли — так отчетливо они были написаны на лице у юноши. *«Неужели это сын моего отца? Уж не приходится ли Гвидион мне незаконным братом, рожденным от королевы Моргейны?»* Но в то же самое время Галахад

казался уязвленным, словно щенок, который от чистого сердца хотел с кем-то подружиться, а его грубо оттолкнули.

— Нет, кузен, — сказал Гвидион. — То, что ты думаешь — неверно.

У Гвенвифар перехватило дыхание. Гвидион унаследовал даже эту потрясающую улыбку Ланселета, от которой у всех вокруг замирало сердце; эта улыбка озаряла его лицо, обычно грустное и задумчивое, и преображало до неузнаваемости.

— Но я же... я ничего... — оправдываясь, пробормотал Галахад.

— Нет, — дружелюбно отозвался Гвидион, — ты ничего не сказал. Но твои мысли были так очевидны — и всякий в этом зале, наверное, думает точно так же.

Он слегка повысил голос — так похожий на голос Ланселета, невзирая на северное произношение:

— У нас на Авалоне, кузен, род числится по материнской линии. Я принадлежу к древнему королевскому роду Авалона, и с меня этого довольно. Это было бы чересчур заносчиво и самонадеянно для любого мужчины — заявлять, что он приходится отцом ребенка Верховной жрицы Авалона. Но, конечно же, мне, как и большинству людей, хотелось бы знать, кто меня породил, и ты не первый, кто предположил, что я — сын Ланселета. Люди постоянно подмечали это сходство — особенно саксы, среди которых я прожил три года, обучаясь воинскому делу. Они до сих пор помнят тебя, лорд Ланселет! — добавил Гвидион. — Мне столько раз говорили, что в этом нет ничего зазорного — быть побочным сыном такого человека, — что я просто со счета сбился!

Негромкий смех Гвидиона был словно жутковатое эхо смеха человека, что стоял с ним лицом к лицу. Судя по виду Ланселета, ему было сильно не по себе.

— Но в конце концов мне приходилось говорить им, что они ошибаются. Изо всех мужчин этого королевства лишь о тебе я точно знаю, что ты не можешь быть моим отцом. И потому я сообщал саксам, что это всего лишь семейное сходство, и не более того. Я твой кузен, Галахад, а не твой брат.

Гвидион небрежно откинулся на спинку кресла.

— Неужто тебя так сильно беспокоит, что всякий, кто увидит нас, усомнится в этом? Но ведь не можем же мы только и делать, что ходить и рассказывать всем правду!

— Я бы вовсе не возражал, если бы ты и вправду оказался моим братом, Гвидион, — отозвался смущенный Галахад.

— Но тогда я был бы сыном твоего отца, и, возможно, королевским наследником, — сказал Гвидион и улыбнулся. И Гвенвифар вдруг поняла, что замешательство присутствующих доставляет Гвидиону истинное удовольствие. Уже по одному этому злорадному ехидству можно было понять, что юноша — сын Моргейны.

— Я бы тоже не возражала, Гвидион, если бы Ланселет был твоим отцом, — негромко, но отчетливо произнесла Моргейна.

— Я в этом не сомневаюсь, леди, — отозвался Гвидион. — Прошу прощения, леди Моргейна. Я привык звать матерью королеву Моргаузу...

Моргейна рассмеялась.

— Если я кажусь тебе не самой подходящей матерью, Гвидион, то и ты кажешься мне не самым подходящим сыном. Спасибо за этот семейный обед, Гвенвифар, — сказала она. — Иначе я могла бы столкнуться со своим сыном завтра, во время большого пира — безо всякой подготовки.

— Думаю, всякая женщина должна гордиться таким сыном, как юный Гвидион, — вмешался Уриенс, — равно как и всякий мужчина. Кто бы он ни был — тем хуже для него, что он не признал тебя своим ребенком.

— О, я в этом сомневаюсь, — отозвался Гвидион, и Гвенвифар заметила, как он исподтишка бросил взгляд на Артура.

«Он может утверждать, будто не знает своего отца, но он лжет».

Королеве сделалось как-то не по себе. Насколько же неприятнее все было бы, если бы Гвидион обратился к Артуру и при всех потребовал объяснить, почему король не назначил наследником его, своего сына.

Авалон, проклятое место! Хоть бы он погрузился на дно морское, как страна Ис из древних сказаний, чтоб и духу его не осталось!

— Но сегодняшний вечер принадлежит Галахаду, — сказал Гвидион, — а я привлек общее внимание к себе. Собираешься ли ты посвятить сегодняшнюю ночь бдению в церкви, кузен?

Галахад кивнул.

— Таков обычай соратников Артура.

— Я был первым, кого посвящали так, — сказал Гарет. — И это — хороший обычай. Наверно, для мирянина это единственная возможность так близко подойти к священничеству и дать обет служить с оружием в руках своему королю, своей стране и Богу. — Он рассмеялся. — Каким же глупым мальчишкой я был тогда! Артур, лорд мой, простил ли ты меня за то, что я отверг твое предложение и попросил, чтобы рыцарское посвящение мне дал Ланселет?

— Прощать? Да я тебе завидовал, дружище! — с улыбкой отозвался Артур. — Или ты думаешь, будто я не знаю, что Ланселет — куда лучший воин, чем я?

Изуродованное шрамом мрачное лицо Кэя осветилось улыбкой, и он заговорил — впервые с начала обеда.

— Я сказал тогда мальцу, что он — хороший боец и наверня-

ка станет хорошим рыцарем, но хорошим придворным ему не бывать!

— Тем лучше! — искренне откликнулся Артур. — Видит Бог, придворных у меня и без того довольно!

Он подался вперед и обратился с Галахаду:

— Может быть, ты хочешь, чтобы тебя посвятил твой отец? Он оказал эту честь многим моим соратникам...

Юноша склонил голову.

— Сэр, это надлежит решать моему королю. Но мне кажется, что рыцарство исходит от Бога, и неважно, через кого оно дарует ся. Я... только поймите меня правильно, сэр... я хочу сказать, что да, эта клятва дается вам, но еще в большей мере — Богу...

Артур медленно кивнул.

— Я понимаю, что ты хотел сказать, мальчик мой. Именно так обстоит дело и с королем — он клянется править своим народом, но клятву он дает не людям, а Богу...

— Или, — вмешалась Моргейна, — Богине и именам ее, как символу той земли, которой предстоит править этому королю.

Произнося это, она в упор смотрела на Артура, и король отвел взгляд, а Гвенвифар прикусила губу... Опять Моргейна напоминает, что Артур клялся в верности Авалону — чтоб ей пусто было! Это все осталось в прошлом, и теперь Артур — христианский король... И над ним нет иной власти, кроме Бога!

— Мы все будем молиться за тебя, Галахад, чтобы ты стал хорошим рыцарем, а в свой час — еще и хорошим королем, — сказала Гвенвифар.

— Итак, — подал голос Гвидион, — принося свои обеты, ты, в некотором смысле, заключаешь Священный Брак с этой землей, как в старину это делал король. Но, возможно, тебе не захочется проходить столь суровое испытание.

Галахад покраснел.

— Мой лорд Артур доказал свое право на трон в сражении, кузен, — но нынче нет возможности испытать меня подобным образом.

— Я могла бы найти возможность, — негромко произнесла Моргейна. — И если ты намереваешься править и Авалоном, а не одними лишь христианскими землями, когда-нибудь тебе придется на это решиться, Галахад.

Юноша сжал губы.

— Возможно, этот час настанет не скоро... Ведь ты, мой лорд, будешь жить еще много-много лет... А тем временем уйдут и старики, доныне преданные языческим обычаям.

— Я так не думаю, — возразил Акколон, заговорив впервые с начала пира. — Священные рощи стоят, и древние обряды вершатся в них, как вершились испокон века. Мы и впредь будем почитать Богиню, ибо не хотим, чтобы она отвернулась от своего

народа, лишила нас урожаев и погасила самое солнце, дарующее нам жизнь.

Галахад потрясенно уставился на него.

— Но ведь это христианская страна! Неужто ни один священник не приходил к вам, дабы показать, что нечестивые древние боги, среди коих таится и дьявол, не имеют больше силы?! Епископ Патриций говорил мне, что все священные рощи давно вырублены!

— Не вырублены, — отозвался Акколон, — и не будут, пока жив мой отец или я после него.

Моргейна открыла было рот, но Гвенвифар заметила, как Акколон коснулся ее руки. Моргейна улыбнулась ему и промолчала. Вместо этого заговорил Гвидион.

— И не на Авалоне — пока жива Богиня. Короли приходят и уходят, но Богиня пребудет вовеки.

«Какая жалость, — подумала Гвенвифар, — *что этот красивый юноша оказался язычником! Ну что ж, зато Галахад — благородный и благочестивый христианский рыцарь, и из него получится настоящий христианский король!»* Но хоть она и попыталась утешиться этой мыслью, ее все же пробрала легкая дрожь.

Артур — словно его достиг отзвук мыслей Гвенвифар — обеспокоенно повернулся к Гвидиону.

— Не за тем ли ты прибыл ко двору, чтобы стать одним из моих соратников, Гвидион? Думаю, мне нет нужды говорить, что я буду рад видеть среди своих рыцарей сына моей сестры.

— Что ж, признаюсь, что именно для этого я его сюда и привезла, — сказала Моргауза. — Но я не знала, что нынешний праздник посвящен Галахаду. Мне не хотелось бы лишать его великолепия момента. А это дело можно решить и попозже.

— Я охотно разделю бдение и обеты со своим кузеном, — искренне заверил ее Галахад.

Гвидион рассмеялся.

— Ты слишком великодушен, кузен, — сказал он, — и мало искушен в искусстве властвовать. Когда провозглашается наследник Верховного короля, никто не должен делить с ним торжественность момента. Если Артур одновременно посвятит в рыцари нас обоих — а при этом я намного старше тебя и куда больше похож на Ланселета... — ну, о моем происхождении и без того ходит предостаточно слухов. Не следует бросать тень на твое посвящение. Да и на мое тоже, — добавил он со смехом.

Моргейна пожала плечами.

— О родичах короля всегда будут сплетничать, хочешь ты того или нет, Гвидион. Нужен же им какой-нибудь лакомый кусочек.

— А кроме того, — непринужденно заявил Гвидион, — я вовсе не собираюсь нести свое оружие в христианскую церковь

и там сидеть над ним всю ночь. Я с Авалона. Если Артур пожелает принять меня в число своих соратников таким, каков я есть, — хорошо, если нет — тоже неплохо.

Уриенс поднял узловатую старческую руку, обнажив потускневших синих змей.

— Я сижу за Круглым Столом, хоть и не приносил никаких христианских обетов, пасынок.

— Равно как и я, — поддержал его Гавейн. — Мы заслужили свое рыцарское звание мечом, — все, кто сражался тогда, не нуждались в подобных церемониях. Некоторые из нас вряд ли его получили бы, будь это обставлено всякими придворными клятвами, как сейчас.

— И даже мне, — сказал Ланселет, — не очень-то хотелось бы давать подобный обет, зная, насколько я грешен. Но я верен Артуру в жизни и в смерти, и ему это ведомо.

— Боже упаси, чтобы я когда-нибудь в этом усомнился! — отозвался Артур и с искренней любовью улыбнулся старому другу. — Вы с Гавейном — истинная опора моего королевства. Если я когда-либо лишусь хоть одного из вас, должно быть, трон мой расколется и рухнет с вершины Камелотского холма!

Тут он вскинул голову и взглянул в дальний конец зала. Находившаяся там дверь отворилась, и вошел священник в белом одеянии. Его сопровождали двое юношей в белом. Галахад нетерпеливо вскочил со своего места.

— Прошу прощения, мой лорд...

Артур тоже поднялся и обнял своего наследника.

— Будь благословен, Галахад. Отправляйся на бдение.

Юноша поклонился и повернулся, чтоб обняться с отцом. Гвенвифар не слышала, что сказал ему Ланселет. Она протянула руку, и Галахад поцеловал ее.

— Благослови меня, госпожа.

— От всей души, Галахад, — отозвалась Гвенвифар, а Артур добавил:

— Мы еще увидимся в церкви. Ты должен будешь провести эту ночь в одиночестве, но мы немного побудем с тобой.

— Это большая честь для меня, мой король. А у тебя не было бдения перед коронацией?

— А как же, было, — улыбнувшись, ответила за короля Моргейна. — Только совсем не такое.

Когда все гости двинулись в церковь, Гвидион немного задержался и оказался рядом с Моргейной. Моргейна подняла взгляд на сына; он был не таким рослым, как Артур, уродившийся в Пендрагонов, но рядом с ней казался высоким.

— Я не думала увидеть тебя здесь, Гвидион.

— Я не думал здесь оказаться, госпожа.

— Я слыхала, что ты участвовал в этой войне, сражался среди саксов, союзников Артура. Я и не знала, что ты воин.

Гвидион пожал плечами.

— У тебя было не так уж много возможностей узнать что-либо обо мне, леди.

И внезапно, неожиданно даже для себя самой, Моргейна спросила:

— Ты ненавидишь меня за то, что я тебя бросила, сын?

Гвидион заколебался.

— Возможно, какое-то время ненавидел, пока был молод, — наконец ответил он. — Но я — дитя Богини, и то, что я не мог видеться со своими земными родителями, помогло мне это осознать. Я больше не держу на тебя сердца, Владычица Озера, — сказал он.

На миг мир вокруг Моргейны превратился в размытое пятно; казалось, будто рядом с ней и вправду стоит молодой Ланселет... Сын учтиво поддержал ее под руку.

— Осторожно, дорожка тут не совсем ровная...

— Как там дела на Авалоне? — спросила Моргейна.

— У Нинианы все хорошо, — ответил Гвидион. — С прочими же сейчас меня мало что связывает.

— А не видел ли ты там сестру Галахада, девушку по имени Нимуэ?

Моргейна задумалась, пытаясь припомнить, сколько же лет сейчас должно быть Нимуэ. Галахаду исполнилось шестнадцать. Значит, Нимуэ по крайней мере четырнадцать — уже почти взрослая.

— Я ее не знаю, — отозвался Гвидион. — Старая жрица-предсказательница — как там ее имя, Врана? — забрала ее к себе, в место безмолвия и уединения. Мало кто из мужчин видел ее.

«Интересно, почему Врана так поступила?»

Внезапно Моргейну пробрала дрожь. Но она лишь поинтересовалась:

— Ну, а как там сама Врана? С ней все в порядке?

— Я не слыхал, чтобы с ней было неладно, — сказал Гвидион. — Но когда я в последний раз видел ее во время обряда, она казалась старше самого старого дуба. Впрочем, голос у нее по-прежнему молод и прекрасен. Но я никогда с ней не беседовал.

— Никто из ныне живущих мужчин не беседовал с нею, Гвидион, — сказала Моргейна, — и мало кто из женщин. Я провела в Доме дев двенадцать лет и слышала ее голос не более полудюжины раз.

Ей не хотелось более ни говорить, ни думать об Авалоне, и она произнесла, стараясь, чтоб ее голос звучал как можно более непринужденно:

— Так значит, ты приобрел воинский опыт среди саксов?

— Да, и в Бретани — я некоторое время жил при дворе Лионеля. Лионель принял меня за сына Ланселета и велел называть себя дядей; я не стал с ним спорить. В конце концов, если о Ланселете будут думать, что он способен произвести на свет бастарда, ему от этого хуже не станет. Кстати, саксы Кеардига дали мне имя, как и благородному Ланселету. Его они прозвали Эльфийской Стрелой — у них вообще в обычае давать прозвище всякому незаурядному человеку. Мне они дали имя Мордред: на их языке это означает «смертоносный советчик» или «злой советчик», и, думаю, это отнюдь не было похвалой!

— Не так уж много коварства требуется, чтоб быть лукавее сакса, — сказала Моргейна. — Но поведай мне, что же заставило тебя прийти сюда до избранного мною срока?

Гвидион пожал плечами.

— Мне показалось, что было бы неплохо взглянуть на своего соперника.

Моргейна испуганно огляделась по сторонам.

— Не говори этого вслух!

— У меня нет причин бояться Галахада, — спокойно отозвался Гвидион. — Не похоже, что он проживет достаточно долго, чтобы взойти на трон.

— Это Зрение?

— Я и без Зрения вполне способен понять, что для того, чтобы сидеть на троне Пендрагонов, нужно быть посильнее Галахада, — сказал Гвидион. — Но если тебе так будет спокойнее, леди, то я готов поклясться Священным источником, что Галахад не умрет от моей руки. Равно как и от твоей, — добавил он мгновение спустя, заметив, как содрогнулась Моргейна. — Если Богиня не захочет видеть его на троне нового Авалона, то мы вполне можем предоставить ей самой разобраться с этим делом — я так полагаю.

Он на миг коснулся руки Моргейны, и, хотя прикосновение было нежным, ее снова пробрала дрожь.

— Пойдем, — сказал Гвидион, и Моргейне почудилось, будто голос его бесстрастен, словно голос священника, дающего отпущение грехов. — Посмотрим, как там мой кузен несет бдение. Нехорошо было бы испортить ему столь торжественный момент. У него в жизни их будет не так уж много.

Глава 5

Сколько бы Моргауза ни бывала в Камелоте, ей никогда не надоедало любоваться пышными торжественными церемониями. И ей, как одной из подвластных Артуру королев и матери трех самых давних его соратников, должны были сегодня предо-

ставить почетное место среди зрителей турнира; а пока что она сидела в церкви, рядом с Моргейной. По окончании службы Галахада должны будут посвятить в рыцари; теперь же он стоял на коленях рядом с Артуром и Гвенвифар, бледный, серьезный и сияющий от радостного возбуждения.

Сам епископ Патриций приехал из Гластонбери, чтобы отслужить в Камелоте праздничную обедню; сейчас он стоял перед собравшимися в своей белой ризе и говорил нараспев:

— Тебе мы приносим этот хлеб, тело Сына единородного...

Моргауза прикрыла рот ладонью, пряча зевок. Хоть ей и часто приходилось присутствовать на христианских церемониях, королева никогда не задумывалась об их сути; они были еще скучнее, чем авалонские ритуалы — Моргауза знала их, поскольку все детство провела на острове. Она еще лет с четырнадцати считала, что все боги и все религии — лишь порождение людской фантазии. Все они никак не были связаны с реальной жизнью. И тем не менее в праздник Пятидесятницы Моргауза послушно ходила к обедне, чтоб порадовать Гвенвифар — ведь та была здесь хозяйкой дома, да к тому же и Верховной королевой, и близкой родственницей Моргаузы; и вот теперь Моргауза вместе с прочими членами королевского семейства двинулась к епископу, чтоб принять святое причастие. Единственной, кто так этого и не сделал, была Моргейна. Моргауза лениво подумала, что Моргейна сделалась сущей дурочкой. Мало того, что она оттолкнула от себя простой люд — теперь самые набожные из придворных между собой именуют Моргейну ведьмой и чародейкой, а то еще и похуже. Ну какая ей разница? В конце концов, все религии лгут, только каждая лжет на свой лад. Вот Уриенс, тот лучше умел чувствовать свою выгоду; Моргауза ни капли не сомневалась, что Уриенс ничуть не благочестивее любимого кота Гвенвифар. Она видела, что Уриенс носит на руках змей Авалона, — но это не помешало старому королю, равно как его сыну, Акколону, подойти к причастию.

Но когда богослужение почти закончилось и стали читать молитву за усопших, Моргауза почувствовала, что вот-вот расплачется. Ей не хватало Лота: он был так бесстыдно весел и верен ей — на свой лад; и в конце концов, он ведь дал ей четырех прекрасных сыновей. Гавейн и Гарет стояли сейчас на коленях рядом с ней, наряду с прочими домашними Артура — Гавейн, как обычно, поближе к Артуру, а Гарет — бок о бок со своим молодым другом, Увейном, пасынком Моргейны. Увейн звал Моргейну матерью, да и сама Моргейна говорила с ним с воистину материнской теплотой; Моргаузе бы и в голову не пришло, что ее племянница способна на такое.

Домашние Артура поднялись на ноги — послышался шелест платьев и негромкое позвякивание мечей в ножнах — и двину-

лись к выходу из церкви. Гвенвифар казалась немного усталой, но все же была очень хороша собою, с этими ее золотистыми косами и красивым платьем, перехваченным сверкающим золотым поясом. Артур тоже выглядел великолепно. На поясе его висел Эскалибур — все в тех же ножнах, обтянутых красным бархатом, в которых король носил свой меч вот уж больше двадцати лет. И почему только Гвенвифар не вышьет для него новые ножны, покрасивее? Галахад преклонил колени перед королем; Артур взял из рук Гавейна красивый меч и произнес:

— Вручаю его тебе, мой возлюбленный родич и приемный сын.

Он подал знак Гавейну, и тот препоясал стройного юношу мечом. Галахад поднял взгляд — на лице его сияла совершенно мальчишеская улыбка, — и звонко произнес:

— Благодарю тебя, мой король. Этот меч всегда будет служить лишь тебе одному.

Артур возложил руки на голову Галахада.

— Я с радостью принимаю тебя в число своих соратников, Галахад, — сказал он, — и жалую тебе рыцарство. Всегда будь верен и справедлив, всегда служи трону и правому делу.

Он поднял юношу, обнял и поцеловал. Гвенвифар тоже поцеловала Галахада; затем королевское семейство двинулось в сторону огромного турнирного поля. Прочие последовали за ними.

Моргауза оказалась между Моргейной и Гвидионом; за ними шли Уриенс, Акколон и Увейн. Поле было украшено вымпелами и лентами на зеленых древках, и маршалы турнира размечали места для схваток. Моргауза увидела, как рядом с Галахадом появился Ланселет; он обнял сына и вручил ему простой белый щит.

— А Ланселет будет сегодня сражаться? — поинтересовалась Моргауза.

— Думаю, нет, — отозвался Акколон. — Я слыхал, будто его поставили распорядителем турнира; он и так слишком часто их выигрывал. Между нами говоря, Ланселет ведь уже немолод, и если какой-нибудь молодой, крепкий рыцарь вышибет его из седла, это вряд ли пойдет на пользу репутации поборника королевы. Я слыхал, что Гарет не раз брал над ним верх, а однажды это удалось и Ламораку...

— Думаю, Ламораку лучше было бы не похваляться этой победой, — с улыбкой сказала Моргауза, — но мало кто устоит перед искушением похвастаться, что победил самого Ланселета, — пускай даже всего лишь во время турнира!

— Нет, — негромко произнесла Моргейна. — Мне кажется, большинство молодых рыцарей горевали бы, узнав, что Ланселет более не король битвы. Он — их герой.

Гвидион рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что этим молодым оленям не следует бросать вызов рыцарю, что был для них Королем-Оленем?

— Я думаю, что никто из старших рыцарей просто не станет этого делать, — заметил Акколон. — Что же касается молодых рыцарей, мало у кого из них довольно силы и опыта для такого дела. А если кто и осмелится, думаю, Ланселет и сейчас сможет показать дерзкому пару ловких приемов.

— Я бы не стал, — тихо сказал Увейн. — Думаю, при этом дворе нет ни одного рыцаря, который не любил бы Ланселета. Гарет теперь в любой момент сумеет победить Ланселета, но он не станет так позорить его в день Пятидесятницы, а с Гавейном они всегда были примерно равны. Я помню, как-то на Пятидесятницу они сражались больше часа, пока Гавейну не удалось наконец-то выбить у него меч. Уж не знаю, смогу ли я победить Ланселета в единоборстве, но пусть он остается непревзойденным, покуда жив. Лично я ему вызов бросать не собираюсь.

— А ты попробуй! — рассмеялся Акколон. — Я вот попробовал, и Ланселет за каких-нибудь пять минут выколотил из меня всю мою самонадеянность! Может, Ланселет и постарел, но ни силы, ни ловкости он не утратил.

Акколон провел Моргейну и своего отца на приготовленные для них места.

— С вашего позволения, я пойду запишусь для участия в турнире, пока не стало поздно.

— И я тоже, — сказал Увейн, поцеловал руку отцу и повернулся к Моргейне. — Матушка, у меня нет своей дамы. Не дашь ли ты мне какой-нибудь знак?

Моргейна снисходительно улыбнулась пасынку и отдала ему свою ленту. Увейн повязал ленту на руку и заявил:

— Моим противником в первой схватке будет Гавейн.

— Леди, — с очаровательной улыбкой произнес Гвидион, — может, тебе тогда лучше сразу отобрать знак своей милости? Много ли тебе будет чести, если твой рыцарь сразу потерпит поражение?

Моргейна рассмеялась, взглянув на Акколона, и Моргауза, заметив, как засияло лицо племянницы, подумала: *«Увейн — ее сын, и он ей куда дороже Гвидиона; но Акколон ей еще дороже. Интересно, старый король знает? Или его это не волнует?»*

Тут в их сторону направился Ламорак, и у Моргаузы потеплело на душе. Она чувствовала себя польщенной: на турнире присутствовало множество прекрасных дам, и Ламорак мог бы попросить знак милости у любой из них, но он склонился перед нею — на глазах у всего Камелота.

— Госпожа моя, не дашь ли ты мне свой знак, чтобы я мог пойти с ним в схватку?

— С радостью, мой милый.

Она отколола от груди розу и вручила Ламораку. Ламорак поцеловал цветок; Моргауза протянула ему руку. Ей приятно было сознавать, что ее молодой рыцарь — один из самых красивых среди присутствующих здесь мужчин.

— Ты совсем приворожила Ламорака, — заметила Моргейна. Хотя Моргауза и вручила молодому рыцарю знак своей благосклонности на глазах у всего двора, бесстрастное замечание Моргейны заставило ее покраснеть.

— Ты думаешь, я нуждаюсь в чарах или заклинаниях, родственница?

Моргейна рассмеялась.

— Мне следовало бы выразиться иначе. Но молодых мужчин, по большей части, не интересует ничего, кроме прекрасного личика.

— Знаешь, Моргейна, Акколон ведь моложе тебя, но так тобою увлечен, что даже не взглянет на женщин помоложе — и покрасивее. Только не подумай, моя дорогая, — я вовсе не собираюсь тебя упрекать. Тебя выдали замуж против твоей воли, а твой муж годится тебе в деды.

Моргейна пожала плечами.

— Иногда мне кажется, будто Уриенс все знает. Быть может, он рад, что я завела такого любовника, который не станет подбивать меня бросить старика мужа.

Слегка поколебавшись — после рождения Гвидиона она ни разу не разговаривала с Моргейной на столь личные темы, — Моргауза все-таки спросила:

— Так что, вы с Уриенсом не ладите?

Моргейна вновь пожала плечами — все так же безразлично.

— Пожалуй, Уриенс слишком мало меня волнует, чтоб думать, ладим мы или не ладим.

— Как тебе твой Гвидион? — поинтересовалась Моргауза.

— Он меня пугает, — призналась Моргейна. — И все же он настолько обаятелен, что перед ним трудно устоять.

— Ну, а ты чего ожидала? Он красив, как Ланселет, и умен, как ты, — а в придачу еще и честолюбив.

— Как странно: ты знаешь моего сына куда лучше, чем я... — сказала Моргейна, и в словах ее было столько горечи, что Моргауза — первым ее порывом было отбрить племянницу, поинтересовавшись, чего же странного та в этом находит, раз бросила сына еще в младенчестве, — погладила ее по руке и утешающе заметила:

— Ну, моя дорогая, когда сын растет вдали от матери, та знает его хуже всех. Думаю, Артур со своими соратниками — даже тот же Увейн — знают Гавейна куда лучше, чем я, а ведь Гавейна еще не так сложно понять — он человек простой. А Гвидиона ты

бы не понимала, даже если бы сама его вырастила: я вот честно признаюсь, что совершенно его не понимаю!

Моргейна не ответила — лишь неловко улыбнулась. Она повернулась и уставилась на турнирное поле; шуты Артура устроили там потешный турнир. Вместо оружия у них были мочевые пузыри свиньи, а вместо щитов — разрисованные тряпки, и они выкидывали такие коленца, что зрители от смеха уже падали со своих мест. В конце концов шуты остановились и раскланялись; Гвенвифар, преувеличенно серьезно изобразив тот самый жест, которым она обычно вручала награду истинному победителю, бросила им полную пригоршню сладостей. Шуты устроили из-за них потасовку, вызвав новый взрыв смеха и рукоплесканий, и ускакали в сторону кухни — там их ждал хороший обед.

Глашатай возвестил, что первая схватка состоится между поборником королевы, сэром Ланселетом Озерным, и поборником короля, сэром Гавейном Лотианским. Рыцари вышли на поле, и зрители разразились восторженными воплями. Ланселет был строен и так красив, несмотря на морщины и седину в волосах, что у Моргейны перехватило дыхание.

«Да, — подумала Моргауза, наблюдая за племянницей, — *она по-прежнему любит его, хоть столько лет уже прошло... Быть может, она сама этого не осознает — но так оно и есть».*

Схватка Гавейна и Ланселета походила на тщательно отрепетированный танец: противники кружили друг вокруг друга, обмениваясь ударами. На взгляд Моргаузы, ни одному из них так и не удалось ни в чем взять верх над другим, и когда рыцари наконец опустили мечи, поклонились королю и обнялись, зрители с равным рвением приветствовали обоих обдобрительными возгласами и рукоплесканием.

Затем последовали конские игрища: всадники показывали искусство управления конем и состязались, кто быстрее подчинит необъезженную лошадь. Моргаузе смутно припомнилось, что когда-то и Ланселет в этом участовал — кажется, на празднествах, устроенных в честь свадьбы Артура. Как же давно это было! Потом пришел черед конных схваток; рыцари бились тупыми копьями, не нанося ран друг другу, а лишь вышибая противников из седла. Какой-то молодой рыцарь неудачно упал и сломал ногу; когда его уносили с поля, он кричал, а нога торчала под неестественным углом. Он оказался единственным, кто пострадал серьезно, а вот синяков и разбитых пальцев было без счета; многие теряли сознание, грохнувшись оземь, а одного рыцаря едва не лягнула скверно выезженная лошадь. В конце концов Гвенвифар вручила победителям награды. Артур подозвал Моргейну и попросил, чтобы та тоже раздала несколько призов.

Один из призов завоевал Акколон — за выездку, — и когда он преклонил колени, чтоб принять награду из рук Моргейны,

Моргауза с изумлением услышала откуда-то из толпы негромкое, но отчетливое шипение:

— Шлюха! Распутница!

Моргейна покраснела, но, не дрогнув, вручила Акколону кубок. Артур тихо приказал одному из распорядителей:

— Найди мне того, кто это сказал!

Распорядитель бросился выполнять приказ, но Моргауза была уверена, что никого он не найдет — в такой-то толпе!

Началась вторая часть турнира. Моргейна, бледная и взбешенная, вернулась на свое место; руки ее дрожали, как отметила про себя Моргауза, а дыхание участилось.

— Милая моя, не надо так переживать, — сказала Моргауза. — Когда год выдается неурожайным или какой-нибудь преступник ускользает от правосудия, меня еще и не так честят.

— Неужто ты думаешь, что меня волнует мнение этого сброда? — презрительно бросила Моргейна. Но Моргауза знала, что ее безразличие — напускное. — Дома, в своей стране, я пользуюсь достаточной любовью.

Вторая половина турнира началась с того, что какие-то саксы-простолюдины показывали искусство борьбы. Они были огромны, и тела их — саксы дрались почти обнаженными — с ног до головы поросли жестким волосом; борцы ворчали, напрягались, с хриплыми возгласами швыряли друг друга, потом снова сцеплялись, да так, что казалось, будто вот-вот послышится хруст костей. Моргауза даже подалась вперед, без малейшего стеснения любуясь их животной силой; а вот Моргейна отвернулась с отвращением и брезгливостью.

— Моргейна, ты становишься стыдливой — прямо как наша королева! Ну, не делай такое лицо! — Моргауза заслонилась ладонью от солнца и взглянула на поле. — Кажется, сейчас уже начнется общая схватка... О, смотри! Это же Гвидион! Что это он затеял?

И действительно, на турнирном поле вдруг появился Гвидион. К нему тут же заспешил глашатай, но Гвидион отмахнулся от него. Его сильный, звонкий голос разнесся над полем:

— Король Артур!

Моргейна откинулась на спинку кресла, побледнела как мел и вцепилась в перила. Ну что он там еще задумал?! Он что, собирается устроить скандал при таком скоплении народа и потребовать, чтобы Артур признал его?

Артур поднялся со своего места. Моргаузе показалось, что королю тоже не по себе, но говорил он спокойно и отчетливо.

— Я слушаю тебя, племянник.

— Я слыхал, будто на турнирах есть такой обычай: если король не возражает, то всякий рыцарь может бросить вызов друго-

му рыцарю. И я прошу, чтобы сэр Ланселет встретился со мной в поединке!

Моргаузе вспомнились брошенные как-то в сердцах слова Ланселета — что подобные поединки сделались для него сущим проклятием: каждый молодый рыцарь жаждал сразиться с поборником королевы.

— Да, такой обычай существует, — помрачнев, отозвался Артур. — Но я не могу говорить за Ланселета. Если он согласится на поединок, я не стану ему препятствовать. Но тебе придется обратиться к нему самому и смириться с его решением.

— Вот негодник! — воскликнула Моргауза. — Я понятия не имела, что у него на уме...

Но Моргейна почувствовала, что та отнюдь не сердится на Гвидиона, и даже напротив — его выходка явно доставила Моргаузе удовольствие.

Поднялся ветер, и несомая им пыль припорошила сверкавшую под летним солнцем сухую белую глину турнирного поля. Гвидион прошел сквозь эту пыльную завесу и остановился у края турнирного поля — там, где на скамье сидел Ланселет. Моргаузе не слышно было, о чем они говорят, но затем Гвидион повернулся и гневно воскликнул:

— Господа мои! Я слыхал, что долг поборника — вступать в схватку со всяким, кто того пожелает! Сэр, я требую, чтобы Ланселет сейчас же принял мой вызов — или уступил мне свое высокое звание! Мой лорд Артур, за что ему дарована эта привилегия — за непревзойденное воинское искусство или за иные достоинства?

— Жаль, Моргейна, что твой сын слишком взрослый! — сказала Моргауза. — Его бы следовало вздуть как следует!

— Почему ты винишь его — а не Гвенвифар, поставившую своего мужа в столь дурацкое положение? — спросила Моргейна. — Хоть народ не обзывает ее ни ведьмой, ни шлюхой, всем известно, как она благоволит Ланселету.

Ланселет поднялся со своего места и двинулся к Гвидиону; не снимая перчатки, он с силой ударил парня по губам.

— Вот теперь ты действительно дал повод покарать тебя за невежливые речи, юный Гвидион! Сейчас посмотрим, кто из нас боится боя!

— За этим я сюда и пришел! — отозвался Гвидион. Ни удар, ни гневные слова Ланселета не заставили его отступить ни на шаг, хоть по лицу его и потекла струйка крови. — Я даже благодарен тебе за то, что ты ударил первым, сэр Ланселет. Это вполне справедливо: человеку твоих лет следует давать преимущество.

Ланселет быстро переговорил с одним из маршалов, и тот занял его место распорядителя. Затем Ланселет и Гвидион извлекли мечи из ножен и поклонились королю, как того требова-

ла традиция. По рядам пробежал отчетливый ропот. *«Если среди зрителей есть хоть один человек, не уверовавший еще, что перед ним отец и сын, то он, наверно, очень плохо видит»*, — подумала Моргауза.

Противники вскинули мечи. Теперь их лица были скрыты шлемами. Рост у них был одинаков, и теперь их можно было отличить лишь по доспехам: доспех Ланселета носил на себе следы множества сражений, а на более новом облачении Гвидиона не было пока что ни царапины. Бойцы принялись медленно кружить друг вокруг друга, а затем сшиблись, и какое-то время Моргауза не могла уследить за отдельными ударами — так стремительны они были. Она поняла, что Ланселет изучает своего противника. Мгновение спустя он усилил натиск и нанес сокрушительный удар. Гвидион успел подставить щит, но сила удара была столь велика, что молодого рыцаря просто развернуло. Он потерял равновесие и во весь рост растянулся на земле. Когда Гвидион, пошатываясь, попытался встать, Ланселет убрал меч в ножны и помог ему подняться. Моргаузе не слышно было, что он сказал, но, судя по жестам, явно что-то достаточно беззлобное, вроде: «Ну что, с тебя довольно, юнец?»

Гвидион указал на струйку крови, текущей из неглубокого пореза на запястье Ланселета — он все-таки умудрился зацепить противника, — и произнес так, чтобы все слышали:

— Ты пролил первую кровь, сэр, а я — вторую. Ну что, продолжаем?

Зрители разразились неодобрительными возгласами и свистом. Согласно правилам турниров, когда противники сражались острым оружием, первая кровь означала конец схватки.

Король Артур поднялся со своего места.

— У нас праздник, и вы вышли на рыцарский турнир, а не на смертельный поединок! Я не желаю видеть здесь драк, равно как не желаю, чтоб рыцари бились на кулаках или на дубинках. Продолжайте, если хотите, — но предупреждаю: если хоть один из вас будет серьезно ранен, вы оба навлечете на себя глубочайшее мое неудовольствие!

Противники поклонились королю, разошлись и снова закружили, выбирая удобный момент; затем они снова ринулись друг на друга, и Моргауза едва не задохнулась от волнения, увидев, каким яростным сделался бой. Казалось, что вот-вот какой-нибудь удар пробьет щит и причинит роковую рану! Вот кто-то упал на колени; кровь брызнула на щит, мечи сцепились в смертельном захвате, и один из противников начал клониться к земле...

Гвенвифар вскочила, выкрикнув:

— Довольно!

Артур швырнул на поле свой жезл. Согласно обычаю, после

этого следовало немедленно прекратить бой, но противники не видели ничего вокруг себя, и маршалам пришлось растащить их. Гвидион стоял прямо и непринужденно. Когда он снял шлем, на лице его играла улыбка. Оруженосец Ланселета помог своему господину подняться на ноги. Ланселет тяжело дышал, и по лицу его тек пот, смешанный с кровью. Все зрители — и даже рыцари, находившиеся на поле, — разразились гневными воплями. Опозорив Ланселета, которого тут все боготворили, Гвидион отнюдь не завоевал народной любви.

Но все же он склонился в поклоне перед своим противником.

— Это большая честь для меня, сэр Ланселет. Я — чужой при этом дворе, и даже не вхожу в число соратников Артура, и я благодарен тебе за то, что ты преподал мне урок воинского искусства. — Улыбка Гвидиона была точнейшим отражением улыбки самого Ланселета. — Благодарю тебя, сэр.

Неведомо, как это ему удалось, но Ланселет тоже сумел улыбнуться. От этого они сделались похожи, как лицо и его отражение в кривом зеркале.

— Ты храбро проложил себе путь, Гвидион.

— Раз так, сэр, — произнес Гвидион, опускаясь на колени прямо в пыль, — я прошу тебя посвятить меня в рыцари!

Моргауза лишилась дара речи. Сидящая рядом с ней Моргейна словно окаменела. А вот зрители-саксы взорвались весельем.

— Вот уж воистину, хитрец советчик! Ловко, ловко! Теперь они не смогут отказать тебе, парень, — ты отлично дрался с их поборником!

Ланселет взглянул на Артура. Король сидел, оцепенев; мгновение спустя он все-таки кивнул. Ланселет жестом подозвал своего оруженосца. Тот принес меч. Ланселет опоясал этим мечом Гвидиона.

— Пусть этот меч всегда служит твоему королю и правому делу, — произнес он. Теперь Ланселет был предельно серьезен. Всякий след насмешливости и вызова исчез с лица Гвидиона, сменившись сдержанной торжественностью. Моргауза заметила, что у юноши дрожат губы.

И внезапно Моргауза преисполнилась сочувствия. Гвидион — незаконный сын, не признанный своим отцом — был здесь даже более чужим, чем некогда Ланселет. Кто же обвинит парня за то, что он пошел на хитрость, лишь бы заставить родственников обратить на себя внимание? *«Нам давно следовало привезти его ко двору Артура,* — подумала Моргауза, — *чтобы Артур признал его — хотя бы в узком кругу, раз уж не может сделать этого открыто. Не подобает королевскому сыну так добиваться признания».* Ланселет возложил руки на голову Гвидиона.

— Я принимаю тебя в братство Круглого Стола — с позволения нашего короля. Будь же ему верным слугой. Поскольку ты добился этой чести не столько силой, сколько хитроумием — хотя и силы ты выказал предостаточно! — я нарекаю тебя Мордредом. Так отныне ты будешь зваться в нашем содружестве. Встань же, сэр Мордред, и займи свое место среди соратников Артура.

Гвидион (нет, Мордред, напомнила себе Моргауза — наречение имени при вступлении в братство Круглого Стола было не менее серьезным ритуалом, чем крещение) встал и от души обнял Ланселета. Казалось, что юноша глубоко тронут и вряд ли слышит радостные крики и рукоплескания. Когда Гвидион заговорил, голос его дрогнул.

— Кто бы ни выиграл сегодняшний турнир, мой лорд Ланселет, — главный приз уже получил я.

— Нет, — тихо сказала Моргейна Моргаузе, — я его не понимаю. Чего-чего, а вот этого я от него не ожидала.

Затем последовал длительный перерыв. Соратникам надлежало построиться для финальной общей схватки, но пока что некоторые отошли попить воды или наскоро проглотить кусок хлеба; другие сбились в небольшие группки и принялись обсуждать, чью сторону им принять в этой схватке; третьи же отправились проверить, как там их кони. Моргауза спустилась на поле. На нем сейчас осталось лишь несколько молодых рыцарей, и среди них высился Гарет — его нетрудно было заметить, поскольку все прочие уступали ему в росте не менее чем на полголовы. Моргаузе показалось было, что Гарет разговаривает с Ланселетом, но, подойдя поближе, она обнаружила, что зрение ее подвело: собеседником Гарета был Гвидион. Судя по голосу, Гарет был взбешен, но Моргауза услышала лишь последние его слова:

— ...что он тебе сделал? Ты выставил его в дурацком виде при таком скоплении народа...

Гвидион рассмеялся.

— Если наш кузен нуждается в защите при таком скоплении его друзей, то да поможет ему Бог, если он потерпит поражение среди саксов или норманнов. Послушай, приемный брат, я совершенно уверен, что Ланселет вполне способен сам защитить свое доброе имя! Мы с тобой столько лет не виделись, брат, а ты только и знаешь, что бранить меня, потому что я обидел человека, которого ты так любишь. Неужто тебе больше нечего мне сказать?

Гарет расхохотался и сгреб Гвидиона в охапку.

— Экий же ты отчаянный! — сказал он. — И как тебе только

в голову взбрело такое? Артур же и так посвятил бы тебя в рыцари — тебе стоило только попросить!

Моргауза вспомнила, что Гарет не знает всей правды о происхождении Гвидиона. Несомненно, Гарет просто хотел сказать, что Артур не отказал бы сыну своей сестры.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь, — отозвался Гвидион. — Король всегда был добр к своим родичам. Он и тебя бы посвятил — ради Гавейна, — но ты ведь выбрал другой путь, приемный брат. — Он коротко рассмеялся. — И думается мне, раз я столько лет страдал из-за этого сходства с Ланселетом, он мне кое-что задолжал!

Гарет сочувственно пожал плечами.

— Ну, похоже, он не держит на тебя зла, так что, пожалуй, мне тоже придется тебя простить. Зато теперь ты сам убедился, как он великодушен.

— Воистину, — тихо отозвался Гвидион, — он таков...

Тут он поднял голову и заметил Моргаузу.

— Матушка! Что ты тут делаешь? Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Я просто подошла поздороваться с Гаретом — мы с ним сегодня еще не разговаривали, — пояснила Моргауза. Здоровяк Гарет поцеловал матери руку. — Ну, что ты решил насчет общей схватки?

— То же, что и всегда, — отозвался Гарет. — Я буду сражаться на стороне Гавейна, среди людей короля. У тебя есть боевой конь, Гвидион? Хочешь сражаться на стороне короля? У нас найдется для тебя место.

— Раз Ланселет посвятил меня в рыцари, — с мрачноватой загадочной улыбкой произнес Гвидион, — думаю, мне следовало бы сражаться в отряде сэра Ланселета Озерного и бок о бок с Аколоном, за Авалон. Но я сегодня больше не выйду на поле, Гарет.

— Почему? — удивился Гарет. Он положил руку на плечо Гвидиону и улыбнулся, глядя на младшего брата снизу вверх — в точности как когда-то в детстве. — Те, кого только что посвятили, всегда участвуют в общей схватке. Вот и Галахад будет участвовать.

— И чью же сторону он примет? — поинтересовался Гвидион. — Своего отца, Ланселета, — или короля, сделавшего его своим наследником? Стоит ли подвергать его верность столь жестокому испытанию?

— Но как же еще делиться для общей схватки, если не собирать отряды вокруг двух лучших наших рыцарей?! — вышел из себя Гарет. — Или ты вправду думаешь, что Ланселет или Артур считают это испытанием верности? Сам Артур не может выйти на поле — ведь ни один рыцарь не посмеет поднять руку на свое-

го короля, но Гавейн — его поборник с тех самых пор, как Артур взошел на престол! Или ты собрался разворошить старые сплетни?

Гвидион пожал плечами.

— Поскольку я не намереваюсь присоединяться ни к одной, ни к другой стороне...

— Но что о тебе подумают? Что ты трус, и уклоняешься от боя...

— Я достаточно сражался за Артура на войне, чтоб меня не волновало, что там болтают досужие сплетники, — сказал Гвидион. — Но если хочешь, можешь сказать им, что у меня захромал конь и я боюсь, как бы ему не сделалось хуже. Это вполне пристойная отговорка.

— Я бы мог взять для тебя коня у Гавейна, — озадаченно произнес Гарет. — Но раз тебе нужна пристойная отговорка, пусть будет так. Но почему, Гвидион? Или мне теперь следует звать тебя Мордредом?

— Ты всегда можешь звать меня, как тебе больше нравится, приемный брат.

— Но ты так и не ответил — почему ты боишься боя, Гвидион?

— Никому, кроме тебя, я не спустил бы этих слов безнаказанно, — сказал Гвидион. — Но тебе я отвечу. Я делаю это ради тебя, брат.

Гарет хмуро уставился на него.

— Ради Бога, объясни, что ты этим хочешь сказать?

— Я мало что знаю о Боге — да не очень-то и рвусь узнать, — сказал Гвидион и принялся разглядывать землю у себя под ногами. — Но раз ты спрашиваешь... Ты давно об этом знаешь... Я наделен Зрением...

— Ну, и что с того? — нетерпеливо перебил его Гарет. — Тебе что, привиделось в скверном сне, что я паду от твоего копья?

— Не надо шутить над этим, — отозвался Гвидион. Он взглянул на Гарета, и от этого взгляда у Моргаузы кровь застыла в жилах. — Я видел... — Гвидион судорожно сглотнул, словно не в силах выдавить из себя эти слова. — Я видел тебя умирающим — а сам я стоял рядом с тобой на коленях. Ты не сказал мне ни слова, но я знал, что это из-за моих деяний в тебе погасла искра жизни.

Гарет поджал губы и тихо присвистнул.

— Оно конечно... Но знаешь, малыш, я мало верю снам и видениям. А от судьбы все равно не убежишь. Разве тебе на Авалоне не сказали об этом?

— Верно, — все так же тихо отозвался Гвидион. — И если ты и вправду падешь когда-то от моей руки, так только волею судьбы... Но я не стану искушать судьбу ради пустой забавы, брат. Вдруг рука моя дрогнет, и я, по злосчастной случайности, нанесу

роковой удар?.. Нет, Гарет, я не выйду сегодня на поле — и пусть остальные говорят что хотят.

— Ну, делай как знаешь, парень, — отозвался Гарет. Вид у него был обеспокоенный. — Тогда посиди рядом с нашей матерью — Ламорак ведь собирается выйти на поле на стороне Ланселета.

Он еще раз поцеловал матери руку и ушел. Моргауза, нахмурившись, попыталась было расспросить Гвидиона, но тот молча уставился в землю, и Моргауза отступилась, сказав лишь:

— Ну что ж, раз я получила молодого придворного, который будет сидеть рядом со мной, может, ты принесешь мне глоток воды, пока я еще не вернулась на свое место?

— Конечно, матушка, — согласился Гвидион и ушел туда, где стояли бочки с водой.

Финальная схватка всегда казалась Моргаузе свалкой, в которой ничего невозможно разобрать. Теперь же у нее еще и разболелась голова — из-за солнцепека, — и Моргаузе очень захотелось оказаться подальше отсюда. Кроме того, она проголодалась, а запах жареных бычьих туш доносился даже до турнирного поля.

Гвидион сидел рядом с Моргаузой и объяснял ей, что происходит на поле, но Моргауза мало разбиралась в тонкостях рыцарской схватки, да и не особенно этим интересовалась. Но она все-таки заметила, что юный Галахад хорошо себя показал — выбил из седла двух рыцарей. Моргауза удивилась: он казался таким кротким мальчиком. Впрочем, Гарет тоже казался ей ребенком, а на поле не было бойца яростнее и ужаснее его. В конце концов именно он был признан лучшим со стороны короля, в отряде Гавейна. В отряде Ланселета приз получил Галахад, и это никого не удивило; для юноши, лишь накануне посвященного в рыцари, в том не было ничего необычного. Моргауза так и сказала.

— Ты бы тоже мог завоевать приз, Гвидион, — заявила она.

Но Гвидион лишь рассмеялся и покачал головой.

— Он мне не нужен, матушка. Да и зачем портить праздник моему кузену? А Галахад сражался хорошо — никто не скажет, что он получил приз незаслуженно.

После вручения наград — помимо главных, было и много призов поменьше — рыцари разошлись, чтобы наскоро ополоснуться с помощью оруженосцев и переодеться в чистое платье. Моргауза вместе с придворными дамами отправилась в отведенные им покои: там они могли привести в порядок наряды и прически и смыть с себя пыль и пот.

— Как ты думаешь, — спросила Моргауза у Моргейны, — не нажил ли Ланселет себе врага?

— Полагаю, нет, — отозвалась Моргейна. — Разве ты не видела, как они обнялись?

— Они выглядят, словно отец и сын, — заметила Моргауза. — Если бы это было правдой!

— Слишком поздно об этом говорить, тетя, — с каменным лицом отрезала Моргейна.

«Может, она позабыла, что мне известно, чей он сын на самом деле?» — подумала Моргауза. Но ледяное спокойствие Моргейны так подействовало на нее, что Моргауза предложила лишь:

— Давай я помогу тебе расчесать волосы.

Моргейна повернулась к ней спиной, и Моргауза взялась за гребень.

— Мордред... — задумчиво заметила Моргауза, трудясь над волосами племянницы. — Что ж, видит бог, он воистину показал себя здесь хитроумным советчиком! Теперь он сам завоевал место при дворе, благодаря собственной доблести и дерзости, и ему нет нужды требовать этого от Артура, ссылаясь на свое происхождение. Да, саксы дали ему подходящее имя. Однако я и не знала, что он такой хороший боец. Он таки умудрился привлечь к себе всеобщее внимание! Приз получил Галахад, а все вокруг только и говорят что о дерзкой выходке Мордреда.

Тут к ним подошла одна из дам Гвенвифар.

— Леди Моргейна, а что, сэр Мордред и вправду твой сын? Я и не знала, что у тебя есть сын...

— Я родила его в ранней молодости, — спокойно отозвалась Моргейна, — и Моргауза взяла его на воспитание. Я и сама почти позабыла, что он у меня есть.

— Как ты, должно быть, им гордишься! Ну разве он не прекрасен? Он почти так же хорош собою, как сам Ланселет, — сказала дама, и глаза ее заблестели.

— Это правда, — согласилась Моргейна — столь любезным тоном, что лишь Моргауза, хорошо знавшая свою племянницу, поняла, насколько та разъярена. — Я бы сказала, что это изрядно смутило их обоих. Но мы с Ланселетом — двоюродные брат и сестра, и в детстве я была похожа на него куда больше, чем на своего родного брата. Наша с Артуром мать была высокой и рыжеволосой, как королева Моргауза, а вот в леди Вивиане текла кровь древнего народа Авалона.

— А кто же тогда его отец? — спросила дама, и Моргауза заметила, как стиснулись кулаки Моргейны. Но Моргейна ответила все с той же любезной улыбкой:

— Он — дитя Белтайна, а все дети, зачатые в рощах, принадлежат богу. Ты, конечно же, помнишь, что в юности я была одной из дев Владычицы Озера.

— Я забыла... — пробормотала дама, изо всех сил пытаясь

быть вежливой. — Так значит, тогда они все еще придерживались древних обычаев?

— Как придерживаются и сейчас, — спокойно произнесла Моргейна. — И, волею Богини, будут соблюдать их, пока стоит мир.

Как она и рассчитывала, это заставило даму умолкнуть. Моргейна отвернулась и обратилась к Моргаузе:

— Ты уже готова, родственница? Тогда давай спустимся в зал.

Когда они покинули покои, Моргейна с силой выдохнула, и в этом выдохе смешались раздражение и облегчение.

— Вот ведь болтливые дуры! Только послушай, что они несут! Им что, нечем больше заняться, кроме сплетен?

— Может, и нечем, — отозвалась Моргауза. — Их отцы и мужья, по большей части христиане, позаботились, чтоб эти женщины ни о чем особо не думали.

Двери огромного зала Круглого Стола, где должен был проходить праздничный пир, были закрыты, чтоб гости не входили туда прежде времени.

— Празднества Артура с каждым годом делаются все пышнее, — заметила Моргауза. — Интересно, что нас ожидает сегодня — великолепная процессия и торжественный королевский выход?

— Ну, а ты чего ждала? — поинтересовалась Моргейна. — Теперь, когда войны завершены, Артуру нужно как-то воздействовать на воображение своих подданных, а он достаточно умен, чтоб делать это посредством пышных зрелищ. Я слыхала, будто это ему посоветовал мерлин. Простой народ — да и знать тоже — любит красивые зрелища, и друидам это ведомо еще с тех самых пор, когда они впервые зажгли костры Белтайна. Гвенвифар много лет трудилась, добиваясь, чтоб с этим празднеством ничто не могло сравниться во всех христианских землях.

Впервые за весь день Моргауза увидела на лице Моргейны искреннюю улыбку.

— Даже Артур понимает, что людям нужно что-то еще, помимо церковных служб да христианских праздников — например, какое-нибудь чудо. Я совершенно уверена, что Артур с мерлином непременно постараются это чудо устроить! Какая жалость, что они не устроили сегодня солнечного затмения!

— Кстати, а ты у себя, в Уэльсе, видела солнечное затмение? — спросила Моргауза. — Мои люди перепугались. А эти дурочки, дамы Гвенвифар, наверняка подняли визг и принялись вопить, что настал конец света!

— Гвенвифар просто-таки обожает набирать себе в свиту дурочек, — сказала Моргейна. — А ведь сама она отнюдь не дура,

хоть и притворяется таковой. И как она только умудряется все это терпеть?

— Тебе бы стоило относиться к ним с большей снисходительностью, — предостерегла ее Моргауза, но Моргейна лишь пожала плечами.

— Меня не интересует, что обо мне думают всякие дуры.

— Просто не представляю, как это ты умудрилась столько лет пробыть королевой в королевстве Уриенса и так и не научилась искусству властвовать, — заметила Моргауза. — Что бы женщина ни думала о мужчинах, она неизбежно будет зависеть от доброй воли других женщин. Разве не так тебя учили на Авалоне?

— На Авалоне нет таких дур, — отрезала Моргейна. Но Моргауза слишком хорошо ее знала, чтоб не распознать под этой резкостью одиночества и страдания.

— Моргейна, а почему ты так и не вернулась на Авалон?

Моргейна опустила голову. Она была уверена, что стоит Моргаузе сказать еще хоть одно доброе слово, и она не выдержит, она просто сорвется и расплачется.

— Мое время еще не пришло. Мне приказали остаться с Уриенсом...

— А как же Акколон?

— Ну, да, и с Акколоном, — сказала Моргейна. — Я могла бы предугадать, что ты станешь упрекать меня за это...

— Это я-то? Да никогда! — возразила Моргауза. — Но Уриенс долго не проживет...

— Так считала и я — еще много лет назад, в день нашей свадьбы, — отозвалась Моргейна, и голос ее был теперь столь же ледяным, сколь и взгляд. — Но он, похоже, проживет не меньше самого Талиесина, — а Талиесину к моменту смерти перевалило за девяносто.

Появились Артур и Гвенвифар, и медленно двинулись вперед, возглавив процессию. Они были великолепны — король в блистательном белом одеянии и королева в изящном платье из белого шелка и драгоценных украшениях. Огромные двери распахнулись, и Артур с Гвенвифар вошли в зал; за ними на правах сестры короля последовала Моргейна с мужем и пасынками, Акколоном и Увейном; затем — тетка короля, Моргауза, со своими домашними; за ней шел Ланселет и его родня. Затем и прочие рыцари двинулись к своим местам за Круглым Столом. Несколько лет назад какой-то искусный мастер написал золотой и темно-красной красками на спинке каждого кресла имя того соратника, что обычно сидел здесь. И теперь, войдя в зал, Моргауза заметила, что на сиденье, расположенном рядом с местом самого короля — оно было предназначено для королевского наследника и все эти годы пустовало, — появилось имя Галахада. Но она за-

метила это лишь краем глаза — а потом ей стало не до того. На троны, где обычно восседали Артур и Гвенвифар, кто-то набросил два белых знамени, подобных тем шутовским знаменам, под которыми сегодня во время турнира происходила потешная битва, — и на этих знаменах были намалеваны грубые, но выразительные рисунки. На одном из знамен был нарисован рыцарь, стоящий на головах двух коронованых особ, и особы эти до ужаса походили на Артура и Гвенвифар. Вторая же картинка была столь непристойной, что заставила покраснеть даже Моргаузу, никогда не страдавшую излишней стыдливостью. Там была изображена нагая темноволосая женщина в объятиях огромного рогатого дьявола; они занимались чем-то отвратительным, а вокруг толпились нагие люди.

— Иисус и Мария, помилуй нас! — пронзительно вскрикнула Гвенвифар.

Артур застыл, словно вкопанный, затем повернулся к слугам и громовым голосом вопросил:

— Откуда здесь взялось это... это... — Он так и не смог подобрать подходящего слова, а потому просто махнул рукой в сторону знамен.

— Сэр... — заикаясь, пролепетал дворецкий, — когда мы закончили украшать зал, ничего подобного здесь не было. Все было как велено — даже цветы перед троном королевы...

— Кто последний заходил сюда? — гневно вопросил Артур.

Из толпы гостей, прихрамывая, вышел Кэй.

— Мой лорд и мой брат, последним здесь был я. Я зашел, дабы убедиться, что все в порядке, и Богом клянусь — в тот момент зал был полностью готов к тому, чтобы с честью принять моего короля и его госпожу. И если я только разыщу того мерзкого пса, который прокрался сюда и повесил эту дрянь, я ему голову оторву!

И руки Кэя дернулись, словно ему не терпелось свернуть виновнику шею.

— Позаботьтесь о своей госпоже! — отрывисто приказал Артур. Но дамы, дрожа, застыли на месте, а Гвенвифар начала оседать — ей сделалось дурно. Моргейна поддержала ее и негромко, но резко скомандовала:

— Гвен, не смей доставлять им такого удовольствия! Ты же королева — какое тебе дело до всякой идиотской мазни? Сейчас же возьми себя в руки!

Гвенвифар расплакалась.

— Как они... как они могли... за что кто-то так меня возненавидел?

— Еще ни одному человеку не удалось прожить жизнь, не восстановив против себя пару идиотов, — сказала Моргейна и помогла Гвенвифар дойти до трона. Но троны все еще были на-

крыты этими омерзительными полотнищами, и Гвенвифар отпрянула, словно случайно прикоснулась к какой-то дряни. Моргейна сбросила полотнище на пол. На столе были расставлены кубки; Моргейна жестом приказала одной из дам Гвенвифар наполнить кубок вином и подала его королеве.

— Не бери в голову, Гвен. Насколько я понимаю, вон та гадость была предназначена для меня, — сказала она. — Дураки и вправду шепчутся, будто я спала с бесами — так что ж мне теперь, обращать на них внимание?

— Заберите отсюда эту мерзость и сожгите, — велел Артур. — И принесите ладан, чтобы удалить зловоние зла.

Слуги поспешно бросились выполнять приказ короля.

— Мы найдем того, кто это сделал, — сказал Кэй. — Я уверен, это кто-то из слуг захотел сделать мне гадость — я ведь так гордился нынешним убранством зала! — и вернулся сюда, когда я их распустил. Эй, вы там — несите вино и эль! Выпьем за посрамление той вонючей гниды, которая попыталась испортить нам праздник. Неужто мы это допустим? Ну, давайте же! Пьем за короля Артура и его леди!

Присутствующие слегка оживились, а когда Артур и Гвенвифар поклонились гостям — зал заполнился радостными возгласами. Все расселись по своим местам, и Артур сказал:

— А теперь ведите ко мне всех, кто взывает о правосудии.

Первым привели некоего человека с тяжбой о меже — Моргаузе его жалоба показалась дурацкой. Затем последовал какой-то землевладелец, жаловавшийся, что его вассал убил оленя на его землях.

Моргауза сидела рядом с Гвенвифар. Она наклонилась к королеве и шепотом поинтересовалась:

— А зачем Артур сам возится с этими делами? С ними мог бы справиться любой его бейлиф, и королю не пришлось бы тратить время на такие пустяки.

— Я тоже когда-то так думала, — так же тихо отозвалась Гвенвифар. — Но раз в год, на Пятидесятницу, Артур нарочно сам разбирает пару таких дел, чтоб простой люд не думал, что король заботится лишь о знати да своих соратниках.

Моргауза подумала и решила, что это мудро. Король разобрал еще пару-тройку незатейливых прошений, и гостей начали обносить мясными блюдами. Жонглеры и акробаты принялись потешать пирующих, а фокусник извлекал из самых необычных мест небольших птичек и яйца. Гвенвифар вроде бы успокоилась. Моргаузе было интересно — поймают ли когда-нибудь автора рисунков? Тот из них, что изображал Моргейну в виде шлюхи, уже был достаточно скверен. Но второй, похоже, был еще паршивее — на нем Ланселет попирал короля и королеву. Похоже, сегодня стряслось что-то еще помимо публичного уни-

жения поборника королевы. Правда, потом Ланселет так великодушно отнесся к молодому Гвидиону — то есть Мордреду, — что это впечатление должно было сгладиться, тем более что противники явно больше не держали друг на друга зла. Но хотя и король и соратники любили Ланселета, очевидно, кто-то не мог смириться с очевидной благосклонностью королевы к своему поборнику.

— А что будет дальше? — спросила Моргауза у Гвенвифар.

Из-за пределов зала донеслось пение рогов. Гвенвифар улыбнулась; что бы там ни готовилось, предстоящее событие явно было ей по сердцу.

Двери зала распахнулись. Снова пропели рога — грубые рога саксов. В зал Круглого Стола вошли три великана-сакса — меха и кожа, золотые гривны и браслеты, золотые венцы на головах, мечи на поясе и рогатые шлемы в руках. За каждым следовала свита.

— Мой лорд Артур! — воскликнул один из саксов. — Я — Адельрик, владыка Кента и Англии, а это — мои братья-короли. Мы пришли, чтобы узнать, какую дань мы можем предложить тебе, христианнейший из королей, и навеки заключить договор с тобой и твоим двором!

— Лот, наверно, сейчас в гробу переворачивается, — заметила Моргауза. — А вот Вивиана порадовалась бы.

Но Моргейна не ответила.

Епископ Патриций поднялся со своего места и подошел к саксонским королям, чтоб поприветствовать их, затем обратился к Артуру:

— Мой лорд, их приход — большая радость для меня, ибо он позволяет положить конец войнам. Умоляю тебя — прими этих королей под свою руку и заключи с ними союз в знак того, что все христианские короли должны быть братьями.

Лицо Моргейны залила мертвенная бледность. Она попыталась было подняться и что-то сказать, но Уриенс сурово глянул на нее, и Моргейна без сил опустилась обратно.

— А я еще помню те времена, когда епископы даже отказывались посылать своих людей, чтоб крестить этих варваров, — добродушно заметила Моргауза. — Лот рассказывал, будто они клялись не мириться с саксами даже в царствии небесном и потому и не посылали к ним миссионеров — считали, что так будет только лучше, если все саксы в конце концов попадут в ад. Но с тех пор уж минуло тридцать лет!

— Еще с тех самых пор, как я взошел на трон, я всем сердцем мечтал положить конец войнам, терзающим эту землю. Теперь же мы много лет живем в мире, лорд епископ. И ныне я приглашаю вас, благородные сэры, к моему двору и моему столу.

— Наш обычай велит клясться на стали, — сказал один из

саксов — не Адельрик, а какой-то другой. Моргаузе запомнилось, что на Адельрике был коричневый плащ — а на этом саксе был синий. — Можно ли нам, лорд Артур, принести клятву на перекрестии твоего меча, в знак того, что наш союз — это союз христианских королей и нами правит единый Господь?

— Да будет так, — негромко отозвался Артур, спустился с возвышения и остановился перед саксами. Он извлек Эскалибур из ножен, и в свете множества факелов и светильников тот сверкнул, подобно молнии. Король поднял меч перед собой, и огромная колеблющаяся тень — тень креста — протянулась во всю длину зала; саксонские короли преклонили колени.

Гвенвифар явно была довольна. Галахад сиял от радости. А вот Моргейна побледнела от гнева, и Моргауза услышала, как она прошептала Уриенсу:

— Как он смеет использовать подобным образом священный меч Авалона! Я — жрица Авалона, и я не стану молча смотреть на это!

Она снова привстала, но Уриенс ухватил ее за руку. Моргейна принялась молча вырываться; но Уриенс, несмотря на свои преклонные годы, все-таки был воином, а Моргейна — всего лишь невысокой женщиной. На мгновение Моргаузе показалось, что он сломает Моргейне запястье, но та не издала ни звука. Стиснув зубы, Моргейна как-то умудрилась вырвать руку, а потом произнесла — достаточно громко, чтоб ее непременно услышала Гвенвифар:

— Вивиана умерла, не успев завершить своих трудов! А я бездействовала — и вот теперь дети выросли, превратились в мужчин и стали рыцарями, а Артур подпал под власть священников!

— Леди, — произнес Акколон, подавшись к Моргейне, — даже тебе не следует омрачать этот святой праздник — иначе с тобой могут обойтись так, как римляне обходились с друидами. Поговори с Артуром наедине, раз ты так нуждаешься в этом, попытайся переубедить его. Я уверен, что мерлин тебя поддержит!

Моргейна опустила взгляд и с силой прикусила губу.

Артур поочередно обнял каждого из саксонских королей, а затем усадил неподалеку от своего трона.

— Если ваши сыновья покажут, что они достойны того, я рад буду видеть их в числе своих соратников, — сказал он.

Слуги принесли подарки — мечи и кинжалы хорошей работы, а для Адельрика еще и роскошный плащ. Моргауза взяла липкое от меда печенье и поднесла его к стиснутым губам Моргейны.

— Ты слишком много постишься, Моргейна, — сказала она. — Съешь-ка это печенье! Только глянь на себя, какая ты бледная. Ты же так можешь потерять сознание.

— Я бледна не от голода, — сказала Моргейна, но все-таки

взяла печенье и положила его в рот. Она глотнула вина из кубка, и Моргауза заметила, что у нее дрожат руки. На запястье отчетливо виднелись темные пятна, оставленные пальцами Уриенса.

Затем Моргейна встала и тихо сказала Уриенсу:

— Не беспокойся, возлюбленный мой супруг. Я не стану говорить ничего такого, что могло бы оскорбить тебя или нашего короля.

Она повернулась к Артуру и громко произнесла:

— Мой лорд и брат! Могу ли я попросить тебя о милости?

— Моя сестра и жена моего доброго друга и верного подданного, Уриенса, может просить меня обо всем, что пожелает, — радушно отозвался Артур.

— Даже последний из твоих подданных может просить тебя об аудиенции. И я прошу, чтоб ты оказал мне эту милость.

Артур удивленно приподнял бровь, но на этот раз его тон был таким же сдержанным и церемонным, как и у самой Моргейны.

— Коли тебе так угодно, я приму тебя сегодня вечером, перед тем, как отойти ко сну — у себя в покоях. Если хочешь, можешь взять с собой своего супруга.

«Вот бы мне превратиться в муху и послушать, о чем они будут беседовать!» — подумала Моргауза.

Глава 6

Когда они вернулись в покои, отведенные королю Уриенсу и его семейству, Моргейна заново причесалась и велела служанке помочь ей переодеться в чистое платье. Уриенс принялся жаловаться, что не предвидел этого приема, а потому слишком плотно покушал на пиру и слишком много выпил.

— Ну так ложись спать, — сказала Моргейна. — Это мне нужно кое-что сказать Артуру, а тебе там делать нечего.

— Ну почему же! — возразил Уриенс. — Я тоже учился на Авалоне. Или ты думаешь, мне приятно смотреть, как священные реликвии приспосабливают для службы богу христиан, не терпящему тех, кто видит мир иначе? Нет, Моргейна, хоть ты и жрица Авалона, но не тебе одной надлежит сейчас высказать свое негодование. Есть еще королевство Северного Уэльса, я — его правитель, и Акколон, что будет править там, когда я уйду.

— Отец прав, госпожа, — сказал Акколон, взглянув в глаза Моргейне. — Наш народ верит, что мы не предадим его и не позволим, чтоб в их священных рощах звонили колокола церквей...

Ни Моргейна, ни Акколон даже не шелохнулись, но на миг Моргейне почудилось, что они рука об руку стоят в одной из

волшебных рощ, соединившись перед ликом Богини. Уриенс, конечно же, ничего не заметил.

— Пусть Артур знает, Моргейна, — настойчиво произнес он, — что королевство Северного Уэльса не станет безропотно подчиняться христианам.

Моргейна пожала плечами.

— Как тебе угодно.

«Какой же я была дурой, — подумала она. — *Я была жрицей на посвящении Артура. Я родила ему сына. Мне следовало воспользоваться той властью, что я имела над королем — и тогда это я, а не Гвенвифар, правила бы из-за его спины. Но пока я, словно зверь, зализывала раны, потеряла Артура навсегда. Некогда я могла приказывать — теперь же мне остается лишь просить. И я даже лишена могущества Владычицы Озера!»*

Моргейна уже повернула было к двери, но тут кто-то постучался к ним в покои. Слуга отворил, и вошел Гвидион. Он до сих пор был опоясан саксонским мечом, что вручил ему при посвящении в рыцари Ланселет; но доспехи Гвидион уже снял, и взамен облачился в роскошный алый наряд. Моргейна и не знала, что ее сын может выглядеть так впечатляюще.

Гвидион заметил, как сверкнули ее глаза.

— Это подарок Ланселета. Мы сидели в зале и пили, туда пришел посланник Артура и передал, что король желает видеть меня в своих покоях... Я сказал, что моя единственная приличная туника порвана и запачкана кровью, а Ланселет сказал, что мы с ним одного роста и он мне что-нибудь подберет. Когда я надел этот наряд, Ланселет сказал, что мне он идет больше, чем ему, и чтоб я оставил его себе — что Галахаду досталось от короля множество богатых даров, а я получил слишком мало подарков в честь своего посвящения в рыцари. Он что, знает, что Артур — мой отец, что так говорит?

Уриенс удивленно уставился на Гвидиона, но промолчал. Акколон покачал головой.

— Нет, сводный брат. Просто Ланселет — благороднейший из людей. Когда Гарет впервые появился при дворе, даже собственные родичи его не узнали, а Ланселет подарил ему одежду и оружие, чтоб тот мог выглядеть подобающе. Ты, конечно, можешь поинтересоваться, не слишком ли Ланселету нравится видеть свои подарки на красивых молодых людях. Об этом тоже болтали, но я не знаю при этом дворе ни одного мужчины, будь он молод или стар, с которым Ланселет обращался бы иначе как с рыцарской учтивостью.

— В самом деле? — переспросил Гвидион. Моргейна простотаки видела, как он ухватил эти сведения и упрятал, как скряга прячет золото в сундук. — Теперь я припоминаю одну историю, — медленно произнес он. — Рассказывали, что однажды на

пиру у Лота кто-то сунул Ланселету арфу — а он тогда был совсем юн, — и велел играть, и Ланселет спел какое-то лэ — не то римское, не то оно сохранилось еще со времен Александра, я толком не знаю, — о любви рыцарственных товарищей, и его подняли на смех. С тех пор он поет лишь о красоте нашей королевы или о рыцарских подвигах и драконах.

Моргейна не могла больше терпеть издевку, звучащую в голосе Гвидиона.

— Если ты пришел, чтоб потребовать причитающиеся тебе дары, я поговорю с тобой, когда вернусь от Артура, а сейчас мне некогда, — резко произнесла она.

Гвидион уставился в пол. Моргейна впервые увидела, что и он может лишиться привычной самоуверенности.

— Мать, король послал и за мной тоже. Можно, я пойду с вами вместе?

Оказывается, и он способен признаться в собственной уязвимости. Что ж, такой Гвидион нравился ей чуть больше.

— Артур не желает тебе вреда, сын мой. Если ты явишься к нему вместе с нами, худшее, что он может сделать, — это отослать тебя и сказать, что поговорит с тобой отдельно.

— Ну что ж, тогда идем, сводный брат, — сказал Акколон, протягивая Гвидиону руку — так, чтоб тот мог увидеть вытатуированных змей у него на запястьях. — Первыми подобает идти королю и его госпоже, а мы с тобой пойдем следом...

Моргейна встала рядом с Уриенсом. Ее порадовало, что Акколон признал ее сына братом и старается с ним подружиться. И все же ее отчего-то пробрала дрожь. Уриенс коснулся руки жены.

— Моргейна, тебе холодно? Возьми плащ...

В королевских покоях горел огонь в камине и слышались звуки арфы. Артур сидел в деревянном кресле, поверх груды подушек. Гвенвифар вышивала какую-то узкую ленту, поблескивающую позолоченными нитями. Слуга церемонно объявил:

— Король и королева Северного Уэльса, их сын Акколон и сэр Ланселет!

Заслышав имя Ланселета, Гвенвифар оторвалась от вышивки, подняла голову — и рассмеялась.

— Нет — хоть они и очень похожи. Это сэр Мордред, которого сегодня посвятили в рыцари — ведь верно?

Гвидион поклонился королеве, но не произнес ни слова. Впрочем, Артур был не такой человек, чтоб в родственном кругу цепляться за всякие церемонии.

— Присаживайтесь! Хотите вина?

— Артур, я сегодня выпил столько вина, что по нему можно

было бы пустить плавать целый корабль! — отозвался Уриенс. — Может, у молодых голова покрепче, а с меня хватит.

Гвенвифар направилась к Моргейне, и Моргейна поняла, что, если она не заговорит прямо сию секунду, Артур начнет говорить о делах с мужчинами, а от нее будут ждать, что она усядется вместе с королевой где-нибудь в уголке и станет помалкивать или шепотом беседовать о всякой женской чепухе — вышивках, помолвках, домашнем хозяйстве...

Она взмахом руки подозвала слугу, державшего кубок.

— Я, пожалуй, выпью, — сказала Моргейна и с болью припомнила, как в бытность свою жрицей на Авалоне гордилась тем, что пьет лишь воду из Священного источника. Сделав глоток, она заговорила: — Я глубоко уязвлена тем приемом, который ты оказал представителям саксов. Нет, Артур, — она заметила, что король намерен перебить ее, и вскинула руку, призывая его к молчанию. — Я говорю не как женщина, вмешивающаяся в государственные дела. Я — королева Северного Уэльса и герцогиня Корнуолла, и все, что касается этой земли, касается и меня.

— Тогда ты должна радоваться миру, — сказал Артур. — Всю свою жизнь, с того самого момента, как я впервые взял в руки меч, я делал все, что мог, чтоб положить конец войнам с саксами. Сперва я считал, что этого можно добиться лишь одним-единственным способом — сбросить саксов обратно в море, откуда они явились. Но мир есть мир, и если он установился благодаря договору с саксами — что ж, значит, так тому и быть. Не обязательно зажаривать быка к пиру. Можно охолостить его и заставить тянуть плуг, и это ничуть не менее полезно.

— Или, может, сохранить его в качестве племенного для своих коров? Артур, станешь ли ты просить подвластных тебе королей, чтобы они отдавали своих дочерей за саксов?

— И такое возможно, — отозвался Артур. — Саксы тоже люди. Разве ты не слышала той песни, что пел Ланселет? Они не меньше нас желают мира. Слишком долго их земли опустошались огнем и мечом. Неужто ты хочешь, чтоб я сражался с ними до тех пор, пока последний сакс не умрет или не будет изгнан отсюда? А я-то думал, что женщины стремятся к миру.

— Да, я стремлюсь к миру и приветствую его — даже мир с саксами, — сказала Моргейна. — Но неужто ты потребуешь от них отказаться от своих богов и принять твоего, что ты заставил их клясться на кресте?

Тут вмешалась Гвенвифар, внимательно прислушивавшаяся к их беседе.

— Но ведь никаких других богов не существует, Моргейна. Саксы согласились отвергнуть демонов, которым раньше поклонялись и которых звали богами, только и всего. Теперь они по-

читают единственного истинного Бога и Иисуса Христа, посланного им на землю ради спасения рода человеческого.

— Если ты и вправду веришь в это, моя госпожа и королева, — сказал Гвидион, — то для тебя это истинно: все боги суть единый Бог, и все богини суть одна Богиня. Но неужто ты действительно предполагаешь, что для всех людей существует лишь одна истина?

— Предполагаю? Но это и есть истина, — возразила Гвенвифар, — и неизбежно настанет день, когда все люди во всем мире должны будут принять ее.

— Когда ты так говоришь, я начинаю бояться за свой народ, — сказал король Уриенс. — Я дал клятву, что буду оберегать священные рощи, а когда я уйду, это будет делать мой сын.

— Но как же так? Я думала, что ты — христианин...

— Так оно и есть, — согласился Уриенс. — Но я не стану говорить дурно о других богах.

— Но никаких других богов нет... — начала Гвенвифар.

Моргейна открыла было рот, но тут вмешался Артур.

— Довольно! Я позвал вас сюда не для того, чтоб спорить о теологии! Если вам так уж нравится это занятие, при дворе имеется предостаточно священников, которые и выслушают вас, и поспорят с вами. Идите и переубеждайте их, коли вам не терпится! Зачем ты пришла ко мне, Моргейна? Лишь ради того, чтоб сказать, что не доверяешь саксам, чем бы они ни клялись — хоть крестом, хоть чем иным?

— Нет, — отозвалась Моргейна. Лишь теперь она заметила, что в покоях присутствует Кевин; он устроился в тени вместе со своей арфой. Прекрасно! Значит, мерлин Британии сможет засвидетельствовать ее протест в защиту Авалона! — Я призываю в свидетели мерлина: ты заставил саксов поклясться на кресте — и ради этого преобразил священный меч Авалона, Эскалибур, в крест! Лорд мерлин, разве это не святотатство?

— Это был всего жест, — быстро произнес Артур, — и я его сделал, чтоб подействовать на воображение собравшихся, Моргейна. И точно такой же жест сделала Вивиана, когда велела мне во имя Авалона сражаться за мир — вот этим самым мечом.

Тут послышался низкий, звучный голос мерлина.

— Моргейна, милая, символ креста куда древнее Христа, и люди почитали его задолго до того, как у Назареянина появились последователи. И на Авалоне были священники, явившиеся туда с мудрым старцем Иосифом Аримафейским, — и друиды глубоко уважали его...

— Но эти священники не пытались утверждать, что их бог — единственный! — гневно парировала Моргейна. — И я совершенно уверена, что, если бы епископ Патриций мог, он заставил бы их замолчать или проповедовать лишь его фанатичную веру!

— Моргейна, мы сейчас говорим не о епископе Патриции и его фанатизме, — сказал Кевин. — Пускай непосвященные считают себе, что крест, на котором поклялись саксы, — это исключительно символ самопожертвования и смерти Христа. У нас тоже есть бог, принесший себя в жертву, и какая разница, что служит его символом: крест или ячменный сноп, что должен умереть в земле и вновь воскреснуть из мертвых?

— Эти ваши боги, принесшие себя в жертву, лорд мерлин, были посланы лишь для того, чтобы приготовить человечество к приходу Христа... — сказала Гвенвифар.

Артур нетерпеливо взмахнул рукой:

— Вы все — умолкните! Саксы поклялись заключить мир, и поклялись тем символом, который был для них важен...

Но Моргейна перебила его:

— Ты получил этот священный меч на Авалоне и поклялся Авалону хранить и оберегать священные таинства! А теперь ты делаешь из меча таинств крест смерти, орудие казни! Когда Вивиана явилась к твоему двору, она явилась потребовать от тебя исполнения клятвы. Но ее убили! И вот теперь я пришла завершить ее труд и потребовать обратно священный меч Эскалибур, который ты осмелился извратить ради службы своему Христу!

— Придет день, — сказала Гвенвифар, — когда все ложные боги исчезнут, и все их символы будут служить единственному истинному Богу и его сыну, Иисусу Христу.

— Я не с тобой разговариваю, дура лицемерная! — яростно огрызнулась Моргейна. — А этот день придет лишь через мой труп! У христиан есть святые и мученики — неужто ты думаешь, что их нет у Авалона?

Но стоило Моргейне произнести эти слова, как ее пробрала дрожь — и Моргейна осознала, что, сама того не понимая, говорила под воздействием Зрения. Глазам ее предстало тело рыцаря, облаченного в черное и накрытого знаменем с изображением креста... Моргейне отчаянно захотелось броситься в объятия Акколона — но она не могла сделать этого при всех.

— Моргейна, вечно ты преувеличиваешь! — произнес Артур с неловким смешком. И этот смех так разозлил Моргейну, что она позабыла и о страхе, и о Зрении. Она выпрямилась, чувствуя, что впервые за многие годы ее облекает все могущество и власть жрицы Авалона.

— Слушай меня, Артур, король Британии! Сила и могущество Авалона возвели тебя на этот трон — но сила и могущество Авалона могут и низринуть тебя! Задумайся о том, как ты осквернил священный меч! Никогда более не смей употреблять его в угоду богу христиан, ибо каждая вещь Силы носит в себе свое проклятие...

— Довольно! — Артур вскочил с кресла. Гнев его был подо-

бен грозовой туче. — Хоть ты мне и сестра, это еще не дает тебе права приказывать королю всей Британии!

— Я и говорю не со своим братом, а с королем! — парировала Моргейна. — Авалон возвел тебя на трон, Артур, Авалон дал тебе этот меч, который ты теперь употребляешь неподобающим образом, — и теперь я именем Авалона требую, чтобы ты вновь вернул его в число Священных реликвий! Если ты желаешь обращаться с Эскалибуром как с обычным мечом, лучше вели своим кузнецам сковать тебе другой!

В покоях воцарилась ужасающая тишина, и Моргейне на миг почудилось, будто ее слова упали в огромную гулкую пустоту меж мирами, что вдали, на Авалоне, проснулись друиды, и даже Врана вскрикнула перед лицом такого предательства со стороны Артура. Но первым, что услышала Моргейна, был нервный смех.

— Что за чепуху ты несешь, Моргейна! — подала голос Гвенвифар. — Ты же знаешь, что Артур не может этого сделать!

— Не вмешивайся, Гвенвифар, — угрожающе произнесла Моргейна. — Тебя это дело не касается — разве что это ты вынудила Артура нарушить клятву Авалону. Но в таком случае — берегись!

— Уриенс! — возмутилась Гвенвифар. — Неужто ты будешь спокойно стоять и слушать, как твоя непокорная жена подобным образом разговаривает с Верховным королем?

Уриенс кашлянул. Когда он заговорил, голос его звучал столь же нервно, как и у Гвенвифар:

— Моргейна, ты, наверно, не совсем поняла... Артур по государственным соображениям, чтоб поразить воображение толпы, сделал красивый жест. Если он проделал это с мечом Силы — что ж, тем лучше. Дорогая, боги вполне в состоянии самостоятельно позаботиться о своих последователях — неужто ты думаешь, что Богиня не справится с этим без твоей помощи?

Если б в этот момент у Моргейны было оружие, она бы убила Уриенса на месте. Это так-то он ее поддерживает?!

— Моргейна, — произнес Артур, — раз это так волнует тебя, то признаюсь: я не желал ничего осквернять. Если меч Авалона служит также крестом, на котором клянутся, не значит ли это, что силы Авалона объединились ради службы этой земле? Так мне посоветовал Кевин...

— О, да! Я знала, что он сделался предателем — еще с тех самых пор, как он допустил, чтоб Вивиану похоронили за пределами Священного острова... — начала Моргейна.

— Так или иначе, — сказал Артур, — я дал королям саксов то, в чем они нуждались, — позволил поклясться на моем мече!

— Но это не твой меч! — возразила Моргейна, дошедшая уже до белого каления. — Это меч Авалона! И раз ты не пользуешься

им так, как поклялся, — пусть он перейдет к тому, кто будет верен своей клятве...

— Он был мечом Авалона поколение тому назад! — отрезал Артур, разозленный не меньше Моргейны. Он так крепко стиснул рукоять Эскалибура, словно кто-то собирался вот прямо сейчас отнять у него меч. — Меч принадлежит тому, кто его использует! И я завоевал право называть его своим, изгнав с этой земли всех врагов! Я шел с ним в сражение и отстоял эту землю в битве при горе Бадон...

— И попытался поставить его на службу богу христиан! — парировала Моргейна. — Именем Богини, я требую, чтобы ты вернул этот меч в священную обитель на Острове!

Артур глубоко вздохнул, потом произнес с нарочитым спокойствием:

— Я отказываюсь. Если Богиня желает, чтоб этот меч вернулся к ней, она сама заберет его у меня. — Затем его голос смягчился. — Милая моя сестра, прошу, не надо ссориться со мной из-за богов, которых мы почитаем. Ты ведь сама говорила мне, что все боги суть единый Бог.

«Он так никогда и не поймет, что неправильного в его речах, — с отчаяньем подумала Моргейна. — *И все же он воззвал к Богине, сказав, что та сама заберет у него меч, если пожелает. Что ж, да будет так. Быть может, Владычица, я стану твоею рукой».*

Моргейна на миг склонила голову и произнесла:

— В таком случае, я полагаюсь на волю Богини — пусть она распорядится своим мечом.

«И когда она это исполнит, Артур, ты пожалеешь, что не согласился иметь дело со мной...»

И, отступив, Моргейна села рядом с Гвенвифар. Артур же подозвал к себе Гвидиона.

— Сэр Мордред, — сказал король, — я принял бы тебя в число своих соратников в любой момент — стоило тебе лишь попросить. Я бы сделал это и ради Моргейны, и ради себя самого — тебе вовсе не нужно было добиваться рыцарского звания хитростью.

— Я подумал, что, если ты сделаешь меня рыцарем, не имея подобного повода, — сказал Гвидион, — могут пойти нежелательные разговоры, сэр. Так простишь ли ты мне эту хитрость?

— Если Ланселет простил тебя, то и мне нет причин на тебя сердиться, — сказал Артур. — А раз он богато одарил тебя, то мне кажется, что он не держит на тебя зла. Я очень бы хотел, чтоб это было в моей власти, — объявить тебя своим сыном, Мордред. Я всего лишь несколько лет назад узнал о твоем существовании — Моргейна ничего мне не рассказала. Думаю, ты и сам знаешь, что для священников и епископов само твое существование — знак чего-то нечестивого.

— А ты тоже в это веришь, сэр?

Артур взглянул сыну в глаза.

— О, иногда я верю в одно, а иногда в другое — как и все люди. Сейчас не имеет значения, во что я верю. Дела обстоят так: я не могу признать тебя перед всеми, хотя всякий мужчина, не говоря уж о бездетном короле, гордился бы таким сыном, как ты. Но мой трон унаследует Галахад.

— Если будет жив, — заметил Гвидион и, заметив потрясенный взгляд Артура, невозмутимо добавил: — Нет, сэр, я не грожу ему. Если хочешь, я поклянусь чем угодно — крестом, дубом, Священным источником или змеями, которых ношу, — он протянул руки вперед, — и которых до меня носил ты: да пошлет ко мне Богиня таких же змей, но живых, чтобы они отняли мою жизнь, если я когда-либо подниму руку на своего кузена Галахада. Но я видел это. Он умрет — умрет с честью, ради креста, которому поклоняется.

— Господи, спаси и помилуй нас! — воскликнула Гвенвифар.

— Воистину так, леди. Но если он не проживет достаточно долго, чтобы унаследовать твой трон? Мой отец и король, Галахад — воин и рыцарь, и он — смертный человек. А ты можешь прожить дольше короля Уриенса. И что же будет тогда?

— Если Галахад умрет прежде, чем взойдет на мой трон... да сохранит его Господь от всякого зла... — сказал Артур, — у меня не останется выбора. Королевская кровь есть королевская кровь, и она течет в твоих жилах — ты происходишь от Пендрагонов и властителей Авалона. И если этот злосчастный день настанет, я думаю, даже епископы предпочтут увидеть на троне тебя, чем ввергнуть страну в тот хаос, которого они страшились после смерти Утера.

Артур встал, положил руки сыну на плечи и заглянул ему в глаза.

— Хотелось бы мне, чтобы я мог сказать больше, сын мой. Но судьбы не изменишь. И я скажу лишь одно: я всей душой желал бы, чтоб ты был сыном моей королевы.

— И я, — сказала Гвенвифар и, поднявшись, обняла его.

— Но я в любом случае не стану обходиться с тобой как с человеком низкорожденным, — сказал Артур. — Ты — сын Моргейны. Мордред, герцог Корнуольский, рыцарь Круглого Стола; ты будешь иметь право высказываться за Круглым Столом наряду с королями саксов. Ты будешь иметь право вершить правосудие от имени короля, собирать налоги и таможенные поборы и получать их часть, которая позволит тебе держать дом, подобающий королевскому советнику. А если ты того пожелаешь, я дам тебе дозволение жениться на дочери одного из саксонских королей, и тогда, даже если тебе и не суждено взойти на мой трон, ты получишь свой собственный.

Гвидион поклонился.

— Ты очень щедр, сэр.

«Воистину, — подумала Моргейна, — *и теперь Гвидион не будет мешать королю — до тех пор, пока это будет ему выгодно».* Да, Артур и вправду сделался искусным властителем! Моргейна вскинула голову и произнесла:

— Раз уж ты был так щедр к моему сыну, Артур, могу ли и я еще раз воспользоваться твоей добротой?

Артур взглянул на нее настороженно, но ответил:

— Проси меня о чем хочешь, сестра, и я с радостью исполню твою просьбу, если только это в моих силах.

— Ты сделал моего сына герцогом Корнуольским, но он плохо знает Корнуолл. Я слыхала, что герцог Марк объявил эти земли своими. Не согласишься ли ты съездить со мной в Тинтагель, чтобы разобраться с этим делом и притязаниями Марка?

Артур явственно расслабился. Неужто он думал, что Моргейна вновь поведет речь об Эскалибуре? *«Нет, брат мой, я никогда больше не сделаю этого при твоем дворе; когда я в следующий раз заявлю права на Эскалибур, это произойдет в моей стране, в месте Силы Богини».*

— Я уж даже и не упомню, сколько лет я не был в Корнуолле, — сказал Артур. — Но я не могу оставить Камелот до тех пор, пока не минет летнее солнцестояние. Однако, если ты согласишься задержаться в Камелоте и пожить у меня в гостях, мы сможем потом вместе съездить в Корнуолл и посмотреть, осмелится ли герцог Марк или кто-либо еще оспаривать права Артура и Моргейны, герцогини Корнуольской.

Король повернулся к Кевину.

— А теперь довольно с нас бесед о возвышенном. Лорд мерлин, я не стал бы тебе приказывать петь перед всем моим двором, но здесь, в моих покоях и в обществе моих родичей, могу ли я попросить тебя спеть?

— С удовольствием, — отозвался Кевин, — если леди Гвенвифар не возражает.

Он взглянул на королеву, но та промолчала. Тогда Кевин прижал арфу к плечу и заиграл.

Моргейна тихо сидела рядом с Уриенсом и слушала музыку. Воистину, Артур преподнес своей семье королевский дар — игру Кевина. Гвидион слушал, словно зачарованный, обхватив руками колени. «По крайней мере, в этом он — мой сын», — подумала Моргейна. Уриенс слушал с вежливым вниманием. Моргейна на мгновение подняла глаза и встретилась взглядом с Акколоном. *«Нам непременно нужно как-то встретиться сегодня ночью, даже если мне придется дать Уриенсу сонное зелье. Мне столько надо ему сказать...»* И Моргейна опустила глаза. Чем она лучше Гвенвифар?..

Уриенс держал жену за руку, нежно поглаживая пальцы и запястье. Он коснулся синяков, оставленных сегодня им же самим, и вместе с болью Моргейна ощутила вспышку отвращения. Если Уриенс того пожелает, она должна будет лечь с ним в постель; здесь, при христианском дворе, она была не более чем его собственностью — словно лошадь или собака, которую он может погладить, а может и ударить, как ему заблагорассудится!

Артур предал и Авалон, и ее саму. Уриенс ее обманул. Кевин — и тот ее предал...

Но Акколон ее не подведет. Акколон будет править от имени Авалона — тот самый король, чей приход предвидела Вивиана. А после Акколона на престол взойдет Гвидион, король-друид, владыка Авалона и всей Британии.

«А над королем будет стоять королева, правящая от имени Богини, как в былые времена...»

Кевин поднял голову и взглянул в глаза Моргейне. Содрогнувшись, Моргейна вспомнила, что ей следует скрывать свои мысли.

«Он наделен Зрением, и он — человек Артура. Кевин — мерлин Британии, но при этом он мой враг!»

Но Кевин лишь мягко сказал:

— Раз уж здесь семейный вечер, могу ли я попросить леди Моргейну спеть? А то мне тоже хочется послушать музыку...

И Моргейна заняла его место, чувствуя, как ее руки сами тянутся к арфе.

«Я должна очаровать их, — подумала Моргейна, — *чтобы им и в голову не пришло ничего дурного».* И она коснулась струн.

Глава 7

Когда они остались вдвоем в своих покоях, Уриенс сказал:

— А я и не знал, что Марк вновь оспаривает твои права на Тинтагель.

— Ты столького не знаешь, муж мой, что твое незнание неисчислимо, словно желуди в лесу, — раздраженно огрызнулась Моргейна. Подумать только, когда-то ей казалось, что она сможет терпеть этого дурака! Ну да, он добр, он никогда не обходился с нею дурно — но его глупость несказанно раздражала Моргейну. Ей хотелось остаться одной, обдумать свои планы, посоветоваться с Акколоном — а вместо этого приходится утихомиривать старого идиота!

— Я желаю знать, что ты задумала, — мрачно и упрямо произнес Уриенс. — Я сердит на тебя. Если тебе не нравится то, что происходит в Тинтагеле, почему ты не посоветовалась со мной?

Я — твой муж, и ты должна была рассказать обо всем мне, прежде чем жаловаться Артуру!

В угрюмом голосе старого короля промелькнула нотка ревности, и до потрясенной Моргейны вдруг дошло, чем это вызвано: Уриенс лишь сейчас узнал то, что она скрывала от него все эти годы — имя истинного отца ее сына. Неужто Уриенс считает, что четверть века спустя она до сих пор сохраняет подобную власть над своим братом, и все благодаря событию, которое лишь дураки да христиане могут считать грехом? *«Ну что ж, раз у него не хватает ума сообразить, что происходит прямо у него на глазах, почему я должна растолковывать ему все шаг за шагом, словно несмышленому ребенку?»*

— Артур недоволен мною, потому что думает, что женщине не подобает пререкаться с ним, — все так же нетерпеливо пояснила Моргейна. — Потому я и попросила его о помощи, чтобы он не подумал, будто я бунтую против него.

Она предпочла этим и ограничиться. Да, она — жрица Авалона и не станет лгать. Но она и не обязана говорить всю правду. Пускай Уриенс считает, что она всего лишь желала уладить ссору с Артуром.

— Какая ты умная, Моргейна, — сказал Уриенс, погладив жену по руке.

Моргейна вздрогнула. Он уже и позабыл, что сегодня поставил ей синяки! Она почувствовала, что у нее дрожат губы — словно у ребенка. *«Я хочу Акколона! Я хочу лежать в его объятиях, чтобы он ласкал и утешал меня! Но здесь нам даже для того, чтобы просто встретиться и поговорить наедине, придется както исхитряться!»* Моргейна гневно смахнула слезы. Теперь лишь сила сможет защитить ее. Сила и скрытность.

Уриенс сходил облегчиться и вернулся, позевывая.

— Стражник прокричал полночь, — сказал он. — Пора ложиться спать, леди.

Он принялся снимать праздничный наряд.

— Ты не сильно устала, дорогая?

Моргейна не ответила. Она знала, что стоит ей сейчас сказать хоть слово, и она расплачется. Уриенс принял ее молчание за знак согласия; он притянул Моргейну к себе, уткнувшись лицом в ее шею, потом увлек жену к кровати. Моргейна подчинилась, но подумала, что нужно будет отыскать какое-нибудь заклинание или травы, чтоб положить конец этой чрезмерно затянувшейся энергичности супруга. Проклятье, в его-то возрасте он давно уже должен был утратить мужскую силу! И если это произойдет, никому и в голову не придет, что тут замешано чародейство. Некоторое время спустя Моргейна задумалась: а почему она больше не может с безразличием повернуться к Уриенсу и бездумно позволить делать все, что он хочет — как бывало много

раз за эти долгие годы... В чем, собственно, дело? Почему она должна обращать на него больше внимания, чем на какое-нибудь заблудившееся животное, обнюхивающее ее подол?

В эту ночь Моргейне плохо спалось. Она то и дело просыпалась, а когда засыпала, ей снилось, будто она где-то нашла младенца, и его необходимо покормить, — а у нее не было молока, и сухие груди болели... Когда она окончательно проснулась, эта боль так и не унялась. Уриенс уехал на охоту с кем-то из придворных Артура — это было договорено еще несколько дней назад. Моргейне нездоровилось; ее явственно подташнивало. *«В последние три дня я ела куда больше обычного,* — подумала она. — *Неудивительно, что меня теперь тошнит».* Но когда она надела платье и принялась зашнуровываться, оказалось, что ее грудь отзывается болью на всякое прикосновение. А соски, коричневые и маленькие, сделались розовыми и набухли.

Моргейна осела на кровать, словно ноги вдруг перестали ее держать. Она же бесплодна! Она точно знала, что бесплодна — ей сразу после рождения Гвидиона сказали, что вряд ли она еще хоть раз выносит дитя! И за все прошедшие годы ни один из ее мужчин так и не наделил ее ребенком! Мало того — ей ведь уже почти сорок девять! Она уже вышла из детородного возраста! Но несмотря на все это, сомнений не оставалось: она забеременела. Моргейна давно уже не принимала эту возможность в расчет. Ее месячные сделались нерегулярными и не приходили по нескольку лун, и Моргейна была уверена, что вскоре они вообще прекратятся. И вот теперь первым ее чувством был страх. Она ведь едва не умерла, рожая Гвидиона...

Уриенс наверняка придет в восторг от этого доказательства его мужской силы. Но в то время, когда это дитя было зачато, Уриенс лежал с воспалением легких; нет, вряд ли это ребенок Уриенса. Так значит, его зачал Акколон в день солнечного затмения? Что ж, значит, это дитя бога, явившегося им в ореховой роще.

«Ну, и что старухе вроде меня делать с ребенком? Хотя, быть может, это дитя станет жрицей Авалона и будет править после меня, когда предатель будет низвергнут с трона, на который его возвела Вивиана...»

Стояла пасмурная, унылая погода; моросил мелкий дождик. Истоптанное накануне турнирное поле совершенно раскисло, попадавшие знамена и вымпелы оказались втоптаны в грязь. Кто-то из подвластных Артуру королей готовился к отъезду. Несколько служанок, высоко подоткнув подолы, осторожно спускались к берегу озера; они несли с собой тюки с одеждой и вальки для стирки белья.

В дверь постучали, и слуга почтительно произнес:

— Королева Моргейна, Верховная королева приглашает тебя

и королеву Оркнейскую позавтракать вместе с ней. А мерлин Британии просит тебя принять его в полдень.

— Я принимаю приглашение королевы, — отозвалась Моргейна. — И передайте мерлину, что я приму его.

Моргейна охотно уклонилась бы от этих встреч, но она просто не смела — во всяком случае, сейчас.

Они с Гвенвифар всегда будут врагами. Это из-за нее Артур оказался во власти священников и предал Авалон. *«Быть может,* — подумала Моргейна, — *я пытаюсь повергнуть не того человека. Если бы как-нибудь удалось сделать так, чтобы Гвенвифар удалилась от двора — пусть даже бежала вместе с Ланселетом к нему в замок: ведь он теперь вдовец, и может вполне законно забрать ее...»* — но она сразу же отказалась от этой идеи.

«Возможно, Артур попросил ее помириться со мной, — цинично подумала Моргейна. — *Он знает, что ему нельзя ссориться с подвластными королями, а если мы с Гвенвифар повздорим, Моргауза, как обычно, примет мою сторону. Слишком серьезная получается ссора для обычных семейных раздоров. Артур потеряет Уриенса и сыновей Моргаузы. А он ни за что не захочет терять Гарета, Гавейна и прочих северян...»*

Когда Моргейна добралась до покоев королевы, Моргауза уже сидела там. От запаха еды Моргейну снова затошнило, но она сдержалась неимоверным усилием воли. Все знают, что она ест очень мало, и вряд ли станут обращать на нее внимание. Гвенвифар подошла к Моргейне и поцеловала ее, и на миг Моргейна почувствовала искреннюю нежность к этой женщине. *«Ну почему мы должны враждовать? Ведь когда-то мы были подругами...»* Нет, не Гвенвифар она ненавидела, а священников, подчинивших королеву своей воле.

Моргейна уселась за стол. Ее тут же принялись угощать, но она согласилась съесть лишь ломоть свежего хлеба с медом. Дамы Гвенвифар оказались такими же, как и всегда — королева вечно окружала себя благочестивыми дурами. Они встретили Моргейну любопытными взглядами и принялись с преувеличенной сердечностью показывать, до чего же им приятно видеть гостью.

— Твой сын, сэр Мордред, — он такой красивый! Ты, наверно, очень им гордишься, — сказала одна из дам.

Моргейна, кроша хлеб, невозмутимо заметила, что почти не виделась с сыном с тех самых пор, как его отняли от груди.

— Я уж скорее могу назвать своим сыном Увейна, сына моего мужа. Вот когда его посвятили в рыцари, я действительно гордилась, — сказала Моргейна, — ведь я вырастила его. А Моргауза наверняка гордится Мордредом, словно родным сыном. Ведь верно, Моргауза?

— Но сын Уриенса тебе не родной? — поинтересовалась другая дама.

— Нет, — терпеливо пояснила Моргейна. — Когда я вышла замуж за моего лорда, Увейну уже было девять лет. — Одна из девушек, хихикая, заметила, что она на месте Моргейны куда больше заботилась бы о другом красивом пасынке, Акколоне. Моргейна, стиснув зубы, подумала: *«Убить, что ли, эту дуру?»* Хотя что с них всех возьмешь? Ведь придворным дамам Гвенвифар больше нечем было заняться — лишь сплетничать да обмениваться глупыми шутками.

— А скажи-ка... — не сдержавшись, Эйлис хихикнула. Моргейна знала ее еще с тех времен, когда сама состояла при Гвенвифар; она даже была подружкой на свадьбе Эйлис. — Он и вправду сын Ланселета?

Моргейна приподняла бровь.

— Кто? Акколон? Покойная жена короля Уриенса вряд ли сказала бы тебе спасибо за то, что ты порочишь ее доброе имя.

— Ты знаешь, о ком я говорю! — со смехом произнесла Эйлис. — Ланселет — сын Вивианы, и вы с ним вместе росли — кто же тебя обвинит? Ну скажи мне правду, Моргейна, — кто отец этого красавчика? Ведь больше просто некому, верно?

Моргауза рассмеялась, стараясь развеять возникшее напряжение.

— Ну, все мы, конечно же, влюблены в Ланселета. Несчастный Ланселет! Как ему, должно быть, нелегко!

— Моргейна, ты совсем не ешь, — сказала Гвенвифар. — Может, тебе хочется чего-нибудь другого? Так я пошлю служанку на кухню. Хочешь ветчины или вина получше?

Моргейна покачала головой и положила в рот кусочек хлеба. Такое впечатление, что все это уже было с ней... Или ей это приснилось? Моргейна почувствовала приступ дурноты, и все поплыло у нее перед глазами. Да, если старуха-королева Северного Уэльса свалится в обморок, словно какая-нибудь беременная девчонка, вот уж они порадуются! Тогда им и вправду будет о чем посплетничать! Вогнав ногти в ладони, Моргейна каким-то чудом заставила дурноту немного отступить.

— Я и без того слишком много выпила вчера на пиру, Гвенвифар. Уж за двенадцать лет ты могла бы понять, что я не очень-то люблю вино.

— О, но вчера вино было хорошее! — сказала Моргауза и жадно причмокнула.

Гвенвифар тут же любезно пообещала непременно отправить бочонок такого вина в Лотиан, когда Моргауза решит вернуться домой. О Моргейне все позабыли — почти все. Слепящая боль охватила ее голову, словно веревка палача, — но Моргейна все равно почувствовала на себе вопросительный взгляд Моргаузы.

Беременность не скроешь... Хотя... А зачем ей таиться?

Она — замужняя женщина. Быть может, люди станут смеяться над старым королем Северного Уэльса и его пожилой женой, умудрившихся в столь преклонных годах заделать ребенка, но смех этот будет добродушным. И все же Моргейна чувствовала, что вот-вот взорвется от переполняющего ее гнева. Она казалась себе одной из тех огненных гор, о которых рассказывал ей Гавейн — тех, что находятся где-то в далеких северных землях...

Когда все дамы удалились и Моргейна осталась наедине с Гвенвифар, королева взяла ее за руку и виновато произнесла:

— Прости меня, Моргейна. У тебя такой больной вид... Может, тебе лучше вернуться в постель?

— Быть может, я так и сделаю, — отозвалась Моргейна. Она подумала: *«Гвенвифар даже в голову не придет, что со мной такое. Если бы это случилось с ней, Гвенвифар была бы без ума от счастья — даже сейчас!»*

Королева покраснела под раздраженным взглядом Моргейны.

— Извини, дорогая. Мне как-то в голову не пришло, что мои дамы примутся так изводить тебя... Мне бы следовало их остановить.

— Ты думаешь, меня волнует их болтовня? Они чирикают, как воробьи, и ума у них не больше, — презрительно произнесла Моргейна. — Но многие ли из твоих дам знают, кто настоящий отец моего сына? Ты заставила Артура исповедаться в этом — станешь ли ты доверять эту тайну еще и своим дамам?

Кажется, Гвенвифар испугалась.

— Мне кажется, это мало кому известно — только тем, кто был с нами в тот вечер, когда Артур признал Гвидиона. И еще епископу Патрицию.

Она взглянула на Моргейну, и Моргейна, сощурившись, подумала: *«Как милостиво обошлось с ней время; Гвенвифар стала еще прекраснее — а я сохну, словно сорванная ветка шиповника...»*

— Ты выглядишь такой уставшей, Моргейна, — сказала Гвенвифар, и Моргейна вздрогнула от изумления: вопреки застарелой вражде, в голосе королевы тоже прозвучала любовь. — Пойди отдохни, милая сестра.

«А может, нас просто осталось слишком мало — тех, кто вместе встретил юность?»

Мерлин тоже постарел, и годы обошлись с ним отнюдь не так милостиво, как с Гвенвифар. Кевин еще сильнее ссутулился, а его жилистые руки походили на ветви старого, скрюченного дуба. Его и вправду можно было принять за гнома из подгорного племени, о котором повествовали легенды. И лишь руки его двигались все так же четко и красиво, несмотря на искривленные и распухшие пальцы. И при виде этого изящества Мор-

гейне вспомнились былые времена, — как она училась у него игре на арфе и языку жестов.

Моргейна предложила ему вина, но Кевин грубовато отмахнулся и, по старой привычке, тяжело опустился в кресло, не ожидая ее дозволения.

— Моргейна, ты не права. Тебе не следует изводить Артура из-за Эскалибура.

Моргейна понимала, что голос ее звучит резко и сварливо, но ничего не могла с этим поделать.

— Я и не ожидала, что ты меня одобришь, Кевин. Ты, несомненно, считаешь, что Артур хорошо обращается со Священной реликвией.

— Я не вижу в его деяниях ничего дурного, — сказал Кевин. — Все Боги суть один Бог — это говорил еще Талиесин, — и если мы объединимся в служении Единому богу...

— Но именно с этим я и борюсь! — возразила Моргейна. — Их бог станет Единым — и единственным — и вытеснит даже самую память о нашей Богине, которой мы поклялись служить. Послушай меня, Кевин, — неужто ты не видишь, насколько сузится мир, если вместо многих Богов останется один? Я считаю, что это неправильно — обращать саксов в христианство. Я думаю, что те старые священники из Гластонбери были правы. Зачем нам всем встречаться в загробной жизни? Почему не могут существовать разные пути? Пусть саксы идут своей дорогой, а мы — своей. Пускай последователи Христа почитают его, если им так хочется, — но не мешают остальным чтить своих богов...

Кевин покачал головой.

— Не знаю, милая. Мне кажется, теперь люди стали по-иному смотреть на мир. Они считают, что одна истина непременно должна вытеснить другую и что лишь их истина верна, а все прочие — лживы.

— Но жизнь отнюдь не так проста! — воскликнула Моргейна.

— Я это знаю, ты это знаешь, и когда пробьет должный час, священники тоже это узнают, Моргейна.

— Но если к этому моменту они изгонят все чужие истины, будет слишком поздно, — сказала Моргейна.

Кевин вздохнул.

— Бывают решения судьбы, которые никому из людей одолеть не дано, Моргейна. Я боюсь, что именно с этим нам и придется столкнуться.

Его узловатая рука коснулась руки Моргейны. Никогда прежде Моргейна не слышала в голосе Кевина такой нежности.

— Я не враг тебе, Моргейна. Я знаю тебя еще с тех пор, как ты была юной девушкой. А потом... — Кевин умолк и тяжело сглотнул. — Я люблю тебя всем сердцем, Моргейна. Я желаю тебе лишь добра. Было время... О, это было очень давно, но я и поныне помню, как любил тебя и каким это было великим да-

ром — возможность сказать тебе о своей любви... Люди не в силах бороться ни с движением светил, ни с судьбой. Быть может, если бы мы раньше обратили саксов в христианство, то те же самые священники построили бы часовню, в которой они могли бы молиться бок о бок с Талиесином. Но наша слепота помешала этому, и теперь нам приходится иметь дело с фанатиками вроде Патриция, которые в гордыне своей видят в Творце лишь карающего Отца солдат — но не любящую Мать всех тварей земных... Говорю тебе, Моргейна: они — словно волна, и они сметут любого, кто попытается противостоять им.

— Сделанного не воротишь, — сказала Моргейна. — Но каков же ответ?

Кевин опустил голову, и Моргейна вдруг поняла, что ему отчаянно хочется припасть к ее груди; не так, как мужчина припадает к груди женщины, но так, словно он видел в Моргейне саму Матерь-Богиню и верил, что она способна утешить его и защитить от страха и отчаянья.

— Быть может, — сдавленно произнес он, — быть может, ответа вообще не существует. Быть может, нет никакого Бога и никакой Богини, и мы, как дураки, ссоримся из-за пустых слов. Я не желаю ссориться с тобой, Моргейна Авалонская. Но я не стану сидеть сложа руки и смотреть, как ты пытаешься ввергнуть это королевство в хаос и войну и сокрушить тот мир, что дал нам Артур. Мы должны сохранить хоть что-то от нынешних знаний, песен и красоты, прежде чем мир вновь погрузится во тьму. Говорю тебе, Моргейна, — я видел приближающуюся тьму! Быть может, мы сумеем сохранить тайную мудрость на Авалоне — но мы уже не сможем вернуть ее миру. Наше время ушло. Неужто ты думаешь, что я побоюсь умереть, если благодаря моей смерти Авалон сохранится в памяти людской?

Моргейна медленно, словно через силу, подняла руку — коснуться лица Кевина, стереть с него слезы... — и в страхе отдернула ее. Взор ее затуманился слезами. Моргейна спрятала лицо в ладонях, и собственные руки показалась ей тонкими, мертвенно-бледными руками Старухи Смерти. Кевин тоже увидел это на один-единственный кошмарный миг и с ужасом уставился на Моргейну. Затем наваждение рассеялось, и Моргейна словно со стороны услышала свой посуровевший голос.

— Так значит, ты принес Священные реликвии в мир, чтобы священный меч Авалона мог стать карающим мечом Христа?

— Это — меч Богов, — сказал Кевин, — а все Боги суть один Бог. Пусть лучше Эскалибур находится здесь, где люди могут следовать за ним, чем лежит на Авалоне. Если люди следуют за Эскалибуром, разве важно, во имя какого бога они это делают?

— Я скорее умру, чем допущу это, — ровно произнесла Моргейна. — Берегись, мерлин Британии! Ты заключил Великий

Брак и дал обет умереть ради сохранения таинств! Берегись — иначе клятва настигнет тебя!

Кевин взглянул в глаза Моргейне.

— О, моя леди и моя Богиня, молю тебя: прежде, чем действовать, посоветуйся с Авалоном! Я в самом деле считаю, что тебе пора вернуться на Авалон.

Кевин коснулся ладони Моргейны, и Моргейна не отдернула руки.

Когда она заговорила, голос ее дрожал от слез: слишком много на нее свалилось за сегодняшнее утро.

— Я... хотелось бы мне, чтобы я могла вернуться... Я не смею отправиться на Авалон именно потому, что так страстно этого хочу, — созналась Моргейна. — Я никогда туда не вернусь — никогда, до тех самых пор, пока не смогу больше этого выносить...

— Ты вернешься, ибо я видел это, — устало произнес Кевин. — Ты — но не я. Не ведаю, откуда пришло ко мне это знание, Моргейна, любовь моя, но я точно знаю, что мне не суждено более испить воды из Священного источника.

Моргейна взглянула на его уродливое тело, изящные руки, прекрасные глаза и подумала: *«Когда-то я любила этого человека»*. Несмотря ни на что, она до сих пор продолжала любить его — и эта любовь закончится лишь с их смертью. Она знала Кевина с сотворения мира, и они вместе служили своей Богине. Время исчезло. Казалось, что они вышли за пределы времени, что она даровала ему жизнь, что она срубила его, словно дерево, а он пророс, словно желудь, что он умер по ее воле, а она заключила его в объятья и вновь вернула к жизни... Древняя жреческая драма, вершившаяся еще до того, как на земле возникли друиды и христиане.

«Неужто он порвет с этим всем?»

— Раз Артур нарушил свою клятву, разве я не должна потребовать, чтоб он вернул этот меч?

— Настанет день, — сказал Кевин, — когда Богиня сама решит судьбу Артура, как сочет нужным. Но ныне Артур — Верховный король Британии, король волею Богини. И я говорю тебе, Моргейна Авалонская, — берегись! Или ты посмеешь восстать против судьбы, что правит этой страной?

— Я делаю то, что мне велела Богиня!

— Богиня — или твоя собственная воля, гордость и честолюбие? Повторяю, Моргейна, — берегись! Быть может, это к лучшему, что время Авалона прошло — а с ним и твое время.

Даже железная воля Моргейны этого не вынесла.

— И ты еще смеешь называть себя мерлином Британии?! — закричала она. — Убирайся, проклятый предатель!

Моргейна схватила прялку и ударила Кевина по голове.

— Убирайся! Прочь с глаз моих! Будь ты проклят навеки! Прочь отсюда!

Глава 8

Десять дней спустя король Артур вместе со своей сестрой, королевой Моргейной, и ее мужем Уриенсом, королем Северного Уэльса, отправился в Тинтагель.

За это время Моргейна успела обдумать, что ей следует делать дальше. За день до отъезда она улучила момент и сумела поговорить с Акколоном наедине.

— Жди меня на берегу Озера — и позаботься, чтоб ни Артур, ни Уриенс тебя не заметили.

Моргейна протянула руку Акколону, но он привлек ее к себе и принялся целовать.

— Леди... я не могу смириться с тем, что ты берешься за такое опасное дело!

На миг Моргейна приникла к Акколону. Она устала, так устала быть всегда сильной, устала добиваться, чтобы все шло так, как должно! Но нет, нельзя допустить, чтобы Акколон догадался об ее слабости!

— Тут уж ничего не поделаешь, милый. Другого выхода нет — разве что смерть. Но ты не сможешь взойти на престол, если обагришь руки кровью отца. А когда ты воссядешь на троне Артура, — когда за спиной твоей будет стоять все могущество Авалона, а в руках твоих будет Эскалибур, — ты просто отошлешь Уриенса назад, в его страну, чтоб он правил там все отпущенные ему годы.

— А Артур?

— Я не желаю Артуру ничего плохого, — спокойно сказала Моргейна. — Я не стану убивать его. Но ему придется провести три ночи и три дня в волшебной стране, а когда он вернется, пройдет пять лет — а может, и больше, — и времена короля Артура из были превратятся в легенду, и нам больше не будет грозить опасность со стороны священников.

— Но если он все-таки сумеет выбраться оттуда?..

Голос Моргейны дрогнул.

— На что Король-Олень, если вырос молодой олень? Пусть рок решает, что станет с Артуром. А ты должен будешь завладеть его мечом.

«Это предательство», — подумала Моргейна. Они тронулись в путь рано утром; было мрачно и пасмурно. Сердце Моргейны бешено колотилось. *«Я люблю Артура. Я никогда бы не предала его, но он первым отрекся от своей клятвы Авалону»*.

Моргейну по-прежнему мучила тошнота, а от верховой езды ей становилось еще хуже. Она уже не помнила, страдала ли она от тошноты, когда носила Гвидиона, — нет, Мордреда. Теперь его нужно звать именно так. Хотя, быть может, когда он взойдет на трон, то предпочтет править под собственным именем — име-

нем, что некогда принадлежало Артуру и не запятнано христианским владычеством. А когда все свершится и Кевин поймет, что пути назад нет, он, несомненно, тоже предпочтет поддержать нового короля Авалона.

Туман сгущался, и это было на руку Моргейне. Теперь ей будет легче осуществить свой замысел. Моргейна поплотнее закуталась в плащ; ее знобило. Нужно действовать немедленно, или они обогнут Озеро, и им пора будет сворачивать на юг, к Корнуоллу. Туман уже сделался таким плотным, что Моргейна едва различала силуэты трех воинов, ехавших перед ней. Повернувшись в седле, Моргейна убедилась, что трое всадников, следовавших сзади, тоже почти не видны. Правда, все еще можно было разглядеть землю под ногами, а вот наверху туман превратился в непроницаемый белый полог, не пропускавший ни солнечных лучей, ни света дня.

Моргейна привстала в седле, раскинув руки, и прошептала заклинание, которым никогда прежде не смела пользоваться. На мгновение ее захлестнул ужас. Нет, это всего лишь холод; сила прошла сквозь ее тело и опустошила ее... Поежившись, Уриенс поднял голову и брюзгливо произнес:

— В жизни не видал такого тумана. Мы так заблудимся, и нам придется ночевать на берегу Озера! Пожалуй, нам лучше попросить приюта в монастыре в Гластонбери...

— Мы не заблудились, — возразила Моргейна. Теперь туман сделался настолько густым, что она едва видела землю под копытами своей лошади. *«О, как я гордилась в бытность свою девой Авалона, что говорю только правду! Но искусство власти требует лгать. И как иначе я смогу послужить Богине?»* — Я знаю каждый шаг на этом пути. Мы сможем сегодня ночью найти приют в одном месте, неподалеку от берега, а наутро двинуться дальше.

— Мы не могли так уж далеко уехать, — заметил Артур. — Я слышу колокола Гластонбери — они звонят к молитве...

— В тумане звуки разносятся далеко, — сказала Моргейна, — а в таком тумане все будет слышно еще дальше. Уж поверь, Артур.

Король ласково улыбнулся ей.

— Я всегда тебе верил, милая сестра.

Да, это правда. Он всегда ей верил и полагался на нее — с тех самых пор, как Игрейна передала его на попечение Моргейны. Поначалу Моргейна ненавидела крикливого младенца, но потом поняла, что Игрейна забросила и предала их обоих и что теперь она должна заботиться о малыше, утирать ему слезы... Моргейна заставила себя позабыть о чувствах. Все это было давно — целую жизнь назад. С тех пор Артур успел заключить Великий Брак с этой страной и изменить ей. Он поклялся защищать эту землю — а сам отдал ее в руки священников, чтоб те отняли ее у богов, да-

рующих полям плодородие. Авалон ее руками, руками жрицы, возвел Артура на трон, а теперь... Теперь Авалон ее руками низвергнет Артура.

«Я не смею причинить ему вред, Матерь... Да, я должна отнять у него священный меч и передать его тому, кто станет пользоваться им во славу Богини — но я никогда не смогу поднять руку на Артура...

Но на что Король-Олень, когда вырос молодой олень?»

Таковы законы природы, и они не станут меняться лишь ради того, чтоб пощадить чувства Моргейны. Артуру придется без защиты чар встать лицом к лицу со своей судьбой. Моргейна сама создала это заклинание и наложила его на ножны Эскалибура — это произошло сразу после того, как она вступила в Великий Брак с Артуром; тогда она, сама того не зная, уже носила в чреве его дитя. Среди рыцарей недаром поговаривали, что Артур заколдован, что даже самые тяжелые раны не грозят его жизни, ибо он почти не теряет крови. Нет, она не поднимает руку на сына своей матери и отца своего ребенка. Но заклинание, сотворенное последним отголоском ушедшего девства, она может отнять. А там — пусть будет, как решит Богиня.

Волшебный туман сделался столь плотным, что Моргейна с трудом могла рассмотреть коня Уриенса. Из мглы показалось лицо старого короля. Уриенс был мрачен и сердит.

— Моргейна, ты точно знаешь, куда ты нас ведешь? Я никогда здесь не бывал. Чтоб мне пусто было, если я хоть когда-нибудь видал вон тот распадок между холмами...

— Клянусь тебе, что знаю эту дорогу, и никакой туман мне не помешает.

Моргейна видела у себя под ногами невысокие кустики; они ничуть не изменились с того самого дня, как она искала вход на Авалон — с того дня, когда она побоялась вызвать ладью... *«О Богиня,* — мысленно взмолилась Моргейна, не решаясь даже шептать, — *сделай так, чтоб церковные колокола не звонили, пока я не найду вход — иначе он исчезнет в тумане, и мы никогда не попадем в волшебную страну...»*

— Вот сюда, — сказала Моргейна, подобрав поводья и слегка пришпорив коня. — Следуй за мной, Артур.

Она быстро въехала в туман, понимая, что спутники не смогут за нею угнаться — здесь ведь ничего не было видно. Сзади доносились приглушенные ругательства Уриенса — старик явно был очень зол. Вот послышался голос Артура; король успокаивал своего коня. На миг Моргейне до боли ярко представился ее собственный скелет, восседающий на скелете лошади... Что ж, чему быть, того не миновать. Туман начал редеть, и внезапно путники оказались в тенистом лесу. Стоял ясный день. Солнца они не ви-

дели, но сквозь листву струился зеленоватый свет. У Артура вырвался удивленный возглас.

Из чащи вышли двое мужчин, и один из них звонко воскликнул:

— Артур, лорд мой! Как мы рады тебя видеть! Добро пожаловать!

Артуру пришлось резко натянуть поводья, иначе его конь мог бы и затоптать незнакомцев.

— Кто вы такие и откуда вам ведомо мое имя? — нетерпеливо спросил он. — И что это за место?

— Ну как же, мой лорд! Это — замок Чариот, и наша королева давно мечтала, чтобы ты побывал у нее в гостях!

Артур, похоже, пришел в замешательство.

— Я и не знал, что в здешних краях есть какой-то замок. Должно быть, в этом тумане мы заехали куда дальше, чем нам казалось.

Уриенс с подозрением поглядывал по сторонам, но Моргейна видела, что знакомые чары волшебной страны уже начали действовать на Артура, — а значит, он не станет больше ни о чем расспрашивать. Он будет чувствовать себя словно во сне, когда все происходит просто потому, что происходит, и вопросы не нужны. А вот ей ни в коем случае нельзя терять голову...

— Королева Моргейна, — произнес один из мужчин, смуглый красавец. Так могли бы выглядеть предки невысоких, темноволосых жителей Авалона — или они сами, но в грезах. — Наша королева рада будет принять тебя. И тебя, мой лорд Артур, мы тоже приглашаем к нам на пир...

— Да, после этой езды в тумане неплохо было бы поесть, — добродушно согласился Артур. Он не стал возражать, когда незнакомец взял его коня под уздцы и повел в лес. — Так ты знаешь королеву этих земель, Моргейна?

— Я познакомилась с ней еще в юности.

«И она посмеялась надо мной... и предложила мне оставить своего ребенка в волшебной стране...»

— Странно, почему она никогда не приезжала в Камелот, чтоб принести клятву верности, — нахмурившись, произнес Артур. — Не могу толком припомнить, но мне кажется, будто я когда-то что-то слыхал о замке Чариот... нет, не помню. Ну, да ладно, — отмахнулся он от этой мысли. — По крайней мере, эти люди ведут себя вполне по-дружески. Поклонись от меня королеве, Моргейна. Несомненно, я увижусь с ней на пиру.

— Несомненно, — отозвалась Моргейна, глядя, как незнакомцы уводят Артура прочь.

«Мне ни в коем случае нельзя терять голову. Нужно считать удары сердца, чтоб следить за ходом времени. Надо следить за до-

рогой — или я попаду в паутину собственных чар...» И она собралась с духом, готовясь к встрече с королевой.

Статная королева была все такой же — вечной и неизменной; но все же она чем-то походила на Вивиану, словно они с Моргейной были близкими родственницами. И она действительно обняла и поцеловала Моргейну, словно родственницу.

— Что заставило тебя по доброй воле явиться на наши берега, Моргейна Волшебница? — спросила королева. — Твой рыцарь здесь. Одна из моих дам нашла его... — Королева взмахнула рукой, и Акколон оказался рядом с ними. — ...нашла его в тростниках. Он заблудился в тумане и бродил вдоль Озера...

Акколон схватил Моргейну за руку; его рука была теплой и сильной — настоящей... Однако теперь Моргейна даже не могла сказать, находятся ли они под открытым небом или в каком-нибудь замке, стоит ли стеклянный трон королевы посреди величественной рощи или в огромном сводчатом зале, превосходящем своим великолепием даже камелотский зал Круглого Стола.

Акколон преклонил колени перед троном, и королева возложила руки на его голову. Потом она взяла рыцаря за запястье, и змеи словно бы зашевелились, принялись извиваться — а потом переползли на ладонь к королеве, и та принялась, играя, рассеянно поглаживать их синие заостренные головы.

— Ты сделала хороший выбор, Моргейна, — сказала королева. — Думаю, он никогда тебя не предаст. Слушайте меня. Артур хорошо попировал, а когда он ляжет...

Еще один взмах руки — и стена распахнулась. И в бледном свете Моргейна увидела Артура; он спал, положив голову на руку — а другой рукой он обнимал юную девушку с длинными темными волосами. Судя по облику, она вполне могла быть дочерью королевы — или самой Моргейны.

— Он, конечно же, думает, что это ты и что все вокруг — всего лишь сон, насланный нечистым, — с улыбкой заметила королева. — Он потому-то и ушел столь далеко от нас, что полагает, будто должен стыдиться самого заветного своего желания... Ты об этом не знала, моя Моргейна, моя милая?

Моргейне почудилось, будто она — словно во сне — слышит ласковый голос Вивианы.

— Так спит король в объятьях той, кого ему суждено любить до смерти... А что же будет, когда он проснется? Ты заберешь Эскалибур и бросишь Артура на берегу, чтобы он вечно искал тебя в тумане?

Внезапно Моргейне вспомнился скелет коня, лежавший под сенью волшебного леса...

— Нет, только не это, — содрогнувшись, произнесла она.

— Тогда ему придется остаться здесь. Но если он и вправду столь набожен, как ты говоришь, и примется читать молитвы,

чтоб избавиться от наваждения, все это развеется. Он потребует вернуть ему коня и меч — что нам тогда делать, леди?

— Я возьму меч, — мрачно сказал Акколон. — И пусть Артур попробует его у меня отобрать.

Тут к ним подошла темноволосая девушка, и в руках у нее был Эскалибур, спрятанный в ножны.

— Я забрала это, пока король спит, — сказала девушка. — А он во сне назвал меня Моргейной...

Моргейна прикоснулась к рукояти меча, изукрашенной драгоценными камнями.

— Дитя, подумай хорошенько, — сказала королева. — Быть может, лучше будет прямо сейчас вернуть Священную реликвию на Авалон, — и пускай Акколон начнет свой путь короля с тем мечом, который сумеет добыть?

Моргейна задрожала. Внезапно ей показалось, что зал — или рощу, или чем бы это место ни являлось — окутала тьма. Спящий Артур лежал у ее ног. Или он все-таки находился где-то вдалеке?

Но Акколон протянул руку и схватил меч.

— Я возьму Эскалибур и ножны, — заявил он.

Моргейна опустилась перед ним на колени и прицепила священный меч к поясу Акколона.

— Да будет так, любимый... Носи его с большей честью, чем тот, для кого я сделала эти ножны...

— Да не допустит Богиня, чтобы я когда-либо предал тебя. Уж лучше я умру, — прошептал Акколон. Голос его дрожал от волнения. Он поднял Моргейну и поцеловал. Так они стояли, приникнув друг к другу, пока мрак ночи не начал рассеиваться. Королева улыбнулась — насмешливо, но доброжелательно. И от этой улыбки их словно окружило сияние.

— Когда Артур потребует меч, он его получит... и некое подобие ножен тоже. Но эти ножны ничуть не помешают его ранам кровоточить.... Отдай меч моим кузнецам, — велела королева девушке, и Моргейна уставилась на них, словно во сне. Неужто ей пригрезилось, что она опоясала Акколона священным мечом?

И королева и девушка ушли — и Моргейне почудилось, что они находятся в огромной роще, и настало время зажигать костры Белтайна, и Акколон заключил ее в объятия, как жрец — жрицу. А потом они стали просто мужчиной и женщиной, и Моргейне казалось, что время остановилось, что их тела слились, что у нее не осталось ни собственных сил, ни собственной воли, и поцелуи Акколона обжигали ее губы огнем и льдом... *«Ему предстоит встретиться в поединке с Королем-Оленем, и я должна подготовить его...»*

Но как же так вышло, что они лежали в роще, и священные символы покрывали тело Моргейны, юное и нежное, и он на-

крыл ее тело своим, и вошел в нее — и Моргейна почувствовала рвущую боль, как будто он снова взял ее девственность, целую вечность назад отданную Увенчанному Рогами? Неужто для него она снова стала девой, словно и не было всех этих лет? Почему ей видится над его головой тень оленьих рогов? Кто этот мужчина, которого она держит в объятиях, и что их связывает? Он застыл в изнеможении, придавив Моргейну своей тяжестью; дыхание его было сладким, словно мед. Моргейна ласкала и целовала его, и когда он слегка отодвинулся, она уже не осознавала, ни рядом с кем она лежит, ни того, золотом или вороновым крылом отливают волосы, касающиеся ее лица. Маленькие змеи осторожно проползли по ее груди, розовой, нежной и полуоформившейся, почти что детской. Синие змейки обвились вокруг сосков, и это прикосновение пронзило Моргейну болью и наслаждением.

А потом Моргейна поняла, что, если бы она и вправду того пожелала, время пошло бы вспять и замкнулось в кольцо, и она могла бы вновь выйти из пещеры вместе с Артуром, и навеки привязать его к себе, и ничего бы тогда не случилось...

Но затем она услышала, как Артур громко требует свой меч и проклинает колдовство. Моргейна смотрела на проснувшегося Артура — казалось, будто она взирает на него откуда-то издалека, с высоты, таким маленьким он казался, — и понимала, что их судьба, их прошлое и будущее, находится в его руках. Если бы он смог принять то, что произошло между ними, если б он позвал ее и попросил остаться с ним, если бы сумел признаться самому себе, что лишь ее он любил все эти годы, и сказал, что никто больше не встанет между ними...

«Тогда Ланселет получил бы Гвенвифар, а я бы стала королевой Авалона, и у меня был бы сын от моего супруга, и он бы стал Королем-Оленем, и пал в свой черед...»

На этот раз Артур не отвернется от нее в ужасе, и она не оттолкнет его, и не зальется слезами, словно дитя... Весь мир словно застыл на миг в гулкой тишине, ожидая, что же скажет Артур...

Артур заговорил, и слова его разнеслись по всему миру фэйри, словно приговор рока — словно сама ткань времени задрожала под грузом рухнувших лет.

— Иисус и Мария, сохраните меня от всякого зла! — воскликнул Артур. — Это какие-то нечестивые чары, наведенные моей сестрой и ее злым колдовством.

Он вздрогнул и потребовал:

— Принесите мой меч!

Сердце Моргейны едва не разорвалось от боли. Она повернулась к Акколону, и вновь ей показалось, что чело его увенчано оленьими рогами, и Эскалибур снова висел у него на поясе — или он никуда и не исчезал? — змеи, скользившие по ее нагому

телу; превратились в поблекшие синие линии на запястьях рыцаря.

— Смотри, — спокойно произнесла Моргейна, — они несут ему меч, похожий на Эскалибур — кузнецы-фэйри сковали его за ночь. Если сможешь — позволь ему уйти. Если же нет... Что ж, тогда исполни свой долг, милый. Да пребудет с тобою Богиня. Я буду ждать тебя в Камелоте — возвращайся с победой.

Она поцеловала Акколона и отослала его.

Лишь теперь Моргейна до конца осознала суть своего замысла. Одному из них предстоит умереть: ее брату — или ее возлюбленному; ребенку, которого она некогда держала на руках — или Увенчанному Рогами, ее любовнику, ее жрецу и королю...

«Чем бы ни завершился сегодняшний день, — подумала Моргейна, — *мне никогда, никогда больше не изведать счастья — ведь в любом случае я потеряю того, кого люблю...»*

Моргейна не могла последовать за Артуром и Акколоном; нужно было еще решить, как поступить с Уриенсом. На миг Моргейна задумалась: не оставить ли его в волшебной стране? Пусть странствует в свое удовольствие среди зачарованных чертогов и лесов, пока не скончается... *«Нет. Хватит с меня смертей»,* — подумала Моргейна и сосредоточилась мыслями на Уриенсе, что лежал, охваченный сном. Когда Моргейна приблизилась к нему, старый король пробудился и сел; судя по виду, он пребывал в состоянии блаженного опьянения.

— Здешнее вино чересчур крепкое для меня, — сказал Уриенс. — А где ты была, дорогая? И где Артур?

«В этот самый миг, — подумала Моргейна, — *дева из рода фэйри поднесла Артуру меч, столь похожий на Эскалибур, что у короля не возникнет и тени сомнения... О, Богиня, лучше бы я отослала меч на Авалон! Ну почему кто-то должен умирать из-за него?»* Но без Эскалибура Акколон не сможет взойти на престол как новый король, служащий Авалону... *«Когда я стану королевой, страна будет жить в мире, и люди освободятся — никакие священники больше не смогут указывать им, как поступать и во что верить...»*

— Артуру пришлось отправиться вперед, — мягко сказала Моргейна. — Пойдем, дорогой мой супруг. Нам следует вернуться в Камелот.

Уриенс не стал ни о чем ее расспрашивать — чары волшебной страны подействовали и на него. Им привели лошадей, и рослые, прекрасные собою придворные королевы-фэйри проводили их на некоторое расстояние. Затем один из них сказал:

— Отсюда вы уже и сами найдете дорогу.

— Как быстро темнеет, — пожаловался Уриенс, когда вокруг них внезапно сгустился серый туман и пошел дождь. — Моргейна, а сколько мы прогостили у этой королевы? У меня такое чув-

ство, словно я валялся с лихорадкой или меня заколдовали и я бродил невесть где...

Моргейна не ответила. Она подумала, что Уриенс небось тоже позабавился с девами-фэйри. Ну и ладно. Пускай развлекается как хочет, лишь бы ее оставил в покое.

Внезапный приступ тошноты напомнил Моргейне, что она ни разу за все время, проведенное в волшебной стране, не вспомнила о своей беременности. И вот теперь, когда от нее будет зависеть столь многое, когда Гвидион получит трон, а Акколон будет править... она теперь станет неуклюжей и жалкой... Она чересчур стара, чтобы выносить ребенка! Это просто опасно — в ее-то возрасте! Может, еще не поздно отыскать нужные травы и избавиться от нежеланного бремени? О да, если б она смогла родить Акколону сына — тогда, когда власть уже окажется в его руках, — то стала бы ему еще дороже. Сумеет ли она пожертвовать этой возможностью влиять на него? *«Пожертвовать ребенком, которого я могла бы прижать к груди, которого могла бы растить с самого младенчества...»*

Моргейна до сих помнила, как сладко пахло от маленького Артура, как малыш обнимал ее за шею. Гвидиона у нее забрали. Увейну, когда он приучился звать ее матерью, было уже девять лет. Ее охватило безрассудное, непреодолимое желание вновь прижать к груди дитя... Но здравый смысл твердил, что ей, в ее-то возрасте, не пережить родов. Моргейна ехала рядом с Уриенсом словно во сне. Нет, она не сможет родить этого ребенка. И все же Моргейна никак не могла собраться с силами и окончательно обречь его на смерть.

«И без того уже мои руки будут обагрены кровью любимого человека... О, Богиня, за что ты так жестоко испытываешь меня?» И Богиня предстала перед взором Моргейны — но облик ее постоянно изменялся. Миг назад она выглядела, как королева фэйри — и вот ее сменяет Врана, торжественная и бесстрастная; а вот — Великая Свинья, прервавшая жизнь Аваллоха... *«И она пожрет ребенка, которого я ношу...»* Моргейна чувствовала, что стоит на грани исступления — или безумия.

«Я решу это потом, позже. А сейчас я должна отвезти Уриенса обратно в Камелот». Интересно, как долго она пробыла в волшебной стране? Пожалуй, не более месяца, иначе дитя уже куда заметнее давало бы знать о себе. Моргейна очень надеялась, что прошло не больше нескольких дней. Срок должен быть не слишком мал — иначе Гвенвифар удивится, почему они так быстро вернулись, но и не слишком велик — или будет поздно совершить то, что совершить необходимо; она не сможет родить этого ребенка и остаться в живых.

Они добрались до Камелота к середине дня. Оказалось, что они и вправду отсутствовали не слишком долго. К радости Мор-

гейны, с Гвенвифар они не столкнулись. А когда Кэй спросил ее об Артуре, Моргейна солгала — на этот раз без малейших колебаний, — что он задержался в Тинтагеле. *«По сравнению с убийством ложь — не такой уж страшный грех»*, — подумала истерзанная беспокойством Моргейна. И все же, солгав, она почувствовала себя осквернённой. Она была жрицей Авалона и привыкла высоко ценить правдивость...

Моргейна отвела Уриенса в его покои; теперь старик выглядел усталым и сбитым с толку. *«Он становится слишком стар, чтобы править. Смерть Аваллоха подкосила его куда сильнее, чем я предполагала. Но он тоже воспитывался в заветах Авалона. На что Король-Олень, когда вырастает молодой олень?»*

— Теперь приляг, супруг мой, и отдохни, — сказала Моргейна. Но Уриенс закапризничал.

— Я должен ехать в Уэльс. Акколон слишком молод, чтобы править самостоятельно! Он еще щенок! Мой народ нуждается во мне!

— Они как-нибудь смогут обойтись без тебя еще один день, — попыталась успокоить его Моргейна. — А ты тем временем окрепнешь.

Но Уриенс не унимался.

— Я и без того слишком долго отсутствовал! И почему мы не доехали до Тинтагеля? Моргейна, я не могу вспомнить, почему мы повернули обратно! Мы вправду побывали в стране, где постоянно светило солнце?

— Должно быть, тебе что-то пригрезилось, — сказала Моргейна. — Может, ты все-таки немного поспишь? Или мне велеть, чтоб принесли еду? Боюсь, ты не поел сегодня утром...

Но когда слуги принесли обед, от вида и запаха пищи Моргейну снова замутило. Она стремительно отвернулась, пытаясь скрыть дурноту, но Уриенс все-таки заметил ее состояние.

— Что с тобой, Моргейна?

— Ничего! — сердито отрезала она. — Ешь и ложись отдыхать.

Но Уриенс улыбнулся и привлек жену к себе.

— Ты забываешь, что до тебя у меня были и другие жены, — сказал он. — Я уж как-нибудь способен узнать беременную женщину.

Эта весть явно обрадовала его.

— Моргейна — ведь ты понесла! После стольких лет! Но это же прекрасно! Я лишился одного сына — но получу другого! Дорогая, давай, если будет мальчик, мы назовем его Аваллохом!

Моргейну передернуло.

— Ты забыл, сколько мне лет, — сказала она. Лицо ее окаменело. — Вряд ли я сумею доносить дитя до срока. В твои годы не следует уже надеяться на появление сына.

— Но мы будем хорошо заботиться о тебе, — сказал Уриенс. — Тебе следует посоветоваться с повивальными бабками королевы. Если дорога домой может грозить выкидышем, ты останешься здесь до родов.

«С чего ты взял, что это твой ребенок, старик?» — хотелось крикнуть Моргейне. Конечно же, это дитя Акколона... Но внезапно ее охватил страх. А вдруг это и вправду ребенок Уриенса?.. Ребенок старика, хилый и болезненный, чудовище наподобие Кевина... Да нет, она с ума сошла! Кевин вовсе не чудовище — просто ему пришлось претерпеть еще в детстве тяжкие побои, и сломанные кости неправильно срослись. Но дитя Уриенса наверняка должно родиться хилым и уродливым... а дитя Акколона — крепким и здоровым... но она и сама уже почти вышла из детородного возраста. Не родит ли она какое-нибудь чудовище? Такое иногда случалось, если женщина была немолода. Уж не свихнулась ли она, что позволяет себе терзаться всяческими необоснованными предположениями?

Нет. Она не желает умирать, а у нее нет ни малейшей надежды родить ребенка и остаться в живых. Значит, ей следует как-то раздобыть нужные травы... Но как? У нее нет наперсницы при дворе; она не может положиться ни на кого из дам Гвенвифар в столь щепетильном деле. А если по замку поползут слухи, что старая королева Моргейна забеременела от своего дряхлого мужа, как все будут хохотать!

Правда, был еще мерлин, Кевин... но она сама оттолкнула его, прогнала, с презрением отказавшись от его любви и верности... Ну что ж, при дворе обязательно должны найтись какие-нибудь повивальные бабки. Быть может, ей удастся подкупить одну из них и заставить ее помалкивать. Она расскажет повитухе жалостливую историю о том, как тяжело ей далось рождение Гвидиона и как ей страшно рожать еще раз — в ее-то годы! Ведь повитухи — женщины, они непременно ее поймут. Да и в ее запасах найдется пара трав: если смешать их с третьей — в общем-то безвредной, — она получит нужный результат. Даже при дворе она будет не первой женщиной, избавившейся от нежеланного ребенка. Но нужно действовать тайно, или Уриенс никогда не простит ей... Во имя Богини, да какое ей до этого дело?! К тому времени, как вся эта история выплывет на свет, она, Моргейна, уже будет королевой Артура — нет, Акколона, — а Уриенс отправится в Уэльс, или на тот свет, или в преисподнюю...

Она оставила Уриенса спать и крадучись выбралась из комнаты. Отыскав одну из повитух королевы, Моргейна попросила у нее третью, совершенно безвредную траву и, вернувшись к себе, заварила нужное снадобье. Она знала, что ей будет очень, очень плохо — но ничего другого не оставалось. Травяной отвар был

горьким, как желчь. Морщась, Моргейна выпила его до последней капли, вымыла чашку и убрала ее.

Если бы только знать, что сейчас происходит в волшебной стране! Если б только знать, справился ли ее любимый с Эскалибуром... Моргейну мутило, но снедающая ее тревога не позволяла женщине просто улечься рядом с Уриенсом; она не могла больше оставаться наедине со спящим — но и не смела закрыть глаза, ибо боялась мучительных видений крови и смерти.

Немного погодя Моргейна взяла прялку и веретено и спустилась в покои королевы; она знала, что там сейчас сидят за неизменным тканьем и прядением и Гвенвифар со своими дамами, и даже Моргауза. Моргейна всегда терпеть не могла прясть, но она уж как-нибудь сумеет держать себя в руках. И лучше уж прясть, чем сидеть в одиночестве. А если вдруг в ней проснется Зрение... Что ж, по крайней мере, она узнает, что случилось на границах волшебной страны с двумя дорогими ей людьми, и перестанет терзаться неизвестностью...

Гвенвифар не слишком-то обрадовалась появлению Моргейны, но все же обняла ее и предложила присесть рядом с ней, у очага.

— Что это ты вышиваешь? — поинтересовалась Моргейна, разглядывая красивое полотнище, над которым сейчас трудилась Гвенвифар.

Королева с гордостью развернула вышивку перед Моргейной.

— Это покров на алтарь. Вот, смотри, это — Дева Мария. К ней явился ангел, чтоб возвестить, что она носит сына Бога. А вот стоит изумленный Иосиф. Видишь, я сделала его стариком, с длинной бородой...

— Если б я была стариком вроде Иосифа и моя нареченная жена побыла наедине с таким красавчиком, как этот твой ангел, а потом сообщила мне, что ждет ребенка, я бы кой-чего подумала насчет этого ангела, — непочтительно отозвалась Моргейна. Впервые она задумалась: а насколько же чудесным было это непорочное зачатие? Кто знает — вдруг мать Иисуса сочинила эту историю об ангелах, чтоб скрыть правду о своей беременности... Хотя, с другой стороны, не только у христиан — во всех религиях есть история о девушке, забеременевшей от бога...

«Да взять хоть меня, — подумала Моргейна, взяв пригоршню прочесанной шерсти и принявшись прясть. Она чувствовала, что вот-вот сорвется в истерику. — *Я ведь и сама отдала свою девственность Увенчанному Рогами и родила сына Королю-Оленю... Интересно, а Гвидион возведет меня на небесный престол, как Матерь Божью?»*

— Моргейна, ну что ж ты вечно язвишь... — обиделась Гвенвифар.

Моргейна поспешно похвалила вышивку и поинтересовалась, кто сделал для нее рисунок.

— Я сама его нарисовала, — сообщила Гвенвифар.

Моргейна искренне удивилась; она бы никогда и не подумала, что Гвенвифар обладает подобным дарованием.

— Отец Патриций пообещал, что научит меня перерисовывать буквицы красной и золотой красками, — сказала королева. — Он говорит, что у меня неплохо получается... во всяком случае, для женщины. Знаешь, Моргейна, мне бы и в голову не пришло, что я могу заняться чем-нибудь таким, если бы не те прекрасные ножны, которые ты подарила Артуру. Он говорил, что ты вышила их своими руками. Они такие красивые... — простодушно, словно юная девушка, щебетала Гвенвифар. — Я много раз предлагала сделать ему другие — мне не нравилось, что христианский король носит языческие символы, — но он всегда отвечал, что это подарок его возлюбленной сестры и он всегда будет носить только их. Они и вправду очень хороши... А где ты брала золотые нити для вышивки — на Авалоне?

— У нас прекрасные кузнецы, — сказала Моргейна. — А их работа по золоту и серебру не знает себе равных. — От вращения прялки ее охватывала дурнота. Сколько времени пройдет, прежде чем ее начнет выворачивать наизнанку от выпитого снадобья? Комната была душной и затхлой, как самая жизнь этих женщин, что без конца пряли, ткали и шили, чтоб одеть своих мужчин... Одна из дам Гвенвифар вскорости должна была разрешиться от бремени; она шила пеленку для малыша... Другая украшала вышивкой теплый плащ — для отца, или брата, или мужа, или сына... И покров на алтарь, который вышивала Гвенвифар... Конечно, королева может себе позволить подобные развлечения — ведь для нее шьют, ткут и прядут другие.

Веретено мерно вращалось; пряслице спустилось до самого пола. Моргейна размеренно скручивала нить. Когда же она научилась прясть? Сколько Моргейна себя помнила, она всегда умела спрясть ровную нить. Одним из самых ранних ее воспоминаний было, как они с Моргаузой сидели на крепостной стене Тинтагеля и пряли. И даже тогда у Моргейны нитка получалась лучше, хоть она и была на десять лет младше тетки.

Моргейна поделилась своими мыслями с Моргаузой, и та рассмеялась.

— Да ты уже в семь лет была куда лучшей пряхой, чем я!

Веретено вращалось, медленно опускаясь к полу. Моргейна смотала нить на прялку и взяла следующий клок шерсти. Как она прядет эту нить, так она прядет и людские жизни... неудивительно, что Богиню иногда представляют в облике пряхи... «Мы одеваем человека с первого и до последнего мига жизни — от пеленки до савана. Без нас он воистину был бы наг...»

И как тогда, в волшебной стране, когда Моргейна сквозь некий проем увидела Артура спящим рядом с девушкой, что так походила на нее, — так и теперь перед нею распахнулось огромное пространство. Пряслице опускалось к полу, тянулась нить — а Моргейна видела лицо Артура: вот он идет куда-то с мечом в руке... а вот он развернулся и увидел Акколона, вооруженного Эскалибуром... Ах! Они схватились друг с другом, и теперь Моргейна не могла ни разглядеть их лиц, ни расслышать их слов...

Они сражались яростно, и Моргейна, одурманенная мерным вращением веретена, не понимала, почему она не слышит звона мечей. Вот Артур нанес могучий удар; он стал бы смертельным для Акколона, не сумей тот принять его на щит — а так Акколон отделался всего лишь раной в ногу. Плоть расступилась под клинком, но из разреза не показалось ни капли крови. Артур же пропустил лишь скользящий удар в плечо, но из раны хлынула кровь, и по руке потекли темно-красные струйки. Артур уставился на них в ужасе и недоумении и схватился за ножны, проверяя, на месте ли они. Но ножны были поддельными — даже Моргейна видела, как они дрожат, готовые развеяться в любой миг. Мечи зацепились гардами, и противники сплелись в смертельном объятии, пытаясь одолеть друг друга. Акколон неистово рванулся, и меч, находившийся в руках Артура — поддельный Эскалибур, сработанный за одну-единственную ночь колдовством фэйри, — сломался у самой рукояти. Артур извернулся в отчаянной попытке уйти от смертоносного удара и изо всех сил пнул врага. Акколон рухнул, а Артур выхватил у него из рук настоящий Эскалибур и отшвырнул как можно дальше, а затем бросился на упавшего и сорвал с него ножны. Едва лишь ножны оказались у Артура, как рана на его руке перестала кровоточить — а из рассеченного бедра Акколона ударила кровь...

Мучительная боль пронзила все тело Моргейны; Моргейна скорчилась, не в силах выносить ее...

— Моргейна! — ахнула Моргауза и закричала: — Королеве Моргейне плохо! Помогите ей!

Видение исчезло. Как Моргейна ни старалась, она не могла больше разглядеть двоих мужчин, не могла узнать, кто из них победил и не упал ли кто-то мертвым... Раздался звон церковных колоколов, и противников словно скрыла непроницаемая завеса. Последнее, что разглядела Моргейна — как двоих раненых уносят на носилках в монастырь в Гластонбери, куда она не могла за ними последовать... Она вцепилась в поручни кресла. Одна из дам Гвенвифар опустилась на колени перед Моргейной и подняла ей голову.

— Ох! Только гляньте! Твое платье все в крови — это не обычное кровотечение.

У Моргейны во рту пересохло, но она все-таки прошептала:

— Нет... Это выкидыш... Я носила ребенка... Теперь Уриенс будет гневаться на меня...

Одна из дам королевы, веселая толстушка примерно одних лет с Моргейной, отозвалась:

— Ай-яй-яй! Стыд и срам! Так значит, его светлость король Уэльса будет гневаться? Ну-ну, с каких это пор он у нас сделался Господом Богом? Тебе давно следовало выставить этого старого козла из своей постели, леди! В твоем возрасте от выкидыша и умереть можно! Старый греховодник хоть бы постыдился навлекать на тебя такую опасность! Он еще гневаться будет!

Женщины перенесли Моргейну на кровать. Гвенвифар, позабыв о былой вражде, не отходила от Моргейны ни на шаг.

— Бедная Моргейна! Ну нужно же было случиться такому несчастью! Я понимаю, как тебе сейчас плохо, бедная моя сестра... — приговаривала она, сжимая холодные руки Моргейны. Моргейна не совладала с чудовищным приступом тошноты, и ее вырвало. Гвенвифар заботливо поддерживала ей голову — саму Моргейну била дрожь. — Я послала за Брокой. Это самая искусная из придворных повитух, она позаботится о тебе, бедная ты моя...

Моргейне казалось, будто сочувствие Гвенвифар вот-вот задушит ее. Ее терзали накатывающиеся одна за другой волны боли — словно ей в живот всадили меч. Но даже это, даже это было не так скверно, как роды, а значит, она сумеет это пережить... Моргейну знобило, ее мучили рвотные позывы, но она изо всех сил цеплялась за остатки сознания; она хотела понимать, что происходит вокруг. Быть может, дело и так шло к выкидышу — очень уж быстро подействовало снадобье. Пришла Брока, осмотрела Моргейну, принюхалась к блевотине и понимающе приподняла брови.

— Леди, — обратилась она к Моргейне, понизив голос, — тебе следовало быть осторожнее. Ты могла отравиться этим зельем. У меня есть средство, которое помогло бы тебе куда быстрее, и тебя бы так не рвало. Не бойся, я ничего не скажу Уриенсу. Раз он настолько выжил из ума, что делает ребенка женщине твоих лет, то ему и не нужно ничего знать.

Моргейну вновь одолела дурнота. Какое-то время спустя Моргейна осознала, что ей становится куда хуже, чем она предполагала... Гвенвифар спросила, не вызвать ли ей все-таки священника; Моргейна покачала головой и закрыла глаза. Она лежала, погрузившись в безмолвие, и ее не волновало, будет она жить или умрет. Раз Акколон или Артур должны умереть, то и она уйдет к теням... Почему она не может их увидеть? Где они лежат в Гластонбери? Кому из них суждено уйти? Конечно, монахи позаботятся об Артуре, он ведь христианский король и их

правитель. Но вдруг они не захотят помочь Акколону и оставят его умирать?

«Если Акколону и вправду суждено уйти к теням, пусть он позаботится о душе своего сына», — подумала Моргейна, и по лицу ее потекли слезы. Откуда-то издалека до нее донесся голос повитухи Броки.

— Да, все кончено. Ты уж меня прости, государь, но ты не хуже меня знаешь, что твоя жена слишком стара, чтоб рожать. Да, мой лорд, ты можешь зайти, — нелюбезно согласилась повитуха. — Мужчины только и думают, что о своих удовольствиях, а женщинам потом мучиться! Нет, срок слишком маленький, тут еще не поймешь, мальчик это или девочка. Но леди уже родила одного прекрасного сына. Уж конечно, она бы родила тебе и другого, если бы была достаточно сильной и молодой, чтоб выносить его!

— Моргейна, милая, взгляни на меня... — взмолился Уриенс. — Мне так тебя жаль, так жаль... Но не горюй, дорогая. У меня все равно есть два сына, и я не стану упрекать тебя...

— Вот еще! — возмутилась повитуха. Она по-прежнему была настроена весьма воинственно. — Не хватало, чтоб ты ее попрекал, государь, да еще сейчас, когда ей так плохо! Мы тут поставим еще одну кровать, чтоб леди могла спокойно поспать, пока не придет в себя. Ну-ка...

Моргейна почувствовала, как Брока приподняла ей голову; что-то теплое и успокаивающее коснулось ее губ.

— Давай-ка, милая, выпей это. Тут мед и травы, чтоб остановить кровь — я знаю, что тебя тошнит, но все-таки постарайся это выпить, будь хорошей девочкой...

Моргейна принялась глотать горьковато-сладкое питье; слезы застилали ей глаза. На миг Моргейне показалось, будто она вернулась в детство и слегла с какой-то детской хворью, и Игрейна ухаживает за ней.

— Мама... — позвала она. Но в то же самое время Моргейна осознавала, что все это бред, что Игрейна давным-давно умерла, и сама она уже не дитя и не девушка, — она стара, так стара, что ей остается лишь лежать и ждать прихода столь отвратительной смерти...

— Нет, государь, она не понимает, что говорит. Ну-ну, милая, теперь тебе надо полежать спокойно и постараться уснуть. Сейчас мы положим в ноги нагретые камни, и тебе станет тепло...

Успокоившись, Моргейна погрузилась в сон. Ей снилось, будто она вновь стала маленькой девочкой. Она находилась на Авалоне, в Доме дев, и Вивиана что-то ей говорила, но Моргейна толком не понимала ее слов — что-то насчет того, что Богиня прядет людские судьбы. Вивиана вручила Моргейне веретено и

велела прясть, но нитка получалась неровная и узловатая. В конце концов Вивиана, рассердившись, сказала: «Ну-ка, дай сюда!..» И Моргейна отдала веретено вместе с неровной ниткой. Только теперь перед ней уже была не Вивиана, а грозный лик Богини, — а Моргейна была маленькой, такой маленькой... Она пряла и пряла, но пальцы ее были слишком маленькими, чтоб удержать прялку; а у Богини было лицо Игрейны...

Моргейна пришла в себя не то день, не то два спустя; сознание ее было ясным и холодным, но тело терзало ощущение пустоты и ноющая боль. Она прижала руки к животу и мрачно подумала: *«Я могла бы избавиться хоть от части страданий; мне следовало бы знать, что я и без того готова скинуть плод. Ну, что ж, сделанного не воротишь. Теперь я должна приготовиться к известию о смерти Артура; надо подумать, что я буду делать, когда вернется Акколон. Гвенвифар нужно будет отправить в монастырь — или, если хочет, пускай уезжает вместе с Ланселетом за море, в Малую Британию. Я им мешать не стану...»* Она встала, оделась и привела себя в порядок.

— Моргейна, тебе лучше бы еще полежать. Ты такая бледная, — сказал Уриенс.

— Нет. Скоро сюда придут необычные вести, муж мой, и мы должны быть готовы встретить их, — отозвалась Моргейна, продолжая вплетать в косы алые ленты и драгоценные украшения.

Уриенс подошел к окну.

— Взгляни-ка — соратники упражняются в воинских искусствах. Мне кажется, Увейн — лучший наездник среди них. Посмотри, дорогая, — ведь он не уступает даже Гавейну, правда? А вон рядом с ним и Галахад. Моргейна, не горюй о потерянном ребенке. Увейн всегда будет относиться к тебе, как к родной матери. Я же говорил тебе перед свадьбой, что никогда не стану упрекать тебя за бесплодие. Я был бы рад еще одному ребенку, но раз не судьба, то не стоит об этом и горевать. И, — робко добавил он, взяв Моргейну за руку, — может, это только к лучшему. Я ведь чуть было не потерял тебя...

Моргейна стояла у окна, чувствуя на своей талии руку Уриенса. Муж внушал ей отвращение, но в то же время она была ему признательна за доброту. Пожалуй, ему незачем знать, что это был сын Акколона, решила Моргейна. Пускай себе гордится, что в столь преклонных годах сумел зачать дитя.

— Смотри, — воскликнул Уриенс, вытягивая шею, чтобы лучше видеть, — что это там в воротах?

Во двор въехал всадник, за ним — монах в темной рясе, верхом на муле, и следом лошадь, несущая мертвое тело...

— Идем, — сказала Моргейна, ухватила Уриенса за руку и потащила за собой. — Теперь нам нужно спуститься вниз.

Бледная и безмолвная, она вышла во двор рука об руку с

Уриенсом; Моргейна чувствовала, что выглядит величественно и внушительно, как и подобает королеве.

Время словно застыло, как будто они вновь оказались в волшебной стране. Если Артур одержал верх, почему он не приехал? Но если на этой лошади тело Артура, где же пышность и церемонии, причитающиеся мертвому королю? Уриенс хотел было поддержать жену под локоть, но Моргейна оттолкнула его руку и вцепилась в дверной косяк. Монах откинул капюшон и спросил:

— Не ты ли — Моргейна, королева Уэльса?

— Я, — отозвалась Моргейна.

— У меня для тебя послание, — сказал монах. — Твой брат Артур лежит раненый в Гластонбери, под присмотром наших сестер, но он непременно поправится. Он прислал тебе вот это, — монах махнул рукой в сторону завернутого в саван тела, — в подарок и велел передать, что меч Эскалибур и ножны у него.

С этими словами он снял с тела покров, и Моргейна, чувствуя, как силы стремительно покидают ее, увидела устремленные в небо незрячие глаза Акколона.

Уриенс закричал пронзительно и страшно. Увейн протолкался сквозь собравшуюся толпу и успел подхватить отца, когда тот рухнул, сраженный горем, на тело старшего сына.

— Отец, отец, что с тобой?! Боже милостивый! Акколон! — задохнулся Увейн и шагнул к лошади, на которой лежал мертвый Акколон. — Гавейн, друг мой, пожалуйста, поддержи моего отца... Мне надо позаботиться о матери — она сейчас упадет в обморок...

— Нет, — сказала Моргейна. — Нет.

Она слышала собственный голос, словно откуда-то со стороны, и даже не понимала, что же она пытается отвергать. Она кинулась бы к Акколону, рыдая от горя и отчаянья, но Увейн крепко держал ее.

На лестнице показалась Гвенвифар. Кто-то шепотом объяснил ей, что случилось, и Гвенвифар, спустившись, взглянула на Акколона.

— Он умер, взбунтовавшись против Верховного короля, — отчетливо произнесла она. — Так пусть не обретет он христианского погребения! Пусть его тело бросят на поживу воронам, а голову вывесят на крепостной стене, как и положено обходиться с предателями!

— Нет! О, нет! — вскричал Уриенс. — Умоляю тебя, королева Гвенвифар! Ты же знаешь — я всегда был твоим верным подданным, а мой бедный мальчик уже поплатился за свое преступление — молю тебя, леди, ради Иисуса Христа! Иисус тоже умер, как преступник, вместе с разбойниками, и проявил милосердие даже к ним... Будь же милостива и ты...

Гвенвифар словно не слышала его.

— Что с моим лордом Артуром?

— Он выздоравливает, леди, но он потерял много крови, — сказал монах. — И все же он велел передать тебе, чтоб ты не боялась. Он непременно поправится.

Гвенвифар облегченно вздохнула.

— Король Уриенс, — произнесла она, — ради нашего доброго рыцаря Увейна я выполню твою просьбу. Отнесите тело Акколона в церковь и положите...

К Моргейне вернулся дар речи.

— Нет, Гвенвифар! Предай его земле, раз у тебя хватило великодушия, — но Акколон не был христианином! Не нужно хоронить его по христианскому обряду! Уриенс обезумел от горя и не ведает, что говорит!

— Успокойся, матушка, — попросил Увейн, крепко обнимая Моргейну за плечи. — Пожалуйста, не надо сейчас спорить о вере — ради меня и отца. Раз Акколон не служил Христу, то тем сильнее он теперь нуждается в милосердии Божьем — ведь он умер, как предатель.

Моргейна хотела возразить, но голос вновь изменил ей. Сдавшись, она позволила Увейну увести себя со двора, но как только они переступили порог замка, Моргейна вырвалась из рук пасынка и пошла сама. Она заледенела, словно последние искры жизни покинули ее. Моргейне чудилось, что не прошло и нескольких часов с того момента, как она лежала в объятиях Акколона — там, в волшебной стране, — как прикрепила к его поясу Эскалибур... И вот теперь она стояла по колено в воде, глядя, как безжалостный поток уносит прочь все, что было ей дорого, — а на нее обвиняюще смотрели глаза Увейна и его отца.

— О да, я знаю, что это ты замыслила предательство, — сказал Увейн. — Но мне не жаль Акколона. Как он мог позволить, чтоб женщина совратила его с пути истинного! Пожалуйста, матушка, веди себя пристойно. Не надо больше втягивать ни меня, ни отца в свои нечестивые замыслы.

Он сердито взглянул на Моргейну, затем повернулся к отцу; тот оцепенело застыл, ухватившись за первое, что подвернулось под руку. Увейн усадил старика в кресло, опустился на колени и поцеловал ему руку.

— Милый мой отец, я по-прежнему с тобой...

— Сын мой, сын мой!.. — в отчаянье застенал Уриенс.

— Посиди здесь, отец, отдохни — тебе понадобятся силы, — сказал Увейн. — Позволь, я пока что позабочусь о матери. Ей тоже нехорошо...

— О матери — ты говоришь?! — вскричал Уриенс, подхватившись и воззрившись на Моргейну с неукротимой яростью. — Чтоб я никогда больше не слышал, что ты зовешь эту гнусную женщину матерью! Или, по-твоему, я не знаю, что это из-за ее

чародейства мой милый сын восстал против своего короля? И думается мне, что это ее злое колдовство погубило Аваллоха — а еще тот сын, которого она должна была мне родить! Трех моих сыновей послала она на смерть! Берегись, чтоб она и тебя не соблазнила и не оплела своими чарами и не довела до погибели — нет, она не мать тебе!

— Отец! Мой лорд! — негодующе воскликнул Увейн и протянул руку Моргейне. — Прости его, матушка, он сам не понимает, что говорит. Вы оба сейчас не в себе от горя. Ради Бога, успокойтесь — довольно с нас на сегодня несчастий...

Но Моргейна не слышала его. Этот человек, этот муж, нежеланный и нелюбимый — вот все, что осталось у нее после крушения замыслов! Надо было бросить его умирать в волшебной стране! И вот теперь он стоит тут и несет какую-то чушь — а Акколон мертв, Акколон, стремившийся воскресить все, от чего отступился его отец, все, что клялся беречь — и предал — Артур... Все пропало — остался лишь выживший из ума старик...

Моргейна сорвала с пояса изогнутый авалонский нож и ударила Увейна по руке. Кинувшись к Уриенсу, она занесла нож, сама едва ли понимая, что собирается делать.

Но тут ее запястье оказалось в железных тисках, и Увейн попытался отнять нож. Моргейна принялась вырываться, но Увейн держал ее мертвой хваткой.

— Не надо, матушка! — взмолился он. — Что за бес в тебя вселился? Матушка, взгляни — это всего лишь отец... О Господи, смилуйся же над его горем! Он не собирался ни в чем тебя обвинять! Он сам не знает, что говорит! Он опомнится и поймет, что наговорил глупостей... и я тебя ни в чем не виню... Матушка, матушка, послушай! Отдай мне нож! Матушка!..

Эти повторяющиеся крики — «Матушка!» — и звеневшие в голосе Увейна любовь и мука в конце концов пробились сквозь пелену, застилавшую зрение и разум Моргейны. Она позволила Увейну отобрать нож, отрешенно заметив, что пальцы ее в крови — за время борьбы она поранилась о бритвенно-острое лезвие. Увейн тоже не обошелся без порезов, и теперь сунул палец в рот, словно мальчишка.

— Милый отец, прости ее, — жалобно попросил Увейн, склонившись над Уриенсом. Старик сидел в кресле, бледный, как смерть. — Она обезумела. Она ведь тоже любила моего брата — и она же очень больна, вспомни. Ей вообще не стоило сегодня подниматься с постели. Матушка, давай я позову твоих служанок, чтоб они помогли тебе вернуться в кровать. Вот, возьми, — сказал Увейн, вложив ей в руку изогнутый нож. — Я знаю, что это память о твоей приемной матери, Владычице Авалона, — ты рассказывала об этом, еще когда я был маленьким. Бедная моя матушка, — вздохнул он, обняв Моргейну за плечи. Моргейна

еще помнила те времена, когда она была выше Увейна, тощего мальчишки с по-птичьи тонкими косточками, — и вот теперь пасынок возвышался над нею, бережно прижимая Моргейну к груди. — Матушка, милая моя матушка, ну не надо, не надо, не плачь... я знаю, ты любила Акколона не меньше, чем меня... бедная моя матушка...

Ах, если бы она и вправду могла разрыдаться, выплакать это чудовищное горе и отчаянье! Слезы Увейна капали ей на лоб, и Уриенс плакал, но Моргейна застыла, не в силах проронить ни слезинки. Мир сделался серым и ломким, и все, на что ни падал взгляд Моргейны, казалось ей огромным и грозным, и в то же время — неимоверно далеким и крохотным, словно детская игрушка... Моргейна боялась шелохнуться — а вдруг от ее прикосновения все рассыплется на кусочки? Она не заметила, как пришли служанки. Они перенесли окостеневшую, безропотно подчиняющуюся Моргейну на кровать, сняли корону и праздничный наряд, который Моргейна надела в предвкушении своего торжества; Моргейна видела, что ее нижняя рубашка и платье снова залиты кровью, но сейчас это казалось совершенно неважным. Прошло немало времени, прежде чем Моргейна очнулась и поняла, что ее вымыли и переодели в чистое; она лежала в одной постели с Уриенсом, а рядом с ней дремала на табурете служанка. Моргейна приподнялась и взглянула на спящего старика. Лицо его опухло и покраснело от рыданий, и Моргейне почудилось, будто перед нею чужой, незнакомый человек.

Да, Уриенс был добр к ней — на свой лад. *«Но теперь все это — в прошлом, и мои труды в той стране завершены. Я больше никогда в жизни не увижу Уриенса и не узнаю, где он упокоится».*

Акколон погиб, и все ее замыслы обратились в прах. Эскалибур и волшебные ножны, оберегающие своего владельца, по-прежнему у Артура. Что ж, раз единственный человек, которому Моргейна могла доверить это дело, подвел ее и умер, значит, она сама должна стать карающей рукою Авалона и повергнуть Артура.

Моргейна оделась, двигаясь бесшумно, словно тень, и прицепила к поясу авалонский нож. Она оставила все красивые платья и драгоценности, что дарил ей Уриенс, и облачилась в самое простое свое темное платье, напоминающее одеяние жрицы. Разыскав свою сумку с травами и лекарствами, Моргейна в темноте, на ощупь, нарисовала на лбу синий полумесяц. Затем она взяла самый скромный плащ, какой только удалось найти — не свой собственный, расшитый золотом и драгоценными камнями, а сотканный из грубой шерсти плащ служанки, — и тихо, крадучись спустилась вниз.

Из церкви доносилось пение молитв; Увейн все-таки как-то упросил церковников отпеть Акколона. Впрочем, какое это имеет значение? Акколон свободен, а бездыханному праху нет

дела до лицедейства священников. Сейчас важно лишь одно: вернуть меч Авалона. Моргейна двинулась прочь от церкви. Когда-нибудь, когда у нее появится время, она оплачет Акколона. Ныне же она должна завершить начатое им дело.

Бесшумно пробравшись в конюшню, Моргейна отыскала своего коня и кое-как умудрилась оседлать его, хоть руки и с трудом слушались хозяйку. Затем она вывела лошадь со двора через маленькую калитку в стене.

Взобраться в седло оказалось делом нелегким; Моргейну одолела дурнота, и в какой-то миг королева едва не рухнула наземь. Может, лучше подождать или попробовать позвать на помощь Кевина? Мерлин Британии обязан выполнять повеления Владычицы. Нет, Кевину доверять нельзя. Он уже предал Вивиану и отдал ее в руки тех самых священников, что ныне распевают свои псалмы над беспомощным телом Акколона. Моргейна шепотом послала лошадь вперед и почувствовала, как та пошла рысью; у подножия холма Моргейна обернулась, чтоб бросить прощальный взгляд на Камелот.

— Я еще вернусь сюда — но лишь однажды. И после этого в Камелоте не останется ничего, к чему я могла бы вернуться, — прошептала Моргейна, сама не зная, что же означают эти слова.

При том, что Моргейна не раз ездила на Авалон, лишь однажды ей довелось побывать на Острове монахов; и вот теперь, направляясь в Гластонберийский монастырь, где покоилась Вивиана и где провела свои последние годы Игрейна, Моргейна чувствовала себя куда неуютнее, чем тогда, когда ей приходилось пробираться сквозь туманы потаенной страны. На озере устроили перевоз, и Моргейна дала лодочнику мелкую монету, чтоб он отвез ее на остров. Интересно, что бы он сделал, если бы она вдруг встала во весь рост и прочла заклятие — и лодка полетела бы сквозь туманы, на Авалон. Но нет, этого она не сделает. *«А почему?* — спросила у себя Моргейна. — *Только потому, что не могу?»*

Предрассветный воздух был холоден и свеж. Над водой плыл колокольный звон, негромкий и чистый, и Моргейна увидела череду серых фигур, неспешно тянувшихся ко входу в церковь. Братия встала к заутрене и уже принялась распевать псалмы; на миг Моргейна застыла, прислушиваясь. Здесь, на этом острове, была похоронена их с Артуром мать. И Вивиану тоже погребли под звук церковных песнопений. Моргейна, всегда тонко чувствовавшая музыку, прислушалась к негромкой мелодии, долетавшей до нее с утренним ветерком, и на глаза ее навернулись слезы. Неужто ей и вправду хочется оскорбить эту святую землю?

Ей почудилось, будто полузабытый голос Игрейны укоризненно произнес: «Дети, перестаньте. Сейчас же помиритесь...»

Последний серый силуэт скрылся в дверях церкви. Моргейна много слыхала о здешнем аббатстве... Она знала, что здесь обосновалась монашеская община и что в некотором отдалении от мужского монастыря проживают монахини, женщины, давшие обет во имя Христа всю жизнь оставаться девственницами. Моргейна скривилась от отвращения. Бог, велевший людям более заботиться о царствии небесном, чем о земной жизни — а ведь она дана для познания и духовного роста! — был совершенно чужд ей. И вот теперь, когда она своими глазами увидела, как мужчины и женщины сходятся лишь ради молитвы и никому из них даже в голову не приходит поговорить о чем-либо ином или коснуться друг друга, в ней вспыхнуло раздражение. Ну, да, на Авалоне тоже были непорочные девы — она сама до надлежащего срока вела именно такую жизнь, а Врана отдала Богине не только свое тело, но даже и голос. Да взять хоть приемную дочь Моргейны, дочь Ланселета, Нимуэ — Врана избрала ее для отшельничества... Но Богиня признавала, что подобный выбор — редкость, и не следует требовать подобного от каждой женщины, стремящейся служить ей.

Моргейна не верила слухам, что ходили среди ее авалонских подруг — будто монахи и монахини лишь притворяются, будто ведут святую и безгрешную жизнь, чтоб поразить воображение простого люда, а сами за дверями монастырей творят что хотят. Да, она презирала бы подобный обман. Если человек вознамерился служить духу, а не плоти, его служение должно быть истинным; а лицемерие отвратительно в любом своем проявлении. Но самая мысль о том, что монахи живут именно так, как утверждают и что некая сила, именующая себя божественной, способна предпочесть бесплодие плодородию — вот что казалось Моргейне истинным предательством тех сил, что дают жизнь миру.

«Глупцы! Они обедняют свои жизни и хотят навязать это всем остальным!..»

Но ей не следует задерживаться здесь надолго. Моргейна повернулась спиной к церкви и, стараясь держаться как можно незаметнее, двинулась к дому для гостей; она призвала Зрение, чтоб разыскать Артура.

В доме для гостей находились три женщины: одна дремала у входной двери, вторая возилась на кухне, помешивая кашу в котелке, а третья сидела у двери той комнаты, в которой смутно ощущалось присутствие Артура; Артур крепко спал. Но женщины, облаченные в скромные платья и покрывала, забеспокоились при приближении Моргейны; они и вправду были по-своему святы и обладали чем-то наподобие Зрения — они чувствова-

ли в Моргейне нечто глубоко чуждое им, должно быть, саму природу Авалона.

Одна из монахинь встала и, преградив Моргейне путь, шепотом спросила:

— Кто ты и зачем явилась сюда в столь ранний час?

— Я — Моргейна, королева Северного Уэльса и Корнуолла, — негромко, но повелительно отозвалась Моргейна, — и я пришла, чтоб повидать своего брата. Или ты посмеешь помешать мне?

Она поймала и удержала взгляд монахини, а затем взмахнула рукой, сотворив простенькое заклинание подчинения, и женщина попятилась, не в силах вымолвить ни слова — не то что остановить непрошеную гостью. Моргейна знала, что впоследствии монахиня сочинит целую историю о кошмарных чарах, но на самом деле ничего ужасного в этом заклинании не было: просто сильная воля подчиняла более слабую, да еще и привычную к послушанию.

В комнате тлел неяркий огонек, и в полумраке Моргейна увидела Артура — небритого, изможденного, со слипшимися от пота волосами. Ножны лежали на постели, в ногах у Артура... Должно быть, он предвидел, что Моргейна примерно так и поступит, и не позволил их спрятать. А в руке король сжимал рукоять Эскалибура.

«Так все-таки он что-то почувствоваал!» Моргейну охватило смятение. Так значит, Артур тоже обладал Зрением; хоть обликом он нимало не походил на смуглых и темноволосых жителей Британии, он принадлежал к древнему королевскому роду Авалона — а значит, мог читать мысли Моргейны. Моргейна поняла, что стоит ей попытаться забрать Эскалибур, как Артур тут же почувствует ее намерения, проснется — и убьет ее. В этом она ни капли не сомневалась. Да, Артур был добрым христианином — или считал себя таковым, — но он взошел на трон, перебив своих врагов; а кроме того, Моргейна неким таинственным образом смутно ощутила, что Эскалибур сросся с самой сутью, с самим духом царствования Артура. Будь это не так, будь Эскалибур обычным мечом, Артур охотно вернул бы его на Авалон и обзавелся другим мечом, еще более прочным и красивым... Но Эскалибур превратился для него в зримый и ярчайший символ того, что представлял собою Артур-король.

«Или, возможно, меч сам пожелал срастись с душой Артура и его царствованием, и сам убьет меня, буде я пожелаю его отнять... Посмею ли я пойти против воли столь могущественного магического символа?» Вздрогнув, Моргейна выбранила себя за разыгравшееся воображение. Ее рука легла на рукоять ножа; он был остр, словно бритва, а сама Моргейна могла при необходимости двигаться со стремительностью атакующей змеи. Она видела, как

бьется жилка на шее Артура, и знала, что, если ей удастся одним сильным движением перерезать проходящую под ней артерию, Артур умрет, не успев даже вскрикнуть.

Моргейне уже приходилось убивать. Она без колебаний послала Аваллоха на смерть, а не далее как три дня назад она убила безвинное дитя в своем чреве... Тот, кто лежал сейчас перед нею, был худшим из предателей, сомнений нет. Всего один удар, быстрый и бесшумный... Но ведь это — тот самый ребенок, которого Игрейна поручила ее заботам, ее первая любовь, отец ее сына, Увенчанный Рогами, Король... *«Да бей же, дура! Ты ведь за этим пришла!*

Нет. Довольно с меня смертей. Мы с ним вышли из одного чрева. Как я смогу после смерти взглянуть в лицо матери, если на руках моих будет кровь брата?»

Моргейна чувствовала, что вот-вот сойдет с ума. Ей послышался сердитый возглас Игрейны: *«Моргейна, я ведь велела тебе позаботиться о малыше!»*

Артур пошевелился во сне, словно тоже услышал голос матери. Моргейна вернула нож на место и взяла с кровати ножны. По крайней мере, их она имела право забрать: она вышила эти ножны своими руками и сама сплела заклинание.

Моргейна спрятала ножны под плащ и быстро направилась сквозь редеющие сумерки к лодочной пристани. Когда лодочник перевез ее на другой берег, Моргейна ощутила знакомое покалывание, и ей показалось, что она видит очертания авалонской ладьи... Они собрались вокруг нее — гребцы с ладьи. Скорее, скорее! Она должна вернуться на Авалон!.. Но рассвет все ширился, и на воду легла тень церкви, и внезапно солнечные лучи затопили все вокруг, а вместе с ними, по воде поплыл утренний колокольный звон. Моргейна застыла, словно громом пораженная. Пока длился этот звон, она не могла ни вызвать туманы, ни произнести заклинание.

— Можешь ты переправить нас на Авалон? — обратилась Моргейна к одному из гребцов. — Только быстро!

— Не могу, леди, — дрожа, отозвался он. — Туда трудно стало добраться, если нет жрицы, чтоб сотворить заклинание — а если даже и есть, то на рассвете, в полдень и на закате, когда тут звонят к молитве, через туманы вовсе не пробьешься. Сейчас — никак. Сейчас путь просто не откроется. Хотя если дождаться, пока звон стихнет, может, нам и удастся вернуться.

Но отчего же так получилось? Должно быть, дело в том, что мир таков, каким его видят люди. А вот уже три или четыре поколения год за годом привыкали, что есть лишь один Бог, один мир, один способ воспринимать действительность, и все, что покушается на это великое однообразие, суть зло и исходит от дьявола — а звон церковных колоколов и тень святого острова не

позволяют злу приблизиться. Все больше и больше людей верили в это — и вот это стало правдой, а Авалон превратился в сон, в видение, уплывающее в иной, почти недосягаемый мир.

О, да, она по-прежнему способна была вызвать туманы... но не здесь, где на воде лежала тень церкви, а гудение колоколов вселяло ужас в сердце Моргейны. Они оказались в ловушке, и где — на берегу Озера! Моргейна заметила, что от Острова монахов отходит лодка. Это за ней. Артур проснулся, обнаружил, что ножны исчезли, и бросился в погоню...

Что ж, пусть гонится. Есть и другие пути, ведущие на Авалон, — и там тень церкви уже не сумеет помешать ей. Моргейна быстро взобралась в седло и двинулась вдоль берега Озера; рано или поздно, но она найдет то место, откуда можно будет пройти сквозь туманы, — то самое место, где некогда они с Ланселетом нашли заблудившуюся Гвенвифар. Искать нужно не у самого озера, а где-то в болотах — и они выберутся на Авалон окольным путем, позади Священного холма.

Моргейна знала, что невысокие смуглые гребцы бегут сейчас вслед за ее конем — и будут бежать так хоть полдня, если понадобится. Но теперь она слышала топот копыт... Погоня шла по пятам; Артур настигал ее, и с ним были вооруженные рыцари. Моргейна пришпорила было коня — но это была дамская лошадь, и она не годилась для гонки...

Тогда Моргейна соскользнула на землю, не выпуская ножен из рук.

— Прячьтесь! — шепотом велела она гребцам, и те тут же бросились врассыпную и растворились среди деревьев и туманов. Они умели двигаться бесшумнее тени, и никому не под силу было отыскать их, когда они сами того не желали. Моргейна перехватила ножны поудобнее и побежала вдоль берега Озера. Она уже мысленно слышала голос Артура, ощущала его гнев...

Эскалибур был с ним; Моргейна чувствовала присутствие Священной реликвии Авалона, видела внутренним взором исходящее от нее сияние... Но ножен Артур не получит. Моргейна схватила их обеими руками, размахнулась и изо всех сил зашвырнула в Озеро — и увидела, как ножны погружаются в темные бездонные воды. Пучина поглотила их; пройдут годы, кожа и бархат сгниют, золотые и серебряные нити потускнеют и спутаются, и заклинание, вплетенное в них, развеется навеки...

Артур мчался по ее следам, сжимая в руке обнаженный Эскалибур... но и Моргейна, и ее спутники исчезли. Моргейна погрузилась в безмолвие, слилась с тенью, с деревом — словно неким образом отчасти перенеслась в волшебную страну; до тех пор, пока она стояла неподвижно, укрывшись безмолвием жрицы, ни один смертный не смог бы разглядеть даже ее тени...

Артур выкрикнул ее имя.

— Моргейна! Моргейна!

И в третий раз позвал он, громко и гневно — но вокруг были лишь безмолвные тени; Артур метался из стороны в сторону — однажды он проехал так близко от Моргейны, что та почувствовала дыхание его коня, — но в конце концов он изнемог и кликнул свою свиту. И рыцари обнаружили, что король едва держится в седле, и повязки на ранах пропитались кровью, — и они увезли Артура обратно.

Тогда Моргейна вскинула руку, и в мир вновь вернулся щебет птиц и шелест листвы на ветру.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

Впоследствии стали рассказывать, будто я похитила ножны при помощи чародейства, и Артур погнался за мной с сотней своих рыцарей — а меня будто бы сопровождали сто рыцарей-фэйри; а когда Артур почти настиг нас, я превратила себя и своих спутников в камни... Уверена, что когда-нибудь люди еще и не такое сочинят: например, скажут, что в конце концов я вызвала свою колесницу, запряженную крылатыми драконами, и улетела в волшебную страну.

Но на самом деле все было не так. Просто маленький народец умеет прятаться в лесу и становиться единым целым с деревьями и тенями, а я в тот день была одной из них — я научилась этому еще на Авалоне; а когда Артур со своими спутниками уехал прочь, измотанный долгой погоней и едва не теряя сознание от боли, я попрощалась с жителями Авалона и отправилась в Тинтагель. Но когда я добралась до Тинтагеля, меня уже мало волновало, что происходит в Камелоте; я слегла и долгое время находилась почти что при смерти.

Я и поныне не знаю, что же за хворь одолела меня в тот раз; знаю лишь, что, пока я лежала в постели, не ведая, суждено ли мне поправиться, и нимало о том не заботясь, миновало лето и настала осень. Я помню, что у меня долго держался жар; от слабости я не могла ни сидеть, ни самостоятельно есть и пребывала в столь угнетенном состоянии духа, что мне было все равно, выживу я или умру. Мои слуги — кое-кто из них жил здесь еще при Игрейне, когда я была малышкой, — думали, что меня заколдовали. Возможно, они были не так уж далеки от истины.

Марк Корнуольский признал себя моим подданным и поклялся в верности. Неудивительно — ведь Артур находился тогда в зените своего могущества, а Марк, несомненно, думал, что я приехала сюда с согласия Артура, и пока что не чувствовал в себе сил схватиться с королем даже ради земель, которые он считал своими. Годом раньше я посмеялась бы над этим или даже заключила союз с Марком и пообещала бы отдать ему Корнуолл, если он возглавит недовольных и выступит против Артура. Даже и в тот момент

у меня возникали подобные мысли. Но теперь, когда Акколон умер, все это потеряло смысл. Артур сохранил Эскалибур... Теперь, если Богиня пожелает отнять у него этот меч, ей придется сделать это самой, потому что я потерпела неудачу, я больше не жрица...

...Думаю, именно это и терзало меня сильнее всего: то, что я потерпела неудачу и подвела Авалон, а Богиня покинула меня и ничем мне не помогла, хоть я и исполняла ее волю. Артур, христианские священники и Кевин, этот предатель, оказались сильнее магии Авалона, и вот магии больше не осталось.

Ничего не осталось. Ничего и никого. Я горевала об Акколоне и о ребенке, чья жизнь оборвалась, едва начавшись. Я горевала и об Артуре, что был отныне потерян для меня и сделался моим врагом. Я горевала даже об Уриенсе, хоть в это и трудно поверить, и о безвозвратно утраченной жизни в Уэльсе, единственном в моей жизни спокойном приюте.

Я убила либо оттолкнула от себя всех, кого любила, — или их отняла у меня смерть. Игрейна скончалась, и Вивиану я потеряла — ее убили и похоронили среди священников, поклоняющихся этому богу смерти и рока. И Акколон был мертв, Акколон, которого я возвела в сан жреца и отправила на бой с христианскими священниками. Ланселет научился бояться и ненавидеть меня — и я действительно заслужила его ненависть. Гвенвифар меня на дух не выносила. И даже Элейна уже покинула этот мир... и Увейн, которого я любила, как родного, теперь меня возненавидел. Никого больше не интересовало, буду я жить или умру, — и мне тоже было все равно...

Уже осыпались последние листья, и над Тинтагелем выли зимние бури, когда ко мне в комнату вошла служанка и сказала, что ко мне приехал какой-то человек.

— В такое-то время?

Я глянула в окно: там было серо и уныло, как у меня на душе; лил бесконечный дождь. Кто же осмелился отправиться в путь в такую злую зиму, бросить вызов мгле и бурям? Хотя — какая мне разница?

— Скажи, что герцогиня Корнуольская не принимает, и отошли его.

— В такую-то ночь, леди, под дождь?

Я сильно удивилась, услышав, что служанка осмелилась возражать мне. Большинство слуг считали меня колдуньей и боялись, и меня это вполне устраивало. Но служанка была права. Тинтагель никогда не нарушал законов гостеприимства — ни во времена моего давно усопшего отца, ни при Игрейне... Что ж, пускай.

— Прими путника, как того требует его положение, накорми и уложи спать. Но скажи, что я больна и не могу с ним увидеться.

Служанка ушла, а я осталась лежать, глядя на ливень и мглу. Из щелей в окне тянуло холодом. Я пыталась вновь вернуться к от-

решенному, бездумному состоянию — лишь так я могла чувствовать себя хорошо. Но вскоре дверь снова отворилась и служанка опять шагнула через порог. Я подняла голову, вздрогнув от раздражения — первого чувства, испытанного мною за много недель.

— Я не звала тебя и не велела возвращаться! Как ты смеешь?!

— Я принесла послание, леди, — сказала служанка. — Я не посмела сказать «нет» столь важной особе... Гость сказал: «Я обращаюсь не к герцогине Корнуольской, а к Владычице Авалона. Она не может отказать Посланцу богов, когда мерлин ищет у нее совета», — умолкнув на миг, служанка добавила: — Кажется, я ничего не перепутала... Он заставил меня дважды повторить эти слова, чтоб проверить, все ли я запомнила.

И снова я невольно ощутила, как во мне шевельнулось любопытство. Мерлин? Но Кевин — человек Артура, он не поехал бы ко мне за советом. Разве этот предатель не встал окончательно и бесповоротно на сторону Артура и христианства? Но, быть может, это сан — Посланца богов, мерлина Британии — перешел к кому-то другому... Тут я подумала о своем сыне Гвидионе — то есть теперь мне полагалось называть его Мордредом; возможно, эта должность перешла к нему. Да и кто другой станет теперь считать меня Владычицей Авалона?.. Помолчав, я сказала:

— Передай гостю, что в таком случае я его приму, — и мгновение спустя добавила: — Но не в таком виде. Пришли кого-нибудь, чтоб одели меня.

Я знала, что мне не под силу даже одеться без посторонней помощи. Но я не желала, чтоб меня видели больной и немощной, прикованной к постели; я все-таки была жрицей Авалона, и я уж как-нибудь сумею с достоинством встретить мерлина — даже если он явился сообщить, что за все свои ошибки и промахи я приговорена к смерти... Ведь я — Моргейна!

Я кое-как встала с постели; служанки помогли мне одеться и обуться, заплели волосы и набросили поверх них покрывало жрицы; я даже сама нарисовала на лбу знак луны — у неуклюжей служанки он выходил слишком корявым. Руки мои дрожали — я отметила это, но как-то отстраненно, словно речь шла не обо мне, — и я была столь слаба, что даже не возражала, чтоб служанка поддерживала меня, когда я, едва переставляя ноги, спускалась по крутой лестнице. Но мерлин моей слабости не увидит!

В зале горел огонь; камин слегка чадил, как это всегда бывает во время дождя, и сквозь дым мне виден был лишь силуэт гостя. Он сидел у огня, спиной ко мне, кутаясь в серый плащ — но рядом с ним стояла высокая арфа, и по Моей Леди я узнала гостя; второй такой *арфы на свете не было. Кевин сделался совсем седым, но, когда я вошла, он встал и выпрямился.*

— Так значит, — сказала я, — ты по-прежнему называешь

себя мерлином Британии, хоть повинуешься теперь лишь Артуру и ни во что не ставишь Авалон?

— Я не знаю, как мне теперь себя называть, — тихо ответил Кевин, — разве что — слугою тех, кто служит богам, которые суть Единый Бог.

— Так зачем же, в таком случае, ты явился сюда?

— И этого я не знаю, — отозвался он. Как я любила его мелодичный голос! — Быть может, затем, моя милая, чтоб вернуть старый долг — старый, как эти холмы.

Затем он прикрикнул на служанку:

— Твоей леди нездоровится! Сейчас же подай ей стул!

У меня закружилась голова, и все вокруг затянуло серым туманом; когда я пришла в себя, я уже сидела у камина рядом с Кевином, а служанка исчезла.

— Бедная Моргейна, — сказал Кевин. — Бедная моя девочка...

И впервые с тех пор, как смерть Акколона обратила меня в камень, я почувствовала, что могу плакать; и я стиснула зубы, чтоб не расплакаться, ибо знала, что стоит мне проронить хоть слезинку, и я сломаюсь, и буду рыдать, рыдать, рыдать без конца, пока вся не изойду слезами...

— Я не девочка, Кевин Арфист, — жестко произнесла я, — а ты обманом добился встречи со мной. Говори, что ты хотел сказать, и уходи.

— Владычица Авалона...

— Я не Владычица Авалона, — отрезала я и вспомнила, что при последней нашей встрече прогнала Кевина, накричав на него и обозвав предателем. Теперь это казалось неважным; быть может, сама судьба свела здесь, в этом замке, у огня двух людей, предавших Авалон ... Я ведь тоже предала Авалон — так как же я смею судить Кевина?

— А кто же ты тогда? — тихо спросил Кевин. — Врана стара и вот уж много лет пребывает в безмолвии. Ниниана никогда не станет истинной правительницей — она слишком слаба для этого. Ты нужна там...

— При последнем нашем разговоре, — перебила я его, — ты сказал, что время Авалона прошло. Так кому же тогда и сидеть на троне Вивианы, как не ребенку, едва ли пригодному для этого высокого сана и способному лишь бессильно ожидать того дня, когда Авалон навеки уйдет в туманы? — К горлу моему подступила жгучая горечь. — Ты ведь отрекся от Авалона ради знамени Артура — так разве задача твоя не упростится, если Авалоном будут править старая пророчица и бессильная жрица?

— Ниниана — возлюбленная Гвидиона и орудие в его руках, — сказал Кевин. — И мне было явлено, что там нуждаются в тебе, в твоих руках и твоем голосе. И даже если Авалону и вправду суж-

дено уйти в туманы, неужто ты откажешься уйти вместе с ним? Я всегда считал тебя храброй.

Он взглянул мне в глаза и сказал:

— Ты умрешь здесь, Моргейна, умрешь от горя и тоски...

Я ответила, отвернувшись:

— За этим я сюда и пришла... — И впервые я осознала, что и вправду явилась в Тинтагель умирать. — Все мои труды обернулись прахом. Я проиграла, проиграла... ты должен радоваться, мерлин, — ведь Артур победил и твоими трудами тоже.

Кевин покачал головой.

— Тут нечему радоваться, ненаглядная моя, — сказал он. — Я делаю лишь то, что возложили на меня боги — так же, как и ты. Но если тебе и вправду предстоит узреть конец привычного нам мира, милая, пусть каждый из нас встретит этот рок на своем месте, служа тем богам, которым нам суждено служить... Не знаю, почему, но я должен вернуть тебя на Авалон. Мне было бы куда проще иметь дело с одной лишь Нинианой, но, Моргейна, твое место на Авалоне — а я буду там, куда меня пошлют боги. И на Авалоне ты найдешь исцеление.

— Исцеление! — с презрением фыркнула я. Я не желала исцеляться.

Кевин печально взглянул на меня. Он называл меня ненаглядной. Наверное, больше никто на целом свете не знал моей истинной сути; перед всеми прочими — даже перед Артуром — я притворялась, стараясь выглядеть лучше, чем я есть на самом деле, и с каждым я была иной. Даже перед Вивианой я притворялась, чтоб показаться более достойной сана жрицы... Кевин же видел во мне просто Моргейну, не больше и не меньше. Я вдруг поняла: даже если я предстану перед ним в облике Старухи Смерти и протяну костлявую руку, в его глазах я буду прежней Моргейной... Я всегда считала, что любовь не такова, что любовь — это то жгучее чувство, которое я испытывала к Ланселету или Акколону. К Кевину я относилась с отстраненным сочувствием, теплотой, дружелюбием — но не более того; я отдавала ему лишь то, чем мало дорожила, и все же... и все же лишь ему одному пришло в голову приехать сюда, лишь ему оказалось не все равно, буду ли я жить или умру от горя.

Но как он посмел побеспокоить меня, когда душа моя уже почти слилась с тем безграничным покоем, что лежит за гранью жизни?!

Я отвернулась от Кевина и проронила:

— Нет.

Я не могу снова вернуться к жизни, не могу бороться и страдать, и существовать под грузом ненависти тех, кто некогда меня любил... Если я останусь в живых, если вернусь на Авалон, мне придется вновь вступить в смертельную схватку с любимым моим Ар-

туром, вновь видеть Ланселета в плену у Гвенвифар. Нет, меня все это не касается. Я не вынесу больше этой боли, раздирающей мое сердце...

Нет. Я погрузилась в забвение, и вскоре — я это знала — мне предстояло уйти в него с головой... в забвение, в покой, так похожий на смерть, что подбиралась все ближе и ближе... Так неужто Кевин, этот предатель, вернет меня обратно?

— Нет, — повторила я и спрятала лицо в ладонях. — Оставь меня в покое, Кевин Арфист. Я пришла сюда, чтоб умереть. Оставь меня.

Он не шелохнулся и не произнес ни слова, и я тоже застыла, опустив покрывало на лицо. У меня не было сил уйти, но ведь, несомненно, он и сам вскоре встанет и удалится. А я... я буду сидеть, пока служанки не перенесут меня обратно в постель — и после этого никогда больше не встану с нее.

Но тут в тишине послышался негромкий звон струн. Это играл Кевин. А мгновение спустя он запел.

Я уже слыхала отрывки из этой баллады, ведь Кевин частенько пел ее при дворе Артура; в ней повествовалось о некоем барде, сэре Орфео, жившем в незапамятные времена: когда он пел, деревья пускались в пляс, и камни водили хороводы, и звери лесные приходили и смиренно ложились у его ног. Но сегодня Кевин не остановился на этом — он перешел к той части баллады, что повествовала о таинстве. Ее я слышала впервые. Кевин пел о том, как Орфео, посвященный, утратил свою возлюбленную и отправился ради нее в загробный мир. Он предстал перед Владыкой Смерти и взмолился, и тот дозволил Орфео спуститься в бессветный край и вывести оттуда его возлюбленную. И Орфео отыскал ее на Бессмертных полях...

А потом Кевин заговорил от имени души той женщины... и мне почудилось, что это говорю я.

— Не пытайся вернуть меня — я смирилась со смертью. Здесь нашла я отдохновение, нет ни боли здесь, ни борьбы, здесь смогу я забыть о любви и о горе.

Окружающий мир растаял. Я больше не чувствовала ни запаха дыма, ни ледяного дыхания ливня, я не ощущала собственного тела, больного и обессилевшего, застывшего в кресле. Мне казалось, будто я стою в саду, дышащем вечным покоем, среди цветов, лишенных аромата, и лишь далекий голос арфы упрямо пробивается сквозь безмолвие. Я не желала ее слушать, но арфа пела, взывая ко мне.

Она пела о ветре, что летит с Авалона и несет с собой то дуновение цветущих яблонь, то запах спелых яблок; ее голос дышал прохладой туманов над Озером; в нем слышался хруст веток — это олень мчался сквозь лес, дом маленького народца. Песня арфы вернула меня в то лето, когда я лежала у прогретого солнцем каменного

круга, и Ланселет обнимал меня, и кровь впервые бурлила в моих жилах, как весенние соки в пробудившемся дереве. А потом оказалось, что я вновь держу на руках своего новорожденного сына, и его волосенки касаются моего лица, и от него пахнет молоком... или это маленький Артур сидит у меня на коленях, уцепившись за меня, и гладит меня по щеке... и снова Вивиана возлагает руки на мое чело... и я вскидываю руки, взывая к Богине, и чувствую, что превращаюсь в мост меж небом и землей... и трепещут на ветру ветви рощи, где мы с молодым оленем лежим во тьме затмения, и Акколон зовет меня по имени...

И вот уже не одна лишь арфа, но голоса мертвых и живых взывали ко мне: «Вернись, вернись, вернись — тебя зовет сама жизнь, со всей ее радостью и болью...» И новая мелодия вплелась в песнь арфы.

«Это я зову тебя, Моргейна Авалонская... жрица Матери...»

Я вскинула голову — но не увидела Кевина, искалеченного и печального; на его месте стоял Некто, высокий и прекрасный, с сияющим ликом, со сверкающей Арфой и Луком в руках. При виде бога у меня перехватило дыхание, а голос все пел: «Вернись к жизни, вернись ко мне... ты, давшая клятву... за мраком смерти тебя ждет жизнь...»

Я попыталась отвернуться.

— Я не подчиняюсь никаким богам — одной лишь Богине!

— Но ведь ты и есть Богиня, — послышался среди вечного безмолвия знакомый голос, — и я зову тебя...

И на миг, словно взглянув в недвижные воды зеркала Авалона, я увидела себя в короне Владычицы жизни...

— Но ведь я старая, совсем старая, я принадлежу теперь не жизни — смерти... — прошептала я, и в тишине зазвучали знакомые слова древнего ритуала — но слетали они с уст бога.

— ...она будет и старой, и юной — как пожелает...

И мое отражение сделалось юным и прекрасным, как будто я снова превратилась в ту девушку, что некогда отправила Увенчаного Рогами бежать вместе со стадом... да, и я была стара, когда Акколон пришел ко мне, и все же я, неся в чреве его ребенка, послала Акколона на бой... и вот теперь я стара и бесплодна — но жизнь пульсировала во мне, вечная жизнь земли и ее Владычицы... и бог стоял передо мной, вечный и прекрасный, и звал меня вернуться к жизни... и я сделала шаг, затем другой, и медленно принялась подниматься из тьмы наверх, следуя за голосом арфы, что пела мне о зеленых холмах Авалона и водах жизни... а потом оказалось, что я стою, протягивая руки к Кевину... и он осторожно отставил арфу в сторону и подхватил меня в тот миг, когда я готова уже была упасть. Прикосновение сияющих рук бога обожгло меня — но это длилось лишь миг... а потом остался лишь певучий, слегка насмешливый голос Кевина:

— Моргейна, ты же знаешь — мне тебя не удержать.

Он бережно посадил меня обратно в кресло.

— Когда ты ела в последний раз?

— Не помню, — созналась я, и вдруг поняла, что и вправду едва жива от слабости.

Кевин кликнул служанку и велел мягко, но властно, как распоряжаются друиды и целители:

— Принеси госпоже хлеб и теплое молоко с медом.

Я приподняла было руку, пытаясь возразить; на лице служанки отразилось праведное негодование, и я вспомнила, что она дважды пыталась покормить меня — причем именно хлебом с молоком. Но все-таки служанка подчинилась; когда она принесла то, что у нее попросили, Кевин принялся ломать хлеб, макать кусочки в молоко и осторожно класть мне в рот.

— Довольно, — вскоре сказал он. — Ты слишком долго постилась. Но перед сном тебе непременно нужно будет еще выпить немного молока со взбитым яйцом... Я покажу слугам, как это готовится. Быть может, через пару дней ты уже достаточно окрепнешь, чтоб отправиться в путь.

И внезапно я расплакалась. Я наконец-то плакала об Акколоне, что ныне покоился в могиле, и об Артуре, что возненавидел меня, и об Элейне, что была мне подругой... и о Вивиане, лежащей среди христианских могил, и об Игрейне, и о себе самой, перенесшей столь много... И Кевин снова повторил:

— Бедная Моргейна. Бедная моя девочка, — и прижал меня к своей костлявой груди. И я плакала и плакала, пока в конце концов не успокоилась, и Кевин позвал служанок, чтоб те отнесли меня в постель.

И я уснула — впервые за много-много дней. А два дня спустя я отправилась на Авалон.

Я плохо помню, как мы ехали на север; я была тогда немощна и телом, и духом. Я оказалась на берегу Озера на закате, когда воды его были темно-алыми, а небо горело огнем; и вот на фоне пламенеющих вод и огненного неба появилась черная ладья, затянутая черной тканью, и обмотанные весла взлетали и опускались бесшумно, словно во сне. На миг мне показалось, будто передо мною Священная ладья, плывущая по безбрежному морю, о котором я не смею говорить, а темная фигура на носу — это Она, и я каким-то образом преодолела расстояние меж небом и землей... Но я и поныне не ведаю, наяву это было или во сне. А затем спустился туман и окутал нас; душа моя затрепетала, и я поняла, что вновь вернулась именно туда, где мне надлежит находиться.

Ниниана встретила меня на берегу и обняла — не как незнакомка, с которой мы встречались лишь дважды в жизни, а как дочь обнимает мать после многолетней разлуки. Она отвела меня в дом, где некогда жила Вивиана. На этот раз Ниниана не стала при-

ставлять ко мне кого-нибудь из младших жриц, а взяла все хлопоты на себя, постелила мне во внутренней комнате, принесла воды из Священного источника — и, отведав эту воду, я поняла, что хоть и нелегко мне будет исцелиться, для меня все же еще существует исцеление.

Мне достаточно было ведомо о могуществе. Я отказалась от мирских забот; настал час доверить их другим, мне же следовало отдыхать под заботливой опекой дочерей. Теперь я наконец-то могла горевать об Акколоне — а не о крушении всех моих надежд и замыслов. Теперь я видела, сколь безумны они были; ведь я — жрица Авалона, а не его королева. Но я оплакала расцвет нашей любви, недолгой и горькой, и ребенка, чья жизнь закончилась, даже не начавшись — и вдвойне больнее мне было оттого, что это я, своею собственной рукой отправила его в страну теней.

Траур мой был долог, и иногда мне казалось, что я до конца жизни не избуду этой скорби. Но в конце концов я научилась вспоминать обо всем этом без слез и уже не задыхалась от безудержной печали, встающей из глубины сердца при одной лишь мысли о днях нашей любви. Что может быть печальнее, чем помнить о любви и знать, что она потеряна навеки? Акколон даже никогда не снился мне, и хоть мне до боли хотелось увидеть его лицо, в конце концов я поняла, что оно и к лучшему — иначе я весь остаток жизни провела бы во сне... Ну а так все-таки настал день, когда я сумела мысленно обратиться к прошлому и понять, что срок траура миновал. Мой возлюбленный и мой ребенок ушли в мир иной, и кто знает, встречусь ли я с ними за порогом смерти? Но я была жива, я находилась на Авалоне, и долг требовал, чтобы я стала его Владычицей.

Не знаю, сколько лет я прожила на Авалоне прежде, чем все улеглось. Помню лишь, что я пребывала среди бескрайнего и безымянного покоя, равно чуждая и радости, и печали, не ведая ничего, кроме мелочей обыденной жизни. Ниниана не отходила от меня ни на шаг. Наконец-то я как следует познакомилась с Нимуэ — к этому времени она превратилась в высокую, молчаливую, светловолосую девушку, прекрасную, как Элейна в молодости. Нимуэ стала для меня дочерью; она приходила ко мне каждый день, и я учила ее всему тому, чему сама в юности научилась от Вивианы.

В последнее время кое-кто из последователей Христа начал замечать цветение Священного терна, и они мирно поклонялись своему богу, не стараясь изгнать красоту из мира, а любя мир таким, каким бог его создал. В те дни они во множестве приходили на Авалон, в надежде найти убежище от гонений и фанатизма. Стараниями Патриция в Британии появились новые веяния, и в том христианстве, что проповедовал он, не было места ни истинной красоте, ни таинствам природы. А от этих христиан, что пришли к нам, спасаясь от собственных единоверцев, я наконец узнала о Назареянине, сыне плотника, достигшем божественности и пропове-

довавшем терпимость. Так я поняла, что никогда не враждовала с Христом — но лишь с его тупыми, узколобыми священниками, приписывавшими собственную ограниченность ему.

Не знаю, сколько лет прошло — три, пять, а может, и все десять. До меня доходили слухи из внешнего мира — призрачные, словно тени, словно звон церковных колоколов, долетавший иногда до нашего берега. Так я узнала о смерти Уриенса, но о нем я не горевала; для меня он давно уже был мертв. Но все же я надеялась, что он исцелился от своих горестей. Он был добр ко мне — как умел. Мир праху его.

Приходили к нам и вести о деяниях Артура и его рыцарей — но здесь, среди безмятежности Авалона, все это казалось неважным. Эти рассказы ничем не отличались от старинных легенд, так что было не понять, о ком они повествуют: об Артуре, Кэе и Ланселете или о Ллире и детях богини Дану. А истории о любви Ланселета и Гвенвифар — или молодого Друстана и Изотты, жены Марка, — на самом деле были всего лишь перепевом древней повести о Диармаде и Грайне, что дошла к нам из незапамятных времен. Все это не имело значения. Мне казалось, что я все это уже слышала — давным-давно, еще в детстве.

Но однажды, прекрасным весенним днем, когда на Авалоне начали зацветать яблони, вечно безмолвствовавшая Врана закричала — и заставила меня вернуться к хлопотам того мира, который, как я надеялась, навсегда остался позади.

Глава 9

— Меч, меч таинств потерян... а теперь — и чаша, чаша, и все Священные реликвии!.. Все потеряно, все утрачено, все отнято у нас!

Этот крик разбудил Моргейну. Однако, когда она на цыпочках подобралась к двери комнаты, где спала Врана, — как всегда, одна, как всегда, соблюдающая молчание, — оказалось, что девушки, приставленные к Вране, спят; они ничего не слышали.

— Все было тихо, Владычица, — заверили они Моргейну. — Может, тебе приснился скверный сон?

— Если это вправду и был сон, то он приснился не мне одной — но и Вране тоже, — сказала Моргейна, глядя на безмятежные лица девушек. С каждым годом ей все сильнее казалось, что жрицы из Дома дев выглядят все моложе и все больше походят на детей... Ну разве можно доверять им священные тайны? Они же сущие девчонки! Девушки с едва оформившейся грудью... что они могут знать о жизни Богини — жизни мира?

И снова оглушительный вопль разнесся над Авалоном, грозя переполошить всех вокруг.

— Вот! Теперь вы слышите! — воскликнула Моргейна.

Но девушки лишь испуганно уставились на нее.

— Неужто ты грезишь с открытыми глазами, Владычица? — спросила одна из них, и Моргейна поняла, что на самом деле этот крик горя и ужаса был беззвучен.

— Я войду к ней, — сказала Моргейна.

— Но тебе нельзя... — начала было какая-то девушка, и тут же попятилась, позабыв закрыть рот — словно лишь сейчас осознала, с кем она говорит. Моргейна прошла мимо девушки, согнувшейся в поклоне.

Врана сидела на кровати; ее длинные распущенные волосы спутались, а в глазах плескался ужас. На миг Моргейне подумалось, что старой жрице и вправду приснился кошмар, что Врана странствовала дорогами сновидений...

Но Врана покачала головой. Нет, она совсем не походила на человека, который никак не может отойти от сна. Врана глубоко вздохнула, и Моргейна поняла, что жрица пытается заговорить, преодолев годы молчания; но голос словно не желал подчиняться ей.

В конце концов, дрожа всем телом, Врана произнесла:

— Я видела... видела это... предательство, Моргейна, предательство проникло в самое сердце Авалона... Я не разглядела его лица, но я видела в его руке великий меч Эскалибур...

Моргейна успокаивающе вскинула руку и сказала:

— На рассвете мы посмотрим в зеркало. Не надо, не говори — не мучай себя, милая.

Врану все еще била дрожь. Моргейна крепко сжала руку Враны и увидела в колеблющемся свете факела, что собственная ее рука сделалась морщинистой и покрылась старческими пятнами, а пальцы Враны напоминают узловатые веревки. *«Мы с ней пришли сюда юными девушками из свиты Вивианы; и вот мы обе — старухи...* — подумала Моргейна. *— О, Богиня, сколько же лет прошло...»*

— Но я должна говорить, — прошептала Врана. — Я слишком долго молчала... Я продолжала безмолвствовать даже тогда, когда боялась, что это произойдет... Слышишь гром и грохот ливня? Приближается буря, буря, что обрушится на Авалон и смоет его... и тьма опустится на землю...

— Ну что ты, что ты, милая! Успокойся, — прошептала Моргейна и обняла дрожащую жрицу. Может, Врана повредилась рассудком? Может, это было лишь наваждение, горячечный бред? Ведь никакого ливня нет! Над Авалоном светила полная луна, и яблоневые сады белели в ее свете. — Не бойся. Я останусь здесь, с тобой, а утром мы посмотрим в зеркало и узнаем, что же случилось на самом деле.

Врана улыбнулась, но улыбка ее была печальна. Она забрала

у Моргейны факел и погасила его; и во внезапно воцарившейся тьме Моргейна увидела сквозь щели отдаленную вспышку молнии. Мгновение тишины — и донесшийся откуда-то издалека приглушенный раскат грома.

— Это был не сон, Моргейна. Буря надвигается — и мне страшно. У тебя больше мужества, чем у меня. Ты жила в миру, ты знаешь истинные горести — не сны и видения... Но, быть может, и мне придется выйти в мир и навеки отказаться от молчания... и я боюсь...

Моргейна устроилась рядом со старой жрицей, укрыла ее и себя одеялом, обняла и так и лежала, пока Врана не перестала дрожать. Лежа в тишине и прислушиваясь к дыханию Враны, Моргейна вспомнила тот вечер, когда она привезла на Авалон Нимуэ — как Врана пришла к ней тогда, чтоб вновь приветствовать ее на Авалоне... *«Почему-то мне кажется теперь, что эта любовь была единственной истинной за всю мою жизнь...»* Врана положила голову ей на плечо, и Моргейна нежно прижала подругу к себе, утешая и успокаивая. Они пролежали так довольно долго — и вдруг раздался оглушительный удар грома. Женщины испуганно вскинулись, и Врана прошептала:

— Вот видишь...

— Успокойся, милая. Это всего лишь буря.

Едва лишь Моргейна произнесла эти слова, как обрушился ливень, стремительный и мощный, и за ним ничего уже нельзя было расслышать. По комнате принялся гулять холодный ветер. Моргейна молчала, сжимая руку Враны. *«Это всего лишь буря»*, — подумала она. Но страх Враны отчасти передался и ей, и Моргейна почувствовала, что ее тоже начало трясти.

«Буря, что обрушится с небес и разрушит Камелот, и уничтожит все, чего добился Артур за годы мира...»

Моргейна попыталась призвать Зрение, но гром словно заглушал всякие мысли. Моргейне оставалось лишь лежать, прижавшись к Вране, и повторять про себя: *«Это всего лишь буря, просто буря — дождь, ветер и гром, — а вовсе не гнев Богини...»*

Сколько ни бушевала гроза, но в конце концов все-таки стихла, и когда Моргейна проснулась, все вокруг было чистым, словно умытым. На бледном небе не было ни облачка; капли воды мерцали на каждом листике и срывались с каждого стебля травы — как будто весь мир окунули в воду и забыли отряхнуть, а высохнуть он не успел. Если та буря, о которой говорила Врана, и вправду разрушила Камелот, неужто поутру мир был бы так прекрасен? Почему-то Моргейне казалось, что это не так.

Проснувшаяся Врана взглянула на Моргейну; глаза ее были расширены от ужаса.

— Мы сейчас же пойдем к Ниниане, — сказала Моргейна, спокойно и рассудительно, как всегда, — а потом — к зеркалу, пока солнце не взошло. Если на нас и вправду обрушился гнев Богини, нужно узнать, чем мы его заслужили.

Врана жестом выразила согласие. Но когда они уже оделись и готовы были выйти из дома, Врана коснулась руки Моргейны.

— Иди к Ниниане, — прошептала она, с трудом заставляя повиноваться отвыкшие от работы голосовые связки. — Я приведу... Нимуэ. Она — часть этого...

Потрясенная до глубины души Моргейна едва не принялась возражать Вране. Но затем, взглянув на светлеющее небо, подчинилась. Быть может, Врана узрела в недобром вещем сне, для чего Нимуэ попала сюда, и потому и избрала девушку для затворнической жизни. Моргейна вспомнила тот день, когда Вивиана объявила ей самой о ее предназначении, и невольно подумала: *«Бедная девочка!»* Но на все воля Богини, и все они — в Ее власти. Тихо спустившись в мокрый сад, Моргейна увидела, что окружающий мир не так уж безмятежен и прекрасен, как показалось ей после пробуждения. Ветер безжалостно оборвал яблоневый цвет, и теперь сад был усыпан белыми лепестками, словно снегом. Да, этой осенью яблок не жди...

«Мы можем вспахать и засеять поле. Но лишь Ее милость дарует нам урожай.

Так чего ж тогда я беспокоюсь? Все будет так, как пожелает Богиня...»

Моргейне пришлось разбудить Ниниану, и та, похоже, здорово разозлилась. *«Нет, она — не истинная жрица,* — подумала Моргейна. *— Мерлин сказал правду — Ниниану избрали лишь потому, что в ее жилах течет кровь Талиесина. Наверное, пора перестать притворяться, будто Ниниану можно счесть Владычицей Авалона. Пора мне занять свое законное место».* Моргейна вовсе не желала оскорблять Ниниану, равно как и не хотела, чтоб остальные подумали, что она отстранила Ниниану ради власти. Ей вполне хватало той власти, которой она располагала... Но крик Враны непременно разбудил бы всякую истинную жрицу, избранную Богиней. И все же эта женщина, стоявшая перед Моргейной, каким-то образом прошла испытания, без которых никому не получить жреческого сана; Богиня не отвергла ее. Так что же Она судила Ниниане?

— Говорю тебе, Ниниана, я видела это, и Врана — тоже... Нам непременно нужно до восхода солнца взглянуть в зеркало!

— Не очень-то я в это верю, — невозмутимо отозвалась Ниниана. — Чему быть, того все равно не миновать... Но раз тебе так хочется, Моргейна, я пойду с тобой.

Они молча прошли через сад — две черные тени среди мокрого, бесцветного мира — и спустились к водяному зеркалу у Священного источника. Еще на ходу Моргейна краем глаза заметила силуэт высокой женщины, укутанной в покрывало, — Врана, — и рядом с ней — Нимуэ, бледный утренний цветок. Красота девушки потрясла Моргейну. Даже Гвенвифар в самом расцвете юности не была столь прекрасна! На миг душу Моргейны охватила зависть и боль. *«Я стольким пожертвовала ради Богини, а она ничем не вознаградила меня...»*

— Нимуэ — девушка, — сказала Ниниана. — Ей и смотреть в зеркало.

В блеклых водах озерца отражалось белесое небо, на котором уже появились бледно-розовые полосы, вестники рассвета, и на этом фоне особенно отчетливо вырисовывались четыре темных силуэта. Нимуэ подошла к берегу, на ходу поправляя длинные белокурые волосы, и перед мысленным взором Моргейны возникла серебряная чаша и застывшее, завораживающее лицо Вивианы...

— Что я должна увидеть, матушка? — негромко спросила Нимуэ. Казалось, будто девушка говорит во сне.

Моргейна ждала, что ответит Врана, но та промолчала. В конце концов Моргейна ответила сама:

— Действительно ли Авалон пал жертвой предательства и поражен в самое сердце? Что случилось со Священными реликвиями?

Тишина. Лишь негромко щебечут птицы в ветвях деревьев да тихо журчит вода, вытекающая из чаши Священного источника и собирающаяся в тихой заводи озерца. Ниже по склону белели опустошенные сады, а на вершине холма проступали очертания стоячих камней.

Тишина. Наконец Нимуэ, пошевельнувшись, прошептала:

— Я не могу разглядеть его лица...

По поверхности заводи побежала рябь, и Моргейне привиделась чья-то ссутуленная фигура — человек медленно, с трудом куда-то шел... затем она увидела комнату, где она безмолвно стояла за спиной у Вивианы в тот день, когда Талиесин вложил Эскалибур в руки Артура, — и услышала предостерегающий голос барда:

— Нет! Прикосновение к Священным реликвиям — смерть для непосвященного!

В этот миг Моргейна могла бы поклясться, что слышит самого Талиесина, а не Нимуэ... Но он, мерлин Британии, имел право прикасаться к Священным реликвиям, — и вот он извлек их из тайника, копье, чашу и блюдо, спрятал их под плащом и ушел — на другой берег Озера, туда, где сверкал во тьме Эскалибур... Священные реликвии воссоединились.

— Мерлин! — вырвалось у Нимуэ. — Но зачем?!

Моргейна знала, что напоминает сейчас ликом каменную статую.

— Как-то раз он говорил со мной об этом. Он сказал, что Авалон ушел за пределы мира, а Священные реликвии должны оставаться в мире, чтоб служить людям и богам, какими бы именами ни нарекали их люди...

— Он осквернит их, — взволнованно воскликнула Ниниана, — и поставит на службу богу, что хочет вытеснить всех прочих богов!..

В наступившей тишине раздалось пение монахов. А затем солнечные лучи коснулись зеркала, и поверхность воды вспыхнула огнем — ослепительным, обжигающим, пронзающим глаза и разум, и в свете встающего солнца Моргейне показалось, будто весь мир освещен пламенем пылающего креста... Моргейна зажмурилась, пряча лицо в ладонях.

— Не надо, Моргейна, — прошептала Врана. — Богиня сама позаботится о том, что ей принадлежит...

И снова до Моргейны донеслось пение монахов: «Кирие элейсон, Христе элейсон...» Господи, помилуй, Христос, помилуй... Священные реликвии были похищены. Несомненно, Богиня допустила это, дабы показать, что Авалон более не нуждается в них, что им надлежит уйти в мир и служить людям...

Но видение пылающего креста по-прежнему стояло перед глазами Моргейны. Моргейна закрыла глаза ладонью и отвернулась от солнца.

— Это не в моей власти — освободить мерлина от его обета. Он поклялся священной клятвой и вместо короля заключил Великий Брак с этой землей. Ныне он сделался клятвопреступником и заплатит за свое преступление жизнью. Но прежде, чем покарать предателя, следует исправить последствия предательства. Реликвии вернутся на Авалон — даже если мне придется самой отправиться за ними. Сегодня же утром я еду в Камелот.

— Должна ли я ехать с тобой? Не мне ли надлежит отомстить за Богиню? — прошептала Нимуэ.

И, услышав эти слова, Моргейна внезапно осознала, что следует делать.

Ей самой предстоит заняться Священными реликвиями. Их оставили на ее попечение, и если бы она как следует укрыла реликвии, вместо того чтоб упиваться собственной скорбью и думать лишь о себе, похищение не состоялось бы. Но Нимуэ станет орудием кары для предателя.

Кевин никогда не видел Нимуэ. Он знает всех обитателей Авалона — кроме этой девушки, ведущей жизнь отшельницы. Мерлин оставит крепость своей души без защиты — и это и при-

ведет его к гибели; так бывает с каждым, кого Богиня пожелает покарать.

— Ты отправишься в Камелот, Нимуэ, — медленно произнесла Моргейна, до боли стиснув кулаки... Подумать только — ведь она почти помирилась с этим предателем! Как она могла?! — Ты — кузина королевы Гвенвифар и дочь Ланселета. Ты попросишь королеву принять тебя в число ее придворных дам. И еще ты попросишь, чтоб она никому — даже Артуру — не рассказывала, что ты выросла на Авалоне. Если понадобится, притворись, будто ты стала христианкой. Там, при дворе ты познакомишься с мерлином. У него есть одно слабое место. Мерлин убежден, что женщины избегают его из-за его хромоты и уродства. Но если какая-то женщина не станет выказывать по отношению к нему ни страха, ни отвращения, если даст понять, что видит в нем мужчину — для такой женщины он пойдет на все. Даже на смерть. Нимуэ, — сказала Моргейна, глядя прямо в глаза испуганной девушке, — ты соблазнишь его и заманишь в свою постель. Ты свяжешь его чарами — так, чтоб он принадлежал тебе безраздельно, душою и телом.

— А потом? — дрожа, спросила Нимуэ. — Что потом? Я должна буду убить его?

Моргейна хотела было ответить, но Ниниана опередила ее.

— Это слишком легкая смерть для предателя. Ты должна околдовать его, Нимуэ, и привезти обратно на Авалон. Он умрет в дубовой роще — так, как полагается умирать изменнику.

Моргейну пробрал озноб. Она поняла, какой конец уготован Кевину: с него заживо сдерут кожу и засунут в таком виде в расщепленный дуб, а щель законопатят, оставив лишь отверстие для воздуха — чтоб изменник подольше помучился... Моргейна склонила голову, пытаясь унять дрожь. Поверхность воды больше не сверкала под солнечными лучами; небо затянуло легкими рассветными облачками.

— Здесь мы сделали все, что могли, — сказала Ниниана. — Пойдем, матушка...

Но Моргейна оттолкнула ее руку.

— Не все... Я тоже должна буду отправиться в Камелот. Мне нужно знать, как предатель задумал использовать Священные реликвии.

Моргейна вздохнула. Она так надеялась никогда больше не покидать Авалон! Но иного выхода нет. Она не может переложить эту тяжесть на чужие плечи.

Врана протянула руку. Старую жрицу била дрожь — такая сильная, что Моргейна испугалась, как бы Врана не упала.

— Я тоже должна идти, — прошептала Врана, и ее загубленный голос заскрипел, словно сухие ветви на ветру. — Это моя

судьба... мне не лечь в землю зачарованного края рядом с остальными... Я еду с тобой, Моргейна.

— Нет, Врана, нет! — попыталась возразить Моргейна. — Тебе нельзя!

Врана ни разу в жизни не покидала Авалон — а ей ведь уже за пятьдесят! Она не перенесет этого путешествия! Но никакие ее возражения не смогли поколебать решимости Враны. Пожилая женщина дрожала от ужаса, но оставалась непреклонна: она видела свою судьбу; она должна сопровождать Моргейну — чего бы это ей ни стоило.

— Но я не собираюсь путешествовать, как Ниниана — в паланкине, со свитой, как подобает великой жрице, — попробовала переубедить подругу Моргейна. — Я переоденусь старой крестьянкой, как в свое время частенько делала Вивиана.

Но Врана лишь покачала головой и упрямо сказала:

— Где пройдешь ты, Моргейна, там пройду и я.

В конце концов, хоть страх — не за себя, за Врану! — и продолжал терзать ее, Моргейна сказала:

— Что ж, пускай.

И они принялись собираться в путь. Выехали они в тот же день. Нимуэ ехала открыто, со свитой, как подобает родственнице Верховной королевы, а Врана и Моргейна, натянув на себя отрепья побирушек, выбрались с Авалона окольным путем и пешком отправились в Камелот.

Врана и вправду оказалась куда сильнее, чем думала Моргейна, — и становилась сильнее с каждым днем. Они шли медленно, выпрашивая подаяние в крестьянских дворах, воруя куски хлеба, брошенные собакам, ночуя где придется; однажды им пришлось заночевать на заброшенной вилле, а в другой раз — в стогу сена. В ту самую ночь Врана заговорила — впервые с начала их странствия.

— Моргейна, — сказала Врана, когда они закутались в плащи и улеглись, прижавшись друг к другу, — завтра в Камелоте празднуют Пасху. Нам нужно попасть туда к рассвету.

Моргейна не стала спрашивать, зачем это нужно. Она знала, что Врана не сумеет ответить на ее вопрос, разве что скажет: «Так я видела. Такова наша судьба». Потому она сказала лишь:

— Значит, мы можем полежать здесь до тех пор, пока не начнет светать. Отсюда до Камелота не больше часа пути. Если б ты сказала мне об этом раньше, мы могли бы продолжить путь и заночевать уже под его стенами.

— Я не могла, — прошептала Врана. — Я боялась.

Моргейна не видела в темноте лица подруги, но поняла, что та плачет.

— Мне страшно, Моргейна, очень страшно...

— Говорила же я тебе — оставайся на Авалоне! — резко оборвала ее Моргейна.

— Но я должна послужить Богине, — все так же шепотом ответила Врана. — Я столько лет прожила на Авалоне, в покое и безопасности, и вот теперь Матерь Керидвен требует, чтоб я сполна расплатилась за свою безмятежную жизнь... но я боюсь, я так боюсь... Обними меня, Моргейна — мне так страшно...

Моргейна привлекла подругу к себе, поцеловала и принялась баюкать, словно ребенка. А потом они словно вместе шагнули за порог вечного безмолвия, и Моргейна, обняв Врану, принялась ласкать ее; они прижались друг к другу в неком подобии неистовой страсти. Никто из них не проронил ни слова, но Моргейна чувствовала, что окружающий мир пульсирует в странном священном ритме, и вокруг царила непроглядная тьма; две женщины утверждали жизнь в тени смерти. Так при свете весенней луны и костров Белтайна юные женщина и мужчина утверждают жизнь весенним бегом и соединением тел, таящим в себе семена гибели: смерти на поле брани — для него и смерти при родах — для нее. Так под сенью бога, пожертвовавшего собой, во тьме новолуния жрицы Авалона взывали к жизни Богини — и в тишине она отвечала им... В конце концов они утихли, не разжимая объятий, и Врана наконец-то перестала всхлипывать. Она лежала, словно мертвая, и Моргейна, чувствуя, что сердце ее готово вот-вот остановиться, подумала: *«Я не должна мешать ей, даже если она идет навстречу смерти — ведь такова воля Богини...»*

У нее даже не было сил заплакать.

Тем утром у ворот Камелота стоял такой шум и толкотня, что никому и дела не было до двух немолодых крестьянок. Моргейна была привычна к подобной суматохе; а вот Врана, чья жизнь была отшельнической даже по меркам тихого Авалона, сделалась белой, как мел, и все старалась поплотнее укутаться в потрепанный платок. Впрочем, Моргейна тоже старалась не открывать лица — в Камелоте еще остались люди, способные узнать леди Моргейну, пусть даже поседевшую и переодетую простолюдинкой.

Какой-то гуртовщик, гнавший через двор стадо телок, натолкнулся на Врану и едва не свалил ее на землю. Гуртовщик принялся ругаться, а Врана лишь испуганно глядела на него. Моргейна поспешила вмешаться.

— Моя сестра — глухонемая, — пояснила она, и крестьянин смягчился.

— Вот бедолага... Идите-ка вы сюда — сегодня во дворце угощают всех. Если вы проберетесь потихоньку вон в ту дверь, то сможете посмотреть, как будут заходить гости; поговаривают,

будто король с одним из священников что-то задумали. Вы ж небось издалека, и не знаете повадок короля? Ну, а тут, в округе, всем известно, что он завел такой обычай — не начинать праздничного пира, пока не устроит чего-нибудь небывалого. И говорят, будто сегодня в замке случится что-то совсем уж невиданное.

«Не сомневаюсь», — с презрением подумала Моргейна. Но она ограничилась тем, что поблагодарила гуртовщика и потянула Врану за собой. Дальняя часть большого зала быстро заполнялась — всем ведома была щедрость Артура; а кроме того, многим собравшимся лишь раз в году доводилось так хорошо поесть. С кухни пахло жареным мясом, и большинство народу в толпе с жадностью толковали об этом. Моргейну же от этого запаха замутило; а взглянув на бледное, перепуганное лицо Враны, она и вовсе решила убраться куда подальше.

«Не нужно было ей идти. Это я недоглядела за Священными реликвиями. Это я не заметила вовремя, до какой глубины предательства дошел мерлин. И как же я скроюсь отсюда, исполнив, что должна исполнить, если Врана будет в таком состоянии?»

Моргейна отыскала уголок, откуда можно было наблюдать за залом, оставаясь незамеченными. В дальней части зала располагался огромный пиршественный стол — тот самый Круглый Стол, уже вошедший в легенды. Для короля с королевой было устроено возвышение, а на спинке каждого кресла было написано имя соратника, обычно восседающего в нем. На стенах висели великолепные знамена. После строгой простоты Авалона все это показалось Моргейне чересчур пестрым и безвкусным.

Ждать пришлось довольно долго. Но вот, наконец, откуда-то донеслось пение труб, и взбудораженная толпа загомонила. *«До чего же странно смотреть на двор со стороны,* —подумала Моргейна, — *после того, как ты столько лет была его частью!»* Кэй отворил огромные двери, и Моргейна съежилась: Кэй узнает ее, кем бы она ни вырядилась! Хотя — с чего бы вдруг ему смотреть в ее сторону?

Сколько же лет неспешно протекло с тех пор, как она удалилась на Авалон? Этого Моргейна не знала. Но Артур словно бы сделался выше и еще величественнее, а волосы его были такими светлыми, что невозможно было сказать, появились ли в тщательно расчесанных кудрях короля серебряные пряди. Гвенвифар тоже казалась все такой же стройной и изящной, хоть и было заметно, что грудь ее потеряла былую упругость.

— Глянь-ка, до чего молодой выглядит королева, — негромко заметила одна из соседок Моргейны. — А ведь они с Артуром поженились в тот год, когда у меня родился первенец. И вот глянь теперь на нее — и на меня.

Моргейна взглянула на женщину — сутулую, беззубую, согбенную, словно согнутый лук. Та тем временем продолжала:

— Поговаривают, будто это сестра короля, Моргейна Волшебница, заколдовала их обоих, потому-то они и не стареют...

— Хоть колдуй, хоть не колдуй, — проворчала другая беззубая старуха, — а только если б королева Гвенвифар, благослови ее бог, два раза на день чистила хлев, да рожала каждый год по ребенку, да думала, как прокормить детей, и в худые времена, и в добрые, — ничего бы от ее красоты не осталось! Оно конечно, так уж наша жизнь устроена — а все-таки хотелось бы мне спросить у священников, почему королеве достались одни радости, а мне — одни напасти?

— Будет тебе ворчать, — сказала первая старуха. — Ты сегодня наешься до отвала и насмотришься на всех этих лордов и леди. И ты сама знаешь, почему жизнь так устроена — друиды ведь рассказывали. Королева Гвенвифар носит красивые платья и живет во дворце, потому что в прошлых жизнях творила добро. А мы с тобой бедные и уродливые, потому что плохо себя вели; а если мы будем больше думать, что творим, то и нам когда-нибудь выпадет лучшая доля.

— Ага, как же, — пробурчала ее собеседница. — И священники, и друиды — все они одним миром мазаны. Друиды говорят свое, а священники твердят, что ежели в этой жизни мы будем послушными, так попадем после смерти на небо, к Иисусу, и будем пировать там с ним, и никогда уже не вернемся в этот грешный мир. А как ни крути, выходит одно: кто-то рождается в нищете и умирает в нищете, а кто-то и горя не знает!

— А я слыхала, что королева не такая уж счастливая, — подала голос еще одна старуха — получилось так, что в этом углу их собралось сразу несколько. — Хоть она и вся из себя царственная, ребенка родить она так и не смогла. А вот у меня есть сын — он теперь ведет хозяйство — и дочка — она вышла замуж и живет на соседнем подворье, а еще одна дочка прислуживает монахиням в Гластонбери. А королеве Гвенвифар пришлось усыновить сэра Галахада, сына Ланселета и ее кузины Элейны, — иначе Артур остался бы без наследника!

— Ну да, ну да, это они так говорят, — хмыкнула четвертая старуха, — но мы-то с тобой знаем, что на шестом-седьмом году царствования Артура королева Гвенвифар куда-то уезжала из замка, — думаешь, они не могли все так рассчитать, чтоб комар носа не подточил? Жена моего сводного брата служила тут кухаркой, и он говорил, будто это всем известно — что королева и ее супруг проводят ночи врозь...

— Замолкни, старая сплетница! — прикрикнула первая старуха. — Вот услышит кто-нибудь из слуг, что ты тут несешь, и тебя за такой поклеп кинут в пруд! А я вот что скажу: сэр Галахад — благородный рыцарь, и из него в свой черед выйдет хоро-

ший король — дай бог долгой жизни королю Артуру! И кому какое дело, чей он сын? Я так думаю, что Галахада прижил на стороне сам король — они ведь оба светловолосые. А гляньте на сэра Мордреда: все знают, что он в самом деле — сын короля от какой-то распутницы.

— А я еще и не такое слыхала, — заметила еще одна женщина. — Говорят, будто Мордред — сын какой-то колдуньи-фэйри, и Артур взял его ко двору, а свою душу отдал в заклад, чтоб прожить сто лет. Вы только гляньте на этого сэра Мордреда — он же совсем не стареет! Да и на Артура посмотреть: ему уже за пятьдесят, а выглядит он, будто тридцатилетний!

— Ну, а мне-то какое до всего этого дело? — беззастенчиво поинтересовалась очередная собеседница. — Кабы тут был замешан дьявол, он бы уж позаботился, чтоб этот самый Мордред был на одно лицо с Артуром, — чтоб всякий, как глянет, признавал в нем Артурова сына! Мать Артура была авалонской крови — вот видели вы леди Моргейну? Она тоже была смуглой и темноволосой, да и Ланселет, ее родич, точно такой же... Я уж скорее поверю, что Мордред — незаконный сын Ланселета и леди Моргейны, как раньше поговаривали! Вы только гляньте на них! Да и леди Моргейна на свой лад хороша, хоть и темненькая, и ростом не вышла.

— Ее тут вроде как нет, — заметила какая-то женщина, и старуха, знакомая с придворной кухаркой, непререкаемым тоном заявила:

— Ну, а то как же! Она ж ведь поссорилась с Артуром и убежала в волшебную страну. Всем известно, что теперь в ночь на праздник всех святых она летает вокруг замка на ореховой метле, и всякий, кто взглянет на нее хоть краем глаза, тут же ослепнет!

Моргейна уткнулась лицом в потрепанный плащ, пытаясь удержаться от смеха. Врана, тоже слышавшая этот разговор, обернулась; на лице ее было написано живейшее негодование. Но Моргейна лишь покачала головой. Сейчас им следовало помалкивать и не привлекать к себе внимания.

Рыцари расселись по своим местам. Ланселет, усевшись, вскинул голову и быстро оглядел зал, и на мгновение Моргейне показалось, что это ее он разыскивает, что их взгляды вот-вот встретятся... задрожав, она поспешно опустила голову. По залу принялись сновать слуги; одни наливали вино соратникам и их дамам, другие разносили среди простолюдинов доброе темное пиво в больших кожаных мехах. Моргейне и Вране тоже вручили по кружке, и, когда Врана попыталась отказаться, Моргейна строго шикнула на нее:

— Пей сейчас же! На тебе лица нет, а нам понадобятся силы!

Врана поднесла деревянную кружку к губам и отхлебнула немного, но видно было, что ей стоило немалых трудов проглотить

это пиво. Их соседка — та самая женщина, что сказала, будто леди Моргейна была хороша на свой лад, — поинтересовалась:

— Ей что, нездоровится?

— Нет, она просто перепугалась, — отозвалась Моргейна. — Она никогда прежда не бывала при дворе.

— Правда, тут красиво? Все эти лорды и леди такие нарядные! А нас скоро угостят вкусным обедом, — сказала женщина, обращаясь к Вране. — Эй, она что — не слышит?

— Она немая, но не глухая, — пояснила Моргейна. — Мне кажется, будто она малость понимает, что я ей говорю, а вот чужих — уже нет.

— Вот теперь, как ты это сказала, она уже кажется просто глуповатой, да и все, — сказала другая женщина и погладила Врану по голове, словно собачонку. — Это что ж, она с рождения такая? Вот жалость-то! А ты за ней небось присматриваешь? Ты — добрая женщина. Бывает, что такого человека родня держит на веревке, будто дворового пса, а ты вот взяла сестру даже ко двору. Глянь-ка на того священника в золотой ризе! Это епископ Патриций. Говорят, будто он выгнал из своей страны всех змей. Подумать только! Интересно, он их палкой гнал?

— Это просто так говорится, а имеется в виду, что он изгнал друидов — их называют змеями мудрости, — сказала Моргейна.

— Да что всякая деревенщина смыслит в таких делах! — фыркнула ее неуемная собеседница. — Я точно слыхала, что это были змеи! А весь этот ученый люд, и друиды, и священники — они же заодно. С чего вдруг им ссориться?

— Может, и так, — послушно согласилась Моргейна. Ей вовсе не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. Взгляд ее прикипел к епископу Патрицию. За Патрицием тяжело шагал ссутуленный человек в монашеской рясе. Но что делает мерлин в свите епископа? Моргейна помнила, что ей стоило бы держаться потише, но потребность немедленно разобраться в происходящем превозмогла осторожность.

— А что тут сейчас будет? — спросила она у соседки. — Я думала, все эти благородные лорды и леди уже прослушали обедню в церкви...

— Я слыхала, — сообщила одна из женщин, — будто в церковь помещается немного народу, вот и решили сегодня перед пиром отслужить обедню для всех, кто тут собрался. Вон, смотри, слуги епископа несут алтарный столик с белым покрывалом, и все, что нужно. Тссс! Дай послушать!

Моргейне казалось, что она вот-вот сойдет с ума от гнева и отчаянья. Неужто они собираются осквернить Священные реликвии так, что уж невозможно будет очистить — использовать их в христианской обедне?

— Смотрите, люди, — нараспев произнес епископ, — сегодня старое уступает место новому. Христос восторжествовал над старыми, ложными богами, и теперь они склонятся пред именем Его. Ибо так Христос истинный сказал роду людскому: «Я есмь путь и истина и жизнь». И еще сказал он: «Никто не приходит к Отцу как только через Меня». И в знак сего все то, что люди, не ведавшие еще истины, посвящали ложным богам, ныне посвящено будет Христу и станет служить Богу истинному...

Епископ продолжал говорить, но Моргейна уже не слышала его. Внезапно она осознала, что сейчас произойдет... *«Нет! Я ведь поклялась Богине! Я не могу допустить такого святотатства!»* Повернувшись, Моргейна коснулась руки Враны; даже здесь, посреди битком набитого зала, они были открыты друг для друга. *«Они собираются воспользоваться Священными реликвиями Богини, чтоб вызвать божественную силу... того, который есмь Единый... но они это сделают ради своего Христа, который всех прочих богов считает демонами, — во всяком случае, до тех пор, пока они не воззовут к нему!*

Чаша, которую христиане используют во время обедни, — это заклинание воды, а тарелка, на которую они кладут свой святой хлеб, — священное блюдо стихии земли. И вот теперь они хотят, используя древние символы Богини, воззвать к одному лишь своему Христу; и вместо чистой воды святой земли, исходящей из прозрачнейшего источника Богини, они осквернят ее чашу вином!

В этой чаше Богини, о Матерь, таится котел Керидвен, что питает всех людей и из коего к людям исходят все блага этого мира. Ты взывала к Богине, своенравная жрица, — но выдержишь ли ты ее присутствие, если она и вправду ответит на твой зов?»

Моргейна стиснула руки, и воззвала к Богине с такой страстью и неистовством, какого она не ведала в своей жизни.

«Матерь, я — Твоя жрица! Молю, используй меня, как пожелаешь!»

И на нее водопадом обрушилась сила; сила хлынула сквозь ее тело и душу и переполнила Моргейну. Моргейне казалось, будто она становится все выше. Она не осознавала уже, что Врана поддерживает ее — словно чашу, что наполняют святым вином причастия...

Моргейна двинулась вперед, и ошеломленный епископ отступил перед нею. Она не испытывала ни малейшего страха, хоть и знала, что прикосновение к Священным реликвиям — смерть для непосвященного. *«Как же Кевин сумел подготовить епископа?* — подумалось ей самым краешком сознания. — *Неужто он выдал и эту тайну?»* Моргейна со всей отчетливостью осознала, что вся ее жизнь была лишь подготовкой к этому мигу — когда она, словно сама Богиня, взяла чашу обеими руками и подняла.

Впоследствии некоторые рассказывали, будто Святой Грааль несла по залу дева в блистающих белых одеждах. Другие говорили, что слышали, как по залу пронеслось могучее дуновение ветра и пение множества арф. Моргейна знала лишь, что она подняла чашу, и та засияла у нее в руках, словно огромный сверкающий рубин, и запульсировала, словно сердце... Моргейна подошла к епископу, и Патриций упал перед нею на колени.

— Пей, — прошептала Моргейна. — Это — святая сила...

Епископ сделал глоток. *«Интересно, что он сейчас видит?»* — промелькнула у Моргейны мимолетная мысль. Она отошла — или это чаша двинулась дальше, увлекая Моргейну за собой? — и Патриций упал ничком.

Моргейна услышала, как пронесся, предшествуя ей, шум, подобный хлопанью множества крыл, и ощутила сладчайшее благоухание, с которым не мог сравниться ни ладан, ни все прочие благовония... Чаша — говорили позднее некоторые — была невидима; иные же утверждали, что она сверкала, словно звезда, и ослепляла всякого, кто осмеливался взглянуть на нее... Каждый, кто находился в зале, обнаружил, что перед ним появилось любимейшее его яство... Эта подробность повторялась во всех рассказах, и потому Моргейна не сомневалась, что она действительно несла тогда котел Керидвен. Но всего прочего она объяснить не могла — да и не хотела. *«Она — Богиня и вершит то, что считает нужным».*

Оказавшись перед Ланселетом, Моргейна услышала его благоговейный шепот: «Матушка, ты ли это? Или я грежу?» — и поднесла чашу к его губам. Ее переполняла нежность. Сегодня она была матерью всем им. Даже Артур преклонил перед нею колени, когда чаша на миг коснулась его губ.

«Я есмь все — Дева и Матерь, подательница жизни и смерти. Вы забываете обо мне средь своих испытаний, те, кто зовет меня другими именами... знайте же, что я есмь Единая...» Изо всех людей, заполнявших огромный зал, одна лишь Нимуэ, подняв изумленный взгляд, узнала ее; да, Нимуэ с детства приучили узнавать Богиню, в каком бы обличье та ни явилась.

— Пей, дитя мое, — с беспредельным состраданием прошептала Моргейна. Нимуэ опустилась на колени и приникла к чаше, и Моргейна ощутила всплеск вожделения и стремления к возмездию, и подумала: *«Да, и это тоже — часть меня...»*

Моргейна пошатнулась, и почувствовала, как сила Враны поддерживает ее... Действительно ли Врана сейчас вместе с нею несет чашу? Или это лишь иллюзия, а Врана, сжавшись, сидит в углу и помогает Моргейне удержаться на ногах, направляя тот поток силы, что льется сейчас через них обеих в Богиню, несущую чашу? Впоследствии Моргейна так и не смогла понять, вправду ли она несла чашу, или все это было частью волшебства,

которое она соткала для Богини... Но в тот момент ей казалось, что она несет чашу вдоль огромного зала, что люди опускаются на колени и пьют из чаши, что ее переполняют сладость и блаженство, что ее несут те огромные крылья, чей шелест слышится вокруг... В какой-то миг перед нею возникло лицо Мордреда.

«Я — не твоя мать, я — Матерь всего сущего...»

Галахад был бледен и преисполнен благоговейного трепета. Что он видит сейчас — чашу жизни или священную чашу Христову? А важно ли это? Гарет, Гавейн, Лукан, Бедивер, Паломид, Кэй... все старые соратники и многие другие, незнакомые Моргейне... Казалось, будто они идут откуда-то из-за пределов этого мира, — все те, кто когда-либо входил в число соратников, и даже те, кто ушел в мир иной, присоединились сегодня к ныне живущим — Экторий, и Лот, погибший много лет назад при горе Бадон; молодой Друстан, убитый Марком из ревности; Лионель; Борс; Балин и Балан — рука об руку, примирившиеся за порогом смерти... все, кто когда-либо восседал за Круглым Столом, собрались здесь в этот миг, не принадлежащий времени. Под конец перед Моргейной промелькнули мудрые глаза Талиесина. А потом перед нею оказался коленопреклоненный Кевин, и чаша была у его губ...

«И даже ты. Что бы ни ждало нас в грядущем — сегодня я прощаю всех...»

Наконец Моргейна подняла чашу и сама сделала глоток. Вода Священного источника показалась ей сладкой. И хотя Моргейна видела теперь, как едят и пьют все остальные, но все же, положив в рот кусочек хлеба, она почувствовала вкус медовых лепешек, тех самых, что пекла Игрейна еще в те времена, когда маленькая Моргейна жила в Тинтагеле.

Моргейна поставила чашу на алтарь, и та засверкала, подобно звезде...

«Пора! Давай же, Врана, — настал миг Великой магии! Чтоб перенести Авалон за грань этого мира, понадобилась сила всех друидов, но нам хватит и меньшего. Чаша, блюдо и копье должны исчезнуть. Они должны навеки уйти из этого мира. Они будут покоиться на Авалоне, и рука смертного никогда больше не коснется их. Их магия не будет больше вершиться в круге стоячих камней — они запятнаны, они стояли на христианском алтаре. Но их никогда больше и не осквернят священники узколобого бога, отрицающего все истины, кроме собственной...»

Моргейна почувствовала прикосновение Враны, сильные, цепкие руки — и ощутила за руками Враны иные, неведомо чьи... Огромные крылья взметнулись в последний раз, могучий порыв ветра пронесся по залу, и все стихло. Сквозь окна хлынул дневной свет; алтарь был пуст — остался один лишь смятый

белый покров. Моргейна заметила бледное, испуганное лицо епископа Патриция.

— Господь посетил нас, — прошептал епископ, — и сегодня мы пили вино жизни из Святого Грааля...

Гавейн стремительно вскочил.

— Но кто похитил священный сосуд?! — вскричал он. — Мы видели, как он исчез... Клянусь, что отправлюсь на поиски и верну Грааль в Камелот! И я проведу в этих поисках год и день, если только не пойму...

«Конечно, это должен был оказаться Гавейн, — подумала Моргейна. — *Он всегда первым бросался навстречу неизвестности!»* И все же его горячность сыграла на руку Моргейне. Галахад поднялся на ноги; он был бледен, и лицо его светилось от волнения.

— Год, сэр Галахад? Я клянусь, что потрачу на эти поиски всю свою жизнь, если потребуется, и не успокоюсь, пока вновь не увижу Святой Грааль!..

Артур вскинул руку и попытался было что-то сказать, но всех уже охватило нервное возбуждение: все заговорили одновременно, что-то выкрикивая, перебивая друг друга, спеша тоже дать обет.

«Теперь этот поиск станет им милее всего на свете, — подумала Моргейна. — *Все войны выиграны, в стране царит мир. А ведь даже римские императоры в промежутках между войнами отправляли свои легионы строить дороги и захватывать новые земли. И вот теперь им кажется, что это деяние снова объединит их и зажжет прежним пылом. Они вновь стали соратниками, рыцарями Круглого Стола — но в погоне за Граалем они рассеются по всему свету... во имя того самого бога, которого ты предпочел Авалону, Артур! Богиня вершит свою волю, как считает нужным...»*

Встал и заговорил Мордред — но сейчас внимание Моргейны было безраздельно приковано к распростершейся на полу Вране. Толпившиеся в том же углу крестьянки никак не могли унятся — все говорили о тех прекрасных яствах и питье, что они отведали, пока на них действовали чары котла Керидвен.

— Это было белое вино, сладкое и душистое, словно свежий мед и виноград... Я его пробовала всего раз, давным-давно...

— А у меня был сливовый пирог, с начинкой из слив и изюма, и с подливкой из замечательного красного вина... Я в жизни не ела ничего вкуснее...

Но Врана лежала недвижно, бледная, словно смерть, и, склонившись над подругой, Моргейна поняла то, что в глубине сердца своего знала с первого взгляда. Бремя Великой магии оказалось чересчур тяжким для истерзанной страхом жрицы. Врана, отдавшись Великой магии, продержалась до тех пор, пока Грааль не перенесся на Авалон. Позабыв о себе, она выплеснула все

свои силы, без остатка, чтоб поддержать Моргейну, ставшую на краткий миг воплощением Богини. А затем, когда божественная сила ушла — с нею ушла и жизнь немолодой женщины. Моргейна упала на тело подруги, раздираемая горем и отчаяньем.

«Я убила и ее! Воистину — ныне я убила последнего человека, которого любила... Матерь Керидвен, ну почему на ее месте не оказалась я? Мне незачем больше жить и некого любить — а ведь Врана никогда в жизни не причинила вреда ни единому живому существу».

Моргейна заметила, что Нимуэ сошла с возвышения — девушка сидела рядом с королевой, — и принялась о чем-то сердечно беседовать с мерлином, а потом доверительно коснулась его руки. Артур разговаривал с Ланселетом, и у обоих по лицу текли слезы; потом они обнялись и поцеловались, как в юные годы. Затем Артур покинул Ланселета и пошел по залу.

— Все ли в порядке, народ мой?

Все наперебой спешили рассказать королю о волшебных яствах, но когда он подошел поближе, кто-то воскликнул:

— Артур, мой лорд, — тут глухонемая старуха! Она скончалась — не выдержала таких переживаний.

Артур подошел к Моргейне, продолжавшей прижимать к себе бездыханное тело Враны. Моргейна не подняла головы. Вот сейчас он узнает ее, закричит, обвинит в колдовстве...

— Это — твоя сестра, добрая женщина?

Голос Артура звучал мягко, но отстраненно. *«Конечно,* — подумала Моргейна, — *ведь сейчас он говорит не с сестрой, не с жрицей, не с женщиной, равной ему по положению — перед ним всего лишь старая крестьянка, согбенная, седая, в обносках».*

— Я соболезную твоему горю. Но Бог забрал ее в благословенный миг, и ангелы Господни вознесли твою сестру на небо. Если хочешь, оставь ее здесь для погребения. Ее похоронят в церковном дворе.

Столпившиеся вокруг женщины затаили дыхание. Моргейна и сама понимала, что Артур предложил ей величайшую милость — как он сам это понимал. И все же ответила, продолжая скрывать лицо под капюшоном плаща:

— Нет.

А потом, словно подчиняясь неясному порыву, Моргейна подняла голову и взглянула в глаза Артуру.

Они слишком сильно изменились... она сделалась старухой — но и в Артуре мало что осталось от юного Короля-Оленя...

Узнал ли ее Артур? Это навеки осталось для Моргейны загадкой. На миг их взгляды встретились, а затем король мягко произнес:

— Так значит, ты хочешь забрать ее домой? Что ж, будь по-твоему. Скажи моим конюхам, чтоб тебе дали лошадь, — пока-

жешь им вот это. — И он вложил в руку Моргейне свое кольцо. Моргейна опустила голову и крепко зажмурилась, чтоб удержать слезы, а когда она снова выпрямилась, Артур уже отошел.

— Давай-ка я тебе помогу отнести бедняжку, — предложила одна из соседок. К ней присоединилась еще одна женщина, и вместе они вынесли хрупкое тело Враны из зала. И на пороге Моргейне вдруг захотелось оглянуться и еще раз посмотреть на зал Круглого Стола. Она знала, что никогда больше не увидит его, и никогда более не побывает в Камелоте.

Долг ее был исполнен, и она могла вернуться на Авалон. Но ей предстояло вернуться одной. Отныне и до конца жизни она будет одна.

Глава 10

Гвенвифар наблюдала за приготовлениями и слушала, как епископ Патриций проникновенно вещает:

— Никто не приходит к Отцу как только через Меня.

Королеву одолевали противоречивые чувства. Какая-то часть ее души говорила: *«И вправду, следует поставить эти прекрасные вещи на службу Господу, как того желает Патриций. Ведь даже мерлин в конце концов обратился в истинную веру»*.

Но вторая ее половина упорно твердила: *«Нет! Лучше уж уничтожить их, переплавить на золото, и сделать из него другую чашу для богослужений, такую, которая с первого своего мига будет служить истинному Богу. Ведь эти вещи принадлежат Богине, как называют ее язычники, а эта Богиня — та самая великая блудница, что испокон века была врагом Господа... Священники говорят правду: все зло в этом мире — от женщины»*. Но тут Гвенвифар запуталась в собственных мыслях. Нет, не все женщины плохи — ведь даже Господь Бог выбрал одну из них в матери своему сыну, и Христос говорил о царствии небесном своим избранным ученикам и их сестрам и женам...

«Что ж, по крайней мере одна из женщин отреклась от этой богини». Гвенвифар взглянула на Нимуэ и смягчилась: дочь Элейны как две капли воды походила на мать, только была еще красивее — было в ней что-то от веселости и изящества молодого Ланселета. Нимуэ была столь прекрасна и невинна, что Гвенвифар просто не верилось, будто в девушке есть хоть капля зла — а ведь она с раннего детства воспитывалась при святилище Богини. Но теперь она отреклась от нечестивого служения и вернулась в Камелот; девушка упросила королеву никому не говорить, что она когда-то жила на Авалоне, — даже епископу Патрицию. Даже Артуру. Да, Нимуэ трудно в чем-либо отказать. Вот и Гвенвифар охотно согласилась сохранить тайну девушки.

Королева перевела взгляд с Нимуэ на Патриция — тот как раз приготовился взять чашу с алтаря. А потом...

...а потом Гвенвифар показалось, будто величественный ангел — сияющая фигура, неясные очертания могучих крыльев, — поднял чашу, и та засверкала, словно звезда. Она пульсировала, словно сердце, она была красной, словно рубин... нет, синей, словно глубина небес; и в воздухе разлилось благоухание, как будто кто-то собрал воедино аромат всех роз, сколько их ни есть на свете. Внезапно по залу пронесся порыв ветра, дышащего свежестью, и хоть сейчас и шла служба божья, Гвенвифар вдруг почувствовала, что может в любой миг вскочить и выбежать из замка — на склоны холма, на бескрайние просторы, принадлежащие Господу, под целительную небесную ширь. И она поняла, поняла всем сердцем, что отныне никогда не побоится покинуть плен чертогов и замков — ведь куда бы она ни направилась, Господь будет с нею. Гвенвифар улыбнулась, а потом и рассмеялась. Какая-то мелочная, ныне скрученная и усмиренная частичка ее души вознегодовала: *«Да как ты смеешь?! Во время службы Божьей?!»* Но подлинная Гвенвифар со смехом ответила: *«Если я не могу обрести радость в Господе, то где ж мне ее искать?»*

А потом ангел оказался перед ней — благоухание и блаженство окружали его, подобно облаку, — и поднес чашу к ее губам. Трепеща и не смея поднять глаз, Гвенвифар сделала глоток — и почувствовала, как кто-то нежно коснулся ее чела. Подняв взгляд, Гвенвифар увидела, что это вовсе не ангел, а женщина в синем покрывале, с огромными печальными глазами. Она не произнесла ни слова, но Гвенвифар услышала: *«Прежде, чем стал Христос, была я, и это я сделала тебя такой, какова ты есть. А потому, возлюбленная дочь моя, отринь стыд и радуйся, ибо в сути своей ты подобна мне».*

Душу Гвенвифар и самое ее тело переполнила чистейшая радость. Она не ведала подобного счастья с раннего детства. Даже в объятьях Ланселета она не испытывала столь безграничного блаженства. *«О, если б только я могла передать это чувство любимому!»* Королева почувствовала, что ангел — или иная божественная сила, коснувшаяся ее, — отошла, и огорчилась этому, но радость по-прежнему продолжала плескаться в ней, и Гвенвифар с любовью смотрела, как ангел поднес пылающую чашу к губам Ланселета. *«О, если б только она смогла наделить этой радостью и тебя, мой печальный возлюбленный!»*

Зал заполнился ослепительным сиянием, пронесся могучий ветер — и все стихло. Гвенвифар не помнила, что она ела и пила — знала лишь, что это были какие-то сладости, и что она в жизни своей так не наслаждалась едой. *«Что бы ни посетило нас сегодня, природа его была свята — сомнений быть не может...»*

А затем в зале воцарилась тишина, и в ярком дневном свете

он показался пустым и невзрачным. Вот вскочил Гавейн, за ним — Галахад...

— Я клянусь, что потрачу на эти поиски всю свою жизнь, если потребуется, и не успокоюсь, пока вновь не увижу Святой Грааль!

Епископ Патриций, кажется, едва держался на ногах, и Гвенвифар вдруг поняла, что он совсем уже старик... Алтарь, на котором прежде стояла чаша, был пуст. Королева поспешно спустилась с возвышения и подбежала к Патрицию.

— Отец! — окликнула она и подала епископу кубок с вином. Тот сделал несколько глотков, и постепенно морщинистое старческое лицо порозовело. Патриций прошептал:

— Мы удостоились святого присутствия... Воистину, я вкушал сегодня за столом Господним из той самой чаши, из которой Христос пил во время Тайной вечери...

Гвенвифар начала понемногу понимать, что же произошло. Все, что свершилось с ними сегодня по воле Божьей, было видением.

— Моя королева, — прошептал епископ, — узрела ли ты чашу Христову?..

— Увы, нет, святой отец, — мягко отозвалась Гвенвифар. — Быть может, я оказалась недостойна этого. Но я, кажется, видела ангела, и на миг мне показалось, будто передо мною стоит сама Матерь Божья...

— Бог послал каждому свое видение, — сказал Патриций. — Как я молил, чтоб мы узрели чудо, и все эти люди зажглись любовью к Господу...

Гвенвифар невольно вспомнилась старинная поговорка: «Будь осторожен со своими желаниями — а вдруг они исполнятся?»

Да, все присутствовавшие и вправду преисполнились воодушевления. Один за другим рыцари поднимались со своих мест и клялись отправиться на поиски Грааля и посвятить этим поискам год и день. *«Теперь рыцарство Круглого Стола рассеется по миру»*, — подумала Гвенвифар.

Королева взглянула на алтарь, где прежде стояла чаша. *«Нет,* — подумала она, — *вы ошибались, епископ Патриций и мерлин Кевин, как ошибался и Артур. Вам не под силу использовать Бога в своих целях. Воля Божья — словно могучий ветер, словно плеск ангельских крыл, что звучал сегодня в этом зале, — и все замыслы человеческие пред ней — словно пыль на ветру...»*

Но затем Гвенвифар испугалась собственных мыслей. *«Что со мной? Неужто я смею порицать замыслы Артура и даже самого епископа?»* А потом она почувствовала новый прилив сил и воспрянула. *«Клянусь Господом — смею! Они ведь не боги, они всего лишь люди, и замыслы их не священны!»* Она взглянула на Артура,

что ходил сейчас по дальней стороне зала, среди крестьян и простонародья... Что-то там стряслось — какая-то крестьянка упала замертво. Должно быть, пережитая радость оказалась непосильной для старческого сердца. Артур вернулся обратно; лицо его было печально.

— Гавейн, ты непременно... Галахад? Как, и ты тоже?.. Борс, Лионель... Неужто вы все?..

— Мой лорд Артур! — окликнул его Мордред. Он, как всегда, был облачен в темно-красное — этот цвет очень шел ему и чрезмерно, почти до насмешки, подчеркивал его сходство с молодым Ланселетом.

— Что, мальчик мой? — мягко спросил Артур.

— Мой король, я прошу у тебя позволения не отправляться на поиски Грааля, — произнес Мордред, особо подчеркнув это «не». — Даже если это было возложено на всех твоих рыцарей — должен же хоть кто-то остаться рядом с тобой.

Сердце Гвенвифар переполнилось нежностью к молодому рыцарю. *«Вот истинный сын Артура — не то, что Галахад! Тот только и знает, что грезить о возвышенном!»* Подумать только, а ведь когда-то она не любила Мордреда и не доверяла ему!

— Да благословит тебя Господь, Мордред! — с искренней благодарностью воскликнула Гвенвифар, и Мордред улыбнулся ей. Артур опустил голову.

— Что ж, будь по-твоему, сын мой.

Впервые Артур при всех назвал Мордреда сыном, и уже по одному этому признаку Гвенвифар поняла, насколько ее супруг взволнован.

— Да поможет Господь нам обоим, Гвидион, то есть Мордред. Едва ли не все мои соратники собрались разъехаться по свету — и одному Богу ведомо, вернутся ли они обратно...

Он пожал Мордреду руки, и на миг Гвенвифар показалось, что Артур опирается на сильную руку сына.

Ланселет подошел к королеве и поклонился.

— Леди, отпустишь ли ты меня?

Хоть радость и не покинула Гвенвифар, королева почувствовала, что готова расплакаться.

— Любимый, неужто тебе непременно нужно уйти?

В этот миг Гвенвифар нимало не волновало, слышат ли ее окружающие. Артур протянул руку родичу и другу и с тревогой взглянул на него.

— Ты покидаешь нас, Ланселет?

Ланселет кивнул. На лице его лежал отблеск иного, нездешнего света. Так значит, эта великая радость не миновала и его? Но зачем же тогда ему уходить за нею вслед? Ведь она же уже с ним!

— Любовь моя, все эти годы ты твердил, что недостаточно

хорош для христианина, — сказала Гвенвифар. — Так почему же ты хочешь покинуть меня ради поисков Грааля?

Несколько мгновений Ланселет мучительно пытался подобрать нужные слова, потом наконец произнес:

— Все эти годы я считал, что Бог — всего лишь выдумки священников, что они сочинили это все, чтоб держать людей в страхе. Сегодня же я видел... — он облизнул пересохшие губы. Пережитое никак не хотело укладываться в слова. — Я видел... нечто. Если такое видение возможно, от Христа оно или от дьявола...

— Ланселет! — перебила его Гвенвифар. — Конечно же, оно от Бога!

— Вот видишь — ты в этом уверена, — сказал Ланселет, прижав руку Гвенвифар к своей груди. — А я сомневаюсь. Недаром мать дразнила меня «сэр Мне Кажется». А может, все боги суть Единый, как повторял Талиесин... Я разрываюсь между тьмой неведения и светом, пробивающимся сквозь отчаяние, что твердит мне...

Он снова сбился, не зная, как выразить обуревающие его чувства.

— Мне чудится, будто где-то вдали звонит огромный колокол, будто далекий свет, подобный блуждающим огням, зовет меня и твердит: «Следуй за мной...» И я знаю, что там — истина, подлинная, живая, что я вот-вот ее постигну — нужно лишь пойти на этот зов, разыскать ее и сорвать пелену, что окутывает ее... и никаким иным путем не обрести мне этой истины, моя Гвенвифар. Так неужто ты откажешься отпустить меня — теперь, когда я понял, что на свете есть истина, воистину достойная поиска?

Они словно забыли, что они не одни, что вокруг полный зал народу. Гвенвифар знала: она могла бы уговорить Ланселета остаться — но кто смеет становиться между человеком и его душой? Господь не счел нужным наделить Ланселета той уверенностью и радостью, что дарованы были ей, — неудивительно, что теперь тоска по необретенному гонит Ланселета в путь. Ведь если бы она, Гвенвифар, ощутила сегодня лишь присутствие этой истины, но не обрела уверенности, она тоже искала бы ее — всю жизнь, до скончания дней своих. Королева протянула руки к Ланселету — ей казалось, будто она среди бела дня обнимает его на глазах у всего двора, — и сказала:

— Тогда иди, возлюбленный. Ищи — и Бог вознаградит тебя, даровав эту истину, которой ты так жаждешь.

А Ланселет ответил:

— Да пребудет с тобою Господь, моя королева. Если будет на то Его милость, я вернусь к тебе.

Он повернулся к Артуру, но Гвенвифар не слышала, о чем они говорили — она видела лишь, как король и Ланселет обня-

лись, словно в юности, в те блаженные дни, когда все они были молоды и невинны.

Артур обнял Гвенвифар за плечи и тихо проговорил, глядя вслед уходящему Ланселету:

— Иногда мне кажется, что Ланс — лучший из нас.

Гвенвифар повернулась к Артуру; сердце ее было преисполнено любви к этому благороднейшему из людей, ее супругу.

— Мне тоже так кажется, ненаглядный мой.

К ее удивлению, Артур сказал:

— Я люблю вас обоих, Гвен. Запомни — ты для меня дороже всего на свете. Я почти рад, что ты так и не родила мне сына, — едва слышно добавил он, — ведь иначе ты могла бы подумать, что я люблю тебя лишь за это. А теперь я могу с открытым сердцем сказать, что лишь одно в этом мире я ставлю превыше любви к тебе — свой долг перед этой страной, которую Бог отдал под мою защиту и опеку. Но ведь ты не станешь упрекать меня за это...

— Нет, — тихо проговорила Гвенвифар. А потом добавила — на этот раз с полнейшей искренностью: — И я тоже люблю тебя, Артур. Никогда в этом не сомневайся.

— Я ни мгновения в этом не сомневался, единственная моя.

Он поднес руки Гвенвифар к губам и поочередно поцеловал их, и королева вновь исполнилась радости. *«Есть ли на свете другая женщина, столь же обласканная судьбой? Ведь меня любят двое благороднейших мужчин».*

Двор вновь гудел, вернувшись к повседневным хлопотам. Кажется, каждый сегодня увидел нечто свое: кто-то — ангела, кто-то — деву, несшую Грааль, кому-то, как и Гвенвифар, привиделась сама Матерь Божья. А многие не видели ничего, кроме нестерпимо яркого света, и преисполнились покоя и радости, и вкушали любимейшие яства.

Теперь же по замку пополз слух, будто сегодня им милостью Христовой дано было узреть Святой Грааль, ту самую чашу, из которой пил Христос во время Тайной вечери, когда он преломил хлеб, и разделил меж своими учениками вино, словно плоть и кровь во время древнего жертвоприношения. Уж не епископ ли породил этот слух, воспользовавшись тем, что все были преисполнены смятения, и никто не понимал, что же на самом деле он видел?

Перекрестившись, Гвенвифар вдруг вспомнила историю, рассказанную некогда Моргейной: на Авалоне утверждали, будто Иисус из Назарета в юности приходил сюда, чтоб учиться у мудрых друидов Гластонбери. А после смерти Иисуса его приемный отец, Иосиф Аримафейский, вернулся сюда и воткнул свой посох в землю — и тот пустил корни и зацвел. Так появился Священный терн. Уж не принес ли Иосиф с собою Святую

чашу? Ведь то, что произошло сегодня, было исполнено святости — сомнений быть не может. Ибо если оно исходило не от Бога, значит, это были непревзойденные по силе злые чары. Но разве зло может нести в себе такую красоту и радость?

И все же, что бы там ни говорил епископ, этот дар оказался пагубным, — подумала взволнованная Гвенвифар. Один за другим соратники вставали из-за стола и уходили, спеша отправиться в путь, — и вот огромный зал опустел. Все уехали, все, кроме Мордреда, поклявшегося остаться, и Кэя, что был слишком стар для подобного странствия, да еще и хром вдобавок. Артур вернулся на свое место — Гвенвифар знала, что он отходил утешить Кэя, — и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось отправиться вместе с ними! Но я не могу. Я не хотел бы разбить их мечту.

Гвенвифар сама налила Артуру вина. Ей вдруг захотелось оказаться не здесь, посреди опустевшего зала, а в их супружеских покоях.

— Артур, ты ведь знал, что что-то произойдет... Ты говорил мне, что на Пасху случится нечто удивительное...

— Да, — подтвердил Артур, устало откинувшись на спинку кресла. — Но клянусь тебе, я не знал, что именно задумали епископ Патриций с мерлином. Я знал, что Кевин привез с Авалона Священные реликвии.

Он положил руку на рукоять меча.

— Я получил этот меч при коронации, и вот теперь он служит королевству и Христу. И мне показалось, что мерлин прав, что священнейшие из таинств древности тоже следует поставить на службу Богу — ведь все боги суть один Бог, как всегда говорил Талиесин. В давние времена друиды называли своего бога другими именами, но эти вещи принадлежали Господу, и их следовало вернуть ему. Но я так и не ведаю, что же произошло сегодня в этих стенах.

— Ты не ведаешь? Ты? Ведь нам было явлено истинное чудо — сам Господь показал, что Святой Грааль надлежит вновь вернуть ему. Неужто ты в этом сомневаешься?

— Временами мне кажется, что это и вправду так, — медленно произнес Артур. — Но потом... А что, если это мерлин заколдовал нас и заставил видеть то, чего не было? Ведь теперь мои соратники покинули меня и разъехались кто куда. И кто знает, вернутся ли они?

Он поднял голову и взглянул на королеву, и Гвенвифар вдруг заметила, что брови его сделались совсем белыми, а светлые волосы серебрятся сединой.

— Знаешь, — сказал Артур, — а ведь здесь была Моргейна.

— Моргейна? — Гвенвифар удивленно качнула головой. — Нет, я этого не знала. Что ж она даже не подошла к нам?

Артур улыбнулся.

— И ты еще спрашиваешь? Она ведь покинула двор потому, что навлекла на себя глубочайшее мое неудовольствие.

Губы его сжались, а рука вновь скользнула к рукояти Эскалибура, словно Артур проверял, на месте ли тот. Теперь Эскалибур покоился в кожаных ножнах, грубых и некрасивых. Гвенвифар за прошедшие годы так и не осмелилась спросить, что же сталось с вышитыми ножнами, подарком Моргейны, но теперь ей пришло в голову, что, наверное, они и стали причиной ссоры брата и сестры.

— Ты ведь не знаешь... она восстала против меня. Она хотела свергнуть меня и возвести на трон своего любовника, Акколона...

Гвенвифар казалось, что после пережитой сегодня радости она никогда уже не сможет гневаться ни на одно живое существо. Вот и сейчас ей было просто жаль Моргейну — Моргейну и Артура. Ведь Гвенвифар знала, как крепко Артур любил свою сестру и как доверял ей — а она его предала...

— Почему же ты не сказал мне об этом? Я никогда ей не доверяла.

— Вот потому и не сказал, — отозвался Артур, сжав руку жены. — Я знал, что ты скажешь, что никогда не доверяла ей и много раз меня предостерегала — и думал, что не смогу этого вынести. Но сегодня Моргейна явилась под видом старой крестьянки. Она оказалась старая, Гвенвифар, — старая, жалкая и безвредная. Мне кажется, она пришла, чтоб еще хоть раз взглянуть на этот замок, в котором она некогда занимала столь высокое положение. А может, для того, чтоб увидеть сына... Она выглядела старше, чем наша мать перед смертью...

Он помолчал, разглядывая свою руку, потом произнес:

— Что ж, и я ведь уже старше собственного отца, моя Гвенвифар... Не думаю, что Моргейна явилась сюда со злом. А если она и попыталась что-то сотворить, святое видение наверняка помешало ей.

И Артур умолк. Гвенвифар женским чутьем поняла, что Артуру не хочется сознаваться вслух в том, что он по-прежнему любит Моргейну и скучает по ней.

«Сколько же за эти годы набралось такого, о чем я не смею говорить с Артуром или он со мной... Ну что ж, по крайней мере, сегодня мы поговорили о Ланселете и любви, что связывает нас всех». И Гвенвифар показалось, что эта любовь была величайшей в ее жизни истиной, что любовь нельзя ни взвесить, ни измерить, ни поделить, кому сколько причитается, что это — вечный, не ведающий границ поток, что чем сильнее она любит, тем больше любви даруется ей — как было даровано в сегодняшнем видении, как даровала она теперь любовь всем вокруг.

И даже к мерлину она сегодня относилась с теплом и нежностью.

— Смотри-ка — Кевин никак не может справиться со своей арфой. Может, послать кого-нибудь, чтоб помогли ему?

— Зачем? — с улыбкой отозвался Артур. — Ведь Нимуэ уже взяла его на свое попечение.

И снова Гвенвифар затопила любовь — на этот раз к дочери Ланселета и Элейны, двух самых дорогих ей людей. Нимуэ поддерживала мерлина под руку... Совсем как в старой истории о том, как девушка заблудилась в диком лесу и полюбила чудовище! Но сегодня Гвенвифар любила даже мерлина, и ей приятно было видеть, что и он не остался без помощи и поддержки.

Камелот опустел. С каждым днем королева все сильнее привязывалась к Нимуэ — как к дочери, которой у нее никогда не было. Девушка всегда внимательно выслушивала Гвенвифар, тонко льстила ей, постоянно была под рукой. И лишь одно не нравилось королеве — Нимуэ проводила слишком много времени, слушая мерлина.

— Дитя, он может ныне именовать себя христианином, — как-то предостерегла ее Гвенвифар, — но в глубине души он остается язычником, приверженцем тех самых варварских друидских обрядов, от которых ты отреклась. Ты же видела змей у него на руках!

Нимуэ провела ладонью по своему атласному рукаву.

— Но ведь их носит и Артур, — мягко сказала она, — и я тоже могла бы их носить, кузина, не узри я ярчайший свет. Мерлин мудр, и во всей Британии не найти более искусного музыканта.

— А кроме того, вас объединяет Авалон, — заметила Гвенвифар несколько более резко, чем намеревалась.

— Нет-нет! — возразила Нимуэ. — Прошу тебя, кузина, никогда не говори ему об этом! Мы с ним не были знакомы на Авалоне, он вообще меня не видел, и мне не хочется, чтоб он считал меня отступницей...

Девушка казалась столь обеспокоенной и несчастной, что Гвенвифар ласково произнесла:

— Что ж, раз ты так хочешь, я ничего не стану ему рассказывать. Я даже Артуру не сказала, что ты приехала к нам с Авалона.

— И я так люблю музыку и арфу, — жалобно протянула Нимуэ. — Ну как же я могу не разговаривать с ним?

Гвенвифар снисходительно улыбнулась.

— Твой отец тоже хорошо играет на арфе. Как-то раз он упомянул, что мать дала ему в руки арфу еще тогда, когда он не мог удержать даже игрушечного меча, и показала, как нужно играть.

Я бы куда лучше относилась к мерлину, если б он удовольствовался своей музыкой и не стремился к роли советника Артура. — И, содрогнувшись, она добавила: — Мне этот человек кажется чудовищем!

— Мне очень жаль, кузина, — упрямо сказала Нимуэ, — что он внушает тебе такие чувства. Ведь не его вина, что он стал таким... Я уверена: если б не это несчастье, он был бы красивым, как мой отец, и сильным, как Гарет!

Гвенвифар потупилась.

— Я знаю, мне следовало бы быть милосерднее... Но я с детства питаю отвращение к уродливым людям. Я даже подозреваю, что выкидыш со мной случился именно потому, что я принуждена тогда была часто видеть Кевина. Если Господь благ, не значит ли это, что все, от него исходящее, должно быть прекрасным и совершенным, а все уродливое и безобразное — работа нечистого?

— Нет, мне так не кажется, — сказала Нимуэ. — Ведь в Священном Писании говорится, что Бог посылал людям испытания — поразил же он Иова проказой и язвами, а Иону проглотила огромная рыба. И я часто слышала, что избранные им люди, и даже сам Христос, много страдали. Ведь должно быть, на то была воля Божья, чтоб эти люди претерпели больше прочих. Может быть, Кевин искупает какой-то великий грех, совершенный в прошлой жизни...

— Епископ Патриций говорит, что все это — языческие вымыслы и доброму христианину не следует верить в эту гнусную ложь, будто мы много раз рождаемся на свет. Ведь как же мы тогда попадем на небеса?

Нимуэ улыбнулась. Ей вспомнилась Моргейна. «И чтоб я больше никогда от тебя не слышала «отец Гриффин говорит»!» Она бы с удовольствием сказала Гвенвифар что-нибудь в этом духе, но приходилось сдерживаться.

— Но как же, кузина, — ведь даже в Священном Писании рассказывается, как люди спрашивали у Иоанна Крестителя, кем он был раньше. Некоторые говорили, будто Иисус Христос — это вернувшийся пророк Илия, а Христос на это ответил: «Правда, Илия должен прийти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его». И люди знали — в Писании так сказано, — что он говорил об Иоанне. И если сам Христос верил, что люди рождаются вновь, как же нам в это не верить?

Гвенвифар искренне удивилась. Как же случилось, что Нимуэ, выросшая на Авалоне, так хорошо знает Священное Писание? А ведь и Моргейна хорошо его знала — даже, пожалуй, лучше самой Гвенвифар....

— Мне кажется, — сказала Нимуэ, — что священники не хотят, чтоб мы думали о других жизнях, потому что желают, чтоб

мы именно в этой старались стать как можно лучше. Ведь многие священники уверены, что конец мира близок, и Христос придет снова, и потому боятся, что если люди станут откладывать добрые дела на другую жизнь, то не успеют к приходу Христа достичь совершенства. Ведь если б люди знали, что впереди у них другие жизни, разве стали б они сейчас так трудиться над собою?

— Мне это кажется опасной идеей, — возразила Гвенвифар. — Если люди будут верить, что спастись суждено всем, — если не в этой жизни, так в следующей, — не станут ли они грешить еще больше, в надежде, что со временем милосердие Господне все равно восторжествует?

— Боюсь, что ни страх перед священниками, ни перед гневом Господним, ни еще перед чем-нибудь не помешает людям грешить, — сказала Нимуэ. — Мне кажется, тут поможет лишь одно — если люди за многие жизни наберутся мудрости и поймут, что в грехах нет никакой пользы, а за всякое свершенное зло рано или поздно придется расплатиться.

— Тише, дитя! — воскликнула Гвенвифар. — Вдруг кто услышит, что ты изрекаешь такую ересь! Хотя и вправду, — добавила она мгновение спустя, — после Пасхи мне кажется, что любовь и милость Господня не ведают пределов, и, быть может, Бога не так уж тревожат грехи, как стараются убедить нас некоторые священники... Кажется, теперь и я тоже впадаю в ересь!

И снова Нимуэ лишь улыбнулась, напомнив себе: *«Я пришла ко двору не затем, чтоб просвещать Гвенвифар. Меня ждет куда более опасное дело. Мне не до того, чтоб поучать королеву и объяснять ей, что рано или поздно всякий человек должен прийти к просветлению»*.

— Так ты не веришь во второе пришествие Христа, Нимуэ?

«Нет, не верю, — подумала девушка. — *Я считаю, что великие люди, достигшие просветления — такие, как Христос, — приходят в этот мир лишь однажды, после многих жизней, посвященных приобретению мудрости, а потом уходят в жизнь вечную. Но я верю, что божественная сила ниспошлет других великих наставников, которые будут учить род людской истине — а люди всегда будут встречать их крестом, или костром, или камнями»*.

— Неважно, во что я верю, кузина, — важно, как оно есть на самом деле. Некоторые священники говорят, что Бог есть любовь, а у других он злой и мстительный. Иногда мне даже кажется, что священники посланы людям в наказание; если люди не желают прислушиваться к словам Христовым о любви, Бог насылает на них священников, со всей их ненавистью и нетерпимостью.

Нимуэ заставила себя умолкнуть — она вовсе не хотела злить Гвенвифар. Но королева сказала лишь:

— Ты права, Нимуэ, — бывают и такие священники...

— Но если среди священников есть дурные люди, — сказала Нимуэ, — почему же среди друидов не может быть хороших людей?

Гвенвифар упорно казалось, будто в этих рассуждениях есть какая-то ошибка, но она никак не могла ее обнаружить.

— Что ж, милая, может, ты и права. Просто когда я вижу тебя рядом с мерлином, мне делается не по себе. Хотя Моргейна тоже была хорошего мнения о нем... при дворе даже поговаривали, будто они были любовниками. Я никак не могла понять, как Моргейна с ее утонченностью терпела его прикосновения.

Нимуэ об этом не знала, да и знать не хотела. Хотя — не потому ли Моргейна так хорошо разбиралась в слабостях мерлина? Но она сказала лишь:

— Из всего, чему меня учили на Авалоне, я больше всего любила музыку. И в Священном Писании мне больше всего нравится то место, где Псалмопевец велит восхвалять Бога игрой на лютне и арфе. А Кевин обещал найти для меня арфу — я ведь уехала с Авалона без нее. Можно, я пошлю за ним, кузина?

Гвенвифар заколебалась. Но Нимуэ смотрела на нее так умоляюще, что королева не выдержала.

— Конечно, милое дитя.

Глава 11

Некоторое время спустя появился мерлин. *«Нет,* — напомнила себе Нимуэ, *— он не мерлин более, он — Кевин Арфист, предавший Авалон».* За ним шел слуга и нес Мою Леди. *«Он теперь христианин,* — подумала Нимуэ, *— он позабыл о законе, запрещающем кому-либо прикасаться к его арфе. Что ж, так проще, чем держать при себе человека, прошедшего посвящение, дабы тот носил арфу за мерлином, начинающим слабеть».*

Кевину теперь приходилось опираться при ходьбе на две палки, чтоб сдвинуть с места свое искалеченное тело. Но это не помешало ему с улыбкой обратиться к женщинам:

— Придется тебе поверить, моя королева, и тебе, леди Нимуэ: душою я готов склониться перед вами в наилюбезнейшем поклоне — но тело мне, увы, более не подчиняется.

— Пожалуйста, кузина, — прошептала Нимуэ, — вели ему сесть. Он не может долго стоять.

Гвенвифар взмахом руки пригласила мерлина присесть. Сейчас она почти радовалась своей близорукости — ведь иначе она бы отчетливо видела изуродованное тело Кевина. На мгновение Нимуэ охватил страх. А вдруг спутник Кевина — с Авалона? Вдруг он узнает ее или даже поздоровается? Но нет, это был

всего лишь слуга в дворцовом одеянии. Какое прозрение помогло Моргейне или Вране заглянуть так далеко наперед и с детства повелеть ей жить в уединении, чтоб к тому времени, как она, Нимуэ, достигнет зрелости, она оказалась единственной полностью обученной жрицей Авалона, которую мерлин не знал в лицо? Нимуэ понимала, что она — всего лишь орудие великих свершений и ей надлежит сделать так, чтобы возмездие Богини настигло этого человека — а у нее нет иного оружия, кроме собственной красоты и сбереженной девственности.

Нимуэ подложила под локоть мерлину подушечку со своего кресла. Казалось, будто его кости вот-вот прорвут кожу. Девушка лишь мимолетно задела руку Кевина, но распухший сустав был таким горячим, что это прикосновение едва не обожгло Нимуэ. На миг в ней вспыхнули жалость и внутренний протест.

«Но ведь возмездие Богини уже свершилось — это же очевидно! Этот человек достаточно наказан! Их Христос мучился на кресте всего день, а Кевин всю жизнь прикован к искалеченному телу!»

Но ведь многие предпочли пойти на костер, лишь бы не предать священные таинства. Нимуэ изгнала из своего сердца жалость и очаровательно попросила:

— Лорд мерлин, не сыграешь ли ты на арфе? Пожалуйста — для меня...

— Для тебя, моя леди, я готов сыграть все, что угодно, — ответил Кевин своим сильным, звучным голосом. — Я лишь жалею, что мне далеко до того древнего барда, под чью музыку плясали даже деревья!

— О, нет! — рассмеялась Нимуэ. — Вдруг деревья заявились бы прямо сюда — что бы тогда мы стали с ними делать? Они бы натащили столько грязи на корнях, что все наши служанки не смогли бы потом вымести и отмыть зал! Пусть лучше деревья остаются на своих местах — а ты спой нам! Пожалуйста!

Мерлин взял арфу и заиграл. Нимуэ уселась у его ног; взгляд ее огромных глаз был неотрывно прикован к лицу Кевина. Мерлин же смотрел на девушку, словно большущий пес на хозяина — с раболепной преданностью, не замечая больше никого вокруг. Гвенвифар воспринимала подобное отношение как нечто само собой разумеющееся. Королева столь часто была объектом преданного поклонения, что даже не задумывалась о нем — со стороны мужчин это была всего лишь дань ее красоте. Может, следует предупредить Нимуэ, чтоб та была осторожнее? Она ведь так юна, и обожание может вскружить ей голову... И все равно Гвенвифар не понимала, как Нимуэ может сидеть совсем рядом с этим уродом и так внимательно смотреть на него.

В поведении Нимуэ крылось нечто такое, чего Гвенвифар никак не могла понять. Что таилось за сосредоточенностью девушки? Это не было радостью, которую вызывает в музыканте

мастерская игра собрата по искусству. Не было это и бесхитростным восхищением, которое мог бы вызвать у наивной девушки зрелый, много повидавший мужчина. Но и внезапной, неодолимой страстью это тоже не было. Такую страсть Гвенвифар могла бы понять и в какой-то мере даже посочувствовать ей; она ведь знала, что это такое — всепоглощающая любовь, сметающая все преграды. Некогда подобная любовь поразила, подобно удару молнии, и саму Гвенвифар, и разрушила все надежды на то, что она сможет обрести счастье в браке с Артуром. Эта любовь стала истинным бедствием, но ни Гвенвифар, ни Ланселет ничего не могли с нею поделать. Королева просто смирилась с нею и смогла бы понять Нимуэ, случись с ней что-нибудь подобное — хоть мерлин Кевин и казался ей совершенно неподобающим объектом для такой страсти. Но это не было страстью... Гвенвифар не понимала, откуда у нее эта уверенность, но, тем не менее, была совершенно в том уверена.

«Тогда что же это — простое вожделение?» Со стороны Кевина — не исключено. Хоть мерлин и относится ко всем на свете с опаской, красота Нимуэ способна воспламенить любого мужчину. Но Гвенвифар не верилось, чтоб Нимуэ могла заинтересоваться подобным человеком — ведь даже с прекраснейшими из молодых рыцарей девушка держалась холодно и отстраненно.

Нимуэ, сидевшая у ног мерлина, почувствовала, что Гвенвифар наблюдает за нею. Но она так и не отвела взгляда от Кевина. *«В некотором смысле слова,* — подумала девушка, — *я его зачаровываю»*. Ей нужно было безраздельно подчинить мерлина своей воле, превратить его в жертву, в раба. И снова ей пришлось подавить невольную вспышку жалости. Этот человек не просто раскрыл чужакам тайные знания. Он передал священные предметы христианам на поругание. Но ведь христиане собирались не осквернить эти предметы, а освятить их — подумалось вдруг Нимуэ, но девушка безжалостно задавила эту мысль. Христиане ничего не понимают в сути таинств. И как бы там ни было, но мерлин нарушил свой обет.

«И сама Богиня явилась, чтоб не допустить этого святотатства...» Нимуэ достаточно знала о таинствах, чтоб понять, чему она стала свидетельницей. Даже теперь, стоило ей лишь вспомнить о чуде, свершившемся в тот праздничный день, девушку охватывал трепет. Нимуэ не совсем понимала, что же именно тогда произошло, но твердо знала, что сподобилась величайшей благодати.

А мерлин желал осквернить ее! Воистину — он заслужил собачью смерть!

Пение арфы смолкло.

— У меня есть арфа для тебя, леди, — сказал Кевин, — если, конечно, ты согласишься ее принять. Я сделал ее собственными

руками еще в юности, когда впервые попал на Авалон. Позднее я делал и другие арфы, и они получались куда лучше, но и эта хороша. Я долго играл на ней. Если ты принимаешь ее — она твоя.

Нимуэ попыталась было возразить, сказать, что это чересчур ценный подарок — но втайне она ликовала. Это же истинная драгоценность — вещь, сделанная им собственноручно и к тому же настолько дорогая его сердцу! С помощью этой арфы она свяжет мерлина столь же надежно, как если бы ей в руки попала прядь его волос или капля крови! Даже на Авалоне немногие столь глубоко постигли законы магии, но Нимуэ знала, что предмет, столь тесно сопряженный с разумом, сердцем и страстями — а она не сомневалась, что музыка была величайшей страстью Кевина, — хранит в себе частичку души своего создателя, точно так же как волосы хранят частичку телесной сущности.

«Он сам, своею собственною волей вложил душу в мои руки!» — удовлетворенно подумала Нимуэ. Мерлин послал за арфой; когда ее принесли, Нимуэ бережно приняла инструмент. Арфа была небольшой и грубовато сделанной, но в том месте, где ее прижимали к плечу, дерево было отполировано до блеска, и когда-то пальцы Кевина с любовью касались этих струн... Даже сейчас он помедлил мгновение, прежде чем передать арфу Нимуэ.

Нимуэ коснулась струн, проверяя, как они звучат. И вправду, у арфы был хороший звук. Кевину удалось найти столь удачную форму арфы, что звук, отражаясь от деки, лишь добавлял нежности пению струн. Если он сделал этот инструмент еще в юности и с такими-то изувеченными руками... И снова Нимуэ захлестнула волна жалости и боли... *«Лучше бы он оставался со своей музыкой и не лез в государственные дела!»*

— Ты так добр ко мне... — с дрожью в голосе произнесла Нимуэ, надеясь, что мерлин примет эту дрожь за свидетельство страсти, а не торжества... *«Теперь он будет моим душою и телом — и этого не придется долго ждать!»*

Но пока что переходить к решительным действиям было рано. Приобретенная на Авалоне способность чувствовать в крови движение светил говорила Нимуэ, что луна прибывает; столь могущественную магию можно было вершить лишь в новолуние, в тот миг затишья, когда свет Владычицы не изливается на мир и становятся ведомы ее потаенные цели.

До этих пор нельзя допускать, чтобы страсть мерлина — или ее сочувствие к нему — возросли чрезмерно.

«Он пожелает меня в полнолуние; узы, что плету я, подобны обоюдоострому клинку, веревке о двух концах... Я тоже пожелаю его — это неизбежно». Чтобы заклинание подействовало, оно должно затрагивать двоих — того, кто его накладывает, и того, на кого оно накладывается. И Нимуэ во вспышке ужаса осозна-

ла, что чары, над которыми она трудилась, подействуют и на нее — и свяжут ее. Она не сможет изобразить страсть и желание — ей придется их ощутить. Сердце ее сжалось от страха. Нимуэ поняла, что хоть мерлин и сделается беспомощной игрушкой в ее руках — но может случиться и так, что и он получит столь же безграничную власть над нею. *«Что же тогда со мною будет... О Богиня, Матерь!.. эта цена слишком высока... да минет меня эта участь! Нет, не надо, я боюсь!..»*

— Нимуэ, милая моя, — сказала Гвенвифар, — раз уж ты взяла арфу, может, ты сыграешь и споешь мне?

Нимуэ застенчиво взглянула на мерлина из-под распущенных волос, крылом спустившихся ей на лицо, и несмело произнесла:

— А может, не надо?..

— Сыграй, прошу тебя, — произнес мерлин. — У тебя прекрасный голос, и я готовм поклясться, что твои руки способны сотворить настоящее волшебство при помощи этих струн...

«О да — если будет со мною милость Богини!» Нимуэ коснулась струн, и только сейчас вспомнила, что ей нельзя играть ничего из песен Авалона — Кевин узнает их. Она заиграла застольную песню, которую услышала уже здесь, при дворе, — с несколько неподобающими для юной девушки словами. Нимуэ заметила, что ее выбор шокировал Гвенвифар, и подумала: *«Отлично. Чем больше она будет возмущаться моим нескромным поведением, тем меньше она будет задумываться, что мною движет»*. Потом она запела песню, которую слышала от заезжего арфиста-северянина — печальную, заунывную песню рыбака, который вышел в море и смотрит на огонек, горящий в окне родного дома.

Допев, Нимуэ встала и робко взглянула на мерлина.

— Спасибо, что позволил мне поиграть на твоей арфе... Можно, я буду иногда брать ее, чтоб пальцы не потеряли гибкость?

— Я дарю ее тебе, — отозвался Кевин. — Теперь, когда я услыхал, какую музыку ты способна из нее извлечь, эта арфа уже не будет принадлежать никому другому. Возьми, прошу тебя, — у меня много арф.

— Ты так добр ко мне, — застенчиво произнесла девушка. — Но прошу тебя, хоть я теперь и могу играть сама, не покидай меня и не лишай радости слышать твое пение.

— Я всегда готов играть для тебя — тебе стоит лишь попросить, — ответил Кевин, и Нимуэ знала, что слова эти идут из самой глубины его сердца. Она подалась вперед, чтоб забрать арфу, и постаралась при этом коснуться мерлина — словно бы ненароком.

— Слова бессильны выразить всю глубину моей благодар-

ности, — тихо, чтоб не услышала Гвенвифар, произнесла девушка. — Быть может, придет час, и я смогу выразить ее более подобающим образом.

Кевин потрясенно взглянул на девушку, и Нимуэ поймала себя на том, что смотрит на него столь же пристально.

«Воистину, это заклятие — обоюдоострый клинок. Я — тоже его жертва».

Мерлин ушел, а Нимуэ послушно уселась рядом с Гвенвифар и постаралась сосредоточиться на прядении.

— Как чудесно ты играешь, Нимуэ, — сказала Гвенвифар. — Можно даже не спрашивать, у кого ты училась... Я как-то слыхала эту песню о рыбаке от Моргейны.

— Расскажи мне о Моргейне, — попросила Нимуэ, стараясь не глядеть в глаза королеве. — Она покинула Авалон еще до того, как я приехала туда. Она была замужем за королем... Лотиана, кажется?..

— Северного Уэльса, — поправила ее Гвенвифар.

Хоть Нимуэ и сама все это знала, все же просьба ее была продиктована не одним лишь притворством. Моргейна по-прежнему оставалась для нее загадкой, и девушке очень хотелось узнать, какой же виделась леди Моргейна тем, кто встречался с нею в этом мире.

— Моргейна была одной из моих придворных дам, — тем временем начала рассказывать Гвенвифар. — Я приняла ее в свою свиту по просьбе Артура в день нашей с ним свадьбы. Конечно, они выросли порознь, и Артур ее почти не знал, но все-таки...

В свое время Нимуэ обучили угадывать человеческие чувства, и теперь, внимательно слушая королеву, девушка поняла, что за неприязненным отношением Гвенвифар к Моргейне таится и кое-что иное — уважение, глубокое почтение, смешанное со страхом, и даже своего рода нежность. *«Не будь Гвенвифар такой фанатичной, такой безмозглой христианкой, она полюбила бы Моргейну всем сердцем».*

Что ж, по крайней мере, пока Гвенвифар рассказывала о Моргейне — хоть она и считала сестру короля злой колдуньей, — она не несла всей той благочестивой чуши, что надоела Нимуэ почти до слез. Но девушка не могла сосредоточиться на рассказе королевы. Она изображала горячую заинтересованность, издавала удивленные возгласы, когда повествование того требовало, — но душа ее была охвачена смятением.

«Мне страшно. Может случиться так, что я не просто привяжу мерлина к себе, но и сама окажусь его рабыней и жертвой...

Богиня! Великая Матерь! Не мне должно предстать перед ним, но тебе...»

Луна прибывала. До полнолуния оставалось всего четыре

дня, и Нимуэ уже чувствовала, как в ней нарастает волнение. Она думала о сосредоточенном лице мерлина, его прекрасных глазах, чарующем голосе — и понимала, что и сама безнадежно запуталась в паутине собственного заклятия. Изуродованное тело Кевина давно уже не вызывало у нее ни малейшего отвращения, зато она остро ощущала жизненную силу, бурлящую в этом теле.

«Я отдамся ему в новолуние, — подумала Нимуэ, — *и наши жизни сольются в один поток, и мои цели станут его целями, и мы сделаемся единой плотью...»* Тело ее изнемогало от желания, острого до боли; ей хотелось, чтоб нежные руки Кевина ласкали ее, хотелось почувствовать на своих губах его дыхание. Нимуэ изнывала от жажды и знала, что чувства эти — по крайней мере, отчасти, — это отголосок его желания и неверия в свои силы. Магическая связь, созданная Нимуэ, заставляла ее ощущать мучения Кевина как свои.

«Когда вместе с луною жизнь войдет в полную силу, Богиня примет тело своего возлюбленного...»

В этом не было ничего такого уж невероятного. Отец Нимуэ — поборник королевы и лучший друг короля. А Кевину не запрещено жениться — он ведь мерлин, а не христианский священник. Все придворные сочтут этот брак вполне достойным, хоть некоторые дамы и будут ужасаться при мысли о том, что ее нежное тело достанется человеку, которого они считают чудовищем. Артур наверняка знает, что Кевин не может вернуться на Авалон — после того-то, что он совершил! — но и при дворе Кевин занимает почетное место королевского советника. И нет музыканта, который мог бы сравниться с ним. *«Должно ведь где-то найтись место и для нас... место и наша доля счастья... в полнолуние, когда мир полнится жизненной силой, мы сможем зачать ребенка... и я с радостью буду носить его... Кевин ведь не родился калекой — его изуродовали в детстве... его сын будет красивым...»* Но тут Нимуэ заставила себя остановиться; разгулявшееся воображение начало беспокоить ее. Нельзя допустить, чтоб собственное заклинание столь крепко связало ее! Она должна держать себя в руках, хоть прибывающая луна и заставляет ее кровь бурлить в жилах. Она должна ждать, ждать...

Ждать, как ждала она все эти годы... Существует магия, что приходит лишь тогда, когда отдаешься жизни во всей ее полноте. Жрицы Авалона испытывали это чувство, когда, лежа в белтайнских полях, пробуждали в своем теле и сердце жизнь Богини... Но была в этом и более глубинная магия, идущая от сдерживаемой силы. Христиане тоже знали об этом — недаром ведь они настаивали, чтоб их святые девы жили в целомудрии и уединении, дабы пылало в них тайное пламя укрощенной силы. А свя-

щенники их могли выплескивать всю сбереженную силу во время христианских таинств — что они и делали. Вот так же Нимуэ ощущала силу в каждом жесте, каждом слове Враны; старая жрица никогда не тратила слова понапрасну, но когда Врана все же позволяла своей силе проявиться, та изливалась с неимоверной мощью. Даже сама Нимуэ, после того как ей запретили общаться с другими девушками и участвовать в обрядах, не раз, сидя в храме, чувствовала, как текущая в ее жилах жизненная сила набирает такую мощь, что Нимуэ готова была в любой момент разразиться истерическими воплями или начать рвать на себе волосы — почему ее обрекли на эту участь, почему она должна, не зная передышки, нести эту чудовищную ношу? Но Нимуэ верила Богине и подчинялась своим наставникам; и вот теперь ей доверили великое дело, и нельзя допустить, чтобы она подвела всех из-за собственной слабости.

Она была сейчас словно сосуд, наполненный силой — словно Священная реликвия, грозящая смертью неосторожному непосвященному, дерзнувшему коснуться ее, — и вся эта сила, накопленная за годы подготовки, понадобится ей, чтоб привязать мерлина к себе... Но ей следует дождаться нужного расположения светил; в новолуние она сможет воспользоваться потоком силы, исходящей с обратной стороны луны... не плодородие — бесплодность, не жизнь всего сущего — темная магия, превосходящая древностью сам род людской...

Но мерлин сведущ в таких вещах. Он знает о старинном проклятии новолуния и бесплодного чрева... Значит, следует очаровать его до такой степени, чтоб ему даже в голову не пришло задуматься, отчего вдруг Нимуэ отказала ему в полнолуние, но сама стала искать его при ущербной луне. Впрочем, у нее имеется одно преимущество: мерлин не знает, что она в этом разбирается, он никогда не видел ее на Авалоне. И все же эти узы действуют в обе стороны, и если она может читать его мысли, то и ее разум открыт для мерлина. Нужно каждое мгновенье быть начеку — иначе Кевин заглянет ей в душу и узрит ее подлинные цели.

«Нужно добиться, чтоб он себя не помнил от желания, чтоб позабыл... позабыл все, чему его учили на Авалоне». И в то же время ей следует сдерживать свое желание и не позволять, чтоб ей передалось желание Кевина. Нелегкая задача.

Нимуэ принялась обдумывать очередные свои уловки. «Расскажи мне о своем детстве, — попросит она. — Расскажи, как случилось, что ты столь тяжко пострадал». Сочувствие позволит надежно его связать — Нимуэ поняла это в тот самый миг, как впервые коснулась мерлина кончиками пальцев... И, к отчаянью своему, она поняла, что изыскивает причины оказаться рядом с

ним, прикоснуться к нему — не ради порученного ей дела, а ради терзающего ее желания.

«Смогу ли я сплести эти чары, не погубив себя?»

— Тебя не было на пиру у королевы, — негромко произнес мерлин, глядя Нимуэ в глаза. — А я написал для тебя новую песню... Было полнолуние, а в луне кроется великая сила, леди...

Нимуэ — само внимание — взглянула на него.

— В самом деле? Я об этом почти ничего не знаю... а ты — волшебник, лорд мой мерлин? Я иногда чувствую себя такой беспомощной, словно ты околдовал меня...

Нимуэ нарочно пряталась в полнолуние: она была твердо уверена, что если в это время мерлин заглянет ей в глаза, то сможет прочесть ее мысли, — а может, и догадаться о ее целях. Теперь же, когда пик магических сил миновал, ей, быть может, и удастся уследить за собой.

— Тогда спой мне свою песню сейчас.

Нимуэ уселась и приготовилась слушать; она ощущала, что все ее тело дрожит от прикосновения мерлина, подобно струнам арфы.

«Я не смогу этого вынести, просто не смогу... Как только настанет новолуние — нужно действовать». Девушка знала: еще одно полнолуние — и поток неистового желания, разбуженный ею же, подхватит и унесет ее. *«...И я никогда уже не смогу предать его... я вечно буду принадлежать ему, и в этой жизни, и в будущих...»*

Она коснулась шишковатого запястья Кевина, и это прикосновение пронзило ее мучительным ощущением неутоленного желания. По тому, как внезапно расширились зрачки Кевина, как он резко втянул в себя воздух, Нимуэ догадывалась, каково сейчас мерлину.

По нерушимому закону судьбы, подумала Нимуэ, предательство никогда не останется безнаказанным. Богиня заставит всякого расплатиться за него сторицей, во многих жизнях. Предатель и преданный на тысячу лет окажутся связаны любовью и ненавистью. Но ведь она поступает так по велению Богини, ее послали, чтоб покарать изменника... значит ли это, что и ее тоже ждет кара? Если да, то, значит, справедливости нет даже в царстве богов...

«Христос говорит, что искреннее раскаяние искупает любой грех...»

Но нет, судьбу и законы вселенной так просто не отменишь. Звезды не остановятся в небе лишь потому, что кто-то крикнет им: «Стой!»

Что ж, значит, так тому и быть. Возможно, она обречена пре-

дать мерлина, и причиной тому — деяние, совершенное кем-то из них двоих еще в те времена, когда море еще не поглотило древнюю землю, ныне скрытую волнами. Такова была ее судьба, и Нимуэ не смела спрашивать, чем она ее заслужила. Мерлин перестал играть и бережно обнял ее; и Нимуэ, едва ли осознавая, что делает, коснулась губами его губ. *«Свершилось. Отступать уже поздно».*

Нет. Отступать было поздно уже тогда, когда она, склонив голову, согласилась исполнить дело, возложенное на нее Моргейной. Поздно было уже тогда, когда она поклялась в верности Авалону...

— Расскажи о себе, — шепотом попросила она. — Я хочу знать о тебе все, мой лорд...

— Не зови меня так. Мое имя — Кевин.

— Кевин... — произнесла Нимуэ, подбавив в голос нежности и снова коснувшись его руки.

День за днем плела она это заклятие, состоявшее из прикосновений, взглядов, шепота — а луна все убывала и убывала. После того первого, мимолетного поцелуя Нимуэ отстранилась от мерлина, сделав вид, будто он напугал ее. *«Это правда. Но себя я боюсь куда сильнее, чем его».* Никогда, никогда за все годы жизни в уединении ей даже в голову не приходило, что она способна испытывать такую страсть, такую жажду. Нимуэ знала, что ее чары действуют теперь на обоих, усиливая все чувства. Однажды, распаленный сверх меры ее нежным шепотом и прикосновением волос девушки к его лицу — Кевин сидел в этот момент за арфой, а Нимуэ склонилась над ним, — мерлин привлек ее к себе с такою силой, что Нимуэ и вправду испугалась и принялась отчаянно вырываться.

— Нет, нет, я не могу... ты забываешься... пожалуйста, отпусти!.. — вскрикнула Нимуэ, но мерлин лишь крепче обнял ее, уткнулся лицом к ней в грудь и принялся осыпать ее поцелуями. Девушка тихо заплакала. — Нет, нет, я боюсь, боюсь...

Лишь после этого Кевин отпустил ее, отвернулся и застыл в оцепенении. Дыхание его сделалось хриплым и учащенным. Он посидел несколько мгновений, зажмурившись и уронив руки, потом пробормотал:

— Возлюбленная моя, моя бесценная птичка, радость сердца моего... прости... прости меня.

Нимуэ поняла, что даже ее собственный, подлинный страх можно обернуть на пользу делу.

— А я тебе доверяла, — прошептала она. — Я тебе доверяла...

— А зря, — хрипло отозвался мерлин. — Я — всего лишь мужчина, не более того — но и не менее... — В голосе его зазвучала такая горечь, что Нимуэ съежилась. — Я — мужчина, я создан из плоти и крови, и я люблю тебя, Нимуэ, — а ты играешь

со мной, словно с комнатной собачонкой, и ждешь, что я буду послушным, словно выхолощеный пони... Неужто ты думаешь, что я, сделавшись калекой, перестал быть мужчиной?

Нимуэ прочла в его сознании воспоминания — отчетливые, словно отражение в зеркале, — о том моменте, когда он сказал почти те же самые слова первой в его жизни женщине, что пришла к нему; она увидела Моргейну его глазами — не ту Моргейну, которую знала сама Нимуэ, а пленительную темноволосую женщину, прекрасную и пугающую. Кевин боготворил ее — и боялся, ибо даже в угаре страсти помнил, сколь внезапным бывает удар молнии...

Нимуэ протянула руки к Кевину и заметила, что они дрожат, и поняла: нельзя допустить, чтоб он понял, почему она дрожит. Тщательно оградив свои мысли, девушка произнесла:

— Я... я не подумала об этом... Прости меня, Кевин. Я... я ничего не могу с собой поделать...

«И это — правда. О, Богиня — чистейшая правда! Хоть и не та, в которую он верит. Я говорю одно, а он слышит совсем другое».

И все же, несмотря на всю силу сочувствия и вожделения, владевших ею, к чувствам Нимуэ примешался оттенок презрения. *«А иначе я могла бы и не выдержать, не справиться со своим делом... Но человек, позволяющий своему вожделению так безраздельно властвовать над ним, — ничтожество... Я тоже дрожу, я истерзана... но я не позволю, чтоб желания тела повелевали мною...»*

Вот зачем Моргейна вручила ей ключ к душе этого человека, отдавая его на милость Нимуэ! Настал час произнести слова, что закрепят заклинание, — и Кевин окажется в полной ее власти; тогда Нимуэ сможет отвезти его на Авалон, и рок свершится.

«Притворись! Прикинься такой же бестолковой, как все эти девицы из свиты Гвенвифар, у которых только и ума, что между ног!»

— Я... прости меня, — запинаясь, произнесла Нимуэ. — Я понимаю, что ты — мужчина... прости, что я испугалась... — Девушка подняла голову и искоса посмотрела на Кевина через завесу волос. Она не смела взглянуть прямо в глаза мерлину — боялась, что тогда она не выдержит и сознается в своей двуличности и выложит всю правду. — Я... я... правда, я хотела, чтоб ты поцеловал меня, но потом ты сделался таким неистовым, и я испугалась. Ведь мы сидим в таком месте — нас в любой момент может кто-нибудь увидеть, и королева рассердится на меня — я ведь принадлежу к ее свите, а она запрещала нам заигрывать с мужчинами...

«Неужто у него достанет глупости поверить такой чуши?»

— Бедная моя! — сокрушенно воскликнул Кевин, целуя руки

Нимуэ. — Я напугал тебя, я повел себя, как животное... Но я так тебя люблю... Я так люблю тебя, что не могу этого вынести! Нимуэ, неужто ты так сильно боишься гнева королевы? Я не могу... — Он умолк на миг, чтоб перевести дыхание, и повторил уже более твердо: — Я не могу так жить... Неужто ты хочешь, чтоб мне пришлось покинуть двор? Никогда, никогда я... — Он снова умолк и крепко сжал руки девушки. — Я не могу жить без тебя. Я добьюсь тебя или умру. Неужто тебе ни капли меня не жаль, возлюбленная моя?

Нимуэ опустила глаза и глубоко вздохнула, следя исподтишка за искаженным лицом мерлина и его учащенным дыханием. В конце концов она прошептала:

— Что я могу тебе сказать?

— Скажи, что любишь меня!

— Я люблю тебя. — Нимуэ знала, что голос ее звучит, как голос человека, находящегося под воздействием заклятия. — Ты же знаешь, что люблю.

— Скажи, что отдашь мне всю свою любовь, скажи, что... ах, Нимуэ, Нимуэ, ты так молода и прекрасна, а я так уродлив и искалечен! Я не могу поверить, что я хоть что-то значу для тебя. Даже сейчас мне кажется, что я сплю — или что ты решила завлечь меня просто ради забавы, чтоб посмотреть на чудище, что будет пресмыкаться у твоих ног.

— Нет! — воскликнула Нимуэ и тут же, словно испугавшись собственной смелости, быстро коснулась губами глаз мерлина — точно две ласточки присели и тут же вспорхнули.

— Нимуэ, ты разделишь со мною ложе?

— Я боюсь... — прошептала Нимуэ. — Нас могут увидеть, и я не смею вести себя так свободно. — Она изобразила детскую капризную гримаску. — Если нас застанут, все только лишний раз уверятся, что ты — настоящий мужчина, и никому и в голову не придет бранить или стыдить тебя. Но я — я девушка, и меня станут обзывать распутницей и показывать на меня пальцами...

По щекам Нимуэ потекли слезы, но в душе она ликовала. *«Теперь он уже не вырвется из моих сетей!»*

— Я сделаю все, что угодно, лишь бы только утешить и защитить тебя! — воскликнул Кевин, и голос его был полон искренности.

— Я знаю, мужчины любят похваляться своими победами над девушками, — сказала Нимуэ. — Вдруг ты примешься хвастать, что добился благосклонности родственницы самой королевы и похитил ее девственность?

— Поверь мне, молю, поверь... Что мне сделать? Как доказать, что я говорю правду? Ты же знаешь, что я принадлежу тебе — всем сердцем, телом и душою...

На миг Нимуэ охватил гнев. *«Не нужна мне твоя проклятая*

душа!» — подумала она, чувствуя, что вот-вот расплачется от напряжения и страха. Кевин обнял ее и прошептал:

— Когда? Когда ты будешь моею? Что я должен сделать, чтоб ты поверила в мою любовь?

Поколебавшись, Нимуэ произнесла:

— Я не могу позвать тебя к себе. Я сплю в одной комнате с четырьмя другими дамами из свиты королевы, и стражники заметят всякого, кто попытается пройти туда...

Кевин снова принялся покрывать ее руки поцелуями.

— Бедная моя малышка, я никогда не стану навлекать на тебя позор. У меня есть своя комната — маленькая, словно конура, да и то ее отдали мне в основном потому, что никто из придворных не пожелал поселиться вместе со мной. Не знаю, посмеешь ли ты прийти туда...

— Наверняка можно придумать что-нибудь еще... — прошептала Нимуэ, стараясь, чтоб голос ее был тих и нежен. *«Проклятие! Не могу же я предложить это прямо — мне ведь необходимо притворяться невинной дурочкой!»* — Мне кажется, во всем замке нет такого места, где мы были бы в безопасности, но все же...

Поднявшись, Нимуэ прижалась к сидящему мерлину, легонько толкнувшись грудью.

Кевин стремительно обнял девушку, зарывшись лицом ей в грудь. Плечи его задрожали. Потом он произнес:

— В это время года... Сейчас тепло и сухо. Осмелишься ли ты выйти вместе со мной из замка, Нимуэ?

— С тобой, любовь моя, я осмелюсь пойти куда угодно, — наивно пробормотала девушка.

— Тогда — сегодня ночью?

— Ой, луна такая яркая, — вздрогнув, прошептала Нимуэ. — Нас могут увидеть... Давай подождем несколько дней, пока луна не исчезнет...

— Пока настанет новолуние...

Кевина передернуло. Это был опасный момент: рыба, которую Нимуэ так старательно приманивала, могла сейчас сорваться с крючка, вырваться из сети и уйти на волю. В новолуние на Авалоне жрицы уединялись и на время отказывались от каких бы то ни было магических действий... Но мерлин не знал, что она жила на Авалоне.

Что же возобладает в нем — страх или вожделение? Нимуэ застыла недвижно, лишь пальцы ее слегка подрагивали в ладонях мерлина.

— Новолуние — опасное время... — произнес Кевин.

— Но я боюсь, что нас увидят... Ты не представляешь, как разгневается на меня королева, если узнает, что я от любви к тебе позабыла про стыд... — сказала Нимуэ, чуть теснее прижав-

шись к мерлину. — Ведь мы с тобой не нуждаемся в луне, чтоб видеть друг друга...

Кевин обнял ее еще крепче и принялся жадно целовать грудь Нимуэ. Потом он прошептал:

— Любимая, малышка моя, пусть будет, как ты хочешь... полнолуние, новолуние — не важно...

— А потом ты увезешь меня из Камелота? Я не хочу позориться...

— Увезу, куда ты захочешь, — сказал Кевин. — Клянусь тебе в этом... Хочешь — поклянусь твоим богом?

Прижавшись к нему и зарывшись пальцами в его прекрасные кудри, Нимуэ прошептала:

— Христианский бог не любит влюбленных и терпеть не может, когда женщины возлежат с мужчинами... поклянись своим богом, Кевин, поклянись змеями, которых ты носишь на запястьях...

— Клянусь! — так же шепотом отозвался мерлин, и от звука клятвы воздух вокруг них словно подернулся рябью.

«Глупец! Ты поклялся своей смертью!»

Нимуэ содрогнулась, но Кевин, судя по всему, не замечал сейчас ничего, кроме груди девушки — Нимуэ чувствовала его горячее дыхание и жадные поцелуи. Теперь, когда девушка пообещала ему свою любовь, мерлин спешил воспользоваться дарованной привилегией — целовать, гладить, ласкать ее.

— Не знаю, где взять мне сил, чтоб дождаться этой минуты.

— И мне, — тихо произнесла Нимуэ. И это было чистой правдой.

«Я должна, должна это свершить!»

Даже не видя луны, Нимуэ могла точно сказать, что новолуние наступит три дня спустя, через два часа после заката; от убывания луны девушка чувствовала себя слабой — как будто сама жизнь утекала из ее жил. Эти три дня Нимуэ почти не вставала с постели. Она сказалась больной, и это было не так уж далеко от истины. Оставаясь в одиночестве, девушка брала в руки арфу Кевина и погружалась в размышления, заполняя эфир магическими узами, что связывали теперь их двоих.

Новолуние — зловещее время, и Кевин это знал не хуже самой Нимуэ; но обещание любви ослепило его, и мерлин позабыл обо всем на свете.

Занялось утро того дня, когда должно было наступить новолуние; Нимуэ ощущала это всем телом. Девушка сготовила себе травяной отвар, чтоб оттянуть начало ежемесячного кровотечения. Ей не хотелось ни отпугивать Кевина видом крови, ни рисковать — вдруг он вспомнит об авалонских запретах? Надо как-нибудь отвлечься от мыслей о плотской стороне предстоящей встречи. Нимуэ знала, что она, несмотря на все пройденное обу-

чение, остается той самой робкой, боязливой девственницей, которую изображает. Что ж, тем лучше — значит, ей не нужно притворяться. Можно просто оставаться собою — девушкой, что в первый раз отдается мужчине, любимому и желанному. А дальше... Что ж, дальше будет так, как судила ей Богиня.

Нимуэ едва дождалась вечера. Никогда еще болтовня дам из свиты Гвенвифар не казалась ей такой бессмысленной и скучной. После обеда она попыталась было прясть, но прялка валилась у нее из рук. Тогда Нимуэ принесла арфу — подарок Кевина — и принялась играть и петь для дам; но и это было нелегко, ведь ей нельзя было петь авалонские песни, а только они и шли сейчас ей на ум. Но вот наконец даже этот бесконечный день начал клониться к вечеру. Нимуэ вымылась, надушилась и, спустившись в зал, села рядом с Гвенвифар; ей было дурно, у нее кружилась голова, а грубые манеры обедающих и возня собак под столом вызывали у нее отвращение. Кевин сидел среди прочих королевских советников, рядом со священником, что исповедовал некоторых из дам королевы. Он донимал и Нимуэ: почему она не ищет духовного наставничества? Когда девушка ответила, что не нуждается в нем, священник уставился на нее столь мрачно, словно узрел перед собою худшую из грешниц. Кевин. Нимуэ буквально чувствовала прикосновение его нетерпеливых рук к ее груди, а когда он смотрел на нее, девушке казалось, что все вокруг слышат: «Сегодня ночью? Сегодня ночью, возлюбленная. Сегодня ночью».

«О, Богиня, но как же я смогу поступить так с человеком, который любит меня, который доверил мне свою душу... Я поклялась. Я должна сдержать клятву, иначе я сама стану предательницей».

Они встретились на мгновение в нижней части зала, когда дамы королевы расходились по своим покоям.

— Я спрятал наших лошадей за воротами, в лесу, — быстро, едва слышно произнес Кевин. — А потом... — голос его дрогнул. — Потом я отвезу тебя туда, куда ты пожелаешь, леди.

«Ты не представляешь, куда я тебя поведу».

Но отступать было поздно.

— О, Кевин, я... я люблю тебя! — отозвалась Нимуэ и, не сдержавшись, заплакала. Она знала, что говорит чистую правду. Она приложила все усилия, чтоб их сердца слились воедино — но как же теперь она перенесет разлуку с Кевином? Этого Нимуэ даже представить себе не могла. Ей казалось, будто сегодня вечером сам воздух дышит магией, и все окружающие должны видеть плывущее марево и тьму, что сгущается над ней.

Надо сделать так, чтоб все думали, будто она удалилась с каким-нибудь поручением. Нимуэ сказала дамам, делившим с нею комнату, что идет к жене одного из дворецких, полечить ее от зубной боли, и вернется не скоро. Затем, прихватив самый

темный свой плащ и повесив на пояс маленький серповидный нож, полученный после посвящения, девушка выскользнула за дверь. Но потом, свернув за угол и остановившись в темноте, Нимуэ переложила нож в поясную сумку. Кевин не должен его видеть, как бы ни обернулось дело.

«Если я не смогу прийти на встречу, Кевин умрет от разрыва сердца, — подумала Нимуэ. — *И даже не узнает, как ему повезло.*

Темнота. Во дворе темно — хоть глаз выколи. Ни лучика, лишь тусклый, рассеянный свет звезд. Нимуэ осторожно пробиралась вперед; ее начала бить дрожь. Но вскоре до нее долетел приглушенный голос Кевина:

— Нимуэ!

— Это я, возлюбленный.

«Что будет худшим вероломством — нарушить клятву, что я дала Авалону, или продолжать лгать Кевину? И то и другое отвратительно... Но можно ли свершить справедливость при помощи лжи?»

Кевин взял Нимуэ за руку, и от прикосновения его горячей руки кровь закипела в ее жилах. Магия этого часа крепко опутала их обоих. Кевин вывел девушку за ворота; они спустились по склону крутого холма, возносившего к небу древнюю твердыню Камелота. Зимой окрестности Камелота делались топкими, а иногда под холмом текла настоящая река, но сейчас стояла сушь, и лишь буйные, пышные травы свидетельствовали, что край этот оставался влажным. Кевин ввел Нимуэ в рощу.

«О, Богиня, я всегда знала, что распрощаюсь со своей девственностью в роще... но мне и в голову не приходило, что в это будут вовлечены чары новолуния...»

Кевин привлек девушку к себе и поцеловал. Казалось, будто тело его изнутри охвачено огнем. Кевин расстелил их плащи на земле и снял с Нимуэ платье; когда мерлин принялся возиться со шнуровкой платья, искалеченные его руки так дрожали, что Нимуэ пришлось самой распустить ее.

— Хорошо, что сейчас темно, — не своим голосом произнес Кевин. — Мое изуродованное тело не испугает тебя...

— Все, что связано с тобою, не может меня испугать, любовь моя, — прошептала Нимуэ и обняла Кевина. В этот миг она, опутанная собственным заклинанием, говорила от всего сердца, и знала, что этот человек принадлежит ей безраздельно, душою и телом. Но несмотря на всю свою магию, Нимуэ оставалась юной неопытной девушкой, и прикосновение затвердевшего мужского достоинства Кевина заставило ее испуганно отпрянуть. Кевин принялся успокаивать ее, ласкать и целовать, а Нимуэ чувствовала, как горит в ней это мгновение безвременья, как сгущается тьма и наступает час колдовства. И в тот миг, когда чародейские силы достигли вершины, Нимуэ привлекла Кевина к себе. Она

не могла больше медлить. Как только в небе появится молодая луна, она потеряет большую часть своей силы.

Почувствовав ее дрожь, Кевин пробормотал:

— Нимуэ, Нимуэ... малышка моя... ты ведь девушка... Если хочешь, мы можем... можем просто доставить удовольствие друг другу... мне не обязательно похищать твою невинность...

Нимуэ едва не расплакалась. Ведь он обезумел от вожделения — и все же находит в себе силы заботиться о ней! Но она лишь воскликнула:

— Нет! Нет! Я хочу тебя! — и яростно привлекла Кевина к себе, помогая ему войти. Нимуэ почти обрадовалась боли, внезапно пронзившей ее тело. Эта боль, кровь, накалившееся до предела неистовое желание Кевина пробудило и в ней некое подобие неистовства, и Нимуэ, вцепившись в мерлина, принялась подбадривать его страстными возгласами. Но в тот самый миг, когда он почти достиг вершины наслаждения, Нимуэ отстранила задыхающегося любовника и прошептала:

— Поклянись! Ты мой?

— Клянусь! Я не могу сдержаться... не могу... позволь...

— Подожди! Ты поклялся! Ты — мой! Повтори!

— Клянусь, клянусь душой...

— И в третий раз — ты мой!..

— Я твой! Клянусь!

И Нимуэ почувствовала, как Кевин содрогнулся от страха, поняв, что же произошло. Но теперь он оказался во власти собственной безумной страсти; он продолжал яростно двигаться, тяжело дыша и вскрикивая, словно от невыносимой муки. И в последний миг новолуния Нимуэ ощутила, как заклятие обрушилось на нее, — и в то же мгновение Кевин вскрикнул и рухнул поверх ее податливого тела, и Нимуэ почувствовала, как его семя толчками изливается в нее. Кевин лежал недвижно, словно мертвый; Нимуэ дрожала, и дыхание ее было прерывистым, словно после тяжелой работы. Она не испытывала никакого удовольствия, о котором болтали женщины, но в этом было нечто большее — безграничное торжество. Заклинание сгустилось вокруг них, и Нимуэ сейчас владела и духом, и душою Кевина, и самой его сутью. В тот самый миг, когда луна начала прибывать, Нимуэ почувствовала на своей руке семя Кевина, смешанное с ее девственной кровью. Нимуэ омочила пальцы в этой смеси и коснулась лба Кевина, и это прикосновение закрепило заклятье. Кевин сел, вялый и безжизненный.

— Кевин! — окликнула его Нимуэ. — Садись на коня и поезжай.

Мерлин поднялся на ноги; движения его были медленны и скованны. Он повернулся к лошади, и Нимуэ поняла, что сей-

час, когда он находится под воздействием заклинания, ей следует отдавать безукоризненно точные приказы.

— Сперва оденься, — велела она.

Кевин послушно натянул одежду и подпоясался. Он двигался напряженно, словно через силу, и в свете звезд Нимуэ увидела, как блестят его глаза. Теперь, очутившись под властью заклятья, Кевин понял, что Нимуэ предала его. От боли и безумной нежности у Нимуэ перехватило дыхание. Ей захотелось вновь уложить Кевина, и снять заклятье, и покрыть изуродованное лицо мерлина поцелуями, и оплакать их преданную любовь...

«Но я тоже связана клятвой. Это судьба».

Нимуэ оделась, уселась в седло, и они неспешно двинулись в сторону Авалона. На рассвете нужно быть на берегу. Моргейна пришлет за ними ладью.

За несколько часов до рассвета Моргейна пробудилась от тревожного, беспокойного сна и почувствовала, что Нимуэ исполнила порученное ей дело. Моргейна бесшумно оделась и разбудила Ниниану и приставленных к ней жриц. Те медленно спустились вслед за ней к берегу. Жрицы были облачены в темные платья и туники из пятнистых оленьих шкур; волосы их были заплетены в косу, и у каждой на поясе висел серповидный нож. Они молча ждали. Ниниана и Моргейна стояли впереди. Когда на небе зарделся первый отсвет зари, Моргейна отослала ладью на другой берег, и осталась стоять, глядя, как та скрывается в тумане.

Они ждали. Утро разгоралось, и в тот самый миг, когда солнце показалось из-за горизонта, ладья снова вынырнула из тумана. Нимуэ стояла на носу ладьи, закутавшись в плащ, высокая и стройная. Но Моргейна не могла разглядеть лица девушки — его скрывал низко опущенный капюшон. На дне ладьи виднелась скорчившаяся фигура.

«Что она с ним сделала? Он мертв или связан чарами?» И внезапно Моргейне захотелось, чтоб Кевин и вправду оказался мертв, чтоб он умер в отчаянье или ужасе. Дважды этот человек доводил ее до бешенства, дважды она обзывала его предателем — и вот в третий раз он действительно предал Авалон, похитив из тайника Священные реликвии. О, да, он заслужил смерти — даже той, которая поджидала его! Моргейна уже переговорила с друидами, и те единодушно согласились, чтобы изменник нашел свой конец в дубовой роще; скорая, милосердная смерть — не для него. Подобного предательства Британия не ведала со времен Эйлен, что тайно вышла замуж за сына римского проконсула и своими лживыми прорицаниями помешала Племенам восстать и сбросить владычество римлян. Эйлен умерла на костре, и

три ее жрицы — вместе с нею. А деяние Кевина было не просто предательством, но еще и святотатством — как совершила святотатство Эйлен, выдавая свой голос за голос Богини. Такое нельзя оставлять безнаказанным.

Двое гребцов помогли мерлину подняться на ноги. Кевин был полураздет; неплотно подпоясанное одеяние едва скрывало наготу. Волосы растрепаны, лицо застыло... то ли Нимуэ чем-то опоила его, то ли околдовала. Кевин попытался шагнуть вперед, но, лишенный привычной опоры — своих палок, — потерял равновесие и схватился за первое, что попалось под руку. Нимуэ стояла, не шевелясь, не глядя на мерлина; она так и не сняла капюшон. Но тут первые солнечные лучи коснулись лица мерлина, и заклинание развеялось. Моргейна увидела, как в глазах его вспыхнул страх; Кевин осознал, где он находится и что произошло.

Мерлин, щурясь, взглянул на Нимуэ. А затем он в одно мгновенье осознал всю глубину своего падения; на лице его отразились потрясение и стыд, и Кевин опустил голову.

«Что ж, теперь он знает не только то, каково предавать, но то, и каково быть преданным».

Но потом Моргейна взглянула на Нимуэ. Девушка была бледна, в лице — ни кровинки, длинные волосы в беспорядке, хоть Нимуэ и пыталась их наспех заплести. Нимуэ взглянула на Кевина, губы ее задрожали, и девушка поспешно отвела взгляд.

«Так она тоже любит его! Чары подействовали и на нее! Мне следовало бы это предвидеть, — подумала Моргейна. — *Ведь столь могущественное заклинание неизбежно подействует и на своего творца».*

Но Нимуэ низко поклонилась Моргейне, как того требовали авалонские обычаи.

— Владычица и Матерь, — произнесла она бесцветным голосом, — я привела к тебе предателя, похитившего Священные реликвии.

Моргейна шагнула к девушке и обняла ее; Нимуэ съежилась от ее прикосновения.

— С возвращением тебя, Нимуэ, жрица, сестра, — сказала Моргейна и поцеловала девушку во влажную щеку. Она всей душой ощущала, как плохо сейчас Нимуэ.

«О Богиня, неужто это погубит и ее? Если так — слишком дорого мы заплатили за смерть Кевина».

— Идем же, Нимуэ, — с состраданием произнесла Моргейна. — Пусть сестры отведут тебя обратно в Дом дев. Твои труды окончены. Тебе нет нужды смотреть, что произойдет дальше, — ты исполнила свою часть работы. Довольно с тебя страданий.

— А что будет с... с ним? — прошептала Нимуэ.

Моргейна прижала девушку к себе.

— Дитя, дитя, — пусть это тебя более не волнует. Ты мужественно исполнила свой долг, и этого довольно.

Нимуэ судорожно вздохнула, словно собираясь заплакать, но не заплакала. Она взглянула на Кевина, но тот не смотрел на нее, и в конце концов Нимуэ позволила двум жрицам увести себя. Девушку била такая дрожь, что сама она вряд ли смогла бы идти. Моргейна негромко велела сопровождающим:

— Не мучайте ее расспросами. Сделанного не воротишь. Оставьте ее в покое.

Когда Нимуэ ушла, Моргейна повернулась к Кевину. Она взглянула в глаза мерлину, и ее пронзила боль. Этот человек был ее любовником. Мало того — из всех мужчин лишь он один никогда не старался втянуть ее ни в какие интриги, никогда не пытался воспользоваться ее знатностью или высокопоставленным положением, никогда не просил у нее ничего, кроме любви. Он приехал за ней в Тинтагель, чтоб вернуть ее к жизни, он предстал перед ней в облике бога. Возможно, он был единственным ее другом в этой жизни.

Но все же Моргейна преодолела чудовищную боль, сдавившую ей горло, и произнесла:

— Ну что ж, Кевин Арфист, вероломный мерлин, лживый Посланец, — найдется ли у тебя, что сказать Ей, прежде чем ты встретишься с Ее карой?

Кевин покачал головой.

— Ничего такого, что показалось бы тебе заслуживающим внимания, Владычица Озера.

Сквозь боль, окутывавшую сознание Моргейны пробилось воспоминание: *«Ведь это он первым назвал меня этим титулом»*.

— Быть по сему, — сказала Моргейна, чувствуя, что лицо ее закаменело. — Ведите его.

Кевин сделал шаг, затем вдруг повернулся и взглянул в лицо Моргейне, вызывающе вскинув голову.

— Нет, погодите! — воскликнул он. — Я все-таки нашел, что тебе сказать, Моргейна Авалонская! Когда-то я уже говорил тебе, что не пожалею жизни ради Богини. И теперь я скажу: все, что я сделал, я сделал ради Нее.

— Ты что, хочешь сказать, что ради Богини предал Священные реликвии в руки христианских священников?! — возмутилась Ниниана. Голос ее был исполнен презрения. — Так значит, ты не только клятвопреступник, но еще и безумец! Уведите предателя! — приказала она, но Моргейна жестом велела стражам подождать.

— Пусть говорит.

— Именно так, — сказал Кевин. — Владычица, однажды я уже сказал тебе: время Авалона истекло. Назареянин победил, и нам отныне предстоит уходить в туманы, все дальше и дальше,

пока мы не превратимся в легенду, в сон. Неужто ты хочешь, чтоб Священные реликвии канули во тьму вместе с тобою? Или ты надеешься сохранить их до наступления нового рассвета, который не придет более? Даже если Авалону суждено погрузиться в забвение, Священные реликвии должны оставаться в мире и служить Божественной силе, какими именами ни нарекали бы ее люди. Мне это кажется правильным и справедливым. И благодаря моему деянию Богиня по крайней мере еще раз явила себя людям во внешнем мире — и это уже не изгладится из памяти людской. Люди будут помнить явление Грааля, моя Моргейна, — даже тогда, когда мы с тобой превратимся в легенды, что рассказывают зимой у очага, в детские сказки. Я думаю, это свершилось не зря — даже для тебя, Ее жрицы, несшей эту чашу. А теперь делайте со мной, что хотите.

Моргейна опустила голову. Воспоминания о тех мгновениях, когда она, став воплощением Богини, несла священную чашу, когда ее переполнял исступленный восторг, когда весь мир был открыт ей, — эти воспоминания пребудут с нею до конца жизни. И всякий, узревший это видение — что бы он ни сумел разглядеть, — изменился навеки. Но теперь она должна предстать перед Кевином в облике карающей Богини, Старухи Смерти, Свиньи, пожирающей своих поросят, Великой госпожи Ворон, Разрушительницы...

Но все же... Он ведь столь много отдал Богине. Моргейна протянула было руку к Кевину — и застыла, увидев под своей рукой череп. Некогда это видение уже являлось ей. *«...он охвачен безумием близкой смерти, он видит собственную кончину, и я ее вижу... Однако, не следует заставлять его страдать, не следует подвергать пыткам. Он сказал правду. Он свершил то, что возложила на него Богиня — и теперь я должна поступить так же...»* Прежде, чем заговорить, Моргейна подождала, дабы убедиться, что голос ее не дрогнет. Издалека донесся приглушенный раскат грома.

Наконец Моргейна произнесла:

— Богиня милосердна. Отведите его в дубовую рощу, как было решено, но убейте быстро, одним ударом. Похороните его под великим дубом — и пусть все держатся подальше от этого дерева, отныне и вовеки. Кевин, последний из Посланников Богини, — я проклинаю тебя. Ты забудешь все, что знал, и будешь возрождаться, не ведая ни священства, ни просветления. Все, чего ты добился в прошлых жизнях, будет перечеркнуто, и душа твоя вернется к состоянию рожденного в первый раз. Сто раз ты возродишься, Кевин Арфист, и в каждой жизни будешь искать Богиню, искать и не находить. Таково мое проклятие. Но вот что скажу я тебе напоследок, Кевин, бывший мерлин: если Богиня пожелает, она сама тебя найдет.

Кевин взглянул ей в глаза. Он улыбнулся, мягко и загадочно, и произнес — почти шепотом:

— Тогда прощай, Владычица Озера. Передай Нимуэ, что я любил ее... или, может, я сам ей об этом скажу.

И вновь донесся отдаленный рокот грома.

Моргейна содрогнулась, а Кевин, не оглядываясь более, захромал прочь. Стражи поддерживали его под руки.

«Почему мне так стыдно? Я ведь проявила милосердие. Я могла отдать его под пытки. Теперь меня тоже назовут предательницей и обвинят в малодушии, и скажут, что изменник должен был долго умирать в дубовой роще, молить о смерти и исходить криком, чтоб даже деревья содрогнулись... Неужто и вправду я лишь по слабости душевной пощадила человека, которого некогда любила? А вдруг Богиня пожелает покарать меня — за то, что я даровала ему легкую смерть? Что ж, даже если мне придется за это умереть той самой смертью, от которой я избавила Кевина, — да будет так».

Вздрогнув, Моргейна поглядела на небо — его быстро затягивали серые тучи. *«Кевин страдал всю свою жизнь. Я не смогла бы добавить к этой судьбе ничего, кроме смерти».* Небо прорезала вспышка молнии, и Моргейну пробрала дрожь — или причиной тому был холодный ветер, пригнавший с собою грозу? *«Так уходит последний из великих мерлинов — в сопровождении бури, что обрушится сейчас на Авалон».*

— Иди, — велела она Ниниане. — Проследи, чтоб мое приказание было исполнено в точности. Пусть его убьют одним ударом и сразу же похоронят.

Ниниана пытливо взглянула на Моргейну. Да что ж это такое?! Неужто всем на свете известно, что некогда они с Кевином были любовниками? Но Ниниана сказала лишь:

— А ты?

— Я пойду к Нимуэ. Ей я нужнее.

Но в комнате, что отвели Нимуэ в Доме дев, ее не оказалось — да и вообще во всем доме. Моргейна стремглав кинулась под ливнем к стоящему на отшибе домику, где некогда жили Врана и Нимуэ. Но и там Нимуэ не было. Не было ее и в храме, а одна из жриц сообщила Моргейне, что Нимуэ не стала ни есть, ни пить и даже не захотела вымыться. Гроза разыгрывалась все сильнее, и с каждой вспышкой молнии дурные предчувствия Моргейны нарастали. Моргейна созвала всех храмовых служителей, чтоб отправить их на поиски. Но прежде, чем они успели приняться за дело, явилась Ниниана, бледная как мел, и с ней те люди, которых она отправила проследить, чтоб смерть Кевина свершилась в соответствии с повелением Моргейны.

— В чем дело? — ледяным тоном поинтересовалась Моргейна. — Почему мой приговор не исполнен?

— Его убили одним ударом, Владычица Озера, — прошептала Ниниана, — но в тот же самый миг с неба ударила молния и расколола великий дуб надвое. И теперь в священном дубе зияет огромная щель, от макушки и до самых его корней...

Моргейна почувствовала, как что-то стиснуло ей горло. *«Что тут странного? Конечно, во время грозы бьют молнии, и молния всегда попадает в самое высокое дерево. Но эта гроза пришла в тот самый час, когда Кевин напророчил конец Авалона...»*

Моргейна снова содрогнулась и обхватила себя за плечи, спрятав руки под плащ, чтоб никто не заметил ее дрожи. Как ей истолковать это знамение — а ведь это, несомненно, было именно знамение, — чтоб его не связали с надвигающейся гибелью Авалона?

— Бог приготовил место для предателя. Похороните его в щели дуба.

Служители безмолвно поклонились и ушли, не обращая внимания на раскаты грома и хлещущий ливень. А охваченная смятением Моргейна вдруг поняла, что позабыла о Нимуэ. И внутренний голос сказал ей: *«Слишком поздно...»*

Нимуэ нашли лишь в полдень, когда гроза ушла и солнце выглянуло из-за туч, — в озере, среди тростника. Длинные волосы девушки покачивались на воде, словно водоросли, и оглушенная горем Моргейна даже не смогла пожалеть, что Кевин не в одиночестве ушел в тот сумрачный край, что лежит за порогом смерти.

Глава 12

В те унылые, безрадостные дни, последовавшие за смертью Кевина, Моргейне часто приходило в голову, что Богиня избрала ее, дабы ее руками уничтожить братство рыцарей Круглого Стола. Но почему Она пожелала уничтожить и Авалон?

«Я старею. Врана мертва, и Нимуэ, что должна была стать Владычицей после меня, тоже умерла. И Богиня никого больше не наделила пророческим даром. Кевин покоится, погребенный в стволе дуба. Во что же ныне превратился Авалон?»

Моргейне казалось, что мир изменяется, и та его часть, что осталась за туманами, движется все быстрее и быстрее. Уже никто, кроме самой Моргейны и двух старейших жриц, не мог открыть проход сквозь туманы — да и незачем было. Иногда, отправляясь побродить, Моргейна обнаруживала, что не видит больше ни солнца, ни луны, и понимала, что ненароком пересекла границы волшебной страны. Но лишь изредка ей удавалось заметить среди деревьев кого-нибудь из фэйри, да и то краем глаза, и никогда больше она не видела владычицу.

Неужто и вправду Богиня покинула их? Некоторые девушки из Дома дев ушли обратно в большой мир, а иные заблудились в волшебной стране и так и не вернулись.

«Тогда, в Камелоте, когда я несла Грааль по пиршественному залу, Богиня в последний раз явилась в этот мир», — подумала Моргейна, но затем ее охватило замешательство. Действительно ли Богиня несла Грааль — или просто они с Враной сотворили иллюзию?

«Я воззвала к Богине и обнаружила ее в себе».

Моргейна знала, что никогда больше не сможет ни к кому обратиться за советом или утешением; теперь и то и другое она могла искать лишь в себе. Отныне ни жрица, ни пророк, ни друид, ни советник, ни даже сама Богиня не помогут ей — никто, кроме ее самой. А она осталась одна и не понимала, что делать дальше. Повинуясь многолетней привычке, Моргейна снова и снова взывала к Богине, моля наставить ее на путь истинный, но не получала ответа. Лишь изредка ей виделась Игрейна — не жена, а потом и вдова Утера, безропотно подчиняющаяся священникам, а ее мать, молодая и прекрасная, та самая женщина, что первой возложила на нее эту ношу, что велела ей заботиться об Артуре, а потом передала ее в руки Вивианы. А иногда вместо Игрейны ей являлась Вивиана, отправившая ее на ложе Увенчанного Рогами, или Врана, стоявшая рядом с ней в тот великий миг взывания к Богине.

«Они и есть Богиня. Они — и я. И иной Богини нет».

У Моргейны не было особой охоты заглядывать в волшебное зеркало, но все-таки каждое полнолуние она спускалась вниз, чтоб напиться из источника и взглянуть в воды озерца. Но являвшиеся ей картины были мимолетны и мучительны: рыцари Круглого Стола разъезжали по миру, ведомые снами, проблесками видений и Зрением, но никто из них так и не нашел истинного Грааля. Некоторые позабыли об изначальной цели и откровенно пустились на поиски приключений. Некоторые встретились с препятствиями, что были им не под силу, и умерли. Некоторые свершили добрые деяния, а некоторые — злые. Одному-двум пригрезился в религиозном прозрении собственный Грааль, и они тоже умерли. Иные, следуя за видениями, отправились с паломничеством в Святую землю. Иных же подхватил ветер, несшийся в эти дни над миром, и они удалились в глушь, поселились в пещерах или грубых хижинах и стали вести отшельническую жизнь, предаваясь покаянию — но что толкнуло их на этот путь, видение Грааля или иные причины, Моргейна не знала, да и не хотела знать.

Пару раз зеркало показывало ей знакомые лица. Она видела Мордреда, восседающего в Камелоте рядом с Артуром. В другой раз это оказался Галахад, разыскивающий Грааль; но больше

Моргейна его не видела. Уж не завершился ли этот поиск его гибелью?

А однажды она узрела Ланселета — полунагого, облаченного в звериные шкуры, косматого. Ни меча при нем не было, ни доспеха. Он мчался по лесу, и в глазах его сверкал огонь безумия. Что ж, Моргейна так и предполагала, что этот путь может привести лишь к безумию и отчаянью. И все же она каждое полнолуние пыталась вновь отыскать Ланселета при помощи зеркала, но все ее усилия долго оставались безрезультатны. Потом она все же узрела его — нагого, спящего на охапке соломы, а со всех сторон его окружали стены темницы... и больше Моргейна ничего не увидела.

«О боги, и он ушел!.. и столь многие из рыцарей Артура!..

Воистину: не благословением стал Грааль для двора Артура — проклятием...

И это справедливо — предатель, замысливший осквернить святыню, заслуживает проклятия...

Но теперь Грааль навеки исчез с Авалона».

Долгое время Моргейна полагала, что Богиня перенесла Грааль в царство богов, чтоб никогда больше род людской не осквернил его, и ей это казалось правильным; ведь священная чаша была запятнана христианским вином, что неким образом являлось одновременно и вином, и кровью, и Моргейна понятия не имела, как ее очистить.

Доходили до Моргейны и отголоски вестей из внешнего мира — через членов старинного братства монахов, бывавших в свое время на Авалоне. Священники теперь утверждали, что на самом деле Грааль — подлинная чаша, из которой пил Христос во время Тайной вечери, и что она вознесена на небо, а потому ее никогда больше не узрят в этом мире. Но все же ходили слухи, будто Грааль видели на другом острове, Инис Витрин — он блистал в водах источника, того самого источника, который на Авалоне образовывал священное зеркало Богини; а потому священники на Инис Витрин начали называть его Источником Чаши.

Старые священники на некоторое время поселились на Авалоне. А до Моргейны снова и снова доходили слухи о Граале — чаша на миг появлялась на алтаре. *«Должно быть, такова воля Богини. Они не смогут осквернить священную чашу».* Но она не знала, действительно ли это происходило в древней церкви христианского братства... церкви, построенной на том же самом месте, что и церковь на другом острове, — но говорили, что, когда туманы редеют, члены древнего братства на Авалоне слышат, как монахи поют псалмы в своей церкви на Инис Витрин. А Моргейне вспоминался тот день, когда поредевшие туманы позволили Гвенвифар пройти на Авалон.

Она много размышляла над словами Кевина: «...туманы вокруг Авалона смыкаются».

А затем настал день, и что-то заставило Моргейну явиться на берег Озера, и ей не нужно было Зрение, чтоб сказать, кто плывет на ладье. Когда-то Авалон был и его домом. Ланселет сделался совсем седым и выглядел худым и изможденным, и, когда он сошел с ладьи на берег, Моргейна заметила, что в движениях его сохранилась лишь слабая тень былой легкости и изящества. Она шагнула навстречу, и взяла Ланселета за руки, и не увидела на его лице никаких следов безумия.

Ланселет взглянул ей в глаза, и внезапно Моргейна почувствовала себя юной, как в те времена, когда Авалон был храмом, заполненным жрицами и друидами, а не заброшенным островом, уходящим все дальше и дальше в туманы вместе с горсткой стареющих жриц, еще более старых друидов и полузабытых древних христиан.

— Ты ни капли не изменилась, Моргейна. Как тебе это удается? — спросил ее Ланселет. — Ведь все изменяется, даже здесь, на Авалоне, — взгляни-ка, даже стоячие камни скрылись в туманах!

— О, они все так же стоят на своем месте, — отозвалась Моргейна, — хоть и не все из нас могут теперь найти дорогу к ним. — И сердце ее сжалось от боли: ей вспомнился тот день — как же давно это было! — когда они с Ланселетом лежали в тени каменного хоровода. — Быть может, настанет день, и они окончательно уйдут в туманы, и ни людские руки, ни ветры времен никогда уже не смогут повалить их. Никто больше не чтит их... и даже костры Белтайна не загораются больше на Авалоне, хоть я и слыхала, будто древние обычаи еще сохранились в глухих уголках Северного Уэльса и Корнуолла — и они не умрут, пока жив хоть один человек из маленького народа. Я удивляюсь, родич, как тебе удалось добраться сюда.

Ланселет улыбнулся, и теперь Моргейна разглядела в глазах его следы боли и горя — и даже безумия.

— Да я и сам толком не знаю, как мне это удалось, кузина. Память теперь играет со мной странные шутки. Я был безумен, Моргейна. Я выбросил свой меч и жил в лесу, подобно дикому зверю. А некоторое время — уж не знаю, сколько это длилось — я был заточен в какой-то странной темнице.

— Я видела это, — прошептала Моргейна. — Только не знала, что это означает.

— И я не знал и не знаю поныне, — сказал Ланселет. — Я почти ничего не помню о тех временах. Должно быть, это забвение — благословление Божье. Страшно подумать, что я мог тогда натворить. Боюсь, такое случилось не впервые: в те годы,

что я провел с Элейной, тоже бывали моменты, когда я сам не осознавал, что делаю...

— Но теперь ты пришел в себя, — поспешно произнесла Моргейна. — Позавтракай со мной, кузен. Что бы ни привело тебя сюда — сейчас все равно еще слишком рано, чтоб заниматься другими делами.

Ланселет послушно пошел с нею, и Моргейна привела его в свое жилище; не считая приставленных к ней жриц, Ланселет был первым посторонним, вошедшим сюда за долгие-долгие годы. На завтрак у них была рыба, выловленная в Озере. Моргейна сама прислуживала Ланселету.

— Хорошо-то как! — воскликнул он и с жадностью принялся за еду. Когда же он ел в последний раз?

Кудри Ланселета — теперь они сделались совершенно седыми, и в бороде тоже поблескивала седина — были аккуратно подстрижены и причесаны, а плащ, хоть и повидал виды, был тщательно вычищен. Ланселет перехватил взгляд Моргейны и негромко рассмеялся.

— В былые времена я бы не пустил этот плащ даже на потник для лошади, — сказал он. — Свой плащ я потерял вместе с мечом и доспехом — где, не ведаю. Быть может, меня ограбили какие-то лихие люди, а может, я и сам все выбросил в приступе безумия. Все, что я помню, — как кто-то звал меня по имени. Это был кто-то из соратников — кажется, Ламорак, хотя точно не скажу, все расплывается, словно в тумане. Я был слишком слаб для путешествий, но через день после этого, когда он уехал, ко мне понемногу начала возвращаться память. Тогда мне дали одежду и стали кормить меня за столом по-человечески, вместо того чтоб швырять мне объедки в деревянную миску... — Он рассмеялся — нервным, надтреснутым смехом. — Даже тогда, когда я не помнил собственного имени, моя треклятая сила оставалась при мне, и, думаю, многим из них крепко от меня перепало. Кажется, я провел в забытьи чуть ли не год... Я мало тогда что помнил, но одно у меня сидело в голове крепко: нельзя допустить, чтоб они узнали во мне Ланселета. Ведь тем самым я навлеку позор на всех соратников Артура...

Ланселет умолк, но Моргейна поняла, сколь мучительно было для него все то, о чем он умолчал.

— Ну, постепенно разум вернулся ко мне, а Ламорак оставил денег на коня и все необходимое. Но большая часть этого года покрыта тьмой...

Он взял кусочек хлеба и решительно подобрал с тарелки остатки рыбы.

— А что же с поисками Грааля? — спросила Моргейна.

— И вправду — что? Я кое-что слыхал по дороге, — отозвал-

ся Ланселет, — так, словечко там, словечко здесь... Гавейн первым вернулся в Камелот.

Моргейна улыбнулась — почти невольно.

— Он всегда отличался непостоянством, чего бы дело ни касалось.

— Только не тогда, когда оно касается Артура, — возразил Ланселет. — Гавейн предан Артуру, словно пес. А еще я по пути сюда встретился с Гаретом.

— Милый Гарет! — воскликнула Моргейна. — Он всегда был лучшим из сыновей Моргаузы! И что же он тебе рассказал?

— Он сказал, что ему было видение, — медленно произнес Ланселет. — Ему было велено немедля вернуться ко двору и исполнять свой долг перед королем и страной, вместо того чтоб скитаться по свету в погоне за призраком Священной реликвии. Гарет долго беседовал со мной, умоляя меня отказаться от поисков Грааля и вместе с ним вернуться в Камелот.

— Удивительно, что ты этого не сделал, — сказала Моргейна.

Ланселет улыбнулся.

— Мне и самому удивительно, родственница. Но я обещал ему вернуться сразу же, как только смогу.

Внезапно лицо его помрачнело.

— Гарет сообщил мне, — сказал Ланселет, — что Мордред теперь ни на шаг не отходит от Артура. А когда я окончательно отказался ехать ко двору вместе с ним, Гарет сказал, что лучшее, что я могу сделать для Артура, — это отыскать Галахада и упросить его немедленно вернуться в Камелот. Гарет не доверяет Мордреду, и его беспокоит, что тот приобрел такое влияние на Артура... Извини, что я дурно отзываюсь о твоем сыне, Моргейна.

— Однажды он сказал мне, что Галахад не проживет настолько долго, чтоб взойти на трон... — отозвалась Моргейна. — Однако Мордред поклялся мне, что никогда не станет искать смерти Галахада, и, думаю, этой клятвы он нарушить не посмеет.

Но Ланселета ее слова не успокоили.

— Я знаю, сколь многое грозило тем, кто отправился в этот злосчастный поиск. Дай Бог мне отыскать Галахада прежде, чем он падет жертвой недоброго случая!

Они умолкли, и Моргейне подумалось: *«Именно поэтому Мордред и не отправился на поиски Грааля — я это чувствую сердцем»*. И внезапно она осознала, что давно уже не верит в то, что ее сын Гвидион — Мордред — когда-либо станет королем, правящим от имени Авалона. Но когда же сердце ее начало смиряться с этим? Быть может, после гибели Акколона, когда Богиня не пожелала поддержать и защитить своего избранника.

«Верховным королем станет Галахад, и он будет христианским королем.

И, возможно, это означает, что он убьет Гвидиона. Но если

дни Авалона окончены, быть может, Галахад сможет мирно получить свой трон, и ему не придется убивать соперника».

Ланселет положил недоеденный кусок хлеба с медом и взглянул за спину Моргейне, в угол комнаты.

— Это арфа Вивианы?

— Да, — отозвалась Моргейна. — Свою я оставила в Тинтагеле. Но если ты ее хочешь — она твоя, по праву наследства.

— Я давно уже не играл, да меня и не тянет к музыке. Она твоя по праву, Моргейна, как и все прочие вещи, принадлежавшие моей матери.

Моргейне вновь вспомнились слова Ланселета, что разбили ей сердце — о, как же давно это было! — «Если б только ты не была так похожа на мою мать, Моргейна!» Но это воспоминание больше не причиняло ей боли — напротив, у нее потеплело на душе; если в ней сохранилась какая-то часть Вивианы, значит, Вивиана не до конца покинула этот мир.

— Нас осталось так мало... — запинаясь, произнес Ланселет, — так мало тех, кто помнит прежние времена в Каэрлеоне... даже в Камелоте...

— Артур, — откликнулась Моргейна, — и Гавейн, и Гарет, и Кэй, и многие другие, милый. И они, несомненно, каждый день спрашивают друг друга: «Куда же запропастился Ланселет?» Так почему же ты здесь, а не там?

— Я же говорил — мой разум постоянно подводит меня. Я едва ли знаю, куда отправлюсь дальше, — сказал Ланселет. — И все же, раз уж сейчас я здесь, я хочу спросить... я слыхал, будто Нимуэ здесь.

И Моргейна вспомнила: ведь действительно, когда-то она сама сказала ему об этом. А ведь до того Ланселет думал, что его дочь воспитывается в монастыре — в том самом, где некогда росла Гвенвифар.

— Вот я и хочу спросить — что с ней сталось? Все ли у нее хорошо? Как она себя чувствует среди жриц?

— Мне очень жаль, — сказала Моргейна, — но я ничем не могу тебя порадовать. Нимуэ умерла год назад.

Моргейна ничего не стала добавлять к сказанному. Ланселет ничего не знал ни о предательстве мерлина, ни о том, как Нимуэ приезжала ко двору. И если узнает, это не даст ему ничего, кроме новой боли. Ланселет не стал ни о чем расспрашивать, лишь тяжко вздохнул и опустил взгляд. Некоторое время спустя он сказал, не глядя на Моргейну:

— А малышка — маленькая Гвенвифар — вышла замуж и живет в Малой Британии, а Галахад сгинул в погоне за Граалем. Я никогда толком не знал собственных детей. Я даже никогда и не пытался получше узнать их: мне казалось, будто они — это все, что я могу дать Элейне, а потому я позволил ей безраздельно

владеть ими, даже мальчиком. Когда мы покинули Камелот, я некоторое время ехал вместе с Галахадом, и за эти десять дней и ночей я узнал его куда лучше, чем за предыдущие шестнадцать лет, за всю его жизнь. Мне кажется, из Галахада может получиться хороший король — если он останется жив...

Ланселет взглянул на Моргейну — почти умоляюще, — и Моргейна поняла, что он жаждет утешения, но она не могла найти ничего утешительного. Наконец она сказала:

— Если он останется жив, то станет хорошим королем, но я думаю, что он будет христианским королем.

На миг ей показалось, будто все вокруг смолкло, словно даже сами воды Озера и шепчущийся тростник стихли, чтоб послушать, что она скажет.

— Если Галахад вернется живым из поисков — или откажется от них, — он будет править, руководствуясь указаниями священников. А значит, во всей стране останется лишь один бог и лишь одна вера.

— А так ли это плохо, Моргейна? — тихо спросил Ланселет. — Бог христиан несет этой земле духовное возрождение — и что тогда особенно дурного в том, что род людской позабудет наши таинства?

— Люди не забудут таинства, — возразила Моргейна, — люди просто сочтут их слишком трудными. Им хочется иметь такого бога, который будет заботиться о них, но не станет требовать, чтоб они тяжким трудом добивались просветления, который примет их такими, какие они есть, со всеми их грехами, и простит эти грехи, если они раскаются. Это невозможно, и никогда не станет возможным, но, вероятно, людям, не познавшим просветления, просто не под силу вынести иное представление о богах.

Ланселет горько улыбнулся.

— Быть может, религия, требующая от каждого жизнь за жизнью трудиться ради собственного спасения, не по силам роду людскому. Люди не желают дожидаться божьего суда — они хотят видеть его здесь и сейчас. Этим-то и приманивает их новое поколение священников.

Моргейна знала, что он говорит правду, и с болью понурилась.

— А поскольку их реальность образуется в соответствии с их представлениями о боге, то так оно все и будет. Богиня была реальной до тех пор, пока люди почитали ее и создавали для себя ее образ. Теперь же они создают для себя такого бога, которого, как им кажется, они хотят — а может, такого, которого заслуживают.

Что ж, от этого никуда не деться. Каким люди видят окружающий мир, таким он и становится. Пока древних богов —

и Богиню — считали благожелательными подателями жизни, такими они и были; а теперь, когда священники приучили народ считать старых богов злыми, чуждыми и враждебными по самой своей природе и относиться к ним как к демонам, такими они и станут. Ведь они берут начало в той части человеческой души, которой люди теперь хотят пожертвовать — или обуздать, — вместо того, чтоб следовать ее велениям.

Моргейне вспомнилось, как она еще во время жизни в Уэльсе изредка заглядывала в книги домашнего священника Уриенса, и она сказала:

— И значит, все люди сделаются такими, как писал какой-то их апостол — что, дескать, в царстве Божием все будут наподобие евнухов... Пожалуй, Ланселет, мне бы не хотелось жить в таком мире.

Усталый рыцарь вздохнул и покачал головой.

— Думаю, Моргейна, мне бы тоже этого не хотелось. Но, наверное, этот мир будет не таким сложным, как наш, и в нем легче будет понять, как поступать правильно. А я отправляюсь искать Галахада. Хоть он и будет христианским королем, но мне кажется, что из него получится куда лучший король, чем из Мордреда...

Моргейна стиснула кулаки, скрытые краями рукавов. *«Я — не Богиня! Не мне это решать!»*

— Так ты... ты пришел сюда в поисках сына, Ланселет? Но Галахад никогда не был одним из нас. Мой сын Гвидион — он вырос на Авалоне. Вот он вполне мог бы прийти сюда, если б покинул двор Артура. Но Галахад? Он не уступит благочестием Элейне. Он ни за что бы не согласился даже ступить на эту землю чародейства и волшебного народа!

— Но я же тебе говорил: я не знал, что приду сюда, — сказал Ланселет. — Я собирался добраться до Инис Витрин и до Острова монахов, потому что услыхал о волшебном сиянии, озаряющем время от времени их церковь, и о том, что они нарекли свой источник Источником Чаши. Наверно, я подумал, что Галахад мог тоже отправиться туда. А сюда меня привела лишь старая привычка.

Тогда Моргейна взглянула ему прямо в лицо и серьезно спросила:

— Ланселет, что ты думаешь об этих поисках Грааля?

— Сказать по правде, кузина, я не знаю, что и думать, — отозвался Ланселет. — Когда я вызвался отправиться на поиски, то действовал так же, как и тогда, когда отправился убивать дракона Пелинора — помнишь тот случай, Моргейна? Никто тогда не верил в его существование, и все же я в конце концов отыскал этого дракона и убил его. Однако же я знаю, что в тот день, когда мы видели Грааль, Камелот посетило нечто, исполненное вели-

чайшей святости. Только не говори мне, что я все это вообразил! — страстно воскликнул он. — Тебя ведь не было там, Моргейна, ты не знаешь, каково это было! Я впервые в жизни почувствовал, что где-то, за пределами этой жизни, воистину существует Тайна. Вот потому я и отправился на поиски Грааля, хоть какая-то часть сознания и твердила мне, что я свихнулся; и некоторое время я ехал вместе с Галахадом, и моя вера казалась насмешкой над его верой — ведь он так молод и верует так искренне и глубоко, а я стар и запятнан...

Ланселет уставился в пол, и Моргейна заметила, как дернулся его кадык.

— Вот потому-то я в конце концов и расстался с ним — чтоб не повредить этой радостной вере... и я тогда уже не знал, куда иду, ибо разум мой начал помрачаться, и мне казалось, что Галахад наверняка знает... знает все грехи, что свершил я в своей жизни, и презирает меня за них.

От волнения Ланселет заговорил громче, и в глазах его снова появился нездоровый блеск, и Моргейне привиделся нагой человек, мчащийся через лес.

— Не думай о том времени, милый, — поспешно сказала Моргейна. — Оно осталось позади.

Ланселет глубоко, прерывисто вздохнул, и блеск в его глазах угас.

— Ныне цель моих поисков — Галахад. Я не знаю, что он увидел — быть может, ангела, — равно как не знаю, почему на одних зов Грааля подействовал так сильно, а на других почти не подействовал. Мне кажется, из всех рыцарей один лишь Мордред так ничего и не увидел — или оставил это при себе.

«Мой сын вырос на Авалоне. Его не обмануть магией Богини», — подумала Моргейна и чуть было не сказала Ланселету, что именно он тогда видел. Ведь он тоже в молодости прошел посвящение на Авалоне! Нельзя допустить, чтоб он считал это каким-то христианским чудом! Но, услышав в голосе Ланселета незнакомые нотки, Моргейна лишь опустила голову и промолчала. Богиня послала ему в утешение некое видение — и кто Моргейна такая, чтоб теперь лишать его этого утешения?

Она стремилась к этому. Она этого добивалась. Артур изменил Богине, и Богиня развеяла созданное им братство. И вот последняя шутка судьбы: святейшее из ее видений породило легенду, которой христиане будут поклоняться с особым пылом. В конце концов Моргейна произнесла, коснувшись руки Ланселета:

— Знаешь, Ланселет, иногда мне кажется: что бы мы ни делали, это не имеет никакого значения. Мы только думаем, будто что-то делаем, а на самом деле это боги играют нами. Мы — всего лишь орудия в их руках.

— Если бы я верил в это, я сошел бы с ума раз и навсегда, — сказал Ланселет.

Моргейна печально улыбнулась.

— А я б, наверно, сошла с ума, если б не верила в это. Я должна — просто должна верить, — что не имела возможности поступать иначе.

«...должна верить, что у меня никогда не было выбора... не было возможности отказаться от участия в посвящении короля, возможности уничтожить Мордреда, не дав ему родиться, возможности пойти против воли Артура, решившего выдать меня за Уриенса, возможности не прикладывать руку к смерти Аваллоха, возможности не привлекать Акколона на свою сторону... не было возможности избавить Кевина Арфиста от казни, причитающейся предателям, и спасти Нимуэ...»

— А я должен верить, что это в силах человеческих — знать правду, выбирать меж добром и злом и знать, что от его выбора что-то зависит... — сказал Ланселет.

— О, да! — согласилась Моргейна. — Если только человек знает, что такое добро. Но не кажется ли тебе, кузен, что в этом мире даже зло частенько рядится в одежды добра? Иногда мне кажется, что это сама Богиня заставляет дурное выглядеть добрым, и единственное, что мы можем сделать...

— Тогда Богиня и вправду — враг рода человеческого, как о ней говорят священники, — сказал Ланселет.

— Ланселет! — с мольбой воскликнула Моргейна, подавшись к нему. — Никогда не вини себя! Ты делал то, что должен был делать. Поверь — все это было предопределено судьбой...

— Не поверю! Или мне придется тут же, не медля, убить себя, чтоб не позволить Богине и дальше использовать меня или вершить зло с моей помощью! — яростно отозвался Ланселет. — Моргейна, ты обладаешь Зрением, а я — нет, но не могу я поверить, что это по божьей воле Артур и весь его двор должны оказаться в руках у Мордреда! Я уже говорил тебе: я попал сюда потому, что так распорядилось мое сознание — само, без моего ведома. Я вызвал авалонскую ладью, сам того не понимая, и приплыл на остров, но теперь мне кажется, что ничего лучшего я и придумать не мог. Ты, обладающая Зрением, можешь заглянуть в волшебное зеркало и узнать, где находится Галахад! Я готов даже вынести его гнев и потребовать, чтоб он отказался от поисков Грааля и вернулся в Камелот...

Моргейне показалось, что земля дрогнула у нее под ногами. Однажды она в болотах неосторожно сошла с тропы и почувствовала, как вязкая грязь заколебалась и начала расступаться; вот и сейчас она ощутила нечто подобное, и ей отчаянно захотелось побыстрее выбраться куда-нибудь в безопасное место... Моргей-

на услышала собственный голос, доносящийся откуда-то издалека:

— Ты действительно вернешься в Камелот вместе со своим сыном, Ланселет...

Но отчего же ей так холодно? Отчего этот холод вытягивает из нее последние силы?

— Я загляну в зеркало, раз ты так хочешь, родич. Но я не знаю Галахада, и может статься, не увижу ничего такого, что могло бы тебе помочь.

— Но все-таки — пообещай сделать все, что в твоих силах! — взмолился Ланселет.

— Я же сказала, что загляну в зеркало, — отозвалась Моргейна. — Но все будет так, как решит Богиня. Идем.

Солнце стояло уже высоко; когда они спускались к Священному источнику, сверху донеслось карканье ворона. Ланселет перекрестился, защищаясь от дурной приметы, но Моргейна подняла голову и переспросила:

— Что ты сказала, сестра?

В сознании у нее зазвучал голос Враны: *«Не бойся. Мордред не убьет Галахада. Но Артур убьет Мордреда»*.

— Так Артур по-прежнему остается Королем-Оленем, — вслух произнесла Моргейна.

Ланселет изумленно уставился на нее.

— Ты что-то сказала, Моргейна?

Моргейна вновь услышала Врану. *«Не к Священному источнику — к чаше, и немедленно! Час пробил»*.

— Куда мы идем? — спросил Ланселет. — Я что, позабыл дорогу к Священному источнику?

И Моргейна, вскинув голову, поняла, что пришла не к источнику, а к небольшой церквушке, в которой древнее христианское братство проводило свои богослужения. Они утверждали, что церковь построена на том самом месте, где старец Иосиф воткнул свой посох в склон холма, именуемого холмом Уставших. Моргейна взялась за ветку Священного терна. Терновник проколол ей палец до кости, и Моргейна, сама не понимая, что делает, протянула руку и провела на лбу у Ланселета кровавую черту.

Ланселет с испугом взглянул на нее. Моргейна услышала негромкое пение хора. «Кирие элейсон, Христе элейсон». Она тихо вошла в церковь и, к собственному удивлению, преклонила колени. Церковь была заполнена туманом, и Моргейне казалось, что сквозь этот туман она видит другую церковь, расположенную на Инис Витрин, и слышит, как другой хор выводит: «Кирие элейсон...» — но в этот хор вплетались и женские голоса. Да, это наверняка слышится с Инис Витрин — ведь в церкви на Авалоне нет женщин; а там, должно быть, поют монахини. На миг Мор-

гейне почудилось, будто рядом с ней опустилась на колени Игрейна, и она услышала голос матери, нежный и чистый. «Кирие элейсон...» Священник стоял у алтаря. А потом рядом с ним словно бы возникла Нимуэ; ее чудные золотистые волосы струились по спине, и была она прекрасна, словно Гвенвифар в молодости. Но Моргейна не почувствовала, как в былые дни, безумной ревности и зависти — она взирала на красоту девушки с чистейшей, непорочной любовью... Туман сгущался. Моргейна уже почти не видела стоящего рядом с ней Ланселета — но вместе с тем она ясно различала Галахада, преклонившего колени у алтаря другой церкви. Лицо юноши сияло, словно на нем отражался нездешний свет, и Моргейна поняла, что он тоже глядит сквозь туманы — в церковь на Авалоне, где стоит Грааль...

Моргейна услышала доносящийся из другой церкви звон крохотных колоколов, и еще услышала... она так и не знала, который священник это говорил — тот, который был на Авалоне, или тот, который находился на Инис Витрин, но в сознании Моргейны зазвучал мягкий голос Талиесина: «В ту ночь, когда Христос был предан, Учитель наш взял эту чашу и благословил ее, и сказал: «Все, что вы пьете из этой чаши, есть кровь моя, что пролита будет за вас. И всякий раз, как будете вы пить из этой чаши — вспоминайте обо мне».

Моргейна видела тень священника, поднявшего чашу причастия — но в то же самое время это была дева Грааля, Нимуэ... а может, это она сама, Моргейна, поднесла чашу к губам Галахада? Ланселет бросился вперед, вскрикнув: «Свет, тот самый свет!..» — и рухнул на колени, заслонив глаза рукой, а потом распростерся на полу.

От прикосновения к Граалю лицо молодого рыцаря, скрытое ранее тенью, вдруг четко обрисовалось, сделалось ясным и живым, и туманы развеялись; Галахад преклонил колени и отпил из чаши.

— И как давят множество виноградин, чтоб создать единое вино, так и мы объединяемся в этом бескровном и безупречном жертвоприношении, и станем мы все едины в Великом свете, коий есть бог...

Лицо Галахада просияло восторгом; казалось, будто юноша исполнен света. Он вздохнул, не в силах вынести переполняющей его безграничной радости, протянул руки и взял чашу... осел на пол и остался лежать, недвижен.

«Прикосновение к Священным реликвиям — смерть для непосвященного...»

Моргейна увидела, как Нимуэ — или это была она сама? — накрыла лицо Галахада белым покрывалом. А затем Нимуэ исчезла, и оказалось, что чаша стоит на алтаре — всего лишь золотая чаша таинств, уже не сияющая нездешним светом... хотя

Моргейна не была уверена, действительно ли чаша там стоит ... ее окутывал туман. А мертвый Галахад лежал на полу церкви на Авалоне, холодный и застывший, бок о бок с Ланселетом.

Прошло немало времени, прежде чем Ланселет пошевелился. Когда он поднял голову, Моргейна увидела на его лице печать трагедии.

— Я оказался недостоин последовать за ним, — прошептал Ланселет.

— Ты должен отвезти его назад, в Камелот, — мягко произнесла Моргейна. — Он победил — он отыскал Грааль. Но это была его последняя победа. Он не смог вынести этого света.

— И я не смог, — все так же шепотом произнес Ланселет. — Взгляни — этот свет по-прежнему отражается на его лице. Что он видит?

Моргейна медленно покачала головой, чувствуя, как стынут ее руки.

— Нам никогда этого не узнать, Ланселет. Я знаю лишь одно — он умер, коснувшись Грааля.

Ланселет взглянул на алтарь. Христиане тихонько разошлись, оставив Моргейну наедине с мертвым и живым. А чаша, окутанная туманом, по-прежнему стояла на своем месте, неярко поблескивая.

Ланселет поднялся на ноги.

— Да. И чаша тоже вернется со мной в Камелот, чтоб все знали: поиски Грааля завершены... и чтоб рыцари не стремились в поисках неведомого навстречу смерти или безумию...

Он шагнул к алтарю, на котором посверкивал Грааль, но Моргейна повисла у него на плечах и оттащила его.

— Нет! Нет! Ты же рухнул при одном лишь взгляде на него! Прикосновение к Священным реликвиям — смерть для непосвященного!..

— Значит, я умру, пытаясь это сделать, — отозвался Ланселет, но Моргейна не отпускала его, и вскоре он сдался. — Но зачем, Моргейна? Зачем позволять этому самоубийственному безрассудству продолжаться?

— Нет, — возразила Моргейна. — Поиски Грааля завершились. Судьба пощадила тебя, чтоб ты мог вернуться в Камелот и рассказать об этом. Но ты не можешь унести Грааль обратно в Камелот. Ни один человек не может взять его и оставить у себя. Тот, кто будет искать Грааль, преисполнившись веры, непременно его найдет, — Моргейна слышала собственный голос, но не знала, что скажет секунду спустя — не знала до того момента, пока слова словно бы сами собою не срывались с ее губ, — найдет здесь, за пределами смертных земель. Но если вернуть Грааль

в Камелот, он попадет в руки твердолобых, фанатичных священников и станет их орудием...

В голосе Моргейны зазвенели слезы.

— Умоляю тебя, Ланселет! Оставь Грааль здесь, на Авалоне! Пусть в нынешнем, новом мире, лишенном магии, останется хоть одна великая тайна, которую жрецы не смогут раз и навсегда разложить по полочкам, не смогут втиснуть в свои догмы...

Голос ее пресекся.

— Надвигаются времена, когда священники будут указывать роду людскому, что есть добро и что есть зло, как людям думать, как молиться и во что верить. Я не знаю, чем все это закончится. Быть может, людям необходимо пройти сквозь период тьмы, чтоб в конце концов вновь познать благословение света. Но, Ланселет, пусть в этой тьме сохраняется хоть один-единственный проблеск надежды! Однажды Грааль побывал в Камелоте. Но если священная чаша будет стоять на каком-нибудь алтаре, память о ее явлении неизбежно будет осквернена. Давай же сохраним хоть одну Тайну, хоть одно видение, что сможет манить людей за собой.

В горле у Моргейны настолько пересохло, что голос ее начал походить на карканье ворона.

Ланселет сдался перед ее напором.

— Моргейна, ты ли это? Я начинаю думать, что никогда не знал тебя. Но ты сказала истинную правду. Пусть Грааль навеки останется на Авалоне.

Моргейна вскинула руку. Откуда-то появился маленький народец Авалона. Они подняли тело Галахада и бесшумно понесли его к авалонской ладье. Не выпуская руки Ланселета, Моргейна спустилась к берегу, присмотреть, как тело будут укладывать в ладью. Ни миг Моргейне почудилось, будто там лежит Артур, но затем видение задрожало и исчезло. Это был всего лишь Галахад, и на лице его по-прежнему лежал отсвет понимания великой тайны и покоя.

— И вот ты едешь в Камелот вместе со своим сыном, — тихо произнесла Моргейна, — но не так, как я предвидела. Думается мне, боги смеются над нами. Они посылают нам видения — но мы не знаем, что эти видения означают. Пожалуй, родич, я никогда больше не стану пользоваться Зрением.

— Дай-то Бог.

На мгновение Ланселет взял Моргейну за руки, потом склонился и поцеловал их.

— Итак мы наконец расстаемся, — с нежностью произнес он. И в этот миг, хоть она и сказала, что отказывается от Зрения, Моргейна увидела в его глазах то, что видел Ланселет, глядя на нее — девушку, с которой он лежал среди стоячих камней и от которой отвернулся из страха перед Богиней; женщину, которой

он овладел в неистовом порыве желания, стремясь позабыть об измучившей его любви к Гвенвифар и Артуру; ту же самую женщину, бледную, наводящую ужас, с факелом в руке — в ту ночь, когда его застали в постели с Элейной; и вот теперь — сумрачную и таинственную Владычицу, тень среди света, что велела унести безжизненное тело его сына от Грааля и упросила его самого навеки оставить священную чашу за гранью мира.

Моргейна подалась вперед и поцеловала Ланселета в лоб. Слова были не нужны; оба они знали, что это и прощание, и благословение. Ланселет медленно повернулся и ступил на борт волшебной ладьи, и Моргейна заметила, как поникли его плечи, и увидела отблеск заходящего солнца на его волосах. Волосы у Ланселета сделались теперь совершенно седыми; и Моргейна, снова взглянув на себя его глазами, подумала: *«И я тоже слишком стара...»*

Теперь Моргейна поняла, почему она не видит больше королеву фейри — даже мельком.

«Теперь я — королева волшебной страны.

Нет иной Богини, кроме этой, и это — я...

И все же она есть. Она — в Игрейне, в Вивиане, в Моргаузе, в Нимуэ, в королеве. И все они тоже живут во мне, как и она...

И здесь, на Авалоне, они будут жить вечно».

Глава 13

На север, в королевство Лотиан, вести о поисках Грааля доходили редко, а те, что доходили, были не слишком-то достоверны. Моргауза ожидала возвращения своего молодого возлюбленного Ламорака. Но затем, полгода спустя, пришло известие, что он погиб в пути. «Что ж, он не первый, — подумала Моргауза, — и не последний, кого погубило это чудовищное безумие, заставляющее людей гоняться за чем-то неведомым! Я всегда считала, что болтовня о вере и богах — это такая разновидность помешательства. Глянуть только, чем это обернулось для Артура! И из-за этого я потеряла Ламорака — а ведь он был так молод!»

Ну что ж. Ламорак умер. Но хоть Моргауза по нему и скучала, и думала, что всегда будет скучать на свой лад, — ведь он пробыл рядом с нею дольше любого другого мужчины, не считая Лота, — это еще не значило, что она должна смириться со своим почтенным возрастом и одиноким ложем. Моргауза внимательно изучила себя в старинном бронзовом зеркале, стерла с лица следы слез и осмотрела себя еще раз. Если даже она и не сохранила той цветущей красоты, что некогда повергла к ее ногам Ламорака, она все же оставалась хороша собою; а в этой стране еще достаточно мужчин — не могли же они все свихнуться и отпра-

виться гоняться за Граалем. Она богата, она — королева Лотиана, и все ее женское оружие при ней. Правда, брови и ресницы слегка поблекли и сделались бледно-рыжими, так что их приходится подкрашивать... Ну, неважно. В общем, мужчины всегда найдутся. Все они — глупцы, и умная женщина может ими вертеть, как ей заблагорассудится. А она, Моргауза, — не дура вроде Моргейны, чтоб переживать из-за какой-то там нравственности или вопросов религии, и не какая-нибудь вечно хнычущая идиотка вроде Гвенвифар, чтоб только и думать о душе.

Время от времени до Моргаузы доходила какая-нибудь история о поисках Грааля, каждая — поразительнее предыдущей. Как рассказывали, Ламорак вернулся в конце концов в замок Пелинора, привлеченный старыми слухами о волшебном блюде, что якобы хранилось в склепе под замком; там он и умер, а перед смертью кричал, что видит впереди Грааль в руках девы, в руках своей сестры Элейны, — такой, какой она была в юности... Интересно, что же он видел на самом-то деле? Еще Моргауза слыхала, будто Ланселет сошел с ума, и его держат в темнице где-то в прежних владениях сэра Эктория, неподалеку от римской стены, и никто не смеет известить Артура; потом дошел слух, будто в тех краях объявился Борс, брат Ланселета, и узнал его, и тогда разум вернулся к Ланселету, и он уехал — то ли продолжать поиски, то ли обратно в Камелот. Моргаузу это не интересовало. Может, ему повезет умереть в дороге, — подумала Моргауза. А то ведь иначе прелести Гвенвифар вновь заставят его наделать глупостей.

И только ее умница Гвидион никуда не поехал, а остался в Камелоте, у Артура под боком. И почему только Гавейну с Гаретом не хватило соображения поступить точно так же?! Теперь ее сыновья должны наконец-то занять подобающее им место рядом с Артуром.

Однако же у Моргаузы имелся и другой способ узнавать, что творится в мире. В юности, когда Моргауза жила на Авалоне, Вивиана сказала ей, что у нее нет ни должного терпения, ни надлежащей смелости, чтоб пройти посвящение и приобщиться к таинствам, и Вивиана — теперь Моргауза и сама это знала — была права; да и кому захочется так надолго отказываться от радостей жизни? На протяжении многих лет Моргауза была уверена, что двери магии и Зрения закрыты для нее, — не считая некоторых мелких уловок, которыми она овладела самостоятельно. А потом, после того, как она впервые воспользовалась чарами, чтоб разузнать, кто же отец Гвидиона, Моргауза начала понимать, что искусство магии все это время находилось рядом и ждало ее. И чтоб пользоваться им, не требовалось ничего, кроме ее желания. Ни запутанных друидских правил, ни запретов, указывающих, как можно использовать магию, а как нельзя, ни

всей этой болтовни о богах. Магия — всего лишь часть жизни, доступная для всякого, у кого достанет безжалостности и силы воли ею воспользоваться, а добро и зло тут ни при чем.

«А те, кто притворяется верующими, просто хотят прибрать источники силы к рукам, — подумала Моргауза. — Но я заполучила эту силу сама, собственными стараниями, не связывая себя никакими клятвами, и буду пользоваться ей, как захочу, — никто мне не указ».

Вот и нынешней ночью Моргауза, уединившись, проделала все необходимые приготовления. Ей было немного жаль белого пса, которого она привела в дом, а когда из перерезанного горла собаки в миску хлынула горячая кровь, Моргауза почувствовала искреннее отвращение. Но, в конце концов, это был ее собственный пес! Он принадлежал ей точно так же, как и свиньи, которых резали ради мяса. А сила пролитой крови куда крепче и позволяет куда быстрее добиться результата, чем сила авалонского жречества, построенная на долгих молитвах и обучении. У камина лежала одна из дворцовых служанок, опоенная зельем — на этот раз такая, к которой Моргауза не испытывала никаких теплых чувств. Да и толку в ней особого не было. Моргауза хорошо усвоила урок, полученный во время последней попытки. Надо же ей тогда было так просчитаться! В результате она потеряла хорошую пряху. А эта служанка никому не была нужна, даже кухарке — у той и без того на полдюжины помощниц больше, чем нужно.

Все эти приготовления до сих пор внушали Моргаузе отвращение. Кровь у нее на руках и на лбу была неприятно липкой, но Моргауза почти что видела магическую силу, поднимающуюся над пятнами крови подобно струйкам дыма. От луны остался лишь неразличимо слабый проблеск в небе, и Моргауза знала, что ее союзница в Камелоте уже ждет зова. В тот самый миг, когда луна заняла нужное положение на небосклоне, Моргауза выплеснула остатки крови в огонь и трижды громко позвала:

— Мораг! Мораг! Мораг!

Одурманенная женщина у камина — Моргаузе смутно припомнилось, что ее вроде бы зовут Беккой — встрепенулась, и ее затуманенный взгляд сделался осмысленным; и когда она поднялась, Моргаузе на миг померещилось, будто служанка облачена в изящное платье одной из придворных дам Гвенвифар. Да и говорила она теперь не как туповатая сельская девчонка, а как утонченная знатная дама.

— Ты звала меня, и вот я здесь. Что тебе нужно от меня, королева Тьмы?

— Расскажи, что происходит при дворе. Что с королевой?

— С тех пор, как Ланселет уехал, она проводит много времени в одиночестве, но часто призывает к себе молодого Гвидиона.

Она говорит о нем, словно о родном сыне. Похоже, она позабыла, что на самом деле он приходится сыном королеве Моргейне, — сказала девушка, и эта правильная речь совершенно не вязалась с обликом служанки в бесформенном одеянии из мешковины, с руками, загрубевшими от возни на кухне.

— Продолжаешь ли ты подбавлять снадобье ей в вино?

— В том нет больше нужды, моя королева, — произнес голос, исходящий не от служанки, а через нее. — У Гвенвифар вот уж год как не приходят месячные, и потому я перестала поить ее зельем. Да и кроме того, король чрезвычайно редко приходит на ее ложе.

Последние опасения Моргаузы — что Гвенвифар каким-то чудом все-таки родит позднего ребенка и положение Гвидиона при дворе пошатнется — развеялись. Кроме того, после долгого царствования Артура, когда вся страна наслаждалась миром и покоем, подданные Верховного короля ни за что не согласятся признать своим королем ребенка. Да и Гвидиону совесть вряд ли помешает разделаться с маленьким нежелательным соперником. Но лучше не искушать судьбу; в конце концов, тот же Артур благополучно ускользнул из всех ловушек, расставленных ею и Лотом, и дожил до восшествия на престол.

«Я слишком долго ждала. Лот еще давным-давно должен был стать Верховным королем, а я — Верховной королевой. Теперь никто не сможет помешать мне. Вивиана мертва. Моргейна стара. Гвидион сделает меня королевой. Я — единственная на свете женщина, к которой он прислушивается».

— А что там с сэром Мордредом, Мораг? Доверяет ли ему королева? В чести ли он у короля?

Речь далекой собеседницы Моргейны стала медленной и неразборчивой.

— Не могу сказать... Мордред часто находится при короле... однажды я слыщала, как король сказал ему...

— Ох, голова-то как болит! Что я делаю у камина? Кухарка с меня шкуру спустит...

Второй голос, приглушенный и невнятный, принадлежал этой дурочке Бекке, и Моргауза поняла, что там, в Камелоте, Мораг вновь погрузилась в странный сон, в котором она говорила с королевой Лотиана — а может, с королевой волшебной страны...

Моргауза схватила миску с кровью и стряхнула в огонь последние капли.

— Мораг! Мораг! Услышь меня, останься — я приказываю!

— Моя королева, — донесся издалека голос дамы, — рядом с сэром Мордредом всегда находится одна из дев Владычицы Озера. Говорят, она приходится какой-то родней Артуру...

«Ниниана, дочь Талиесина, — подумала Моргауза. — Я и не знала, что она покинула Авалон. Хотя зачем ей теперь оставаться?»

— После того, как Ланселет покинул двор, сэра Мордреда назначили королевским конюшим. Ходят слухи, будто...

— Ох, огонь! Госпожа, неужто вы хотите спалить весь замок? — прохныкала Бекка, протирая глаза.

Взбешенная Моргауза толкнула ее изо всех сил, и девушка с криком рухнула в камин. А выбраться оттуда самостоятельно служанка не могла — ведь она до сих пор была связана по рукам и ногам.

— Проклятье! Она мне сейчас весь дом перебудит!

Моргауза попыталась было вытащить служанку из огня, но на той уже занялась одежда. Бекка пронзительно визжала, и этот визг терзал уши Моргаузы — их словно пронзали раскаленными иглами. «Бедная девочка, — отстраненно, с легким оттенком жалости подумала Моргауза. — Ей уже не поможешь. Она так обгорела, что ее не вылечить». Она выволокла вопящую, сопротивляющуюся девушку из огня, не обращая внимания на собственные ожоги, и на миг прижалась щекой ко лбу Бекки, словно затем, чтоб успокоить ее — а затем одним движением вспорола ей горло от уха до уха. Кровь хлынула в огонь, и в трубу поднялся столб дыма.

Моргаузу начала бить дрожь — от переполнившей ее нежданной силы. Королеве казалось, будто она заполнила собою всю комнату, весь Лотиан, весь мир... Никогда прежде она не осмеливалась заходить так далеко — и вот эта сила сама пришла к ней, пришла непрошеной. Моргаузе чудилось, будто она бесплотным духом парит над землей. И снова, после долгих лет мира, по дорогам маршировали войска, а к западному берегу причаливали корабли с носовыми фигурами в виде драконов, и с них сошли заросшие, косматые люди, и принялись грабить и жечь города, опустошать аббатства, уводить женщин из-под защиты некогда надежных монастырских стен... словно кроваво-красный ветер несся к границам Камелота... Моргауза не могла сказать, происходит все это прямо сейчас или она зрит картины грядущего.

Она крикнула в сгущающуюся тьму:

— Покажи мне моих сыновей, отправившихся на поиски Грааля!

И тьма заполонила комнату — черная, непроницаемая, — и в ней витал запах гари; Моргауза, не устояв под стремительным натиском силы, рухнула на колени. Дым немного рассеялся, а тьма взволновалась и забурлила, словно кипящая вода в котле. А затем Моргауза увидела в ширящемся свете лицо младшего своего сына, Гарета. Гарет был грязным и уставшим, и одежда его истрепалась в пути, но он улыбался так же весело, как и всегда; а когда свет разгорелся поярче, Моргауза поняла, куда направлен его взгляд — на лицо Ланселета.

Теперь уж Гвенвифар не станет за ним бегать — за этим больным, изможденным человеком! Он ведь совершенно седой, а во взгляде чувствуется отголосок безумия, и под глазами залегли морщины... Просто чучело какое-то — вроде тех, которые ставят в поле, чтоб отпугивать птиц от зерна! Моргаузу захлестнула давняя ненависть. Это же нестерпимо: ну почему самый младший, самый лучший из ее сыновей так обожает этого человека, почему следует за ним с самого детства — еще с тех пор, как он был мальчишкой и играл деревянными рыцарями?..

— Нет, Гарет, — услышала она голос Ланселета. В тишине, что сгустилась сейчас в комнате, этот голос казался тихим и мягким. — Ты знаешь, почему я не могу вернуться ко двору. Я не стану говорить о собственном душевном спокойствии — ни даже о покое королевы, — но я поклялся, что буду год и день разыскивать Грааль.

— Но ведь это безумие! Как ты можешь думать о Граале, когда король нуждается в тебе! Я поклялся Артуру в верности, и ты тоже, за много лет до того, как мы впервые услышали о Граале! Когда я думаю, что наш король Артур сейчас один и нет рядом с ним никого, кроме людей увечных, немощных или трусоватых... Иногда мне кажется, что все это — дело рук лукавого, что он прикинулся силой Божьей, чтоб лишить Артура всех его соратников!

— Я знаю, что это исходило от Бога, Гарет, — негромко отозвался Ланселет. — Не пытайся отнять у меня это знание.

И в глазах его на миг снова вспыхнул огонь безумия.

Когда Гарет заговорил снова, голос его звучал до странности подавленно.

— Но разве могут дела Господни играть на руку дьяволу? Я не верю, что это по воле Божьей все деяния Артура должны обратиться в прах — все, над чем он трудился больше четверти века! Ты знаешь, что дикие норманны высаживаются на наших берегах, а когда жители тех земель взывают к Артуру о помощи и молят прислать к ним королевские легионы, оказывается, что послать к ним некого? Знаешь, что саксы вновь собирают войска, а Артур тем временем сидит в Камелоте сложа руки, — а ты печешься лишь о собственной душе?.. Умоляю тебя, Ланселет, раз уж ты не хочешь возвращаться ко двору, так хотя бы разыщи Галахада и заставь его вернуться к Артуру! Если король состарился и воля его ослабела — да простит меня Бог, что я так говорю! — быть может, твой сын сможет заменить его. Всем ведь известно, что Артур усыновил его и назвал своим наследником!

— Заставить Галахада вернуться? — безрадостно переспросил Ланселет. — Неужто ты думаешь, что сын станет прислушиваться ко мне? Ты вместе со всеми клялся разыскивать Грааль год и день, но я некоторое время ехал вместе с Галахадом, и я

знаю: он не вернется до тех пор, пока не отыщет Грааль, даже если на это уйдет вся его жизнь.

— Нет! — воскликнул Гарет и схватил Ланселета за плечи. — Заставь его понять, что происходит, Ланселет! Любой ценой заставь его вернуться в Камелот! О Господи! Гвидион скажет, что я предаю родича, и я люблю Гвидиона всей душой, но... Как я могу сказать об этом — даже тебе, мой кузен, брат моего сердца? Мне не нравится, что он приобрел такое влияние на нашего короля! Как-то так получается, что с послами саксов всегда говорит именно он, и они знают, что Гвидион — сын сестры Артура, а среди них — может, ты этого не знаешь, — наследником считается именно сын сестры...

— Не забывай, Гарет, — мягко улыбнувшись, перебил его Ланселет, — до прихода римлян тот же обычай властвовал и у Племен. А ведь мы с тобой не римляне.

— Неужто ты не станешь защищать то, что по праву принадлежит твоему сыну?! — возмутился Гарет.

— Это дело Артура: решать, кто наследует его трон, — сказал Ланселет. — Если только после него у нас вообще будет хоть какой-то король. Когда я блуждал среди видений, навеянных безумием — я не стал бы говорить об этом, но мне кажется, что они были отчасти сродни Зрению, — иногда мне казалось, что, когда Артур умрет, эту землю покроет тьма.

— И что же, пускай все идет так, как будто Артура и вовсе не было на свете? — негодующе спросил Гарет. — А как же твоя клятва верности?

Ланселет вздохнул.

— Если ты так хочешь, Гарет, я разыщу Галахада.

— И как можно быстрее! — настойчиво воскликнул Гарет. — И объясни ему, что его верность королю важнее всех подвигов, Граалей и богов, вместе взятых...

— А если он не пойдет со мной? — печально спросил Ланселет.

— Если не пойдет, — медленно произнес Гарет, — значит, он — не тот король, в котором мы будем нуждаться после смерти Артура. Значит, мы в воле Божьей, и да будет Он к нам милостив!

— Кузен мой и брат, — сказал Ланселет, вновь обнимая Гарета, — мы всегда в воле Божьей. Но я даю тебе слово: я разыщу Галахада и вернусь вместе с ним в Камелот. Клянусь тебе...

А затем свет погас, и лицо Гарета скрыла тьма, и на миг остались лишь лучистые глаза Ланселета — столь похожие на глаза Вивианы, что Моргаузе почудилось, будто это ее сестра, жрица, взирает на нее с хмурым неодобрением, словно спрашивая: «Моргауза, что ты творишь?» Но затем и они исчезли, и Моргауза осталась одна; из камина по-прежнему валили клубы дыма, но

магическая сила развеялась, а на полу валялось обмякшее, обескровленное тело мертвой служанки.

Ланселет! Ланселет, будь он проклят! Он до сих пор способен разрушить ее замыслы! Моргаузу пронзила ненависть, острая, как боль. Голова у нее раскалывалась, а к горлу подступала тошнота — как всегда после колдовства. Моргаузе хотелось сейчас лишь одного: растянуться у камина, и заснуть, и выспаться как следует. Но нет, она должна быть сильной. Она не позволит силам чародейства взять над нею верх. Она — королева Лотиана, королева Тьмы! Моргауза открыла дверь и отволокла труп собаки на мусорную кучу, не обращая внимания на тошнотворное зловоние.

Но ей было не под силу в одиночку справиться с мертвой служанкой. Моргауза уже готова была позвать на помощь, но потом остановилась и поднесла руки к лицу. И руки, и лицо попрежнему были в липкой крови. Нет, нельзя допустить, чтоб ее застали в таком виде. Королева отыскала таз и кувшин с водой, умылась, вымыла руки и заново заплела волосы. Правда, остались еще пятна крови на одежде, но с этим пока ничего не поделаешь; впрочем, теперь, когда огонь в камине погас, тут мало что можно разглядеть. Наконец Моргауза позвала своего дворецкого, и тот почти мгновенно возник на пороге. На лице его читалось жадное любопытство.

— Что случилось, моя королева? Я услышал крики — тут что-то стряслось?

Он поднял лампу повыше. Моргауза отлично знала, какой она сейчас видится дворецкому — прекрасной и немного растрепанной; отголосок Зрения словно позволил ей взглянуть на себя чужими глазами. «Стоит мне сейчас протянуть руку, и я возьму его прямо рядом с трупом этой девчонки», — подумала Моргауза, испытывая одновременно и странную, судорожную боль, и наслаждение вожделения, и мысленно расхохоталась. Но потом королева отказалась от этой мысли. Еще успеется.

— Да, стряслось — такое скверное происшествие. Бедная Бекка... — Моргауза указала на обмякший труп. — Она упала в камин, а когда я попыталась помочь ей, обработать ожоги, она выхватила у меня нож и перерезала себе горло. Должно быть, несчастная сошла с ума от боли. Бедняга. И меня забрызгала кровью с ног до головы.

Дворецкий испуганно вскрикнул, приблизился к безжизненному телу служанки и осмотрел ее.

— Экое дело! Несчастная девица всегда была не в своем уме. Не стоило тебе брать ее в служанки, госпожа.

В голосе дворецкого прозвучали нотки укоризны, и это вывело Моргаузу из себя. Неужто ей и вправду хотелось взять это ничтожество к себе на ложе?

— Я позвала тебя не за тем, чтоб обсуждать мои поступки. Забери девчонку и позаботься о похоронах. И пришли ко мне моих служанок. На рассвете я отправляюсь в Камелот.

Начинало вечереть, а завеса мелкого дождя окончательно скрывала дорогу. Моргауза промокла и замерзла, и потому, когда ее конюший, подъехав, спросил: «Госпожа, вы уверены, что мы свернули на нужную дорогу?» — это вызвало у нее очередную вспышку раздражения.

Она уже несколько месяцев приглядывалась к конюшему; его звали Кормак, он был молод, высок и широкоплеч, с резкими чертами лица и орлиным профилем. Но сейчас Моргаузе казалось, что все мужчины до единого — безнадежные глупцы. Лучше б уж она оставила этого Кормака дома и сама возглавила отряд — все бы больше толку было! Но были вещи, которых не стоило делать даже королеве Лотианской.

— Я не знаю здешних дорог. Зато я знаю, что мы должны уже подъезжать к Камелоту — судя по тому расстоянию, которое мы покрыли за день. Если, конечно, ты не сбился с пути в тумане, и теперь мы не едем обратно на север — а, Кормак?

При обычных обстоятельствах Моргауза была бы не против провести еще одну ночь в пути — шатер ее был обеспечен всеми мыслимыми удобствами; быть может, когда все женщины заснули бы, этот Кормак согрел бы ее постель.

«С тех пор, как я овладела колдовством, все мужчины — мои. И, похоже, меня это больше не интересует... Странно: ведь минуло уже немало времени с тех пор, как до меня дошло известие о смерти Ламорака, а я так и не выбрала себе мужчину. Неужто я старею?» При этой мысли Моргауза содрогнулась и решила, что этой ночью непременно заполучит Кормака... Но сперва нужно добраться до Камелота. Она нужна там — чтоб защищать интересы Гвидиона и давать ему советы.

— Дорога где-то здесь, болван! — нетерпеливо произнесла Моргауза. — Я ездила этим путем множество раз! Или ты принимаешь меня за дурочку?

— Боже упаси, госпожа! Я тоже часто ездил этой дорогой, и все-таки, похоже, мы как-то умудрились заблудиться, — сказал Кормак.

Моргауза почувствовала, что вот-вот лопнет от злости. Она мысленно представила себе хорошо знакомую дорогу от Лотиана до Камелота: сперва едешь по римскому тракту, потом сворачиваешь на наезженную дорогу, идущую вдоль болот Драконьего острова, а потом едешь вдоль гряды холмов, пока не утыкаешься в дорогу на Камелот. Артур так долго расширял и мостил ее, что теперь она почти не уступает старой римской дороге.

— Вот именно! Ты как-то умудрился пропустить поворот на Камелот, дурень ты этакий! А вон и руины римской крепости... уж не знаю, как нам это удалось, но мы очутились в получасе езды от поворота на Камелот, и теперь придется возвращаться! — вспылила Моргауза. Делать было нечего: оставалось лишь разворачиваться и ехать обратно, а уже начинало темнеть. Моргауза натянула капюшон поглубже и пришпорила свою лошадь, едва бредущую сквозь сгущающиеся сумерки. По-хорошему, до захода солнца оставалось не менее часа — в это-то время года! — но, однако же, на западном крае небосклона осталась лишь узкая полоска света.

— Дорога где-то здесь, — произнесла одна из дам Моргаузы. — Вон, видите те четыре яблони, растущие рядом? Я приходила сюда как-то летом, чтоб взять веточку и привить ее на яблоню в королевском саду.

Но никакой дороги не было и в помине. Лишь узкая тропка вилась по склону пустынного холма — там, где должна была пролегать широкая мощеная дорога, а над нею надлежало сиять огням Камелота. Их ведь должно быть видно даже через туман!

— Чушь какая! — бесцеремонно оборвала ее Моргауза. — Просто мы как-то сбились с пути. Или вы хотите сказать, что от всего королевства Артура только и осталось, что эти четыре яблони?

— Но ведь дорога-то должна быть здесь, клянусь жизнью! — проворчал Кормак, но все-таки заставил отряд двинуться дальше, и вся эта длинная цепочка всадников и вьючных лошадей потащилась сквозь дождь. А дождь все лил и лил, как будто начался еще на заре времен и не знал, как ему остановиться. Моргауза промокла и устала. Ей хотелось хорошо поужинать за столом у Гвенвифар, выпить подогретого вина с пряностями и улечься в мягкую постель. И потому, когда Кормак снова подъехал к ней, Моргауза раздраженно поинтересовалась?

— Ну, что еще стряслось, болван? Ты что, снова умудрился проглядеть проезжую дорогу?

— Прошу прощения, моя королева, но как-то так получилось... Вот, взгляни: мы снова оказались на том самом месте, где останавливались, чтоб дать отдых лошадям, когда свернули с римской дороги. Я сам уронил здесь вон ту тряпку, когда пытался стереть грязь с седельной сумки.

Этого Моргауза уже не могла вынести.

— Да есть ли на свете другая королева, которую бы изводили столько проклятых недоумков?! — взорвалась она. — Мы что, умудрились потерять самый большой город из всех, что находятся севернее Лондиниума? Или мы так и должны всю ночь ездить по этой дороге туда-сюда? Если мы не можем разглядеть в темноте огни Камелота, как-то же мы должны его услышать! Это же огромный замок — там больше сотни рыцарей и без счета слуг,

лошадей и скотины! Люди Артура охраняют эту дорогу — он понастроил столько сторожевых башен, что ни один проезжий не ускользает от взгляда часовых!

В конце концов им пришлось зажечь фонари и снова повернуть на юг. Теперь Моргауза ехала во главе отряда, бок о бок с Кормаком. Дождь и туман заглушали все звуки, даже эхо. Так они и двигались — пока снова не оказались у той самой разрушенной римской стены, у которой повернули в прошлый раз. Кормак выругался, но в голосе его звучал страх.

— Прошу прощения, леди, но я не понимаю...

— Чтоб тебе пусто было! — завизжала Моргауза. — Ты что, так и будешь таскать нас всю ночь взад-вперед?!

Однако, она тоже узнала развалины. Моргауза глубоко вздохнула, и в этом вздохе слились воедино раздражение и покорность обстоятельствам.

— Может, утром дождь закончится, и мы, если придется, вернемся по собственным следам к римской стене. По крайней мере, будем знать, куда нас занесло!

— Если только нас и вправду занесло куда-то, а не в волшебную страну, — пробормотала одна из женщин и исподтишка перекрестилась. Моргауза заметила этот жест, но сказала лишь:

— Довольно! Я не желаю слушать всякую чушь, как будто мало нам того, что мы заблудились среди тумана и дождя! Ну, что все встали?! Мы не можем больше сегодня ехать, значит, надо побыстрее разбить лагерь. А утром посмотрим, что делать дальше.

Моргауза собиралась зазвать Кормака к себе, хотя бы затем, чтоб отвлечься и позабыть о страхе, что уже начал закрадываться ей в душу. А вдруг они и вправду попали из реального мира в неведомые края? Но все же Моргауза так и не позвала молодого конюшего. Она лежала в одиночестве; все женщины уснули, а Моргаузе не спалось. Она мысленно восстанавливала их путешествие, шаг за шагом. В ночи царило безмолвие; не слышно было даже кваканья лягушек на болотах. Это же невозможно — потерять целый город, особенно такой, как Камелот! И тем не менее он куда-то провалился. А может, это она сама, со всей ее свитой и слугами, провалилась в мир колдовства? И каждый раз, дойдя в своих рассуждениях до этой точки, Моргауза сожалела, что дала волю гневу и отправила Кормака охранять лагерь; лежи он сейчас рядом с ней, она бы не страдала от этого чудовищного ощущения — что весь мир сошел с ума... Снова и снова королева пыталась заснуть, но у нее ничего не получалось, и оставалось лишь лежать, глядя в темноту.

Ночью дождь прекратился. Утром выяснилось, что хоть над землей и стелется промозглый туман, небо очистилось от туч. Перед рассветом Моргауза ненадолго задремала, и ей приснилась Моргейна, — старая, поседевшая. В этом сне Моргейна смот-

рела в зеркало. Вырвавшись из непрочных объятий сна, Моргауза вышла из шатра, надеясь, что вот сейчас она посмотрит на холм и обнаружит, что Камелот находится на своем законном месте, и к воротам замка Артура ведет широкая дорога — или, на худой конец, что они оказались на какой-нибудь незнакомой дороге, во многих милях от цели их пути. Но нет, они действительно стояли лагерем у разрушенной римской стены, и Моргауза точно знала, что эти развалины находятся примерно в миле от Камелота. И лошади, и люди уже готовы были тронутся в путь. Моргауза взглянула на холм, на котором должен был стоять Камелот; но холм, поросший зеленой травой, совершенно ничем не отличался от своих соседей.

Путники медленно ехали по раскисшей дороге; в грязи виднелось множество следов, но все они были оставлены их собственным отрядом. На лугу паслось стадо овец, но, когда люди Моргейны подъехали к стаду, чтоб поговорить с пастухом, тот спрятался в какую-то нору под каменной стеной, и его так и не удалось оттуда выманить.

— Это и есть хваленый Артуров мир? — не удержалась Моргауза.

— Боюсь, моя леди, — почтительно произнес Кормак, — тут замешано какое-то волшебство. Не знаю, где мы очутились, но только не в Камелоте.

— Ну а что это тогда, если не Камелот? — спросила Моргауза, но Кормак лишь пробормотал:

— И вправду — что?

Моргауза вновь взглянула вперед. Одна из ее служанок принялась испуганно всхлипывать. На миг королеве почудился голос Вивианы; Моргауза и прежде слышала то, о чем сейчас говорила Вивиана, но никогда особо в это не верила — что, дескать, Авалон ушел в туманы, и если человек, не знающий дороги, попытается добраться туда — будь то даже друид или жрица, — он попадет лишь к монахам, на остров Гластонбери...

Да, они могли вернуться по собственным следам на римскую дорогу... но Моргаузу постепенно заполнял нарастающий страх. А вдруг они обнаружат, что римская дорога тоже исчезла, и Лотиан исчез, и она осталась одна во всем мире, не считая этой горстки людей? Содрогнувшись, Моргауза вспомнила отрывок из Писания — она как-то услышала это от домашнего священника Гвенвифар во время проповеди. Он говорил о конце света... «Сказываю вам: две женщины будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится...» Неужто конец мира настал, и Камелот вместе со всеми прочими был взят в христианское царствие небесное, и лишь немногие потерянные странники, вроде ее самой, были оставлены блуждать по лику опустевшей земли?

Но как бы там ни было, не могли же они просто стоять и таращиться на пустую дорогу!

— Возвращаемся по нашим следам на римскую дорогу, — приказала Моргауза, а про себя подумала: «Если она еще на месте, и если вообще хоть что-нибудь сохранилось». Королева взглянула на туман, поднимающий над болотами, словно волшебный дым, и ей почудилось, будто весь мир опустел. И даже встающее солнце показалось ей каким-то незнакомым. Но Моргауза никогда не страдала излишне живым воображением. Вот и сейчас она сказала себе, что нечего торчать здесь посреди этого потустороннего безмолвия — надо двигаться и попытаться выбраться отсюда. Камелот — реальная крепость в реальном мире, он не может исчезнуть бесследно.

«А ведь если бы я добилась своего, если бы наш с Лотом заговор против Артура завершился успешно, быть может; вся эта страна и вправду была бы именно такой — безлюдной, безмолвной и исполненной страха...»

Почему здесь так тихо? Казалось, что во всем мире не осталось ни единого звука, кроме стука копыт, да и тот походил на шум камней, падающих в воду: приглушенное бульканье — и вновь тишина. Отряд уже почти добрался до римской дороги — или до места, где должна была находиться римская дорога, — когда до них донесся цокот копыт по мощеной дороге; со стороны Гластонбери медленно, неспешно ехал какой-то всадник. Сквозь туман виднелся его смутный силуэт; всадник вел в поводу тяжело груженную вьючную лошадь. Мгновение спустя кто-то из слуг Моргаузы воскликнул:

— Да ведь это сэр Ланселет Озерный! Доброе вам утро, сэр! Да пребудет с вами Господь!

— Кто это тут?

И действительно, это был голос Ланселета — Моргауза сразу его узнала. А когда Ланселет подъехал поближе, от стука копыт его лошади — такого привычного, почти домашнего — в окружающем мире словно бы что-то высвободилось. Откуда-то из-за завесы тумана послышались и другие звуки: где-то лаяли собаки, целая стая собак — наверное, проголодались за ночь и теперь грызлись из-за завтрака. И этот обыденный звук разрушил потустороннюю тишину.

— Здесь королева Лотиана! — отозвался Кормак, и Ланселет, подъехав, остановил коня перед Моргаузой.

— Вот уж никак не ожидал встретить тебя здесь, тетя. А нет ли с тобой моих кузенов — Гавейна или, может, Гарета?

— Нет, — ответила Моргауза. — Здесь только я, и я направляюсь в Камелот.

«Если только он и вправду продолжает существовать!» — раздраженно подумала она.

Пока Ланселет произносил привычно вежливые слова приветствия, Моргауза неотрывно глядела ему в лицо. Ланселет казался усталым и измученным, одежда его истрепалась и нужда-

лась в стирке, а в такой плащ он раньше не нарядил бы даже своего конюха. *«Ах, красавчик Ланселет — теперь уж Гвенвифар не сочтет тебя прекрасным, и даже я не раскрою тебе объятия и не позову на свое ложе!»*

Но потом Ланселет улыбнулся, и Моргауза вдруг осознала, что он и вправду прекрасен, несмотря ни на что.

— В таком случае, не поехать ли нам вместе, тетя? Воистину, я еду туда с печальнейшим поручением.

— Я слыхала, будто ты отправлялся на поиски Грааля. И что же, нашел ли ты его? Или отчаялся найти и оттого и выглядишь столь унылым?

— Разве достоин я того, чтоб разыскать величайшую из тайн? Но я везу того, кто и вправду держал Грааль в руках. Я возвращаюсь в Камелот, чтоб сказать всем: поиски завершены, и Грааль навеки ушел из этого мира.

И тут Моргауза поняла, что вьючная лошадь везет на себе мертвое тело, завернутое в саван и накрытое покрывалом.

— Кто? — прошептала она.

— Галахад, — негромко отозвался Ланселет. — Грааль отыскал мой сын, и теперь нам ведомо, что смертному человеку не под силу взглянуть на него и остаться в живых. И то же самое случилось бы и со мною — когда бы не возложенная на меня обязанность отнести моему королю столь горькую весть: сообщить, что тот, кто должен был наследовать ему, покинул нас и ушел в мир иной, чтоб вечно следовать за своей мечтой...

Моргаузу пробрал озноб. *«Теперь и вправду все пойдет так, словно Артура и не было никогда на этом свете; у этой страны не будет иного властителя, кроме царя небесного, и править ею будут те самые священники, что уже сейчас держат Артура в руках...»* Но королева гневно отмела эти картины, возникшие в ее воображении. *«Галахад мертв. Теперь Артуру не остается ничего иного, кроме как назвать своим наследником Гвидиона».*

Ланселет с печалью взглянул на тело Галахада, но сказал лишь:

— Может, мы двинемся в путь? Я вообще-то не собирался останавливаться на ночь, но поднялся сильный туман, и я побоялся заблудиться. Я чуть было не подумал, что оказался на Авалоне!

— Мы не можем отыскать Камелот в тумане — он скрылся точно так же, как Авалон... — начал было Кормак, но Моргауза раздраженно оборвала его.

— Прекрати нести чушь! — прикрикнула она. — Мы сбились с пути в темноте и полночи ездили туда-сюда. Мы тоже хотим побыстрее попасть в Камелот, племянник.

Несколько человек из свиты Моргаузы знали и Ланселета, и Галахада и теперь подошли с изъявлениями сочувствия. Ланселет некоторое время слушал их, потом оборвал печально, но твердо.

— Потом, друзья мои, потом. У нас еще будет достаточно времени для того, чтоб предаваться скорби. Видит Бог, я вовсе не рвусь сообщать эту весть Артуру, но от задержки она не станет менее прискорбной. Давайте же тронемся в путь.

По мере того, как солнце поднималось все выше, туман редел, а там и вовсе рассеялся. Путники двинулись по той самой дороге, по которой уже проехались несколько раз взад-вперед в поисках Камелота; но когда они одолели совсем небольшой участок пути, новый звук разорвал неестественную тишину этого безумного утра. Со стороны Камелота донесся серебряный голос трубы, чистый и звонкий. А когда путники добрались до четырех яблонь, взорам их предстала залитая солнечным светом широкая проезжая дорога, построенная слугами Артура для его легионов.

Моргаузе показалось вполне уместным, что первым, кого она увидела на подъезде к Камелоту, оказался ее сын, Гарет. Он вышел навстречу отряду из главных ворот Камелота, а затем, узнав Ланселета, бросился к нему. Ланселет соскочил с коня и крепко обнял Гарета.

— Вот и ты, кузен...

— Я, кто ж еще. Кэй уже слишком стар и немощен, чтоб охранять стены Камелота в такое время. Как хорошо, что ты наконец-то вернулся в Камелот, кузен. Но я вижу, ты не нашел Галахада, Ланс?

— Увы — нашел... — с печалью произнес Ланселет. Гарет взглянул на очертания мертвого тела, вырисовывающиеся под покрывалом, и на лице его — оно по-прежнему выглядело как-то по-мальчишески, невзирая на окладистую бороду — отразилось смятение.

— Я должен немедленно сообщить эту весть Артуру. Отведи меня к нему, Гарет.

Склонив голову, Гарет обнял Ланселета за плечи.

— Что за горестный день для Камелота! А я ведь говорил: этот Грааль послан нам дьяволом, а вовсе не Богом!

Ланселет покачал головой, и Моргаузе почудилось, что от него исходит сияние — или даже не от него, а через него, и тело его словно бы сделалось прозрачным; а в улыбке его сквозь печаль просвечивала тайная радость.

— Нет, милый мой кузен, — сказал Ланселет, — отринь эту мысль навеки. Галахад принял то, что было уготовано ему Господом, — как это предстоит и всем нам. Но его дни окончены, и он отныне свободен от забот и треволнений этого мира. Наши же треволнения продолжаются, милый Гарет, — и дай нам Бог встретить свою судьбу так же мужественно, как это сделал Галахад.

— Аминь, — отозвался Гарет, и Моргауза с ужасом и изумлением увидела, что он перекрестился. Затем он поднял голову, заметил мать и вздрогнул.

— Матушка, неужто это ты? Прости — я просто никак не ожидал увидеть рядом с Ланселетом тебя. — Он почтительно поцеловал руку Моргаузы. — Пойдем, госпожа. Позволь, я вызову дворецкого, — пускай он проведет тебя к королеве. Она со своими дамами с радостью примет тебя, пока я провожу Ланселета к королю.

Моргауза подчинилась, недоумевая: зачем, собственно, она приехала сюда? У себя в Лотиане она была полновластной королевой, а здесь, в Камелоте, ей остается лишь сидеть среди дам Гвенвифар — да и знать она будет лишь то, что какой-нибудь из ее сыновей сочтет возможным сообщить ей.

— Передай моему сыну Гвидиону — сэру Мордреду, — что приехала его мать, — обратилась Моргауза к дворецкому, — и попроси, чтобы он как можно быстрее пришел ко мне.

Но душу ее охватило уныние, и Моргауза втайне спросила себя: а захочет ли Гвидион выказать ей хотя бы ту толику уважения, что проявил Гарет? И снова ей подумалось, что она совершила ошибку, приехав сюда, в Камелот.

Глава 14

Долгие годы Гвенвифар казалось, что в присутствии соратников, рыцарей Круглого Стола Артур принадлежал не ей, а им, своим братьям по оружию. Подобное вторжение в ее жизнь — и даже само их присутствие в Камелоте — выводило Гвенвифар из себя, и ей частенько казалось, что если бы не придворное окружение, быть может, они с Артуром могли бы жить куда счастливее.

Но в год, последовавший за явлением Грааля, королева начала осознавать, что вот тогда-то она была счастлива — а теперь, после отъезда соратников, Камелот превратился в селение призраков, а сам Артур — в привидение, безмолвно бродящее по опустевшему замку.

Нет, нельзя было сказать, что теперь, когда Артур принадлежал одной лишь ей, его общество перестало доставлять Гвенвифар удовольствие. Просто теперь она начала понимать, сколь значительную часть собственной души вложил Артур в свои легионы и в строительство Камелота. Он обращался с Гвенвифар с неиссякаемой любезностью и добротой, и теперь они проводили вместе куда больше времени, чем за все предшествующие годы войны и даже последовавшие за ними годы мира. Но некая часть Артура и сейчас находилась рядом с соратниками, где бы они ни

были, — а с ней осталась лишь малая его толика. Гвенвифар любила Артура-мужчину ничуть не меньше, чем Артура-короля, но теперь она понимала, насколько умалялся этот мужчина, удалившись от дел королевства, которому он отдал большую часть своей жизни. И она стыдилась того, что оказалась способна обращать на это внимание.

Они с Артуром никогда не говорили об отсутствующих. В год поисков Грааля они жили тихо и мирно и разговаривали лишь о вещах обыденных: о хлебе и мясе, о плодах в саду или о вине в погребах, о новом плаще или о пряжке на башмак. А однажды, обведя взглядом Круглый Стол, Артур сказал:

— Может, убрать его до их возвращения? Что скажешь, любимая? Хоть зал и велик, из-за этого стола в нем не повернуться. А теперь, когда за ним некому сидеть...

— Нет-нет, — поспешно возразила Гвенвифар, — не надо, милый, пусть он остается на месте. Этот зал строился специально для Круглого Стола, и без него он будет походить на пустой амбар. Пусть стол стоит. А мы с тобой и с челядью можем обедать в зале поменьше.

Артур улыбнулся королеве, и Гвенвифар поняла: он рад, что она ответила именно так.

— А потом, когда наши рыцари вернутся из странствий, мы сможем снова устроить здесь грандиозный пир, — сказал Артур — и умолк. Королева догадалась, о чем он думает. А сколько их вернется?

При дворе остался Кэй, да старик Лукан, да еще два-три соратника, которым преклонный возраст и старые раны не позволили отправиться в путь. И еще Гвидион — теперь все звали его Мордредом, — всегда находился при короле и королеве, словно взрослый сын. При взгляде на него Гвенвифар частенько думалось: «Вот он — тот сын, которого я могла бы родить Ланселету». И от этой мысли кровь вскипала в ее жилах. Она вспоминала ту ночь, когда Артур сам толкнул ее в объятия Ланселета. Ее часто сейчас бросало в жар, так что Гвенвифар никогда не понимала, жарко в комнате или холодно, равно как не знала, приходят эти волны тепла снаружи или поднимаются из глубин ее тела. Гвидион всегда обращался с ней нежно и почтительно и называл госпожой, а иногда робко говорил «тетя». И сама эта робость, с которой Гвидион упоминал об их родстве, согревала душу Гвенвифар, и он становился ей еще дороже. К тому же, Гвидион был похож на Ланселета — только Ланселет был общительнее и светлее сердцем. Там, где Ланселет весело шутил, Гвидион отпускал остроту, подобную удару или булавочному уколу. Шутки его всегда были недобрыми — и все же Гвенвифар не могла удержаться от смеха.

Однажды вечером, когда их поредевшая компания собралась за ужином, Артур сказал:

— Племянник, я хочу, чтоб ты занял место Ланселета, пока он отсутствует, и стал моим конюшим.

Гвидион усмехнулся.

— Невелики же будут мои труды, мой дядя и лорд, — ведь в конюшне осталось всего несколько лошадей. Лучшие кони с твоей конюшни разъехались вместе с твоими рыцарями и соратниками; и кто знает — быть может, вдруг среди всех этих коней найдется один, который таки отыщет Грааль!

— Перестань, — попыталась одернуть его Гвенвифар. — Не нужно потешаться над их поисками.

— Но почему же, тетя? Священники постоянно твердят, что все мы — овцы стада Господня, а раз овца может предаваться духовным исканиям, то уж конь — и подавно. Я всегда считал, что конь — куда более благородное животное, чем овца. Так почему бы более благородному животному не достигнуть цели этих поисков? И какой-нибудь покрытый шрамами старый боевой конь может в конце концов обрести священный покой; ведь говорят же, что настанет такой день, когда лев уляжется рядом с ягненком и даже не вспомнит об обеде.

Артур рассмеялся, но в смехе его прозвучали беспокойство и неловкость.

— Ты думаешь, нам еще потребуются боевые кони? Хвала Господу — со времен битвы при горе Бадон в этой стране царит мир...

— Ты забыл о Луции, — заметил Гвидион. — Если я что и понял в своей жизни, так это то, что мир не может длиться вечно. Бешеные норманны высаживаются со своих драккаров на наш берег, а когда люди взывают к твоим легионам о помощи, то в ответ слышат лишь, что все соратники Артура разъехались невесть куда в поисках душевного покоя. И потому люди идут за помощью на юг, к королям саксов. Но, несомненно, когда поиски Грааля завершатся, их взоры снова обратятся к Камелоту — и мне кажется, что в тот день нам будет сильно не хватать боевых коней. Грааль и прочие дела отнимают у Ланселета столь много времени, что он уже не успевает следить за королевскими конюшнями.

— Я же уже сказал, что желаю видеть в должности конюшего тебя, — ответил Артур, и его голос отозвался в душе Гвенвифар болью. Он звучал по-старчески брюзгливо, и в нем не слышалось более прежней силы. — Королевский конюший имеет право закупать лошадей от моего имени. Ланселет обычно брал их у торговцев, приезжавших откуда-то с юга, из земель, лежащих за Бретанью...

— Значит, и я буду действовать точно так же, — сказал Гвидион. — Никакие лошади не сравнятся с испанскими, хотя те-

перь, мой дядя и король, лучших лошадей везут из еще более отдаленных краев. Испанцы сами покупают коней из африканских пустынь. Но нынче сарацины начали теснить испанцев — я слышал это от того сарацинского рыцаря, Паломида, что гостил здесь некоторое время, а потом отправился в земли саксов на поиски приключений. Паломид — не христианин, и ему показалось странным, что все эти рыцари умчались за Граалем, в то самое время, когда на их земли пришла война.

— Я беседовал с Паломидом, — сказал Артур. — Он показывал мне меч, скованный в тех самых землях, что лежат южнее Испании. Я охотно обзавелся бы таким мечом, хоть я и не думаю, что он лучше Эскалибура. Ни один меч из наших краев не способен так держать заточку. Я рад, что у моих врагов никогда не было такого оружия. Норманны дерутся огромными топорами и палицами, но их оружие уступает даже оружию саксов.

— И все же они яростны и неистовы в бою, — сказал Гвидион. — Они впадают в боевое безумие, как это иногда бывает с людьми Племен в Лотиане, и сражаются, отбросив щит... Нет, мой король, — мы долго наслаждались миром, но как сарацины начали теснить испанцев, так и наши берега начали терзать дикие норманны и ирландцы. И, несомненно, в конце концов сарацины окажутся благом для Испании, как саксы оказались благом для этой страны...

— Саксы оказались благом для этой страны? — Артур изумленно взглянул на молодого рыцаря. — Что я слышу от тебя, племянник?

— Когда римляне покинули эту землю, лорд мой Артур, мы оказались заперты здесь, на краю света, и не общались ни с кем, кроме полудиких Племен. Война с саксами вынудила нас выйти из этого заточения, — пояснил Гвидион. — Мы принялись торговать с Малой Британией, с Испанией, с южными странами, выменивать на наши товары лошадей и оружие, строить новые города — да взять хоть твой Камелот, сэр. Я уж не говорю о священниках, что отправились к саксам и превратили их из косматых дикарей, поклоняющихся варварским богам, в цивилизованных людей; они теперь и сами ведут торговлю, строят города и даже обзавелись королями, подвластными твоей руке. Чего же лучшего могла желать эта земля? Теперь у них есть даже монастыри, и ученые люди, что пишут книги, и многое другое... Без войны с саксами, мой лорд Артур, королевство Утера ждало бы лишь забвение, как это прежде случилось с королевством Максима.

Похоже, слова Гвидиона слегка позабавили Артура.

— Тогда ты, несомненно, считаешь, что двадцать с лишним лет мира сделались угрозой для Камелота, и мы нуждаемся в новых войнах и сражениях, чтоб встряхнуться? Сразу видно, что ты

не воин, юноша. Я давно уж не питаю никаких иллюзий относительно войны!

Гвидион улыбнулся в ответ.

— С чего ты решил, что я не воин, мой лорд? Я вместе с твоими людьми сражался против Луция, провозгласившего себя императором, и у меня было предостаточно времени, чтоб составить собственное представление о войне и ее значении. Без войны тебя позабыли бы точно так же, как и самых незначительных королей Уэльса и Эйре. Ну кто ныне помнит имена королей Тары?

— И ты полагаешь, мальчик мой, что однажды это может произойти и с Камелотом?

— Король мой и дядя, что ты предпочтешь услышать: мудрость друида или любезность придворного?

— Я предпочту услышать хитроумный совет Мордреда! — рассмеялся Артур.

— Придворный сказал бы, мой лорд, что царство Артура будет существовать вечно и память о нем переживет века. А друид сказал бы, что все люди смертны и всем им суждено в свой срок кануть в вечность вместе со всей их мудростью и славой, как ушла под воду Атлантида. Бессмертны одни лишь боги.

— А что же тогда скажет мой племянник и друг?

— Твой племянник, — Гвидион так подчеркнул это слово, что Гвенвифар почти услышала вместо него «твой сын», — скажет, мой дядя и лорд, что все мы живем сегодня и какое нам дело до того, что за истории будут рассказывать о нас тысячу лет спустя? И потому племянник советует тебе вновь позаботиться о конюшнях и сделать их такими, как в прежние времена, когда воины Артура наводили страх на всех врагов. Нельзя давать людям повод говорить, что король постарел и теперь, когда все его рыцари разъехались по свету, не следит больше ни за своими людьми, ни за лошадьми и не заботится, чтоб они были готовы к бою.

Артур дружески хлопнул Гвидиона по плечу.

— Быть по сему, мой мальчик! Я полагаюсь на твое мнение. Пошли доверенных людей в Испанию — или даже, если хочешь, в Африку, — пусть оттуда привезут лошадей, достойных славы Артурова войска. И проследи, чтоб их обучили как следует.

— Я отрядил бы для этого саксов, — сказал Гвидион. — Но саксы не знают секретов конного боя — ты всегда говорил, что их не следует этому учить. Но теперь саксы — наши союзники. Угодно ли тебе, чтоб они перенимали наше воинское искусство?

На лице Артура отразилось беспокойство.

— Боюсь, это мне придется тоже возложить на тебя.

— И я сделаю все, что в моих силах, — отозвался Гвидион. — Мой лорд, мы слишком увлеклись, беседуя о делах военных, и утомили дам. Прошу прощения, госпожа, — добавил он, поклонившись Гвенвифар и обворожительно улыбнувшись. — Может,

послушаем музыку? Я уверен, что леди Ниниана с радостью возьмет арфу и споет для тебя, мой лорд и король.

— Я охотно послушаю, как играет моя родственница, — сдержанно отозвался Артур, — если так угодно моей леди.

Гвенвифар кивнула Ниниане. Та сходила за арфой, уселась перед ними и запела. Королева с удовольствием слушала: Ниниана прекрасно играла, и голос ее был мелодичным, хоть и не таким чистым и сильным, как у Моргейны. Но, взглянув на Гвидиона и заметив, как он смотрит на дочь Талиесина, королева подумала: *«Почему при нашем христианском дворе непременно находится какая-нибудь из дев Владычицы Озера?»* Гвенвифар чувствовала смутное беспокойство, хоть Гвидион — как и Ниниана — казался добрым христианином, не хуже любого другого придворного, и по воскресеньям всегда посещал обедню. Как вообще получилось, что Ниниана стала одной из ее дам? Королева помнила лишь, как Гвидион привел Ниниану ко двору и попросил Гвенвифар оказать гостеприимство родственнице Артура и дочери Талиесина. Королева сохранила самые теплые воспоминания о Талиесине и охотно приняла при дворе его дочь; но сейчас ей отчего-то показалось, что Ниниана, даже не прилагая к тому особых усилий, заняла главенствующее положение среди дам королевы. Артур всегда был благосклонен к Ниниане и часто просил ее спеть, и временами, когда Гвенвифар наблюдала за ними, в душу ее закрадывалось подозрение: уж не внушает ли она Артуру нечто большее, чем родственные чувства?

Но нет, этого, конечно же, не было. Если у Нинианы и имелся любовник при дворе, так уж скорее это был сам Гвидион. Гвенвифар видела, как он смотрит на Ниниану... и сердце ее сжималось от боли. Ниниана была прекрасна — прекрасна, как она сама в молодые годы, а она теперь была всего лишь стареющей женщиной; волосы ее потускнели, на щеках более не играл румянец, а тело сделалось дряблым... И потому, когда Ниниана отставила арфу и удалилась, а Артур подошел к королеве, чтоб проводить ее из зала в покои, Гвенвифар взглянула на него довольно хмуро.

— Ты выглядишь усталой, жена моя. Тебе нездоровится?

— Гвидион сказал, что ты постарел...

— Ненаглядная моя супруга, я восседаю на троне Британии вот уже тридцать один год, и ты вместе со мною. Неужто ты думаешь, что в этом королевстве найдется хоть один человек, что назвал бы нас молодыми? Большая часть наших подданных еще даже не родились, когда мы с тобой взошли на трон. Хотя, по правде говоря, любовь моя, я не представляю, как тебе удается выглядеть столь молодо.

— Муж мой, я вовсе не напрашивалась на похвалу! — раздраженно отозвалась Гвенвифар.

— Тогда ты должна была бы порадоваться, моя Гвен, что Гвидион не отделывается от дряхлеющего короля пустой лестью и лживыми словами. Он честен со мною, и я это ценю. Хотелось бы мне...

— Я знаю, чего тебе хотелось бы! — перебила мужа Гвенвифар, и в голосе ее зазвенел гнев. — Тебе хотелось бы, чтоб ты мог признать его своим сыном и чтобы он наследовал тебе, а не Галахад!

Артур покраснел.

— Гвенвифар, неужто мы обречены вечно из-за этого ссориться? Священники не согласятся считать его королем, а потому и говорить тут не о чем.

— Я не могу позабыть, чей он сын...

— Я не могу позабыть, что он — мой сын, — мягко произнес Артур.

— Я никогда не доверяла Моргейне, и ты сам убедился, на что он способна...

Лицо Артура посуровело, и Гвенвифар поняла, что в этом вопросе король никогда не пожелает прислушаться к ней.

— Гвенвифар, мой сын вырос на попечении королевы Лотианской, а ее сыновья всегда были поддержкой и опорой моего государства. Что бы я делал без Гарета и Гавейна? А теперь Гвидион обещает стать таким же, как они, честнейшие и благороднейшие из моих друзей и Соратников. И я не стал думать о Гвидионе хуже от того, что он остался рядом со мною, в то время как все прочие соратники покинули меня ради погони за Граалем.

Гвенвифар вовсе не хотелось ссориться с мужем. И она, взяв Артура за руки, произнесла:

— Поверь мне, мой лорд, — я люблю тебя превыше всего на свете.

— Конечно же, я тебе верю, любовь моя, — отозвался Артур. — У саксов есть поговорка: «Счастлив тот человек, что имеет доброго друга, добрую жену и добрый меч». А значит, я счастлив, моя Гвенвифар.

— Ах, саксы! — рассмеялась Гвенвифар. — Ты столько лет сражался с ними, а теперь повторяешь их поговорки...

— Ну что ж полезного в войне — как выражается Гвидион, — если мы не можем научиться мудрости у наших врагов? Давным-давно кто-то — Гавейн, кажется, — сказал что-то насчет саксов и ученых людей в их монастырях. Он выразился в том духе, что это, дескать, похоже на случай, когда женщину изнасиловали, а после ухода врагов она родила хорошего сына — мол, лучше уж вместе со злом обрести и добро, но если зло свершилось и исправить ничего нельзя, надо подумать, как обернуть его во благо.

Гвенвифар нахмурилась.

— Я полагаю, лишь мужчина мог придумать подобную шутку!

— Сердце мое, но я вовсе не хотел напоминать тебе о давних

невзгодах! — возразил Артур. — Я говорил о том зле, что причинили нам с Моргейной много лет назад.

Королева заметила, что на этот раз при имени сестры на лице Артура не появилось ледяного, застывшего выражения, ставшего обычным в последние годы.

— Неужто будет лучше, если из того греха, что совершили мы с Моргейной — если тебе угодно считать это грехом, — не произрастет ничего благого? Или я все же должен радоваться тому, что хоть грех и свершился и возврата к невинности нет, но Бог в искупление зла даровал мне доброго сына? Мы с Моргейной расстались отнюдь не по-дружески, и я теперь не знаю, где она и что с ней сталось, — и вряд ли я еще увижусь с нею до дня Страшного суда. Но ее сын сделался теперь опорой моего трона. Неужели я должен относиться к Гвидиону с недоверием лишь из-за того, что его произвела на свет Моргейна?

Гвенвифар хотела было сказать: *«Я не доверяю ему потому, что он воспитывался на Авалоне»*, — но передумала и промолчала. Затем, когда они остановились у дверей ее покоев и Артур, взяв ее за руку, спросил: «Хочешь ли ты, чтоб я присоединился к тебе этой ночью, моя леди?» — Гвенвифар, стараясь не глядеть ему в глаза, ответила: «Нет... нет, я устала». Она постаралась не заметить облегчения, промелькнувшего во взгляде Артура. Кто же теперь согревает его постель? Ниниана? Или какая-нибудь другая дама? Нет, она не станет унижаться и расспрашивать его дворецкого. *«Какая мне разница, с кем он спит, раз он спит не со мною?»*

Время шло. Наступила и прошла мрачная, холодная зима, и уже начало чувствоваться дыхание весны. Однажды Гвенвифар, не выдержав, в сердцах воскликнула:

— Скорее бы все это закончилось и наши рыцари вернулись, с Граалем или без него!

— Милая, но ведь они поклялись, — мягко напомнил Артур.

Но и вправду в тот же самый день к воротам Камелота подъехал всадник, и это оказался Гавейн.

— Ты ли это, кузен? — Артур обнял его и расцеловал. — Я и не надеялся увидеть тебя так скоро. Разве ты не поклялся год и день искать Грааль?

— Поклялся, — согласился Гавейн. — Но я не нарушил клятву, лорд, и священникам незачем смотреть на меня как на клятвопреступника. Я видел Грааль здесь, в этом самом замке, и с той же вероятностью могу снова узреть его именно здесь, как и где-нибудь на краю света. Где я только ни ездил, куда только меня ни заносило — но нигде я так и не услышал ни единого слова о Граале. И однажды меня осенило: я ведь с тем же успехом могу искать Грааль там, где однажды уже видел его — в Камелоте, рядом с моим королем, — даже если я просто буду каждое воскресенье во время обедни смотреть на алтарь и надеяться, что он вновь там появится.

Артур улыбнулся и заключил Гавейна в объятия, и Гвенвифар заметила, что на глаза его навернулись слезы.

— Добро пожаловать домой, кузен, — просто сказал он. — С возвращением тебя.

А несколько дней спустя вернулся Гарет.

— Мне было видение, и я думаю, что оно было послано Господом, — сказал Гарет, когда они уселись ужинать. — Я видел пред собою Грааль во всей его красе и сиянии, а потом из света, окутывавшего священную чашу, послышался голос. И этот голос произнес: «Гарет, соратник Артура, — в этой жизни ты больше не узришь Грааль. Как можешь ты гоняться за видением райского блаженства, когда твой король нуждается в тебе? Ты сможешь послужить Господу, когда попадешь на небеса, но сейчас твоя земная жизнь еще не окончена; возвращайся в Камелот и служи своему королю». И, очнувшись, я вспомнил, что даже Христос велел отдавать цезарю цезарево. Вот потому-то я и отправился домой. А по дороге я встретился с Ланселетом и умолял его последовать моему примеру.

— Так как же ты считаешь — ты и вправду отыскал Грааль? — поинтересовался Гвидион.

Гарет рассмеялся.

— Быть может, Грааль — всего лишь видение, и ничего больше. Но когда он мне привиделся, то велел вспомнить о долге перед моим лордом и королем.

— Так значит, вскоре мы увидим здесь и Ланселета?

— Искренне надеюсь, что сердце велит ему вернуться, — сказал Гавейн, — ибо мы воистину нуждаемся в нем. Но, так или иначе, Пасхи уже недолго ждать, а после нее все должны будут возвратиться домой.

Немного погодя Гарет попросил Гвидиона принести арфу и спеть.

— Ибо в странствиях, — сказал он, — я лишен был даже той грубой музыки, какую можно услышать при дворе саксов. А у тебя, Гвидион, раз уж ты оставался дома, наверняка была возможность совершенствовать свое искусство.

Гвенвифар не удивилась бы, уступи Гвидион эту честь Ниниане, но он послушно принес инструмент, и королева узнала его.

— Чья это арфа? Уж не Моргейны ли?

— Именно. Она оставила ее в Камелоте, уезжая. Если б Моргейна пожелала, она могла бы прислать кого-нибудь за своей арфой или сама забрать ее у меня. Ну, а до тех пор я с чистой совестью могу считать ее своей; думаю, Моргейна охотно отдала бы ее мне — раз уж она ничего больше не могла мне дать.

— Не считая самой жизни, — с мягкой укоризной произнес Артур, и Гвидион взглянул на него с такой горечью, что у Гвенвифар защемило сердце.

— А следует ли мне кого-то благодарить за это, мой лорд и король? — спросил Гвидион, яростно, но негромко, так, что его могли слышать лишь сидящие рядом. И прежде, чем Артур успел что-либо ответить, Гвидион ударил по струнам и запел. Но выбранная им песня потрясла Гвенвифар.

Он пел о Короле-Рыбаке, обитавшем в замке, что стоял посреди бескрайних пустошей. Король дряхлел, и силы его убывали, и вместе с ним увядала его земля и переставала родить. И суждено было этому длиться до той поры, пока не придет некий юноша и не нанесет милосердный удар, и кровь одряхлевшего короля не прольется на землю. И тогда с новым королем земля вновь помолодет и расцветет.

— Так что ты хотел сказать? — сердито и встревоженно поинтересовался Артур. — Что земля, в которой правит король-старик, неизбежно обречена на увядание?

— Вовсе нет, мой лорд. Что б мы делали без твоей мудрости и житейского опыта? Но в древности в Племенах дело обстояло именно так — здесь властвовала Богиня, и король правил лишь до того момента, пока Богиня была довольна им. А когда Король-Олень старел, приходил молодой олень и свергал его... Но Камелот — христианский двор, и при нем не придерживаются языческих обычаев, мой король. Быть может, эта баллада о Короле-Рыбаке — всего лишь символ травы; ведь даже в вашем Писании сказано, что плоть человеческая подобна траве. И жизни ей — от весны до осени. А король пустошей — это символ мира, что умирает каждый год и возрождается по весне, как твердят все религии... Даже Христос иссох, подобно Королю-Рыбаку — принял смерть на кресте и на Пасху возродился, обновившись...

И, коснувшись струн, Гвидион негромко запел:

— Взгляни: дни человека — что лист на ветру и трава увядающая.

И тебя позабудут, словно цветок, упавший в траву.

Словно вино, что пролилось на землю.

И все же с приходом весны земля расцветет.

И с нею вернется цветение жизни...

— Это из Писания, Гвидион? Строчки из какого-нибудь псалма? — спросила Гвенвифар.

Гвидион покачал головой.

— Это древний друидский гимн. А некоторые говорят, будто он древнее друидов, — что он, быть может, пришел к нам из страны, что ныне скрыта под волнами. Но подобные гимны можно встретить в каждой религии. Быть может, и вправду все религии суть одна...

— Ты — христианин, мой мальчик? — мягко спросил его Артур.

Гвидион мгновение помолчал, затем отозвался:

— Меня воспитывали как друида, и я не отрекался от своих

клятв. Я — не Кевин, мой король. Но не все мои обеты ведомы тебе.

И с этими словами он поднялся и вышел из зала. Артур смотрел ему вслед, даже не пытаясь сделать Гвидиону выговор за подобную неучтивость. Но Гавейн нахмурился.

— Неужто ты дозволишь, чтоб он ушел, даже не попрощавшись, лорд?

— Да пусть идет, — сказал Артур. — Мы все здесь — родичи, и я вовсе не прошу, чтоб со мной непрерывно обращались так, словно я восседаю на троне! Или ты хочешь, чтоб он всегда вел себя как любезный придворный?

Однако Гарету все это тоже не понравилось.

— До чего же мне хочется, чтоб Галахад вернулся ко двору! — негромко произнес он. — Хоть бы Господь ниспослал и ему какое-нибудь видение вроде моего! Галахад нужен здесь куда больше, чем я, и если он не объявится в ближайшее время, я сам отправлюсь искать его.

До Пятидесятницы оставалось всего несколько дней, когда в Камелот наконец-то вернулся Ланселет.

Сперва они увидели приближающуюся процессию, и Гарет, что дежурил на воротах, вызвал всех поприветствовать гостей. Но Гвенвифар, стоявшей рядом с Артуром, не было дела до Моргаузы — разве что в душе ее шевельнулось легкое любопытство: интересно, что привело сюда королеву Лотиана? Ланселет преклонил колени перед Артуром и поведал скорбную весть, и Гвенвифар, взглянув ему в глаза, задохнулась от боли... Так было всегда — всякий удар по Ланселету отзывался болью в ее сердце. Артур поднял Ланселета и прижал к себе; в глазах его стояли слезы.

— Милый мой друг, я любил Галахада как сына. Нам всем будет очень не хватать его.

Гвенвифар не могла более этого вынести. Она шагнула вперед, не обращая внимания на окружающих, протянула Ланселету руку и дрожащим голосом произнесла:

— Я скучала по тебе и рада, что ты вернулся к нам, но мне искренне жаль, что тебе пришлось вернуться со столь печальной вестью.

— Отнесите Галахада в ту церковь, где он принял рыцарское посвящение, — негромко приказал Артур своим людям. — Пусть он покоится там; а завтра состоятся похороны, подобающие моему сыну и наследнику.

Отвернувшись, король пошатнулся, и Гвидион быстро поддержал его под локоть.

Гвенвифар нечасто плакала в последнее время, но при взгля-

де на лицо Ланселета, столь измученное и изможденное, королева почувствовала, что не в силах сдержать слезы. Что выпало на его долю за этот год, проведенный в погоне за Граалем? Болезни, пост, усталость, раны? Никогда еще Гвенвифар не видела на его лице такой скорби — даже когда Ланселет явился к ней, чтоб сообщить о своем браке с Элейной. Королева заметила, сколь тяжело опирается Артур на руку Гвидиона, и вздохнула. Ланселет сжал ее руку и мягко произнес:

— Теперь я даже рад тому, что Артур получше узнал своего сына и оценил его по достоинству. Это смягчит его горе.

Гвенвифар покачала головой. Ей не хотелось сейчас размышлять о том, какие последствия это будет иметь для Гвидиона и Артура. Сын Моргейны! Сын Моргейны — наследник Артура! Нет, сейчас это ее не утешит!

Тут к королеве подошел Гарет и, поклонившись, сказал:

— Госпожа, приехала моя мать...

И Гвенвифар вспомнила, что не подобает ей стоять одной среди мужчин. Ее место с прочими дамами. И еще она поняла, что не в силах сейчас сказать ни единого слова утешения — ни Артуру, ни даже Ланселету.

— Я рада приветствовать тебя, королева Моргауза, — холодно произнесла Гвенвифар и подумала: *«Я ведь солгала Моргаузе — следует ли мне считать это грехом? Может, добродетельнее было бы сказать: «Я приветствую тебя, королева Моргауза, ибо так велит мой долг, но я ничуть не рада тебя видеть. Лучше бы ты сидела в своем Лотиане — или провалилась в преисподнюю, мне это безразлично!»* Она увидела, что Ниниана тоже подошла к Артуру — так, что теперь король шел между нею и Гвидионом, — и нахмурилась.

— Леди Ниниана! — холодно окликнула Гвенвифар. — Думаю, сейчас дамам лучше удалиться отсюда. Подыщи покои для королевы Моргаузы и позаботься, чтоб там было все необходимое.

Гвидион сердито взглянул на Гвенвифар, но возразить не осмелился. И Гвенвифар, покидая вместе со своими дамами двор крепости, подумала, что в положении королевы тоже есть свои преимущества.

Весь день ко двору Артура съезжались соратники и рыцари Круглого Стола, и Гвенвифар пришлось хлопотать над приготовлениями к завтрашнему пиру — которому суждено было оказаться погребальным. Завтра, в день Пятидесятницы, рыцари Артура, уезжавшие на поиски Грааля, воссоединятся вновь. Гвенвифар успела увидеть много знакомых лиц. Но она знала, что многим уже не суждено вернуться: Персеваль, Борс, Ламорак... Гвенвифар чуть мягче взглянула на Моргаузу; она знала,

что королева Лотиана искренне горюет по Ламораку. Самой Гвенвифар казалось, что Моргауза ставит себя в нелепое положение, в ее-то годы обзаводясь столь молодым возлюбленным, но горе есть горе, и Гвенвифар сама видела, что во время погребальной службы по Галахаду, когда священник заговорил обо всех прочих, павших во время поисков Грааля, Моргауза опустила вуаль, скрывая слезы, а после службы лицо ее было все в красных пятнах.

Всю прошлую ночь Ланселет просидел в церкви над телом сына, и Гвенвифар даже не могла поговорить с ним наедине. Теперь же, после отпевания, королева велела Ланселету сесть за обедом рядом с ней и Артуром; наполняя его кубок, она надеялась, что Ланселет напьется допьяна и хоть ненадолго позабудет о своем горе. Ей больно было смотреть на лицо Ланселета, покрывшееся морщинами, осунувшееся от страданий и лишений, и на его кудри, сделавшиеся ныне совсем седыми. И она, любившая Ланселета сильнее всех на свете, не могла при людях даже обнять его и поплакать вместе с ним. Эта боль терзала ее уже много лет: почему, ну почему она не имеет права обратиться к нему при всех, почему она должна молча восседать рядом и всегда оставаться лишь его родственницей и королевой? Сейчас это было даже ужаснее, чем обычно, но Ланселет не поворачивался к Гвенвифар и старался не смотреть ей в глаза.

Поднявшись, Артур выпил за тех рыцарей, что никогда уж не вернутся из странствий.

— И сейчас я при всех клянусь, что до тех пор, пока я жив и пока стоит Камелот, их жены и дети никогда не узнают нужды, — объявил он. — Ваша скорбь — моя скорбь. Наследник моего трона умер, странствуя в поисках Грааля.

Артур повернулся и протянул руку Гвидиону; тот медленно приблизился. Сейчас, в простой белой тунике, Гвидион выглядел моложе своих лет. Его темные волосы были перехвачены золотистой лентой.

— Соратники мои, в отличие от всех прочих, король не может позволить себе долго предаваться горю. А потому я прошу вас оплакать вместе со мною моего погибшего племянника и приемного сына, которому так и не суждено было унаследовать мой трон. И сейчас, когда горе наше еще свежо, я прошу вас признать Гвидиона — сэра Мордреда, — сына моей единственной сестры, Моргейны Авалонской, моим наследником. Гвидион молод, но он — один из мудрейших моих советников.

Король поднял кубок и сделал глоток.

— Я пью за тебя, сын мой, и за твое царствование, что придет на смену моему.

Гвидион преклонил колени перед Артуром.

— Да будет твое царствование долгим, отец мой!

Гвенвифар показалось, будто Гвидион смахнул слезу, и сердце ее немного смягчилось. Соратники опорожнили кубки и, следуя примеру Гарета, разразились приветственными возгласами.

Но Гвенвифар безмолвствовала. Она знала, что это неизбежно, но никак не ожидала, что все произойдет так скоро, прямо на тризне по Галахаду! Королева повернулась к Ланселету и прошептала:

— Лучше бы он подождал! Лучше бы он посовещался со своими советниками!

— Так ты не знала, что он задумал? — спросил Ланселет. Он взял Гвенвифар за руку, осторожно пожал и удержал ее ладонь в своей. Его пальцы были худыми и жесткими, а не юными и мягкими, как некогда; смешавшись, Гвенвифар попыталась отнять руку, но Ланселет не отпустил ее. Он произнес, поглаживая пальцы королевы:

— Артуру не следовало предпринимать такой шаг, не предупредив тебя...

— Видит Бог, я не имею права жаловаться — ведь я так и не сумела подарить ему сына, и ему остался лишь сын Моргейны...

— И все же ему следовало предупредить тебя, — сказал Ланселет.

Гвенвифар отстраненно подумала: кажется, он впервые решился порицать Артура, хоть и мимолетно. Ланселет поднес ее руку к губам и нежно поцеловал, а потом, когда Артур и Гвидион подошли к ним, отпустил. Слуги начали разносить блюда с горячим мясом и подносы с фруктами и свежевыпеченным хлебом и расставлять на столе сладости. Гвенвифар позволила слуге положить ей немного мяса и фруктов, но почти не прикоснулась к еде. Она заметила, что им с Ланселетом поставили одну тарелку на двоих — как частенько делала она сама во время прошлых пиров в день Пятидесятницы, — и улыбнулась. А Ниниана, сидевшая рядом с Артуром, ела из одной тарелки с ним. Раз король даже назвал ее дочкой, и это придало мыслям Гвенвифар иное направление: может, он смотрит на Ниниану как на будущую жену своего сына? К ее удивлению, та же самая мысль явно посетила и Ланселета.

— Уж не станет ли следующим празднеством свадьба? Я бы все-таки сказал, что они приходятся друг другу слишком близкой родней...

— А разве на Авалоне с этим считаются? — спросила Гвенвифар — более резко, чем намеревалась. Застарелая боль по-прежнему давала о себе знать.

Ланселет пожал плечами.

— Не знаю. Еще мальчишкой на Авалоне я слыхал об одной далекой южной стране; тамошние владыки всегда заключали браки с братьями и сестрами, чтоб не смешивать королевскую

кровь с кровью простонародья, и их династия просуществовала тысячу лет.

— Язычники! — негодующе отозвалась Гвенвифар. — Они не знали Господа и не ведали, как тяжко они грешат...

Но непохоже было, чтоб Гвидион как-либо пострадал из-за греха, совершенного его отцом и матерью; так почему бы ему, внуку — нет, правнуку Талиесина — не жениться на дочери Талиесина?

«Бог покарает Камелот за этот грех, — внезапно подумала королева. — *За прегрешение Артура — и мое... и Ланселета...»*

Она услышала, как Артур сказал Гвидиону:

— Однажды ты сказал при мне, что Галахад не доживет до того, чтоб взойти на престол.

— И ты помнишь, мой отец и лорд, — спокойно отозвался Гвидион, — что я дал тебе клятву: я не стану причиной гибели Галахада. И действительно, он с честью умер ради креста, который так глубоко чтил. Так оно все и случилось.

— Что же еще ты предвидел, сын мой?

— Не спрашивай, лорд Артур. Когда боги скрывают от человека, что ему написано на роду, они делают это из жалости. Даже если бы мне и было что-то ведомо — а я говорю, что это не так, — я не стал бы тебе ничего рассказывать.

«Быть может, — подумала Гвенвифар, и ее пробрала внезапная дрожь, — *Бог уже достаточно покарал нас за наши прегрешения, послав нам Мордреда...»* Но затем она взглянула на молодого рыцаря, и ее охватило смятение. *«Как я могу так думать о человеке, что воистину стал сыном для Артура? Не его вина в том, что он появился на свет подобным образом!»*

— Не следовало Артуру поступать так, едва лишь схоронив Галахада! — снова сказала королева Ланселету.

— Не нужно так говорить, моя леди. Артур помнит о долге, возложенном на короля. Неужто ты думаешь, будто это важно для Галахада — кто воссядет на троне, которого он никогда не желал? Я поступил бы куда лучше, Гвенвифар, если б отдал своего сына в священники.

Королева взглянула на Ланселета; он сидел, погрузившись в раздумья, словно бы отделенный от нее тысячами миль. Ланселет ушел в себя — туда, куда она никогда не могла за ним последовать. И Гвенвифар, неловко пытаясь достучаться до него, спросила:

— Так значит, ты не нашел Грааль?

Она видела, как Ланселет медленно возвращается из неведомой дали.

— Нашел... и подошел настолько близко, что грешному человеку не дано этого пережить. Но меня пощадили, дабы я вернулся ко двору и поведал всем: Грааль навеки ушел из этого мира.

Он снова умолк, потом сказал откуда-то издалека:

— Я последовал бы за ним и в мир иной, но мне не позволено было выбирать.

«Так значит, он не хотел вернуться в Камелот ради меня?» — подумала Гвенвифар. И вдруг она осознала то, чего никогда раньше не понимала, — осознала, насколько же сильно Ланселет похож на Артура; осознала, что никогда не станет ни для одного из них чем-то большим, чем забава, мимолетное развлечение между войной и приключением; осознала, что для того мира, в котором протекает подлинная жизнь мужчины, любовь не имеет никакого значения. Всю свою жизнь Ланселет воевал бок о бок с Артуром, а когда войны прекратились, ринулся, очертя голову, вслед за великой Тайной. И теперь Грааль встал между ними, как прежде стоял Артур и честь Ланселета.

И вот теперь даже Ланселет обратился к Господу и, несомненно, думает лишь о том, что она вводит его в смертный грех. Боль была нестерпимой. Ведь в целом свете у нее не было ничего дороже этой любви! И Гвенвифар, не выдержав, взяла Ланселета за руку.

— Я так тосковала по тебе, — прошептала она, и сама поразилась, услышав, какая жажда звучит в ее голосе. *«Он подумает, что я не лучше Моргаузы — сама вешаюсь ему на шею...»*

Ланселет удержал ее руку и мягко произнес:

— И я по тебе скучал, моя Гвен.

А потом, слово почувствовав голод, терзающий сердце Гвенвифар, он тихо сказал:

— Возлюбленная, никакой Грааль не помешал бы мне вернуться в Камелот — ведь я помнил о тебе. Мне следовало бы остаться там и провести остаток своей жизни в молитвах, надеясь, что мне вновь даровано будет право узреть священную чашу. Но я — всего лишь мужчина, любовь моя...

И Гвенвифар, поняв, о чем он говорит, крепче сжала его руку.

— Так значит, мне отослать моих женщин?

Ланселет на миг заколебался, и Гвенвифар вновь затопил давний страх... Как она смеет заходить столь далеко, позабыв о женской стыдливости? Как всегда, этот миг был подобен смерти. Но тут Ланселет ответил ей пожатием и прошептал:

— Да, любимая.

Но когда Гвенвифар, одиноко лежа в темноте, ожидала появления Ланселета, ее стали одолевать горькие мысли. Уж не было ли его «да» сродни предложениям Артура, которые тот делал время от времени из жалости или ради того, чтоб пощадить ее гордость. Теперь, когда не осталось ни малейшей надежды на то, что она все-таки родит Артуру позднее дитя, он мог перестать приходить к ней, но Артур был слишком добр и не хотел, чтоб у дам Гвенвифар появился повод заглазно потешаться над нею. Но Гвенвифар казалось, что Артур, услышав ее отказ, всегда вздыха-

ет с облегчением, и это облегчение было для нее словно нож в сердце. Случалось даже, что она звала Артура к себе, и они подолгу беседовали или она просто лежала в его объятиях — тогда она чувствовала себя покойно и уютно и не просила у Артура большего. Теперь же ей подумалось: а вдруг Артур чувствовал, что его объятья нежеланны ей, и потому так редко к ней приходил? Или все-таки он и вправду не хочет ее? Да и вообще — желал ли он ее хоть когда-нибудь или приходил к ней на ложе лишь потому, что она была его женой, и он должен был дать ей детей?

«Все мужчины восхваляли мою красоту и желали меня — все, кроме моего законного супруга». И теперь, — подумалось Гвенвифар, — *быть может, даже Ланселет придет ко мне лишь потому, что он слишком добр и не может меня оттолкнуть».* Королеву бросило в жар, и на теле ее выступила испарина, хоть на Гвенвифар была лишь тонкая ночная рубашка.

Она встала, взяла с туалетного столика кувшин с холодной водой и обтерлась, с отвращением прикасаясь к обвисшей груди. *«Ах, я ведь уже стара! Конечно, ему будет противно, что такая уродливая старуха желает его, как будто по-прежнему остается юной и красивой...»*

А потом Гвенвифар услышала шаги Ланселета; он подхватил ее на руки, и королева позабыла свои страхи. Но позднее, когда он уже ушел, Гвенвифар долго лежала без сна.

«Мне не следовало так рисковать. В прежние времена все было иначе; теперь же Камелот — христианский двор, и епископ постоянно присматривает за мной.

Но ведь у меня ничего больше не осталось... — осознала вдруг Гвенвифар. — *И у Ланселета тоже...»* Его сын умер, и жена скончалась, и прежняя близкая дружба с Артуром безвозвратно канула в прошлое.

«Лучше б я была похожа на Моргейну — ей не нужно было любви мужчин, чтоб чувствовать себя живой, настоящей...» Однако Гвенвифар поняла, что, даже если б Ланселет не был ей нужен, он все равно нуждался бы с ней; не будь ее, он оказался бы совершенно одинок. Он вернулся ко двору, потому что нуждался в ней не меньше, чем она — в нем.

А значит, если их связь и греховна, оставить Ланселета без утешения будет еще большим грехом.

«Я никогда не оставлю его, — подумала Гвенвифар, — *даже если это грозит нам вечным проклятием».* Но ведь Бог есть Бог любви — разве же он может осудить ее за то единственное, что за всю ее жизнь было порождено любовью? А если может, подумала Гвенвифар, ужасаясь собственным святотатственным мыслям, значит, он не тот Бог, которого она всегда почитала, и тогда ей совершенно безразлично, что он подумает!

Глава 15

Тем летом снова вспыхнула война; норманны терзали своими налетами западное побережье, и легион Артура выступил в битву. На этот раз вместе с ним в бой отправились саксонские короли из южных земель, Кеардиг и его люди. Королева Моргауза осталась в Камелоте; возвращаться в Лотиан одной было небезопасно, а сопровождать ее было некому.

Войско вернулось в конце лета. Когда раздалось пение труб, Моргауза сидела в женских покоях вместе с Гвенвифар и ее дамами.

— Это Артур!

Гвенвифар поднялась со своего места, и остальные женщины, тут же побросав прялки, столпились вокруг нее.

— Откуда ты знаешь?

Королева рассмеялась.

— Вчера вечером посланец сообщил мне о его возвращении, — пояснила она. — Или ты уже решила, что я занялась чародейством — в моем-то возрасте?

Королева оглядела взволнованных девушек — Моргаузе казалось, что свита Гвенвифар состояла сплошь из девчонок четырнадцати-пятнадцати лет, и они с радостью хватались за любой повод, лишь бы не прясть.

— Не подняться ли нам на крепостную стену и не поглядеть ли на их приближение? — снисходительно предложила королева.

Девушки тут же разбились на группки и по двое-трое выскочили из покоев, болтая и хихикая на ходу; прялки остались валяться там, где их бросили хозяйки. Гвенвифар добродушно велела служанке навести порядок и вместе с Моргаузой они неспешно, как и подобает королевам, поднялись на стену, откуда видна была ведущая к Камелоту широкая дорога.

— Смотрите — король!..

— И сэр Мордред рядом с ним...

— А вон лорд Ланселет — ой, гляньте, у него голова перевязана, и рука тоже!

— Дайте-ка взглянуть! — велела Гвенвифар и, раздвинув девушек, прошла вперед.

Теперь и Моргауза смогла разглядеть Гвидиона, ехавшего рядом с Артуром; похоже, он был цел и невредим, и Моргауза вздохнула с облегчением. Потом она заметила Кормака — он тоже ездил на войну вместе с людьми Артура; кажется, он тоже был невредим. Узнать Гарета труда не составляло — он по-прежнему оставался самым высоким из рыцарей Артура, а светлые волосы напоминали сияющий ореол. Гавейн, следовавший, как всегда, за Артуром, прямо держался в седле, но, когда отряд подъехал поближе, Моргауза увидела на лице Гавейна огромный

кровоподтек; под глазами у него залегли черные полукружья, а губы распухли — похоже, Гавейну вышибли пару зубов.

— Глянь-ка — сэр Мордред такой красивый... — сказала одна из девушек. — Я слыхала от королевы, будто он в точности похож на Ланселета, каким тот был в молодости, — и, захихикав, она ткнула свою соседку под ребра. Потом они обнялись и принялись перешептываться. Наблюдавшая за ними Моргауза вздохнула. Все эти девчонки были так молоды и очаровательны со своими шелковистыми косами и кудрями, каштановыми, рыжими или золотистыми; щеки у них были нежные, как лепестки яблонь, талии гибкие, а руки — белые и гладкие. И внезапно Моргаузу захлестнула неистовая зависть — ведь когда-то она была прекраснее всех их, вместе взятых! А девушки тем временем подталкивали друг дружку локтем и шепотом обсуждали разных рыцарей.

— Моя мать говорит, — с вызовом произнесла одна из девушек, дочь какого-то знатного сакса — Моргауза никогда не могла толком выговорить ее варварское имя — Эльфреш или что-то в этом роде, — что целоваться с безбородым мужчиной — это все равно что целовать другую девушку или младенца!

— Однако же сэр Мордред всегда чисто выбрит, а он ни капельки не похож на девушку, — возразила другая и со смехом повернулась к Ниниане, безмолвно стоявшей среди женщин. — Ведь верно, леди Ниниана?

Ниниана негромко рассмеялась.

— Бородатые мужчины кажутся мне стариками — когда я была маленькой, бороды носили лишь самые старые из друидов и мой отец.

— А сейчас даже епископ Патриций ходит с бородой, — заметила какая-то девушка. — Он говорит, что это в языческие времена мужчины уродовали себя бритьем, а вообще раз Господь сотворил мужчин бородатыми, значит, так им и следует ходить. Наверное, саксы тоже так считают.

— Это просто новая мода, только и всего, — сказала Моргауза. — А моды приходят и уходят. Когда я была молода, и христиане и язычники брились, а теперь мода изменилась. И не думаю, что это как-то связано с благочестием. Я совершенно уверена, что когда-нибудь и Гвидион попробует отрастить бороду — станешь ли ты тогда хуже к нему относиться, Ниниана?

— Нет, кузина, — со смехом отозвалась Ниниана. — С бородой или без бороды, он остается все тем же Гвидионом. О, взгляните — король Кеардиг и другие саксы! Не собираются ли они погостить в Камелоте? Госпожа, можно, я пойду отдам распоряжения слугам?

— Конечно, моя милая, — согласилась Гвенвифар, и Ниниана ушла. Девушки подталкивали друг друга, пытаясь занять местечко, откуда будет лучше видно, и Гвенвифар прикрикнула на

них: — А ну-ка, все марш обратно к прялкам! Это непристойно — так глазеть на молодых людей. Вам что, больше делать нечего, кроме как болтать о рыцарях, да еще так нескромно? Немедленно угомонитесь! Вы увидите этих рыцарей сегодня вечером, в главном зале. Предстоит пир — а это значит, что вам придется переделать множество дел.

Девушки надулись, но послушно направились в женские покои. Гвенвифар вздохнула и покачала головой; они с Моргаузой двинулись следом за свитой.

— Господи Боже мой, и откуда только взялось такое множество девчонок? На них же никакой управы нет, а я должна както присматривать за ними и следить, чтоб они себя блюли в чистоте. А они, похоже, только тем и занимаются, что сплетничают да хихикают, вместо того чтоб думать о рукоделье. Мне стыдно, что при моем дворе собралось столько пустоголовых и бессовестных девиц!

— Да будет тебе, дорогая моя, — лениво отозвалась Моргауза. — Тебе ведь и самой когда-то было пятнадцать. Неужто ты всегда вела себя так уж примерно? И никогда не поглядывала украдкой на какого-нибудь молодого человека, не сплетничала о нем и не думала, каково это — целоваться с ним, будь он с бородой или без бороды?

— Не знаю, где ты находилась в пятнадцать лет, — негодующе отозвалась Гвенвифар, — а я росла за монастырскими стенами! И мне кажется, что монастырь был бы самым подходящим местом для всех этих невоспитанных девиц!

Моргауза рассмеялась.

— Когда мне сравнялось четырнадцать, я уже отлично разбиралась в тех, кто носит штаны. Помнится, я частенько сиживала на коленях у Горлойса — он уже был тогда женат на Игрейне, и Утер еще не успел положить на нее глаз, — и Игрейна это приметила. А потому-то стоило ей стать женой Утера, как она тут же выдала меня замуж за Лота, лишь бы только я оказалась как можно дальше от Утерова двора. Она б охотно отправила меня и за море, если б только могла! Ну признайся — неужто ты никогда не выглядывала из-за монастырских стен, чтоб полюбоваться на какого-нибудь юношу, объезжающего лошадей для твоего отца, или на какого-нибудь молодого рыцаря в красном плаще?

Гвенвифар уставилась в землю.

— Все это кажется таким далеким... — протянула она, но затем, взяв себя в руки, быстро произнесла: — Вчера вечером охотники добыли оленя. Я приказала, чтоб его разделали и зажарили к обеду. Возможно, нам придется еще забить свинью, если саксы и вправду собрались здесь погостить. И надо проследить, чтоб все комнаты застелили свежей соломой — у нас просто не хватит кроватей на всех!

— Отправь девиц — пускай они об этом похлопочут, — посоветовала Моргауза. — Нужно же им учиться принимать гостей — их ведь затем тебе и поручили, Гвенвифар. А обязанность королевы — поприветствовать своего господина, когда он возвращается с войны.

— Ты права.

Королева передала с пажом распоряжения своим дамам, и вместе с Моргаузой двинулись к главным воротам Камелота. *«Ну и картинка — как будто мы всю жизнь были лучшими подругами»*, — подумала Моргауза. Хотя... ведь их теперь так мало осталось — тех, кто помнит времена их молодости...

Подобное чувство охватило Моргаузу тем же вечером; огромный зал был украшен праздничными стягами, а дамы и рыцари блистали прекрасными нарядами — все почти как во времена величия Камелота. Но многие из соратников никогда уже не вернутся — их отняла война либо поиски Грааля. Моргауза нечасто вспоминала, что она уже немолода, и это пугало ее. Чуть ли не половину мест за Круглым Столом теперь занимали бородатые саксы в грубых нарядах, или зеленые юнцы, только-только взявшие в руки оружие. Даже ее младшенький, Гарет, сделался теперь одним из старейших рыцарей Круглого Стола, и новички относились к нему с чрезвычайным почтением, именовали его «сэр» и постоянно обращались к нему за советом, а если вдруг расходились с ним во мнении и осмеливались возражать, то запинались от нерешительности. А Гвидион — большинство придворных звали его сэром Мордредом, — похоже, сделался вожаком младшего поколения, новоявленных рыцарей и тех саксов, которых Артур избрал своими соратниками.

Дамы Гвенвифар и слуги отменно справились со своей задачей: на столе было вдоволь жареного и вареного мяса, стояли огромные мясные пироги с подливкой, блюда с ранними яблоками и виноградом, свежевыпеченный хлеб и чечевичная каша. Пир подошел к концу; саксы пили и развлекались своей излюбленной игрой — загадками. Артур позвал Нинниану к королевскому столу и попросил спеть. Гвенвифар наслаждалась соседством с Ланселетом. Одна рука у него висела на перевязи, и на голове тоже красовалась повязка — память о встрече с норманнским боевым топором. Поскольку рука его еще не слушалась, Гвенвифар нарезала для него мясо. И никто, подумала Моргауза, не обращал на это ни малейшего внимания.

Далее за столом сидели Гарет и Гавейн, а рядом с ними — Гвидион, евший из одной тарелки с Нинианой. Моргауза подошла поприветствовать их. Гвидион успел вымыться и привести волосы в порядок, но нога у него была перевязана, и Гвидион пристроил ее на небольшой стульчик.

— Ты ранен, сынок?

— Ничего серьезного, — ответил Гвидион. — Я уже слишком большой, матушка, чтоб забираться к тебе на колени и жаловаться, что я ушиб пальчик.

— Что-то это не очень похоже на ушибленный пальчик, — заметила Моргауза, взглянув на повязку, испятнанную засохшей кровью. — Но раз тебе так хочется, я оставлю тебя в покое. У тебя появилась новая туника?

Синяя туника Гвидиона, украшенная темно-красным узором, была пошита на манер саксонских нарядов, с их длинными рукавами, закрывающими запястье и спускающимися до середины пальцев.

— Это подарок Кеардига. Он сказал, что она хорошо подходит для христианского двора, потому что под ней можно спрятать змей Авалона. — Гвидион криво усмехнулся. — Может, я подарю такую моему лорду Артуру на Новый год.

— Да кому какая разница? — подал голос Гавейн. — Все давно и думать забыли об Авалоне, а змеи на руках у Артура так поблекли, что их уже и не разглядишь — а если кто и разглядит, так все равно ничего не скажет.

Моргауза взглянула на разбитое лицо Гавейна. Он и вправду потерял зуб, и не один, да и руки у него, похоже, тоже были покрыты синяками и ссадинами.

— Так ты тоже получил рану, сын?

— Но не от врага, — буркнул Гавейн. — Это мне досталось на память от наших приятелей-саксов — людей Кеардига. Чтоб им всем пусто было, этим неотесаным ублюдкам! Я бы, пожалуй, предпочел, чтоб они оставались нашими врагами!

— Так ты что, подрался с ними?

— Именно! И подерусь снова, если кто-нибудь посмеет распускать свой поганый язык и говорить гадости о моем короле! — гневно заявил Гавейн. — И Гарету совершенно незачем было бежать мне на помощь! Я уже достаточно взрослый, чтоб драться самому, и уж как-нибудь могу справиться и без младшего брата...

— Этот сакс был вдвое больше тебя, — сказал Гарет, положив ложку, — и ты уже лежал на земле. Я побоялся, что он сломает тебе хребет или раздавит ребра — и я сейчас не уверен, что он бы не стал этого делать. И что ж мне было — стоять и смотреть, как какой-то сквернослов избивает моего брата и оскорбляет моего родича? Впредь он дважды — а то и трижды — подумает, прежде чем говорить такое.

— Однако же, Гарет, — негромко произнес Гвидион, — ты не сможешь заставить замолчать всю саксонскую армию — особенно когда они говорят правду. Ты сам знаешь, как люди станут называть мужчину — будь он хоть король, — который сидит и помалкивает, когда другой согревает постель его жены...

— Да как ты смеешь! — Привстав, Гарет схватил Гвидиона за

ворот саксонской туники. Гвидион вскинул руки, пытаясь ослабить хватку Гарета.

— Успокойся, приемный брат! — В руках великана Гарета Гвидион казался мальчишкой. — Ты что, хочешь обойтись со мной, как с тем саксом — лишь за то, что я сказал правду в кругу родственников? Или ты предпочитаешь, чтоб я продолжал приятно улыбаться и лгать, как все эти придворные, что смотрят на королеву и ее любовника — и помалкивают?

Гарет медленно разжал пальцы и опустил Гвидиона на место.

— Если Артур не находит ничего предосудительного в поведении своей леди, то кто я такой, чтоб сетовать?

— Проклятая женщина! — пробормотал Гавейн. — Чтоб ей пусто было! И почему только Артур не отослал ее, пока еще было не поздно? Мне не очень-то по душе нынешний двор — мало того, что он сделался христианским, так он еще и кишит саксами! Когда я стал первым рыцарем Артура, во всех саксах, вместе взятых, было ровно столько же благочестия, сколько в любой свинье!

Гвидион попытался было возразить, но Гавейн осадил его:

— А ты вообще помалкивай! Я их знаю куда лучше твоего! Ты еще пеленки пачкал, когда я уже дрался с саксами! А теперь мы что, даже при дворе должны оглядываться на этих свиней и думать, что они о нас скажут?

— Ты не знаешь саксов и вполовину так, как их знаю я, — сказал Гвидион. — Нельзя узнать людей, если видишь их только на поле боя. А я жил при их дворе, и пил вместе с ними, и любезничал с их женщинами. Потому я и говорю, что хорошо их знаю, а ты — нет. И они действительно считают Артура и его двор безнравственным и слишком языческим.

— Кто бы говорил! — фыркнул Гавейн.

— Однако же, — отозвался Гвидион. — нет ничего смешного в том, что саксы беспрепятственно называют Артура безнравственным...

— Беспрепятственно, ты говоришь? — гаркнул Гавейн. — Думается, мы с Гавейном им воспрепятствовали!

— И что, ты собираешься драться со всем саксонским двором? — поинтересовался Гвидион. — Лучше уж устранить причину злословия. Или Артуру не под силу справиться с собственной женой?

— Мне так просто не хватит храбрости сказать Артуру что-либо плохое о Гвенвифар, — сказал Гавейн.

— И все же это нужно сделать, — сказал Гвидион. — Артур — Верховный король, и нельзя допускать, чтобы он сделался посмешищем для своих подданных. Если люди зовут его рогоносцем, станут ли они следовать за ним в делах мира и войны? Артур обязан исцелить свой двор от распутства — как угодно; быть может, отправить эту женщину в монастырь или изгнать Ланселета...

Гавейн беспокойно огляделся по сторонам.

— Да тише ты, ради Бога! — сказал он. — Здесь о таком нельзя даже шептаться!

— Лучше уж мы об этом пошепчемся, чем об этой связи будут перешептываться по всей стране, — отозвался Гвидион. — Боже милостивый! Ты только глянь: они сидят рядом с королем, и он улыбается им обоим! Неужто Камелот превратился в посмешище, а Круглый Стол — в вертеп?

— А ну, заткнись — или я заставлю тебя умолкнуть! — прорычал Гавейн, железной хваткой вцепившись в плечо Гвидиона.

— Если б я лгал, Гавейн, ты с легкостью заставил бы меня умолкнуть, — но сможешь ли ты кулаками остановить правду? Или ты по-прежнему будешь утверждать, что Гвенвифар и Ланселет ни в чем не повинны? Ладно еще Гарет — Ланселет всегда любил и баловал его, и он не в состоянии плохо думать о своем друге — это я понимаю...

— Честно признаюсь, — скрипнув зубами, отозвался Гарет, — я с радостью отправил бы эту женщину на дно морское или в самый надежный из корнуольских монастырей. Но пока Артур молчит, и я ничего говорить не стану. А они уже достаточно стары, чтоб соблюдать осторожность. Всем известно, что Ланселет всю жизнь был ее поборником...

— Если б только у меня были надежные доказательства, Артур мог бы прислушаться ко мне, — сказал Гвидион.

— Проклятье! Я уверен, что Артур и так обо всем знает. Но лишь от него зависит, закрывать на это глаза или вмешиваться... а он не желает слушать ни единого дурного слова о них, — сглотнув, Гавейн продолжил: — Ланселет — мой родич и мой друг. Но — черт тебя побери! — ты что же думаешь, я не пытался?

— И что же сказал Артур?

— Он сказал, что королева выше моих укоров и что она не делает ничего дурного. Он говорил очень любезно, но я могу поручиться: он знал, о чем я веду речь, и дал мне понять, чтобы я не вмешивался.

— А что, если мы привлечем его внимание к этому делу таким образом, что он уже не сможет закрыть глаза? — негромко, задумчиво произнес Гвидион, затем помахал рукой Ниниане. Ниниана в этот момент сидела у ног Артура и играла на арфе. Заметив жест Гвидиона, она учтиво испросила у Артура разрешения удалиться, затем подошла к Гвидиону.

— Госпожа моя, — спросил Гвидион, — правда ли, что она, — он едва заметно кивнул в сторону Гвенвифар, — часто отсылает своих женщин на всю ночь?

— Она этого не делала с того самого момента, как легион покинул Камелот, — негромко ответила Ниниана.

— Ну что ж, по крайней мере, мы знаем, что этой леди свой-

ственна верность, — цинично произнес Гвидион, — и она не расточает свои милости направо и налево.

— Никто и не обвинял ее в обычном распутстве! — оборвал его Гарет. — А в их возрасте — они ведь оба старше тебя, Гвидион, — они уже никому не причинят особого вреда — я так полагаю.

— Нет, я серьезно говорю! — с не меньшим пылом откликнулся Гвидион. — Если Артур намерен оставаться Верховным королем...

— Ты хочешь сказать, — гневно произнес Гарет, — если тебе предстоит стать Верховным королем после него...

— А ты чего хочешь, брат? Ты что, думаешь, что я после смерти Артура отдам эту землю саксам?

Они сидели голова к голове и говорили яростным шепотом. Моргауза поняла, что они забыли не только о ее присутствии, но даже и о ее существовании.

— А что? Как я посмотрю, ты саксов любишь, — с яростной издевкой произнес Гарет. — Разве ты не был бы рад передать власть им, а?

— Нет, послушай! — в бешенстве воскликнул Гвидион, но Гарет снова схватил его за плечо и прикрикнул:

— Тебя так услышит весь двор, если ты не будешь говорить потише! Глянь — Артур смотрит на тебя. С того момента, как Ниниана подошла сюда, он только в эту сторону и смотрит! Быть может, не одному Артуру стоит присматривать за своей леди, или...

— Замолчи! — огрызнулся Гвидион, вырываясь из рук Гарета.

— Что я вижу? — окликнул их Артур. — Неужели мои верные кузены ссорятся между собой? Я не желаю видеть ссор в моих чертогах, родичи! Иди лучше к нам, Гавейн. Король Кеардиг спрашивает, не хочешь ли ты сыграть с ним в загадки.

Гавейн поднялся со своего места, но тут Гвидион негромко произнес:

— Вот загадка для тебя: если человек не заботится о своем достоянии, что делать тому, кто имеет в нем долю?

Гавейн размашисто зашагал прочь, сделав вид, будто ничего не услышал. Ниниана же, наклонившись к Гвидиону, сказала:

— Оставь пока этот разговор. Здесь чересчур много глаз и ушей. Ты уже посеял семена сомнений и раздумий. Теперь попробуй поговорить с другими рыцарями. Неужто ты думаешь, что никто, кроме тебя, не замечает... этого? — Ниниана едва заметно шевельнула локтем. Моргауза, взглянув в том направлении, увидела, что Гвенвифар и Ланселет положили на колени доску для какой-то игры и теперь склонились над нею; головы их почти соприкасались.

— Я думаю, здесь многие считают, что это задевает честь Камелота, — задумчиво произнесла Ниниана. — Тебе нужно лишь

найти кого-нибудь менее... предубежденного, чем твои братья, Гвидион.

Но Гвидион гневно смотрел на Гарета.

— Ланселет! — пробормотал он себе под нос. — Вечно этот Ланселет!

И Моргауза, переведя взгляд с Гвидиона на своего младшего сына, вспомнила мальчишку, игравшего с ярко раскрашенным деревянным рыцарем и называвшего этого рыцаря Ланселетом.

А потом ей вспомнилось, как маленький Гвидион повсюду ходил за Гаретом, словно щенок за хозяином. *«Гарет — его Ланселет,* — подумала Моргауза. — *Чем же все это закончится?»* И на миг Моргану охватили дурные предчувствия, но их тут же заглушило злорадство. *«Самое время заставить Ланселета ответить за все, что он натворил!»* — подумала она.

Ниниана стояла на крепостной стене и смотрела вниз, на туманы, окружающие Камелот. Сзади послышались шаги, и Ниниана, не оборачиваясь, спросила:

— Гвидион, ты?

— Кто ж еще?

Он обнял Ниниану и прижал к себе, и женщина повернула голову, чтоб поцеловать его. Но Гвидион, не отпуская ее, спросил:

— Артур тоже целует тебя так?

Ниниана высвободилась из объятий Гвидиона и встала с ним лицом к лицу.

— Ты что, вздумал ревновать меня к королю? Ты же сам попросил меня войти к нему в доверие.

— Артур и без того владеет многим из того, что по праву принадлежит мне...

— Артур — христианин, и мне больше нечего к этому добавить, — отозвалась Ниниана, — а ты — мой возлюбленный. Но я — Ниниана Авалонская, и я ни перед кем не собираюсь отчитываться в своих делах — да, это мое дело, а не твое. Я — не римлянка, чтоб позволять мужчине указывать мне, как мне распоряжаться дарами Богини. А если тебе это не по нраву, Гвидион, я вернусь на Авалон.

Гвидион ухмыльнулся; Ниниана терпеть не могла этой его циничной улыбки.

— Если найдешь дорогу, — сказал он. — А ты можешь обнаружить, что теперь это стало не так-то просто.

Но затем циничное выражение исчезло с его лица. Он бережно взял Ниниану за руку и произнес:

— Меня не волнует, что будет делать Артур в отпущенное ему время. Он имеет право на счастливые минуты — нечасто они ему выпадали.

Гвидион взглянул вниз, на безбрежное море тумана, окружающее Камелот.

— Когда туман развеется, отсюда, наверное, можно будет увидеть Авалон и Драконий остров. Он вздохнул и добавил: — Знаешь, некоторые саксы стали переселяться в эти края. Они охотятся на оленей на Драконьем острове, хоть Артур и запретил это делать.

Лицо Нинианы посуровело.

— Это следует прекратить, и немедля! Драконий остров — священное место, а олени...

— А олени принадлежат маленькому народцу. Но Эдвин Сакс перебил их, — сказал Гвидион. — Он заявил Артуру, что они стреляли в его людей отравленными стрелами, и потому он позволил своим воинам убивать всех, кого они только сумеют отыскать. И вот теперь саксы охотятся на оленей — а Артуру придется идти войной на Эдвина. Жаль, что Эдвин дал повод для этого — но честь требует от меня защитить тех, кто уповает на Авалон.

— И Артур начнет войну ради маленького народца? — удивилась Ниниана. — Я думала, он отрекся от Авалона.

— От Авалона — может быть, но не от мирных жителей этого острова.

Гвидион умолк, и Ниниана поняла, что ему вспомнился тот день на Драконьем острове. Гвидион провел рукой по татуированному запястью, потом опустил рукава саксонской туники пониже.

— Я вот думаю: уж не должен ли я все-таки схватиться с Королем-Оленем, вооружившись одним лишь кремневым ножом?

— Я ни капли не сомневаюсь, что ты непременно победил бы, если б тебе бросили вызов, — сказала Ниниана. — Вопрос в другом — способен ли на это Артур? Если нет...

Она не договорила, и невысказанная мысль повисла в воздухе. Гвидион хмуро произнес, глядя на смыкающийся со всех сторон туман:

— Боюсь, тут все не так просто. Здесь повсюду туман — такой густой, что посланцы саксонских королей зачастую не могут найти дорогу сюда... Ниниана! Неужто Камелот тоже уходит в туманы?

Ниниана хотела было пошутить, отвлечь Гвидиона от мрачных мыслей, сказать что-нибудь успокаивающее, но потом передумала.

— Не знаю. Драконий остров осквернен; его жители умирают или уже мертвы; священное стадо стало добычей саксов-охотников. Норманны грабят побережье. Не настанет ли день, когда они одолеют Камелот, как некогда готы одолели Рим?

— Если бы я узнал об этом вовремя, — произнес Гвидион со сдавленной яростью и стукнул кулаком по ладони, — если бы

саксы прислали весть Артуру, он мог бы отправить меня — или еще кого-нибудь — на защиту Священного острова, где он стал Королем-Оленем и заключил Великий Брак с этой землей! А теперь храм Богини разрушен — а ведь Артуру следовало защищать его даже ценой жизни! — и значит, он лишился права царствовать!

Гвидион не добавил: «И я тоже», — но Ниниана поняла, что это его и терзает.

— Ты же не знал, что над Драконьим островом нависла опасность, — сказала она.

— И в этом я тоже виню Артура, — отозвался Гвидион. — В том, что саксы позволяют себе творить подобное, даже не испросив дозволения у Артура, — теперь ты видишь, как мало они считаются с его титулом Верховного короля? А все почему? Говорю тебе, Ниниана, — они не станут считаться с королем-рогоносцем, который не способен держать в узде своих женщин...

— Ты же вырос на Авалоне, — гневно одернула его Ниниана, — так неужто ты станешь судить Артура, оглядываясь на обычаи саксов, — а ведь они даже хуже римлян! Неужто ты допустишь, чтоб падение или возвышение королевства зависело от чьих-то представлений о том, как мужчине надлежит управляться со своими женщинами? Не забывай, Гвидион, — тебе суждено стать королем потому, что в твоих жилах течет королевская кровь Авалона, и потому, что ты — дитя Богини...

— Тьфу! — Гвидион сплюнул и непристойно выругался. — Ниниана, а тебе никогда не приходило в голову, что Авалон может пасть, как некогда пал Рим — из-за морального разложения, затронувшего самое сердце государства? Если исходить из законов Авалона, Гвенвифар имеет полное право вести себя так — это владычице надлежит выбирать, кто станет ее супругом. А Ланселету следовало бы свергнуть Артура. Ланселет ведь и сам — сын Великой жрицы, так почему бы ему не стать королем вместо Артура? Но должен ли человек становиться королем лишь потому, что какая-то женщина пожелала видеть его в своей постели? — Он снова сплюнул. — Нет, Ниниана, эти времена ушли — сперва римляне, а теперь и саксы поняли, каким стал мир. Теперь это не великое чрево, вынашивающее людей, — теперь все решают армии. Разве сейчас люди согласятся признать мою власть лишь потому, что я сын такой-то женщины? Теперь страну наследует сын короля, и следует ли нам отвергать хороший обычай лишь потому, что первыми до него додумались римляне? Теперь мы владеем хорошими кораблями — мы отыщем земли, лежащие еще дальше давних земель, поглощенных морем. А сможет ли Богиня, прикованная к этому клочку земли и его плодам, последовать за нами туда? Да взгляни хоть на норманнов, разоряющих наши побережья, — остановят ли их проклятия Великой Мате-

ри? Те немногие жрицы, что остались на Авалоне, — ни саксы, ни дикие норманны никогда не смогут причинить им вреда, ибо Авалон не принадлежит более этому миру. Но женщинам, живущим в мире, что ныне грядет, понадобятся мужчины, — чтоб защищать их. Ниниана, нынешний мир принадлежит не одной лишь Богине — богам. А может, и одному Богу. Мне незачем пытаться свергнуть Артура. За меня это сделает время, время и перемены.

Ниниана ощутила кожей покалывание, возвещающее о приближении Зрения.

— А что же будет с тобой, Король-Олень Авалона? Как же Великая Матерь, пославшая тебя вперед во имя свое?

— Ты что, думаешь, будто я собираюсь кануть в туманы вместе с Авалоном и Камелотом? Я намерен стать Верховным королем после Артура — а для этого я должен позаботиться, чтоб слава Артурова двора не умалялась. И потому Ланселет должен уйти — значит, следует заставить Артура изгнать его, а может, и Гвенвифар тоже. Ты поможешь мне, Ниниана?

Лицо Нинианы залила смертельная бледность. Она подбоченилась и гневно взглянула на Гвидиона. О, если бы она, как Моргейна, обладала силой Богини — она превратилась бы сейчас в мост меж землею и небом и поразила святотатца молнией, призвала бы на него гнев Богини. От ярости полумесяц у нее на лбу вспыхнул обжигающим огнем.

— Чтоб я помогла тебе предать женщину, которая всего лишь воспользовалась священным правом, дарованным Богиней, — сама выбрала себе мужчину?!

Гвидион издевательски рассмеялся.

— Гвенвифар отказалась от этого права еще тогда, когда впервые преклонила колени перед богом рабов!

— И тем не менее я не намерена предавать ее!

— Так значит, ты не известишь меня, когда она в следующий раз отошлет своих дам на всю ночь?

— Нет! — отрезала Ниниана. — Клянусь Богиней, этого я не сделаю! Предательство Артура меркнет по сравнению с твоим предательством!

Она развернулась и собралась было уйти, но Гвидион схватил ее за руку.

— Ты будешь делать то, что я тебе велю!

Ниниана принялась бороться, и в конце концов ей удалось вырваться, хоть на запястьях у нее и проступили красные пятна.

— Чтоб ты повелевал мною? Да никогда в жизни! — выкрикнула Ниниана, но от ярости у нее перехватило дыхание. — Ты посмел поднять руку на Владычицу Авалона! Берегись же! Артур узнает, что за змею пригрел он на своей груди!

Обуянный бешенством Гвидион ухватил женщину за руку,

рванул к себе и изо всей силы ударил в висок. Ниниана, даже не вскрикнув, рухнула наземь. Гвидион был так зол, что даже не попытался подхватить ее.

— Верно нарекли тебя саксы, — произнес из тумана чей-то исполненный ярости голос, — злой советчик, Мордред-убийца!

В мгновенной вспышке страха Гвидион обернулся и взглянул на тело Нинианы, лежащее у его ног.

— Убийца? Нет! Я просто рассердился на нее... я не хотел...

Он огляделся по сторонам; сгустившийся туман был непроницаем для взгляда, но Гвидион узнал этот голос.

— Моргейна! Леди... Матушка!

Гвидион рухнул на колени — от ужаса у него перехватило дыхание, — попытался приподнять Нинниану, отыскать пульс — но было поздно. Жизнь покинула ее.

— Моргейна! Где ты? Где ты? Проклятие! Покажись!

Но рядом с ним была лишь Ниниана, безмолвная и недвижная. Прижав ее к себе, Гвидион взмолился:

— Ниниана! Ниниана, любимая, отзовись! Скажи хоть слово!

— Она никогда больше не произнесет ни слова, — произнес бесплотный голос, но, когда Гвидион обернулся в ту сторону, из тумана выступила женщина, вполне зримая и реальная. — Что же ты натворил, сынок?

— Это ты? Это была ты? — напустился на нее Гвидион; голос его срывался. — Это ты назвала меня убийцей?

Слегка испугавшись, Моргауза попятилась.

— Нет-нет, я только что подошла... А что случилось?

Гвидион бросился к приемной матери, и Моргауза крепко обняла его и принялась гладить по голове, словно ребенка.

— Ниниана рассердила меня... она угрожала мне... Бог свидетель, матушка, я не хотел ей ничего плохого, но она пригрозила, что пойдет к Артуру и расскажет, что я строю козни против его драгоценного Ланселета! — выпалил Гвидион. — Я ударил ее. Клянусь — я хотел всего лишь припугнуть ее, но она упала...

Моргауза выпустила Гвидиона из объятий и присела рядом с Нинианой.

— Ты нанес злосчастный удар, сынок, — она мертва. Теперь уж ничего не поделаешь. Надо сообщить обо всем распорядителям и маршалам Артура.

Гвидион помертвел.

— Матушка! Маршалы... что скажет Артур?!

Моргауза растаяла. Гвидион был у нее в объятиях, словно в те времена, когда Лот не прочь был прикончить беспомощного ребенка; его жизнь зависела от Моргаузы, и Гвидион это знал. Моргауза прижала его к груди.

— Не волнуйся, милый. Не мучай себя — ну чем это отличается от убийства в бою? — промолвила она и торжествующе взглянула на бездыханное тело Нинианы. — Она вполне могла

оступиться в тумане и упасть, а холм высокий, — добавила Моргауза, глядя на скрывающиеся в тумане склоны камелотского холма. — Давай-ка, бери ее за ноги. Сделанного не воротишь, а ей теперь уже все равно.

Ее вновь захлестнула застарелая ненависть к Артуру. Гвидион свергнет его, и сделает это с ее помощью — а когда все закончится, она будет рядом с ним, леди, что возвела его на трон! Ниниана не будет больше стоять между ними. Одна лишь она, Моргауза, станет для Гвидиона поддержкой и опорой.

Стройное тело Владычицы Авалона бесшумно исчезло в тумане. Некоторое время спустя Артур пошлет за Нинианой, а когда она не явится на зов, отрядит людей на поиски. Но сейчас Гвидиону — он, словно зачарованный, смотрел в туманы, не в силах отвести взгляд, — почудилось, будто он видит где-то меж Камелотом и Драконьим островом черную тень авалонской ладьи. И на миг ему привиделось, что в ладье стоит Ниниана, одетая в черное, словно Старуха Смерть, и манит его к себе... а потом все исчезло.

— Пойдем, сынок, — сказала Моргауза. — Сегодняшнее утро ты провел в моих покоях. А потом тебе нужно будет отправиться к Артуру и просидеть у него до вечера. И запомни: ты сегодня не видал Нинниану. Когда придешь к Артуру, непременно поинтересуйся, не здесь ли она, и постарайся сделать вид, будто ревнуешь — как будто боишься найти ее в постели короля.

Гвидион вцепился в руку Моргаузы и пробормотал:

— Непременно, непременно, матушка! Ты — лучшая из матерей и лучшая из женщин!

Слова его были бальзамом на сердце Моргаузы.

И прежде чем отпустить Гвидиона, она на миг задержала его и поцеловала, наслаждаясь своей властью.

Глава 16

Гвенвифар лежала, глядя в темноту и прислушиваясь, не послышатся ли шаги Ланселета. Но вместе с тем у нее не шли из головы слова Моргаузы; сегодня вечером Моргауза улыбнулась хитро и понимающе и промурлыкала: «Ах, моя милая, как я тебе завидую! Кормак, конечно, прекрасный юноша, и достаточно пылкий, но куда ему до изящества и красоты твоего возлюбленного!»

Гвенвифар склонила голову и промолчала. Какое она имеет право презирать Моргаузу — она ведь сама ничем не лучше ее... Все это так опасно... Вот и епископ в прошлое воскресенье прочел проповедь, посвященную одной из десяти заповедей, — той, которая запрещает прелюбодеяние. Он заявил, что добродетель

жен — это самая основа христианского образа жизни, ибо, лишь сохраняя добродетель в браке, женщины способны искупить грех праматери Евы. А Гвенвифар вспомнилась история о женщине, которую уличили в прелюбодеянии и привели к Христу, а Христос сказал: «Кто сам без греха, пусть первым бросит в нее камень». И там не нашлось ни одного безгрешного — но здесь, при ее дворе, таких много — да хоть сам Артур, и уж здесь-то найдется, кому бросить камень. Христос сказал той женщине: «Иди и не греши больше». Вот так бы надлежало поступить и ей...

Не тела его она желала. Моргауза, со смешком рассказывающая о том страстном молодом человеке, ее любовнике, никогда не поверит, сколь мало значат для них с Ланселетом эти утехи.

Да, правда, иногда Ланселет брал ее грешным, бесчестным способом, но лишь в первые годы, когда они с молчаливого согласия Артура проверяли: может, Гвенвифар все-таки сумеет родить королевству наследника? А так... Существовали и другие способы доставить друг другу удовольствие, и некоторые казались Гвенвифар меньшим грехом, меньшим посягательством на законные права Артура. Но все равно — не этого она жаждала всей душой. Ей лишь хотелось быть рядом с Ланселетом... Это чувство затрагивало скорее душу, чем тело. За что же Богу порицать подобную любовь? Он мог осуждать их за грех — и Гвенвифар снова и снова искупала этот грех, — но разве станет Господь осуждать истинную любовь, идущую из глубины сердца?

«Я отдаю Артуру все, что он желал бы от меня получить. Ему нужна королева, хозяйка, которая содержала бы его замок в порядке; что же касается всего прочего, Артур не хочет от меня ничего, кроме сына — а в этом ему отказываю не я, а Господь».

В темноте послышались мягкие шаги.

— Ланселет, ты? — шепотом позвала Гвенвифар.

— Не совсем.

Проблеск света, исходящего от маленькой лампы, на миг сбил Гвенвифар с толку; ей показалось, будто она видит лицо возлюбленного, только почему-то помолодевшее, — но затем королева поняла, кто это.

— Да как ты смеешь?! Стоит мне закричать, и мои женщины прибегут сюда, и никто не поверит, будто ты явился по моему приглашению!

— Тихо, — велел Гвидион. — Имей в виду, моя леди, я держу нож у твоего горла.

Королева, съежившись от ужаса, вцепилась в ворот ночной рубашки.

— Не льсти себе, госпожа, я пришел не ради насилия. Для меня твои прелести слишком зрелые и слишком хорошо выдержанны.

— Довольно! — раздался из темноты, откуда-то из-за спины

Гвидиона хриплый голос. — Прекрати насмехаться над ней, слышишь? Грязное это дело — шарить по чужим спальням. Я и так жалею, что ввязался в него. А теперь умолкните все и прячьтесь по углам.

Постепенно глаза Гвенвифар приспособились к тусклому свету; она узнала лицо Гавейна, а за Гавейном виднелась еще одна знакомая фигура.

— Гарет! Что ты здесь делаешь? — печально спросила королева. — А я-то считала тебя лучшим другом Ланселета...

— И это правда, — сурово произнес Гарет. — Я пришел проследить, чтоб с ним обошлись по справедливости. А то ведь этот, — он презрительно махнул рукой в сторону Гвидиона, — вполне способен перерезать ему горло, а потом свалить обвинение в убийстве на тебя!

— Тихо! — велел Гвидион, и свет погас. Гвенвифар почувствовала укол ножа. — Если ты попытаешься хоть словом его предупредить, я перережу тебе горло, а потом уж как-нибудь постараюсь объяснить лорду моему Артуру, что заставило меня так поступить.

Следующий укол заставил Гвенвифар содрогнуться от боли; действительно ли из ранки потекла кровь, или ей просто показалось? Королева слышала едва различимые звуки — шорох одежд, приглушенное звяканье оружия. Сколько же человек привел с собой Гвидион ради этой засады? Гвенвифар лежала, в отчаянье заламывая руки. Если б только она могла предостеречь Ланселета... Но она была совершенно беспомощна, словно зверек, запутавшийся в силках.

Так она и лежала, зажатая между подушками и ножом; казалось, что время едва ползет. Так тянулось довольно долго; затем послышалось тихое посвистывание, напоминающее птичью трель. Гвенвифар напряглась; Гвидион, почувствовав это, скрипучим шепотом спросил:

— Сигнал Ланселета?

Он снова ткнул ножом в шею Гвенвифар; от ужаса королеву бросило в пот, и она прошептала:

— Да.

Гвидион пошевелился, и солома в тюфяке зашуршала.

— Здесь дюжина человек. Только попробуй предупредить его, и ты не проживешь и трех секунд.

Из прихожей донеслись негромкие звуки; Ланселет расстегнул плащ, снял перевязь с мечом... О Господи, неужто они собираются схватить его и безоружным? Гвенвифар снова напряглась. Она уже заранее чувствовала, как нож входит в ее тело — но ведь должна же она предупредить Ланселета! Королева уже разомкнула губы, но тут рука Гвидиона — «Откуда он узнал? Это что, Зрение?» — с маху запечатала ей рот, заглушив едва родив-

шийся крик. Задыхаясь, Гвенвифар попыталась вывернуться — и услышала, как кровать скрипнула под весом Ланселета.

— Гвен! — прошептал он. — Что случилось? Ты кричала, любимая?

Гвенвифар каким-то чудом удалось вырваться из хватки Гвидиона.

— Беги! — закричала она. — Это ловушка, засада...

— Ад и дьяволы!

Гвенвифар почувствовала, как он по-кошачьи проворно вскочил и отпрыгнул назад.

Лампа в руках у Гвидиона вспыхнула, а за ней и огоньки в руках у остальных, и в конце концов комната озарилась светом; Гавейн, Кэй и Гарет выступили вперед, а за ним столпился еще десяток неясных фигур. Гвенвифар съежилась под одеялом, а Ланселет застыл на месте; он был наг и безоружен.

— Мордред! — с презрением произнес Ланселет. — Да, эта хитрость вполне достойна тебя!

— Ланселет, — официальным тоном произнес Гавейн, — именем короля я обвиняю тебя в государственной измене. Отдай мне свой меч.

— Не морочься с этим! — бросил Гвидион. — Забери меч сам, да и все.

— Гарет! Боже милостивый! Ты-то как оказался в этом замешан?

В свете ламп глаза Гарета блестели, словно от слез.

— Я никогда не верил ни единому дурному слову о тебе, Ланселет. О Господи! Лучше б я пал в какой-нибудь битве и не дожил до этого дня!

Ланселет опустил голову, но Гвенвифар заметила, как он с лихорадочной поспешностью оглядел комнату.

— О Господи, — пробормотал он. — Вот так же на меня смотрел и Пелинор, когда они ввалились с факелами в шатер и застали меня на ложе Элейны. Неужто это моя судьба — постоянно оказываться преданным?

Гвенвифар хотелось броситься к любимому, заслонить его собой, разрыдаться от жалости и боли. Но Ланселет даже не глядел на нее.

— Твой меч, — тихо повторил Гавейн. — И оденься, Ланселет. Я не хочу вести тебя к Артуру голым. Ты и так уже достаточно опозорен.

— Не позволяй ему взять меч... — произнес чей-то голос из темноты, но Гавейн презрительным взмахом руки заставил безликую фигуру умолкнуть. Ланселет медленно повернулся и побрел в крохотную прихожую, где остались вся его одежда и оружие. Гвенвифар услышала шорох ткани — Ланселет одевался. Гарет стоял, положив руку на рукоять меча. Ланселет вошел в комнату, одетый, но безоружный, держа руки на виду.

— Я рад, что ты предпочел мирно пойти с нами — тебе же лучше, — сказал Гвидион. — Матушка, — он повернулся в темный угол, и Гвенвифар с ужасом осознала, что там стоит королева Моргауза, — пригляди за королевой. Пусть она остается под твоим присмотром, пока у Артура не дойдут до нее руки.

Моргауза выступила вперед и встала у кровати. Гвенвифар никогда прежде не замечала, до чего же Моргауза крупная — для женщины, — и какая безжалостность чувствуется в ее четко очерченном подбородке.

— Давай-ка ты оденешься, моя леди, — сказала Моргауза. — А я помогу тебе привести волосы в порядок. Ты же не хочешь предстать перед королем в непотребном виде? И радуйся, что здесь оказалась женщина. Эти мужчины, — Моргауза обвела присутствующих презрительным взглядом, — собирались подождать и захватить Ланселета, когда он уже войдет в тебя.

Эти грубые, беспощадные слова заставили Гвенвифар съежится. Она медленно потянулась за платьем; пальцы не слушались ее.

— Неужто мне придется одеваться при мужчинах?

Моргауза не успела ничего ответить — ее опередил Гвидион.

— Не пытайся нас одурачить, бесстыдная ты женщина! Да как ты смеешь притворяться, будто в тебе сохранилась хоть капля скромности?! Сейчас же надевай платье, или моя мать засунет тебя туда, как в мешок!

«Он зовет ее матерью. Неудивительно, что Гвидион так жесток и безжалостен — ведь его воспитала королева Лотиана!» Но ведь Моргауза всегда казалась Гвенвифар всего лишь безвредной любительницей житейских удовольствий — что заставило ее вмешаться в это дело? Королева наклонилась, чтоб завязать шнурки, да так и застыла.

— Так значит, вам нужен мой меч? — тихо спросил Ланселет.

— Ты сам знаешь, — отозвался Гавейн.

— Ну, тогда... — и почти неуловимым для глаза движением Ланселет метнулся вперед, к Гавейну, а в следующий миг уже отскочил, и в руке у него был меч Гавейна. — ...тогда подойдите и возьмите его!

Он сделал выпад, метя в Гвидиона, и Гвидион с воплем перекатился через кровать, зажимая рассеченную ягодицу — из раны обильно хлынула кровь. Тут вперед шагнул Кэй с мечом в руке. Ланселет схватил с кровати подушку и швырнул в Кэя — с такой силой, что тот рухнул на людей, двигавшихся следом, и те тоже попадали, споткнувшись об него. Ланселет же вскочил на кровать и негромко, отрывисто велел Гвенвифар:

— Замри! Будь наготове!

Задохнувшись от страха, королева забилась в угол. Противники тем временем снова двинулись к Ланселету; Ланселет от-

швырнул одного из них, с легкостью разделался с другим, а когда тот упал, рубанул наотмашь по смутно виднеющейся фигуре. Великанский силуэт медленно осел на пол. Ланселет уже схватился с кем-то другим, но тут истекающий кровью Гвидион вскричал: «Гарет!» — и бросился к упавшему приемному брату. На миг всех сковало ужасающее оцепенение. И когда Гвидион, рыдая, рухнул на колени рядом с телом Гарета, Ланселет подхватил Гвенвифар, стремительно развернулся, убил человека, стоявшего в дверях — королева так никогда и не узнала, кто же это был, — а потом, когда они оказались в коридоре, поставил Гвенвифар на ноги и с лихорадочной поспешностью помчался вперед, увлекая королеву за собой. Кто-то бросился им наперерез, и Ланселет убил и этого нападавшего.

— В конюшню! — выдохнул он. — Взять коней — и прочь отсюда! Быстро!

— Подожди! — королева ухватила Ланселета за руку. — Если мы сдадимся на милость Артура — или ты скроешься, а я останусь и предстану перед Артуром...

— Гарет проследил бы, чтоб все было по чести. Но теперь всем заправляет Гвидион — неужто ты думаешь, что мы доживем до встречи с королем? Правильно я нарек его Мордредом!

Поспешно втолкнув Гвенвифар в конюшню, Ланселет наскоро оседлал своего коня.

— Искать твою лошадь нет времени. Поедешь у меня за спиной, и держись покрепче... Я собираюсь прорываться мимо стражников на воротах.

Никогда прежде Гвенвифар не видела Ланселета таким: перед королевой предстал не ее возлюбленный, а закаленный в боях воин. Скольких он уже убил сегодня? Но Гвенвифар не успела испугаться: Ланселет подсадил ее на коня и сам вскочил в седло.

— Держись за меня, — приказал он. — Мне некогда будет приглядывать за тобой.

Ланселет повернулся и крепко поцеловал Гвенвифар — один лишь раз.

— Это моя вина. Мне следовало бы заметить, что этот чертов ублюдок шпионит за нами. Ну, что бы теперь ни случилось, по крайней мере, с этим покончено. Нам не придется больше лгать и таиться. Ты — моя навеки... — и он умолк. Гвенвифар почувствовала, что его бьет дрожь; но Ланселет лишь резко развернулся и подхватил поводья. — Поехали!

Моргауза в ужасе смотрела, как Гвидион, рыдая, склонился над ее младшим сыном.

Ей вспомнились слова, произнесенные много лет назад — в тот раз Гвидион отказался выступить против Гарета, даже на турнире. «Я видел... — сказал он тогда. — Я видел тебя умираю-

щим — а сам я стоял рядом с тобой на коленях. Ты не сказал мне ни слова, но я знал, что это из-за моих деяний в тебе погасла искра жизни... Я не стану искушать судьбу».

Это сделал Ланселет. Ланселет, которого Гарет любил превыше всех на свете.

Кто-то из присутствующих шагнул вперед и сказал:

— Они уходят...

— Да какое мне до этого дело?!

Гвидион скривился от боли, и Моргауза поняла, что его рана по-прежнему кровоточит, и кровь, стекая на пол, смешивается с кровью Гарета. Она взяла с кровати льняную простыню, разорвала на полосы и туго перевязала Гвидиону рану.

— Теперь никто во всей Британии не предоставит им убежища, — угрюмо произнес Гавейн. — Ланселет сделался изгоем. Он уличен в измене своему королю, и расплатой будет его жизнь. О Господи! Как бы мне хотелось, чтоб ничего этого не было!

Он подошел и взглянул на рану Гвидиона, потом пожал плечами.

— Кости не затронуты... да вон и кровь уже останавливается. Заживет нормально, Гвидион, только несколько дней тебе сидеть будет неудобно. А Гарет... — голос Гавейна дрогнул; и этот грубоватый здоровяк расплакался, словно мальчишка. — Гарету повезло куда меньше. И за это я убью Ланселета — даже если сам умру от его руки. О Господи, Гарет, братик, малыш...

Гавейн прижал мертвого брата к себе и принялся укачивать.

— Гвидион, скажи, — стоило ли это жизни Гарета? — спросил он сквозь рыдания.

— Пойдем отсюда, мальчик мой, — сказала Моргауза, чувствуя, как у нее перехватывает горло. Гарет, ее малыш, ее последнее дитя... Она давным-давно потеряла Гарета, уступив его Артуру, но в памяти ее до сих пор жил светловолосый мальчик, прижимающий к себе деревянного рыцаря. *«Когда-нибудь, сэр Ланселет, мы с тобой непременно отправимся вместе на поиски приключений...»* Но теперь Ланселет чересчур зарвался; против него поднимется вся страна. А у нее остался Гвидион, ее любимец, что станет в назначенный день Верховным королем — а она, Моргауза, будет рядом с ним.

— Пойдем, малыш, пойдем. Ты ничем уже не поможешь Гарету. Позволь, я перевяжу твою рану, как следует, а потом мы пойдем к Артуру и расскажем ему обо всем, чтоб он мог отправить своих слуг в погоню за предателями...

Гвидион стряхнул ее руку со своего плеча.

— Прочь от меня, проклятая карга! — произнес он ужасным голосом. — Гарет был лучшим из нас! Даже десяток королей не стоят его жизни! Это все ты меня подзуживала, потому что терпеть не можешь Артура. А какое мне дело, в чьей постели спит коро-

лева? Ты сама ничем не лучше Гвенвифар — сколько я себя помню, ты только и делала, что меняла любовников

— Сынок... — прошептала ошеломленная Моргауза. — Как ты можешь так говорить со мной? Гарет был моим сыном...

— Да разве ты когда-нибудь заботилась о Гарете или о любом из нас — да хоть о чем-нибудь, кроме собственного удовольствия и честолюбия? Ты толкала меня на трон не ради меня самого, а лишь затем, чтоб самой дорваться до власти! — Гвидион отстраняется от протянутой руки Моргаузы. — Убирайся к себе в Лотиан — или куда угодно, хоть к черту на рога, — но если я снова увижу тебя, то клянусь, я буду помнить лишь об одном: что ты сделалась убийцей единственного моего брата, которого я любил, единственного родича...

Гавейн, подталкивая мать, выпроводил ее из комнаты, и уже на пороге до Моргаузы вновь долетели рыдания Гвидиона:

— О, Гарет, Гарет, лучше бы это я умер...

— Кормак, отведи королеву Лотианскую в ее покои, — отрывисто велел Гавейн.

Кормак подхватил Моргаузу, не позволяя ей упасть; когда они отошли подальше, и надрывные рыдания стихли вдали, Моргауза наконец-то смогла вздохнуть полной грудью. Как он мог так обойтись с ней?! И это после всего, что она для него сделала? Конечно, она будет скорбеть по Гарету, как того требуют приличия, но Гарет был человеком Артура, и Гвидион непременно это поймет, рано или поздно. Моргауза взглянула на Кормака.

— Я не могу идти так быстро... чуть помедленнее, пожалуйста.

— Конечно, моя леди.

Моргауза вдруг особенно остро ощутила прикосновение Кормака — чтоб поддержать королеву, Кормаку пришлось почти обнять ее. Моргауза позволила себе немного прижаться к нему. Она хвастала перед Гвенвифар молодым любовником, но в действительности Моргауза ни разу еще не брала Кормака к себе на ложе — манила его, поддразнивала, но до дела пока не доводила. Теперь же она положила голову к нему на плечо.

— Ты был верен своей королеве, Кормак.

— Я предан своему королевскому дому, как и весь мой род, — отозвался Кормак на северном наречии, и Моргауза улыбнулась.

— Вот мои покои... Ты ведь поможешь мне войти? Я едва держусь на ногах...

Кормак осторожно помог Моргаузе опуститься на кровать.

— Угодно ли моей госпоже, чтоб я кликнул ее женщин?

— Нет, — прошептала Моргауза и придержала руку Кормака; она знала, что печальный вид лишь придает ей обольстительности. — Ты был верен мне, Кормак, и теперь твоя верность будет вознаграждена... иди ко мне...

Она протянула руки к молодому воину и взглянула на него из под ресниц — и тут же, потрясенная, широко распахнула глаза — Кормак отшатнулся. Он явно чувствовал себя неловко.

— Я... боюсь, ты сейчас не в себе, госпожа, — запинаясь, пробормотал он. — За кого ты меня принимаешь? Право слово, леди, я чту тебя ничуть не меньше, чем мать моей матери! Да неужто я стану пользоваться тем, что такая почтенная женщина обезумела от горя? Позволь, я позову твоих служанок. Они приготовят тебе замечательное вино с пряностями, а я забуду слова, сказанные в безумном ослеплении...

Слова Кормака были для Моргаузы словно удары под дых — и каждое отдавалось болью в сердце. «...чту не меньше, чем мать моей матери... почтенная женщина... безумное ослепление...» Весь мир в одночасье сошел с ума. Гвидион обезумел и впал в черную неблагодарность, а этот мужчина, столь долго взиравший на нее с вожделением, отвернулся от нее... Моргаузе хотелось закричать, позвать слуг, велеть им выпороть Кормака — до крови, до мяса, чтоб он взмолился о пощаде. Но едва лишь королеве открыла рот, намереваясь исполнить свои намерения, как на нее навалилась неимоверная тяжесть — словно усталость, скопившаяся за все годы жизни, теперь взяла верх.

— Да, — подавленно согласилась Моргауза, — я сама не знаю, что говорю. Позови моих служанок, Кормак, и вели, чтоб принесли мне вина. На рассвете мы отправляемся в Лотиан.

Кормак ушел, а Моргауза так и осталась сидеть на кровати, не в силах даже пошевелиться.

«Я — старуха. Я потеряла моего сына, Гарета. Я потеряла Гвидиона. Я никогда не стану Верховной королевой. Я слишком зажилась на этом свете».

Глава 17

Гвенвифар сидела, закрыв глаза и ухватившись за Ланселета — платье ее задралось до колен, обнажив ноги; беглецы уносились в ночь. Гвенвифар понятия не имела, куда они направляются. Ланселет превратился в незнакомца, в сурового, беспощадного воина. *«А ведь в прежние времена я бы непременно перепугалась,* — подумала Гвенвифар. — *Оказаться под открытым небом, да еще среди ночи...»* Но сейчас она испытывала возбуждение и какое-то странное веселье. Где-то в глубине ее сознания жила и боль, и скорбь о благородном Гарете, что всегда был дорог Артуру, словно сын — он не заслуживал такой смерти! А Ланселет хоть знает, кого убил? А еще Гвенвифар горевала о конце их совместной жизни с Артуром, обо всем, что столь долго связывало их. Но после сегодняшнего возврата назад не сущест-

вовало. Она прижалась к Ланселету, чтоб расслышать его слова, едва различимые за свистом ветра.

— Нам вскорости придется остановиться — надо дать отдохнуть коню. И мы не можем продолжать путь днем — в этих краях нас слишком хорошо знают.

Гвенвифар кивнула; на то, чтоб ответить вслух, у нее не хватало дыхания. Через некоторое время они подъехали к небольшому лесу; Ланселет остановился и бережно снял Гвенвифар с коня. Он напоил коня, потом расстелил плащ на траве, чтоб Гвенвифар могла присесть. Затем Ланселет взглянул на меч, до сих пор висящий у него на поясе.

— Однако, меч Гавейна так и остался у меня. Я еще в детстве слыхал истории о воинах, которых во время боя охватывает безумие, но никогда не думал, что это свойство есть и в нашем роду... — и он тяжело вздохнул. — Меч в крови. Гвен, кого я убил?

На лице его отражалась такая печаль и вина, что Гвенвифар просто не могла на это смотреть.

— Многих...

— Я помню, что ударил Мордреда, будь он проклят. Я знаю, что ранил его — тогда я еще действовал осознанно. Не думаю, — в голосе Ланселета зазвучали жесткие нотки, — что мне посчастливилось его убить — верно?

Гвенвифар молча покачала головой.

— Кто же тогда?

Гвенвифар не ответила. Ланселет схватил ее за плечи — столь грубо, что на мгновение она испугалась этого воина, в котором не осталось ничего от ее возлюбленного.

— Гвен, ответь же, ради Бога! Неужто я убил своего кузена Гавейна?!

— Нет, — мгновенно отозвалась Гвенвифар, радуясь тому, что Ланселет назвал именно Гавейна. — Клянусь — не Гавейна.

— Это мог быть кто угодно, — сказал Ланселет, взглянул на меч — и его передернуло. — Честно слово, Гвен, я даже не осознавал, что в руках у меня меч. Я ударил Гвидиона, словно пса, — и после этого я ничего не помню, до того самого момента, как мы уже выехали на дорогу...

Он опустился на колени перед Гвенвифар. Его била дрожь.

— Кажется, я снова сошел с ума, как прежде...

Гвенвифар захлестнула неистовая нежность; она обняла Ланселета и притянула к себе.

— Нет, нет, — шептала она, — о, нет, любимый... во что же я тебя втянула... немилость, изгнание...

— И ты еще говоришь об этом, — так же шепотом отозвался Ланселет, — после того, как я лишил тебя всего, что было тебе дорого...

Позабыв обо всем, Гвенвифар прижалась к Ланселету и воскликнула:

— Видит Бог — тебе стоило это сделать давным-давно!

— Но ведь и сейчас еще не поздно — теперь, когда ты рядом со мной, я снова молод, а ты — ты никогда еще не выглядела прекраснее, любимая моя, единственная...

Он уложил Гвенвифар на плащ и вдруг порывисто расхохотался.

— Теперь никто не встанет между нами, никто не помешает нам, моя... Гвен, о, Гвен...

Гвенвифар заключила Ланселета в объятия, и ей вспомнилось встающее солнце, и комната в доме Мелеагранта. Сейчас все было почти как тогда, и Гвенвифар отчаянно приникла к возлюбленному, словно во всем мире не осталось никого и ничего, кроме их двоих.

Они немного поспали, завернувшись в один плащ, а когда проснулись, оказалось, что они по-прежнему держат друг друга в объятиях; сквозь зеленый полог листвы пробивалось солнце. Ланселет улыбнулся и коснулся лица Гвенвифар.

— Знаешь... я впервые просыпаюсь в твоих объятиях и ничего не боюсь. И потому я счастлив, несмотря ни на что... — Ланселет рассмеялся, и в его смехе прозвучал отголосок безумия. В его седых волосах запутались сухие листья, и в бороде была листва, а туника безнадежно измялась. Гвенвифар провела рукой по голове и поняла, что у нее в волосах тоже полно листвы и травинок. Гребня у Гвенвифар не было, но она кое-как расчесала волосы пальцами, заплела косы и перевязала их полосками ткани, оторванными от подола изорванной юбки.

— Ну мы и оборванцы! — со смехом произнесла Гвенвифар. — Кто теперь узнает в нас Верховную королеву и отважного Ланселета?

— Для тебя это важно?

— Нет, милый. Ни капельки.

Ланселет вытряхнул сор из волос и бороды.

— Мне, пожалуй, следует встать и поймать коня, — сказал он. — Может, тут поблизости отыщется какой-нибудь хутор, и мы сможем раздобыть там немного хлеба для тебя или глоток эля... При мне нет ни единой монеты, и вообще ничего ценного, не считая меча да еще вот этой штучки, — он коснулся маленькой золотой фибулы, которой была застегнута туника. — Так что сейчас мы с тобой — пара нищих. Но если нам удастся добраться до владений Пелинора... Мне там принадлежит дом — тот, в котором жили мы с Элейной, — там мы найдем и слуг, и золото, и сможем уехать за море. Ты поедешь со мной в Малую Британию?

— Поеду — куда ты захочешь, — прошептала Гвенвифар дрожащим голосом. В этот миг она говорила совершенно искренне; она готова была ехать с Ланселетом куда угодно: в Малую Британию, в Рим — да хоть на край света, лишь бы быть рядом с ним!

Она снова прижалась к возлюбленному и в его объятиях позабыла обо всем.

Но позднее, несколько часов спустя, когда Ланселет усадил ее на коня и они неспешно двинулись прочь, Гвенвифар погрузилась в тревожные раздумья. Да, несомненно, они могут покинуть Британию. Но слухи о том, что стряслось прошлой ночью, разойдутся повсюду, навлекая на Артура позор и презрение, и ему придется разыскать их, куда бы они ни сбежали — ради спасения собственной чести. А Ланселет рано или поздно, но узнает, что убил друга, что был ему дороже всех на свете — всех, кроме самого Артура. Ланселет совершил это, ослепленный безумием, но Гвенвифар знала, что он все равно будет терзаться от горя и вины, и всякий раз, глядя на нее, будет вспоминать не о том, что она — его возлюбленная, а о том, что из-за нее он, сам того не ведая, убил друга и что из-за нее он предал Артура. Если из-за нее Ланселету еще и придется вступить в войну с Артуром, он ее возненавидит...

Нет. Он по-прежнему будет любить ее, но никогда не сможет забыть, чью кровь он пролил ради того, чтобы обладать ею. И ни любовь, ни ненависть в его душе так и не сумеют одержать верх, и он будет жить, раздираемый надвое; и настанет день, когда они разорвут его разум в клочья, и он снова лишится рассудка. Гвенвифар прижалась к Ланселету, ощущая тепло его тела, и заплакала. Впервые она осознала, что на самом деле она сильнее Ланселета, и эта мысль была для нее, что рана в сердце.

И потому, когда они снова остановились, глаза ее уже были сухи, но Гвенвифар знала, что отныне сердце ее никогда не перестанет стенать и скорбеть.

— Я не поеду с тобой за море, Ланселет, — сказала Гвенвифар. — Я не желаю ввергать соратников в раздоры. Иначе к тому дню, когда... когда Мордред возьмется за свое, все они перессорятся. А в тот день Артуру понадобятся все его друзья, сколько их ни есть. Я не хочу быть такой, как та леди, жившая в древности — ну, та красавица из саги, которую ты частенько рассказывал. Как там ее звали — Елена? Та, из-за которой все короли и рыцари поубивали друг друга под Троей.

— Но что же ты будешь делать?

Гвенвифар изо всех сил старалась не слышать этого, но все-таки услышала: наряду с горем и замешательством в голосе Ланселета прозвучало облегчение.

— Отвези меня в Гластонбери, — сказала она. — Я в юности училась в тамошнем монастыре. Туда я и отправлюсь и скажу монахиням, что это злословие людское привело к тому, что вы с Артуром поссорились из-за меня. Потом, немного погодя, я отправлю Артуру весть, чтоб он знал, где я, и знал, что я не с тобой. И тогда он сможет помириться с тобой, и честь его не пострадает.

— Нет! — попытался возразить Ланселет. — Нет, я не могу расстаться с тобой.

Но Гвенвифар поняла — и сердце у нее упало, — что она без труда сумеет переубедить его. Наверное, несмотря на все доводы разума, она все-таки надеялась, что Ланселет станет бороться за нее, что его воля и страсть преодолеют все преграды, и он вправду увезет ее в Малую Британию. Но от Ланселета нельзя было ожидать подобного. Он не в силах был изменить себя; и каким бы он ни был — он ничуть не изменился с тех самых пор, когда Гвенвифар полюбила его. Каким он был, таким он и остался, и таким она и будет любить его — до самой смерти. В конце концов Ланселет сдался, перестал отговаривать Гвенвифар и свернул на дорогу, ведущую в Гластонбери.

Когда Ланселет и Гвенвифар наконец-то вошли в лодку, что должна была перевезти их на остров, лежащая на воде тень церкви уже была по-вечернему длинной, и над озером плыл «Ангелюс» — колокольный звон, призывающий к чтению молитвы Богородице. Гвенвифар склонила голову и зашептала слова молитвы.

«Мария, святая Матерь Божья, смилуйся надо мной, грешной...» И на миг Королеве почудилось, будто ее осиял нездешний свет — как в тот день, когда в пиршественной зале Камелота явлен был Грааль. Ланселет, понурившись, сидел на носу ладьи. С того мгновения, как Гвенвифар объявила о своем решении, он ни разу не коснулся ее, и Гвен была лишь рада тому; одного-единственного его прикосновения хватило бы, чтоб вся ее решимость исчезла без следа. На Озеро лег туман, и Гвенвифар вдруг померещилась тень, похожая на тень их собственной лодки — ладья, затянутая черной тканью, с черным силуэтом человека, восседающего на носу, — но нет. Это была тень, всего лишь тень...

Днище лодки скрежетнуло по песку. Ланселет помог Гвенвифар выбраться на берег.

— Гвенвифар — ты окончательно решила?

— Да, — отозвалась она, стараясь вложить в свой голос ту уверенность, которой на самом деле не ощущала.

— Тогда я провожу тебя до ворот монастыря, — сказал Ланселет, и Гвенвифар вдруг с необыкновенной ясностью осознала, что это потребовало от него куда большего мужества, чем все убийства, совершенные ради нее.

Старая настоятельница монастыря узнала Верховную королеву; возвращение Гвенвифар повергло ее в ужас и изумление. Но Гвенвифар рассказала настоятельнице, что злословие людское привело к тому, что Артур и Ланселет поссорились из-за нее, и потому она решила бежать и скрыться в монастыре, дабы дать им возможность уладить ссору.

Старуха-настоятельница погладила королеву по щеке — как будто перед ней вновь очутилась малышка Гвенвифар, воспитанница монастыря.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь, дочь моя. Если пожелаешь, то и навсегда. Мы, служительницы Божьи, не отталкиваем никого, кто приходит к нам. Но здесь ты будешь не королевой, а всего лишь одной из сестер, — предупредила настоятельница.

Гвенвифар вздохнула с искренним облегчением. До этого самого мига она не осознавала, до чего же это тяжкая ноша — быть королевой.

— Я должна попрощаться с моим рыцарем, благословить его и велеть помириться с моим супругом.

Настоятельница степенно кивнула.

— В нынешние времена нашему доброму королю Артуру нужен каждый из его рыцарей — и уж конечно, ему трудно будет обойтись без доблестного сэра Ланселета.

Гвенвифар вышла в монастырскую приемную. Ланселет беспокойно расхаживал взад-вперед. Он схватил Гвенвифар за руки.

— Гвенвифар, я не в силах этого вынести! Неужто я действительно должен распрощаться с тобою здесь? Госпожа моя, любовь моя — неужто это необходимо?

— Да, необходимо, — безжалостно отозвалась Гвенвифар, осознавая, что сейчас она впервые действует, не заботясь о себе. — Твое сердце всегда принадлежало Артуру, милый мой. Мне часто думалось, что единственный наш грех не в том, что мы полюбили друг друга, а в том, что я встала меж тобою и Артуром и разрушила любовь, которую вы питали друг к другу.

«О, если б все могло остаться так, как в ту ночь Белтайна, когда чары Моргейны объединили нас троих, — в том было бы куда меньше греха! — подумала Гвенвифар. — *Грех был не в том, что мы возлежали вместе, а в раздоре, умалившем любовь».*

— Я отсылаю тебя обратно к Артуру, ненаглядный мой. Передай ему, что я любила его, несмотря ни на что.

Лицо Ланселета преобразилось почти до неузнаваемости.

— Теперь я понял это, — отозвался он. — И понял, что тоже любил его, невзирая ни на что, — и всегда чувствовал, что тем самым причиняю зло тебе...

Ланселет качнулся к Гвенвифар, желая поцеловать ее — но здесь, в монастыре, это было неуместно. И потому он лишь склонил голову.

— Раз ты остаешься в доме Божьем, молись за меня, леди.

«Моя любовь к тебе — вот моя молитва, — подумала Гвенвифар. — *Любовь — единственная молитва, которую я знаю».* Никогда еще она не любила Ланселета столь сильно, как в этот миг; потом хлопнула дверь, беспощадно отсекая все, что осталось за

ней, и Гвенвифар ощутила, как стены смыкаются вокруг нее, подобно ловушке.

Сколь безопасно она себя чувствовала средь этих стен в былые дни, давно оставшиеся в прошлом! Они казались тогда такой надежной защитой... Теперь же Гвенвифар осознала, что ей предстоит остаться здесь до самой смерти. *«Когда я была свободна,* — подумала она, — *я страшилась своей свободы и не ценила ее. А теперь, когда я научилась любить ее и стремиться к ней, я отказалась от нее — ради своей любви».* Гвенвифар смутно ощущала, что поступила правильно: свобода — достойный дар и жертва Господу. Но все же, идя по монастырю, она никак не могла отделаться от ощущения захлопнувшейся клетки.

«Ради моей любви. И ради любви Господней», — подумала Гвенвифар и почувствовала, как в ней проклюнулся первый росток душевного покоя. Ланселет отправится в ту церковь, где умер Галахад, и помолится там. Быть может, он вспомнит тот день, когда туманы Авалона расступились, и они втроем — она сама, Ланселет и Моргейна — заблудившись, шли по колено в озерной воде. При мысле о Моргейне в душе Гвенвифар вдруг вспыхнули любовь и нежность. *«Мария, святая Матерь Божья, не покинь ее. Пусть она придет к тебе, когда настанет срок...»*

«Стены, эти стены — они лишат меня рассудка. Я никогда больше не буду свободной...» Нет. Ради своей любви и ради любви Господней она научится снова любить эти стены. Сложив руки в молитвенном жесте, Гвенвифар прошла по монастырю к дому, в котором обитали монахини, и скрылась в нем — навсегда.

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

Я думала, что лишилась Зрения; Вивиана отказалась от него, еще когда была младше меня, и избрала себе преемницу. Но некому было воссесть на престол Владычицы после меня, и некому было воззвать к Богине. Я видела, как умерла Ниниана, и ничего не могла поделать — даже пальцем не могла шевельнуть.

Я выпустила это чудовище в мир и молча смирилась с теми деяниями, что должны были заставить его бросить вызов Королю-Оленю. И я видела из своей дали, как разрушили храм на Драконьем острове, и как началась охота на оленей — без любви, без вызова, без обращения к той, что сотворила оленей: просто стрела, прилетевшая из зарослей, или удар копья. И на народ Ее чужаки тоже охотились, словно на оленей. Течение сил в мире изменялось. Иногда я видела Камелот, уходящий в туман, и войны, бушующие вокруг, и новых врагов, выжигающих и опустошающих побережье — норманнов... Новый мир. Новые боги...

Воистину, Богиня ушла — даже с Авалона, — и я, смертная, осталась одна...

И все же однажды ночью меня посетил некий сон, некое виде-

ние, некий обрывок Зрения — я увидела это в зеркале в ночь новолуния.

Сперва я видела лишь войны, терзающие страну. Я так никогда и не узнала, что же произошло меж Артуром и Гвидионом после того, как Ланселет и Гвенвифар бежали из Камелота, но вражда расколола соратников, а Гавейна и Ланселета разделила кровная месть. Позднее, уже находясь при смерти, Гавейн простил Ланселета — он всегда был великодушен. Он умолял Артура помириться с Ланселетом и призвать его вернуться в Камелот. Но было поздно. Теперь даже Ланселету было не под силу собрать воедино легион Артура, ибо многие пошли за Гвидионом; на его стороне теперь выступала добрая половина людей Артура, и большая часть саксов, и даже отдельные изменники-северяне. И в тот час перед рассветом зеркало прояснилось, и в таинственном, нездешнем свете я наконец-то увидела лицо моего сына. Он медленно поворачивался из стороны в сторону, вглядываясь в темноту, и в руках у него был меч...

Он, как в свое время Артур, шел бросить вызов Королю-Оленю. Я и забыла, что Гвидион невысок ростом, как Ланселет. Эльфийская Стрела — так саксы прозвали Ланселета; невысокий, смуглый и смертоносный. Артур был выше его на голову.

О, во времена Богини человек выходил против Короля-Оленя, взыскуя его сана! Артур предпочел дождаться кончины своего отца, но теперь в этой стране правят иные порядки — отец враждует с сыном, сыновья бросают вызов отцам — и все ради короны... Я словно видела, как земля краснеет от потоков крови там, где сыновья не желали терпеливо дожидаться своего восшествия на престол. А затем я увидела среди кружащейся тьмы Артура, высокого и светловолосого... он был один, отрезанный от всех своих товарищей, и в руке у него сверкал обнаженный Эскалибур.

Но за этими кружащими фигурами вставали и иные картины: вот Артур, забывшийся беспокойным сном у себя в шатре, вот Ланселет охраняет его сон. А где-то — я знала это — спит и Гвидион, окруженный своими воинами. Однако же некая часть их души рыскала по берегам Озера, вглядываясь во тьму, выискивая друг друга и держа мечи наготове.

— Артур! Артур! Выходи на бой! Или ты слишком меня боишься?

— Никто не посмеет сказать, что я когда-либо бежал, не смея принять бой!

Артур повернулся к Гвидиону, что как раз вышел из леса.

— А, так это ты, Мордред, — сказал он. — А я так и не мог до конца поверить, что ты действительно выступил против меня — не мог, пока не увидел этого собственными глазами. Я-то думал, что все эти россказни — выдумки недоброжелателей, старающихся подорвать мое мужество. Но что я тебе сделал? Отчего ты сделался врагом мне? Почему, сын?

— Неужто ты вправду веришь, что я когда-то переставал им

быть, отец? — с невыразимой горечью произнес Гвидион. — Для чего же еще я был рожден на свет, как не для этого мига, для того, чтоб бросить тебе вызов — ради дела, что ныне не принадлежит уже этому миру? И я не знаю теперь, почему я выступил против тебя — потому лишь, что у меня не осталось иной цели в жизни, или ради этой ненависти.

— Я знал, что Моргейна ненавидит меня, — тихо произнес Артур, — но не думал, что ненависть ее настолько глубока. Неужели ты обязан подчиняться ей даже в этом, Гвидион?

— Так ты думаешь, что я исполняю ее волю? Глупец! — прорычал Гвидион. — Если бы что-то и могло заставить меня пощадить тебя, так это мысль о том, что я выполняю волю Моргейны, что это она желает свергнуть тебя! Я не знаю, кого ненавижу сильнее — тебя или ее!

А потом я шагнула в свой сон — или видение, или что бы это ни было, — и осознала, что стою на берегу озера, облаченная в одеяние жрицы, стою меж Артуром и Гвидионом, готовыми сойтись в схватке.

— Должно ли этому свершиться? К вам обоим взываю — во имя Богини, помиритесь! Я виновна пред тобою, Артур, и пред тобою, Гвидион, но вы должны ненавидеть меня, а не друг друга, и я прошу вас именем Богини...

— А что мне Богиня? — Артур сжал рукоять Эскалибура. — Я всегда видел ее в тебе, но ты отвернулась от меня, а когда Богиня отвергла меня, я нашел другого Бога...

А Гвидион, взглянув на меня с презрением, произнес:

— Мне нужна была не Богиня, а мать, а ты отдала меня той, что не боялась ни Богини и никого из богов.

— У меня не было выбора! — воскликнула я. — Я не могла иначе...

Но они бросились друг на друга, промчавшись сквозь меня, словно я была соткана из воздуха, и мне почудилось, что их мечи встретились в моем теле... А потом я вновь оказалась на Авалоне и в ужасе глядела в зеркало — а там ничего не было видно. Ничего, кроме пятна крови, расплывающегося на поверхности Священного источника. У меня пересохло во рту, а сердце бешено колотилось о ребра, стараясь вырваться из груди, и на губах чувствовался горький привкус краха и смерти.

Я подвела, подвела, подвела всех! Я была неверна Богине — если и вправду существует какая-либо Богиня, кроме меня самой, невёрна Авалону, неверна Артуру, неверна брату, и сыну, и возлюбленному... и все, к чему я стремилась, обратилось в прах. Небо посветлело, и на нем уже появились отсветы зари. Скоро взойдет солнце. И я знала, что сегодня где-то там, за туманами Авалона, Артур и Гвидион встретятся — встретятся в последний раз.

Когда я вышла на берег, дабы вызвать ладью, мне почудилось, будто вокруг меня собралось множество низкорослых смуглых лю-

дей, а я шла среди них, как надлежит жрице. На ладье не было никого, кроме меня, — и все же я знала, что вместе со мною сейчас стоят и другие женщины в платьях и венцах жриц: Моргейна Дева, отправившая Артура бросить вызов Королю-Оленю, и Моргейна Матерь, в муках родившая Гвидиона, и королева Северного Уэльса, сотворившая затмение, чтоб заставить Акколона выступить против Артура, и Темная королева волшебной страны... или то была Старуха Смерть? А когда ладья приблизилась к берегу, я услышала возглас последнего из спутников Артура:

— Смотрите! Смотрите — вон там, от восхода плывет ладья, и на ней — четыре королевы! Волшебная ладья Авалона...

Он лежал там, и волосы его слиплись от крови — мой Гвидион, мой возлюбленный... а у его ног лежал мертвым другой Гвидион, мой сын, ребенок, которого я никогда не знала. Я наклонилась и закрыла его лицо своей вуалью. Я понимала: настал конец эпохи. В былые времена молодой олень ниспровергал Короля-Оленя и сам в свой черед становился Королем-Оленем. Но теперь священное стадо перебито, а Король-Олень убил молодого оленя, и некому будет занять его место...

И Король-Олень тоже должен умереть — пришла его пора.

Я опустилась на колени рядом с ним.

— Меч, Артур. Эскалибур. Возьми его. Возьми и брось в воды Озера.

Священные реликвии навеки ушли из этого мира, и последняя из них, меч Эскалибур, должен последовать за ними. Но Артур крепко сжал рукоять и прошептал:

— Нет... его следует сохранить для того, кто придет мне на смену... кто объединит их всех ради общего дела... меч Артура... — он приподнял голову и взглянул на Ланселета. — Возьми его, Галахад... Слышишь — в Камелоте поют трубы, призывают легион Артура... Возьми его — ради соратников...

— Нет, — тихо произнесла я. — Эти дни миновали. Нельзя, чтобы кто-то после тебя заявлял, что владеет мечом Артура.

Я осторожно разогнула пальцы Артура, сомкнутые на рукояти.

— Возьми его, Ланселет, — мягко попросила я. — Возьми и брось в Озеро, как можно дальше. Пусть туманы Авалона навеки поглотят его.

Ланселет безмолвно повиновался. Я не знала, осознает ли он мое присутствие, а если да, то за кого он меня принимает. Я прижала Артура к груди и принялась тихонько укачивать. Жизнь покидала его; я знала это, но у меня даже не было сил плакать.

— Моргейна, — прошептал Артур. Глаза его были полны недоумения и боли. — Моргейна, неужели все было напрасно — все, что мы сделали, что пытались сделать? Почему мы потерпели поражение?

Это был тот же самый вопрос, что я задавала себе, и у меня не было ответа. Но сейчас он пришел — неведомо откуда.

— Ты не потерпел поражения, брат мой, любовь моя, малыш мой. Ты много лет хранил мир на этой земле и не позволил саксам опустошить ее. Ты развеял тьму и позволил целому поколению сделаться цивилизованными людьми, научиться ценить музыку, верить в Бога, сражаться ради спасения красоты былых времен. Если бы после смерти Утера страна попала во власть саксов, то все прекрасное и благое навеки покинуло бы Британию. Ты не проиграл, милый. Но никому из нас не дано знать, как Богиня свершит свою волю — и мы не узнаем этого до тех пор, пока все не свершится.

Но даже в тот миг я не знала, правда ли это или я просто стараюсь утешить Артура, как утешала в те времена, когда он был еще совсем маленьким, — да и я сама была еще ребенком, — и Игрейна передала его на мое попечение. Моргейна, сказала тогда она, позаботься о брате. И с тех пор я всегда заботилась о нем, и всегда буду заботиться, и в жизни, и за ее порогом... Или это сама Богиня вручила мне Артура?

Артур попытался зажать слабеющей рукой глубокую рану в груди.

— Если бы... если бы те ножны, что ты сделала для меня, сейчас были при мне, Моргейна, я не лежал бы здесь и не следил, как жизнь утекает по капле... Моргейна, мне снился сон... Я кричал во сне, звал тебя, но не мог удержать...

Я крепко обняла Артура. Я видела в первых лучах восходящего солнца, как Ланселет высоко вскинул Эскалибур, а потом как смог далеко забросил в Озеро. Меч взлетел в воздух, сверкнул на солнце, словно крыло белой птицы, а потом, повернувшись, пошел вниз — и больше я ничего не видела; слезы застилали мне глаза.

Потом я услышала голос Ланселета:

— Я видел, как из Озера высунулась рука, и схватила Эскалибур, и трижды взмахнула им, а потом скрылась под водой...

Я не видела ничего такого — лишь рыбу, выпрыгнувшую из воды и сверкнувшую чешуей на солнце, — но ни капли не сомневалась, что Ланселет видел именно то, о чем говорит.

— Моргейна, — прошептал Артур, — это и вправду ты? Я тебя не вижу, Моргейна, — здесь так темно... Что, солнце уже село? Моргейна, отвези меня на Авалон, там ты сможешь вылечить меня... Отвези меня домой, Моргейна...

Его голова, которую я прижимала к груди, была тяжелой, словно младенец на моих еще детских руках, словно Король-Олень, явившийся ко мне в час своего торжества. «Моргейна, — послышался раздраженный оклик матери, — позаботься о малыше!» Всю жизнь я заботилась о нем. Я вытерла слезы с его лица, а Артур ухватил меня за руку.

— Моргейна, — пробормотал он, — это ты, Моргейна... ты вернулась ко мне... ты так молода и прекрасна... для меня Богиня

всегда представала в твоем облике... Моргейна, ты ведь больше не покинешь меня, правда?

— Я никогда больше тебя не покину, брат мой, малыш мой, любовь моя, — прошептала я и поцеловала Артура в глаза. И он умер — в тот самый миг, как туманы развеялись и солнце озарило берега Авалона.

Эпилог

Весной следующего года Моргейне приснился странный сон.

Ей снилось, будто она находится в старинной христианской церкви, построенной на Авалоне самим Иосифом Аримафейским, явившимся сюда из Святой земли. И там, перед алтарем, на том самом месте, где умер Галахад, стоит Ланселет в рясе священника, и его серьезное лицо озарено внутренним светом. И во сне Моргейна подошла к алтарю, чтоб причаститься хлебом и вином — хоть наяву никогда этого и не делала, — и Ланселет наклонился и поднес чашу к ее губам, и Моргейна сделала глоток. А потом он будто бы сам преклонил колени и сказал Моргейне:

— Возьми эту чашу — ты, что служила Богине. Все боги суть один Бог, и все мы, кто служит Единому, едины.

А когда Моргейна взяла чашу и поднесла к губам Ланселета, как жрица жрецу, то увидела, что он сделался молодым и прекрасным, как много лет назад. И еще она увидела, что чаша в ее руках — это Грааль.

А затем — в точности как в тот раз, когда у алтаря стоял коленопреклоненный Галахад — у Ланселета вырвался возглас:

— О, этот свет!.. Этот свет!..

А потом он рухнул и остался лежать на каменном полу, недвижим. Моргейна проснулась в своем уединенном обиталище на Авалоне, и это восклицание, исполненное неизъяснимого восторга, все еще звенело у нее в ушах; но вокруг никого не было.

Стояло раннее утро; Авалон был окутан густым туманом. Моргейна тихо встала и облачилась в темное платье жрицы, но набросила на голову покрывало, так, чтобы скрыть вытатуированный на лбу полумесяц.

Двигаясь все так же бесшумно, Моргейна вышла из дома — вокруг было так тихо, как бывает лишь на рассвете — и направилась вниз по тропе, в сторону Священного источника. Ничто не нарушало тишины, но Моргейна ощущала у себя за спиной бесшумные шаги. Она никогда не оставалась в одиночестве; маленький народец всегда сопровождал ее, хоть и редко показывался на глаза — Моргейна была для них и матерью, и жрицей, и знала, что они никогда ее не покинут. Но когда она подошла к древней христианской церквушке, шаги мало-помалу стихли;

нет, сюда маленький народец за нею не пойдет. Моргейна остановилась у порога.

В церкви мерцал свет — отсвет лампадки, что всегда горела в алтаре. На миг Моргейне захотелось шагнуть внутрь — столь живым было воспоминание о сегодняшнем сне... она почти верила, что увидит в церкви Ланселета, сраженного сиянием Грааля... но нет. Здесь ей делать нечего. И не станет она навязываться их богу. И даже если Грааль и вправду здесь, ей до него уже не дотянуться.

И все же сон упорно не шел у нее из головы. Может, он послан ей как предостережение? Ланселет ведь моложе ее... впрочем, Моргейна не знала, как теперь течет время во внешнем мире. Авалон ушел в туманы столь глубоко, что мог в этом уподобиться волшебной стране, какой она была в дни юности Моргейны — быть может, когда на Авалоне проходит год, во внешнем мире проносятся три, пять или даже семь лет. Но если это предостережение, значит, она должна закончить еще одно дело, пока она в состоянии переходить из одного мира в другой.

Моргейна преклонила колени перед Священным терном, шепотом вознесла молитву Богине, потом обратилась к растению с просьбой и осторожно срезала молодой побег. Она делала это не в первый раз: в последние годы, когда кто-нибудь посещал Авалон и возвращался потом во внешний мир, будь то друид или странствующий монах — некоторые еще могли добраться до древней церкви на Авалоне, — Моргейна каждому из них вручала веточку Священного терна, чтоб тот расцвел где-нибудь во внешнем мире. Но этот побег она должна посадить своими руками.

Никогда нога ее не ступала на тот, другой остров — не считая коронации Артура и еще, быть может, того дня, когда туманы расступились и Гвенвифар каким-то образом прошла сквозь них. Но теперь, обдумав все, Моргейна вызвала ладью, а когда та появилась, послала ее в туман; когда ладья скользнула навстречу солнцу, Моргейна увидела лежащую на водах Озера тень церкви и услышала отдаленный звон колоколов. Моргейна заметила, как съежились ее верные спутники при этих звуках, и поняла, что туда они тоже за нею не последуют. Что ж, значит, так тому и быть. Впрочем, она совершенно не желала, чтоб монахи на острове в ужасе глазели на авалонскую ладью. Потому ладья подошла к берегу незримой, и так же незримо Моргейна сошла с нее и постояла, глядя, как та вновь исчезает в тумане. А потом, повесив корзинку на руку — *«В точности как какая-нибудь старая торговка»*, — подумала Моргейна, — она тихо зашагала по тропе в глубь острова.

Всего каких-нибудь сто лет назад, если не меньше — на Авалоне уж точно меньше, — эти миры начали расходиться. И однако, этот мир уже совсем иной». И деревья, и тропа — все было не

таким. Моргейна в изумлении остановилась у подножия небольшого холма — ведь на Авалоне не было ничего подобного! Она почему-то считала, что земля будет той же самой, только здания будут иными: в конце концов, это ведь один и тот же остров, разделенный магией надвое... но теперь Моргейна убедилась, что здесь все было совсем не так.

А потом, спускаясь по склону холма к небольшой церквушке, Моргейна увидела процессию монахов, несших гроб.

«Так значит, мое видение было истинным, хоть я и сочла его всего лишь сном». Моргейна остановилась, а когда монахи, несшие тело, задержались, чтоб немного передохнуть, она, подойдя, откинула покрывало с лица покойника.

Лицо Ланселета было осунувшимся и морщинистым — с тех пор, как они расстались, он очень сильно постарел. Моргейне даже не хотелось думать, на сколько же лет он постарел. Но это лишь на миг привлекло ее внимание — а потом Моргейна увидела, что на лице Ланселета запечатлелся необычайный покой и умиротворение. Ланселет, улыбаясь, глядел куда-то вдаль. И Моргейна поняла, куда устремлен его взор.

— Так значит, ты наконец-то отыскал свой Грааль, — прошептала она.

— Ты знала его в миру, сестра? — спросил один из монахов, несших гроб. Моргейна поняла, что он принял ее за монахиню — видимо, из-за темного скромного одеяния.

— Он был моим... моим родичем.

«Моим кузеном, возлюбленным, другом... но все это было давным-давно. А в конце пути мы сделались служителями божьими».

— Я слыхал, что в былые дни, при дворе короля Артура, его звали Ланселетом, — сказал монах. — Но здесь, в монастыре, мы называли его Галахадом. Он много лет прожил среди нас, а несколько дней назад принял священнический сан.

«Ах, кузен мой! Сколь же далеко ты зашел в поисках бога, что мог бы оправдать твои надежды!»

Монахи вновь подняли гроб на плечи. Тот, что беседовал с Моргейной, сказал: «Молись за его душу, сестра», — и Моргейна склонила голову. Она не ощущала горя — по крайней мере, сейчас, пока еще помнила лежащий на лице Ланселета отблеск нездешнего света.

Но она не пошла следом за ними в церковь. *«Здесь завеса истончается. Здесь Галахад преклонил колени, и увидел свет Грааля, хранившегося в другой церкви, на Авалоне, и потянулся к нему, и шагнул сквозь пропасть, разделяющую миры, — и умер...*

И здесь же Ланселет наконец-то последовал за сыном».

Моргейна медленно пошла дальше по тропе. Она уже почти готова была отказаться от своего замысла. Какое это теперь имеет значение? Но когда Моргейна остановилась в нереши-

тельности, старик садовник, возившийся на клумбе неподалеку от тропы, поднял голову и заметил ее.

— Я тебя не знаю, сестра. Ты нездешняя, — сказал он. — Ты паломница?

Можно было сказать и так — в определенном смысле слова.

— Я ищу могилу моей родственницы — она была Владычицей Озера...

— А, конечно! Это было очень, очень давно, — отозвался садовник, — еще при нашем добром короле Артуре. — Ее похоронили вон там, чтоб паломники, приплывающие на остров, могли видеть могилу. А оттуда по тропе можно добраться до женского монастыря. Если ты голодна, сестра, там тебя покормят.

«Я что, докатилась до того, что уже напоминаю побирушку?» Но старик не имел в виду ничего дурного, и потому Моргейна поблагодарила его и двинулась в ту сторону, куда он указал.

Артур построил для Вивианы воистину величественную гробницу. Но самой Вивианы здесь не было — лишь ее кости, медленно возвращающиеся в землю, из которой вышли... *«И наконец-то ее дух и тело снова в руках Владычицы...»*

Ну какое это имеет значение? Вивианы здесь нет. И все же, когда Моргейна остановилась у могилы и склонила голову, по лицу ее потекли слезы.

Через некоторое время к Моргейне подошла женщина в темном платье, не отличимом от платья самой Моргейны, и с белым покрывалом на голове.

— Почему ты плачешь, сестра? Та, что лежит здесь, обрела покой и ушла к Господу. Не стоит горевать о ней. Или она приходилась тебе родней?

Моргейна кивнула и опустила голову, пытаясь унять слезы.

— Мы всегда молимся о ней, — сказала монахиня, — ибо, хоть я и не знаю ее имени, говорят, что в минувшие дни она была другом и благодетельницей нашего доброго короля Артура.

Монахиня склонила голову и забормотала какую-то молитву, и в тот же самый миг зазвонил колокол. Моргейна отпрянула. Неужто вместо арф Авалона Вивиане суждено слышать лишь колокольный звон да скорбные псалмы?

«Вот что бы мне никогда не пришло в голову, так это то, что я буду стоять бок о бок с христианской монахиней и молиться вместе с ней». Но потом Моргейне вспомнились слова Ланселета — те, что произнес он в ее сне.

«Возьми эту чашу — ты, что служила Богине. Все боги суть один Бог...»

— Пойдем со мной в монастырь, сестра, — предложила монахиня и, улыбнувшись, мягко коснулась руки Моргейны. — Ты, должно быть, устала и проголодалась.

Моргейна дошла с ней до ворот монастыря, но не стала заходить внутрь.

— Я не голодна, — сказала она, — но мне бы хотелось, если можно, получить глоток воды...

— Конечно.

Женщина в черном одеянии кивнула, и молоденькая девушка тут же принесла кувшин с водой и наполнила кружку. Когда Моргейна поднесла кружку к губам, монахиня сказала:

— Мы всегда пьем только из источника Чаши — ты же знаешь, это священное место.

И Моргейне почудился голос Вивианы. *«Жрицы пьют лишь воду из Священного источника»*.

Из ворот монастыря вышла какая-то женщина, и монахиня с девушкой поклонились ей.

— Это наша настоятельница, — пояснила монахиня.

«Где-то я ее видела», — подумала Моргейна. Но она не успела додумать эту мысль — настоятельница окликнула ее:

— Моргейна, ты меня не узнаешь? Мы думали, ты давно уже скончалась...

Моргейна обеспокоенно улыбнулась.

— Прости... я не помню...

— Конечно, не помнишь, — согласилась настоятельница, — но я тебя не раз видала в Камелоте. Только я тогда была куда моложе. Я — Лионора, жена Гарета. Когда мои дети повырастали, я пришла сюда и здесь уже останусь до скончания дней своих. Так ты пришла на похороны Ланселета? — Лионора улыбнулась. — Мне бы, конечно, следовало говорить «отец Галахад», да никак я не могу к этому привыкнуть. А теперь, когда он ушел в царствие небесное, это и вовсе неважно.

Она снова улыбнулась.

— Я даже не знаю, кто сейчас правит, и вообще стоит ли Камелот — теперь везде бушуют войны, не то что при Артуре, — отрешенно добавила настоятельница.

— У меня к тебе просьба, — сказала Моргейна и прикоснулась к корзинке, висевшей у нее на сгибе руки. — Здесь побег Священного терна, что растет на Авалоне — там, где приемный отец Христа воткнул свой посох, а тот зазеленел и расцвел. Я хочу посадить этот побег на могиле Вивианы.

— Сажай, если хочешь, — отозвалась Лионора. — Почему бы и нет? По-моему, это лишь к лучшему, если Священный терн будет расти здесь, а не только на Авалоне, где он скрыт от глаз людских.

Потом до нее дошло, и она в смятении взглянула на Моргейну.

— Авалон! Так ты явилась с этого нечестивого острова!

«Когда-то я разозлилась бы на нее за такие слова», — подумала Моргейна.

— В нем нет ничего нечестивного, Лионора, что бы там ни твердили священники, — мягко возразила она. — Ну подумай сама — разве приемный отец Христа стал бы втыкать свой посох в землю, если б почувствовал в ней зло? Разве Дух Святой не во всем?

Лионора опустила голову.

— Ты права. Я пришлю послушниц, чтоб они помогли тебе.

Моргейна скорее предпочла бы посадить веточку сама, но она понимала, что Лионора поступает так из лучших побуждений. Послушницы показались Моргейне сущими детьми; им было лет девятнадцать-двадцать, и Моргейна, позабыв, что сама была посвящена в жреческий сан в восемнадцать, удивилась: ну что они могут смыслить в вопросах религии, чтоб выбрать подобную жизнь? Моргейна прежде думала, что монахини в христианских монастырях должны быть печальными и скорбными, и думать лишь о том, что твердят священники — о грешной сути женщин. Но эти послушницы были невинны и веселы, словно птички. Радостно щебеча, они поведали Моргейне о здешней новой церкви, а потом предложили ей посидеть и передохнуть, пока они будут копать ямку.

— Так она приходится тебе родственницей? — спросила одна из девушек. — Ты можешь прочесть, что тут написано? Мне бы и в голову никогда не пришло, что я научусь читать, — матушка говорила, что это занятие не для женщин. Но когда я пришла сюда, мне сказали, что надо уметь читать то, что нужно для обедни, — и теперь я читаю по латыни! Вот, слушай, — гордо произнесла она и прочла: — «Король Артур построил эту гробницу для своей родственницы и благодетельницы, Владычицы Озера, предательски убитой при его дворе, в Камелоте». Год я прочесть не могу, но это было очень давно.

— Должно быть, она была очень благочестивой женщиной, — сказала другая женщина, — ведь Артур, как рассказывают, был наилучшим и наихристианнейшим из королей. Он не стал бы хоронить здесь эту женщину, не будь она святой!

Моргейна улыбнулась. Эти девчушки так походили на послушниц из Дома дев...

— Я бы не стала называть ее святой, хоть я и любила ее. В свое время некоторые именовали ее злой колдуньей.

— Король Артур никогда бы не стал хоронить злую колдунью среди святых людей, — возразила девушка. — А что до колдовства — ну, невежественные священники и невежественные люди всегда готовы кричать про колдовство, если только видят, что женщина хоть немного превосходит их умом. Ты собираешься остаться и принять здесь постриг, матушка? — спросила она, и Моргейна, на миг сбитая с толку таким обращением, поняла, что девушки обращаются к ней с тем же почтением, что и ее собственные ученицы из Дома дев.

— Я уже дала обет, в другом месте, дочь моя.

— А твой монастырь такой же хороший, как и этот? Матушка Лионора очень добрая, — сказала девушка, — и нам здесь очень хорошо живется. Среди наших сестер была даже одна такая, которая раньше носила корону. И я знаю, что мы все попадем на небо, — улыбнувшись, добавила она. — Но если ты приняла обет в другом месте, то там, наверно, тоже хорошо. Я просто подумала: может, ты захочешь остаться здесь, чтоб молиться за душу твоей родственницы, которая тут похоронена.

Девушка поднялась с земли и отряхнула темное платье.

— Вот, теперь ты можешь сажать свою веточку, матушка... Или, если хочешь, давай я ее посажу.

— Нет, я сама, — сказала Моргейна и, опустясь на колени, положила побег в ямку и присыпала мягкой землей. Когда она встала, девушка предложила:

— Если хочешь, матушка, я каждое воскресенье буду приходить сюда и молиться за твою родственницу.

Моргейна понимала, что это нелепо, но ничего не могла с собой поделать: на глаза у нее навернулись слезы.

— Молитва — это всегда хорошо. Спасибо тебе, дочка.

— А ты в своем монастыре — где бы он ни был — молись за нас, — бесхитростно произнесла девушка, взяв Моргейну за руку. — Давай-ка я отряхну землю с твоего платья, матушка. Вот. А теперь пойдем посмотрим нашу церковь.

В первое мгновение Моргейне захотелось отказаться. Покидая двор Артура, она поклялась, что никогда больше ноги ее не будет в христианской церкви. Но девушка была так похожа на юную авалонскую жрицу, что Моргейна решила не оскорблять ее религиозных чувств — ну что поделаешь, если девчушка знает бога лишь под этим именем. Моргейна сдалась и отправилась вместе с послушницей в церковь.

«В другом мире на этом самом месте стоит та церковь, построенная христианами древних дней, — подумала Моргейна. — *Должно быть, какая-то святость просачивается сюда с Авалона, сквозь завесу туманов...»* Она не стала опускаться на колени или креститься, но склонила голову перед высоким алтарем. Девушка осторожно потянула ее за рукав.

— Пойдем, — сказала она. — Это алтарь Господень, и мне здесь всегда делается немного боязно. Но ты еще не видела нашей церкви — той, в которой молятся сестры. Пойдем, матушка.

Моргейна послушно прошла следом за девушкой в небольшой боковой придел. Там было множество цветов — целые охапки яблоневого цвета — перед изваянием женщины, закутанной в покрывало и увенчанной сияющим нимбом. Моргейна судорожно вздохнула и склонила голову перед Богиней.

— Вот, это матерь Христова, Мария Безгрешная, — сказала девушка. — Бог так велик и ужасен, что перед его алтарем мне

всегда становится страшно. Но здесь, в церкви Марии, мы, давшие обет девства, приходим к ней, словно к собственной матери. А еще у нас тут есть маленькие статуи святых. Вот Мария, которая любила Иисуса и вытерла его ноги своими волосами. А вот Марта, которая готовила ужин для него и ругала свою сестру за то, что та не помогает ей готовить. Мне нравится думать об Иисусе как о простом человеке, который заботился о своей матери — взять хоть тот случай, когда он на свадьбе превратил воду в вино, чтоб она не огорчалась, что гостям не хватает вина. А вот здесь очень старинная статуя — нам ее подарил наш епископ. Он привез ее с родины... Это одна из их святых. Ее зовут Бригид...

Моргейна взглянула на изваяние Бригид и ощутила волны силы, исходящие от статуи и пронизывающие собою церковь. Она склонила голову.

«Но Бригид — вовсе не христианская святая, — подумала Моргейна, — *даже если Патриций и вправду так считает. Это Богиня — тот ее облик, которому поклонялись в Ирландии. И я знаю, что этим женщинам — даже если сами они считают иначе — известна сила Бессмертной. Как бы они ни старались изгнать ее, она все равно возьмет верх. Богиня никогда не покинет род людской».*

И Моргейна зашептала молитву — впервые она молилась в христианской церкви.

— Вот, глянь, — сказала послушница, подведя Моргейну к выходу, — у нас здесь тоже растет Святой терн — не тот, который ты посадила на могиле своей родственницы, а наш.

«И я еще думала, что могу с этим что-то поделать?» Ну конечно: святыни сами перебираются сюда с Авалона; а некоторые из них были перенесены с Авалона в мир, туда, где они были нужнее всего. Они будут сокрыты на Авалоне, но им надлежит являться и в мире.

— Да, у вас тоже есть Священный терн. И в грядущем — сколько будет существовать эта земля — каждой королеве будут подносить на Рождество веточку терна, как символ Той, которая царствует на небесах, равно как и на Авалоне.

— Я не очень-то понимаю, о чем ты говоришь, матушка, но спасибо тебе за благословение, — отозвалась юная послушница. — Настоятельница ждет тебя в доме для гостей — она хочет позавтракать вместе с тобой. Но, может, ты хочешь задержаться в церкви Владычицы небесной и помолиться? Иногда, если остаешься со Святой Матерью наедине, многое становится понятнее.

Моргейна, не в силах вымолвить ни слова, просто кивнула, и девушка сказала:

— Вот и хорошо. Когда ты будешь готова, просто приходи в дом для гостей.

Она указала, где находится этот дом. А потом Моргейна вернулась в церковь, склонила голову — и, сдавшись наконец, опустилась на колени.

— Прости меня, Матерь, — прошептала она. — Я думала, будто должна сделать то, что ты могла сделать сама, — теперь я это вижу. Да, Богиня существует в наших сердцах — но теперь я знаю, что ты пребываешь в мире, ныне, и присно, и во веки веков, точно так же, как ты пребывала на Авалоне и в душе каждого человека. Пребудь же и во мне, веди меня, указывай, когда мне должно будет лишь предоставить Тебе вершить свою волю...

Моргейна долго простояла на коленях, склонив голову и погрузившись в безмолвие; а потом, словно подчиняясь некоему повелению, она подняла взгляд и увидела на алтаре свет — тот самый, который она уже зрела на алтаре древней христианской церкви на Авалоне и в пиршественном зале Камелота, — и тень, всего лишь тень чаши в руках Владычицы...

«Она находится на Авалоне — и в то же время здесь. Она повсюду. И всякий в этом мире, кто нуждается в знаке, узрит ее».

Откуда-то донеслось благоухание, исходящее не от цветов. На миг Моргейне послышался тихий голос Игрейны... но она не могла разобрать слов... и рука Игрейны коснулась ее головы. И когда Моргейна поднялась, ничего не видя из-за слез, она вдруг осознала — словно в яркой вспышке: *«Нет, мы не потерпели поражение. Все, что я говорила Артуру, утешая его в час смерти, все было правдой. Я вершила дело Матери на Авалоне до тех пор, пока те, что пришли за мной, не сумели перенести ее в этот мир. Я не потерпела поражения. Я свершила то, что она на меня возложила. Это не я, а моя гордыня считала, что я должна была добиться большего».*

За стенами церкви струился солнечный свет, и воздух был напоен благоуханием весны. Утренний ветерок играл листвой яблонь, и Моргейна видела цветы, которым предстояло в свой срок превратиться в плоды.

Она взглянула в сторону дома для гостей. Может, и вправду пойти туда, позавтракать с монахинями, поговорить о минувших днях и о Камелоте? Моргейна улыбнулась. Нет. Мысли об этих женщинах порождали в ее душе ту же нежность, что и вид цветущих яблонь, — но это время прошло. Моргейна повернулась и зашагала прочь от монастыря, в сторону Озера, по старой тропинке, вьющейся вдоль берега. Здесь завеса меж мирами истончалась. Моргейне не нужно было больше вызывать ладью — чтоб оказаться на Авалоне, ей достаточно было лишь шагнуть сквозь туман.

Ее труды завершились.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 5
Пролог 7
Книга I. ВЛАДЫЧИЦА МАГИИ 9
Книга II. ВЕРХОВНАЯ КОРОЛЕВА 273
Книга III. КОРОЛЬ-ОЛЕНЬ 527
Книга IV. ПЛЕННИК ДУБА 762
Эпилог 1014

Литературно-художественное издание

Мэрион Зиммер Брэдли

ТУМАНЫ АВАЛОНА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *С. Хорошкина*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Донато Джанкола*

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: **Книжный клуб «Эксмо»**
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».
Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.11.2002.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 53,76. Уч.-изд. л. 67,2
Тираж 10 100 экз. Заказ 7612

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

M. Bradley